БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

17

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ
17

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2013

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ

17

XVII век

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
Н. В. ПОНЫРКО

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 95-06-18703*

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

ISBN 978-5-02-038278-7 (Т. 17)
ISBN 5-02-028307-X

ЛИТЕРАТУРА РАННЕГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

13 мая 1667 года собравшемуся в Успенском соборе Москвы народу было объявлено об отлучении протопопа Аввакума от Церкви. С этого дня его имя, вместе с именами других противников Никоновых реформ, ежегодно предавалось анафеме в первое воскресенье Великого поста, когда читался Чин торжества православия.[1]

Но были другие Чины. Там протопопу Аввакуму провозглашалась вечная память. Раскроем старообрядческие Синодики и прочтем:

«Помяни, Господи, души усопших раб своих, за благочестие пострадавших: священнопротопопа Аввакума, священноиерея Лазаря, священнодиакона Феодора, инока Епифания ⟨...⟩. Рабом Божиим, иже за благочестие пострадавшим и згоревшим, о нихже и поминание творим, — вечная память!»[2]

Кроме Аввакума в том разделе, куда вписаны имена «за благочестие пострадавших», старообрядческие Синодики поминают дьякона Феодора, священника Лазаря, иноков Епифания, Авраамия, боярыню Морозову, княгиню Урусову и многое множество других.

Эти имена, символы еретичества и крамолы для одной части русского общества, для другой его половины стали именами мучеников и исповедников.

---

[1] Это продолжалось около восьмидесяти лет; с реформой Чина православия, совершившейся в 60-е годы XVIII столетия, анафему Аввакуму, как и всем старообрядцам, провозглашать перестали. В XIX веке имя старообрядцев и вовсе ушло из этого Чина. См.: Никольский К. Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о Чине православия. СПб., 1879. С. 208—237; Горчаков М. И. Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. Рец. на Историческое исследование о Чине православия Константина Никольского. СПб., 1879 // Отчет о двадцать третьем присуждении наград графа Уварова. Приложение к 39 т. Записок имп. Академии наук, № 8. СПб., 1881. С. 198—243; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.

[2] См., например, рукопись: БАН, собр. Дружинина, № 108 (старый № 139), старообрядческий Синодик, л. 52, 157 об. Ср.: Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий Синодик (изд. ОЛДП). СПб., 1883. С. 19—21.

Что более наглядно может охарактеризовать «Раскол», чем эта взаимозаменяемость «анафемы» и «вечной памяти»!

В свое время Владимир Павлович Рябушинский — представитель известной старообрядческой династии промышленников, закончивший жизнь в эмиграции бессменным главой общества «Икона» при Сергиевском институте в Париже, — так сформулировал последствия раскола Русской церкви, случившегося в XVII веке: реформы патриарха Никона (а вслед за ними — Петра I) «раскололи русских на два народа, каждый со своей культурой, — на мужика и на барина».[1]

В середине—второй половине XVII века, когда создавалась литература раннего старообрядчества, признаки этого культурного раздвоения еще только зарождались: боярыня Морозова и протопоп Аввакум, царь Алексей Михайлович и устюжский юродивый Феодор, думный дворянин Федор Прокопьевич Соковнин и старица Мелания — все они принадлежали к одному «народу», говорившему, в широком смысле, на одном языке и читавшему одни книги.

Но уже к началу XVIII века пути «барина» и «мужика» стали зримо расходиться, и языки, на которых они говорили, делались все менее понятными друг другу, и книги, которые они читали, стали разными. Старообрядческая культура — это та культура «мужика», которая на протяжении XVIII— XIX веков оставалась неведомой и непонятной «барину», представителю господствовавшей культуры.

ГУЛАГ XX века дал «барину» возможность понять «Раскол». Обратимся к цитате из заключительной части Жития боярыни Морозовой. Речь идет о последних днях сестер Федосьи и Евдокии, умирающих от голода и мучений в боровской земляной тюрьме:

«И в таковой великой нужи святая Евдокия терпеливо страда, благодарящи Бога, месяца два и пол, и преставися сентября в 11 день. И бысть преставление ея слезно. Егда бо изнеможе от великаго глада и невозможно ей стоящи молитися, ни чепи носити, ни стула двизата, возляже. ⟨...⟩ Егда же виде себе Евдокия нарочито изнемогшу, глагола великой Феодоре (иноческое имя боярыни Морозовой. — *Н. П.*): „Госпоже мати и сестро! Аз изнемогох и мню, яко к смерти приближихся, отпусти мя ко Владыце моему, за егоже любовь аз нужду сию возлюбих. Молю тя, госпоже, по закону християньскому, — да не пребудем вне церковнаго предания, — отпой мне отходную, и еже ты веси — изглаголи, госпоже, а еже аз свем, то аз сама проговорю". И тако обе служили отходную, и мученица над мученицею в темной темнице отпевала канон (канон на исход души. — *Н. П.*), и юзница над юзницею изроняла слезы».[2]

---

[1] Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Нехотина, В. Н. Анисимовой, М. Л. Гринберга. М., 2010. С. 51.

[2] См. наст. изд., с. 278—279. Далее ссылки на наше издание даются в тексте.

Вряд ли найдется в литературе XVII века, а быть может и во всей русской литературе, сцена более пронзительная по своему содержанию. Что перед нами не литературный вымысел, а историческое свидетельство, тому порукой весь фактографический строй Жития, написанного родным братом Федосьи Прокопьевны Морозовой и Евдокии Прокопьевны Урусовой Федором Прокопьевичем Соковниным.[1] Многочисленные сведения, приводимые в Житии, восходят к самым близким людям из окружения боярыни — от царского кравчего князя Петра Урусова, мужа Евдокии, сидевшего среди бояр в Грановитой палате в ту ночь, когда был дан царский приказ об аресте сестер, до старицы Мелании, духовной наставницы сестер, жившей в доме Морозовых вплоть до самого их ареста, а затем посещавшей их в московских узилищах. В боровском остроге сестер навещали инокиня Мелания с братией, в том числе и с родным их братом Федором; о том, что там происходило, знали окружавшие их сидельцы, такие же, как они, мученики за старую веру, — поначалу камеры не были одиночными и сообщались между собой. Когда царь ужесточил условия тюремного пребывания и двух сестер перевели в отдельную земляную тюрьму, отобрав у них все, от икон до последней смены одежды, свидетелями их мучений оставались стерегущие их стрельцы (один из которых так и не посмел дать боярыне просимого ею куска хлеба или хотя бы «огурчика», а другой, таясь и обливаясь слезами, исполнил ее последнюю волю — «измыл» на реке ее сорочку («завеску», «малое платно»), чтобы надеть ей чистое перед смертью. Эти «огурчик» и «завеска» лучше многих других деталей передают подлинность описываемого.

После смерти Евдокии в яму к Федосье Прокопьевне привели их сострадалицу Марию Данилову. При Марии боярыня и скончалась. Так что о подробностях кончины обеих сестер было кому свидетельствовать и кроме стрельцов.[2]

В сцене совместного пения отходной поражает мастерство автора. Легче всего его оттенить, приведя описание кончины сестер из более поздней редакции Жития, созданной в первой четверти XVIII века представителем Выговской литературной школы. Составитель Выговской редакции уже довольно далеко отстоял по времени от описываемых в Житии событий. Многие исторические детали не были ему точно известны или, быть может, не были уже важны; он путает даты и имена (жену стрелецкого головы Марию Данилову называ-

---

[1] См.: Понырко Н. В. Федор Соковнин — автор Жития своей сестры боярыни Морозовой // Понырко Н. В. Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010. С. 23—30.

[2] Муж Марии стрелецкий голова Иоакинф Данилов, находясь в Москве, задабривал посылаемых в Боровск «на караул» стрельцов, благодаря чему на первых порах оставалась возможность внешних сношений с узницами; многократно бывал в Боровске племянник Иоакинфа Иродион; есть основания предполагать, что он оставался в Боровске и после перевода узниц в земляную тюрьму.

ет девицей Марией; по его версии первой скончалась в тюрьме Федосья, а за ней — Евдокия, и т. д.).[1]

Под пером составителя Выговской редакции описание кончины боровской узницы наполняется обильным цитированием псаломских стихов, влагаемых в уста Федосьи Прокопьевны, но о совместном пении канона на исход души речь здесь вовсе не идет; убирается обращенная к сестре прямая речь Евдокии Урусовой с ее психологической мотивацией и индивидуальной словесно-интонационной формой («Госпоже мати и сестро...», «...да не пребудем вне церковного предания...», «...то аз сама проговорю»), в результате чего снимается эффект исторического свидетельствования.

В Житии боярыни Морозовой этот эффект во многом достигается через воспроизведение речи персонажей, представляемой не в стерто-нейтральной форме, а с индивидуально-интонационными особенностями. Воспроизведение подобных реплик, монологов и диалогов способствует осуществлению того художественного приема, который Н. С. Демкова проследила на материале прозы протопопа Аввакума и назвала приемом драматизации повествования.[2] Этот прием, обладающий способностью создавать эффект достоверности, присутствует и в художественной ткани Жития боярыни Морозовой.

Вот автор Жития, рассказывая об аресте сестер в доме боярыни, описывает драматургически зримую сцену с репликами, жестами, позами, монологами и диалогами:

«И се во вторый час нощи отворишася врата болшия. Феодора же вмале ужасшися, разуме, яко мучители идут, и яко преклонися на лавку. Благоверная же княгиня, озаряема Духом Святым, подкрепи ю и рече: „Матушка-сестрица, дерзай! С нами Христос — не бойся! Востани, — положим начало". И егда совершиша седмь поклонов приходных (т. е. произнеся «начальные» молитвы с поясными и земными поклонами. — *Н. П.*), едина у единой благословишася свидетельствовати истину. Феодора возляже на пуховик свой, близ иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския. Княгиня же отиде в чюлан ⟨...⟩ и тамо ⟨...⟩ возляже» (С. 261).

Мы ощущаем, что перед нами историческое свидетельство, не только потому, что здесь упоминаются и пуховик, и чулан, и лавка, на которую упала охваченная ужасом Федосья-Феодора, а более даже потому, что здесь уловлен именно этот жест, увидено именно это совершение сестрами седмипоклонного «начала» и взаимного благословения, ведь мы знаем, что до сих пор у христиан-старообрядцев принято полагать перед решительными, серьезными или

---

[1] См.: Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 204—205.

[2] Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // Демкова Н. С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998. С. 210—230.

торжественными событиями своей жизни седмипоклонный «начал». Тем убедительнее для нас свидетельство, что так поступили в свое время Феодосья и Евдокия.

Все, что нам внятно сегодня, что продолжает жить в духе наших дней, обладает эффектом достоверности. Когда мы читаем в Житии, как на ночном допросе, оказавшись перед ворвавшимся в ее спальню чудовским архимандритом Иоакимом, на его вопрос «Како крестишися и како еще молитву твориши?» боярыня, «сложа персты по древнему преданию святых отец и отверзши преосвященная уста своя, воспе: „Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!"» (С. 261), — мы за одним только словечком этой сцены («и воспе») угадываем историческое свидетельство (а, следовательно, и за всеми остальными). «И воспе»! Это значит, что боярыня произнесла слова Исусовой молитвы с погласицей, как это сделает и сегодня любая старообрядка, будь ей задан с вызовом такой же точно вопрос. Мы даже можем представить явственно, что тон ее погласицы был высок, — об этом оставил свидетельство сам протопоп Аввакум. Вспоминая о том, как однажды, во время великого пожара в Москве, они вместе «молебствовали» тайно об избавлении дома боярыни от огненной стихии, Аввакум пишет о ней: «...быша бо слезы от очию ея, яко река ⟨...⟩ глас же тонкий изо уст ея гортанный исхождаше, яко ангельский: „увы, — глаголаше, — Боже, милостив буди мне, грешнице!"». (С. 223, разрядка моя. — *Н. П.*).

Мы угадываем все эти детали потому, что Федосья Прокопьевна Морозова — наш «вечный спутник». Многое нам близко и понятно в ней по духу. И слишком многое нам близко и понятно в истории русского «ГУЛАГа XVII века» потому, что после XVII века был век XX с его собственным ГУЛАГом.[1] Духовный поединок боярыни Морозовой с царем и его подручными нам доступен в его психологических деталях потому, что нам понятны психологические детали духовных поединков, свершавшихся в застенках ГУЛАГа в наш век, — если не на собственном опыте, то через таких свидетелей, как Солженицын и Шаламов.

У А. И. Солженицына в романе «В круге первом» есть эпизод с ночным допросом инженера Бобынина в приемной министра госбезопасности Абакумова. Бобынин тоже отказывается стоять в момент допроса. Усевшись с вызовом в удобное кресло (опешивший министр даже не успел крикнуть ему: «Встать!»), Бобынин на вопрос Абакумова «Но вы представляете, кем я могу быть?» —

[1] На связь исторической трагедии России XX века с духовным кризисом XVII в. многократно обращал внимание А. И. Солженицын, видевший в революции 1917 г. «трагическую развязку другой, неизмеримо более глубокой и продолжительной трагедии, которая свое начало имеет в национально-религиозном кризисе XVII века» (См.: Солженицын А. И. 1) Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А. И. Публицистика. Ярославль, 1995. Т. 1. С. 59, 60; 2) Послание Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви // Там же. С. 199; 3) Письмо из Америки // Там же. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 303—305; 4) И вновь о старообрядцах // Там же. С. 506—507; 5) Россия в обвале. М., 1998. С. 167, 184).

юродствуя знакомым нам образом, можно сказать по-аввакумовски, отвечает: «Ну кем? Ну кто-нибудь вроде маршала Геринга?» И затем герой Солженицына произносит свой потрясающий монолог о том, что лишенный всего — жены, ребенка, родителей, всякого имущества, вплоть до одежды, внешней свободы — человек делается «снова свободен».

Житие боярыни Морозовой — это повесть о духовном поединке боярыни Морозовой с царем в борьбе за старую веру. Чем больше лишалась боярыня всего, что может иметь человек в земной жизни, тем свободнее делалась она перед своим соперником. Сына ее уморили, пытками на дыбе лишили ее красоты и здоровья, несметные богатства ее имений конфисковали, под конец отобрали даже четки («лестовку») и почти всю одежду. Наконец она лишилась самого дорогого, что у нее еще оставалось, — любимой младшей сестры.

После кончины Евдокии царь сделал последнее предложение боярыне покориться и принять новые обряды, надеясь, что в нынешней ситуации, «от великаго глада снедаема», она выкажет хотя бы «малое повиновение». Первую попытку соблазнить ее он делал еще в Москве после пыток на дыбе, когда передавал через посланца обещание возвести ее «в первую честь», лишь бы она хотя бы только показала всенародно руку с троеперстием, занесенную для крестного знамения («не крестися треме персты, но точию руку, показав, наднеси на три те перста!»). Тогда он сравнивал ее с великомученицей Екатериной и обещал прислать за ней свою царскую карету и множество бояр, чтобы они на головах своих несли ее домой. Боярыня тогда пригрозила, сказав посыльному, что если это сбудется, «то аз, на главах несома боляры, воскричю, яко аз крещуся по древнему преданию святых отец!» (С. 274). Тем дело и закончилось.

Теперь снова пришел к боярыне в темницу царский посланец — «никонианский» монах и сообщил, что царь повелел увещевать ее «поне мало покоритися». И вот тут, в гневной отповеди боярыни искусителю, мы видим всю великую меру свободы человека, у которого можно отнять все, но нельзя отнять Христа. Царь рассчитывал, что на грани последней потери она сдастся. А она взметнулась всем своим существом («Оле глубокаго неразумия, о, великаго помрачения!») из-за того, что от нее ждут уступок в тот момент, когда она уже претерпела все возможные муки и лишения, когда уже «предпослала» к Господу возлюбленную свою Евдокию, обвив мертвое ее тело тремя нитями «по церковному преданию»; ей предлагают погубить все это, когда она стоит на грани обретения полной свободы! И она отвечает:

«Прочее убо вы ⟨...⟩ к тому ми о сем отнюдь не стужайте (Впредь больше никогда мне о том не досаждайте. — *Н. П.*). Аз бо о имени Господни умрети есмь готова» (С. 280).

Рассказывая об этом подлинно патетическом моменте, автор Жития, как и многократно прежде, прибегает к приему драматизации повествования. Мы снова видим как бы маленькую сценку: старец-монах приходит к темнично-

му входу, несколько раз творит Исусову молитву по-новому («оставя сыновство Христово к Богу», т. е. не произнося слов «Сыне Божий» в Исусовой молитве. — *Н. П.*) — и не получает ответа; в конце концов он произносит молитву правильно — и слышит из подземелья «Аминь!»; он входит в темницу, спрашивает, почему прежде не было «аминя» (употребляется форма прямой речи), боярыня объясняет: «Егда слышах глас противен, молчах, егда же очютих не таков — отвещах» (С. 279). Монах исполняет царское поручение; в ответ слышит страстный монолог боярыни.

В этой сцене эффект достоверности производит описание старинного этикета (по сию пору бытующего в монастырской Руси), связанного с правилами прихода посетителя в чужой дом или келью. Но еще больший эффект достигается за счет психологической достоверности монолога боярыни, потому что нам близка психологическая мотивировка ее ответа мучителю, — для доказательства этой мысли я приводила параллель из Солженицына.

В XX веке произошли события, через которые «барину» было дано понять «Раскол». В этом отношении показательно восприятие образа боярыни Морозовой сначала русской интеллигенцией XIX века, а затем средой русских эмигрантов, выброшенных из России волной октябрьского переворота 1917 года.

Как нам теперь известно, Житие боярыни Морозовой широко распространялось среди старообрядцев с самого момента его создания (до исследователей этого памятника агиографии дошло около 40 его рукописных списков, датируемых XVII—XX веками; кроме того, Житие многократно печаталось в московских, уральских и иных старообрядческих типографиях XIX—XX веков, а также на гектографе, часто без выходных данных).[1] То есть с 70-х годов XVII века это был один из известнейших памятников письменности в «мужицкой» культуре. В «господствующей» же культуре он стал известен только в 1887 году, когда был впервые опубликован Н. И. Субботиным в издаваемых им «Материалах для истории раскола за первое время его существования» (Т. 8. М., 1887). С этого момента происходит так называемое открытие Жития боярыни Морозовой. В. И. Суриков пишет свою знаменитую картину и выставляет ее на Пятнадцатой передвижной выставке Товарищества художников. П. М. Третьяков покупает картину для своей галереи. Известен ее восторженный прием в художественных и интеллигентских кругах того времени.[2] Но восторг относился в первую очередь к художественной реальности, а не к пониманию народной истории и жизни.

И только после 1917 года в сознании русского интеллигента открылась возможность нового взгляда на личность боярыни Морозовой и в целом на эпохальный перелом, свершившийся в нашем обществе на рубеже XVII—XVIII ве-

---

[1] Повесть о боярыне Морозовой. С. 15—22, 110—124.

[2] См.: Кончаловская Н. П. Дар бесценный. М., 1965. С. 151.

ков. Свои мученики за веру и за попираемый человеческий образ, погибающие в лагерях ГУЛАГа, заставят представителей первой волны русской эмиграции вспомнить и понять мучеников XVII века. В 1936 году в парижской эмиграции русский писатель Иван Созонтович Лукаш (1893—1940) напечатает в газете «Возрождение» свой очерк «Боярыня Морозова», в котором с пронзительной силой напишет об открывшейся ему сущности староверия. Боярыня Морозова предстанет перед ним как сестра и «водительница» всех, кто остался страдать в застенках советской России. Любовь к своим близким, принимающим страдания за свою веру и правду, заставит его взглянуть любящими глазами на тех, кто принимал мучения за веру во времена «Раскола», заставит написать, что в XVII веке «зияющая расщелина прошла по народной душе». Лукаш окажется в состоянии увидеть страшные глаза страдания боярыни и ее сестры в их последнем заточении («рано поседевшие, с горящими глазами...») — потому, что его преследовали мысли о «тысячах тысяч их русских сестер в теперешних Соловках и Архангельских застенках», которые «точно бы повторяют страдание Морозовой и Урусовой за Русь».

Так через страдания были сделаны первые шаги на пути двух русских «народов» навстречу друг другу. И очень показательно, что этот путь лежит в пространстве русской литературы — осознанной неоспоримой ценности обоих «народов».

*

В настоящем томе представлены памятники литературы, непосредственно связанные с деятелями эпохи «Раскола». Но сочинения протопопа Аввакума, инока Епифания, дьякона Феодора, инока Авраамия, царя Алексея Михайловича и др. даются в сопровождении произведений, казалось бы, вплотную с «Расколом» не связанных, таких как «Старчество», Житие Паисия Галицкого, сочинения юродивого Стефана, — они представляют собой тот контекст, в котором создавалась и существовала литература «Раскола», тот общий язык, который был понятен еще единому в то время народу.

Н. В. Понырко

ИЗ СБОРНИКА «СТАРЧЕСТВО»

О ВОСПОМИНАНИИ ЖИТИЯ СВЯТЫХЪ ДУШИ СВОЕЙ, ЯКО НЕОСЛАБНО ПОДВИЗАШАСЯ И ДО СМЕРТИ СТРАДАША.* БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Не отлагай, любимая моя душе, лѣта от лѣта, и месяцъ от месяца, и день за день ожидая, да не егда убо воздохнеши от сердца и с тобою скорбящаго не обрящеши. О, колико терзатися начнеши и каятися без успѣха! Могущей ти днесь добро сотворити, не отлагай на утренний[1] день, понеже не вѣси[2], что родитъ утрений день, еда[3] в нощъ сию что люто постигнетъ тя, не вѣси бо, что день или нощъ несетъ. Нынѣ время скорби терпѣти, нынѣ время терпѣнию, душе моя, нынѣ время заповѣди и добродѣтели сохранити, нынѣ время плача и рыдания слезнаго со сладостию. Аще хощеши истинно спастися, возлюби скорби,* якоже покой любила еси. Живи, на всякъ день умирающи, скоро бо прейдетъ житие наше, яко сѣнь облачна пред солнцемъ, и без вѣсти будет, дние живота нашего, яко дымъ на воздусѣ разливается. Ни самой нужнѣй да не покоряйся, ни уклоняйся; предъ человѣки же не точию яко от словесныя скорби сѣтуй или смущайся и бѣгай, но яко смятье[4] себѣ вмѣняй и помѣтайся пред ногама ихъ. Кромѣ бо сего не можеши спастися и избавитися муки вѣчныя. Скоро бо жизнь наша скончается, яко един день пройдетъ. Аще бо не сокрушит себе человѣкъ благочестивнѣ добродѣтельми, и лишится живота[5] сего, творяще и совершающе заповѣди Господня и добродѣтели отеческия, и терпитъ всякия скорби, не может спастися. Иже[6] бо нынѣ понудится[7] и презритъ сласти жития сего суетнаго и прелестнаго[8], той и райское наслаждение прииметъ в бесконечныя вѣки. Сицевая не творящему невозможно спастися когда. Никогдаже никтоже взыде на небо со славою.

Не ленися убо, любимая душе моя, в малом семъ времяни, да не каятися имаши во вѣки бесконечныя. Аще бы мощно было вѣдати иноку, любящему Бога, какова его радость ждетъ неизреченная и бесконечная, то аще бы мощно ему здѣ все время живота своего мучитися: яко аще бы червей полна была кѣлия

---

[1] завтрашний; [2] ведаешь, знаешь; [3] что если; [4] сор, грязь, нечистоту; [5] жизни; [6] тот, кто; [7] потрудится; [8] прельщающего.

его, якоже бы ему в нихъ стояти до выя[1], или во огни горѣти, или иныя муки прияти, — терпѣлъ бы убо не ослабѣя,* но мы убо хощем спяще спастися. Ни, не тако! Зри убо, любимая душе моя, и внимай разумно. Слышала еси чтущихъ Божественная Писания, паче же и прочитала еси отчасти святыхъ отецъ жития — вси преподобнии отцы симъ образомъ проидоша и Бога доидоша: алканиемъ, и жаждею, и бдѣниемъ, и молитвою днию и нощию, смирениемъ сердечнымъ и сокрушениемъ, якоже дѣти, не злобою, милосердиемъ всякимъ, во всякой скорби и нужде помоганиемъ, и всякими различными подаянии и милостынями, елико могоша, — сирѣчь всѣми добродѣтелми, кому что прилучится, в коей нужды, в томъ и помогаше. И любовию нелицѣмѣрною. Егоже бо сами не хотѣша и ненавидѣша, иному того не твориша. И послушаниемъ. Яко рабъ нѣкий купленый, работающе; не яко человѣкомъ работающе, но яко Богови. И простотою премудри, яко не премудри быста ся, ничтоже зная, точию о своемъ спасении внимающе, ни зряще, ни сматряюще, ни внимающе мятежа и суеты вѣка сего, ниже недостаткомъ брата своего поношающе[2], — уроди бо миру быша, и миръ имъ уродъ вмѣнися. А еже собрати что прелести мира сего, богатство или вещи, сие отцы [3]в паучины вмѣниша[3], единемъ симъ вся сия отрѣзаша; еже на небесѣхъ обѣщанное имъ Богомъ сокровище усвоиша, «егоже ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде, яже уготова Богъ любящимъ его»* и избраннымъ своим, в няже желаютъ и аггели приникнути.

Паки же реку тебѣ, душе моя, не мощно бо намъ не срѣсти[4] насъ сѣтованию, егда в пути правды шествуемъ, и тѣломъ в недузѣхъ не болѣти, и болѣзнемъ не пребывати, и неизмѣнну тѣломъ быти, аще в добродѣтелехъ жити возлюбимъ и отеческимъ путемъ ходити. Не мощно есть кому спастися и приближитися Христови кромѣ скорбей. Аще отсѣцаетъ кто возрастающу ту, пресѣцаетъ свое спасение. Аще на страсти кто не дерзаетъ, и полезнаго не получитъ. Бѣгаяй скорбей бѣжит жизни вѣчныя. Аще хощеши, душе моя, истинно спастися, без скорбей никакоже возможно спастися. Не много бо лѣтъ спасаетъ насъ, но упование и усердие. Аще и единъ день скончаемъ в терпѣнии, лучше есть ста лѣтъ без скорбей. Что бо насъ ползуетъ долгота лѣтъ, аще в лѣности живемъ и не понужаемся на смерть! Всякая бо добродѣтель навыкнути нуждею и терпѣниемъ, ни которая добродѣтель не исправится без нужи, и без скорби, и бес терпѣния. Вси бо святии, иже от всего вѣка, симъ путемъ тѣсношественнымъ искушени быша, и скорбнымъ проидоша, и сице угодиша Богови. Не просто же убо тако тѣсенъ, но зѣло тѣсенъ — грядущаго по немъ купно обе нозѣ не приемлетъ вмѣстити, но едину по единой.* По обою же страну путя оного стремнины неизреченныя и пропасти, тамо же исполнено гадов ядовитых, пристрастия и прелести мира сего, по немже шествуя, не озираемся вспять, да некако ринемся во глубину стремнинѣ*й* оныхъ и снѣдени будемъ от звѣрей оныхъ, еже

---

[1] шеи; [2] упрекая; [3—3] паутиной считали; [4] встретить.

есть да не прилипаемъ, ниже сматряемъ, ниже внимаемъ мудрованию и мятежу мирскому, ниже изыскуемъ[1] любо и мало что вѣка сего, да некако тлѣнныхъ сихъ ради и погибающихъ и маловременныхъ отпадемъ упования Божия, и жизни будущия бесконечныя, и славы Божия. Да никтоже надѣется внити в покой тѣсною[2] плотию, или бремя носяще житейская путемъ тѣмъ, понеже бо велми тѣсенъ. Точию любезнѣ препоясався от всякаго мятежа и пристрастия мирскаго, и бремя житейское отринувше от себе, и утончивше тѣло свое, терпяще всякия скорби, «плоть бо и кровь Царствия Божия не наслѣдитъ».* Исходяй бо от скорбей всякоя добродѣтели несумѣнно[3] отлучается. По смотрению бо Божию и скудость душамъ попущается, и различных искушений, и скорбей, да яве будутъ любяй Бога. Бес повелѣния бо Божия ни единъ власъ главы нашея не погибнет.* Не хощетъ бо Богъ человѣку быти кромѣ печали на всякъ день. Вѣсть бо, яко кромѣ его не можемъ спасени быти. Реклъ бо есть во всемъ тѣсный и прискорбный путь гнати[4],* всякому бо добру или преди идетъ, или послѣдуетъ искушение, не дается бо даръ Божий Святаго Духа бе-страдания, ниже убо есть еже по Бозѣ бываемое, аще не искусится напастию. Не той блаженъ, иже творяй добрая подвижнѣ, но иже подъемляй послѣдняя злая с радостию. «Егоже бо любить Богъ, того и наказуетъ».* Зѣло бо ползуютъ скорби без смущения терпящего ихъ.

Терпимъ, терпимъ лютыя и жестокия скорби Царствия ради Небеснаго и жизни вѣчныя. Елико бо тѣло изнемогаетъ, толико душа силна бываетъ и освящается.* Аще бо кто скорбная терпитъ, той и радостная получитъ. Аще кто в горкихъ крѣпокъ, той и сладкихъ не погрѣшитъ. Давай самъ себе в подвизѣ умрети, а не жити в лѣности. Аще бо тѣломъ не умремъ волею[5], о благодати Божии душею ожити не можемъ; но и неволею всяко хощемъ умрети, всяко, тѣломъ и душею. Завѣтъ положи в мыслѣ твоемъ, [6]яко не имый к тому живота в семъ житии[6], и тако приступи работати Господеви. И якоже кто предуготовлься въ смерть и отчаявся настоящыя жизни, яко не препяти ся животомъ симъ, [7]к тому[7] не взирай на питающихъ тѣло и угождающихъ, и разширяющихся, и ботѣющихъ[8] плотию, и хотящихъ итти прежереченнымъ тѣснымъ и скорбным путемъ и внити во Царство Небесное. Не приемлетъ бо таковыхъ, ниже мощно, одолѣ бо плоть душею, якоже и самъ вѣси бываемое, таковыи бо работают паче тѣлу, а не Богу.

Или сего ради питаеши и нѣжиши тѣло свое, человѣче, зрящих ради на лице твое, да ублажатъ красоту твою, еже глаголютъ: силенъ и благообразен, лице имѣя румяно. Не можетъ бо насъ человѣческая похвала избавити муки вѣчныя и подати рай, ниже может погрузити насъ в муцѣ вѣчней похуление ихъ, еже глаголютъ: несмысленъ и несиленъ, лице скаредно[9], и сухо, и измождало, и

---

[1] ищем, приобретаем; [2] стесненной, утружденной; [3] непременно, без всякого сомнения; [4] пройти; [5] добровольно; [6—6] что ты уже больше не живешь в сем мире, в сей жизни; [7—7] впредь; [8] набухающих; [9] уныло, иссушено, истончено.

блѣдно, — и всячески уничижающе, и хуляще, и поношающе. Обаче[1] же точию до гроба честь благолѣпия лица человѣку или злообразие бесчестие, по смерти же никтоже помянетъ о сих, но вскорѣ вси ближнии забываютъ благолѣпие и дряхлость лица его, якоже капля кануша на землю, и разлияшася, и бес памяти бысть, яко бысть и якоже не бысть. Всякое же украшение человѣческое и красота лица лститъ в вѣце семъ, якоже блудница повапленнымъ[2] лицем блазнитъ[3], и «яко цвѣтъ травный; трава изсыхает, и цвѣтъ ея отпадетъ», «и не будетъ, и не познает к тому мѣста своего»* и бес памяти будетъ. Сия бо вся молвятъ в мирѣ семъ, отцы же святии отрекошася в вѣце семъ всѣхъ земныхъ красотъ и сладостей земныхъ, но здѣ понудиша тѣлеса своя, а в будущемъ вѣце в покой преидоша. Изсушиша бо тѣлеса своя, и измождаше, и блѣдность на лицы носяще, — сия есть отеческая похвала, тѣмже и по смерти нетлѣнны пребываютъ тѣлеса ихъ и бесчисленная чюдеса источаютъ, а в будущемъ вѣце бесконечный покой и радость. Овии здѣ умащаютъ и покоятъ тѣлеса своя, а по смерти смрада исполняются и [4]без вѣсти бываютъ[4]. Овии же не тако, но здѣ изнуряютъ тѣлеса своя, а по смерти [5]благодать ухание[5] испущаютъ и бес тля пребываютъ, и присно[6] ублажаемъ ихъ. Дано бо человѣку на волю суета мира сего: врата на востокъ, врата на западъ. Пути два: путь жизни, путь погибели; рай отворен, а бездна открыта, — идѣже хощетъ человѣкъ, тамо и упражняется, и яже сѣетъ, та же и пожнетъ. Тѣло бо наше земля есть, а душа наша нетлѣнна и безсмертна суть. Да работаетъ тлѣнное нетлѣнному, непрестанно днию и нощию. Аще земная наша храмина тѣло разоряется, создание от Бога, имамы храмину нерукотворенну и вѣчну на небесѣхъ. Тѣмже не унываемъ и не стужаемъ си о тлѣнной плоти нашей, но аще тѣло наше и тлѣетъ, но душа наша обновляется по вся дни. Тѣмже аще и лѣнишися, о, человѣче, умрети имаши, аще ли подвизаешися, животомъ[7] вѣнчанъ будеши в будущемъ вѣце. Всякая бо добродѣтель стяжати нуждею. Тѣмже аще хощеши побѣдити страсти, отсѣцы свои сласти. Аще ли пищу требуеши, страсти б*у*дити имаши.* Не смирится бо душа, аще хлѣба не лишится плоть. Не мощно душу избавити от погибели, щадя тѣло свое. Тѣмже паки возвратимся на первое.

Аще хощеши спастися, душе моя, и преити прежереченный уский и прискорбный онъ путь, и внити во Царство Небесное, и прияти вѣчную жизнь, утончи плоть свою и вкуси горести земныя, терпи скорби лютыя, якоже и вси святии вкусиша и претерпѣша. И тогда плоть твоя не ощутитъ тѣснаго пути тонкости ради его. И тогда вселится в тя сладость безмѣрнейшая, не туне[8] бо человѣку аггелу быти. И воспомяни пророцы, и апостоли, и мученики, и святители, и преподобнии, и уродивии. Гдѣ обрѣла еси святыхъ, иже не повинуша плоть духови? Или не страждуще в бѣдахъ лютыхъ и скорбѣхъ жестокихъ? Но на

---

[1] однако; [2] накрашенным; [3] соблазняет; [4—4] исчезают; [5—5] благоухание; [6] всегда, постоянно; [7] жизнью (вечной); [8] даром, без основания.

всякъ день тмами бѣды приемлюще. Предложу ти, душе моя, всѣхъ святыхъ подвигъ и страдание.

Воспомяни, душе моя, пророки, каковы бѣды пострадаша: изгоними бываше, камениемъ побиваеми быша, в ровъ звѣремъ на снѣдение вметаеми и вся лютая претерпѣша.

Воспомяни же паки и апостоли, како пострадаша. Якоже Павелъ апостолъ глаголетъ: «Азъ в трудѣхъ множае, в ранахъ преболѣ, в темницахъ излиха, в смертехъ многащи; бѣды в рекахъ, беды от разбойникъ, бѣды от сродник, бѣды от языкъ[1], бѣды во градѣхъ, бѣды в пустыни, бѣды в мори, бѣды во лжебратии; в трудѣхъ и подвизѣ, во бдѣниихъ, множицею во алъчбѣ и жажди, в пощениихъ многащи, в зимѣ и наготѣ, кромѣ внѣшнихъ нападаний, яже по вся дни. Ащи хвалити ми ся подобаетъ, я же о немощи моей похвалюся. Егда бо немощствую, тогда силенъ есмь. О семъ трикраты Господа молихъ, да отступитъ от мене. И рече ми: „Довлѣетъ ти благодать моя". Сила бо моя в немощи совершается, сладцѣ убо похвалюся паче в немощех моихъ, да вселится в мя сила Христова».* Зриши ли, како глаголетъ? На всякъ бо час, по вся дни умирающе, тако пострадаша, еже тмами бѣды приемлюще, таже и конечнѣ побиени насмерть.

По сем же воспомяну и о мученикахъ, каковы бѣды лютыя пострадаша: в темницы вмѣтаеми, с высоты порѣваеми[2], раны лютыя претерпѣша, на воду поверзаеми, ногтьми желѣзными терзаеми и раздробляеми, в конобъ[3] вмѣтаеми на сварение, коломъ растираеми, звѣремъ дивиимъ[4] на снѣдение вмѣтаеми, пилами растираеми, скобельми* стружеми[5], мечи ссѣкаеми и прободаеми. Поистиннѣ, о, велие удивление, яко в чюжихъ тѣлесѣхъ страдаша! Оле, преславное чюдо! Забыша естество свое, а смерть презрѣша. Оле, преславному чюдеси! Яко ни прещение человѣческое, ни страшилища бѣсовская, ни скорби, ни напасти, ни бѣды, ни мучение человѣческое, ни смерти никакоже возмогоша от вѣры Христовы отвратити.

И паки реку о преподобныхъ и о святителехъ, како пострадаша: всѣми бо образы понудишася[6] и всякое злострадание претерпѣваше. Нѣсть ли се тѣсный и прискорбный путь, или не зелная ли горесть? Нѣсть ли се умертвие на всякъ день? Или не нужницы ли Царствия ради Небеснаго, еже есть сицѣ? Овъ тѣло свое поправъ, яко врага; овъ алканиемъ и жаждею тѣло свое изнуриша; овъ жестокими труды моряше тѣло свое Бога ради и сокрушающе, ов же паки сна себе не даяше; инъ смири себе дозѣла[7] и уродъ вмѣняся мирови Бога ради; инъ же паки мразъ и солнечный варъ терпяше; друзии же за вѣру и за правду умроша; друзии же паки в пустыняхъ, яко звѣрие дивии, скиташася и не имѣюще никогоже от человѣкъ, утѣшающаго ихъ, и не бяше кто печали отлагая имъ, точию

---

[1] людей, иноплеменников; [2] сбрасываемы; [3] котел, чан; [4] диким; [5] истязаемы; [6] потрудились; [7] сильно, очень.

единъ Богъ с ними. И что много глаголю, — но всяко всѣми образы тѣлеса своя оскорбиша, да душамъ своимъ пространство обрящут.

Реку же тебѣ и о уродивыхъ Христа ради, како потрудишася, велику бо бѣду подьяша и пострадаша: постом, и жаждею, и зноемъ згараше тѣлеса ихъ; не имуще ни одежи, ни обуви тѣлеса ихъ, но наго и босо пребывающе, но яко птица летающе безгнѣздная, от солнца горя и от мраза померзая, от дождя и снѣга и от прочия воздушныя тягости никакоже уклоняшеся, и всякое пхание и биение претерпѣваху; бѣ же от толикия нужды тѣлеса своя велми изсушиша, и изнуриша, и измождало, и огорѣша.

Ты же, душе моя, сихъ ничтоже пострадала еси. Не вѣси ли, душе моя, яко нужницы восхищаютъ Царство Небесное.* Якоже и слышала еси, кто может изрещи подробну труды всѣх святых. Прочее помолчю. Вся же сия воспоминаю, да навыкнеши, како святии пожиша, и за вѣру и за правду умроша, и претерпѣша всякую скорбь с радостию, яко сладчайшую чашу растворену, кромѣ бо скорбей и тѣсноты не мощно спастися.

Что же реку о самом томъ Творцы небу и земли, и всей твари, видимой и невидимой! Хотяй бо избавити род человѣческий от работы вражия и от адовыхъ темницъ и спасти от клятвы преступления прадѣда Адама,* сего бо ради бывает Богъ человѣкъ, и воплотися от Духа Святаго в Пресвятую Дѣвицу Марию, и родися без сѣмени, и бывает невидимый видимъ, и со человѣки поживе, и приемлет поношение, и бесчестие, и заплевание, и соударение в пречистое лице свое от бренна человѣка, и на крестѣ распинается, и тростию по главѣ ударяется, и оцта[1] и желчи напаяется, и копиемъ прободается, таже и на смерть предается, и во гробѣ пологается, и паки воскрешается в третий день властию своею. О, преславное чюдо, и аггеломъ чюдимо и человѣкомъ! Безсмертный восхотѣ умрети, не терпя бо видѣти мучима [2]своею руку создания[2] от насилия вражия в заключении адовѣ. О, кротости крайния и человѣколюбия твоего неизреченнаго к нашему обнищанию и сиротству! О, ужасное видѣние долготерпѣния твоего! Ужасает ми ся умъ, и страх великъ нападе на мя, и трепещутъ кости моя, сия глаголя. Творец всей твари, видимой и невидимой, а от твари своея изволи пострадати, от тлѣнна человѣка, егоже и ангели ужасаются, и непрестанно славословят вся силы небесныя создателя своего, и вся тварь воспѣваеть, и со страхом работаютъ, а дѣмонския силы трепещутъ. Вся же сия терпитъ и стражет волею, нашего ради спасения, и образ намъ показа смирения, да сице постражем, якоже слышала еси.

Дивлюся ти, душе моя, аще, сия слышав, не плачеши. Не вѣмъ, окаянная, аще имеши ли вѣру Святому Писанию, слышав святыхъ, тако подвизавшихся, да получатъ благая будущая, не имущая конца, и веселие, и покой неизглаголанный, и Царство Небесное, а сама хощеши здѣ наслаждатися и веселитися, а тамо Царствие получити и бесконечный покой. Ни, не тако, окаянная! Егда туне

[1] уксуса; [2—2] создания своих рук.

таковая даются? Преже потрудися и уничижи себе дозѣла хуждьши всякаго человѣка и всякия твари, якоже отцы святии твориша, и тогда почтена от Бога вельми будеши, якоже и они. Тако пожиша святии отцы, помыслиша в сердцых своих, якоже уже умроша от жизни сея и от всего дѣяния мирскаго, и к тому уже [1]не вчитаху себе в живых[1], тѣмже и предаша себя на всяку скорбь немилостивно, и в чаяние смерти на всякъ день помышляше себе, и преуготовляшеся, и се обрѣтеся имъ мнимая смерть животъ, — и побѣдиша врага. Без завѣщания бо сего умнаго некрѣпко всякое дѣло и трудъ духовный, и не может претерпѣти человѣкъ искушения во всякой нужи, и напасти, и бедѣ. И аще не претерпит искушения, не приемлет дарования вѣнца от Бога. Егда же уготовится и положит человѣкъ завѣтъ в мысли своей претерпѣти вся находящая [2]на нь[2] скорби Бога ради, тогда нетрудно и неболѣзненно являются ему вся печалная и напастная от бѣсовъ и от человѣкъ, ни смерти боится, и ничтоже может разлучити таковыхъ от любве Христовы, и вѣрующих несумѣнно, и уповающих на Бога, ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни гладъ, ни прещение, ни мучение, ни смерти, — вѣрою и упованиемъ жизни вѣчныя спасает и освящаетъ Господь рабы своя. Якоже рече Господь: «Аще имате вѣру и не сумнитеся, не токмо смоковничное сотворите, но аще и горе сей речете: „Двигнися и вверзися в море!" — и будет».* И ничтоже не невозможно будетъ намъ, несуменно вѣровавших, ничтоже есть крѣпчайшии несумѣнныя вѣры. Аще болимъ и ранимся, или к смерти приближаемся, или нужнѣйших потреб тѣлесных лишаеми, никакоже миловати себя, но помышляетъ, яко близъ есть Богъ, и зритъ насъ, и может нужду нашу премѣнити. До сих бо мѣстъ и до сего предѣла оставляется человѣкъ, дондеже[3] изнеможет крѣпость тѣлесная, и не оскудѣет вѣра в нем, и на Бога положится несумѣнно. Во всѣх же сих нужах прежереченных вси святии побѣдиша вѣрою несуменною и терпѣниемъ.

Аще бо ослабѣет человѣкъ, бывает слабже воды; аще ли человѣкъ укрѣпится, бывает тверже камени. Нигдѣже не оставляет Богъ несуменно надѣющихся на нь от всего усердия, всякаго бо человѣка строит, и окружаетъ, и, яко вождями[4], направляетъ промыслъ Божий. Не являет же ся всякому, но точию прилѣжащим о Бозѣ непрестанно и впадшим во искушение его ради; и противу нужды коемуждо человѣку помогает Богъ: ового от смерти избавляет, овому мучение тѣлеси облегчеваетъ, ового в напастѣхъ утѣшает, овому [5]в тѣлесных потребах исполняет[5], ового во страстѣхъ наказует и смиряет, ового в скорбѣхъ обучаетъ пребывати, — и нѣсть человѣка, иже не под промыслом Божиим. Того ради подобаетъ нам такову вѣру стяжати, и помышляти, и дерзати к подвигу, яко безсмер*т*ни суще; вѣдуще, яко ничтоже случится намъ [6]кромѣ строения[6] Божия. Якоже рече Господь: «И власъ главы вашея не погибнет.

[1—1] не причисляли себя к живым; [2—2] на него; [3] пока не; [4] вожжами; [5—5] удовлетворяет телесные нужды; [6—6] без промысла.

В терпѣнии же вашем точию стяжите душа ваша».* Аще ли же Владыка свободил нас печалей всѣхъ и [1]промышляти нами[1] изволилъ во всѣх нужах наших, то которая намъ печаль требе есть. Ничтоже бо по нашему умышлению бывает прочее, яко утолоченым[2] гладким путемъ течем без всякого препятия[3]; якоже Богъ хощет, тако и строитъ нас. Егда бо возложит человѣкъ душю свою на Бога, и стяжет вѣру несуменну, и послѣдует ей, и надежду тверду восприимет, и возложит упование и печаль свою на Бога во всѣхъ бедах и скорбѣх и нуждах своих, тогда веселится душа его и сердце радуется, яко по Бозѣ во всем путь гонитъ, очи же его источники слез проливают, и на самыя тыя смерти предается и дерзает. Аще ли егда кто не стяжет великаго сего оружия, посѣкающаго всякую скорбь и тесноту находящую, и малодушие, и двоедушие, и сомнение, яко мечем, паки же реку, совершеныя сея добродѣтели и безстрастия егда кто не стяжет, во всяком мѣсте о всякой вещи и скорби малодушьствуетъ, и сварится[4], и молвит[5], и источникъ смущения, и пучина страстей. Маловѣрие бо страшит человѣка во всякомъ мѣстѣ, егда не очистился есть от страстей и препинается страхом во всякой вещи, вина же маловѣрию страсти. Вѣрою же и надежею со упованием и безстрастием святии побѣдиша всякъ страх жестокий и смертный и боязнь велию, превыше силы своея, от бѣсов, и от человѣкъ, и от звѣрей, якоже и со отпадшими силами срѣтатися и вопреки глаголати имъ, сим бо и совершение и благодать обрѣтоша и спасошася, и вся приемлюще, елико просяще у Бога.

Едино от обоих обрѣтающе святии: или вѣруемое, и надѣемое, и уповаемое достизающе, или, пострадавше, вѣнца приемлюще страдалчески. А без сих же некрѣпко всякое доброе дѣло и духовное начинание. Яко ни жительство доброе [6]о себѣ само[6] есть полезно, аще не в Бога вѣры ради, и надежди, и упования просвѣщенно будетъ, ниже вѣра, и надежда, и упование, кромѣ добрых дѣлъ. Спасаетъ нас Богъ, ниже время многое спасает нас, но отнели[7] же начинаемъ несуменно вѣровати, и надѣятися, и уповати на Бога, и трудитися, и оставляти размышление свое, и пребудем до исхода душа своея. Что бо пользуетъ насъ многое время, аще маловѣрно, и ненадежно, и неупователно живемъ, и праздно. Но аще хощем спастися, христоподобное житие поживем. Якоже пострада Спаситель нашъ Христос нашего ради спасения, сице и вси святии пострадаша, на его страдание взирающее. Сице повелѣ и хотящим вослѣдъ его ити. Сице и намъ подобает тѣм же путем шествовати, имже ходиша вси святии: стяжем вѣру несуменну, и надежду тверду, и упование непоколебимо, и терпѣние пождателно, и покаряемся Богови мыслию, и умираемъ мыслию. Еже осмѣлитися умом от усердия и дерзати на вся напасти и бѣды и смерти от бѣсов и от человѣкъ, — сие честно, и любезно, и велико есть пред Богом. Егда же видит, яко вѣровали есмы

[1—1] заботиться о нас; [2] утоптанным; [3] помехи; [4] ссорится, гневается; [5] говорит, наговаривает на кого-либо; [6—6] само по себе; [7] с тех пор как.

ему паче себѣ, и абие помощь от него, яко молния, скоро исходит намъ, ни вѣдущим, ни разумѣвающимъ намъ, како бысть. И от печали на радость внезапу прелагаемся по вѣрѣ нашей, и вселяется в нас, и чювствене почиваемъ. Ея же почивающи, мнози входят во огнь, и не боятся, на водѣ ступающи, и не сумнятся помыслом, не внимающе зрѣнию[1] страшныхъ вещей, превосходящихъ чювствъ; нѣцыи же на мучение самоволнѣ приидоша за вѣру; трие отроцы в Вавилонѣ вѣрою в пещи огненей несгараеми;* Даниил пророкъ вѣрою от львов невредимъ бысть;* Илия пророкъ вѣрою огнь с небесе сведе;* Моисей вѣрою сквозѣ Чермное море пройде с людми, и в пустыни 40 лѣтъ без хлѣба питани быша;* апостоли вѣрою всю вселенную проидоша и толико зловѣрия и суровство обратиша и приведоша во Христову вѣру, якоже звѣрий дивиихъ[2] пыхающих. И прочии святии симъ подобная многа множество сотвориша и возложиша мужъство на Бога, и оставльше миръ и вся, яже в мирѣ.* И исшедшему вослѣдъ Христа, и вѣрующему, надѣющемуся и уповающему на Бога, и распеньшемуся волею Царствия ради Небеснаго и живота[3] будущаго не убоятися смерти, единою бо умрохом умнѣ[4] во обѣщании и отвержении мира. Обаче воинъ страшливый никогдаже убиваетъ, ни чести приемлетъ и всуе тружается. «Сумняяйся человѣкъ подобен есть волнению морскому»,* — апостолъ рече. Вѣрующему со усердиемъ несуменно никтоже противитися может, ни дияволъ, ни человѣкъ зол; вѣра несуменная превыше естества человѣческаго утвержаетъ.

Слышала ли еси реченное, како пожиша святии? Охъ, увы, душе моя, поне[5] мало сим подражай, не быша ли слезы ту? Охъ, увы, душе моя, не быша ли тии дряхли тѣломъ, и худе, и измождали? Охъ, увы, душе моя, не быша ли ту болѣзни тѣлесныя, и раны, и сѣтование душевное? Охъ, увы, душе моя, не тѣм же ли тѣломъ немощнѣйшим обложени быша, якоже и мы? Охъ, увы, душе моя, не быша ли хотѣния красных, и сладких, и легких мира сего и всякого покоя? Ей, хотѣша, и тѣлеса ихъ болѣша, но прелагаше хотѣния на терпѣние и скорби на будущую радость. Вся бо единою отрѣзаша, вмѣнишася яко мертви. Тѣмже и тропари свидѣтельствуют о семъ, еже сице творяше же и учаше, еже презрѣти плоть, «преходит бо прилѣжати же о души, вещи безсмертнѣй».* Инъ паки: «слезами твоих источникъ пустыни безплодное напоилъ еси»;* инъ паки: «во страданиихъ своихъ вѣнца прияша нетлѣнныя от тебе, Бога нашего»;* инъ паки: «труды бо ихъ и смерть приял еси паче всякого приношения»;* инъ паки: «стражду тебе ради: яко да царствую с тобою и умираю, надежу имѣю на тя, но, яко жертву непорочну, приими мя, с любовию [6]пожершую ти ся[6]».*

О, возлюбленная душе моя! Быша ту источникъ неоскудный слезнаго течения, ругатели и попратели быша маловременнымъ и тлѣнным вещемъ, всѣх купно красных же и сладких и прелестных мира сего, быша, яко столпи

---

[1] созерцанию, лицезрению; [2] диких; [3] жизни; [4] мысленно; [5] хотя бы; [6—6] принесенную тебе в жертву.

крѣпцыи, или яко адамантъ крѣпкий, во всякой скорби от бѣсов и от человѣкъ, быша самоволнии мертвецы, повсядневныя мученики в трудѣхъ духовных. Мученики бо за вѣру от человѣкъ, не вѣдящих Бога, мучени быша. Преподобнии же от ревности любве Божия сами ся нещадно мучиша в подвизѣ духовномъ: гладъ и жажду стерпѣ душа ихъ; вмѣсто свѣтлых риз рубища искропано и вошми посыпано, овии же и наги; вмѣсто сладких брашенъ хлѣбом доволъ[1] имуще, овии же и былиемъ пустынным питашеся, питие же их точию вода едина, и сия в мѣру; не воздремасте очи ихъ; не умолкоша языцы их; претомиша в молитвах нозѣ свои; вмѣсто сна всенощное стояние имѣяху, вмѣсто веселия и всякого покоя тѣлеснаго — непрестанное воздыхание и слезное рыдание. Оле, чюдо преславное и дивное — терпѣние ихъ!

Оставиша волею всяко веселие и упитание и покой мира сего и изволиша скорбѣти и плакати; быша прежде смерти всегда мертви плотию, имуще тѣлеса изъсохша и язвы небрегоми и возсмердѣша; не милующе отнюдь тѣлеса своя, но яко в чюжих тѣлесѣх страждуще. Истниша[2] бо святии тѣлеса своя и искупиша тлѣнным тѣлом нетлѣнный живот, и бесконечный покой, и Царство Небесное, емуже нѣсть конца. И всякое зельство[3] и горесть претерпѣша душа ихъ, и всяко томление и злострадание подъяша тѣлеса ихъ; тѣмже и всякоя ораматы и сладости сладчайши получиша, источникъ, источающъ сладость и благоухание Духа Святаго, и свѣтлости, и радости исполнишася, и обрѣтошася райстии жители, и со аггелы ликоствующе.

Сице святии пострадаша и сице прияша противу трудовъ своих. Сим образом тѣсношественым проидоша вси святии, иже от всего вѣка плоть и кровь Царствия Божия наслѣдити не может, ниже тля нетлѣние наслѣдует. Нигдѣже убо похваляет Божественое Писание питающаяся и веселяшаяся, святых мужей похвала и ублажение — в бесконечныя вѣки. Самъ убо Господь рече во Еваггелиих: «Внидите ускими враты, яко пространная врата и широкъ путь вводяй в пагубу»,* и «многими скорбьми подобаетъ намъ внити во Царство Небесное»,* и «нужницы восхищают его»,* «в терпѣнии вашем стяжите душа ваша»,* и «претерпѣвый до конца, той спасется»* о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава, со Отцемъ и со Святым Духомъ, нынѣ, и присно, и вовѣки вѣкомъ.

О еже претерпѣвати скорби*

Рече Господь: «Иже хощет по мнѣ итти, да отвержется себе и возмет крестъ свой и послѣдует мнѣ».* Еже себе отврещися есть еже безмилостивно себе напастем предати и ничтоже имѣти себя, но якоже иному страждущу, и тако имѣти ся. Якоже бо кто отвержется друга, аще и биенна видитъ его, аще ис-

---

[1] удовлетворение, насыщение; [2] истончили; [3] насилие.

тязаема или на смерть ведома, не болит о нем, ниже предстоитъ, ниже помогает ему. Тако хощет и насъ Богъ, аще и ранимся, или сожизаемся, или умираемъ, не уклонятися, ниже миловать себе, но яко не имуще ничтоже обще души с тѣломъ, тако имѣти ся и предавати себе напастемъ, и бѣдамъ, и прочим мукам о правдѣ и истинѣ и о исповѣдании Христовѣ. Держися креста Господня, якоже речено ти бысть, о, человѣче, во единъ конецъ гони невозвратно. «Вѣрен буди до смерти, терпѣливъ до исхода душа своея, и дам ти, — рече, — вѣнецъ живота своего».* Аще бо не преклонится человѣкъ к смерти мыслию и отчается живота своего, не может никоторыя скорби или болѣзни претерпѣти, не может приити в совершение, аще не терпит скорбей. Иже уклоняяйся от скорбей, и исходя во ослабу, и ища отрады получити полезнаго, таковый уподобится мужу, иже единою рукою собираяй, а другою разсѣвая. «Претерпѣвый до конца той спасется».* Сим бо животомъ маловременнымъ выменяти будущий бесконечный животъ: сей презрѣти, а будущий прияти, — понеже бо живот сей препинаетъ[1] будущему и вѣчному животу. Егда же пренебрежетъ кто живот сей, тогда нетрудно претерпит всякое искушение, труды и нужды, скорби и болѣзни, понеже бо ко смерти преклонился есть, выше всякия скорби и напасти, и сподобляется совершеныя благодати. Предѣлъ терпѣнию и скорбем и урокъ, донележе и в животѣ семъ есмы пребываем, неослабно подобает терпѣти и страдати, и в самомъ том дни, иже душа от тѣла разлучается, и тогда попечение имѣти и совершати обычное служение и правило.

О, человѣче, положи во умѣ своем се, дондеже во скорбѣхъ умрети, но станемъ, станем мужественно, яко воинъ храбрый. Никтоже вѣнчается, не побѣдивъ врага своего. Не сниди со креста во вся дни живота своего, яко единою умрохом, сирѣчь имѣй нужу на всяко время, терпи всякую скорбь и тесноту, вмѣнится бо от Бога всяко в мучения, не погрѣшиши Царствия Небеснаго и восприимеши вѣнецъ животный о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, емуже слава.

О вѣре несуменней. Глава 3*

Вѣруяй в мя несуменно не собираетъ, коею смертию скончается,* или от человѣкъ и от звѣрей, или гладом, или от нужныхъ[2] великих трудовъ. Дву же смертей не будет, а единыя никтоже избѣжати можетъ. Единою бо возложивыйся на Бога во всѣх нужах Царствия ради Небеснаго и умрый мирови к тому не ищет, како скончается, к тому не печется собою. Единою возложивыйся на Бога, елика творитъ, успѣетъ и вездѣ обрящет полезное души своей. Но вѣсть точию, яко Бога ради на вся скорби предается и на всяком мѣсте спасение обря-

[1] мешает; [2] тяжелых.

щет. По вѣре нашей и благодать Божия намъ дается. Мала вѣра — мало и дастъся, болши вѣруем — болши и благодати дастся и терпѣния. Но ничтоже не случится кромѣ промысла Божия и строения, точию ищетъ от нас Богъ самовластное произволение ума нашего, но судбы Божия неиспытани суть.

От житий отеческих, от Пролога, и от Патерика печерскаго, и от Патерика скитскаго, стихове коегождо святаго, удобь житие уразумѣеши, како пожиша. Глава 4*

Воспомяни, душе моя, святых отецъ жития и подвиги и воздохни и прослезися о своем лѣнивомъ житии и нерадѣнии.

Воспомяни Иринарха Затворника.* Пребываше бо, не исходя ис кѣлии своея, лѣтъ 20 и вящщи[1], паче же прикован бяше на чепи, якоже скотъ безсловесный, и окован всюду желѣзомъ тяжким, ядяше же единова днемъ пищу сухотну, и не умолче языкъ его в молитвѣ день и нощь, смочаше бо и мѣсто потом на молитвѣ.

Такоже и ученикъ его Корнилий* — на чепи, окованъ желѣзом всюду, дондеже и ребра его перетрошася от толикия тягости, и крови текущи, нозе же его затекоша и разседошася, и пасоке[2] текуще из нихъ, якоже ужасно и зрѣти, и зѣло сухо тѣло его, якоже точию кости и жилы.

Воспомяни, душе моя, Анастасия мниха.* Имѣя бо обычай стояти чрез все церковное пѣние неподвижно с мѣста на мѣсто и никакоже сѣдшу. Ноги же ему быша, «яко древо сухо»,* по поясъ одебелѣша[3] от стояния.

Воспомяни, душе моя, Максима, и Василия, Исидора, паче же и древняго великаго Андрея, и Прокопия, Иоанна уродивых.* Якоже самой земли от мраза разсѣдатися, тии же нази, и боси, и гладни. Андрей убо, и Максим, и Василий мраза, ни зноя не чюяше. Василий же вопрошаемъ от нѣкихъ бываше: «Како, отче, терпиши нужду сию?» Он же глаголаше умилно: «Егда, — рече, — взалчеши, или вжаждеши, или озябнеши, терпи, и паки лютѣе того терпи, — таже и облегчевати начнет стужание болѣзни». Сице навыкнути терпѣнию и в прочих добродѣтелехъ. Исидоръ глаголаше к себѣ: «Се нужа, терпи же Царствия ради Небеснаго».

Воспомяни, душе моя, великомучеников Георгия и Димитрия, Иякова Персянина, и Феодора Тирона, и Феодора Стратилата, и 40 мученикъ, и пятечисленую пятерицу — Евстратия и Евгения, Мардария и Ореста, и Авксентия.* Овъ в сапоги желѣзны обувенъ з гвоздиемъ, овъ колом растираемъ и различными удицами. Ияков же велие мучение терпяше крѣпко, и по составомъ раздроб-

---

[1] более; [2] сукровице; [3] *зд.* онемели.

ляемъ, и обрѣзаем, яко лоза. Ови же во езере потоплени быша и вѣнца прияша, ових же желѣзом и трезубцы немилостивно строгаху и драху, а инии мученицы различными муками мучими и томлени бываху.

Воспомяни, душе моя, Димитрия Прилуцкаго.* Братиям утѣшение творяше, а самъ ядяше точию мало хлѣба с водою теплою противу[1] просфиры, и поживе доволны лѣта тѣсным и скорбным путемъ.

Воспомяни, душе моя, Кирила Белаозерскаго,* како житие жестоко живяше, и на ребрех не почиваше, по вся нощи стояше и без сна пребываше, точию хлѣбом и водою питашеся и худость ризную любяше.

Воспомяни, душе моя, великаго Михаила Клопскаго,* како бысть житие его терпеливое и жестокое, еще же и уродственное: и всенощное стояние имѣяше от вечерние годины даже и до заутрени, и единожды в седмицы[2] ядяше мало хлѣба с водою, тѣло же его бяше видѣти яко стѣнь[3] от многаго поста и от великаго труда, и все житие его постъ бяше.

Воспомяни, душе моя, Павла Обнорскаго,* како прииде на Комельский лѣсъ и обрѣте липу дупляну и вниде в ню, яко птица, и поживе в ней лѣта три, славяше Бога. Постъ же его бяше таковъ, яко в пять дней ничтоже ядяше, токмо в суботу и в недѣлю[4] мало хлѣба ядяше с водою, а питие его едина вода точию, и то с воздержаниемъ. И по вся нощи без сна пребываше, стояше до утренняго и церковнаго звону. И все житие его постъ бяше.

Воспомяни, душе моя, Дионисия Глушицкаго,* како поживе во временней жизни постомъ, и молитвами, и многимъ воздержаниемъ, и всенощным стоянием; пища же его бяше хлѣб и вода; и преже преставления своего за седмь лѣт ископаше гробъ своима рукама и над него прихождаше и стояше на мразе чрезъ всю нощъ, трясыйся и тружаяся, и слезами мѣсто мочаше, на немже стояше, поминающе смертный часъ и во гроб положение, и стихѣры и тропари покойны[5] со слезами пояше, и все правило свое совершаше.

Воспомяни, душе моя, Александра Свирскаго,* якоже самъ рече Андрею Завалишину:* «Имам, чадо, в пустыни сей седмь лѣтъ живый и никогоже от человѣкъ видѣх, и в та лѣта не вкусих никогдаже хлѣба, но былие, иже от земля самовозрастъшее, смѣсих с перстию[6], иногда же едину персть ядох токмо нѣколико время». Еще же и босъ хождаше. Ты же, окаянная душе, сладкихъ брашенъ всегда ищеши и покою телесному радуешися, и внимай себѣ, како преподобнии отцы во иночествѣ пожиша и Богу угодиша, не покоем, не сном и не лѣностию, не сладкими брашнами, но трудом многим, и воздержанием, и всенощнымъ стоянием, постомъ и молитвами.

Воспомяни, душе моя, Евфросинию Суждальскую.* Воздержание имущи паче мѣры: первие постящися, от вечера до вечера не ядяше, таже чрез день, потом же по двою и по трех днех, иногда же и всю седмицу без пищи пребываше

[1] *зд.* после; [2] неделе; [3] тень; [4] воскресенье; [5] заупокойные; [6] землею, пылью.

и пияше воды мало. Глаголаше бо своему тѣлу во время скверных помыслъ: «Азъ тя, аки безсловесных, удержу, да ни единощи не подам ти пищи, но чрез двѣ седмицы подам ти мало хлѣба, и жаждою, и труды уморю тя, да не разслабленных и сладких помыслъ желаеши». И тольма свое тѣло умучи пребольствомъ[1] алчбою и жаждею, якоже едва костем ея [2]от тѣлеснаго видѣния содержатися[2]. Ты же, душа моя окаянная, ни до вечера не хощеши попоститися и понудитися. И бдя в молитвах непрестанно, и по вся нощи без сна пребываше, тако преподобная тружашеся и Богу угождаше.

Воспомяни, душе моя, великаго Сергия Радонежскаго,* како поживе во временней жизни, во бдѣниих, и в пощениих, и во всенощномъ стоянии. Воздержание бо его бяше выше человѣческия силы, алкотою безмѣрною, и жаждою, и в зимнее время наготою: яко и самой земли разсѣдатися от зѣлнаго мраза, он же в зиму без теплыя ризы, во единой ризѣ раздраннѣй, и во многошвенней, и урудненой[3], и пота исполненной, и много заплатъ имуще, — в таковой ризѣ преподобный хождаше. Сам же на братию без лѣности тружаяся: толчаше, и меляше, и муку сѣяше, и хлѣбы печаше, и дрова от лѣсу на своемъ рамѣ[4] носяше, сѣчаше и по кѣлиям бременем носяше, и воду от источника своего носяше и коемуждо брату у кѣлии поставляше, и вариво на братию варяше, и просфиры ко церкви печаше, и свѣчи скаше[5], и на братию одежду краяше и шъяше; и бдѣниемъ и сухоядением всю свою жизнь живяше, иногда же и гнилой хлѣб ядяше, в нощи же без сна пребываше, и прочими добродѣтельми поживе.

Воспомяни, душе моя, Симеона Столпника* и нужныя раны его, якоже червемъ исходити ис тѣла, из раны его, во всю же недѣлю не ядяше, а урок[6] свой хлѣба нищим подаваше. Таже изгнанъ бысть из монастыря, и вверже себе в студенец[7], в безводный кладес[8], идѣже бѣ исполнено всякого гада, аспидов, и ехидны, и змиеве, и скорпии, — и разбѣгошася гади от него. Помяни же и на столпѣхъ стояние 40 лѣтъ, дождемъ мочимъ, и зноемъ горя, а зимою померзая; ядь же его сочиво[9] мочено, и ляща[10], и вода; бяше же плоть его изгнила, и червемъ падающимъ от стегна[11] его, он же собираше ихъ и вскладаше на тѣло свое, глаголя: «Яжте, яже вамъ далъ Богъ», — и стоя два лѣта на одной ногѣ. Ты же, душе моя, ни мало хощеши поскорбѣти.

Воспомяни, душе моя, преподобнаго Архиппа, иже в Хонех.* Шестьдесятъ лѣтъ никакоже хлѣба не вкусивъ, ни мясъ, ни вина, и тѣла своего не омывая. Пища же его — былие дивие варяше и без соли ядяше, но и то единою в недѣлю[12] вкушаше и трижды в седмице[13] воду пияше нужды ради, мѣрою триех онги.* Постеля же его бѣяше камение острое наслано. И глаголаше: «Не даждь

---

[1] преувеличением; *зд.* чрезвычайно, очень сильно; [2—2] тело держать; [3] загрязненной, порыжелой, вытертой; *м. б.*, окровавленной; [4] плече; [5] *зд.* лепил, скатывал; [6] кусок (определенное количество, предназначенное, уреченное ему); [7] колодец; [8] колодец; [9] зерно чечевицы; [10] чечевица; [11] бедра; [12] воскресенье; [13] неделе.

ми, Господи, порадоватися на земли ни единаго дни во всем животѣ моемъ», — удручая тѣло свое на бдѣнии и николиже покоя имѣя. Потерпи, потерпи, душе моя, поне[1] малу скорбь приложи вездѣ себѣ, поищеши бо, и поплачеши, и не обрящеши время поскорбѣти.

Воспомяни, душе моя, Антония и Феодосия Печерских,* како беспрестани Богу моляшеся и во вся нощи без сна пребываше.

Феодосий николиже на реберех своих лежаше, но сѣдя мало спаше. Ты же, душе моя, ни малаго правила не дремлюще тщишися исправити. К сим же и ядь ихъ бѣ хлѣб точию и вода. Братиямъ иногда на трапезѣ веляше Феодосий утѣшение творити в брашнѣ, а сам ядяше хлѣбъ сухъ. И тружашеся на братию: клобуки шияше, и копытца плетяше,* иногда же меляше, и дрова носяше и сѣчаше. И исходя ис пещеры, над пещерою сѣдяше и волну[2] прядяше, и власяницу свою спущаше, до пояса обнажашеся, и бяше тѣло его от комаровъ все покровено, и тако неподвижен сѣдяше и со благодарениемъ терпяше, и Псалтырь изустъ[3] пояше, и тако нерѣтко и многажды творяше, и сѣдяше и до заутреняго клепания[4]. А нѣкогда преподобному отцу Феодосию в пещере пребывающу и хотящу опочити от великих трудов своихъ, и абие слышитъ множество бѣсов, в пещерѣ на колесницах яздящих, и [5]в сопѣли сопуща[5], и в бубны биюще; и нача преподобный, воставъ, псалмы Давыдовы глаголати: «Сии на колесницах и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ»,* — и абие[6] бѣсовское то дѣйство и клопотъ[7] все исчезе. Имяше обычай преподобный в нощи без сна пребывати, и множество поклонов кладуще, и егда услышит пономаря, идуща к себѣ благословения ради к заутреннему пѣнию, и тогда преставаше поклоны творити. И сядетъ на своем на обычномъ мѣсте и молъчаше, творяше ся уснувша сномъ тяжкимъ; пономарю же молитву творящу не единожды, но и дважды, и трижды. Преподобный же аки от сна возбужашеся[8] и пономарю речетъ: «Господь нашъ Исус Христосъ благословитъ тя». Сам же скоро идетъ, не медля, тщашеся преже братии на соборном пѣнии быти, и стояше, яко столпъ, к стенѣ не приклоняшеся и ногама не преступаше. Таково житие имѣяше отецъ нашъ Феодосий Печерский.

Преподобный же отецъ Антоний Печерский прииде от Святыя Горы и преходил по многим горам и по дебрямъ, и прииде в Киевъ, на Берестовое по реклом, и обрѣте пещеру, еяже ископалъ Иларионъ митрополитъ,* и возлюби то мѣсто, и помолися Богу, глаголя: «Се покой мой здѣ в вѣкъ вѣка, и здѣ вселюся,* яко Богъ и Пречистая изволи сие мѣсто». И на том мѣсте нача жити и великие труды творити: в день пещеру копаше, а в нощи на молитвѣ без сна пребываше, — и поживе в пещерѣ в темнѣ мѣстѣ, яко в царских чертозѣх, не исходя, 40 лѣтъ. Ты же, окаянная душе моя, ни единаго дни в кѣлии своей в молчании не

[1] хотя бы; [2] шерсть; [3] наизусть, по памяти; [4] звона; [5—5] на свирелях играя; [6] вдруг, внезапно; [7] шум; [8] пробуждался.

хощеши сидѣти, и о правилѣ своем не радиши, не готовишися на смертный часъ, како тебѣ стати на страшномъ, и грозном, и трепетном судищи Христовѣ, и како возриши тогда на страшнаго Судию, егоже ужасаются аггели и вся небесная воиньства, и кий отвѣт воздаси безсмертному Царю. Но, о, душе окаянная, не лѣнися, преже конца обратися и стони, о, всескверная, и плачи преже исхода своего о злых дѣлех своих, имиже прогнѣвала еси Творца своего Бога, по вся дни и по вся нощи, словом, и дѣлом, и помышлениемъ, и прочими многими грѣхи.

Воспомяни, душе моя, како пожиша мнози преподобнии отцы и не согрѣшивше ничтоже, да любве ради Христовы и Царствия ради Небеснаго всетлѣнное и временное житие се на земли оставиша, и покой возненавидѣша, и злюбиша трудное и жестокое житие, постомъ, и молитвами, и всенощным стоянием, и прочими многими труды тѣло свое изнуриша и изсушиша, а душу свою паче снѣга убѣлиша, и нынѣ во свѣте присносущнѣмъ пребывают, и сияют, яко звѣзды небесныя, и славят Бога со анггелы непрестанно. Ты же, окаянная душе, в беззаконии зачата, и во грѣсѣх родися,* и всегда во грѣсѣх живеши, должна еси трудитися своего ради спасения.

Воспомяни же, душе моя, Григория,* тоя же обители Печерския. По вся нощи не спаше, и стояше, и пояше, и моляшеся непрестанно до утреняго пѣния.

Воспомяни, душе моя, затворника Исакия.* Бяше той Исакий житие имѣяше жестоко, облечеся в ризу власяную, и наверхъ влясяницы облечеся в [1]козелъ мѣхомъ[1], и затворишася в пещеру. Бѣ бо ядь его едина просфира, и та чрез день, и воду пияше в мѣру. И того сотвори 7 лѣтъ, на свѣтъ ис пещеры не выходя и на ребрех не лежав, но сѣдя мало сна приимаше. И егда взят бысть ис пещеры в монастырь и начатъ в поварни страдати[2], во церкви же стояше в великия мразы босъ, дондеже примерзнуша ноги его к камени. Ты же, душе моя, не можеши в кѣлии своей безмольствовати и посидѣти, но всегда мятешися посреди братии и осужаеши, а о своем спасении не печешися и на ребрех спиши чрезъ всю нощь.

Воспоминай и прочитая святых отецъ жития, како ускимъ и прискорбным житиемъ пожиша и не даша сна своима очима, ни вѣкома дремания, ни покоя своима колѣнома,* но вмѣсто сна всенощное стояние имѣяше, и вмѣсто молвъ к Богу в молитвахъ бесѣдоваше, и вмѣсто сладких ядений хлѣбомъ питашеся, и вмѣсто тщеславия смирение имѣяше, к тому же и покорение, и послушание, и прочая добродѣтели.

Воспомяни, душе моя, Дамияна,* презвитера печерскаго. Бяше бо таковъ постникъ, яко, развѣ[3] хлѣба и воды, ничтоже ядяше до дне смерти своея.

Воспомяни, душе моя, преподобнаго Иоанна, затворника печерскаго,* затворившагося в темнѣ мѣстѣ единъ от пещеры и пребысть в великом воздер-

[1—1] козлиную шкуру; [2] трудиться; [3] кроме.

жании 30 лѣтъ, многим постом удручая тѣло свое, и желѣза тяжка на всемъ тѣле своем нося. «Много же пострадах от бѣсов, томим бысть на блуд и не вѣмъ, что сотворих, — рече, — своего ради спасения. Два или три дни пребывах не ядый и тако три лѣта скончахъ, многажды и всю недѣлю ничтоже вкушахъ, и по вся нощи без сна пребывахъ, и жаждею многою уморяхся, никакоже покоя обрѣтох; ископа яму по плеча, и внидох въ яму, и своима рукама осыпа вся, и пребысть 40 дней; и се видѣх змия страшна и люта зѣло, всего мя пожрети хотяща, и дышуща пламенемъ, и искрами пожигая мя, и [1]главныя власы[1] пожгоша, и се во многи дни творя, хотяше мя прогнати». Зриши ли, душе моя грѣшная, како тружастася святии отцы без покоя и плоть духови покориша? Ты же не хощеши нимало попоститися и от малых трудовъ изнемогаеши.

Бѣ же святый Марко,* тоя же обители, житие имѣя в печере, многа мѣста своима рукама ископавъ в печере и на своих плечахъ персть износя, и по вся дни, и по вся нощи тружаяся о дѣле Божии.

Тоя же обители Феофилъ,* дни убо наставшу, глаголаше в себѣ: «Не вѣмъ, аще постигну ли до вечера». Нощи же пришедши, плачася, глаголаше: «Что сотворю, аще дойду ли до утрия, мнози бо, воставше, вечера не достигоша, и на ложех легше, и не восташа от ложей своих». И сице творяше на всякъ день, алча, и моляся, и плачася, на всякъ часъ ожидая часа смертнаго, чая от тѣла разлучитися, и тольма плоть свою истончи, яко и составом его изочтенномъ быти, и от многаго плача изгуби си очи, тако пребысть вся дни живота своего в велице воздержании. Ты же, окаянная душе, унываеши сѣдя и никакоже воспоминаеши смертнаго часа, ни плачеши.

Воспомяни, душе моя, Прохора Печерскаго.* Вдавъ себе послушанию и в воздержание безмѣрное, яко и хлѣба себе лишивъ, собирая убо лебеду и хлѣбъ себѣ в том творяше, и симъ питашеся, и се приготовляше и до года, яко доволну ему быти без хлѣба.

Воспомяни, душе моя отца Паламона.* Овогда убо ядяше, не пия воды, овогда же пияше, не ядый отнюдъ.

Воспомяни, душе моя, Аннина,* великаго постника. Жестоко бо живяше, удручаше постом тѣло свое, многажды в Великий постъ и до Пасхи не вкушаше ничтоже.

Бѣяше же Григорию Акраганскому* обычай: всю седмь дней не ясти, развѣе субот и недѣль, таже належаше присно[2] во учении святых книгъ, и неспание ему всегда, и воздержание до конца, еще же и смирение велие, и слезы, и непрестанную молитву Исусову,* и по вся дни поставляше трапезу нищимъ. Ты же, душе моя, никакоже усердно в сия добродѣтели великия понудишися.

Воспомяни, душе моя, Алексия, человѣка Божия,* колико имѣния остави, и облечеся в рубища, и сѣдяше в притворѣ церковнѣмъ, яко нищий проси-

[1—1] волосы на голове; [2] всегда, постоянно.

тель, и постяся от [1]недѣли до недѣли[1], и причащаяся святых таинъ, и ядяше [2]двѣ уки хлѣба и двѣ уки воды[2] пияше, и даже до вторыя нѣдели не ядяше, и по вся нощи моляся, и без сна пребываше, и в дому же отца своего 17 лѣтъ от раб своих терпя: ови пхахутъ[3] его, а друзии ругахуся ему, инии же поливаху его помоями, он же все с радостию приимаше, терпяше Христа ради. Ты же, окаянная, со многими сваришися[4] всегда, и желѣеши и о худѣйших вещехъ, и не терпиши и мала поношения и слова.

Воспомяни Феодосия Великаго.* Бѣ бо алча, бдя и моляся Богу непрестанно, и милостыню творяше нищимъ.

Воспомяни, душе моя, Павла Пустынника,* иже в Латре.* Житие бо жестоко живяше, и суровъ желудь ядяше, и в нощи в молитвах без сна пребываше, и два камени тяжкая, навязавъ, на рамо[5] свое возлагаше, и стояше, нудя[6] себе, чрез всю нощъ. Ты же, окаянная душе, и без тягости не можеши постояти на молитвѣ и всегда во снѣ и в лѣности житие свое проходиши.

Воспомяни Дорофея Пустынника,* ядяше бо в мѣру хлѣбъ сухъ по вся дни, пияше же воду в мѣру и николиже спя на ребрех, развѣ точию дѣлающу и ядущу, помизающе очима, яко многажды испасти и хлѣбу изо устъ его во время ядения, но чрез нощъ плетяше кошницы[7], ядь тѣмъ покупаше.

Воспомяни, душе моя, Иванна Пустынника.* Три лѣта всегда молитву творяше, пребывая никакоже сѣд, ни спавъ, но елико стоя мало сна приимаше. Разсѣдшима же ся ногама его от многаго стояния, и гною текущу от него, аггелъ же Господень исцѣли его. Живяше же, по пустыни ходя, ядяше былие, в недѣлю же комкание[8] взимаше Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, иного ничтоже ядяше. Ты же, окаянная, обыкла еси объядатися и лѣнитися.

Воспомяни, душе моя, Иванна Безмолвника,* иже в Лавре святаго Савы Освященнаго.* Влѣз в пещеру и скончав 40 лѣтъ, отнюд не исходя, ни хлѣба вкушая. Единою же заблуди, по пустыни ходя, собирая зелия, и изнемогъ, и паде на земли, аггелъ же Господень принесе его в пещеру его паки[9], в нейже живяше. Зриши ли, душе моя, како аггели служаху святымъ, издавшимся[10] в любовь Божию всѣмъ сердцем. Идѣже бо сила святых изнемогаше, тамо имъ сила Божия помогаше.

Воспомяни, душе моя, твердаго страдальца Говеддая.* Жезлиемъ бо суковатым повелѣ мучитель того четыремъ бити; и тѣмъ изнемогшимъ, друзии начаша бити. Святый же, биенъ по всему тѣлу, просяше от Бога помощи. Яви же ся ему аггелъ и укрѣпи его, клаголя: «Дерзай, с тобою есмь». И биенъ бысть волуями[11] жилами, биен же, проклинаше отца своего вѣру. Тогда Горгал повелѣ два ременя оттодрати от ногу даже и до главы его; тогда убо разжегъ рожень[12] и пронози ему сквозѣ уши от единаго до другаго и положи его в темницу. Молящу

[1—1] от воскресенья до воскресенья; [2—2] два куска хлеба и два глотка воды; [3] толкали, пинали; [4] ссоришься, ругаешься; [5] плечо; [6] принуждая; [7] корзины; [8] причастие; [9] снова; [10] отдавшимся; [11] воловьими; [12] гвоздь.

же ся ему, прииде аггелъ Господень, travelемъ роженъ и исцѣли его. Князь же, разъярився, повелѣ удица[1] железны в*он*зити в плеча ему, от третияго же часа до девятаго, и все тѣло его сощипа ими, да единако живъ есть. Тогда повелѣ царь кожу главы его отодрати от тѣла и покрыти лице ему; и увѣдев, яко живъ есть, ногти ручныя и ножныя искорениша ему, такоже и зубы искорениша ему и поверже его мертва в темницу, яко пса умерша. Таже в вертеже содра нозѣ ему, и млаты желѣзны разжегъ, сожже мышца ему. И по пяти на десятъ дний изведе того вонъ ис темницы, и видѣвъ того цѣла и здрава, и ужасеся. Наложи конобъ[2] смолы и сѣры, и того велми разжегъ, и повелѣ вврещи святаго в конобъ. Святый же, возрѣвъ на небо и помолився, вверженъ бысть в конобъ — и конобу разсѣдшуся, изыде святый здравъ, никакоже вредимъ. Тогда, совѣщався со своими, мучитель распень святаго на древѣ нага и стреляху его на мног часъ пред многим народомъ. И бяше видѣти чюдо преславно: не точию святый невредимъ пребываше, но и стрѣлы, на него пущаемыя, обращающеся, раняху стреляющихъ. И повелѣ связати ему руцѣ и нозѣ и повращи его в коньское стоялище, да в той нощи попранъ будетъ ими. И сему бывшу, Христовой благодатию невредим от сих сохраненъ бысть святый, благословя Бога. Наутрии же, яко видѣша того развязана и здрава, и дивишася вси о чюдеси. Тогда, рожны[3] разжегше, сожгоша его. И молися святый о крещении. И се облакъ малъ, яко и мгла, излия на главу ему воду и масло, и глас бысть из облака, глаголя: «Се приялъ еси крещение, рабе Божий». Гаргал же, тростие поостривъ, напери[4] все тѣло его, святый же, на многи часы збодаем тростием, и Богу моляся, предастъ духъ свой в руцѣ Богу. Ты же, окаянная душе моя, и от малыя скорби сѣтуеши и изнемогаеши, смущаешися и не терпиши со благодарениемъ.

Воспомяни, душе моя, преподобную Феоктисту Лезвиянину.* Гладом, и зимою, и варомъ многимъ томима, водою и зелиемъ дивиимъ питающися, и ниже видима кѣмъ в пустыни бѣ доспѣ 35 лѣтъ, Богу единому бесѣдующи.

Воспомяни, душе моя, Афонасию игумению.* Бѣ же ядь ея хлѣбъ ячьменный, и того, заходящу солнцу, вкушаше; масла же или иного сладкаго и вина никогдаже вкуси; рыбиц же точию на Рожество Христово и на Пасху вкушаше; во весь же постъ токмо 2-ж⟨ды⟩ вкушаше; и ни единаго же часа без славословия пребысть, и всенощное стояние имѣя, а постеля ея от камения дробнаго складена.

Бѣ же Стефанъ Царяграда* непрестанно моляся, и единою или 2-ж⟨ды⟩ в седмицѣ зелие вкушаше без соли, — той, тако себе очистивъ, святительстей чести сподобися, и в нѣкий гроб разсѣлный[5] вниде, и тамо препроводивъ 12 лѣтъ, и отпадоша власы главы и брады его, и зубы испадоша, конечное[6], тѣло его распадеся, и то бысть ему, и изыде из рова, повсюду умерщвенъ. Да егда на

---

[1] крючья; [2] котел; [3] колья; [4] утыкал, истыкал; [5] в расселине, в пещере; [6] в конце концов.

господьския праздники совершаше Божественую службу, по отпущении же единою овощъ вкушаше и мало воды; пребысть же, тако питаяся, 55 лѣтъ, тѣсный, острый, постнический прошедъ путь.

Воспомяни, душе моя, страдание и великое терпѣние великомученика Феодора Стратилата.* Повелѣ мучитель начетверо растягнути его, и бити батоги по хрепту нещадно, и дати ран 600, а по чреву 500, [1]оловяными шелыгами[1] бити; таже строгати тѣло его повелѣ и свѣщами раны его поджигати и чрепинами[2] раны его скрести; и в темницу ввержен бысть, и нозѣ его в кладе[3] забиша, и пребысть тамо алченъ 5 дней, и на крестѣ пригвожденъ бысть рукама и ногама; таже юноша стрѣляху во образъ и во очи, исторгаху же стрѣлы и з зѣницами святаго, он же твердо сия подьят. Ты же, окаянная душе, или не вѣси, яко и ты мучитися нареклася еси, и обѣщалася еси, и не терпиши нимало.

Воспомяни, душе моя, Мелхисидека.* Паки возвратися в гору Фаворскую Мелхиседекъ и пришедъ в чащу лѣса, уединенъ пребысть 7 лѣтъ, яко от рожения матери своея, и хребет его бысть яко львина кожа, кормля же его бяше [4]вершие дубное[4], и в воды мѣсто росу лизаше, даже до седми лѣтъ. Ты же, окаянная, ни хлѣбомъ единем и водою не хощеши питатися.

Воспомяни, душе моя, Нифантина чюдотворца.* По пустыням бо ходя и по горамъ, за 30 дней алчен пребысть и нагъ за 4 лѣта прейде.

Воспомяни, якоже вопроси Феодоритъ Николы, повара Афонасия Афонскаго (бѣ же оба ученика Афонасию Афонскому).* «Дивлюся, — рече, — како убо преподобная Еупраксия,* юна сущи и слаба отроковица, в толико стояние и пощение 45 днемъ?» И отвѣща ему, чюдяся: «И азъ, брате, о толицѣ терпѣнии долгаго стояния блаженныя Еупраксеи и много время стужимъ от помышления, якоже и она, подвигнутися. И рѣх в себѣ: „Начну вещъ сию". Уже и начах стояти, день уже весь скончевая и нощъ стоя, бѣ бо низводимъ, доволно помолихся с колѣнопреклонениемъ, престах и тогда убо разумѣх, яко внутреняя ми вся даже и до колѣней разоришася. Но азъ не повинухся помыслу и по пяти нощей и дней разумѣх, яко укрѣпишася вся внутреняя моя, и бысть здравъ, и дондеже преидоша ми 45 дней стояния моего, паче же и ядяше в толико дней». Ты же, душе моя, ни малаго своего правила не можеши исправити, с мѣста на мѣсто не преступая.

Прииде Павелъ ко Антонию Великому* и пребысть три дни толкий у дверей, и рече ему Антоний Великий: «Что, брате, здѣ ищеши?» И рече Павелъ: «Мних хощу быти, того ради приидох сѣмо». Отвѣща Великий: «Един есмь сижу и в пятый день ямъ. Ты же старъ еси, не можеши терпѣти; но аще послушание имаши сохранити во всем, можеши спасенъ быти здѣ». И рече Павелъ: «Вся сотворю, елика речеши». И рече Антоний: «Стани, помолися, донележе изыду и

[1—1] плетями с кусочками олова на концах; [2] черепками; [3] колоде; [4—4] желуди.

принесу рукодѣлие». Павел же стоя непоколебимъ чрез всю седмицу, испечеся варомъ солнечным и 7 дней алчен пребысть. Таже дастъ дѣло, и паки развалити повелѣ. «Злѣ, — рече, — исплелъ еси». Таже постави трапезу и рече: «Сяди за столъ, а не вкуси пищи», — бѣ же и еще алченъ. И повелѣ братии служити, а не глаголати, и паки глаголати, — и инако различно искушаше его. Бѣ же лѣто едино, якоже и чюдеса многа сотвори. Ты же, окаянная, не единощи сотвориши послушание без роптания и молча и слово искусително от братии претерпѣти.

Инъ старецъ сотвори себѣ гроб и плакася над душею своею, яко над мертвецемъ.*

*В*оспомяни, душе моя, Василия Великаго.* Ничтоже имѣяше имѣния, точию книги и едину ризу, и [1]власяный рубъ[1], и на земли легание, и бдѣние, и неумывание имяше. Брашно же — хлѣбъ и соль, а питие трезвеное — вода. И имѣяху нощи невѣдоме и непознаемѣ.

Воспомяни же и великаго Иоанна Златоустаго.* Пища ему бяше несладоственное и немощное столчена ячьменя процѣжение, егоже вкушение препущающе день, в водѣ приемлемо и мѣрою правилною измѣряемо, и воду пияше. Одежда же его бяше власяно рубище, третию же не имѣяше к пременению; и нощь деньствоваше, книги слагая, стоя же и нудяся[2], мало сна приимаше. Зриши ли, душе моя, како пожиша два сия учители велицыи, понудишася во всякой нужи и скудости.

Воспомяни, душе моя, Симеона царя и Саву Сербскихъ.* Овъ старостию колѣне ослабленнѣи имы, пощениемъ же до конца изнеможе, якоже ни на конѣ сидѣти ему мощи. Сава же бос хождаше по пустыни и колѣнокланянием за себя и за отца кланяшеся, и от непрестаннаго бдѣния и пощения изсыхающи утробе его, болѣзнь со внутренним прият слезеня[3] его, и [4]от всякаго тука востягну й[4]. Зриши ли, и цари подвизаются! Вѣдятъ бо святии, аще плоть не умретъ души ради, то душа умретъ плоти ради. Толикаго плача и рыдания достойно есть неутѣшнаго. Мы же како хощемъ спастися, душе, и от страстей избавитися или яди, а тѣлу сладкия пищи избираемъ, врага своего питаемъ.

Воспомяни, душе, труды Макария Великаго.* Идѣже аще услышитъ кого труднаго дѣла, паче же онъ прилагашеся. Устави себе святый в седми лѣтех не ясти, еже огнь печетъ и варитъ, разве зелия[5] неварена или сочива мочена, ничтоже иного не вкушая в тѣх седми лѣтехъ. Услышав же о иномъ черноризце, яко литру* едину снѣдаетъ хлѣба на день, и того подражая, воздержася яде, и противу тому воды испиваше. Ин же труд страстотерпецъ устави себѣ — сну соодолѣти. И се самъ исповѣдая: «Яко не поидох под кровъ 20 дней и нощей, да одолѣю сну. Зноемъ во дни горя, а в нощи же студению соклещенъ[6] бых». Глаголаше же сие, яко: «Аще вскоре во хлѣвину не бых вшелъ и взялъ мало сна,

[1—1] шерстяное рубище, ветхую власяницу; [2] принуждая себя, утруждая себя; [3] селезенка; [4—4] от какого-бы то ни было утучнения отторгла его; [5] злаков; [6] скорчен.

тако бы ми изсохъ мозгъ во главѣ, якоже из ума изступити ми, да елико бяше о мнѣ одолѣхъ сну. Инъ трудъ пострада — сѣдохъ на болотѣ шесть месяцъ нагъ, комары же можаху яко и свиней дивиихъ кожи пробости, бяху свершни[1], яко велицыи воробьи». Тако убо от них стреканъ бысть, возвратися во свою кѣлию по шести месяцехъ, точию от гласа познати его. И ходящу по пустыни ему три недѣли, и не ядый пребываше, и уже изнемог, анггелъ же Господень на мѣсто приведе. Ты же, окаянная душе, ни мало понудишися стати противу сонной сладости и от блохина укуса смущаешися.

Воспомяни, душе, Арсения Великаго.* Преложи всю любовь на небесное Арсений бо, на земли ходя тѣломъ, сердцем же з горними силами. Тѣмже глаголаше: «Не могу убо оставити Бога и быти со человѣки». Быша же слезы от очию его, яко от источника, текущи.

Воспомяни Пахомия Великаго,* яко 15 лѣтъ время по мнозѣмъ воздержании, и бдѣнии, и трудѣ посреди кѣлии сѣдяше, ни к стенѣ восклоняя хребет свой, якоже самъ рече: «Ты вѣси, Господи, отнележе приях образъ иноческий, смирихъ себе пред тобою и не насытихся хлѣба и воды или иного чего от земных». Сим бо путем текоша сии и возрастоша велики.

Макарий же Римлянинъ* ядяше вершие дубное, и инии нѣции симъ питашеся, якоже раивские отцы* финики и вершием дубнымъ питашеся.

Воспомяни, душе моя, Илариона Великаго.* Ядяше бо 15 смоквей[2] на день по захожении солньца, и крѣпце перси бияше, и прилѣжне Богу моляшеся, да безчинныя помыслы сердца своего отженетъ. Глаголаше ко своему тѣлу: «Азъ тя, яко безсловесных, умучу, да не еще ражаеши скотская помышления; не напитаю тя уже хлѣбом, но былием полским[3], и жаждою уморю тя, еще же и труды тя многими утручю[4], и зноемъ, и студению истаю тя». И оттолѣ убо наипаче жестокимъ житиемъ изсушая плоть свою: в третий убо день мало полскаго былия и менши 15 смоквей ядяше, да болѣзнию поста, и многими труды жестоких дѣлъ, и безглумными молитвами претомив тѣлесныя силы, и копаше землю, якоже Антоний Киевский печеру,* — тольма же утоли тѣло свое, едва костемъ его от тѣла содержатися; и тако творя, скверныя помыслы побѣждаше. Ты же, окаянная душе, всегда унываеши и скорбиши, яко дебельство исчезаетъ и измождеваетъ плоти твоея.

Воспомяни, душе, Иова Праведнаго.* Скоты его поплениша, и дѣти столпом побиша, и самъ гноемъ пораженъ бысть, той же во всемъ том благодаряше.

Нѣкий старец объумре и паки оживе, видѣ будущая, и разумѣ непостояньство жития сего, к тому не приложи с человѣки глаголати, но затвори кѣлию свою и пребысть плача и рыдая даже и до кончины своея.*

---

[1] кузнечики, сверчки; [2] плодов смоковницы, фиг; [3] полевым; [4] утружу, утомлю.

Воспомяни, душе моя, Филимона Отшелника.* В нощи убо пояше весь Псалтырь, и пѣсни Моисеовы без молвы, и единаго от евaггелистъ, во дни же, по преданию, пояше и паки прочитая от Евaггелия и от Апостола, и тако весь день непрестанно поя и моляся. И многащи в видѣнии умъ вознести ему и не вѣдети, аще на земли есть, и ничтоже ядяше, развѣ хлѣба и воды и соли, и сие чрез день, отнюдъ плоти никакоже попечение творяше. Зриши ли, душе, кто может от человѣкъ, мятущихся и парящих в житейских вещехъ, понести таковое правило.

Воспомяни, душе моя, Симеона Дивногорца.* Бѣ бо забы тѣлеси отроча и аггельское показа житие, заднихъ забывая, а к предним простираяся,* день от дне избирая себѣ жестокое пребывание: овогда же пояше по патьдесятый псалом, овогда же по осмьдесятый, овогда же и весь Псалтырь, и весь день безмолвиемъ молчания славословя. Согниста же нозѣ и бедры его, и лыста[1] возсмердѣша и прилипша к колѣнома его. Глаголаше ко Христу, яко: «Тебе ради, Господи, презрѣх свою ногу». И преспѣваше въ трудѣ постничестем, и причащаяся от аггела от недѣли до недѣли. Тецы, тецы, окаянная душе, вослѣд сихъ, яко осталася еси.

Воспомяни, душе моя, Антония Великаго.* По вся бо дни стеняше, помышляя, яже на небесѣх пребывалище, любовь имѣя в него, ни смотряя дневныя человѣческия жизни, ядяше же единою днем по захожении солнечнѣмъ, и по двою же днию, множицею и по четырех днех вкушаше. Бѣ же пища его хлѣб и соль, а питие ему вода едина; на спание же доволенъ бѣяше рогозиною, множицею же и на земли легаше. Ты же, душе, ни мало потщишися отторгнути умъ свой от мятежа и попечения суетнаго или повоздержатися мало от хлѣба и воды на кийждо день онъ.

Воспомяни, душе моя, Висариона,* како мужески подвижеся, взыде в пусто мѣсто, яко безплотенъ, подвижеся, и тѣло презрѣвъ, яко истлѣвшее, 40 дней и 40 нощей, якоже столпъ, к высотѣ руцѣ и очи имѣя.

Воспомяни, душе моя, Македония.* Молвы бѣгаше 45 лѣтъ, ни в хижину входя, ни в колибу[2], но во глубоцѣ рьвѣ стоялище имѣя. Старъ же бывъ, и подкоша малу колибу, 25 лѣтъ в колибе совершивъ, яко собратися лѣтом подвига его 70 лѣтъ, ячменем же и водою 40 лѣт питаемъ.

Воспомяни, душе моя, великаго предтечю Иоанна Крестителя.* Живяше бо в пустыни безводней и безтравней, тѣмже ни хлѣба ядяше, ни вина пияше и ничтоже мирскаго имѣяше; ни в храмѣ живяше, но, под каменем вкопався, живяше; се ему столъ, и трапеза, и одръ — земля. Развѣе нужды ради естественныя единою днемъ ядяше акриды и медъ дивий[3], чаша же ему пригоршни бяше, а питие — ис камени текущая вода. Оле, великий свѣтилникъ, денница великому солнцу сый. И еще предразсуди подвигнутися, и главѣ усѣчение страда. Риза же его от власъ вельбужьихъ и поясъ усменъ[4].

---

[1] *зд.* жилы; [2] шалаш; [3] дикий; [4] кожаный.

Воспомяни, душе моя, Макария Великаго.* Вниде нѣкогда в монастырь Тавенисиотский, мирское одѣяние наложивъ, хотя испытати дѣло коегождо по единому. Видя же различна жития в них: непрестанную молитву всѣмъ имущимъ, и овъ ядяше к вечеру, инъ — во вторый день, другий — за три дни, и инъ — за пять денъ, другий всю нощъ стояше без сна на молитвѣ, во дни же на рукодѣлие присѣдяше. Преподобный же Макарий наквасив себѣ фалия[1] от финикъ и ставъ во едином угле, дондеже 40 дней мимо идоша и Пасха достиже, ни хлѣба вкуси, ни воды, ни колѣну преклони, ни сяде, ни леже, ни ину пищу вкусивъ, кромѣ зелия сурова, и сие во Святую недѣлю. Почто, душе, сим не ревнуеши, поне по силѣ своей постися, но от своихъ трудов питайся, якоже и тии святии.

Воспомяни, душе моя, Марию Египтяныню.* 47 лѣтъ скиташеся, яко звѣрь, в пустыни Иерданьской, не имущи ни пищи, ни одежды, якоже сама рече Зосимѣ:* «Егда бо начинахъ пищу вкушати, абие хотяше ми ся мясом, и рыбам, и винамъ, якоже во Египте. Здѣ же, не имѣющи ни воды вкусити, люте распалахся[2] и бѣдне терпяхъ, не востаях бо от земнаго повержения, нощь и день слезы точащи. И тако скончах 17 лѣтъ, бѣды тмами приемлющи. Оттолѣ же и до днешняго[3] дне помощница Богородица, та помогаетъ ми всегда». Рече же Зосима к ней: «Да не потребова[4] ли уже пища и одежда?». Она же отвѣща: «Хлѣбы убо оны три скончавши въ 17 лѣтъ, питана быхъ былием и прочимъ, сущим в пустыни сей. Ризу же, еюже имяхъ пришедши Иорданъ, раздравшися, распадеся. Многу же бѣду от зимы и от зноя пострадахъ, солньцем горя и мразом омерзающи и трясущися. Тѣмже и многажды, падши, на земли лежах, аки бездушна и недвижима». Ты же, скверная душе, ни глада, ни жажды имаши, ни падаеши от нужды, да чимъ хощеши спастися?

Воспомяни, душе моя, Андрея, иже Христа ради уродиваго.* Се же ему молящуся, наста нощъ, и, мало спавъ, видѣ во снѣ, яко бяше в полатах царьскихъ сущу ему, и призва его царь к себѣ. Пришедшу же ему и ставшу пред ним, и рече к нему царь: «Хощеши ли мнѣ работати всею душею? И сотворю тя, да будеши ты единъ от славныхъ в полатѣ моей». Рече же ему Андрей: «Кто может отрицатися добраго? Азъ бых хотѣлъ орудию сему». Рече же ему царь: «Да, аще хощеши, приими моея работы снѣдь». Да со словом вда ему нѣчто мало, яко снѣгъ. И прият, и яде, бяще же сладко, еяже сладости умъ человѣческий постигнути не может, ни приложити к чему, но бяше ему мало, и се снѣдь, нача молитися, да быша ему еще далъ от того же, глаголаше бо, яко: «Егда се ядох, мнѣх, яко миро Божии преложися сладость сия». И паки вда ему, яко и есть се сыдонатъ,* кусъ малъ, рече ему: «Возми, яжъ». И веземъ, и яде. Бяше же люто и горко вельми, горчае пелыня, да яко мутитися нача ему она сладчайшая снѣдь. Видѣвъ

[1] молодые ветки, отростки (гр. Θαλλια); [2] распаляясь; [3] сегодняшнего; [4] закончилась.

же царь смутившася его, тако рече ему: «Видите ли, како не может претерпѣти горкаго того вкушения, совершеннаго бо моего служения разумѣти. Снѣдь дах ти — таков бо есть уский путь, вводяй хотящая внити во врата Царьствия моего». Рече же блаженный: «Горко есть орудие се, Владыко. Да кто се может ясти, а тебѣ работая?» Рече же царь: «Горкое разумѣлъ еси, а сладкому нѣси ли разумѣлъ, нѣсмь ли ти далъ первое сладкое, а потом горкое». Рече же онъ: «Тако, Владыко. Но о горцем реклъ еси рабу твоему, якоже есть оскорбленаго пути образ». Рече царь: «Ни. Но посреди сладкаго и горкаго есть путь. Да в горцемъ показано ти вкушение страстем и болѣзнемъ, яже ти прияти мене ради. В сладцѣ же ми добрѣйшем бываетъ хладъ, и покой, и утѣшение страждущимъ мене ради от моея благодати. Да нѣсть горко едино присно, ни сладкое по единому образу, но и другойцы се, а другойцы оно, другъ друга прогоняше. Да аще хощеши, увѣщай ми ся, да бы вѣдалъ». Рече Андрей: «Дай же ми паки ясти того же, да, вѣдевъ, повѣдати». Он же паки даде ему горкое и потомъ сладкое. Святый же бояся горкаго вкушения и рече: «Не могу работати азъ, сице ядый, орудие се есть горко и тяжко». Царь же осклабився, выня из пазухи своея нѣчто узрачье[1], иже бяше видѣниемъ яко огнь, и вельми добре благоуханно, и цвѣтным образомъ одѣяно. Рече ему: «Возми, яжъ, забудеши все, елико еси видѣвъ и слышалъ». Он же, вземъ, съяде и, на многи часы от сладости стоя, и от великия радости, и от многия воня[2] и сладости стояше, забы вся, на свой умъ нашедъ, и падъ на ноги того великаго царя, моляшеся ему, глаголя: «Помилуй мя, Владыко добрый, не отрини мене отсюду, раба твоего, яко разумѣхъ воистину, яко вельми сладокъ есть путь работы твоея. Да кромѣ тебя не поклоню выя[3] своея никомуже». И рече ему царь: «Моему ли ся вкушению удивилъ еси? Вѣру ими ми, яко добрых сущих у мене се есть хуже всего. Но аще мене покоиши, все мое твое будетъ, и сотворю тя друга себѣ, и причастишися Царства моего святаго, и наслѣдникъ будеши». И рече к нему, яко се послалъ его бяше нѣгде на орудие[4]. И абие убудися. И егда нача трудитися, наго ему бяше тѣло, отнюд и без храма, ни порта[5], ни рогозины, ни обуви. Зимѣ бо велице наставши и мразу люту зѣло, всякъ родъ плотян[6] от бѣды зимныя хотяше издыхати, оному же не бѣ, гдѣ главы подклонити. По двою же недѣлю преста вѣтръ. Оному же обумершу, и восхищенъ бысть в рай на то время, видя красоту райскую и сладкое пѣние райских птицъ. И оттолѣ не спя начат пребывати по вся нощи, немолчное славословие принося къ Богу, чрез весь день бяше посреди голки[7], глумяся, творя ся, яко пьянъ, рѣяся[8]. Егда же великий варъ солнечный бываше, тогда творя себе пияна суща, да при горящем мѣсте, приходя, лежаше, горящу же, варъ терпяше, не ядый, ни пия, среди пути лежа, да от других биен бываше, а от иных ногами попираемъ и рѣемъ, а инии палицами главу ему пробиваху, а друзии за власы его

---

[1] прекрасное; [2] запахов, ароматов; [3] шеи; [4] дело, работу; [5] платья, одежды; [6] плотский, из плоти; [7] шума; [8] качаясь.

терзаху и по шее биюще, а инии, повергше, за ноги его влечаху. Ты же, душе моя, ни наготы тѣлесныя страждеши зимѣ и лѣте, ниже алчеши и жаждеши, ниже ранами от человѣкъ, но ни слова единого терпиши. Да како хощеши спастися и получити жизнь вѣчную льстишися, окаянная?

Воспомяни, душе моя, Петра Афонскаго.* Обрѣте убо пещеру зѣло темну, обросла с лужку пениемъ и хврастием отвсюду, в нейже гадъ толико множество бѣ, якоже преминути[1] небесныхъ звѣздъ множествомъ и морский пѣсокъ, с ними же и бѣсов вогнѣздящихся множество, иже толико воздвигоша безчисленных напастей святому, якоже ни языком вмѣстно вѣщати, ни слухом прияти, — вселися в ню, благодаря Бога, исповѣдаяся день и нощь и молитвы теплѣ испущая. Се уже второнедѣлное время святому не ядши, бѣси же ненавидя терпѣния его. Վземъ сатана все воиньство свое со стрелами и луки, вниде единъ во ону пещеру, идѣже блаженный мученическаго страдания сконча подвигъ, друзии же камение превелико, яко превращающе извну[2] со гласомъ и вопль испущающе на нь, якоже, зрящу святому, глаголати, яко: «Всяко приспѣ ми кончина, и не к тому в живых вочтуся уже». И первостоятель убо сих внутрь бѣ пещеры, друзи же его вся оружия и стрѣлы держаще, мняху пущати на преподобнаго. Но Вышняго благодатию невредимъ сохраняшеся, изыде, видѣ лукавствия духи, окрестъ пещеры стояща, и гласы неодержимыми, и страшными взоры вельми на нь пущающеся, и глаголаше святый с воплемъ крѣпким: «Господи Исусе Христе, Боже мой, не остави мене!» И к тому не слышахуся гласы таже до времени нѣкоего. По сих же, пришедшимъ пятьдесятим днем, паки, первым облекшимся образом, вооружаются на нь. И подвигоша всякъ гадъ, и пресмыкаемыя по земли, и вся звѣря, иже бяху в горѣ той, и с ними поидоша в пещеру. И ова убо от них [3]сюду и овауду[3] текущим творяху, ови же зияти[4] и жива пожрети праведника, иная же скакати, свистати и грозно зрѣти, устрашаху его. Но паки сих немощных и слабых знамением креста отгоняше. Бѣяше же анггелъ пищу небесную принося ему на кийждо 40 дний и нощи, показа же и манну на пищу ему. Молящу же ся ему 53 лѣта, исчезоша же частая мечтания дияволя и аггелъ его. В толицѣх же лѣтехъ не узрѣ естества человѣча, не бѣ ему пища ина, точию манна, ни одежа, ни покрова, и земля — возлюбленный одръ, во зной убо горя, в зимѣ же померзая.

Воспомяни, душе моя, Марка Фраческаго.* Якоже самъ рече: «95 лѣтъ имам в маломъ семъ вертепѣ[5], не видѣх ни звѣря, ни птицы, ни хлѣба человѣческаго ядохъ, ни одѣянием мирским одѣянъ. 30 лѣтъ быхъ здѣ в велице теснотѣ и нужде, от алчбы, и жажды, и наготы, и от дияволскихъ прилогъ[6]. Снедох, — рече, — персть от алчбы и от воды морския пих. 20 лѣтъ от тѣх ходихъ нагъ, бѣх в велицѣ теснотѣ. И прокля же ся межъ собою бѣсове до тысящи,

---

[1] превысить; [2] снаружи, извне; [3—3] туда и сюда; [4] раскрывать рот; [5] пещере; [6] нападений.

в мори потопити мя хотя, влечаху мя, биюще, до [1]долния страны[1] горы, дондеже не оста на мнѣ ни кожа, ни плоть, вопиюще и глаголюще: «Воставъ, изыди от земля нашея! Здѣ никтоже вселися от начала миру. Ты же како смѣлъ еси дерзнути?» Ходих нагъ и босъ, дондеже отступити составом моим от кожи, и от мраза, и пожже солньце плоть мою, бѣ же ниц лежах, яко мертвъ, 30 лѣтъ бѣх на мѣсте сем и не обрѣтох в них ни единого корене от былия, оттолѣ же излияся на мнѣ благодать Божия, и пища неоскудна приношает ми ся от Бога по вся дни». Всѣх же лѣтъ его 108 лѣтъ. Ты же, окаянная душе, ниже уединитися можеши в дикую пустыню, ниже от бѣсов можеши терпѣти скорби, но от клопоту[2] единаго стужаеши си, ниже наготуеши[3], и страждеши, и от нужды умираеши, ниже алчеши и жаждеши хлѣба и воды, ниже от человѣкъ словеса досадителная и скорби не терпиши, да како хощеши спастися? Не вѣси ли, окаянная, яко посреди рати стоиши тѣхъ же лукавых духовъ, на всякъ день требуеши многаго терпѣния.

Воспомяни, душе моя, Ануфрия Великаго.* Якоже рече самъ: «Вначалѣ толикъ имѣх трудъ, яко в нѣчаянии быти ми смерти, алчьбѣ убо и жажди вдах себѣ. Абие же и вара дневнаго ради, и мраза нощнаго премени ми ся плоть от нужды оноя. Финик же сей ражаетъ на лѣто 12 грозды, яко быти единому на месяцъ, сие ямъ з былии пустынными. И повелѣ Богъ аггелу приносити ко мнѣ пищу на всякъ день и воды мало. Пребых же 60 лѣтъ человѣка отнюдъ не видѣ». Зриши ли, како помогаетъ Богъ святыми аггелы уповающим на нь, и тружающимся, и издавшимся на смерть, и отчаявшимся живота своего имени его ради. Ты же, окаянная, смущаешися во всякой вещи во всяком мѣсте на всяко время и без труда спастися хощеши.

Воспомяни, душе моя, темничников, иже в Лѣствице свидѣтелствованных.* Преклонени бо до конца своея жизни, весь день, сѣтуя, ходяще, возсмердѣша и изгнилы язвы тѣлесныя, забывающе убо еже ясти хлѣбъ свой, питие же ихъ водное с плачемъ растворяхъ, и пепелъ и жератокъ[4] вмѣсто хлѣба ядяху; прилипша имуще кости к плоти, яко сѣно, изсхоша. Ови убо на зное сами себѣ мучаху; инии же на яснѣ[5] всенощне стояще неподвижнѣ; нѣции же, мало воды вкушающе, престаху, елико токмо от жажди не умрети; инии же, мало хлѣба приемлюще, и сего далече рукою отметающе, и ни единаго же упокоения себѣ дающе; инии же, на молитвѣ стояще, слезъ не имѣюще, сами ся бияху. Слышиши ли, како тружахуся?

Воспомяни, душе моя, блаженнаго Давыда.* Во пророцѣх превеликъ, во царѣхъ же прославленъ, не срамляшеся плакати, глаголаше: «Утрудихся воздыханиемъ моимъ, измыю на всяку нощъ ложе мое, слезами моими постелю мою омочю».* Овогда же сѣтоваше, яко: «Исчезоша, яко дымъ, дние мои, и кости моя, яко сушила сосхошася, уязвенъ быхъ, яко трава, и изше сердце мое, яко

---

[1]—[1] подножия; [2] шума; [3] пребываешь нагой; [4] золу; [5] открытом месте.

забыхъ снѣсти[1] хлѣбъ мой, от гласа воздыхания моего прилпе кость моя плоти моей. Весь день поношаху ми врази мои, зане пепелъ, яко хлѣбъ, ядяхъ, и питие мое с плачемъ разтворяхъ, и азъ, яко сѣно, изсхохъ».* Овогда же, смиряяся, бдя и моляся, глаголетъ: «Аще вселюся в селение дому моего или взыду на одръ постеля моея, аще дамъ сонъ очима моима и вѣкома моима дремание, и покой скраниямъ[2] моимъ, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селение Богу Иаковлю»,* емуже слава нынѣ, и присно, и вовѣки вѣкомъ. Аминь.

---

[1] съесть; [2] вискам.

«СВОЕРУЧНАЯ ХАРТИЯ» И ЖИТИЕ ЕЛЕАЗАРА АНЗЕРСКОГО

СВОЕРУЧНАЯ ХАРТИЯ ПРЕПОДОБНОГО ЕЛЕАЗАРА АНЗЕРСКОГО О БЫВШИХ ЕМУ ВИДЕНИЯХ И ОТКРОВЕНИЯХ

СВОЕРУЧНАЯ ХАРТИЯ* ПРЕПОДОБНАГО ЕЛЕАЗАРА АНЗЕРСКАГО О БЫВШИХ ЕМУ ВИДѢНИЯХ И ОТКРОВЕНИЯХ

Лето 7123-е (*1615*). Повѣда мнѣ, грѣшному Елиазару, нѣкто от христолюбивых мужей о острове Ванзерском* — возможно на нем имѣти житие пустынное. И приидохъ, нача здати кѣлия. Завидев супостат диаволъ, хотя устрашити и изгнати, вооружися на мя со многими бѣсы, ови во образе знаемых сумских сътрелцов,* ины же незнаемы, ови на конѣх, ины же пѣши с луки и с самопалы и с копии. Обступиша мя сь яростию, хотя убити, глаголюще сицѣ: «Почто прииде на нас? Наше бо мѣсто искони бѣ, никтоже бо житие, притѣ*к* преже тебѣ, имуще». Азъ им отвѣщав: «Не ваше, Христа Бога нашего, а Бог изволил быти мнѣ на мѣсте семъ». И начах глаголати: «Да воскреснет Богъ и разыдутся врази его»,* и прочая псалма того. И тако отидоша без вести.

Иногда же приходяще, скрегчуще зубы и грозяще убийством, глаголы многоразличными устрашая, и до сего дни беспрестанно. Иногда же напрасно[1] пришедше, яко из тысячи вдруг самопалов удариша. В первых днех жития моего, от Покрова святѣй Богородиц*ы* до Рождества Христа Бога нашего,* зело мнѣ тяжко, не дающе сна и покоя ни в день, ни в нощь.

И нѣ в кое время, спяще и не спяще, прииде ко мнѣ в видении святая Богородица, глаголюще ми тако: «Мужайся и крѣпися, Господь с тобою. И напиши в кѣлии своей на стенах: „Христосъ с нами устав*и*ся"». И даде мнѣ посохъ и четки. Аз же востах, написахъ на стенах по глаголу ея. И умалися мног*и* рати.

По семъ седяще м*и* некогда, борющеся со сном, и слышах глас, поюще псаломъ на четверто*й* глас: «Вознесу тя, Господи Боже мой, яко подъя*л* мя и не возвеселил еси враги моя, Господи Боже мой».* Аз же против воспѣхъ в та же глас: «Буди имя Господ*н*е благослове*н*но отнынѣ и до века».* По семъ облецыся во святый совершенный великий образ иноческий,* *и* паче рать умалиш*а*ся, а не отступающе же рать творяще. И невозможно многих козней их изглаголати и списати.

---

[1] внезапно, неожиданно.

Во ины же дни прииде ко мнѣ нѣкто Соловецкаго острова инокъ, имя ему Кирило.* И нача ему глаголати: «Брате, аще пришел еси Богу работати — поживем в любви христовой в безмолвии обычаем. Церкви же отнюд не помышляй ставити, освятимъ преже церковь телесную, свободимъ душа своея от грехъ, а по смерти нашей, — яже Богъ изволитъ». Онъ, слыша от мене, и паче менѣ укрѣпляше, и обѣщася никакоже сего начати.

Во время же то, при государи цари и великомъ князе Михаиле Федоровиче* всея Русии, случися быти на Москвѣ игумену соловецкому Иринарху* и старцом. Прииде же игумен к государыны, вѣликой старицы иноке Марфе Ивановне,* побити челомъ о своих нужах. Она же вопрошаху его: «Слух нас дошед, игуменъ Иринархъ, есть, де, от вашего монастыря недалече островъ Анзерьской, на нем отшелницы живут пустынным житием». Он же отвещает: «Государыня, островъ зело угоден иноческому пустынному пребыванию: воды много, со озеры, и лесъ, и ягодичие». Она же глаголаше: «Мочно ли поставити на томъ мѣсте церковь, по глаголу твоему?» *Он глагола*: «Зело угодно!» И даша ему сто рублев на соруженье.

Нам же, пребывающимъ на острове, ничтоже о семъ имуще попечение. Но сам Богъ изволи быти святой церкви.

По сем же извести Богъ святѣйшему патриарху о святѣмъ мѣстѣ, и даша книги и ризы, образы, и приложи велию вѣру строити.

Нѣкогда же видевъ аз, грѣшный Елеазар, умныма очима[1] над темъ мѣстомъ, идеже нынѣ стоит святая церковъ, облакъ теменъ, и нача быти красен, и сниде, нача грѣмѣти, обхождаше около то мѣсто, попаляя и очищая остров, идеже церковь и кѣлии нынѣ стоят, в длину восемьдесят сажен, поперег — сорок.

Ин же брат повѣда мнѣ, имя ему Феофил, — видяще идуще от высоты небесныя, от востока, церковь на мѣсто богоизбранн*ое*.

Старецъ мой Фирсъ* слышах явѣ звонъ велий, и мене возва ис кѣлии во свидѣтельство се бываю*щ*и.

Лука ж верижникъ[2], что был у Троицы, сл*ыша*хъ во дни глас неизреченный и звон многъ на том же мѣстѣ: в то время брал ягоды на монастырь Соловецкой. И мнози людие поморцы, егда стояще у острова ко пристанищемъ, поведаху мнѣ страшная и различная знамения.

По повелению государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, и по благословению великого государя, святѣйшего патриарха Филарета Никитича Московск*ого* и всеа Русии* поставити повелѣ церковь во имя пресвяты*я* Троиц*ы*.* Егда же уготова бревна, прииде игумен Иринархъ обложити церковь[3]. И нача класти основание бревны, идѣже нынѣ стоит. Аз же моляше его подвигнути основан*ие* повыше, чтоб среди островка. Он же не послуша.

[1] в видении; [2] носящий вериги; [3] чтобы заложить церковь.

[1]Мнѣ же пререкуще[1] ему о сем. Он же поведа мнѣ: «Сын, де, мой духовно*й*, инокъ, седехъ на тони[2] со служебники[3], ловил рыбу красную на Соловецкой монастырь, на усть Кобыльи губы, от того мѣста за две версты. И поведа мнѣ страшно видѣние: во время полудне седяще ему стрегуще рыбы и видѣх на том месте столпъ огненъ, до *небесъ* восходящъ. Он же вскоре посла дву человекъ своих рыболовцов: „Идете и возвестите ми, что се есть таково дивное знамение?" Они же приидоша на мѣсто то, огня же не видящ*е*, токмо от того мѣста восходяще дым и пара. И приидоша къ старцу и поведа ему, яко на том мѣсте быша знамение *п*одле того, идеже кѣлия стоял*а* Ус*о*льского дворища». Имени же игумен того старца не поведа.

Во оно же время, при игумене Рафаиле,* видеще в нощи иноцы и бельцы[4] Соловецкого монастыря над манастырем Анзеръским свѣтъ неизреченый. Они же мняще, яко церковь и вси кѣлия от огня погореша. И в той нощи игуме*н* посла дву человекъ на проповедание[5]. Они же приидоша скоро ко мнѣ и вопрошающе мя и брати*ю*: «Что у вас в нощи сей бывша?» Нам же отвѣщающе: «Ничтоже видѣхом, токмо милости*ю* Божией хранимы».

Преже мене, грешнаго Елизара, бывше*й* игумен Ияков виде от Бога откровение о мѣсте Анзерском. Аз же его застах.* И поведа, что хо*щ*ет Богъ прославитися на мѣсте семъ, и будет монастырь велий и многи святыя. И самъ он хотехъ поставити монастырь на том мѣсте и церковь воздвигнути. И по зависти [6]сопостата врага[6] ня даша ему воздвигнути соловецкия старцы. Он же и до смерти глаголюще: «Аще и не даша мнѣ поставити, а обитель будет на мѣсте семъ велия».

Во ино же время стоящу ми пред образом Христа Бога нашего, молящеся со слезами* и глаголюще тако: «О, владыко Христе, царю и содетелю[7] мой, что воздам против милости твоей? И ничтоже бо благо сотворих пред *то*бою!» И видѣх, яко голуб лице мо*е* крилом тихо приразися и глаголюще тако: «Богу моему и Богу твоем*у** слезы твоя принесу». И тако невидим бысть. И возрадовася душа моя,* и вся внутреняя в веселии бысть.

Не в кое время преставися брат у нас, имя ему Тихон. Ин же братъ, имя ему Тихоний, диявольским навожением украде того брата умершаго две книги. Последи же того по обычаю поюще нам вечерню, — и еще тогда немного братства, четыре брата, — и видех на нѣких на главѣ седяще нѣкая сила Божи*я* в голубинѣ образе, на ином же на раму[8] посъде, ко иному же брату полете и скоро сердцу припакнуша крылома, ко иному же паки отвратися. [9]Аз же чюдихся, зря, не вѣдах тайны[9]. Той же брат прииде во умиление, [10]*исповеда* ми[10], кланяяся и прощение прося.

[1—1] Я же возражал; [2] место лова рыбы; [3] с послушниками монастыря; [4] люди, еще не постриженные в монахи, живущие в монастыре; [5] проверку; [6—6] дьявола; [7] создатель; [8] на плечо; [9—9] Я же дивился, видя это, не ведая тайны; [10—10] повинился передо мной.

Во ино же время, мало приим*щ*у мнѣ сна, лежаще на ложи моем, имуще во устех молитву, и обрѣтохся[1] на некоем местѣ при горе, недалече от церкви, к восточной странѣ [2]с пол поприщ*а*[2]. И видех умныма очима* чюдное видение: сѣдяще на прест*оле* Господа Бога Ветхи деньми,* якоже описуютъ иконописцы. С ним же видяще на престолѣ Сына Божия. На третемъ престолѣ Святаго Духа в голубинѣ образе.* [3]Чюднаго же зрака[3] их и сияние невозможно списати. Пред ними же стояще аггела, имуще на себѣ одежду белу, яко снегъ, держаще в руку своею кадило. И нача кадити, якоже священики обычай имат по чину по трижды. И нача кадити преж Отца и Бога, глаголюще т*а*ко: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», и поклоняшеся до земл*и*. Прииде же к Сыну Божию, нача кадити, глаголюще сицѣ: «Славословлю тя, Сына, со Отцемъ и Духом Святымъ», и поклоняшеся. Прииде же ко Святому Духу кадити, глаголющу: «Прославляю тя, Свята Духа со Отцемъ и Сыномъ». Аз же, грѣшный, приложи сим словесем: «Троица святая, спаси душа наша нынѣ и во веки вековъ, аминь». И осщюти сердце свое исполнено рад*о*сти многи зело.

Егда мнѣ бываютъ многи скорби от бесов и злых человекъ, многажды невидим*о* глаголюще: «Не бойся бесов, Господь с тобою». Иногда же глаголюще: «В терпѣнии стяжите душа ваша».* Многажды и от братий соловецких и пребывающых со мною, *наносяще* мнѣ скорб*и*, и не могуще терпети, утешающе мя и невидимо глаголюще: «Вы бо силнии есте, немощи немощных носите».*

И по многи времена многим симъ знамением не вѣрующе ми, да некако прелщен буду от врага. И сѣдящу ми в кѣлии при оконцѣ и слышах глас от полуденныя страны, яко громъ от небеси, истязающе мя за нѣверие многим видени*ям* явным и в тонком снѣ, и глаголюще сице: «О, роде неверный и развращенный, дакуду буду с вами, дакуду терплю вам!»* И от гласа того страшнаго ужасеся душа моя и вострепета вся внутренняя моя зело.

Не в кое же время хотяще ми изыти от острова Ванзерскаго в [4]руския мѣс*та*[4] от стужения злых человекъ и бесовъских страстей. И видех знамение. Стояще ми на полѣ чистѣ, и показующе ми нѣкто незнаем перстом на небо: «Зри!» И видех чрез все небо лучю свѣтовидну, яко *радуга* во время дождевн*ое*. И, мало помедлив, паки глаголюще: «Возри на небо!» И видѣх образ Христа Бога нашего и пречистую Богородицу и святаго пророка Иоанна, с ними же дву аггелевъ и апостоловъ, якоже в Деисусе описуются.* Мнѣ же чюдяще сим знамением. И паки показующе ми: «Зри на небо!» И видех нерукотворенн*ый* образ Христа Бога,* тако бысть великъ — во все небо. И глаголаше ми: «Виждь величество Божие и славу его. Егда Божиим изволением во чреве вмѣстися в пре*святую* Богородицу и на земли многи скорби претерпѣ человекъ вас ради, нынѣ же и небо не вместит. А ты не хощеши терпѣти скорби».

---

[1] очутился; [2—2] в полуверсте; [3—3] Чудесного же вида; [4—4] т. е. на материк.

Нѣкогда ми бдяще в молитвах и совершаю*ще* Исусовы молитвы, *чи*сло[1] и поклоны. Последи же нача призывати пресвятую Богородицу. Обыча*й* имуще молитися: «Пресвятая госпоже Мария, пречистая Богородица, спаси мя грѣшнаго!» И к совершению сотни является мнѣ пресвятая Богородица, имущи на себѣ три звѣзды велми свѣтлы* — на главѣ и на рамѣх,* якоже описуютъ, имуще ризу багровидну. И глаголаше ми: «Елеазар, разумѣй на мнѣ звѣзды сия. И аще имаши всегда мя тако призывати в молитвах, буду тебѣ по*д*ъ исходъ душ*и* твоея». В то же время лежаще у мене тружающему[2] — пришелъ из своея кельи, угорѣхъ въ зимнею порою. И приниче[3] к нему, на него подула и глагола мнѣ: «Побереги угорчака[4] сего». И тако невидима бысть.

[5]Въ день неделный[5] во святый постъ видехъ святую Богородицу на литургии умнымъ окомъ: стояща предъ образомъ своимъ болшим с леваго крылоса, лицемъ на церковъ. И нача мы на сходе пети оба крылоса стихъ «О тебѣ радуется, Обрадованная», задостойна.* Она же двигнуся с того мѣста и ста посреде насъ с молчаниемъ и стоял*а* до скончанья стиха того. Мы же, попѣвше, поклонишася по обычаю. Она же такоже поклонися и невидима бысть. Мнѣ жѣ страхом и радостию объяту бысте.

Во ино же время летнѣе приидох в церковъ к обѣдни в день суботный поранѣе, прежѣ братии, и в трапезе начало положихъ по обычаю. И является мнѣ образ пречистыя Богородицы, подобие Смоленския,* держаще на руку левою превѣчнаго младенца, Господа нашего Исуса Христа, якожѣ в Соловецкомъ монастыре против игуменскаго мѣста, имуще на себе ризу богровидну, златомъ часто испещрену. И глагола ми тако: «Елеазар, имѣйте заповеди Христовы — смирение и любовь, да во имя мое поставите святую церковь».* И невидим*а* бысть.

По семъ является ми в церкви пресвятыя Троицы во ино время во образе апостолъ Христовъ Павелъ, держитъ в правей руки знамение — образ пяднищной* пресвятыя Богородиц*ы*. И глаголаше мнѣ тако: «Елеазар, аще когда приходите в святую церковь, приходите и поклоняйтеся образу Христа Бога нашего со страхомъ и трепетом. Да сия моя глаголы и братии яви».

На другой же день в кѣлию прииде ко мнѣ искуситель[6]. Является мнѣ тем же образом Павла апостола, токмо в руках не имат образа. Мене же сохрани сила Божия. Опознах чювством приход его. И нача глаголати: «Вѣрую во единого Бога Отца!»* И тако силою Христовою в той часъ исчезе.

Нѣкогда прииде ми помышление: «Како сотворю угодно Творцу и Богу моему и что ему угодно моление?» И востав помолихся прилежно: «Владыко, Б*оже* Отче и С*ыне* и Святый Ду*ш*е! Яви мне, како тя призову на всяко время — псалмопѣниемъ или красною молитвою?» И слышах глас, глаголющъ ко мнѣ:

---

[1] т. е. определенное число молитв; [2] больному; [3] склонилась; [4] угоревшего; [5—5] В воскресенье; [6] бес.

«Сим образом молися — глаголи на всякъ день: „Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецѣх благоволение"* до конца и: „Господи — прибежище бысть нам",* и: „Сподоби, Господи, в день сей", на другой день». И паки помолихся. И паки то же повелевает глаголати. Се бо есть пѣснь к Богу обща аггелъска и человеческа.

КРАТКОЕ СКАЗАНИЕ О СТРОИТЕЛЕ ЕЛЕАЗАРЕ АНЗЕРСКОГО СКИТА И О ПРОЧИХ ПОДВИЖНИКАХ

СКАЗАНИЕ ВКРАТЦѢ О СТРОИТЕЛИ ЕЛЕАЗАРѢ АНЗЕРСКАГО СКИТА И О ПРОЧИХ ПОДВИЖНИЦѢХ

Сей убо преподобный отец Елиазар рождением бе града Козельска благочестиву родителю: отца иереа именем Афанасиа, матери же именем Татианы. Сей первие прииди в Соловецкий монастырь боголепнаго Спасова Преображения и преподобных и богоносных отец наших Зосимы и Савватиа чудотворцев. И поживе ту лета доволна во страсѣ Божии, в мирском пребывании. И оттуду прииди на Анзерский остров при игумене Иринархѣ* Соловецкаго монастыря в лето 7124 (*1616*) года. И ту поживе и пострижеся во иноческий образ от иеромонаха Фирса. И поживе ту един, в пустыни работая Господеви, 4 лета. И по сем, Божиим изволением и повелѣнием благовѣрнаго и благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича* всеа России и по благословению великаго господина, святѣйшаго Филарета патриарха Московскаго и всея России, церковь древяную воздвиже во имя живоначалныя Троицы, и братию собра, и келлии устрои. Таже по нѣколиких лѣтех каменную церковь созда и украсив всяким церковным украшением. И в ней два престола: Знамение пресвятыя Богородицы и преподобнаго Михаила Малеина.*

И сподобися слышати Божественный глас свыше, глаголющь к нему, еже написати ему образ Спасителев. Он же написа образ повелѣнием Божиим красками. А назменил[1] ему той образ в Соловках монах Памва иконописец* чернилы. И слышит глас, глаголющь к нему во дни умилно: «Напиши образ мой». Он же не посмѣл писати. И паки на другий день заутра глас бысть крепчайши перваго и со гнѣвом: «Напиши мой образ Христов!» Он же, уповая на Господа и помоляся, написал красками образ, уповая на милость его святую. Ему же буди слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Сей бе собесѣдник преподобному Иринарху игумену Соловецкому. Нѣкогда преподобному Елиазару пребывающу в келлии своей. И слышит внѣ келлии глас, глаголющь велегласно. Он же изыде из келлии своея и видѣ человека с конем шерстию сера, впряжена в сани, и в них медведно[2], и полстию покрыты, сани привращающа к дверем, дабы мощно в них сѣсти безтрудно. И призрак той, видя преподобнаго, изшедша из келлии, и поклонися ему обычно, и исправя от игумена Иринарха благословение его, и возвѣсти ему вещь о скором приѣздѣ своем. Сице рек: «Зовет тя игумен Иринарх вскорѣ нѣкоея ради нужныя потребы и нѣкоего премѣнения». Оному же удивльшуся игуменскому незапному пременѣнию. И вскорѣ восхотѣ ѣхати в монастырь. И пригласи послав-

[1] изобразил, начертил; [2] шкура, мех медведя.

шаго в келлию свою. Оному же отрицающуся и понуждающа его незамедленно ѣхати. Преподобному же скоро срядившуся. И вышед за сѣни. И воззрѣв на святую церковь живоначалные Троицы, и прекрестися крестным знамением. И абие изчезе бѣсовский призрак с конем и с саньми, и невидим бысть. И от сего преподобный приим искус и болма подвизашеся на диавола постом и молитвами и всенощным стоянием и бдѣнием. И тако побѣдив диавола.

И сподобися от Бога прорицати будущая, и благочестивому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю молитвою сынонеплодие разрѣшил, и Божественаго же гласа насладихся. И чудес благодать восприим, и от ученик его пастыря России ко исправлению споказа. В славу же святѣй Троицѣ обитель безмолвну возсоздав во спасение и уединение, коемуждо особ подвизатися, в нейже, обуреваемыи злыми, много исцѣление приемлют, молитвами его наставляеми.

И тако подвизася преподобный Елиазар, первый бе началник и строитель Анзерскаго скита. И поживе богоугодно доволна лѣта, и в старости мастите преставися ко Господу в лето 7164 (*1656*) года месяца ианнуариа в 13 день. И погребен бѣ невдалее от церкви живоначалныя Троицы, созданнѣй от него. И потом братиа поставиша над ним молитвенный храм — часовню. И поставиша икону, образ Господа нашего Иисуса Христа, на поклонение приходящим с вѣрою.

О учениках строителя Елиазара

Бѣ ученицы преподобнаго Елиазара: иеромонах Никон, монах Никодим, монах Никифор. И той монах Никодим бысть вторый строитель в Ванзерском скитѣ по старцѣ своем, преподобнѣм Елиазарѣ. И поживе во всяком воздержании нѣколико лѣт и преставися с миром в лѣто 7181-ое (*1673*) месяца ианнуариа в 22 день. Пребысть в монашеских подвизех 43 лѣта.

Третий ученик блаженнаго Елиазара — монах Никифор. И той бѣ во младых лѣтех пребывая житие постническое же и безмолвное. И пребысть в монашеских исправлениях немного лѣт. И преставися в вѣчный покой.

И погребены бысть оба в той же часовни с преподобным Елиазаром.

А иеромонах Никон бѣ попрежде сих подвижников, подвизася добрѣ нѣколико время. И по нѣкоему Божию изволению изыде ис того Анзерскаго скита. И выѣха на Онѣгу рѣку. И вселися тамо в пустыню на Кожеезеро, идѣже пребывал постническое и безмолвное пребывание пустыннолюбивый житель преподобный Никодим Кожеезерский. И вселися тамо. И пребысть нѣколико время в постнических подвизѣх уединенный. И потом принужден бѣ братиею в Кожеезерский монастырь игуменом. И ту подвизася неослабно. Потом же бысть митрополит великаго Новаграда. И Божиим изволением и повелением благо-

вѣрнаго и благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича* всея России принесе в царствующий град Москву из Соловецкаго монастыря мощи святителя Филиппа* на отечество свое с подобающею честию в лето 7160 (*1652*) года месяца иуллиа в 3 день. И послѣди сподобися быти патриарх царствующаго града Москвы и всея России. И бысть рачитель к церковному устроению и книжному исправлению и монастырьскому строению. И во изгнании скончася.

А о вышепомянутом монахѣ Никифорѣ от старых монахов, во искусѣ бывших, что той монах Никифор родом бѣ новгородец, от богатых родителей.

ЗАПИСКА О ЖИЗНИ ИВАНА НЕРОНОВА

Лѣта 7161 (*1653*) августа в 4 день, при патриархѣ Никоне,* царствующаго града Москвы *собора* Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ее *явления* чюдотворныя иконы, иже во градѣ Казани,* протопоп Иоаннъ Нероновъ сосланъ был въ сылку от патриарха Никона, за Вологду, въ Каменской монастырь.

Во 162-м (*1653*) году, ноября въ 6 день, ис Каменскаго монастыря писалъ послания ко государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю* всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, и къ ево государеву духовнику благовѣщенскому протопопу Стефану,* также иерей писалъ [1]за своею рукою[1], за что от патриарха сосланъ и колко мученъ.

Того же лѣта, февраля въ 27 день,* паки послания писалъ ко государю царю и къ ево государеву духовнику, прося Церкви мира; плача, приписав же и своею рукою доволно.

Того же лѣта, майя во 2 день и къ государони царице и великой княгине Марье Ильиничьне* писал я со слезами, прося Церкви мира; также и къ ихъ государеву духовнику, къ протопопу Стефану, с прещением[2] писалъ, моля того, да не умолчит государю царю и царицѣ, извѣстно же творя, яко и гнѣв Божий грядет неуправления ради Церкви; приписавъ же и своею рукою къ посланию, приводя во свидѣтельство Божественное Писание.

Июля въ 1 день, клеветы ради Каменскаго монастыря архимарита Александра,* сослан за отокъ акияна моря, въ Кандоложской монастырь,* и с Вологды писал ко государеву духовнику, къ протопопу Стефану, плачевное моление, ясно сказуя быти хотящий гнѣвъ от Бога всей Росии за презрѣние вопля того и за еже оскорбляемымъ быти Божиимъ рабомъ, проповѣдующим истинну и просящимъ Церкви мира.

[1—1] за своею подписью; [2] укорами.

Протопопъ же Стефанъ, еще и внятъ, и молебное оно писание государю царю прочетъ, обаче въ сомнѣнии бяше, яко рукою протопопа Иоанна Неронова не приписано, сего ради писаше ему въ Кандоложской монастырь.

Во 163-м (*1655*) году, апрѣля въ 4 день, то же моление [1]закрѣпивъ рукою[1], доволно писавъ позади моления, и что въ соборной церкви *говорилъ* на Вологдѣ, яко гнѣв Божий быти имать за молчание и за еже попусти мятежникомъ церковнымъ и суесловцемъ[2].

Того же лѣта прислалъ протопопъ Иоаннъ Неронов за своею рукою тетрати Переаславля Залѣскаго Данилова монастыря ко архимариту Тихону* ис Кандоложского монастыря, а что въ нихъ писано — *чтый* да разумѣетъ.

Того же лѣта, в 10 день, протопопх Иоаннъ Неронов ушолъ ис Кандаложского монастыря, с троими своими дѣтьми духовными, кои были с нимъ в Кандаложскомъ монастырѣ: со Алексѣемъ, Силою, с Василиемъ. Въ 4-мъ часу нощи в маленкомъ карбасѣ поехали моремъ, а всѣ неискусны морскому плаванию. Изъ монастыря были за ними двѣ погони: одна — за 70 верстъ отъ монастыря, а другая — за 100 верстъ; ближнюю погоню видѣли — стояли в то время на острову, часы пѣли и хлѣба ѣли, — а другие погони не видали.

Августа въ 10 день, Богу изволившу, воста вѣтръ от запада, такъ подняли парусъ — съшиты были двѣ рогожи новые — и ѣхали парусомъ версты в двѣ. И внезапу бысть буря велия, волнамъ убо восходящимъ на высоту, аки превеликимъ горамъ, и кождо ихъ с воплемъ к Богу взываху: «Господи, помилуй!» И другъ друга цѣловаху, предъ очима имущи смерть. Протопопъ же Иоаннъ Нероновъ, къ Богу моляся со слезами, яко да спасетъ ихъ от нашедъшия бѣды и от потопления избавитъ ихъ, и сущихъ с нимъ утѣшая, глаголаше: «Не бойтеся, ниже[3] малодушъствуйте, но на Господа упование возложите, не оставитъ убо насъ Господь!» Буря же преизлиха начатъ стужати[4], и карбасъ вмалѣ не опровержеся[5], зане от страха содержащаго не можаху паруса спустити, и карбасъ на боку волнами носимъ; тѣма же на другую страну от вѣтра нападьшимъ и держащимся за край *карбаса*, волны же, яко превелие горы, зѣло на высоту восхождаху, мнѣти тѣмъ, яко на облакъ подъятъ ихъ; егда же схождаху долу[6], мняху, яко покрыти ихъ имать волнами море; и не надѣяхуся кождо ихъ жити.

Прежде убо бури, егда на острову стояли, и какъ видяли гнавшихъ за ними и рѣчи от них слышали: «Какъ ушли? Диво! Гдѣ они дѣвались!» — в то время работники Ивановы и дѣти духовныя учали межъ собою прекословить, Ивану досаждать: «Кто, де, въ такомъ карбасѣ по морю ѣздитъ, а се, де, и снасти никакой нѣтъ!» И протопоп Иванъ имъ запрещал, глаголя: «Не ропщите, братия, между собою, да Бога не прогнѣваем! Аще не поспѣшитъ[7] Богъ — не твердо на

[1—1] скрепив подписью; [2] пустословам, людям, пренебрегающим сутью; [3] ни; [4] угрожать; [5] опрокинулся; [6] вниз; [7] поможет.

снасть упование ваше, и аще не послушаете и не престанете крамоля[1] — наказани имате быти». [2]Тѣма же ропщущимъ, вѣтру быти начатъ по себѣ[2].

Часъ же яко мину, волнами томими в мори, бывшу же и дождю велику в то время и мракъ; и абие бысть тишина, и солнце восия, въ карбасѣ же нимало обрѣтеся воды, яко дивитися имъ и прославити Бога. Егда же доплыша до Кемскаго устья, обрѣтоша на море лодию и старца Соловецкаго монастыря, грядуща с промысла въ Соловки, и с нимъ поѣхали на Соловецкой остров, помолитися преподобным чюдотворцемъ Зосимѣ и Саватию и Герману,* началником Соловецкаго монастыря.

И егда доспѣша до острова, извѣстно бысть архимариту Илии* лавры тоя, яко Иоаннъ, казанской протопопъ, на брегу. Прислалъ городничего старца Саватѣя, моляща того, да пождетъ архимарита, въстрѣтение тому сотворити хотяща. Иоаннъ же едва умоливъ, яко да тихо и без мятежа помолитца чудотворцамъ. Егда же отъиде старецъ с мольбою протопопа Иванна ко архимариту Илии, и о немъже моливъ, сказаша архимариту старец. Архимаритъ же по воли того попусти быти, но посла соборнаго старца ко Иоанну и честьнѣ прияша того. И по Божественнѣй литоргии, обычно помолився ракам чюдотворцовымъ, взят его архимаритъ къ себѣ въ келью.

Егда же восташа от трапезы, добрѣ его угостиша, сказався архимариту Иоаннъ о себѣ, яко не своею волею, но царевою и патриарховою, ниже вѣдомо обители тоя игумену Феодосию, како изъ монастыря поѣхалъ, и како на море волнами томими, и во время бури от страха отчаявшимся живота, и како спасени быша.

Архимарит же добрѣ бесѣдова со Иоанном, на богомольную лодью того и с работники посадивъ, и отпустити къ Москвѣ повелѣвъ, давъ тому на путь потребная доволно, и работникомъ обувь. И послѣднее целовався, [3]рекъ: «Страдалче, биемъ — одолѣвай! Храбрый воине, подвизайся!»

По сихъ благоутишно бяше море, въ путь свой отъидоша, и двои сутки отъ обители мирно плывше, противенъ нѣкако вѣтръ нача быти: ко брегу присташа, не доѣхавъ Архангельскаго града за сто поприщь. Иоаннъ же на брегъ с работникомъ Силою изыде и сухим путемъ поидоста къ Москвѣ; два же работника Иоанновых во свое время Архангельскаго града достигоша, и от града на Колмогоры обычно поидоша в путь, — поидоша рѣкою Двиною. А егда же приидоша на Колмогоры, старецъ Кандоложскаго монастыря с подворья, удержавъ тѣхъ, и вопрошая глаголя: «Гдѣ протопопъ Иоаннъ?» Они же тому сказаша, что поиде сухим путемъ до царствующаго града. Старецъ же воеводѣ извѣстивъ, всади тѣхъ в темницу, а борошень[4] воевода приказал записать, и стрещи повелѣвъ, понеже велия отъ архиерея Никона възыскания быша Иоанна ради, со

[1] прекословить; [2—2] В то время, как они роптали, поднялся ветер; [3] прощаясь; [4] пожитки.

многимъ прещениемъ, инѣмъ же и дары обѣщавъ, «егда, — рече, — приведут Иоанна». В монастырѣ же Кондаложскомъ многу молву воздвиже Никонъ патриархъ Иоанна ради, и запретивъ[1] игумену и братию от общения Пречистыхъ Таинъ, игумена же от службы; такоже и Соловецкаго монастыря архимарита Илию запретивъ от службы.

И многа молва бысть въ Русии Иоанна ради, — во всякомъ убо градѣ и въ весяхъ, заповѣдание бысть от патриарха его ради, съ прещении многими. Иоаннъ же, Божиею волею, христолюбцы хранимъ, бывъ в царствующемъ градѣ Москвѣ у государева духовника протопопа Стефана тай от патриарха, и со многими христолюбцы и духовною братию, у когождо ихъ въ дому, цѣловався[2]. Довольно же бывъ у протопопа Стефана въ келье, и многи дни бесѣдова с нимъ, повѣда случьшаяся ему во изгнании скорби, дивяся, како вънезапу рать бысть церкви. И о работникохъ, о Алексѣе и о Василье, моля Иоаннъ протопопа Стефана да государя доложить. Благочестивый государь царь, слышавъ от протопопа Стефана о Иоаннѣ, въскорѣ повелѣ грамоту послати, да свободятъ иоанновыхъ работниковъ ис темницы. Но Иоаннъ тай живяше от патриарха.

Во 164-м (*1655*) году декабря въ 25 день, совѣтом государева духовника протопопа Стефана и всея духовныя братии, Переаславля Залѣскаго Данилова монастыря архимаритъ Тихонъ постриже Иоанна и во мнишеском чину нарече ему имя Григорий, зане отъ святаго крещения Гавриилъ имя ему, Иоаннъ же прозвание. И отъ Святаго Евангелия отданъ в наказание старцу Феофану, прежде ученику ему бывшу и многу любовь к нему имущу. Постриженъ же бысть старец Григорий въ Даниловѣ монастырѣ въ соборной церкви по отпискѣ протопопа Стефана, за ево рукою. И во иноческом чину живяше 40 дни у Благовѣщения пресвятыя Богородицы, что у государя на сѣняхъ, у Георгия* — въ паперти, у протопопа Стефана — в кельѣ, и многихъ градовъ з духовными братиями цѣловався. Егда же мину 40 дни, въ пустыню ко всемилостивому Спасу, рекомую Игнатьеву, ко своимъ родителем,* возвратися, и ту сокровенно, вышняго Бога десницею покрываемъ, живяше.

Никонъ же патриархъ не остави ни града, ни веси, въ нейже не положи заповѣди, ища Иоанна; но Богъ, своея ради благодати, своими ему рабы; крыяше того, зане простии людие зѣло любляху Иоанна, яко проповѣдника истиннѣ, и пред цари не стыдящеся, по пророку, и много истиннѣ страждуща, — страдальца и мученика того нарицаху.

Никонъ же многъ клопотъ[3] воздвиже, — нѣоткуду вѣсть приидетъ, яко въ пустыни Григорий, — послав своихъ ему дѣтей боярских с великимъ прещениемъ[4], и тамо сущия мнихи оскорби, и разосла въ сылку, окрестнымъ же иереомъ и людином многу бѣду сотвори.

---

[1] отстранив; [2] был радушно принят; [3] здесь: возмущение, негодование, беспокойство; [4] с суровым наказом.

Есть убо волость, зовомая Телепшино, от пустыни десять поприщь, послании же от патриарха обрѣтоша в ней Григория. Християня же волости тоя скрыша Григория, а посланныхъ от патриарха оскорбиша. Григорию же молящу тѣхъ, да не паче мѣры с посланными крамолятъ[1], тии же рѣкоша: «До смерти за тя, страдальче Христовъ, готовы пострадати!» Иоанна убо сохраниша, сами же многу бѣду подъяша.

Паки патриархъ повелѣ многихъ прислать въ ту волость — и иереов, и мирскихъ, — оковавъ въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, въ темницу посадити повелѣ. И мнози от нихъ въ темницѣ и умроша от великия нужды, а *инии* мнози скорби и напасти подьяху любви ради, еяже имѣяху ко Иоанну. Христолюбцы же, аще и многи бѣды, ихъже зряху, братию ихъ страждут, но яко зѣницу *ока* или яко отца Иоанна храняху, и в домѣхъ своихъ, яко Божия ангела держаху и любезно въ сладость послушаху.

По днехъ же нѣколицѣхъ моли Иоаннъ духовную братию, да въ царствующий градъ Москву, на гробъ ко отцу Саватию, того отвезут проститися, зане отецъ Саватий преставися,* Григорий же бѣгая живяше и не сподобися послѣди се цѣловати любезнаго ему друга и брата, и во многихъ слезахъ бяше сицевыхъ ради. Духовная же братия готови исполнити прошения его, и елико той хотяше, дѣломъ исполняху.

Егда же вниде Григорий въ царствующий градъ, и всѣми духовными братиею въ царствующемъ градѣ любезно приемлемъ, яко отецъ предпочитаем всѣми. Нѣцыи же от ближних ему и любезныхъ братия моляху Иоанна, да покажетъ себе патриарху Никону, инии же глаголаху, и паки и тии, яко да хранитъ себе; и несогласно в нихъ бяше мудрование.

Старецъ же, не могий терпѣти скорби, его ради бывшия рабомъ Христовым, а егда — духовным друзиям, рекъ имъ: «Иду, смотрите, и благодать Божия со мною! Вашея ради ползы не прикоснется зло».

И абие поиде, всѣмъ зрящимъ нань, ко двору патриархову, взем с собою и книгу новую, зовомую Скрыжаль духовную,* в нейже о сложении перстъ новонапечатано, кое трема персты крестъ на лицы всякому воображати подобаетъ, в нейже и сице писано, что свидѣтельствавана вселенскими четырми патриархи и вси согласно писаше в Росиское государство за своими руками, писавшу о томъ к нимъ Никону патриарху, непокоряющихъ же ся и клятвѣ предаваше. Григорий же помысливъ: «Кто есмь окаянный азъ? Со вселенскими патриархи раздоръ творити не хощу, ниже противенъ буду: что же ради и под клятвою у них буду? Есть аще угодно будетъ кое дѣло Богу, всяко явится, лесть же потребится».

Во 165-м (*1657*) году, генваря в 4 день, пришедшу Григорию на дворъ патриарховъ, и у Крестовой никому возбранившу того; патриархъ же Никонъ в

[1] прекословят, бунтуют.

то время идяше къ Божественнѣй литоргии. Григорий же поклонився тому обычно. И патриархъ рече: «Что ты за старецъ?» Григорий рече: «Егоже ты ищеши, той азъ есмь: казанской протопопъ Иоаннъ, а во иноцѣхъ старец Григорий». И патриархъ иде въ церковь, а Григорий пред нимъ идяше, сице глаголя: «Что ты единъ ни затѣваешь, то дѣло некрѣпко! По тебѣ иной патриархъ будет, все твое дѣло передѣлывать будетъ, иная тебѣ тогда честь будетъ, святый владыко!» И патриархъ вшелъ в соборную церковь, а Григорий сталъ на празѣ[1] церковномъ.

По отпущении[2] же Божественныя литоргии повелѣ патриархъ Григорию за собой въ Крестовую итти. И по обычаю благодарения Богу давше, вси покло-няются святителю, якоже обычно, Григорий же начат глаголати патриарху: «Что ты, святитель, приказалъ меня искать по всему Росийскому государьству, и многихъ мене ради муками обложилъ и в темницы заточилъ, со женами и з дѣтми разлучил, и рыдати и плакати устроил, инии же в темницах и помроша, — иереи же и людины, — и что вина, еяже ради таково взыскание твориши о мнѣ? Дары убо многи обѣщеваеши обрѣтшимъ мене, и чести и достоиньства! И се азъ есмь здѣ предъ тобою: что хощеши творити о мнѣ? Со вселенскими же патриархи нѣсмь противенъ, якоже глаголеши ты, но тебѣ единому не покорялся!»

И показавъ ему книгу предиреченную, ея имуще с собою, глаголя: «Книга сия новопечатана, а в ней о сложении перстъ, — трема великими персты напечатано креститися християномъ В ней же и сице писано, что ты, ревновавъ по благочестии, якоже Моисей и Ааронъ, писалъ на меня своими совѣтники ко вселенскимъ патриархомъ, что мы мятеж творимъ и раздоръ, и тебѣ противны въ вещѣхъ церковныхъ. И патриархи тебѣ писали за своими руками, что креститися трема персты подобаетъ, непокоряющихъ же ся — подъ клятвою и отлучением устроити заповѣдаша. Аще ты с ними соглашался — азъ сему непротивенъ; то, чаю, смотри, чтобъ истинна была: азъ убо подъ клятвою вселенъскихъ патриархъ быти не хощу».

Патриархъ же ничтоже ему отвѣща, но молчаше. Григорий же паки рече: «Кая тебѣ честь, владыко святый, что всякому еси страшенъ и другъ другу грозя глаголютъ? Знаеш ли, кто ты? Звѣрь ли лютый, лев, или медвѣдь, или волкъ? И како отца дѣтем не познавати? Дивлюся: государевы царевы власти уже не слышатъ, от тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники паче царевых, всѣмъ страшныи, и никтоже с ними смѣетъ глаголати что, аще силою тѣ озлобляеми тѣми. Затвержено у них: „Знаете ли патриарха?" Не знаю, который образъ, или звание приялъ еси! Ваше убо святительское дѣло — Христово смирение подражати и его, пречестнаго Владыки нашего, святую кротость».

И отвѣща патриархъ, глаголя: «Не могу, батюшко, терпѣть». Григорий же, вземъ от патриарха слово, паки начат глаголати: «Христосъ первѣе пострада

---

[1] на пороге; [2] окончании.

по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ святымъ его стопамъ. И кто за тебя будетъ терпѣть? Сего ради вы святители, что всѣхъ немощи носити, а не бити, ни мучити; что ради и глава наречешися, яко да добрѣ снабдиши уды своя и присно[1] тѣми печешися, и о благихъ да промышляеши. Аще убо утроба ти болитъ, всяко не дерзнеши сихъ ради тоя разрѣзати и вонъ испустити, но о здравии тоя множае прилежиши. Сице подобаетъ и о врученномъ ти стадѣ от Бога предъразсуждати[2]. Аще бо зриши тѣхъ и во мнозѣ неисправлении пребывающих, не мучити тѣхъ подобает, но учити и наказовати, и кротцѣ о здравии душъ тѣхъ промышляти. Вси бо суть ти, утроба ти есть, рѣзати и отметати тѣхъ *тебѣ* не достоитъ, но исцѣлити сокрушенныя и исправити. А уже не можешъ терпѣть, почто и великий сей святительский санъ прия!»

И патриархъ ничтоже ему отвеща, точию дает челобитные, глаголя: «Возми, старецъ Григорий, да чти». И Григорий ему рече: «Святитель, иноземцовъ ты законоположение хвалишъ и обычаи тѣхъ приемлешъ, благовѣрны и благочестнии тѣхъ родители нарицаешъ. А мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривалъ намъ: греченя, де, и Малые Росии потеряли вѣру, и крѣпости и добрых нравов нѣтъ у нихъ, покой, де, и честь тѣхъ прельстила, и своимъ, де, нравом работаютъ, а постоянства в нихъ не объявилося и благочестия ни мало. А нынѣ у тебя то и святыя люди и закона учители, — порочной чернецъ Арсеней,* о немъже писалъ ко государю Иерусалимской патриархъ Паисѣя что он Арсений-еретикъ, велѣл ся его остерегать, многие, де, ереси в себѣ держитъ, и в римскомъ костелѣ, и въ ельнинскомъ же злѣ единонравенъ тѣмъ былъ, и их во всемъ. И благочестивый государь царь, по отпискѣ Иерусалимскаго патриарха Паисея, сослалъ ево в Соловецъкой монастырь, совѣтовавъ преже тебя бывшим со Иосифом патриархомъ. А ты ево взялъ из Соловецкаго монастыря на смуту и устроилъ того яко учителя, паче же к тиснению печатному правителя. Свидѣтели Арсению многи, что онъ порочной человѣкъ».

И патриархъ рече: «Лгутъ, де, на него, старецъ Григорей! То, де, на него солгалъ по ненависти троецкой старец Арсений Сухановъ, что въ Сергиевѣ монастырѣ келарь, когда посыланъ былъ по государеву указу и по благословению Иосифа патриарха во Иерусалимъ и в прочия государства».*

И Григорий ему, патриарху, рече: «Добро было, святитель, подражати тебѣ кроткаго нашего учителя Спаса Христа, а не гордостию и мучениемъ санъ держати. Смиренъ убо сердцемъ Христосъ, учитель нашъ, а ты добрѣ сердитъ». И патриархъ рече: «Прости, старецъ Григорей, не могу терпѣть!» И Григорий рече: «Кто убо имать терпѣти, аще не видитъ образа[3] от тебе? Множае ученикъ от дѣлъ учителя увѣритися имать; всегда бо дѣти обычай и нравы отца боголюбива [4]притяжутъ, и, еже видят того творяща[4], послѣдуют ему. Золъ нравъ

[1] всегда; [2] предварительно поразмыслить; [3] примера; [4—4] принимают, и если видят, что он делает.

отчий — дѣтем развратитися творят; не толико словомъ врачевати имать лутши послушающихъ, якоже дѣлом. Азъ ти скажу не от Писания, но в дому моемъ бывшее.

В Нижнемъ Новѣградѣ, вдовица нѣкая, именемъ Антонида, близъ дому моего живущи, имуще у себя дщерь дѣвицу, именемъ Соломанѣю. И Богу хотящу, преставися вдовица; тщи ея прия самовластие, начатъ домашнимъ моимъ пакость творити и всякие нелѣпыя слова говорить; срамно рещи, [1]тимовиковъ нашивъ[1], пометаше на дворъ мой. Подружия моя Евдокѣя стужаше ми з домочатцы, глаголя: «Доколѣ терпимъ от безстудницы сея? Позоритъ, де, домъ нашъ». И я ей говорилъ: «Мстити достоит, кое силнѣе насъ, а от сея Христа ради сами не терпим! И Владыка нашъ от создания своего претерпѣ заушение и раны, пачеже и крестъ, и смерть, и всяко безчестие; мы ли от сестры нашея не терпимъ за любовь его?»

Пребывше убо дѣвицѣ в таком нраве годъ и болши, и в недугъ впаде. Бывши в том мѣсяцъ семъ, моли сущихъ с нею, да принесутъ ея в домъ мой. Евдокѣя же прият ю, мнѣ не сущу в дому моем. И помалѣ и болѣзнь преста, и в дому моемъ бысть дѣвица она многая времена. В дому же моемъ юноша нѣкто, Петръ именемъ, пѣти и چести и писати гораздъ, во чтении же и во отвѣтѣхъ сладокъ, и мнѣ, грѣшному, любимъ, изволи дѣвицу ту пояти себѣ въ жену.

Азъ же мнѣв, яко одеже ея иззавидѣвъ, моля его: «Петръ Яковлевичь, возми, возми себѣ одежу, аще хощеши, а ея не замай!» Той же себѣ зазрѣвъ, с клятвою рече: «Не имамъ жены». Повинувся убо азъ того воли, въдахъ ю и браку законно за нь[2], и по силѣ моей пекохся о потребѣ тѣхъ. А тебѣ, кто каково слово ни молвитъ и о правдѣ — и ты хощешъ искоренить». И патриархъ рече: «По грѣхомъ, не могу терпѣть, прости Господа ради!» И Григорей рекъ: «Се азъ предъ тобою днесь, и гдѣ нынѣ обитаю, укажи мнѣ мѣсто: твоего ради страха, и на дворъ меня никто не пуститъ!»

В то время прилучился предъ патриархомъ Покровскаго монастыря, что на убогихъ дому,* строитель, старецъ Кирило, и патриархъ рекъ: «Поди, де, к Кирилу». И Григорей рекъ: «Далече, великий святитель! Гдѣ мнѣ от тебя поближе, потому что человѣкъ я древней, бродить не могу. Изволи пожаловать, на Троецком подворье побыть». И патриархъ рекъ: «Ино, де, добро!»

И послалъ тотъ часъ сына боярскаго своего, велѣлъ на Троецкомъ подворье келью очистить. И вземши благословение от патриарха, пошли на Троецкое подворье. И пришедъ, началъ сынъ боярской строителю старцу Аверкию от патриарха обычно приказывать: «Великий государь святѣйший Никонъ, патриархъ Московский и всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии, приказалъ тебѣ,

[1—1] дерьма (от «тимение» — грязь, кал) приготовив (переносное значение); [2] за него.

старцу Григорию, келью очистить». И строитель старец Аверкей отвѣщалъ: «Добро, де, государь, ево, де, святительская воля». И взялъ старца Григория к себѣ в келью.

И мало помолчавъ, паки тотъ же сынъ боярской текомъ[1] прибѣжалъ и строителю старцу Аверкию и старцу Григорию, от патриарха обычно титлу выговоря, благословение прирекъ, и строителю сказалъ: «Государь патриархъ велѣлъ вамъ, властемъ, приказать, что старецъ Григорей не под началъ к вамъ присланъ. Дайте ему кѣлью одному, и чтобъ ему нужи ни в чемъ не было. А куда онъ ходитъ, и кто к нему приходитъ, в день, или в нощь, — не призирайте за нимъ».

И до государева царева пришествия съ его государевы службы,* на всяк день старецъ Григорий къ патриарху в Крестовую ходил. А какъ государь царь приехалъ и обычно въ соборной и апостольской церкве молебствовавъ, по совершении же молебнаго пѣния провожали государя царя патриархъ и власти и весь соборъ на рундукъ[2], а старецъ Григорий обрѣтеся с ними же.

И государь царь, видѣвъ старца, свѣтлымъ лицемъ, рече к патриарху: «Благослови его рукою!» И патриархъ государю рекъ: « Изволь, государь, помолчать: еще не было разрѣшительныхъ молитвъ». И государь царь рекъ: «Да чево, де, ты ждешъ?» И в полату свою отъиде. А старецъ Григорий, проводя патриарха в Крестовую, въ келью себе отъиде.

И по двою дню, въ день недѣльный, в годъ[3] святыя литоргии, по заамбонной молитвѣ, повелѣ патриархъ старца Григория въвести въ соборную и апостольскую церковь ключарю Кондрату. И введену ему бывшу, ста пред патриархомъ. И рече ему патриархъ: «Старецъ Григорий, приобщаеши ли ся святѣй соборнѣй и апостольской Церкви?» И Григорей рекъ: «Не вѣм, яже глаголеши! Азъ убо никогда отлученъ былъ от святыя соборныя и апостольския Церкви, и собору на меня никакова не бывало, и прѣния моего, и раздору церковнаго ни с кѣм нѣт. Прекословия же о Святѣй Троицѣ , или пресѣчения, или умаления есмь чюждъ; апостольскихъ преданий нѣсмь разоритель, но Отца и Сына и Святаго Духа, в Троицѣ единаго Бога, исповѣдую и славлю, единосущна и нераздѣлна, и несмѣсна. А что ты на меня клятву положилъ своею дерзостию, по страсти своей, гнѣваяся, что я тебѣ о той же святой соборной и апостольской Церкви правду говорилъ, такъ ты и черниговскаго протопопа Михайла проклялъ* дерзостно, и скуфью с нево снялъ, за то, что онъ въ книгѣ Кирила Иерусалимскаго въ *двоестрочии* не дѣломъ положил, что християномъ мучения не будетъ, сице: „Аще, — рече, — Богъ грѣшникомъ и мукою претит, обаче своего создания в конец не погубитъ". Ты же, святитель, яко исправити хотя, страсть свою исполнилъ еси, а ис книги и *донынѣ* та рѣчь в тѣхъ книгахъ обносится».

[1] бегом; [2] высокий помост для выхода государя; [3] час.

И патриархъ старцу Григорию ничтоже отвѣщавъ, точию, плача зѣло, начатъ разрѣшительныя молитвы говорить. Также и Григорий плака довольно, донеле же скончаны быша молитвы.

И по разрѣшении причастися старецъ Святѣй Дорѣ[1] от патриарховы руки.

Благословивъ же его патриархъ, дастъ ему свою книгу, зовомую Скрыжаль духовную, прирекъ: «Постражи, яко добръ воинъ Христовъ». По совершении же Святыя литоргии, проводя старецъ Григорий патриарха въ Крестовую, отъиде к нѣкоему христолюбиву мужу в домъ.

Малъ же час мину, абие взыскание бысть старца ради от патриарха. Григорий же, пришедъ въ Крестовую къ патриарху и благословение вземъ. Глагола ему патриархъ: «Гдѣ бѣ доселѣ, старче? Днесь тебя ради у насъ всѣмъ стол и покой, за радость мира, егоже имамы с тобою». И Григорий къ патриарху отвеща: «Обычно проводихъ тя въ Крестовую, и ничтоже ми рече, и отъидохъ». И патриархъ рече: «Прости, господине, во инѣхъ упразднихся и въ забвение ми прииде, — не пригласихъ тя». Обычно же предъ трапезою благодарению бывшу, почти патриархъ старца и выше всѣхъ московскихъ протопоповъ посади его, много похваляя его и мужественна нарицая и крѣпка. По востании же от трапезы, одаривъ, с миромъ того отпустив.

Во иные же дни старецъ Григорий о юзникахъ патриарху воспоминая, чтоб ихъ разрѣшилъ, страждущихъ его ради. Патриархъ же по всѣхъ повелѣ грамоты послати тотъ час. И писма, кои на него, патриарха, писаны къ царю, и къ протопопу Стефану, и къ прочимъ духовным братиямъ, всѣ старцу Григорию отдалъ, глаголя: «Возми, старецъ Григорей, твои писма». И ярославского протопопа Ермила в то же время простилъ и писма ему отдалъ.

Попроси нѣкогда старецъ Григорий патриарха, рече: «Иностранные власти нашихъ Служебников не хулятъ, но и похваляютъ». И патриархъ рече: «Обои, де, добры; все, де, равно, по коимъ хощешъ, по тѣмъ и служишъ». И Григорей рекъ: «Я старыхъ, де, добрыхъ и держюся». И вземъ благословение, отъиде.

Генваря въ *1*3 день,* празноваху великомученицѣ Татьяне. И государь царь, и патриархъ у всенощные были въ соборной церкви у Спаса въ Верху. Старецъ же Григорий тамже был, и стояше на мѣсте обычно, якоже лѣпо церкви. Во время же облачения вшедъ патриархъ во святый олтарь, а государь царь, с своего мѣста сошедъ, прииде къ старцу и рече: «Не удаляйся от насъ, старецъ Григорей». И старец ко царю рече: «Доколѣ, государь, тебѣ дотерпѣть такову Божию врагу? Смутилъ всею Рускою землею и твою царьскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать, — отъ него, врага, всѣмъ страхъ!» И государь, яко устыдѣвся, скоро от старца отъиде, ничтоже ему рече. По совершении же прави-

[1] Святых Даров.

ла церковнаго, старецъ патриарху рече: «Время мнѣ, владыко, в пустыню отъити». И патриархъ того отпустих, и доволно милостыню давъ.

Генваря въ 14 день, патриархъ Никонъ приѣхалъ въ Покровской монастырь, что на убогихъ дому, идѣже лежатъ мощи отца Саватѣя, и бывъ у гроба старцова, пошелъ къ строителю, старцу Кирилу, в келью. И въ келье обычно, благословения и миръ давъ, сѣдѣ, покивая же главою и плача, глаголя: «Старецъ Григорей!» Старецъ вопрошая его, глаголя: «Владыко святый, что вина плачю, егоже ради зѣло плачеши?» Патриархъ же ничтоже рече строителю, но плакався доволно, отъиде.

Во 166-м (*1657 или 1658*) году, паки старецъ Григорий приѣхал къ Москвѣ ,* и бывъ у патриарха у благословения, по вся же дни въ Крестовую и въ келью къ патриарху хождаше, и многу от него честь приемляше.

Минувшимъ же днемъ многим, обавникъ[1] нѣкто на старца глаголаху, яко старецъ сожегъ Служебник новой, и сего ради взысканию велику бывшу старца ради. Старецъ же в то время былъ у архиепископа резанскаго Илариона* на подворье. Посланные же от патриарха на подворье архиепископа были и архиепископа спрашивали: «Тутъ ли, де, старецъ Григорей?» И архиепископъ имъ сказалъ, а старцу не сказалъ же. Послании же от патриарха шедше на дворъ старцовъ и тамо духовныхъ нѣкихъ мужей, придержащихся старца, емше на дворъ патриархов, и, ведучи, зѣло оскорбиша, въ приказѣ же веригами тѣхъ обложиша, и лютѣ мучаху. Прилучивших же ся на дворѣ у старца в то время (Андреяновы пустыни игуменъ Иосифъ, нѣции же и от дворянъ и от иерей, паче же от простѣйших христолюбивых, довольно любовь имущихъ къ старцу), вопрошаху же тѣхъ, глаголюще: «Гдѣ старецъ Григорей, и како сожже Служебникъ?» Они же не знаху, что глаголати, молчаху; инии же и против отвѣщеваху, немилостива патриарха нарицаху, и без испытания скорбь дѣюще человѣкомъ.

Григорий же, увѣдѣвъ сицевое, пришедъ ко окольничему, к Феодору Михайловичу Ртищеву,* свирѣпо к нему рекъ: «Июдо, предавай! С тобою у меня была рѣчь, а не дѣло!» И околничей нача плакати, глаголя: «Старецъ Григорей, не попусти Боже, что мнѣ на тебя клеветнику быти! Потерпи, Бога ради, со мною в дому! Азъ с тобою к патриарху иду, и страдати готовъ».

И егда приспѣ время всенощному пѣнию, старецъ Григорей пошолъ въ соборную церковь, ко Успению, ко всенощной, а Феодоръ Михайловичь за нимъ же поѣхалъ. И бывъ у всенощнаго пѣния, старецъ пришелъ къ патриарху ко благословению, и патриархъ скоро [2]на степень уступилъ[2], глаголя: «Бѣгунъ!» И старец рече: «Не дивися, святитель! Христосъ, учитель нашъ, бѣгалъ, и ученицы его, и мнози от отецъ. Азъ ли надъ тѣми честнѣйший, и кто есмь?» И благословляя патриархъ старца, рече: «И бѣгаетъ, и является!»

---

[1] доносчик; [2—2] спустился на ступеньку.

И по отпущении всенощнаго пѣения, вшедъ в Крестовую старецъ, рече патриарху: «Доколѣ тебѣ, святитель, мучить невинныя? Азъ здѣ, — еже хощеши, твори, людей Божиихъ, страждущихъ, разрѣши!» И патриархъ повелѣ освободити ихъ. Ничтоже старцу о вещи рече, ни потязая[1] его в чемъ, но яко ни в чем гнѣваяся на нь бяше. Взем же благословение старецъ и отъиде.

Пришедъ же къ страждущимъ, обычно благодаривъ ихъ, сказав им святительскую милость, яко «разрѣшени[2] имате скоро быти». И какъ сошелъ старецъ съ патриархова двора, такъ ихъ и разрѣшили.

Времени же приспѣвшу Божественнѣй литоргии, и старецъ бывъ у обѣдни тутъ же. По отпущении же службы проводилъ старецъ патриарха въ Крестовую, и, announcedземъ благословение, начатъ глаголати патриарху: «Святитель, будетъ ли у тебя мучеником тѣм воздаяние, ихъже мучилъ еси туне?» И патриархъ рек: «Изволи, де, старецъ, звати ихъ с нами хлѣба ясть». И старец ему рекъ: «Да гдѣ ихъ, бѣдныхъ, собрать? Онѣ ради, от тебя ушодъчи!» И патриархъ, благословивъ старца, отпустилъ ево к себѣ въ келию, а за нимъ послалъ столъ довольно и пития и пищи, покоити скорбь приемшихъ.

Генваря въ 21 день, праздновали Евфимию Великому. И патриархъ на всеношной повелѣлъ четверить аллилуйя. И Григорей ему говорить сталъ: «До чево тебѣ, патриархъ, домутить Росиею? Съ кѣмъ ты совѣтовалъ, и какое свидѣтельство произносишъ — четверишъ аллилуйя? У нас, въ Велицѣй Росии, преподобный Ефросинъ Псковъский* много трудився, сниская[3] о сихъ, и у вселенскихъ патриархъ былъ, вопрошая о вещи сей, и якоже предаша ему тии, сице и той здѣ, въ Велицѣй Росии, нам предложи. Богъ же забвению труды его не преда, но знаменьми и чюдесы прослави его, якоже и прочих великихъ святыхъ». И патриархъ рече: «Вор, де, блядинъ сынъ Ефросинъ!» И Григорей рече: «Какъ таковая дерзость и какъ хулу на святыхъ вѣщаешъ? Услышит Богъ и смиритъ тя!»

И доколѣ старецъ Григорей былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа з братиею, въ соборной церкви на крылосахъ чтобы не четверить аллилуйя. Тии же послушаша старца, говорили аллилуйя на крылосахъ по дважды, въ третьие — «Слава тебѣ, Боже!» Патриархъ же ничтоже имъ глаголя; точию подъякъ, Псалтырь говоря, заповѣдание патриархово говорилъ: четверилъ аллилуйя. По вся же дни старецъ, и до поески, приходилъ въ соборную церковь, и аллилуйа на крылосахъ протопопъ и з братиею говорили по-дважды, и до поѣздки старцовы.

Патриархъ же по вся дни столы[4] посылал къ старцу, и въ пустыню отпустивъ, милостыню довольну давъ. Старецъ же в пустыни всегда во слезахъ пребываше иерея ради, зане въ пустыни священника нѣт. Самъ же той не служаше Божественныя литоргии, отнеле же и мира отречеся. Окрестъ же сущии священницы никтоже, труда ради, къ старцу въ пустыню служить не идяху, ни мзды ради умолимы бываху, чтобъ служити во пустыни.

---

[1] не испытывая, не допрашивая; [2] освобождены; [3] разыскивая; [4] еду.

Майя въ 6 день, на праздникъ отдания Воскресения Христова, плачющу старцу въ кельи в нощи той: «Литоргии нѣтъ, кому служити!» — вънезапу свѣтъ возсия неизреченъ и предста предъ нимъ Спаситель нашъ, Господь Исусъ Христосъ, во священнѣй одежди, препоясанъ по чреслѣхъ, — какъ во Апакалепсисѣ, въ явлении Иоанна Богослова пишетъ, — и окрестъ его юноши свѣтлы, бѣлая носяще, множество, и со страхомъ тому предстояще. И глаголя старцу Христосъ: «Григорей, почто сѣтуешъ и плачешъ о сихъ, что на отдание моего плотию Воскресения литоргии служить некому? Дерзай самъ отъ моего повелѣния, а грубостию и недостатком не отъимайся[1]. Азъ и гугнивых младенцовъ утвержаю, исправление тѣмъ подаю, еже моею благодатию дѣйствовати». И Григорей прекрестися, паде на лицы, плачася, рече: «Грѣшникъ есмь азъ, Владыко!» И паки Господь рече: «Афанасий жидовскихъ при мори дѣтей крести, еще младенецъ, а моя благодать ему споспѣшествовала; а Афанасий Афонский, младенецъ же, от дѣтей игуменомъ поставленъ,* и самъ прочихъ дѣтей в попы и дияконы поставляше, и с ними служаше. А ты освященъ, и много лѣтъ служаше святѣй моей церкви. Мѣсто же пусто здѣ; живущии же здѣ мнихи или християня да не будутъ без общения Святыхъ моихъ Таинъ, ихъже святымъ моимъ ученикомъ и апостоломъ предахъ на таинѣ вечери, да творятъ в мое воспоминание. Древнии же Служебники приемли, и кои книги в пустыни сей есть — по тѣмъ служи». Григорей же съ словомъ воставъ от земли, кабы подъемши того кому; сила бо Божия, якоже клятся[2], сказа ми, подъя того, тому и не хотящу. И благослови его Христосъ рукою, глаголя: «Не сумнися, но вѣруй!» И абие невидимъ бысть от очию его. Старцу же бысть радость нѣкая неизреченная въ сердцы его, и всю ту нощь от радости плакася, помышляя неизреченное человѣколюбие Божие.

Во 167-м (*1658 или 1659*) году приѣхалъ старецъ Григорей ис пустыни въ царствующий градъ Москву и бывшу ему въ царствующемъ градѣ дни многи.

Генваря въ 6 день, бывшу старцу на старомъ своемъ подворье, у сына своего Феофилакта въ дому, по прилучаю единъ бяше въ храминѣ: внезапу свѣтъ возсия в нощи той, и паки явися ему Сынъ Божий, такожде во священнѣй одежди, препоясанъ по чреслѣхъ, со двема юноши свѣтлыми, сице глаголя старцу: «Григорие, почто не исповѣда, яже видѣ, тайны, но, скрывая, таиши благодать мою?» И обратився къ юношам, рече: «Возмѣте его и бийте». И биша его двема дубцами[3]. И егда престаша биюще, Владыцѣ повелѣвшу, возставиша того юноши. Христосъ же рече къ нему: «Иди къ митрополиту Питириму* и возвѣсти ему вся». И абие невидим бысть от очию его.

Григорий же убоявся и в той часъ напрасно[4] притече на Крутицкое подворье къ митрополиту Питириму, еще прежде всенощнаго пѣния, на ложи ему сущу. Сущии иже в дому его, митрополита, близъ его бывши, сказаша митрополиту приходъ старцовъ. Митрополитъ же приятъ его любезнѣ, вопрошаетъ же

[1] не отказывайся; [2] клянясь; [3] дубинками; [4] т. е. в неурочный час.

старца, глаголя: «Что, отче, прииде к нашему смирению безвременно?» Григорий же, плача, исповѣда ему все приключьшееся ему, и како биша его юноши по повелѣнию Владыки; моли же, да видитъ раны, ихъ же ношаше не от человекъ. Митрополитъ же отрече, глаголя: «Вѣрую, отче, словесем твоимъ, а не искушаю! Мощенъ бо Господь творити преславная, яко тому подобаетъ всяка слава, честь *и* держава и поклонение, со Отцем купно и с Пресвятымъ и Благим и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣком. Аминь».

СОЧИНЕНИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ

Аввакум протопопъ понуженъ бысть житие свое написати иноком Епифанием, — понеже отецъ ему духовной инокъ, — да не забвению предано будет дѣло Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу, Богу нашему. Аминь.*

Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю[1] всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дѣлы благими, яже нынѣ хощу глаголати аз, недостойный; разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи умъ мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дѣлъ, да — добрыми дѣлы просвещенъ — [2]на Судище десныя ти страны причастник буду[2] со всѣми избранными твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю.*

Дионисия Ареопагита о Божественныхъ именех,* что есть Богу присносущные[3] имена, истинные, еже есть близостные, и что виновные[4], сирѣчь похвальные. Сия суть сущие: сый[5], свѣтъ, истинна, животъ[6]. Только четыре свойственных[7], а виновных много, сия суть: Господь, Вседержитель, непостижимъ, неприступен, трисиянен, триипостасен[8], царь славы, непостоянен, огнь, духъ, Богъ, и прочая по тому разумѣвай.

Того же Дионисия о истиннѣ: «Себе бо отвержение — истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение — сущаго отвержение есть; от сущаго же Богъ испасти не может, и еже не быти — нѣсть».

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо Божие испадениемъ от истиннаго Господа, Святаго и Животворящаго Духа. По Дионисию: коли ужъ истинны испали, тутъ и сущаго отверглись. Богъ же от существа своего испасти не

---

[1] творец; [2—2] на Страшном суде с правой стороны от тебя буду; [3] вечно существующие, всегда присущие; [4] описывающие (Божество); [5] существующий (всегда); [6] жизнь; [7] неотъемлемых; [8] троичен в лицах.

можетъ, и еже не быти — нѣсть того в нем: присносущен истинный Богъ наш. Лучше бы им в Символѣ вѣры не глаголати «Господа», виновнаго имени, а нежели «истиннаго» отсѣкати, в немже существо Божие содержится. Мы же, правовѣрнии, обоя имена исповѣдаем и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруем,* со Отцем и с Сыномъ поклоняемаго, за негоже стражем и умираем, помощию его Владычнею.

Тѣшит нас Дионисий Ареопагит, въ книге ево сице пишетъ: [1]«Сей убо есть воистинну истинный християнин, зане истинною разумѣвъ Христа, и тѣмъ богоразумие стяжав, изступив убо себе, не сый в мирском их нравѣ и прелести, себя же вѣсть трезвящеся и изменена всякаго прелестнаго невѣрия, не токмо даже до смерти бѣдствующе истинны ради, но и невѣдением скончевающеся всегда, разумом же живуще, и християне суть свидѣтельствуемы»[1].

Сей Дионисий научен вѣре Христовѣ от Павла апостола, живый во Афинахъ, прежде — да же не приитти в вѣру Христову — хитрость имый ищитати бѣги небесныя, егда же вѣрова Христови, вся сия вмѣних быти, яко уметы[2]. К Тимофею пишетъ в книге своей,* сице глаголя: «Дитя, али не разумѣешь, яко вся сия внѣшняя блядь[3] ничтоже суть, но токмо [4]прелесть и тля[4], и пагуба? Аз проидох дѣлом и ничтоже обрѣтох, но токмо тщету».

Чтый да разумѣетъ. Ищитати бѣги небесныя любятъ погибающии[5],* понеже любви истинныя не прияша, во еже спастися им; и сего ради послетъ им Богъ действо льсти, во еже вѣровати им, лжи, да суд приимутъ не вѣровавшии истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ. Чти Апостолъ, 275.*

Сей Дионисий еще не приидох в вѣру Христову, со учеником своим во время распятия Господня быв в Солнечнем граде* и видѣвъ: солнце во тму преложися, и луна в кровь, звѣзды в полудне на небеси явилися черным видом. Он же ко ученику глагола: «Или кончина вѣку прииде, или Богъ-Слово плотию стражет», — понеже не по обычаю тварь видѣ изменену, и сего ради бысть в недоумѣнии.

Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: есть на небеси пять звѣздъ заблудных[6], еже именуются луны. Сии луны Богъ положил не в предѣлех, якоже и прочии звѣзды, но обтекаютъ по всему небу, знамение творя или во гнѣвъ, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроетъ свѣтъ солнечный, то солнечное затмение за гнѣвъ Божий к людям бывает. Егда же бывает от востока луна подтекает, то, по обычаю шествие творяще, закрываетъ солнце.*

[1—1] Тот воистину настоящий христианин, кто правдою пришел к познанию Христа и этим богопознание приобрел, преодолел себя и существует вне мирских обычаев и соблазнов, хранит себя в разумном воздержании, не только до самой смерти бедствует, но и постоянно умирает неведением, разумом же живя; такие люди и есть настоящие христиане; [2] грязь, нечистоты; [3] обман; [4—4] соблазн и тлен; [5] поддавшиеся соблазну; [6] свободно двигающихся.

А в нашей Росии бысть знамение: солнце затмилось въ 162 (*1654*) году, пред мором за месяцъ или меньши.* Плыл Волгою-рекою архиепископъ Симеонъ Сибирской,* и в полудне тма бысть, перед Петровым днем недели за двѣ; часа с три, плачючи, у берега стояли. Солнце померче, от запада луна подтекала, по Дионисию — являя Богъ гнѣвъ свой к людям; в то время Никон-отступник вѣру казил и законы церковныя. И сего ради Богъ излиял фиалъ[1] гнѣва ярости своея на Рускую землю: зѣло моръ велик был,* нѣколи еще забыть, вси помним.

Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругоряд солнцу затмение было; в Петров постъ, въ пяток, в час шестый, тма бысть, солнце померче, луна подтекала от запада же, гнѣвъ Божий являя. И протопопа Аввакума, бѣднова горемыку, в то время с прочими остригли — в соборной церкви — власти и на Угрѣше в темницу, проклинавъ, бросили.* Вѣрный разумѣетъ, что дѣлается въ земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно, [2]въ день вѣка[2] познано будет всѣми, потерпимъ до тѣхъ мѣстъ.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Исусѣ Наввинѣ во Израили. Егда Исус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях, ста Исус крестообразно, сирѣчь разпростре руце свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сирѣчь назад отбѣжало, и паки потече, и бысть во дни том и въ нощи тридесеть четырѣ часа, понеже въ десятый час отбѣжало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии-царѣ бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый на́ десять час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно урузумѣешь.*

Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует, возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу, раздѣляяся деветь чиновъ на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от Бога приемлютъ и сице восклицаютъ: «Благословенна слава от мѣста Господня!» И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господьства, начала, власти. Сия троица, славословя Бога, восклицаютъ: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» По Алфавиту:* «аль» — Отцу, «иль» — Сыну, «уйя» — Духу Святому. Григорий Ниский толкуетъ: «Аллилуйя — хвала Богу». А Василий Великий* пишетъ: «Аллилуйя — ангельская рѣчь, человѣчески рещи — „Слава тѣбе, Боже"». До Василия пояху во церкви ангельския рѣчи: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» Егда же бысть Василий, и повелѣ пѣти двѣ ангельския рѣчи, а третьюю — человѣческую, сице: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебѣ, Боже!» У святых согласно, у Дионисия и у Василия: трижды воспѣвающе, со ангелы славим Бога, а не четыржи, по римской бляди: мерско богу четверичное воспѣвание сицевое: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Слава тебѣ, Боже!» Да будет проклятъ сице поюще!

---

[1] чашу; [2—2] в день конца века (то есть: в Судный день).

Паки на первое возвратимся. Третьяя троица — силы, архангели, ангели — чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: «Святъ, святъ, святъ, Господь Саваофъ! Исполнь небо и земля славы его!»* Зри, тричислено и сие воспѣвание. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Пъсковскаго, именем Василию.* Велика во аллилуйи хвала Богу, а от зломудръствующих — досада велика: по-римски Святую Троицу в четверицу глаголютъ, Духу и от Сына исхождение являютъ.* Зло и проклято се мудрование Богом и святыми! Правовѣрных избави, Боже, сего начинания злаго, о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

Афанасий Великий рече: «Иже хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати кафолическая вѣра, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кромѣ всякаго недоумѣния, во вѣки погибнетъ! Вѣра же кафолическая сия есть: да единаго Бога в Троице и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже раздѣляюще существо: инъ бо есть состав Отечь, инъ — Сыновень, инъ — Святаго Духа; но Отчее, и Сыновнее, и Святаго Духа — едино Божество, равна слава, соприсносущно величество. Яков Отецъ — таков Сынъ, таков и Духъ Святый; вѣчен Отецъ, вѣчен Сынъ, вѣченъ и Духъ Святый; не создан Отецъ, не создан Сынъ, не создан и Духъ Святый; Бог Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ и Духъ Святый. Не три Бози, но единъ Богъ, не три несоздании, но един несозданный, единъ вѣчный. Подобне: Вседержитель Отецъ, Вседержитель Сынъ, Вседержитель и Духъ Святый. Равнѣ: непостижим Отецъ, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святый. Обаче не три Вседержители, но един Вседержитель; не три непостижимии, но един Непостижимый, един Пресущный. И в сей Святѣй Троице ничтоже первое или послѣднее, ничтоже более или мнѣе, но целы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерождение, Сыну же рождение, а Духу Святому исхождение; обще же имъ Божество и Царство».

[Нужно бо есть побесѣдовати и о вочеловѣчении Бога-слова к вашему спасению.]* За благость щедротъ излия себе от отеческих нѣдръ Сынъ, Слово Божие, в Деву чисту, Богоотроковицу. Егда время наставало, и воплотився от Духа Свята и Марии-девы, вочеловѣчився, нас ради пострадал, и воскресе въ третий день, и на небо вознесеся, и сѣде [1]одесную величествия на высоких[1] и хощетъ паки приитти судити и воздати комуждо по дѣлом его, егоже царствию нѣсть конца.

И сие смотрение в Бозѣ бысть [2]прежде да же не создатися Адаму, прежде да же не вообразитися[2]. [Совѣтъ Отечь] Рече Отецъ Сынови: «Сотворим человѣка по образу нашему и по подобию». И отвѣща другий: «Сотворим, Отче, и

[1—1] по правую руку Бога на небесах; [2—2] прежде, чем был создан Адам, прежде, чем он получил свой образ.

преступит бо». И паки рече: «О единородный мой! О свѣте мой! О Сыне и Слове! О Сияние славы моея! Аще промышляеши созданием своимъ, подобает ти облещися въ тлимаго человѣка, подобает ти по земли ходити, апостолы восприяти, пострадати и вся совершити». И отвѣща другий: «Буди, Отче, воля твоя!» И по сем создася Адам.

Аще хощеши пространно разумѣти, что Маргаритъ, «Слово о вочеловѣчении», тамо обрящеши. Аз кратко помянулъ, смотрение показуя. Сице всяк вѣруяй в онь — не постыдится, а не вѣруяй — осужден будет и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Афанасию.*

Сице аз, протопоп Аввакум, вѣрую, сице исповѣда́ю, с симъ живу и умираю.*

Рождение же мое в Нижегороцких предѣлех, за Кудмою-рекою, в селѣ Григоровѣ.* Отецъ ми бысть священник Петръ,* мати — Мария, инока Марфа. Отецъ же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть. И с тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить, аз же Пресвятѣй Богородице молихся, да даст ми жену — помощницу ко спасению. И в том же селѣ девица, сиротина же, безпрестанно обыкла ходить во церковь, имя ей Анастасия.* Отецъ ея был кузнецъ, именем Марко, богатъ гораздо; а егда умре, послѣ ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божии тако.

Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице, аз же от изгнания преселихся во ино мѣсто.* Рукоположенъ во дьяконы двадесяти лѣтъ з годом, и по дву лѣтехъ в попы поставлен, живый в попѣхъ осмъ летъ; и потом совершен в протопопы православными епископы, тому двадесеть лѣтъ минуло: и всего тридесятъ лѣтъ, как имею священъство.*

А егда въ попах был, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовных много, по се время сотъ с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грѣшный, прилежа во церквах, и в домѣхъ, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующемъ градѣ, и во странѣ Сибиръской проповѣдуя и уча слову Божию, — годовъ будет тому с полтретьяцеть.

Егда еще был в попѣхъ, прииде ко мнѣ исповѣдатися девица,* многими грѣхми обремененна, блудному дѣлу и малакии[1] всякой повинна; нача мнѣ, плакавшеся, подробну возвѣщати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболѣлъся, внутрь жгом огнем блудным. И горько мнѣ бысть в той час, зажегъ три свѣщи и прилепил к налою, и возложилъ руку правую на

---

[1] разврату.

пламя, и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разжежение. И отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошелъ в дом свой зѣло скорбен; время же, яко полнощи. И пришедъ во свою избу, плакався пред образомъ Господнимъ, яко и очи опухли, и моляся прилѣжно, да же отлучит мя Богъ от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобъ носимо[1]. И падох на землю, на лицы своемъ, рыдаше горце, и забыхся, лежа. Не вѣмъ, как плачю, а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловутъ стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидѣлцов. И я спросил: «Чье корабли?» И онѣ отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентиевъ». Сии быша ми духовные дѣти, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшенъ, но разными пестротами — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо[2], — егоже умъ человечь не вмести красоты его и доброты; юноша свѣтелъ, на кормѣ сидя, правитъ; бежитъ ко мнѣ из-за Волъги, [3]яко пожрати[3] мя хощетъ. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидяй на немъ отвѣщалъ: «Твой корабль! На, плавай на нем з женою и детми, коли докучаешь!» И я вострепетах и, сѣдше, разсуждаю: «Что се видимое? И что будетъ плавание?»

А се по мале времени, по писанному, объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адавы обрѣтоша мя; скорбь и болѣзнь обрѣтох.*

У вдовы началник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери. И он, презрѣвъ моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавили. И аз лежа мертвъ полчаса и больши, и паки оживе Божиимъ мановением. И онъ, устрашаяся, отступился мнѣ девицы. Потом научил ево дьяволъ: пришедъ во церковь, бил и волочилъ меня за ноги по землѣ в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже инъ начальник во ино время, на мя разсвирепѣл, прибѣжав ко мнѣ в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубовъ своих и, покиня меня, пошелъ в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошел к вечернѣ. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки, со двема малыми пищалми, и, близь меня бывъ, запалил ис пистоли. И Божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю, из другия паки запалил так же — и Божия воля учинила так же: и та пищаль не стрелила. Аз же прилѣжно, идучи, молюсь Богу; единою рукою осенил ево и поклонился ему. Онъ меня лаетъ, а я ему реклъ: «Благодать во устнѣх твоих, Иван Родионович, да будетъ!» Посем двор у меня отнялъ, а меня выбилъ, всево ограбя, и на дорогу хлѣба не дал.

В то же время родился сынъ мой Прокопей, которой сидит с матерью в землѣ закопан.* Аз же, взявъ клюшку, а мати — некрещенова младенца, побре-

---

[1] неподъемно; [2] цвета пепла; [3]—[3] как будто наехать.

ли, аможе Богъ наставитъ и на пути крестили, якоже Филиппъ каженика древле.* Егда же аз прибрел к Москвѣ, к духовнику протопопу Стефану и к Нероновy протопопу Иванну,* они же обо мнѣ царю извѣстиша, и государь меня почал [1]с тѣхъ мѣстъ[1] знати. Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащилъся, — ано и стѣны разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьяволъ и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое плясовые медвѣди з бубнами и з домрами, и я, грѣшник, по Христѣ ревнуя, изгнал их, и хари, и бубны изломалъ на поле, един у многих, и медвѣдей двух великих отнялъ, — одново ушиб, и паки ожил, а другова *отпустил* в поле.* И за сие меня Василей Петровичь Шереметевъ, пловучи Волгою в Казань на воеводство,* взяв на судно и браня много, велѣлъ благословить сына своего Матфея, бритобратца[2]. Аз же не благословил, но от Писания ево и порицал, видя блудолюбный образ.* Боярин же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить в Волъгу, [3]и, много томъ, протолкали[3]. А опослѣ учинились добры до меня, у царя на сѣнях со мною прощались[4],* а брату моему меньшому бояроня Васильева и дочь духовная была.*

Так-то Богъ строитъ своя люди!

На первое возвратимся. Таже инъ началникъ на мя разсвирѣпел: приехавъ с людми ко двору моему, стрелял из луков и ис пищалей, с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, имиже вѣси судбами!» И побѣжалъ от двора, гоним Святым Духом. Таже в нощь ту прибѣжали от него и зовут меня со многими слезами: «Батюшко-государь, Евфимей Стефанович при кончинѣ, и [5]кричит неудобно[5], бьет себя и охает, а сам говоритъ: „Дайте мнѣ батька Аввакума!" За него Богъ меня наказует!» И я чаялъ, меня обманываютъ, ужасеся духъ мой во мнѣ. А се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытия в бытие мя устроилъ! Аще меня задушат — и ты причти мя с Филиппомъ, митрополитом Московским;* аще зарѣжутъ — и ты причти мя з Захариею пророком;* а буде в воду посадятъ — и ты, яко Стефана Пермъскаго, паки освободишь мя!»* И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию.

Егда же привезоша мя на двор, выбѣжала жена его Неонила и ухватила меня под руку, а сама говоритъ: «Поди-тко, государь нашъ батюшко, поди-тко, свѣтъ наш кормилецъ!» И я сопротив тово: «Чюдно! Давеча был блядин сынъ, а топерва — батюшко! Болшо[6], у Христа-тово остра шелепуга-та[7], скоро повинилъся муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочилъ с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «Прости, государь, согрѣшил пред Богом и пред тобою!»* А сам дрожитъ весь. И я ему сопротиво[8]: «Хощеши ли впредь целъ быти?» Он же, лежа, отвѣща: «Ей, честный отче!» И я рекъ: «Востани! Богъ

[1—1] с того времени; [2] обрившего бороду; [3—3] и, долго помучив, столкнули; [4] просили прощения; [5—5] кричит страшно; [6] Видать; [7] скоро плеть; [8] в ответ.

простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповѣдал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно[1] в дом мой; и з женою быша ми дѣти духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то Господь гордымъ противится, смиреным же дает благодать.*

Помале паки инии изгнаша мя от мѣста того вдругоряд. Аз же сволокся к Москвѣ, и Божиею волею государь меня велѣлъ в протопопы поставить въ Юрьевец-Повольской.* И тутъ пожилъ немного — только осмъ недель. Дьяволъ научил поповъ и мужиков и бабъ, пришли к патриархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлал, и вытаща меня ис приказа собранием, — человѣкъ с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожьемъ и топтали; и бабы были с рычагами[2].* Грѣхъ ради моих, замертва убили и бросили под избной уголъ. Воевода с пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошеди умчали въ мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступаютъ, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопятъ: «Убить вора, блядина сына, да и тѣло собакам в ровъ кинемъ!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дѣти, по Волге сам-третей ушелъ к Москвѣ. На Кострому прибѣжал — ано и тутъ протопопа же Даниила *изгнали*.* Охъ, горе! Вездѣ от дьявола *житья* нѣтъ! Прибрелъ к Москвѣ, духовнику Стефану показался: и онъ на меня учинилъся печален: «На што, де, церковь соборную покинул?» Опять мнѣ *другое* горе! Царь пришелъ к *духовнику* благословитца ночью: меня увидел тутъ, — опять кручина: «*На* што, де, городъ покинул?» А жена, и дѣти, и домочадцы, *человѣк* з дватцеть, в Юрьевце остались: невѣдомо — живы, невѣдомо — прибиты! Тутъ паки горе.

Посем Никонъ, другъ наш, привез ис Соловковъ Филиппа-митрополита.* А прежде его приезду духовник Стефанъ, моля Бога и постеся седмицу з братьею, — и яс ними тут же, — о патриаръхе, да же дастъ Богъ пастыря ко спасению душъ наших; и с митрополитом Казанским Корнилием, написавъ челобитную [3]за руками[3], подали царю и царицѣ — о духовнике Стефане, чтобы ему быть в патриархах.* Он же не восхотѣлъ сам и указалъ на Никона-митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстрѣчю:* «Пресвященному митрополиту Никону Новгороцкому *и* Великолуцкому и всеа Русии радоватися», и прочая. Егда же приехал, с нами, яко лисъ: челом да здорово! Вѣдает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ козняхъ говорить! Егда поставили патриархом, такъ друзей не сталъ и в Крестовую пускать!* А се и ядъ отрыгнулъ: в постъ Великой прислал память[4] х Казанъской,* к Неронову Иванну. А мнѣ отец духовной был, я у нево все и жилъ в церквѣ: егда куды отлучится, ино я вѣдаю церковь. И к мѣсту, говорили, на дворецъ к Спасу, на Силино, покойника мѣсто,* да Бог не изволил. А се и у меня радѣние[5] худо

[1] с почетом; [2] с ухватами; [3—3] с подписями; [4] предписанье; [5] желанье.

было, любо мнѣ у *Казанъские*, тое держалъся, челъ народу книги. Много людей *приходило*.

В памети Никон пишетъ.* «*Год* и число. По преданию святых *апостолъ* и святых отецъ, не подобаетъ во церкви метания[1] *творити* на колѣну, но в поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». *Мы* же задумалися, сошедшеся между собою: видим, яко зима хощетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказал церковь, а самъ един скрылся в Чюдов — седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть* во время молитвы: «Время приспѣ страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мнѣ, плачючи, сказалъ, таже коломенъскому епископу Павлу, егоже Никон напослѣдок огнем жжегъ в новогороцких предѣлех,* потом — Данилу, костромскому протопопу, таже сказалъ и всей братье. Мы же з Данилом, написавъ ис книгъ выписки о сложении перстъ и о поклонех,* и подали государю. Много писано было, он же, не вѣмъ гдѣ, скрыл ихъ, мнит ми ся, Никону отдал.

Послѣ тово вскорѣ схватавъ Никон Даниила, в монастырѣ за Тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и, содравъ однарятку, ругая, отвелъ в Чюдовъ в хлѣбню и, муча много, сослалъ в Астрахань.* Венецъ терновъ на главу ему тамъ возложили, въ земляной тюрмѣ и уморили. Послѣ Данилова стрижения взяли другова — темниковскаго — Даниила жъ, протопопа, и посадили в монастырѣ у Спаса на Новом,* таже протопопа Неронова Иванна: в церквѣ скуфью снялъ и посадилъ в Симанове монастырѣ, опослѣ сослалъ на Вологду, в Спасов Каменной монастыръ, потом в Колской острог. А напослѣдокъ по многом страдании изнемогъ бѣдной — принялъ три перста, да так и умеръ.* Охъ, горе! Всякъ мняйся[2] стоя, да блюдется, да ся не падетъ;* люто время, по реченному Господем, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя.* Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасетъ и помилуетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ.

Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами,* человѣкъ со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворѣ на чепь посадили ночью. Егда же розсвѣтало в день неделный, посадили меня на тѣлѣгу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тутъ на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидѣл три дни, ни елъ, ни пилъ; во тмѣ сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мнѣ не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалъченъ,* сирѣчь есть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною, не вѣмъ — ангелъ, не вѣмъ — человѣкъ, и по се время не знаю, токмо в потемкахъ молитву сотворилъ, и, взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привелъ и посадил, и лошку в руки дал и хлѣбца немношко и штецъ дал похлѣбать — зѣло прикусны, хороши! И реклъ мнѣ: «Полно, довлѣет[3] ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись,

[1] поклон; [2] предполагающий; [3] хватит, довольно.

а эво не стало! Дивно только человѣкъ, а что же ангелъ? Ино нѣчему дивитца — вездѣ ему не загорожено. На утро архимаритъ з братьею пришли и вывели меня, журят мнѣ: «Что патриарху не покорисся?» А я от Писания эво браню да лаю. Сняли большую чеп, да малую наложили, отдали чернцу под началъ, велѣли волочить в церковь. У церкви за волосы дерутъ, и под бока толкаютъ, и за чепъ торгаютъ, и в глаза плюютъ. Богъ их простит в сий вѣкъ и в будущий: не их то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я четыре недели.

В то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго; в соборной церкви, при царѣ, остригъ в обѣдню.* Во время переноса снял патриархъ со главы у архидьякона дискос и поставил на престолъ с Тѣломъ Христовымъ; а с чашею архиматрит чюдовской Ферапонтъ внѣ ольтаря, при дверех царских, стоялъ. Увы, разсѣчения Тѣла Христова, пущи жидовскаго дѣйства! Остригше, содрали с него однарятку и кафтанъ. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порогъ в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себе рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил. И чюдно! Растопоряся рубашка и покрыла на престолѣ дискос, бытто воздýхъ. А в то время и царица въ церквѣ была. На Логина возложили чепъ и, таща ис церкви, били метлами и шелепами[1] до Богоявленскова монастыря, и кинули в полатку нагова, и стрелцовъ на карауле поставили накрѣпко стоять. Ему же Богъ в ту нощь далъ шубу новую да шапку. И на утро Никону сказали, и он розсмеявся, говоритъ: «Знаю, су, я пустосвятов тѣхъ!» И шапку у нево отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пѣшева на патриарховъ двор, так же руки ростяня, и, стязався[2] много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день — ходъ со кресты,* а меня паки на телѣге везли противъ крестовъ. И привезли к соборной церквѣ стричь, и держали в обѣдню на пороге долъго. Государь с мѣста сошелъ и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказъ и отдали дьяку Третьяку Башмаку,* что нынѣ стражет же по Христѣ, старецъ Саватѣй, сидитъ на Новом, в земляной же тюрмѣ. Спаси эво, Господи! И тогда мнѣ дѣлал добро.

Таже послали меня в Сибирь з женою и дѣтми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила — больную в телѣге и повезли до Тобольска,* три тысящи верстъ недель с тринатцеть волокли телѣгами, и водою, и санми половину пути.*

Архиепископъ в Тобольске к мѣсту устроилъ меня.* Тутъ у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять словъ государевых сказывали на меня,* и единъ нѣкто, архиепископля двора дьякъ Иванъ Струна[3].* тотъ и душею моею потряс. Сьехалъ архиепископ к Москвѣ, а онъ без нево, дъявольским научением напалъ на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно за-

---

[1] плетьми; [2] спорив; [3] душу мою в смятение привел.

хотѣлъ. Он же, Антонъ, утече у него и прибѣжалъ во церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався с людми, во инъ день прииде ко мнѣ въ церковь, — а я вечерню пою, — и въскочилъ в церковь, ухватилъ Антона на крылосѣ за бороду. А я в то время двери церковныя затворилъ и замкнулъ, и никово не пустилъ, — одинъ онъ, Струна, в церковѣ вертится, что бѣсъ. И я, покиня вечерню, с Антономъ посадилъ ево среди церкви на полу и за церковной мятежъ постегал ево ременем нарочито-таки. А прочии, человѣкъ з дватцеть, вси побѣгоша, гоними Духом Святым. И покаяние от Струны принявъ, паки отпустилъ ево к себѣ.

Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили градъ, да како меня погубятъ. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и побѣгоша вспять. Мучился я с месяцъ, от них бѣгаючи втай: иное — въ церквѣ начюю, иное — к воеводѣ уйду,* а иное — в тюрму просилъся, ино не пустятъ. Провожал меня много Матфей Ломковъ, иже и Митрофан именуемъ в чернцах: опосле на Москвѣ у Павла-митрополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг; тогда добръ былъ, а нынѣ дьяволъ ево поглотилъ. Потом приехал архиепископъ с Москвы и [1]правильною виною ево[1], Струну, на чеп посадилъ за сие: нѣкий человѣкъ з дочерью кровосмѣшение сотворилъ, а онъ, Струна, полтину възявъ и, не наказав мужика, отпустилъ. И владыка ево сковать приказал и мое дѣло тут же помянулъ. Он же, Струна, ушелъ к воеводам в приказъ и сказалъ «слово и дѣло государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну бояръскому лутчему, Петру Бекѣтову,* [2]за приставъ[2]. Увы, погибель на дворъ Петру пришла, еще же и душе моей горе тутъ есть! Подумавъ архиепископъ со мною, по правиламъ за вину кровосмѣшения сталъ Струну проклинать в неделю православия в церквѣ большой. Той же Бекѣтовъ Петръ, пришедъ в церковь, браня архиепископа и меня. И в той час ис церкви пошедъ, взбѣсилъся, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию злѣ.* И мы со владыкою приказали тѣло ево среди улицы собакам бросить, да же гражданя оплачютъ согрешение его, а сами три дни прилѣжне стужали[3] Божеству, да же в день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струны, такову себѣ пагубу приялъ! И по трех днех владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно тово пълачевнова дѣла говорить!

Посемъ указ пришелъ, велено меня ис Тобольска на Лѣну вести за сие, что браню от Писания и укоряю ересь Никонову.* В та же времена пришла ко мнѣ с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы в Верху, а оба умерли в моръ,* и з женами и з дѣтми; и многия друзья и сродники померли. Излиялъ Богъ на царство фиялъ гнѣва своего, да [4]не узнались, горюны, однако церковью мятутъ[4]. Говорил тогда и сказывалъ Нероновъ царю три пагубы за церковной раскол: моръ, мечь, разделение.* То и збылось во дни наша нынѣ. Но милостивъ

[1—1] за вину, предусмотренную церковными правилами; [2—2] под охрану пристава; [3] молились; [4—4] не поняли, горюны, по-прежнему поддерживают церковный мятеж.

Господь: наказавъ, покаяния ради и помилуетъ нас, прогнавъ болѣзни душъ наших и телесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа, ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сѣлъ опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, — поехал на Лѣну.* А какъ приехалъ въ Енисѣйской* — другой указ пришел: велено в Дауры вести, дватцеть тысящ и болши будетъ от Москвы.* И отдали меня Афонасью Пашкову в полкъ — людей с ним было *6* сотъ человѣкъ. И грѣхъ ради моих суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучит, и бьет.* И я ево много уговаривалъ, да и самъ в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали изъ Енисѣйска,* какъ будем в большой Тунгуске-рекѣ,* в воду загрузило бурею дощеникъ[1] мой со всѣмъ: налилъся среди реки полон воды, и парус изорвало, одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робятъ кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричю: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить. На другом дощенике двух человѣкъ сорвало, и утонули в водѣ. Посемъ, оправяся на берегу, и опять поехали впредь.

Егда приехали на Шаманъской порогъ,* навстрѣчю приплыли люди иные к намъ, а с ними двѣ вдовы: одна лѣтъ въ 60, а другая и больши, пловут пострищись в монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ их ворочать и хочет замуж *отдать*. И я ему сталъ говорить: «По правилам не подобает таковыхъ замужъ давать». И чемъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить, а онъ вздумал мучить меня, осердясь. На другом — Долгомъ — пороге сталъ меня из дощеника выбивать: «Для, де, тебя дощеник худо идетъ! Еретик, де, ты! Поди, де, по горамъ, а с казаками не ходи!»

О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утесъ каменной, яко стена стоитъ, и поглядѣть — заломя голову! В горах тѣхъ обрѣтаются змеи великие, в них же витаютъ гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галъки сѣрые. В тѣх же горахъ, орлы, и соколы, и кречаты, и курята инъдейские, и бабы[2], и лебеди, и иные дикие, — многое множество, птицы разные. На тѣх же горахъ гуляютъ звѣри многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волъки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На тѣ горы выбивалъ меня Пашков, со звѣрями и со змиями, и со птицами витать.

И аз ему малое писанейце написалъ, сице начало: «Человѣче! Убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго в безны, егоже трепещутъ небесные силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и [3]неудобъство показуешь[3]», и прочая; тамъ многонько писано; и послал к нему.* А се бегутъ человѣкъ с пятдесят: взяли мой дощеникъ и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакамъ каши наварилъ да кормлю их; и онѣ, бѣдные, и едятъ и дро-

[1] барку, лодку; [2] пеликаны; [3—3] строптивость показываешь.

жатъ, а иные, глядя, плачютъ на меня, жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели перед него. Онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ; начал мнѣ говорить: «Поп ли ты, или распопъ?» И аз отвѣщалъ: «Аз есмъ Аввакумъ протопоп! Говори, что тебѣ дѣло до меня?» Он же рыкнулъ, яко дивий звѣрь, и ударилъ меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збилъ меня с ногъ, и, чеканъ[1] ухватя, лежачева по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши[2], по той же спинѣ семъдесятъ два удара кнутом.* А я говорю: «Господи, Исусе Христе, сыне Божий, помогай мнѣ!» Да то же, да то же безпрестанно говорю. Такъ горко ему, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару молитву говорилъ, да осреди побой вскричал я к нему: «Полно бить-тово!» Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолылъ ему: «За что ты меня бьешь? Вѣдаешь ли?» И онъ паки велѣлъ бить по бокамъ, и *отпустили*. Я задрожалъ да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенной дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть[3] кинули.

Осень была, дождь на меня шелъ, всю нощъ под капѣлию лежалъ. Какъ били, так не болно было с молитвою тою, а лежа, на умъ взбрело: «За что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы твои сталъ! Кто дастъ судию между мною и тобою? Когда воровалъ[4], и ты меня так не оскорблялъ, а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ!» Бытто доброй человѣкъ (другой фарисѣй з говенною рожею!) со Владыкою судитца захотѣлъ! Аще[5] Иевъ и говорилъ такъ,* да онъ праведенъ, непороченъ, а се и Писания не разумѣлъ, [6]внѣ закона[6], во странѣ варварстѣй, от твари Бога позналъ. А я первое — грѣшен, второе — на законѣ почиваю и Писаниемъ отвсюду подкрепляемъ, яко многими скорбми подобает нам внити во Царство Небесное,* а на такое безумие пришел! Увы мнѣ! Как дощеник-отъ в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в тѣ поры кости те щемить и жилы тѣ тянуть, и сердце зашлось, да и умирать сталъ. Воды мнѣ в ротъ плеснули, такъ вздохнулъ да покаялъся пред Владыкою, и Господь-свѣтъ милостивъ, не поминаетъ наших беззакониихъ первыхъ покаяния ради; и опять не стало ништо болѣть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большему, Падуну, — река о томъ мѣсте шириною с версту, три залавка[7] чрез всю реку, зѣло круты, не воротами што попловетъ, ино в щепы изломаетъ, — меня привезли под порогъ. Сверху дождь и снѣгъ, а на мнѣ на плеча накинуто кафтанишко просто; льетъ вода по брюху и по спинѣ, — нужно[8] было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована околѣ порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уже на Бога вдругорят. На умъ пришли рѣчи, пророком и апостоломъ реченныя: «Сыне, не пренемогай[9] наказаниемъ Господ-

[1] оружие, на рукоятке которого с одной стороны топорик, с другой вместо обуха — молоток; [2] раздев; [3] бревно, связывающее борта лодки; [4] грешил; [5] Хотя; [6—6] жил вне церковного закона, без знаний Бога; [7] подводных уступа; [8] тяжко; [9] пренебрегай.

нимъ, ниже ослабѣй, от него обличаемъ. Его же любитъ Богъ, того наказуетъ; биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, тогда [1]яко сыномъ[1] обретается вамъ Богъ. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте».* И сими рѣчми тѣшилъ себя.

Посемъ привезли въ Брацкой острогъ* и в тюрму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста* в студеной башне, — тамъ зима в тѣ поры живетъ — да Богъ грѣлъ и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было, я их скуфьею* билъ, — и батошка не дадутъ, дурачки! Все на брюхе лежалъ: спина гнила, блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «Прости!», да сила Божия возбранила, — велено терпеть. Перевелъ меня в теплую избу, и я тутъ с аманатами[2] и с собаками жилъ скованъ зиму всю. А жена з дѣтми верстъ з дватцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю, лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ — невеликъ былъ* — приобрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рожества, и Пашковъ велѣлъ кинуть в студеную тюрму, гдѣ я сидѣлъ; начевалъ, милой, и замерзъ, было, тутъ. И наутро опять велѣлъ к матери протолкать. Я ево и не видалъ. Приволокся к матери — руки и ноги ознобилъ.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое мѣсто осталось, а первой разгребленъ весь: и книги, и одежда, иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонулъ. По Хилке по рекѣ* заставилъ меня лямку тянуть: зѣло нужен ходъ ею былъ, и поесть было нѣколи, нежели спать. Лѣто целое мучилися. От водыныя тяготы люди изгибали, и у меня ноги и животъ синь былъ. Два лѣта в водахъ бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонулъ. Барку от берегу оторвало водою, — людские стоятъ, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дѣти остались на берегу, а меня сам-другъ с кормщикомъ помчало. Вода быстрая, переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней ползаю, а самъ кричю: «Владычице, помози! Упование, не утопи!» Иное — ноги в водѣ, а иное — выползу наверхъ. Несло с версту и болши, да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што, петь, дѣлать, коли Христос и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, вышедъ из воды, смеюсь, а люди те охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие бездѣлицы тое много еще было в чемоданах да в сумах — все с тѣхъ мѣстъ перегнило, наги стали. А Пашковъ меня же хочетъ опять бить: «Ты, де, над собою дѣлаешъ за посмѣхъ!» И я паки свѣту-Богородице докучать: «Владычице, уйми дурака тово!» Такъ она, надежа, уняла: сталъ по мнѣ тужить.

Потомъ доехали до Иргеня-озера;* волок тутъ, стали зимою волочитца. Моихъ роботниковъ отнялъ, а иным у меня нанятца не велитъ. А дѣти маленки были, едоков много, а работать нѣкому: одинъ бѣдной горемыка-протопопъ! Нарту здѣлалъ и зиму всю волочилъся за волокъ.

[1—1] как сыновьям; [2] пленниками, заложниками.

Весною на плотахъ по Ингодѣ-реке* поплыли на низ. Четверътое лѣто от Тобольска плаванию моему. Лѣсъ гнали хоромной и городовой. Стало нѣчева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мѣлъкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палъки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска! — люди голодные: лишо станутъ мучить, ано и умретъ! Охъ времени тому!

Не знаю, какъ умъ у него отступилъся! У протопопицы моей однарятка московская была, не згнила; по-русскому — рублевъ въ полътретьяцеть,* и болши — по-тамошнему; далъ намъ четыре мешка ржи за нея, и мы годъ-другой тянулися, на Нерче-реке* живучи, с травою перебиваючися.

Всѣ люди з голоду поморилъ,* никуды не отпускалъ промышлять, осталось небольшое мѣсто; по степямъ скитающеся и по полямъ траву и корение копали, а мы с ними же; а зимою — сосну; а иное — кобылятины Богъ дастъ. И кости находили, от волковъ пораженных зверей, и что волкъ не доестъ — мы то доедимъ. А иные и самыхъ озяблыхъ ели волъковъ и лисицъ, и что получитъ — всякую скверную. Кобыла жеребенка родитъ, а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье сьедятъ. А Пашков, свѣдавъ, и кнутомъ до смерти забьетъ. И кобыла умерла, — все изводъ взялъ, понеже не по чину жеребенъка тово вытащили из нея: лишо голову появилъ, а онѣ и выдернули, да и почали кровь *скверную* есть. Охъ времени тому!

И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тѣхъ,* а с прочими, скитающеся по горамъ и по острому камению, наги и боси, травою и кореніемъ перебивающеся, кое-какъ мучилися. И самъ я, грѣшной, волею и неволею причастенъ кобыльим и мертвечьимъ звѣриным и птичьимъ мясамъ. Увы грѣшной душе! Кто дастъ главѣ моей воду и источник слезъ, да же оплачю бѣдную душу свою, юже злѣ погубихъ житейскими сластми?*

Но помогала намъ по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокѣя Кириловна,* да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: онѣ намъ от смерти голодной тайно давали отраду, без вѣдома ево. Иногда пришлют кусокъ мясца, иногда — колобокъ, иногда — мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку[1]—другую, а иногда и полъпудика накопитъ и передастъ, а иногда у куровъ корму ис корыта нагребетъ. Дочь моя, бѣдная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смѣхъ! Иногда робенка погонятъ от окна без вѣдома бояронина, а иногда и многонько притащитъ. Тогда невелика была, а нынѣ ужъ ей 27 годов, — девицею, бѣдная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-какъ, плачючи, живутъ. А мать и братья в землѣ закопаны сидятъ.* Да што же дѣлать? Пускай, горкие, мучатся всѣ ради Христа! Быть тому такъ за Божиею помощию, на том положено — ино мучитца, ино мучится веры ради Христовы. Любилъ протопопъ со славными знатца, люби же и

[1] единица веса, равная 410 г.

терпѣть, горемыка, до конца. Писано: [1]не начный блаженъ, но скончавый[1].* Полно тово, на первое возвратимся.

Было в Дауръской землѣ нужды великие годовъ с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. В той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ от себя двѣ вѣдовы, сѣнныя ево любимые были, Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видитъ, яко [2]ничтоже успеваетъ, но паче молъва бываетъ[2],* — зѣло жестоко их бѣсъ мучитъ, бьются и кричатъ. Призвалъ меня, и поклонилъся мнѣ, говоритъ: «Пожалуй, возьми их ты и попекися об них, Бога моля; послушаетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщалъ: «Господине! Выше мѣры прошение, но за молитвъ святых отецъ нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ их, бѣдных.

Простите, во искусѣ то на Руси бывало, — человѣка три-четыре бѣшаных, приведших, бывало, в дому моемъ, и за молитвъ святых отецъ отхождаху от них бѣси, дѣйствомъ и повѣлениемъ Бога живаго и Господа нашего Исуса Христа, сына Божия, свѣта. Слезами и водою покроплю и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя Христово. И сила Божия отгоняше от человѣкъ бесы, и здрави бываху, не по достоинъству моему, ни, никакоже, — но по вѣре приходящих. Древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валааме, и при Улияне-мученике — рысью, и при Сисинии — оленемъ, говорили человѣческим гласом.* Богъ, идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ.* Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящеши: и блудница мертваго воскресила.* В Кормчей* писано: «Не всѣхъ Духъ Святый рукополагает, но всѣми, кромѣ еретика, дѣйствуетъ».

Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшаных. Я, по обычаю, самъ постилъся и имъ не давал есть, молебъствовалъ, и масломъ мазалъ, и, как знаю, дѣйствовалъ. И бабы о Христѣ целоумны и здравы стали, я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу; любятъ меня и домой нейдутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинилися дочери духовные, осердилъся на меня опять пущи старова — хотѣлъ меня в огнѣ жжечь: «Ты, де, вывѣдываешъ мое тайны!» А какъ, петь-су, причастить, не исповѣдавъ? А не причастивъ бѣшанова — ино бѣса совершенно не отгонишь. Бѣс-отъ веть не мужик, батога не боится! Боится онъ креста Христова да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ — от Тѣла Христова. Я, кромѣ сихъ таинъ, врачевать не умѣю. В нашей православной вѣре без исповѣди не причащаютъ; в римъской вѣре творятъ такъ, не берегутъ о исповѣди, а намъ, православие блюдущим, такъ не подобает, но на всяко время покаяние искати.

Аще священника, нужды ради, не получишь: и ты своему брату искусному[3] возвѣсти согрѣшение свое, и Богъ простит тя, покаяние твое видѣвъ, и тогда с правильцомъ причащайся Святых тайн. Держи при себѣ запасный агнецъ[4].

[1—1] не начавший блажен, но окончивший; [2—2] ничего не получается, но еще хуже становится; [3] опытному; [4] причастие, запасные дары.

Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится кромѣ церкви, воздохня предъ Владыкою и, по вышереченному, ко брату исповѣдався, с чистою совѣстию причастися святыни: такъ хорошо будетъ. По постѣ и по правилѣ, предъ образомъ Христовымъ на коробочку постели платочикъ и свѣчку зажги, и в сосудце водицы маленко, да на ложечку почерпни и часть Тѣла Христова с молитвою в воду на лошку положи, и кадиломъ вся покади, поплакавъ, глаголи: «Вѣрую, Господи, и исповѣдаю, яко ты еси Христос, сынъ Бога живаго, пришедый в миръ грѣшники спасти, от них же первый есмъ аз. Вѣрую, яко воистинну се есть самое пречистое Тѣло твое, и се есть самая честная Кровь твоя. Егоже ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми, и ослаби[1] ми согрѣшения моя, волная и невольная, яже словом, яже дѣлом, яже вѣдением и невѣдением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися Пречистых ти Таинъствъ во оставление грѣховъ и в жизнь вѣчную, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь». Потомъ, падше на землю пред образом, прощение проговори и, возставъ, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися, и водицею и запей, и паки Богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умрешъ послѣ тово, ино хорошъ. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе. Добро, стану опять про бабъ говорить.

Взялъ Пашковъ бѣдных вдовъ от меня, бранит меня вмѣсто благодарения! Он чаялъ, Христос просто положит, ано пущи и старова стали бѣситца. Заперъ их в пустую избу, — ино никому приступу нѣтъ к нимъ, — призвал к нимъ чернова попа, и онѣ ево дровами бросаютъ, и поволокся прочь. Я дома плачю, а дѣлать не вѣдаю что. Приступить ко двору не смѣю: болно сердитъ на меня. Тайно послалъ к нимъ воды святыя, велѣлъ их умыть и напоить, и имъ, бедным, легче стало. Прибрели сами ко мнѣ тайно, и я помазал их во имя Христово маслом, такъ опять, далъ Богъ, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молитца Богу. Изрядные дѣтки стали, играть[2] перестали и правильца держатца стали. На Москвѣ з бояронею в Вознесенском монастырѣ вселились.* Слава о них Богу!

Таже с Нерчи-реки паки назадъ возвратилися к Русѣ.* Пять недель по лду голому ехали на нартахъ. Мнѣ под робятъ и под рухлишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣши, убивающеся о ледъ. Страна варварская, иноземцы немирные, отстать от лошедей не смѣемъ, а за лошедми итти не поспѣемъ, голодные и томные[3] люди. Протопопица бѣдная, бредетъ-бредетъ да и повалится: кольско[4] гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человѣкъ на нея набрелъ, тут же и повалилъся; оба кричатъ, а встать не могут. Мужикъ кричитъ: «Матушъка-государыня, прости!» А протопопица кричитъ: «Что ты, батко, меня задавилъ?» Я пришолъ — на меня, бѣдная, пеняетъ, говоря: «Долъго ли муки сея, протопопъ, будет?» И я говорю: «Марковна, до са-

[1] прости; [2] беситься; [3] истомленные; [4] скользко.

мыя до смерти!» Она же, вздохня, отвѣщала: «Добро, Петровичь, ино еще побредемъ».

Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила — робяти на пищю Божиим повелѣниемъ, нуждѣ нашей помогая; Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, в то время удавили по грѣхомъ. И нынѣча мнѣ жаль курочки той, какъ на разумъ приидетъ. Ни курочка, ништо чюдо была: во весь годъ по два яичка на день давала. Сто рублевъ при ней — плюново дѣло, желѣзо! А та птичка одушевлена, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится — и рыбку клевала, а намъ противъ тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая!

А не просто намъ она и досталася. У бояроңи* куры всѣ переслѣпли и мереть стали. Такъ она, собравше в коробъ, ко мнѣ ихъ прислала: «Чтобъ, де, батко, пожаловалъ, помолилъся о курахъ». И я, су, подумал: «Кормилица то есть наша; дѣтки у нея, надобно ей курки». Молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ. Потомъ в лѣсъ збродилъ, корыто имъ здѣлалъ, ис чево есть, и водою покропилъ, да к ней все и отслалъ. Куры Божиимъ мановениемъ исцелѣли и исправилися по вѣре ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить, у Христа не сего дни такъ повелось! Еще Козма и Дамиянъ* человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго Владыки, еще же и человѣка ради.

Таже приволоклись паки на Ирьгень-озеро. Бояроня пожаловала — прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись.

Кормилица моя была Евдокѣя Кириловна, а и с нею дьяволъ ссорилъ, сице: сынъ у нея былъ, Симеонъ,* там родилъся, я молитву давалъ и крестил, на всякъ день присылала ко мнѣ на благословение, и я, крестомъ благословя и водою покропя, поцеловавъ ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо! Не прилучилося меня дома; занемогъ младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику; я, свѣдавъ, осердилъся же на нея, и меж нами пря[1] велика стала быть. Младенецъ пущи занемогъ: рука правая и нога засохли, что батошки. В зазоръ[2] пришла: не вѣдаетъ, что дѣлать. А Богъ пущи угнетаетъ: робеночекъ на кончину пришелъ. Пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачют, а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себѣ одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил дияволъ сердце ея, припалъ ко Владыке, чтобы образумилъ ея. Господь же, премилостивый Богъ, умяхчилъ ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мнѣ, — со слезами проситъ прощения матери своей, ходя и кланяяся около печи моей. А я лежу под берестом нагъ на печи, а протопопица в печи, а дѣти кое-гдѣ; в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплетъ, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери

[1] ссора; [2] упрямство.

прощения просить у Орефы-колъдуна!» Потом и болнова принесли, велѣла перед меня положить; и всѣ плачютъ и кланяются. Я, су, всталъ, добылъ в грязи патрахѣль и масло священное нашолъ. Помоля Бога и покадя, младенца помазалъ маслом и крестомъ благословил. Робенокъ, далъ Богъ, и опять здоровъ сталъ — с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послалъ.

Вижль, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть! Не сегодни кающихся есть Богъ!

На утро прислала нам рыбы да пироговъ, а нам то, голоднымъ, надобе. И с тѣхъ мѣстъ помирилися. Выехав из Дауръ, умерла, миленькая, на Москвѣ; я и погребалъ в Вознесенъскомъ монастырѣ. Свѣдалъ то и самъ Пашковъ про младенца — она ему сказала; потом я к нему пришелъ. И онъ, поклоняся низенько мнѣ, а сам говоритъ: «Спаси Богъ! Отечески творишь — не помнишь нашева зла». И в то время пищи довольно прислалъ.

А опослѣ тово вскорѣ хотѣлъ меня пытать, слушай, за что. Отпускалъ онъ сына своево Еремѣя в Мунгальское царство* воевать, — казаковъ с нимъ 72 человѣка да иноземцовъ 20 человѣкъ, — и заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать: удастъ ли ся имъ и с побѣдою ли будутъ домой? Волъхвъ же той, мужикъ, близъ моего зимовья привел барана живова в вечеръ и учалъ над нимъ волъхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертѣлъ и прочь отбросилъ. И началъ скакать, и плясать, и бѣсовъ призывать. И много кричавъ, о землю ударилъся, и пѣна изо рта пошла. Бѣси давили ево, а онъ спрашивалъ их: «Удастъся ли походъ?» И бѣси сказали: «С побѣдою великою и з богатъствомъ большим будете назадъ». И воеводы ради, и всѣ люди радуюся говорятъ: «Богаты приедемъ!»

Охъ душе моей! Тогда горко, и нынѣ не сладко! Пастырь худой погубилъ своя овцы от горести, забылъ реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи* на поселянъ жестокихъ совѣтовали: «Господи, хощеши ли, речеве, да огнь снидетъ с небесе и потребитъ[1] их, якоже и Илия сотвори?»* Обращь же ся Исус и рече имъ: «Не вѣста, коего духа еста вы; Сынъ бо Человѣческий не прииде душь человѣческих погубити, но спасти». И идоша во ину весь[2]. А я, окаянной, здѣлалъ не такъ! Во хлѣвине своей кричалъ с воплем ко Господу: «Послушай мене, Боже! Послушай мене, Царю небесный! Свѣтъ, послушай меня! Да не возвратится вспять ни един от нихъ, и гробъ имъ там устроиши всѣмъ! Приложи имъ зла, Господи, приложи,* и погибель имъ наведи, да не збудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайнѣ о том же Бога молилъ.

Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишо излаялъ меня. Потомъ отпустилъ с войскимъ сына своего. Ночью поехали по звѣздамъ.

В то время жаль мнѣ их: видит душа моя, что имъ побитымъ быть, а самъ-таки на нихъ погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мнѣ, а я им го-

[1] истребит; [2] село.

ворю: «Погибнете тамъ!» Какъ поехали, лошади под ними взоржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвывли, и сами иноземцы, что собаки, завыли: ужас на всѣхъ напалъ! Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ, «чтобы батюшко-государь помолилъся за меня!»

И мнѣ ево стало жаль, а се другъ мнѣ тайной былъ и страдалъ за меня. Как меня кнутомъ отецъ ево бил, и сталъ разговаривать[1] отцу, такъ со шпагою погналъся за нимъ. А какъ приехали послѣ меня на другой порогъ, на Падунъ, 40 дощениковъ, всѣ прошли в ворота, а ево, Афонасьевъ, дощеникъ — снасть добрая была, и казаки всѣ шесть сотъ промышляли о немъ, а не могли взвѣсти, — взяла силу вода, паче же рещи — Богъ наказалъ! Стащило всѣхъ в воду людей, а дощеникъ на камень бросила вода: чрезъ ево льется, а в нево не идетъ! Чюдо, какъ то Богъ безумныхъ тѣхъ учить! Онъ самъ на берегу, бояроня — в дощенике. И Еремѣй сталъ говорить: «Батюшко, за грѣхъ наказуетъ Богъ! Напрасно ты протопопа тово кнутом тѣмъ избилъ! Пора покаятца, государь!» Он же рыкнулъ на него, яко звѣрь, и Еремѣй, к соснѣ отклонясь, прижавъ руки, сталъ, а самъ, стоя, «Господи, помилуй!» говоритъ. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пищаль,* — никогда не лжетъ, — приложася на сына, курокъ спустилъ, и Божиею волею осѣклася пищаль. Он же, поправя порохъ, опять спустилъ, — и паки осѣклась пищаль. Он же и в третьи также сотворилъ, — пищаль и в третьи и осѣклася же. Онъ ее на землю и бросилъ! Малой, поднявъ, на сторону спустилъ — такъ и выстрелила! А дощеникъ единаче на камени под водою лежитъ! Сѣлъ Пашковъ на стулъ, шпагою подперся, задумався и плакать сталъ, а самъ говоритъ: «Согрѣшилъ, окаянной, пролилъ кровь неповинну!* Напрасно протопопа билъ — за то меня наказуетъ Богъ!»

Чюдно, чюдно! По Писанию: яко косенъ[2] Богъ во гнѣвъ, а скоръ на послушание,* — дощеникъ самъ, покаяния ради, сплылъ с камени и сталъ носомъ противъ воды. Потянули — онъ и взбѣжалъ на тихое мѣсто тотъ час.

Тогда Пашковъ, призвавъ сына к себѣ, промолыл ему: «Прости, барте[3], Еремѣй, — правду ты говоришъ!» Он же, прискоча, падъ, поклонився отцу и рече: «Богъ тебя, государя, проститъ. Я пред Богомъ и пред тобою виноватъ!» И взявъ отца под руку, п повелъ. Гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человѣкъ; ужъ у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца и боится его. Да по Писанию и надобе так: Богъ любитъ тѣхъ детей, которые почитают отцовъ.

Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремѣй, паче же ради Христа и правды его? А мнѣ сказывал кормщикъ ево, Афонасьева, дощеника, — тутъ былъ, — Григорей Тельной.

На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремѣя мнѣ, сталъ Владыке докучать, чтобъ ево пощадилъ. Ждали ихъ с войны, не бывали на

[1] возражать; [2] нетороплив, медлителен; [3] разговорная частица.

срокъ[1] А в тѣ поры Пашковъ меня и к себѣ не пускалъ. Во единъ от дней учредил застѣнокъ и огнь росклал: хочетъ меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил: вѣдаю ево стряпанье, — послѣ огня тово мало у него живутъ. А самъ жду по себя. И сидя, женѣ плачющей и дѣтямъ говорю: «Воля Господня да будетъ! Аще живемъ, Господеви живемъ, аще умираемъ, Господеви умираемъ».*

А се и бегутъ по меня два палача. Чюдно дѣло Господне и неизреченны судбы Владычни! Еремѣй раненъ, сам-другъ дорошкою мимо избы и двора моево едетъ! И палачей вскликалъ и воротилъ с собою. Он же, Пашковъ, оставя застѣнок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины.

И Еремѣй, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвѣщаетъ, какъ войско у него побили, все, без остатку, и какъ ево увелъ иноземецъ от мунгальских людей по пустымъ мѣстам, и какъ по каменнымъ горамъ в лесу, не ядше, блудилъ седмъ дней, — одну сьелъ бѣлку, — и какъ моим образомъ человѣкъ ему во снѣ явилъся и, благословя ево, указалъ дорогу, в которую страну ехать. Он же, вскоча, обрадовалъся и на путь выбрелъ. Егда онъ отцу розсказываетъ, а я пришелъ в то время поклонитися имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, — слово в слово что медведь моръской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдастъ! — вздохня, говоритъ: «Так-то ты делаешь? Людей тѣхъ погубилъ столько!» А Еремѣй мнѣ говорит: «Батюшко, поди, государь, домой! Молъчи для Христа!» Я и пошелъ.

Десеть лѣтъ онъ меня мучилъ,* или я ево — не знаю; Богъ розберетъ в день вѣка[2]! Перемѣна ему пришла,* а мнѣ грамота: велено ехать на Русь. Онъ поехалъ, а меня не взял; умышлялъ во умѣ своемъ: «Хотя, де, одинъ и поедетъ, и ево, де, убьютъ иноземцы». Онъ въ дощеникахъ со оружиемъ и с людми плылъ, а слышалъ я, едучи, от иноземцовъ дрожали и боялись. А я, месяцъ спустя послѣ ево, набравъ старыхъ, и болныхъ, и раненыхъ, кои тамъ негодны, человѣкъ з десяток, да я з женою и з дѣтми, семнатцеть нас человѣкъ, в лотку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поехали,* аможе Богъ наставитъ, ничево не бояся. Книгу Кормчъчию далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Да друга моего выкупилъ, Василия, которой тамъ при Пашкове на людей ябедничалъ и крови проливалъ. И моея головы искалъ; в ыную пору, бивше меня, на колъ, было, посадилъ, да еще Богъ сохранил! А после Пашкова хотѣли ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ давъ, на Русь ево вывезъ, от смерти к животу, — пускай ево, бѣднова! — либо покаятся о гресѣхъ своих! Да и другова такова же увезъ замотая[3]. Сего не хотѣли мнѣ выдать; и онъ ушелъ в лѣсъ от смерти, и, дождався меня на пути, плачючи, кинулъся мнѣ в карбас. Ано за нимъ погоня! Дѣть стало нѣгдѣ! Я, су, — простите! — своровалъ: яко Раавь блудная во Ерихонѣ Исуса Наввина людей, спря-

[1] к сроку; [2] в день Страшного суда; [3] ябедника.

талъ ево,* положа на дно в судне, и постелею накинулъ, и велѣлъ протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с мѣста не тронули, — лишо говорятъ: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпѣлась!» А я, — простите Бога ради! — лгал в тѣ поры и сказывал: «Нѣтъ ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискавъ да и поехали ни с чемъ, а я ево на Русь вывезъ.

Старецъ да и рабъ Христовъ, простите же меня, что я лъгалъ тогда! Каково вамъ кажется? Не велико ли мое согрѣшение? При Рааве-блуднице, она, кажется, так же здѣлала, да Писание ея похваляетъ за то. И вы, Бога ради, поразсудите: буде грѣхотворно я учинилъ, и вы меня простите; а буде церковному преданию непротивно — ино и такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ: припишите своею рукою мнѣ, и женѣ моей, и дочери или прощение или епитимию, понеже мы за одно воровали — от смерти человѣка ухоронили, ища ево покаяния к Богу. Судите же такъ, чтобъ нас Христос не сталъ судить на Страшномъ судѣ сего дѣла. Припиши же что-нибудь, старец.

*Бог да простит тя и благословит в сем вѣцѣ и в будущемъ, и подружию твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь домъ вашъ. Добро сотворили есте и праведно. Аминь.**

Добро, старецъ, спаси Богъ на милостыни!

Полно тово.

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть далъ на коровку, да овечок пять-шесть; мясцо иссуша, и тѣмъ лѣто питалися, пловучи.

Доброй прикащик человѣкъ, дочь у меня Ксенью крестилъ. Еще при Пашкове родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мира и масла, такъ не крещена долго была, послѣ ево крестилъ. Я сам женѣ своей и молитву говорил, и детѣй крестилъ с кумомъ, с прикащиком, да дочь моя болшая — кума, а я у нихъ поп. Тѣм же обрасцомъ и Афанасья, сына, крестилъ и, обѣдню служа, на Мезени причастил, и детей своих исповѣдывал и причащал самъ же, кромѣ жены своея. Есть о томъ в правилех, велено такъ дѣлать. А что запрещение то отступническое,* и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою, — дурно молыть! — гузно тру! Меня благословляютъ московские святители — Петръ и Алексѣй, и Иона, и Филиппъ, — я по ихъ книгамъ вѣрую* Богу моему чистою совестию и служу; а отступниковъ отрицаюся и клену: враги онѣ Божии, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладутъ, я со отеческим преданием и под каменьемъ лежу, не токмо под шпынскою[1] воровскою никонияньскою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на дѣйство то и службу ту их, да и на книги те их новоизданныя, такъ и ладно будетъ! Станемъ говорить, како угодити Христу и Пречистой Богородице; а про воровство их полно говорить.

---

[1] шутовскою.

Простите, барте, никонияне, что избранилъ вас! Живите, какъ хочете! Стану опять про свое горе говорить, какъ вы меня жалуете-подчиваете, 20 лѣтъ тому ужъ прошло. Еще бы хотя сколько же Богъ пособилъ помучитца от васъ, — ино бы и было с меня, о Господѣ Бозѣ и Спасѣ нашемъ Исусе Христе! А затѣмъ — сколько Христос дастъ, только и жить.

Полно тово, и такъ далеко забрелъ. На первое возвратимся.

Поехали из Дауръ, стало пищи скудать. И з братиею Бога помолили, и Христос намъ далъ изубря, большова звѣря,* — тѣмъ и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляютъ. Рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли, Тереньтьюшко с товарищи. Плачют, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи, сколько нам надобно: осетрофъ с сорокъ свѣжихъ перед меня привезли, а сами говорятъ: «Вотъ, батюшко, на твою часть Богъ въ запорѣ[1] намъ далъ, возьми себѣ всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять имъ велѣлъ взять: на што мнѣ столько? Погостя у них, и с нужду запасцу взявъ, лотку починя и парусъ скропавъ, чрез море пошли. Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись,* не больно в томъ мѣсте широко: или со сто, или с осмъдесятъ веръстъ. Егда к берегу пристали, востала буря вѣтренная, и на берегу насилу мѣсто обрели от волнъ. Около ево горы высокие, утесы каменные и зѣло высоки; дватцеть тысящ веръстъ и больши волочился, а не видалъ таких нигдѣ! Наверху их полатки и повалуши; врата и столпы, ограда каменная, и дворы, — все богоделанно. Лукъ на них ростетъ и чеснокъ, болши романовскаго* луковицы, и слаток зѣло. Там же ростутъ и конопли богорасленныя, а во дворахъ — травы красныя, и цветны и благовонны гораздо. Птицъ зѣло много, гусей и лебедей; по морю, яко снѣгъ, плаваютъ. Рыба в немъ — осетры и таймени, стерьледи и омули, и сиги, и прочих родовъ много; вода прѣсная. А нерпы и зайцы великия в немъ,* во окианѣ-морѣ болшом, живучи на Мезѐни, такихъ не видалъ. А рыбы зѣло густо в нем; осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить: на сковородѣ жир все будет.

А все то у Христа тово, свѣта, надѣлано для человѣковъ, чтобы упокояся, хвалу Богу воздавалъ. А человѣкъ, суете которой уподобится, дние его, яко сѣнь[2], преходят: скачетъ, яко козѣлъ, раздувается, яко пузырь, гнѣвается, яко рысь, сьесть хощет, яко змия, ржетъ, зря на чюжую красоту, яко жребя, лукаву-етъ, яко бѣсъ,* насыщаяся довольно; без правила спитъ, Бога не молитъ; отлагаетъ покаяние на старость и потомъ исчезает. И не вѣмъ, камо отходитъ: или во свѣтъ ли, или во тму. День Судный коегождо явитъ. Простите мя, аз согрѣшилъ паче всѣхъ человѣкъ!

Таже в русские грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молъва бываетъ.

---

[1] ловушке; [2] тень.

Опечаляся, сидя, разсуждаю: «Что сотворю? Проповѣдаю ли слово Божие, или скроюся гдѣ?» — понеже жена и дѣти связали меня. И видѣ меня печална, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятъством[1] и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну извѣстих: «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворѣ; говорит ли мнѣ или молчать? Связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: «Господи помилуй! Что ты, Петровичь, говоришь? Слыхала я, — ты же читалъ, — апостольскую рѣчь: „Привязалъся еси женѣ — не ищи разрѣшения[2]; егда отрѣшишися, тогда не ищи жены".* Аз тя и з дѣтми благославляю: деръзай проповѣдати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи! Дондеже Богъ изволитъ — живемъ вмѣсте, а егда разлучатъ — тогда нас в молитвах своих не забывай. Силенъ Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичь, обличай блудню еретическую!» Я, су, ей за то челом и, отрясше от себя печалную слѣпоту, начахъ по-прежнему слово Божие проповѣдати и учити по градом и вездѣ, еще же и ересь никонияньскую со деръзновениемъ обличалъ.

Въ Енисѣйске зимовал; и паки, лѣто плывше, в Тобольске зимовалъ. И до Москвы едучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, во церквах и на торъгахъ кричалъ, проповѣдая слово Божие, и уча, и обличая безбожную лесть.

Таже приехалъ к Москвѣ.

Три годы ехал из Дауръ,* а туды волокся пять лѣтъ противъ[3] воды; на востокъ все везли, промежду иноземъскихъ оръдъ и жилищъ. Много про то говорить! Бывалъ и в ыноземъскихъ руках. На Оби, великой рекѣ, предо мною 20 человѣкъ погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили со всѣмъ. Паки на Иртише-реке собрание их стоитъ: ждутъ березовскихъ наших* з дощеникомъ и побить. А я, не вѣдаючи, и приехалъ к ним и, приехавъ, к берегу присталъ: онѣ с луками и объскочили нас. Я, су, вышедъ обниматца с ними, што с чернцами, а самъ говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И онѣ до меня и добры стали, и жены своя к женѣ моей привели. Жена моя также с ними лицемѣритца, какъ в мире лесть[4] совершается, и бабы удобрилися. И мы то уже знаемъ; какъ бабы бываютъ добры, такъ и все о Христе бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя, торъговать со мною стали, — медведенъ[5] я у нихъ накупил, — да и отпустили меня.

Приехавъ в Тоболескъ, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкиръцы с татарами воевали тогда.* А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехалъ посредѣ их.

Приехалъ на Верхотурье. Иванъ Богдановичь Камынинъ, другъ мой,* дивится же мнѣ: «Какъ ты, протопопъ, проехалъ?» А я говорю: «Христос меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никово, одново боюсь Христа!»

---

[1] почтительно; [2] свободы; [3] против течения; [4] ложь; [5] покрывал из медвежьих шкур.

Таже к Москвѣ приехалъ, и, яко ангела Божия, прияша мя: государь и бояря, — всѣ мнѣ ради. К Федору Ртищеву зашелъ: онъ самъ ис полатки выскочил ко мнѣ, благословилъся от меня, и учали говорить — много-много,* три дни и три ночи домой меня не отпустилъ, и потом царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотъ час к руке поставить велѣлъ и слова милостивые говорилъ: «Здорово ли, де, протопоп, живешь? Еще, де, видатца Богъ велѣлъ!» И я сопротивъ руку ево поцеловавъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Господь и жива душа моя, царь-государь, а впредь, что изволитъ Богъ!» Он же, миленькой, вздохнулъ, да и пошелъ, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить! Прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастыръском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялъся часто со мною низенько-таки, а самъ говорит: «Благослови, де, меня и помолися о мнѣ!» И шапку в ыную пору, муръманку, снимаючи з головы, уронилъ,* едучи верхомъ. А ис корѣты высунется, бывало, ко мнѣ. Таже и всѣ бояря, после ево, челом да челом: «Протопоп, благослови и молися о насъ!»

Какъ, су, мнѣ царя тово и бояръ тѣхъ не жалѣть! Жаль, о-су! Видишь, каковы были добры! Да и нынѣ онѣ не лихи до меня; дьяволъ лихъ до меня, а человѣки всѣ до меня добры. Давали мнѣ место, гдѣ бы я захотѣлъ, и в духовники звали, чтобы я с ними соединилъся в вѣре; аз же вся сия яко уметы[1] вменилъ, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идетъ.

А се мнѣ в Тобольске в тонце[2] снѣ страшно возвѣщено: «Блюдися, от меня да не [3]полъма растесанъ[3] будеши!»* Я вскочилъ и палъ пред иконою во ужасѣ велице, а сам говорю: «Господи, не стану ходить, гдѣ по-новому поютъ, Боже мой!» Был я у завтрени в соборной церкви на царевнины имянины,* шаловал[4] с ними в церкве той при воеводахъ да с приезду смотрил у них просвиромисания, дважды или трожды, в олътарѣ у жертвеника стоя, а самъ имъ ругалъся[5]. А какъ привыкъ ходить, такъ и ругатца не стал, — что жаломъ, духом антихристовым и ужалило было! Такъ меня Христос-свѣтъ попужал и рече ми: «По толикомъ страдании погибнуть хощешъ? Блюдися, да не полъма разсѣку тя!» Я и к обѣдне не пошелъ, и обѣдать ко князю пришелъ, и вся подробну имъ возвѣстилъ. Бояринъ, миленькой князь Иван Андрѣевичь Хилъковъ,* плакать сталъ. И мнѣ, окаянному, много столко Божия благодѣяния забыть?*

Егда в Даурахъ я был, на рыбной промыслъ к дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжал на базлукахъ* — тамъ снѣгу не живетъ, морозы велики живутъ, и льды толъсты намерзаютъ, блиско человѣка толъщины, — пить мнѣ захотѣлось, и гараздо от жажды томимъ, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нелзя, озеро — веръстъ с восьмъ. Сталъ, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый ис камени в пустыни людям воду,* жаждущему Израилю, тогда и днесь ты

---

[1] грязь; [2] вещем; [3—3] пополам рассечен; [4] баловался, служил греховно; [5] осуждал.

еси! Напои меня, имиже вѣси судбами, Владыко, Боже мой!» Охъ, горе! Не знаю, какъ молыть, простите, Господа ради! Кто есмъ аз? Умерый песъ! Затрещалъ ледъ предо мною и разступился чрезъ все озеро — сюду и сюду — и паки снидеся; гора великая льду стала! И, [1]дондеже уряжение[1] бысть, аз стахъ на обычном мѣстѣ и на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ пролубку маленку, и я, падше, насытился. И плачю, и радуюся, благодаря Бога. Потомъ и пролубка содвинулася, и я, востав, поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куды мнѣ надобе, к детямъ.

Да и в прочии времена в волоките[2] моей такъ часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лѣсе дрова секу, или ино что творю, а самъ и правило в те поры говорю, вечерню, и завтреню, или часы, — што прилучится. А буде в людяхъ бывает неизворотно[3], и станемъ [4]на стану[4], а не по мнѣ таварищи, правила моево не любятъ, а идучи, мне нельзя было исполнить, — и я, отступя людей, под гору или в лѣсъ, коротенко здѣлаю: побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обѣдаю. А буде жо по мнѣ люди, и я, на сошке складенки поставя, правильца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варятъ. А в саняхъ едучи, в воскресныя дни на подворьяхъ всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я, хотя немношко, а таки поворчю. Якоже тѣло алъчуще желает ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желаетъ; не гладъ хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человѣка, но гладъ велий человѣку — Бога не моля, жити.

Бывало, отче, в Дауръской земле, — аще не поскучите послушать с рабом темъ Христовым, аз, грѣшный, и то возвѣщу вамъ, — от немощи и от глада великаго изнемогъ в правилѣ своемъ, всего мало стало, толко павечернишные псалмы да полунощницу, да час первой, а болши тово ничево не стало. Такъ, что скотинка, волочюсь, о правиле томъ тужу, а принять ево не могу, а се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ в лѣсъ по дрова, а без меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, — дочь с матерью, — обе плачютъ. Огрофена, бѣдная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришелъ из лесу, зѣло робенокъ рыдаетъ: связавшуся[5] языку ево, ничево не промолыть, мичить к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачетъ. И я отдохнулъ и с молитвою приступилъ к робяти, реклъ: «О имени Господни повелеваю ти: говори со мною! О чемъ плачешъ?» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «Не знаю кто, батюшко-государь, во мнѣ сидя, светленекъ, за язык-отъ меня держалъ и с матушкою не далъ говорить: я тово для плакала! А мнѣ онъ говоритъ: „Скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правилъ, такъ на Русь опять всѣ выедете. А буде правила не станетъ пра-

[1—1] до тех пор, пока все устраивалось, устанавливалось; [2] скитаниях; [3] неудобно; [4—4] на стоянке; [5] то есть: онемел.

вить, о немъже онъ и самъ помышляетъ, то здѣсь всѣ умрете, и онъ с вами же умретъ"». Да и иное кое-что ей сказано в тѣ поры было: какъ указ по нас будет, и сколько друзей первыхъ на Руси заедемъ[1], — все такъ и збылося. И велѣно мнѣ Пашкову говорить, чтобы и он вечерни и завтрени пѣлъ, такъ Богъ ведро дастъ и хлѣбъ родится, — а то были дожди безпрестанно. Ячменцу было сѣено небольшое мѣсто, за день или за два до Петрова дни, — тотчас вырос, да и згнилъ было от дождевъ. Я ему про вечерни и завтрени сказалъ, и он и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотъчас поспѣлъ. Чюдо-таки: сѣенъ поздо, а поспѣлъ рано! Да и паки, бѣдной, коварничать[2] сталъ о Божиемъ дѣле. На другой годъ насѣелъ было и много, да дождь необыченъ излияся, и вода из рѣки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тутъ вода не бывала, — и иноземцы дивятся. Виждь, какъ поруга дѣло Божие и пошелъ страною[3], такъ и Богъ к нему странным[4] гнѣвомъ! Стал смѣятца первому тому извѣщению напослѣдокъ: «Робенокъ, де, есть хотѣлъ, так плакалъ!» А я, су, с тѣхъ мѣстъ за правило свое схваталъся, да и по ся мѣстъ тянусь помаленьку.

Полно о томъ бѣсѣдовать, на первое возвратимся. Намъ надобе вся сия помнить и не забывать, и всякое Божие дѣло не класть в небрежение и просто[5] и не менять на прелесть сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское бытие.

Видятъ онѣ, что я не соединяюся с ними. Приказалъ государь уговаривать меня Родиону Стрешневу,* чтобы я молъчалъ, и я потѣшил ево: царь-то есть от Бога учинен, а се добренекъ до меня, чаял, либо помаленку исправится. А се посулили мнѣ — Симеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ* книги править, и я радъ силно: мнѣ то надобно, лутче и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислал десеть рублевъ денегъ, царица — десеть рублев же денегъ, Лукъянъ-духовник* — десеть рублев же, Родионъ Стрешневъ — десеть рублев же, а дружище наше старое Феодоръ Ртищевъ — тотъ и шестьдесятъ рублевъ казначею своему велѣлъ в шапку мнѣ сунуть. А про иныхъ нѣчева и сказывать: всякъ тащитъ да несетъ всячиною! У свѣта моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жилъ во дворѣ,* понеже дочь мнѣ духовная, и сестра ее, княгиня Евдокѣя Прокопьевна,* дочь же моя. Свѣты мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославские, покойницы,* всегда же в дому былъ. А къ Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходилъ.

Да так-то с полгода жилъ, да вижу, яко церковное ничтоже успѣвает, но паче молъва бываетъ, паки заворчалъ, написав царю* многонько-таки, чтобы он старое благочестие взыскал и мати нашу общую, святую Церковь, от ересей оборонилъ и на престолъ бы патриаршеский пастыря православнова учинилъ

[1] встретим; [2] лукавить, обращать во зло; [3] не путем (т. е. без Бога); [4] безжалостным; [5] без внимания.

вмѣсто волъка и отступника Никона, злодѣя и еретика. И егда писмо изготовилъ, занемоглось мнѣ гораздо, и я выслалъ царю на переездѣ с сыномъ своимъ духовнымъ, съ Феодоромъ юродивымъ,* что послѣ отступники удавили ево, Феодора, на Мезени, повѣся на висилицу. Он же с писмомъ приступилъ к цареве коретѣ со деръзновением, и царь велѣл ево посадить — и с писмомъ — под Красное крылцо.* Не вѣдалъ, что мое, а опослѣ, взявше у него писмо, велѣлъ ево отпустить. И онъ, покойникъ, побывавъ у меня, паки в церковь пред царя пришед, учалъ юродством шаловать; царь же, осердясь велѣлъ в Чюдовъ монастырь отслать. Тамъ Павелъ-архимаритъ* и желѣза на него наложилъ, и Божиею волею желѣза разъсыпалися на ногах пред людьми. Он же, покойникъ-свѣтъ, в хлѣбне той послѣ хлѣбовъ в жаркую печь влѣзъ и голымъ гузномъ сѣлъ на поду и, крошки в печи побираючи, естъ. Такъ чернцы ужаснулися и архимариту сказали, что нынѣ Павелъ-митрополитъ; он же и царю возвѣстилъ, и царь, пришед в монастырь, честно ево велѣлъ отпустить. Он же паки ко мнѣ пришелъ.

И с тѣх мѣстъ царь на меня кручиноватъ[1] сталъ: не любо стало, какъ опять я сталъ говорить, любо имъ, как молчю, да мнѣ такъ не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать[2] стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мнѣ* и, уразумѣвше истинну, не стали к прелесной их службѣ ходить. И мнѣ от царя выговоръ былъ: «Въласти, де, на тебя жалуются, церкви, де, ты запустошилъ, поедь, де, в ссылку опять». Сказывалъ боярин Петръ Михайловичь Салътыковъ.* Да и повезли на Мезень.* Надавали было кое-чево во имя Христово люди добрые, много, да все и осталося тутъ, токмо з женою и дѣтми и з домочадцы повезли. А я по городамъ паки людей Божиихъ училъ, а их, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ.

И привезли на Мезень.

Полтара года держав, паки одново к Москвѣ възяли,* да два сына со мною — Иванъ да Прокопей — сьехали же, а протопопица и прочии на Мезени осталися всѣ.

И привезше к Москвѣ, отвезли под началъ в Пафнутьевъ монастырь.* И туды присылка была, — то ж да то ж говорять: «Долъго ли тебѣ мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бѣсовъ, а онѣ лѣзутъ в глаза! Скаску[3] имъ тутъ з бранью з болшою написалъ* и послалъ з дьякономъ ярославскимъ, с Козмою, и подьячим двора патриарша. Козма-та — не знаю, коего духа человѣкъ, — въявѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: «Протопопъ, не отступай ты старова тово благочестия! Великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца претерпишь! Не гляди на нас, что погибаемъ мы!» И я ему говорилъ сопротивъ, чтобы онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: «Нельзя, Никонъ опуталъ меня!» Просто молыть, отрекся пред Нико-

---

[1] сердит; [2] фыркать (ругаться); [3] Письменное деловое объяснение, объяснительное официальное послание.

номъ Христа, также уже, бѣдной, не сможетъ встать! Я, заплакавъ, благословилъ ево, горюна: болши тово нѣчева мнѣ дѣлать с нимъ; вѣдает то Богъ, что будетъ ему.

Таже, державъ десеть недель в Пафнутьеве на чепи, взяли меня паки в Москву, и въ Крестовой стязався власти со мною,* ввели меня в соборной храмъ и стригли по переносе меня и дьякона Феодора,* потомъ и проклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ. Зѣло было мятежно в обѣдню ту тутъ! И, подеръжавъ на патриархове дворѣ, повезли нас ночью на Угрѣшу, к Николѣ в монастырь.* И бороду враги Божии отрѣзали у меня! Чему быть? Волъки то есть, не жалѣютъ овцы! Оборвали, что собаки, одинъ хохолъ оставили, что у поляка, на лъбу. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтобы люди не свѣдали. Сами видят, что дуруютъ, а отстать от дурна не хотятъ: омрачил дьяволъ.

Что на них пенять! Не имъ было, а быть же было иным, писанное время пришло по Евангелию: «Нужда соблазнам приити». А другой глаголетъ евангелистъ: «Невозможно соблазнамъ не приитти, но горе тому, имже приходитъ соблазнъ».* Вижль, слышателю: необходимая наша бѣда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущаетъ Богъ, да же избрани будутъ, да же разжегутся, да же убелятся, да же [1]искуснии[1] явленни будутъ в вас. Выпросилъ у Бога свѣтлую Росию сатона, да же очервленитъ ю кровию мученическою. Добро ты, дьяволъ, вздумалъ, и нам то любо — Христа ради, нашего свѣта, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель.* Тутъ мнѣ Божие присѣщение бысть, чти в царевѣ послании, тамо обрящеши.* И царь приходилъ в монастырь: около темницы моея походилъ и, постонавъ, опять пошелъ из монастыря. Кажется по тому, и жаль ему меня, да уш то воля Божия такъ лежитъ! Какъ стригли, в то время велико нестроение[2] в Верху у нихъ бысть с царицею, с покойницею; она за нас стояла в то время, миленькая, напослѣдок и от казни отпросила меня. О том много говорить. Богъ их проститъ! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни въ будущий вѣкъ. Молитися мнѣ подобаетъ о них, о живыхъ и о преставльшихся. Дияволъ между нами разсѣчение положилъ, а онѣ всегда добры до меня. Полно тово. И Воротынской, бѣдной, князь Иванъ, тут же без царя молитца приезжалъ; а ко мнѣ просился в темницу,* ино не пустили, горюна; я лишо, в окошко глядя, поплакалъ на него. Миленькой мой! Боится Бога, сиротинъка Христова, не покинет ево Христос! Всегда-таки онъ Христовъ да наш человѣкъ. И всѣ бояре те до нас добры, одинъ дьявол лихъ. Что, петь, здѣлаешъ, коли Христос попустил? Князь Ивана, миленькова, Хованъскова и батожьемъ били;* какъ Исаию сожгли.* А бояроню-то Федосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат. И сестру ея Евдокѣю, бивше батогами, и от детей отлучили, и с мужемъ роз-

[1]—[1] искушенные, испытанные; [2] несогласие.

вели, а ево, князь Петра Урусова, на другой, де, женили.* Да что, петь, дѣлать? Пускай их, миленкихъ! Мучася, небеснаго жениха достигнутъ. Всяко-то Богъ их перепровадитъ вѣкъ сей суетный и присвоить к себѣ Жених Небесный в чертогъ свой, праведное солнце, свѣть, упование наше!

Паки на первое возвратимся.

Посем свезли меня паки в монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную полатку, скована держали годъ без мала.* Тутъ келарь* Никодимъ сперва добръ до меня был, а се, бѣдной, болшо тово же табаку испил[1], что у газскаго митрополита* выняли напослѣдокъ, 60 пудовъ, да домру, да иные тайные монастырьские вещи, что поигравше творятъ. Согрѣшил, простите, — не мое то дѣло, то вѣдаетъ онъ: своему Владыке стоитъ или падает,* к слову молылось; то у них были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попросилъся я на Великъ день для празника отдохнуть, чтобы велѣль, дверей отворя, на пороге посидѣть. И онъ, меня наругавъ, и отказалъ жестоко, как ему захотѣлось, и потом, в кѣлию пришед, разболѣлъся: масломъ соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнетъ. То было в понедѣлник свѣтлой. И в нощи против вторника прииде к нему мужъ во образѣ моемъ, с кадилом, в ризах свѣтлых, и покадилъ ево и, за руку взявъ, воздвигнулъ, и бысть здравъ. И притече ко мнѣ с келейником ночью в темницу. Идучи говоритъ: «Блаженна обитель: таковыя имѣетъ темницы! Блаженна темница: таковых в себѣ имѣетъ страдальцовъ! Блаженны и юзы!»* И палъ предо мною, ухватилъся за чепъ, говоритъ: «Прости, Господа ради, прости! Согрѣшилъ пред Богомъ и пред тобою! Оскорбилъ тебя, — и за сие наказалъ мя Богъ!» И я говорю: «Какъ наказалъ? Повѣждь ми!» И онъ паки: «А ты, де, самъ, приходя и покадя, меня пожаловал и поднялъ, — что, де, запираешся?» А келейник, тут же стоя, говоритъ: «Я, батюшко-государь, тебя под руку вывел ис кѣльи, да и поклонился тебѣ, ты и пошелъ сюды». И я ему заказалъ, чтобы людямъ не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христѣ: «Или, де, мнѣ велишь покинуть все и в пустыню поити?» Аз же его понаказавъ, и не велѣль ему келаръства покидать, токмо бы, хотя втай, держалъ старое предание отеческое. Он же, поклоняся, отъиде к себѣ и на утро за трапезою всей братье сказалъ. Людие же безстрашно и деръзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословения и молитвы от меня. А я ихъ учю от Писания и пользую словомъ Божиимъ. В тѣ времена и врази, кои были, и тѣ примирилися тутъ. Увы! Коли оставлю суетный сей вѣкъ? Писано: «Горе, емуже рекутъ добре вси человецы».* Воистинну не знаю, какъ до краю доживать! Добрых дѣль нѣть, а прославилъ Богъ; то вѣдаетъ онъ, — воля ево.

Тут же приезжалъ ко мне втай з дѣтми моими Феодоръ-покойникъ, удавленой мой, и спрашивалъся со мною: «Какъ, де, прикажешь мнѣ ходить: в рубашке ли по-старому, или в платье облещись?* Еретики, де, ищутъ и погубить

---

[1] выкурил.

меня хотятъ. Былъ, де, я на Резани под началомъ, у архиепископа на дворѣ, и зѣло, де, онъ, Иларионъ, мучилъ* меня: рѣткой день, коли плетми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждая к новому антихристову таинъству. И я, де, уже изнемогъ, в нощи моляся и плача, говорю: „Господи! Аще не избавишь мя, осквернятъ меня, и погибну! Что тогда мнѣ сотворишъ?" И много, плачючи, говорилъ. А се, де, вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я, де, Богу поклонясь, да и пошелъ. К воротамъ пришелъ — и ворота отворены! Я, де, по большой дороге, к Москвѣ напрямик! Егда, де, разсвѣтало, — ано погоня на лошедях! Трое человѣкъ мимо меня пробѣжали, — не увидѣли меня. Я, де, надѣюся на Христа, бреду-таки впредь. Помале, де, онѣ едутъ навъстрѣчю ко мнѣ, лаютъ меня: „Ушелъ, де, блядин сынъ! Гдѣ, де, ево возмѣшь!" Да и опять, де, проехали, не видали меня. И я, де, нынѣ к тебѣ спроситца прибрѣлъ: туды ль, де, мнѣ опять мучитца поити или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ?» И я ему, грѣшной, велѣлъ въздѣть платье. А однако не ухоронилъ от еретических рукъ — удавили на Мезени, повѣся на висилицу. Вѣчная ему память и с Лукою Лаврентьевичем! Дѣтушки миленькие мои, пострадали за Христа! Слава Богу о них!

Зѣло у Федора тово крѣпокъ подвигъ был: в день юродъствуетъ, а нощъ всю — на молитвѣ со слезами. Много добрых людей знаю, а не видалъ подвижника такова! Пожил у меня с полъгода на Москвѣ, — а мне еще не моглося, — в задней комнатке двое нас с ним. И много — час-другой — полежитъ да и встанетъ, 1000 поклоновъ отбросаетъ да сядет на полу, и иное, стоя, часа с три плачетъ, а я-таки лежу; иное — сплю, а иное — неможется. Егда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступит: «Долго ли тебѣ, протопопъ, лежать тово? Образумься, ведь ты попъ! Какъ сорома нѣтъ!» И мнѣ неможется, такъ меня подымаетъ, говоря: «Въстань же, миленкой батюшко, ну-таки, встащися какъ-нибудь!» Да и роскачаетъ меня. Сидя мнѣ велитъ молитвы говорить, а онъ за меня поклоны кладетъ. То-то другъ мой сердечной былъ! Скорбенъ[1], миленькой, былъ с перетуги великия: черевъ[2] из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору — пять аршин. Неможетъ[3], а кишки перемѣряетъ. И смѣхъ с нимъ и горе! На Устюге пять лѣтъ безпрестанно меръзъ на морозѣ бос, бродя в одной рубашке, я сам ему самовидецъ. Тутъ мнѣ учинился сынъ духовной, какъ я ис Сибири ехалъ. У церви в полатке, — прибѣгал молитвы ради, — сказывалъ: «Какъ, де, от мороза тово в теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло, де, тяшко в те поры бываетъ!» По кирпичью тому ногами теми стукает, что коченьем! А на утро и опять не болятъ. Псалътыръ у него тогда была новых печатей в келье, маленко еще зналъ о новизнахъ. И я ему розсказалъ подробну про новыя книги, он же, схватавъ книгу, тотъчас и в печь кинулъ да и проклялъ всю новизну. Зѣло у него во Христа горяча вѣра была! Да что много говорить? Как началъ, такъ и скон-

[1] не здоров; [2] кишок; [3] Болеет.

чалъ. Не на баснях проходилъ подвиг, не какъ я, окаянной, того ради и скончалъся боголѣпнѣ.

Хорошъ былъ и Афонасьюшко,* миленькой, сынъ же мнѣ духовной, во иноцех Авраамий, что отступники на Москвѣ в огнѣ испекли, и, яко хлѣбъ сладокъ, принесеся Святѣй Троице. До иночества бродилъ босиком же в одной рубашке и зиму и лѣто; только сей Феодора посмирнѣе и въ подвиге малехнее покороче. Плакать зѣло же былъ охотник: и ходитъ и плачетъ. А с кѣмъ молытъ[1], — и у него слово тихо и гладко, яко плачетъ. Феодоръ же ревнивъ[2] гораздо былъ и зѣло о дѣле Божии болѣзненъ: всяко тщится разорити и обличати неправду. Да пускай ихъ! Какъ жили, так и скончались о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем.

Еще вамъ побесѣдую о своей волоките.

Какъ привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москвѣ, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдовъ, поставили перед вселенских патриарховъ,* — и наши всѣ тут же, что лисы, сидѣли. От Писания с патриархами говорилъ много: Богъ отверзъ грѣшъные мое уста* и посрамилъ их Христос! Послѣднее слово ко мнѣ рекли: «Что, де, ты упрям? Вся, де, наша палестина* — и серби, и алъбансы, и волохи[3], и римляне, и ляхи — все, де, трема перъсты крестятся, одинъ, де, ты стоишъ во своемъ упоръствѣ и крестисся пятью перъсты!* Так, де, не подобаетъ!» И я имъ о Христе отвѣщалъ сице: «Вселенъстии учителие! Римъ давно упал и лежитъ невсклонно[4], и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християнином. А и у вас православие пестро стало от насилия туръскаго Магмета, да и дивить на вас нелзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к намъ учитца:* у нас, Божиею благодатию, самодеръжство. До Никона-отступника в нашей Росии у благочестивыхъ князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь немятежна. Никон-волъкъ со дьяволомъ предали трема перъсты креститца, а первые наши пастыри, якоже сами пятью перъсты крестились, такоже пятью перъсты и благословляли по преданию святых отецъ наших: Мелетия Антиохийскаго и Феодорита блаженнаго, епископа Киринѣйскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека.* Еще же и московский помѣстный бывый соборъ* при царѣ Иванѣ, так же слагая перъсты, креститися и благословляти повелеваетъ, якоже прежнии святии отцы, Мелетий и прочии, научиша. Тогда при царѣ Иване быша на соборѣ знаменоносцы Гурий и Варсонофий, казанъские чюдотворцы, и Филиппъ, соловецкий игумень, — от святых русских».* И патриаръси задумалися. А наши, что волъчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцевъ своих, говоря: «Глупы, де, были и не смыслили наши русские святыя! Не учоные, де, люди были, чему имъ вѣрить? Онѣ, де, грамотѣ не умѣли!» О, Боже святый! Како претерпѣ святых своих толикая досаждения? Мнѣ, бедному, горъко, а дѣлать нѣчева стало. Побранилъ их, побранилъ их, кол-

---

[1] говорит; [2] ревностен; [3] венгры; [4] неподвижно.

ко могъ и послѣднее слово реклъ: «Чистъ есмь аз, и прахъ прилѣпший от ногъ своих отрясаю пред вами, по писанному: «Лутче единъ творяй волю Божию, нежели тмы беззаконныхъ!»* Такъ на меня и пущи закричали: «Возьми, возьми его!* Всѣхъ нас обезчестилъ!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились. Человѣкъ ихъ с сорокъ, чаю, было — велико антихристово войско собралося! Ухватилъ меня Иван Уаров* да потащилъ, и я закричалъ: «Постой, — не бейте!» Такъ онѣ всѣ отскочили. И я толъмачю-архимариту говорить сталъ:* «Говори патриархамъ: апостолъ Павелъ пишетъ: „Таковъ намъ подобаше архиерей, преподобенъ, незлобивъ",* — и прочая. А вы, убивше человѣка, какъ литоргисать станете?» Такъ онѣ сѣли. И я отшелъ ко дверямъ, да набокъ повалилъся: «Посидите вы, а я полежу», — говорю имъ. Так онѣ смѣются: «Дурак, де, протопоп-отъ! И патриарховъ не почитаетъ!» И я говорю: «Мы уроди[1] Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы сильни, мы же немощни!»*

Потом паки ко мнѣ пришли власти и про «аллилуйя» стали говорить со мною. И мнѣ Христос подалъ — посрамилъ в нихъ римскую ту блядь Дионисиемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего в началѣ реченно. И Евфимей, чюдовской келарь,* молылъ: «Правъ, де, ты! Нѣчева, де, нам больши тово говорить с тобою!» Да и повели меня на чепь.

Потомъ полуголову царь прислалъ со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же — священника Лазоря и инока Епифания-старца,* острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленкие! Умному человѣку поглядѣть да лише заплакать, на них глядя. Да пускай ихъ терпятъ! Что о них тужить? Христос и лутче ихъ былъ, да тожъ ему, свѣту нашему, было от прадедовъ ихъ, от Анны и Каиафы,* а на нынѣшнихъ и дивить нѣчева: с обрасца дѣлаютъ! Потужить надобно о нихъ, о бѣдныхъ. Увы, бѣдные никонияня! Погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!

Потомъ с Воробьевыхъ горъ перевели нас на Андрѣевское подворье, таже в Савину слободку. Что за рабойниками, стрельцов войско за нами ходит и срать провожаютъ. Помянется, — и смѣхъ и горе, — как-то омрачилъ дьяволъ! Таже к Николѣ на Угрешу;* тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову Юрья Лутохина* благословения ради, и кое о чемъ много говорили.

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правовѣрии еще скаски.* Потомъ ко мнѣ [2]комнатные люди[2] многажды присыланы были, Артемон и Дементей,* и говорили мнѣ царевымъ глаголом: «Протопоп, вѣдаю, де, я твое чистое и непорочное и богоподражателное житие, прошу, де, твоево благословения и с царицею и с чады, — помолися о нас!»* Кланяючись, посланникъ говоритъ. И я по немъ всегда плачю, жаль мнѣ сильно ево. И паки

[1] юродивые; [2—2] люди, служащие непосредственно царю, имевшие доступ в царские покои.

он же: «Пожалуй, де, послушай меня: соединись со вселенъскими теми хотя небольшимъ чемъ!» И я говорю: «Аще и умрети ми Богъ изволит, со отступниками не соединюся! Ты — реку — мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? Своево — реку — царя потеряли да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я — реку — не сведу рукъ с высоты небесныя, дондеже Богъ тебя отдастъ мнѣ!» И много тѣхъ присылок было. Кое о чемъ говорено. Последнее слово рек: «Гдѣ, де, ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» Я и нынѣ, грѣшной, елико могу, о немъ Бога молю.

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье.* И я ис Пустозерья послал к царю два послания:* первое — невелико, а другое — больши. Кое о чемъ говорилъ. Сказалъ ему в послании и богознамения нѣкая, показанная мнѣ въ темницах; тамо чтый да разумѣетъ.* Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание[1] послано в Москву, правовѣрным гостинца — книга «Отвѣтъ православных»* и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматѣхъ церковных. Еще же и от Лазаря-священника посланы два послания царю и патриарху.* И за вся сия присланы к намъ гостинцы: повѣсили на Мезени в дому моемъ двухъ человѣковъ, детей моих духовных, — преждереченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича,* рабовъ Христовых. Лука та московъской жилецъ, у матери-вдовы сынъ былъ единочаден, усмарь[2] чином, юноша лѣтъ в полтретьятцеть; приехалъ на Мезень по смерть, з дѣтми моими. И егда бысть в дому моемъ въсегубительство, вопросилъ его Пилатъ:* «Какъ ты, мужикъ, крестисься?» Он же отвѣща смиренномудро: «Я такъ вѣрую и крещуся, слагая перъсты, какъ отецъ мой духовной, протопоп Аввакумъ». Пилатъ же повелѣ его в темницу затворити, потомъ, положа петлю на шею, на рѣлехъ[3] повѣсилъ. Он же от земных на небесныя взыде. Болши тово что ему могутъ здѣлать? Аще и млад, да по-старому здѣлалъ: пошел себѣ ко Владыке. Хотя бы и старой такъ догадалъся! В тѣ жо поры и сыновъ моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено же повѣсить, да онѣ, бѣдные, оплошали и не догадались венцовъ побѣдных ухватити: испужався смерти, повинились. Такъ их и с матерью троих въ землю живых закопали.* Вотъ вамъ и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьявол иное что умыслитъ! Страшна смерть — недивно! Нѣкогда и другъ ближний Петръ отречеся и, изшедъ вонъ, плакася горъко,* и слез ради прощенъ бысть. А на робятъ и дивить нѣчева: моего ради согрѣшения попущено им изнеможение. Да ужъ добро, быть тому такъ! Силенъ Христос всѣхъ нас спасти и помиловати.

Посемъ той же полуголова Иванъ Елагинъ* был и у нас в Пустозерье, приехавъ с Мезени, и взялъ у нас скаску. Сице реченно: «Годъ и месяцъ». И паки: «Мы святых отецъ церковное предание держимъ неизменно, а палестинъскаго патриарха Паисея с товарыщи еретическое соборище проклина-

---

[1] сочинение; [2] кожевник; [3] виселице.

ем». И иное тамъ говорено многонько, и Никону, завотчику ересямъ, досталось небольшое мѣсто.

Посемъ привели нас к плахе и, прочетъ наказ, меня отвели, не казня, въ темницу. Чли в наказѣ: «Аввакума посадить в землю въ струбе[1] и давать ему воды и хлѣба». И я сопротивъ тово плюнулъ и умереть хотѣлъ, не едши, и не елъ дней с восьмъ и болши, да братья паки есть велѣли.

Посем Лазаря-священника взяли, и язык весь вырѣзали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говоритъ без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсѣкли, и рука отсѣченая, на землѣ лежа, сложила сама перъсты по преданию и долго лежала такъ пред народы; исповѣдала, бѣдная, и по смерти знамение Спасителево неизмѣнно. Мнѣ, су, и самому сие чюдно: бездушная одушевленых обличаетъ! Я на третей день у нево во ртѣ рукою моею щупалъ и гладилъ: гладко все — без языка, а не болитъ. Дал Богъ, во временнѣ часѣ исцелѣло. На Москвѣ у него рѣзали — тогда осталось языка, а нынѣ весь без остатку рѣзан. А говорилъ два годы чисто, яко и сь языкомъ. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него языкъ вырос совершенной, лишъ маленько тупенекъ, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступниковъ порицая.

Посемъ взяли соловецъкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и языкъ вырѣзали весь же; у руки отсѣкли четыре перъста. И сперва говорилъ гугниво. Посем молилъ Пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московъской и здѣшъней, на возду́хе[2]. Он же, единъ взявъ, положилъ в ротъ свой и с тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершен обрѣтеся во ротѣ.

Дивна дѣла Господня и неизреченны судбы Владычни! И казнить попускает, и паки целитъ и милуетъ! Да что много говорить! Богъ — старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во-се, петь, в день послѣдний всю плоть человѣчю во мъгновении ока воскреситъ. Да кто о томъ разъсудити можетъ? Богъ бо то есть: новое творитъ и старое поновляетъ. Слава ему о всем!

Посемъ взяли дьякона Феодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, в горлѣ накось рѣзанъ. Тогда на той мѣре и зажилъ, а опослѣ и опять со старой вырос и за губы выходитъ, притупъ маленько. У нево же отсѣкли руку поперегъ ладони. И все, далъ Богъ, стало здорово, — и говоритъ ясно противъ прежнева и чисто.

Таже осыпали нас землею:* струбъ въ зѣмле, и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырми замъками; стражие же пред дверми стрежаху темницы.* Мы же, здѣсь и вездѣ сидящии в темницах, поем пред владыкою Христомъ, Сыном Божиимъ, Пѣсни Пѣсням, ихже Соломанъ воспѣ, зря на матерь Виръсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси

---

[1] деревянном срубе; [2] на церковной пелене.

добра, любимая моя! Очи твои горятъ, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зракъ лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красотѣ сияешъ, яко день в силѣ своей» [хвала о церкви].*

Таже Пилатъ, поехавъ от насъ, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочихъ нашихъ на Москвѣ жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иныхъ поборниковъ церковных многое множество погублено, ихже число Богъ изочтетъ.

Чюдо, какъ то в познание не хотятъ приити: огнемъ, да кнутомъ, да висилицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? Не знаю. Мой Христос не приказал нашимъ апостолом такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висилицею в вѣру приводить. Но Господемъ реченно ко апостолом сице: «Шедше в миръ весь, проповѣдите Евангелие всей твари. Иже вѣру иметъ крестится — спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры — осужденъ будетъ».* Смотри, слышателю, волею зоветъ Христос, а не приказалъ апостолом непокаряющихся огнемъ жечь и на висилицах вѣшать! Татаръской богъ Магметъ написалъ во своих книгах сице: «Непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы ихъ мечем подклонити». А нашъ Христос ученикам своим никогда так не повелѣлъ. И тѣ учители явны, яко шиши[1] антихристовы, которые, приводя в вѣру, губятъ и смерти предаютъ; по вѣре своей и дѣла творятъ таковы же. Писано во Евангелии: «Не можетъ древо добро плод золъ творити, ниже древо зло плодъ добръ творити, от плода бо всяко древо познано бываетъ».*

Да што много говорить? Аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота вѣнчатца, не по што ходить в Перъсиду, а то дома Вавилонъ!* Ну-тко, правовѣрне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамениемъ Спасителя нашего Христа, пятью перъсты, якоже прияхом от святых отецъ — вотъ тебѣ Царство Небесное дома родилось! Богъ благословитъ: мучься за сложение перъстъ, не разсуждай много! А я с тобою же за сие о Христѣ умрети готовъ. Аще я и несмысленъ гораздо, неука человѣкъ, да то знаю, что вся в Церкви, от святых отецъ преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, якоже приях, не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до нас положено,* лежи оно так во вѣки вѣком! Не блуди, еретик, не токмо над жерътвою Христовою и надъ крестом, но и пелены не шевели! А то удумали со дьяволомъ книги перепечатать, вся переменить: крестъ на церкви и на просвирахъ переменить,* внутрь ольтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, въ крещении явно духу лукавому молитца велятъ, — я бы имъ и с ним в глаза наплевалъ! И около купѣли [2]противъ солнца[2] лукаво-етъ их водит, тако же и церкви святя, противъ солнца же, и бракъ венчав, противъ солнца же водятъ,* — явно противно творятъ, — а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — Дѣти ево: коли отца своево отрицатися захотятъ! Да что много говорить? Охъ

[1] прислужники; [2—2] против солнечного движения.

правовѣрной душе! [1]Вся горняя долу быша[1]. Какъ говорилъ Никонъ, адовъ пес, такъ и здѣлалъ: «Печатай, Арьсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по-старому!»* Так, су, и здѣлалъ. Да болши тово нѣчемъ переменить. Умереть за сие всякому подобаетъ. Будьте онѣ прокляты, окаянные, со всѣмъ лукавымъ замыслом своим, а стражущимъ от них вѣчная память 3-жды!

Посемъ у всякаго правовѣрнаго прощения прошу; иное было, кажется, про житие-то мнѣ и не надобно говорить, да прочтохъ Дѣяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себѣ возвѣщали же, еда что Богъ содѣлаетъ в нихъ: не намъ, Богу нашему слава.* А я ничтоже есмъ. Рекохъ, и паки реку: «Аз есм человѣкъ грѣшник, блудник и хищник, тать и убийца, другъ мытаремъ и грѣшникам, и всякому человѣку лицемѣрецъ окаянной». Простите же и молитеся о мнѣ, а я о вас долженъ, чтущих и послушающих. Болши тово жить не умѣю. А что здѣлаю я, то людям и сказываю, пускай Богу молятся о мнѣ! В день вѣка[2] вси жо тамъ познаютъ содѣланная мною — или благая, или злая. Но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ диалектика и риторики и философии, а разумъ Христовъ в себѣ имамъ, якоже и апостолъ глаголетъ: «Аще и невѣжда словом, но не разумом».*

Простите, еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую. Ей, зглупалъ, отца своего *заповѣдь* преступилъ, и сего ради дом мой наказанъ бысть. *Внимай*, Бога ради, како бысть.

Егда еще я попомъ бысть, духовникъ царевъ, протопоп Стефанъ Вънифаньтьевичь, благословил меня образомъ Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина,* себя ползовать, прочитая, и люди. Аз же, окаянный, прѣзревъ отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому былъ братъ мой родной, именемъ Евфимей, зѣло грамотѣ гораздъ и о Церквѣ велико прилежание имѣлъ; напослѣдокъ взят был к *большой* царевнѣ в Верхъ во псаломщики, а в мор и з женою скончалъся.* Сей Евфимей лошедь сию поил и кормилъ и гораздо об ней прилежалъ, презирая правило многажды. И виде Богъ неправду в нас з братомъ, яко неправо по истиннѣ ходим, — я книгу променялъ, отцову заповѣдь преступилъ, а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилѣжалъ, — изволилъ нас Владыко сице наказать: лошедь ту по ночамъ и в день стали бѣси мучить, — всегда мокра, заезжена и еле жива стала. Аз же недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ такъ озлобляет нас. И в день неделный послѣ ужина, в келейном правилѣ, на полунощнице, братъ мой Евфимей говорил кафизму непорочную* и завопилъ высокимъ гласомъ: «Призри на мя и помилуй мя!»* И, испустя книгу из рукъ, ударилъся о землю, от бѣсовъ пораженъ бысть, начатъ кричать и вопить гласы неудобными[3], понеже бѣси ево жестоко начаша мучить. В дому же моемъ иные родные два брата — Козма и Герасимъ — болши ево, а не смогли удержать ево,

[1—1] Все высокое упало; [2] т. е. в день Страшного суда; [3] дикими.

Евфимия. И всѣхъ домашних человѣкъ с тритцеть, держа его, рыдаютъ и плачютъ, вопиюще ко Владыке: «Господи помилуй! Согрѣшили пред тобою, прогнѣвали твою благостыню, прости нас, грѣшных! Помилуй юношу сего, за молитвъ святых отецъ наших!» А онъ пущи бѣситъся кричитъ, и дрожитъ и бьется. Аз же помощию Божиею в то время не смутихся[1] от голки[2] тоя бѣсовъския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и Богородице со слезами, глаголя: «Владычице моя, Пресвятая Богородица! Покажи, за которое мое согрѣшение таковое ми бысть наказание, да, уразумѣвъ, каяся *пред* Сыном твоимъ и пред тобою, впредъ тово не стану дѣлать». И, плачючи, послалъ во церковь по Потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона — юноша таков же, что и Евфимей, лѣтъ въ четырнатцеть, дружно меж себя живуще, Симеонъ со Евфимием, книгами и правиломъ друг друга подкрепляюще и веселящеся, живуще оба въ подвиге крѣпко, в постѣ и молитвѣ. Той же Симеонъ, плакавъ по друге своемъ, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах дѣйствовать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Василия, с Симеоном: онъ мнѣ строилъ[3] кадило и свещи, и воду святую подносил, а прочии держали бѣснующагося. И егда в молитвѣ рѣчь дошла: «Аз ти о имени Господни повелеваю,* душе[4] нѣмый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое мѣсто, идѣже человѣкъ не живетъ, но токмо Богъ призираетъ», — бѣсъ же не слушаетъ, не идетъ из брата. И я паки ту же рѣчь вдругоряд, и бѣсъ еще не слушаетъ, пущи мучитъ брата.

Охъ, горе мнѣ! Какъ молыть? И соромъ, и не смѣю, но по старцову Епифаниеву повелѣнию говорю.

Сице было: взялъ кадило, покадилъ образы и бѣснова и потомъ ударилъся о лавку, рыдавъ на многъ час. Возставше, ту же Василиеву рѣчь закричал к бѣсу: «Изыди от создания сего!» Бѣсъ же скорчилъ в кольцо брата и, пружався[5], изыде и сѣлъ на окошко; братъ же бывъ, яко мерътвъ. Аз же покропилъ ево водою святою; он же, очхняся[6], перъстомъ мнѣ на бѣса, сѣдящаго на окошке, показуетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его. Аз же покропилъ водою окошко, и бѣсъ сошелъ в жерновный[7] уголъ. Брат же и тамъ ево указуетъ. Аз же и тамъ покропилъ водою, бѣсъ же оттоля пошелъ на печь. Брат же и там указаетъ. Аз же и тамъ тою же водою. Брат же указалъ под печь, а сам прекрестилъся. И аз не пошелъ за бѣсомъ, но напоилъ святою водою брата во имя Господне. Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мнѣ проглагола: «Спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и двухъ князей бѣсовских! Будетъ тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Богъ, которой в церковь по книгу и по воду ту ходилъ, пособлялъ тебѣ с ними битца. Подобием онъ, что и Симеон же, другъ мой. Подлѣ реки Сундовика* меня

---

[1] не растерялся; [2] суматохи; [3] подготовил; [4] звательная форма от «дух»; [5] напрягшись; [6] очнувшись; [7] при двери.

водили и били, а сами говорятъ: „Нам, де, ты отдан за то, что братъ твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты, де, ея любишь. Такъ, де, мнѣ надобе брату поговорить, чтобъ книгу ту назад взялъ, а за нея бы далъ деньги двоюродному брату"». И я ему говорю: «Я, — реку, — свѣтъ, брат твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщал: «Какой ты мнѣ брат? Ты мнѣ батко, отнял ты меня у царевича и у князей. А братъ мой на Лопатищах живетъ, будет тебѣ бить челом». Аз же паки ему далъ святыя воды; он же и судно[1] у меня отнимаетъ и сьесть хочетъ, — сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать сталъ; онъ и не сталъ пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпалъ. Маленко я с ним полежалъ и пошелъ во церковь заутреню пѣть; и без меня бѣси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришедъ от церкви, масломъ ево посвятилъ, и паки бѣси отъидоша, и умъ целъ сталъ, но дряхлъ[2] бысть, от бѣсовъ изломанъ; на печь поглядываетъ и оттоля боится, — егда куды отлучюся, а бѣси и навѣтовать[3] ему станутъ. Бился я з бѣсами, что с собаками, недели с три за грѣхъ мой, дондеже възялъ книгу и денги за нея далъ. И ездилъ к другу своему Илариону-игумну: онъ просвиру вынял за брата. Тогда добро жил, — что ныне архиепископ Резанской, мучитель сталъ християнской.* И иным духовнымъ я билъ челом о брате, и умолили Бога о нас, грѣшныхъ, и свобожденъ от бѣсовъ бысть братъ мой.

Таково то зло заповѣди преступление отеческой! Что же будетъ за преступление заповѣди Господня? Охъ, да только огонь да мука! Не знаю, дни коратать как! Слабоумиемъ обьятъ и лицемѣриемъ, и лжею покрыт есмъ, братоненавидѣнием и самолюбиемъ одѣянъ, во осуждении всѣхъ человѣкъ погибаю, и мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмъ, окаянной, — прямое говно! Отовсюду воняю — душею и тѣломъ. Хорошо мнѣ жить с собаками да со свиниями в конурахъ: так же и онѣ воняютъ, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грѣховъ воняю, яко пес мертвой, поверженъ на улице града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землею меня закрыли: себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро такъ!

Да и в темницу ту ко мнѣ бѣшаной зашелъ, Кирилушко, московской стрелецъ, караульщикъ мой. Остригъ ево аз и вымылъ и платье переменилъ: зѣло вшей было много. Замъкнуты мы с ним двое жили, а третей с нами Христос и Пречистая Богородица. Онъ, миленькой, бывало серетъ и сцыть под себя, а я ево очищаю. Есть и пить проситъ, а без благословения взять не смѣетъ. У правила стоять не захочетъ, дьявол сонъ ему наводитъ, и я постегаю чотками, такъ и молитву творить станеть и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станетъ. При мнѣ бѣснуется и шалуетъ, а егда ко старцу поиду посидѣть въ ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю его, и докамѣстъ у старца сижу, лежитъ, не встанет, Богомъ привя-

---

[1] сосуд; [2] бессилен; [3] донимать.

занъ, — лежа беснуется. А в головахъ у него образы, и книги, хлѣбъ и квас и прочая, а ничево без меня не тронетъ. Как прииду, такъ въстанетъ, и дьяволъ, мнѣ досаждая, блудить заставливаетъ. Я закричю — такъ и сядетъ. Егда стряпаю, в то время есть проситъ и украсть тщится до времени обѣда; а егда предъ обѣдом «Отче наш» проговорю и благословлю, такъ тово брашна и не естъ — проситъ неблагословеннова. И я ему силою в ротъ напехаю, и онъ и плачетъ и глотаетъ. И какъ рыбою покормлю, тогда бѣсъ в немъ въздивиячится[1], а самъ из него говоритъ: «Ты же, де, меня ослабилъ!» И я, плакавъся пред Владыкою, опять постом стягну и окрочю ево Христомъ. Таже маслом ево освятилъ, и отрадило[2] ему от бѣса. Жил со мною с месяцъ и больши. Перед смертию образумилъся. Я исповѣдалъ ево и причастилъ, он же и преставился, миленькой, скоро. И я, гробъ купя и саванъ, велѣлъ погребъсти у церкви; потом сорокоустъ далъ. Лежал у меня мертвой сутки. И я ночью, воставъ, помоля Бога, благословя ево мертвова, и с нимъ поцеловався, опять подле его спать лягу. Таварищъ мой миленькой былъ. Слава Богу о семъ. Нынѣ онъ, а завтра я так же умру.

Да у меня же был на Москвѣ бѣшаной, Филипом звали, какъ я ис Сибири выехалъ. В углу в ызбѣ прикованъ былъ к стенѣ, понеже в нем бѣсъ суровъ и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с нимъ домочадцы ладить. Егда же аз, грѣшный, со крестом и с водою прииду, повинен[3] бываетъ и, яко мертвъ, падаетъ пред крестом Христовымъ и ничево не смѣетъ надо мною дѣлать. И молитвами святых отецъ сила Божия отгнала от него бѣса; но токмо умъ еще несовершенъ былъ. Феодоръ былъ над нимъ, юродивой, приставлен, что на Мезени вѣры ради Христовы отступники удавили, — Псалтырь над Филиппомъ говорил и учил его Исусовой молитвѣ. А я самъ во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи дѣйствовалъ надъ Филиппомъ. По нѣкоем времени пришелъ я от Феодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже в дому у него сь еретиками шумѣлъ много о вѣре и о законѣ, а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею межъ собою побранились, дьяволъ ссорилъ ни за што. И я, пришедъ, бил их обѣих и оскорбилъ гораздо, от печали; согрѣшилъ пред Богомъ и пред ними. Таже бѣсъ вздивиялъ[4] въ Филиппѣ, и начал чепь ломать, бѣсясь, и кричать неудобно. На всѣхъ домашних нападе ужас и зѣло голка[5] бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити, но не бысть по-прежнему. Ухватилъ меня и учалъ бить и драть, и всяко меня, яко паучину, терзаетъ, а самъ говоритъ: «Попал ты мнѣ в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дѣлъ не пользуетъ и молитва. Домашние не могут отнять, а я и самъ ему отдалъся: вижу, что согрешил, пускай меня бьет! Но — чюден Господь! — бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а самъ говорит: «Не боюсь я тебя!» Так мнѣ въ тѣ поры горько стало: «Бѣсъ, — реку, — надо мною волю взял!» Полежалъ маленько, с совестию собрался. Воставше,

---

[1] взбунтуется; [2] полегчало; [3] послушен; [4] взъярился; [5] сумятица, шум.

жену свою сыскалъ и пред нею стал прощатца[1] со слезами, а сам ей, в землю кланяяся, говорю: «Согрѣшилъ, Настасья Марковна, прости мя, грѣшнаго!» Она мнѣ также кланяется. Посем и с Фетиньею тѣм же образом простился. Таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спине, человѣкъ было з дватцеть: и жена, и дѣти — всѣ, плачючи, стегали. А я говорю: «Аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части во Царствии Небеснемъ!»* И онѣ, нехотя, бьютъ и плачютъ, а я — ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили, и я, воставше, сотворилъ пред ними прощение. Бѣсъ же, видѣвъ неминучюю, опять вышелъ вонъ ис Филиппа. И я крестом ево благословил, и он по-старому хорошъ стал. И потом исцелѣлъ Божиею благодатию о Христе Исусѣ, Господѣ нашем, емуже слава.

А егда я был в Сибири — туды еще ехалъ — и жил в Тобольске, привели ко мнѣ бѣшанова, Феодоромъ звали. Жесток же былъ бѣсъ в немъ! Соблудилъ в Великъ день з женою своею, наругая[2] празникъ, жена ево сказывала, — да и възбѣсился. И я, в дому своем держа месяца з два, стужал об немъ Божеству, в церковь водил и масломъ освятилъ, и помиловал Богъ: здравъ бысть и ум исцелѣ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть в литорьгию, во время переноса, и досадилъ мнѣ. Аз в то время, побив ево на *крылосѣ*, и в притворѣ велѣлъ пономарю приковать к стѣне. И онъ, вышатавъ пробой, пущи и первова *взбѣсясь*, в обѣдню ушелъ на дворъ к большому воеводѣ,* и сундуки разломав, платье княинино на себя вздѣл, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими людми в тюрму ево оттащили; он же в тюрмѣ юзников бѣдных всѣхъ перебилъ и печь разломалъ. Князь же велѣлъ ево в деревню к женѣ и дѣтям сослать. Он же, бродя в деревнях, велики пакости творилъ, всякъ бѣгаетъ от него. А мнѣ не дадутъ воеводы, осердясь. Я по немъ пред Владыкою плакал всегда.

Посемъ пришла грамота с Москвы: велено меня сослать ис Тобольска на Лѣну, великую реку. И егда в Петровъ день* собралъся в дощеникъ, пришелъ ко мнѣ Феодоръ, целоуменъ, на дощенике при народѣ кланяется на ноги мои[3], а самъ говоритъ: «Спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловал мя! По пустыни, де, я бѣжалъ третьева дни, а ты, де, мнѣ явился и благословилъ меня крестом, и бѣси, де, прочь отбѣжали от меня. И я пришел к тебе поклонитца, и паки прошу благословения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакалъ и возрадовался о величии Божии, понеже о всѣхъ нас печется и промышляет Господь: ево исцелилъ, а меня возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к женѣ ево и дѣтям в домъ. А самъ поплылъ в ссылку, моля о немъ Христа, сына Божия, свѣта, да сохранитъ его и впредь от неприязни. А назад я едучи, спрашивал про него и мнѣ сказали: «Преставился, де, послѣ тебя годы с три, живучи християнски з женою и дѣтми». Ино и добро. Слава Богу о семъ!

Простите меня, старецъ с рабомъ тѣмъ Христовым, — вы мя понудисте сие говорить. А однако ужъ розвякался, — еще вамъ повесть скажу.

[1] прощения просить; [2] оскорбив; [3] т. е. в ноги.

Как в попах еще был, — там же, гдѣ брата бѣси мучили, — была у меня в дому моемъ вдова молодая; давно ужъ, и имя ей забылъ, помнится, Офимъею звали, — ходит и стряпает, и все хорошо дѣлает. Какъ станем в вечер начинать правило, такъ ея бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣетъ вся, яко камень станетъ, и не дышитъ, кажется, — ростянетъ ея среди горницы, — и руки, и ноги, — лежитъ, яко мертва. И я, «О Всепѣтую»* проговоря, кадилом покажу, потом крестъ положу ей на голову и молитвы Василиевы в то время говорю; так голова подъ крестомъ и свободна станетъ, баба и заговоритъ, а руки и ноги и тѣло еще мертво и каменно. И я по рукѣ поглажу крестомъ, так и рука свободна станет; я — и по другой, и другая также освободится, я — по животу, такъ баба и сядетъ. Ноги еще каменны, не смѣю туды крестом гладить; думаю, думаю — и ноги поглажу, баба и вся свободна станет. Вставше, Богу помолясь да и мнѣ челом. Прокуда-таки[1] — ни бѣсъ, ни што былъ в ней, много времени такъ в ней играл. Масломъ ея освятилъ, такъ вовсе отошел прочь: исцелѣла, далъ Богъ.

А иное два Василия у меня бѣшаные бывали прикованы, — странно и говорить про нихъ: калъ свой ели.

А еще сказать ли тебѣ, старец, повесть? Блазновато[2], кажется, да было такъ. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мнѣ духовная, гораздо о правилѣ прилежала о церковном и о келейномъ, и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде дияволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своемъ Елизарѣ, у него же взросла, привезена ис полону ис кумыковъ.* Чистотою девъство соблюла и, егда исполнилася плодовъ благих, дьяволъ окралъ: захотѣла от меня отъити и за первова *хозяина* замужъ поити, и плакать стала всегда. Господь же пустилъ на нея бѣса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чемъ, и о поклонехъ не стала радѣть. Егда станемъ правило говорить, она на мѣсте станетъ, прижавъ руки, да так и простоитъ. Видѣ Богъ противление ея, послалъ бѣса на нея: в правило стоящу ей, да и *взбѣсится*. И мнѣ, бѣдному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, такъ и отступить от нея бѣсъ. И многажды такъ бысть. Она же единаче в безумии своемъ и непокоръствѣ пребывает. Благохитрый же Богъ инако ея наказалъ: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи, не пробудяся, спала. Я лишо ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умретъ. И в четвертый день очхнулась, сѣла да плачетъ; есть ей даютъ, — не естъ. Егда я правило канонъное скончавъ и домочадцовъ, благословя, роспустилъ, паки начахъ во тьмѣ без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сѣлъ за столомъ. И она, приступя паки к столу и плачючи, говоритъ: «Послушай, государь, велено тебѣ сказать». Я стал слушать у нея. «Егда, де, я в правило задремала и повалилась, приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣсным путемъ. И на лѣвой странѣ слыша-

---

[1] проказник, пакостник; [2] соблазнительно.

ла плачь, и рыдание, и гласы умиленны. Потомъ, де, меня привели во свѣтлое мѣсто,* зѣло гораздо красно, и показали, де, многие красные жилища и полаты; и всѣхъ, де, краше полата, неизреченною красотою сияет паче всѣхъ, и велика гораздо. Ввели, де, меня в нея, ано, де, стоят столы, и на них послано бѣло, и блюда з брашнами стоятъ. По конецъ, де, стола древо кудряво повѣваетъ и красотами разными украшено; в древе, де, том птичьи гласы слышала я, а топерва, де, не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав, де, меня, паки ис полаты повели, а сами говорятъ: „Знаешь ли, чья полата сия?" И аз, де, отвѣщала: „Не знаю. Пустите меня в нея!" Онѣ же отвѣщали: „Отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи такъ, какъ онъ тебѣ наказываетъ перъсты слагать и креститца, и кланятца, Богу молясь, и во всемъ не протився ему, такъ и ты будешь с ним здѣсь. А буде не станешъ слушать, такъ будешь в давешнем мѣсте, гдѣ плакание то слышала. Скажи жо отцу своему! Мы, не бѣси, водили тебя. Смотри: у нас папарты,* бѣси, де, не имѣютъ тово". И я, де, батюшко, смотрила: бѣло у ушей* тѣхъ их». Да и поклонилася мнѣ, прощения прося. Потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали ис Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тутъ. Хотѣла пострищися, а дьявол опять здѣлалъ по-своему: пошла за Елизара замужъ и дѣток прижила. И по осми лѣтех услышала, что я еду назадъ, отпросилася у мужа и постриглася. А какъ замужем была, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ ея. Егда же аз в Тоболескъ приехалъ, за месяцъ до меня постриглася, и принесла ко мнѣ два дѣтища и, положа предо мною робятишокъ, плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая себя. Аз же, пред человѣки смиряя ея, многажды на нея кричалъ; она же прощается в преступлении своемъ, каяся предъ всѣми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обѣдню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бѣсъ во время переноса, — учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же зжалихся об ней: покиня «*Херувимскую*»* пѣть, взявше от престола крестъ, и на крылос взошедъ, закричалъ: «Запрещаю ти именемъ Господнимъ! Полно, бѣсъ, мучить ея! Богъ проститъ ея и сий вѣкъ и в будущий!» Бѣсъ же изыде из нея. Она же притече ко мнѣ и пала предо мною за нюже вину. Аз же крестомъ ея благословя, и с тѣхъ мѣстъ простил, и бысть здрава душею и тѣлом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала з дѣтми моими от Павла-митрополита на патриархове дворѣ вѣры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

Ко мнѣ же, отче, в дом принашивали матери дѣток своих маленких, скорбию одержимы грыжною; и мои дѣтки, егда скорбѣли во младенъчествѣ грыжною болѣзнию, и я маслом священным, с молитвою презвитеръскою, помажу вся чювъства[1] и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка[2], — и Божиею благодатию грыжная болѣзнь и минуется во младенце.

[1] чувствительные места; [2] животик.

И аще у коего отрыгнетъ скорбь, и я так же сотворю: и Богъ совершенно исцеляетъ по своему человѣколюбию.

И егда еще я был попом, с первыхъ временъ, как к подвигу касатися сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отецъ духовной; аз же из двора пошелъ по книгу в церковь, — нощи глубоко, — по чему исповѣдать ея. И егда на паперть пришелъ, столик до тово стоялъ, а егда аз пришел, бѣсовским дѣйствомъ скачет столикъ на мѣсте своемъ. И я, не устрашась, помолясь предъ образом, осѣнил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавке в трапезе во гробу стоялъ, и бѣсовским действом верхняя роскрылася доска, и саван шевелитца сталъ, устрашая меня. Аз же, Богу помолясь, осѣнил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда же в олтарь вошелъ, ано ризы и стихари* лѣтаютъ с мѣста на мѣсто, устрашая меня. Аз же, помоляся и поцеловав престолъ, рукою ризы благословилъ и пощупалъ, приступая, а онѣ по-старому висятъ. Потом, книгу взявъ, ис церкви пошел.

Таково-то ухищрение бѣсовское к намъ! Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бѣшанными и больными не творитъ Божиею благодатию! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу Господь даетъ. А я, грязь, что могу здѣлать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себѣ. Июда чюдотворецъ был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И самъ дьяволъ на небе былъ, да высокоумия ради свержен бысть. Адамъ был в раю, да сластолюбия ради изгнанъ бысть, и пять тысящ пятьсотъ лѣтъ во адѣ был осужденъ.* Посем разумѣя всякъ, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падетъ. Держись за Христовы ноги и Богородице молись и всѣмъ святымъ, так будет хорошо.

Ну, старецъ, моево вяканья много веть ты слышал. О имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову,* какъ Богородица бѣса тово в руках тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи те тебя ели за тайно-етъ удъ, и как бѣс-от дрова те сожегъ, и какъ кѣлья та обгорѣла, а в ней цело все, и какъ ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и Богородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я, петь, осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца, — скажи хотя немношко! Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Еросалимѣ пред всѣми, елика сотвори Бог знамения и чудеса во языцехъ с нима, в Дѣяниихъ, *зачало* 36 и 42 *зачало*,* и величашеся имя Господа Исуса. Мнози же от вѣровавшихъ прихождаху, исповѣдающе и сказующе дѣла своя. Да и много тово найдется во Апостолѣ и в Дѣяниихъ. Сказывай, небось, лише совѣсть крѣпку держи: не себѣ славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-отъ Христовъ веселится, чтучи! Какъ умрем, такъ онъ почтетъ, да помянет пред Богомъ нас. А мы за чтущих и послушающих станем Бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их — во веки веком, аминь.

ИЗ ДРУГИХ РЕДАКЦИЙ «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА

I
ФРАГМЕНТЫ ИЗ СБОРНИКА И. Н. ЗАВОЛОКО

1. Вступление к новой редакции «Жития»: «Поучение о любви» аввы Дорофея и обращение Аввакума к «питомникам церковным»

Поучение прѣподобнаго отца нашего аввы Дарофея* о любви

Подщитеся[1] соединитися друг другу: елико бо соединевается кто искреннему[2], толико соединяется Богови. И реку вам прикладъ[3] от отецъ, да познаете силу слова.

Положи[4] ми кругъ быти на земли, якоже начертание некое обло[5] от прехождения остна[6]. Глаголетъ же ся свойствѣнне остенъ, еже посреднее круга, да же до остна[7]. Положите убо умъ вашъ во глаголемое. Сей кругъ разумѣйте ми быти миръ, самое же, еже посредѣ круга, — Бога; стезя же, яже от круга идущая и до среды, — путия, сирѣчь жития человечѣская. Поелику убо входят святии к средѣ[8], желающе приближитися Богу, по равенъству входа близ бываютъ и Бога, и другъ другу. И елико приближаются Богу, приближаются и другъ другу; и елико приближаются другъ другу, приближаются и Богови. Такожде разумѣйте и отлучение. Егда бо отставятъ себе от Бога и возвратятся на внѣшняя, явѣ есть, яко елико исходятъ и удаляютъ себе от Бога, толико удаляются друг от друга, и елико удаляются другъ от друга, толико удаляются и от Бога. Се таково есть естество любве: поелику убо есмы внѣ и не любимъ Бога, потолику имамы отстояние[9] кождо ко искреннѣму. Аще ли же возлюбим Бога, елико приближаемся к Богу любовию, яже к нему, толико соединѣваемся любовию к ближнему, и елико соединѣваемся искреннему, толико соединѣваемся Богу. Богъ да сподобит нас послушати полезная нам и творити я,* а не гнѣватися друг на друга, ниже яритися.

Зри круга начертание, о нем же святый авва рече.*

Богъ любы есть, и пребываяй в любви — в Бозѣ пребываетъ, и Богъ в немъ пребываетъ.* Апостолъ рече: «Сообщаяйся Богу прилѣжитъ и о братѣ, ненавидяй брата — чюждъ Бога и жилище бѣсомъ».* Богъ вселяется в любовнова человѣка чювъствомъ небеснымъ, и таково тѣло — домъ Божий бываетъ; по

---

[1] Постарайтесь; [2] близкому; [3] пояснение, пример; [4] Представь; [5] круговидно; [6] т. е. от движения остна (заостренной палки); [7] центральная ось; [8] к середине; [9] удаление.

святому Ефрему: «А идѣже Господь Богъ, ту и чини святыхъ ангелъ служат Владыкѣ». Живем, братия, угодно Богу, да со ангелы Христосъ Богъ в насъ обитаетъ. Аще криво живу — исправте мя, аще по воли Божии — благодать Богу о неисповѣдимѣмъ его дарѣ.

Вотъ вам, питомникам церковнымъ, предлагаю житие свое от юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ.* Авва Дарофей описалъ же свое житие ученикам своимъ, понуждая ихъ на таяжде, поучение 4, лист 49;* и я такожде, убѣждая вашу любовь о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, сказываю вамъ дѣемая мною, непотребнымъ рабом Божиимъ, о Святѣмъ Дусѣ со Отцемъ и с Сыномъ. Богу благодарение во вѣки.

2. Фрагменты, отсутствующие в редакции «Жития» Пустозерского сборника В. Г. Дружинина

1
[О жизни Аввакума в сибирской ссылке: о волоке на Иргень-озере и зимовке]

⟨...⟩ Доехали до Иръгеня-озера — волокъ тутъ; стали волочитца. А у меня работников отнялъ; инымъ нанятца не велитъ, а дѣти были маленьки, таскать нѣ с кѣмъ. Один бѣдной протопоп здѣлал нарту и зиму всю за волок бродилъ. У людей и собаки в подпряшках, а у меня не было, одинова лишо двухъ сынов, — маленьки еще были, Иванъ и Прокопей, — тащили со мною, что кобельки, за волокъ нарту. Волокъ — веръстъ со сто, насилу, бѣдные, и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себѣ тащила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленку тащили. И смѣх и горе, как помянутся дние оны! Робята-тѣ изнемогутъ и на снѣгъ повалятся, а мать по кусочку пряничка имъ дастъ, и онѣ, съедши, опять лямку потянутъ; и кое-как перебилися волок, да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба Мамъврийска.* Не пустил нас и в засѣку Пашков сперва, дондѣже натѣшился. И мы недѣлю-другую меръзли подъ сосною с робяты, одны, кромѣ людей, на бору, и потом в засѣку пустилъ и указалъ мнѣ мѣсто. Такъ мы с робяты огородились, балаганецъ здѣлавъ, огонь курили. И как до воды домаялись, весною на плотах поплыли на низ по Ингодѣ-реке; от Тобольска четвертое лѣто. ⟨...⟩

2
[О заключении Аввакума в подмосковных монастырях после лишения его сана и анафематствования на церковном соборе 13 мая 1666 г.]

⟨...⟩ И, подержавъ на патриарховѣ дворѣ, вывели меня ночью к Спальному крыльцу; голова досмотрил и послал в Тайнишные водяные ворота. Я чаял, в реку посадят, ано от Тайных дѣлъ шиш анътихристовъ стоитъ, Дементей Баш-

маковъ,* дожидается меня; учал мнѣ говорить: «Протопопъ, велѣлъ тебѣ государь сказать: „Не бось, де, ты никово, надѣйся на меня!"» И я ему поклонясь, а сам говорю: «Челом, — реку, — бью на ево жалованье, какая онъ надежа мнѣ! Надежа моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: «Не надѣйтеся на князя, на сыны человѣческия, в нихже нѣсть спасения»,* и прочая.

Таже полуголова Осипъ Саловъ со стрельцами повез меня к Николѣ на Угрѣшу в монастырь. Посмотрю — ано предо мною и дьякона* тащатъ. Везли болотами, а не дорогою, до монастыря, и, привезше, в полатку студеную над ледником посадили, и прочих — дьякона и попа Никиту суздальскаго* — в полаткахъ во иныхъ посадили, и стрельцовъ человѣкъ з дватцеть с полуголовою стояли. Я сидѣл семнатцеть недѣль, а онѣ, бѣдные, изнемогли и повинились, сидя пятнацеть недѣль; так их в Москву взяли опять, а меня паки в Пафнутьевъ перевезли и там, в полатке, сковавъ, держали близко з год. А какъ на Угрѣше былъ, тамо и царь приходил и, посмотря, около полатки, вздыхая, а ко мнѣ не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал-подумал, да и не вошел; полуголову взял, и с ним кое-что говоря про меня, да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да видишъ, Богу уш-то надобно так. Опослѣ и Воротыньской князь Иван в монастырь приезжалъ и просился ко мнѣ, так не смѣли пустить; денегъ, бѣдной, громаду в листу подавал, и денегъ не приняли. Послѣ, в другое лѣто, на Пафнутьеве подворье в Москвѣ я скованъ сидѣлъ, так он ехал в корѣте нарокомъ мимо меня, и благословилъ я ево, миленькова. И все бояре-те добры до меня, да дьявол лих. ⟨...⟩

3
[О встрече Аввакума с царем Алексеем Михайловичем (1648—1652?)]

⟨...⟩ Аще и мучит мя, но царь бо то есть, бывало время, и впрямь добръ до нас бывалъ. До Никона-злодѣя, прежде мору,* х Казанъской пришедъ,* у руки мы были,* яйцами нас дѣлилъ. И сынъ мой Иванъ, маленекъ еще был, и не прилучился подле меня; а онъ, государь, знаетъ гораздо ево, послалъ брата моево роднова сыскивать робенка, а самъ долго, стоя, ждалъ, докамѣстъ братъ на улице робенъка сыскалъ. Руку ему даетъ целовать, и робенок глупъ, не смыслитъ; видит, что не поп, — такъ не хочетъ целовать. И государь самъ руку к губамъ ребенку принес, два яйца ему далъ и погладил по голове. Ино, су, и сие нам надобе не забывать: не от царя намъ мука сия, но грѣхъ ради наших, от Бога дьяволу попущено озлобити нас, да же, искусяся нынѣ, вечнаго искушения уйдемъ. Слава Богу о всем. ⟨...⟩

4
[Две сибирские «повести» Аввакума о чудесных избавлениях его от голода и смерти]

⟨...⟩ Еще тебѣ скажу, старец, повѣсть, как я был в Даурахъ с Пашковымъ с Афонасьемъ на озере Иръгене: гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничего нѣтъ, от глаза исчезаем. Помоля я Бога, взявъ двѣ сѣти, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мне Богъ далъ шесть язей да двѣ щуки. Ино во всѣхъ людях дивно, потому никто ничево не может добыть. На другие сутки рыб з десять мнѣ Богъ дал. Тут же свѣдавъ Пашков и исполняся зависти, збил меня с тово мѣста и свои ловушки на том мѣстѣ велѣлъ поставить, а мнѣ, насмѣх и ругаясь, указал мѣсто на броду, гдѣ коровы и козы бродят. Человѣку воды по лодышку, какая рыба! — и лягушек нѣтъ! Тут мнѣ зѣло было горько, а се подумав, рече: «Владыко человѣколюбче, не вода даетъ рыбу, ты вся промысломъ своимъ, Спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки той на безводном том мѣсте, посрами дурака-тово, прослави имя твое святое, да не рекутъ невѣрнии: „Гдѣ есть Богъ их!"»* И помоляся, взявъ сѣти, в водѣ з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дѣти на меня, бѣдные, кручиняся, говорят: «Батюшко, к чему гноить сѣти-те? Видиш ли, и воды нѣту, какой быть рыбе?» Аз же, не послушавъ ихъ совѣту, на Христа уповая, здѣлал так, какъ захотѣлось.

И наутро посылаю дѣтей к сѣтям. Онѣ же отвѣщали: «Батюшко-государь, пошто итти, какая в сѣтях рыба? Благослови нас, и мы по дрова лутче збродим». Меня ж духъ подвизает, чаю в сѣтях рыбу. Огорчась на большова сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшимъ потащилъся к сѣтям сам, гораздо о том Христу докучаю. Егда пришли, ино и чюдно и радошно! Обрѣли полны сѣти, напехал Богъ рыбы: свившися клубомъ, и лежат с рыбою осередке. И сын мой Прокопей закричалъ: «Батюшко-государь, рыба, рыба!» И аз ему отвѣщалъ: «Постой, чадо, не тако подобаетъ, но прежде поклонимся Господу Богу, и тогда поидем в воду». И помолясь, вытащили на берегъ рыбу, хвалу возсылая Христу Богу, и паки построя сѣти на том же мѣсте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли — опять столько же рыбы, на третей день — паки столько же рыбы. И слезно, и чюдно то было время.

А на прежнемъ нашем мѣсте ничево Пашкову не даетъ Богъ рыбы. Он же, исполняся зависти, паки послал ночью и велѣлъ сѣти мои в клочки изорвати. Что петь з дураком дѣлаешь! Мы, собравъ рваные сѣти, починя втай, на ином мѣсте промышлявъ рыбку, кормились, от нево таяся. И зделали езъ[1], Богъ же и там сталъ рыбы давати; а дьяволъ ево научилъ, и езъ велѣлъ втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили; и много тово было. Богу нашему слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.

---

[1] плетень поперек реки.

Терпѣние убогих не погибнет до конца.*

Слушай-ко, старец, еще. Ходил я на Шакшу-озеро* к дѣтям по рыбу, — от двора верстъ с пятнатцеть, там с людьми промышляли, — в то время как ледъ трѣснул и меня напоилъ Богъ. И у дѣтей накладше рыбу нарту большую, и домой потащилъ маленкимъ дѣтям, после Рожества Христова. И егда буду насреди дороги, изнемогъ, таща по землѣ рыбу, понеже снѣгу там не бывает, токмо морозы велики. Ни огня, ничего нѣтъ, ночь постигла, выбилъся из силы, вспотѣл, и ноги не служатъ. Верстъ с восмъ до двора; рыба покинуть и так побрести — ино лисицы розъедят, а домашние гладны; все стало горе, а тащить не могу. Потаща гоны мѣста, ноги задрожатъ, да и паду в лямке среди пути ницъ лицем, что пьяной, и озябше, вставъ, еще попойду столько ж — и паки упаду. Бился такъ много, блиско полуночи. Скиня с себя мокрое платье, вздѣлъ на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную бѣлью[1] шубу и взлѣз на вершину древа, уснулъ. Поваляся, пробудился — ано все замерзло: и базлуки на ногах замерзли, шубенко тонко, и животъ озябъ весь. Увы, Аввакумъ, бѣдная сиротина, яко искра огня угасаетъ и яко неплодное древо посѣкаемо бывает,* только смерть пришла! Взираю на небо и на сияющия звѣзды, тамо помышляю Владыку, а самъ и прекреститися не смогу: весь замерзъ. Помышляю лежа: «Христе, Свѣте истинный, аще не ты меня от безгоднаго сего и нечаемаго времени избавишь, нѣчева мнѣ стало делать, яко червь, исчезаю». А се согрѣяся сердце мое во мнѣ, ринулся с мѣста паки к нартѣ и на шею, не помню как, взложилъ лямку, опять потащил.

Ино нѣтъ силки, еще версты с четырѣ до двора, покинул и нехотя все, побрел один; тащилъся с версту да и повалился, только не смогу; полежавъ, еще хощу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нѣтъ, базлуков отрѣзать от ногъ нѣчемъ. На колѣнях и на руках ползъ с версту. Колѣни озябли, не могу владѣть, опять легъ. Уже дворъ и не само далеко, да не могу попасть, на гузнѣ помаленьку ползу; кое-какъ и доползъ до своея конуры. У дверей лежу, промолыть не могу, а отворить дверей не могу же.

К утру уже встали; уразумѣвъ, протопопица втащила меня, бытто мертвова, в ызбу; жажда мнѣ велика — напоила меня водою, разболокши. Два ей горя, бѣдной, в ызбѣ стало: я да корова немощная, — только у нас и животов было — упала на водѣ под ледъ, изломався, умирает, в ызбѣ лежа; в двацети в пяти рублях сия нам пришла корова, робяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайлова* ризы мнѣ с Москвы и всю службу в Тоболескъ прислала, и Пашковъ, на церковной обиход взявъ, мнѣ в то число коровку-то было дал, кормила с робяты год-другой; бывало, и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешъ, так лехче на брюхе. Плакавъ, жена бѣдная с робяты зарѣзала корову и истекшую кровь ис коровы дала найму-казаку, и онъ приволок мою с рыбою нарту ⟨...⟩.

[1] беличью.

3. Фрагмент сопроводительного послания Аввакума «возлюбленному чаду» Алексею, адресату сборника И. Н. Заволоко

Вото тебѣ, чадо мое возлюбленное, Алексей ⟨...⟩* книга живота[1] вѣчнаго. Поминай мя в молитвах своих и старца не забывай Епифания: я писал, а он мнѣ молитвами помогалъ. Надъ всѣмъ же сим благословит тя Господь, и Марью твою Пиминовну, и чад ваших, и снохъ, и внучаток, и сродников, и знаемых, и други, и другиня, и вся вас любящия. Еще же да будет всяк благословляяй тя благословен и проклинаяй тя проклятъ. И да подастъ ти Господь от влаги земныя и от росы небесныя свыше,* и множа да умножитъ в дому твоем всякия красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхих и ветхая от лица новых изринете,* сирѣчь всего изобильно и с остатками. Дай вам Господи и хлѣба, и мяса, и ры⟨бы⟩.

[1] жизни.

II
ФРАГМЕНТЫ ИЗ СБОРНИКА Г. М. ПРЯНИШНИКОВА

1
[О сибирской ссылке]

⟨...⟩ Потом на иное место поехали, судами паки впредь, заставил меня тянуть лямкою* и день и нощь. Тут уже я правила своего келейнаго отбыл! Горе мне были те дни. Сказывать не знаю как: в удавке и кус нужной насилу проглотишь. А утомяся гораздо, повалился на грязи уснуть — а выбойщики, прибежав, бьючи палками, к воеводскому дощанику гонят. А он бьет иных батожьем, иных кнутьем, и в то время многих прибил до смерти. И тово нужново ходу было три лета. А иные от водяново наводнения роспухли и мерли, и у меня на ногах от нужды водяныя расседалася кожа, и кровь течаше беспрестанно. Брели весну и осень, по два лета. И всех моих отсюду пять лет езды было.

⟨...⟩ И много тех бед мелких сказывать: везде беды были. В ыном месте слепота на нас была целое лето, — такое место наехали. Егда же с волоку Иргеньскова поплыли, тамо обретохом вся красная и веселая: в дому плач, на пути плач, почали люди траву ясти и вербу, и с голоду начали мереть; а ино от воеводскаго озлобления.

Приплыли Шилкою рекою на Нерчю реку, и на той реке все люди померли с голоду, — осталось небольшое место[1]. И ту реку не глаголю Нерчю, но юдоль плачевная. Умилен позор[2] видети, стенание и рыдание людское и смерть

[1] т. е. очень мало; [2] зрелище.

от глада и нужды. Из куреня выду — мертвой, по воду пойду — мертвой, по траву пойду — тамо и груда мертвых. И себе говорю: «Аввакум, приспе конец, приближися час». В то время сын у нас умер.* И положа ево на песке, говорим: «Коли сами умрем?» И потом с песку унесло ево у нас водою, мы же за ним и руками махнули: не до нево было — и себя носить не сможем.

⟨...⟩ Седмьдесят нас человек отъежжали вверх по реке кормиться, и там мало не все померли: осталось нас небольшое место. Назад я на плотине приплыл еле жив, не ядши ничево дней с пять. И приволокся ко своим, и жена моя бродила к воеводской жене; и она пожаловала, накормила меня, хотя от нас за себя к Богу молитвы. Из коева дому злоба, из того и милость! О, великия жены те, Евдокия и Фекла,* иже к нам милость неизочтенна, якоже ко Илии сарефтяныни или Елисею самантяныни* — обе добры. А сих же помышляю тех вышьши: Илия полчетверта лета, Елисей не в гладное время, а моей нужды седмь лет того гладу было. От них назидаем и от смерти избавляем. О сих до зде.

Я же с детьми, сам-третей отъехав, промышлял траву и коренье, и черемху. И жил на одном месте целое лето, и лишо к жене и к детем приехал, на мое место наши люди промышлять приехали. И на них нападоша варвары и всех иссекоша и побиша, нас же Бог от смерти избавил.

Егда же по бору ходим, тово и смотрим: как застрелит иноземец. И со смертию борющеся на всяк день: в дом приидем, — воевода кнутьем бьет и огнем жжет и убивает до смерти. Меня всегда бранит и пытать хощет, не знаю чево для. В одну пору в струбе сжечь хотел и дрова припасли, и не вем, как Бог избавил; велел от себя оттащить палачам. Топтав и бьючи, отволокли к жене и детям без скуфьи, волосы выдрав. Отовсюду нам было тесно, тово сказывать много: мучился, живучи с ним восимь лет.

2

[О Мезенской ссылке и возвращении в Москву, об уговорах Аввакума признать церковную реформу патриарха Никона и заключении его в Пафнутьевском Боровском монастыре, о соборе 1666 г.]

⟨...⟩ Да и повезли паки с Москвы в Пустозерской острожек с женою и с детьми и с домочадцы. И я по городам людей Божиих учил, а их обличал пестрообразных зверей. И Бог остановил нас своим промыслом у окияна-моря, на Мезени; от Москвы 1700-сот верст будет. И жил тут полтора года, на море с детьми промышлял рыбу и кормился, благодаря Бога; а иное — добрые люди, светы, с голоду не уморили Божиим мановением.

И нынешняго 174-го году, в великой мясоед,* взял меня пристав с Мезени к Москве одново, и привезши отдал Павлу, Крутицкому митрополиту. Он же меня у себя на дворѣ, привлачая к своей прелестной вѣрѣ, томил всяко пять

дней: и козновав[1] и стязався со мною, отвезли в Пафнутьев монастырь под начал и велел игумну на чепи мучить. Игумен же зело гораздо, перемѣняя чепи, 9 недель меня мучил, волоча в церковь на всяк день, говоря: «Приобщися нам!» Аз же смѣюся их безумию: оставили Бога и возлюбили диявола, поют в церквах бесовския песни, не стало у них, что у римлян, ни поста, ни поклонов, ни крестнаго знамения, и правую вѣру нашу християнскую изгубя, возлюбили латынскую вѣру! И туды присылка была, — то же да то же говорят: «Долго ли тебѣ нас мучить? Соединись с нами!» Я отрицаюся, что от бесов.

⟨...⟩ Таже, держав в Пафнутьеве десять недель, митрополит же меня из Пафнутьева монастыря, девяносто верст, одным днем велел примчать к Москве. И мало скачючи — души не вытрясли, примчали еле жива. На утрии же в патриархии стязавшеся власти много со мною от Писания — Иларион Рязанской и Павел Крутицкой. Питирим* же, яко красная девка, нишкнет, — только вздыхает. Оне же не возмогоша стати противо премудрости и силы Христовы, но токмо укоряху. И лаяше меня Павел, и посылаше к чорту. И потом ввели меня в соборную церковь; на обедне по переносе остригли пред народом и прокляли; а я их проклинал. ⟨...⟩

3
[О видении Аввакумом Христа и Богородицы]

⟨...⟩ Держали меня у Николы в монастыре, семнатцать недель. Тут мне Божие присещение было.*

О, горе мне, не хощется говорити, но нужда влечет! Тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины, и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якоже меня ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияне; пуще отца своего Никона надо мною, бедным, сотворили. И о том стужах Божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание. И в полунощи, во всенощное, чтущу ми наизусть святое Евангелие утрешнее, над ледником на соломке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день Вознесения Господня, и бысть в дусе весь. И ста близ мене по правую руку, ангел мой хранитель, улыскаяся ко мне, мил ми ся дея. Мне же чтущу святое Евангелие не скоро, ко ангелу радость имущу, а се потом из облака госпожа Богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими, и рече ми: «Не бойся, Аз есмь с тобою». Мне же к тому прочетшу к концу святое Евангелие и рекшу: «Слава тебе, Господи!», и падшу на землю, и лежащу на мног час. И егда отъиде слава Господня, востах и начах утреннюю кончати. Бысть же ми тогда радость неизреченная, еяже ныне не возможно исповедати.

---

[1] рассуждая, беседуя, ораторствуя, поучая.

4

[О последних увещаниях Аввакума в августе 1667 г. перед ссылкой в Пустозерск, о встречах с Симеоном Полоцким, Епифанием Славинецким, патриархом Никоном]

⟨...⟩ И паки привезли меня к Москве от Николы со Угреши,* в нощи июля в 5 день, и приежжали три архимандрита дважды уговаривати. И во 8 день приежжал в ночи Дементей Башмаков* уговаривати же. И в 10 день, в ночи, приежжали Артемон* да архимандрит уговаривати же. Того же дни имали в Чюдов монастырь* прельщати и уговаривать митрополит Крутицкой Павел,* да архиепископ Рязанской Иларион.* И в 11 день приежжал архимандрит Чюдовской Иоаким.* И августа в 22 и в 24 день Артемон был от царя с философом, с Симеоном-чернцом,* и зело было стязание много: разошлись, яко пьяни, не могли и поесть после крику. Старец мне говорил: «Острота, острота телеснаго ума, да лихо упрямство! А се не умеет науки!» И я в то время плюнул, глаголя: «Сердит я есмь на диявола, воюющаго в вас, понеже со дияволом исповедуеши едину веру, глаголеши, яко Христос царствует несовершенно, равно со дияволом и со еллины исповедуеши во своей вере». И говорил я ему: «Ты ищешь в словопрении высокия науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами. И мне кое общение, яко свету со тьмою, или яко Христу с Велиаром?»* И ему стыдно стало, и против тово сквозь зубов молвил: «Нам-де с тобою не сообщно». И Артемон, говоря много, учнет грозить смертью. И я говорил: «Смерть мужю покой есть, и смерть грехом опона[1]. Не грози мне смертию: не боюсь телесныя смерти, но разве греховныя!» И паки подпадет лестию. И пошед, спросил: «Что, стар, сказать государю?» И я ему: «Скажи ему мир и спасение, и телесное здравие». А в 22 день один был, так говорил мягче, от царя — со слезами, а иное — приграживал. И я в те поры смеюся. И много тех было присылок.

Блюдитеся, правовернии, злых делателей: овчеобразные волки Симеон и Епифаний.* Знаю я Епифана-римлянина до мору, егда он приехал из Рима. Тогда же учению его приложишася руководством Федора Ртищева, и сестры ево Аннушки.* А Семенка-чернец оттоле же выехал, от римского папежа, в одну весну со мною, как я из Сибири выехал. И вместе я и он были у царевы руки, и видев он ко мне царевы приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня. И я ему рек: «Откуду ты, батюшка?» Он же отвеща: «Я, отеченька, из Киева». А я вижю, яко римлянин. У Феодора Ртищева с ним от Писания в полатке до тово щиталися,* — вся блядет по уставу римскому. И года с полтретья минув после тово, приходил со Артемоном от царя во юзилище ко мне, на Никольской двор.* Не мог со мною говорить: Бог мне помогал ево посрамлять. И в беседах тех я ему говорил: «Вижу, яко римлянин ты, и беседа твоя яве тя творит». Отвеща и рече:

[1] завеса, преграда.

«Вся земля Божия и концы ея». Да и россмеялся. Я Артемону подъявил: «Внимай, посланник, и зри: враг бо есть Святыя Троицы». А им такия и надобе; заодно с Римом Москва захотела вражить на Бога, таковых себе и накликала. Да я не лгу: новых жидов в Москве умножилося, научили своему рукоделию — камедиею играть. А нас Бог избавил от них и посрамил их от нашей худости. Да что с ним сделаешь!

А пошед, Артемон кланяется низенько и прощается умильно, вправду.

А егда же мя на судище привлекут, вси судии трепещут и ужасаются, яко от мудрова человека. А я и «аза» не умею протолковать, и свое имя забыл, токмо надѣюсь лише крепко на Свѣта-Христа. Да егда мя волокут, так в то время докучаю Ему, Богу моему: «Надежда, не покинь! Упование, не оставь!» А сам-таки молитву говорю. Как приведут пред них, так у меня загорится сердце-то, — не разбираю, патреарх ли или ин, понесу косить несѣяный плѣвел, посреде пшеницы растущ. Да и то в то время вспомню, что от юности в книгах читал. А с судища сошед и забуду, что говорил. Опосле сказывают мне, и я лише смеюся пред ними и браню их от Писания. И рек: «Не боюся я дьявола и вас, боюся Света-Христа, он мне помощник на вас».

Да уже мне иное вам и сказывать тово, кажитца, нехорошо, да нужа влечет. В Крестовой* Никон да я, да Кокошилов дьяк,* много говоря и льстя ко мне. А у меня горит сердце-то на него, сердито крошу. И он Кокошилову говорит: «Иван, а Иван, худа гадина протопоп сей, а пострадать мне от него». И он ему супротив рек: «Да и ты-де, государь, учини ему конец». И он паки: «Нельзя, барте, — загорожено, боюся». Да и отпустил меня. В те поры я шапкою тряхнул: «Отрясаю, — реку, — прах прилепший от ног моих». Да и пошел. «Примись, — реку, — за меня, такой-сякой», — идучи говорю. А что зделаешь, — нашу же братию многих погубил.

Ну, простите мя, Господа ради, и помолитеся о мне, грешнем: вас теша, да себе скудость творю. Молитеся о недостатках моих! Жаль мне вас сильно, стадо Христово, — еретики умыслили погубить. Да помолимся токо миром Богородице. Тот погибнет, которой тово хочет. Она, Надежда наша, стадо свое избавит от волк, губящих е. На первое возвратимся ⟨...⟩.

5
[О заключении в земляную тюрьму]

⟨...⟩ Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; стражие же стрежаху темницу. Да ладно так, хорошо! Я о том не тужу, запечатлен в живом аде плотно гораздо, ни очию возвести на небо возможно: едина скважня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке, в него же и ветхая измещем, тут же и

отды́хаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяясь — удушисься — насилу отдо́хнешь. А на полу том воды по колени — все беда! От печали великия и туги неначаяхомся и живы быти, многажды и дух в телеси займется — яко мертв, насилу отдо́хнешь.

А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест с гойтаном:* нельзя мне, в грязи той сидя, носить одежды. Пускай я наг о имени Господни, яко Мелхиседек* древле в чащи леса или Иван Креститель в пещере, имея ризу от влас вельбуждь и пояс кожан о чреслех его, ядый траву с медом диким, донележе глагол Божий бысть ко Иванну, сыну Захарину, в пустыни, и, проповедая в пустыни Июдейстей, глаголя: «Покайтеся и веруйте во Евангелие!» И бысть страшен законопреступным, являяся, яко лев лисицам. Тако и здесь подобает быти, в пещере сей, ко отступникам о имени Исус Христове ⟨...⟩.

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСОК ПРОТОПОПА АВВАКУМА

1. Записка Аввакума о «казни» в Москве 27 августа 1667 г. священника Лазаря и инока Епифания с припиской о «казнях» нижегородского дьяка Стефана Черного

Его же страдальца Аввакума отца

Отцу Лазарю до вилокъ язык вырезанъ и старцу Епифанию такоже. Егда Лазарю языкъ вырезали, явися ему пророкъ Божий Илия и повелѣ ему о истиннѣ свидѣтельствовати. Онъ же выплюнувъ изо устъ своихъ кровь и нача глаголати ясно, добре, и зѣло стройнѣ. Десная[1] же его рука бысть вся в крови, онъ же ею благословляше люди Божия.

Егда его везоша около Москвы, в Калужския ворота, около Симонова, чрез Даниловской мостъ, и сюды, на Переславску по Троецкой дорогѣ, в Братовщину, ко мнѣ обоих привезли. И со мною благодатию Божиею говорилъ ясно, веселым лицемъ, улыскаяся[2]. И сказывалъ про ихъ коварство, какъ ихъ казнили, и что имъ выговоръ былъ: «Были-де две плахи у казни да два топора, и, посадя, ножиками и языки рѣзали». Лазарь говорилъ ясно, а старец в то время не говорилъ, — тако Богу извольшу.

Азъ же, грешный Аввакумъ, не сподобихся таковаго дара, плакавъ над ними и перецеловалъ ихъ кровавая уста, благодаривъ Бога, яко сподобихся видѣти мученики в наша лѣта. И зѣло утѣшихся радостию великою о неизглаголаннѣм дарѣ Божии, яко отцы мои и братия, Христа ради и Церкве ради Христовы, — хорошо такъ! — яко запечатлѣли кровию церковную истину. Благословенъ Богъ, изволивый тако!

И вы, свѣты, молитеся о насъ, а мы, елико можем, о васъ. Посемъ от насъ миръ вамъ и благословение; и мученики вамъ, давъ миръ и благословение, челомъ биютъ.

И егда сию грамотку писалъ, в то время старецъ ко мнѣ присылалъ из ыныя избы стрельца с радостию: «Не кручинъсѣ-де и обо мне, и мнѣ-де дала языкъ Пресвятая Богородица, говорю-де и я благодатию Божиею!» И я, Аввакумъ, збродилъ к нему, самъ встощился. И егда е в ызбу к нему иду, и онъ ясно завопилъ: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!», и прочая, тако, якоже и прежде, до казни. Азъ же возрадовахся вельми, нача «Достойно»* говоритъ. Онъ же у меня перехватилъ со усердиемъ великим, и тако кончали отпустъ, и, порадовахся, поговоря кое-что, розошлися. Сказывалъ мнѣ, како и проглаголалъ,

[1] Правая; [2] улыбаясь.

какъ его казнили, и потомъ: «Мылъ-де образъ Пресвятыя Богородицы, и мыслию помыслилъ, чтобы-де мнѣ говорить. Она же мнѣ отверзла уста, и азъ-де и стал говорить ясно».

А до того я у него былъ, онъ же ничтоже не могъ проглаголать, токмо, запечатлѣвъ уста, сидѣлъ весь слезень. А все и кровию вчера оба изошли, понеже и жилы вырезаны.

О, великое Божие милосердие! Не вѣм, что рещи, но токмо: «Господи, помилуй!» И Дамаскину Иоанну по трех днех рука приросла,* а моимъ людемъ — в той день Лазарю языкъ Богъ дал, а старцу — назавтрие.

Дѣти мои о Христѣ, призывайте Бога во спасение себѣ, за молитвъ ихъ святыхъ, великихъ и храбрыхъ воиновъ Христовых. И азъ чаю ихъ ради помилованъ быти и отпустъ грѣховъ прияти. Докучаютъ и о всѣхъ васъ Богу и да не забывают. Ну, простите!

А дияконъ Стефанъ, по прозванию Черной, сидѣлъ дьяком в Нижнемъ. И ему языкъ дважды за вѣру Христову старую рѣзанъ, и сосланъ в Сибирь, в Тобольской, а нынѣ говорит чисто.

2. Записка Аввакума о «казни» в Пустозерске 14 апреля 1670 г.

Въ Пустозери взяли у насъ скаску, сице речено: «Год и мѣсяцъ». И паки: «Мы святыхъ отецъ предания держимъ неизмѣнно, а Паисия съ товарищи еретическое соборище проклинаемъ». И иного говорено тамъ много. Посемъ привели къ плахѣ и прочли наказъ.

Меня, протопопа, отвели въ темницу, не казня.

Посемъ Лазаря взяли и вырѣзали языкъ, изъ горла мало пошло крови и перестало; а онъ въ то время и говорить сталъ. Ему же, положа на плаху правую руку, отсѣкли по запястию, и рука отсѣченая, на земли лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала такъ предъ народомъ, — исповѣдала, бѣдная, и по смерти знамение Спасителю неизмѣнно. Мнѣ и самому, протопопу, сие чудно было: бездушная живыхъ обличаетъ. Яко въ третий день во ртѣ у Лазаря гладилъ рукою моею: и не болитъ, дал Богъ! Языка нѣтъ, а говоритъ по старому, чисто. На Москвѣ у него языкъ отрѣзан и тогда осталось маленко, а нынѣ в другой рядъ весь без остатку вырѣзали, а говоритъ такожъ, чисто.

Посемъ взяли соловецкаго пустынника старца Епифания и языкъ весь же вырѣзали; и у руки отсѣкли четыре перста. И сперва говорилъ гугниво. Посемъ помолился Пречистѣй Богоматери, Пресвятѣй Богородицѣ, и показала ему оба языка: московской и пустозерской; онъ же единъ взялъ и въ ротъ свой положилъ. И съ тѣхъ мѣстъ стал говорить чисто и ясно, и языкъ совершенъ обрѣтеся.

Посемъ взяли диякона Феодора: языкъ вырѣзали весь, осталось маленко. На той мѣрѣ и зажилъ. И опослѣ со старой выросъ, токмо тупенекъ.

3. Записка очевидца о «казни» в Пустозерске 14 апреля 1670 г. с фрагментом текста Аввакума

178-го (*1670*) году, апрѣля в 14 день, на Фомины недели* в четверток, в Пустоозерском остроге, по указу цареву, полуголова Иванъ Елагин* взял ис тюрем протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Феодора и старца Епифания.

И шли они до уреченнаго мѣста на посѣчение, гдѣ плаха лежит, и мучительная вся готова, и палачъ готовитца на посѣчение их. Они же никако унывше, вкупѣ[1] народ благословляли и прощались, свѣтлым лицем, весели, в своемъ благочестии непоколебимо стояли и за отеческое предание смерть приимали, а к народом говорили: «Не прельщайтеся Никоновым учением! За истинну страждем и умираем!»

Вначалѣ Аввакум плаху благословил: «То-де нашъ престол стоит!» И друг друга благословляли, и конечное[2] себѣ цѣлование давали, чая своих глав отсѣчения.

И поставя их, цареву грамоту им в-третии вычитали: указано Аввакума вмѣсто смертной казни в земляную тюрьму посадить, и землею покрыть, а сверху окошечко, вмалѣ подавать хлѣб и воды или квас. Онъ же, слыша то, оскорбися зѣло, и, плюнув, говорил протопопъ: «Плюю-де я на ево хлѣб! Не ядше умру, а не предам благовѣрия!» Иваннъ же его отослалъ в тюрьму. Онъ же нача плакати и вопити, что отлучен от братии.

А попу Лазарю и диакону Федору и старцу Епифанию указано: за их рѣчи языки рѣзати, а за крестъ — руки сѣтчи.

А как грамоту вычитали, руки крестообразно такоже держали и к народом здымали, и на небо зрѣли. И приступя старец, в схимѣ был старец, свѣтлым лицем, уласкаяся. Ивана много молил, чтобы главу ему повелѣл отсѣтчи.

И первие взяша палач Лазаря, и два стрельца под руки, и начаша в зубы ему вставливать жеребей,* и не можаше от трясения рукъ своихъ. Онъ же, Лазарь, сам руками своими языкъ свой исправляше, понеже мал зѣло от перваго рѣзания, и клещами взять не мочно, и вырѣзал извнутрь, без останка, от горла, ножем ни до десятью рѣзал от трясения рукъ своих, и в ротѣ внутре вырѣзал, и откинул на землю, аки часть мяса. Онъ же, Лазарь, проглагола велегласно молитву Исусову, якоже и первие: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий», и прочее.

---

[1] вместе; [2] последнее.

Народу же всему ту стоящу, плачющуся, ужасахуся, дивящеся, ужасни трепещуще о видѣнии горькия смерти, со слезами горько вопиюще втайнѣ, боящеся прещения[1] хищника Ивана и мучения, якоже онѣм, глаголюще: «Господи помилуй!»

Мучитель же уступи мало, плачась, а злое творя непрестано.

Таже проглагола Лазарь: «Мужикъ, мужик, скажи царю: „Лазарь без языка говоритъ, и болѣзни не чюю!"», и ина многа. Крови же течаше многое множество, и два великих полотенецъ обагриша кровию. Он же, Лазарь, едино кинул в народ, а говорил: «Возьмите дому своему на благословение!»

И скоро у Лазаря во ртѣ зажило. Привели в тюрьму, и я, протопопъ, щупал и гладил во ртѣ, и не болит, и нынѣ гладко, и струпу не было.

Потом же взяша правую руку его и связали веревкою по завити[2] и на плаху положили. А все онъ, Лазарь, и сам исправляше, и топор накладываше, куды сѣтчи. И отсѣкоша руку его по завити — а была протягнута просто, — персти; а какъ отсѣкли и от плахи отпала, и сама стала такоже: персти крестообразно, какъ онѣ проповѣдуют. Онъ же глагола: «Подайте ми руку». И даша ему. И взяша онъ, Лазарь, руку и поцѣловал (рука же — такожде персти стоят, как онѣ крестились), и в пазуху положил; крови же из руки множество шло и из горла. А говорил Лазарь: «Кровь-де мнѣ мешает говорить, а не языкъ». А говорил Лазарь все явственно, и укорял, что-де «власти неправедно судят, обольстили царя, еретики!» И вкупѣ он и протопопъ, говорили: «Мы Церкви Божии и седьми вселенским собором повинуемся и святых отецъ предания не предадим, благовѣрия отеческаго!»

Такоже и диякону языкъ отрѣзали, а руку — от долони[3] персти все отсѣкли [не усумнѣлся диякон, уступая старѣйшим].

А старцу такоже язык отрѣзали, а у руки — персти по середки все отсѣкли. И они тоже говорили, якоже и Лазарь. А у старца в тѣх же днях иной языкъ вырос, каковъ от роду был, таков же и нынѣ великъ.

И пришед они в тюрьмы, что было у них от имѣния, все роздали и розмѣтали, не оставили у себя и срачицы, а пищи себѣ не приимали в то время ⟨...⟩ 12 ⟨...⟩ а нынѣ — Богъ вѣсть ⟨...⟩ дней.

Сие списано вкратцѣ в великом гонении и скорби понеже самовидцы ту быша.

Выпустя на то время от узъ и окова, хотя похитити, елико хотяше, претя мукою, преже помянутый онъ, Пилат, немилостивый мучитель, хищник и сребролюбец, и с спикулатари[4] своими, етера[5] грѣшнаго и непотребнаго, паче же и недостойна имени своего повѣдати гонения ради от прельстившихся: от «и» — два и от единаго «н».* Неронова.

---

[1] угрозы; [2] кисти; [3] ладони; [4] палачами; [5] некоего.

4. Записка о посте 1671 г.

179-го *(1671)* году, Въ Великий постъ, протопопъ Аввакум да попъ Лазарь пища не приимали до Лазарева воскресения да в Цвѣтную неделю. Дияконъ Феодор да Епифаний старецъ до суботы пятыя недели пищи не приимали же, да в Лазарево воскресенье и Цвѣтную. Прочия же — в постѣ и молитвѣ, токмо укропом языкъ прохлаждаше.*

[Сущее]

40 дней хлѣба и ничтоже не ядохом, токмо воду теплую хлѣбали, рты парили и горла. Я и старецъ десять дней сперва и воды не хлѣбали, да правила было отстали. А дьяконъ сперва сухари в воду метал и квасную воду хлебал. И приговорили братиею: «Без правила поститися худо, станем всѣ воду хлебать». И по десяти днях стали и мы со старцом воду хлебать. И дьякон стал простую же воду хлебать с тѣх мѣстъ[1].

И егда совершилося 20 дней, престалъ я паки воды хлебать, показалося мнѣ такъ неисправно. И разболѣлася у меня болѣзнь в брюхе, стал дух заниматца. И я поливал грудь водою, и тер снѣгом, и от тово было лехче. Братия воду хлебали, не переставая, а дьяконъ квас от четвертая суботы рядом хлебалъ; а старецъ в суботы и недѣли елъ, а в тѣ дни воду хлебал. А Лазарь от начала, какъ почал воду хлебать, такъ до Лазоревы суботы совершил.

Меня заставила скорбь блудить нат квасом на пятой недѣли: согрѣшил, простите, а нынѣ чревом не могу, мыто[2] держитъ. Да воля Господня о всемъ да будетъ!

Дьякон воды дней з двенатцеть похлебал, а то все квасом забавлялся крѣпонко. Лазарь удержалъ, спаси Богъ ево. И журили мы их, какъ онѣ захотѣли есть да изнемогли, нѣчево стало дѣлать, благословил я и не хотя.

Егда же дожили до четвертыя суботы, старецъ и дьяконъ взалкали, и с тѣх мѣстъ стали по суботам и по недѣлям ести и пити, а в тѣ дни постились. А я с четвертыя суботы стал у себя ротъ полоскать квасом и грудь попаривать, такъ мнѣ от кислово свободно дыхание стало, иногда кроха и в горло уиде, а сам стал паки воду хлебать потолику[3]. В четверток же пятыя недели поста начал трубу закрывать и упалъ на землю. Полежавъ, очюхнулся, встать не могу, а правило говорить время. Помыслив, воздохня, отмѣрил три лошки кваса и пять ложекъ воды, соединя вмѣсто, выхлебал, и обозрѣлъ[4], встал к правилу. И в пятницу хлебнул же квасу, а в суботу пятую совершил панагию,* сиречь испекъ просвиру и, дѣйствовав, посвятил ю, и послѣ причастия с укропом медвяным потребилъ, и квасу хлебнулъ, и в недѣлю квасу хлебнулъ. И отринувъ вся, послѣднюю недѣлю не хлебал ни воды, ни квасу до Лазаревы суботы, лишь ротъ полоскалъ для правила.

---

[1] с этих пор, с этого времени; [2] понос; [3] понемногу; [4] пришел в себя.

ИЗ СОЧИНЕНИЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА

⟨...⟩ Да в тѣх же писмах[1]* вопрос о солнце и месяце: от чево солнце взято? Отвѣтъ: от честныя ризы Господня; а месяць — от Духа и от престола Господня, а земля, де, — от пѣны моръския: ангели, де, по морю пѣну собрали, и от тово Богъ здѣлалъ землю, и на трех китахъ больших и на тритцети малых устроилъ, а море, де, на столъбах утвержено.

Мы же со Христомъ отвѣщаем сице: все сие речение — блядь[2], а не церковный разумъ. Чти Бытию и Гранogравъ* о сотворении твари, тамо истинна реченна Святым Духом от Моисея, в Библѣе и в Толковом Гранографе.

Сице Моисей пишетъ: «Искони сотвори Богъ небо и землю».* Гранографъ толкуетъ: небо небесъ, на немже престолъ Божий, то небо огнено, а сие, видимое, глаголется твердь быти; под тѣм небомъ [3]ангельское ликостояние[3] и служение бываетъ к Богу. А сотворил его Богъ словом своимъ от несущества, еже есть от небытия в бытие приведе, — слово Божие живо и дѣйстъвенно, — реклъ: «Буди небо!» — и быстъ; «Буди вода!» — и бысть; «Буди земля!» — и бысть. Землю взялъ от воды, и а не от пѣны: пѣна — лехкое дѣло, а водное естество тяшко, того для и земля тяжела. Петръ апостолъ пишет, яко небеса убо исперва, и земля от воды и водою составленна Божиимъ словом.* И приказал *лежать* на водѣ, а не на китахъ. Дамаскинъ пишет: «Утвержей ни на чемже землю повелѣнием си и разпространи неодержимую тяготу»,* — всегда поетъ Церковь.

Паки Библѣя: «Земля же бѣ невидима и неукрашенна»,* сирѣчь без лица[4] в водахъ моръских вся плавала, яко камень; ни древъ, ни травы, ни рѣкъ — никакова украшения не бысть, много воды было.

Бытия: «И разлучи Богъ между водою и водою, и рече: „Да будет твердь!"»* И бысть слово и дѣло вскорѣ: от тое же воды згустилося, егоже видим, небо. Давидъ о нем же вѣщает: «Пропиная[5] небо, яко кожу, покрываяй водами превыспреняя[6] своя»,* сирѣчь там половина воды, яко на полатях лежитъ, и николи к нам не сходитъ, токмо в потопъ, при Нои,* за грѣхи людския оттоле спустилъ Богъ. Разверъзошася хляби небесныя, и шесть недѣль вода лила на землю. Еще же приказалъ и морю ис предѣлъ выступить — и погрязла земля в водахъ; над высокими горами пятьнадесять сажен было воды. И стояла вода 40 недѣль, шесть недѣль прибывала, шесть недѣль убывала, и всего годъ было, дондеже ковчегъ Ноевъ на мѣсте ста. Все померло в водах: и люди, и скоты, и звѣри, и птицы небесныя; токмо Ной праведникъ с своими спасеся.

На первое возвратимся, и рцемъ паки Бытия: «И тма верху безны, и Духъ Божий ношашеся верху воды»,* — сирѣчь не видѣть ничево, дня не было, — темно.

---

[1] писаниях; [2] злостная ложь; [3—3] стояние хора ангелов; [4] благообразия; [5] Простирая; [6] самый верх.

«И рече Богъ: „Да будет свѣтъ!" И бысть свѣтъ.* И нарече свѣтъ — день, а тму нарече — нощъ. И бысть вечер, и бысть утро, день единъ».* Просто молыть: нощъ да день — сутки стали. День на дѣло людямъ приготовил, а нощъ — на покой и на словословие к нему, свѣту, яко и Давидъ глаголетъ: «Седмижды днем хвалих тя о судьбахъ правды твоея»,* сирѣчь в сутках так всякому подобаетъ: вечерня, павечерня, правило, полунощница, утренняя, часы, литоргия. Да он же говорит: «Полунощи востахъ исповѣдатися на судбы правды твоея».* Сверхъ тово и нам такъ надобе вставать и плакатися о гресѣхъ.

Паки Бытия. И бысть мрачен день и не свѣтелъ без свѣтилъ. И в первый день Богъ звѣзду сотворилъ, ейже имя Аррисъ, а во вторый сотворил звѣзду Ерьмисъ, а в третий день Кронъ, а в четвертый Афродиту,* и Артемида она же словетъ, и положилъ их на тверди небесней въ нощи свѣтити по земли; въ четвертый же день солнце сотворилъ и украсил день яко пресвѣтлым венцемъ, в пятый же день месяцъ сотворилъ, и небо звѣздами украсилъ. И положил солнце во область[1] дни, луну же — во область нощи. Аималъ звѣзды и солнце, и месяц от вышняго неба. То небо все таково, якоже солнце, огнено горитъ. Гранографъ толкуетъ такъ. ⟨...⟩

Паки возвратимся на первое. И повелѣ Господь: «Да изнесетъ земля траву, сѣющу *сѣменми* по роду и по подобию, и древа плодовитая, творящая плодъ».* Гранографъ толкуетъ: во вторый день землю красилъ[2] Господь, а Златаустъ в «Маргаритѣ» глухо пишетъ. И израстоша былия прекрасныя, травы цвѣтныя разными процветении: червонныя, лазоревыя, зѣленыя, бѣлыя, голубыя, и иныя многия цвѣты, пестры и пепелесы[3], по Господню глаголу, яко ни Соломан премудрый возмог себѣ таковыя цвѣтныя одежды устроить,* онѣ же и благоуханием благовоннымъ облагоухаютъ. Такоже и древа израстоша: кипариси, и [4]пѣвги, и кедри, мирьсины и черничие[4], смокви и финики, и виноградие, и иное садовие, — множество много различные плодовитые древа из земли изыдоша. И рѣки посредѣ горъ протекоша, и источники водныя. Таже от земли сотворил Богъ скоты, и звѣрие дубравнии, а от воды птицы небесныя, парящая по аеру; от воды же и вся летающая по аеру: мухи и прочая гады, пресмыкающиися по земли. Посем насадилъ рай во Едемѣ, на востоце:* древа и крины райския, по 12 плодовъ в году приносятъ: древа не гниющия, травы не ветшающия, цвѣты не увядаемыя, плоды неистлѣваемыя; аще и на землѣ рай, но посредѣ плотнаго[5] и духовнаго жития устроенъ. ⟨...⟩

Посем въ шестый день сниде Богъ на землю на востоце, во Едемѣ, перьсть[6] веземъ от земля, и сотвори человѣка, сирѣчь яко [7]скудельник скуделу[7], еже есть горшешник горьшок. И положил пред собою. Он же бездушенъ пред нимъ лежитъ, недвижим. И видѣ Богъ яко добро. Дуну на него — и дадеся ему

---

[1] для управления; [2] украшал; [3] здесь: одноцветные; [4—4] пихты и кедры, мирты и дикие смоквы (фиги); [5] плотского; [6] прах; [7—7] горшок горшечнику.

душа, яко ангелъ нѣкий чистѣйший; духъ же возвратися ко Господеви, а персть отъиде в землю. И бысть человѣкъ в душу живу. Зри, всю тварь Господь сотворилъ словом, а человѣка — боголѣпными руками, якоже и Давид поет: «Руце твои сотвористе мя и создасте мя».* ⟨...⟩

Паки Бытию рцемъ: «И приведе Господь ко Адаму звѣрие и скоти, и птицы небесныя, и поклонишася ему, видя ево во славнѣ образѣ сияюща, Адам же нарече имъ всѣмъ имена».* И поживе Адамъ в раю (по Филону, сто лѣтъ,* а инии глаголютъ — три годы, а инии — шесть часовъ) яко царь над всею тварию. Вся ему покорна, вся повинна, лютые звѣри пред нимъ трепетаху и бояхуся Адама. И самъ Богъ бесѣдоваше со Адамом.

И позавидѣ диявол чести и славѣ Адамли, восхотѣ у Бога украсти, вниде во змию, лучшаго звѣря, и оболга Бога ко Адаму, рече: «Завистливъ Богъ, Адаме, не хощет вас быти таковыхъ, якоже самъ. Аще вкусите от древа, от негоже вамъ заповѣда[1], будете яко Бози».* Адам же отказалъ, помня заповѣдь Зиждителеву. Змия же, отклоняся от Адама, прииде ко Евве (ноги у нее были и крылье было, хорошой звѣрь была, красной[2], докамѣстъ не своровала[3]). И рече Евве тѣ же глаголы, что и Адаму. Она же, послушав змии, приступи ко древу, вземъ [4]грезнъ и озоба[4] его, и Адаму даде,* понеже древо красно видѣниемъ и добро в снѣди; смоковь красная, ягоды сладкие, слова междо собою лъстивые! Онѣ упиваются, а диявол смѣется в то время.

Увы, невоздержания! Увы, небрежения Господня заповѣди! Оттоле и доднесь творится так же лесть в слабоумных человѣках. Потчиваютъ другъ друга зелиемъ нераствореннымъ[5], сирѣчъ зеленымъ виномъ процеженным и прочиими питии и сладкими брашны[6]. А опослѣ и посмѣхаютъ другъ друга, упившегося допьяна, — слово в слово, что в раю бываетъ при дьяволѣ и при Адамѣ.

Бытия паки: «И вкусиста Адамъ и Евва от древа, от негоже Богъ заповѣда, и обнажистася».* О, миленькие! Одѣть стало нѣкому! Ввелъ дьяволъ в беду, а самъ и в сторону! Лукавой хозяинъ накормилъ и напоилъ, да и з двора спехнулъ! Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует. Увы, безумия и тогдашнева и нынѣшнева!

Паки Библѣя: «Адам же и Евва сшиста себѣ листвие смоковичное от древа, от негоже вкусиста, и прикрыста срамоту свою; и скрыстася, под древо возлегоста».* Проспалися бѣдные с похмелья, ано и самим себя соромъ: борода и усъ въ блевотинѣ, а от гузна весь и до ногъ в говнѣхъ, со здоровныхъ[7] чашъ голова кругомъ идетъ!

Паки Бытия: «И ходящу Богу в раи, глаголющу: „Адаме, Адаме, гдѣ бѣ?"» Он же отвѣща: «Господи, гласа твоего слышу, а видѣти тя не могу». Господь же наруга ему, рече: «Се Адамъ, яко единъ от нас!» И паки рече Господь:

---

[1] запретил; [2] красивый; [3] преступила; [4—4] гроздь и попробовала; [5] неразбавленным; [6] едой; [7] заздравных.

«Что се сотворилъ еси?» Он же отвѣща: «Жена, еже ми сотворилъ еси».* Просто молыть: на што, де, мнѣ дуру такую здѣлал? Сам неправъ, да на Бога же пеняетъ! И нынѣ похмельные то же, шпыняя, говорят: «На што Богъ и сотворилъ хмел-етъ? Весь, де, донага пропился, и есть нѣчева, да меня ж, де, избили всево», а иной говорит: «Богъ, де, ево судит, упоилъ допьяна». Правится[1], бѣдной, бытто от неволи такъ здѣлалось, а безпрестанно тово ищет и желаетъ; на людей переводитъ, а самъ гдѣ былъ? [2]Что Адамъ[2] на Евву переводитъ, а самъ от дьявола и прежде поущение[3] слышал. [4]Ино было[4], уразумѣвъ навѣтъ дьявольской, и жена укрепить к соблюдению заповѣди! Такъ в тѣ поры не такъ было, небрежемъ о заповѣди Зиждителеве, ешь, да пей, да веселися! А топеря: «Жена, еже ми даде!» Чем было рещи: «Согрѣшил, Господи, прости мя!» Ино стыдно такъ молыть, лукавая совѣсть не велитъ, коварьством хощетъ грѣхъ загладить, да на людей переводитъ: «Жена, еже ми даде!»

Господь же рече ко Евве: «Евва, что се сотворила еси?» Она же отвѣща: «Змия прелсти мя!»* Вотъ хорошо! Каковъ муж, такова и жена; оба бражники, а у детей и давно добра нѣчева спрашивать, волочатся[5] — ни сыты, ни голодны.

Бытия: «Змия же отвѣща: „Дьяволъ научилъ мя!"» Бѣдные! Всѣ правы, и виноватова нѣтъ! А то и корень воровству[6] сыскалъся! Чемъ еще поправитеся[7]? Всѣ заодно, с воромъ стакався, воровали; чемъ дѣло вершить? Да нечѣм переменить! Кнутом бить, да впредь не воруютъ.

Бытия паки. И повелѣ Господь херувиму всѣхъ изгнати из рая. Изгнанъ бысть Адамъ, и запечатлѣнъ[8] бысть рай. И осудилъ Богъ Адама дѣлати землю, от неяже взятъ бысть,. женѣ же — в печалѣх родити чада, а змии — на чреслех ползать и ясти землю, а дьявола — проклятъ.* 〈...〉

Таже людие начаша родитися исполини, гиганъти, сирѣчь силные и великие, и учали богопротивно жить между собою, убийством и волъхвованиемъ, обращалися звѣрми и птицами, диявольским научением по аеру летали. И жития ихъ было от Адама до потопа 2242 лѣта.*

И рече Господь: «Не пребудетъ духъ мой в человѣцехъ сих, яко плоть суть».* И повелѣ праведнику Ною дѣлати ковчегъ до потопа за 100 лѣтъ. Он же, дѣлая ковчег, по вся дни людям вопилъ: «Покайтеся! Близ конецъ и при дверех смерть, хощетъ Богъ потоп навести на землю!» Они же ругахуся ему, глаголюще: «Давно ты кричишъ, да по твоему не бываетъ ничто! Не слушаем тебя! Так нам жить, какъ хощемъ себѣ!» И егда исполняшеся шестьдесятой годъ, подвигнулъ духъ звѣрие и скоты земъския, и птицы небесныя, и гадове всякаго рода около ковчега водворяющеся. Ной же кричаше гласом высочайшимъ: «Покайтеся, людие, престаньте от злобъ своих, припадите ко Господу Богу небесному! Се потопъ приближися! Видите, звѣрие, духом движими, стекаются: слоны и велъ-

[1] оправдывается; [2—2] Подобно Адаму; [3] искушение; [4—4] Надо было; [5] живут кое-как; [6] преступлению; [7] оправдаетесь; [8] заперт, скрыт.

буды от Инъдии грядуща, львы и рыси, волцы и медвѣди со овцами и козами смѣшаны, другъ друга не враждаху». Они же излиха вопияху: «Небрежемъ о глаголехъ твоих!» Осердилися, бѣдные, не любо, что праведник правду говоритъ. Ужжо, су, сердитые, умяхчитъ вас вода!

Паки Бытия. Ковчег же еще не совершенъ, надобе на дѣло 40 лѣт. Не стерпѣ ярость Господня до урочных лѣтъ, посла ангела своего к Ною, да совершитъ ковчегъ. Ангелъ же Господень в три дни совершилъ. И вниде Ное сам, и жена его, и три сыны, жены их, всѣхъ осмъ душъ, в ковчегъ. И ударяше в било, да койждо по имени — звѣрие, и скоты, и птицы, и гады пресмыкающиеся — грядутъ к нему в ковчегъ, от чистых — по седмеро, а от нечистых — по двое. Ковчегу же длина 150 саженъ, а высота и ширина — по пятьдесят. И разверъзошася хляби небесныя, и море ис предѣлъ своих выступи, и погрязли люди нечестивыя. Увы! Были да и не стало! И память ихъ погибе с шумомъ водянымъ, ковчегъ же взимашеся[1] верху воды. Таже по времени посла Ное провѣдати ворона, уж ли уступила вода от лица земли. Вран же не обрѣте покоя ногама своима, возвратися вспять в ковчегъ. Посемъ посла голубя. Голубь же принесе во устѣхъ своих [2]сучец масличенъ[2]. Посемъ паки посла врана. Он же не возвратися к Ною, но паде на телеса мертвая. Таже ковчегъ ста на горахъ высокихъ Арарацкихъ [3]в пол горы[3].*

И изыде Ное, и сотвори ту олътарь Господеви от камени. И взял от чистыхъ зверей и скотовъ, и птиц по единому лицу, и жертву вознес Господу Богу небесному. И обоня воня[4] благоухания на жертву Ноеву, якоже на Авелеву. Посемъ Ное насадилъ виноград, и упився от вина лознаго. На радостях испилъ старикъ миленькой, да и портки с себя збросилъ, нагъ валяшеся. И сынъ средний, Хамъ, посмѣял ево. А меньший, Афетъ, прикрыл отчю срамоту, помиловалъ отца своего. И сего ради благословение наслѣдова, а Хамъ проклят бысть.* Оттоле учинилося винное лозное питие, и мясоядение оттолежо. А до потопа не бысть виннова пития, ни мясоядения, — питахуся сѣменми, сирѣчь хлѣбомъ и овощиемъ. А земля неплодовита была, понеже поливали хлѣбъ и плоды. А грому и дождевъ не было. По потопу — громи и молния, по потопе и *дождь*, и дугу[5] положилъ Богъ на небеси во знамение. По потопе жо дьяволъ не знаетъ, отчево бываетъ громъ, в тѣ поры бѣгаетъ, какъ загремитъ. Страхъ ему бывает, понеже духъ громный язвитъ его. Пишетъ в Палее книге: «Пошествие, де, духу бываетъ, и раздираются облацы, и от того громи бываютъ и молния».* А Давидъ глаголетъ: «Глас грома твоего в колеси, освѣтиша молния твоя вселенную».* Сеи святыи колеса, сказываетъ, шумятъ. Довольно Христу: чемъ изволитъ, тѣмъ и шумитъ! Не всѣ-то судбы[6] его человѣку вѣдати надобно! Полно и тово, что и на землѣ той надѣлано. И от тово человѣк, что пузырь, раздувается. А какъ бы

---

[1] держался; [2—2] ветку маслины; [3—3] на высоте в половину горы; [4] запах; [5] радугу; [6] предначертания.

вѣдал небесная, и онъ бы и паче погиблъ со дьяволом от горъдости. Аще волхвы, и звѣздочетцы, и алъманашники, по звѣздамъ гадая, назидают времена, и дни, и часы, и все блудятъ, и не збывается на коваръствѣ ихъ, дьяволъ обманываетъ ихъ. Токмо Господу досаждаютъ и от него, Бога, тѣмъ отступаютъ. Увы о нихъ, бѣдныхъ!

Сию проклятую хитрость обрѣте по потопе при столпотворении в 500-е лѣто Невродъ-исполин послѣ потопъных людей. Онѣ прежде потопа гадая на дву столпах, на каменномъ да на плинфеном[1] (а аще ли, де, вода приидетъ — ино, де, останется послѣ воды каменной, аще ли, де, огнь — ино, де, кирпичной останется послѣ огня), и Невродъ обрѣте на каменном столпѣ и бысть таковый же Богу врагъ, здати умыслил столпъ. Собравъ людей, рече: «Аще приидетъ паки вода, и мы со столпа вполчимся[2] Богу небесному, и брань сотворимъ». И вознесли того 10 000 саженъ въверхъ. И видѣ Богъ безумие их, разсея по лицу земли, а столпа двѣ доли разорилъ, а треть оставилъ. И оттоля начаша вси глаголати разными языки. Единъ не пристал Еверъ совѣту и дѣлу их. Тотъ языком старымъ сиръским[3] и говоритъ, имже Адамъ и вси прежде говорили.*

Вотъ, дьявольския дѣти-алъманашники,* смотрите-тко на началниковъ тѣхъ своих, да Неврода с товарыщи, что надъ собою здѣлали! А работы тоя было, нужи тоя терпѣли, дѣлаючи. И роженице женѣ дни не дадутъ полежать, — оставя младенца, поволокись на столпъ с кирпичемъ или с ызвестью. И робенокъ бѣдной, трехъ годов, потащил туды же с кирпичемъ. Так-то и нынѣшние алманашники, слыхалъ я, мало имѣютъ покоя. Срать пойдетъ, а в книшку поглядитъ: здорово ли высерется. Бѣдные, бѣдные! Какъ вам не соромъ себя! Оставя промыслъ своего творца, да дьяволу работаете, невродяне, безчинники! Уйдете ли на столп, какъ приидетъ гнѣвъ Божий? Отстреляетеся из мушкетов и ис пищалей, знать по всему! Полно, терпитъ всевидящее око, ожидает вашего покаяния. *Свиньи*, барте[4], и коровы больши знаютъ вас, предъ погодою визжатъ да ревутъ и под повѣти бѣгутъ. И послѣ того бываетъ дождь. А вы, разумныи свиньи, лице небу и земли изъмѣряете, а времени своего не искушаете, како умерете! Горе с вами да только! Покайтеся, бѣдные! Прибѣгните к Богу, да простит и помилуетъ вас, яко благъ и человѣколюбец. О сем полно говорить, на первое возвратимся. ⟨...⟩

---

[1] кирпичном; [2] ополчимся против; [3] сирийским; [4] пожалуй.

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

КНИГУ СИЮ СОБРАЛЪ ОТ СВЯТАГО ПИСАНИЯ ПРОТОПОПЪ АВВАКУМ НА КРЕСТОБОРНУЮ ЕРЕСЬ НИКОНИЯНСКУЮ И НА ПРОЧИЯ ИХ КОБИ[1]

Бесѣда человѣка грѣшна, человѣка безобразна и безславна, человѣка не имуща видѣния, ни доброты, ниже подобия Господня.

По истиннѣ рещи, яко нѣсть и человѣкъ, но гадъ есмь или свиния; якоже и она питается рожцы[2], тако и аз грѣхи. Рожцы бо вкусъ имущъ в гортани сладость, во чревѣ же брѣтъкость[3]. Тако и аз, яко юнѣйший блудный сынъ, заблудих от дому отца моего, пасяхся со свиниями,* еже есть з бѣсы, питаюся грѣхми, услаждая плоть, огорчевая же душу дѣлы, и словесы, и помышлении злыми. С Павлом реку: «Вѣмы бо, яко закон духовен есть, аз же плотян есть, продан по грѣхомъ. Еже бо содѣваю — не разумѣю, не бо еже хощу — сие творю, но еже ненавижду — то содѣваю. Еже бо хотѣти, прилежит ли; а еже содѣяти доброе не обрѣтаю. Но еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сие содѣваю. Аще ли, егоже не хощу, аз сие творю, уже не аз сие творю, но живый во мнѣ грѣхъ. Обрѣтаю бо закон хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежит. Сослаждаю бо ся закону Божию по внутреннему человѣку; вижду же нынѣ закон во удех[4] моих, противу воюющъ закону ума моего и плѣняющъ мя законом грѣховным, сущим во удех моих. Окаяненъ аз человѣкъ: кто мя избавит от тѣла смерти сея? Благодарю Бога моего Исусъ Христом, Господем нашим. Тѣмже убо сам аз умом моим работаю закону Божию, плотию же закону грѣховному. Ничтоже убо нынѣ осуждение сущим о Христѣ Исусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу. Аз же, плотолюбец окаянный, нѣсть человѣкъ, по реченному: сослаждаюся закону грѣховному».*

Человѣкъ бысть Иевъ,* праведен, непорочен, беззлобив; человѣкъ бысть Божий Моисей, боговидецъ;* человѣкъ бысть Исусъ Наввин, молитвою постави на небе текущее солнце;* человѣкъ бысть Давидъ, царь и пророкъ, егоже похвали Божие сердце сице: «Обрѣтох Давида, сына Иссеева, мужа по сердцу моему».* Человѣкъ бысть пророкъ Даниил, егоже в Вавилонѣ, в ровѣ, устыдишася лютыя звѣри,* видѣвше на нем Божий образ непорочен, ради добродетѣлей в нем цветущих; человѣкъ бысть пророкъ Аввакум, егоже принесе аггелъ от Иерусалима с пищею в Вавилон, в ровъ, к Даниилу.*

Но не аз, Аввакум. Аз и сам сижу в ровѣ, душею и тѣлом обнажився, самъ-пят,* с нагими же.

---

[1] (перен.) ереси; [2] стручки оливкового дерева; [3] терпкость, едкость; [4] членах; здесь: органы внешних чувств.

Добрѣ сотвори во Иерусалимѣ пророкъ Иеремия,* ища в день человѣка, по граду ходя з горящею свещею. И рекоша ему людие: «Чего ищеши, пророче?» Он же глагола: «Ищу человѣка». Они же рекоша паки: «Како не видиши? Зри, полна митрополия великая человѣков, вездѣ люди». Пророкъ же к ним глагола: «Вижду и аз, яко много плоти, но нѣсть человека. Человѣк бо той, иже праведне и богоугодне в заповѣдех Господних живый, а сии нѣсть человѣцы, но змии и керасты[1], звѣрие: волцы и рыси, львы и медвѣди, понеже презирают повѣление Божие и не ходятъ в заповѣдех Господних».

И Златоустъ пишет, толкуя Дѣяние святых апостолъ, во нравоучении, сице: «Егда человек льстит, тогда змий бывает, а егда чюжая похищает, тогда волкъ бываетъ, а егда блудит, тогда оселъ бывает; а егда гнѣвается, тогда рысь бывает лютая; егда же убивает, тогда сам диявол бывает».

Видите, людие, и чюдитеся безобраньству нашему, плачите и рыдайте вси, погубившии в себѣ образа Господня красоту и доброту, яко древле Иеремия плакаше Иерусалима. Чти Библию, там плач Иеремиин писан пространно. Паче же нынѣ нам подобает плакати в настоящее время.

Увы, увы мнѣ! Кого мя мати роди? По Иеву, проклятъ день, в онь же родихся, и нощь она буди тма, иже изведе мя из чрева матери моея, понеже антихристъ прииде ко вратом двора, и народилося выбълядков его полна поднебесная. И в нашей Руской земли обрѣтеся чортъ болшой,* емуже мѣра — высота и глубина — адъ преглубокий. Помышляю, яко, во аде стоя, главою и до облак достанет. Внимайте и разумѣйте вси послушавшии, дастъ бо вамъ Господь разум о семъ.

Беседа первая

В лѣта 7160 (*1652*) году, июня въ день, по попущению Божию вскрался на престолъ патриаршеский бывший поп Никита Миничь, в черньцах Никон,* оболстя святую душу духовника царева протопопа Стефана,* являяся ему яко аггелъ, а внутрь сый диявол. Протопоп же увѣща и царя и царицу, да поставятъ Никона на Иосифово мѣсто.* И я, окаянной, о благочестивом патриарсѣ к челобитной приписал свою руку.* Ано врага выпросили и бѣду на свою шею! Тогда и я, при духовъникѣ, в тѣх же полатахъ шатался, яко в безднѣ мнозѣ.* Много о том потонку[2] бесѣдовать, едино рещи: за что мучать мя, тогда и днесь, болшо и до исхода *души*.

Егда же бысть патриархом злый вождь, и начат казити[3] правовѣрие, повелѣвая трема персты креститися и в постъ великий во церкви в пояс творити метание[4].* Мы же, со отцы и братиею, не умолчавъ, почали говорить, еретика

---

[1] мифическая рогатая змея; [2] подробно; [3] искажать, извращать; [4] т. е. вместо земных творить поясные поклоны.

обличать и предотечу антихристова. Он же нас муча много и разослав в сылки всѣх. И разсѣяни быша, яко от скорби, бывшия при Стефанѣ апостоли.* Такъ, отцы и братию мою, епископа Павла Коломенскаго,* муча, и в новогородских предѣлѣх огнем сожег; Данила, костромскаго протопопа, муча много, и в Астрахани в земляной тюрьмѣ заморил,* также стригъ, какъ и меня, во церкви, посредѣ народа; муромскаго протопопа Логина, — остригше и муча, в Муром сослал,* тут и скончался; Гаврилу, священнику в Нижнем, приказалъ главу отсѣчь; Михаила священника без вѣсти погубил: за Тверскими служилъ в монастырѣ Богородичнѣ, и перевел к тюрмѣ, да и не стало вдруг; двух священников вологжан — безвѣстно же и сих дѣл; со мною 60 человекъ у всенощново взяв, муча ихъ, бивъ и проклиная, в тюрьмѣ держал, малии в живых обрѣтошася. А меня в Даурскую землю сослал, от Москвы, чаю, тысящъ будет з дватцать,* за Сибирь, — и волоча впредь и взадь 12 лѣтъ,* паки к Москвѣ вытащили, яко непогребеново мертвеца. Зѣло там уподчивали палками по бокам, и кнутомъ по спине 72 удара. А о прочих муках потонку неколи говорить, — всяко на хребтѣ моем дѣлаша грѣшницы. Егда же выѣхалъ на Русь — на старые же чепи и бѣды попал.

Видите, видите, яко аз есмь нагъ, Аввакумъ протопоп, в землю посаженъ, и жена моя, протопопица Анастасия з дѣтми в земли же седит,* и старец *Соловецкой* пустыни Епифаний,* нагъ, в земли же седит; два языка у него никонияна вырезали за исповѣдание вѣры, да и руку отсѣкли, да и паки ему третей язык Богъ даровал. И Лазарь попъ наг же, седит в земли, казнен, говоритъ также. И диякон Феодоръ и Киприян,* нагие же, с нами мучатся, в тюрьмѣ за православие же пытан в прошлом году. А Соловецкой монастырь в осадѣ седмь лѣтъ от никониян седит.* На Мезени из дому моего двух человекъ удавили на виселицы никонияна еретики. На Москвѣ старца Аврамия, духовнаго сына моего, и Исаию Салтыкова в кострѣ сожгли, старца Иону-казанца* в *Коломенском* разсѣкли напятеро. На Колмогорах Ивана уродиваго сожгли. В Боровскѣ Полиекта священника и с ним 14 человѣкъ; паки в том же Боровскѣ 30 человѣкъ сожгли. В Нижнем человѣка сожгли. В Володимере человѣкъ 6 сожгли. В Казани тритцеть человѣкъ сожгли. В Киеве стрелца Илариона сожгли. А по Волге той живущих во градѣх, и сѣлех, и в деревнях тысяща тысящами положено под мечь не хотящих печати прияти антихристовы. А иные ревнители закону суть, *уразумѣвше* лесть отступления, да не погибнут злѣ духом своимъ, собирающеся во дворы з женами и з дѣтками, и сожигахуся огнем своею волею.* Блажен извол[1] сей о Господѣ!

Мы же, оставшии и еще дышущеи, о всѣх сих поминание творим жертвою, со слезами, из глубины воздыханьми неизглаголанными, вспѣваем, радующеся, Христа славяще: «Упокой, Господи, рабъ своих, всѣх, пострадавших от

---

[1] решение.

никониян на всяком мѣсте, и учини ихъ идѣже присѣщает свѣт лица твоего,* в селѣх со святыми избранными твоими, яко благъ и человѣколюбецъ. Рабом Божиим побиенным вѣчная память 3-жды. Почивайте, миленькие, до общаго воскресения, о нас молитеся Богу, да же и мы и ту же чашу испием о Господѣ, которую вы испили и уснули вѣчным сном».

Пряно вино, хорошо умѣли никонияне уподчивать!

Да не тужите о здѣшнем-том окаянном житии, но веселитеся и радуйтеся, праведнии, о Господѣ, понеже преидошал от злаго во благое и от темнаго в житие свѣтлое. Мы же еще в мори пловем пучиною и не видим своего пристанища. Не вѣмы бо, доколѣ живот нашъ протянется, умилосердит ли ся Владыко и дастъ ли нам ту же чашу пить, есяже сам пилъ, и вас, рабов своих, напоил. Вѣмы, яко милостивъ Господь, желает всѣх нашего спасения.

Разумѣю по Писанию, якоже Богослову показано. (Апокалипсис): «И егда отверзе агнецъ 5 печать, видѣх под олтарем душа избиенных за слово Божие и за свидѣтелство, еже имѣяху, и возопиша гласом великим, глаголюще: „Доколѣ, Владыко святый и истинный, не судиши и не мстиши крови нашея от живущих на земли?" И даны быша комуждо их ризы бѣлы, и реченно бысть им, да почиютъ еще время мало, дондеже скончаются и клеврети ихъ и братия их, хотящии избиени быти, якоже и тии».*

Видите, вси страждущии за слово и за свидѣтелство старопечатных книгъ, а то ожидает и нас, Господь избиенныхъ утѣшает ризами бѣлыми, а нам дает время ко исправлению. Подщимся и нелѣстно подвигнемся, но потецем нынѣ, яко время есть.

Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конецъ приближается, и хощеши молвити. Воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ, иже вездѣ сый и вся исполняяй. Душе, яже здѣ, — времянна, а яже тамо — вѣчно. Подщися, окаянная, и убудися; уснула сном погибелнымъ, задремала еси в пищах и питии нерадѣния. Виждь, мотылолюбная[1], кто при тебѣ: бояроня Федосья Прокопъевна Морозова и сестра ея Евдокѣя Прокопъевна, княгиня Урусова, и Даниловых дворянская жена Марья Герасимовна с прочими! Мучатся в Боровскѣ, в землю *живы* закопаны, по многих муках и пытках, и домов разорении, алчютъ и гладуют. Такие столъпы великие, [2]имже не точенъ[2] весь мир, жены, немощнѣйшая чадь, а со звѣрем борются по человѣку! Чудо, да толко подивитися лише сему! Как так? 8000 християнъ имѣла, домовово заводу тысящъ болши двух сотъ было, — дѣти мнѣ духовные, вѣдаю про них. Сына не шадѣла, наслѣдника всему, и другая такожде дѣтей. А нынѣ — вмѣсто позлащенных одров в земли закопана сѣдит, за старое православие мучатся.

А ты, душе, много ли имѣешъ при нихъ? Развѣ мешокъ, да горшекъ, а третие — лапти на ногах. Безумная, ну-тко опрянися[3], исповѣждь сына Божия

---

[1] непотребная; [2—2] с ними не сравнится; [3] встрепенись.

явственнѣ, полно укрыватися-тово. Добрѣ рече нѣкто от святых отецъ, яко всѣм нам един путь предлежитъ. Иного времени долго такова ждать, само Царство Небесное валится в рот, а ты откладываешъ, говоря: «Дѣти малы, жена молода, разоритися не хочется». А тово не видишъ, какую честь бросили боярони-тѣ, да еще жены суть. А ты мужикъ, да безумние баб, не имѣешъ цѣла ума: дѣти те переженишъ и жену ту утѣшиш, а затѣм что? Не гроб ли? Таже смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общее всемирной конецъ.

Блажени умирающии о Господѣ! (Апокалипсис): «Блажени творящии заповѣди его, да будет область им на древо животное, и враты внидут во град. Вне же — пси и чародѣй, и любодѣй, и убийца и идолослужитель, и всякъ любяй и творяй лжу».*

Вот, смотри: люди же были и померли, да не Христа ради, плюнуть на них, нѣтъ им части со агньцем во градѣ Бога живаго, и на древо животное области не имут, понеже здѣ любили ложь и творили ю҅, а о правдѣ агньца не подвизалися, но ища здѣшния сласти и жития отрадново, не радѣли о будущем, и от скорбей ради Христа всяких отклонишася, лицемѣришася с миром сим, Христа не послушавше, якоже речено во Евангелии: «Рече Господь: аминь, аминь, глаголю вам, яко восплачетеся вы и возрыдаете, а мир возрадуется, вы же печални будете, но печаль ваша в радость будет. Жена, егда раждаетъ, скорбь имат, яко прииде год ея, егда же родит отроча, тогда не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ в миръ. И вы же печаль убо имате нынѣ. Также узрю вы — и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас, и в той день мене не вопросите ничесоже».*

Вот, су, любяй сласти и отраду мира сего, вонми Господем реченное. Не на одрѣх *слоновых* почивати ученикамъ своим приказал, ниже радостию мира сего веселитися; якоже и жена беремянна пред родинами день и нощъ, бѣдная, мается, какъ бы розродитися, ожидаетъ, яко часа смертнаго, а егда родила робенка, так все забыла. Так то и християнское Христа ради терпѣние и мучение: скорбно нынѣ кажется, а тогда в радости все забудет, егда надежа наша Христосъ явится нам, знаеш ли, когда? Тогда, егда оживотворитъ мертвенная тѣлеса наша Духом Святым, что робенок из брюха вылезет паки из земли, матери нашея. А нынѣ Божиим изволениемъ отходитъ в матерь свою, в *землю* и мѣсто.

Входяй — всякъ абие отъидет прияти муки или почести по живших. Тако Дамаскин поетъ в Степеннах.* Добро, братия моя и любимцы свѣты, помните Христовъ приказ и апостольское учение и святых отецъ наказание. Всякого *добра* добрѣйши суть книжное поучение, яко в них обрѣтается живот вѣчный и радость оная бесконечная. А ходяй во тмѣ невѣсть камо идетъ, сирѣчь о суетных упражняется, назирая, гдѣ пирове бывают, и глумы, и неудобные кличи, якоже писано: «Бесѣды злы тлят обычая благи».*

Всякому християнину подобает в молитвѣ и трудѣх пребывати, и в книжном прочитании, и в милости, и любви нелицѣмѣрной, в словеси истинном,

а не льстивом. Мира не стыдитися: аще и поносят, аще и ненавидят, аще и укоряют, аще и напаствуют, но побѣждай благим злое, сирѣчь терпи, поминай Господню заповѣдь.

Евангелие, Иоаннъ 52: «Рече Господь своим ученикомъ: „Си заповѣдаю вам, да любите друг друга. Аще миръ вас ненавидит, видите, яко прежде вас мене возненавиде. Аще от мира бысте были, миръ убо своя любил бы, якоже от мира нѣсте, но аз избрах вы от мира, сего ради ненавидитъ вас миръ. Поминайте слово, еже аз рѣхъ вам: нѣсть рабъ болий *господина* своего. Аще мене изгнаша — и вас изженут; аще слово мое соблюдоша — и ваше соблюдут"», и прочая, до сего: «Сия глаголах вам, да не соблазнитеся от сонмищъ. Изжденут вы, но приидет час, да всякъ, иже убиетъ вы, мнится службу приносити Богу. И сия сотворят, яко не познаша Отца, ни мене. Но сия глаголах вам, да егда приидет час, поминайте слово, яко аз рѣх вам».*

Ну, господине и брате, хорошо ведь Христосъ сказал! Такъ ведь слово в слово: миръ своихъ любит, а Христовых гонит. А миру тому державец-от дияволъ он научаетъ так дѣлать: Христовых тѣхъ людей вяжет да кует, да мучит, да бѣды наводитъ, да и в смерть загонит, потому что не любит он Христа-тово гораздо. Идѣже кѣм заповѣдь Христова соблюдается, ту и благодать Духа Святаго преизобилует, а диявола тово палитъ сила Божия. Так он, что бѣшеная собака, бросается на человѣка-тово, и так и сякъ ищет, как бы развратити от вѣры и от дѣлъ добрых, чтобы благодать-та отгнать от человѣка, такъ ему не тѣсно. А то, су, крестъ Христовъ гдѣ увидит, бежит оттолѣ и зрѣти не можетъ. Того ради и научил никониянъ извреши Христовъ крестъ трисосътавный и крыж[1] латынской вмѣсто ево вчинил, да в перстахъ сложение истинное, во Христа Исуса, извергъ и во антихриста усътроилъ. Нас же да избавит от козней ево Христосъ, ему же слава во вѣки, аминь!

Беседа третья

«Понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованных в нас вещѣх, якоже предаша нам иже исперва самовидцы и слуги бывшия словеси, изволися и мнѣ, послѣдовавъшу по ряду, написати вам, братие моя о Господѣ, да разумѣйте, о них же научилися словесѣх утвержение».*

Бысть во дни наша в Руской земли Божие попущение, а дияволе злохитрие: изникоша от бездны мниси, нареченныя монахи, имѣюще на себѣ образ любодѣйный: камилавки — подклейки женские и клабуки рогатыя,* получиша себѣ сию пагубу от костела римскаго.

Бысть в Римѣ, прежде собора Флоренскаго, на престолѣ в папах баба-еретица* въ Римской церкви, по попущению Божию. И устроила себѣ кло-

---

[1] крест.

букъ на подклейке, сицевым образом, яко женской, еже носят и нынѣ прелщени тамо и здѣсь. Идущу ей, любодейцѣ, за кресты, в ходу родила, на пути идучи, младенца-выблядка. Разумѣвше же людие римстии, извергоша ю́ от сана святительства, яко на Москвѣ врага Божия, патриарха Никона; клабук же ея и всяко предание въ Церкви не изриновенно бысть. И оттого в Церкви ихъ слабость бысть велия: жены и дѣвы во олтарь входяще, за престолъ — на горнем мѣсте — саждахуся; людие же ослабѣша и не брегуще о сем, понеже ересь одолѣ благочестие.

И егда умножися грѣх, ту преизбыточествует благодать. При Евгении,* папѣ Римстѣм, воздвижеся духом род християнский от просътаго чина, и изгнаша еретика, папу Евгения, в Базилийский град.* На мѣсто же его въ Римѣ возведоша папу именем Феликa. И бысть распря в народѣ между болшими и меншими, понеже болшии побарающе по Евгении, а меншии народи — по Феликѣ, понеже Феликъ держаше старое во Церкви благочестие и за сие дѣло бысть народу любимъ; а Евгений-еретикъ мздою великих одарилъ. И того ради бысть в нихъ раздѣление. И увѣщаша велможи народ, да же соберут вселенский осмый собор на исправление падения своего. Богу же попущающу, а врагу дѣйствующу, по начинанию сердецъ их, собрашася на сонмъ той лукавый царь, и патриархи гречестии, и весь Востокъ и Запад, от всѣх стран; и нашъ митрополит Исидор Московский* таможе был. И сотвориша во Флоренцѣ градѣ соборъ, яко и у нас бысть нынѣ при вселенских в Москвѣ такая же лукавая сонмица: утвердиша прелесть свою паче и прежнево.

Не приста же совѣту и дѣлу их епископъ Марко Ефесский.* И осудиша его в заточение смертное, яко и насъ, бѣдных, здѣсь. Да воздастъ имъ Господь по дѣлом ихъ! Тогда Феликъ, видѣ свое изнеможение, уступи папство Евгению. Он же, Евгений, прииде на собор в преждереченном рогатом клобуцѣ, управляя законы и предания новая, а старая вся, отеческая, отмещуще. И приписаша царь и власти гречестии к сему лукавому собору руки своя. Сия уставы и в Царьград пришли: оттолѣ и греки развратишася: и клобуки такие же вздѣли на собя, и иныя догматы Флоренскаго собора учиниша во Церквах своих.

Тому времени 282 года,* как бысть Флоренский собор. Писано въ лѣтописцахъ латынских, и в лѣтописцахъ руских помянуто. Оттоля в Рим и повсюду начаша болѣзнь болѣти болѣзненѣ, и распространятися гной по вселеннѣй всей. Царь же Иван Колуян* поѣхал домой, умрѣ на пути, его же земля не прия в нѣдра своя. А патриархъ Иван Антиохийский въ Римѣ злѣ живот свой скончал: егда начат руку прикладывати, в то время аггелъ господень исторже душу от него. А Цареградский Иосифъ,* разболѣвся, приволокся домой. А митрополитъ нашъ Московский приѣхалъ домой з гордостию, его же князь великий и встрѣтить не велѣлъ, понеже гостинцы негладки[1] привез: по правую руку крыжь

[1] неприглядные.

латынской вез, а по лѣвую — крестъ Христов. За сие его князь предал под начал, он же тайно убѣжав паки в Рим и тамо скончася злѣ. А кои правовѣрнии, на соборѣ том бывше и не хотя рук своих приложити к приговору сонмицы лукавыя тоя; римляна же их овых заточиша, а инии разбѣгошася.

И нашъ старецъ Сергиева монастыря оттоля ушел, и на пути заблудилъ, ему же явился игумен преподобный Сергий Радонежский, и проведе старца сквозѣ нужная[1] мѣста, и путь указал. И вопросилъ преподобный старца, глагола ему: «Видѣлъ ли еси третиягонадесять апостола, Марка Ефескаго, видел?» Старец же поклонився ему и рече: «Ей, отче». И благословения сподобился от руки его. Таже Сергий невидим бысть; старец же прииде во своя и повѣда всѣмъ.*

Видите ли, вѣрнии, римское-то дѣло родилось каково хорошо! А и у нас на Москвѣ-той не хуже тово. Мнѣ царя-тово, бѣдново, жаль пуще всѣхъ греческаго: здѣшная и будущая вся погубилъ! По нем брата ево родново, Константина царя, предал Богъ за отступление-то сие Махмету турскому царю, и все царство греческое с ним.* А и на Русь было напряг[2] в *мимошедшем* году.* А еще удержали молитвы сѣдящихъ по темницах и тюрмах, вопиющих к Богу день и нощь.

А никонияна пуще устремишася на зло, чают, добро творят, еже пожигают Христовых людей. Богъ ожидает обращения ихъ и дает время на покаяние ихъ, пострашает тѣм и сѣм; а имъ мнится — ради достоинства ихъ терпитъ.

Увы, ослѣпил сотона! Водими духом противнымъ, и сами не видят, камо грядут. Токмо жги, да пали, сѣки, да руби единородных своих!

Слыши небо и внуши земле!* Вы будте свидѣтели нашей крови *изливающейся*. Толко наша великая вина, еже держимъ отецъ наших предание неизмѣнно во всем! Аще мнится им дурно сие, подобает имъ извергнути от памяти прежде бывших царей и патриархов. За что? Онѣ нам послѣ себя оставили книги сия, за нихже мы полагаем душу свою! Аще ли им памяти честнѣ творятъ и святых руских почитают всѣх, ихже мы уставъ и предания неизмѣнно держим, за что же нас мучить и губить? Али неправду говорю? Отвѣщай ми! Что задумался? Безумнѣ, в сию нощъ аггелъ душу твою истяжет от тебе,* а еже уготова, кому будет? Развѣ турскому царю? Ох, ох, затмѣние ума!

А все то блюдолизы римския* устроили с Никоном врагом — гонение на християны. Да воздастъ им Господь по дѣлом их! Мы же со Христом не боимся ваших гроз, любим всю старину, преданную от святых отецъ, и не измѣняемъ риз священных и простых, понеже измѣнения ради риз гнѣв Божий бывает на люди.

Почти себѣ пророка Софония, глава 3: он тебѣ возвѣстит, что случается от Бога измѣняющим ризы не токъмо священныя, но и простыя на себѣ.* А то малое ли дѣло: Богомъ преданное скидали з голов, и волосы разчесали, чтобы

[1] опасные; [2] нападение.

бабы-блудницы любили их; выставя рожу всю да подпояшется по титкам, воздѣвши на себя широкой жупан! Так-то святыя предали смирения образ носить? Почти-тко, никониян, как Василий Великий научает. Не вѣдаешъ? А гдѣ тебѣ и видать! Всегда пьян и блуден, — прости, не то тебѣ на умъ идет, как душу спасти!

Василий Великий иноку повелѣваетъ* мало и на небо глядѣть, но «всегда землю зри. А егда за трапезою з братиею ясти сядешь, тогда и паче клобукомъ лице свое накрой, да же не видятъ другъ друга, како ядятъ». Такие-то истари были у нас, над Антониемъ Сийским и нынѣ висит.* Да у прочих святых так бысть, повѣствовати много о том. Не просто и круг назади: почти Дионисия Ареопагита,* он тебя научит. Помнится мнѣ, писано в книге ево: круг обожение являет благодати духовной, а на нем положены кресла Христовы. Егда поругалися воины Христу и посадиша его на стулѣ и поклоняхуся, припадающе колѣна своя: тотъ-то стул нашеею выстеган накрестъ на кругу.

А у тебя, никониян, гдѣ круг-отъ? Оглянис-ко: нѣтъ ведь, бѣсъ слизал, и обожение и кресла Христовы стащил! Нагъ ты благодати стал и Христовых страстей отвергся. На женскую подклейку платишко наложил, да я, де, су, инок, Христовым страстем сообщникъ!

Подобаетъ истинному иноку дѣлы Христу подобитися, а не словесы глумными, такъ творить, якоже святии. Помниш ли? Иоаннъ Предтеча подпоясывалъся по чреслам, а не по титкам, поясом усменым, сирѣчь кожаным: чресла, глаголются, под пупомъ опоясатися крѣпко, да же брюхо-то не толстѣет. А ты, что чреватая женка, — не извредить бы в брюхѣ робенка! — подпоясався по титкам! Чему быть! И в твоем брюхе-том не менше ребенка бабья накладено бѣды-той, — ягод миндалиныхъ, и ренсково, и романѣи,* и водок различных с вином процѣженым! Наливъ, как ево подпоясать? Невозможное дѣло: ядомое извредит в нем! А се и ремень надобе дологъ!

Бѣдные! Так-то Христос *приказал* жить и святии научиша? Увы, погибе благоговѣй от земля и нѣсть исправляющаго в человѣцѣх.* Ну, су, полно бранится-тово нам. Приимите вы первыя наша святыя и непорочныя книги, ихже святии предаша, и обычая съвои дурные отложите. Мы станем пред вами прощатца о Христѣ Исусѣ Господѣ нашем. Писалъ протопоп Аввакум своею рукою.

Беседа четвертая

Паки и паки, и еще къ вашей любви побесѣдую: вам бо о Христѣ послушати сладостно, а мнѣ глаголати нелѣностно.

По попущению Божию умножися в нашей Руской земли иконнаго писма неподобнаго изуграфи[1].* И пишут от чина меньшаго, а велицыи власти соблаго-

[1] иконописцы.

воляютъ имъ, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившеся, по писанному: «Слѣпый слѣпца водяй, оба вь яму впадеся»,* понеже в нощи невѣдѣния шатаются; а ходяй во дне — не *поткнется*, понеже свѣтъ мира сего видит, еже есть просвѣщенный *свѣтом* разума опасно зрит коби и взнования еретическая и потонку разумѣвает вся нововводныя, не «увязаетъ в совѣтех, яже умышляютъ грѣшнии».*

Есть же дѣло настоящее, пишут Спасовъ образ Еммануила: лице одутловато, уста червленная, власы кудрявыя, руки и мышцы толстые, персты надутые, такоже и у ног бедры и лыста[1] толстыя, и весь яко немчин брюхат и толстъ учинен, лише *сабли*-той при бедрѣ не написано.* А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христосъ же Богъ нашъ *тонкостьны* чювства имѣя всѣ, якоже и богословцы научают нас. Чти в Маргаритѣ* слово Златоустаго на Рожество Богородицы; в нем писано подобие Христово и Богородично: ни блиско не находило, какъ нынѣ еретицы умыслили. А все то кобель борзой Никон, враг, умыслилъ,* бутто з живыя писать, устрояетъ все по-фрязскому, сирѣчь по-немецкому; якоже фрязи пишут образ Благовѣщения пресвятыя Богородицы: чреватую, брюхо на колѣни висит, — *во* мгновении ока Христосъ совершен во чревѣ обрѣтеся!* А у нас в Москвѣ въ Жезлѣ книгѣ* напечатали слово в слово против сего: в зачатии, де, Христос в девице обрѣтеся совершен человѣкъ, яко да родится. А въ другом мѣсте: яко человѣкъ тридесяти лѣтъ. Вотъ смотрите, су, добрые люди, коли з зубами и з бородою человѣкъ *родится*! На всѣх вас шлюся, от мала и до велика, бывало ли то от вѣка? Пуще онѣ фрягов-тѣх напечатали, враги Божии.

Мы же, правовѣрнии, тако исповѣдаемъ, якоже святии научают нас, Иоаннъ Дамаскин и прочии: в членах, еже есть в составѣх, Христос, Богъ нашъ, в зачатии совершен обрѣтеся, а плоть его пресвятая по обычаю девятомѣсячно исполняшеся; и родився младенец, а не совершен мужъ, яко тридесяти лѣт. Вото, и иконники учнут писать Христа в Рожествѣ з бородою, да и ссылаются на книгу-ту: такъ у них и ладно стало. А Богородицу чреватую въ Благовѣщении, якоже и фрязи поганые. А Христа на крестѣ роздутово: толстененекъ, миленкой, стоит, и ноги-тѣ у него, что стулчики.

Ох, ох, бѣдная Русь, чево тебѣ захотѣлося немецких поступков и обычаев! А Николѣ чюдотворцу дали имя немецкое — Николай. Въ нѣмцах немчин был Николай,* а при апостолѣх еретикъ был Николай;* а во святых нѣтъ нигдѣ Николая. Толко, су, стало съ ними. Никола чудотворец терпит, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову-ту назад рожею заворотил, да пускай бы по Москвѣ-той такъ походил!

---

[1] голени.

Да что, петь, дѣлать? Христосъ им время-то попусьтил, якоже Июда апостолъ пишет, яко «Господь люди от земля Египетския спас, послѣди невѣровавших погуби. Аггелъ же, не соблюдшая своего началства, но оставлыших свое жилище, на суд великаго дне узами вѣчными под мраком соблюде».*

Вижль, слышателю, терпитъ имъ Богъ, яко и бѣсом, до Суднаго дни. Тогда имъ весь указ будет; а нынѣ пускай их поиграют с бѣсами тѣми заодно над Христом, и над Николою, и над всѣми святыми з Богородицею тою, свѣтом нашим, да над нами, бѣдными, что черти над попами, — пускай возятся! Златоустъ Иоаннъ и лутче нас был, а как время пришло, такъ спрятали* так же, как и нас. И Филиппъ-митрополит на Москвѣ,* да и много тово есть. Коли же кто изволил Богу служить, о себѣ ему не подобает тужить.

Не токмо за измѣнение святых книгъ, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоустъ за вдову и за Феогностов садъ, и на Москвѣ за опришлину[1] — Филиппъ. Колми же за церковной изврат[2], — всякъ правовѣрный не разсуждай, поиди во огнь: Богъ благословит, и наше благословение да есть съ тобою во вѣки!

Не по што в Персы итьти пещи огненныя искать, но Богъ дал дома Вавилон: в Боровскѣ пещь халдѣйская, идѣже мучатся святии отроцы, херувимом уподоблышеся, трисвятую пѣснь возсылающы.*

Право, хорошо учинилось! Лучше дому Новуходоносорова, полаты и теремы златоверхими украшена, преграды и стѣны златом устроены, и пути каменьми драгими намощены, и содовие древеса различныя насажены и птицы воспѣвающе, и звѣрие в садах глумящеся, и крины[3] и травы процвѣтающе, благоухание износяще повѣваемо. А Навуходоносоръ, роздувшеся, глагола ко Господу Богу небесному: «Ты царствуеш на небеси, а я подобен тебѣ здѣсь, на земли». И егда видѣ Богъ гордость его необратную, претвори Навходоносора сопреди телцом, а созади лвом,* и хождаше въ дубъравѣ со скоты 7 лѣтъ, ядый траву, дондеже покаяся. Так-то «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать».*

Разумѣйте, правовѣрнии, како трие отроцы, ради своего страдания, во Церкви по всей поднебеснѣй величаются, а Навходоносоръ уничижается. Сие дѣло предлежит во образ хотящих наслѣдовати спасение. Не покланяйся и ты, рабе Божий, неподобным образом, *писаным* по немецкому преданию, якоже и трие отроцы в Вавилонѣ тѣлу[4] златому, поставленному на поли Деировѣ. Толсто же телище-то тогда было вылито и велико, что и нынѣшныя образы, писаные по-немецкому! Да и много ужъ у них измѣнения-тово во иконах тѣх: власы росчесаны, и ризы измѣнны, и сложение перстов — малакса* (вмѣсто Христова знамения малаксу поганую *цѣлуй*!).

---

[1] из-за опричнины; [2] извращение; [3] цветы; [4] тельцу.

Знаеш ли, что я говорю? А то руку-ту раскорякою-тою пишутъ. Не умори, не цѣлуй ея: то антихристова печать. Плюнь на нея, побѣги прочь, не гляди на нея, привяжется дурная мысль. Будетъ образа подобна не прилучится — и ты на небо, на востокъ, кланяйся, а таким образом не кланяйся.

Посем миръ вам от нас и благословение, и любовное о Христѣ целование. Я, грѣшной протопоп Аввакум, со отцы и братиею о Христе Исусѣ, вам свѣтам, всякому вѣрному, по-премногу челом бьем. Молитеся о нас, а мы должни о вас. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣком, аминь.

Беседа пятая

Писано бо есть: «„Погублю премудрость премудрых и разума разумных отвергуся". Гдѣ премудръ, гдѣ книжник, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуя ли Богъ премудрость мира сего? Понеже бо не разумѣ миръ премудростию Бога, благоизволил Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующия».*

[Разсуждение.]

Алманашники[1], и звѣздочетцы, и вси *зодийшыки*[2] познали Бога внѣшнею хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася помышленьми своими, уподобитися Богу своею мудростию начинающе, якоже первый блядивый Неврод,* и по нем Зевесъ прелагатай[3], блудодѣй, и Ермис пияница, и Артемида любодѣица, о нихже Гранографъ и вси кронники свидѣтелствуют;* таже по нихъ бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: и вси сии мудры быша* и во ад снидоша, угодиша. И достигоша съ сатаною разумом своим небесных твердей, и звѣздное течение поразумѣвше, и оттолѣ пошествие и движение смотряху небеснаго круга, гадающе к людской жизни вѣка сего настоящей, — или тщету, или гобъзование[4], — и тою мудростию своею уподобляхуся Богу, мнящеся вся знати.

Якоже древле рече диявол: «Поставлю престолъ мой на небеси и буду подобен Вышнему»,* тако и сии глаголют: «Мы разумѣемъ небесная и земная, и кто намъ подобен!» И взимахуся блядины дѣти выше облак, слово въ слово, яко и сотона древле. Сего ради отверже ихъ Богъ: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наслѣдовати спасение.*

Вси христиане от апостолъ и от отецъ святых научени быша смирению, и кротости, и любви нелицемѣрной; с вѣрою непорочною, и постом, и смиренною мудростию, живуще в трезвости, достизаютъ не мудрости внѣшния, — поразумѣвати и луннаго течения, — но на самое небо восходятъ смирением ко престолу Царю славы, и со аггелы сподобляются славити Бога; души ихъ во благихъ водворятся, а тѣлеса их на земли нетлѣнни быша и есть.

[1] гадатели; [2] астрологи; [3] обольститель; [4] изобилие.

Вижди, гордоусецъ[1] и алманашникъ, твои ли Платон и Пифагоръ? Тако их же, яко свиней, вши съѣли, и память ихъ с шумом погибе, гордости ихъ и уподобления ради къ Богу. Мои же святии смирения ради и долготерпѣния от Бога прославишася и по смерти обоготворени быша, понеже и тѣлеса их являют въ них живущую благодать Господню, чудесми и знаменьми, яко солнце, повсюду сияют. Вижди, безумный *зодийщикъ*, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносите Богу и Творцу всѣх: токмо насыщатися, и упиватися, и баб блудити ваше дѣло. Прости, не судя глаголю, к слову прилучилось. Не ваше то дѣло, но бѣсовское научение. Плакати о вас подобаетъ, а не ругати: понеже плоть от плоти нашея, и кость от костей наших, тѣла нашего и уди отчасти.

Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи! Увы, приятели и сродство! Уже бо разлучишася от святых здѣ и в будущем вѣцѣ. Как о вас не плакать? Плачю, рече, яко взял вас живых диавол и не вѣм, гдѣ положити хощет! Явѣ есть: сводит в преглубокий тартаръ, и огню негасимому снѣдь будет.

Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никониянъ, окаянной, — толстъ вѣдь ты! Как в дверь небесную вмѣстится хочешь! Уска бо есть, и тѣсенъ и прискорбен путь, вводяй в животъ[2].* Нужно[3] бо есть Царство Небесное и нужницы[4] восхищаютъ é, а не толстобрюхие. Воззри на святыя иконы и вижде угодившия Богу, как добрыя изуграфи подобие их описуют: лице, и руцѣ, и нозѣ, и вся чувства тончава и изможцала от поста, и труда, и всякия им находящия скорби. А вы нынѣ подобие их перемѣнили, пишите таковых же, якоже сами: толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки яко стулцы. И у и кажнево святаго, — спаси Богъ-су вам, — выправили вы у них морщины-те, у бѣдных: сами онѣ в животѣ своем не догодались такъ здѣлать, как вы их учинили!

Помните ли, на сонмицы-той лукавой,* пред патриархами-теми вселенскими, говорите мнѣ Иларион и Павел.* «Аввакум милой, не упрямся, что ты на руских святых указываешь — глупы наши святыя были и грамотѣ не умѣли, чему имъ вѣрить?» Помните, чаю, не забыли, как я вас бранить стал, а вы меня бить стали! Разумныи *свиньи*! Мудрены вы со дияволом! Нечево много говорить, розсужать. Да нечево у вас доброму человѣку и послушать: все говорите, как продать, как купить, как ясть, какъ пить, как баб блудить, какъ во олтарѣ робят за офедрон хватать. А иное мнѣ и молвить тово сором, что вы дѣлаете, знаю все ваше *злохитрство*, собаки, бляди, митрополиты, и архиепископы, никонияна, воры, прелагатаи[5], другия нѣмцы руския! Святых образы измѣнили, и вся церковныя уставы и поступки. Да еще бы християном милым не горко было! Он, бѣдной, мается шесть-ту дней на трудах, а в воскресной прибѣжит во церковь помолити Бога и труды своя освятити, ано и послушать нечево: по-латынѣ поютъ плясавицы скоморошьи! Да еще бы в огонь християнин не шел! Згорят-су

[1] спесивец; [2] жизнь вечную; [3] Трудно достичь; [4] страдальцы; [5] изменяющие правила и обряды.

всѣ о Христѣ Исусѣ, а вас, собакъ, не послушают. Да и надобѣ так правовѣрным всѣмъ: то наша и вѣчная похвала, что за Христа своего и за святых отецъ предания згорѣть, да в будущем вѣце вѣчно живи будем о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, ему же слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком, аминь.

Из беседы восьмой

⟨...⟩ Сей Мелхиседекъ,* живый въ чащы лѣса того, в горѣ сей Фаворстей, 7 лѣт, ядый вершие древ, а вмѣсто пития росу лизаше, прямой был священникъ, не искал ренских, и романѣй, и водок, и вин процеженных, и пива съ кордамоном, и медов малиновых и вишневых, и бѣлых всяких крѣпких.

Другъ мой Иларион, архиепископъ Резанской, видиш ли, как Мелхиседек-от жил? На вороных в коретах не тѣшился, ѣздя! Да еще был царские породы. А ты кто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенокъ! В корету сядетъ, ростопорщится, что пузырь на водѣ, сидя на подушкѣ, розчесав волосы, что дѣвка, да ѣдет, выставя рожу, по площадѣ, чтобы черницы-ворухи и униятки любили. Ох, ох, бѣдной! Некому по тебѣ плакать! Недосътоин суть вѣкъ твой весь Макарьевскаго монастыря единоя нощи. Помниш ли, как на комарах-тѣх стаивано на молитвѣ? Явно ослѣпил тебя диявол! Гдѣ ты ум-от дѣвал? Столко добра и другов погубил? На Павла митрополита что глядишъ? Тот не живалъ духовно — блинами все торговалъ, да оладьями, да какъ учинился попенком — по боярским дворам научился блюдолизить, не видал и не знает духовнаго жития. А ты, мила голова, нарочитъ бывал и бѣсов молитвою прогонялъ. Помнишь, каменьем тѣм в тебя бросали на Лысковѣ * том у мужика тово, как я к тебѣ приѣзжал? А нынѣ ужъ содружился ты с бѣсами тѣми, мирно живешъ, въ коретѣ с тобою же ѣздят, и в соборную церковь и в Верхъ ко царю под руки тебя водятъ, любим бо еси им. Как им тебя не любить? Столко християнъ прижег и *погубил* злым царя наговором, *еще же и учением* своим лстивым и пагубным многих неискусных во ад сведе! Никтоже ин от властей, якоже ты, ухищрением басней своих и пронырством царя льстишь и люди Божия губишь. Да воздастъ ти Господь по дѣлом твоим в день Страшнаго суда!

Полно нынѣ говорить. Хощу от вас нынѣ терпить. Якоже образ даде нам Христос, терпя от жидов: тако и мы нынѣ от вас не стужаем[1] — терпимъ о Христѣ до смертнаго часа. Хощу и всѣх, да же постражут, якоже и мы, а мы якоже и Христос, от вас, новых жидовъ.

Иларион! Не лгу вѣдь я — сердиты были и жиды-те, якоже и вы: Исаию пилою претерли,* Иеремию* в калъ ввергли; Науфея камением побили,* Захарии главу отрѣзали в церквѣ,* якоже и вы меня, стригше в церквѣ, браду от-

[1] не тяготимся.

рѣзали; напослѣдокъ и самого сына Божия убили, истинну им свидѣтелствующа; архидиякона Стефана камением побили,* Иякова, брата Иоаннова, *мечем* скончали.* Да и много у них стрепни той было — почтите токо. И вы не менше их наклочили[1] бѣды той, людей тѣх перегубили, мняся службу приносити Богу. Мнѣ сие гораздо любо: Русская освятилась земля кровию мученическою. Не ленитеся, бѣдныя, подвизайтеся гораздо, яко Махмет, подклоняйте под меч непокоряющихся в вѣру вашу,* да и по смерти своей, яко Иродъ древле, прикажите владыкъ и старѣйшин галилейских на память кончины своея побить.* Да и пускай плачет Израиль, в день умертвия вашего поминая мерътвыя своя.

⟨...⟩ Молю убо и аз, юзник,* вас всѣх, страждущих о Христѣ: претерьпим мало здѣсь от никониян, да вѣчно *возвеселимся*. С нимъ и мы возрадуемся: нынѣ же в зерцалѣ и гадании,* таможе со Христом лицем к лицу. Нынѣ нам от никониян огнь и дрова, земля и топоръ, и нож и виселицы, тамо же — аггельския пѣсни и славословие, хвала, и радость, и честь, и вѣчное возрадование. Яра[2] нынѣ зима, но тамо сладокъ рай. Болѣзненно терпѣние, но блаженно восприятие. Да не смущается сердце ваше, ни *устрашаетъся*. Слышите Господем реченное: «Блажени плачющии, яко тии утѣшатся* и многими скорбми подобает нам внити во Царство Небесное».* Не начный блажен, но скончавый:* претерпѣвый до конца, той спасен будет.*

Всяк вѣрный не развѣшивай ушей-тѣх и не задумывайся: гряди со дерзновениемъ во огнь, и *с* радостию Господа ради посътражи, яко добръ воин Исусъ Христов, правости ради древних книг святыхъ! И мы с тобою же, вкупѣ Бога моля и пречистую владычицу нашу, Богородицу, и всѣх святых уповаем: конечно: не оставит нас Господь и Богомати. Аще нас и мучат и губят, а сами дрожат, шлюсь на их совѣсть нечистую. А праведник, уповая, яко лев рыкая, ходит,* не имать попечения ни о чем, токмо о Христѣ.

Станем, братия, добрѣ, станемъ мужески, не предадим благовѣрия! Аще и покушаются никонияна нас отлучить от Христа муками и скорбьми; да статочное ли дѣло изобидить[3] им Христа? Глава наша Христосъ, утверъжение наше Христосъ, прибѣжище наше Христосъ.

Апостолъ рече: «Вы тѣло Христово и уди отчасти».* Слыши, что онѣ сдѣлаютъ намъ?

⟨...⟩ А я, братия моя, видал антихриста тово, *собаку* бѣшеную, — право, видал, да и сказать не знаю как. Нѣкогда мнѣ печалну бывшу и помышляющу, какъ приидет антихристъ, враг послѣдней, и коим образом, да сидя, молитвы говоря, и забылся, понеже не могу стояти на ногах, — сидя молюсь окаянной. А се на полѣ на чистом много множество людей вижу. И подле меня нѣкто стоит. Я ему говорю: «Чего ради людей много в собрании?» Он же отвѣща: «Антихристъ грядет, стой, не ужасайся!» Я подперся посохом двоерогим своим, прото-

[1] раскидали; [2] Яростна; [3] унизить.

попским, стал бодро, ано ведут ко мнѣ два в бѣлых ризах нагова человѣка — плоть-та у него вся смраду и зѣло дурна, огнем дышетъ, изо рта, изъ ушей и из ноздрей пламя смрадное исходит. За ним царь нашъ послѣдует и власти со множеством народа. Егда ко мнѣ привели его, я на него закрычал и посохом хошу его бить. Он же мнѣ отвѣщал: «Что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладать, но по волѣ послѣдующихъ ми, сихъ во области держу». Да изговоря, пал предо мною, поклонился на землю. Я плюнул на него, да и очютился[1], а сам вздрогнул и поклонился Господеви. Дурно силно мнѣ стало и ужасно, да нечево на то глядѣть. Знаю я по писанному о Христѣ без показания: скоро ему быть. А выблядков тѣх ево уже много, бѣшеных собакъ. Насъ же да избавит от них Христосъ, Сынъ Божий, емуже слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣком. Аминь.

Из беседы десятой
Бесѣда о наятых дѣлателех

⟨...⟩ В Лукѣ, 83: «Нищъ же бѣ нѣкто именем Лазарь, иже лежаше пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупиц, падающихъ от трапезы богатаго. Но и пси, приходяще, облизаху гной его. Бысть же умрети нищему, и несену быти аггели на лоно Авраамле. Умре же богатый, и погребоша его. И во адѣ возвед очи свои сый в муках, узрѣ Авраама издалеча и Лазаря в нѣдрѣхъ его. И той возглашъ, рече: „Отче Аврааме, помилуя мя, и посли Лазаря, яко да омочит конецъ перъста своего в водѣ и устудитъ языкъ мой, яко стражду в пламени сем". Рече же Авраам: „Чадо, помяни, яко восприялъ еси благая твоя в животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши. И над всѣми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии преити отсюду к вамъ не возмогут, ниже оттуду к нам преходят". Рече же богатый: „Молю тя, отче, да послеши его в дом отца моего, имам бо пять братий, яко да засвидѣтелствует им, да не и тии приидут на мѣсто се мученное". Глагола ему Авраам: „Имут Моисея и пророки, да послушают их". Он же рече: „Ни, отче Аврааме, но аще кто от мертвых идетъ к ним, покаются". Рече же ему: „Аще Моисея и пророкъ не посълушаютъ, ниже аще кто от мертвых воскреснет, не имутъ вѣры"».*

Видите ли, братия, како смири его мука? Прежде даже пред очима не видѣлъ Лазаря гнойна, а нынѣ *зритъ* издалеча, и мил ся дѣетъ ко Аврааму, а Лазарю говорить сором, понеже не сотворилъ добра ничтоже. Возьми — пойдет Лазарь в огонь к тебѣ с водою! Каков сам был милостив! Вотъ твоему празднеству отдание! Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленые[2]

---

[1] в чувство пришел; [2] изысканно приготовленные.

куры: вот тебѣ в то мѣсто жару въ горло, губитель душе своей окаянной! Я не Авраам — чадом не стану звать: собака ты! За что Христа не слушалъ, нищих не миловалъ? Полно-то милостивая душа Авраам-отъ миленькой — чадом зовет, да розговаривает бутто з добрымъ человѣком. Плюнуль бы ему въ рожу ту и в брюхо-то толстое пнулъ бы ногою!

Да что тово много говорить? — по себѣ я знаю: хотя много надосадит никониян, да какъ пришлетъ с лестию бывало: «Вѣдаю твое чистое, и непорочное, и богоподражателное житие, помолись о мнѣ, и о женѣ, и о дѣтях, и благослови нас!» — так мнѣ жаль станетъ, плачю пред Богом о нем. Да и нынѣ ево жаль, не знаю, што.* Завелъ ево собака Никон за мысъ, а то он доброй человѣкъ былъ, знаю я его. Полно тово.

ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ И НРАВОУЧЕНИЙ»

(ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА 44-й ПСАЛОМ)

⟨...⟩ Псалом: «Помяну имя твое во всяком родѣ и родѣ. Сего ради людие исповѣдятся тебѣ в вѣкъ и в вѣкъ вѣка».* Толк: Зри, и намъ поминати имя Господне, великимъ и малымъ, во всякомъ родѣ и апостольски по Христѣ жити.

Да и есть в нашемъ родѣ; на них зря людие исповѣдятся Богу в вѣкъ и в вѣкъ вѣка непрестанно, наипаче же в нынѣшнѣе время в нашей Росии сами в огонь идутъ от скорби великия, ревнуя по благочестии, яко древле апостоли не жалѣютъ себя, но Христа ради и Богородицы в смерть идутъ, да вѣчно живи будутъ. А как, су, не ити в огонь християнскому роду? Богородицу согнали с престола* никонияня-еретики, воры, блядины дѣти! Да еще бы не горко християнину! Горко, су, будет, не покручинся! У християнъ толко и надежи она, Упование, с Сыномъ своимъ и Богомъ, а еретики с престола збросили и *обезчестили!* Ну, попъ-еретикъ, с чемъ о *Великом* дни* приидешъ на дворъ ко християнину? Ни креста Христова в руках нѣтъ, ни образа Богородична! По польскому обычаю крыжокъ из зепи[1] вынешъ, и благословлять, смѣяся, станешъ? Охъ, воры, блядины дѣти! Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены! Воли мнѣ нѣтъ да силы, — перерѣзал бы, что Илия-пророкъ студных и мерских жерцовъ всѣх, что собакъ! А к чему ихъ блюсти! Тушны уже гораздо, упиталися у трапезы Иезавелины!* И держаще учение Валаамово, иже учаше Валака положити соблазнъ пред сыньми Израилевыми, ясти жертвы идольския и любы творити. Ей, прямо такъ, не затѣялъ я! Чти Книги 4-я Моисеовы, глава 24. Слово в слово такъ же и нынѣ: в Ферапонтове монастырѣ новой Валаам-блудодѣй, царя тово развратилъ* и выблядков тѣх наплодилъ. Знаете ли, вѣрнии? Никонъ прескվернѣйший, от него бѣда та на Церковь ту пришла. Как бы доброй царь, повѣсилъ бы ево на высокое древо, яко древле Артаксерксъ Амана,* хотяща погубити Мардохѣя и род Израилевъ искоренити. Миленкой царь Иванъ Васильевичь* скоро бы указ здѣлал такой собакѣ. А то чему быть! Умъ отнял у милова, у нынѣшняво, какъ близ ево былъ. Я веть тогда тутъ былъ, все вѣдаю. Всему тому сваха — Анна Ртищева* со дьяволомъ. Какъ ево причастилъ антидором* — такъ с тѣх мѣстъ[2] возьми да понеси, да ломай все старое, давай новую вѣру римскую! И прочая ереси клади в книги! А кто обрящется противенъ — того осуждай в ссылки и в смерть, сажай живых в землю!

Разумѣете ли, вѣрнии, антидор-отъ помянул я? Слушайте-тко, я поговорю с вами. Антидор глаголется противный даръ, «анти» — «противление» пишется. Мочно вамъ и по сему разумѣть: Христосъ, Сынъ Божий, — спаситель

---

[1] крест из кармана (сумки); [2] с того времени.

душам, антихристъ — разоритель и навѣтникъ душам, противникъ истинному Христу. Того ради предложение ему — «анти», еже есть противникъ, потомъ «христъ», сирѣчь царь же будетъ, поганецъ, скверною помазанъ. Во Израили помазувахуся цари и архиереи от рога, полагаемаго на главу. Просто молвить: рогъ в церкви повѣшонъ, налитъ масла древянаго, и человѣка тово под него подведутъ; аще достоинъ поставления, — такъ над нимъ масло то и закипит в роге том; тѣмъ масломъ и мажутъ поставляемаго; того ради глаголется помазанецъ. Христос же, Богъ нашъ, сего не требоваше человѣческаго поставления и дѣйства церковнаго, но свыше от Отца помазанъ Духом Святымъ и исполнь благодати и истинны. Сего ради именовася Христосъ, или Помазанецъ, или Царь, понеже воцарися над грѣхомъ, смертию своею убивъ грѣха, и плененыя вся свободи, понеже царствоваше грѣхъ и не на согрѣшьших от Адама и до Моисея, а от Моисея и до Христа. Христосъ же и всѣмъ вѣрным свободу дарова, уже грѣх к тому не обладаетъ нехотящих повинутися ему. Нынѣшным приходом матерь убилъ, а вторымъ пришествием и сына убиетъ, еже есть — и смерть упразнитъ. Есть и Златаустъ в словѣ на июдея* от Христова лица такъ же говорит: «Азъ есмь матерь убилъ, сына ли не заколю? Ей, всяко упражню»[1]. Ищи в Маргаритѣ, кому надобе. А противникъ, сирѣчь антихристъ, паки оживитъ грѣха, понеже грѣходѣлатель, человѣкъ беззаконию, сынъ погибели, противникъ во всемъ Сыну Божию. Христосъ, Богъ нашъ, Сынъ, Слово превѣчное Отчее, излиявъ себе от Отеческихъ нѣдръ неотлучным Божествомъ, яко от солнца луча или свѣтъ сниде на землю во утробу Приснодевыя Пречистыя. И бысть той свѣтъ вмѣсто сѣмени, якоже пишетъ сице Григорий, папа Римский: «И плоть во утробѣ и душу восприятъ Духа Святаго осѣнениемъ, и от Марии-Девы вочеловѣчився».

А противникъ, еже есть антихристъ, зачнется от блуда, от жены жидовки, от колѣна Данова. Мнит ми ся, самъ сатана зблудитъ с нею симъ подобиемъ якоже змѣи нынѣ лѣтають к женамъ,* дьявольской же духъ. И дастся зачатому душа за плоть матерню. А хотя и басурманъ зблудитъ, ино тотъ же поганецъ, — духом своимъ дьявол помажетъ ево, такъ и стал помазанецъ. Исперва будетъ казатися людямъ кротокъ, и смиренъ, и милостивъ, и человѣколюбивъ, слово в слово, какъ Никонъ, ближней предотеча его, и плакать гораздъ. Я ево высмотрилъ, дияволова сына, до мору тово еще, — великой обманщикъ, блядинъ сын! Какъ то при духовникѣ том, Стефанѣ,* здыхаетъ, как то плачетъ, овчеобразный волкъ! В окно ис полат нищим денги бросаетъ, едучи по пути нищим денги золотые мечетъ! А мир-отъ слѣпой хвалить: «Государь, такой-сякой, миленкой! Не бывалъ такой от вѣку!» А бабы молодые, — простите Бога ради, — и черницы, в полатах тѣх у него веременницы[2], тѣшатъ его, великаго государя прескверънѣйшаго! А онъ ихъ холоститъ, блядей! У меня жила Максимова попадья, молодая жонка, и не *выходила* от него: тогда-сегда дома побываетъ, воруха[3], всегда

[1] упраздню, уничтожу; [2] фаворитки, любовницы; [3] обманщица.

весела с водокъ да с меду; пришед, пѣсни поетъ: «У святителя государя в ложнице[1] была, *вотку пила!*» А иные рѣчи блазнено и говорить. Мочно вамъ знать и самимъ, что прилично к блуду. Простите же меня за сие. И болши тоя бездѣлицы той вѣдаю, да плюнуть на все! Слово в слово, таков-то антихрист-отъ будетъ. Льстивъ сый исперва, а егда поставятъ его царемъ, и убиетъ трех царей, египетскаго, ливийскаго, ефиопскаго, и оттолѣ звѣрообразенъ будетъ, и жестокъ, и немилостивъ. Тайну ту откроетъ сердечную злобную, да понесетъ пластать да вѣшать. А люди те омраченные страха ради и прещения пуще величаютъ: «Благочестивѣйший, тишайший, самодержавнѣйший, государь нашъ природной, праведной, будь здравъ на многа лѣта!»* Да и на обѣднях тѣх такъ же величаютъ. Обѣдни тѣ у них уже не по-нашему будутъ: гдѣ прибрело, тутъ и обѣдня! Не в церквѣ у престола пред образомъ Пречистыя Богородицы, но литонъ* разославше и в заходе[2] и вездѣ — обѣдня, какъ никонияня напечатали нынѣ во своих книгах. А прежде его антихристова царства приидутъ паки на землю плотию Илия и Енохъ со Иваномъ Богословом.* И полъчетверта года проповѣди ихъ будетъ к человѣкомъ, таже антихриста со дерзновением *обличать* потонку[3] лесть его станутъ. Онъ же убиетъ ихъ и повержетъ на пути града телеса ихъ. Онѣ же, мертвы лежавше полчетверта дни, паки оживутъ пред всѣми людми и взыдутъ на небо. А антихристъ не глядитъ на то, свое содѣваетъ, мороча людей, чюдеса же творитъ, в обманъ *прельстивше*, и иных царей к себѣ подклонитъ да розсылаетъ по всей земли посланниковъ своих, собирая людей, и удивляетъ, блазня, омраченных невѣжд. Правовѣрнии же разумѣютъ его, яко той есть прелесникъ, о немже писано есть. Всяко постражуть, миленкие, и от самого и от прикащиковъ его, как то и нынѣ: и на Москвѣ жгутъ, и по городомъ жгутъ, митрополиты и воеводы, вездѣ ихъ воля и сила! Дѣло-то ево и нынѣ уже дѣлаютъ, толко послѣдне-етъ чортъ не бывалъ еще, явитися ему во свое ему время. Павелъ пишетъ:* «И нынѣ одержащее вѣсте[4]»; вотъ, какъ выше говорилъ, строка 5-я, и 6-я и 7-я, и 8-я, точию *держаяй* нынѣ, дондеже от среды будетъ[5]; сирѣчь как, де, изведется Римская держава, тогда и беззаконникъ явится.

Да что, петь, *Симеон* миленкой, много толковать тово про антихриста тово? Пора на него и плюнуть! Одно знай: тайна уже дѣется беззаконию; не нынѣ началася. Златаустъ глаголетъ на июдея в Маргаритѣ, разсуждаетъ и Антиоха Египетскаго,* мучившаго Маковѣовѣ и осквернившаго частости, сирѣчь в Соломоновѣ церкви повседневное служение, и поставившего кумир свой на мѣстѣ святѣ, идѣже не подобаетъ стояти. Златаустъ его антихристомъ же зоветъ, понеже, де, и имя противное содержитъ: «анти», еже есть противникъ, а «охъ» — обладатель. Охнулъ от него Израил-етъ бѣдной! Прочти-тко Книги тѣ Макковейские в Библѣе той — уразумѣешь о немъ, какъ онъ кудесилъ! Не мен-

[1] спальне; [2] отхожем месте; [3] тщательно; [4] знаете, что сдерживает его сейчас; [5] задержан сейчас, до тех пор пока не придет время появиться на свет.

ши антихриста осквернения тово надѣлалъ закону Божию. Все одны черти, блядины дѣти, и тогда, и нынѣ, и до кончины. Всегда от нихъ подобает стрещися и бдѣти, по писанному: «Блаженъ бдяй и стрегий ризы своя, да не нагъ ходитъ».* Хотя маленько оплошися — тотъчас ограбятъ донага и сволокутъ ризу святаго крещения, такъ сталъ игралище бѣсомъ и не попалъ никуды, только развѣ в пеклъ огненный, с ними по-римски вѣруя. Премолкнем о семъ и приимемъ первое речение о антидорѣ.

Сие просвиру Никонъ вынимаетъ самъ в обѣдню пред переносомъ, а что над нѣю дѣйствуетъ, онъ знаетъ тѣ стихи, — смолода тому научен в Низовкѣ деревнѣ, — от моей родины та деревня недалеко, верст с пятнадцать, я знаю много тамъ таких чародѣевъ. А онъ дѣтинка — бродяга былъ, и у Макария Желтоводцкаго поводился в крылосѣ, — Никитка Минин.* А таки одва не татарка ли ево, *Симеон*, родила, — тамъ веть татаръ тѣхъ много. Да плюнем на него! Кто ево ни родил, однако[1] — блядинъ сын; от дѣлъ звание приемлетъ. Блядь — пишется ложъ. Правда — от Бога, а ложъ от диявола. Сын онъ дьяволь, отцу своему, сатанѣ, работаетъ и обѣдни ему по воли ево строитъ, над просьфирою тою молитву батку тому своему говорить перед переносомъ тѣм. Знаешъ, любимой даръ среди обѣдни той счинитъ[2], да какова жалуетъ, любит, тѣх и причащает имъ. Соверша обѣдню, да и маслом мажет причастников своей сквернѣ, прибѣгших къ ево милости. «Самъ государь трудится, святитель! Какъ лишитися такой святыни!» Да так-то мир-от мажет и сквернитъ.

Да такая бѣда: ково помажет, тот и измѣнится умом тѣм, явно омрачает. Или антидором тѣм накормит, такъ и пошелъ по нем. Есть протопопъ, Ермилом зовут, ярославской, доброй человѣкъ и мнѣ другъ давной, да ум-от у него не крѣпокъ. Поборник был по Церквѣ, да омрачился от мази той и антидора тово! Нѣкогда пришли мы с ним вмѣсте в соборную церковь, такъ бѣжитъ к маслу тому! И я ему браню: «Пошто ты идешъ, Ермилъ?» И онъ мнѣ: «Да какъ же, братец! Я не могу тово учинить, чтобы мнѣ не помазатися!» Я ево ухватил, чтобы не пустить, — и онъ дрожит, стоя. Я и пехнул: «И ты, — рѣку, — гори во огнѣ с ними заодно!» Так-то и царя тово врагъ Божий омрачилъ, да к тому величает, льстя, на переносѣ: «Благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго государя нашего, такова и сякова, великаго болши всѣх святых от вѣка! — да помянетъ Господь Богъ во Царствии своем, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» И «вѣков» тѣх, — и то в Кириловѣ книги описуетъ ересь:* малое, де, слово сие, да велику ересь содержит. А цар-етъ в тѣ поры чается и мнится бытто и впрямь таковъ, святѣе ево нѣтъ! А гдѣ пущи гордости той! Мерско Богу гордѣливаго и доброе дѣло, колми[3] же блудня и слабоумие, истинну в неправдѣ содержаще! И безплотных на небеси не пощадилъ Богъ за гордость и неправду, якоже Иезекѣиль-пророкъ* глаголетъ, — херувим из среды огня изверженъ бысть,

[1] одинаково, все равно; [2] учинит, приготовит; [3] особенно.

зане обрѣтошася неправды в нем.* Колми же берна[1] человѣка не пощадить Богъ за гордость и неправду! Прежде во Православной церкви на переносѣ не так бывало, но ко всему лицу мирскому глагола дьяконъ и священникъ: «Всѣх вас да помянетъ Господь Богъ во Царствии своем, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком». А до царя дошед, глаголютъ: «Да помянетъ Господь Богъ благородие твое во Царствии своемъ». А к патриарху пришедъ: «Да помянетъ Господь Бог святительство твое во Царствии своемъ». А не в лице говорили именем его, посылая во Царство Небесное. Буде онъ и грѣшенъ, ино род его царевъ православенъ, а в роду и святой обрящется. Тако и патриархъ: аще и согрѣшитъ нѣчто, яко человѣкъ, но святительство непорочно. А нынѣ у нихъ все накось да поперегъ: жива человека в лице святымъ называй — коли не пропадетъ? В Помяннике* напечатано сице: «Помолимся о державном святомъ государѣ царѣ». Вотъ, какъ не бѣда человѣку! А во Отечниках* писано: «Егда, де, человѣка в лице похвалишъ, тогда сатонѣ его словом предаешъ». От вѣка нѣсть слыхано, кто бы себя велѣлъ в лице святымъ звать, развѣе Навходоносоръ Вавилонский!* Да досталось ему, безумному! Седмь лѣтъ быкомъ ходилъ по дубравѣ, траву ядше, плачючи. Да хорошо! Слава Богу о семъ! Какъ простилъ Богъ слез тѣхъ ради, такъ потомъ гордѣусу тому воля давать! Не сталъ уже *роздуваться*, но и до смерти сѣменми питашеся. А то и приступу не было: «Богъ есмь азъ! Кто мнѣ равенъ? Развѣ небесной! Онъ владѣетъ на небеси, а я на земли равенъ ему!» Так то и нынѣ близко тово. Мужика нарядя архангеломъ Михаиломъ* и сверху в полатѣ пред него спустя, вопросили: «Кто еси ты и откуды?» Онъ же рече: «Азъ есмь архистратигъ[2] силы Господня, посланъ к тебѣ, великому государю!» Такъ ево заразила сила Божия, мраковиднова архангела, — пропал душею и тѣломъ! Да не узнается; онъ свое совершает! Горе да толко с нимъ! Житье было и нарочито[3] исперва, да росказилъ собака Никонъ-еретикъ, яко Адоний Льва Арменина или яко Саторнилъ Василия Македонянина.* А истѣе[4] рещи, такие же псы были: Уалент, *и Ариан*, и Македоний; при Феодосии царѣ,* сьели было ево, бѣднова, аще бы не Амфилогий Иконийский пробудилъ. Да што Феодосий Великий! Не прочиталъ книгъ звѣздочетных, ино ему и не запинало[5] к покаянию. А здѣсь — привели на всю бездѣлицу, нужно ему стало; сумнюся: насилу обрящет ли мѣсто покаяния? Много мучительства сотворилъ, и крови неповинныя рѣки потекли. Во Апоколипсисе писано: «Аще кто в пленение ведетъ, в пленение да идетъ, а аще кто мечемъ убьетъ, подобаетъ ему убиенну быти».* Писание не лжет, будетъ так!

Праведенъ суд Божий! Терпитъ Господь, наказуя, ожидаетъ обращения. Манасии пятдесятъ лѣтъ терпѣлъ да дождался. Такъ же шаловалъ, дурачищо, Бога отступя, и на высоких жралъ[6],* сирѣчь на горах болванам кланялся.

---

[1] бренного; [2] военачальник; [3] хорошо; [4] правильнее; [5] не препятствовало; [6] совершал жертвоприношения.

Исайя-пророкъ, велегласная труба, такъ же ему журилъ, какъ и нынѣ бывает, и онъ ево наполы[1] древяною пилою перетеръ.* «На-вось! Не указывай намъ, великому государю! На насъ то положено!» А кто положилъ? В коих правилах писано царю церковию владѣть, и догматы измѣнять, и святая кадить? Толко ему подобаетъ смотрить и *оберегать* от волкъ, губящихъ ея, а не учить, какъ вѣра держать и какъ персты слагать. Се бо не царево дѣло, но православных архиереовъ и истинных пастырей, иже души своя полагаютъ за стадо Христово, а не тѣх, глаголю, пастырей слушать, иже и такъ и сякъ готовы на одномъ часу повернутца. Сии бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинных крови пролияти и исповѣдниковъ православныя вѣры во огнъ всаждати. Хороши законоучителие! Да што на них дивить! Таковыя нарокомъ[2] наставлены, яко земьские ярышки[3], — что имъ велятъ, то и творятъ. Толко у них и вытвержено: «А-се, государь! Во-се, государь! Добро, государь!»

Мѣдьвѣдя Никонъ, смѣяся, прислалъ Ионѣ Ростовскому на дворъ,* и онъ челомъ медвѣдю, — митрополитищо, законоположникъ! А тутъ же в сонмице[4] с палестинскими* сидитъ, бытто знаетъ! А о Павле Крутицком* мерзско и говорить: тотъ явной любодѣй, церковной кровоядецъ и навадникъ[5], убийца и душегубецъ, Анны Михайловны *Ртищевой* любимой владыка, подпазушной пес борзой, готовъ зайцовъ Христовых ловить и во огнь саждать. Добро, су, други! Пришла ваша година и область[6] темная! Творите, еже хощете! Нѣчева много говорить, не пособить, подождать воли Господни, аже умилосердится о нас, бѣдных, и услышитъ плачь вопиющих к нему день и нощь. Надѣюся, яко прекратить дние сии за молитвъ святых отецъ наших и подастъ рабомъ своим отраду и утѣху. Да и при Манасии жерцы тѣ такъ же шурмовали. Да какъ самово выдал Богъ персамъ, такъ и всѣ скуталися[7], и хвосты тѣ — воскрылия риз своих — прижали. А Манасию татаровя в конобь[8] всадили, самово изжарить хотѣли, какъ онъ жарилъ во Израили глаголющих истинну и правду. Видитъ бѣду свою неминучюю, яко не помогутъ боги, стоящии на горахъ высоких, притече душею ко истинному Богу, животворящему мертвыя, и возопи, в конобѣ медянѣ сидя: «Господи Вседержителю, Боже Отецъ наших, Авраамовъ, и Исааковъ, и Ияковль», и прочая. Вотъ, пророкъ Давыдъ не солгалъ, рекше: «Броздами и уздою челюсти ихъ востягнеши, не приближающихся к тебѣ».* Слава тебѣ, Господи! Любо и мнѣ; хорошо такъ, Христе, Сыне Божий! А то з дуракомъ ладу не было, все преломалъ на свой ладъ, и Сына Божия попралъ, и кровь завѣтную[9] осквернилъ; а в котлѣ том узналъ Авраамова Бога! И Авраамъ отецъ стал! А до тово глупым звалъ, какъ и в Московском сонмѣ: «Глупы, де, были руские наши святые, грамотѣ неумѣли!» Такъ и тамъ было. Господь милостивъ, покаяния

---

[1] пополам; [2] специально, нарочно; [3] судебные слуги; [4] вместе; [5] клеветник; [6] власть; [7] переносно: притихли; [8] котел; [9] т. е. кровь Нового Завета, подразумевается кровь Спасителя.

ради избави его от смерти: разсядеся конобъ, и ангелъ восхитя ево и принесе во Иеросалимъ. Ну же онъ жерцов[1] тѣх душить, и живых и мертвых! «От вас, де, разорение се, и мнѣ была кончина! Воры, де, блядины дѣти, с ума меня свели!»

А самъ гдѣ былъ? А то Исайя говорилъ, полно правитца[2]! Самъ такъ захотѣлъ: новой законъ блядивой положилъ, а отеческой истинной отринулъ и обругалъ. Кто бы тя принудил? Самовластенъ еси* и Священная Писания измлада умѣеши, могущая тя умудрити во спасение твое; да не восхотѣлъ послѣдовати учению отца истиннаго духовнаго твоего, но приялъ еси змию, вогнѣздящуюся в сердце твоем, еже есть тогда и днесь *побѣдитель, Никон.** Кайся вправду, Манасия! Не гляди на Озию, во отчаянье пришедша, дерзнувшаго святая покадити, но зри на Богоотца царя и пророка Давыда.* Егда изочте Израиля и прогнѣвалъ тѣмъ Бога, посланъ ангелъ и уби от полка его в три часа 70 000. Давыдъ же плакаше и бияше в перси, глаголя: «Азъ, пастырь, согрѣших! Азъ тя, Господи, прогнѣвах, а сии овцы ничтоже о семъ разумѣютъ! Меня казни и домъ мой, а сихъ помилуй!» И умилосердился Господь покаяния ради царева, повелѣ ангелу престать от пагубы людцкой. Виждь, началних согрѣшения какову бѣду миру наноситъ — тогда, и нынѣ, и во вѣки.

А в нашей Росии въ 20 въ 3 лѣта, отнележе[3] врагъ развратилъ Церковь,* и внесены быша еретические уставы, много пагубы бывало: моръ на всю землю, и сѣча, и междоусобие,* и кровь безпрестанно льется, за начальничьи игрушки! А еретики ему блазнятъ и лагодятъ[4], глаголя: «Яко на кроткова, государь, Давыда, напасти и бѣды на тебя и на царство твое бываютъ». А не молвятъ такъ: «Что, де, государь, войны тѣ и смущение во царствѣ том, яко при Саулѣ царѣ, сынѣ Кисьсовѣ.* Нѣсть ли, де, и во твоей душе таковаго смущения, якоже и въ ево, Сауловѣ, мерзской? Осмотрися, де, государь, и прибѣгни с покаянием къ Богу, да милостивъ будет ти здѣ и в будущем вѣце, яко Манасии. Умилися, де, государь, яко Ахавъ, развративше Израиля, прибѣгни, яко блудница, воззови, яко хананѣя; припади, яко мытарь, бия в перси, и яко разбойникъ возопи:* „Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии си!"»* Да милостивъ будет ти Господь Богъ, не ревнуй[5] лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие,* зане, яко трава, скоро исшутъ[6] или, яко зелие злака, скоро отпадутъ. Престани, де, государь, проливати крови неповинных, пролей в то мѣсто слезы! Угаси пещъ, палящую рабовъ Христовыхъ в Боровскѣ и в Казани!* С воздыханиемъ из глубины сердца расторгни узы сидящих в темницах и изведи живых, закопаных в землю! Припади х колѣнома ихъ с покаянием, да умолятъ о тебѣ Бога, яко о Феофилѣ-иконоборце Мефодий* древле. Такъ же был миленкой Мефоди-етъ з двема разбойникома закопанъ в землю, яко и бояроня Морозова Феодосья. В Боровскѣ с прочими, в землѣ сидя, яко кокушка кокуетъ. Кокуй, бѣдная, небось

[1] жрецов; [2] оправдываться; [3] с тех пор как; [4] обманывают и потворствуют; [5] подражай; [6] высохнут.

ничево, вѣнцы мнози над тобою! И Евдокѣя-княгиня кокуй, и Марья Даниловых* кокуй, и прочии. Елицы во Христа крестишася, в смерть его крестихомся, спогребохомся убо ему крещениемъ в смерть. Да якоже воста от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни вѣчныя станемъ с нимъ в веселии и радости жити. Забудем вся сия навѣты, потерпимъ еще благодушнѣ Господа ради, дондеже совершится тайна. Тайна сия от вѣка и от родовъ в Бозѣ самомъ сокровенна, вашего страдания и брацкия скорби, якоже Златаустый пишетъ «О вочеловѣчении слово»: усмотрил Богъ Петра во Адамѣ, усмотрилъ и Павла; Павлу проповѣдающу учения слово, а Петру ввѣряемъ ключи Небеснаго Царства; и не радуется Богъ такъ о Адамѣ, кормимѣм в породѣ[1], якоже о Петре и Павлѣ, о двух камыках[2] и жемчюгах чюдных. Право, было такъ.

Да и нынѣ, Прокопьевна, немало веселие Богу, как вы кокуете, сидя закопаны в землѣ той. Пострижена ты уже нынѣча, инока скимница Феодора,* миленкая моя! Какъ то человѣку тому, душька та коему болна[3], всяко домышляется, еже бы не во тшету жизнь изнуряти! Хороша ты и такъ милостию Божиею была и без чернечества тово. А нынѣ и давно добро, кстае[4] плакать, силно ладно. Такъ же бы намъ надобно царя тово Алексѣя Михайловича постричь, бѣднова, да пускай поплачетъ хотя неболшое время. Накудесилъ много, горюнъ, в жизни сей, яко козелъ скача по холъмам, вѣтръ гоня, облѣтая по аеру, яко пернатъ, ища станы святых, како бы ихъ поглотить и во адъ с собою свести. Но спаси его, Господи, имиже вѣси судьбами своими, Христе, за молитвъ кокушек тѣх бѣдных, сидящих в землѣ.

Аще ли належитъ покаяние ему, — ты вѣси, буди воля твоя, а не моя! Азъ есмь червь, а не человѣкъ,* дерзаю паче человѣка, выше мѣры моея, угнѣтаемъ болѣзнию по души заблуждшей его, желая и ища от тебя, Всемилостиваго Спаса, исправления его. Нѣсть дивно, *еже праведника спасти, но преславно, иже грѣшника* помиловати, и в разум истинный привести.

Ты еси Богъ нашъ, иже водою и духомъ обновивый обѣтшавшее грѣхомъ естество наше.

Ты еси Богъ нашъ, иже водою потопивый при Нои грѣхъ.

Ты еси Богъ нашъ, иже морем свободивши от работы фараоня Моисеомъ род еврейский.

Ты еси Богъ нашъ, разразивый камень в пустыни, и потекоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущая люди своя насытивый.

Ты еси Богъ нашъ, иже водою и огнемъ при Илии пременивый Израиля от прелести Вааловы.* Самъ и нынѣ, Владыко, премени от прелести царя Алексѣя, беднова, от новаго Ваала, злодѣя Никона со дьяволом, и даждь ему очищение, и освящение, и душевное прозрѣние. Просвѣти свѣтом разума к познанию твоея истинны,* вдохни благая въ сердце его, да познаетъ тя, Сына Божия, и

[1] в раю; [2] камнях; [3] близка, чувствительна; [4] перестань.

прибѣгнетъ под кров покаяния; устави смущение души его, яко воды морьския, колеблющияся вѣтры зѣлними[1]; приими жертву его слезную паче, нежели Авелеву; приклони ухо твое к молению нашему, и возглаголи благая в сердца наша, отецъ наших и братий, о немъ, к тебѣ, Богу и Спасу всѣх, яко милостивъ еси и щедръ, Боже нашъ, и тебѣ славу возсылаемъ, в Троицѣ славимому Богу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

О, царю Алексѣе! Покажу ти путь к покаянию и исправлению твоему. Возри на царя Давыда, что сотвори, внегда вниде к Вирсавии, женѣ Уриевѣ, сирѣчь у живого мужа отнялъ жену и на постелю к себѣ взялъ. Такъ же вниде к нему Нафанъ-пророкъ, и глагола пророкъ пророку со дерзновениемъ: «Царю Давыде! Дажд-ми суд праведенъ на силнаго, имущаго у себя сто овец, и едина бысть овца у нѣкоего, онъ же, восхитя, и ту к себѣ привлече. Да судиши праведнѣ обидящаго со обидимым!» Давыд же отвѣща: «Сотворивый неправду повиненъ смертному осуждению». И глагола ему Нафанъ: «Царю Давыде! Ты сию неправду сотворилъ, понеже имаши триста женъ и седмьсотъ наложниц, не удоволився ими, убивъ болярина своего Урия, и жену его Вирсавию к себѣ на ложе привлече. По суду своему повиненъ еси смерти!» Давыд же рече: «О Нафане, что сотворю? Согрѣшихъ, неправду сотворихъ!» И глагола ему Нафанъ: «Возри вспять и виждь осуждение твое!» Обозрѣв же ся[2] Давыдъ, видѣ над собою ангела, — оружие наго držжа, хотя его за беззаконие посѣщи. И возопи Давыдъ ко Господу: «Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей, и по многим щедротамъ твоимъ, очисти беззакония моя»,* и прочая псалъма того, весь до конца. И плакався о грѣхѣ том непрестанно и до смерти своей.*

Вотъ, царю, коли тебя притрапезники тѣ твои Давыдом зовутъ, сотвори и ты Давыдъски къ Богу, покаяние о себѣ и не гнѣвайся на меня, правду свидѣтельствующу ти, якоже и на Нафана Давыдъ, но послушай совѣта моего болѣзненаго[3] к себѣ. Ей, тебѣ истинну говорю: время покаятися! Рцы по вышереченному, якоже Давыдъ, каяся, рече: «Азъ, пастырь, согрѣшихъ; азъ, Господи, прогнѣвах тя, а овца моя ничтоже имутъ к тебѣ».* И паки другаго падения его Псаломъ: «Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей, по многим щедротам твоим очисти беззакония моя, наипаче омый мя от беззакония моего и от грѣха моего очисти мя; яко беззаконие мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть всѣгда, тебѣ единому согрѣших и лукавое пред тобою сотворих!»* Да плачючи Псаломъ отъ и до конца говори. Любя я тебя, право, сие сказалъ. А иной тебѣ такъ не скажетъ, но вси лижутъ тебя, да уже слизали и душу твою! А ты, аще и умѣешъ грамотѣ той, но и нынѣча хмельненекъ от Никонова тово напоения, не помнишь Давыдова тово покаяния. Вѣдаю разум твой, умѣешъ многими языки говорить, да што в том прибыль? С симъ вѣком останется здѣсь, а во грядущом ничимъже пользуетъ тя. Воздохни-тко по-старому, какъ при Стефанѣ бывало,

[1] сильными; [2] оглянулся же; [3] сочувственного.

добренко, и рцы по рускому языку: «Господи, помилуй мя, грѣшнаго!» А киръелейсон*-отъ отставь: такъ ельленя говорятъ, плюнь на нихъ! Ты, веть, Михайловичь, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языком,* не уничижай ево и в церквѣ, и в дому, и в пословицах. Какъ нас Христос научилъ, такъ подобает говорить. Любитъ нас Богъ не менше грековъ; предал намъ и грамоту нашим языкомъ Кирилом святымъ и братом его. Чево же намъ еще хочется лутче тово? Развѣ языка ангельскова? Да нѣтъ, нынѣ не дадутъ, до общаго воскресения. «Да аще бы и ангельски говорили, — Павелъ рече, — любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣнящи, или яко барабаны ваши, никоея ползы в них нѣсть. Любы не превозносится, ни безчинствуетъ, любы не завидитъ, ни гордится, не раздражается, не ищетъ своя си, не вмѣняетъ злое, не радуется о неправдѣ, радует же ся о истиннѣ, вся любитъ».*

А ты, миленкой, посмотри-тко в пазуху ту у себя, царь християнской, всѣхъ ли християн тѣх любишь? Нѣть болшо, отбѣже любовь и вселися злоба. Еретиковъ-никониянъ токмо любишъ, а насъ, православных християнъ, мучишъ, правду о Церквѣ Божией глаголющих ти. Перестан-ко ты насъ мучить тово! Возми еретиков тѣх, погубивших душу твою, и пережги ихъ, скверных, собакъ, латинниковъ и жидовъ, а нас роспусти, природных своих. Право, будетъ хорошо. Меня хотя и не замай в землѣ той до смерти моей, иныхъ тѣх роспусти. Потому что меня жалуют люди тѣ, знаютъ гораздо вездѣ, такъ мнѣ надобе себя поопасти, чтобы в гордость не войти. Писано: «Отрада на душу гонение велико живетъ»[1]. И ты пожалуй, роспусти иных тѣх при себѣ, а я и такъ хорошъ. Сынъ твой послѣ тебя роспуститъ же о Христѣ всѣх страждущих и вѣрных по старым книгамъ в Господа нашего Исуса Христа. На шестом соборѣ бысть же сие: Констянтинъ Брадатый* проклявше мучителя, отца своего, еретика, и всѣм вѣрным и страждущим по Христѣ животъ дарова. Тако глаголетъ Духъ Святый мною, грѣшным рабомъ своим: и здѣсь то же будетъ послѣ тебя! И ты послушай меня, здѣлай доброе при себѣ, дондеже еси в животѣ. Егда приидетъ хищникъ[2] и восхитит тя, не успѣешъ тогда, понеже суд бываетъ без милости несотворшим милости.* Веть мы у тебя не отнимаемъ царства тово здѣсь, ниже иных взущаемъ[3] на тебя, но за вѣру свою стоимъ, боля о законѣ своемъ, преданнѣмъ от святых отецъ. Что ти успѣетъ во грядущий вѣкъ? Грабишь[4] насъ напрасно и обнажаешь[5] от Христа. Время и тебѣ покаятися, понеже любитъ Господь Богъ кающихъся.

Хощеш ли, инъ путь покаяния покажу? Возри на неввитянъ,* в три дни милость Божиею к себѣ привлекли сицевымъ образомъ.

Глагола Господь ко пророку Ионѣ с повелениемъ: «Иди и проповѣждь нивеввитяномъ, да покаются, понеже грѣхи ихъ внидоша во уши моя; аще ли ни — погибнут пагубою». Иона же, вѣдавъ Божие милосердие, яко милостивъ

[1] «Великое гонение дает утешение душе»; [2] т. е. смерть; [3] натравливаем; [4] хватаешь; [5] лишаешь.

бываетъ кающимся, не восхотѣ в Ниневию итти, но сѣдше в корабль и в Фарсис побѣжа, да же не солжется пророчество. Став же корабль непоступно[1] на пучинѣ морьстѣй, вѣтру велию дышущу. Иона же навклиромъ, еже есть кораблеником, рече: «Ввѣрзите мя в морѣ, понеже мене ради не поступитъ[2] корабль». Егда же ввергоша и̇, повелѣ Богъ киту великому, да пожретъ его. И бысть три дни и три нощи во чревѣ китовѣ, прообразуя Христово тридневное погребение в сердцы земли. И принесе его китъ жива к Ниневии, граду великому, емуже обхождение седмь дний. В Книгах Ионы пророка в Библѣи писано. Егда же испусти его звѣрь, онъ же проповѣда людям, глаголя: «Аще не покаетеся, — тако глаголетъ Господь, — в три дни погибнете». И изыде на полѣ, сѣде под смерчиемъ, ожидая граду погубы. Людие же умилишася[3] и с сущими младенцы сосцы матерни три дни постишася, и плакавше грѣх своих, во вретище[4] облекошася, и перьстию[5] главы своя посыпавше, и скоту не даша пищи и пития. Много ихъ бысть, иже не познаша десницы и шуйцы, болши двунадесяти темъ[6], — сирѣчь робят тѣх столко, а старых тѣх и гораздо много. И видѣ Богъ умиление и покаяние ихъ, разкаявся Владыко и помилова ихъ.

Пророкъ же оскорбися, яко не збысться пророчество его, и уснувъ, сидя под смерчиемъ, — сирѣчь древца нѣкакие, — и онъ, милой, с кручины взвалился под кустъ и уснулъ. И взыде об нощъ тыковь над главою его, красна и лѣпа. Онъ же возрадовахся и возвеселихся о ней. И повелѣ Господь червю нощному подгрысти: и изше[7] ис корени. Пророкъ паки оскорбися о ней. И глагола ему Господь: «Како ты, Иона, ни садилъ, ни поливалъ тыковь сию, — обь нощъ возрасте, об нощъ и погибе, — а скорбию великою оскорбился еси о ней? Кольми же в Ниневии людии мои, иже не знаша десницы и шуйцы, болши паче нежели двунадесяти темъ, вси оскорбишася и притекоша ко мнѣ».

Виждь, человѣче, како любитъ Богъ покаяние грѣшников, понеже праведника пророка тѣшитъ; а грѣшных милуетъ. Прибѣгнем к нему, милостивому Богу и Спасу нашему, и не отчаемъ своего спасения, якоже Каинъ сотворилъ, или царь Озия* во Израили. Добръ человѣкъ был, и милостив, и правдолюбивъ, но впаде в недугъ гордости, сицевымъ образомъ: разгордѣвся, вниде во Святая Святых, веземъ кадило и приступи к жертвенику, начатъ святая кадить; архиереи же умолчаша ему за величество сана его. Но токмо единъ священникъ Азаръ приступи к царю и рече, какъ бы то я, бѣдной, тебѣ ворчу, — архиереи те не помогаютъ мнѣ, злодѣи, но токмо потакаютъ лишо тебѣ: «Жги, государь, крестьян тѣх! А намъ какъ прикажешъ, такъ мы в церквѣ и поемъ, во всемъ тебѣ, государю, не противны; хотя медвѣдя дай намъ в олтар-етъ, и мы ради тебя, государя, тѣшить, лише намъ погребы давай да кормы з дворца». Да, право такъ, — не лгу. И глагола Азаръ: «Озия! Не подобает ти святая кадити, но токмо единемъ

---

[1] неподвижно; [2] не сдвинется; [3] опечалились; [4] рубища; [5] землей; [6] тьма — 10 000; [7] иссохла.

иереомъ, сыномъАаронимъ». Онъ же, не устыдѣвся гласа священническа, своя совершая. И порази его Господь язвою на челѣ, еже есть Богъ проказу наведе. И изгнаша его ис церковѣ по закону Моисеову, понеже законъ повелѣвая прокаженных внѣ сонма[1] и из града изгоняти, дондеже исцѣлѣетъ и паки по свидѣтельству священническу приемлется и прощенъ бываетъ. Людие же, устыдѣ вся сана царьска, не изгнаша его из града. Онъ же, Озия, живяше в дому своемъ неисходно, не прииде в покаяние грѣха своего и до смерти. Богъ же о семъ прогнѣвася на люди, удержа пророчество за ихъ согрешение и за пророческое ослабление, яко не изгнаша прокаженнова царя внѣ града. И молча пророкъ Исаия до смерти Озиины, понеже Духъ Святый не сниде на пророка к недостойнымъ людямъ глаголати, яко прогнѣваша Господа удержаниемъ прокаженнаго во градѣ. И в лѣто, в неже умре Озия-царь, видѣ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и окрестъ его херувимы, шесть крылъ единому и шесть крылъ другому, двема убо лѣтаху, двѣма очи закрываху, двема же — ноги, и вопиюще другъ ко другу: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ! Исполнь небо и землю славы Его!» «И единъ от предстоящих, взявъ клещи и от престола угль горящий, и прикоснуся устомъ моимъ», — рече пророкъ и возопивъ: «О, окаянный азъ, провидѣхъ воплощаема Бога, свѣта невечерня и миромъ обладающа!» И нача паки пророчествовать.

Вижждь и разумѣй, колики бѣды гордость раждает: самъ погибъ и людямъ охриту[2] наведе и тщету дарования Божия. Тако и нынѣ от гордости вниде во Церковь нестроение и дахматное[3] пременение. Лютъ есть недугъ сей во человѣке, и великъ подвигъ — по Василию Великому — надобе человеку измѣнити обычеи свои. Бѣда от гордыхъ Церкви Божией! Тотъ — сякъ, а инъ — инако. Я помышляю: недостатокъ ума большей в человѣке том, иже гордость содержитъ, и чается ему, мнится — хорошо, а все розвалилося! Якоже и дьяволъ самъ за недугъ сей извеженъ и-среды огня и отриновенъ от лица Божия, иво тму осужденъ, а таки величается: «Я, де, великъ! Я обладаю всѣм!» А и над свиниями не иматъ власти!

Тако и гордый: мнится имѣя вся, а ничтоже сый, во всем отвсюду гнило и розвалилося — и душевная, и тѣлесная. Воистинну, гнило сѣдалище гордыни, по Писанию, и в болшихъ, и в малых погибаютъ от сего.

Добро любовь, и смиреномудрие, и послушание к вѣрным и любовным нелицемѣрное, от чиста сердца и совѣсти благи о Господѣ. Смиренный и негордый, аще и падетъ — не разбиется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его. Глаголетъ Давыдъ: «Юнѣйши быхъ, и бо состарѣхся, и не видѣх праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣбы; весь день милуетъ и взаимъ даетъ праведный»,* и прочая. А гордый и величавый, и самомнивый тщится разорить, убить единовѣрнова и брата, яко врага, оклеветать и на смерть предать. О смиренном

[1] вне собрания людей; [2] позор; [3] т. е. догматное.

и ушима не хощетъ слышать, понеже мерзокъ ему смиренномудрый, и тщится истребить и память его от земли. Аще бы возможно, онъ бы жива его поглотилъ. Но десница Вышняго покрываетъ его во всемъ и не попускаетъ выше мѣры искуситися, но запинаетъ[1] гордому, по Писанию: «Господь гордым противится, смиреннымъ же даетъ благодать».* Живетъ, миленкой, безлобием, попросту, посредѣ гордых, яко овча посредѣ волковъ, или посредѣ крагуевъ[2] яко птенецъ. Умышляютъ о немъ, как бы уловить. А онъ к нимъ, ко псамъ, хлѣбомъ да солью противится, да любовию Христовою, не помня ихъ коваръства и злобы к себѣ, единако промышляетъ и скорбитъ об нихъ, как бы ихъ спасти и в разум истинный привести. Грызутъ его гордыя, поваля; а какъ нужа пристижетъ, такъ к нему же бѣгутъ, понеже не дѣйственна ихъ гордость ни в чем, токмо свойственна к пакости и ко грѣху! Горе смиренному з гордыми жить! Не имать покоя души своей и тѣлеси, безпрестанно в ропотѣх и в волнах: иное догонятъ его и до слез, а онъ, переплакавъ, и забывъ досаду ихъ, паки печется об нихъ: откуды что Богъ приподастъ, и онъ, самъ не сьѣдше, пехаетъ имъ в горло, яко псам. Дондеже ядятъ, и онѣ ево блажат: «Миленкой, кормилецъ нашъ!» А какъ сьѣли *и высрали, тако* и паки блядинъ сынъ и сукинъ сынъ сталъ. Горе ему, бѣдному, с ними живучи! Отраднѣе бы ему было со змиями и со звѣрми в разсѣлинах каменных живучи, нежели з гордыми в пещерах одных, понеже звѣрие Даниила-пророка устыдѣшася во рву,* и Иванна Предтечи в пустыни змии и керасти[3] не вредили ничемъ. А гордые смиреннаго всегда грызутъ.

Да воздастъ имъ Господь по делом ихъ! Куды же ему, милому, дѣтца от нихъ! Небо одно, земля одна, хлѣбъ общъ, вода такожде. Терпѣть стало, не пособить, дондеже Богъ раздѣлит и возметъ коегождо к себѣ, яко милостивъ есть и щедръ, очищаетъ смиреннаго от грѣх его мучениемъ симъ. Аще бы не сия видимыя враги ратовали его, ино бы бѣси озлобляли его. А без скорби вѣкъ сей никто от святых не претече. Аще не внѣшния, ино внутренния бѣды, еже есть помыслы неподобныя[4], потомъ и дѣла. А егда ратуетъ видимый врагъ, тогда сия ратники спятъ. Благословенъ Богъ, изволивый такъ! Много скорби праведнымъ и от всѣх ихъ избавитъ я[5] Господь!* Хранитъ Господь душа преподобных своих и не оставитъ здѣ и в будущий вѣкъ. Аще кто не вкусить горести здѣ, не имать получити сладости тамъ. Всякъ бо родится на плачь, якоже младенцы, рождьшеся от матерни утробы, свидѣтельствуютъ: заплачют, изъ утробы изшед, являя плачевное сие житие, понеже многоболѣзнено и скорбно живущим на немъ. Аще и кратко се житие, но исполнено мятежа и всяких хлопотъ. Будущий же вѣкъ — веселие и радость без конца, еяже получать терпящии здѣ, и о Христѣ Исусѣ мучащеся, еяже да сподобимся вси насладитися со Христомъ, емуже слава и держава во вѣки вѣкомъ. Аминь. 〈...〉

---

[1] препятствует; [2] ястребов; [3] ядовитые змеи, гады; [4] неблагочестивые; [5] их.

ПОСЛАНИЯ И ЧЕЛОБИТНЫЕ ЦАРЯМ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ, ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ И ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ

ПОСЛАНИЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ, НАПИСАННОЕ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ АВВАКУМА В МОСКВУ ИЗ СИБИРИ, С «ЗАПИСКОЙ» АВВАКУМА О ЖЕСТОКОСТЯХ ДАУРСКОГО ВОЕВОДЫ БОЯРИНА АФАНАСИЯ ПАШКОВА («ПЕРВАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ»)

От Высочайшая устроенному Десницы[1], благочестивому государю, царю-свѣту Алексѣю Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, радоватися. Грѣшник, протопоп Аввакумъ Петров, припадая, глаголю тебѣ, свѣту, надеже нашей.

Государь наш свѣтъ! Что ти возглаголю, яко от гроба возстав, отъ дальняго заключения, от радости великия обливаяся многими слезами? Свое ли смертоносное житие возвѣщу тебѣ, свѣту, или о церковномъ раздоре реку тебѣ, свѣту?

Я чаял, живучи на востоке* в смертях многих, тишину здѣсь в Москвѣ быти; а я нынѣ увидал Церковь паче и прежняго смущенну. Свѣтъ наш государь, благочестивый царь! Златаустый пишет на Послание къ ефесѣомъ:* «Ничтоже тако раскол творитъ во церквах, якоже во властѣхъ любоначалие, и ничтоже тако прогнѣваетъ Бога, якоже раздоръ церковной». Воистинно, государь, смущенна церковь нынѣ.

Лѣтом, в Преображениевъ день,* чюдо преславно и ужасу достойно в Тобольскѣ показал Богъ: в соборной большой церкви служилъ литоргию ключарь тоя церкви Иванъ, Михайлов сынъ, с протодьяконом Мефодием; и егда возгласиша: «Двери, двери, мудростию вонмемъ!» — тогда у священника со главы взяся воздýхъ и повергло на землю; и егда «Исповѣдание вѣры» начали говорить, и въ то время звѣзда на дискосѣ над агнъцем на всѣ четырѣ поставления преступала* и до возглашения «Побѣдныя пѣсни»; и егда приспѣ время протодьякону к дискосу притыкати, приподнялася мало *и* стала на своем мѣстѣ на дискосѣ просто. А служба у них в церкви по новым *Служебникамъ* по приказу архиепископлю. И мнѣ, государь, мнится, яко и тварь рыдаетъ, своего Владыку видя безчестна, яко неистинна глаголютъ Духа Святаго быти и Христа, Сына Божия, на небеси не царя быти — во исповѣдании своея вѣры.*

Да не одно, государь, то, но и моровое повѣтрие* не мало нам знамение было от Никоновых затѣекъ, и агарянской меч стоитъ десять лѣтъ безпрестани,* отнележе разадрал онъ Церковь. Добро было при протопопѣ Стефанѣ,* яко

[1] Поставленному рукой Всевышнего.

все быша тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и негордаго учения: понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрял на убиение. Тебѣ, свѣту, самому житие ево вѣстно. Увы, души моей бѣдной! Лучши бы мнѣ в пустыни Даурской, со звѣрьми живучи, конец прияти, нежели нынѣ слышу во церквах Христа моего глаголюща невоскресша!*

Вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государю, от докуки нашей. Государь-свѣтъ, православной царь! Не сладко и намъ, егда ребра наша ломаютъ и, розвязавъ, нас кнутьем мучат и томятъ на морозѣ гладом. А все Церкви ради Божия стражемъ. Изволиш, государь, з долготерпѣнием послушать, и я тебѣ, свѣту, о своих бедах и напастех возвѣщу немного.

Егда я был в попѣхъ в Нижегороцкомъ уездѣ, ради Церкви Божия былъ удавлен и три часа лежал, яко бездушен, руки мои и ноги были избиты, и имѣние мое не в одну пору[1] бысть в разграблении. И сие мнѣ, яко уметы[2], да Христа моего приобрящу.

И егда устроил мя Богъ протопопом въ Юрьевце Повольском, битъ ослопием[3], и топтан злых человѣкъ ногами, и дранъ за власы руками: отнял меня Дионис Крюков* еле жива. И о сем молихся, да простит имъ Богъ здѣ и в будущемъ вѣце.

А Никон меня, патриархъ бывшей, на Москвѣ, по ногамъ бивъ, мучил недѣли с три по вся дни,* от перваго часа до девятаго. И о сих всѣх благодарю Бога.

Да онъ же, Никон, егда мя взял от всенощнаго з двора протопопа Иоанна Неронова,* по ево патриархову велѣнью, Борис Нелединской* со стрелцами, ризы на мнѣ изодрали и святое Евангелие, с налоя збив, затоптали; и посадя на телѣгу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили. И уш то, государь, так попустил Богъ имъ.

И потом во Андроньевѣ монастырѣ* посадил под полату пустую в землю, и три дни и три нощи на чепи держалъ без пищи. И о сих всѣх благодарю, государь, Бога. Прости, государь, тутъ мнѣ пищу принесе аньгелъ за молитвъ святаго отца протопопа Стефана. Не скучно ли тебѣ, государю-свѣту?

И сибирския бѣды хощу вспомянути, колико во одиннатцеть лѣтъ* на хрѣптѣ моем дѣлаша язвъ беззаконнии за имя Христово. Не челобитьем тебѣ, государю, ниже похвалою глаголю, да не буду безумен, истинну бо, по апостолу, реку. Яко ты, наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомольцы: некому нам возвѣщать, како строится во твоей державѣ.

Егда патриархъ бывшей, Никонъ, послал меня в смертоносное мѣсто, в Дауры, тогда на пути постигоша мя вся злая. По лицу грѣшному воевода бил своими руками,* и з главы волосы мои одрал, и по хрепту моему бил чеканом, и седмъдесятъ два удара кнутом по той же спинѣ, и скована в тюрьмѣ держалъ

---

[1] не единожды; [2] сор, прах; [3] кольями.

пять недѣль, тритцеть и седмъ недѣлъ морозилъ на морозѣ, чрез день дая пищу, и два лѣта против воды заставил меня тянуть лямку. От водяного наводнения и от зноби осенния распух животъ мой и ноги, и от пухоты разсѣдалася на ногах моих кожа, и кровь течаше безпрестанно.

А инии, твои государевы-свѣтовы, казаки, тружающиися в водах, в то время многие помирали от тоя воеводския налоги[1] и муки.

И как мы дошли до мѣста, тамо нас и совершенное зло постигло, елъ я с казаками не по естеству пищу: вербу и сосну, и траву и коренье, и мертвыя мяса звѣрины, а [2]по напраснъству и по прилучаю[2] — и кобылие. И тово было ядения шесть лѣтъ. А казаки бѣдные — всякую мертвечину, иные — волки и лисицы, иные — [3]человеческую лайну[3]. И от тое нужды человѣк с пятьсот померло, а осталос немного, — человѣкъ нынѣ с сорокъ. А иных онъ, воевода Афонасей Пашков, пережег огнем и перебил кнутьем до смерти, якоже и меня мучил. А что, государь, у меня было изъ Енисѣйска везено с собою в запас хлѣпца на предъидущая лѣта, и тотъ хлѣбъ онъ, Афонасей, у меня отнял после кнутнова биения и продавал мнѣ на платьишко мое и на книги свою рожь немолотую дорогою ценою, по два рубли пуд вѣщей и больши. И я ис первых лѣтъ елъ рожь немолотую вареную, покамѣст чево было. А онъ, Афонасей, и до сьезду жил в покое, потому, что государь, что завезено у него всего было много казачьими трудами.

У меня же, грѣшника, в той нужде умерли два сына,* не могли претерпѣть тоя гладныя нужды. А прочих, государь, дѣтей моих снабдѣвала от смерти жена ево, Афонасьева, и другая — сноха ево* — втайнѣ; егда от нас кто начнет з голоду умирати, тогда присылали нужную пищу, понеже жены милостивы быша, яко древняя серафтяныни.*

И не то, государь-свѣтъ, надежда наша, едино, но в десеть лѣтъ много тово было: бѣды в рѣках, и в мори, и потопление ми многое было. Первое с челядию своею гладен, потом без обуви и без одежди, яко во иное время берестами вмѣсто одѣяния одѣвался, и по гарам великим каменным босы ходяще, нужную пищю собираху от травы и корения, яко дивии звѣри. Иногда младенцы мои о острое камение ноги свои до крови розбиваху, и сердце мое злѣ уязвляху, рыдающе горькими слезами. А во иное время самъ и подружие мое шесть недѣль шли по голому льду, убивающеся о ледъ, волокли на волоченыках малых дѣтей своих в пустых Даурскихъ мѣстех, мерзли всѣ на морозѣ.

И о сих всѣхъ, государь-свѣтъ, благодаримъ Бога, яко первые мы в тѣхъ странах з женою моею и дѣтми учинились от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылке. Упоил нас чашею вина нерастворенна. Да не поставитъ ему Богъ в грѣх здѣсь и в будущем вѣце!

---

[1] притеснения; [2—2] если приходилось (а по случаю); [3—3] человеческие испражнения.

Не прогнѣвайся, государь-свѣтъ, на меня, что много глаголю: не тогда мнѣ говорить, как издохну! А близ исходъ души моей, чаю, понеже время належитъ.

То не отеческой у патриарха вымыслъ, но древняго отступника Иулияна, и египтенина Феофила,* патриарха Александрова града, и прочих еретик и убийцъ, яко християнъ погубляти. Мнѣ мнится, и дух пытливой таковже Никон имать, яко и Феофилъ, понеже всѣхъ устрашает. Многие ево боятся, а протопоп Аввакумъ, уповая на Бога, ево не боится! Твоя, государева-свѣтова, воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить; за помощию Божиею готов и духъ свой предати. Аще не нынѣ, умрем же всяко и житию должная послужим; смерть мужу покой есть; смерть грѣху опона[1].

А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хощет. И во откровении ми от Бога бысть се, яко мерзокъ онъ пред Богом, Никонъ. Аще и льститъ тебѣ, государю-свѣту, яко Арий древнему Констянътину,* но погубил твои в Руси всѣ государевы люди душею и тѣлом, и хотящии ево законы новыя прияти на Страшнѣм судѣ будутъ слыть никонияня, яко древнии арианя. Христа онъ, Никонъ, не исповѣдуетъ в плоть пришедша; Христа не исповѣдуетъ нынѣ царя быти, и воскресение ево, яко июдѣи, скрывает; он же глаголетъ неистинна Духа Святаго, и сложение креста в перстѣхъ разрушает, и истинное метание в поклонѣхъ отсѣкаетъ; и многих ересѣй люди Божия и твоя наполнилъ; инъдѣ напечатано: «Духу лукавому молимся».* Охъ, души моей и горѣ!

Говорить много не смѣю, тебя бы, свѣта, не опечалить, а время отложить Служебники новые и всѣ ево, Никоновы, затѣйки дурные! Воистинно, государь, зблудил во всем, яко Фармос* древней. Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение, дондеже конечная погуба на нас не приидет, и огнь с небесе, или моръ древний, прочая злая нас не постигло. А егда сие злое корение исторгнем, тогда нам будетъ вся благая: и кротко, и тихо все царство твое будетъ, яко и прежде Никонова патриаршества было; и агарянской меч Богъ уставит и сподобитъ нас получити вѣчная благая.

О патриархе престану, государь, тебѣ, свѣту, извѣщати, но молю тебя, государя, о воеводѣ, который был с нами в Даурах, Афонасей Пашков, — спаси ево душю, якоже ты, государь, вѣси. А время ему и пострищись, да же впредь не губить, на воеводстъвах живучи, християнства. Ей, государь, не помнит Бога: или поп, наш братъ, или инокъ, — всѣхъ равно губитъ и мучит, огнем жжетъ и погубляетъ. Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мъстити. И паки тебѣ, государю, припадая глаголю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мъстити! Не должни суть чада родителем имѣния снискати; но собираютъ родители чадом. Аще и стропотное[2], но мое онъ чадо, Афонасей Пашковъ, — и чадо мое, и братъ мнѣ по благодати: едина купѣль всѣхъ нас породила, едина мати всѣмъ

---

[1] завеса, преграда; [2] строптивое.

нам Церковь, един покров — небо, едино светило — солнце. Аще и досаждаютъ, но любовию их нам приимати.

Помилуй, государь царь православной, не оскорби[1] бѣдную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мъстити своим праведнымъ гнѣвом царъским; но взыщи ево, яко Христосъ заблуждшее овча, Адама. Твое бо, свѣта, миловати и спасати всегда, и нынѣ, и присно, и до кончины.

Свѣтъ-государь! Пред человѣки не могут тебѣ ничтоже проговорити, но желаю наединѣ свѣтлоносное лице твое зрѣти и священнолѣпных устъ твоих глагол нѣкий слышати мнѣ на пользу, как мнѣ жити.

Записка Аввакума о жестокостях воеводы боярина Афанасия Пашкова, подклеенная к «Первой челобитной»

Въ 169 (*1661*) Афонасей Пашковъ увез из Дауръ Никанские земли два иноземца, Данилка да Ваську, а тѣ люди вышли на государево имя в Даурской землѣ в полкъ х казакам.

Да другие два перевотчика, Ивашко Тимофѣевъ Жючерской да Илюшка Тунгусской, жили у тѣх же даурских казаковъ многие лѣта. И Ивашковым да Илюшкиным толмачеством государю збирали казаки государъские ево казны многие лѣта.

А после розгрому Богдойскова пришли достальные казаки снизу ко Офонасью Пашкову на Иргень озеро. А тѣ четырѣ человѣка: Данилко, да Васько, да Ивашко, да Илюшка, пришли с ними же, казаками, служить великому государю. А воевода Афонасѣй Пашковъ у казаковъ их отнял и взял к себѣ во двор сильно. И онѣ и по се время, плачючи, живутъ, мучася у него во дворѣ, пособить себѣ не могутъ. А бьют челом великому государю, чтоб ихъ свободил от порабощения и пожаловалъ в свой чин государевъ. Да он же, Афонасей, увез из острошковъ от Лариона Толбозина* троих аманатов[2]: Гаврилка, Алешку, Андрюшку. Да он же увез 19 человѣкъ ясырю[3] у казаковъ: Бакулайко, да двѣ ево дочери, — именъ их не помню, — Марьица, Анютка, двѣ Овдотьицы, четырѣ Маринки, двѣ Палашки, и третьяя Овдотьица же, три Анютки же, Офроська з братом с Ывашком. И тѣ всѣ люди у него.

А та землица без аманатовъ и досталь запустѣла, государевым людям быть нѣ у чево, лише государевѣ казнѣ напрасная проторь[4]. Да онъ же, Офонасей, государевых служилых двух человѣкъ взял во дворъ к себѣ сильно, Олешку Брацкова да Юшку Иванова. А тѣ всѣ люди, кромѣ государя, помощника себѣ не имѣютъ.

Да он же, Афонасей, живучи в Даурской земли, служивых государевых людей, не отпущаючи на промыслъ, чемъ им, бѣдным, питатися, переморил

[1] не опечаль; [2] заложников; [3] пленных; [4] убытки.

больши пяти сотъ человѣк голодною смертию. А которые, не претерпѣвъ гладу, ходили промышлять нужные пищи, и онъ, Афонасей, их пытал, бил кнутьемъ, и ребра ломал, и огнем жег. Таковых ради винъ, Ивашко Сватеныш да Климко Шамандрухин с товарыщи, осмъ человѣкъ, свою казачью лошедь, и онъ их пытав, в тюрьмѣ и уморил. Ияковъ Красноярской молыл: «Только бы, де, воевода по государеву указу ехал прямою дорогою, и мы бы, де, нужи такие не терпѣли». И онъ, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему, протопопову, зимовью мертваго кинул под окошко, что онъ, Ияковъ, на пытке творил Исусову молитву.

Да он же, Афонасей Пашковъ, двух человѣкъ, Галахтиона и Михайла, бил кнутом за то, что один у него попросил есть, а другой молыл: «Краше бы сего житья смерть!» И онъ, бив за то кнутом, послал нагих за реку мухам на снѣдение, и, державъ сутки, взял назад. И потом Михайло умер, а Галахтиона Матюшке Заряну велѣлъ Пашковъ въ пустой банѣ прибить палкою. А прежь тово ево же, Галахтиона, и Стефана Подхолюгу, и Харпѣгу, и иных многихъ, бил кнутьемъ за то, что онѣ с голоду кобыльи кишки немытые с каломъ и кровь с снѣгом хватали и ели от нужи великия. Березовскаго казака Акишу бил кнутом за то, что онъ ево, Афонасьевы, три щуки разпластал нехорошо, не умѣючи. Такова ево милость, Афонасьева, была к государевым служивым людям. Кожи, и ноги, и головы давал есть казакам, а мяса — своим дворовымъ людям. И иных двух человѣк повѣсил, ей, безвинно.

Прочих же ево ругательствъ и муки к государевымъ служивым людям не достанет ми повѣствовати лѣто. А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказать странно и страшно: при смерти их и причащать мнѣ не давал, и Пречистыя Тайны у меня отнял, и держалъ у себя въ коробке. Да приходили в Нерчинской острог из Енисѣйска служилые люди, пятидесятникъ Иван Елисѣевъ с товарыщи, з грамотами государевыми, как Бог дал государыню царевну и великую княжну Софью Алексѣевну:* и онъ, Афонасей, для вѣсти, чтоб про него на Руси не вѣдомо было, не отпустил ихъ назад и уморилъ в дощенике двух человѣкъ, прикащика самова Ивана, да толмача Констянътина.

ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ИЗ ХОЛМОГОР («ТРЕТЬЯ ЧЕЛОБИТНАЯ»)

Христолюбивому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии *самодержцу* бьет челом богомолецъ твой, в Даурех мученой *протопоп* Аввакумъ Петровъ.

Прогнѣвалъ, грѣшной, *благоутробие* твое от болезни серца неудержанием моим; а иное *тебе*, свѣту-государю, и солгали на меня, им же да не вменитъ Господь во грех.

Помилуй мя, равноапостолный государь-царь, робятишек ради моих, умилосердися ко мнѣ!

С великою нуждею доволокся до Колмогор, а в Пустоозерской острог до Христова Рожества не возможно стало ехать, потому что путь нужной[1], на оленех ездятъ. И смущаюся, грѣшник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужи.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексѣй Михайловичь, всеа Великия и Малые и Бѣлыя Росии самодержецъ! Пожалуй меня, богомольца своего, хотя здѣ, на Колмогорах, изволь мнѣ быть, или какъ твоя государева воля, потому что безответенъ пред царскимъ твоим величествомъ.

Свет-государь, православной царь! Умилися къ странъству[2] моему, помилуй изнемогшаго в напастех и всячески уже сокрушена: болезнь бо чад моих на всякъ часъ слез душу мою исполняетъ. И в Даурской странѣ у меня два сына от нужи умерли. Царь-государь, смилуйся!

«ГРАМОТКА» ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ИЗ ПУСТОЗЕРСКА («ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ»)

Список з грамотки.

Государь-царь, державный светъ — протопоп Аввакумъ, не стужаю[3] ти много, но токмо глаголю ти: радоватися и *здравствовати* о Христѣ хощу, и благоволит душа моя, да благословит тя Господь, и света мою государыню-царицу, и дѣтушек ваших, и всѣх твоих, да благословит ихъ духъ и душа моя во веки.

Помню твой приказ з Дементьемъ: приказывал памятовати о сѣбѣ, — нѣт, государь, не забуду. Якоже зрит Господь, сердце мое не притворяя, говорю: аще получю дерзновение и в будущем вецѣ, и там о тебѣ хощу припасти ко всѣх Владыцѣ, не токмо здѣ, в темницѣ. Протопоп Аввакум не помнит тово ничево, благодатию Божиею, что над ним делается. Одново желаю — пред Богом стати вам непостыдным. Да и много столько мнѣ, грѣшному, — забыти ваше благородие! Один ты у насъ царь на сѣм свѣте. Да и надѣюся, яко силен Богъ спасти нас с вами. Ну, государь, моли же ся и за мя, грѣшнаго, и в чем перед тобою погрѣшил, прости мя; а тебя такоже да простит Господь Богъ и да помянет любовь твою ко мнѣ, нищему, во царьствии своем, егда приидет воздати комуждо *по дѣлом его*.

Да и заплутаев тѣх Богъ простит, кои меня проклинали и стригли: рабу Господню не подобает сваритися[4], но кротку быти ко всѣм.* Не онѣ меня томят и мучатъ, но диявол наветом своим строит; а онѣ тово не знаютъ и сами, что творят.* Да уж, государь, пускай, быти тому так! Положь то дѣло за игрушку! Мнѣ

[1] трудный; [2] изгнанничеству; [3] докучаю; [4] устраивать свары.

то не досадно. Посем паки да благословит мя третицѣю Господь и духъ мой здѣсь и в будущем вецѣ.

Прости же, государе, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, и недоумениемъ содержим есмь; помышляю моя дѣяния и будущаго Судища ужас. Братъ нашъ, синбирской протопоп Никифор, сего суетнаго света отъиде,* посемъ та же чаша и меня ждет. Охъ, увы мнѣ, окаянному, и горѣ! Како отвещаю бѣзсмертному Судии, царю всѣх и Богу? Токмо надѣюся на его праведныя щедроти, понеже любящим его вся поспешествуют[1] во благое. Подобает, государь, и всем нам помышляти смерть, адъ, небо, и отца нашего, протопопа Стефана, учение помнить. Паки тя, государь, благословляю и, опрятне став, поклоняюся тебѣ, самодержавному, честнѣ.

А корму твоего, государева, дают намъ в весъ — муки по одному пуду на мѣсецъ, да и о томъ слава Богу. Хорошо бы, государь, и поболши для нищие братии за ваше спасение.

Изволь, самодержавне, с Москвы отпустить двух сынов моих к матери их на Мезень,* да тут, живучи вмѣсте, за ваше спасение Бога молят; и не умори их з голоду, Господа ради. А обо мнѣ, якоже Богу и тебѣ годѣ: достоин я, окаянный, грѣховъ ради своих, темнице пустозерской. Умилися, святая душа, о женѣ моей и о дѣтехъ.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ИЗ ПУСТОЗЕРСКА («ПЯТАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ»)

Царь-государь и великий князь Алексѣй Михайлович! Многажды *писахом* тебѣ прежде и молихом тя, да примиришися Богу и умилишися в раздѣлении твоем от *церковнаго* тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моление приношу ис темницы, яко из гроба, тебѣ глаголю: помилуй единородную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в немже ты порожден еси с преже бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители.

И с нами, богомольцы своими, во единой святой купѣли ты освящен еси, единыя же Сионъския церкви святых сосец ея нелеснымъ[2] млеком воспитѣнъ еси с нами, сирѣчь единой православной вѣре и здравым догматом с нами от юности наученъ еси.

Почто по духу братию свою тако оскорбляеши? Единаго бо мы себѣ Отца имамы вси, иже есть на небесѣхъ, по святому Христову Еуангелию. И не покручинься, царю, что тако глаголю ти, ей, истинна так. Господинъ убо есть над всѣми царь, раб же со всѣми есть Божий. Тогда ж наипаче наречется господинъ, егда сам себѣ владѣет и безмѣстным страстем не работает, но споборника

---

[1] способствуют; [2] истинным, не ложным.

имѣя благочестива помысла, непобѣдимаго самодержца безсловесных страстей; иже всѣхъ матеря похоти всеоружием цѣломудрия низлагает.* Честь царева суд любит,* по пророку.

Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во Церковь, яко же блядословят о нас никонияны, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерском «Жезлѣ»,* а инъдѣ и предотечами антихристовыми? Не постави им, Господь, грѣха сего, не вѣдят бо, бѣднии, что творят. Ты, самодержче, суд подымеши о сих всѣхъ, иже таково им дерзновение подавый на ны. Не вѣмы в себѣ ни слѣду ересей, коих пощади нас Сынъ Божий от такова нечестия и впредь, ниже[1] раскольства: Богъ свѣдѣтель и пречистая Богородица, и вси святии! Аще мы раскольники и еретики, то и вси святии отцы наши и прежнии цари благочестивии, и святѣйшия патриархи такови суть. О небо и земле, слыши глаголы сия потопныя* и языки велѣрѣчивыя!

Воистинну, царь-государь, глаголем ти: смѣло дерзаете, но не на пользу себѣ. Кто бы смѣл рещи таковыя хульныя глаголы на святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми[2], государь, с коею правдою хощеши стати на Страшном суде Христовѣ, пред *тьмы аньгельскими и пред всеми племены* язык вѣрных и зловѣрных. Аще во православии нашем, отеческих святых книгах и в догматѣх их хотя едина ересь и хула на Христа Бога и Церковь его обрящется, ей, ради мы за них прощаться пред всѣми православными, паче же за то, аще мы что от себя внесохом — соблазны или раскол — во Церковь. Но нѣсть, нѣсть! Вся церковная права суть разумѣвающим истинну и здрава обрѣтающим разум по Христѣ Исусѣ, а не по стихиям сего мира, за нюже мы страждем и умираем, и крови своя проливаем.

Испытай, царю християнъский, Писание и виждь, яко в послѣдняя времена исправления вѣры и обрѣтения истинны нигдѣже нѣсть и не будет, но вездѣ писано есть, что в послѣдняя времена отступят вѣры, а не исправят ю, и исказят писания, и превратят[3], и внесут ереси погибельныя, и многих прельстят. Сице вездѣ суть в писаниях святых узриши.

И не дивися, тако истинна. Христосъ сам рече: «Егда приидетъ Сынъ человѣческий, обрящет ли вѣру свою на земли?»* На се богословцы глаголют: не *обрящет*, кромѣ малых избранных, забѣгших в горы; а во градѣхъ и селѣх не обрящется ни единаго *православнаго* епископа и попа. Тако будет, царю, по словеси Христову. И помяни дни Ноевы: много ли осталось благочестивых пред потопом? Вѣси, только осмъ душъ. И в скончании вѣка тако будет: мало Христово стадо, много ж сатанино и антихристово воинство будет.

И ты не хвалися! Пал ся еси велико, а не востал искривлением Никона, богоометника и еретика, а не исправлением, умер еси по души ево учением, а не воскрес. И не прогнѣвися, что богоотметником ево называю. Аще правдою спро-

---

[1] ни; [2] внемли; [3] извратят.

сиши, и мы скажем ти о том ясно с очей на очи и усты ко устом возвѣстим ти велегласно; аще ли же ни, то пустим до Христова суда: там будет и тебѣ тошно, да тогда не пособишь себѣ нимало. Здѣсь ты нам праведного суда со отступниками не дал, и ты тамо отвѣщати будеши сам всѣм нам, а льстящии и ласкающии тебе, имже судом судиша нас, такоже и сами от Христа и святых его осудятся, и в нюже мѣру мѣриша нам — возмѣрится им от Сына Божия. Нѣсть бо уже нам к ним ни едино слово. Все в тебѣ, царю, дѣло затворися[1] и о тебѣ едином стоит[2]. Жаль нам твоея царския души и всего дому[3] твоего, зѣло болезнуем о тебѣ, да пособить не можем ти, понеже сам ты пользы ко спасению своему не хощешь.

А о греческих властѣх и вѣре их нынѣшной сам ты посылал прежде испытовати у них догматовъ Арьсения Суханова* и вѣдаешь, что у них иссяче благочестие по пророчеству святых — царя Констянтина и Силивестра папы, и ангела Божия, явльшагося тогда Филофею *Цареградскому патриарху* и сказавшу о том же. Вѣдаешь ли, писано се во Истории о бѣлом *клабуце*,* *и*, вѣдая, почто *истинну в неправде содержиши*? *Сего* ради открывается гнѣв Божий на вас и бысть многажды ты наказан от Бога и все царство твое, да не позналися есте.

А еже нас не велишь, умерших, у церкви погребати, и исповѣди и Святых Тайн лишать в животѣ сущих еще коих, да Христосъ нас не лишит благодати своея: той есть присно с нами и будет, надѣем бо ся на нь крѣпко, и никтож — человѣкъ смертной и тлѣнной — отлучити нас от него возможет, с ним бо стражем и умираем. А по смерти нашей грѣшная телѣса наша — добро так, царю, ты придумал со власьми своими, что псом помѣтати или птицам на растерзание отдати. Вѣмы бо, да и ты слышишь по вся дни во церкви, яко святым мучеником ни единому честнаго погребения не бысть от убивающих их или в темницах уморяющих, но метаху их в безчестныя мѣста, и в воду иных, и в ровы, и в кал, оных же и сожигали мощи, да Христосъ их нигдѣ не забыл. Такоже и нас, негли[4], не забудет надежда наша и купно с первыми соберет кости наша в послѣдний день и оживотворит мертвенная телеса наша Духом Святым. Нѣсть мы лутши древних мученик и исповѣдник — добро так нам валятися на земли! Земли же есть и добровольне себе святии отцы погребати себе не повелѣша, великаго ради смирения, да большую мзду восприимут от Христа Бога. И елико ты нас оскорбляеши больши и мучишь, и томишь, толико мы тебя любим, царя, больши и Бога молим до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣх кленущих нас: «Спаси, Господи, и обрати ко истиннѣ своей!» Аще же не обратитеся, то вси погибнете вѣчно, а не временно.

Прости, Михайлович-свѣтъ, либо потом умру, да же бы тебѣ вѣдомо было, да никак не лгу, ниже притворяяся говорю: в темнице мнѣ, яко во гробу, сидящу, что надобна? Развѣ смерть? Ей, тако.

---

[1] заключено; [2] держится; [3] семьи; [4] может быть.

Нѣкогда мнѣ молящюся о тебѣ з горькими слезами от вечера и до полунощи и зѣло стужающу Божеству, да же бы тебѣ исцелитися душею своею и живу быти пред ним: и от труда своего аз, многогрѣшный, падох на лицы своем, плакахся и рыдая горько, и от туги великия забыхся, лежа на земли, и видѣх тя пред собою или ангела твоего умиленна стояща, подпершися под лице правою рукою. Аз же возрадовахся, начах тя лобызати и обымати со умиленными глаголы. И увидѣх на брюхе твоем язву зѣло велику,* исполнена гноя многа, и убоях, вострепетах душею, положих тя взнак[1] на войлок свой, на немже молитвы и поклоны творю, и начах язву на брюхе твоем слезами моими *покропляя*, руками сводити, и бысть брюхо твое цѣло и здраво, яко николиже болѣ. Душа ж моя возрадовалася о Господѣ и о здравии твоем зѣло.

И паки поворотих тя вверхъ спиною твоею, видѣх спину твою згнившу паче брюха, и язва больши первыя явихся. Мнѣ же так же плакавшуся, руками сводящу язву твою спинную, и мало-мало посошлася и не вся исцѣлѣ.

И очютихся от видѣния того, не исцелих тя всего здрава до конца. Нѣт, государь, большо покинуть мнѣ плакать о тебѣ, вижу, не исцелѣть. Ну, прости же, Господа ради, дондеже увидимся с тобою.

Якоже присылал ко мнѣ Юрья Лутохина,* и реклъ онъ, Юрье, усты твоими мне на Угрѣше: «Разсудит, де, протопоп, меня с тобою праведный судия Христосъ». И я на том же положил: буди тако по воли твоей. Коли тебѣ, государь, тако годѣ, ино и мнѣ такъ любо: ты царствуй многа лѣта, а я мучуся многа лѣта, и поидем вмѣсте в домы своя вѣчныя, егда Богъ изволит. Ну, государь, да хотя меня и собакам приказал выкинуть, да еще благословляю тя благословением послѣдним, а потом прости, ужъ тово чаю только.

Царь-государь Алексѣй Михайлович, любим бо еси мнѣ, исповѣмся тебѣ всѣмъ сердцем моим и повѣм ти вся чюдеса Господня. Ей, не лгу — буди мнѣ с сею ложью стати на Страшнѣмъ судѣ с тобою пред лицем Господним. Того ради хощу тебѣ сказать, яко мнит ми ся, не коснитъ[2] Господь о кончинѣ моей, и помышляет ми ся, будет скоро [3]отложение телеси[3] моему, яко утомил мя еси зѣло, еще же мнѣ и самому о жизни сей нерадящу. Послушай, державнѣ, побесѣдаю ти, яко лицем к лицу.

Нынѣшня 177 (*1669*) году, в Великий постъ, на первой недѣлѣ, по обычаю моему хлѣба не ядох в понедѣльник, такожe и во фторник, и в среду не ядох, еще же и в четвергъ не ядше пребых, в пяток же, прежде часов* начах келейное правило, псалмы Давыдовы пѣти, прииде на мя озноба зѣло люта, и на печи зубы мои розбило з дрожи. Мнѣ же, и лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы, понеже от Бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мнѣ, — прости, царю, за невѣжество мое, — от дрожи тоя нападе на мя мытъ[4]; и толико изнемогъ, яко отчаявшу ми ся и жизни сея, уже всѣхъ дней не ядшу ми дней з десять и больши.

[1] навзничь; [2] не замедлит; [3—3] разлучение с телом; [4] понос.

И лежащу ми на одрѣ моем и зазирающу[1] себѣ, яко в таковыя великия дни правила не имѣю, но токмо по чоткам молитвы считаю, и Божиим благоволением в нощи вторыя недели, против пятка, разпространился язык мой и бысть велик зѣло, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли разпространился, а потом Богъ вмѣстил в меня небо, и землю, и всю тварь[2]. Мнѣ же, молитвы безпрестанно творящу и лѣствицу[3] перебирающу в то время, и бысть того времени на полчаса и больши, и потом возставши ми от одра лехко и поклонившуюся до земля Господеви, и после сего присѣщения Господня начах хлѣб ясти во славу Богу.

Видишь ли, самодержавне? Ты владѣешъ на свободѣ одною Русскою землею, а мнѣ Сынъ Божий покорил за темничное сидѣние и небо и землю, ты, от здѣшняго своего царства в вѣчный свой дом пошедше, только возьмешъ гроб и саван, аз же, присуждѣнием вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по землѣ влачимы; так добро и любезно мнѣ на землѣ лежати и свѣтом одѣянну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свѣтъ мой и вся тварь — Богъ мнѣ дал, якоже выше того рекох. Да не первому мнѣ показанно сице: чти, державный, книгу Палею; егда ангелъ великий Альтез древле восхитил Авраама выспрь,* сирѣчь на высоту к небу, и показа ему от вѣка сотворенная вся, Богу тако извольшу. А и нынѣ, чаешь, изнемогъ Богъ? Нѣсть, нѣсть, той же Богъ всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком! Аминь.

Хвалити ми ся не подобает, токмо о немощахъ моих — да вселится в мя сила Христова — не только то тово Божия присѣщения. Егда мнѣ темныя твоя власти волосы и бороду остригли и, проклявше, за твоим караулом на Угрѣше в темнице держали, — о, горѣ мнѣ, не хочется говорить, да нужда влечет! — тогда нападе на мя печаль. И зѣло отяготихся от кручины и размышлях в себѣ, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якоже меня нынѣ: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияня, пущи отца своего Никона надо мною, бѣдным, сотворили. И о том стужах Божеству, да явит ми, [4]не туне[4] ли мое бѣдное страдание. И в полунощи во всенощное, чтущу ми наизусть святое Еуангелие утреннѣе, над ледником на соломке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день Вознесения Господня, бысть в дусѣ[5] весь, и ста близ меня по правую руку ангелъ мой хранитель, улыскаяся[6], и приклоняяся ко мнѣ, и мил ся мнѣ дея; мнѣ же чтущу святое Евангелие не скоро и ко ангелу радость имущу, а се потом изо облака госпожа Богородица яви ми ся, потом и Христосъ с силами многими и рече ми: «Не бойся, аз есмъ с тобою». Мнѣ же к тому прочетше х концу святое Евангелие и рекшу: «Слава тебѣ, Господи», и, падшу на земли, лежащу на мног час, и, егда отъиде слава Господня, востах и начах утреннюю конча-

---

[1] упрекая; [2] все, сотворенное им; [3] четки; [4—4] не напрасно; [5] в духовных помыслах; [6] улыбаясь.

ти. Бысть же ми радость неизреченна,* еяже невозможно исповѣдати нынѣ. За любовь тебѣ Господню, Михайлович, сказано сие, понеже хощу умереть. Молю тя именем Господним, не повѣдай врагом моим, никониянам, тайны сея, да не поругають Христа Исуса, Сына Божия и Бога: глупы веть онѣ , дураки, блюють и на самого Бога нечестивыя глаголы; горѣ имъ, бѣдным, будет.

Посем, государь, мир ти и паки благословение, аще снабдиши[1], о немже *молю твою царскую душу*; *аще ли же ни*, *буди воля* твоя, якоже хощеши. Не хотѣлося боло мнѣ в тебѣ некрѣпкодушия тово: веть то всячески всяко будем вмѣсте, не нынѣ, ино тамо увидимся, Богъ изволит.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ

Свѣтъ-государыня, всегосподованная[2] дѣво, Ирина Михайловна! Что аз, грубый, хощу пред тобою рещи? Вѣмъ, яко мудра еси, дево, сосудъ Божий, избранный, благослови поговорить! Ты у нас по царѣ над царством со игуменом Христомъ игумения. Якоже онъ, надежа наша, изсѣкъ римскою властью любоплотный родъ еврейский,* подобает, государыня, и здѣсь любоплотнымъ по тому же уставу быть. Не страша же глаголю, но предълагаю законопреступникам збывшееся издревле во Израили. Егда в законѣ поблядят[3], тогда и разорение, егда же обратятся ко Господу Богу, тогда имъ милость и ужитие мирно и безмолвно. Но виждь, предобрая, что над собою и греки учинили, ко псу ездя, на Флоренскомъ соборѣ,* истиннѣе, рещи, на сонмище жидовское, руки приписали, Мануилович* с товарищи, что наведе греческой державѣ? Помнишъ ли, свѣтъ, реченное или запамятовала? Ну, ино я препомню.

Тому лѣтъ з двѣсти семьдесят с лишком, варваръ, Бахметъ турской, взялъ Царьград* и брата Мануиловича Констянтин.* Не коснѣлъ[4] Христос, скоро указ учини. Блюдусь и трепещу: та же собака заглядываетъ и в нашу бѣдную Росию. Мнит ми ся, по греческому же уставу ступает, малу-помалу на высоту восходитъ[5] и со дияволом предуспѣваетъ. Егда помышляю, ужасъ меня обьемлетъ: отвсюду ми тѣсно[6] нынѣ душа, плавание, а тогда тѣлесемъ гробы.

Преудобренная[7] невѣсто Христова, не лучши ли со Христомъ помиритца и възыскать старая вѣра, еже дѣдъ и отецъ твои* деръжали, а новую блядь[8] въ гной спрятать? Пускай Никоновъ уставъ *мотыльной*[9], до общаго воскресения тутъ препочиетъ. А будет такъ и не учинитца, тако глаголетъ Духъ Святый, пострадать будетъ и намъ, якоже и грекомъ. А потом варваръ попустит и на са-

---

[1] хочешь получить; [2] госпожа всех; [3] преступят; [4] не медлил; [5] набирает силу; [6] затруднительно; [7] прекраснейшая; [8] ложь; [9] от «мотыло» — помет, навоз.

мую первую блудницу, еже есть костелъ римской, потом же и послѣдней дияволъ, глаголю, антихристъ, потом пророцы Илия и Енох з Богословомъ, потом измѣнение твари. Потомъ «Се женихъ грядетъ, исходите во стрѣтение его», по глаголющему пророку: «Зрѣхъ, доньдеже престоли поставятъся и [1]Ветхий Деньми[1] сѣде, и книги разверзошася, и тмы тмами предстояху ему, и тысяща тысящами служаху ему». Тогда праведницы просвѣтятся, а грѣшницы омрачятся, тогда християне возвеселятся, а никонияна восплачются и возрыдаютъ, яко прииде, отмщение коварству ихъ.

Воистинну, государыня, никонияньская вѣра и уставъ не по Бозѣ, но по человеку. Умыслилъ Никон оружиемъ и пищальми и со дреколми на противныя, не разумѣх пророка вопиюща: «Не на лукъ бо мой уповаю, и оружие мое не спасетъ мене».* По тому же реклъ прилично апостолъ Павелъ: «Нѣсть наша брань х крови и плоти, но к началом и ко властемъ и к миродержителемъ тмы вѣка сего, к духовомъ злобѣ поднебеснымъ».* И еще онъ же: «Сего ради приимѣте вся оружия Божия, да возможете противитися въ день лютъ, и вся содѣявше стати».* Паки онъ же: «Станете убо препоясани чресла ваша истинною и оболокъшеся во броня правды и обувше нозѣ во *благовѣствования* миру. Надо всѣми же сими восприимите щитъ вѣры, в немже возможете вся стрѣлы лукаваго разжженныя угасити».*

Царевна-государыня, Ирина Михайловна, умоли государя-царя, чтобы мнѣ далъ с никонияны суд праведный, да извѣстна будет вѣра наша християньская и ихъ никониянская. Иду, рабъ вашъ, братися с турскимъ *по* святѣй Божии церкви, взявши братию мою, страждущихъ повсюду. Не надобе намъ ни пищали, ни сабли, ни ино что от таковых, но токмо облецемся в ризы священныя; попы и дияконы со кресты и с фимияном, а черньцы — в черныя ризы и схимы. И всякъ возрастъ мужеска полу и женска и плачюще и восклицающе горце: «Владыко, не остави насъ, *сирых*, но прииди и стани с нами, да воспоемъ пѣснь раба Божия Моисея: „Коня и всадники фараоновы *вверже* в море избранныя, всадники потопи в Чермном мори"»,* и прочая. Надѣюся на Господа, яко Ияковъ Никейсъкий,* прогнавъ перскаго царя комарами.

А никонияна, патриархи и митрополиты, и архиепископы со архимариты, и игумены пускай противъ варвара своимъ сонмомъ поидутъ. Какъ знаютъ, такъ и молятъ по-своему Бога. В молитвах ихъ напечатано: «Молимся тебѣ, духъ лукавый».* Пускай онѣ с лукавымъ духомъ, а мы, християне, со Христомъ Исусомъ. Намъ онѣ, поганцы, в товарищы не надобны. Мы поидем на турская полки от десных, в рукахъ побѣдное оружие — крестъ — держа. А никонияня пускай да идутъ о лѣвую с крыжами и с партесъным пѣнием.* Онѣ пускай противъ воеводъ идут турскаго, а мы — на самого диявола и Салтана царя. Я хощу о Христѣ бозѣ моем, яко Давыдъ на Голияда,* тако и Салтана царя, патрахилию

[1]—[1] т. е. Саваоф.

обязавъ, в Москву притащу ти и пред царя моего поставлю, яко пса, и благословение царю-государю подамъ.

Поиду в пустыню, куды очи несутъ, направляем Христомъ и пречистою Богородицею, а избранное Христово воинство, куды кто хочетъ, туды и поди, Богъ благословитъ. А никонияня назадь не возвратятся, тако глаголетъ Духъ Святый, истреблени будутъ, яко Мадиямъ и Сисара, Иавимъ в потоцѣ Кисовѣ, со иноплеменники брашася, погибнутъ вси, потребятся[1], яко древле во Аендорѣ,* будут, яко гной земный. Да болше того полно говорить, будетъ такъ, якоже рекох.

По сих всѣхъ прости мя, святая душа, и благослови, елико согрѣших словом и дѣлом, и помышлениемъ, и осуждением, и всеми моими чювствы. Аминь.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ («ЧЕЛОБИТНАЯ»)

Благаго и преблагаго и всеблагаго Бога нашего благодатному устроению, блаженному и треблаженному и всеблаженному государю нашему, свѣту-свитилу, рускому царю и великому князю Феодору Алексѣевичу.

Не смѣю нарещися богомолецъ твой, но яко нѣкий извергъ[2], и непричастенъ ногамъ твоимъ, издалеча вопию, яко мытарь.* «Милостивъ буди ми, Господи!»; подъстилаю главу и весь орган тѣла моего со гласомъ: «Милостивъ буди ми, Господи!», яко серафинисса, жена еллинска, къ сыну Божию, ибо и пси ядятъ от крупицъ, падающихъ от трапезы господий своихъ.* Ей, песъ есмь азъ, но желаю крупицы твоея милости.

Помилуй мя, странного[3], устраншагося[4] грѣхъми Бога и человекъ, помилуй мя, Алексѣевичь, дитятко красное, церковное! Тобою хощетъ весь миръ просвѣтитися, о тебѣ людия Божия расточенныя[5] радуются, яко Богъ намъ дал державу крѣпкую и незыблему. Отради[6] ми, отрасль царская, и не погуби мене со беззаконьми моими, ниже, в вѣк враждовавъ, соблюдеши золъ моихъ, зане ты еси царь мой, и азъ рабъ твой; ты помазанъ елеомъ радости, а азъ обложенъ узами желѣзными, ты, государь, царствуешъ, а азъ во юдоли плачевной плачюся. Увы мнѣ! Кого мя роди мати моя! Проклятъ день, в онъ же родихся, и нощь она буди тьма, еже изведе из чрева матере моея!

Помилуй мя, сыне Давыдовъ,* помилуй мя! Аще благодать обрѣтохъ предъ тобою, помилуй мя! Услыши моление мое, внуши молитву мою не во устнахъ льстивых!* Глаголю ти: разрѣжь чрево мое и посмотри сердце мое, яко с трепетомъ молю и мил ся дѣю; припадаю: приклони ухо твое и внуши глаголы моя из болѣзненны души. Царю, послушавъ, от лютъ мя избави: единъ бо еси ты

[1] истребятся; [2] отверженный; [3] странника; [4] отдалившегося; [5] разогнанные; [6] обрадуй.

нашему спасению повиненъ. Аще не ты по Господѣ Бозѣ кто намъ поможетъ? Столпи поколебашася навѣтомъ сатаны, патриарси изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо — Богъ вѣсть! — али и умроша. Увы, погибе благоговѣйный от земля и нѣсть исправляющаго в человѣцѣхъ!* Спаси, спаси, спаси ихъ Господи, имиже вѣси судбами! Излей на нихъ вино и масло, да в разумъ приидутъ!

А что, государь-царь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илия-пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ часъ.* Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ, чаю. Да воевода бы мнѣ крепкоумной — князь Юрья Алексѣевичь Долгорукой!* Перво бы Никона, собаку, и разсѣкли начетверо, а потомъ бы никониянъ. Князь Юрья Алексѣевичь, не согрешимъ, небось, но и вѣнцы побѣдныя приимемъ! Помнишъ, ты мнѣ жаловалъ, говорилъ: «Естли, де, что, протопопъ Аввакумъ, — на соборѣ томъ* говоритъ, — и я тебе сопротивъ безъотвѣтно реку: „Государь, винно, такъ ты"». Да инде и слава Богу. А послѣ и не такъ у нихъ стало.

Богъ судитъ между мною и царемъ Алексѣемъ. В мукахъ онъ сидитъ, слышалъ я от Спаса; то ему за свою правду.* Иноземцы тѣ что знаютъ? Что велѣно имъ, то и творили. Своего царя Константина, потерявъ безвѣриемъ, предали турку,* да и моего Алексѣя въ безумии поддержали, костелники[1] и шиши[2] антихристовы, прелагатаи[3], богоборцы!

Князь Юрья Алексѣевичь, здравъ буди, а благословение мое есть на главѣ твоей. Помнишъ, и дважды благословилъ тя да и нынѣ такъ же. Прости и моли о мнѣ, грѣшнемъ, Бога, да не разлучитъ насъ во Царствии своемъ в день вѣка. Мои свѣты вы все, князи и боляре, отступникомъ до васъ нѣтъ дѣла! Говорите Иоакиму* патриарху, престалъ бы от римскихъ законовъ, дурно затѣели, право. Простой человекъ, Яким-от. Тайные тѣ шиши, кои приѣхали из Рима, тѣ ево надуваютъ аспидовымъ ядомъ. Прости, батюшко Якимушко! Спаси Богъ за квасъ, егда напоилъ мя жаждуща, егда азъ с кобелями тѣми грызъся, яко гончая собака з борзыми, с Павлом и Ларрономъ.*

Чюдо! Чюдо! Заслѣпил дияволъ! Отеческое откиня, имъже отцы наши, уставомъ, до небесъ достигоша, да странное[4] богоборство возлюбиша, извратишася. Не я своимъ умысломъ, скверной, затѣваю, ни, ни, никакоже, но время открывает, яко чаша в руцѣ Господни нерастворенна исполнь растворения, и уклони от сея в сию, обаче и дрождие его не искидашася. Псалмопѣвецъ глагола: «И дрождей[5] не кинетъ даром, но испиютъ вси грѣшнии *земли*».* Рече Господь: «Имѣяй уши слышати да слышитъ».*

Прости, прости, прости, державне! Падъ, поклоняюся! Прости, Господа ради, в чемъ согрубилъ тебѣ, свѣту. Благословение тебѣ от Всемогущия Десницы и от меня, грѣшнаго Аввакума протопопа. Аминь.

[1] те, кто ходит в костел; [2] в переносном смысле: слуги; [3] прельстители; [4] чуждое; [5] дрожжи.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМ

ПИСЬМО ИВАНУ НЕРОНОВУ

⟨...⟩ по Воздвиженьевъ день* живу ⟨...⟩, четвертую недѣлю ношу на шѣе чепь с *тулом*[1].* Жалуютъ, пускают к церквѣ. Не пустили попы у Казанские в церковь и ис придѣла выбили, по приказу архидьяконову, сказывают. И я, грѣшник, помянул изгнание великаго свѣтила Златаустаго,* и собрался з братиею о Господѣ в дому твоем, в сушилѣ, после тебя в первое воскресение, побдѣти, и житие Златаустово на замвонной статьѣ[2] почел братье. И егда достигло время на завтрене[3] перваго часа, тогда предложил в Бесѣдах* статью почести. И в то время прииде духъ от пустыни, обыдоша нас пси мнози и сонмъ лукавых объступиша ны,* и вскочиша в молитвенный дом Борисъ Нелединской со стрельцами, и книги попраша, а меня почали бить взашей и за волосы драть, в патрахѣли, а братью такоже перехватали, человѣкъ с сорокъ и болши. И отвели нас на патриарховъ *двор*, и завтрени допѣтъ не дали. И потом братью отослалъ в тюрьму и держалъ ихъ в тюрьмѣ недѣлю; и, приведши в церковь, их проклинал и велѣлъ их бить взашей и ходить им в церковь нигдѣ не велѣлъ.* А проклинал их во время страшныя литоргии.*

А меня в первый день взятия оковав юзами, чепью большею, и велѣлъ вести Москвою в Ондроньевъ монастырь* на телѣге. И по десяти днех паки меня имал из *манастыря* к себѣ на двор, и велѣлъ вести Москвою пешова за рукава, [4]снемши с рукъ[4], яко разбойника.

И был я в приказѣ день един перед судьями на роспросе про челобитную, что братья о тебѣ подавали государю. А писал ее Данило Костромский* да я. А в ней написано слово так: «О, благочестивый царю, откуду се привнидоша во твою державу? Учение в Росии не стало, и глава от церкви отъята, понеже [5]озоба вепрь от луга и инок дивии поял и естъ[5]».* И царь отдал ея патриарху, и меня патриарховы судьи про сие слово роспрашивали. И я судьям сказал: «Глава, — реку, — Иван, у Казанския церкви тут был, а свиньи — тѣ, которые разоряют благочестие, да тѣ попы, которые патриарху на батька подали челобитную, что патриархъ у себя сказывал».

А в то, государь, время в приказѣ был и архидьякон, и со мною стязався[6] и побраня меня матерны, велѣлъ паки отвести в Ондроньевъ монастырь. И оттолѣ сижу все на чепи, и домашних ко мнѣ никово не припускают.

А набело о тебѣ что челобитную писал Симеонъ Бебехов, и онъ на патриархове дворѣ сидит, на чепи же, недѣли с три уже.

А Данила Костромскаго повезли в Астрахань.

---

[1] грузом; [2] т. е. в конце литургии; [3] на заутрене; [4—4] стянув с рук; [5—5] сожрал ее вепрь лесной — инок дикий — схватил и ест; [6] спорил.

А Логина остриг* и проклинал после переноса во время страшныя литоргии, и однорядку с него и кафтан стащили в то же время, и били ис церкви взашей довольно в одной рубахе. А в то время у обѣдни и царь был. На чепи ево тащили от патриархова двора до Богоявленскаго монастыря* за шею по землѣ многажды. И послал ево в Муром и велѣлъ проклинать, кличь, сказывают, чтобы никто ево попом и протопопом не звал. А жить ему велѣлъ в деревне, у отца, под началом, остриженому.

А про Стефана* сказать не знаю что, — всяко ослабѣлъ. Писал я о тебѣ челобитную, и онъ государю и не отнес. И я помышляю: благо нам и так. Давидъ-богоотецъ реклъ: «Не надѣйтеся на князя, на сына человѣческаго, в нихже несть спасения».*

Помолись, государь, о мнѣ, яко Павел о Тимофее,* в молитвах своих дневных и нощных, и рцы мнѣ глагол, хотя един, ко утѣшению, якоже онъ: «Тимофею, возлюбленному чаду, благодать, милость и мир от Бога Отца и Христа Исуса, Господа нашего». Я не якоже Тимофей, но ты подобен еси Павлу, благодать устны твоими дѣйствует, якоже Павловыми. Аз, грѣшник, помня слезы твоя, и радости исполняюся, днем и нощию воспоминание приемля о сущей в тебѣ нелицемѣрней вѣрѣ. Благодарю укрѣпляющаго мя Христа Исуса, Господа нашего, яко вѣрна мя помыслив и положив мя в службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя, но помилован бых за молитвъ твоих, яко невѣдый творих. Упремножи[1] же ся благодать Господа нашего Исуса Христа с вѣрою и любовию со всѣми нами во вѣки. Аминь.

А писанейце, сказывают, от тебя ко мнѣ пришло, да ко мнѣ не дошло. А дом твой — ни та, ни се, без меня и пущи пропал; сказывают, пьянствуют да бранятся. А жена моя потерпѣла, да и з двора збрела. А братья розбрелась вся. А подголовок[2] и нынѣ в церкви, не вѣдомо цел, не вѣдомо — нѣт, *а ключ у меня лежит.**

ПИСЬМО ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ

Отписка с Мезени протопопа Аввакума ко игумену Феоктисту. Списано с сущия ево протопоповы руки слово в слово.

Рече Господь: «Аще согрѣшаютъ пред вами человецы до седмьдесят кратъ, седморицею и каются, — прощайте их».*

Отче Феоктисте и вся братия! Я, протопопъ Аввакум, пред Богомъ и пред вами согрѣшил и истинну повредил, простите мя, безумнаго и неразсуднаго, имущаго ревность Божию не по разуму. Глаголете ми, яко мною вредится истинна и лутче бы мнѣ умереть в Даурах, а нежели бы мнѣ быть у вас на Москвѣ. И то, отче, не моею волею, но Божиею до сего времени живу. А что я на Москвѣ гной розъшевелил и еретиковъ раздразнил своимъ приездомъ из Дауръ, и я в

[1] многажды умножится; [2] сундучок (видимо, с церковной казной).

Москву приѣхал прошлаго году* не самозван, но взыскан благочестивым царемъ и привезен по грамотам. Уш то мнѣ такъ Богъ изволил быть у васъ на Москвѣ! Не кручинтеся на меня Господа ради, что моего ради приезда стражете. Аще Богъ по насъ, кто на ны?* Кто поемлетъ на избранныя Божия? Богъ оправдаяй и кто осуждаяй? Христосъ Исус умерый, паче же и воскресый, иже и проповѣдуетъ о насъ.

Отче, что ты страшливъ? Слышишъ ли: есть о нас промышленикъ. Феоктист, что ты опечалилсе? Аще не днесь, умремъ же всяко. Не малодушьствуй, понеже наша брань нѣсть к крови и плоти. А что на тебя дивих! Не видишь, глаза у тебя худы! Рече Господь: «Ходяй во тмѣ не весть, камо грядетъ[1]».* Не забреди, брате, со слепых тѣх к Никону в горкой Сионъ!* Не здѣлай бѣды, да не погибнемъ злѣ! Около Воскресенскова ровъ великъ и глубокъ выкопан, прознаменует ад: блюдися да не ввалисся, и многихъ да не погубиши. Я, су, право, блюдуся горкаго того Сиона, понеже в нем не сладки пѣсни поетъ дщи Вавилоня, окаянная! Разширила и народила выблядковъ Родиона и Ивана* и иных душепагубных волковъ, и онѣ пожираютъ стадо Христово злѣ. И я, отче Феоктисте, видя их, хищниковъ, ловящих овецъ Христовых, не умолчал ему, Родиону, и Ивану, и начальнику их Илариону,* понеже возбудил вас, рабовъ Христовых, приѣздомъ своимъ. А аще бы нам умолчать, камение возопиет.

И ты не кручинся на меня, миленкой! Я поѣхал от вас с Москвы паки по городом и по весем словесныя рыбы промышлять, а вы там бѣгайте от никониян! Поминайте реченное: «Не бойся, малое мое стадо, яко Отецъ мой благоизволи вам дати Царство».* Батко Феоктистъ, скажи Василью Рогожке от меня мир, и благословение, и поклон, и прощение и спроси, что с ним, не видался, тако же и протчей братье всѣмъ за меня кланяйся — твое то дѣло: «Протопопъ, де, прощения проситъ, кому в чем досадил». Да и сам престань Бога для пить сикера[2].

А Ондрѣй Самойлов у меня на Колмогорах недели с четыре жил,* у всѣх у вас благословения просит и прощения. Да отпиши ко мнѣ кое о чем пространно, не полѣнись, или Афонасья заставь.* А я жду на Мезени вашева писма до весны.

Не ѣзди к Николе на Болото:* никониане удавят. Шатайся кое-какъ, всокровеннѣ[3] или ко мнѣ приѣдь, буде сможешъ. Про все пиши, а про старцово житье* мнѣ не пиши, не досажай мнѣ имъ, не могутъ мои уши слышати о нем хулных глагол ни от ангела. Уш то грѣх ради моих в сложении перстов малодушьствует. Да исправитъ его Богъ, надѣюся! Отпиши ко мнѣ, какъ живут отщипенцы, блядины дѣти, новые унияты, кои в рогах ходят,* понеже отецъ их диявол, бляди и лжи начальник, их тому же научил лгать и прельщать народы.

Посем мир ти, господине, и брате, и отче! И жена моя и дѣти благословения просят, и Фетинья, и Григорей.*

---

[1] куда идет; [2] род хмельного пива; [3] скрываясь.

ПИСЬМО ИНОКУ АВРААМИЮ

От него же, святаго отца Аввакума.

Рече Господь: «Не бойся, малое стадо мое, яко благоизволи Отецъ мой дати вамъ Царство, и не убойтеся от убивающихъ тѣло, потом не могущихъ лишше что сотворити».*

Отче Аврамей, протопопъ Аввакум, миръ давъ, челомъ бью.

Любо мнѣ, что ты еретиковъ побѣждаешъ, среди торга ихъ, псовъ, взущаешъ. Аще бы я былъ с тобою, пособилъ бы тебѣ хотя немного, но Владыка мой, сильнѣе мене, тебѣ помогает и ихъ, воровъ, сокрушаетъ.

Повелѣлъ намъ Богъ наступати на змию и на скорпию, и на ихъ еретическую силу. Скажи братье всѣмъ, рядовичамъ[1], вѣрным о Христѣ, от меня благословение, и что тебѣ способляютъ диявола и слугъ его побѣждати. Воистинну, суетна ихъ вѣра, воистинну, исполнена прелести и мятежа, наша же — крѣпка и непреборима, яко твердый камень, на нейже есмы утверждени.

Я, братецъ, далъ Богъ, здоров, остриженъ гладко, голова и брада, яко латынинъ, но вѣрою християнин. Чюдно еще, не обрѣзали тайнаго уда по-жидовски! Утѣшили бы меня, какъ бы и голову ту с плечь тѣхъ сняли! Пускай отъята буди глава ради надежды моея, Церкви, да вѣнцы вѣчными увяземся! Еще же рука и нога — да вѣчно ликовствуют, и все тѣло огню да предасться — да же сладокъ хлѣбъ Троицѣ в приношение буду.

Помолися, и братьем заповѣждь, да же молитвами вашими сохранитъ мя Богъ от часа искушения! Надѣю бо ся за молитвъ вашихъ братскихъ спасен быти, аще ми Господь поможетъ.

ПИСЬМО АФАНАСИЮ

Афонасий, не умер ли ты?* Да как умереть: Афонасий безсмертие толкуется. Носи гораздо пироги* те по тюрмам тѣмъ.

А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принялъ?* Жури ему: «Боярин, де, су, одинова умереть, хотя бы то, де, тебя, скать[2], по гузну тому плетьми теми и побили, ино бы некакая диковина, не Христова бы кровь пролилась, человѣчья!»

А Хованской князь Иван Болшой изнемог же.* Чему быть! Не хотят отстать от Антиоха тово Египетскаго,* рафленые куры да крѣпкие меды какъ покинуть? Бѣдненькие, увязают в совѣтѣх, яже умышляют грѣшнии! Да покинуть будет, и не хотя, егда повелит Господь расторгнути душу с тѣломъ. Аще и Илия и Енох не вкусили смерти плотски, но при *антихристѣ* и тѣ плотию по-

[1] всем простым людям; [2] междометие: пусть, дескать.

страждют* и, на стогнах[1] убити, полежав три дни и полъ, оживут паки и на небо взыдут.

Видишь ли, толикия свѣтила смерть плотьски вкусят! А мы когда безсмертни будем?

Ну, Афонасей, прости. Спаси Богъ тя за пироги. Моли Бога о мнѣ. Мир ти и благословение от всѣх нас, а от меня и поклон с любезным целованиемъ.

ПИСЬМО «ОТЦАМ В ПОМОРЬЕ»

Отцам в Поморье пишет.

Четвероконечная колесница огненнаго течения, ревнители Ильины, нравы подобящеся Крестителю, правыми стопами послѣдовасте Христу: Саватие и Евфимий, Тимофей с Авксентием, молите Бога о нас, грѣшных!

Вы [2]постигосте верси[2] горам, а мы получихом верси бедамъ; вы взыдосте на безстрастие, а мы погрязохомъ во глубинѣ страстей; вы со аггелы бесѣдовасте, а мы по человѣку бравшеся[3], яко з бѣсы; вы зряще к небеси, а мы влекущеся долу.

Но надѣющеся на ваши отеческия молитвы, деръзаемъ со еретики братися до смерти по матери нашей, святѣй Божией Церкви. Аще Богъ по нас, кто на ны?* Со Христом и болшому тому волку, хохлатой той собакѣ, глаз вырву, нежели щенятам. Молитеся толко вы о нас, крѣпко и неослабно, Господа ради, отцы святии. Мнѣ вѣть неколи плакать: всегда играю со человеки, также со страстми и похотьми бьюся, окаянный. Вѣдаете и сами: бесѣды злы тлятъ обычаи благи.* В нощи что пособеру, а въ день и разсыплю, — волен Богъ, да и вы со мною. Бью челом вам невсклонно, не презирайте бѣдную мою и злосмрадную душю; молитеся, молитеся о грѣшнѣмъ Аввакумѣ протопопѣ.

Старец Епифаний, миръ давъ, благословения вашего отеческаго просит.

Еще же колѣнам вашимъ касаюся: поминайте в молитвах жену мою бѣдную и дѣти, и о всем домишку молите Христа моего и содѣтеля всѣх Бога, да приимѣте от него себѣ славы неувядаемый венецъ. Паки и паки миром Господу помолимся! Господи помилуй!

Ну, простите, полно говорить. Вы молчите, ино и я с вами престану говорить. Миръ вамъ и благословение.

Пришлите мнѣ гостинецъ какой-нибудь: или лошку, или ставецъ[4], или ино что. Али и у самих ничево нѣтъ? Бедные батюшки мои! Ну, терпите, Христа ради! Ладно такъ! Я веть богат: рыбы и молока много у меня Христовою благодатию и пречистыя Богородицы милостию и всѣхъ святых молитвами. Аминь.

---

[1] улица города; [2—2] достигаете вершин; [3] боремся; [4] миску.

ПОСЛАНИЕ «БРАТИИ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ... НА ВСЕМЪ ЛИЦѢ ЗЕМНОМЪ»

Послание изящнаго[1] страдалца преосвященнаго Аввакума, протосиггела[2] российския Церкви, крѣпкаго поборника православныя вѣры, еже убо посла ис темницы своея, живый убо на брезѣ окиана и о всѣхъ вѣрныхъ попечение имѣя немало, яко да вси вѣрнии рустии сынове, чада свѣтлой Росии, избраннии Богу, людие церковнии и питомицы духовнии, яко да блюдутъ себе крѣпцѣ отъ диавольскихъ ловлений, отъ еретическихъ козней. Писаша же ко всѣмъ вѣрнымъ на всемъ лицѣ земномъ.

Братия моя возлюбленная и вожделѣнная, яже о Христѣ Исусѣ, на всемъ лицѣ земномъ!

Стойте твердо въ вѣрѣ и незыблемо, страха же человѣческаго не убойтеся, ни ужасайтеся, Господа же Бога нашего святите въ сердцахъ вашихъ, и той будетъ намъ во освящение, яко съ нами Богъ, и уповающе будемъ на нь, и спасемся его ради, яко съ нами Богъ! Услышите и до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ!*

Аще бо кто вѣруетъ — и разумѣетъ реченная пророкомъ, аще ли ни — той смущается и колеблется, и, яко трость[3] зыблется и отъ мала вѣтра. Тако и маловѣрный и отъ слова убоявшеся, предаетъ правовѣрие, и таковый нагъ и чюждь бываетъ Евангельскаго учения, понеже Христосъ во Евангелии научаетъ четыремъ добродѣтелемъ: мужеству, мудрости, правдѣ и цѣломудрию.

Слыши, страшливый, начало евангельскаго подвига — мужество, о немъ же писано: «Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, душю же не могущихъ убити».* И о семъ подобаетъ намъ безпрестанно поучатися, да же страхомъ не колеблемся. Но яко младый птенецъ, опернативши[4], возлетаетъ выспрь, тако и человѣкъ Священнымъ Писаниемъ исправляется и дерзаетъ всенадежнымъ упованиемъ смѣло по Христѣ страдать, не отмещется и смерти, егда время призоветъ. К тому же и мудрость Христову содержитъ: не наскочитъ на напасти, а егда возьмутъ, не отрицается и о земныхъ не печалится, но съ любовию, Христа ради, вся презираетъ, поминая Господемъ реченное: «Будите убо мудри, яко змия, цѣли, яко голубие».*

Добро, братие, разсуждение во всемъ. Не наскочи, ни отскочи: такъ и благодать бываетъ тутъ. А аще, раздувшеся, кинешься, опослѣ же, изнемогши, отвержешися. А аще съ цѣломудриемъ, и со смиренною кротостию, и съ любовию ко Христу, прося отъ него помощи, уповая на него во всемъ, подвигнешься о правдѣ евангельской, и тогда Богъ маниемъ помогаетъ ти, и вся поспѣшествуетъ ти во благо. Не ищи тогда глаголъ высокословныхъ, но смиренномудрия: симъ побѣдиши вся противящияся тебѣ. А кто гордостью движется, Платонски на

[1] выдающегося; [2] почитаемого служителя; [3] тростник, камыш; [4] оперившись.

судѣ поучается говорить,* таковый всяко изнеможетъ и отвержется; такихъ подвижниковъ Богъ не рачитъ[1], но отвращается. Близъ Господь всѣмъ, призывающимъ его истинною, а гордоусовъ не любитъ Господь во всякомъ дѣлѣ. О Христовѣ дѣлѣ говори кротко и привѣтно, да же слово твое будетъ сладко, а не терпько, аще и разгорится духъ огнемъ Божественнымъ, слово къ человѣку говори, а умомъ ярость износи на диявола.

А кающагося во всяко время прощай, и вся твори, не человѣкомъ показуяся, но Богови.

Таже и молися за противнаго, яко и самъ Господь о Иеросалимѣ плакаше,* и Стефанъ Первомученикъ о убивающихъ моляшеся,* и Моисей: «Господи, аще люди сия погубляеши, истреби и меня от книги животныя».* Тако и ты твори: «Господи, накажи сопротивляющихся и привлецы ко истиннѣ твоей, имиже вѣси судьбами своими праведными; аще ли не лежитъ въ нихъ покаяние и нѣсть мѣста ко обращению, пресѣки жизнь нечестиваго, да не протязается[2] во грѣсѣхъ своихъ!» Да лбомъ о землю предъ Владыкою.

И паки, возставши, рцы: «Да будетъ еретическое мудрование проклято и всяко блядословие, но спаси, Господи, православныя!» И паки лбомъ о землю.

Таже: «Подай, Господи, крѣпость и утвержение рабомъ своимъ, повсюду страждущимъ за святую Церковь твою, отцемъ нашимъ и братиямъ, озлобленнымъ и томимымъ гладомъ и юзами, и всякою тѣснотою угнѣтаемымъ!» И паки лбомъ о землю.

Да еще догадывайся самъ затѣмъ помаленьку: воды изъ сердца добывай, елико мочно, и поливай на нозѣ Исусовѣ, прося всему миру спасения. Я уже нынѣче не плачю самъ, вамъ велю плакать о всѣхъ и о мнѣ.

А надъ всѣмъ мудрость змиину имѣй, а цѣлость голубину. Разумѣешь, чево для Господь на змию ту указываетъ и на голубя? А змию-ту какъ бьетъ кто, такъ она все тѣло предасть биемо быти, главу же свою соблюдаетъ, елико возможно: свернется въ клубокъ, а голову ту въ землю хоронитъ. Я ихъ бивалъ с молода ума. Какъ главы то не разобьешь, такъ и опять оживетъ; а голову ту какъ разобьешь, такъ она и цѣла, а мертва.

Такъ и християнинъ: безъ головы умретъ смертию вѣчною, сирѣчь безъ вѣры Христовы непорочныя. Хотя онъ и цѣлъ, не разоренъ, и не убитъ, да безъ вѣры мертвъ. Кая бѣда въ немъ? Плюнь на него! А аще разграбленъ и уязвленъ, глава же непорочна, еже есть православная вѣра въ души его: живъ есть таковый животомъ вѣчнымъ.

Еще же и незлобие во время гонения подобаетъ имѣти голубино. Понеже голубь, птенцовъ своихъ лишаемъ, не гнѣвается и отъ владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо строитъ и иныхъ дѣтей заводитъ. Я ихъ смолода держалъ,

---

[1] поддерживает, заботится; [2] не длится, не продолжается.

попович я, голубятникъ былъ. Какъ не хороши дѣтенки те, и лишаешь отъ родителей; а онѣ, бѣдные, свитаются[1], и другия станутъ заводить.

Тако и християнину безгнѣвно подобаетъ жити: аще и жену и дѣти отымутъ, не гнѣвайтеся, а о имѣнии — и слово не говори. Пускай дьявол емлетъ, он владыка вѣку сему. Христосъ заплатитъ в будущей вѣкъ. А жену ту и дѣтей Христосъ сохранитъ же въ нечестивыхъ рукахъ. У меня Марковна сидитъ себѣ в земли с дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божиею благодатию снабдѣваема. А я пою Богу моему дондеже есмь.* Кая полза человѣку, аще и весь миръ приобрящетъ, душу же свою отщетитъ, или что дастъ человѣкъ измѣну на души своей.* Не бывайте несмысленни, но разумѣвающе, что есть воля Божия, благая и угодная.*

Молю вы азъ, юзникъ о Господѣ, и колѣнамъ вашимъ касаюся, всѣмъ вѣрнымъ о Господѣ: поживите вси, право исправляюще[2] слово Божие, еже речено во святомъ Евангелии и во всѣхъ святыхъ писании о любви и о милостыни, и о прочихъ добродѣтелѣхъ, не отлагайте подвига спасительнаго лѣностию и небрежениемъ. Не вѣмы бо, доколѣ животъ нашъ. Яко тать въ нощи, тако смерть приидетъ комуждо отъ насъ. Что тогда речемъ, не соблюдше Божия повелѣния, егда воскреснемъ и станемъ на Судѣ, и увидимъ иныхъ, вѣнчаемыхъ отъ Праведнаго Судии, Христа Бога нашего? Страшенъ день той и зѣло грозенъ, Писание свидѣтельствуетъ о немъ. Я, помышляя, трепещу и ужасаюся во умѣ моемъ: какъ стать будетъ предъ Праведнаго? Неправдъ много во мнѣ. Побѣжалъ бы? Ино некуды уйти. Отперся бы отъ дѣлъ моихъ злыхъ? Ино яко клеветницы, ясно кричатъ, написаны окрестъ меня и внутрь, глаголюще: «Ты нас сотворилъ въ сие и въ сие время».

Да и явятся въ тайнахъ сихъ, какъ дѣлалъ, на земли живучи, какъ пронырствовалъ, какъ воровалъ. Людемъ казался благъ, а внутрь врагъ; предъ человѣки постенъ и воздержникъ, а внутрь блуденъ и оплазивъ[3] всегда; къ людемъ сладко слово, а внутрь яда смертоносна исполнь; предъ человѣки являются святъ, а по внутреннему человѣку клятъ; к людемъ являются трезвъ, а заочно безпрестанно пьянъ; предъ человѣки являются цѣломудръ, а по внутреннему смыслу на весь свѣтъ блудник; инымъ о подвигѣ говорю, а самъ спать тороплюсь; людей учу милостивыхъ быть, а самъ требующему пѣнязя[4] не дамъ; людемъ совѣтую о любви, а самъ ненавижу всѣхъ.

А еще во мнѣ такой нравъ есть: какъ меня кто величаетъ и блажитъ[5], такъ я тово и люблю; а какъ меня кто обезчестилъ словомъ какимъ, такъ и любить ево не захотѣлъ. А Господь приказал: «Любите враги ваша и благотворите имъ, яко будетъ мзда ваша многа на небесѣхъ. Аще любите любящая вы, кая вамъ благодатъ есть: ибо и грѣшники любящия ихъ любятъ»* Да и много тамъ, во Евангелии, о семъ будетъ: Лука, зачало 26.

---

[1] соединяются; [2] исполняюще; [3] обманчив; [4] монеты; [5] ублажает.

Да всѣхъ страстей мнѣ, братия, не переговоритъ вамъ. Помыслите-тко о себѣ кождо в правду, такъ догадаетеся и о мнѣ. Страсти те единаки во всѣхъ насъ, полно сатана заслѣпляетъ глаза те наши, не дастъ намъ грѣховъ своихъ смотрить, но братнихъ падения охочи считать. Якоже нѣкий старецъ рече: «Всякъ бо человѣкъ два мѣшка носит на себѣ , — одинъ назади, а другий напреди, — и свои грѣхи въ задней мѣшокъ кладетъ, а братнии въ предний, и безпрестанно на нихъ глядитъ, а своихъ назади никогда не видитъ». Правдою старецъ реклъ? А чаю, не солгалъ. Послушайте, свѣты мои, кая намъ прибыль отъ тово, еже судити иныхъ? Писано: «Судяй брата, яко антихристъ таковый». И мы антихриста боимся, а сами антихристи бываемъ. Соромъ намъ себя будетъ на Страшномъ судѣ съ сею правдою. Мнимся, яко Бога любимъ, а словеса его презираемъ во всемъ. Вси во лжи человѣчестѣй и въ козняхъ льщения лежимъ, кромѣ избранныхъ малыхъ развѣ въ житии семъ суетнѣмъ.

Воспрянемъ, братия милая моя поне поздѣ нѣкогда убудимся отъ страстей и къ животу притецемъ, еже есть камени краеугольну — Христу. Зоветъ бо насъ всегда и непрестанно желаетъ спасения нашего; ища, на всякъ день, проповѣдникъ вопиетъ: «Приидите ко мнѣ вси труждающиеся и обремененнии, и азъ покою вы».* И Павелъ согласуетъ тому же: «Облецытеся, яко избрании Божии святии, в милость щедротъ, и благость, в смиренномудрие, и кротость, и долготерпѣние, приемлюще другъ друга»,* и прочая. А у насъ и въ заводѣ тово нѣтъ — повсюду ропотъ, да счотъ, да самомнѣние съ гордостию, да укоризны другъ друга, да напыщение на искреннихъ, да всякъ учитель, а послушниковъ и нѣтъ: горе времени сему и намъ живущимъ! Рече Господь: «Идѣже два или три собрани о имени моемъ, ту есмь посредѣ ихъ и азъ».*

Да и бывало такъ в прежняя времена, а о нынѣшнихъ духовныхъ не чаю такъ, словомъ — духовнии, а дѣломъ — бѣси: все ложь, все обманъ. Какой тутъ Христосъ? Ни блиско, но бѣсовъ полки. Отъ плодъ Христосъ научилъ насъ познавать, а не отъ басенъ ихъ. Можно вамъ, братия, разумѣть реченная. По всей земли распространися лесть, а наипаче же во мнимыхъ духовныхъ. Они же суть яко скомраси, ухищряютъ и прельщаютъ словесы сердца незлобныхъ. Да воздастъ имъ Господь по дѣломъ ихъ! Блюдитеся отъ таковыхъ, и не сообщайтеся дѣломъ ихъ неподобнымъ и темнымъ, паче же и обличайте. Яко являемое свѣтъ есть,* и ходяй во свѣтѣ не поткнется.* А аще сольстишся съ нимъ, всяко тя на волю свою привлечетъ, яко удицею. Сего ради обличи: или возлюбитъ, или отступитъ от тебе. А не гнѣвайся на него; аще и разгнѣватися, но на диявола подобаетъ, а не на искренняго. Онъ тому, врагъ, виновенъ, а не братия моя.

Силенъ бо есть Богъ и паки поставити брата моего въ цѣлость ума.

А аще ли ни — ино еще не уйдетъ у праведнова Христова суда, и тогда натѣшишься надъ нимъ, по писанному: «Святии мирови судити хотятъ».* — Вотъ, внимай: егда Христосъ тебѣ ево отдастъ, кто может тогда отнять? Какъ захочешь, такъ осудишь ево о Христѣ. А нынѣ терпи, — моли Бога о немъ, да же

въ разумъ истинный ево приведетъ. А не станешь навѣтовъ терпѣтъ, такъ и самъ пропадешь. Рече Господь: «Претерпѣвый до конца, той спасенъ будет».* Слыши: не начный, но скончавый блаженъ. Якоже онъ до креста и смерти претерпѣ, а намъ приказалъ смертию кончать муки и бѣды, здѣ наводимыя от бѣсовъ и отъ злыхъ человѣкъ: да тамо на вѣкъ в покой, — тамо, онамо, — идѣже свѣтъ живота[1], и радость бес конца и праведныхъ веселие всегда. Не пресѣкается бо тогда скорбию и печалию радость и покой, но протязается[2] во святыхъ, угодивших Христу, оббжение, и честь, и слава, и велелѣпота в вѣкъ бес конца, еяже да сподобитъ насъ Сын Божий, пострадавый о насъ, и воскресъ, и вознесыйся на небеса, и сѣде одесную Отца Бога, и паки приидетъ судити живымъ и мертвымъ, егоже царствию нѣсть конца.

Аще и глаголютъ мелхиседекиане-еретицы* сице, яко Христосъ на небо ко Отцу подклонивъ главу свою, и к тому не пребываетъ съ нами, и не царствуетъ совершенно, до Суднаго дни, но тогда воцарится, и царствию Его не будетъ конца. Да и оправдание себѣ положили — апостольскую рѣчь, Коринфомъ, зачало 180: «Тѣмже и мы отнынѣ ни единаго вѣмы по плоти. Аще ли же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ к тому не разумѣемъ».*

Разумѣйте, братия, и о нынѣшнихъ никониянѣхъ, — так же глаголютъ: «Егоже царствию не будетъ конца». Да и толкуютъ въ Скрижалѣ* ихъ: «Царствуетъ Христосъ вѣрными и покоряющимися ему, а невѣрными-де и иномысленными не царствуетъ совершенно, но по Судномъ дни воцарится совершенно, и царствию его не будетъ конца». Вотъ другия мелхиседекияне, слово въ слово такъ же пришло. Я съ ними говаривалъ о семъ: «Откуду, реку, вы взяли царству Христову пресѣчение то?» И онѣ махи все говорятъ. Я имъ предложилъ апостола Павла глаголъ, зачало 160, сице: «Егда предастъ царство Богу и Отцу, егда испразднитъ всяко начальство и всяку власть и силу, подобаетъ бо ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ нагама своима, послѣдний же врагъ испразднится — смерть, всяко бо покори подъ нозѣ его».* А Златоустъ толкуетъ: «Двѣ бо царствии Христовѣ глаголемъ, — едино по созданию, а другое по присвоению, не пресѣкает бо ся его царство, обладаетъ бо и владеетъ, царствует бо Христосъ вѣрными и невѣрными, еллинами и июдеями, и самѣми бѣсами». Виждь, реку, противниче, — апостолъ глаголетъ: «Подобаетъ ему царствовати, дондеже вся испразднитъ, и царство предастъ Богу и Отцу, еже есть всѣхъ святыхъ в даръ ко Отцу приведетъ, и тогда будет Бог всяческая во всѣхъ».* И Златоустъ такъ же разсуждаетъ: «Не пресѣкается царство его, и царствию его нѣсть конца. Всегда царь: по созданию — и невѣрнымъ и бѣсомъ царь, а намъ, вѣрнымъ, по присвоению — и паки царь». Бѣсомъ да и еретикомъ сильно не любъ Христосъ Богъ нашъ, мрачатъ Его, умышляя, заодно говорятъ: «Не царствуетъ нынѣ, по Судном дни воцарится, и тогда царству его не будетъ конца».

---

[1] жизни; [2] продолжается.

В одной части никонияня съ бѣсы лежатъ. Мы же, правовѣрнии, глаголемъ, яко царствуетъ Христосъ совершенно, нынѣ и во вѣки, и егоже царствию нѣсть конца, со Отцем и со Святымъ Духомъ.

А никонияномъ — не царь: у нихъ антихристъ царь, дай-ко срокъ. Во Апокалипсисѣ писано: выѣдетъ на конѣ* бѣломъ и царя ихъ, со лжепророкомъ, въ огнь всадитъ живыхъ, потомъ и диявола за ними же; измѣнитъ же ихъ, собакъ, во мгновении ока, сирѣчь убиетъ, да и паки оживитъ, да уже в огон-етъ кинетъ.

А прочихъ войско-то ихъ побито будетъ на мѣстѣ нѣкоемъ Армагедонъ.* Тѣ до общаго воскресения не оживутъ; тѣлеса ихъ птицы небесныя и звѣри земныя ѣсть станутъ: тушны гораздо, брюхаты, — есть над чѣмъ птицамъ и звѣрямъ прохлажатся. Пускай онѣ нынѣча бранятъ Христа, а насъ мучатъ и губятъ: отольются медвѣдю коровьи слезы, — потерпимъ, братия, не поскучимъ, Господи ради. И плотское безъ труда не здѣлается, а кольми же души ради надобѣ страдать о Христѣ Исусѣ , Господѣ нашемъ, ему же слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки векомъ. Аминь.

Посемъ всѣмъ вѣрующимъ, видѣвшимъ насъ и не видѣвшимъ лица нашего, отъ мала и до велика, мужемъ и женамъ, юношамъ и дѣвамъ, старцемъ со младенцы, рабомъ и свободнымъ, богатымъ и нищимъ, славнымъ и неславнымъ, всякому возрасту и всякому человѣку, азъ, грѣшный протопопъ, и вся горькая братия* попремногу челомъ бьемъ, и миръ давъ и благословение, паки цѣлуемъ всѣхъ васъ о Христѣ Исусѣ цѣлованиемъ духовнымъ и плѣснамъ[1] касаемся ногъ вашихъ.

Стойте, Господа ради, в вѣрѣ твердо и не предавайте благовѣрие отецъ нашихъ о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава во вѣки, аминь.

ПИСЬМО МАРЕМЬЯНЕ ФЕОДОРОВНЕ

Маремьяна Феодоровна, свѣтъ моя, еще ль ты жива, голубка? Яко голубица посредѣ крагуевъ[2] ныряешъ и такъ и сякъ, изрядное и избранное дитятко церковное и мое, грѣшнаго.

Ну, свѣт, Богъ тебя благословитъ, перебивайся и такъ и сякъ, аще Господь и отрадитъ[3] намъ, бѣднымъ.

Спаси Богъ, что не забываешъ бѣдныя протопопицы з дѣтьми. Посажена, горюша, такъ же в землю, что и мы, съ Иваномъ и Прокопиемъ, а прочии горе мычютъ. Да пускай ихъ терпятъ!

Какъ тамъ братия наша, еще ли живы или всѣ сожжены? Богъ ихъ, свѣтов моихъ, благословитъ, и живыхъ и мертвыхъ! Вси бо живи Христу, хотя и сожжены и повѣшены, тѣ и лучьшая приобрѣли.

[1] ступням; [2] ястребов; [3] дает радость.

Не остави и насъ, Владыко, и не отлучи от дружины нашея! Собери насъ подъ крыло свое, воедино всѣхъ нашихъ! Удержи диявола, да не поглотитъ нашихъ никогоже! Ты бо еси Богъ нашъ, судия живым и мертвымъ!

Ну, голубка, скажи всѣмъ благословение от меня, грѣшна старца, да молятся о мнѣ отцы и братия. Дмитрию отпиши от меня благословение, Козмѣ священнику, Стефану* священнику и домомъ ихъ благословение, и прочимъ всѣмъ, въ грамоткѣ писаннымъ, — равно благословение. Аще живи, и Якову, и Максиму* з домами ихъ благословение. Страждущим Христа ради, еще же ихъже знаю и не знаю, ихже вѣмъ и не вѣмъ, стоящих право душами своими в вѣрѣ — всѣхъ ихъ Богъ благословитъ, и жены ихъ, и дѣтки, и вся сродники, отцы ихъ, и братию, и сестръ, всякаго чина въ православии пребывающих, за негоже стражемъ и умираемъ.

Потерпите, свѣты мои, Господа ради потерпите! И не унывайте душами своими, но уповающе на Бога и пречистую Богоматерь въ молитвахъ и моленияхъ да пребудемъ. Время жития сего суетнаго сокращенно: яко дымъ исчезаетъ, тако вся сия минуетъ. Доброродие и слава вѣка сего и богатство — все ничтоже, едино спасение души сей всего нужнѣе. Без вѣры намъ невозможно угодити Богу,* вѣровати же подобаетъ право, како от отецъ прияхомъ. Не учити васъ о томъ стало — вѣдаете путь Господень, егоже ради и стражете. А аще кого и сшибетъ дияволъ с ногъ православия, муками и томлениемъ отречется, и онъ бы не лежал отчаяниемъ, но паки бы къ первому православию с покаяниемъ прицѣпилъся. Милостивъ Господь и праведенъ, вѣдаетъ немощь естества нашего человеческаго, проститъ и помилуетъ кающагося. Горе же тому будетъ, иже отчается, упадше, и возненавидитъ перваго свѣта и ко тмѣ прилѣпится. Лучше бы не родился человек той,* яко Июда, по Писанию.

Зѣло Богу гнусно нынѣшное пѣние. Грѣшному мнѣ человѣкъ доброй исъ церкви принесъ просфиру и со крестомъ Христовымъ. А попъ, является, по-старому поет, до тово пѣлъ по-новому. Я чаялъ, покаялся и пересталъ, ано внутрь ево поганъ. Я взялъ просвиру, поцѣловалъ, положилъ въ уголку, покадилъ, хотѣлъ по причастии потребить. В нощи той, егда умолкнуша уста моя от молитвы, прискочиша бѣси ко мнѣ, лежащу ми, и единъ завернулъ мнѣ голову, рекъ мнѣ: «Сѣм-ко ты сюды!» — только и дыхания стало. Едва-едва умом молитву Исусову сотворилъ, и отскочилъ бѣсъ от меня. Азъ же охаю и стону, кости разломал, въстать не могу. И кое-какъ въстал, молитвуя доволно, опять ъвалился и мало замгнул[1]. Вижю: у церкви нѣкия образъ, и крестъ Христовъ на немъ распятъ по-латынѣ, неподобно, и латынники молятся тутъ, приклякиваютъ[2] по-польски. И мнѣ нѣкто велѣлъ той крестъ поцѣловать. Паки нападоша на мя бѣси и утрудиша[3] мя зѣлно и покинуша. Азъ же без сна ночь ту проводихъ, плачючи. Уразумѣхъ, яко просвиры ради стражю[4], выложилъ ея за окошко. Не

[1] вздремнул; [2] приговаривают; [3] мучали; [4] страдаю.

знаю, что над нею дѣлать — крестъ на ней! И лежала день. В другую ночь не смѣю спать, лежа молитвы говорю. Прискочиша множество бѣсовъ, и единъ сѣл з домрою въ углу на мѣстѣ, гдѣ до тово просвира лежала, и прочии начаша играти в домры и в гутки. А я слушаю у нихъ. Зѣло мнѣ груско[1], да уж не тронули меня и исчезли. Азъ же, востонавъ, плакався предъ Владыкою, обѣщался сожечь просвиру. И бысть в той часъ здравъ. И кости перестали болѣть, и во очию моею, яко искры огнены, от Святаго Духа являхуся. И в день съжегъ просвиру, и пепелъ за окошко кинулъ, рекше: «Вотъ, бѣс, жертва твоя, мне не надобе». И в другую ночь лежа по чоткамъ молитвую. Вошолъ бѣсъ въ кѣлию мою и ходил около меня. Ничево не здѣлалъ, лишо из рукъ чотки вышибъ, и я, поднявъ, опять сталъ молитвы говорить. И паки в день с печалию стихъ лежа пою: «И печаль мою пред нимъ возвѣщю, услыши ны, Господи!»* И бѣсъ въскричалъ на меня зѣло жестоко. Азъ въздрогнулъ и ужасъся от него. И паки в ыную ночь, не вѣмъ, какъ, внѣ ума, о просвирѣ опечалился и уснулъ, и бѣсъ зѣло мя утрудилъ. З доски свалясь на полъ, пред образомъ немощенъ, плачючи, Никона проклялъ и ересь ево. И паки в той часъ здравъ бысть.

Видишь ли, Маремьяна, какъ бы съѣлъ просвиру ту, такъ бы что Исакия Печерскаго затомили.* Такова та ихъ жертва та хороша! И от малой святыни бѣда, а от большие то и давно, нѣчево спрашивать!

Маремьяна, прости же. Скажи Аннѣ Амосовнѣ* благословение. Богъ разберетъ всякую правду и неправду, надобно лише потерпѣтъ за имя ево святое. Миръ тебѣ о Христѣ. Аминь.

ПОСЛАНИЕ «СТАДУ ВЕРНЫХ»

Послание к вѣрным от него же, страдалца Христова, Аввакума, ис Пустоозерской темницы.

Возлюбленнии мои, ихъже азъ воистинну люблю, други мои о Господѣ, раби Господа вышняго, свѣты мои, имена ваша написаны на небеси! Еще ли вы живы, любящии Христа истиннаго, Сына Божия и Бога? Еще ли дышете?

Попустилъ имъ Христосъ и предалъ насъ в руки врагъ. Уш то я, окаянный, достоинъ ранамъ симъ! Жаль мнѣ стада вѣрныхъ, влающихся[2] и скитающихся въ вѣтренномъ учении, во лжи человечестѣй, в коварствѣ лщения. Да что же дѣлать? Токмо уповати на Бога, рекшаго: «Не бойся, малое мое стадо, яко Отецъ мой благоизволи вамъ дати Царство».* Не сего дни такъ учинилось кораблю Христову влаятися, еже есть святѣй Церкви, но помяни, что Златоуст говорилъ: «Многи волны и люто потопление, но не боимся погрязновения, на камени бо стоимъ. Аще каменю волны и приражаются, но в пѣны претворяются, каменя же вредити не можетъ, еже есть Христа».

---

[1] грустно; [2] колеблющихся.

Что же дѣлать, братия моя любимая, потерпимъ со Христомъ, слюбится намъ, а онѣ постыдятся. Горе имъ, бѣднымъ, будетъ в День Судный, судия бо близъ, при дверехъ, сотворити кончину вѣку сему суетному. Горе тому, кто не внимаетъ о прелести послѣдних временъ! Здѣ есть терпѣние святыхъ,* иже соблюдаютъ заповѣдь Божию и вѣру Исусову, якоже Лѣствечникъ Иоаннъ* пишетъ: «Аще не вкусиши горчицы и опреснока[1], — не можеши свободитися фараона». Фараонъ есть дияволъ, а горчицы — топоры, и огнь, и виселицы.

А которые насъ строят[2], на тѣхъ нѣчево дивить: дияволъ тому виновенъ, а онѣ были братия нашя.

Станемъ Бога ради добрѣ, станемъ мужески, не предадим благовѣрия! Аще и яра зима, но сладок рай, аще и болѣзненно терпѣние, да блаженно восприятие. Отъята буди рука — да вѣчно ликовствуетъ, такожде и нога — да во Царствии веселится, еще же и глава — да вѣнцы увяземся. Аще и все тѣло предадутъ огневи, и мы, хлѣбъ сладокъ Троицѣ принесемся. Не убоимся, братие, от убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити, убоимся вторыя смерти,* еже есть вѣчныя муки.

Братии моея, здѣся со мною под спудомъ сидящихъ, дважды языки рѣзали и руки сѣкли,* а онѣ и паки говорятъ по-прежнему, и языки таковы же выросли Божиею благодатию. Вотъ, не смѣху ли достойно — диявольской умыслъ — пачеже слезам, не о насъ, но о рѣжущихъ. Горе имъ, яко в путь Каиновъ ходиша и въ лесть Валаамову предашася! Спаси ихъ, Господи, имиже вѣси судьбами, и не вмени имъ за озлобление наше, пречистый Владыко!

Миленкие мои, я сѣжу под спудомъ тем, засыпанъ. Нѣтъ на мнѣ ни нитки, токмо крестъ з гойтаномъ да в руках чотки, чемъ от бѣсовъ боронюся. Да что Богъ пришлетъ — и я то снѣмъ[3], а коли нѣтъ — ино и такъ добро: о Христе Исусѣ питайся нашъ братъ, живой мертвецъ, воздыханиемъ и слезами, донелѣже душа в тѣлѣ. А егда разлучится, ино и такъ добрѣ: живъ погребенъ.

Воистину, и на свободѣ люди те в нынѣшнее время равны с погребенными. Во всѣхъ концѣхъ — охъ и рыдание, и плачь, и жалость, наипаче же любящымъ Бога туга и навѣтъ сугубой, душевнѣ и тѣлеснѣ.

Увы, камо ся дѣжемъ[4], прежде Суда того осуждени и прежде мукъ утомлени вѣчныхъ! Се нынѣ прибѣгаемъ во твое, Владычице, теплое заступление, предстани намъ в помощь и не закосни, всегосподствованная[5] небесная царицѣ, госпоже Богомати, видя виждь озлобление людей сихъ,* и умоли Сына своего, свѣта, да избавитъ насъ сугубых бед и напастей, еже есть в нынѣшнѣмъ житии и в будущемъ.

Братия, свѣты мои! Простите мя, грѣшнаго, и помолитеся о мнѣ и васъ Богъ проститъ и благословитъ, и наше грѣшное благословение да есть с вами неразлучно. Васъ и женъ вашихъ, и дѣтокъ и домашнихъ всѣхъ цѣлую цѣловани-

[1] пресный хлеб; [2] над нами властны; [3] съем; [4] направим; [5] госпожа всех.

емъ духовнымъ о Христѣ и, падъ, поклоняюся на плесны[1] ногъ вашихъ, слезами помывая. Спаситеся, свѣты мои, от рода сего строптиваго и насъ в молитвах своих поминайте, а мы о васъ должны.

Спаси Богъ за платки, что по платку намъ прислали, мучащымся закона ради отецъ нашихъ и вѣры ради Христовы.

Дѣтей своихъ учите, Бога для неослабно страху Божию, играть[2] не велите. Охъ, свѣты мои! Вся мимо идетъ, токмо душа — вещь непремѣнна. Стойте въ вѣре Христа, Спасителя нашего, не ослабѣвайте душами своими. Паки миръ вамъ всѣмъ и благословение, благодать Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия, с вами. Аминь.

Жаль ихъ, бѣдныхъ, от гнѣва погибаютъ. Побили нашихъ, о Христѣ пострадавшихъ, на висѣлицахъ и огнем пожгли. И в моемъ дому двоихъ повѣсили,* и дѣтей, было, приказали удавить, да, не вѣмъ какъ, увертѣлися у висѣлицы. А нынѣ и Соловки во осадѣ морятъ, пять лѣтъ,* не ѣтчи. Чюдно в новой то ихъ вѣрѣ родилося! Помилуй ихъ Христос, бѣдныхъ! Потеряли, горюны, Христа-Бога, поработилися страстемъ сего вѣка. Ждетъ ихъ Христос ко обращению, да обратятся бѣдныя никонияне, да какъ хотятъ! Мы чисты от нихъ. Говорили мы имъ по своей силѣ, затѣмъ умру о Христѣ Исусѣ, Сыне Божии. Не дорожи мнѣ симъ вѣкомъ, не имамы бо здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуем.*

ПИСЬМО СИМЕОНУ

Ну, Симеонушко, вотъ тебѣ вѣсти. Однако ты приказываешь: «Батюшко, отпиши что-нибудь!»

Я ведь не богословъ, что на умъ напало, я тебѣ то и говорю. Горазд я, Симеонъ, ѣсть да спать, а какъ ветхая та испражнять? Покой болшой у меня и у старца милостию Божиею, гдѣ пьемъ и ядимъ, тутъ, прости Бога ради, и лайно испражняемъ, да складше на лопату, да и в окошко! Хотя воевода тутъ приходитъ,* да намъ даромъ[3]. Мнѣ видится, и у царя Алексѣя Михайловича нѣтъ такова покоя.

Еретики, собаки! Какъ то ихъ дияволъ научилъ: жива человека закопай в землю! Хлебом кормятъ, а срать не пускаютъ!

Какъ то бѣдная боярыня мучится с сестрами? Такъже веть нешто!

О миленкая моя, не твое бы дѣло то! Ѣздила, ѣздила в коретахъ, да и в *свинарникъ* попала, другъ мой милой! Кормятъ, кормятъ, да в лобъ палкою, да и на огонь жарить.

А что ты, Прокофьевна, не боисься ли смерти-то? Не бось, голубка, плюнь на нихъ, мужествуй крѣпко о Христѣ Исусѣ! Сладка ведь смерть та за

[1] стопам; [2] баловать; [3] ни к чему.

Христа-свѣта. Я бы умеръ, да и опять бы ожилъ, да и паки бы умеръ по Христѣ, Бозѣ нашемъ. Сладокъ веть Исус-отъ. Въ канонѣ пишетъ: «Исусе сладкий, Исусе пресладкий, Исусе многомилостиве», да и много тово. «Исусе пресладкий», «Исусе сладкий», а нѣтъ тово, чтобъ горкий. Ну, государыня, поиди же ты со сладкимъ Исусомъ в огонь, подлѣ нево и тебѣ сладко будетъ.

Да помнишъ ли три отроки в пещи огненнѣй в Вавилонѣ? Навходоносоръ глядитъ — ано Сынъ Божий четвертой с ними! В пещи гуляютъ отроки, самъ-четвертъ зъ Богомъ.*

Небось, не покинетъ и васъ Сынъ Божий. Дерзайте, всенадежнымъ упованиемъ таки размахавъ, да и в пламя: «На-восъ, дияволъ, еже мое тѣло, до души моей дѣла тебѣ нѣтъ! Азъ есмь раба Бога живаго и Сына его единороднаго, свѣта, егоже положи наслѣдника всѣмъ, имъже и вѣки сотвори, иже сый сияние славы Отча, и образъ ипостаси его нося же, всяческая глаголомъ силы своея, собою, очищение сотворивъ грѣховъ нашихъ, сѣде одесную престола величествия на высокихъ, толико лучши бывъ ангелъ, елико преславнѣе ихъ наслѣдствова имя».* И паки пойте, в пещь идуще, огнем горяще: «Благословенъ еси, Господи, Боже отец нашихъ, хвално и прославлено имя твое во вѣки»* и прочая до конца.

Ну, голупки, тамъ три отроки, а здѣсь васъ трое же и весь соборъ православныхъ с вами же. Тамъ не предъстоящу пророку Даниилу со отроки в пещи, но духомъ — купно с ними. Тако и я: аще и отдалѣнъ от васъ, но с вами горю купно о Христѣ Исусѣ, Господе нашемъ.

Рабомъ Божиимъ всѣмъ пожженнымъ вѣчная память трижды, большая.

Богъ васъ благословитъ, всѣхъ чтущих и послушающих. Писано моею рукою грѣшною, сколько Богъ далъ, лутче тово не умею. Глупъ ведь я гораздо, так, человѣченко ни к чему не годно, ворчю от болѣзни сердца своего. А Богъ всѣхъ насъ правитъ о Христѣ Исусѣ.

ПОСЛАНИЕ «ГОРЕМЫКАМ МИЛЕНЬКИМ»

Книга всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ.

Любо мнѣ, что вы охаете: «Охъ, охъ, какъ спастися, искушение приде!» Чаю, су, охъ, да ладно так, менше, петь, спите, убужайте другъ друга.

А я себѣ играю, въ землѣ той сидя. Пускай, реку, диявол-отъ сосуды своими погоняетъ отъ долу къ горнему жилищу и в вѣчное блаженство рабовъ Христовыхъ. Павелъ пишетъ: «Житие наше на небесѣхъ есть».*

Благодать Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа со всѣми вами, любящими Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа.

Рабъ и посланникъ Исусъ Христовъ, волею Божиею земляной юзникъ, протопопъ Аввакумъ чадомъ святыя соборныя и апостольския Церкви: Акинфею с сестрою Маврою, Родиону, Андрею брату и сестрѣ Марьѣ Исаии сожжен-

наго,* Федору Желѣзному, Мартину, Маврѣ, Феодосьи, Аннѣ, Параскови, Димитрию Колашнику, Димитрию Молодому, Симеону, Агафону, Ксеньи со Игнатьемъ, Аннѣ Амосовнѣ зъ дѣтьми, Акилинѣ дѣвицѣ, Евдокеи, Марфѣ, Аннѣ, Ксеньи, Иринѣ, Ивану Сахарному, Маремьянѣ зъ Димитриемъ, Агафонникомъ, старицѣ Меланьи, Пелагии, Маврѣ, Таисѣи, Еленѣ, Ираидѣ и Сусанѣ, Марьѣ, Неонилѣ, Афанасию, Лукѣ и всей тысящи, падъ предъ всѣми, равнымъ лобзаниемъ цѣлую главы ваша и перси, и руцѣ, и нозѣ, и весь органъ тѣлесный подъемлю, своима рукама приношу васъ въ жертву Богу живу и истинну, Богу животворящему мертвыя; сам по немъ азъ умираю и въ васъ того желаю.

Станемъ добрѣ, станемъ твердо, отцы мои и братия, и чада и сестры, и матери и дщери! Аще не нынѣ, умремъ же всяко. Не предадимъ благовѣрия, други мои сердечныя, свѣты, но оболкшеся во броня вѣры и шлемъ упования приемше,* подвигнемся на богоотступныя и богомерския нечестивыя никонияня, обличаемъ ихъ богоборную прелесть. Аще кто силенъ, да борется словесы и дѣлы, взирающе на начальника вѣрѣ и совершителя Исуса. Аще кто немощенъ, да уклонится отъ зла и сотворитъ благо, зане очи Господни — на праведныя и уши его — въ молитву ихъ, лице же Господне — на творящая злая, еже потребити ихъ отъ земля.*

Вопросили есте о невѣдомыхъ вамъ вещѣхъ — о сожженныхъ братии, како ихъ почитати? И азъ о имени Господни со духомъ вашимъ согласую: добро почитати сожженныхъ за правовѣрие отецъ и братий нашихъ. На вмѣсто образная ихъ не поставляемъ, дондеже Богъ коего прославитъ. Тогда, перекрестяся, поклонимся, егда Богъ изволитъ обавить. А до тѣхъ временъ сожженныхъ кости держимъ въ честнѣ мѣстѣ, кажение и цѣлование приносимъ пострадавшимъ за Христа Спаса, избавителя душъ нашихъ.

Аще приключится и вода святити, полагаемъ ихъ со крестомъ Христовымъ въ воды и тѣми покропляемся водами, и испиваемъ, поучающеся на тотъ же подвигъ, и въ молитвы ихъ призываемъ, сице рекше: «Боже, за молитвъ пострадавшихъ, сего и сего, спаси насъ, Господи, и ихъ помяни во Царствии Небеснѣмъ». Да прекрестяся, Богу лбомъ въ землю. А мощи кадя, глаголи: «Отче мой или брате, елико имаши дерзновение къ Богу, молимся о мнѣ, грѣшномъ!» Да поцѣловавъ и покадя, челомъ ему усердно, просто. Аще и прекрестяся поцѣлуешь — не согрѣшишь. Добро, кто Богъ оправдаетъ, а не мы, человѣки.

Отвѣтъ о причастии. Есть въ правилахъ пишетъ, повелѣваетъ исповѣдатися искусному простолюдину, нежели невѣжѣ попу, паче же еретику.

Аще нужда привлечетъ, и причаститися безъ попа можно святымъ комканиемъ[1].

Аще мужескъ полъ или женескъ, въ нынѣшнее настоящее огнепальное время со исповѣданиемъ и съ прощениемъ другъ ко другу Тѣла Христова и Кро-

[1] причастием.

ви причащаетесь: пред образомъ Владычнимъ возжги свѣщу и на столцѣ устрой платъ, и на немъ поставь сосудецъ с виномъ и водою, и вложи часть Тѣла Христова; вземше фимиамъ и кадило, со Исусовою молитвою покади образъ и святая, и домъ весь, и потом цѣлуй святыя иконы и крестъ на себѣ носяй, и, поклонився на землю, глаголи полное прощение предъ образомъ Господнимъ; и, воставъ, глаголи: «Владыко, Господи Исусе Христе, человѣколюбче, да не во осуждение ми будетъ причастие святыхъ ти таинъ, но во очищение и освящение души и тѣлу, и во обрѣтение будущия жизни и Царствия, яко благословенъ еси во вѣки, аминь». Таже — и къ намъ прощение, изливая свою душу, и, Богъ тебя благословитъ, причастися святаго сокромента.

И паки моли о себѣ и о насъ Бога; а мы о вашемъ благоприступании, елико можемъ.

А младенцовъ причащайте истиннымъ запасомъ.* И мирянинъ причащай робенка, Богъ благословитъ!

А исповѣдяться пошто итти к никонияну? Аще нужда и привлечетъ тя, и ты с нимъ въ церкви скаски сказывай: какъ лисица у крестьянина куры крала: «Простите, Бога ради, согрѣшилъ я предъ вами!» А што? Уже горе меня взяло отъ нихъ, от блядиныхъ дѣтей! Плюйте на нихъ, на сабакъ! Вѣдь онѣ, воры, и дочерей духовныхъ воруютъ! — право, не лгу. Исповѣдайте другъ другу согрѣшѣния, — по апостолу, — и молитеся другъ о друге, яко да исцѣлѣете.*

А воду ту святитъ, — хотя истинной крестъ погружаетъ, да молитву диявольскую говоритъ! Въ правилѣхъ пишетъ: «И образу Христову въ еретическомъ соборѣ не кланятися». Егда онѣ престанутъ от молитвы, тогда послѣ ихъ кланяйся. А туто тоже: хотя и крестъ, да еретическое дѣйство.

А будетъ нужею въ церковь ту затащатъ, и ты молитву Исусову, воздыхая, говори, а пѣния ихъ не слушай.

А на молебны-те хотя и давайте имъ, а молебны-те въ Москву-рѣку сажайте. Хотя и попа-та, врага Божия, въ воду-ту посадишь, и ты не согрѣшишь: Левъ Катанский въ огонь посадилъ же такова вора.*

Поминайте покойниковъ, кои и по-новому причащены: разберетъ Христосъ, какова въ комъ совѣсть была.

А съ водою тою какъ онъ приидетъ в домъ твой, и въ дому бывъ, водою и намочитъ: и ты послѣ ево вымети метлою, а робятамъ вели по-за печью отъ него спрятатися, а самъ з женою ходи тутъ и виномъ ево пой, а самъ говори: «Прости, бачко, нечистъ, — с женою спалъ и не окачивались, — недостойны ко кресту!» Онъ кропитъ, а ты рожю-ту въ уголъ вороти или въ мошну въ тѣ поры полѣзь да денги ему добывай: а жена за домашними дѣлами поди да говори ему, раба Христова: «Бачько, какой ты человѣкъ! Аль по своей попадьѣ не разумѣешь? Не время мнѣ!» Да какъ нибудь, чтó собаку, отжените ево. А хотя и омочитъ водою-тою: душа бы твоя не хотѣла. Велика-та и есть вамъ нужда отъ нихъ, отъ ли-

хоманниковъ, — мочно знать. Да что же, свѣты мои, дѣлать? Болши станемъ передъ Спасомъ плакать.

А въ чемъ погрѣшится, и ты кайся предъ Господемъ Богомъ! Гдѣ же дѣться? Живыя могилы нѣтъ!

А крестъ Христовъ на печатѣхъ безъ полныя подписи не хорошо: безъ копия, и безъ трости, и безъ «Ники» и безъ «Царя славы»; дурно нѣкто играетъ, яко жидовинъ древле, и ругается кресту Христову.

Спаси Богъ за послание отца Авраамия.*Сын мнѣ духовной былъ, въ бѣлцахъ Афанасей. Пускай згорѣлъ за Христа! Любо мнѣ гораздо. А здѣсь Киприяну голову отсѣкли, 83 (*1675*) июля въ 7 день, въ среду.*

Борисушко! Богъ тебя проститъ, яже согрѣшилъ отъ юности и до сего часа, или словомъ, или дѣломъ, или помышлениемъ, или въ разумѣ, и въ недомыслѣ, или пронырствомъ и лукавствомъ, и человѣкоугождениемъ, татьбою и блудомъ и всякою нечистотою. Богъ проститъ тя о всемъ въ сий вѣкъ и въ будущий, и да неосуждена тя сподобитъ предстати на Страшнѣмъ судѣ своемъ Христосъ, Богъ нашъ, сый благословенъ во вѣки, аминь.

Ну, Борисъ, всегда прощения говори: а я вѣдь слышу и на всякъ день подважды кажу васъ кадиломъ, и домы ваша, вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ, и понахиды пою, и мертвыхъ кажю, и благословляю васъ крестомъ Христовым и потомъ рукою своею грѣшною, пятью днемъ, по всякомъ правилѣ. А ты за меня кланяесся ли Богу-Свѣту? Я вѣдь о васъ молю, а вашихъ молитвъ требую же, да и надѣюся за молитвъ вашихъ спасенъ быти.

У отца Досифея благословения прошу, и старецъ Епифаний также, по премногу челомъ бьемъ: отецъ святый, моли Бога о насъ!

Симеонъ! Денги твоего привозу всѣ пропали: только три рубли пришло съ пустобородомъ, а то всѣ девяносто рублевъ — съѣлъ дияволъ. Феодосей привезъ къ намъ 11 рублевъ.

Да воздастъ Господь Богъ всѣмъ творящимъ к намъ милость, и за тѣ, кои пропали! Да напишутся имена ихъ в книгахъ животныхъ!

Раби Бога Вышняго! Посылайте денги мои къ женѣ моей и дѣтямъ;* а я, милостию Христа моего, Бога, покоенъ, сытъ и пьянъ, — далъ Богъ! Онѣ, бѣдные, требуютъ и ко мнѣ приказываютъ съ Мезени-то; не вѣдома, кои бѣды гладуютъ: живутъ болшо неблагодарно. Чему быть? Робята робяцки и движются.

Маремьяна! А с кѣмъ вы послали лѣствицу-ту? Ѣшь, пожалуй, во вторники-те и въ четверги-те, Богъ проститъ тя! Правила не теряй, — молитвъ и поклоновъ — и о мнѣ моли Бога. Спаси Богъ за лѣствицу: доидетъ ли, не доидетъ ли, а вы вѣдь послали. Вы правы, я кривъ, уш-то недостоинъ.

Маремьяна! Вотъ тебѣ игуменья Акилина Гавриловна, дѣвица, будь у нея въ послушании о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Посемъ вамъ всѣмъ паки мир и благословение. И старецъ,* миръ давъ, по премногу челомъ бьемъ. Молитеся о насъ всеусердно. Ну, простите, а васъ Богъ проститъ.

Инок Епифаний милости у Христа Бога прося, а ваши святыя молитвы въ помощь себѣ призывая, благословение Христа Исуса приписалъ.

ПИСЬМО «ЧАДУ О ГОСПОДЕ»

Берегитеся Господа ради, молю вы, никониянъ, еретиковъ, новых жидов!

Обкрадывают простых душа словесы масленными[1], плод же — горесть и червие. Лутче принять чувственнаго[2] змия и василиска* в дом, нежели никонианская вѣра и учение, зѣло бо суть пагубно и вѣчной мукѣ предательно; червие сажают в сердце слышащих.

Я про них знаючи говорю, с ними взросъ и состарѣлся, безпрестанно, лѣт с полтретьятцеть дѣлают на хребтѣ моемъ, яко любодейству их не молчу: «Обратитеся в вѣру отецъ своих! Помрачишася, заблудиша отъ пути истинны, покайтеся, приближи бо ся Царство Небесное!» Они ж излиха вопияху на мя: «Расколщикъ нашего предания!» И я к ним: «Ей, воистину такъ! Аще и умру, обличитель вамъ буду всегда, враги Божии, крестопопиратели и отступники!» Они ж не имут, что отвѣщати ми, вяжут да куютъ меня. Но слово Божие не вяжется, со апостолом зову: сего ради вся терплю избранных ради, да и тии спасение улучат, еже о Христѣ Исусѣ со славою вѣчною.*

Ну, прости ж, чадо мое о Господѣ и другое дитятко.*

Молитеся, молитеся Богу о мне, а я долженъ поминать вас пред Господемъ.

Паки и паки мир вам и благословение. И старец Соловецкия пустыни Епифаний, Бога моля, челомъ бьетъ вамъ. А я таки еще вам поклоняюся.

Блюдитеся от злыхъ дѣлателей,* не приимайте в дом свой никониянъ-собакъ.

ПОСЛАНИЕ «ВСѢМЪ ... ИЩУЩИМЪ ЖИВОТА ВѢЧНАГО»

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ.

Всѣмъ святымъ и апостольския Церкви от Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа слава и честь и нетлѣние ищущимъ живота вѣчнаго. А иже по рвению противляющимся убо истиннѣ, повинующимъ же ся неправдѣ псамъ-никонияномъ ярость и гневъ, и скорбь и тѣснота на всяку душу человека-никонияни-

[1] переносн. сладкими; [2] реального, натурального.

на, творящаго злое, архиерею же прежде и рядному. Глаголют бо безумнии человецы, утѣсняюще свою душу: «Не на насъ, де, възыщетъ Богъ законное дѣло и вѣру; намъ, де, что? Предали патриарси и митрополиты со архиепископы и епископы, мы, де, и творимъ такъ».

О неразумныя души безъзакония! Ни ли слышалъ еси апостола Павла: «Сила Божия есть всякому вѣрующему, июдеови же прежде и еллину, от вѣры въ вѣру, якоже есть писано: праведный же от вѣры живъ будетъ».*

Зри: праведный от вѣры живъ будетъ, а не от человѣческаго предания.

И еще чтый, да разумѣетъ того же апостола рекша: «Открывается гнѣвъ Божий съ небесе на всяко нечестие и неправду человеческую, содержащихъ истинну въ неправдѣ, зане разумное Божие явѣ есть в нихъ, Богъ бо явилъ есть имъ».*

Вотъ апостолъ глаголетъ: «Богъ бо явилъ есть имъ».

Шлюся на твою совесть, зане разумное Божие явѣ есть въ тебѣ, Богъ бо явилъ есть въ тебѣ. Съ темъ же Павломъ глаголю: «Невидимая бо его от создания твореньми помышляема видима суть, и присносущная же сила его и Божество, во еже быти имъ безъотвѣтнымъ, зане разумѣша Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышленьми своими, и омрачися неразумное их сердце».*

Читай внятно: «И омрачися неразумное ихъ сердце, во еже быти имъ безъответнымъ».

И еще ли шарпаешися[1], неразумне, омраченное сердце, глаголя: не на тебѣ възыщется твоя погибель, но на великихъ? А патриарси со мною, протопопомъ, на соньмище ратовавшеся,* рекоша: «Не на насъ взыщется, но на царѣ! Онъ изволилъ измѣнить старыя книги!» А царь говоритъ: «Не я, такъ власти изволили!» Воистинну, омрачися неразумное ихъ сердце, во еже быти имъ безъответнымъ. Осуетишася помышленьми своими другъ на друга, а всѣ на Бога омраченными сердцы, зане разумное Божие явѣ есть въ нихъ. Всѣ знаютъ, яко погибаютъ, но мраковиднымъ духомъ ослѣпоша въ сопротивни всяцѣмъ, зане разумное Божие явѣ есть в нихъ, Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо его от создания мира твореньми помышляема, видима суть. Азъ имъ говаривалъ: «Безъотвѣтны вы, никонияне, предъ Господемъ Богомъ. Солньце, и луна, и звѣзды, и самое небо кругомъ въпосолонь[2] вертится, а вы, святя святая церкви, около ея ходите противу солньца и всея твари.* Тако же крестят дѣти около купѣли, тако же и браки вѣнчая, противъ солньца же кружаетѣ, а не въпосолонь ходите по преданию». И они отвѣщают: «Намъ, де, велятъ такъ». И разумѣютъ, яко зло дѣютъ, но тмою покрыты, по апостолу, «Изъмениша славу Божию въ подобие образа тлѣнна человѣка»,* сирѣчь царя паче Бога убоялися, «иже премѣниша истинну Божию во лжу».*

[1] противишься; [2] по солнцу.

Бабоблуды, бляди дѣти! Да что, братия моя любезная, свѣты, вѣмъ, яко молвите: «Батько, де, неискусно глаголетъ». Хорошо, искусно, искусно! От дѣлъ звание приемлютъ. Послушай-ко апостола тово, о такихъ же бабоблудах глаголетъ. Зачало 81: «И якоже не искусиша Бога имѣти в разумѣ, сего ради предастъ ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная, исполненныхъ всякия неправды, блужения, лукавства, лихоимания, злобы, исполнены зависти, убийства, рвения, льсти, злонравия и прочая; непримирителны, нелюбовны, яко таковая творящии достойни смерти суть. И не точию сами творятъ, но и волю дѣютъ творящимъ».*

Да так то и есть, святый апостоле Павле, не одны токмо погибаютъ сами, но и инымъ простымъ людямъ волю дѣютъ. На насъ, де, положено, мы, де, знаемъ! На то, де, Богъ вещь здѣлалъ, нѣсть греха! Какову, де, бабу захотѣлъ, такову, де, и вали подъ себя. Да что разсмѣхнулся! Так, де, онѣ учатъ, — еретицы, собаки! — да такъ и творятъ. Сами блудятъ и инымъ повелѣваетъ. По апостолу, исполненны блужения и всякия неправды. А какъ в нихъ злонравие то! Ино и в собаке той лихой нѣтъ столко, и въ змѣе той, ползящей гадинѣ, и рысь та лютая человеколюбнее ихъ, и аспид-от милостивѣе ихъ. Кому же они подобны, знаешъ ли? А то, братъ, тово ужъ не знаешъ! Дияволу подобни. Он человекоубийца бѣ искони и во истиннѣ не стоитъ, яко отецъ лжи. Исперва оболга человѣку Бога, а потомъ Богу человѣка.

Какъ же, аль не вѣдаешъ? Сѣмъ, я тебѣ возму за руку и поведу на то мѣсто, идѣже бысть се. Стани прямо востока и зри къ Едему, возведи очи свои в рай и виждь глаголы лестны дияволи ко Адаму. Рече бо: «Въкусите от древа, от негоже вамъ Богъ заповѣда. Аще вкусите, будите яко Бози, разумѣюще добро и зло. Богъ бо завистливъ есть, сего ради заповѣда. Не хощетъ васъ быти, яковъ самъ бѣ».*

Вотъ собака! Яко Никонъ, блядей сынъ, солгалъ! Объманул царя Алексѣя, треми персты креститися понудилъ: «Троица, де, Богъ нашъ, тремя персты и знаменимся». Онъ, бѣдной, послушавъ, да дьявола и посадилъ на лобъ. Слово въ слово, яко и в раи при дьяволе и при Адаме.

Восхотѣ Адамъ быти Богъ, простре руцѣ ко древу, и сея ради снѣди изъведе из рая врагъ Адама. Тако и Никонъ лишилъ Алексѣя трехъ ради перстов жизни сея, понеже царскую и архиерейскую власть на ся восприялъ, да мочью и силою вѣчную нашу правду, старое православие, истребитъ, яко богъ вѣка сего възимаяся гордостию, но Соловецкой монастырь сломилъ гордую державу его: в которой день монастырь истнилъ[1], о тѣхъ дняхъ въ той день и самъ изъчезъ.* Восхотѣлъ Богъ быти и не бысть, потерял, яко Адамъ рай, тако и онъ жизнь сию. О семъ до здѣ. Възыдемъ на первый глаголъ.

[1] обратил в прах.

Како оболга дьяволъ к Богу человѣка, чти во Иовѣ.* Егда приидоша аггели пред Господемъ поклонитися, прииде же и дияволъ, не мѣстомъ[1], но вопрошениемъ. И рече Господь къ дияволу: «Внят[2] ли на раба моего Иова, яко нѣсть такова въ подънебесномъ: праведенъ, благочестивъ и непороченъ, еще же держится и незлобия». И отвѣща дияволъ: «Не туне чтетъ тя: обложилъ[3] еси ему вънутренняя и внѣшняя. Повели ми, да [4]коснуся — аще не в лице благословит тя?[4] Кожа за кожю и вся дастъ человѣкъ, елика имѣ, за душу свою».

Охъ, собака, блядь, клеветникъ! Что и никонияня же, блядьи дѣти! Умыслиша Аввакума бѣднова и прочихъ повсюду мучити: «Ужо, де, и не хотя, волю нашу сотворятъ, какъ въ землю закопаемъ ихъ!» А бояроня съ сестрами умерла о Христѣ,* а не покорилась дьяволенкамъ и не предала благовѣрия. Такъже и над Ыовомъ тѣмъ и дияволов-от умыслъ былъ. Къ Богу рече: «Не туне, де, чтетъ тя: богатьства, де, и дѣтей, и всякия благодати доволно ему даде, дай-ко, де, мнѣ надъ нимъ поиграть. Ужжо, де, и не будетъ хуже ево, и бранить, де, станитъ тебя. Въ лице тя благословит, просто рещи, прокленет». Вотъ какъ диявол-от на человѣка тово лжет.

Слово въ слово и никонияня таковы же. Отдалъ Богъ Иова тово во искушение дияволу тому, да и приказалъ: «Вся сия тебѣ Иовлева предаю, токмо душу ево соблюди». Возилъся над нимъ дьявол-от, что чортъ, а душе той коснутися не смѣлъ, понеже Богъ съ небесе самъ зрѣхъ побѣды Иовлевы. Радуется въ тѣ поры Владыка-свѣтъ, какъ терпѣниемъ, благодаря, Иовъ плотной побѣждает безъплотнаго дьявола.

Так же то и нынѣ бывает, братия. Егда терпимъ Христа ради и завѣта его — такъ же радуется Богъ. А идѣже Богъ, тамо и аггели вси, и праведнии тутъ же со Владыкою зрятъ побѣды или побѣждения. Читали ли в житии Андрея Юродиваго?* Егда съ чернымъ велиаром[5] брався[6], а бѣлоризцы позороваху[7]. Какъ учалъ Анъдрѣя вертѣть хохлата-ет чортъ, такъ бѣлоризцы тѣ, миленькия, испужалися, жаль имъ Андрея тово. Какъ справился Андрѣй и брякнул чернова о камень лбом — такъ бѣлоризцемъ радость велия и веселие. Такъ то и нынѣ: побѣда бываетъ — невидимо намъ радость небесная, а то много радости в той часъ, егда кто мучится за Христа. Простите, къ слову пришло, однако ужь говорить, от своихъ васъ не подобаетъ скрывать.

Какъ стригли меня на Москвѣ,* тому уже годовъ съ тринатцеть есть, а в то время безъ меня въ сылке на Мезени Ияков Сытникъ былъ. Въ кой день меня ругали[8] въ соборной той церкви, а онъ, де, на Мезени, въ той же день и часъ въ клѣти молитвовалъ. Жена ево мнѣ сказывала, какъ меня сюды въ Пустоозерье везли: «Бѣжитъ, де, мой Ияков ис клѣти в ызбу, а самъ кричитъ мнѣ: „Оринушка! Оринушка! Батка Аввакума на Москвѣ ругаютъ, а онъ с ними кричитъ. Я ви-

[1] не персоной; [2] Слышал ли ты о рабе; [3] оградил; [4—4] испытаю — благословит ли тебя тогда?; [5] дьяволом; [6] боролся; [7] смотрели; [8] надо мной надругались.

дялъ топере въ клѣти! Небо отверзлося, и аггели прилѣтаютъ над него и от него на небо, радующеся!" А самъ, де, онъ, батюшко, измѣнился весь, зыблется, тужитъ и плачет по тебѣ, охая». Такъ, конечно, мнѣ жена ево сказывала. Ево ужь тутъ в то время не было.

Да что же еще с вами стану говорить? Чаю, утрудилася ваша мысль, косняща въ вышнихъ. Ну, и мы ум нашъ сведемъ съ небесе и поговоримъ мало о земныхъ. [1]Много ли васъ я на славном[1], избранныхъ Божиихъ, и церкви и попы есть ли християнския, и нѣсть ли гонения правовѣрию, возвѣстите ми, или восплачю или возрадуюся. Господа ради мужайтеся, утвержайтеся! Живите, поминающи день востанный, не яко немудрии, но яко премудрии.

ПОСЛАНИЕ ОТЦУ СЕРГИЮ С «ОТЦЫ И БРАТИЕЙ»

Новому игумну, старому моему чаду, Сергию отцу* радоватися о уповании вѣчных благъ.

Припомяни, чадо, и о мнѣ в день радостный: азъ есмь заматорѣвый во днѣх злых, хощу с тобою [2]совсельникъ быти[2] в пазухѣ Авраамовѣ.* Аще Бог благоволит и пречистая Богородица поспѣшит, негли[3], препоясався о Христѣ, переполземъ темнозрачный сей вѣкъ к тихому оному и безмолвному пристанищу. И что тогда речемъ, Сергий мой, егда узрим нашего свѣта лицемъ к лицу никонянам неприступнаго Христа, Отца нашего и строителя?

Сергий! Слушай-ко, сказывай людям тѣмъ: сидитъ онъ на огнезрачном престолѣ одесную Отца, о насъ промышляетъ и нам приказывает: «Не пецыте, де, ся вы ни о чемъ, токмо о проповѣди прилѣжите, а то, де, у меня вам всево много напасено».

Скажу вам, раби Христовы, слушайте.

На что петь Иосифъ Волоцкий* с Писаниемъ ратуется? Не ладно онъ о сошествии пишетъ во ад, бытто смерть и дьяволъ снесли душу Христову во ад.

А пророцы и богословцы вси не такъ, но глаголют: со славою во ад бысть поход. Помнишъ, в словѣ Епифаниеве* пишетъ: «Предшествуют же ему архаггели Михаилъ и Гавриилъ и прочия силы аггельския глаголюще: «Возьмите врата, князи, ваша»,* и прочая. Евсѣвий Самосадский* такоже: «Идуще пред Спасителем силы вопияху: «Возьмите врата, князи, ваша». Да и всѣ церковны книги учатъ: не дьявол душу Христову во ад снесъ, но самъ, по востании из гробъ, плотию боголѣпною з душею сниде во ад Божески, и расторгъ Богъ-человѣкъ чрево адово.

И много о том нѣколи говорить. Одно молыть: свято-ет бы насилу сам написал ли бы такъ. Полно, воръ нѣкто такой жо в книгу ту ево внес, что и Федь-

---

[1—1] *Текст испорчен; смысл:* Много ли вас есть на земле; [2—2] вместе быть; [3] может быть.

ка-отступникъ,* в тетратках подметных чтучи. Сего дни ли воруютъ? Во-ся, петь, Климантовы те книги* и повыше Иосифа тово, не исказили ль? Или и Григория Низкова правила?* Сам же молышъ, во всѣхъ церковных книгах пишет, яко Христос плотию одушевленною во адѣ бысть и о семъ слава ему, Христу, Богу нашему. Мы такъ и вѣруемъ, какъ церковные книги учатъ.

А в письмяных тѣхъ всячину найдешъ. Не буди намъ с вами по своему смышлению спасение свое содѣвать, но по преданию святых и богоносных отецъ. Дай, Господи, умъ нашъ и сердце в согласии со святымъ Писаниемъ, такъ и добро! А [1]привал-отъ пустой[1], яко [2]нужно слово[2], не отмещу[3] ли?

А что отецъ Исидоръ вопрошаетъ мя кое о чомъ, мочно веть и самимъ вамъ разсудить з Господем. А я кто? — умерый песъ, и какъ могу выше вашего священнаго собору разумѣть? Ты говоришь: огненный во мнѣ умъ. И я сопротивъ молылъ (прости!): «Облазнился, — реку, — ты, чернецъ, и в калѣ тиннѣ помышляешъ сокровенну[4] быти злату и сребру. Не ведется, молъ, тово, еже драгое камение полагати в [5]говенной заходъ[5], тако и [6]в мой грѣховной арган[6] непристойно внити благодатному огненному уму. Развѣ по данному ми разуму отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ».*

И ты, игуменушко, не ковыряй впредь таких речей. Которая тебѣ прибыль? Наводиш душе моей тщету. Но всяко дыхание да хвалить Господа и пречистую Богородицу, а я — ничево, человѣкъ, равенъ роду, живущему в тинах калныхъ, ихже лягушками зовутъ. Погубилъ в себѣ властный санъ и разсудителну силу, без разсуду земных прилѣжю и, яко свиния от рожец, наполняю чрево свое.* Аще не умилосердится Господь, при смерти стою и во адова сокровища[7] гляжю. Аще не Господь помоглъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во ад душа моя. Обо мнѣ пророк рече: «Далече от грѣшныхъ спасение»,* и еще: «Яко погна врагъ душю мою и смирилъ есть в земли живот мой, посадилъ мя есть в темных, и уны во мнѣ духъ мой».* Еле-еле отдыхаю от похотей, задавляющих мя. Моли Бога о мнѣ и всѣмъ заповѣждь. И Настасья, хотящая быти *царица*, пускай молится о мнѣ.* Смешница[8] она, Сергий, хочет некрещоных крестить!

Я говорю: «Вото, — реку, — какую хлопоту затѣваетъ! Ихже весь миръ трепещетъ, а дѣвая хощетъ, яко Июдифь,* побѣду сотворить!» Материнъ болшо у нея ум-отъ. Я ея маленку помню, у тетушки той в одном мѣсте обѣдывали.* Богъ ея благословитъ за великова и честнова жениха!

Девушка красная, княжна Анастасьюшка Петровна, без матушки сиротинка миленкая, и Евдокѣюшка, миленкие, свѣты мои! Охъ мнѣ грѣшнику!

Егда умъ мой похватитъ[9] мать вашу и тетку, увы, не могу в горести дохнуть — таковы онѣ мнѣ! Лутче бы не дышалъ, какъ я их отпустилъ, а сам остал-

[1—1] добавление ложное; [2—2] скудное, убогое, ненужное слово; [3] отмету, не приму во внимание; [4] спрятану; [5—5] отхожее место; [6—6] здесь: в мою греховную голову; [7] пещеры, пропасти; [8] забавница; [9] когда мне на ум приходят.

ся здѣсь! Увы, чада моя возлюбленная! Забвенна буди десница моя, прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну вас! О дщи Вавилоня окаянная! Блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяние твое, еже воздала еси имъ. Блаженъ, иже иметъ и разбиет младенца твоя о камень! Ну, добро много плакать, да перестать же будет.

Слушайте-тко, Евдокѣя и Настасьюшка, гдѣ вы ни будете, а живите такъ, какъ мать и тетка жили: двѣ сестрицы здѣсь неразлучно жили, в будущий вѣкъ купно пошли, без правилца не жили, канонцы всегда сами говорили на правилѣ и всяко* ... онъ ... пускай сказываетъ ... чернецъ, не покидай их, отрасли моей ... поливай их слезами ... Зѣло покойница перед смертию тою докучала мнѣ о них,* горко сокрушаючись, — и о грѣхах тѣх кается и о них кучится[1]. Рукою своею наморала на обе стороны столбецъ, а другая так же и третьяя. Да долго столпцы тѣ были у меня: почту да поплачю, да в щѣлку запехаю. Да бѣсъ-собака изгубилъ ихъ у меня. Ну, да добро! Не дорожи[2] онъ мнѣ тѣмъ! Я и без столпцовъ живу. Небось, не разлучить ему меня с ними! Христос с нами в вѣкъ вѣка уставися.

Анисиму Фокину миръ и благословение. А что ты, Онисимушко, меня о попахъ тѣх спрашиваешъ, а то я имъ велѣлъ смиритися, оба добрыя люди, да шалуют без пути. У Григорья в грамоткѣ почти.

Ходи со Стефаном и с Козьмою,* Богъ благословит! Стефанъ ко мнѣ прежь сего писывалъ кое о чем, и я ему о Христѣ и прощение послалъ, и Козьма доброй человекъ, я въ ево церквѣ и дѣтей духовных своих причащалъ, со мною онъ говаривал. Онъ обѣдню поетъ в олтарѣ, а я на крылосѣ у него пѣвалъ.

А для чева Исидоръ* младенцов не причащаетъ, которых Дмитрей креститъ? Я приказалъ ему крестить, сынъ мнѣ онъ духовной.

Стефан-батко, которые младенцы те от еретиков тѣхъ крещены, и ты розыскивай: буде отрицание от сатоны было и въ три погружения крещонъ, и ты токмо молитвы и недокончанная над ними соверши, а буде же не было отрицания, и ты и совершенно крести.

А что Исидоръ от еретикъ крещенных не причащаетъ, то онъ правду творитъ. А о умершихъ — надобе о них Бога молить и их поминать. Глупо робя было, не знало правды и кривды. Аще кто великъ умретъ, о таковомъ разсудитъ: буде и по-новому крещонъ, а пред смертию каялся о невѣрии своемъ, таковаго принимать; аще ли такъ умре, и онъ часть волчья, нѣтъ ему до Христа дѣла, нашего Бога.

Ну, Онисим, прости! Богъ тебя благословитъ; моли Бога о мнѣ.

А что вы ... выпись из Псалтыри прислали, псалма 9: «Сиру ты буди помощникъ», и прочая, и толк-отъ Афанасиевъ правъ,* а на Григорья това Амирит-

---

[1] беспокоится, докучает просьбами; [2] не получит нужной цены, здесь: не заденет меня этим.

скаго* солгалъ нѣкто воръ, именемъ ево бездѣлицу утвержаетъ, яко и Федоръ-отступникъ. Статное ли дѣло душю Божию дьяволамъ обладати? Смерть и тѣломъ не обладала, нежели душею. Самъ Господь насъ научаетъ, рече: «Никтоже душю мою возметъ от мене, но самъ полагаю ю о себѣ; область[1] имам положити ю и паки область имам прияти ю».* Да умирая, рече: «Отче, в руце твои предаю духъ мой»,* — а не ко дьяволамъ во адъ. Во адъ со славою иде, возставъ от гроба тѣломъ и душею, Божески. Всѣ богословцы такъ научаютъ: адъ, рече, огорчися, человека зря обожена, — а не нагую душю. Писывалъ преже сего о томъ.

В книгах тѣх писмяных надобе разумѣть. Иван Ексархъ* пишетъ: «Еретики, де, и Григория Нисскаго правила развратили, многия, ихъ, де, и чести, не подобаетъ». А и Климентовы книги, — помнишъ, в Кормъчей* напечатано, не велѣно ихъ чести, — развращены от еретикъ. Так то и тутъ, сицевой же Федоръ или никониянъ, жалѣют ли онѣ книгъ тѣхъ? Что взбрело на ум, то и творят. Во Псалтырях тѣх толковых есть всячина, толковщиков тѣх много. Полно о том.

Какой то будет Богъ, что душю свою от разбойниковъ отнять не смогъ?

ПИСЬМО «ОТЦАМ СВЯТЫМ» И «ПРЕПОДОБНЫМ МАТКАМ»

Благословите, отцы святии, благословите, преподобныя матки! Како пребываетете, и всѣ ли по-здорову? Дерзнул, нагой грѣшник, изъ земли приити в нѣдра ваша. Освятите мя молитвами своими, понеже пришлецъ есмь из скверънаго мира. Ну, творите же о мнѣ молитву: «Благослови благословящая тя, Господи, и святи уповающая на тя», и прочая.

Спаси Богъ, миленькие батюшки, очистники всего мира, и меня очистили, поганца. Ей, право, отъ грѣх осквернен есмь.

Вѣдаете ли, отцы и матки, есть ли любовь между вами? Скажите ми кратко: «Скажемъ ти, отче Аввакумъ, яко Богу: „Люблю брата, яко фусточку, себя же вмѣняю пред нимъ, яко онучку"». Оле, чюдо! Нашол достояния нашего образ — Христа, превѣчнаго Бога. Ей, добро такъ! Всяк бо возносяяйся да смирится, а смиряяйся вознесется.* Смирение бо побѣждает всякъ грѣх, отцы святии, понеже Христосъ смирил себе, послушлив бывъ, даже до смерти, смерти же крестнѣй; тѣмъже и Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени.*

Простите, батки, пошол я к маткам-старицамъ в кельи.

Благословите, преподобныя, небесных красот смотряющии! Како труждаетеся, со страстьми и похотьми бравшеся[2],* и молящеся о благосостоянии святых Божиих церквах, и о царѣ Феодорѣ, и иже с нимъ, пекущихся о исправ-

[1] власть; [2] боретесь.

лении православныя вѣры? Рцыти ми, по-здорову ли душа и тѣлеса ваша о Христѣ Исусѣ? — «Здравъ будь, отецъ Аввакумъ, со всѣми православными християны! Мы ж живемъ, десницею Божиею покровени[1], взирающе на начальника вѣрѣ и совершителя Исуса,* ходяще в заповѣдѣх Божиих и оправданиях Господних беспорочно».

Слава Господу Богу! Веселитеся о Господѣ и радуйтеся, праведнии, хвалитеся всѣ правии[2] сердцемъ.* Простите и молите о мнѣ Бога.

Мир вамъ всѣмъ и благословение со гражданы. Повидался с вами.

ПИСЬМО СТАРИЦЕ КАПТЕЛИНЕ

Старица Каптелина Мелентьевна, Гликерьина дочь! Не ты ли со отцем и с материю жила во дворѣ[3] моемъ, дѣвушка? Помниш, я у вас бывал, возлюбих бо тя паче всѣх ваших домашних красотъ? Мать твоя меня подчиваетъ, а ты, утенька маленькая в тѣ поры была, поглядѣла на меня, да воздухнула. Ну, вздыхай же и нынѣ о мнѣ, да и всѣм матушкам тѣмъ обо мнѣ бей челомъ: я твой, ты моя.

Миленкая моя чернушечька, какъ тя назову? Виноград едемский имену тя и Ноевъ славный ковчегъ, рай словесный, кринъ[4] краснопѣснивый, голубица нескверная, ластовица[5] сладкоглаголивая!* А какъ ты подвизаесься на борителя врага и душеядца дьявола?

Каптелина, а Каптелина! Люби бесчестие, люби укорение, досаду, поносъ[6] и уничижение, люби худость ризную, пищу тонкую[7], неумовение, труды и молитву беспрестанную.

Каптелина, а Каптелина! Егда тя обыдутъ внутреннии «скимни[8] рыкающе восхитити, и испросити у Бога пищу себѣ»,* еже есть бѣсове и лукавии помыслы, в то время стани крѣпце лицем душевным пред Господа и воззови: «Боже! За молитвъ святых отецъ наших, помилуй мя и горемыки ради, отца моего, радосте моя, избави мя ото обышедшихъ мя». Да лбом о землю: «Заступнице християномъ, Мати Царя вышнихъ силъ, заступи мя и избави от сѣти чюжаго». Да паки лбом о землю.

Я все так-то деруся с разбойниками тѣми. Да на лѣвую ту страну и плюну, рекше: «Отступи, неприязнь, и иди тамо, идѣже человѣкъ не живетъ, но токмо единъ Богъ призираетъ. Азъ есмь рабъ грѣшный Исуса Христа, распятаго за насъ, обѣщахся язвы его носити на себѣ, а не блудить».* Да милость Божия бываетъ, Каптелина. Дьяволи те во мнѣ и уснутъ домашние, сирѣчь мысли те поганые.

А какъ, Каптелинушка, маленько оплошись, такъ бѣда тогда случается. Миршины захочю или ризами себя украсить, да старое то житие на умъ побре-

[1] оберегаемы; [2] правые; т. е. те, кто правы сердцем; [3] в доме; [4] цветок; [5] ласточка; [6] поношение; [7] постную; [8] львы.

детъ, какъ з друзьямиваживанось: пито, да ѣдено, да плясывано, да и все по тому. И ты, петь, себѣ внимай: каковъ веть ум-отъ мой, таковъ и твой, не давай ему на колесах тѣхъ ѣздить. Писано есть[1]: «Сьюзимѣ плоти — смиряется сердце, ботѣющу сердцу — свирѣпѣютъ помышления»[1].*

Знаеш ли рѣчь ту сию, Сирахову? А то говоритъ, какъ, де, плоть та измнемождаетъ, либо помелешъ, или потолчешъ, или у сестры [2]заходъ выпрячешъ[2], мотылу ту под гору вытаскаешъ шолковыми теми руками, такъ сердце то смирится и звѣри всѣ спать полягутъ. А какъ, де, сердцу тому разботѣющу[3], сирѣчь обленися потрудитися, а тому на умишко то кичение прападетъ, да и одолятъ тя помыслы лукавыя, да и печаль наведутъ, да и тужить станешъ о сынѣ и о матери, и о мирщинѣ восплачеши, и раскаяние на аггельский мнишеский чинъ, и на окормителя своего вознегодуеши, да и во всю пагубу поринешися со дияволомъ.

Сего ради Ефрем святый рече: «Чернечествуй умови, чернечествуй духови, чернечествуй взору и ступанию и глаголанию, вопросу и отвѣту».* И все по тому. А без благословения окормителя[4] своего не твори дѣла никакова, всегда поучайся благимъ, да же злым не поучаесся. Писано: «Неокормлении падаютъ, яко листвие».* И паки писано: «Земля есть дѣлание, естество наше, дѣлатель же — воля, совѣтницы же и учители наши — Святое Писание».

Слышала ли речение се коротенько да красненько? Ори[5] землю ту — одушевленную свою пълоть — изволом добрым, прибѣгая ко Святому Писанию, и оттолѣ черпай живыя воды, напаяюща душа с телесы. Аще кто пиетъ от источникъ сихъ спасеныхъ, не вжаждется[6] во вѣки.

А иже Каптелинѣ глаголю — всѣмъ глаголю Христовы ограды словесныхъ овецъ, яко вси есте равно сынове и дщери завѣта и пророкъ. О всѣхъ и за вся умре Христос. И апостолъ рече: «Нѣсть июдей, ни еллинъ, нѣсть рабъ, ни свободь, нѣсть мужеский полъ, ни женский, но вси едино есть о Христѣ».* И самъ Господь к саддукеомъ рече: «В день онъ, егда воскреснутъ, ни женятся, ни посягаютъ, но равни аггеломъ суть».*

Вотъ каково хорошо! Смѣсимся в одно стадо з горними силами — и мужики, и бабы, и паренки, и дѣвушки. Во славѣ велицей и крѣпцей силѣ лѣтать станутъ иноцы, яко пернатии, а белцы, по них ходяще, послѣдуютъ в том же нетлѣнии и плоти легцей, могущей по воздуху ѣздити.

Бабушки-чернушечки! Вонмите глаголемая: тогда бо, тогда нынѣшнии нравъ добродѣтельный во аггела претворит или злый нравъ непокоривый в бѣса претворитъ! Приклоните уши ваши во глаголемое: «Не риза спасетъ, но нравъ, не мѣсто пустынное, но обычай благий». Слушайте же совѣта моего к вамъ, лю-

---

[1—1] «Когда утесняется плоть — смиряется сердце, когда сердцу дается воля — свирепеют помышления»; [2—2] отхожее место выгребешь; [3] разгоревшемуся; [4] наставника; [5] вспахивай; [6] не захочет пить.

безнымъ моимъ: «Повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся, и яко от устъ Божиихъ заповѣданная от нихъ храните».*

Есть во Отечнице* писано: «Прииде Иванъ Лѣствечникъ во обитель ко Ивану Великому. И рече Великий к Лѣствечнику: «Хощеши ли да покажу ти раба Божия?» И отвѣща Лествечник: «Хощу, честнѣйший отче». И сѣдше им ясти за трапезою. Возва Иванъ Великий ветха деньми и сѣдинами украшена диякона Лавреньтия из-за стола: «Гряди сѣмо, Лаврентий!» Он же скоро воспрянувъ, не ядше, предста у трапезы игуменовы, зря на игумна Иванна, яко на Христа, не смѣя вопросити, чего для возва. Иван же, с Лѣствечникомъ бесѣдуя, ничто Лавреньтию не рече во весь обѣдъ. Егда же* отъиде стол[1], посла Иванъ Лавреньтия не ядша ко Исидору, осужденному, Желѣзному, повелѣ псаломъ 39 изглаголати. Удиви же ся Лѣствечникъ таковымъ сѣдинамъ послушания. И потомъ скончася Лаврентий, искипѣ миро из ногъ его в показание послушникамъ, и нетлѣнно яви Бог тѣло его трудолюбное.

Видите ли, матушки, каковы плоды растутъ от послушания? Воньми, преже да же избери себе наставницу руководства небеснаго неблазнену, и егда подклониши главу свою, не моги таити от нея дѣлъ своих и помышлений. [2]Аще заповѣсть ту, что и во мнящихся злых тобою[2], должна есми послушати, развѣ[3] ереси и блуда и пиянства вина нерастворенаго — сего не подобает послушати. А аще и мясо велитъ, искушая тя, ясти — яждь, аще и спать велитъ — спи, аще и биетъ тя — терпи. Аще и не кормитъ — терпи, аще и злословитъ — молчи, послала — побеги, не велѣла — возвратись, дала что — приими, отняла — поклонись. Да и вся по тому приемли Христа ради заповѣданная, без ропоту служа, яко Богу, а не человеку, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашем, емуже слава и нынѣ, и присно, и по вѣки вѣком. Аминь.

Паки всѣмъ миръ и благословение, чтущимъ и послушающим. Простите, други мои, свѣты, о Господѣ.

ПОСЛАНИЕ ИОНЕ И МОИСЕЮ

Краегранесие[4]: «Горьних ищите, небесная мудрствуйте».* Ей, аминь.

Отцы святии Иона и Моисей, небесопарнии орли, пустынное воспитание. Троицы вселение, благодати сосудъ! Что васъ наречемъ? Святии херувими ли — яко на васъ почилъ есть Христос, серафими ли — яко непрестанно прослависте его, аггелы ли — тѣла бо отвратистеся? Многа ваша имена, а болша дарования. Молите непрестанно о насъ, отцы святии, васъ бо утвердилъ утвержей ни на чем же землю повелѣнием си.

[1] Обед кончился; [2—2] Если и велит сделать то, что кажется тебе злым; [3] кроме; [4] Акростих.

Отцы святии! Вас утверьдил утвержей гром и зиждай духъ. А я что? Сосуд гнѣва. Гдѣ иду и камо бѣжу?* Воистину, истинно, поистиннѣ, ей-ей, в правду Божию о себѣ свидѣтельствую, яко нищ есмь добродѣльми, богат страстьми.

Отцы святии! Ничтоже преславно богатаго взыскать и славнаго посѣтить, но се чюдно, аще сироту взыщет кто, якоже мене, осиротѣвша Бога и человѣкъ. Ей, нѣтъ близъ мене друшка, кто бы поправилъ кривую душу мою, одинъ старецъ* и тотъ, якоже и азъ, песъ ловчий, заклепанъ, да не пужаетъ поганыхъ звѣрей — волков и льстивых лисицъ. Аще и снидемся на малъ часъ, не вѣдаемъ, что другъ другу рещи: вопросить или отвѣщать. Вѣдаете, мню: «Обыдоша ны пси мнози, сонмъ лукавых одержаша насъ».*

Молю вы, грѣшный *протопоп*, исправляйте недостатки мои молитвами. Инъ — яко в море утопающу, весло подай, инъ — шѣстъ или дску верзи ми, *изряднее же* — подщася рукою извлещи мя из глубины[1]. Аще кто полиетъ слезы на нозѣ Исусовы — велика ми помощъ слеза теплая пред образом Царицы Небесныя. А иже, кто лишенъ дара сего, — воздохни о мнѣ, грѣшнике, яко Ануфрий Великий* воздыханиемъ горы поколеба; аще ли ни — припомяни Господа ради со оглашенными;* что же дѣлать — и мало ли за велико поставитъ Богъ. Немного и Моисей* при мори моляшеся, но токмо возведе горѣ очи сердечнии, и рече ему Богъ: «Моисею, Моисею, что вопиешь ко Мне?»

Видите ли, избрании Божии, коль скоръ Господь просящимъ у Него истинною? Моисей, от фараона угнѣтаемъ, молча очи на небо возведе, а Богъ свидѣтельствова и рече: «Что кричишъ, *Моисей*? Ударь жезломъ по водѣ и будет ти сухъ путь посредѣ воды и воды».* Аще тамо единъ Моисей неблагодарнаго Израиля 600 000* избави от фараони руки, а здѣсь, васъ уповаю, за Волгою, на родинѣ моей, не единъ, не два, но яко звѣздъ бес числа, вопиющихъ ко Христу, Сыну Божию, день и нощь.

Всѣмъ вамъ мил ся дѣю, у всѣхъ прошу молитвы.

Афонасей Зубовъ с Лукою Рубашешникомъ,* обойдите со Христомъ вертепы и пещеры, и разсѣли горския, и болота, и дебри, идѣже витаютъ святии мужие и жены, и отроки и отроковицы, и испросите мнѣ у всѣхъ дара любезнаго мною, дара честнѣйшаго, паче солнца и свѣта, глаголю, — молитву. А я с *вами*, пред всѣми падъ, лежу невсклонно. Умилитеся, райстии житилие, богатии — о нищем, свободнии — за плѣнника. Весь вашъ здѣ и во грядущем. Аминь.

[1] а еще лучше — попытаться извлечь меня рукой из глубины.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СЕМЬЕ

1

Списокъ з грамотки страдальца Христова Аввакума отца.

Дѣтямъ моимъ благословение и дому моему миръ.

Настасья, большо мнѣ с вами только видания, прижали плотно ко узамъ. В Пафнотьевѣ монастырѣ держали девять недель на перемѣнныхъ цѣпяхъ,* и послѣ того мчали к Москвѣ девяносто верстъ на перемѣнныхъ лошедяхъ, не отдыхая, затрясли было. Потомъ остригли и прокляли. У Николы на Угрѣше сѣжю в темной полатѣ,* весь обранъ[1], и поясъ снятъ, [2]со всяцемъ утвержениемъ[2], и блюстители пред дверьми и внутрь полаты — полуголова[3] со стрельцами. Иногда ѣсть дают хлѣбъ, а иногда и щи. Дѣти, бѣдные, к монастырю приѣзжаютъ* да получить[4] меня не могутъ — всяко крѣпко. От страха насилу и домой уѣдутъ.

Нѣтъ у меня строки книжные, пою Богу моему наизъусть, глаголъ Божий во устѣхъ моихъ. Подстилаю плоть души моей, и почиваю на ребрѣхъ, одѣваюся слезами и воздыханиемъ, видя людей, вконецъ прельстившихся.

А васъ уже я и забылъ, токмо прошу о спасении вашемъ. Аще живъ — мизинцу моему* цѣлование, аще же умеръ — блаженъ есть.

Паки всѣм благословение. Помолитеся о мнѣ, да же совершу путь течения добрѣ.

Дорого столбецъ сей купленъ. Нѣколи много писати. Писано же лучинкою.

Помышляю о себѣ, яко удавятъ мя еретики, попущено бо им гораздо.

Не облѣнись, жена, дѣтей тѣхъ понуждати к молитвѣ, паче же сами молитеся. Молитва бо Петра ис темницы избави,* молитва Иону из чрева китова изведе,* молитва триехъ отроковъ от огня свободи,* молитвою Анна Самоила породи,* молитвами вси святии спасошася, молитва прилѣжна паче огня на небо возлѣтаетъ. Добро молитва! Ей же помогаетъ постъ и милостыня. Не лѣнитеся молитися да не безплодни будете.

Въ Вознесеньевъ день в темницѣ во время утрени начах чести святое Евангелие. Падохъ на лицы моемъ и глаголахъ: «Кто есмь азъ, умерый песъ, яко Господь присѣти мя в темницѣ?» По сихъ мысленныма очима видѣхъ Господа, и глаголюща ми: «Не бойся, азъ есмь с тобою!» И в то время радости многия исполнен быхъ.* О сихъ доздѣ[5]. Воистинну, молитися добро. Миръ вамъ паки.

---

[1] раздет; [2—2] со всевозможной строгостью; [3] подполковник; [4] повидать; [5] до этого места;

Еще же ми от бѣсовъ многи навѣты и пакости бываютъ. И о сих нынѣ нѣсть ми глаголати подробну. Молитеся о мнѣ, да избавлюся от нихъ.

Писано в темницѣ лучинкою кое-как, маия въ *30* день.

2

Сыну Ивану и Прокопью, с матерью и з братом, и с сестрами, з женою и дочерью* — всѣмъ благословение.

Посланы грамотки к Москвѣ, и ты их, прочетше, запечатай и сошли. Да к вам же послано десять крестов — старец* трудился. Мнѣ бояроня* главотяжец[1] да саван прислала против первыхъ писем. Буде от нея грамотки к вам придут, не роспечатовайте; буде угодно — я отселѣ к вам пришлю. Паки мир вам.

А кресты кедровые послано. Запечатай грамотки да пошли к Москвѣ, еще таиньства с крестом. А грамоток — в мир не чтите, петь,[2] себѣ.

3

Ивану с матерью, и з женою, и з дочерью, и Прокопью з братом, и с сестрами, и з домашними, Феодору с Лукою, всѣмъ без розбору — *благословение*; Марковну Богъ простит.

Пришли с *Машигиным* ваши всѣ посылки.* Я Огрофенѣ* холстинку послал, да невѣдомо — до нея дошла, невѣдомо — нѣтъ. Ушто ей, бѣдной, нѣкому о том грамотки написать? Ушто она бранится з братиею? А я сѣтую: невесть — дошла, невѣдомо — нѣтъ. А о рубашках, — я с Тимофѣемъ писал, и про холстинку и про него, что онъ сплутал, нам посылку с Москвы не привез. И онъ ушто и отодрал? Три рубахи пришлите. *Давно* рубахи надобно: часто нагъ хожу. Да и башмачишков нѣтъ, какие бы нибудь. Да и ферезишков нѣтъ.* Да и деньженец нѣтъ. Грамотки, Иван, бояронѣ в столпчик запечатай* да пошли. Послал нынѣ богоявленской воды боченку, а лѣтом — августовы;* а и нынѣшнюю и первую — сам святил. О мире преже сего писал я вам.

Феодор, что об одном дѣле двожды говоришь? В первые, реку, лѣта быша православнии епископи, аще и при Никонѣ священо.

И Маремьянѣ* попадье я грамотку с Ываном Архиповым послал, велю жить с попом, что она плутает? Апостолъ глаголет: «*Святитъ* бо ся муж невѣрен о женѣ вѣрней».* *Многонько* там писано. А нынѣ с Стефаном ... *послал с сес*трою.

Нѣколи[3] много писать, на*добе боло*[4] *итить*.

---

[1] головная повязка; [2] разговорная частица, здесь: читайте лишь сами; [3] Некогда; [4] разговорная частица, здесь: далее.

В Соловки те, Феодор, х*отя бы подъехал*,* *писма* тѣ спрятавъ, в монастырь вош*ел как мочно* тайно бы, писма тѣ дал, а буде нельзя, ино бы и опять назад со всѣмъ.

И *как весною* приедете, тогда и Орину* привезите; а у вас бы жила смирно, не плутала; а буде станет плутать, и вы ее смиряйте.

Хто тебе научил указывать тово мнѣ, чтобы я Федосье* той запретил? Плутаешь иное и ты много. Вѣдаю веть я и твое высокое житье, как, у нее живучи, кутил ты!* Горѣ, барте[1], мнѣ с вами стало!

4

Возлюбленнии, молю вы, яко странники и пришелцы, отгребатися[2] от плотскихъ похотей, яже воюют на душю нашу.* Воистинну, по пророку, вся суета, а все суетие.* О нужныхъ *заповѣдано* промышлять, но излишняя — отсѣкать. Аще о внѣшнемъ всегда будемъ пещися[3], а о души когда будемъ промышлять? Тогда, егда умремъ? Мертвый не дѣлает, мертвому тайны не открываются. Когда от века слышать, еже бы мертвый что доброе сотворилъ? Токмо видим воню[4] от гроба злосмрадну исходящу и червьми тѣло, растлѣваемо, понявою повиваемо и землею покрываемо. Увы, красный унылъ и ясенъ померкъ! Гдѣ благолѣпие лица, гдѣ светлейши очи, гдѣ юность и зракъ[5] нашъ? Все исше, яко цвѣтъ, яко трава подсѣчена бысть. Воистинну, вся увяди смерть. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти. Гдѣ нынѣ родъ и друзи? «Се бо разлучаемся!»* Воистинну, суета человѣческая.

Послушай, Марковна, али не такъ говорю? Ей, так! Чего для печешься о излишних и о плотскихъ скорбишъ? Глаголете ми: «Не знаемъ, какъ до конца доживать!» Имѣющу пищу и одежду, симъ доволни будем,* а о прочихъ возложим на Бога. Али Богъ забылъ насъ? Ни, ни! «Аще и забудетъ мати *помиловати* рожения своего, но азъ не забуду,* — рече Господь. — Не пять ли птицъ цѣнится единому пѣнязю, и ни едина от нихъ падетъ без воли Отца моего. Васъ же и власы главныя вси изочтени суть. Не убойтеся, убо мнозѣхъ птицъ лутше есте вы».* Имеши ли речению сему вѣры? Повѣрь, не ложно. Рече Господь: «Нѣбо и земля мимо идутъ, а словеса моя не имутъ преити».* Развѣ невѣрен и невѣжда не иметъ сему вѣры! Азъ вѣрую Богу моему, ему же и служю всѣю совѣстию от чиста сердца, яко будетъ, такъ и есть, еже рече Господь.

А егда обнажихся во имя его пресвятое и от труда повалилъся в темницѣ, молитву говорю лежа, псаломъ: «Внуши[6], Боже, молитву мою и не презри моления моего»,* и прочая. Егда доидохъ рѣчи «умякнуша словеса ихъ паче

[1] непереводимое междометие, используемое в потоке устной речи (обычное значение: пусть, пускай, пожалуй, ладно); [2] отказываться; [3] заботиться; [4] запах; [5] взор; [6] Выслушай.

елея, и та суть стрѣлы»,* примрачило умъ мой о томъ мѣстѣ. И речено ми, надо мною, от образа: «Возверзи[1] на Господа печаль свою, и той тя препитаетъ, не дастъ въ вѣкъ молвы праведнику». И вскочилъ и поклонихся Господеви. А самъ говорю: «Ты же, Боже, низведеши ихъ в студенецъ истлѣния»,* и прочая. Потому и рубашку съ себя скинулъ и повергъ неимущимъ. Нагъ оттолѣ и донынѣ, — уже три года будетъ, — да Богъ питает мя и согрѣваетъ, и вся благая подаетъ ми изобилно. Слава о всѣхъ сихъ творцу и содѣтелю всѣхъ Христу-Богу, и Богородице-свѣту со бесплотными и со всѣми святыми!

И ты, Марковна, положися всею крѣпостию душевною на Христа и Богоматерь: она, надежда наша, не оставитъ насъ погружатися в невѣрствии и бури. Вѣмъ, яко попреизлиха о насъ печется она и промышляетъ, всеупование наше, и покрываетъ насъ кровомъ крылу своею, и от врагъ огражаетъ же. Надолго ли бы ми жили, аще бы не она насъ защищала?

Вѣдайте, каково дияволъ на насъ огнено дышетъ со угодники своими, — въ Даурахъ и повсюду живыхъ поглотити ищетъ! Да Богъ не выдастъ, уповаю нань крѣпко. Помните, звѣрь даурский* всяко роспопу бѣднова, еже есть меня, протопопа, умышлялъ погубить, а не явно ли Божия милость? На Москвѣ в руки мнѣ Богъ ево выдалъ, — растеняся, лежитъ предо мною, что мертвой! Помнишъ, жена, какъ онъ мнѣ говоритъ: «Ты воленъ, и со мною что хочешъ, то и совторишъ!» А я постригъ его и посхимилъ по воли Божии и по докуки своей к нему, свѣту. Помнишъ ли, въ Даурахъ, казакомъ на поѣздѣ[2] говорилъ, и в Енесейскѣ Ржевскому,* и вездѣ по городамъ: «Мнѣ, — реку, — Пашкова постричи надобно!» Да Богъ мнѣ тово и далъ. А то вы и не вѣдаете, какъ о томъ докучалъ Богу.

А нынѣшнюю зиму потерпите толко маленко: силенъ Богъ, уже собакъ тѣхъ, перепутавъ огненным ужемъ[3], отдастъ намъ в руки, тогда умѣй спасать ихъ. А что имъ попущено от насъ умерщвять, — и то добро такъ, по Господню речению збывается: «И умертвять от васъ, и будите ненавидими всѣми имени моего ради, и власъ главы вашея не погибнетъ. В терпѣнии вашемъ стяжите[4] душа ваша».* Ну, да полно тово!

Спаси Богъ, Афанасьюшко Аввакумовичь, голубчикъ мой! Утѣшилъ ты меня! Сказывалъ воевода здѣшней, похваляя тебе, были, де, у него вы, и онъ спросилъ тебя: «Какъ ты, Афанасей, персты слагаешъ?» И ты показалъ ему: «Вот я какъ слагаю». А онъ тебѣ молвилъ: «Уже, де, гдѣ отецъ и мати, тамъ же будешъ!» И ты супротивъ рекъ: «Силенъ Богъ, не боюся!»

Воистинну, Господь силенъ, не боюся никого! Упование намъ на него, Владыку. Яко лев рычи, живучи обличая ихъ многообразную прелесть.

А учителя твоего, Григорья,* что не слышать? Живъ ли он, бедниںькой? А дѣвок, свѣтъ, учи, Марью* да Акилину,* а самъ у братей учися. Не гнушайся

[1] Возложи; [2] на пути; [3] веревкой; [4] укрепите.

ихъ, что онѣ нѣкогда смалодушничали, на висилицу Христа ради не пошли:* уш то моего ради согрѣшения попущено изнеможение. Что жъ делать? И Петръ — апостолъ нѣкогда такъ зделалъ* слезъ ради прощенъ бысть. А онъ такъ же Богу кающихся прощаетъ и припадающихъ к нему приемлетъ. Разговаривай братии: «Не сѣтуйте о падении своемъ выше мѣры, — проститъ вас. Да и батюшко по воли Божии васъ прощаетъ и разрѣшает, даетъ прощение в сий вѣкъ и въ будущий». Въпредь не падайте, стойте; задняя[1] забывающе, на предняя[2] простирающеся, живите. Единъ Богъ без грѣха и безъ извратъ[3], а человѣчество немощно, падаетъ, яко глина, и востаетъ, яко ангелъ. Се тому не работаетъ грѣху, но присносущному Богу Христу, и Сыну Божию, свѣту, со Отцем и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣ ки векомъ.

Богъ проститъ всѣхъ смалодушствующихъ и паки *возвращайся* на первое достояние. Аминь.

[1] прошлое; [2] будущее; [3] изъяна.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

1

Прежде сих грамоток* за четырѣ мѣсеца понудил мя Духъ Святый сыну нашему о Христѣ написати благословение к брачному совокуплению: в нощи зжалися духъ мой о нем, и возгорѣся душа моя, да благословенъ будет к женитвѣ. И стрельцу у бердыша в топорище велѣл ящечек здѣлать, и заклеил своима бѣдными рукама то посланейце в бердышъ, и дал с себя ему шубу и денегъ близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесет Богом храним до рук сына моего, свѣта; а ящичек стрельцу дѣлал старецъ Епифаний; а посланейце я никому не показал, писал его и без твоево прошения: у меня он благословенъ буди Богомъ.

Да пишешь ты ко мнѣ в сих грамотках на Федора, сына моего духовнаго, чтоб мнѣ ему запретити от Святых Таин по твоему велѣнию, и ты, бытто патриархъ, указываешь мнѣ, как вас, детѣй духовных, управляти ко Царству Небесному. Охъ, увы, горѣ! Бѣдная, бѣдная моя духовная власть! Ужъ мнѣ баба указывает, какъ мнѣ пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Веть ты не вѣдаешь, что клусишъ[1]! Я веть знаю, что меж вами с Феодором здѣлалось.

Писал тебѣ преж сего в грамотке: пора прощатца[2] — петь худо будет, та язва будет на тебѣ, которую ты Феодору смышляеш. Никакъ не по человѣку стану судить. Хотя мнѣ 1000 литръ злата давай, [3] не обольстиш, не блюдись[3], яко и Епифания Евдоксия.* Дочь ты мнѣ духовная — не уйдеш у меня ни на небо, ни в бездну. Тяжело тебѣ от меня будет, да ужъ приходит к тому. Чем боло плакать, что нас не слушала, дѣлала по своему хотѣнию — и привело боло дияволъ на совершенное падение. Да еще надежа моя, упование мое, Пресвятая Богородица заступила от диявольскаго осквернения и не дала дияволу осквернить душу мою бѣдную, но союзъ той злый расторгла и разлучила вас, окаянныхъ, к Богу и человѣком поганую вашу любовъ разорвала,* да в совершенное осквернение не впадете! Глупая, безумная, безобразная, выколи глазищи-те свои челноком, что и Мастридия* óна[4]! Лутче со единемъ окомъ внити в живот[5], нежели, двѣ оце имуще, ввержену быти в геену! Да не носи себѣ треухов-тѣхъ, здѣлай шапку, чтоб и рожу-ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи-те.

Ну, дружецъ мой, не сердитуй жо! Правду тебѣ говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред Богом и человѣки. А вы мнѣ всѣ больны: и ты, и Федор. Не кручинься на Марковну:* она ничево сего не знает, простая баба, право.

[1] чудишь; [2] каяться; [3—3] не прельстишь, не обольщайся; [4] оная (известная); [5] в жизнь вечную.

2

Господь грядетъ грѣшники мучити, праведники же спасти. Плачемся и воздыхаемъ, и приимемъ чювство онаго дне, в онь же безвѣстная и тайная открывый человѣкомъ отдастъ по достоянию. Страшенъ судия приидетъ, и кто противъ станетъ его? Не обленимся потрудитися в нынѣшнемъ вѣцѣ, предварим и восплачемся прежде Суда онаго, егда небеса погибнуть и звѣзды спадутъ, и вся земля поколеблется, да милостива обрящемъ тогда Бога нашего.

Свѣтъ моя, государыня! Люблю я правило нощное и старое пѣние. А буде обленишъся на нощное правило, тотъ день окаянной плоти и есть не давай. Не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ея подавлять! Да переставай ты и медокъ попивать. Намъ иногда случается и воды в честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лутчи, что боярыня? Да единако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сияетъ равно, такожъде земля, и воды, и вся прозябающая по повелѣнию Владычню служатъ тебѣ не болши, и мне не менши. А честь прелѣтаетъ. Единъ честенъ, — тотъ, кто ночью востаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, в квас примѣшивая, пить.

Еще ли, государыня, бранится!

Мнѣ мнится, обленилася ты на ночную молитву. Того ради тебѣ такъ говорю с веселиемъ — Евангелие воспоминаю: «Егда поносятъ вамъ и изженутъ[1] вы — возрадуйтеся в той день и взыграйте: се бо мзда ваша многа на небесѣхъ».* Аще и радостию тебѣ глаголю, не радуйся о глаголехъ сихъ. Дние наши не радости, но плача суть. Воспомяни: егда ты родилася — не взыграла, но заплакала, от утробы изъшед матерни. И всякой младенецъ тако творитъ, прознаменуя плачевное сие житие, яко дние плача суть, а не праздника, якоже мнѣ, грѣшнику, на земли и праздника нѣсть, [2]развѣе святымъ и праведнымъ[2], кои веселятся, законы Божиими и заповѣдьми его соблюдающе. Тако и ты, государыня, плачи суетнаго жития своего и грѣховъ своихъ, понеже призвалъ тя Богъ [3]в домовое строение[3] и разсуждение, но и возвеселися, егда, в нощи воставъ, совершиши 300 поклоновъ и седмь сотъ молитвъ, веселиемъ и радости духовныя. И меня, грѣшнаго, помяни тутъ, надежда моя къ Богу, и жену мою, и дѣти мои.

Еще же реку ти. Егда молишися, вниди въ клеть[4] свою, затвори двери своя, сирѣчь все помыслы злыя отринь, и единому Богу гори душею; воздохни со восклицаниемъ и рцы: «Господи, согрѣшила, окаянная, прости! Нѣсмь достойна нарещися дщерь твоя, сотвори мя, яко едину от наемницъ твоихъ!»

Еще же глаголю. Аще и всѣ добродѣтели сотворишъ, рцы души своей: «Ничтоже благо сотворихъ, ниже[5] начахъ добро творити». Нощию воставай, — не людемъ себя приказуй будить, но сама воспряни от сна безъ лѣности, —

[1] изгонят; [2—2] в отличие от святых и праведников; [3—3] домашние заботы; [4] буквально: в дом; здесь — в переносном смысле: сосредоточься на духовных помыслах; [5] ни.

и припади, и поклонися сотворшему тя. А в вечеру мѣру помни сидѣть. Поклоны, егда метание на колѣну твориши, тогда главу свою впрямь держи: егда же великий прилучится — тогда главою до земли. А нощию триста метаний на колѣну твори. Егда совершиши сто молитвъ стоя, — тогда «Слава» и «Нынѣ», «Аллилуйя»; и тутъ три поклоны великия бываютъ. Такожъ и на «Достойнѣ» всегда поклонъ великий. На святую Пасху и во всю Пятдесятницу и нощию — въ поясъ; и промежъ Рожества и Крещения — въ поясъ; и во всякую суботу, и неделю, и в праздники — въ поясъ; развѣ въ великую суботу против Великаго дни[1] — то метание на колѣну.

Блюдися ты, государыня, лестьцовъ — чернцовъ, и поповъ, и черницъ, еже бы не развратили душю твою, и всѣхъ злыхъ человѣкъ уклоняйся, а з добрыми бесѣдуй.

Н*е* презирай* живова мертвеца.

[1] Пасхи.

ПОСЛАНИЕ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ И КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Увы, измолче гортань мой, исчезостѣ очи мои! Благоволи, Господи, избавити мя! Господи, помощи ми потщися! Скоро да предварятъ ны щедроты твоя, Господи, яко обнищахомъ зѣло. Помози намъ, Боже, спасителю нашъ!*

Свѣтъ моя, еще ли ты дышишъ? Другъ мой сердечной, еще ли дышешъ, или сожгли, или удавили тебя?

Не вѣмъ и не слышу. Не вѣдаю — жива, не вѣдаю — скончали.

Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! Провѣщай мнѣ, старцу грѣшну, единъ глаголъ: жива ли ты?

Увы, Феодосья! Увы, Евдокѣя! Два супруга неразпряженная, двѣ ластовицы[1] сладкоглаголивыя, двѣ маслицы[2] и два свѣщника[3], пред Богом на земли стояще! Воистинну, подобни есте Еноху и Илии.* Женскую немощь отложьше, мужескую мудрость восприявше, диявола побѣдиша и мучителей посрамиша, вопиюще и глаголюще: «Приидите! Тѣлеса наша мечи ссѣцыте и огнемъ сожгите, мы бо, радуяся, идемъ къ жениху своему Христу!»

О, светила великия, солнца и луна Руския земли, Феодосия и Евдокѣя! О чада ваша, яко звѣзды, сияющыя предъ Господемъ Богомъ! О, двѣ зари, освѣщающия весь миръ на поднебеснѣй! Воистинну, красота есте Церкви и сияние присносущныя[4] славы Господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома Господня, возбраняете волкомъ входъ во святая. Вы два пастыря, пасете овчее стадо Христово на пажетехъ духовныхъ, ограждающе всѣхъ молитвами своими от волковъ губящихъ. Вы руководство заблуждьшимъ в райския двери и вшедшимъ — древа животнаго наслаждение! Вы похвала мучеником и радость праведнымъ и святителем веселие! Вы ангеломъ собѣсѣдницы и всѣмъ святымъ сопричастницы и преподобнымъ украшение! Вы и моей дряхлости жезлъ и подпора, и крѣпость, и утвержение! И что много говорю — всѣмъ вся бысте ко исправлению и утвержение во Христа Исуса.

Какъ васъ нареку? Вертоградъ[5] едемский имѣную и Ноевъ славный *ковчегъ*, спасший миръ от потопления? Древле говаривалъ и нынѣ то же говорю: киотъ священия, скрижали завѣта, жезлъ Аароновъ прозябший,* два херувима одушевленная! Не вѣдаю, какъ назвать! Языкъ мой коротокъ не досяжет вашия доброты и красоты; умъ мой не обыметъ подвига вашего и страдания.

Подумаю, да лише руками возмахну! Какъ такъ, государыни, изволили с такия высокия степени ступить и в бесчестие вринутися! Воистинну, подобни Сыну Божию: от небесъ ступилъ, в нищету нашу облечеся и волею пострадалъ. Томужъ и здѣсь прилично о васъ мнѣ разсудить.

[1] ласточки; [2] маслины; [3] светильника; [4] вечной; [5] сад.

Недивно, яко 20 лѣтъ и единое лѣто мучатъ мя:* на се бо званъ есмь, да оттресу бреся грѣховное. А се человѣкъ нищей, непородной и неразумной, от человѣкъ беззаступной, одѣяния и злата и сребра не имѣю, священническа рода, протопопъ чиномъ, скорбей и печалей преисполненъ пред Господемъ Богомъ. Но чюдно и пречюдно о вашей честности помыслить! Родъ вашъ — Борисъ Ивановичь Морозовъ* сему царю былъ дядька, и пѣстунъ и кормилецъ, болѣлъ об немъ и скорбѣлъ паче души своей, день и нощь покоя не имуще. Онъ сопротивъ тово[1] плѣмянника ево родного, Ивана Глѣбовича Морозова, опалою и гнѣвомъ смерти напрасной предалъ, твоего сына и моего свѣта.

Увы, чадо драгое! Увы, мой свѣте, утроба наша возлюбленная, — твой сынъ плотской, а мой духовной! Яко трава посѣчена бысть, яко лоза виноградная с плодомъ къ землѣ преклонился, и отъиде в вѣчная блаженства со ангелы ликовствовати[2], и с лики праведныхъ предстоитъ Святѣй Троицы. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебѣ уже нѣково чотками стѣгать, и нѣ на ково поглядѣть, какъ на лошадки поѣдетъ, и по головки нѣково погладить, — помнишъ ли, какъ бывало?

Миленкой мой государь! В послѣднѣе увидился с нимъ, егда причастилъ ево.

Да пускай! Богу надобно такъ! И ты не болно о немъ кручинься. Хорошо, право Христосъ изволилъ: явно разумѣемъ, яко Царствию Небесному достоинъ. Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно! Съ Феодоромъ тамъ себѣ у Христа ликовствуютъ,* — сподобилъ ихъ Богъ, — а мы еще не вѣмы, какъ до берега доберемся.

Поминаешъ ли Феодора, не сердитуеш ли на него? Поминай, су, Бога для, не сердитуй! Онъ не болно пред вами виноватъ былъ, — обо всѣмъ мнѣ пред смертию, покойникъ, писалъ. Стала, де, ты скупа быть, не стала милостыни творить и имъ де, на дорогу ничево не дала, и с Москвы от твоей изгони[3] съѣхалъ и кое-што сказывалъ. Да уже Богъ васъ проститъ! Нѣчево старова поминать: меня не слушала, какъ я говорил, а послѣ пѣняешъ мнѣ. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а умъ коротокъ.

Ну, прости жъ меня, а тебя Богъ проститъ во всѣмъ. Мучтеся за Христа хорошенко, не оглядывайтеся назад.

Спаси Богъ, денегъ ты женѣ моей и кое-что послала да мужикъ ничево не отдалъ, ни полушки, переднимъ.* Пускай ево! Не до денегъ намъ нынѣ. У тебя и болши нашева заводовъ* было, да отняли же. Да добро такъ! Благодарите же Бога, миленкие свѣты мои, не тужите о бездѣлицахъ вѣка сего.

Ну, и тово полна — побоярила! Надобе попасть в небесное боярство.

Миръ вамъ, Евдокѣи и Феодорѣ, и всѣмъ благословения. Заплатите же сему за труды принесшему.

---

[1] в ответ; [2] ликовать, радоваться; [3] оттого, что ты выгнала.

Многогрѣшный инокъ Епифаний, пустынникъ честныя обители Соловецкия, в темницѣ, яко во гробѣ сѣдя, Бога моля, благословения приписалъ. О, свѣты мои, новые исповѣдницы Христовы! Потерпим мало да великия восприимемъ!

ПОСЛАНИЕ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ, КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ И М. Г. ДАНИЛОВОЙ

Книга инокѣ Феодорѣ, а по-мирски бояронѣ, с сестрами.

«Херувимомъ подобящеся отроцы, в пещи ликовствоваху, вопиюще: „Благословенъ еси, Боже, яко истинною и судом навелъ еси сый вся грѣхъ ради нашихъ, препѣтый и *препрославленный* во вѣки вся"».*

Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ. Аминь.

Херувимы многоочитыя, серафими шестокрилни, воеводы огнепалныя, воинство небесныхъ силъ, тричисленная единица трисоставнаго Божества, раби вѣрнии: Феодора в Евдокѣи, Евдокѣя в Феодоре и Мария в Феодорѣ и Евдокеи! Чюдной составъ — по образу Святыя Троица, яко вселенстии учителие: Василий, и Григорий, и Иоанн Златоустый!* Феодора — огненный умъ Афанасия Александрскаго,* православяи насаждь учения, злославия терние изсекла еси, умножила сѣмя вѣры одождениемъ духа. Преподобная, по Троицы поборница великая, княгиня Евдокѣя Прокопьевна, свѣтъ трисиянный, вселивийся в душу твою, сосудъ избранъ показа тя, преблаженная, свѣтло проповѣда Троицу пресущную и безначалную. Лоза преподобия и стебль страдания, цвѣтъ священия и плодъ богоданенъ, вѣрнымъ присноцвѣтущая даровася, но яко мученикомъ сликовна[1], Мария Герасимовна, со страждущими с тобою взываше: «Ты еси, Христе, мученикомъ свѣтлое радование». Старецъ, рабъ вашего преподобия, поклоняюся главою грѣшною за посѣщение, яко простроста бесѣду доволную и напоили мя водою животекущею. Зѣло, зѣло углубили кладезь учения своего о Господѣ, а ужа[2] моя кратка, досягнути немощно, присѣнно[3] и прикровенно во иномъ мѣстѣ течения воды.

Понуждаете мя молитися, чтобы далъ Богъ терпѣние и любовь и покорение, безлобие и воздержания, безгнѣвие и терпѣние, и послушание. И я о семъ в души своей колеблюся: нетъ ли в васъ между собою ропоту[4]? Боюся и трепещу навѣта дияволя. Евдокѣя Прокопьевна! Худо, свѣтъ моя, неблагодарение! Мария Герасимовна! Чево у васъ не бывало преже сего, нынѣ ли чести искать или о нужной пищи ропотить[5]? В мимошедшее времена и рабичища слаще тово ѣли у васъ, чемъ вы нынѣ питаетеся; а в пустошном[6] семъ — толково ропотъ и безсовѣтие.

Увы мнѣ, грѣшному! Ей, слезамъ достойно есть: у меня здесь дияволъ от десныхъ ссору положилъ, — в догматах считалися, да и разбилися. Молодой щенокъ, Федоръ дьяконъ,* сынъ духовной мнѣ, учалъ блудить над старыми кни-

---

[1] подобна; [2] веревка; [3] скрытую (под сенью, т. е. крышей); [4] споров; [5] роптать; [6] ничтожном, суетном.

гами и о Святѣй Троицѣ предкнулся[1], и о Христовѣ во адъ сошествии, и о иныхъ, догматствуя по-никонияпски, нелѣпотно. Въ книге моей написано и послано к вамъ* о Господѣ. Азъ же, не утерпѣвъ безумию его, и слышати не могъ хулы на Господа Бога моего, отрѣзал его от себя и положилъ под клятовою, не ради внѣшнихъ досадъ, — ни, никако же, — но ради безстудства его на Бога и хулы на старыхъ книгъ. Буди онъ проклятъ, врагъ Божий!

А у васъ, свѣты мои, какое догматство между собою: Женской быть, одно говори: «Какъ в старопечатныхъ книгахъ напечатано, такъ я держю и вѣрую, с тѣмъ и умираю!» Да молитву Исусову грызи, да и все тутъ. А о пищи и питии, и о чести вѣка сего что роптать? Бросили вы сие, плюнте уже на все! Наудачю ведь говорю. Аль и нѣтъ у васъ тово, милостию Христа, Бога моего, и заступлениемъ пречистыя Владычицы нашея, Богородицы, помощницы нашея, свѣта?

А ты, другъ мой головной[2], пожалуй, Господа ради, [3]на себѣ притирай[3]. Ты уже мертвецъ, отреклася всего; а онѣ еще, горемыки, имутъ сердца своя к супружеству и ко птенцамъ. Мочно намъ знать, яко скорбь ихъ томитъ. Я и мужикъ, а всяко живетъ. У меня в домишку дѣвка-рабичищо робенка родила, иныя говорятъ, Прокопей, сынъ мой, приваляль; а Прокопей божится и запирается. В лѣтахъ дѣтина, недивно и ему привалять! Да сие мнѣ скорбно, яко покаяния не могу получить. В ыную пору совѣсть разсвирѣпѣетъ, хощу анафемѣ предать и молить Владыку, да послетъ бѣса и умучитъ его, яко древле в Коринфахъ соблудившаго с мачехою. И паки посужю, какъ бы самому в напасть не впасть: аще толко не онъ, такъ горе мнѣ будетъ тогда, мученика казни предамъ.

Увы, Феодора Прокопьевна, мати моя! Утѣснися душа моя отвсюду грѣхъ ради моихъ. Молися, молися крѣпко, молися Господа ради о мнѣ! А я уже и не знаю, какъ живу в горести ума моего; не помню иное в печалѣхъ, какъ день, какъ нощь преходятъ у меня. Охъ, охъ, охъ души, отвсюду утѣснившейся моей!

Евдокѣя да Марья оханье прислали ко мнѣ,* а у меня и своего много! Глядѣлъ, глядѣлъ в ваше рукописание-то, огорчилася утроба, я ударился о землю: «Владыко! Соблюди, — реку, — ихъ во имя твое, и меня, грѣшнаго, за молитв ихъ спаси! Кому помощи, аще не ты?»

А ты говоришъ иную суторщину[4]: «Взойду ль, де, я тебе на ум-отъ когда? Болшо, де, ты меня забылъ». Я тебя избранилъ в тѣ поры, — прости Бога ради! «Вотъ, — реку, — она во снѣ брусит[5], и слушать нѣчево! Разве, — реку, — сама забываешъ меня?»

А что, петь, о Иванѣ-то болно сокрушаешъся?* «Главы, главы не сохранилъ!» Полно, су, плюскать[6]-то Христа для! «Главы не сохранилъ!» Какъ поразсудить то дѣло твое, ино ужасъ возметъ! Какъ то, надежа-свѣтъ, Христосъ изво-

---

[1] споткнулся; [2] главный; [3—3] к себе примени; [4] безделицу, нелепость; [5] говорит пустяки, не длело; [6] шмыгать.

лилъ! То бы по-твоему добро, какъ бы на лошадяхъ тѣ бес тебя ѣздить сталъ, да бабъ тѣ воровать? Привели бы онѣ на вся, ругаяся тебе! И Христа бы отрекъся, какъ и онѣ жъ! А то дорогое дѣло — по-новому робенка причастили! Великая бѣда, куды! Онъ и не знаетъ, не вѣдаетъ в печалѣхъ в то время, что над нимъ *кудесили*, блядины онѣ дѣти, и со всѣмъ умысломъ своимъ. У Спаса-свѣта правда будетъ на Судѣ! Толко бы онъ ево, надежа-свѣтъ, не возлюбилъ, и онъ бы ево в такую нужную пору не взялъ к себѣ. Я благодарю Бога о немъ, — причастил я ево, помню, довлѣетъ ему сие вѣки вѣкомъ, не истлѣла в немъ благодать! Я на твое плюсканье не гляжю: тебе ты таки всякъ исповѣдник! Ох, матка Божия, не по Федосьину хотѣнию дѣлается! Плач-ко ты о себѣ болши, а о немъ, слава Христу, и безъ твоихъ возгрей[1]!

А што? Горе ужъ от безумия твоего стало мнѣ! Есть о немъ плачющихъ тѣ. Иной и одинъ воздохнетъ, ино адомъ потрясетъ; хотя бы и впрямъ осужденъ былъ, ино выпустятъ. А то за что ево осудитъ? В мукахъ скончался, робя! Григорей о Троянѣ, о мучители, помолился — ино отдали.* Сказал же ему Христосъ: «Опять, де, не моли мнѣ о таковыхъ, не стужай», а однако-таки отдалъ, милостивый Богъ. А Иванъ не мучитель былъ, самъ, покойникъ, мучился и свѣта не видалъ вся дни жития своего. Да собаки опоганили при смерти, такъ у матушки и брюхо заболѣло: «Охти мнѣ, сына опоганили! Во адъ угодилъ!»

Не угодилъ, не суетися! Для тебя такъ попущено, чтобъ ты не вознесълась! Блюдися себѣ возношения, инока-схимница! Дорога ты, что в черницы тѣ попала, грязь худая! А хто ты? Не Феодосья ли девица преподобномученица?* Еще [2]не дошла до тое версты[2]!

Ну, полно бранится! Прости, согрѣшилъ. Не кручинься о Иванѣ, такъ и бранить не стану.

На тебя глядя, и Евдокѣя кручинится о своихъ робятахъ. Да молоть[3] ли правда? Евдокѣи то, миленкой, тяжко: то, су, и есть мужеское и дѣвическое дѣло, чтобы в грѣхи не ввалились без приятеля. А батюшко* по-за воронами охочь, знаю я ево, да что жъ дѣлать?

Прокопьевна, миленкая, положимъ упование на Христа и пречистую Богородицу, свѣта. Она дѣтей нашихъ не покинетъ. Евдокѣя Прокопьевна! Авось бы ты умерла, ведь бы имъ жить же без тебя? Ну, да станемъ Христу докучать: онъ управит ихъ к себѣ, Создатель нашъ.

Марья Герасимовна! Не прекекуйте[4] же вы пред старицею-то съ Евдокиею: она ведь ангельский чинъ содержитъ, а вы простые бабы, грѣхъ вамъ пред нею пререковать. Да, чаю, то у васъ и нѣтъ тово о Христѣ, надѣюся на Господа, яко дастъ вамъ Богъ терпѣние и долгодушество, и кротость, и повиновение, и любовь. А что ты о Акинфье печалуешъся? Вели ему пострищись, да и ты постригися, да прямою дорогою ко Христу побредите неоглядъкою, а затѣмъ —

[1] соплей; [2—2] не доросла; [3] сказать (молвить); [4] не спорьте, не пререкайтесь.

какъ васъ Христосъ наставитъ. Миръ ему благословение, свѣту моему Ивановичю, и всѣмъ благословение, любящимъ васъ.

Евдокѣя Прокопьевна! Чаю, ужъ великонки дѣтушки тѣ у тебя, свѣты мои! Да что жъ дѣлать? Не болно кручинься о нихъ: Богъ о всякомъ человѣке промышляетъ.

Ну, простите же, свѣты мои, сердечныя друзья, простите, государыни мои, простите же Бога для!

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ!

Мати честная и преподобная Феодора! Прости мя, грѣшнаго, елика согрѣшихъ словомъ и дѣломъ, и помышлениемъ! Прости же, оскорбилъ[1] тебя, прости, государыня моя! Ну, прости же, старица! Тово для не кручинься о Иванѣ; еще и не такъ стану бранить, будет не престанешъ сѣтовать. *Чем было тем не велеть сетовать*, а она сама кручинится!

А Меланью* ту твою ведь я знаю, что она доброй человѣкъ, да пускай не розвѣшиваетъ ушей стадо то Христово крѣпко пасетъ, какъ побраню. Ведь я не сердитъ на нея, — чаю, знаешъ ты меня. Онѣ мнѣ и малины прислали, радѣютъ, миленкие. А мнѣ, петь, су, своихъ какъ покинуть? Надобе другъ друга жюрить, какъ бы лутчи. Я браню ея, а она благословения проситъ. Видишъ ли, совѣсть та в ней хороша какова? Полно ужъ мнѣ ея искушать. Попроси у ней мнѣ благословения: прощается, де, пред тобою протопопъ. Да вели ей ко мнѣ отписнуть рукою своею что-нибудь.

Ну, прости же и ты меня и молися Бога для о мнѣ. Я ведь надѣюся на молитвы тѣ ваши.

Посемъ миръ вамъ и благословение, и по поклонцу рядомъ всѣмъ. И Устинѣ-старицѣ с побратимомъ миръ и благословение. Терпите, свѣты мои, о Христѣ.

Многогрешный инокъ Епифаний, милости у Христа Бога прося, а ваши святыя молитвы въ помощь себѣ призывая, благословение вамъ Христово приписалъ. Не забывайте насъ, свѣты, новые исповѣдницы, во святыхъ своихъ молитвахъ.

---

[1] огорчил.

О ТРЕХ ИСПОВЕДНИЦАХ СЛОВО ПЛАЧЕВНОЕ

Месяца ноября во второй день, сказание отчасти о доблести, и мужестве, и изящном страдании, терпении — свидетельство — благоверныя княини Феодосии *Прокофьевны* Морозовы и преподобномученицы, нареченныя во инокинях схимницы Феодоры.* О трех исповедницахъ[1] слово плачевное.

В лето ... отступника християнскаго,* быша три исповедницы, жены — бољарони: Глебовская жена Ивановича Морозова Федосья Прокопьевна, во инокинях Феодора-схимница, и сестра ей бе, нарицаемая княиня Урусова, Евдокея Прокопьевна, с ними же дворянская жена Акинфея Ивановича Данилова Мария Герасимовна. Беша бо Феодосья и Евдокея дщери мне духовныя, иместа бо от юности житие воздержное и на всяк день пение церковное и келейное правило. Прилежаще бо Федосья и книжному чтению и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостольских. Бысть же жена веселообразная и любовная.

Многими дньми со мною беседующе и разсуждающе о душевномъ спасении. От устъ бо ея аз, грешныи протопопъ, яко меда насыщашеся. Глаголаше бо благообразная ко мне словеса утешительная, ношаше бо на себе тайно под ризами власяницу белых власовъ вязеную, безрукавую, да же не познаютъ человецы внешнии[2]. И, таяшесь, глаголюще: «Не люблю я, батюшко, егда кто осмотрит[3] на мне. Уразумела[4], де, на мне сноха моя, Анна Ильична,* Борисовская жена Ивановича Морозова. И аз, де, батюшко, ту волосяницу и скинула, да потаемне тое зделала. Благослови, де, до смерти носить! Вдова, де, я молодая* после мужа своего, государя, осталася, пускай, де, тело свое умучю постом, и жаждею и прочим оскорблением[5]. И в девкахъ, де, батюшко, любила Богу молитися, кольми же во вдовах подобаетъ прилежати о души, вещи безсмертней, вся, де, века сего суета тленна и временна, преходит бо миръ сей и слава его. Едина, де, мне печаль: сынъ Иван Глебовичь молод бе, токмо лет в четырнатцеть; аще бы ево женила, тогда бы и, вся презрев, в тихое пристанище уклонилася». О свет моя, чево искала, то и получила от Христа!

Бысть же в дому ея имения на двесте тысящъ или на польтретьи, и християнства за нею осмь тысящей, рабов и рабыней сто не одно, близость [6]подъ царицею[6] — в четвертых бояронях.* Печаше бо ся о домовном разсуждении и о христианскомъ исправлении, мало сна приимаше и на правило упражняшеся, прилежаше бо в нощи коленному преклонению. И слезы в молитве, яко струи исхождаху изо очей ея. Пред очима человеческима ляжет почивати на перинах

---

[1] мученицах; [2] посторонние; [3] увидит; [4] догадалась; [5] угнетением; [6—6] у царицы.

мяхких под покрывалы драгоценными, тайно же снидетъ на рогозиницу[1] и, мало уснувъ, по обычаю исправляше правило. В банях бо тѣло свое не парила, токмо мѣсячную нужду омываше водою теплою. Ризы же ношаше в доми з заплатами и вшами исполненны, и пряслице[2] прилѣжаше, нитки делая. Бывало, сижю с нею и книгу чту,* а она прядетъ и слушает, или отписки девы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать. И нитки — свои труды — ночью по улицам побредет да нищимъ даетъ. А иное — рубах нашьет и дѣлитъ, а иное — денег мешок возьмет и роздастъ сама, ходя по кресцамъ[3], треть бо имения своего нищим отдая. Подробну же добродѣтели ея недостанет ми лѣто повѣствовати: сосуд избранный видѣша очи мои!

Бысть же въ Петровъ день пожаръ великий в Москвѣ,* и приближающься огнь ко двору ея; азъ бо замедлив в дому Анны Петровны Милославские,* добра же ко мнѣ покойница была. Егда бо приидохъ къ Феодосье в дом, и двое нас, отшед, тайно молебствовали. Быша бо слезы от очию ея, яко река, воздыхание бо утробы ея, яко пучина морьская колебашеся, глас же тонкий изо уст ея гортанный исхождаше, яко агтельский: «Увы! — глаголаше, — Боже, милостив буди мнѣ, грѣшницѣ!» и [4]поразится о мостъ[4] каменной, яко извергъ[5] нѣкий, плакавше. Чюдно бѣ видимое: отвратило пламя огненное от дому ея, усрамився, молитвы ея сокрушенныя; обыде и пожже вся окрестъ дому ея, а за молитвъ ея и прочих не вредило тут. Аз же тому бысть самовидец самъ, и [6]паче слуха видѣния[6]: моя молитва при ней, яко дымъ, ея же изо уст, яко пламя, восхождаше на небо.

Еще же она, блаженная вдова, имѣла пред враты своими нища клосна[7] и раслабленна. Устроила ему кѣлейцу, и вѣрная ея Анна Амосова* покоила его, яко матери чадо свое, и гнойные его ризы измываху, и облачаху в понявы[8] мяхкие. Сама же по вся нощи от него благословение приемлюще, рабыня же не отлучашеся от нищаго по вся времена.

Егда же разсвирѣпела буря никониянская и сослали меня паки с Москвы на Мезень во отоки акиянские, она же, Феодосья, прилѣжаше о благочестии и бравшеся[9] съ еретики мужественнѣ, собираше бо други моя тайно в кѣлью к преждереченному нищему Феодоту Стефанову и писавше выписки* на ересь никониянскую, готовляше бо, ожидающе собора праваго. И уразумѣвше бо сродники ея Ртищевы, и наустиша холопей ея воровскимъ умысломъ, и оклевещут ю ко царю. Царь же, лаская[10] ея, присылалъ к ней ближних своих — Иякима архимарита, патреарха нынѣшняго,* развращая ея от правовѣрия. Она же глагола мужественно: «Аще, де, и умру, — не предамъ благоверия! Из-дѣтска бо обыкла почитать Сына Божия и Богородицу, и слагаю персты по преданию святых отецъ, и книги держю старыя, нововводная же вами — вся отмещу и проклинаю вся! Аще, де, вера наша старая неправа суть, но якоже есть права и ис-

[1] рогожу; [2] прялке; [3] по перекресткам; [4—4] ударится о пол; [5] отверженный; [6—6] видение лучше рассказа; [7] увечного; [8] одежды; [9] сражаясь; [10] выказывая расположение.

тинна, яко солнце на поднебесной блещащеся. Скажите царю Алексею: «Почто, де, отец твой, царь Михайло так вѣровалъ, якоже и мы? Аще я достойна озлоблению[1], — извергни тѣло отцово из гроба и предай его, проклявше, псом на снѣдь. Я, де, и тогда не послушаю!» Посланницы же возвратишася вспять и повѣдавше царю, яже от нея слышавше. Онъ же повелѣ ей з двора не съѣзжать и отнялъ лутчие вотчины — двѣ тысящи християн. А холопи в приказе клевещут на ню, яко блудит и робят родит, и со осужденным Аввакумомъ водится. Он, де, ея научил противитися царю.

Потом приехалъ в дом к ней сродник ея, Феодоръ Ртищев,* шишъ[2] антихристовъ, и, лаская, глаголаше: «Сестрица, потѣшь царя тово и прекрестися тремя перстами, а втайне, как хощешь, так и твори. И тогда отдастъ царь холопей и вотчины твоя». Она же смалодушничала, обѣщалася трема персты прекреститися. Царь же на радостях повелѣ ей вся отдать. Она же по приятии трех перъстъ разболѣвся болѣзнию и дни с три бысть внѣ ума и разслабленна. Таже образумяся, прокляла паки ересь никонияскую и прекрестилася истиннымъ святымъ сложением, и оздравѣла, и паки утвердился крѣпче и перваго.

Таже паки меня с Мезени взяли, протопопа Аввакума. Аз же, приѣхав, втай с нею двѣ нощи сидѣлъ, несытно говорили, како постражем за истинну и аще и смерть приимемъ — друга друга не выдадимъ. Потомъ пришелъ я в церковь соборную и ста пред митрополитом Павликом, показуяся, яко самоволнѣ на муку приидох. Феодосья же о мнѣ моляшеся, да даст ми ся слово ко отверзению устом моим. Аз же за молитвъ ея пылко говорю, яко дивитися и ужасатися врагом Божиим и нашим навѣтникам.

И так и сяк, сослали меня в Боровескъ, въ Пафнутьев монастырь. Она же за мною прислала ми потребная. И, державъ мя десять недель, паки возвратили в Москву. Она же со мною не видалась, но приказывала: «Вѣдаю, де, я хотят тебя стричь и проклинать. Обличай, де, их з дерзновением, на соборище том, де, я буду и сама». И я таки, бѣдной, за молитвъ ея столько напѣлъ, сколько было надобе. Потомъ сослали на Угрѣшу меня за крѣпостию велиею. Она же и тудѣ потребная присылаше ми. Потомъ перевезли паки в Пафнутьев монастырь. Она же потребная присылаше ми и грамотки. Потомъ паки мя в Москву ввезли. Она же, яко Фекла Павла ищущи,* — увы мнѣ, окаянному! — и обрѣте мя,* притече во юзилище[3] ко мнѣ, и по многим времянам бесѣдовахомъ. И иных с собою привождаше, утвержая на подвиги. И всѣх их исповѣдал во юзилище: ея и Евдокею, и Иванушка, и Анну, и Неонилу, и Феодора,* и святаго комкания[4] сподобил их. Она же в пять недель мало не всегда жила у меня, словом Божиим укрѣпляяся. Иногда и обѣдали сь Евдокеею со мною во юзилище, утѣшая меня, яко изверга[5].

[1] поруганию; [2] вор, соглядатай; [3] пришла в тюрьму; [4] причастия; [5] отверженного.

Егда же я взятъ бысть палестинскими,* и преселиша мя на горы Воробьевы с Лазарем и со старцем Епифанием, и бысть крѣпко[1] там, невозможно видѣтися. Она же умыслила — чиномъ, по-боярскому в корѣтах ездила, — бытто смотрит пустыни Никоновы, и, назадь поѣдучи, заѣхала на Воробьевы ко мнѣ, и, будучи противъ избы, гдѣ меня держатъ, ис корѣты кричитъ, едучи: «Благослови, благослови!» А сама бытто смеется, а слезы текутъ. Потом же так и сякъ, ввезли мя паки в Москву на подворье Никольское. Она же по-много прихождаше ко вратомъ двора того и стерегущим воином моляшеся, насилу обрела такова сотника, яко пустил на дворъ ея. Она же, прибежавъ к окну моему, благодаритъ Христа, яко сподобилъ Бог видѣтися, и денегъ мнѣ на братью дала. Да паки, ко вратом приходя, плакивала. Да и только видания.

Потом меня в Пустозерье свезли, и писанием возвѣщахуся. Она же после меня бродила по юзилищам, идѣже мучатся мученики. Потом тайно и постриглась, видѣвше, яко зверь ища конца ея.

Егда же время приспѣ, женскую немощь отложше мужескую мудрость восприемше, и на муки пошла, Христа ради мучитися. Звѣрь бо, яко лукавый лис, восхитил[2] ю из дому* и предал [3]за приставство[3] воинству, безчестя и волоча на чепях, яко лва оковану. И сестру ея Евдокею княгиню так же, мучиша обѣих на чепях без милосердия. К нимъ же последи присовокупиша и Марию Герасимовну, и бысть троица святая, непорочная.

По смотрению же Божию скоро преставися Федосьин сынъ единородный, Иванъ Глѣбовичь,*и вся вотчины и домовная быша в разграблении. Она же вся, яко уметы[4], вмѣнила ради Сына Божия. У Евдокеи же княгини преставися дочь во время ея мучения. И еще трое дѣточек* осталося со отцемъ своим, с князь Петром Урусовым. Писала из своея темницы в темницу ко мнѣ, зѣло о них печаловаше, еже бы во православии скончалися. Токмо воздыхает и охает: «Ох, батюшко! Ох, свѣт мой! Помолись о дѣтушках моих, ничтоже мя так, якоже дѣти, крушат. Помолися, свѣт! Помолися, батюшко!», да тоже, да тоже одно говорит — цѣлой столбец, и другая — цѣлой же столбецъ, и третья тако же. Ковыряли руками своими послѣдньѣе покаяние. И рукава прислали рубах своих от чепей с ошейников, желѣзом истертые. А с Марьины шеи полотенцо[5] желѣзное же. Аз же, яко даръ освящен, восприях и облобызах, кадилом кадя яко драго сокровище, покропляя слезами горкими.

Егда же онѣ быша в Москвѣ, тогда и на соборище водили их. Говоритъ мнѣ: «В сей рубахе была, батюшко, на соборе я, и по многом прѣнии послѣднимъ запечатала: «Всѣ, де, вы еретики, власти, от перваго и до послѣдняго! Разделите между собою глаголы моя!». Тако же и Евдокея и Мария, не яко жены, но яко мужие, обличиша безбожнаго июдѣянина. И быша всѣ три на пытке пытаны, и

[1] переносно: строго; [2] похитил; [3—3] под стражу; [4] грязь; [5] ошейник из цельной полосы металла.

руки ломаны, Мария же по хрепту биена бысть немилостиво. И приступи к нимъ, вопрошая, вѣрной Ларионъ, Иванов сынъ:* «Еще ли вѣруете во Христа распятаго? И како персты слагаете, покажите ми!» Онѣ же единѣми усты всѣ трое исповѣдаху: «За отеческое готовы умрети! Аще и умрем, не предадимъ благовѣрия! Отъята буди рука наша — да вѣчно ликовъствует, такоже и нога — да во Царствии веселится, еще же и глава — да вѣнцы вѣчными увяземся. Аще и все тѣло огню предашъ — и мы хлѣб сладок Святѣй Троицы испечемся». Таже свезоша их в Боровескъ, на мое отечество,* на мѣсто мученное, идѣже святии мучатся, и устроиша ...[1] звѣзда утренняя, зѣло рано возсиявающая! Увы, увы, чада моя прелюбезная! Увы, други моя сердечныя! Кто подобен вамъ на сем свѣте, разве в будущем святии ангели! Увы, свѣты мои, кому уподоблю васъ? Подобни есте магниту каменю, влекущу къ естеству своему всяко желѣзное. Тако же и вы своимъ страданиемъ влекуще всяку душу желѣзную в древнее православие. Исше трава, и цвѣт ея отпаде, глаголъ же Господень пребывает во вѣки. Увы мнѣ, увы мнѣ, печаль и радость моя, всажденная три каменя в небо церковное и на поднебесной блещащеся! Аще тѣлеса ваша и *обесчещена*,* но душа ваша в лонѣ Авраама, и Исаака, и Иякова.

Увы мнѣ, осиротѣвшему! Оставиша мя чада звѣрям на снѣдение! Молите милостиваго Бога, да и меня не лишитъ части избранных своих! Увы, дѣтоньки, скончавшиися въ преисподних земли! Яко Давыдъ вопию о Сауле царѣ:* «Горы Гельвульския, пролиявшия кровь любимыхъ моих, да не снидет на вас дождь, ниже излиется роса небесная, ниже воспоетъ на вас птица воздушная, яко пожерли тѣлеса моих возлюбленных!» Увы, свѣты мои, зерна пшеничная, зашедшия под землю, яко в весну прозябшия, на воскресение свѣтло усрящу[2] васъ! Кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слез, да плачю другов моих?

Увы, увы, чада моя! Никтоже смѣетъ испросити у никониян безбожных тѣлеса ваша блаженная, бездушна, мертва, уязвенна, поношеньми стрѣляема, паче же в рогожи оберченна! Увы, увы, птенцы мои, вижю ваша уста безгласна! Целую вы, к себѣ приложивши, плачющи и облобызающи! Не терплю, чада, бездушных вас видѣти, очи ваши угаснувшии в дольних[3] земли, их же прежде зрях, яко красны, добротою сияюща, нынѣ же очи ваши смѣжены, и устнѣ недвижимы.

Оле, чюдо! О преславное! Ужаснися небо и да подвижатся основания земли: се убо три юницы непорочныя в мертвых вмѣняются, и в безчестном худом гробѣ полагаются, имже весь миръ не точен бысть. Соберитеся, рустии сынове, соберитеся девы и матери, рыдайте горце и плачите со мною вкупѣ другов моих соборным плачем и воскликнем ко Господу: «Милостивъ буди намъ, Господи! Приими от нас отшедших к тебѣ сих души раб своихъ, пожерших тѣлеса их псами колитвенными[4]! Милостивъ буди нам, Господи! Упокой душа их в нѣдрѣх

[1] здесь, очевидно утрачена часть текста; [2] встречу; [3] пропастях; [4] приблудным.

Авраама, и Исаака, и Иякова! И учини духи ихъ, идѣже присѣщает свѣтъ лица твоего!* Видя виждь, Владыко, смерти их нужныя[1] и напрасныя[2] и безгодныя! Воздаждь врагомъ нашим по дѣлом ихъ* и по лукавъству начинания их! С пророком вопию: воздаждь воздаяние их им, разориши их, и не созиждеши их! Благословен буди, Господи, во вѣки, аминь».

[1] насильственные; [2] внезапные.

ОБРАЩЕНИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА К «ЧТУЩИМ» И «СЛЫШАЩИМ» И ПОХВАЛА «РУССКОМУ ПРИРОДНОМУ ЯЗЫКУ»

По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грѣшною, протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, Господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторѣчию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами филосовскими не обыкъ рѣчи красить, понеже не словес красных Богъ слушает, но дѣлъ наших хощет. И Павелъ пишет: «Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имам — ничтоже есмъ.*

Вотъ, что много разсуждать: не латинъским языком, ни греческимъ, ни еврейским, ни же иным коим ищет от нас гово́рь[1] Господь, но любви с прочими добродѣтельми хощет; того ради я и не брегу о краснорѣчии и не уничижаю своего языка русскаго. Ну, простите же меня, грѣшнаго, а вас всѣхъ, рабовъ Христовых, Богъ проститъ и благословит. Аминь.

---

[1] речи.

ЖИТИЕ ИНОКА ЕПИФАНИЯ

Часть 1

Послушания ради Христова и твоего ради повелѣния и святаго ради твоего благословения, отче святый,* и прошения ради раба тово Христова* не отрекуся сказати вам о Христѣ Исусѣ. Но не позазритѣ[1] скудоумию моему и простотѣ моей, понеже грамотики и философии не учился, и не желаю сего, и не ищу, но сего ищу, како бы ми Христа милостива сотворити себѣ и людем, и Богородицу, и святых его. А что скажу вамъ просто, и вы Бога ради собой[2] исъправтѣ со Христом, а мене, грѣшнаго, проститѣ и благословитѣ, и помолитеся о мнѣ ко Христу и Богородице и святым его. Аминь.

Родился я в деревнѣ. И как скончалися отецъ мой и мати моя, и азъ, грѣшный, идох[3] во град нѣкий,* зело велик и многолюденъ, а град благочестивой, христианской, и пребых[4] в нем седмь лѣт.

И прииде ми помыслъ възыскати пути спасения, и идох ко всемилостивому Спасу во святую обитель Соловецкую,* ко преподобным отцем нашим Зосимѣ и Саватию.* И тамо ми[5] благодать Христова поспѣшила[6]: отцы святии приняли мя с радостию, а иным отказали. И сподобил мя Христос, и Богородица, и святии его быти у них в послушании седмь лѣт, не зазорно пред Богом и не укорно пред человѣки; вси мя за послушание любиша. И по сем святый отецъ нашъ архимарит Илья* и прочии отцы [7]возложили на мя святый иноческий образ[7]. И в том иноческом образѣ сподобил мя Богъ быти у них в послушании пять лѣт; и всего двенатьцать лѣтъ былъ у нихъ.

И как [8]грѣх ради наших[8] попустилъ Богъ на престол патриаршеский наскочити Никону, предотече антихристову, он же, окаянный, вскорѣ посадил на

[1] осудите, укорите; [2] сами, своими силами; [3] пошел; [4] оставался, пребывал; [5] мне; [6] помогла, оказала поддержку; [7—7] т. е. постригли в монахи, возвели в иноческое достоинство; [8—8] из-за наших грехов, по грехам нашим.

Печатной дворъ врага Божия Арьсения, жидовина и грека, еретика, бывшаго у нас в Соловецком монастырѣ в заточении.* И той Арсенъ, жидовин и грек, быв у нас в Соловках, сам про себя сказал отцу своему духовному Мартирию-священноиноку,* что он в трех землях был, и трою[1] отрекался Христа, ища мудрости бѣсовския от врагов Божиих. И с сим Арсением, отметником[2] и со врагом Христовым, Никон, врагъ же Христовъ, начаша они, враги Божии, в печатныя книги сѣяти плевелы еретическия проклятыя, и с тѣми злыми плевелами тѣ книги новыя начаша посылати во всю Рускую землю на плач и на рыдание церквам Божиим и на погибель душам человѣческим.

Тогда у нас в Соловецком монастырѣ святии отцы и братия начаша тужити и плакати горько и глаголати сице: «Братия, братия! Увы, увы! Горе, горе! Пала вѣра Христова, якоже и в прочихъ земляхъ, в Земли руской, двема врагами Христовыми, Никоном и Арсеном». Паче же всѣх прежереченный[3] Мартирий-священноинок обливашеся горкими многими слезами, возвѣщая трикратное отречение Арсениево от Христа, Бога нашего, обѣрегая дѣтей своих духовных и прочию братию от Арсения, отступника и еретика.

Тогда и азъ, многогрѣшный, со святыми отцы тужа и плача, пребыл с ними время некоѣ. И от тоя тоски и печали, по совѣту и по благословению старца келейнаго и отца духовнаго, взем[4] книги и иная нужная потребная пустынная, и благословил мене старецъ образом Пречистыя Богородицы со младенцем Исус Христом, мѣдяным, вольяшным[5], и изыдохъ[6] от святаго монастыря, милости у Христа просити себѣ и людем, в дальнюю пустыню[7] на Суну-рѣку,* на Виданьской остров: от Соловков четырѣста верст, а от великаго озера Онѣга — 12 верстъ.

И тамо обрѣтох[8] старца, именем Кирила,* чюдна и славна житием, пребывающа в молитвах, и во псалмѣх, и в постѣ, и милостыню творяше велику сиротам и вдовицам. Держаше бо той старецъ у себе в пустынѣ толчею и мелницу на нужную потребу себѣ, а иное все отдаваше требующим[9] Христа ради. И той мя старецъ принял къ себѣ в пустыню с великою радостию и удержа мя у себе Христа ради.

И бѣ со старцем в кѣлии живяше бѣс зѣло лют, много бо старцу пакости творяше во снѣ и наявѣ. Нѣкогда бо той старецъ Кирило изыде ис тоя пустыни во Александровъ монастырь* духовныя ради потребы ко отцем духовным и приказал свою пустыню назирати отцу своему родному Ипатию и зятю своему Ивану,* в деревнѣ живущим, 12 верстъ от его пустыни. «А в кѣлию мою, — рече[10], — не ходите», — оберегая их старецъ от беса, сице рек.

Зять же его Иванъ соблудил со женою своею и, не обмывся, взем сосѣда своего, именем Ивана же, — о сем сказа нам жена его последи[11], — и идяше пус-

[1] трижды; [2] отступником; [3] преждеупомянутый; [4] взявши; [5] литым; [6] ушел, вышел; [7] безлюдная, пустынная, необитаемая местность, глухой лес, место уединения; [8] нашел, обрел; [9] нуждающимся; [10] сказал; [11] впоследствии.

тыни дозрѣти[1]. И не послушаша старцева наказания, внидоша в кѣлию его и возлегоша спать. Бѣсъ же Ивана поганаго до смерти удавилъ, и власы долъгия кудрявыя со главы содрал, и надулъ его, яко бочку великую, а другаго Ивана вынес ис кѣльи в сѣни и выломилъ ему руку.

И той Иванъ живой спал в кѣльи в сѣнех день да нощь. И как наполняшеся[2] сутки, он же пробудилъся, яко пьян, и, рукою своею не владѣя, приползѣ ко Ивану удавленому, хотяше бо его разбудити, и узрѣ его удавлена, отекша, надута, и ужасеся зѣло, едва ис кѣлии исползѣ на брюхѣ и на колѣнах. И кое-как приползѣ во другую во страннолриимную[3] кѣлью и тут полсуток [4]со умомъ собирался[4]. И по сем сволокся в карбас и пустился на низъ по рекѣ.

И принесе его вода в деревню ко Ипатию, тестю Ивана удавленаго. Он же взем людей, и иде в пустыню и в кѣлью старцеву, и взяша зятя своего, и понесоша. И трѣснула кожа на Иванѣ удавленом, бѣ бо надулъ его бѣсъ крепко и туго зѣло, и истече крови много в кѣлье. Они же ужем[5] связаша ему брюхо и на древе несоша его в карбасъ, яко бочку, и везе[6] на погостъ, и въ яму в четыре доски положиша, тако и погребоша.

Сия ми вся повѣда старецъ Кирило, и Иванъ безрукой, и Иван Лукин, которой тово удавленово носилъ и погребалъ.

И после того та кѣлья стояше пуста, а старецъ Кирило в странноприимной кѣлье живяше. И послаша мене старецъ в ту кѣлью жити, идѣже бѣсъ живетъ. Аз же, грѣшный, старцу рекох сице: «Отче святый, помози ми во святых своих молитвах, да не сотворит ми дьявол пакости!» И рече ми старецъ: «Иди, отче, Христос с тобою и Богородица и святии его, да и азъ, грѣшный, в молитвах буду помогати тебѣ, елико[7] Богъ помощи подастъ». И благослови мя в кѣлию ити. Аз же со благословениемъ старцевым идох в кѣлию ту, идѣже бѣсъ живет.

И нача сердце мое трепетатися во мнѣ, кости и тѣло дрожати, и власы на главѣ моей востали, и нападе на мя ужас великъ зѣло. Аз же, грѣшный, положил книги на налой, а образ вольяшной мѣдяной пречистыя Богородицы со Исус Христом поставилъ в киотѣ, и благодаря Бога и Богородицу и святых его всѣх, и на помощь призывати их себѣ, да не дадутъ мя в поругание бѣсу. И много о сем докуки было всяко, простите мя Бога ради! Посемъ[8] кадило нарядил и покадил образы, и книги, и кѣлию, и сѣни, и ино и начал вечерню пѣти, и псалмы, и каноны, и поклоны, и иное правило[9] по преданию[10] старца келейнаго. И продолжися правило до полунощи и больше; сие было до Крещения Христова за два дни. И утомяся довольно, и возлегъ опочинути, и живоносным крестом Христовым оградилъ себя трижи, призывая Христа, и Богородицу, и святаго ангела-хранителя моего, да сохранитъ мя и оборонит от бѣса силою Христовою. И абие[11] све-

[1] осмотреть; [2] исполнились, подошли к концу; [3] предназначенную для приема странников, путников, гостей; [4—4] т. е. приходил в себя; [5] веревкой, жгутом; [6] повезли; [7] насколько; [8] После этого; [9] здесь: принятый порядок келейных молитв и поклонов; [10] наставлению, завещанию; [11] тотчас.

дохся[1] в сон и спах до заутрени мирно и тихо, ни страха, ни духа бѣсовскаго не ощутилъ.

И благодатию Христовою и образом вольяшным мѣдяным пречистыя Богородицы изгнанъ бысть бѣсъ ис кѣлии тоя. Посем и старецъ Кирило прииде ко мнѣ в кѣлию ту жити. И жил я в той кѣлье у старца 40 недѣль — не видали мы бѣса ни во снѣ, ни наявѣ. А какъ я вольяшной мѣдяной образ пречистыя Богородицы ис кѣлии от старца Кирила вынес во свою пустыню и во свою кѣлию, да и сам вышелъ от него, такъ бѣсъ и опять к нему в кѣлию пришелъ жить с нимъ. Старецъ же Кирило, не бояся бѣса, живетъ съ бѣсом, терпит от него всякую обиду и пакости во снѣ и наявѣ. О семъ мнѣ сам старецъ Кирило последи сказал в духовнѣ[2].

А живя я у старца в кѣлии, по его благословению, на том же острову, от его кѣлии полверсты, строилъ себѣ кѣлейцу малую, безмолъвия[3] ради и уединения, о пяти стѣнках: меж углы — одна с локтем саженъ, а другая — полсажени поперек, а вдоль — с первую; малая — книгъ ради и правила, бѣлая, а другая — рукодѣлия ради и покоя[4]. И егда совершилъ[5] кѣлейцу помощию Христовою, и покрыл, и стѣнки вытесал, и опечек[6] здѣлал, и образ вольяшной мѣдяной Пречистыя Богородицы со Исусъ Христом внесъ и поставилъ на бѣлой стѣнкѣ, и помоляся ему, свѣту-Христу и Богородице-свѣту, и рекох ко образу сице: «Ну, свѣтъ мой Христос и Богородица, храни образ свой и кѣлейцу мою и твою!»

И поклоняся ему, и идох ко старцу в пустыню; и пребых у него два дни [7]труда ради мелничнаго[7].

И на третей день идох во свою пустыню и узрѣх издалеча кѣлейцу мою, яко главню[8], стоящу. И вострепета во мнѣ сердце мое, и потекоша от очей моих слезы на землю, и нападе на мя печаль великая, и не могох с того мѣста никаможе[9] двигнутися от горькия печали. И начахъ вопити къ Богородице, зря на небо и на кѣлию, яко на главню, взирая, сице вопя: «О, Пресвятая Госпоже, Владычице моя Богородице! Почто презрѣла еси бѣдное мое моление, и прошение отринула, и приказу моего не послушала, кѣлейцы моея и своея не сохранила, но и образа своего не пощадила! Се нынѣ мнѣ, бѣдному и грѣшному, гдѣ работати и славу воздати Христу, сыну твоему, свѣту нашему и Богу, и тебѣ, свѣту?! Гдѣ мнѣ милости просити у Христа и у тебе и бремя греховное отрясати, яже от юносьти моея накопишася? Гдѣ быти безмолвию по преданию[10] святых отецъ? Гдѣ рукодѣлию быти и от того питатися, по Христову словеси и святых отецъ? Гдѣ старца кѣлейнаго преданное правило наполняти[11]?» И иная[12], подобная сим[13].

---

[1] погрузился, ушел; [2] в духовной беседе (на исповеди?); [3] молчания; [4] отдыха; [5] здесь: построил до конца, завершил строительство; [6] примыкающее к печи деревянное сооружение различного хозяйственного назначения; [7—7] ради трудов на мельнице; [8] головню (обгорелую); [9] никуда; [10] завету; [11] исполнять, совершать; [12] иное; [13] этому.

И вздохнув, на небо зря, милости прося у Христа и у Богородицы, и идох къ кѣлии огорѣлой.

А около кѣлии приготовлено было на сѣнишка[1] лѣсу много, то все пригорѣло. А у кѣльи кровля по потолокъ вся съгорѣла, и около кѣльи чисто все огнь полизал.

Аз же, грѣшный, воздохня от печали, внидох в кѣлию огорѣлую.

О, чюдо неизреченное Христово и Пречистыя Богородицы! В кѣлии чисто и бѣло, все убережено, сохранено: огнь в кѣлию не смѣлъ внити, а образ на стенѣ стоит Пречистыя Богородицы, яко солнце сияя показа ми ся! И [2]обрати ми ся[2] печаль в радость. И воздѣх руцѣ мои на небо, хвалу и благодарение воздая Христу и Богородице. И падох предо образом на землю лицем, и помоляся поклонами и молитвами, да поможет ми Богъ паки кѣлейцу построити.

И помощию Христовою и Пречистыя Богородицы у кѣлейцы верьх нарубилъ и покрылъ, и стѣны и углы огорѣлыя досками обилъ, и сѣнечки построилъ. А старецъ Кирило и печь склал каменную со глиною. И благодатию Христовою кѣлия моя совсѣмъ стала готова. И по малѣх днех взем у старца Кирила благословение и идох во свою кѣлию и во свою пустыню, милости просити у Христа и Богородицы и святых его себѣ и людем.

И по двух неделях начаша ко мнѣ в кѣлию бѣси приходити по нощем, устрашающе мя и давляше, не дающе ми опочинути. И того было немало время. Аз же, грѣшный, много о сем моляхся Христу и Богородице, да избавит мя от бѣсовъ. Бѣси же таки, что день, то пуще устрашают мя и давят. Азъ же прилѣжнее притекаю[3] и молюся Христу и Богородице, да избавит мя от бѣсовъ. И нѣкогда, после правила моего, с великою боязнию возлегъ опочинути, моляся прилѣжно Богородице, и абие свѣдохся в сонъ. И отворишася сѣнныя двери, а в кѣлейце моей стало свѣтло в полунощи. И паки кѣлейныя двери отворишася, и внидоша в кѣлию ко мнѣ два бѣса; и поглядѣли на меня, и скоро вспять возвратилися, и кѣлию мою затворили, и невѣсть камо[4] ищезоша. Аз же помышляю, чесо ради бѣси не давили мене и не мучили, и смотрю по кѣлейце моей туды и сюды. А в кѣлии светло, а я лежу на лѣвом боку. И возрѣх на правую руку — и правой рукѣ на мышцѣ моей лежит образ вольяшной мѣдяной Пречистыя Богородицы. Азъ же, грѣшный, лѣвою рукою хотѣлъ его взять — ано и нѣту, а в кѣлии стало и темно. А икона стоит на стенѣ по-старому. А сердце мое наполнено великия радости и веселия Христова. Аз же прославих о семъ Христа и Богородицу. И от того часа близ[5] году не видалъ, ни слыхалъ бѣсовъ ни во снѣ, ни наявѣ.

И паки нѣкогда после правила моего, [6]мнит ми ся[6] в полунощи или и далѣ, возлегшу ми опочинути от труда, и абие сведохся в сонъ тонокъ. И приидо-

---

[1] сенечки, сени; [2—2] обратилась мне; [3] прибегаю, обращаюсь; [4] куда; [5] около, примерно; [6—6] кажется мне.

ша ко мнѣ в келию два бѣса, один нагъ, а другой ф кавтанѣ; и взем доску мою, на нейже почиваю, и начаша мене качати, яко младенца, и не дадяху ми опочинути, играюще бо. И много сего было у них. Аз же, осердяся на них, востал со одра моего скоро и взем бѣса нагово поперекъ посредѣ его, он же перегнулъся, яко мясище нѣкое бѣсовское, и начах его бити о лавку, о коничекъ[1], и вопиюще сице къ высотѣ небесней великим[2] голосом: «Господи, помози ми! Пречистая Богородица, помози ми! Святый ангеле мой хранителю, помози ми!»

И мнит ми ся в то время, кабы потолокъ кѣлейной открывается и прихожаше ми сила Божия оттуду на бѣса, еже мучити его. А другой бѣсъ прямо[3] дверей стоит в велице ужасѣ и хощет вонъ бѣжати ис кѣлии, да не может, нозѣ бо его прилѣпишася к мосту[4] кѣлейному. И мучится, тянет нозѣ свои, от земли оторвати хощет, да не может, и сего ради бѣжати нельзѣ ему. Азъ же велегласно[5] вопию ко Господу по-вышереченному[6].

И сего было время немало. И не вѣмъ[7] какъ бѣсъ из рук моих ищезнул. Аз же возбнухся[8], яко от сна, зѣло усталъ, биюще бѣса, — а руцѣ мои от мясища бѣсовскаго мокры.

И после того больше году, мнит ми ся, не бывали бѣси ко мнѣ в кѣлию.

И по сих в нѣкое время, до Покрова за двѣ недѣли, послѣ правила моего, возлегшу ми по обычаю моему на мѣстѣ моемъ обычном, на голой доскѣ, а глава ко образу Пречистыя Богородицы, от образа пяди три или двѣ. И еще ми не уснувшу, отворишася двери сѣнныя скоро зѣло и пылъко, да и кѣлейныя двери скоро-скоро зѣло отворишася. И вскочилъ ко мнѣ въ кѣлию бѣсъ, яко лютой и злой разбойникъ, и ухватил мене, и согнулъ вдвое, и съжалъ мя крѣпко и туго зѣло: невозможно ми ни дышать, ни пищать, только смерть. И еле-еле [9]на великую силу[9] пропищалъ в тосках сице: «Николае, помози ми!» Так он мене и покинул, и не вѣмъ, куды дѣлся.

Аз же, грѣшный, собрався со душею моею, и со слезами начах глаголати с великою печалию ко образу вольяшному Пречистыя Богородицы сице: «О, Пресвятая Владычице моя Богородице! Почто мя презираеши и не брежеши мене бѣднаго и грѣшнаго! Я веть на Христа-свѣта и на тебя-свѣта надѣяся, миръ оставил и вся, яже в мирѣ, и монастырь оставил и идох в пустыню работати Христу и тебѣ, и всю мою надежу во всем возложил на Христа и на тебя. Видиши ли, Владычице моя Богородице, вмалѣ[10] веть разбойник-от, злодѣй, меня не погубил, а ты не бережеши мене! Богородице, свѣтъ моя, не покинь мене, бѣднаго раба твоего, обороняй мене от злодѣевъ тѣх!» И иная, подобная сим.

И от печали тоя великия наиде на мя сонъ. И вижу себя сѣдяща посредѣ кѣлейцы моей на скамейкѣ, на нейже рукодѣлие мое временем[11] дѣлаю. А Бого-

---

[1] о лавку в избе; [2] громким; [3] наротив, перед; [4] к полу, к помосту; [5] громогласно; [6] вышесказанным образом; [7] не знаю, не ведаю; [8] очнулся, пробудился; [9—9] насилу, с великим трудом; [10] чуть было; [11] временами.

родица от образа прииде, яко чистая Дѣвица, и наклоняся лицем ко мнѣ, а в руках у себя бѣса мучитъ, кой меня мучил. Аз же зрю на Богородицу и дивлюся, а сердце мое великия радости наполнено, что Богородица злодѣя моего мучит. И даде ми Богородица бѣса уже мертваго в мои руки. Азъ же взем у Богородицы из рук бѣса мерътваго и начах его мучити в руках моих, глаголяще сице: «О, злодѣй мой, меня мучилъ, а и сам пропал!» И бросилъ его в окно на улицу. Он же и оживе и усталъ на ноги свои, яко пьян. И рече ми бѣсъ сице: «Уже я опять к тебѣ не буду: иду на Вытерьгу», бѣ бо Вытерга волость велика* тамо есть. И азъ рѣх ему: «Не ходи на Вытергу, иди тамо, гдѣ людей нѣту». Он же, яко сонной, побрелъ от кѣльи прочь. Аз же яко от сна убудихся и обрѣтохся вмѣсто печали в великой радости, и прославих Христа и Богородицу-свѣта.

А живя я в пустынѣ, сподобилъ мя Богъ питатися от рукодѣлия. А иное боголюбъцы приносили Христа ради, и я у них приимал яко от руки Христовы, прося имъ милости у Христа и Богородицы и святых его. А что Христос пришлет и паче[1] [2]потребы моея[2] рабы[3] своими, и азъ то паки отдавалъ требующим[4] Христа ради. И [5]о всѣх сих[5] слава Христу и Богородице и святым его всѣм во вѣки. Аминь.

А в пустынѣ жити без рукодѣлия невозможно, понеже находит уныние и печаль и тоска велика. Добро в пустынѣ — псалмы, молитва, рукодѣлие и чтение. Так о Христѣ Исусѣ зѣло красно и весело жити. О, пустыня моя прекрасная!

И во сто седмьдесят третьем году,* после Велика дни* вскорѣ, от труда рукодѣльнаго и правилнаго возлегъ на одрѣ моемъ опочинути и абие сведохся в сон тонок. И скоро отворишася двери сѣнъныя, и вниде бѣсъ в сѣни. Аз же идох в сѣни ко дияволу и хощу его рукою моею живоносным крестом Христовым оградити, он же побѣжал от меня. Аз же, яко за разбойником, за бѣсом гонюся, и ухватил его поперек, и согнулъ его вдвое, и начах его о сѣнную стѣну бити, а самъ воплю великим голосом къ высотѣ небесной, глаголюще сице: «Господи, помози ми! Богородица, помози ми! Ангеле мой святый, помози ми!»

И мнит ми ся тогда на умѣ моем, кабы от высоты небесныя от Бога приходит ми помощь великая на бѣса, мучити его.

И того у мене труда было много над бѣсом. И не вѣмъ как из рук моих выскочил и ушолъ. Азъ же, грѣшный, яко от сна, вострепенулъ, зѣло устал, умучился, бѣса биюще. И скоро нападе на мя уныние и печаль велика, и бых[6] [7]яко изумленъ[7] до часа десятаго и больши того дни.

И после обѣда от печали тоя великия возлег опочинути в кѣлии. И абие бысть шумъ велик, и дым в кѣлию мою вниде. Аз же востах скоро со одра и идох

[1] больше, сверх; [2—2] того, что мне требуется; [3] рабами (т. е. через рабов своих); [4] нуждающимся; тем, кому требуется; [5—5] за все это; [6] был; [7—7] словно не в своем уме; словно не в себе.

шума видѣти, и узрех: у кѣлии моей огнь велик зело дышет, сьелъ у мене дров шесть сажен, да карьбас, да и иново лѣсу немало. А пламя въверьх дышетъ саженей на пять и хощет кѣлию мою полизати скоро и сурово. Аз же видѣх бѣду скорую, наносимую от злодѣя моего, от разбойника, от бѣса, и кинулъся скоро-скоро къ Богородице въ кѣлью. И воздѣх руки мои на высоту небесную и завопѣл великим голосом ко образу вольяшьному мѣдяному Пречистыя Богородицы, сице глаголюще: «О, Пресвятая Владычице моя Богородице! Помози ми, рабу твоему! Избави мя от напасти сея, наносимыя ми от злодѣя моего, от разбойника! Сохрани кѣлейцу свою и мою от огня сего, якоже и преже сего сохранила еси!» И ударился о землю трою[1] предо образом и изыдох ис кѣлии.

О, чюдо преславное! О, диво великое! О, милость великая и скорая Христова и Пречистыя Богородицы! Вѣтръ бо стал дуть и отвратилъ пламя огненное от кѣлии моей. И благодатию Христовою и Пречистыя Богородицы заступлениемъ пребысть кѣлия моя сохранена от огня и ничимже не врежена. [2]О всѣх сих[2] слава Христу и Богородице!

Что же [3]по сих[3]? Не возможе бо дияволъ пакости сотворити ми, кѣлии моей сожещи, он же, злодѣй, инако покусися: насадилъ бо ми в кѣлию червей множество-много, глаголемых мравий; да не позазрите[4] ми, отцы святии и братия, — всяка плоть не похвалится пред Богом,* — и начаша у мене тѣ черьви-мураши тайныя уды[5] ясти зѣло горько и больно до слезъ. Азъ же, многогрѣшный, варомъ[6] их стал варить. Они же ми ядяху тайныя уды. А иново ничево не ядят, ни рук, ни ногъ, ни иново чево, токмо тайныя уды. Аз же давить их стал руками и ногами. А они прокопаша стѣну кѣлии моея и идяху ко мнѣ в кѣлию, и ядяху ми тайныя уды. Аз же кѣлию мою землею осыпалъ и затолокъ крѣпко и туго, а они, не вѣмъ како, и землю, и стѣну кѣлейную прокопаша и ядяху ми тайныя уды. И гнѣездо себѣ здѣлали потъ печью и оттуду исхожаху ко мнѣ и ядяху ми тайныя уды. И аз гнѣздо их кошницею[7] носилъ в воду, а они больши тово наносятъ всяково порошья[8] туды. И тово у меня было труда с ними много: что ни дѣлаю, а они у меня кусаютъ за тайныя уды. Много помышлялъ мешок шить на тайныя уды, да не шилъ, такъ мучился. А иное помышлялъ кѣлию переставить, не дадяху бо ми ни обѣдать, ни рукодѣлия дѣлати, ни правила правити. Многажды бо правило по книгѣ на улицѣ у креста большово говорил: гдѣ ни стану в кѣлии, а они за тайныя уды кусаютъ. Горько и больно!

И тоя напасти бѣсовския было больше трех мѣсецов. И напоследи уже сѣлъ обѣдать, а тайныя уды крѣпко закуталъ, а они же, не вѣмъ как, достигьли и укусили. И слезы изо очей моих потекоша. Аз же востах ото обѣда — не до обѣда стало — и воздѣх руцѣ мои, и возопилъ ко образу вольяшному Пречистыя Богородицы, глаголюще сице: «О, Пресвятая Владычице моя Богородице! Изба-

---

[1] троекратно; [2—2] За все это; [3—3] после сего; [4] осудите, укорите; [5] члены; [6] кипятком; [7] кошелкою, корзиною; [8] мусора.

ви мя от напасти сея бѣсовския!» И ударихъся трою о землю, и больше, со слезами. И от того часа перестали у меня мураши тайных удовъ кусати и ясти, да и сами помалу-малу вси ищезоша, и не вѣсьть камо дѣшася. И о всѣх сих слава Христу и Богородице!

Простите мя, отцы святии и братия! Согрѣшил я: много веть я мурашей тех передавил, а иных огнем пережегъ, а иных варомъ переварил, а иных въ землю закопал, а иных в воду множество-много кошницею переносил и перетопил в водѣ. Колико-то себѣ труда тово суетново сотворилъ, муки той принялъ бездѣльной![1] Хотѣлъ было, окаянной, своею суетною немощною человѣческою силою и промысломъ кѣлию себѣ очистити от проказы бѣсовския: давил, да огнем сожигал, да в воду носилъ, ано никако силою человѣческою сего невозможно сотворити. А сего и на разум тогда не попало, что было вопѣти о сем ко Христу и Богородице и святым его. Видите ли, отцы святии и братия, колико немощна сила-та человѣческая! И худаго и малаго червия, и [2]ничтоже мнимаго[2], без благодати Духа Святаго невозможно одолѣти; не токмо звѣря, или бѣса, или человѣка, но и худаго и ничтоже мнимаго всякаго дѣла без помощи Божии невозможно исправити[3].

Посем простите мя, отцы святии и братия, в слове, и в дѣлѣ, и в помышлении, и благословите и помолитеся о мнѣ, грѣшнем, Христу и Богородице и святым его. А я, грѣшной, долженъ о васъ молитися — о чтущих, и о слушающих, и о преписующихъ[4] сие. Буди на васъ благодать Христова и милость, и Пречистыя Богородицы, и святых его всѣх, и на домѣхъ вашихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Часть 2

За слово и за свидѣтельство Исус Христово юзник[5] темничной, многогрѣшный инокъ Епифаний, — возлюбленному моему о Христѣ Исусѣ чаду и брату, посѣтившему мя нѣкогда в темницѣ, Афанасию.* За милость и любовь Христову [6]по плоти родившаго отца твоего[6], воистинну милостиваго и боголюбиваго, миръ ти, и отцу твоему христолюбивому, и всему благодатному дому вашему, и благословение, и милость, и благодать от Бога Отца и Господа Исуса Христа.

О имени Господни послан ти крестъ Христовъ кедровой, и ты, чадо мое любимое, приими его, Господа ради, с любовию Христовою, и почитай его честно, и покланяйся ему, яко самому Христу или яко образу Христову. Есть писано во Святом Писании, яко Христос — въ крестѣ, а крестъ — во Христѣ. И ты, рабѣ Христовъ, почитай крестъ Христовъ, яко самого Христа, и покланяйся

---

[1] бесполезной, никчемной, бессмысленной; [2—2] ничего не значащего, ничтожного; [3] совершить; [4] переписывающих; [5] узник; [6—6] родного отца твоего.

ему, яко самому Христу или яко образу Христову, с вѣрою теплою сердечною, и проси у Христа Бога егоже[1] хощеши по воли его святѣй, и дастъ ти милость и благословение здѣ и в будущем вѣцѣ во вѣки. Аминь.

Да послано ти, чадо мое любимое о Христѣ Исусѣ, жития моего часть малая. Вото тебѣ и другая часть жития моего бѣднаго и грѣшнаго и страдания моего темничнаго горькаго, Христа Исуса ради сладкаго. И ты, чадо мое любимое Афанасие, приими его с любовию Христовою, Господа ради, и сложи его с прежнею частию жития моего вмѣсто[2]. И зри на него, яко на мене, бѣднаго старца, и прочитай его с любовию Господнею. И аще что обрящеши на пользу души своей, и ты, чадо, о сем прослави Христа Бога, а мене, грѣшнаго, не забывай во святых своих молитвах, да милостив ми будет Господь Богъ!

А аз, грѣшный, за милость и любовь Христову отца твоего, родившаго тя, и за твое [3]ко мнѣ темничное посѣщение[3] прошу вам милости у Христа Бога, елико[4] Господь ми помощи подаваетъ. Да молю тя о Христѣ Исусѣ, чадо мое любимое: отца твоего, родившаго тя и воспитавшаго тя, во всем его слушай и почитай его с любовию Христовою, — тако же и ты почтенъ будеши от своих чадъ, паче же почтенъ будеши от Бога в сем вѣцѣ и в будущем во вѣки. Аминь.

По сем паки миръ ти, чадо мое любимое, и отцу твоему, и братии твоей, и всему дому вашему, и благословение, и милость, и благодать от Бога, Отца нашего, Исуса Христа, и от мене, грѣшнаго старца, раба его. А азъ нынѣ уже, чадо мое, сѣжу в темницѣ исполу[5] мертвъ, жив погребен землею, яко во гробѣ, и ожидаю исходу души моей съ часу на часъ.

Ну, чадо, слушай же жития моего грѣшнаго. Да молю тя о Христѣ Исусѣе: не позазри простотѣ моей, понеже азъ грамотики и философии от юности моея не учился и не искалъ сего; и нынѣ не ищу того, но сего ищу, како бы ми Христа Исуса милостива сотворити себѣ и людемъ. И что обрящеши просто и неисъправлено, и ты собою[6] исправь со Христом Исусом, а мене, грѣшнаго, прости и благослови, и помолися о мнѣ Христу Богу и Богородице и святым его.

Чюдо о крестѣ Христа Бога и Спаса нашего. [7]Мнит ми ся[7], чадо мое и брате мой любимый Афанасий, во 172 году,* [8]сѣдящу бо ми в кѣлии в пустыни моей Виданьской[8], приехал ко мнѣ в пустыню зимой християнин на лошадѣ, а на дровняхъ у него брусье изготовлено на большей крестъ. И прииде к моей кѣлейце с великимъ опасением и со страхом Божиим, [9]мня мя, живуща в пустыни, яко чюдна и свята мужа[9]. И приступя ко оконцу моему, сотвори молитву сице: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Аз же рекъ: «Аминь». И рече ми християнин: «Отче святый и господине, прислан аз к тебѣ Богом и привезъ тебѣ хлѣбъ да четверик* ржи, и денегъ у мене возми, елико[10]

---

[1] чего; [2] вместе; [3—3] посещение меня в темнице; [4] сколько; [5] наполовину; [6] сам; [7—7] кажется мне; [8—8] когда я жил в келье в пустыни моей Виданской; [9—9] думая обо мне, что раз я живу в пустыни, то, значит, я чудный и святой человек; [10] сколько.

хощеши, а здѣлай мнѣ, Бога ради, крестъ Христовъ». Аз же, грѣшный, рекъ ему сице: «Рабе Божий! Которым ты образом прислан ко мнѣ, грѣшному, въ пустыню и далече ли от моея пустыни живеши?» И рече ми християнин: «Зимою, господинѣ, — 40 верстъ, а лѣтом и больши. За болотами живу и за порогами страшными, великими, непроходимыми от тебе. Имѣю у себе жену и чада, и деревню пашенную и по лесам хожу, звѣри ловлю всякия и птицы. И нѣкогда бо, отче святый, ходяшу ми по лесам по обычаю[1] моему, ищущу ми звѣрей и птицъ на лов мой, и уже много времени не токмо уловити, но и не видалъ ни оленя, ни лисицы, ни куницы, ни зайца, ни тетерева, и просто рещи, никакова животна; и нападе на мя печаль велика и уныние горкое, понеже, как и почал полѣсовати, не бывала такая на мене бѣда. И прииде ми на ум тогда, отче святый, сие.

Есть у нас близ нашея деревни остров зѣло красен и великъ, и на том острове скоты наши ходятъ. И многия люди говорят, достойно-де на семъ островѣ быти пустынѣ или монастырю и церквѣ, а хотя бы-де нынѣ какой боголюбецъ крестъ Христовъ поставил, и то бы-де зѣло добро. И се слово паде на сердце мое и запали огнем божественым душу мою и сердце мое, и всю утробу мою, и вся уды[2] моя: да поставлю крестъ Христовъ на том островѣ на славу Христу Богу нашему и на поклонение православным християном. И возведох[3] очи мои на небо, и прекрестилъ лице мое Христовым знамением, и рекох сице: „Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго, дай ми лов днесь, какой ни буди, и аз ти, грѣшный, на сем островѣ, имярек, поставлю крестъ на славу тебѣ, свѣту, и на поклонение православным христианом".

И егда дал обѣщание Богу, зря на небо, и как сведох очи мои с небесъ на землю, и начах очима моима обзирати около себе сюду и сюду, зря лова какова-любо ми посланнаго от Бога. О, скораго услышания Христа Бога, свѣта нашего! О, дивное милосердие Христово! О, чюдо несказанное, егоже ни отцы, ни дѣды наши ни слыхали, ни видали! Вижу скоро издалеча борана великаго, и скоро идох к нему, славя Бога, боран же милъ ми ся дѣя. Аз же, грѣшный, веземъ борана за рога, дивяся неизреченной милости Божии, и сведохъ борана в деревню мою с радостию великою, дивяся скорому услышанию Христову и милости Спасовѣ. И повѣдах сие чюдо Божие великое женѣ моей и чадом моим, и всѣм сосѣдям моим. И вси прославиша Бога о сем чюдеси».

И паки рече ми християнин: «Не дивно бы ми было, отче святый, аще бы ми послал Богъ оленя, или соболя, или лисицу драгую, или ин звѣрь: то бо их дом и жилище, бѣ бо лѣсу на всѣ страны по сту верстъ есть и больше, туто живут все звѣри и птицы. А жилищь человѣческих, ни деревень — ни слуху нету.

Да прости мя, грѣшнаго, отче святый, согрѣшил я, окаянный! Помалу-малу, день от дне, недѣля от недѣли, мѣсяц от мѣсяца и уже конечне[4] отложил обѣщание мое о крестѣ ко Христу, Богу нашему. И по се время, господинѣ,

[1] обыкновению; [2] члены; [3] возвел я; [4] окончательно.

уже два годы минуло обѣщанию моему. И нынѣ, отче, во един от дней от труда деревеньскаго внидох в хижу мою и возлегъ опочинути, и скоро отворишася двери избы моея, и вниде ко мнѣ в ызбу муж святолѣпен, весь бѣлъ, и ризы на нем бѣлы, и ста предо мною, мнѣ же лежащу. И рече ми муж той святолѣпный сице: „Человѣче, что забылъ еси обѣщание свое, еже о крестѣ Христовѣ?" Аз же рекох ему: „Отче святый, не умѣю креста здѣлать". И рече ми муж той: „Иди на Суну-рѣку, на Виданьской остров: тамо в пустынѣ соловецъкой старецъ живет, именем Епифаний, онъ тебѣ здѣлает крестъ". И невидим бысть муж той святолѣпный. Аз же воспрянух яко от сна, и взем бревно, и внесох в ызбу мою, и, посуша, обрусилъ его; и привезох, господинѣ, днесь[1] к тебѣ в пустыню. Сотвори милость со мною, Христа ради, и любовь духовную! Возми у мене хлѣбъ да четверикъ ржи, да и денегъ, елико хощеши, а здѣлай мнѣ крестъ Христовъ, исполни мое обѣщание! К тебѣ аз послан Богом».

Аз же рек ему: «Да есть ли от вашея деревни ближе моея пустыни грамотныя люди?» И рече ми християнин: «Есть, господинѣ, от насъ шесть верстъ погостъ; тамо живут попъ да дьякъ, да к нимъ не посланъ я, но к тебѣ в пустыню ехалъ 40 верстъ».

Аз же, грѣшный, прославих о сем Христа Бога, и взем у християнина хлѣб да четверикъ ржи, а денегъ не взял, и препоясахся поясом моимъ, и взем топоръ в руки и иную снасть, [2]подобную кресту[2], и дѣлалъ креста два дни. И слова вырѣзал на крестѣ, и покрылъ его, и помощию Христовою [3]вся построилъ о немъ[3]. И, по обычаю моему, помоляся со християнином Христу и кресту Христову, и росписавъ кровлю у креста, и иная вся указав ему, и разобрав крестъ, положихом[4] его честно[5] на дровни, и с миром о Христѣ Исусѣ отпустилъ християнина в путь его. Он же, радуяся зѣло о получении креста Христова, идяше к домови[6] своему в путь свой. О всѣхъ сих слава Христу и Богородице и святым его!

О прѣподобнем Ефросинѣ,* иже во Андомскую пустыню* забежа от никонияньския ереси и скончася тамо о Христѣ Исусѣ. Мнѣ он, грѣшному, другъ был любимой; аз у него в пустынѣ год жил во единой кѣлии, и правило с нимъ вмѣсте говорили; зѣло христолюбивъ человѣкъ был, безмолвие вельми любил.

Нѣкогда бо мнѣ, грѣшному, в пустыни моей Виданьской сѣдящу бо ми в безмолвии, прииде ко мнѣ в пустыню странны[7] старецъ, именем Варълам.* И рече ми умиленным гласом и слезным сице: «Отче Епифаний! Другъ нашъ, и братъ, и отецъ Ефросинъ святый преставися и нынѣ дивныя чудеса творитъ благодатию Духа Святаго. Азъ у него болши году жилъ, укрывалъся от никонианския ереси. Чюдной муж житиемъ былъ. Христа Бога зѣло любилъ и безмол-

[1] нынче, сегодня; [2—2] необходимую для изготовления креста; [3—3] все сделал для него; [4] положили; [5] с честью; [6] дому; [7] странствующий.

вие». Сице рече ми брат. Аз же, грѣшный, от того времени началъ тужити и скорбѣти в сердцы моем, глаголя: «Како избуду муки вѣчныя и получу Царство Небесное?! Господи, Господи Владыко Вседержителю, очисти мя от всякия скверны плоти и духа и буди ми правитель[1], и наставникъ[2], и вождь[3] ко спасению моему! И спаси мя, грѣшнаго раба твоего, [4]имиже вѣси[4] судьбами!» Тако же и Богородице, и святому ангелу-хранителю моему, и прѣподобънаго Ефросина в помощь призывая, и всѣх святых, да помолятся о мнѣ ко Христу Исусу, свѣту, еже бы ми избыти муки вѣчныя и улучити Царство со святыми его.

И в сем помысле много дней препроводилъ, моляся всяко Богу, да избуду мук и обрящу рай со святыми в будущем вѣце; то таки и думаю, сидя, и ходя, и на одрѣ моем лежа, и правило говоря, молитвы, и каноны, и псалмы, и поклоны, и рукодѣлие дѣлая. Молюся, иногда умом, иногда языком: да избуду муки вѣчныя и улучю Царство вѣчное со святыми.

И нѣкогда бо ми после канонов и после молитвъ и поклонов нощных, мнит ми ся в полунощи, возлегшу ми опочинути от трудов на одрѣ моем, и сведохся абие в сон мал. И вижю в кѣлейцѣ моей сердечныма очима моима гробъ, а во гробе лежит старецъ Ефросин, другъ мой любимой и сердечной, мертвъ. Аз же зрю во гробъ на Ефросина и дивлюся, помышляя в себѣ: «Како обрѣтеся в кѣлии моей другъ мой и гроб его? А погребен он во Андомской пустынѣ, а нынѣ обрѣтеся в Виданьской пустынѣ у мене и в кѣлии моей. [5]Что хощет быти се?[5]» И зрю на него прилѣжно. И нача прѣподобный Ефросинъ помалу-малу оживати. И оживе, и воста от гроба. Аз же, грѣшный, с великою радостию обьем[6] его рукама моима, и начах лобызати и цѣловати его с любовию Христовою и глаголати: «О, свѣт мой и другъ мой любимой Ефросинушко! Вѣдаю аз, что ты давно умеръ, преставился на он[7] свѣт, а нынѣ вижу тя, паки ожилъ ты. Скажи мнѣ, свѣт мой, Бога ради, как там Царство Небесное, гдѣ святыя, и праведныя, и прѣподобныя, и вси святии водворяются, и царствуют, и живут, как на оном свѣтѣ тамо? Да и грѣшникам како уготована мука та горкая и лютая, огнь, и червь, и смола, и всякая горесть и бѣда? Скажи мнѣ, Христа ради, Ефросинушко, [8]по ряду[8] вся! Боюся аз, грѣшный, муки вѣчныя и бѣды тамошныя».

Прѣподобный же Ефросин свѣтлым лицем и веселым зрѣниемъ[9] воззрѣ на мя и рече ми тихим и любовным и смиренным гласом сице: «Брате мой и друже мой любимой Епифаний! Молися ты прилѣжно Пречистой Богородице, то всѣх бѣдъ избудеши и получиши радость».

И, не вѣмъ как, святый из рукъ моих изыде и невидим бысть. Аз же, грѣшный, убудихся яко от сна, а сердце мое наполнено великия радости, яко Богъ показа ми друга моего любимаго и брата и отца, прѣподобнаго старца Ефросина, и учения святаго от устъ его слышати сподобил мя, еже повелѣ ми моли-

---

[1] направляющим; [2] наставляющим; [3] путеводителем; [4—4] какими ведаешь; [5—5] Что это значит; [6] обнял; [7] на оный, на тот; [8—8] по порядку; [9] взглядом.

тися прилѣжно Пречистой Богородице. О всѣх сих слава Христу Богу, свѣту, и Богородице, матери его истинной, и святому ангелу-хранителю моему, и прѣподобному Ефросину, и всѣм святым во вѣки. Аминь.

Чюдо Пречистыя Богородицы. Тамо же, в Виданьской пустынѣ, по вышереченному по обычаю моему, после правила моего возлегъ на одръ мой опочинути. И скоро прискочиша бѣси т[1] кѣлии моей и зашумѣли громко зѣло. И оттвориша сѣнныя двери, да и кѣлейныя, пылко зѣло оттвориша. И въскочилъ ко мнѣ в кѣлию бѣс, яко злой и лютой разбойникъ, и ухватилъ мене за горло, и нача давить. Аз же, грѣшный, завопѣлъ к Богородице сице: «Богородица, Богородица, помози ми!» Он же и изчез, и не вѣм, камо[2] дѣлъся. Аз же о семъ прославих Христа Бога и Богородицу, яко отгнаша от мене разбойника-злодѣя дьявола.

А иное чюдо дивное и преславное Пречистыя Богородицы сказа мнѣ, грѣшному, прѣподобный старец мой кѣлейной священноинокъ Мартирий, укрѣпляя мене, да бы держался азъ крѣпко каноннаго святаго правила и кондаки и икосы говорилъ бы на всякъ день Пречистой Богородице неизмѣнно без лѣности. Рече бо ми сице: «Чадо! Есть писано во Отечникѣ:* бѣ[3] во странѣ нѣкоей монастырь нѣкий, а в нем мниси[4] живяху зѣло христолюбивы и Богородицу крѣпко и прилѣжно почитаху, и моляшеся ей всегда вѣрно и прилѣжно. И бѣ у нихъ в томъ монастырѣ устав таковъ: еже на заутрени в церкви Пречистой Богородице кондаки и икосы по вся дни говорят, а концы воспѣваютъ вси стоящии во церкви, еже есть сице — „Аллилуия" и паки — „Радуйся, невѣсто неневѣстная".*

И нѣкогда бо тоя обители игумен посла брата на службу монастырскую. Старец же взем благословение от отца, и идяше на службу, благодаря Бога. И труждаяся тамо день до вечера, и прииде к монастырю уже поздо, и врата монастырские заперты. И рече в себѣ старецъ: „Что сотворю? Аще[5] начну во вратаударяти и стукати, то тѣм стуканием моим всю братию соблажню и смущу и вратарей и стражей тем оскорьблю[6] и опечалую и раздражу, и труд мой тѣм погублю, еже днесь приобрѣтох, и мзды лишуся от Христа Бога и Богородицы. Лучше ми братию не смутити и стражей не возбудити[7], но самому нужица[8] Бога ради прияти". И помоляся старец Христу и Богородице, и прижався ко оградѣ монастырской, возлегши, благодаря Бога, тако и уснулъ.

И егда нача въ монастырѣ к заутрени благовѣстити, старец же скоро воста и, прижався ко оградицѣ монастырской, моляшеся с вѣрою сердечною, теплою прилѣжно. Бѣ бо церковь близъ ограды, и все ему слышати, что поютъ в церкви. И егда начали говорити кондаки и икосы и концы воспѣвати, „Аллилуия" и „Радуйся, невѣсто неневѣстная", а старецъ, внѣ монастыря стоя за

---

[1] к (диалект.); [2] куда; [3] был; [4] монахи; [5] Если; [6] огорчу; [7] пробудить; [8] малую нужду, небольшое неудобство.

стеною, тако же концы возглашаетъ: „Аллилуия", „Радуйся, невѣсто неневѣстная". И егда послѣдний конецъ икоса возгласиша во церкви, „Радуйся, невѣсто неневѣстная", и старецъ, за стеною стоя, тоже рече „Радуйся, невѣсто неневѣстная", и ста пред ним Пречистая Богородица и рече ему: „Радуйся и ты, старче, вото тебѣ златица[1]".

Старецъ же приемъ златицу от руки Прѣсвятыя Богородицы и поклонися ей. Она же и не видима бысть. Он же воззрѣ на златицу, лежащую на руцѣ его, и возрадовася зѣло и удивися дивом великим: бѣ бо златица красна зѣло, и яко от огня от нея свѣтяшеся. И скоро-скоро старецъ потече[2] ко вратомъ монастырьскимъ и возопи гласом великим: „Вратницы, вратницы! Отверзите ми врата скоро! Богородица ми златицу даде чюдную!"

Они же отвориша ему врата. Старецъ же бѣжа во церковь ко игумену и ко братии всей, и ста посреди церкви, и рече велиимъ гласомъ: „Отцы святии и братия! Зрите на благословение чюдное Пречистыя Богородицы!" И скоро вси отцы стекошася ко старцу и узрѣша ту чюдную и красную златицу, и дивяся много красотѣ ея, и прославиша вси Христа Бога и Богородицу.

Старец же повѣда им вся вышереченная. Отцы же паки[3] прославиша Бога и Богородицу и разсужение старцево и терпѣние его зѣло похвалиша. И повелѣ игумен звонити во вся, и пѣвше молебная Христу Богу и Богородице много, и ту красную златицу прицепиша ко образу мѣстному Пресвятыя Богородицы на славу Христу Спасу и на похвалу Богородице и на воспоминание дивнаго и преславнаго чюдеси ея во вѣки вѣком. Аминь».*

И паки рече ми преподобный старецъ священноинокъ Мартирий: «Ну, чадо, вото тебѣ сказано преславное чюдо Пречистыя Богородицы. И ты [4]внимай себѣ умом[4] и кононов говорити не ленися! Исусовъ канон говори на всяк день, а акафисто канон Богородице* — пременяя, по дню смотря, а кондаки и икосы — на всяк день, да „Воду прошед",* да ангелу-хранителю канон, да и иныя каноны, елико можеши вмѣстити[5], вмѣсти, чадо. И Псалтырь такоже на всяк день пой. Трудися, чадо, здѣ крѣпко, и вѣрно, и твердо, да во оном вѣцѣ добро будетъ во вѣки, аминь. А говори, чадо, каноны, и кондаки, и икосы, и псалмы, и всякое правило неспѣшно, чтобы глаголемое тобою и ум твой разумѣлъ и славил бы Бога о сих. И сицевое правило и Богу приятно и любезно, и душам нашим спасительно. А еже, чадо, у нас в Соловецком монастырѣ по всѣм кѣлиям предано всѣм братиямъ, умѣющим грамотѣ, каноны, и кондаки, и икосы Пречистой Богородице говорити еще от святаго отца нашего Зосимы-чюдотворца и [6]по нем от игуменов[6] по обычаю вышереченнаго оного монастыря, воспоминая преславное чюдо Пресвятыя Богородицы: егда говорятъ каноны, и кондаки, и икосы умѣющии грамотѣ, а не умѣющии туто же стоят с молитвою Исусовою, а концы

[1] золотая монета; [2] побежал, устремился; [3] снова; [4—4] вдумайся; здесь: справиться, понести службу; [6—6] от бывших после него игуменов.

вкупѣ вси возглашают сице — „Аллилуия” и паки[1] „Радуйся, невѣсто неневѣстная”. И тако, чадо, у нас въ Соловецком монастырѣ во всякой кѣлии от начала и до днесь держится». Аз же, грѣшный, старцу поклонихся до земнаго лица за поучение его святое.

Ну, чадо мое любимо Афонасие! [2]Внимай себѣ умом крѣпко[2]! Что мнѣ, грѣшному, старецъ приказал, то и азъ ти приказываю о Христѣ Исусѣ, тому слава во вѣки. Аминь.

Ино чюдо Пречисты Богородицы. Но не позазри, чадо мое, Бога ради, малодушию моему. Писано есть: «Всяка плоть не похвалится пред Богом».* Егда нас новыя мучители никонияня възяли ис темницъ и за святу вѣру Христову пред всѣм народом пустоозерскимъ отсѣкоша нам руки и отрѣзаша языки и с тѣми горкими и лютыми ранами паки отведоша нас в старыя темницы, когождо[3] во свою, — ох, ох, горе, горе дней тѣх! — аз же, грѣшный, внидох во свою темницу, и возгорѣся сердце мое во мнѣ и вся внутренняя моя огнем великим, аз же падох на землю и бысть весь в поту. И начал умирати. И [4]три накона[4] умиралъ, да не умеръ, душа моя ис тѣла моего не вышла. Так аз стал тужить, глаголя: «Что будет, смерти нѣту! А лутче сего времени ко исходу души на што? Богъ сподобилъ причаститися Тѣла Христова и Крови, и кровь мою помощию Христовою пролил за старую вѣру его святую, и за люди его, и за церкви его святыя. Благодарю тя, Господи, яко сподобил мя еси пострадати за вся сия и кровь мою излияти! Возьми же, свѣтъ мой истинной Христос, скоро душу мою от тѣла моего! Не могу терпѣти болѣзней лютых и горьких!»

И вижу, что нѣту ми смерти. И азъ воставъ со земли, и на лавку лег ницъ[5], а руку мою сѣченую повѣсилъ на землю, помышляя в себѣ сицѣ: «Пускай кров-та выдет из мене вся, так я и умру». И много крови вышло, и в темнице стало мокро. И стражи сѣна на кровь наслали. И пять дней точилъ кровь ис тѣла моего, да бы ми от того смерть пришла. А точа кровь, вопѣлъ много ко Господу на высоту небесную, глаголя: «Господи, Господи! Возьми душу мою от мене! Не могу терпѣти болѣзней горких! Помилуй мене, бѣднаго и грѣшнаго раба твоего, возьми душу мою от тѣла моего!»

И вижу, что не дастъ ми Богъ смерти. И аз, грѣшной, бил челом Симеону-десятнику, да отмоет ми от руки засушины кровавыя. Он же отмыл от руки моея запекшуюся кровь и во имя Христово, моляся Богу, помаза ми раны тѣ сѣрою елевою, нутреннею, и обяза[6] ми болную мою руку платом со слезами, и изыде ис темницы, плача, видя мя тоскующа горко. Ох, ох! Горе, горе дней тѣхъ! Аз же, грѣшный, в темнице един воляяся по земли на брюхѣ, и на спинѣ, и на боках, и всяко превращаяся[7] от великия болѣзни[8] и от горкия тоски, всяко вопѣлъ ко Господу: да возмет душу мою. Такоже и Богородице, и всѣм святым

[1] еще; [2—2] Вдумайся хорошенько; [3] каждого; [4—4] три раза, трехкратно; [5] ничком; [6] перевязал; [7] ворочаясь, вертясь, крутясь; [8] боли.

моляхся: да помолятся о мнѣ ко Господу, да бы взялъ душу мою от мене Господь. И много сего было моления и вопля.

Простите мя, грѣшнаго, отцы святии и братия! Согрѣшил аз, окаянный, — от болѣзни великия и от тоски горкия начах глаголати сице: «О, горе тебе, окаяннѣ Епифанѣ! Христос, Сынъ Божий, тебя, вопиюща и молящася, не слушает, ни Богородица, ни святии его вси. А ты, святый отецъ нашъ Илья, архимарит Соловецкой,* был ты у меня в пустынѣ Виданьской, явился мнѣ и велѣлъ мнѣ книги писать на обличение царю и на обращение его ко истиннѣй вѣрѣ Христовѣ, святѣй, старой. И аз книги писал ко спасению цареву и всего мира. И снесъ их ко царю. А нынѣ мя царь утомилъ и умучилъ зѣло, и язвы наложил горкия, и кровию мя обагрилъ, и в темницу повелѣ мя ринути немилостиво. А ты мнѣ нынѣ в сицевой бѣдѣ, и в скорби, и в болѣзни лютой нимало не поможеши. Ох, ох! Горе мнѣ, бѣдному! Одинъ погибаю! Не помогает ми никто нынѣ, ни Христос, ни Богородица, ни святии его вси!»

И много тосковал, валяяся по земли. И всполосъ[1] на лавку, и легъ на спинѣ, а руку сѣченую положилъ на сердце мое. И наиде на мя яко сонъ. И слышу — Богородица руками своими больную мою руку осязает. И преста рука моя болѣти. И от сердца моего отъиде тоска. И радость на мя наиде. А Пречистая руками своими над моею рукою яко играет. И мнит ми ся, кабы[2] Богородица къ рукѣ моей и персты приложила; и велика радость наиде на мя тогда. Аз же, грѣшный, хотѣх рукою моею удержати руку Богородичну и не могъ удержати, уйде бо.

Аз же, грѣшный, яко от сна убудихся. Лежу по-старому на спине, а рука моя на сердцы моемъ лежит, платом обязана по-старому. Аз же, лежа, помышляю: «Что се бысть надо мною?» И начах осязати лѣвою моею рукою правую мою руку сѣченую, ища у ней перстов. Ано — перстов нѣту, а рука не болит. А сердце радуется. Аз же, грѣшный, прославих о семъ Христа Бога, свѣта нашего, и Богородицу, матерь его истинную.

Сие чюдо было в седьмый день после мучения. И помалу-малу рука моя исцелѣ от ран. И дѣлаю нынѣ всякое рукодѣлие по-прежнему помощью Христовою и Пречистые Богородицы, въ славу Христу Богу. Аминь.

Да еще ти, чадо мое и брате мой любимый, за любовь Христову побѣсѣдую о языках моих. Егда мы были на Москвѣ в Кремлѣ-городѣ на Угрѣшьском подворье Никольском,* тогда много к намъ приходило людей от царя и от сонмища никонияньска: звали нас и нудили много всяко в вѣру никонияньску, и мы их не послушали. И тогда Аввакума протопопа и Никифора протопопа* ухватиша скоро и сомчаша с Москвы в Братошино,* 30 верстъ от Москвы. И последи их скоро прискочилъ къ нам голова стрелецкой со стрельцами, Василей Бухвостов,* яко злой и лютой разбойникъ, — да воздастъ ему Господь по дѣлом

[1] заполз, взобрался; [2] как будто.

его! — и ухватили нас, священника Лазаря* и меня, под руки и помчали скоро-скоро и зѣло немилостиво и безбожно. И примчали на Болото.* И посадя нас на плаху, и отрѣзаша нам языки, и паки ухватиша насъ, яко звѣрие лютии, лютии, суровии, и помчаша нас такоже скоро-скоро. Мы же от болѣзней и от ранъ горких изнемогохом, не можем бѣжати с ними. И они ухватили извощика, и посадиша нас на телѣгу, и паки помчаша нас скоро; и потом на ямския телѣги посадиша нас и свезоша нас в Братошино. Тогда на пути из мене, грѣшнаго, вмалѣ души не вытрясли на телѣгах, бѣ бо тогда люта зѣло и тяжка болѣзнь была. Ох, ох! Горе, горе дней тѣх!

И поставили нас въ Братошинѣ на дворы. Тогда азъ, грѣшный, внидох на печь от болѣзни и от тоски горкия и печали великия, и возлегъ на печи, и начах помышляти в себѣ сице: «Горе мнѣ, бѣдному! Как жить? Говорить стало нѣчем, языка нѣту. Кабы я жил в монастырѣ или в пустынѣ, так бы у мене языкъ был. Прости мя, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, согрѣшил пред тобою, свѣтом, и пред Богородицею, и пред всѣми святыми! Пошелъ к Москвѣ ис пустыни, хотѣлъ царя спасти; и царя не спас, а себя вредил: языка не стало, и нужнаго молвить нѣчем. Горе! Какъ до конца доживать?» И воздохнулъ ко Господу из глубины сердца мого, и востав, сошел с печи и сѣлъ на лавкѣ, и печалуюся о языкѣ моем.

О, скораго услышания свѣта нашего Христа Бога! Поползе бо ми тогда язык ис корения и доиде до зубовъ моих. Аз же возрадовахся о сем зѣло и начах глаголати языком моим ясно, славя Бога. Тогда Аввакум протопоп, то чюдо услышав, скоро ко мнѣ прибѣжа, плача и радуяся. И воспѣли мы с ним вкупѣ «Достойно есть» и «Слава и нынѣ», и все по ряду[1] до конца по обычаю.

И по трех днех повезоша нас в заточение в Пустоозерье,* всѣх четверых въкупѣ. И в Пустоозерье посадиша нас в темницах. И по двух годѣх приехалъ к нам от новых мучителей никониянъ полуголова Иван Ялагин* со стрельцами и по три дни нудилъ нас всяко отврещися святыя вѣры Христовы старой и приступити к новой вѣре никониянской. И мы его не послушали. И он велѣлъ по наказу нам языки рѣзати паки и руки сѣчь. И посреди всего народа пустоозерскаго поставиша нас. И Лазарю священнику ис корения языкъ отрѣзаша и руку по запястие отсѣкоша. Потомъ приступиша ко мнѣ, грѣшному: палачь с ножем и с клещами хощет гортань мою отворяти и языкъ мой рѣзати. Аз же, грѣшный, тогда воздохнулъ из глубины сердца моего, умиленно зря на небо, рекох сице: «Господи, помози ми!» О, дивнаго и скораго услушания свѣта нашего Христа Бога! Наиде бо на мя тогда яко сонъ, и не слыхалъ, как палачь язык мой вырѣзалъ, только вмалѣ-вмалѣ ощутивъ, яко во снѣ, что палачь ми отрѣзал языкъ. А на Москвѣ, как первой языкъ мой палачь отрѣзал, тогда яко лютая змия укусила, и всю утробу мою защемило, и до Вологды* тогда у мене от тоя болѣзни кровь шла

[1] по порядку.

заднимъ проходомъ. И потом положиша руку мою правую на плаху и отсѣкоша четыре перста. Аз же взем перъсты мои, и положил в зѣпь[1].

И отведоша нас по темницам. Аз же, грѣшный, внидох тогда во свою темницу, и трою умирал, и пять дней кровь из руки моея точилъ, смерти просил у Христа Бога. И не даде ми ся смерть, но пришедъ ко мнѣ в темницу свѣтъ-Богородица, и отъяша болѣзнь от руки моея. О семъ писано пространно напереди[2].

И по отъятии болѣзни от руки моея почал азъ правило мое говорить, псалмы и молитвы, умом. А гдѣ язык был во ртѣ, туто стало быти слинъ много. Егда спать лягу, и что под головою лежит, то все умочит слинами, текущими из гортани. И ясти нужно[3] было тогда, понеже яди[4] во ртѣ превращати[5] нѣчем тогда было. И егда принесут мнѣ щей, и рыбы, и хлѣба, и я в одно мѣсто сомну все, да тако вдругъ и глотаю. А егда стану псалом говорить «Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей», и егда дойдет до сего мѣста: «Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей»,* тогда азъ, многогрѣшный, воздохну из глубины сердца моего, и слезишка иногда из глазишек появятся; и с тѣми слезами погляжу умиленно на крестъ и на образ Христовъ и реку сице ко Господу: «Господи! Кому во мнѣ возрадоватися? У мене и языка нѣту. Чемъ возрадуюся?» И паки: «Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвѣсьтятъ хвалу твою»* — «Что ми, Господи, бѣдному, и уста моя отверзать? Чем мнѣ тебѣ, свѣту, и хвалу воздати, а у мене во устах и языка нѣту?!» И паки возведу очи мои на образ Христовъ, и воздохну, и реку с печалию: «Господи, что се бысть надо мною, бѣдным!» А Псалтырь говоря, дойду до сего мѣста: «Предзрѣх Господа предо мною выну[6], яко одесную мене есть, да ся не подвижу, сего ради возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой»,* — аз же тогда умиленно возведу очи мои ко Господу, зря на крестъ и образ его, и реку: «Господи, свѣтъ мой! Куды языкъ мой ты дѣлъ? Нынѣ сердце мое не веселится, но плачет, и языкъ мой не радуется, и нѣту его во устах моих». И паки: «Вопроси отца твоего, и возвестят тебѣ, старца твоя, и рекут ти»,* — «Господи, чем мнѣ, бѣдному, вопросити, а у мене и языка нѣту?!» И иная, подобная сему, обрѣтающе во псалмех, и аз умиленно погляжу на образ Христовъ, и воздохну, и реку: «Господи! Дай ми языкъ, бѣдному, на славу тебѣ, свѣту, а мнѣ, грѣшному, на спасение!» И сего у мене было дѣла больше дву недѣль; всяко моляхся Христу Богу и Богородице и всѣм святым, да дастъ ми Господь язык.

И нѣкогда бо ми возлегшу на одрѣ моемъ опочинути, и вижу себя на нѣкоем полѣ велике и свѣтле зѣло, емуже конца нѣсть. И дивлюся красотѣ и величеству поля того, и вижу: о лѣвую страну мене на воздухе лежат два мои языка, московской и пустоозерской, мало повыше мене; московской не само красенъ, но блѣдноват, а пустоозерской зѣло краснешенекъ. Аз же, грѣшный, про-

[1] за пазуху; [2] прежде, раньше; [3] тяжело, трудно; [4] еды; [5] переворачивать, ворочать; [6] непрестанно.

стеръ руку мою лѣвую, и взем рукою моею со воздуха пустоозерской мой красной языкъ, и положилъ его на правую мою руку, и зрю на него прилѣжно. Он же на рукѣ моей ворошится живешенекъ. Аз же, дивяся много красотѣ его и живости его, и начахъ его обѣми руками моими превращати[1], чюдяся[2] ему. И справя[3] его в руках моих, рѣзаным мѣстом к рѣзаному же мѣсту, т корению язычному, идѣже преже бѣ, и положил его руками моими во уста мои; он же и прилну къ корению, идѣже преже былъ [4]от рожения матерня[4]. Аз же возрадовахся и возбнух[5] яко от сна, и дивлюся сему видѣнию, глаголя в себѣ: «Господи! [6]Что се хощет быти?[6]»

И от того времени скоро помалу-малу доиде языкъ мой до зубовъ моих и бысть полонъ и великъ, якоже от рожения матере моея и в монастырѣ, и в пустынѣ бѣ. И слинъ нелѣпых и непотребных не стало во устах моих. И потребенъ ми бѣ сталъ языкъ на всякую службу: къ ядению, и к молитвѣ, и ко псалмом, и ко всякому чтению святых книгъ. Есть языкъ мой, Богом данный ми новой, короче старово, ино толще старово и ширѣ во всѣ страны, и по сметѣ есть со старой. И о семъ нынѣ веселюся о Господѣ сердцем моим и душею моею. И языком новым моим радуюся со Давыдом пророком, и молюся, и славлю, и величаю, и пою, и хвалю, и хвалу воздаю Христу Исусу, спасителю моему, свѣту, давшему ми новой языкъ, елико он ми, свѣт, Богъ спаситель мой, помощи ми подаваетъ и научает мя на славу и хвалу ему, Господу Богу нашему, а мнѣ, бѣдному и грѣшному, на спасение. И паки со Давыдомъ святым вкупѣ реку: «Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, творяй чюдеса единъ»,* тому слава во вѣки вѣком. Аминь.

Воистину, чадо мое и брате мой любимый Афанасий, утѣшает нас, бѣдных, гонимых рабов своих, в нужах, и в напастех, и в бедах, и в печалех, и в болѣзнех наших всяких Христос, Сынъ Божий. Яко отецъ чадолюбивой чад своих, тако и Богъ утешает молящихся ему, свѣту, с вѣрою теплою; не оставляет их во всяком горѣ, утѣшаетъ всяко. Нѣкогда бо ми, грѣшному, в темнице сей, яко во гробе, сѣдящу, прииде на мя печаль велика и возмутиша всю внутреннюю мою, и начах глаголати в себѣ сице: «Что се творится надо мною, бѣдным! Монастырь оставил, в пустынѣ не жил! А колико ми в пустынѣ Христос и Богородица чюдных показа богознамений! И то мя не удержа тамо: пошелъ к Москвѣ, хотѣлъ царя отвратити от погибели его, злые ереси никониянския хотѣлъ от него отлучить и спасти его. А нынѣ царь пуще и старово погибает, християнъ злѣ всяко мучит за истинъную святую старую Христову вѣру. А я нынѣ в темнице, яко во гробе, сижу, живъ землею погребен; всякую нужу терплю темничную, дым горкой глотаю, глаза дымом и копотию и всякою грязию выело. Одна темница — то и церковь, то и трапеза, то и заход[7]. А клопы жива хотят сьесть и черьвям не хотятъ оставить. А не вѣдаю, есть ли то на ползу и спасение бѣдной и

[1] поворачивать; [2] дивясь; [3] расправив; [4—4] с момента рождения; [5] пробудился, воспрянул; [6—6] Что это будет?; [7] нужник.

грѣшной души моей и приятно ли то и угодно ли то Богу, свѣту нашему, сия вся моя страдания. Аще бы вѣдал, что есть на пользу и на спасение бѣдной и грѣшной души моей и Христу Богу приятна моя бѣдная страдания, то бы с радостию терпѣлъ вся сия о Христѣ Исусѣ».

И возгорѣся сердце мое и вся внутренняя моя, аз же, грѣшный, воздѣхъ руцѣ мои на высоту небесную и завопѣлъ ко Господу Богу: «О, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, сотворивый небо и землю, солнце и мѣсяцъ, и звезды, и всю тварь видимую и невидимую! Услыши мя, грѣшнаго раба твоего, вопиющаго ти! Яви ми, [1]имиже вѣси[1] судбами, годно ли ти, свѣту, течение[2] мое сие и потребенъ ли ти сей путь мой, и есть ли на спасение ми, бѣдному и грѣшному рабу твоему, вся сия страдания моя бѣдная!» И иная, подобная сим. И ударихся три накона о землю; и много после сего поклонов было. И со слезишками и Богородице, и всѣм святым моляхся, да явит ми Господь, годно ли ему, свѣту, страдание мое бѣдное сие и есть ли на спасение души моей грѣшной.

Сие было 179 году в Великий постъ,* тогда хлѣба не елъ две недели три дни. И уже изнемогъ от поста и от труда поклоннаго и молитвеннаго и возлегъ на земли на рогозинѣ, на нейже поклоны творяхъ. И скоро наиде на мя сонъ мал. И вижу сердечныма очима моима: темничное оконце мое на всѣ страны широко стало и свѣтъ великъ ко мнѣ в темницу сияет. Аз же зрю прилѣжно на той великий свѣтъ. И нача той свѣтъ огустевати, и сотворися ис того свѣта воздушнаго лице, яко человѣческое — очи, и нос, и брада, подобно образу нерукотворенному Спасову. И рече ми той образъ сице: «Твой сей путь, не скорби!» И паки той образъ разлияся въ свѣтъ и невидим бысть. Аз же отворилъ очи мои тѣлесныя и поглядѣлъ на оконце мое темничное. А оконце по-старому, якоже и преже, бысть. Аз же рекох: «Слава тебѣ, Господи! По множеству болѣзней моих в сердцы моем утѣшения твоя возвеселиша душу мою».*

И той образ гласом своимъ отгналъ от мене тму малодушия. От того времени сталъ терпѣти с радостию всякую нужу темничную, благодаря Бога, чая и ожидая будущия, грядущия радости, обѣщанныя Богом терпящим его ради всяку скорбь и болѣзнь в вѣцѣ сем. О всѣх сих слава Христу Богу, свѣту нашему, во вѣки вѣком. Аминь.

Да простите мя, господия моя! Егда темничное то сидѣние в нѣчесом[3] оскорьбит[4] мя, и досадитъ, и опечалит горко, и аз, окаянный, не мога тоя скорби терпѣти, стану о монастырѣ и о пустынѣ прилѣжно тужити, а себя укоряти сице: «Ну, окаянной! На обѣщании[5] в Соловецком монастырѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастырѣ не жилъ, и пустыню оставилъ; терпи же нынѣ, окаянной, всякую бѣду и горесть и досаду темничную!» И иная подобная сим изреку, укаряя себя и темничное сидѣние уничижая. И последи сего ми не проходит,

[1]—[1] какими знаешь; [2] здесь: течение жизни (т. е. такой ход моей жизни); [3] в чем-либо; [4] огорчит; [5] т. е. в месте принесения монашеского обета.

такъ попущениемъ Божиимъ бѣси ми ругаются и досажаютъ тогда. И вы мя, господия и братия моя, во всяком малодушии, в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении, простите и благословите и молитеся о мнѣ, грѣшнем, Христу Богу и Богородице и святым его. Аминь.

Чюдо о глазах моих креста ради Христова. Егда послали к нам никонияня, новыя мучители, с Москвы в Пустоозерье полуголову Ивана Ялагина со стрельцами, он же, приехав к нам и взяв нас ис темницъ, и поставил нас пред собою и наказъ сталъ прочитати. Тамо у них писано [1]величество царево[1] и последи писано у них сице: «Вѣруете ли вы в Символѣ вѣры в Духа Святаго не истиннаго* и тремя персты креститися хощете ли по нынѣшнему изволу[2] цареву? Аще приимете сии двѣ тайны, и царь вас вельми пожалует». И мы отвѣщали ему противу[3] наказу сице: «Мы вѣруем: „и в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго", а тремя перъсты креститися не хотим, нечестиво то». И по три дни нудили нас всяко сии двѣ отступныя вещи приняти, и мы их не послушали. И они нам за то по наказу отрѣзаша языки и руки отсѣкоша: Лазарю священнику — по запястие, Феодору дьякону — поперегъ долони[4], мнѣ, бѣдному, — четыре перста, осмь костей. И по сем отведоша нас, бѣдных, в старыя темницы. Ох, ох! Увы, увы, дней тѣх! И обрубиша около темницъ наших струбы, и осыпаша в темницах землею, и тако погребоша нас живых в землю з горкими и лютыми язвами. И оставиша нам по единому оконцу, куды нужная пища приимати и дровишекъ приняти.

И от того времени, господия моя, стало у мене быти в темнице нужно[5], и чадно, и пыльно, и горко от дыма; и многажды умирал от дыма. И от всѣх сих темничных озлоблениих[6], и от пепелу, и от всякия грязи и нужи темничьныя, помалу-малу начаша у мене глаза худо глядѣти и гною стало много во очех моих; и я гной содиралъ с них руками моими. И уже зѣло изнемогоша очи мои, и не видѣл по книгѣ говорить. И я, грѣшной, о семъ опечалился зѣло, и уныл, и тужил немало времени. И нѣкогда бо ми возлегшу на одрѣ моем, и рекох себѣ: «Ну, окаяннѣ Епифане! Елъ ты много, пил ты много, спалъ ты много, а о правилѣ келейном не радѣлъ, ленился и не плакал пред Богом из воли своея. Се нынѣ плачи и неволею слепоты своея, нынѣ пришло тебѣ время Феофила-старца: он плакал 30 лѣт над корчагою, писано о нем в Патерикѣ Печерскомъ.* Но он[7] Феофил был за готовою трапезою в монастырѣ, а тебѣ, окаянному, и дровъ въ печь положить, слепому, нелзѣ». И инаго подобно сему рекох себѣ из глубины сердечныя со слезишками. А иное ко Господу рекох: «Господе Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго! По благодати спаси мя, а не по долгу, имиже вѣси судьбами. Не имѣю бо пред тобою благосотворенное мною ничтоже, но спаси мя ради Пречистыя Богородицы и святаго ангела-хранителя моего и всѣх

[1—1] царский титул; [2] изволению, воле; [3] здесь: в ответ; [4] ладони; [5] худо, скверно, невыносимо, тяжко; [6] бед, мучений; [7] оный.

святых твоих». А иное кое-што поговорил к Богородице, и ко ангелу, и ко всѣмъ святым со воздыханием и со слезишками, да помолятся о мнѣ, бѣдном и грѣшном, свѣту нашему Христу Исусу. И тако лежа, плача, и уснулъ.

И скоро вижу сердечныма очима моима, кабы[1] сотник к темнице моей пришелъ к оконцу и принес много крестов больших и малых. Отесаны, большая щепа обита с них, оглавлены[2], яко быти тут крестам многим. И кладяше их на оконце мое темничное, и рече ми сотник сице: «Старче! Здѣлай мнѣ крестов Христовых много: надобно мнѣ». И аз рекох ему с печалию: «Уже, господинѣ, нельзѣ мнѣ нынѣ крестов дѣлать: не вижу, а се и рука больна сѣчена. Отошло нынѣ от мене рукодѣлие то». И рече ми сотник: «Дѣлай, Бога ради, дѣлай! Христос тебѣ поможетъ». И невидим бысть. Аз же, грѣшный, убудихся яко от сна и рекох себѣ: «[3]Что се будет видѣние?[3]» А глаза-таки у мене болят по-старому и гноем заплывают, и аз руками гной содираю со очей моих с печалию великою, [4]на силу великую[4] гляжу.

И по сем в третий день прииде к темницѣ моей сотник той же явѣ[5] в день и принесе ми древо кедровое на кресты, и кляпичек[6], и долотечко маленкое — прежних моих снастей крестовых. С приезду до мучения здѣся аз дѣлал кресты болше дву годовъ; и как мы пошли къ смеръртному часу, на мучение, тогда азъ ту снасть отдалъ требующим Христа ради; а он ту снасть паки сыскал и принесъ ко мнѣ. И даде ми снасть и древо и рече ми сотник: «Старецъ! Здѣлай мнѣ крестов Христовых немало-таки: много надобѣ мнѣ вести к Москвѣ и давать боголюбцем». И аз рекъ ему: «Уже, рабе Христовъ, отошло от мене нынѣ сие дѣло: не вижу, а се и рука сѣченая больна, а сие дѣло великое и святое и щепетко[7] его дѣлать». И рече ми паки сотник: «Пожалуй-су, пожалуй-су, Бога ради потружайся, не обленися — [8]будетъ тебя столко[8], Христос тебѣ поможет!»

И аз рек ему: «И ты сходи, Бога ради, ко Аввакуму и принеси мнѣ от него благословение, да и помолился бы о мнѣ, да поможет ми Господь кресты делать». Он же скоро тече ко Аввакуму и принесе ми от него благословение. И рече ми сице: «Аввакум тебя благословляет кресты дѣлать и молится Богу о тебѣ, да поможет ти Господь кресты делать». И аз рек ему: «Благослови же и ты мене Бога ради кресты дѣлать, да и помолися о мнѣ». Он же рече ми: «Богъ благословит тя кресты дѣлать, и помолюся о тебѣ». И иде от темницы моея, по обычаю благочинно с прощением[9] поклоняся.

Аз же, грѣшный, превращая[10] в руках моих древо кедровое и кляпичек и долотечко, глаголя сице: «Господи, Господи Исусе Христе, истинный Боже нашъ, что се будетъ? Рука болна, и очи не видят, а нудят мя и благословляют

[1] будто бы; [2] т. е. обработаны верхние части бревен; [3—3] Что значит это видение?; [4—4] с великим трудом; [5] наяву; [6] нож с коротким широким лезвием, на конце загнутым к обуху; [7] искусно; [8—8] хватит тебя на это; [9] попрощавшись, испросив прощения; [10] вертя.

раби твои. Их ради вѣры великия и прочих рабов твоих, желающих креста твоего святаго на поклонение себѣ, помози ми, Господи, грѣшному рабу твоему, их ради молитвъ». И с началом* помоляся Христу Богу, свѣту, и Богородице, матере его истинной, и святому ангелу-хранителю моему, и всѣмъ святымъ, и началъ крестъ дѣлать. О, чюдо великое Христа Бога, свѣта нашего! О, скораго милосердия Спаса нашего Христа! О, дивняго исцѣления очей моих бѣдных! Креста ради Христова бысть очи мои в том часѣ безболѣзнены и свѣтлы[1] зѣло, а и рука моя стала потребна[2] на службу кресту Христову. Слава Христу Богу, свѣту нашему, о всѣхъ сих во вѣки вѣком! Аминь.

И егда поможет ми Господь крестъ здѣлать малой или большой, поклонной или воротовой[3], и аз его положу или поставлю на обычном мѣсте честно и поклонюся ему, и проговорю ему тропарь «Спаси, Господи, люди своя»* и кондакъ «Вознесыйся на крестъ».* По сем — пѣснь шестую кресту, ирмос «Божественное се и всечестное совершающе празднество богомудрении Божия Матере, приидѣте, руками восплещем, от нея рождьшагося вѣрою славяще»:* «Слава, Господи, кресту твоему честному! Крестъ — всѣмъ воскресение, крестъ — падшим и справление, страстемъ умерщвление и плоти пригвождение; крестъ — душам слава и свѣтъ вѣчьный. Слава, Господи, кресту твоему честному! Крестъ — врагом губитель, крестъ — злочестивым язва и пленение, и вѣрнымъ держава, благочестивым хранитель, и бѣсомъ отгонитель. Слава. Крестъ — страстем пагуба, крестъ — помысломъ злым отгнание, крестъ — сокрушение языческо искусително и духовом показася ловительство. И нынѣ. Крестъ воздвижется, и падаютъ духов воздушныхъ чинове; крестъ снисходитъ, и нечестивии вси ужасаются, яко молънию видяще крестную силу».*

По семъ — молитва кресту: «Да воскреснет Богъ, и разыдутся врази его, и да бѣжат от лица его ненавидящии его, яко ищезаетъ дым, да изщезнут; яко таетъ воскъ от лица огню, тако да погибнутъ бѣси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамениемъ. И да возвеселимся, рекуще: Радуйся, кресте Господень, прогоняяй бѣсы силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Исуса Христа, во адъ сошедшаго и поправшаго силу дияволю, и давшаго нам крестъ свой честный на прогнание всякаго врага и супостата! О, пречестный и животворящий кресте Господень! Помогай намъ со Пресвятою госпожею Богородицею и со всѣми святыми небесными силами, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком. Аминь».* По сем: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение твое славим».* Трижи. И поклоны три великия.

Таже: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ! Спаси, Господи, и помилуй раб своих, идѣже будетъ сей крестъ твой честный носящих, и держащих, и поклоняющихся ему, молящихся тебѣ, свѣту, и домъ той, и мѣсто то, идѣже будет крестъ твой сей святый. Отгони от нихъ всякъ дух нечистъ, лу-

---

[1] ясно видящие; [2] способна; [3] нательный.

кав, сатанинъ, и всѣх бѣсов его, и злых человѣкъ, и всякое дѣйство сатанино, и всѣх бѣсов его, и злых человѣкъ. И избави их, Господи, ото всякаго расколу церковнаго, и от всякия службы еретическия, и от всякия скорби, гнѣва, и нужды, и печали, и от всякия болѣзни душевныя и телесныя; и прости им, Господи, всякое согрѣшение, волное и неволное, и спаси их, свѣтъ нашъ; и молитвами их святыми и мене, грѣшнаго раба твоего, спаси».

Да и Богородице, и ангеломъ-хранителем, и всѣмъ святым о том же помолюся. Поклон. Таже: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Со страхомъ и любовию приступаю ти, Христе». Поклон земной. «Страхом убо — грѣха ради, любовию же — спасения ради».* Поклон земной.

И приступя ко кресту со страхом Божиим, возму его рукою и целую в подножие, глаголя сице: «Осѣни ми, Господи, уста и языкъ благодатию Духа твоего Святаго, силою креста твоего святаго, на славу тебѣ, свѣту, и на спасение бѣдной и грѣшной души моей». Таже — лице и очи: «Да всегда зрю къ тебѣ, свѣту». Таже — уши: «Да слышу и разумѣю по воли твоей святѣй». Таже — главу и ум: «Да всегда угодная тебѣ, свѣту, творятъ». Таже — к сердцу приложу крестъ и реку сице со умилеиием: «Господи! Благодатию Духа твоего Святаго, силою креста твоего святаго зажги и запали сердце мое любовию твоею и всю внутреннюю мою, да всегда горитъ к тебѣ, свѣту; и очисти мя, Господи, от всякия скверны плоти и духа и спаси мя». Таже поцелую его паки и реку: «Такоже и всѣх рабовъ твоих, носящих, и держащих, и любящих тя, свѣта, очисти и спаси ихъ».

Таже положу его на то же мѣсто и реку: «Вѣрую, Господи, яко ты еси Христос, Сынъ Божий, распныйся на честнем крестѣ и воскресъ, и поклоняюся тебѣ, свѣту, и честному кресту твоему и Воскресению, и Пречистой Богородице, и святым ангелом-хранителем нашим, и всѣм святим твоим». И поклон земной великий или 2. Таже: «Слава и нынѣ. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, благослови! Господи Исусе Христе, Сыне Божий, молитвъ ради Пречистыя ти Матере, силою честнаго и животворящаго креста, и святых небесных сил бесплотных, и святых ангелъ-хранителей наших, и святаго пророка и предотеча крестителя Иванна, и святых славных и всехвалных апостолъ, и иже во святых отецъ наших, Николы архиепископа, Мир Ликийских чюдотворца, и Филиппа, митрополита Московскаго, всея Русии чюдотворца, и преподобных и богоносных отецъ наших Зосимы и Саватия и Германа, и Илии-архимарита, и Иринарха-игумена, Соловецких чюдотворцев, и святаго имярѣк, егоже есть день, и всѣх святых твоих помилуй и спаси нас, яко благъ и человѣколюбецъ.* Господи помилуй! (трижи)». Сие кресту совершение.

А егда, чадо мое любимое Афанасие, дѣлаю азъ кресты тѣ прилѣжно и утомлюся, дѣлая их доволно[1], и возлягу опочинути на одрѣ моем и усну, егда первой сон отъидет от мене, аз же лежу на одрѣ моем, уже не спя, тогда ми чюд-

[1] достаточно, много.

ныя гласы бываютъ, повелевают ми востати и дѣлати кресты, сице: отвнѣюду[1] к темничному моему оконцу принича[2] яко юноша нѣкий доброгласный, чюдным, и умиленным, и свѣтлым гласом сотворит ми молитву сице: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ!» Аз же реку «аминь» и востану. И того дни зѣло ми поспѣшно[3] бываетъ в рукодѣлии крестовъ. Да и сему аз, чадо мое Афанасие, много дивлюся: дѣлаю азъ сего рукодѣлия дватцать пять лѣт или, мнит ми ся, близ и тридесяти лѣт, а ни которою снастию ни руки, ни ноги ни посѣкъ, ни порѣзал. Соблюдает мя благодать Святаго Духа и до днесь. А по смѣте, мнит ми ся, больше пяти или шести сот здѣлано крестовъ. А егда дѣлаю ведерка, или ящики, или ино что, тогда много рукъ и ногъ сѣкъ и рѣзал, и крови тачивал[4] много.

А егда не послушаю гласа того, будящаго мя, и паки усну, тогда много ми бѣси творятъ во снѣ пакости, иногда и осквернятъ мя, окаяннаго, искушением. Аз же востану тогда с печалию и очищуся от искушения, по преданию старческому, и того дни крестовъ не дѣлаю, укаряя себя сице: «Не достоин ты, окаянный, сего святаго рукодѣлия — дѣлати крестовъ».

А от рукодѣлия крестов только имывалъ азъ денег четыре денги, развѣ[5] хлѣба и рыбы и инаго [6]нужных тѣлесных[6], а то все отдавалъ Христа ради. И аще кто принесет ми за труды от крестов хлѣба или ино что ядомое и нужное тѣлу моему, и аз прииму у него во имя Христово и положу ту милостыню предо образом Христовым и Пречистыя Богородицы, и прошу милости у Христа Бога и Богородицы приносящему рабу Христову, и чадом его, и всему дому его, да умножит ему Христосъ Богъ вмѣсто сих сторицею и благословитъ его во вся дни живота его и весь дом его, и да сподобит их Господь и въ будущем вѣцѣ благословения во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Ну, чадо мое Афонасие и брате мой любимый, за любовь Христову сказано тебѣ житие мое бѣдное и грѣшное. Да сказана тебѣ и тайна моя о рукодѣлии крестовомъ. И аще хощеши, и ты твори тако же. Да и всѣмъ то же говорю рабомъ Господнимъ, любящим Христа Исуса, тому слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Да молю васъ о Христѣ Исусѣ, не позазрите, Господа ради, простотѣ моей, чада моя и братия моя, и отцы, и вси раби Христовы, чтущии и слышащии сия вся, но простите мя, грѣшнаго, в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении, и благословите, и молитеся за мя, а васъ Богъ проститъ в сем вѣцѣ и в будущемъ. Аминь.

[1] снаружи; [2] приникнув; [3] успешно, с помощью, благополучно; [4] источал; [5] кроме; [6—6] необходимого для тела.

ЖИТИЕ БОЯРЫНИ МОРОЗОВОЙ

Месяца ноемврия во 2 день. Сказание отчасти[1] о доблести и мужествѣ и изящномъ[2] свидѣтельствѣ и терпѣливодушномъ страдании новоявленныя преподобновеликомученицы болярыни Феодосии Прокопиевны, нареченныя во инокинях Феодоры, по тезоименству земныя славы Морозовы, и единородныя сестры ея и сострадалницы ея благовѣрныя княгини Евдокии, и третия соузницы ихъ Марии. Имать[3] же сия повѣсть повѣдание[4] въкратцѣ.

Сия убо блаженная и приснопамятная родися от родителю благородну и благочестиву, отца Прокопия, сигклитика[5] царствующаго града Москвы, пореклом[6] словяше[7] Соковнинъ, мати же ея бяше Анисия,* и бяху [8]человѣка благовѣрна[8] и боящася Бога. Егда же сия достиже возраста и бяше седминадесяти лѣт, тогда родителя ея сочтаста ю[9] законному браку за болярина Глѣба Ивановича Морозова;* и бывши мати, роди бо сына по явлению великаго Сергия чюдотворца, и нареченъ бысть Иванъ.*

Братъ же Глѣбов Борисъ Ивановичь Морозовъ велми[10] любляше сноху свою духовною любовию, сию Феодосию. Егда убо прихождаше[11] к нему в домъ, тогда онъ самъ срѣташе[12] ю любезнѣ и глаголаше: «Приида, другъ мой духовной, поиди, радость моя душевная!» И сѣдящи [13]на многъ часъ[13], [14]бесѣдоваху духовныя словеса[14]. И провождающи ю, глаголаше: «Днесь[15] насладихся паче меда и сота словес твоих душеполезныхъ».

И мала лѣта пожив, оста[16] вдовою, имущи с собою сиротою сына своего Иванна. Научена же бысть добродѣтелному житию и правымъ догматом свя-

[1] неполное; [2] изрядном, самом лучшем; [3] Имеет, содержит; [4] сообщение, рассказ, изложение; [5] знатного человека; [6] по прозванию; [7] слыл, звался; [8—8] оба людьми благоверными; [9] ее; [10] очень, сильно; [11] приходила; [12] встречал; [13—13] долгое время; [14] вели духовную беседу; [15] Сегодня, нынче, сейчас; [16] осталась.

щенномучеником Аввакумом протопопом.* Егда же токмо увѣдѣ[1], о православии возревнова зѣло и развращеннаго[2] всего отвратися.

И бысть к ней присылка по повелѣнию цареву: Иоаким, архимарит Чюдовской, и Петр ключарь.* Она же крѣпко свидѣтельствова и зѣло их посрами. И ея ради обличения — крест на просвирах во всей Росии потребили[3], — а у ней полъотчин отняли.* Она же, аще[4] и многи скорби приимаше, обаче благочестия ни единем же образом отступити не хотяше, но и умрети о правдѣ изволяше. Упрошением царицы Марии,* понеже зѣло милостива к ней была и любила ея за добродѣтель, по сем искушении малу ослабу получи.*

И по том многи милостыни сотвори, много имѣния расточи неимущим, многих с правежу[5] скупи[6], и монастырем доволная[7] подаваше, и церквам потребная[8] приношаше, пустынников многих [9]потребныими удовлеваше[9], прокаженных в дому своем упокоеваше.

Послѣди же от страдалца отца Трифилия* увѣдѣ о нѣкоей инокинѣ благоговѣйной, именем Мелании,* и призвавши ю и слышав словеса ея, возлюби зѣло и изволи ю в матерь себѣ избрати. И смирившися Христа ради, отдадеся ей под начал и до конца отсѣче свою волю. И сице пребысть до конца опасная[10] послушница, яко и до дне смерти своея ни в чем повелѣния ея не ослушалася. И от тоя Мелании наставляема, уже [11]в конец[11] постиже разумѣти и сотворити всякое богоугодное дѣло. По темницам с нею ходящи пѣшима ногама и милостыню носящи, и по чюдотворным мѣстом обтичющи[12] обѣ купно зѣло рано, яко Мария Магдылыни и Мария Ияковля ко гробу Господню, тако и сию[13] голубицы в собор,* и в Чюдов,* и к ризѣ Господни,* на ся, яко достойни, возлагающе ризу Господню и цѣлующе устнама с теплыми слезами, чюдотворцав же мощи лобызающе вѣрными душами.

По том же Феодосия тщашеся всяку волю Божию дѣлом совершить и нудяше[14] плоть свою на постническия подвиги, питаше бо ся постом и цвѣтяше молитвами, [15]смертною памятию[15] содрогашеся и радостотворным плачем исполняшеся; жегома и разжигаема огнем Божия любве, распалающися, не згараше, но Дух Святый ю орошаше. И не вѣм аз, о которой добродѣтели не прилѣжаше, наипаче же всего, яко крѣпкое основание, полагаше православную вѣру, [16]вѣдущи извѣстно[16], яко без вѣры невозможно угодити Богу. И дерзновенно реку: достойно и праведно сей блажѣнней со Фезвитянином пророком глаголати и со оруженосным огнеколесничником Илиею славным громогласно вопити: «Ревнуя поревновах по Господѣ Бозѣ Вседержители!* Яко кафолическую[17] вѣру оставиша, а римлянолатиньския догматы возлюбиша, и рабы Божия изби-

[1] узнала; [2] извращенного; [3] истребили, уничтожили; [4] хоть; [5] телесное наказание при взыскавании долга по приговору суда; [6] выкупила; [7] достаточное, многое; [8] необходимое, нужное; [9—9] необходимым обеспечивала; [10] прилежная; [11—11] окончательно; [12] обходя; [13] обе сии; [14] принуждала; [15—15] памятью о смерти; [16—16] зная достоверно; [17] православную, вселенскую.

ша, и тщатся до конца церковь Божию раскопати». И елицы[1] убо аще и от сродникъ ей бяху, держаху же ся никонияньства, без сомнѣния ихъ обличаше.

Михайло Алексѣевичь Ртищев со дщерию своею Анною,* аки возлюблении сосуди никоновы, многажды и у нея в дому сѣдяще, начинаху Никона хвалити и предание[2] его блажити, искушающе ю и надѣющеся, [3]еда како[3] возмогутъ ю поколебати и на свой разум привести, и глаголюще: «Великъ и премудръ учитель Никонъ патриархъ, и вѣра, преданная от него, зѣло стройна, и добро и красно по новым книгам служити». Помолчавъ, отверзает уста Прокопиевна: «Поистиннѣ, дядюшко, [4]прелщени есте[4] и такова врага Божия и отступника похваляете и книги его, насеянныя римских и иных всяких ересей, ублажаете. Православным намъ подобает книгъ его отвращатися и всѣх его нововводных преданий богомерзъских гнушатися и его самого, врага Церкви Христовы, проклинати всячески». Старѣйший же сѣдиновецъ[5] еще понуждается[6], рекущи: «О, чадо Феодосие! Что сие твориши! Почто отлучилася от нас? Не видиши ли виноград сей? — о дѣтех сѣдящих се глаголетъ, — толко было нам, зря на них, яко на лѣторасли[7] масличныя, веселитися и ликовати, купно с тобою ядуще и пиюще, общею любовию, но едино между нами разсѣчение стало! Молю тя: остави распрю, прекрестися трема персты и прочее[8] ни в чемъ не прекослови великому государю и всѣмъ архиереом! Вѣмъ азъ, яко погуби тя и прельсти злѣйший онъ врагъ протопопъ, егоже и имени гнушаюся воспомянути за многую ненависть, егоже ты сама вѣси[9], за егоже учение умрети хощеши, реку же обаче — Аввакума, проклятаго нашими архиереи».

Добляя же, яко видя старика безумствующа, осклабляшеся[10] лицем и тихим гласом рече: «Не тако, дядюшко, не тако; нѣсть право твое отвѣщание, сладкое горким нарицаеши, а горкое сладким называеши. А отецъ Аввакумъ — истинный ученикъ Христовъ, понеже страждет за законъ Владыки своего, и сего ради хотящим Богу угодити довлѣетъ[11] его учения послушати». [12]И ина множайшая сихъ[12] изрече и всегда с ними брань неукротиму имяше, и помощию Христовою посрамляше ихъ.

Единою[13] же Анна сия Михайловна нача ей вѣщати: «О, сестрица голубушка! Съѣли тебе старицы белевки, проглотили твою душю аки птенца, отлучили тебе от насъ! Не точию[14] насъ ты презрѣла, но и о единороднѣмъ сынѣ своемъ не радиши[15]. Едино у тебе и есть чадо, и ты и на того не глядишь. Да еще каковое чадо-то! Кто не удивится красотѣ его! Подобаше тебѣ, [16]ему спящу[16], а тебѣ бдѣти над нимъ и поставить свѣщи от чистѣйшаго воска, и не вѣм каковую лампаду жещи над красотою зрака[17] его и зрѣти тѣбе доброты[18] лица его и весе-

[1] каковые, которые; [2] учение; [3—3] что если; [4—4] прельщены вы; [5] седовласый, почтенный человек; [6] понуждает себя, старается настаивать; [7] ветви, побеги; [8] впредь; [9] ведаешь, знаешь; [10] усмехалась, улыбалась; [11] следует; [12—12] И много иного, больше сего (сказанного); [13] Однажды; [14] Не только; [15] не радеешь; [16—16] в то время, когда он спит; [17] облика; [18] красоты.

литися, яко таковое чадо драгое даровал тебѣ Богъ. Многажды бо и сам государь и съ царицею велми дивляхуся красотѣ его, а ты его ни во что полагаеши, великому государю не повинуешися. И убо [1]еда како[1] за твое прекословие приидетъ на тя и на домъ твой огнепалная ярость царева, и повелитъ дом твой разграбити — тогда сама многи скорби подъимеши и сына своего нища сотвориши своим немилосердиемъ». Феодосия же отверзе священная своя уста и рече: «Неправду глаголеши ты! Нѣсмь бо азъ прелъщена, якоже ты глаголеши, от бѣлевскихъ старицъ, но по благодати Спасителя моего чту Бога Отца цѣлым умомъ. А Ивана люблю азъ и молю о немъ Бога безпрестани и радѣю о полезныхъ ему душевныхъ и тѣлесных; а еже вы мыслите, еже бы мнѣ Ивановы ради любве душю свою повредити или, сына своего жалѣючи, благочестия отступити, — и сия рекши, знаменася крестным знамениемъ и глагола, — сохрани мене, Сынъ Божий, от сего неподобнаго[2] милования! Не хощу, не хощу, щадя сына своего, себе погубити; аще и единороденъ ми есть, но Христа азъ люблю болѣе сына! Вѣдомо вам буди: аще умышляете сыном мнѣ препяти[3] от Христова пути, то никогда сего не получите; но сице вам дерзновенно реку: аще хощете — изведите сына моего Иванна на Пожаръ* и предадите его на растерзание псом, страша мене, яко да отступлю от вѣры, то азъ, — не хощу сего сотворити, — аще и узрю красоту его псы растерзоваему, благочестия же ни помыслю отступити, [4]вѣдый *буди* извѣстно[4], яко аще азъ до конца во Христовѣ вѣре пребуду и смерти сего ради сподоблюся вкусить, то никтоже его от руку моею исхитити не можетъ». Сия слышавши Анна, яко от грома ужасошися от страшныхъ ея словесъ и преизлиха[5] дивляшеся крѣпкому ея мужеству и непреложному[6] разуму.

Моляше же ся Феодосия многажды Богу, яко да дасть и сестрѣ ея княгини Евдокии* таковую же любовъ ко Христу и попечение имѣти о души. Словесы же наказоваше ю с любовию намнозѣ[7] и увеща ю, еже предатися в повиновение матери Мелании. Она же зѣло радостнѣ и с великим усердиемъ умоли матерь, еже бы попеклася о спасении души ея. Мати же надолзѣ отрицашеся; но обаче[8] княгиня многими слезами возможе[9], и бысть послушница изрядна; и не точию[10] во едином послушании, но и во всѣхъ добродѣтельныхъ нравѣхъ ревноваше старѣйшей сестрѣ своей Феодосии и тщашеся во всемъ уподобитися ей, постом, и молитвами, и къ юзникомъ посѣщениемъ; и тако уподобися ей, яко бы рещи: во двою тѣлесехъ едина душа.

Феодосия же начатъ мыслию на болшая простиратися, желая зѣло [11]ангельскаго образа[11]. И припад к матери, лобызаше руцѣ ея, и поклоняяся [12]на землю[12], моляше, яко да облечет ю во иночески чинъ. Мати же паки отлагаше многихъ ради вещей. Первое — мыслящи, яко вещи сей невозможно есть в дому

[1—1] что если; [2] непристойного, неподобающего; [3] сотворить препятствие; [4—4] знай доподлинно; [5] чрезвычайно, выше меры; [6] неколебимому; [7] многократно; [8] однако; [9] преодолела, победила; [10] не только; [11—11] т. е. иночества; [12—12] в землю.

утаитися, и аще уведено се будет у царя, многим людем многия будут скорби, распросовъ ради, увѣдѣний, кто постригъ. А другое дѣло: и еже из дому скрытися — другая бѣда. Третие: аще и утаится, приспѣ время сына браком сочетати,* и убо ту потреба быти многой молвѣ[1] и попечению и о свадебных чинѣхъ[2] уряжение[3], а иноком таковая творити [4]не в лѣпоту[4]. Четвертое: потреба еже до конца ошаятися[5] и малаго оного лицѣмѣрия и приличия ради уже не ходити къ храму, но стати до конца мужески[6].

Она же зѣло распалающися любовию Божиею и зѣлно желаше несытою[7] любовию иноческаго образа и жития. Мати же и в семъ паки видя вѣру ея велию и усердие многое и непреложный разум, изволи быти сему: молит отца Досифея,* яко да сподобит ю ангельскаго одѣяния. Онъ же постриже ю,* и наречена бысть Феодора, и даде от Евангелия матери Мелании.

Тогда блаженная Феодора, яко сподобися таковаго дара Божия великаго и яко желанный ей ангельский иноческий чинъ зря на себѣ, начатъ вдаватися болшим подвигом, посту, и молитвѣ, и молчанию, а от домовых дѣл от всѣхъ нача уклонятися, сказующи себе болящу, и всякия судныя дѣла приказала вѣдати вѣрным людем своим.

Егда же приспѣ бракъ царевъ, егда поятъ[8] царицу Наталию,* тогда Феодора не восхотѣ на брак царевъ приити с прочими боляронями. И [9]тяжко си вмѣни[9] царь Алексѣй, понеже ей достояше[10] в перьвых стояти и титлу[11] царскую говорити. И послѣди[12] прилѣжнѣе зва ю, и до конца отречеся, рекущи, яко «ноги ми зѣло прискорбни[13], и не могу ни ходити, ни стояти». Царь же рече: «Вѣмъ, яко загордилася». Преподобная же сего ради не восхотѣ приити, понеже тамо в титлѣ царя благовѣрным нарицати и руку его цѣловати, и от благословения архиереовъ ихъ невозможно избыти. И изволи страдати, нежели с ними сообщатися, вѣдущи бо, яко се дѣло просто царь не покинет. Якоже и бысть: все бо то лѣто зело на ню гнѣвалъся, и начатъ вины искати, како бы ю [14]аки не туне[14] изгнати.

И уже близ есени присла к ней болярина Троекурова* и, [15]с месяцъ понаровя[15], князь-Петра Урусова,* с выговором, еже бы покорилася, приняла всѣ новоизданныя ихъ законы, аще ли не послушает, то быти бѣдам великим. Она же дерзаше о имени Господни и боляром тѣм отказоваше: «Азъ царю зла не вѣм себе сотворшу и дивлюся, почто царский гнѣвъ на мое убожество? Аще ли же хощет мя отставити от правыя вѣры, и в том бы государь на мене не кручинился, но извѣстно ему буди: по се число Сынъ Божий покрывалъ своею десницею, ни в мысли моей не прияхъ когда, еже отставя отеческую вѣру и приняти никоновы

---

[1] суете; [2] порядках, обычаях; [3] устроение, попечение, хлопоты; [4—4] нехорошо, непристало; [5] чуждаться, отвращаться; [6] мужественно; [7] ненасытною; [8] взял (за себя); [9—9] тяжко отреагировал на это; [10] полагалось; [11] титул; [12] позже, впоследствии; [13] больны; [14—14] будто бы за дело; [15—15] примерно месяц спустя.

уставы. Но се ми возлюблено, яко в вѣре християнской, в нейже родихся и по апостольским преданиемъ крестихся, в том хощу и умрети. И [1]прочее довлѣет[1] ему, государю, не стужати[2] мнѣ, убозѣй ми рабѣ, понеже мнѣ сея нашея православныя вѣры, седмию вселенскими соборы утверженныя, никако никогда отрещися невозможно, якоже и прежде множицею сказах ему о семъ».

Посланнии же приишедше и повѣдаху царю мужественыя словеса ея. Онъ же [3]паче множае[3] гнѣвом распаляшеся, мысля ю сокрушити, и глаголя предстоящим: «Тяжко ей братися[4] со мною — [5]единъ кто от нас[5] одолѣет всяко[6]!»

И нача с боляры своими совѣт творити о ней, что ей хощет сотворити. И бысть в Верху не едино сидѣние об ней, думающе, како ю сокрушатъ. И боляре убо вси, видяще неправедную ярость и на неповинную кровь составъ[7] злый, не прилагахуся к совѣту, но точию[8] возразити злаго[9] не могуще, страха же ради молчаху. Наипаче[10] же царю на сие поспѣшествоваху[11] архиереи, и старцы жидовския, и иеромонахи римския. Тии бо зѣло блаженную ненавидяху и желающе ю всячески, яко сыроядцы, живу пожрети, понеже сия ревнителница, вездѣ будущи, и в дому своемъ при гостѣхъ, и сама гдѣ на бесѣдѣ, несумѣннѣ[12] потязаше[13] ихъ прелесть и при множествѣ слышащихъ поношаше ихъ блядство заблужденное, а имъ во уши вся сия прихождаше. И сея ради вины[14] ненавидяху ея.

И сице у нихъ думѣ идущи, у Феодоры в то время в дому живяху пятерица инокинь изгнаныхъ, и прошахуся у нея, да отпустит их, чтобы и ихъ тутъ не захватили. А она не можаше насытитися ихъ любве, зѣло бо радовашеся, зря в нощи на правилѣ себе с ними Христу предостоящу и на трапезѣ их с собою ядущихъ. И сего ради держа их послѣ перваго выговору седмиц [15]яко пять[15], и скорбящимъ им, глаголаше: «Ни, голубицы мои, не бойтеся! Нынѣ еще не будетъ ко мнѣ присылки». Княгиня же Евдокия во вся сия дни с нею и с ними такожде неразлучна бяше и любезную сестру свою в скорбѣхъ ея утѣшаше, и точию на мало время в домъ ко князю отъѣзжала, болѣе же ту[16] пребываше.

Егда же приспѣ ноября 14 число, рече Феодора старицамъ: «Матушки мои, время мое прииде ко мнѣ! Идите вси вы каяждо[17], аможе[18] Господь васъ сохранитъ, а менѣ благословите на Божие дѣло и помолитеся о мнѣ, яко да укрѣпитъ мя Господь вашихъ ради молитвъ, еже страдати без сомнѣния о имени Господни». И тако, любезнѣ цѣловавъ, отпусти ихъ с миромъ.

В мясопустъ* же отиде и княгиня в домъ свой. И сѣдящи с княземъ на трапезѣ и вечеряющи, начать ей князь повѣдовати, что у нихъ в Верху творится, и рече: «Скорби великия грядут на сестру твою, понеже царь неукротимымъ гнѣвомъ содержимъ и изволяетъ на томъ, что вскорѣ ея из дому изгнати». И сия

[1—1] впредь следует; [2] докучать; [3—3] еще больше; [4] бороться; [5—5] кто-то из нас один; [6] по-всякому, в любом случае; [7] умысел; [8] только; [9] злу; [10] Наиболее; [11] помогали; [12] без обиняков; [13] обличала; [14] причины; [15—15] около пяти; [16] тут, здесь; [17] каждая; [18] туда, где.

изрекъ князь, начатъ другая глаголати: «Княгиня, послушай, еже азъ начну глаголати тебѣ, ты же внемли словесемъ моим! Христос во Евангелии глаголетъ: „Предадятъ вы на сонмы, и на соборищихъ ихъ биютъ васъ, пред владыки же и царя ведени будете мене ради во свидѣтельство имъ.* Глаголю же вам, другомъ своимъ: не убойтеся от убивающихъ тѣло и по том не могущихъ лишше что сотворити".* Слышиши ли княгини, се Христос самъ глаголетъ, ты же внемли и напамятуй». Княгиня о сихъ зело радовашеся.

Во утрие грядущу князю ко царю в Верхъ, моли его княгини, яко да отпуститъ ю к Феодорѣ. Онъ же рекъ: «Иди *и простися с нею, точию* не косни[1] тамо, мню бо азъ, яко днесь присылка к ней будетъ».

Она же пришедши и укоснѣ в дому ея до нощи, и ждущим имъ гостей.

И се во вторый час нощи отворишася врата болшия. Феодора же, вмалѣ ужасшися, разумѣ, яко мучители идут, и яко преклонися на лавку. Благовѣрная же княгиня, озаряема Духом Святым, подкрѣпи ю и рече: «Матушка-сестрица, дерзай! С нами Христос — не бойся! Востани, положим начало». И егда совершиша седмь поклоновъ приходных, едина у единой благословишася свидѣтельствовати истину. Феодора возляже на пуховикъ свой, близ иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския, княгиня же отиде в чюланъ, иже устроенъ в той же постелной, егоже содѣла Феодора наставницѣ своей Мелании, и тамо княгини подобнѣ возляже.

И се Иоаким, архимарит Чюдова монастыря, грядяше с великою гордостию и вниде в постелную дерзьско, и видѣвъ ю возлежащу, повѣда ей послана себе быти от царя и понуди ю, яко да востанет, да или стоящи или поне[2] сѣдящи отвѣт творитъ противу царских словесъ, повелѣнных ему глаголати пред нею. Она же не повинуся[3] сего сотворити.

Тогда архимарит истяза[4] ю: «Како, — рече, — крестишися и како еще молитву твориши?» Она же, сложа персты по древнему преданию святых отецъ и отверзши преосвященная уста своя, и воспѣ: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Сице[5] азъ крещуся, сице же и молюся».

Архимаритъ же паки второе истязание принесе: «Старица Меланья, — а ты ей в дому своемъ имя нарекла еси Александра, — гдѣ она нынѣ, повѣждь вскорѣ, потребу бо имамы о ней».

Блаженная же Феодора отвѣща: «По милости Божии и молитвами родителей наших, по силѣ нашей, убогий нашъ домъ отверсты врата имяше к восприятию странных рабовъ Христовых. Егда бѣ время, бысть и Сидоры, и Карпы, и Меланьи, и Александры; нынѣ же нѣсть от нихъ никогоже».

Думный же Илларионъ Ивановъ* ступи в чюланъ, и не бѣ в чюланѣ свѣта, и видѣ человѣка, возлежаще на одрѣ, и вопроси: «Кто ты еси?» Княгиня

---

[1] не медли, не задерживайся; [2] хотя бы; [3] повиновалась; [4] допросил; [5] Так, таким образом.

же отвѣща: «Азъ князь-Петрова жена есмь Урусова». Онъ же яко устрашивъся и яко огнемъ опаляемъ, въспять въскочи. Видя же архимаритъ думнаго, сие сотворша, и рече: «Кто тамо есть?» Онъ же рече: «Княгиня Евдокия Прокопиевна князь-Петра Урусова». Архимарит рече: «Вопроси ю, како крестится». Онъ же, не хотя сего сотворити, глаголя: «[1]Нѣсмы послани[1], но токмо к боляронѣ Феодосии Прокопиевнѣ». Иоаким же паки: «Слушай мене, азъ ти повелѣваю: истяжи ю».

Тогда думный, приступль[2], вопроси ю и исповѣда[3]. И не отвержеся, но возлежащи на одрѣ и лѣвыя руки лактем подкрѣпляющися, и десницею сложа персты — великий палецъ со двѣма малыми, указателный же с великосредним протягши[4] — и показуя думному, глаголаше усты[5], Господа Исуса Сыном Божиим величающи: «Сице, — рече, — азъ вѣрую!» Думный же, изшедъ, повѣда архимариту. Онъ же, от великия ярости не могий надолзѣ терпѣти, видя свое зловѣрие благовѣрными женами попираемо, рече думному: «Пребуди ты здѣ, дондеже азъ, шедъ тамо, повѣм сие цареви».

И с словом скоро потече, и прииде ко царю. Царю же сѣдящу посредѣ больръ въ Грановитой полатѣ, и приближився близ и пошепта ему во ухо, якоже не точию боляроня ста[6] мужески, но и сестра ея княгиня Евдокия, обрѣтшаяся у нея в дому, ревнующи сестрѣ своей, «крѣпцѣ твоему повелѣнию сопротивляется». Царь же рече: «Никакоже[7], азъ бо слышах, яко княгиня тая смиренъ обычай[8] имать и не гнушается нашея службы, люта бо оная сумозбродная та». Тогда архимарит человѣконенавистнѣ важдаше[9] на ню, рекущи: «Не точию конечно[10] уподобися во всем сестре своей старѣйшей, но и злѣйши ея ругается нам». Тогда царь рече: «Аще ли тако есть, то возми и тую». Князь же Петръ ту стоя и слышав сия словеса, оскорбися[11], а помощи дѣлу не возможе.

И пришед паки архимарит в дом мученицы, и елицы предстояху пред нею, тѣх нача истязати, рабынь ея, и [12]аще кии обрящутся[12] от них ревнующе в вѣре госпожи своей. Дияконъ же черной Иосафъ стояше внѣ у дверей и рече ко архимариту: «Вопроси Ксенью Иванову, истяжи Анну Соболеву». И сотвори тако. Они же обѣ укрѣпишася и исповѣдаша, показующе сложение перстъ, и молитву творяще, о Сынѣ Божии надѣющеся. И поставиша ихъ [13]особь на страну[13]. Прочии же убоящася вси, и поклонишася. И тѣх поставиша о шуюю[14] страну.

И по том рече архимаритъ боляронѣ: «Понеже не умѣла еси жити в покорении, но в прекословии своем утвердилася еси, сего ради царское повелѣние постиже на тя, еже отгнати тя от дому твоего. Полно тебѣ жити на высотѣ, сниди долу[15]; воставъ, иди отсюду!» Блаженная же ни сего хотяше сотворити. Тогда

[1—1] Не посланы мы (на это); [2] приступив; [3] здесь: расспросил, разузнал; [4] простерши; [5] устами; [6] встала; [7] никак (не может быть); [8] нрав; [9] стал наговаривать, науськивать; [10] до конца, полностью; [11] огорчился, был охвачен скорбью; [12—12] не найдется ли кто; [13—13] отдельно в сторону; [14] по левую; [15] вниз.

онъ повелѣ людемъ взяти ю и нести. И принесоша крѣсла, и посадивше ю, повелѣниемъ Иоакимовымъ, и несоша на низъ. Сынъ же преподобныя Иванъ Глѣбовичъ проводи ю до средняго крыльца и поклонився ей созади, она и не видящи его, и паки и возвратися вспять.

Феодору же и Евдокию, возложше на нихъ на нозѣ желѣза конския, и посадиша ихъ в людские хоромы в подклѣтѣ[1], и заповѣдаша людем блюсти ихъ стражею, и отидоша.

И по двою дний прииде паки думный Иларионъ, и снем[2] с ногу желѣза, и повелѣ имъ ити, идѣже поведутъ. Блаженная же Феодора не восхотѣ ити, и повелѣ слугам ея нести ю. И принесше сукна и посадивше ю, несоша повелѣнием думнаго до Чюдова монастыря, с нею же ведена и княгини Евдокия.

И принесоша Феодору, и вшедши во едину от полатъ вселенскихъ, и по обычаю образу Божию поклонившися, властем же мало и худо поклонение сотвори. Бяху[3] же ту Павелъ, митрополитъ Крутицской,* и паки Иоакимъ, архимарит Чюдовской, и думной, и инии. Блаженная же Феодора не восхотѣ стоящи глаголати с ними, но сѣдящи отвѣтъ имъ творяше. И много нуждаху[4] ю, яко да постоитъ, и не восхотѣ.

Тогда Павелъ митрополитъ начат ей глаголати тихо, воспоминая честь ея и породу: «И сие тебѣ, — рече, — сотвориша старцы и старицы, прелестившии тя, с нимиже любовнѣ водилася еси и слушала учения ихъ, и доведоша тя до сего безчестия, еже приведене быти честности твоей на судище». Потомъ же многими словесы кротяще[5] ю, увѣщаваху, яко да покорится цареви. И красоту сына ея воспоминаху, яко да помилуетъ его, и да не сотворитъ дома его разорена быти своимъ прекословиемъ.

Она же противу всѣхъ ихъ словесъ даяше им премудрыя отвѣты. «Нѣсмь, — рече, — прельщена, якоже глаголете, от старцов и старицъ, но от истинныхъ рабов Божиихъ истинному пути Христову и благочестию навыкохъ[6], а о сынѣ моемъ престаните ми многая глаголати, обѣщах бо ся Христу моему, свѣту, и не хощу обѣщания солгати и до послѣдняго моего издыхания, понеже Христу азъ живу, а не сыну».

Они же видѣша мужество ея непреклонное, и не могуще ея препрѣти[7], и восхотѣша ю поне[8] си устрашити. И рекоша ей такову главизну[9]: «Понеже крѣпко сопротивляешися словесем нашим, прочее[10] в краткости вопрошаем тя: по тѣм Служебником, по коим государь царь причащается, и благовѣрная царица, и царевичи, и царевны, ты причастиши ли ся?» Она же мужеским сердцем рече: «Не причащуся!» «Вѣм азъ, — рече, — яко царь по развращенным никонова издания Служебником причащается, сего ради азъ не хощу!» Митрополит

[1] в нижнем этаже; [2] сняв; [3] Были; [4] понуждали; [5] смиряя; [6] научилась; [7] переспорить, убедить; [8] хотя бы, по крайней мере; [9] тезис, высказывание; [10] наконец.

еще: «И како убо ты о нас всѣх мыслиши, еда[1] вси еретицы есмы?» Она же паки отвѣща: «Понеже онъ врагъ Божий Никон своими ересми, аки блевотиною, наблевалъ, а вы нынѣ то сквернение его полизаете, и посему явѣ, яко подобни есте ему».

Тогда Павелъ Крутицкой возопи велми, глаголя: «О, что [2]имамы сотворити[2]! Се всѣхъ насъ еретиками нарицаетъ!» Иоаким же и той вопияше: «Почто, о, архиерею Павле, нарицаеше ю материю да еще и праведною? Нѣсть се, нѣсть! Не бо Прокопиева дщи прочее[3], но достоитъ ю нарицати бѣсову дщерь!»

Блаженная же отказоваше Иоакиму: «Азъ бѣса проклинаю, по благодати Господа моего Исуса Христа, аще и недостойна, обаче дщерь его есмь». И бысть ей прѣния с ними от 2-го часа нощи до десятаго.

Потомъ приведоша благочестивую княгиню и вопросиша. И та подобнѣ во всѣмъ мужество показа.

И паки Феодору повелѣша людем, и несоша ю на сукнѣ в домъ ея, и посадиша в той же подклѣтъ, идѣже два дни сѣдяху, с нею же паки и княгиню. И желѣза имъ возложиша на нозѣ. Тогда блаженная Феодора рече ко княгини: «Аще насъ разлучатъ и заточат, молю тя, поминай в молитвах своих убогую мя Феодору». Святая же Евдокия удивися, яко присно вкупѣ бѣ, а не увѣдѣ сего.

Во утрии же день, по истязании ихъ еже со властьми, прииде думный, и принесени быша чепи со стулами,* и снемше с ногъ желѣза, и начаша чепи на выя ихъ возлагать. Блаженная же Феодора, прекрестивши лице свое знамениемъ креста и поцѣловавъ огорлие чепи, рече: «Слава тебѣ, Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы юзы возложити на ся».

И повелѣ думный людемъ, и всадиша ю на дровни, и повелѣно бысть конюху вести. Она же сѣдши и стулъ близъ себе положи. И везена бысть мимо Чюдова под царския переходы, руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изъобразивши сложение перстъ, высоцѣ вознося, крестом ся часто ограждаше, чепию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходех царь смотряетъ побѣды ея, сего ради являше себе не точию стыдѣтися, ругания[4] ради ихъ, но и зѣло услаждатися любовию Христовою и радоватися о юзахъ.

Евдокию же княгиню подобнѣ обложивъ юзы желѣзными, и отведена бысть во Алексѣевской монастырь,* и тамо повелѣно держати ея под крѣпким началом[5] и водити в церковь. Святая же таково мужество показа, яко всему царствующему[6] граду дивитися храбрости ея, како доблественѣ сопротивляшеся воли мучителстѣ: не точию бо своима ногама никогда не восхотѣ, аще и велми нудима бѣ, к пѣнию[7] ихъ приити, но аще и на носилѣ влачаху ея рогознѣм,

[1] неужели, разве; [2—2] нам делать; [3] впредь; [4] поругания; [5] надзором; [6] стольному, столичному; [7] здесь: к службе.

тако бо повелѣно бысть, то она не соизволяетъ еже и на носило возлещи сама, но, и здрава сущи, к тому часу сотворитъ себе яко разслаблену и не могущи ни рукою, ни ногою двигнути. Старицам же, пришедшим и воздвизающим ю, бѣ иногда стужати[1] и даже до сего безстудствующи, еже святое оно и ангелолѣпное лице ея дерзостнѣ заушити[2], рекущи: «Горе нам! Что можем с тобою сотворити! Сами бо видѣхом, яко в час сий зъдрава бѣ и бесѣдова со своими весело, егда же мы приидохом, на молитву зовуще, тогда внезапу, яко омертвѣ, нам велики труды творящи, се бо превращаем[3], яко мертву и недвижиму». Непорочная же агница отвѣщавает имъ: «О, старицы бѣднии! Почто труждаетеся всуе? Еда азъ васъ понуждаю труд сей творити? Но сами вы, безумствующе, всуе шатаетеся. Азъ бо и васъ зря, погибающих, плачюся, како же азъ сама помыслю когда ити в собор вашъ! Тамо у вас поютъ, не хваляще Бога, но хуляще его, Спасителя, и законы его попирающе». И тако возлагаху святую на носило, яко мертвое тѣло, и влачаху к пѣнию.

Егда же блаженная узряше кого когда от вѣрных и знаемых, стояща на монастыри и зряща тризнища[4] ея, глаголаше, стоня: «Увы, утомихся, станите мало!» И старицы положат носило на земли. Глаголаше великая: «Старицы! Что се творите, влачаще мя? Еда азъ хощу молитися с вами? Никакоже! Нѣсть право, еже со отступльшими закона Христова обще молитися нам християном. Но рѣку вам нѣчто: прилично убо, идѣже ваше пѣние возглашается, тамо, [5]на нужную потребу[5] исходя, излишие утробное испражняти — тако бо азъ почитаю вашу жертву».

Феодорѣ же отвезенѣ бывши на подворие Печерскаго монастыря,* и приставлена бысть к ней стража крѣпкая: два головы[6] стрелецкие, премѣняющеся, с десятию воины стрежаху.

Елена* же с прочими сестрами крыхуся[7] страха ради; и не могуща увѣдѣти[8] о святѣй Феодорѣ цѣлую недѣлю, и тужаху зѣло, и плакаху много, аки младенцы, от матери отлучени. Въ день же 27 ноября, на день Знамения Пресвятыя Богородицы, обрѣте ю Елена Божиимъ благоволениемъ, чюднѣ велми. Великой убо Феодорѣ изшедши на задней крылецъ, идѣже исходят [9]на нужную потребу[9], Еленѣ же по улицѣ той шедши, и тако Божиимъ мановением познастася, бѣ же и на улицѣ то мѣсто таковую же потребу имать, еже ходити ту человѣкомъ на облегчение чрева. И ту стоящи Елена приближнѣ[10], и бесѣдова с Феодорою, [11]на высотѣ ей стоящи[11].

И рече блаженная: «О, возлюбленая ми Елено! Ничто мене тако не оскорбило[12] во днехъ сихъ, якоже [13]разлучение ваше[13], ни отгнание изъ дому, ни царский гнѣвъ, ни [14]властелское истязание[14], ни юзы, ни стража. Вся ми сия лю-

[1] досаждать (ей); [2] бить по лицу; [3] ворочаем; [4] противоборство; [5—5] по нужде; [6] полковника; [7] скрывались; [8] узнать; [9—9] по нужде; [10] приблизившись; [11—11] когда (в то время как) она стояла на высоком месте; [12] огорчило; [13—13] разлука с вами; [14—14] допросы церковных властей.

безна о Христѣ; но зѣло ми тошно, еже болѣе седмицы ни знаю, ни вѣдаю о васъ. Господа ради, не покинте мене, не съѣжжайте с Москвы, будите ту, не бойтеся; уповаю на Христа, покрыетъ васъ! Ниже бо о сродницѣхъ по плоти тако болѣзную, о васъ же рыдая не престаю. Вся о укрѣплящемъ мя Христѣ возможно ми суть, единого же сего до конца не могу терпѣти».

Мария* же, сопричастница подвига ихъ, во время гнѣва царева на блаженную Феодору, умысли бѣжати. По некоему же языку бысть за нею посылъка. И ята бысть в подонской странѣ,* и привезена к Москвѣ, и такожде истязана, и подобнѣ во всемъ поревнова блаженныма сестрама Феодорѣ и Евдокии, зѣло бо сопротивися имъ и пред всѣми похвали древнее благочестие, а новыхъ догматъ отвержеся приятия. И посадиша ю, оковаша, под Стрѣлецкимъ приказомъ.

К Феодорѣ же часто приѣжжаше митрополитъ Иларион Рязанский.* Она же тако мужественѣ с нимъ стязовашася, яко и велми ему посрамлену бывати и безотвѣтну[1] множицею отходити.

Видя же себе Феодора желѣзы тяжкими обложену и неудобствомъ[2] стула томиму, радовашеся. О единомъ же скорбяше и к наставницѣ своей матери Мелании своею рукою писаше: «Увы мнѣ, мати моя, не сотворихъ ничтоже дѣла иноческаго! Како убо возмогу нынѣ поклоны земныя полагати? Охъ, лютѣ мнѣ, грѣшнице! День смертный приближается, азъ, унылая, в лѣности пребываю! И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земных благослови мнѣ Павловы юзы Христа ради поносити. Да еще аще волиши[3], благослови мнѣ масла кравия, и млека, и сыръ, и яицъ воздержатися, да не праздно мое иночество будет и день смертный да не похитит мя неготову. Едина же точию повели ми постное масло ясти». Мати же на страдание подаде ей благословение, рекущи: «Стани доблественe, *страждущи о имени Господни*, и Господь да благословит тя юзы его ради носити, и поиди, яко свѣща, от нас к Богу на жертву; о брашнѣх же — [4]вся прилучающаяся[4] да яси[5]».

Царю же по взятии Феодоринѣ во многи дни сѣдящу с боляры своими и мыслящу, что бы ей сотворити за мужественое ея обличение. Феодора же, брата ея, призвавъ пред ся, велми изтязоваше его о многих вещех, вопрошая его: «Повѣждь ми — гдѣ Мелания? Ты вся тайны сестры своея свѣси[6]», и велми на Феодора належаше[7] гнѣвом.

А Ивана Глѣбовича приказалъ беречи людем; отрокъ же от многия печали впаде в недугъ. И присла к нему лекарей своих, и такъ его улечиша, яко в малѣх днех и гробу предаша.* И умершу Ивану, прислан сказати Феодорѣ смерть сына ея попъ никониянин, иже, [8]злоуменъ сый[8], досаждаше святѣй, при-

[1] неспособным дать ответа; [2] тяжестью; [3] изволишь; [4—4] все, что случится получить; [5] ешь; [6] ведаешь, знаешь; [7] давил, наступал; [8—8] будучи злоумным.

водя от псалма 108-го,* глаголы, реченныя о Июдѣ, нечестивый безскуфейникъ[1] ко блаженнѣй приписоваше, яко бы сего ради, занеже отвратися вѣры ихъ, приити на ню Божию наказанию и еже положитися дому ея пусту и живущаго не имѣти. Премудрая же разумница не внимаше о сей буести ихъ. Увѣдевши же смерть возлюбленнаго си сына, оскорбися[2] велми, и падши на землю пред образом Божиим, умилным гласом плакаше, рыдающи, вѣщаше: «Увы мнѣ, чадо мое, погубиша тя отступницы!» И пребысть на многъ часъ не воставающи от земли, воспущающи о сынѣ си надгробныя пѣсни, яко и инѣм слышащим рыдати от жалости.

Царь же о смерти Ивановѣ порадовася, яко свободнѣе мысляще без сына матерь умучити. Не точию же се, но и двою брату ею[3], Феодора и Алексѣя, [4]оваго на Чугуев, оваго[4] на Рыбное, яко бы на воеводьство, паче же в заточение, поотсла.* Феодоръ бо на власти своей толико обогатися, яко и своихъ рублей тысячю прожилъ. Се же царь творяше от великия злобы на блаженную: мысляше, яко да ниоткудуже никакоже никакова рука да не приближится, помогающи имъ в скорбѣх тѣх великихъ. Но обаче Богъ бяше с ними.

Послѣ Ивановы же смерти все имѣние расточи: отчины, стада, коней разда боляром, а вещи всѣ, златыя и сребряныя и жемчюжныя и иже от драгих камений, все распродати повелѣ. И разоряюще полату, множество злата обрѣтоша в стенѣ заздано[5]. Един же от рабъ Феодориныхъ, Иванъ, повелѣниемъ госпожи своея нѣкия драгия вещи положи у нѣкоего [6]мнящася вѣрна быти[6]. И наваждением жены его преданъ бысть и мучен велми, огнем жгом и прочее[7] истязаем о-шестером; и вся претерпѣ доблественѣ и аки добрый рабъ и вѣрный нелицѣмернѣ поревнова госпожи своей, на конецъ сожжен в Боровскѣ с прочими мученики.

Посем же яко бы умилися царь, повелѣ дати Феодорѣ двѣ от рабынь ея, яко да послужат ей въ юзах ея. И притекоша с великою радостию Анна Аммосова и Стефанида, прозываема Гнѣва, и служаху ей. Княгине же праведнѣй аще и не достася по жребию рабыня на службу ея, воздвиже Богъ честнѣйшу от рабынь, господскую дщерь, послужити господьству ея: Акилина девица, болярская дщерь, всегда служила ей, приходя к ней и отходя. Послѣди и сама Акилина пострижеся и наречена бысть Анисия.*

Марии же тамо сѣдящи и бѣду приимаше болѣе обою сестръ — безстуднии воины пакости творяху ей невѣжеством. Прихождаху же к ней и попы никонианския и много ея смущающе и укоряюще яко расколницу. Единою же приидоша к ней яко бѣс со дияволом, сирѣч попъ со диякономъ, и нуждаху[8] ея, да прекрестится трема персты. И не хотяше. Они же, обезстудившеся, якоже

---

[1] т. е. тот, кто не носит скуфьи; [2] огорчилась, прониклась скорбью; [3] двух ее братьев; [4—4] одного другого; [5] замуровано; [6—6]верного, как понимали, человека; [7] другими способами; [8] принуждали.

пси, приближившеся, окаяннии, начаша персты ея ломати, складовающе щепоть. Она же, гнушающися, глаголаше: «Нѣсть се крестное знамение, но печать антихристова!» Они же противо[1]: «Ни, не тако, но сии два перста, яже ты слагаеши, показуя крестъ свой, младенцы, егда калом ся умажутъ, тогда матери ихъ сима двѣма перстома гной ихъ оскребают». Тако бо злочестивии умѣюще лаяти!

И сице имъ всѣм трем по разным мѣстом сѣдящим и терпящим о имени Господни.

Лѣта того сподоби Богъ великую Феодору въ юзахъ и за крѣпкою стражею причаститися от руку преподобнаго отца Иова Лговскаго,* о немже и прежде речеся.* Бысть же дивно. Понеже у нея на карауле единъ голова милостив к ней зѣло, молит его святая, рекущи: «Егда бѣх[2] в дому моемъ, во едином от селъ нашихъ служаше нѣкий священникъ, старъ сый, и бяше милость наша к нему. Нынѣ же слышах, яко здѣ онъ. Жаль ми его, старости ради. Аще есть твоя милость к нашему убожеству, повели, да призову его». И повелѣ. И прииде старецъ святый ко святѣй мученицѣ, яко Варлаам ко Иасафу,* безцѣнный бисеръ[3] подати [4]бѣлецким образом[4]. И грядущу ему в сѣнехъ, и сам голова, востахъ, поклонися ему. И сподобивъ мученицу прияти Тѣло и Кровь Христову, и отиде. Толико же умилися блаженный старецъ, зря великое страдание великия госпожи, яко послѣди невозможно ему без слезъ воспомянути ея.

Бысть же и се паки дивно. Обѣ сии сестры единородныя, великая, глаголю, Феодора и благовѣрная Евдокия, вожделѣста в жизни сей видѣтися в лице и побесѣдовати. И молястася всесилному Богу, яко да утѣшит ихъ. Послѣди Евдокия рече княгинѣ своей, у неяже в кѣлии сѣдяше: «Госпоже, [5]ты вѣси болѣзнь дѣтскую[5]. И се азъ оставих ихъ Христа ради! Аще обрѣтохъ благодать пред тобою, пусти мя в домъ мой, яко да цѣловав их и утѣшивъ, и сама утѣшуся, и прежде вечера паки возвращусяуздѣ[6]. А никтоже не возможетъ увѣдѣти вещь сию, точию ты и азъ. А возможе по сему быти, аще восхощеши точию помиловати мя: се бо днесь полудневая година, а игумения в гостехъ, и старицы разыдошася, и людей на монастырѣ мало, а азъ, фатою покрывшеся, пройду, и никтоже узнаетъ мя». Княгиня ж та паче чаяния человѣческаго пусти мученицу-княгиню, повелѣ оставити образъ Пресвятыя Богородицы, рекущи: «Вѣмъ азъ, како ты любиши образъ Владычицы нашея; остави ми его здѣ и иди с миромъ, и вѣмъ, яко она Помощница возвратитъ тебе сѣмо[7]».

И иде блаженная, и грядущи ей путемъ, навади бѣсъ некихъ злыхъ человѣкъ, и глаголаху другъ ко другу: «[8]Имите ю[8], бѣглая есть!» Она же смѣло отказоваше. И снидеся на пути сь Еленою, и приидоста до Печерскаго подворья. Дворница же повѣда Феодорѣ пришествие ихъ. Блаженная сосла от себе рабу

[1] в ответ; [2] я была; [3] жемчюг; [4—4] т. е. мирским чином; [5—5] ты знаешь, как болезнуют о детях; [6] сюда, на это место; [7] сюда; [8—8] Хватайте ее.

свою Анну, а вмѣсто ея к ней взыде княгиня Евдокия и на крылцѣ мимо ногъ караулъщика прошла, ему мнящу, та же Анна идетъ. И бесѣдоваста любезно мученица со исповѣдницею.

И позавидѣ диаволъ, и подвиже[1] бурю, и познана бысть вещь, и крамолу воздвигоша вси десятерица воинъ. И, призвавши, Феодора умоли началника. Онъ же умоли воины, и умолкоша. Мученицамъ же бысть се къ блажайшему: повелѣ бо голова гостьи той начевати у нея: «Да азъ, — рече, — нощию отпущу ея тайно». Святии же нощь тую всю ликоваху, бесѣдующе. И къ свѣту отиде Евдокия, и проводи ю Елена. И прииде в монастырь, и все утаися и утишися. Елена же сѣдящи и им служаше, потребная им строяше[2], и пищу, и одежды, и овогда[3] сама ношаше, овогда же со инѣми посылаше.

К Евдокии же не единою[4] приѣжжалъ и Михайло Алексѣевичь,* и, у окна стоя, со умилением глаголаше: «Удивляетъ мене ваше страдание, едино же смущаетъ мя — не вѣмъ, аще за истину терпите?»

Множество же велможныхъ женъ приѣжжаху, и от простыхъ людей притекаху на зрѣние, како влачаху княгиню на носилѣ. Наипаче же велможнии тии преизлиха любезнѣ дивляхуся и аки о сродницѣ своей болѣзноваху. Видѣвши же сие игумения, и сугубыми[5] помыслы содержима бѣ: ово[6] жалостию преклоняшеся о страдании ея, помышляющи санъ ея велможный, ово же и возмущашеся, видя, яко сие влачение паче ей к прославлению, вси бо народи срищутся[7] на видѣние терпѣния ея. И сия помысливъ, приходит к патриарху Питириму,* тогда сущу, и повѣда ему о вещи, како у них в монастыри дѣется и каковая княгиня сѣдит и за кую вину, ему бо того не вѣдущу, яко прежде его посаждени быша. Вопрошающе же ему опаснѣе[8] игумению, прилично стало игумении и о Феодорѣ воспомянути. Конечнѣе[9] же патриархъ рече игумении: «Иди ты, азъ о семъ цареви [10]имам воспомянути[10]».

И потщався[11] к царю, и воспомяну ему о великой Феодорѣ и о блаженнѣй княгинѣ. «Азъ, — рече, — тебѣ, государю, совѣтую боляроню ту, Морозову вдовицу, кабы ты изволилъ паки дом ея отдати ей и на потребу ей дворов бы сотницу християн далъ, а княгиню ту тоже бы князю отдалъ, такъ бы дѣло то приличнѣе было; женское бо ихъ дѣло, что они много смыслятъ».

Тогда рече царь: «Святѣйший владыко, азъ бы давно сие сотворилъ, но не вѣси[12] ты лютости жены тоя. Азъ бо како ти имам повѣдати, елико ми ся поруга[13] и нынѣ ругается Морозова та. Кто ми [14]такова злая[14] сотвори, якоже она! Многи бо ми [15]труды сотвори[15] и велия неудобства показа. И аще не вѣруеши словесем моим, то изволи искусити[16] собою[17] вещь и, призвав ю пред ся, вопроси, и тогда увѣси крѣпость ея. И егда начнеши ю истязати[18], тогда вкусиши пря-

[1] воздвиг; [2] устраивала; [3] иногда; [4] не единожды; [5] двойственными; [6] иной раз; [7] сбегаются; [8] тщательно; [9] Под конец; [10—10] напомню; [11] постаравшись найти случай обратиться; [12] знаешь; [13] творила поругание; [14—14] столько зла; [15—15] доставила трудов; [16] испытать; [17] сам; [18] допрашивать.

ности ея. И по том что повелит твое владычество, то и сотворю, и не ослушаюся отнюд словесе».

И во 2 час нощи поемше Феодору и съ юзами и посадивше на дровни, и сотнику[1] повелѣно тамо ити. И привезоша ю в Чюдовъ, и введоша во Вселенную полату. И бѣ ту стоя Питирим патриархъ, и Павелъ митрополит, и инии власти, и от градских[2] началникъ немало. Великая же предста на сонмѣ[3], нося на выи оковы желѣзныи. И в первых патриархъ рече: «Дивлюся азъ, яко тако возлюбила еси чепь сию и не хощеши с нею и разлучитися». Святая же обрадованным лицем и веселящися сердцем рече: «Воистинну возлюбих, и не точию просто люблю, но ниже еще насладихся вожделѣннаго зрѣния юзъ сих! Како бо и не имам возлюбити сия, понеже азъ, таковая грѣшница, благодати же ради Божия сподобихся видѣти на себѣ, купно же и поносити, Павловы юзы, да еще за любовь единороднаго Сына Божия!» Тогда патриархъ: «Доколѣ имаши в безумии быти? Полно лядова[4] нрава держатися! Доколѣ не помилуеши себе, доколѣ царскую душу возмущаеши своим противлением? Остави вся сия нелѣпая начинания и послушай моего совѣщания[5], еже, милуя тя и жалѣя, предлагаю тебѣ: приобщися соборнѣй Церкви и росийскому собору, исповѣдався и причастився». Отвѣща блаженная: «Нѣкому исповѣдатися, ниже от кого причаститися». Паки патриархъ: «Много попов на Москвѣ!» Глагола святая: «Много попов, но истиннаго нѣсть». Еще патриархъ: «Понеже велми пекуся о тебѣ, азъ сам на старости понуждуся исповѣдати тя и потрудитися — отслужа, сам причащу тебе». Премудрая же паки глаголя: «И что ми глаголеши, еже самъ! Азъ не вѣм, что глаголеши! Еда[6] бо разньство имаши от них? Еда не ихъ волю твориши? Егда бо былъ еси ты митрополитом Крутицким *и держался обычая християнского*, со отцы преданнаго нашея русския земли, и носил еси клобучокъ старой — и тогда ты нам былъ еси отчасти любимъ. А нынѣ, понеже восхотѣлъ еси волю земнаго царя творити, а Небеснаго Царя и содѣтеля своего презрѣлъ еси, и возложилъ еси рогатый клобукъ римъскаго папы на главу свою, и сего ради и мы отвращаемся, то уже ты прочее[7] не утѣшай мене тѣмъ глаголомъ, еже „азъ сам", [8]ниже бо азъ твоея службы требую[8]».

Тогда патриарх глагола архиереомъ своимъ: «Облецыте мя нынѣ во священную одежду, яко да священнымъ масломъ помажу чело ея, яко негли[9] приидетъ в разумъ; се бо, якоже видимъ, умъ погубила есть».

И облекоша его, и масло принесоша, и вземъ спицу, сущую в маслѣ, и нача приближатися ко святѣй. Она же дотолѣ сама на ногахъ отнюдь не стояла, но поддержали ея сотникъ со инѣмъ, и она, на ихъ рукахъ вся облегши, с патриархомъ говорила; егда же зритъ его к себѣ идуща, сама ста на ногахъ своихъ и приготовася, яко борецъ. И митрополит Крутицкой, протягъ руку, единою под-

[1] воинский чин, глава отряда в сто и более стрельцов; [2] гражданских; [3] на сборище; [4] чертова; [5] совета; [6] Разве; [7] впредь; [8—8]ибо не нужна мне твоя служба; [9] быть может.

держа патриарха, а тою хотя приподняти треуха, иже на главѣ блаженныя, яко да удобно будет помазати патриарху. Великая же отпхну руку тую и рече: «Отиди отсюду!» — и отрину руку его и со спицою: «Почто дерзаеши и неискусно[1] хощеши коснутися нашему лицу? Нашъ чинъ мошно тебѣ разумети!»*

Патриархъ же, поомочавъ спицу в маслѣ и протягъ руку свою, хотя ю знаменати на челѣ. Преблаженная же, яко храбрый воинъ, велми вооружився на сопротивоборъца[2], напротиво[3] ему свою руку протягши, и отрину руку его и со спицою, вопия и глаголя: «Не губи мя, грѣшницу, отступным своим маслом!» И позвяцавъ юзами, рече: «Чего ради юзы сия азъ, грѣшница, лѣто цѣлое ношу? Сего бо ради и обложена есмь юзами сими, яко не хощу повинутися, еже приобщити ми ся вашему ничесомуже[4]. Ты же весь мой недостойный трудъ единѣмъ часомъ хощеши погубити! Отступи, удалися! Не требую вашея святыни никогдаже!»

Слышавъ сия патриарх и не терпя многаго срама, разгнѣвася зѣло и от великия горести возопи: «О, исчадие ехиднино! Вражия дщи[5], страдница![6]» И возвращаяся от нея въспять, ревый, яко медвѣдь, крича, зовый: «Поверзите ю долу, влеките нещадно! И яко пса чепию за выю влачаще, извлецыте ю отсюду! Вражия она дщерь, страдница, [7]нѣсть ей прочее жити[7]! Утрѣ[8] страдницу въ срубъ!»

Блаженная же отвѣща тихимъ гласомъ: «Грѣшница азъ, но обаче нѣсть вражия дщерь, не лай мя сим, патриархъ, по благодати бо Спасителя моего Бога, Христова есмь дщерь, а не вражия. Не лай мя симъ, патриарше!»

И по повелѣнию патриархову повергоша ю долу, [9]яко мнѣти ей[9] [10]главѣ ея разскочитися[10]. И влекуще ю по полатѣ сице сурово, яко чаяти ей, ошейникомъ желѣзным шию надвое прервавъ, главу ея с плечь сорвати им. И сице ей влекомѣ с лѣстницы, всѣ степени главою своею сочла. И привезоша ю на тѣх же дровняхъ на Печерьское подворье въ девятомъ часу нощи.

Тоя же нощи и того же часу ставилъ предо собою патриархъ и княгиню Евдокию и Марию, мня, [11]еда како[11] которая от них повинется. И не бѣ сего. Благодатию бо Божиею укрѣпляеми, свидѣтелствоваху крѣпцѣ и являху ся, яко о имени Господни готовы умрети, нежали любве его отпасти. Покуси же ся патриархъ и благовѣрную княгиню такожде помазати. Святѣйшая же страстоносица еще дивѣйши сотвори. Якоже убо древле самаряныни Фотиния при Геронѣ кесари сама со главы *своея своима рукама кожю* садра и верже[12] на лице мучителево,* сице и наша трихраборница[13]: егда видѣ патриарха, с масленою спицою идуща к ней на помазание, въскорѣ покрывало главы своея снем[14] и простовласу себе сотворши, возопи к ним: «О, безстуднии и безумнии! Что се творите! Не

---

[1] невежественно; [2] противника; [3] навстречу; [4] ничему; [5] дочь; [6] каторжница; [7—7] не жить ей более; [8] Наутро; [9—9] так что ей казалось; [10—10] что голова ее расколется; [11—11] а вдруг, что если; [12] бросила; [13] трижды воительница; [14] сняв.

вѣсте ли, яко жена есмь?» Они же вторым студом посрамившеся, [1]пребыша безделни[1]; святѣй же тако избывши от помазания их. И по скончании вопрошения развезоша и тѣхъ по своим имъ мѣстам.

Патриархъ же, не могий своего безчестия терпѣти, повѣда вся цареви, наипаче же жалобу ему приношаше на великую Феодору. Царь же ему отвѣщаваше: «Не рѣх[2] ли ти прежде лютость жены тоя? Азъ бо искусихся и вѣм жестокость[3] ея. Ты бо единою се видѣлъ еси дѣяние ея, азъ же колико лѣтъ имам, терпя от нея и не вѣдый, что сотворити ей». И сице глаголюще, совѣщашася обще, еже мучити ихъ, и аще ту[4] не покорятся, и по том подумати, что будетъ достойно имъ сотворити.

И паки в другую нощь, во вторый часъ нощи, свезени быша вси трие мученицы на Ямъской двор.* На том же дворѣ собрано было людей множество, и посадили мучениц в ызбѣ, а в ней от множества людей тѣсно. Святии же, сѣдяще по углам, втемнѣ, между множества человѣкъ, каяждо мняше, яко едина есть. Не мняху бо, яко мучити ихъ хотятъ, но надѣяхуся, яко послѣди распроса в заточение куды хотятъ послати. Послѣди же Феодора уразумѣ, яко не в заточение, но на муки привезена. Извѣсти же ся ей, яко и двоица мученицъ ту есть. Не возможно же бесѣдовати и с ними и укрѣпить ихъ на терпѣние, она же позвяца юзами, а мыслию рече: «Любезнии мои сострадалницы, се и азъ ту есмь с вами, терпите, свѣты мои, мужески и о мнѣ молитеся!» Къ Евдокии же и руку протягши сквозѣ утѣснение людское, и емъ[5] за руку княгиню, и согненувши[6] ея велми крѣпко, и рече: «Терпи, мати моя, терпи!»

Бяху же приставлени над муками ихъ стояти князь Иванъ Воротынской, князь Яковъ Адоевской, Василей Волынской.*

И въ первых приведена бысть ко огню Мария. И обнаживъ до пояса, и руки назадь завязали, и подняша на стряску, и, снемъ з дыбы, бросили на землю.

И по томъ ведуще княгиню ко огню. И узрѣша покров треуха, и рѣша мучители: «Почто тако твориши — во опалѣ царской, а носиши цвѣтное!» Она же отвѣща: «Азъ не согрѣших пред царем». Они же содраша покровъ, а ей исподъ единъ вергоша[7]. И обнажиши и ту до пояса, и подняша на стряску, [8]рукам опако связаным[8]. И снемше со древа, вергоша и ту близ Марии.

Послѣди же приведоша ко огню и великую Феодору. И начат ей глаголати князь Воротыньской многая словеса, глаголющи: «Что се сотворила еси! От славы в безславие прииде! И кто ты еси, и от какова рода! [9]Се же тебѣ бысть[9], яко приимала еси в дом Киприяна и Феодора юродивых* и прочих таковых, и ихъ учения державшая, царя прогнѣвала еси». Добляя же отвѣща: «Нѣсть наше велико благородие тѣлесное, и слава человеча суетная на земли; [10]иже изреклъ еси[10], нѣсть от них ничтоже велико, занеже тлѣнно и мимоходяще[11]. Прочее

[1—1] остались ни с чем; [2] сказал; [3] строптивость, непокорность, упрямство; [4] тут; [5] взявши; [6] сжав; [7] бросили; [8—8] со связанными назад руками; [9—9] Это тебе за то; [10—10] то, о чем ты сказал; [11] мимолетно, преходяще.

убо, преставъ от глагол своих, послушай, еже азъ начну глаголати тебѣ. Помысли убо о Христѣ — кто онъ есть, и чий Сынъ, и что сотвори! И аще недоумѣваешися, азъ ти реку: той — Господь нашъ, Сынъ сый Божий и Богъ, нашего ради спасения небеса оставль и воплотися, и живяше все во убожествѣ, послѣди же и распятся от жидов, якоже и все от вас мучимы. Сему не удивляеши ли ся? А наше ничтоже есть».

Тогда властели, видяще дерзновение ея, повелѣша ю взяти, и рукавами срачицы[1] ея увиша по концѣхъ сосецъ, и руки наопако[2] завязаша, и повѣсиша на стряску. Она же побѣдоносная и ту не молчаше, но лукавое ихъ отступление укоряше. Сего ради держали ея на стряскѣ долго, и висла с полъчаса, и ременемъ руки до жилъ протерли. И снемше, и ту третию к тѣмъ же двема положиша. [3]И сице им ругашеся[3] безчеловѣчно, оставиша ихъ тако на снѣгу лѣжати, нагим спинамъ ихъ, и руки назадь выломаны. И лежали часа три.

И иныя козни творили: плаху мерзлую на перси клали, и ко огню приносили всѣх, и хотѣша жещи, и не жгоша. Послѣди же, егда вся козни совершиша, и воставшим мученицам, и обнажение тѣлесе покрыша двѣ, третию же, Марию, положиша при ногахъ Феодоры и Евдокии, и биена бысть в пять плетей немилостивно в двѣ перемѣны, первое — по хребту, второе — по чреву. И думный Иларионъ глаголаше двѣма мученицама: «Аще и вы не покоритеся, и вам сице будеть!» Фоодора же, видя безчеловѣчие и многи раны на святѣй Марии и кровь текущу, прослезися и рече Илариону: «Се ли християнство, еже сице человѣка умучити?» И по сем развезоша ихъ по мѣстамъ в десятомъ часу нощи.

И во утрии день сотвори царь сидѣние думати о нихъ, что над ними *учинить*. А на Болотѣ* срубъ поставили. И патриархъ велми просилъ Феодоры на сожжение, да боляре не потянули, а Долгорукой* малыми словами да много у нихъ пресѣкъ. Тогда Феодора три дни хлѣба не яде и воды не пи, тщашеся умрети.

А мати Мелания на Болотѣ у струба была, и пришедъ того же дне ко святѣй Феодорѣ, и язвы рукъ ея цѣлова, и глагола: «Уж и домъ тебѣ готовъ есть, велми добрѣ и чинно устроенъ, и соломою цѣлыми снопами уставленъ! Уже отходиши к желаемому Христу, а нас сиры оставляеши!»

Феодора же любезнѣ у матери благословилася ити в вѣчный путь, и, цѣловашеся, мати, рыдающи, отиде къ Евдокии и ей таковая же благовѣствоваше, и у окна стоя, и зря на княгиню, и слезами омываяся, глаголаше: «Гости вы есте у нас любезнии, днесь или утрѣ отходите ко Владыцѣ, но обаче идите сим путем, ничтоже сумнящеся! Егда же предстанете престолу Вседержителя, не забудите и нас в скорбѣхъ наших!»

Сему же чаему бывшу, Богъ же не тако сотвори, но еще страдати мученицам надолзѣ[4] изволи.

---

[1] сорочки; [2] назад; [3—3] И так надругавшись; [4] долгое время.

Марии же, по престатии[1] биения, полотенцо водя по спинѣ своей, все смочила кровию и посла Иоакинфу своему.* Въ третий же день со спины струпие велие спадоша, яко чешуя. И просиша у нея мученицы, и не хотѣ дати за смирение, послѣди же, принуждена, даде имъ и прочимъ.

По триехъ же днех послѣ мучения присла царь ко Феодорѣ голову стрелецково, сице глаголя: «Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица.* Молю тя азъ самъ, послушай совѣта моего, хощу тя аз в первую твою честь вознести. Дай мнѣ таковое приличие людей ради, что аки недаром тебя взялъ: не крестися треме персты, но точию, руку показавъ, наднеси[2] на три тѣ перста! Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица! Послушай, аз пришлю по тебя каптану[3] свою царскую и со аргамаками[4] своими, и приидутъ многие боляре, и понесутъ тя на головахъ своихъ. Послушай, мати праведная, азъ самъ, царь, кланяюся главою моею, сотвори сие!»

Видѣвши же сие Феодора и слышавши, рече посланнику: «Что твориши, человѣче! Почто ми поклоняешися много? Престани, послушай, еже азъ начну глаголати. Еже государь сия словеса глаголетъ о мнѣ — превыше моего достоинства. Грѣшница азъ и не сподобихся достоинства Екатерины, великия мученицы. Другое же паки, еже наднести ми на триперстное сложение,— не точию се, но сохрани мя Сыне Божий, еже бы ми ни в мысли когда помыслити сего о печати антихристовѣ. Но се убо вѣдомо вам буди, яко никогдаже сего, помощию Христовою сохраняема, не имам сотворити! Но убо аще и азъ сего не сотворю, онъ же повелитъ мя с честию вести в дом мой, то азъ, на главах несома боляры, воскричю, яко азъ крещуся по древнему преданию святыхъ отецъ! А еже *каптаною мя своею* почитаетъ и аргамаками — поистинѣ, нѣсть ми сие велико. Быша бо вся сия и [5]мимо идоша[5]: ѣжживала в каптанахъ и в корѣтахъ, на аргамаках и бахматах[6]. Сие же вмѣняю в велико, да, поистиннѣ, дивно и есть, еже аще сподобит мя Богъ о имени его огнемъ сожженѣ быти во уготованнѣм ми от вас струбѣ на Болотѣ. Сие ми преславно, понеже сее чести не насладихся никогдаже и желаю таковаго дара от Христа получити». Сие святѣй рекши, умолче голова.

Питирима же патриарха вскорѣ постиже суд Божий, и лютою смертию живота разлучися.*

Феодору же с Печерскаго подворья повелѣ царь перевести в Новодѣвичь монастырь, того ради, чтобы ей туды никто [7]никаковой потребы[7] не приносил. И повелѣ ю держати под крѣпким началом[8] и влачити к пѣнию[9]. Она же велие мужество показа и всего их повелѣния во всем до конца отвратися.

---

[1] прекращении; [2] подними; [3] каптана — один из видов кареты; [4] аргамак — породистая лошадь восточных кровей; [5—5] миновало, прошло; [6] бахмат — выносливый конь; [7—7] ничего нужного; [8] надзором; [9] службе.

И прославляше Богъ угодницу свою: елицы убо от велможных женъ толико множество притецаху[1], яко монастырю всему заставлену быти рыдванами и корѣтами. Вси же не молбы ради прихождаху, но да узрятъ святое и ангелолѣпное лице ея и крѣпкое терпѣние ея видят. И любезнии ея и кто ей потребенъ не точию на Печерском подворьи, но и ту, Богом покрываеми, прихождаху к ней и утѣшаху страдалческое сердце ея.

Царь же, не терпя сего зрѣти, еже приходити ту многим велможным [2]на удивление[2] страдания ея, и повелѣ ю привести паки в Москву, в Хамовники.* И приведена бысть к старостѣ на двор, той же обрадовася радостию великою. И прихождаше ту к ней наставница Мелания на посѣщение и Елена, служителница юзам ея. И ликоваху обще[3] со многими слезами.

Потом рече царю сестра его старѣйшая Ирина:* «Почто, брате, не в лѣпоту твориши и вдову ону бѣдную помыкаеши съ мѣста на мѣсто? Нехорошо, брате! Достойно было попомнити службу Борисову и брата его Глѣба». Онъ же зарыча гнѣвом великим и рече: «Добро, сестрица, добро! Коли ты дятчишь[4] об ней, тотчас готово у мене ей мѣсто!»

И вскорѣ посла в Боровескъ, в жестокое заточение, иже на то устроеный тамо острог* и в нем земляная тюрма. И вниде Феодора в темницу, радующися, и обрѣте в ней сѣдящу инокиню, Иустину именемъ, заточену тоя же ради вѣры.

Блаженная же княгиня, слыша возлюбленную свою сестру и соузницу вдаль от нея отвезену, и яко младенецъ по матери горцѣ рыдаше. Подобнѣ же и страстотерпица Мария. Всевидящее же *око Божие виде стонание их и не презре*, но просимои ими от него восхотѣ имъ даровати и к великой страдалицѣ причтати[5] неразлучно.

Бысть же сице. Повелѣ Алексѣй царь и княгиню тамо же свести. И яко приближися к темницѣ, и отверзающи двери, и зѣло радуяся, сотвори молитву. Феодора же яко узрѣ любезную свою и приемъ[6] ю за обѣ руцѣ, возопи свѣтлым гласом: «О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь!»*

Мало же помедлив, привезоша и Марию, и бысть имъ совершенная радость.

Богъ же милосердый ниже тамо ихъ остави без утѣхи скорбѣти, но утѣшая ихъ, аки птенцов. Сотниковъ, отпущаемыхъ тамо на караулъ, Иоакинфъ еще на Москвѣ, в домъ свой веземъ, ухлѣбливаше[7], чтобы не свирѣпы были. А в Боровескъ посыловалъ племянника своего, Иродиона именемъ, и он в темницѣ бывалъ множицею[8], и инии мнози. И наставница ихъ Мелания не единою[9] посетила ихъ тамо, Елена же и множицею бывала.

---

[1] приезжали; [2—2] чтобы дивиться; [3] сообща, вместе; [4] заступаешься; [5] причесть, присоединить; [6] взяв; [7] ублажал, укармливал, задабривал; [8] многократно; [9] не единожды.

Позавиде же сему лукавый и возмути началниковъ. И прислали указъ, разыскать[1], кто к нимъ ходитъ и како доходят. И Памфила нѣкоего боровитина пытали, спрашивали Иродиона. Онъ муку великую терпѣлъ, а не предал. А Родионъ той в то время у него под поломъ пробылъ. И понеже не повинилъся, спустили его в домъ, и онъ лежа, а крови его текущи, глагола женѣ своей: «Агрипина, нынѣ хорошо стало, свободно, отнеси свѣтомъ тѣмъ поскоряя луку печенова решето». Послѣди того Памъфила и с женою сослали в ссылъку в Смоленескъ, иже и донынѣ тамо терпитъ.

Сѣдящим же им, часто моляху наставницу свою матерь Меланию, чтобы ихъ посѣтила, *и всяко не бѣ воля. Потом же* аки известися Феодорѣ, яко скоро будетъ отшествие ихъ, сего ради пишет к матери своею рукою, еже рече: «Умилосердися, посѣти [2]в останошное[2]», [3]якоже и бысть[3]. Молит же взяти ей с собою и болшаго брата. И поспѣши[4] Богъ; и [5]яхомся пути[5], понеже слышахом, яко в тѣх днех мысль бѣ у царя, еже, послав, допросит ихъ накрѣпко и аще не покорятся, указъ чинити. Но обаче нас сохранил Богъ.

Въ день недельный[6], в 3 час нощи, приидохом в темницу. И бысть нам обще с ними радость неизглаголанная. Великая же Феодора — не вѣм, [7]како нарещи ю имам[7], — тюрму свою пресвѣтлою темницею зовяше и наставницу свою матерь Меланию равноапостольною и апостолом Господним нарицаше. «И почто, — рече, — свѣт моя, нас, птенцовъ своих, надолзѣ не посѣщаеши? Невозможно бо есть нам без твоего наказания жизнь свою добрѣ правити». И облобызаху обѣ руцѣ ея часто. Купно же и третия с ними, Мария, часто же лобызаше. И бесѣдовахомъ нощь ту всю. Бѣ же время генваря 11. И отидохомъ с Родиономъ на разсвѣтѣ. Мати же Мелания и съ Еленою, моления ради мученицъ и за великую ихъ любовъ, дерзнуша и день той пребыти у них и совершенѣ утѣшишася.

По нас же, якоже речено бысть, в другий вечеръ не прииде сотникъ еще тамо вести насъ. И скорбихомъ, душу раздѣляюще.

Умилосердися же Господь, и приидохомъ паки в темницу в полунощное время. Мати же тщашеся скоро отити. И всѣмъ имъ стоящимъ, мати поучавше их, наказующи. А совершено не вѣм вины[8] наказания, но еже слышахъ, то и повѣствую. Глаголаше бо учителница: «Вѣмъ азъ недостоинство мое, но понеже сами зѣлно належите[9] и бремя тяжко на мою выю возлагаете, яко да сказую вамъ путь Божий, — еда[10] азъ забыхся, и нынѣ убо, видевше терпѣние, и еже приближити ми ся к вамъ боюся, да не изшедъ от вас огнь и опалитъ мя, унылую, — но понеже связасте мя любовию Господа нашего, послушайте же недостойных словес: потщитеся исправитися. Се бо азъ вижду, яко связастеся юза-

[1] расследовать; [2—2] напоследок; [3—3] что и случилось; [4] помог; [5—5] пустились мы в путь; [6] воскресный; [7—7] как мне назвать ее; [8] причины; [9] настаиваете; [10] неужто.

ми брани[1] бѣсовския,* и аще, — рече, — не свободитеся юз сихъ, то не помогутъ вамъ и сии юзы желѣзныя, ихже носите Христа ради».

Се же матери глаголющи к нимъ, Феодора десницею своею держаше лѣвую руку ея, Евдокия же правую. И егда же услыша блаженная Феодора таковыя словеса от матери своея, течаху источницы слезъ по святому оному лицу, руку же матери любезно лобызающи не престаше. И егда мати премолчаваше[2], тогда святѣйшая, рыдающи, вѣщаше: «Не рѣхъ ли ти, о радость моя, и прежде, яко без твоего пастырства не можем добра сотворити ничтоже! Так-то мы все, государыня, без тебе по своей воли, да что ты видѣла [3]в малѣмъ сем часѣ[3]. О, горе нам! Удалихомся твоего наказания[4] и лишихомся дара послушания! Откуду намъ тебе Господь даровалъ! Ты нам апостолъ Христовъ! О, свѣт наша! Не покинь нас без наказания!»

Азъ же, видѣвъ сие и слышах, преизлиха пребыхъ удивляяся разуму, и терпѣнию, и любви блаженныя Феодоры, како, наказуема любѣзне, — смиряшеся, а и неповинна ни в чесом же.

По прешествии же зимы тоя воскури дияволъ бурю велику зѣло, ревый злобою на мученицъ, побѣждаемъ терпѣниемъ их. Бысть же сице.

На Фоминой седмицѣ* присланъ с Москвы подьячей Павелъ и внезапу прииде в темницу с великою свирѣпостию и еже бѣ у нихъ всякия потребы[5] и брашно снѣдное, самое скудное, все побралъ, и одежды, буде было [6]по другой[6], все пограбилъ, точию же оставил во единой ризѣ. Не точию же се, но и малыя книжицы отъят[7], и еже верхъ злобы сотанинъския — божественыя иконы, иже имяху у себе мученицы на малыхъ дскахъ воображеныя, они же всескверънѣйшии сосуди не убояшася и сего сотворити, яко злѣйшии бисермяне, все у них отъяша. У Феодоры же бѣ икона пречистыя Богородицы, чюдотворныя Одигитрие. И егда понесоша ю ис темницы, отъемше ю у нея, и возва гласом крѣпким, и возопи со слезами, рыдающи о иконѣ. И утѣши ю блаженная Евдокия, рекущи: «Не плачи, не точию Помощница наша не точию не остави нас, но и сам Христос с нами и есть, и будетъ!»

Бысть же молва[8] немала в воинѣхъ, истязани[9] бо быша сотники, кто доносилъ имъ потребная и кто допущалъ приходящихъ к ним. И инии повинилися, что и сами доносили и инѣх приходящих допущали. И быша сотником бѣды великия. Тогда и той сотникъ, при которомъ мы были, виноватѣй иных стал, Александръ Созоновъ сынъ Медвѣдевъской, и биенъ бысть, и салдатом рядовым учинен, и сослан бѣ на Бѣлъгород.*

О Петровѣ же дни прислан в Боровескъ розыскивать[10] дьякъ Кузмищев* и святыхъ мученицъ истязал о приходѣ и о приношении. Преподобномученицу же Иустину в срубѣ сожегъ, занеже не восхотѣ знаменатися[11] трема персты.

[1] битвы; [2] умолкала; [3] за недолгое сие время; [4] наставления; [5] необходимое; [6—6] больше одной, на смену; [7] отнял; [8] смятение; [9] допрашиваны; [10] расследовать; [11] осенять себя крестным знамением.

[1]Оставшихъ же ради[1] темницу разориша и лютѣе тоя учиниша, уже бо не якоже первую, но зѣло глубоко в земли выкопавше, и тамо двою блаженных сестръ посадивше, премудрую Феодору и славную Евдокию. Марию же в тюрму отдали, гдѣ злодеи сѣдят. Не повелѣно же имъ давать ни пищу, ни питие. Аще ли же кто дерзнет чрез[2] повелѣние и послѣди о сем сыщется[3], и таковаго [4]главною казнию казнить[4].

И бысть то время люто зѣло. Уже зѣло бояхуся еже допустити кого или самѣм каково-либо утѣшителное послужение сотворити.

Но кто можетъ исповѣдати многое ихъ терпѣние, еже они в глубокой темницѣ претерпѣша, от глада стужаеми[5] во тмѣ несвѣтимѣй, от задухи[6] бо земныя, понеже парам земным спершимся, велику имъ тошноту творяще. И срачицъ имъ премѣняти, ни измывати не возможно бѣ. Еще же и верхния оны худыя ризы ради тепла всегда ношаху, от сего же бысть множество вшей, яко и сказати невозможно; и бысть имъ се, яко неусыпающее червие, во дне бо снѣдаху и в нощи не спаху.

Но обаче аще и зѣлно запретилъ земный царь еже отнюд не подати имъ пищу, Небесный же Царь повелѣ имъ подавати пищу, премудрости учителницу, сирѣчь зѣло малу и скудну: овогда сухариковъ пять-шесть дадутъ, тогда воды не дадут пити, а когда пити дадут, тогда ясти не спрашивай. И всяко бѣ: овогда яблоко едино или два подадутъ, а ино ничтоже, а овогда огурцовъ малую часть. И сие творяху воини, иже ту обрѣтшиися благонравни, и видяще превеликое страдание великих людей и умиляющеся сердцы, и от слезны душа милость малу творяху, да и сие от прочих братий своихъ таящеся, вервию[7] спущаху к ним.

И в таковой великой нужи святая Евдокия терпѣливно страда, благодарящи Бога, месяца два [8]и полъ[8], и преставися сентября въ 11 день. И бысть преставление ея слезно. Егда бо изнеможе от великаго глада и невозможно ей бѣ стоящи молитися, ни чепи носити, ни стула двизати, возляже, и овогда сѣдящи[9] молитву [10]изо устъ[10] творяше. А лѣствицъ, сирѣчь чотокъ, не бѣ у них — и то мучители отняли. И мученицы навязали пятьдесят узловъ ис трепицъ и по тѣмъ узламъ, аки по небесовосходной[11] лѣствицѣ, обѣ наперемѣнахъ молитву Богу возсылали. Егда же видѣ себе Евдокия нарочито[12] изнемогшу, глагола великой Феодорѣ: «Госпоже мати и сестро! Азъ изнемогох и мню, яко к смерти приближихся. Отпусти мя ко Владыцѣ моему, за егоже любовь азъ нужду сию возлюбих. Молю тя, госпоже, по закону християньскому, — да не пребудем внѣ церковнаго предания, — отпой мнѣ отходную, и еже ты вѣси — изглаголи, госпоже, а еже азъ свѣм, то азъ сама проговорю». И тако обѣ служили отходную. И мученица над мученицею в темной темницѣ отпѣвала канонъ, и юзница надъ

[1—1] Для оставшихся же; [2] помимо, в нарушение; [3] откроется, обнаружится; [4—4] казнить через отсечение головы; [5] изнуряемы; [6] духоты, испарений; [7] веревкой; [8—8] с половиною; [9] сидя; [10—10] вслух; [11] возводящей на небеса; [12] особенно сильно.

юзницею изроняла слезы, едина в чепи возлежа и стоняше, а другая в чепи предстоя и рыдаше. И тако благовѣрная княгиня Евдокия предаде духъ свой в руцѣ Господни месяца сентября въ 11 день.

И призва Феодора единаго от воинъ и повелѣ сказати началнику града. Онъ же повелѣ ити ему в темницу и извлещи тѣло ея оттуду. И прииде воин. И сама Феодора тремя нитьма во имя единосущныя Троицы пови тѣло любезныя сестры своея и соузницы Евдокии, и увязавъ вервью. Воину изшедшу и конецъ верви в руку держащу, Феодора же помогаше ему. И теплы слезы излия святая проповѣдница на святое тѣло сестры своея исповѣдницы, тихо рекущи: «Иди, любезнѣйший цвѣте, и предстани прекрасному ти жениху и вожделѣнному Христу!» И сия изрекши, подаде воином, и извлекоша. И положиша е[1] просто[2], не погребено и не покровено.

И посла началник отписку к Москвѣ, что укажут. И приказалъ бѣ царь извести вонъ и в пустыни на лѣсу загребсти тѣло ея. И рече думной Иларионъ: «Аще, — рече, — сие тако будет, то уже капитоны* и расколники, обрѣтше, имут взяти с великою честию, яко святых мученицъ мощи, и начнутъ глаголати, яко и чюдеса многия бывают, и будет послѣдняя бѣда горши первыя».* И годѣ[3] бысть се царю. И повелѣ якоже живу, тако и умершее тѣло за караулом держати и внутрь острога в землю закопати. И обвивше е рогозиною, сотвориша тако. Се же бысть дивно: донѣлеже[4] указъ с Москвы не прииде, святое оно тѣло внутрь острога просто на земли лежаше пять дней, и не токмо не почернѣ, но и на всякъ день свѣтлеѣ и белее являшеся, яко воином зрящим зѣло дивитися и глаголати: «Воистину сии святии суть страдалицы! Се бо тѣло сие не токмо ничтоже смертовиднаго зрака[5] не являетъ, но и яко живу сущу и веселяшуся, цвѣтущу, и свѣтлѣется пред очима нашима». И славляху Бога.

По скончании же мученицы Евдокии возмнѣ царь, [6]еда како[6], от великаго глада снѣдаема, великая Феодора мало умякчися и имъ снизхождение покажет и малое повиновение принесетъ. Сия помысливъ, присылаетъ к ней старца от себе, монаха никонианскаго, еже увѣщавати ю.

И пришед той старецъ монахъ к темницѣ ея и начатъ молитву творити, оставя сыновьство Христово к Богу.* И сице пребысть творя надолзѣ, и не бѣ гласа, ни послушания.* Послѣди же рече Господа нашего Исуса Христа Сыномъ Божиим, и въскорѣ блаженная рече: «Аминь». И вниде в темницу и рече ей: «Почто ми прежде не рече „аминь", мнѣ стоящу внѣ и молитву надолзѣ творящу?» И рече блаженная: «Егда слышах гласъ противенъ[7], молчахъ; егда же очютих[8] не таковъ, отвѣщах». И глагола ей монахъ, якоже повелѣно есть ему еже увѣщати ю поне мало покоритися. Доблественный же адамантъ[9], егда услыша таковая, позыба[10] главою и, воздохнув велми, глагола мужески: «Оле, глубо-

[1] его (тело); [2] открыто, на виду у всех; [3] угодно; [4] покуда, до тех пор, пока; [5] вида; [6—6] что если, а вдруг; [7] неверный, враждебный; [8] услышала; [9] алмаз; [10] покачала.

каго неразумия, о, великаго помрачения! Доколѣ ослѣпосте злобою? Доколѣ не возникнете[1] к свѣту благочестия? Како убо сего не разумеете? Азъ еще егда бѣхъ в дому моемъ, во всякомъ покои живя, ниже тогда не восхотѣхъ ко лжи вашей и нечестию пристати; православия же крѣпцѣ держащися, не точию имѣния не пожалѣхъ, но и на страдание о имени Господни не устрашихся дерзнути. И паки в началѣ подвига моего, егда юзами сими обложиша мя Христа ради, многая ми стужения[2] показоваху, азъ же отвращахуся. А нынѣ ли от добраго и краснаго Владыки моего хотятъ мя отлучити, вкусившия доволно сладких подвигъ за пресладкаго Исуса! И уже имамъ 4 лѣта, носящи желѣза сия, зѣло веселящися и не престахъ облобызающи чепь сию, поминающи Павловы юзы; наипаче же яко и возлюбленую ми сестру единородную, союзницу и сострадалницу, предпослахъ ко Владыцѣ, вскорѣ же и сама, Богу помогающу ми зѣло любезнѣ, тщуся отити тамо. И прочее убо вы, отложше всю надежду, еже от Христа мя отлучити, к тому[3] ми о семъ отнюд не стужайте![4] Азъ бо о имени Господни умрети есмь готова».

И слышав сие старецъ той, умилися и проплака, и глагола великой: «Госпоже честнѣйшая! Воистину блаженно ваше дѣло! Молю тя и азъ Господа ради, потщися началу конецъ навершити. И аще совершиши доблественѣ до конца, кто можетъ исповѣдати похвалы вашея, яко велику и несказанну честь приимете от Христа Бога». И сия рекъ, отиде чернецъ.

И по успении святыя мученицы Евдокии приведоша к великой Феодорѣ блаженную Марию, и терпяста[5], купно подвизающеся. И кто можетъ исповѣдати неизреченнаго терпѣния ихъ, елика претерпѣша от глада и жажди, и от задухи, и вшей!

Посѣмъ зело изнеможе преблаженная Феодора и призва единаго от воинъ и рече ему: «Рабе Христовъ! Есть ли у тебе отецъ и мати в живых или преставилися? И убо аще живы, помолимся о нихъ и о тебѣ, аще же умроша — помянемъ ихъ. Умилосердися, рабъ Христовъ! Зѣло изнемогохъ от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика». Онъ же рече: «Ни, госпоже, боюся». И глагола мученица: «И ты поне[6] хлѣбца». И рече: «Не смѣю». И паки мученица: «Поне мало сухариков». И глагола: «Не смѣю». И глагола Феодора: «Не смѣеши ли, ино принеси поне яблоко или огурчикъ». И глагола: «Не смѣю». И глагола блаженная: «Добро, чадо, благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако! И аще убо се, якоже реклъ еси, невозможно, молю тя, сотворите послѣднюю любовь: убогое сие тѣло мое, рогозиною покрывъ, близъ любезныя ми сестры и сострадалицы неразлучнѣ положите».

Потом же, егда уже до конца изнеможе, призва еще воина и глагола ему: «Рабе Христовъ! Имѣлъ ли еси матерь? И вѣмъ, яко от жены рожденъ еси; сего ради молю тя, страхом Божиимъ оградься: се бо азъ жена есмь и, от великия

[1] обратитесь; [2] мучения; [3] впредь; [4] досаждайте; [5] терпели; [6] хотя бы.

нужды стѣсняема, имамъ потребу, еже срачицу измыти. И якоже сам зриши, самой ми ити и послужити себѣ невозможно есть, окована бо есмь, а служащихъ ми рабынь не имамъ. Такожде тецы[1] на рѣку и измый ми срачицу сию. Се бо хощетъ мя Господь пояти от жизни сея, и неподобно ми есть, еже тѣлу сему в нечистѣ одежди возлещи в нѣдрѣхъ матери своея земли».

И сия рекши, дастъ ему завѣску свою, еже под полу скрывъ, иде и измы на рѣцѣ. И малое оно платно мыяше водою, лице же свое омываше слезами, помышляющи прежнее ея величество, а нынѣшную нужду, како Христа ради терпитъ, а к нечестию приступити не хощетъ, сего ради и умираетъ. Извѣстно бо то есть всѣмъ, яко аще бы хотя мало с ними пособщилася, то бы болѣе прежняго прославлена была. Но отнюдъ не восхотѣ, но изволи тмами[2] умрети, нежели любве Христовы отпасти.

По том блаженная и великая Феодора успе с миромъ во глубоци темницѣ, месяца ноемврия с перваго числа на второе, во час нощи, на память святыхъ мученикъ Анкиндина и Пигасия.

Мати же ея Мелания в то время бѣ в пустыни и видѣ тоя нощи во снѣ великую Феодору, яко оболчена в схиму и в куколь[3] зѣло чюденъ, велми же и сама свѣтла лицем и обрадованна, и в куколи в веселости своей красовашеся, и обзираяся всюду и рукама водя по одеждамъ, и чюждашеся[4] красотѣ ризъ своих, непрестанно же лобызаше образъ Спасовъ, обрѣтыйся близъ ея, цѣловаше же и кресты, иже на схимѣ. И сице надолзѣ зряше си творити, дондеже очютися мати от вѣдѣния; и возбнувъ[5], дивляшеся. И приидохом, и повѣда нам. Послѣди же, яко увѣдѣхом и се: она нощь, в нейже Феодора преподобная ко Господу отиде в боровской темницѣ, тоя же нощи мати видѣние зряше в пустыни; и прославихомъ Бога.

По святѣм же успении ея святое оно и многострадальное тѣло, обвив рогозницею, якоже сама блаженная завѣща, и загребоша ту же во острогѣ близъ сестры своея единоматерния, благовѣрныя княгини Евдокии мученицы. Егда же увѣдѣвъ се Алексий царь, и заповѣда, да никтоже увѣсть ни от болярь, ни от инѣхъ. И на три седмицы утаися в Верху, по том же увѣдѣно бысть повсюду.

Мало же послѣди Феодоры пребысть и Мария, точию месяцъ единъ, и декабря въ ⟨*далее в рукописи оставлено пустое место для числа. — Н. П.*⟩ день преставися она ко Господу. И взыде третия ко двѣма, ликовати вѣчно о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже подобаетъ всяка слава, честь и поклонение, и велелѣпие со безначалным его Отцем и со Святым Духом и нынѣ и во вѣки вѣком. Аминь.

---

[1] пойди; [2] тысячу раз, тысячекратно; [3] куколь — головной убор схимника; [4] дивилась; [5] пробудившись.

Бысть же, егда хотяше Господь возвести в путь свидѣтельства великую Феодору и купно со спутницами ея, и убо того лѣта, постящимся им, и причаща их отецъ Досифей в дому блаженныя Феодоры, во Ивановѣ горенкѣ. И егда приближахуся прияти пречистое Тѣло и Кровь Христову, обливахуся вси трие теплыми слезами. И зритъ преподобный отецъ дивну вещь: абие[1] они трие, Феодора, глаголю, славная, и благовѣрная княгиня Евдокия, и блаженная Мария, просвѣтишася внезапу лицемъ и быша чюдни видѣниемъ, и всячески образомъ быша яко ангели Божии и в таковой свѣтозарности пребыша, дондеже причастишася. И послѣди авва нѣкимъ повѣда втайнѣ вещь сию, глаголя, яко «нѣсть сие просто, но мню, яко сего лѣта имутъ сии страдати о Христѣ», еже и бысть.

Единою[2] же матери Мелании приключися ей в недугъ впасти, и умираше от болѣзни. Феодора же, на Печерском подвории сѣдяще, и плакаше зѣло, матерьня разлучения не могии терпѣти, и глаголаше: «Господи, не сотвори насъ сиры! Кто нам будетъ вождь, к тебѣ возводя, и кто наставитъ в путь твой непрелестно[3]!»

И во едину нощь сице мати изнеможе, яко и предстоящих пред нею сестръ и рыдающих горко не знати ей; и даже дотолѣ доиде, яко многому духу собирашеся в персѣх ея и рѣдко дыхаше, и весьма чающимъ сестрамъ умрети ей. И внезапу очютися[4] мати и в приходящий день здрава бысть. И повѣдаше сестрамъ: «Азъ, — рече, — не чаях себе ожити, егда убо вы в нощи сей рыдасте надо мною; духъ же мой собирашеся в персехъ моихъ, и ощущахъ, яко изо всего тѣлесе моего яко нѣчто животно[5] собирашеся к сердцу и яко хотяше изыти гортанемъ моимъ. И в то время зѣло ми бысть тощно, и паки и нозѣ и руцѣ ощущахъ яко омертвѣша, и таково ми бысть тощно, яко мнѣти ми разсѣстися[6] сердцу моему. Бысть же ми и се разумно[7], яко весь онъ собравшийся дух и раздымающийся в персѣхъ единою[8] хощетъ ис тѣлесе изыти. И се внезапу паки уразумѣхъ, яко устремление оно многа духа внезапу отступи от персей и яко вода потече по всему тѣлеси, и ощутих и руки и ноги оживша, и бысть ми легче, и абие прозрѣхъ и видех вас плачющих».

Посла же мати Феодоре матерное благословение. И прииде к ней Мария девица, и видѣ Феодору не токмо лицемъ почернѣвъшу, но и устнѣ ея на части разсѣдошася; и вскорѣ предвари вопросити Марию: «Есть ли лекче матери нашей?» И рече: «За молитвъ ти здрава бысть. Но молю тя, ты повѣждь ми, почто тако огорчена еси?» Блаженная же, и еще слезамъ во очию ею, рече ей: «О, Марие! Зѣло неутѣшно рыдахъ сиротства своего и просих у Христа, да оставитъ намъ матерь нашу, паки же и то вѣщах[9] ко Владыцѣ, яко да дастъ ей лучшая. [10]И бѣхъ обоимъ содержима[10], лучшего прося, и хотѣх хотѣнием, желах, еже

[1] внезапно, вдруг; [2] Однажды; [3] безошибочно, правильно; [4] оправилась, пришла в чувство; [5] живое; [6] разорваться; [7] понятно; [8] в один момент; [9] говорила; [10—10] И была двойственным (чувством) одержима.

еще ей с нами пожити, и нас отпустя ко Христу, и самой ей мученицѣ быти. И тако препроводих всю сию нощь, рыдающи. Нынѣ же благословен Господь Богъ нашъ, оставивый намъ правителницу, яко да в невоздержании нашем обуздовает, а в скорбѣхъ утѣшаетъ!»

И прииде Мария и повѣда матери вся реченная от блаженныя. И положиша вси во умѣ своемъ: якоже Козму игумена, слез ради и жалѣния отецъ, повелѣ Богъ паки возвратити душу,* подобнѣ тому и здѣ прилучися, и ради рыдания угодницы своея Феодоры дарова живот[1] наставницѣ ея Мелании.

Сѣдящи же блаженнѣй Марии на чепи за карауломъ, посла к ней Феодора, глаголющи: «Аще не предаси себе под начал в повиновение матери нашей, то не можеши управитися; аще же умолиши ю, и умилосердится и присвоитъ тя, и будеши ея послушница, то вся благая сотвориши и возможеши претерпѣти до конца». Егда же токмо услыша Мария, без всякого закоснѣния[2] молитъ матерь приити к ней. Бѣ же к ней приход строптив зѣло, и едва дерзну мати, обаче же многаго ради моления не возможе презрети. И егда снидостася, начатъ ю Мария молити. Мати же отрицашеся, глаголя себе недостойну быти. Блаженная же падает на землю, плачющи горко и руцѣ матерни не преста облобызающи устнами, а омывающи слезами. «Почто мя, — рече, — не хощеши помиловати, якоже онѣхъ блаженныхъ двою сестръ? Но вѣмъ, яко азъ нѣсмь достойна дщерь твоя быти и именоватися, якоже онии велицы госпожи, боляроня великая Феодора и благовѣрная княгиня Евдокия Прокопиевны, изящнии[3] послушницы и возлюблении твои дщери. Мене же, молю тя, не токмо персту своему мизиному причти, но хотя единому ногтю своему причти, точию нарцы[4] мене своею, да буду токмо послушница твоя! Господа ради умилосердися, не отлучай мене от возлюбленныхъ своихъ, от Феодоры и Евдокии, свѣтовъ моихъ!» Мати же, аще и зѣло не хотяше, но обаче рече ей: «Христова ты и моя». И она возрадовася велми. И бяху вси трие, едина единой ревноваху въ послушании.

Егда же бѣста мати съ Еленою в темницы, и в день той глагола мати Иустинѣ, яко да изыдетъ она вмѣсто ея ис темницы на свободу, а она вмѣсто ея останетъ ту. Иустина же иде вопросити старца своего, иже бяше ей, егда живяху в мирѣ, по закону супружникъ, сѣдяше же ту же во острогѣ въ другой темницѣ.* Онъ же подтверди[5] ю, яко да терпит до конца и да не погубит вѣнца своего. «Се бо, — рече, — зриши ли, како они Христа любятъ и волею его ради въ юзы и в смерть, а ты много терпѣвъ, а нынѣ хощеши все погубити». И послуша она, и утвердися, еже тако тому быти, сирѣчь до смерти терпѣти. Грядущи же от тоя темницы к мученицам и посреди обою тѣмницъ бывши, возва и возопи, и вознесе гласъ свой, и плакася велми, и глаголаше многая словеса в рыдании

[1] жизнь; [2] промедления; [3] превосходные, отменные; [4] назови, нареки; [5] подкрепил.

своемъ по обычаю своему. И послушаху плача ея мати Мелания сь Еленою, вкупѣ же и мученицы, и дивляхуся, славяще Бога.

Бѣ же у сея Иустины таков плачевный обычай, егда ей найдутъ нѣкая помышления жалостная, тогда ей не мощно держатися, ниже утаитися, но во услышание всѣмъ рыдаетъ горцѣ.

Се же начало плача ея: «О, свѣтъ моя Пресвятая Богородица, небесная царице! О, свѣтъ моя помощнице и заступнице Одигитрие! Нѣсть *у мене ни рода, ни племени*, ты убо мнѣ помощнице вся во всѣхъ, купно же ты и родъ, и племя, и заступница, Одигитрие! О, свѣтъ мой Христе Сыне Божий! Егда убо приидеши судити всѣмъ в послѣдний день и воздати комуждо[1] по дѣлом его, молю тя, о, Сыне Божий, ущедри[2] мя и сподоби одесную тебе стати и слышати сладкаго твоего гласа, еже речеши праведным: «Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царство от сложения мира»;* избави же мене от страстнаго оного и жесточайшаго гласа, еже речеши грѣшным, сущим ошуюю[3] *тебѣ:* «Отидите от мене, проклятии, в огнь вѣчный, уготованный диаволу и аггелом его;* и да не речеши и мнѣ, о пресладкий Исусе: „Отиди от мене, проклятая!"» Егда же сие слово Иустина...

---

[1] каждому; [2] вознагради, облагодетельствуй; [3] слева.

ПЕРЕПИСКА БОЯРЫНИ Ф. П. МОРОЗОВОЙ С ПРОТОПОПОМ АВВАКУМОМ И ЕГО СЕМЬЕЙ

Ф. П. Морозова — Аввакуму

Батюшку Авакуму Петровичю.

Благочестивому и чадолюбивому моему, и свету душе *моей*, и радости *моей* неизреченой, батюшку Авакуму Петровичю грешная твоя и недостойная, и ленивая, и во гресехъ живущая, и нетерпеливая, всемъ человекомъ дасадница, и никому ничево добрава не сотворила.

Ведаетъ Христосъ, Саздатель мой, хочетьца с нимъ быть, да какъ онъ, светъ, подасть помощи, да надеюся, грешница, на святыхъ атецъ и на ваши праведныя молитвы. Молю, милостивай мой, со слезами и прошю твоего благословения и молитвы, батюшка христолюбивой мой. Люта, люта мнѣ, грешнице, в такихъ печаляхъ!

А духовныя наши все розна стали, не много, которы правды во *всем* деръжатьца. Да не диво такъ, батюшка: время то пришло. Прости меня, Христа ради, а я всехъ пушьша согрешаю.

А дети твои не такъ живут, какъ ты: пошли за Федоромъ ходить и у нево перенели [1]высокоумья великое на себя[1], и гордость положили, и никово человека не поставили[2], и всехъ стали абманывать. Такъ ихъ сьель: и дюшю, и тело! Так — а ане не атьстануть: не познали за грехъ, за нево умирають. Толко милостивъ Христосъ, за твои молитвы не аставить, [3]восъ, познаютьца[3]. Люта мнѣ, грешнице!

А я сама такава была: чаела себе всево добрава спасения, да немного душю не потеряла. Лють сей человекъ! Так — а не покаеца.

Многа была писать, да нелъзя. И самъ ты, светь мой, *уразумелъ* и мнѣ говаривалъ, и я, грешница, мала слушела, у тебя жа молила: «Вели жить!»

[1—1] чрезвычайно высокое мнение о себе; [2] ува́жили; [3—3] наконец познают, уразумеют.

А все то сотана виноват: ищет, какъ бы душю тмою поглатить. Да велико милосердие Божья и твоя малитва, и што меня Богъ помиловалъ, што неть ево у насъ! Многа тово писать, што и уму непостижно козней ево. Сотана лють, батюшка, а и горами качаеть, а нами ему не диво покачать; толка велика милосердие Божие.

Пиши, светь, детемъ своимъ горазда и запрети, чтобы имъ с нимъ не знатьца, и помолися за меня, штобы и меня богъ избавилъ отъ него.

И тому Федору во всемъ запрети, чтобы в *пакаянии* былъ. Толка тебя послушеть, станеть каеца. Такъ ведаешь, што милостивъ Христосъ. А што х тебе ни пишить, то все лошъ, прости меня Христа ради. Ну да, чю, послушеть ли тебя? Бога забылъ и детей твоихъ всякому злу научилъ. За то та на меня твои дети и печалъни были. А я на нихъ не дивую; и сами ани тому не ради: имъ онъ видица добрай человекъ.

Прости меня, грешницу! Желея такъ писала, со слезами.

Аввакум — Ф. П. Морозовой

...Я дѣтямъ своим велю Феодора любить, доброй онъ человѣк; преже тебя я ево знаю и давно мнѣ сынъ духовной. Такова то ты разумна: не смогши[1] с корову — да подойникъ о землю! Себя боло[2] тебѣ бить по роже той дурной, какъ и я себя чотками...

Аввакум — Ф. П. Морозовой

...*Ивашко** мой *моим* говорил: «Я, де, никово не обманул; изволила бъ, де, пожаловала бы на тѣхъ людей сказать, ково я обманывал; *сказали бы*, де, по ея рѣчам, восли[3] бы ково я обманулъ... *пожаловала* сказала... я, де, рад *перед Богом и людьми прощатца*; *только, де, я* тово не помню, ково бъ я *обманул*. *Кручинитца*, де, на нас за Феодора: какъ бы, де, я Феодора еретиком звал, так бы, де, меня и жаловала, и добрые, де, мы люди были».

И ты, миленькая, на них не сердитуй! Правду дѣтина та говорит, что ты, сердитуя на Федора, и ихъ не *замѣчаешь*. *А* я, су, имъ Феодора еретиком *звать* не велю, [4]да не впадутъ в правúльную вину[4], и ты только не престанешь — и ты за то постражешь.

Не хотѣла боло ты ихъ изгонять тово, да не устояла на томъ. Ушто я согрѣшил пред Богом! Да пускай сугубо, бѣдные, терпять: и отъ *чюжих*, и отъ своихъ!

---

[1] не сумев сладить; [2] ведь; [3] если; [4—4] да не нарушат церковных правил.

Я боло тово в тебѣ не чаял по словесем твоим. Говорила боло ты и по смерти моей их не покинуть, а нынѣ, вижи, и при *живом* — *оплевала*! Вѣдаешь веть, каков тебѣ сынъ — таковы и мнѣ дѣти, хотя бы онѣ и впрямь заплутали. И ты бы их духовнѣ смиряла, а голодом не морила, а то нынѣча, оставя себя, да людей смиряешь! Нутко, ты посмиряй себя, как я, бывало, всѣмъ себя велю домашним по трожды[1] ударить плетью, колико душ прилучится в дому моем; иное прилучится человѣкъ 20 и с 30, и всѣ биют мя, а я молитвую. А то ты на небо то хочешь взыти, бьючи сама, а не бита быти!

Да што на тебя дивить! Иное тебя и людишка худые с умом тѣмъ смяли, притрапезные плуты, которые въ словах проходят словеса Господня, а не в дѣлѣхъ, а ты у них краснословия их слушаешь и искренних друговъ изгоняешь. Что Никонъ патриархъ нас от царя оттѣснил своим коварством, так то и тѣ от вас наших вымыслом оттѣсняютъ, да в вашей *плоти похвалятся*. Богъ ихъ с нами разсудитъ, что онѣ на нашем основании своя гнилыя храмины созидают!

Какъ тебѣ дали двор и крестьян прибавили,* и ты ко мнѣ тогда писала: «Есть, чем, батюшко, жить; телеснова много дал Богъ». А нынѣ в другой грамотке пишешь: «Оскудала, батюшко, поделитца с вами нѣчем». И я лише *разсмѣяхся* твоему несогласию!

А все то у тебя притрапезники и душегубцы изгубляют, а истинным рабом Христовым и проливающим крови своя за Христа милостыня от тебя истекает, яко отъ пучины морския малая капля, и то с оговором. Да сказывалъ мнѣ Федор, обѣщалася боло, де, ты давать от имѣния своего с клятвою пятую долю страждущим рабом Христовым, а нынѣ большо жаль стало, или тѣмъ отдаешь, которые пропивают на винѣ процеженном, на романѣе и на рѣньском, и на медах сладких, и изнуряют во одеждахъ мяхких.

Горѣ тебѣ, несмотрительно[2] живущей! Лише печосся о том, как бы дом *строен*[3], *как славы* нажить больше, как бы села и деревни строины, а тово не знаешь, что утренний день принесет намъ, — сия бо подобает творить и онѣхъ не оставлять.

Ну, полно мнѣ тово говорить! Помирися с Федором, помирися з дѣтьми моими — *добро ти будет*. Аще ли ни — то не хорошо *будет*.

Напрасно покидаешь и Марковну, Марковна — доброй человѣк, я ее знаю. Пожалуй, Бога ради, окупи ея долг-от, буде у тебя сойдется, да помоли брата своего и нашего друга, чтоб пожаловал о кормовой тое грамотѣ,* пожаловал потружался... ставить...

Пожалуй, Бога ради, не отринь от себя дѣтей моих духовных, Дмитрѣя попа с попадьею,* а то слышу, что ты их *изгоняешь*.

---

[1] трижды; [2] неразумно; [3] крепок.

Ф. П. Морозова — жене Аввакума Анастасии Марковне

Благочестивой и христолюбивой рабѣ Христовѣ Настасье Марковнѣ, з чады и снохою и со внучкою.* Какъ вас Господь сохраняет в таких ваших печалѣхъ, а моему окаянству еще владыко Христос, по своей премногой милости и святыхъ отецъ молитвами, терпит, до воли Божия жива и з чадом своим.*

В таких своих суетах мирских и душевных печалѣх сокрушаюся, по вся дни и часы опасаюся; и мнѣ и такъ тошно, а еще нынѣшния печали и вконець меня сокрушили, что такими святыми душами смутилъ одинъ человѣкъ, егоже имя сами вѣдаете.* Прежде сего мутил онъ мнѣ на *твоих* дѣтей всячески, каковы онѣ высокоумны и каковы непостоянны: «Нельзя, де, их тебѣ жаловать. И о том много вам писать, что не токмо с вами мутил, и со всѣми Христовыми рабы, и всѣмъ домом моимъ мутил, и в том судит его Господь. А какъ я отказала ему, и онъ всѣм стал мутить на меня, и дѣтям твоимъ, и всѣмъ оглашал, и поносил меня не дѣлом[1], и так поносил, что невозможно не токмо писанию предать, но и словом изрещи невозможно. Не убояся он суда Божия, и не помянув смертнаго часа, и в том не постави ему Господь грѣха сего. Только ты, матушка, опасайся таковаго: лукавъ есть и зѣло злокозненъ. Истинно, нѣсть в немъ страха Божия, и вам бы отнюють тому вѣры не нять[2], и ко мнѣ по-прежнему любовь имѣть, и я к вамъ такожде всею душею всегда рада, и николи у меня ненависти не бывало; только мнѣ то печално, что он и вашими душами возмутил. Дивлюся я твоим дѣтямъ, что они с ним водилися, а featнѣй ево не провидѣли. Уже мнѣ, грѣшной, владыко Христос дал свое милосердие, святых отецъ молитвами, познати ево козни и пронырство; а дѣти твои и в то время с ним водилися, и я на то положила, вос[3] онѣ и не познали его. А на тебя, матушка, отнюдь у меня никакия досады нѣтъ, ни на дитей твоих; я вамъ вседушно рада. А дѣтокъ своих, Марковна, уйми, чтобы онѣ с таким бездѣльником не водились. На ково онѣ меня же променили! Дѣло ль то ихъ, что имъ тому повѣрить да ложь ко отцу писать Аввакуму и к прочим!

Толь ваша, Иванъ стар да Прокофей, правда, что вы на меня пишете неправду, а тово льстеца, душевнаго супостата, правите[4]! Наказаны и вы от Христа будете, что вы с ним сложилися да писали ложь. Буде вы от него не отстанете, то каков он самъ нагъ ходил, таковых и вас нагих поставит пред Христом. Таков-то ваш учитель! Преж сего не любили, а нынѣ вы его возлюбили, да возмутили святых отецъ душами, а сущее вы его преже сего мало любили по дѣлу.

---

[1] несправедливо; [2] не держать; [3] вот; [4] оправдываете.

А буде вы моих граматокъ не допустите к батюшку и прочтете, или батюшковы посмотрите, то уже под клятвою[1] будете, и вѣчно [2]со мною не знатца вам[2]. Откуду вы взяли то, что прочитать чужия грамотки? И нынѣ пришли ко мнѣ грамотки просматриваны, батюшковы печати нѣт на нихъ — вы прочитали. В котором правилѣ взяли? Кто от духовных отцовъ или от дѣтей духовных прочитает грамотки? Вы что льстите[3] меня? Кормилицею вы меня *называете*, а я вам какая кормилица? Христосъ вас питает.

И намъ объявилась твоя неправда вся, как ты покрывал по сопостатѣ моем душевном, и ложь написалъ ко отцу на меня и на матерь, на старицу Александру, и на Аксинью с братом.* Какъ вы Бога не убоялися, на такую матерь вознегодовали за то, что бутто она мнѣ на вас возмутила! Ей, напрасно! И бутто Анну она возненавидѣла и дѣтей ея, а она о Анне беспрестани печется, и дѣтей ея истинно любит. И не Анне ино[4] добра хочет, я сущее ее знаю, что ненависти нѣт у нее ни на ково, сущая она раба Христова, Трефильева ученица.*

И вы сущии рабы Христовы были, какъ с ним не водилися; а теперь ево ученьем злоба та на вас. Затѣваете на отца вы Трефилья, и на ево послушниковъ хулу принесли — то не ужве зѣло в вас? Пускай я виновата, простите меня Бога ради, в чом я вамъ досадила.

Да послала я к тебѣ, матушка, пятнадцать рублевъ денегъ на твою на всякую нужу, а туды к батюшку послала *восьми* рублевъ: батюшку два рубли одному, да ему же на подѣлъ шесть рублевъ з братьею Христовою. И ты мнѣ отпиши, дойдет ли к ним. А дѣтям своим отнюдь не вели грамотокъ просматривать, и заповѣдь положи на них с клятвою, чтобы им отнюдь моих грамотокъ не прочитать и батюшковых. Вѣдает Христос, что я тебѣ, что рождьшей матери, рада. Помню твою духовную любовь, какъ ты меня посѣщала* и душу мою духовною пищею питала; сущая ты по-прежнему ко мнѣ и я к тебѣ истинно же такъ по-прежнему рада. А дѣте твои сущия неприятели душевныя явилися мнѣ, повѣрили такому лукавому мужу; всяких он бѣсовских featuresнѣй наполненъ. Аще вы не отстанете от него, *то* вѣчно погибнете и со мною не знайтеся!

Простите меня, грѣшную, матушка, ты да Иванъ и Прокофей, в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении, в чом я вас опечалила. А вы мнѣ, Иванъ да Прокофей, зѣло опечалили и досадили, что вы на меня и на прочих так ко отцу написали; напрасно только бѣсу часть дали. Богъ вас простит, вперет бы так не было.

Прости, мать моя возлюбленая, помолися за меня, грешницу, и за сына моево; молю твого благословения.

Отдать сея грамотки на Мезени протопоповай женѣ Аввакума Настасье или дѣтем еѣ.

Послана денегъ двенадцать рублевъ матушке.*

[1] проклятием; [2—2] вас знать не захочу; [3] хвалите лживо; [4] только.

Ф. П. Морозова — Аввакуму

Отцу Аввакуму.

Христолюбивому и благочестивому великому отцу, священноиерею протопопу Аввакуму Петровичю многогрѣшная, недостойная, и не могу нарещи имени своего за премногое недостоинство, что в великом мятежи и в суетѣ и в лѣности жизнь свою провожю. За умножение греховъ моихъ отовсюду великая буря на душу мою, и я, грѣшница, не терпѣлива. Помолися, чадолюбивой милосердой мой отецъ, чтобы мнѣ Владыко дал терпѣние и в покаянии бы меня застал и сына бы моего въ християнствѣ застал и в покаянии. Молю и прошу со слезами у тебя, батюшко, попроси у Владыки обь моем сынѣ и подай благословение токо ему годно, свѣту, что иво сочетать законным браком, как ему время будет, и чтобы Владыко подал милость свою, чтобы дал супружницу ему благочестиву и нищелюбиву, и странноприимицу. И у всѣхъ умоли, кои есть тамо Христови раби, а имена Богъ их вѣдаеть, да и ты, принеси ты молитву, отецъ мой милосердой, да и всѣ бы раби Христовы милости бы просили о семъ дѣле. Я, грѣшница, у всѣх у вас молю вашего благословения и молитвы, чтобы Богъ подал сыну моему супружницу на спасение, да и мнѣ, *грѣшницѣ*. Какъ Владыко тебѣ положит, батюшко, на разумъ, тобою подействуетъ, гдѣ мнѣ взять: из добрыя ли породы или из обышныя? Которыя породою полутче[1] дѣвицы, те похуже,[2] а тѣ дѣвицы лутче, которыя породою похуже. И ты подай свое благословение, гдѣ бы меня Богъ понудит. А нужды ради дѣло то въскорѣ становится. Опасаюся, гдѣ не любо, ано понудят.

Прости, светъ души, мой батюшка, и благослови меня и сына моево, вскоре стала писала, и ты *сам* узнаешъ, х чему писала.

---

[1] познатнее; [2] не так хороши.

ПИСЬМА Е. П. УРУСОВОЙ

Сыну Васеньке

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

Свѣту моему *любезному*, другу моему сердечному, утробе моей возлюбленной, *Васеньке.** Мир тебѣ, свѣт мой, и благословѣние мое.

Охъ, *возлюбленной* мой, как не вижу пред очима своима тебя, *как* не обымаю рукама своима тебя, как не цалую своима устнама тебя, любезного! Охъ, мой любезной *Васенька*, не видишь ты моего лица плачевного[1] и не слышишь *моего* рыдания слезного, не слышишь, как рыдает сердце *мое* а тебе и душа моя а тебе сокрушаетца. Охъ, *мой* любезной друкъ, не слышу твоего гласа любезного. *Охъ*, возлюбленной мой, *промолви ко* мнѣ хотя един глагол, утѣши печаль мою, абвесели сердце мое сокрушенное. *Охъ*, мой ненаглядной, нинасмотреной, не могла, грешница, *своима* очима на тебя насмотретися! Охъ, утроба моя возлюбленноя, *промолви* ко мне про сиротство свое, х кому приклонити тебе главу свою сирою, хто попечетца а тебе или кто а тебе, сиром, поболезнуетъ, кто *призрит* на сиротство твое или кто утешит тебя, сираго, кто тебя, сираго, примолыть словом ласковым. Охъ, кто таковъ сир на земли, что ты, мой возлюбленной! Охъ, любезной мой друкъ Васенька, или ты забыл меня, или я тебе на умъ не взайду, или забыл любовь и ласку мою, али забылъ ты слезы мои и рыдание мое, как я рыдала по тебе, как видела тебя на смертном одре, не дала я покоя очима своима день и нощь, и держала тебя, своего друга, на руках своихъ и амывала слезами тебя и сокрушила свое сердце по тебе; а чаяла, грѣшница, что ты будешь утеха души моей и радость и сердцу моему.

И я нынѣ молю у тебя, любезной мой Васенька, и прошу со слезами и рыданиемъ, утешь ты меня, любезной мой, абрадуй ты душу мою и свою душу

---

[1] заплаканного.

помилуй во вѣки, поживи ты угодно Христу, стой въ вѣре истинной, *старой*, а к новому не прикосайся, не погуби душу свою и берегися от нового, и пенья нового не слушей, и крестися по старому истинным крестом, как при мнѣ крестился, любезной мой, так и нынѣ крестись, люби ты вѣру старою, утешь ты меня, любезной мой; вѣдаешь, какъ ты утѣшал и все ты любил по старому. Охъ, возлюбленной мой, буди ты со Христом да со мною во единой вере истинной. И я молю у тебя, радость моя Васенька, буде ты что погрѣшил, и ты кайся, свѣт, ко Христу. Онъ, свет, простит тебя и помилуетъ. А с сего часу поживи, друкъ мой, угодно Христу, люби вѣру истинную, старою и крестися по-старому; и буде ты, любезной мой, возлюбишь веру истинную, старою, а от нового от всего станешь беречися, и ты будешь от Бога вечно помилованъ, и будешь долголетенъ на земли, и мое благословение буди на тебе; а буде грѣх ради моих возлюбишь ты нынешнею новою веру, и ты скоро умрешь, и тамо станешь в будущемъ мучитца, и меня не нарекай уш себе матерью, уш я не мать тебе, буде ты возлюбишь нынешную, новою. Ино, любезной мой, сохрани тебя Христосъ от того, что тебе любить нынешнее, сохрани тебя Небесный Царь, радость моя Васенька, буди ты, утроба моя возлюбленная, буди ты радость душе моей, храни ты то, а чемъ я у тебя тепере молю, и во вѣки не позобуди прошения моего и моления, помилуй душу свою, и чтобы мне про тебя услышеть и возрадоватца, не опечаль ты душу мою во веки, а свою душу во веки не погуби.

Да молю у тебя, любезной мой Васенька, буди ты ласковь к сестрамъ и утешай ихъ, и слушай во всем их, что ане станут тебе говорить, и ты слушай во всем ихъ, любезной мой, и не печаль ихъ, и не досождай имъ, буди ласков к ним, толька веть у нихъ, у сирых, и радости, что ты един, ты утеха и радость имъ, а тебе, сирому, толька же радости и утехи, что ане у тебя, только у тебя и сердешных приятелей, что ане, а у них ты единъ же приятель сердешной; поживите, светы мои, въ любви и друк на друга не нагледитеся. А ты их слушай, любезной мой Васенька, утеши ты меня, возлюбленной мой.

Да еще у тебя прошу, любезной мой, не презри ты моего моления, не пей ты вина, не опечаль ты душу мою, не пей вина и ничего хмельного не пей, любезной мой. Помни, свет, кто вино пьет, тот не наслѣдит Царствия Небесного, пьяницам мука сотворяна. Да еще молю, возлюбленный мой, не резвися и имей чистоту душевную и телесную, ведай, мой свет, блудники и в огне вечно мучетца и нетъ атрады им, и ты берегися, любезной мой, от той погибели, чтобы тебе не мучитца, и буди, мой свет, кроток и смирен.

Прости же, любезной мой, прости же, мой радостьной, прости же, возлюбленной мой, и не позабуди ты прошения моего! Все сия слова мое напиши в серце своем, помни во вѣки приказ мой, не преступи прошение моего. Да абрадуй меня, Васенька, отпиши ко мне, как ты живешь, утеши ты меня, любезной мой. Буди на тебе Божия милость.

Дочерям Евдокии и Настасье

1

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

Возлюбленнымъ *моим* сердешнымъ *Евдокии, Настасье.** Спаси вас Христос! Поживите хорошо, *пекитеся* а душе. Все минетца, а душа всево дороже. Помните... приказ, жалайте а душе. Храните вѣру, во всемъ любовна поживите; любите друг друга и брата берегите, всему доброму учите брата, чтобы хранил вѣру; говорите ему ласково; не ленитеся молитца. Простите, светы мои сердешные.

Любезная моя, не забывай меня, ты пиши ко мнѣ, ты собинная[1] моя; молю у тебя, будь смирна. Чтите часто слово *божия*. И ты, *Евдокия*, не забывай меня. Все вы мнѣ больны.[2]

Не подивите, что мало пишу к вам. А се вскорѣ лучилося, неколи было хорошо написать, спешила. Молитеся, сердешные, часто; спасайтеся о Христе, за нас молитеся, поминайте родителей, Бориса, Иванушка и Прокопия, Анисью и всѣх, говорите кануны. Пожалуй, любезныя мои, не ленитеся кануны говорить.

2

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, и помилуй нас.

Светы мои любезные, еще ли вы живы в печалех своих? И буди мое, грешное, благословения на вас, светов моих.

Да слышала я, светы мои, печаль вашу и сокрушение, что вам нет ни от кого радости, ни утешение, но и паче — от всех вам оскорбление. Ох, светы мое любезная, сокрушаетца мое сердце по вас, и утроба моя разпаляетца, видечи сиротство ваше и слышечи печаль вашу и сокрушение. Охъ, светы мои, кто таков сир на земли, или кому такое живое разлучение! Ох, мои возлюбленныя, кто утешит печаль и скорбь вашу, или кто попечетьца вами и посетуетъ о вас? Да слышала я, светы мои, что вы и от брата* оскорблены и от *отца* не утешенны. И я о том сокрушаюся, грехъ ради моих, таков брат ваш родился: сокрушил он сердце мое и повредил он утробу мою грешную.

О, светы мои любезныя, радость вы душе *моей*! *О*, светы мои, две ластовицы златокрылыя; о, мои светы возлюбленные, двѣ горлицы пустынные; ох, светы мои любезные, двѣ сироты *бѣзприютные*, не имеет х кому приклонити главу свою сирою! Только у меня, у грешницы, на земли и радости, что вы, двѣ

[1] любимица; [2] дороги.

любезныя мои! Носила вас, световъ своих, во утробѣ своей и радовалась, и родила васъ, светов своих, забыла болезнь свою матерню, возрадовалася вашему рождению, глаза мои грешныя на вас не нагляделися, и сердце мое вами не нарадовалась. Ох, светы мои любезная, вы радость душе и вы отрада сердцу моему сокрушенному!

Да молю и прошу у вас, светы мои, со слезами и с рыданиемъ, утешьте вы меня вечною радостью, светы мои, чтобы мнѣ, грешнице, в будущем вами возрадоватца и чтобы мнѣ узреть вас одесную света-Христа не в ызреченной радости. Светы мои, здешная честь и радость маловрѣменна, аки в гостях гостим, а тамошняя радость неизглаголанная, око не виде, ни ухо слыше, и на серце человѣку не взыде, кто угодитъ Христу и кто в ыстинной вѣрѣ скончаетца. Светы мои любезная, как вы крестилися в ыстинной вере, и до конца пребудьте в ней, спасетеся, не пременяйте ни *единые* черты, утешьте меня, светы мои, радость моя душевная вы будите.

Да прошу у васъ, любезные мои, утешьте печаль мою, обрадуйте серцо мое сокрушенное, отпишите ко мнѣ про все житье свое, не обленитеся, *но* утешьте вы меня — моленько пишите ко мнѣ. Отпишите ко мнѣ, светы мои, каков отецъ до вас, да брат каков нынѣ до вас, про все печали свое отпишите ко мнѣ, каково вам жить бѣз меня и что делоетца над вами, любезными.

Да еще вам, светы мои, приказывая и со слезами молю: будьте вы к Ивановнѣ* ласковы и со слезами просите у нея, чтобы она вас не покинула, и слушайте ѣе и вменяйте Ивновну вместо меня, ничем со мною не разните; тако же она болитъ серцемь о вас, что и я болю. А я вас *вручила* Христу да и ей, вместо себя вручила я вас Ивановне, слушайте во всемъ еѣ.

Да прошу, светы мои, у вас, поживите угодно Христу, чтите слово Божие. И коли вам приидет печаль, и вы прибѣгните со слезами ко Христу; не ленитеся, светы мои, часто Богу со слезами молитеся. Да еще, светы мои, прошу у вас: давайте, светы, Христа ради милостыню, как вас наставит Богъ, давайте, светы, милостину Христа ради. Простите же, мои светы любезные, простите.

3

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, и помилуй нас.

Светом моим любезным, светом моим ненаглядным, мир вам, светомъ моим, и благословения мое.

Ох, светы мои, как вас нарѣку, или как вас назову? Горлицы, мои светы, пустынныя, ластовицы златокрылыя, светы мои ненасмотренныя, радость вы душе моей и утеха вы сердцу моему сокрушенному! Светы мои, утешьте вы вечно душу мою, чтобы мнѣ вами в будущем возрадоватца. Охъ, светы мои,

бутьте вы мнѣ матери[1], обрадуйте, светы мои, меня и свою душу помилуйте, храните, светы мои, вѣру християнскую и поживите угодно Христу, молитеся, светы мои, не ленитеся, прибѣгайте к нему, свету, и просите у него милости. Он, свет, вам отецъ и мать, он, свет, вам, сирым, утешение. Светы мои, как вам приидет печаль, и вы плачьте перед Творцомъ своим: велика помочь слезы душе.

Охъ, светы мои, молю у вас: молитеся, светы мои, ночью хотя [2]по лесенке кладите[2],* ношная молитва велика. Светы мои, живите любовно межу себя, и брата, светы, бѣрегите, и утвержайте его, и говорите, чтобы он бѣрегся от нынешной погибели. Да чтите, светы мои, слово Божие. Светы мои, просите вы книги у отца, да спрячьте у себя их, я вас благословляю ими; всего дароже криги старыя, нынѣ не добьесся таких. Да послала я к вам, светом своимъ любезнымъ, и благословляю вас книгаю Цветничком. И вы, светы мои, чтите ее, не ленитеся. Утешьте вы, светы мои, меня и свою душу помилуйте; почтите ся, светы, со Христом быть. Светы мои любезныя, послала вам по лесенке, имена ваши подписаны на лесенках; светы мои, молитеся по них, не ленитеся.

Свет моя любезная, дорогая именинница Настасьюшка, спасай душу в новой год и поживи, светъ, угодно Христу, и стой крѣпко в верѣ хрситиянской до конца своего.

Матери мои, утешьте меня вечною радостью, светы мои, давайте милостыню.

Да *отпишите*, светы мои, ко мнѣ про все, что у вас делоетца, утешьте вы печаль мою. *Отпишите* ко мнѣ про житье свое и говорите, светы, отцу, что он забыл меня. Да не постави ему, Господи, во грех, моих ради грехов, что забыл меня вовсе, да *будет* воля Творца моего; он, свет, надежда и радость моя, он, свет, един у меня, он, свет, питаетъ меня, сирую, и всемъ утешает. Кто таковъ сир на земли, что я, сирая, да вы, мои светы возлюбленныя, сиры, мои светы, паче всехъ. Да *отпишите*, светы мои, про отца, что отецъ говорит про меня, все отпишите ко мнѣ, светы мои любезныя. Говорите отцу и плачьте перед ним, чтобы не женился, чтобы не погубил вас; тепере-то, светы, и плачьте перед отцом, покуды не женился,* а как женитца, так не пособить, лише вѣчна станете плакать; топере, светы, у него плачьте.

Да поминайте, светы мои, радителей, говорите кануны по умерших, по дедушках, и по бабушках, и по отце своем кресном, и по Иване,* и по сестрам говорите. Да слышала я, светы мои, что Анна овдовела; и как она приедетъ к Москвѣ, и вы, светы мои любезныя, бутьте до нее ласковы, и любите ее, что душу свою: доброхот она вам: во всемъ нет у вас такова доброхота, что она; вместо родителя вам, любезныя мои. Во всем мое прошение исправтя: попекитеся о душах своих, обрадуйте меня.

---

[1] словно матушки; [2—2] по четкам поклоны кладите.

Ох, светы мои возлюбленныя, только у меня, у грешницы, на земли и радости, что вы, мои светы любезныя; сокрушаюся о вас и вами жа и радуюся.

Простите же, мои свѣты любезныя, *простите* же, мои светы возлюбленныя; лобызаю вас, светов своих прелюбезных и возлюбленных. Ох, мои светы, утроба моя возлюбленная; бутьте вы, моя утроба превозлюбленная, храните вы крѣпко вѣру християнскую и молитеся часто, светы мои. Простите же, любезные мои, буди на вас милость Божия и мое благословения на вас.

Спаси вам Христос, светы мои, что прислали ко мнѣ холстину да ниточки; дошло до меня. Да и впредь, светы мои, и не презрите меня, что вам Бог возвестит, исправьте нужду мою, не покиньте меня, утроба вы моя возлюбленная.

Неизвестному

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

Свет мой сердечной, спасай душу в новой год. Ох, светъ дарогой именинникъ, тошнехонько — не вижу тебя, света, и не слышу о житие твоем! Хочетца все ведать, да далека *спрашивать*, *мой свет*, как ты, свет, родилося, како светого *память* была; почитай день той, така восмой день дано, потом сметишь. Прости же, *мой свет* любезной, много было говорить, да негде тебя взять. Ну, *мой свет*, не оставит тебя Богъ, дастъ крепость, только ты, мой светъ, почти ся.

Отпиши, любезной нашъ, ко мнѣ, для чего Ивановна ничего ко мнѣ про детей не пишет, что они с нею говорили, какую рѣчь про меня и каковы они, печалетца ли а мнѣ и что с нею говорили. Ничего о том ко мнѣ, ничего не писала, и я о том апечалилась зелно, и мнѣ надобны рѣчи те их, бутто бы с ними поговорила, кабы услышала слова их. И ты, любезной мой, про все ко мнѣ отпиши, буде ты что услышал у Ивановны, что съ нею дети говорили, какие рѣчи, и про все, любезной, напиши ко мнѣ. Да молю у тебя, любезной мой, сотвори мнѣ любовь, Христа ради, самъ будешь помилован от Христа. Со слезами проси у Ивановной, чтобы она детей моих не покинула, всячески бы попрося милости у Христа, да посылала бы к ним Анну, да и сама бы ходила, буде возможно, хотя изретка. Докучай, раб Христов, и попекися ты душами сирыми, самъ от Бога будешь помилован.

Посланы к тебѣ четыре паметцы, три тебѣ, а четвертая другу нашему любезному, Агафьюшке здешной, прочти ты ей да издери, не держи: страшно держать.

СОЧИНЕНИЯ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

ПОСЛАНИЕ НА СОЛОВКИ

Списокъ з государевы царевы и великого князя Алексѣя Михайловича всея Русии грамоты слово въ слово, какова послана грамота въ Соловецкой монастырь с молѣниемъ по мощи иже во святыхъ отца нашего Филиппа;* митрополита Московскаго и всеа Русии, чудотворца, с великимъ господиномъ преосвященнымъ Никономъ, митрополитомъ Великого Новаграда и Великолуцким.

Христову подражателю, небесному жителю, вышественному и плотному ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю нашему, пастырю же и молитвенику, великому господину, отцу отцемъ, преосвященному Филиппу, митрополиту Московскому и всеа Русии.

По благоволению вседержителя Христа Бога царь Алексѣй, чадо твое, за молитвъ святыхъ ти здравствуетъ

Ничтоже ми тако печаль души творитъ, пресвятый владыко, изволивъ быти тебѣ богохранимаго царьствующаго нашего града Москвы во святей, велицей и преименитой соборной апостольской церкви Пресвятыя чистыя и преблагословенныя владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, святаго ея Успения, наполняюща мѣсто, с прежебывшими тебѣ и по тебѣ святители, яко да бы купновавшихъ ради молитвъ святая соборная и апостольская Церковь и яже о Христѣ вѣра, еюже спасаемъся, пребывала выну[1] неподвижна, и стадо вашея святительския паствы ненавѣтно[2] отъ всепагубныхъ волкъ. Не бо и мы своею силою или многооружнымъ воинствомъ укрепляемъся, но Божиею помощию и вашими святыми молитвами вся намъ на ползу строятся.

Второе. Молю тя и приити тебѣ желаю сѣмо, еже разрѣшити согрѣшение прадеда нашего, царя и великаго князя Иоанна,* нанесеное на тя неразсудно завистию и неудержаниемъ ярости. И еже на него твое негодование аки об-

---

[1] всегда; [2] неповрежденно.

щники[1] и насъ творитъ злобы[2] его, якоже пишется: «терпчины[3] бо родителныя оскомины чадомъ различне творя».* Обаче превратися[4] отъ Бога, се рече бо пророкомъ, не быти тако, глаголъ сей: «но ядшему терпкоя, тому и зубомъ быти оскомины».* Аще и неповинен есмь досаждѣния твоего, но гробъ праведничь присно убеждает мя и в жалость приводитъ, послушествующе... преданию твоему совести моей... да не лишаешися твоея... царьствующаго града. И сего ради ... за одного, иже в тя согрешившаго, да оставиши ему согрешение его своимъ к намъ пришествиемъ. Да подаси тому прощение, да же отъ сего и поношение на него о твоемъ изгнании к тому упразднится, и вси вознепщуютъ[5], яко мирну ти сущу к нему за благодать твою, еже к намъ твоего пришествия, вкупѣ и бытия во святей соборной и апостальской церкви. Сего ради тя молю о семъ, о, священная главо и честь моего царьства, твоимъ преклоняю честнымъ мощемъ и повиную къ твоему молѣнию всю мою власть. Да пришедъ, простиши, иже тя оскорби понапрастну, раскаяся бо о содѣянномъ и онъ тогда. И за того покаяние къ тебѣ.

И нашего ради прошения прииди к намъ, святый владыко, исправи бо ся тобою и евангелский глаголъ, за негоже ты пострада, за еже всяко царьство, раздѣльшееся на ся, не станетъ,* и нѣсть пререкующаго ти глаголати о свидѣниихъ[6] Господнихъ. И благодать Божия в твоей паствѣ за молитвъ святыхъ ти в нашемъ царьстве присно изобильствуетъ. И нѣсть уже днесь въ твоей паствѣ никотораго раздѣления. Аще бы убо было, не бы стояло доселѣ раздѣления ради. Но нынѣ вси единомысленно... и молимъ тя, даруй себе желающимъ... с миромъ восвояси, и своя с любовию приимутъ. И не въмѣни се искусъ быти некий, или ино что, яже нами посылаемое молѣние. Вѣси бо, о, священный верше воистинну, яко чужда намъ сия.

Тѣмъже и уповаемъ на Господа прияти тя скоро и облобызати, яже нами уповаемыя честныя мощи. О, священная главо, святый владыко Филиппе, пастырю нашъ, молим тя: не прѣзри нашего грешнаго молѣния, прииди к намъ с миром.

Царь Алексѣй, желаю видѣти тя и поклонитися мощемъ твоимъ святымъ.

Да у тое же государевы грамоты печать вислая краснаго воску, а на печати на стороны напечатанъ орелъ двоеглавый.

---

[1] сообщники; [2] прегрешения; [3] горечь; [4] уклонился; [5] поверят; [6] откровениях.

ПИСЬМО НИКОНУ О СМЕРТИ ПАТРИАРХА ИОСИФА

Списокъ з государевы грамоты слово в слово.

Избранному и крепкостоятельному пастырю и наставнику душъ и телѣсъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, безлобивому, но и паче же любовнику и наперстнику Христову и рачителю словесныхъ овецъ.

О, крепкий воине и страдальче Царя Небеснаго, о, возлюблѣнный мой любимиче и содружебниче, святый владыко, моли за мя, грешнаго, да не покроетъ мя тимѣния[1] глубины греховъ моихъ твоихъ ради молитвъ святыхъ.

И надеяся на твое пренепорочное и безлобивое и святое житие, пишу сицѣ свѣтло сияющему во архиереяхъ, аки солнцу, свѣтящему по всей вселенней, тако и тебѣ, сияющу по всему нашему государству благими нравы и дѣлы добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресветлому митрополиту Никону Новгородцкому и Великолутцкому, собинному[2] нашему другу душевному и телесному. Спрашиваемъ о твоем святительскомъ спасении, какъ тобя, свѣта душевнаго нашего, Богъ сохраняетъ? А про насъ изволишъ вѣдать: и мы, по милости Божии и по вашему святительскому благословѣнию, какъ есть истинный царь християнский наричеся, а по своимъ злымъ, мерскимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не токмо в цари. Да еще и грешенъ. А нарицаюся ево же, свѣтовъ, рабъ, отъ кого созданъ. И вашими святыми молитвами мы, и с царицею, и с сестрами, и з дочерью,* и со всемъ государствомъ, маия по... число далъ Богъ здорово.

Да буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо, за грехи всего православнаго християнства, но и паче и за мои окаянные грѣхи, Содѣтель и Творецъ и Богъ нашъ изволилъ взять отъ здѣшняго прелѣстнаго и лицемернаго свѣта отца нашего и пастыря великого господина кир Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии,* изволилъ его вселити в нѣдра Авраама и Исаака.* И тебѣ бъ, отцу нашему, было вѣдомо. А мати наша соборная и апостольская Церкви вдовствует зело слесно и вельми сетуетъ по женихѣ своемъ. И какъ в нѣе войтить и посмотрѣть, и она, мати наша, какъ есть пустынная глубицѣ пребывает, не имущи подружия, такъ же и она, не имый жениха своего, печалуетъ. И все перемѣнилось, не токмо в церьквахъ, но и во всемъ государьствѣ духовнымъ дѣлам зѣло разсужения нѣтъ, и худо без пастыря дѣтем жить.

А какъ великий отецъ нашъ и пастырь, святѣйший Иосифъ патриархъ, встречал Иева патриарха,* и какъ на осляти ѣздилъ входъ Иерусалимъ,* и какъ ево не стало — и то писано подъ сею грамотою.*

А я тебѣ по томъ, великому господину, челомъ бью, и паки возвращайся Господа ради поскорѣе к намъ обирать на патриаршество именемъ Феогнаста.*

---

[1] тина; [2] личному.

А без тебя отнюдъ ни за что не примемся. А по томъ прошу от тобя благословѣния и прощения со всѣмъ государствомъ. И по томъ благосердне челомъ бью.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7160-го маия въ «...» день.

А в концы в подлинной грамоты пишетъ: «Подписалъ яз, своѣю рукою, рабъ Божий царь Алексѣй всеа Русии».

А у тое жъ подлинной грамоты пишетъ на подписке: «Богомольцу нашему и преосвященному Никону, митрополиту Новгородцкому и Великолутцкому».

А печать у тое грамоты воска чернаго, орелъ двоеглавый. А по сторонамъ тое печати пишетъ «Рабъ Божий Алексѣй» своею рукою.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПАТРИАРХА ИОСИФА

Списокъ съ статейнаго списка слово в слово о принесении мощей въ царствующий градъ Москву Иева, патриарха Московскаго и всеа Русии, чудотворца,* и о представлѣнии Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии,* каковъ статейной съписокъ присланъ отъ государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русии на дорогу, ѣдучи с Соловковъ, къ великому господину преосвященному митрополиту Великого Новаграда и Великихъ Лукъ съ московскимъ сотником.

Нынешняго 160-го (*1652*) году принесли великого святителя Иева патриарха мощи априлия въ 5-й день въ понедѣлникъ шестые недѣли часы в оддачю денные* въ монастырь къ Пречистой Богородицы Страстныя. А встречать посыланы ево святые мощи власти: митрополитъ Казанский и Свияжский Корнилей,* архиепископъ Муромский и Резанский Мисайло,* архимандритъ андроньевской Селиверстъ,* спаской игумѣнъ изъ-за Вѣтошнаго ряду,* протопопъ ис-под колоколовъ* да исъ собору священникъ да диаконъ;* да со властьми въстречали бояре наши — князь Алексѣй Никитичь Трубецкой* да князь Федоръ Семеновичь Куракинъ,* да околничия наши князь Василей Григорьевичь Ромодановской* да Прокофей Федоровичь Соковнинъ,* да дьякъ Семѣнъ Заборовской.* А всрѣтили тѣ ево честные мощи в селѣ Тушинѣ, за двенатцать верстъ до Москвы, по Иосифовской дорогѣ.* И ис Тушина несли на главахъ стрелцы до самой Москвы. А язъ, многогрѣшный царь, встречалъ с патриархомъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со всѣм гоударьствомъ, отъ мала и до велика. И многолюдно таково было, что не вмѣстилися от Тверскихъ воротъ по Неглиненские ворота. И по кровлямъ, и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть. А Пожар* вѣсь занятъ людьми пешими, нельзя ни проттить, ни проѣхать. А Кремль велѣлъ запереть. Инъ и такъ [1]на злую силу[1] пронесли въ соборъ, такая тѣснота была. Старые люди говорятъ, лѣтъ за семьдесятъ не помнятъ такой многолюдной встречи. А мощи Иева патриарха плоти есть не везде, понемногу: а глава цѣла, а плоти нѣтъ, не разсѣлася, какъ Богомъ сотворена, такова и есть. Шапка на главѣ вся цѣла, шитая. И жемчугъ весь цѣлъ, и горностай у шапки цѣлъ, толкѣ мало почернѣлъ. Руки цѣлы, пальцовъ нѣтъ.

И патриархъ, нашъ отецъ, со мною жаловалъ, плачучи, говорилъ: «Вотъ, де, смотри, государь, каково хорошо за правду стоять — и по смерти слава». Да много плакалъ, мало не во всю дорогу до самого до собору.

И, пришедши, поставили в ногахъ у Иасафа патриарха,* [2]на мосту наверху[2]. И окълали кирпичемъ, а сверху доска положена, а не задѣлана, для сви-

[1—1] едва, насилу; [2—2] на помосте.

дѣтельства. Почели было свидѣтельствовать, да за грѣхи наши изволилъ Богъ отца нашего патриарха взять в вѣчное блаженство. И топере все стало, ожидаемъ тебя къ свидѣтельству. А чудеса отъ него есть.

И какъ почели ево ставить на мѣсте томъ, и отецъ нашъ говоритъ мнѣ: «Кому, де, в ногахъ у нево лежать?» И я молвилъ: «Ермогена тут положимъ».* И онъ, государь, молвилъ: «Пожалуй, дѣ, государь, мѣня тутъ, грешнаго, погресть». И какъ отецъ нашъ преставися, и я, грешный, воспомянулъ ево, государевы, слова: какъ мнѣ приказывалъ, гдѣ велѣлъ себя положить и мѣсто выпросилъ, только дня не вѣдалъ, в который дѣнь Богъ изволитъ взять. И мнѣ, грешному, ево святительские слова въ вѣликое подивлѣние, какъ есть онъ, государь, пророкъ, пророчествовалъ себѣ про смерть ту свою. Да с тѣхъ мѣстъ и заболѣлъ лихараткою, да трясла ево, [1]ходячи по днямъ[1]. А къ Вербному воскресенью* и полехчело. Да пришел утин[2], да грыжа, на злую силу ѣздилъ на осляти.* А кручиноватъ[3] добрѣ былъ: входу нихто не могъ угодить, на всѣхъ кручинитца. Да и не служилъ самъ, велѣл Казанскому да властемъ. А за столомъ весѣлъ таковъ былъ. Сказываютъ, что не вѣдаетъ, гдѣ детца.

Да на Страсъной недѣле посылалъ я въ понеделникъ и во вторникъ о спасении[4] спрашивать, и онъ, государь, самъ выходилъ да сказывалъ: «Есть, дѣ, лехче. Прямая, де, лихаратка — и знобитъ, и въ жаръ великой приводитъ».

Да во вторникъ ѣздилъ отъпѣвать Ивана, Григорьева сына, Плещеева жену. «А отъпевалъ, де, на злую силу, весь, дѣ, чернъ въ лицѣ, — мнѣ, приѣхавши, сказывали хто былъ на погребенье томъ, — гораздо, де, болѣнъ патриархъ».

А в среду ту ни у заутрени, ни у обѣдни не былъ. А я тово и не вѣдалъ, что онъ гораздо болѣнъ. Да послалъ я Василья Бутурлина* о спасении ево, великово святителя, спросить: «И ево, дѣ, одва вывели. А говоритъ, де, хорошо».

И прииде мнѣ въ вечеру помышлѣние тое жъ среды, что поитить къ нему мнѣ навестить ево. А другое помышлѣние мнѣ приидѣ, что завтро, де, побываешъ. И Божиимъ изволѣниемъ первое то помышлѣние гораздо почало понуждать итить къ нему. И, благословяся у отца своего духовнаго,* пошелъ к нему тое жъ среды въ вечеру.

И пришелъ къ нему за часъ до вечера, и дожидалъся с часъ ево, государя, в Крестовой.* И вывѣли ево одва ко мнѣ. И идетъ мимо мѣня благословлять Василья Бутурлина. И Василей молвилъ ему: «Государь, де, стоитъ». И онъ, смотря на мѣня, спрашиваетъ: «А гдѣ, дѣ, государь?» И я ему извѣстил: «Перед тобою, святителѣмъ, стою». И онъ, посмотря, молвилъ: «Поди, государь, къ благословению», — да и руку далъ мнѣ поцеловать. Да велѣлъ себя посадить на лавке, а сѣлъ по лѣвую руку у мѣня, а по правую не сѣлъ — и сажалъ, да не сѣлъ.* А вышелъ ко мнѣ, знать, въ самомъ зломъ знобу: какъ почело ево знобить, а онъ и вышелъ ко мнѣ. Да спросилъ я ево, святителя, про болѣзнь, какая болѣзнь.

[1]—[1] целыми днями; [2] боль в спине, пояснице; [3] раздражителен; [4] о здоровье.

И онъ сказал: «Лихаратка, дѣ, знобитъ и тапере». А говорит зъ забытью, а иное замолчит да долго не говоритъ, а лихаратка та ево какъ [1]не подымая[1] знобитъ. И я учалъ ему говорить: «Такое-то, великий святитель, наше житие: вчерась здорово, а нынѣ мертвы». И онъ, государь, молвилъ: «Ах, де, царь-государь, какъ человѣкъ здоровъ, такъ, дѣ, мыслитъ живое. А какъ, де, примѣтъ инде, ни до чево станетъ». И я ему, свѣту, молвил: «Не гораздо ли, государь, недомогаешъ?» И онъ молвилъ какъ есть скрозь зубы: «Знать, де, что врагуша[2] тресетъ и губы окинула. Чаю, де, что покинетъ: и лѣтось такъ же была».

И ты мѣня, грѣшнаго, прости, великий святитель и равно апостоломъ, и богомолѣцъ нашъ, преосвященная главо, в томъ, что язъ ему не воспомянул о духовной и кому душу свою прикажетъ, и что про кѣлейную казну прикажетъ. И не воспомянулъ для тово, в томъ прости, великий святитель, объманула мѣня тѣмъ: я чаялъ, что въпрямъ трясавица[3], анъ впрямъ смертная. По языку тому признавалъся, что худо говорит и скрось зубы. И помышлял себѣ, что гораздо болѣнъ, да положилъся на то, что знобитъ больно, то-то онъ и бес памяти. А се и то мнѣ на умъ пришло великое сумнѣние: болѣзнь та на немъ трясавишная, а мнѣ молвить про духовную ту, и онъ помни́тъ: «Вот, де, мѣня избываетъ», — да станетъ сердѣчьно гнѣватце. Да для тово впросто и положилъ, да то-то себѣ почаялъ: еще утре побываю у нево. И ты мѣня, великий святитель, для Христа прости, мое согрешение, что постыдилъся воспомянуть о преждѣимянованной духовной и об ыныхъ статьяхъ: чаялъ, что утре увижусь. И ты мѣня прости, ей, не с хитрости сие дѣло сотворилося. Сатана запял[4] такое дѣло совершить. И я у тебя, великого святителя, прошу согрешениемъ своимъ прощения, и благословѣния, и разрѣшения и сему моему согрешению. Доздѣ[5] да возвращуся на преждѣ реченное, да об отцѣ съвоемъ повесть докончаю.

И просидя немьного, я въсталъ и ево поднялъ, и такъ ево почало знобить, не смогъ и «Достойно» проговорить,* «Славу»* проговорилъ с отпускомъ насилу* да почелъ ко мнѣ прощения говорить, что говорятъ въ среду на Страстной.* И я ему отъвѣщал по уставу, да самъ почелъ прощение къ нему творить да поклонилъся въ землю ему, а онъ малой поклонъ сотворилъ да благословилъ мѣня, да велѣлъ себя весть провожать мѣня. А ноги-тѣ волочитъ на злую силу. И я сталъ и учалъ его ворочать: «Воротися, государь, ей, пуще тебѣ будетъ». И онъ мнѣ жалуетъ, говоритъ: «Ино су, я тебя и въдругоредь благословлю». И я молвилъ: «Пожалуй жа, государь, великий святитель, благослови и третицѣю». И онъ пожаловал, и въ третий благословилъ. Да какъ благословитъ — и руку дастъ цѣловать и въ херувимъ.* И я, благословясь, да поклонился в землю ему и поцеловалъ в ногу. И онъ, смотря на мѣня, благословляетъ и прощаетъ. Да и воротился, да и повѣли ево в задние кельи, а я пошелъ къ себѣ. Да молвилъ, оглѣнясь: «Завтро, де, вѣлю служить и дѣйствовать Казанскому со властьми.

[1]—[1] не отпуская; [2] лихорадка; [3] лихорадка; [4] помешал; [5] Теперь.

А на мѣня, де, не покручинся, не могу». И я молвилъ: «Добро, государь, вели ему, а самъ поотъдохни къ Свѣтлому Воскресению».

И енто все дѣлалось въ среду на Страстной, въ вечерѣ. А наутре въ четвергъ допѣваютъ у мѣня завтреню[1] за полчаса до свѣта, только начали перьвой часъ говорить,* а Иванъ Кокошиловъ* ко мнѣ в церковь бежитъ к Евдокѣе, Христовы мученицы,* и почалъ мѣня звать: «Патриаръ, де, кончаетца».

И мѣня прости, великий святитель, и перьвой часъ велѣлъ безъ себя допѣвать, а самъ с небольшими людьми побѣжалъ к нему. И прибежалъ къ нему, а за мною Резанской.* Я въ двѣри, а онъ в другие. А у нево толке протодьяконъ, да отецъ духовной, да Иванъ Кокошиловъ со мною пришелъ, да келѣйникъ Ферапонтъ, и тотъ трехъ не смыслитъ перечесть, таковъ простъ, и себя не вѣдаетъ. А опричь тово ни отнюдь никово нѣтъ. А ево, свѣта, поновлялъ[2] отецъ духовной. И мы со архиепископомъ кликали и трясли за ручки-те, чтобъ промолвилъ, — отънюдь не говорит, толке глядитъ. А лихаратка-та знобитъ, и дрожитъ весь, зубъ о зубъ бьетъ. И мы с архиепископомъ не могли роскликать и роспрашивали протодьякона, для чево вѣсти ко мнѣ не повѣдали и ко властемъ. И онъ почалъ говорить то: «Кабы, де, нѣ я, государь, заставилъ сильно поновлять отца духовнаго, и онъ бы, дѣ, такъ и ушелъ безо всего. Я, де, пришелъ к нему, а онъ, де, лѣжитъ без памяти, а отца духовнаго выслалъ вонъ. И онъ, дѣ, стоитъ у дверей, не смѣетъ и войтить. Я, дѣ, почалъ говорить: „Для чево нейдешъ?" И онъ, дѣ, мнѣ говоритъ: „Не смѣю, дѣ, итьтить, станетъ, де, кручинитца". И я, дѣ, закричалъ: „Хотя бъ, де, билъ тебя, и ты бъ, де, шелъ къ нему; видишъ, де, и самъ, что топере онъ в нецевелье[3], потому болѣзнь та гораздо приняла ево". И Ивана тово, дѣ, я сыскал, да послалъ по тебя, государя, и по Казанскаго* и по Резанскаго». И мы спрашивали отца ево духовнаго, каково говорилъ в-ысповѣдании. И онъ сказал: «Горазда, де, тупо понавливалъся. Чуть, де, намѣчалъ». Да протодьяконъ сказывалъ: «Я, дѣ, давѣ на великую силу розкликалъ, индѣ только и молвилъ: „Пошли, дѣ, по государя", да и только. Да с тѣхъ, де, мѣстъ и по ся мѣстъ языка нѣтъ, какъ вы и пришли». И я, и Резанской почели кликать. И онъ, государь, только очьми зритъ на насъ быстро, а не говорит: знатно то, что хочетъ молвить, да не сможетъ. Не могли роскликать никоими мѣрами. Какъ есть в лихараткѣ: какъ в жаръ кинѣтъ, такъ то онъ лѣжитъ въ забытии. Невѣдома, какая болѣзнь-та у нево, святителя, была. Да мы с Резанскимъ да сѣли думать, какъ, причащать ли ево топере или нѣтъ. А се ждали Казанскаго и прочихъ властей. И мы велѣли обедню пѣть раннѣю, чтобъ причастить. Такъ Казанской прибѣжалъ, да после Вологотцкой,* чудовской,* спаской,* симоновской,* богоявленской Мокѣй протопопъ. Да почелъ кликать ево и не могъ роскликать. А лежалъ на боку на лѣвомъ. И переворотили ево на спину, и подняли главу ту ево повыше. А во утробѣ той знать какъ грыжа-та ходитъ, слово в слово, таково во

[1] утреню; [2] исповедовал; [3] беспамятстве.

утробѣ той ворошилось и ворчало, какъ у батюшка моево передъ смертью. Такъ Казанской учалъ говорить, чтобъ причастить запасными дарами. И велѣл отцу духовному прощения передъ всѣми властьми за нево. И причащали ево, святителя, при мнѣ Казанской, Резанской, отецъ духовной ево да протодьяконъ. А причащали ево власти без ризъ, в манатьяхъ, без клабоковъ. А какъ пожаловали части,* и ему уста разымал протодьяконъ, а онъ, государь, без памяти лежалъ, и послѣ причастия почалъ онъ, государь, гораздо дышать больно. И почалъ отецъ ево духовной говоритъ: «Велѣлъ, де, себя масломъ соборовать». И почали облачатца. И к освящению масла приехалъ Вологотцской, а Ростовской,* и Крутицкой,* да андроньевской,* да здвиженской* и иные прочие черные власти* были въ соборѣ, приспѣлъ какъ часъ освящению и помазанию маслу.* А отецъ духовной мой со мною вьмѣсте пришелъ, а причещали без него: онъ на часъ вышелъ. И почели перьвое Евангилие честь. А я у нево стою, а возлѣ мѣня стоитъ по правую сторону отецъ ево духовной, а мой отецъ духовной по лѣвую сторону у него стоитъ, под руку ево под лѣвую держитъ, опадываетъ рука-та добрѣ. И какъ прочелъ Казанской и приложилъ ево, такъ послѣ Евангелия тово почалъ гораздо быстро смотрѣть на лѣвую сторону ко властемъ, гдѣ масло-то освящаютъ. Да повелъ очьми тѣми вьвѣрхъ, да почалъ с краю тово жатца къ стенѣ.

И мѣня прости, владыко святый, кой часъ почалъ пристайно и быстро смотрѣть, и я узналъ, что онъ видѣние видитъ. Не упомню, гдѣ я читалъ: перед разлучиемъ души отъ тела видитъ человѣкъ вся своя добрыя и злыя дѣла. И молвилъ я отцу ево духовному: «Видитъ отецъ нашъ нѣкакое видѣние». И онъ молвилъ: «Нѣт, де, полна, дѣ, в нецевенье такъ смотритъ». И я молвилъ: «Смотри, что будетъ. И самъ не знаешъ, что говоришъ». И я отцу духовному своему сказалъ, что видитъ нѣкакое видѣние. И онъ молвилъ: «Видитъ, де, нѣчто». А смотрѣлъ с четверть часа быстро [1]со здомъ[1]. А смотритъ все в потолокъ, знатно то, что видитъ. И почалъ рукама закрыватца и жатца к стѣне-то и в уголъ, как стену ту не выломитъ?! И руки-тѣ вырвалъ у протопопа да почелъ закрыватца, да закрычалъ великимъ гласом, а невѣдома, што. Да почалъ хоронитца и жатца добрѣ в уголъ. Походило добрѣ на то, какъ хто ково бьетъ, а ково бьютъ — такъ тотъ закрываетца. Такъ-то над нимъ, святителѣмъ, было. Да затрясъся весь в ту пору и плакать почалъ и крычать такъ же, а смотритъ вверхъ. Да было тово с полчетверти часа. До после крычания почнет и отъходить. Двожды отъходилъ, и отходную говорили, да опять очнулъся, да почелъ тихнуть. А очи гораздо мутны стали с кричания. И я перед нимъ, проговоря прощения, да поцеловалъ въ руку, да в землю поклонился.

Пошелъ къ себѣ въ пятомъ часу в-ысходѣ, а казну келѣйную въ чуланехъ и въ полатахъ и домовую вездѣ самъ перепечаталъ послѣ освящения масла.

[1]—[1] со вздохами.

А у него, святителя, осталъся Резанской да отецъ ево духовной, да ризничей, да спаской келарь Пафнотей Еропкинъ. А Казанской со властьми пошли готовитца къ службѣ и начели въ соборѣ в седмомъ часу вечерня. А у мѣня ту же пору начели. И какъ начели пѣть в соборе, и какъ начели у мѣня вмѣсто херувимской перьвой стихъ «Вечерѣ твоей Тайнѣй»* пѣть, а онъ, государь, в тотъ часъ преставися, [1]осмаго часа в полы[1]. И пропѣли первой стихъ, и прибѣжалъ келарь спаской и сказалъ мнѣ: «Патриарха, дѣ, государя, не стало». А в ту пору ударит в Царь-колоколъ три краты. И на насъ такой страх и ужасъ нашелъ, адва пѣть стали, и то съ слезами. А въ соборе певчие и власти всѣ со страху и ужаса ноги подломились потому что хто преставился да к такимъ днямъ великимъ, ково мы, грѣшные, отъбыли, яко овцы бес пастуха, не вѣдаютъ, гдѣ детца. Такъ-та мы ныне, грешные, не вѣдаемъ, гдѣ главы приклонити, понеже прежнево отца и пастыря отстали, а нового не имѣемъ. И ты, владыко святый, помолись и с Васильемъ уродивым, сиирѣчь нашимъ языкомъ, с Вавиломъ,* чтоб Господь Богъ нашъ дал намъ пастыря и отъца, кто ему, свѣту, годѣнъ, имя вышеписанное. А ожидаемъ тебя, великого святителя, къ выбору. А сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да Казанской митрополитъ, да отецъ мой духовной, тайнѣ въ примѣръ. А сказываютъ, святъ мужъ. А отъ здѣ да возвратимъся на преждѣреченное.

И отъпевши обѣдню, пришелъ къ нему, свѣту, а онъ, государь, уже преставися: лежитъ, какъ есть живъ, и борода розчесана, лежитъ, как есть у живова. А самъ немѣрна хорошъ. И простяся с нимъ, и поцеловавъ в руку, и пошелъ к умовѣние ногамъ. А ево, государя, приказалъ готовить погребалная Резанскому архиепископу, да архимандриту андроньевскому, да отцу ево духовному. А те всѣ власти были въ службѣ. И послѣ умовѣния с Казанскимъ митрополитомъ с Корнилиемъ и со всеми властьми приговорили выносить на завтренѣ в пятницу в Великую к Ризъ положенью,* до чесовъ. Да вынесъчи, и по мощи поитить къ Благовѣщению Богородицы.

И пришли по нево часу въ пятомъ дни, а онъ, свѣтъ, какъ есть живъ лежитъ, и вѣры не иметца, что онъ, государь отецъ нашъ, преставился: таковъ хорошъ лѣжитъ во гробѣ — только не говоритъ. А облачали ево, свѣта, всѣ власти: Казанской митрополитъ с товарищы. И вынесли ево, свѣта, к Ризъ положенью и, вынесъши ево, пошли по мощи къ Благовѣщению.

И въ вечеру тово пятка[2] пошолъ я з женою и съ сестрами* къ Благовѣщению къ святымъ мощамъ и въ соборъ к Гробу Господню знаменатца и с отцомъ нашимъ Иосифомъ патриархомъ проститися и прощение получити. И из собору пошелъ самъ одинъ, наперед прежъ ихъ к Ризъ положенью выслать сидѣльцовъ. Да пришелъ я къ дверем полунощным[3], а у нево отънюдь никакова сидѣльца нѣтъ. Кому велѣлъ быть игумномъ, тѣ всѣ розъѣхались, и я ихъ велѣлъ

[1]—[1] в половине восьмого; [2] пятницы; [3] северным.

смирять[1] митрополиту. Да такой грѣхъ, владыко святый, — ково жаловалъ, тѣ ради ево смерти; лутчей новинской игуменъ,* тотъ перьвой поѣхал от нево домой, а дѣтей боярскихъ я смирялъ, сколько Богъ помочи далъ. А над нимъ одинъ священникъ говоритъ Псалтырь, и тотъ говоритъ, во всю голову кричитъ, и двѣри всѣ отъворилъ. И я почѣлъ ему говорить: «Для чево ты не по подобию говоришъ?» «Прости, дѣ, государь, страхъ нашел великой. А во утробе, дѣ, государь, у нево, святителя, безмѣрно шумѣло больно грыжа до тебя, государя. То-то, де, мѣня и страхъ взялъ». А у нево, государя, животъ взнесло с полъаршина из гроба, знать, *у* утробы той ево и руки не сойдутца, какъ у протчихъ мертвецовъ ведетца. А какъ преставился и вынесли, и у нево, свѣта, отнюдь живота не знать было из гроба, только голова одна наруже была. Да священникъ же почелъ мнѣ сказывать: «Часы, де, в отдачу, вдругъ взнесло живот у нево, государя, и лицо в ту жъ пору почело пухнуть. Тот-то, дѣ, мѣня и страхъ взялъ. Я, де, чаелъ — ожилъ. Для тово, дѣ, я и двѣри отворилъ, хотел бежать». И мѣня прости, владыко святый, отъ ево речей страхъ такой нашелъ, адва с ногъ не свалилъся. А се и при мнѣ грыжа та ходитъ прытко добрѣ в животѣ, какъ есть у живово. Да и мнѣ приидѣ помышление такое отъ врага: побеги, дѣ, ты вонъ, тотъ часъ, дѣ, тебя, вскоча, удавитъ. А насъ тоько я да священникъ тотъ, который Псалтырь говоритъ. И я, перекрестясь, да взялъ за руку ево, свѣта, и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: «отъ земли созданъ и в землю идѣтъ, чево боятися?» Да руку ево хочу покинуть, а самъ смотрю на лицо ево, и онъ безмѣрно пухнет. Борода та вся зжалась, а лицо розно пухнетъ. Да в ту жъ пору какъ есть треснуло, так та у нево во устѣхъ нежид-от[2] трѣснулъ. Да и уста те стало воротить при мнѣ розно. А нежид-от пошел изо устъ, и из ноздрѣй кровь живая. И я досталъ испужалъся, да поостоялъся, такъ мнѣ полѣхчело отъ страху. Да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку ту ево с молитвою взялъ. Да и духъ почелъ великой быть.

А жена и сестры отънюдь не испужались, а блиско блюлись подойтить. Безмѣрно, владыко святый, страшенъ в лице томъ сталъ, лицу тому у нево, свѣта, единымъ часомъ доспелось[3]. И я остави*л* сидѣть и ночевать чудовского келаря Феодосия. И пришолъ келарь чудовской в полночь противъ суботы и почелъ мнѣ говорить: «Нежиду, дѣ, добрѣ много идетъ». И мѣня прости, владыко святый, велѣлъ тайно ему одному да отцу ево духовному знаменскому игумну провертеть въ ногахъ. И шелъ нежить во всю ночь, течмя шолъ. Мы чаели, что и не престанетъ. Сталъ с Казанскимъ митрополитомъ тужить. И Содѣтель нашъ и Творецъ свыше насъ дѣлаетъ: какъ часы отдали денные, в суботу въ Великую, а у него и престалъ итить нежитъ. Такъ мы поранѣе обѣдню ту, положась на волю Божию, для тово и велѣли в пятомъ часу дни благовѣстить, блюлись тово: человѣкъ сырой, а се не вылежалъ, ни выболилъ. Блюлись долго не хоронить, и

[1] наказывать; [2] трупная жидкость; [3] сделалось.

такъ бес престани и в головахъ, и въ ногахъ ладономъ окуривали. Горшки стояли с ладономъ, инъ и такъ дух-от слышет. Не такъ, что по всей церкви, а саженехъ в двухъ слышеть — ладонъ столбомъ идетъ, а духу тово не задушитъ. А погребли в одиннатцатомъ часу дни, отъслужа с нимъ обѣдню, и по заамбоннѣй молитве вынесли и погребѣние совершили. А онъ стоялъ покрытъ весь, только шапка одна наруже была непокрыта, да рука вынета ис-под покрова для целования. А целовали мы в шапку да в руку, а лица отнюдь никоими мѣрами нельзя было отъкрыть: вѣдомо, владыко святый, тѣло перстно[1] есть, да мы, малодушнии, тотъ часъ станемъ осуждать да переговаривать. Для того и не отъкрыли лица.

Да какъ ево, государя, положили во гробъ, такъ сталъ Казанской митрополитъ грамоту разрѣшательную говорить. А какова грамота, и с нѣе списокъ, подъ симъ столпцомъ подклѣена:* «Во имя Святыя и Живоначалныя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа. Се азъ, смиренный Корнилей митрополитъ, молясь тебѣ, Христу, моему владыцѣ, прощаю и разрешаю[2] именемъ твоимъ сего твоего раба, святѣйшаго Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии, подражая божественныхъ твоихъ устъ слову, къ святымъ твоимъ ученикомъ и апостоломъ глаголющему: „Аще согрѣшает предъ всеми человѣцы седмьдесятъ седмѣрицею, прощайте ихъ",* — и паки: „Егоже бо аще свяжете[3] на земли, будетъ связанъ на нѣбѣсехъ, и егоже аще разрешите на земли, будетъ разрешенъ на небѣсехъ".* По Божиимъ же твоимъ, Владыко, и неизреченнымъ судьбамъ сподобивый мѣне въ превеликий той часъ человѣческая согрешения прощати и решати, и азъ, смиренный Корнилий митрополитъ, именемъ твоимъ, Владыко Христе, благословляю и разрѣшаю. И простилъ есмь сего твоего раба, святѣйшаго Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии, отъ всѣхъ содѣянныхъ имъ согрѣшениихъ, елика бо той тебѣ согрѣши, волею и неволею, словомъ, и дѣломъ, и помышлениемъ, понеже бо, Владыко Христосъ, всѣхъ царю, пришелъ еси грѣшныхъ спасти и безъотвѣтныхъ, и токмо ты единъ еси безъ грѣха, а человека нѣсть, иже, живъ бывъ, къ тебѣ не согреши. Но молю твое, Владыко, великое человѣколюбие, яко да в приидущий великий дѣнь Страшнаго и неизъмолимаго твоего Суда [4]десныя части[4] того, о немъже молю твое милосердие, раба твоего, святѣйшаго Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии, не отълучи и Небѣснаго твоего Царствия наслѣдие ему даруй со всѣми, иже от вѣка благоугодившими. Аминь».

А прочетчи, положилъ в правую руку, а в лѣвую списокъ, рукописание ево лѣтъ. И положа, благословилъ рукою да поцеловалъ в руку. И мы, владыко святый, надсѣлися, плачучи. Ково хто благословляетъ? Сынъ разрѣшает отца и благословляетъ. И в ту пору плакали всѣ, какъ грамоту челъ, а то и досталъ, надъсѣлися всѣ, плачучи отца нашего, какъ такъ изволилъ взять.

[1] тленно; [2] отпускаю, прощаю; [3] осудите; [4—4] участи стать одесную.

А мнѣ, перьвому грѣшному и мерскому, которая мука не ждет, ей, все ожидают мѣня за злые дѣла. И достоинъ, окаянный, тѣмъ мукамъ за своя согрѣшения.

А бояре и власти то же всѣ говорили промежу себя. Не было такова человѣка, которой не плакалъ, на нево смотря, потому — вчера с нами, а нынѣ безгласенъ лежитъ. А се къ такимъ великим днямъ стало, а отецъ духовной тоѣ же разрѣшительную молитву говорилъ тайно, подшетчи къ нему прежъ спускания в землю, какъ начели канонъ на погребѣние пѣть. Да такой грѣхъ, владыко святый, — погребли бе-звону, всѣ позабыли в страсе. Я вспаметовал, какъ почели поклоны класть за нево, такъ я велѣлъ звонить послѣ погребѣния, доколѣ мы всѣ поклоны клали, а в ту пору звонили; а прежнихъ патриарховъ зъ звономъ погребали.

А какъ я от него пошел, отъ живово, в четвергъ, и послѣ мѣня, сказывали мнѣ Резанской архиепископъ с стоварыщи: «Двожды, де, недугъ ималъ патриарха бес тебя страшнымъ обычаемъ *донелѣ*[1], де, того зжалъся з двожды прытко и отшелъ ко Господу Богу». А какъ, владыко святый, масломъ ево, свѣта, соборовали, и какъ отецъ ево духовной прощения стал за него говорить ко всѣмъ властемъ большее и рукоположение поминалъ, и онъ, свѣтъ, гледитъ на нихъ, а не говоритъ.

То-то слѣзно, владыко святый, и проговоря, поклонилъся в землю. А Казанской митрополит и всѣ власти едва возмогли отвѣтъ сотворити, ей, владыко святый, едва голосами не вскликнули, плачучи: какъ живъ смотритъ, а отъвѣта не творитъ. Всѣ люди около ево стряпают[2]. Мѣня прости, владыко святый, надъсѣлися, плачучи, на нево, свѣта, смотря, а свои грѣхи воспоминаючи, и которые отъ ближних были, со мною всѣ перервались, плачучи, а всѣхъ пущи — Трубецкой да князъ Михайло Одоевской,* да Михайло Ртищевъ,* да Василей Бутурлинъ. Плакали по немъ, государѣ, что какъ Богъ изволилъ скорым обычеемъ взять, и свои грехи воспоминаючи.

Да сказывалъ мнѣ Василѣй Бутурлинъ, а ему сказывалъ патриарховъ диякъ Федоръ Тороповъ, мнѣние, де, на нево, государя, великое было, то и говорилъ: перемѣнить мѣня, скинуть мѣня хотятъ,* а будетъ, де, и не отъставятъ, и я, дѣ, и самъ за соромъ об отставкѣ стану бить челомъ. И денегъ приготовилъ, с чѣмъ итить, какъ отъставятъ. Безпрестани то и думалъ, и говаривалъ, и невѣдомо отъчево. А у мѣня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей, ни на умѣ тово не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло. Прости, владыко святый, хотя бы и еретичества держалъся, и тутъ мнѣ какъ одному отъставить его безъ вашего собору. Чаю, владыко святый, аще и в далнемъ ты растоянии, с нами, грѣшными, едино то жъ речеши, что отънюдь тово не бывало, что ево, свѣта, отъставить или ссадить з бещестиемъ, ты сему помышлению нашему

---

[1] до тех пор, пока не; [2] хлопочут.

свидѣтель. Да и не токмо, великий архиерѣю и служебникъ Божий, свидѣтель и странный братъ нашъ Василѣй,* чаю, и онъ то жъ речетъ, что отнюдь въ помышлении нашемъ тово не бывало у насъ.

А келѣйные казны у нево, государя, осталось 13 400 рублевъ с лишкомъ, а судовъ[1] серебреныхъ, блюдъ и сковородокъ, и купковъ, и стопъ, и торелѣй много хорошихъ. А переписывалъ я самъ келѣйную казну. Такъ которые суды ималъ из домовой казны, тѣ всѣ опять отдалъ в казну. А которые князь-Юрьевские суды,* а денги платилъ онъ келѣйные, и я тѣ суды отдавалъ в домовую казну, которые пригодились, да денги взялъ по оценкѣ, я и давал по немъ же, государе. Да такихъ судовъ нашлись 30-ть и больши, что ни въ какихъ книгахъ ихъ нѣт, ни в росписяхъ. А и прежъпомянутые суды по маленькимъ памятцамъ сыскивалъ я самъ, с полторы недѣли ежедѣнь самъ ходилъ. А то, кобы я сам не ходилъ да велѣлъ переписывать по-прежнему, — и мѣня прости, владыко святый! — мню, что и половины бы не по чему сыскать, потому что записки нѣтъ, не осталось бы ничево, всѣ бъ роскрали. Реткая та статья, что записано, а то всѣ безъ записки. Самъ онъ, государь, вѣдалъ наизусть, отънюдь ни келѣйникъ ни которой ничево судовъ тѣхъ не вѣдалъ. А какое, владыко святый, к нимъ строенье[2] было у нево, государя, в умъ мнѣ, грешному, не вмѣститца. Не было тово судна, чтобъ не впятеро оберчено бумагою или киндяком.* А князь-Юрьевская Шулешева рухледь досталная[3], которая лѣжала у нево, свѣта, въ чердакѣ, пищали и сабли, и тѣ всѣ смазаны, отънюдь никакой ржавки нѣтъ. А на судахъ техъ отънюдь никакова порошечка нѣтъ, не токмо пыли. А которые ево, государевы, камки, и бархаты, и дороги, и тафты* келѣйные, 12-ть бархатовъ черныхъ было, и проданы на сторону, потому что худы добрѣ; а что продано въ домовую казну и на сторону, и что князь-Юрьевскихъ продано, и тому всему роспись перечневая. А имянной не успѣлъ написать. Ей-ей, и то насилу успѣлъ написать. А сия роспись подъклѣена подъ симъ столбцом. ⟨...⟩

Да всѣхъ на мѣня пуще было, всѣ смешено вмѣсте: и ево, святительское, и князь-Юрьевское, и брата ево родново животы, володимерского протопопа,* тутъ же, на великую силу розобралъ, ей-ей, себя надъсадилъ. А записи ничему нѣтъ, да не токмо изустной памяти, ни приказу никаково нѣтъ, не токмо мнѣ, ни отецъ ево духовной, свѣтовъ, не слыхалъ приказу никакова. А в домовой казнѣ денегъ 15 000, и купленой ис келѣйной на 3286 рублевъ 29 алтынъ. А в остаткѣ 11 713 рублевъ 4 алтына 2 деньги. А опричь денегъ не переписывано ничево, вѣлю переписывать князь-Федору Семѣновичу Куракину, да князь-Ивану Ивановичу Ромодановскому,* да боярину патриярхову Василью Федоровичу Янову,* и дьякомъ, отдѣловши келѣйную казну. А со мною у келѣйные казны были бояринъ Василѣй Васильевичь Бутурлинъ, да думной дворянинъ Федоръ Кузмичь Елизаровъ,* да думной дьякъ Михайло Волошениновъ.* Да, чаю, вла-

[1] сосудов; [2] предназначенье; [3] оставшаяся.

дыко святый, келѣйную казну в Четыредесятницу* все раздамъ. А деньги онъ, государь, копилъ толкъ, которые камни, и отъласы, и всякие дары, и мои, и ваши, святительские, и всякие приносные, немного, держалъ у себя со сто или з двѣсте аршинъ, а то всѣ отъдавалъ в домовую казну, да денги по оцѣнке за всякой аршинъ имал в кѣлью. Да на тѣ деньги хотѣлъ себѣ купить вотчину и дать по себѣ в соборъ, и перед смѣртью дни за два торговалъ, да Богъ не изволилъ. А я купитъ безъ ево именново приказу не смѣлъ, роздал большую половину бѣднымъ прямымъ на окупъ, которымъ въвѣкъ окупитца нѣчимъ, да в монастыри бѣдные и досталние, туды жъ пойдутъ. Да и в томъ мѣня, владыко святый, прости, немного и я не покусилъся инымъ судамъ, да милостию Божиею воздѣржалъся и вашими молитвами святыми, ей-ей, владыко святый, ни маленкому [1]ничему неточенъ[1]. Было бы, владыко святый, и мѣня столько, что и вчетверо цѣну ту дать, да не хочу для тово: се отъ Бога грѣхъ, се отъ людѣй зазорно. А се какой я буду прикащикъ: самому мнѣ имать, а денги мнѣ платить себѣ жъ! А топере немѣрно радъ, что ничему неточенъ, ни патриярховыхъ, ни князь-Юрьевскихъ животовъ, ни товарищемъ своимъ, которые со мною переписывали, Василѣй с товарищи, и им не далъ купить. Только лише продалъ я Василью на двадцать на семь рублевъ, и то изъ мелочи, князь-Юрьевскихъ, а болши тово отънюдь ничево не далъ купить. А и то далъ купить, что нихто не купилъ А я для тово себѣ не купилъ, что милостию Божиею и отца своево благословѣниемъ всево много, и того не изжить. Да я, владыко святый, далъ по немъ, по государѣ, Василью Янову отъласъ да братину, а цѣна шеснатцать рублевъ, да только одному Василью лишнѣе далъ. А диакомъ далъ по братиночкѣ да по камочкѣ, а цѣна по 10-ти рублевъ. Казначею, и ризничему, и диякомъ пѣвчимъ, и дѣтемъ боярскимъ, и пѣвчиму иподьякону, и подъякомъ, и старцомъ, которые у него во дворѣ, и поваромъ, и хлѣбникомъ, и конюхомъ, и по селамъ всякимъ людѣмъ, которые были на жалованье, и водовозомъ — всѣмъ давалъ изъ своихъ рукъ по десяти рублевъ, и послѣднему то жъ далъ. А збиралъ ихъ въ Крестовую ево патриархову и говорилъ имъ я со слѣзами, чтобъ поминали, а не роптали. «А я тепере вамъ даю милостыню, а не жалованье по окладом. Потому и милостына нарицаетца, что всѣмъ ровна, какова первымъ, такова и послѣдним». И онѣ всѣ плакали и благодарили. И говорилъ имъ я, чтобъ поклонцовъ по силѣ или по кануну на всякъ дѣнь говорили. «А не слушаете моихъ словъ, отъ роптания не уймѣтеся, ему, святителю, ничево не здѣлаете, токмо душамъ своимъ сотворите вѣчную погибѣль». Да и то я имъ говорилъ, владыко святый: «Есть ли въ васъ такой, хто бъ раба своего или рабыню мимо дѣла не оскорбилъ? Иное за дѣло, а иное и пьянъ напившись оскорбитъ и напрасно бьют. А онъ, великий святитель, отецъ нашъ, *а*ще кого и понапрасньству оскорбилъ, ино мочно и потерпеть. Да ужъ что ни было, тако тепере пора всякую злобу покинуть. Да молите и поми-

[1—1] ничего не расточил, не растратил.

найте с радостию ево, свѣта, елика сила можетъ». А не дать было имъ и не потешить денгами тѣми, которымъ я далъ имъ по десяти рублевъ, роптанию болшому было быть, потому что в конецъ бѣдны, и онъ, свѣтъ, у нихъ жалованье гораздо много убавилъ. А досталнимъ[1] и помѣснымъ, а которые были въ деревняхъ, и тѣмъ давалъ тожь по 10-ти рублевъ Казанской митрополитъ и говорилъ имъ то жъ, что я. А съѣхались онѣ поздо, въ мае мѣсяцѣ, въ 25-м числѣ. А я давалъ тѣмъ на Фоминѣ нѣдѣли,* которые в ту пору были. И ни по которомъ патриархѣ такой милостыни имъ не бывало, и по Филарете* дано человѣку по 4 рубли, а инымъ и мѣнши. Да я жъ тепѣре одинъ строю[2] и Резанскаго Моисея архиепископа* душу[3]. А всего засталъ денегъ восемь сотъ рублевъ с лишкомъ да судовъ серебряныхъ рублевъ ста на полтора.

Да буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо: грядетъ къ намъ в царствующий градъ нашъ Москву судья, Вселѣнский и Александровский патриархъ;* въ молдавскую землю приѣхал, а въ Путимль ожидаютъ къ Вознесеньеву дню, а къ Москвѣ чаютъ къ Петрову дни. Да еще буди тебѣ вѣдомо, владыко святый, Казанскаго благословилъ отецъ нашъ на Страстной недѣли во вторникъ, да и мы пожаловали, велѣли по-прежнему в сану служить,* а въздѣли на него санъ на Свѣтлое Воскресенье. Да еще буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо: во дворецъ посадилъ Василья Бутурлина марта въ 17 день.* А князь Алексѣй билъ челомъ об отставке, и я ево отъставилъ,* а нынѣ добрѣ болѣнъ. А слово мое нынѣ во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлаетца безъ замотчанья[4]. Да еще буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо: Костьку Конюхово, человѣка Тимошкина, отъдали мнѣ изъ Свѣи, везетъ ево ко мнѣ Енаклычь. А Тимошку велѣла королѣва изымать, послали по всѣмъ своимъ городомъ заказъ крѣпкой подъ смертью и хотятъ отдать.*

Да вѣдомо мнѣ учинилось отъ князь-Ивановыхъ грамотокъ Хованскаго,* что будто онъ пропалъ. А пропасть свою пишетъ, что будто ты ево заставливаешъ съ собою правила ежедѣнь.* Да и у насъ перешептывали на мѣня: николи, де, такова безчестья не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитомъ. И потомъ и я тебя, владыко святый, о томъ молю: с молѣниемъ пожалуй ево, съ собою не заставливай у правила стоять. Добро, государь владыко святый, учить премудра — премудрѣе будѣтъ, а безумному мозолие ему есть. Да будетъ и изволишъ ему говорить, и ты, владыко святый, говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо мѣня писали. А я къ тебѣ, владыко святый, пишу духовную, а добро бы пожаловать, послушеть, не токмо ему про то говорить, чтоб и къ правилу не ималъ, да здѣсь бы передо мною вы с очей на очи перевѣдались. Да Василей Отяевъ* пишетъ къ друзьямъ своимъ: лутчи бы, де, намъ на новой землѣ за Сибирью с князь-Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть,* нежели, дѣ,

[1] оставшимся, остальным; [2, 3] устраиваю завещание, являюсь душеприказчиком; [4] промедленья.

с Новгородцкимъ митрополитомъ; какъ, дѣ, такъ, что силою заставливаетъ говѣть; никово, дѣ, силою не заставитъ Богу вѣровать. И тебѣ бъ, владыко святый, пожаловать, сие писание сохранить и скрыть в тайнѣ. Еѣ пожаловать тебѣ, великому господину, прочесть самому, не погнушатца мною, грешнымъ, и моимъ рукописанием непутнымъ и несогласнымъ. Да пожаловать бы тебѣ, свѣту моему, велѣть да и брату нашему Василью Босому прочесть сию грамоту и списокъ сей. Да послалъ я къ тебѣ, великому святителю, особную грамоту, къ тебѣ, и къ боярину, и к диаку, писано в ней сице:

Списокъ з государевы грамоты

Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русии богомольцу нашему преосвященному Никону, митрополиту Новгородцкому и Великолуцкому, да боярину нашему, князю Ивану Никитичу Хованскому, да диаку Гаврилу Леонтьеву.*

Вѣдомо намъ учинилось, что многие дворяне и всякие служилые люди, которые посланы с вами, с тобою, богомольцомъ нашимъ, и с тобою, бояриномъ нашимъ, по мощи великого святителя Филиппа митрополита, въ Великой постъ не постились и не з благочиниемъ ѣдутъ. И тебѣ бы, богомольцу нашему, одноконечьно заставить в Петровъ или въ Госпожинъ посты говѣть. А которые учнутъ ослушатца, и тебѣ, богомольцу нашему, ихъ по правиломъ святыхъ отецъ запрещатъ и разрешать, занежъ отъ Бога на тебя власть та положена, и на всякое благочиние приводить. А тебѣ, боярину нашему, ото всякого дурна ихъ унимать и велѣть ѣхать з благочиниемъ, а не смѣхомъ, занежъ и к намъ, земному царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми пачѣ подобаетъ ехать к такому великому светилнику со страхомъ и трепетомъ.

ПИСЬМО СЕМЬЕ

Государынямъ моимъ сестрам и матери,* царевне и великой княжнѣ Ирине Михайловне, царевне и великой княжнѣ Анне Михайловне, царевне и великой княжнѣ Татияне Михайловне, и з женою нашею, царицею Мариею, и з дѣтми нашими, а с своими племянником и племянницами, с царевичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, царевною и великою княжною Евдокѣею Алексѣевною, царевною и великою княжною Марфою Алексѣевною, царевною и великою княжною Анною Алексѣевною,* о Бозѣ радоватися. Брат вашъ, царь Алексѣй, челом бьет. А об насъ бы вамъ не печаловатца, а мы на Божией службе ево милостию и отца нашего, великого государя, светѣйшаго Никона, патриарха Московского, всея Великия и Малыя Росии, молитвами, майя въ 5 день во граде Смоленске, дал Богъ здорово.

Многолѣтствуй, матушка моя, в новой годъ* и с нами, и я с вами со всѣми. А празновали мы празник у святые мученицы Ирины, а твоего день рожества, по чину радостно пировали, [1]точию о том оскорьбилися[1], что лицемъ к лицу не видалися, но духомъ всегда нераздѣльни николиже. А [2]по том[2] многолѣтствуйте, свѣты, с нами во вѣки. Да срадуйтеся с нами, свѣты мои, что Богъ, отца нашего молитвами и вашими, прогналъ Родивила* и градъ Могилевъ избавилъ от смерти.* А побежялъ от тово: послышелъ то, что Залоторенокъ по нашему указу пошелъ на выручьку к Могилеву. А вѣсти сии писалъ и-Щклова воевода Василей Яковлевъ,* и я тѣ грамоты, запечятавъ, послалъ к вам, *свѣтом*, запечятавъ. А князь Юрья* пошолъ в Могилевъ здорово, а по времени отпустимъ ево *побывать* к Москве, как сами придем, *дастъ Богъ*, в Могилевъ.

[1—1] только тем были огорчены; [2—2] затем.

ПИСЬМА А. И. МАТЮШКИНУ

I

От царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русии столнику нашему Афанасию Ивановичю Мотюшкину.

Какъ ся наша грамота придет, и тебѣ б взять в Золотой полате* на окнѣ трои обноссы,* да *запечатать* и прислать ко мнѣ тотчас, да чернильницу мою с трубками,* а чернилъ возми у Григорья у Львова, да и перья ему вели очинить. Да сказавою тебѣ, что уток безчисленная много по лужам,* а ѣздить по палям топко, а изымать[1] нѣчем, ястребы не поспели[2]. А тебѣ от меня: будь здоров, да и сын у тебя вскоре будет, а стану звать Никулаю.

Писан на нашем стану в селѣ Покровском* лѣта 7154 (*1646*) апрѣля въ 3 день.

Да съѣзди к Василью Сергѣеву, да от меня спроси о здоровья, да отпиши ко мнѣ обо всемъ.

II

От царя и великого князя Алексѣя Михайловичя всеа Русии стольнику нашему Афонасью слепому.

Нарядись въ ѣздовое платье да съѣзди к сестрам, бутто ты от меня приѣхалъ, да спрошяй о здоровъѣ, да скожи, што я буду в воскресенья, што будет, а то, кончяя[3], што в понедельник часу в четвертомъ дни. Да извещяю тебѣ, што тѣмъ и тѣшюся, што стольников безпрестани купаю ежеутрь в пруде. Иордань[4] хорошя здѣлана, человѣка по 4 и по 5 и по 12 человѣкъ, за то: хто не поспѣет к моему смотру, такъ тово и купаю; да после купанья жялую я — зову ихъ, ежеденъ[5] у меня купалшики те ядят [6]до воли[6], а иные говорят: мы, де, нароком[7] не поспѣемъ, такъ, де, и насъ выкупаютъ да и за столъ посадят; многие нароком не поспѣвают. Да сходи ко архимариту чюдовскому, да [8]спроси от меня о спасенья[8], да молъ[9] ему от меня, штобы молебенъ у Чюдотворца при тебѣ за мое здоровье отпѣлъ, да молъ ему от меня, штобы благословилъ голубей на мелнице половить. Да отпиши ко мнѣ обо всемъ.

---

[1] ловить; [2] не готовы; [3] в крайнем случае; [4] прорубь; [5] каждый день; [6—6] вдоволь; [7] нарочно; [8—8] спроси от меня, как его Бог милует; [9] скажи.

III

Братъ! буди тебѣ вѣдомо: у Матвѣя Шереметева* былъ бой с немецкими людми, и дворяне издрогали[1] и побежали всѣ, а Матвѣй остался в отводе и сорвалъ немецкихъ людей; да на *встрѣчю* иные пришли роты, и Матвей напустилъ и на тѣхъ [2]съ небольшими людьми[2], да лошядь повалилася, такъ ево и взяли. А людей нашихъ всякихъ чиновъ 51 *человѣкъ* убитъ, да ранено 35 *человѣкъ*; и то благодарю Бога, что от трех тысячь столько побито, а то всѣ цѣлы, потому что побѣжяли; и сами плачютъ, что такъ грѣхъ учинился. И мы людей полторы тысячи прибавили к тѣмъ тремъ, и воеводу послали Хованского Тараруя,* а от Полоцка князь-Осипа,* да с ним конных 3000, да салдатъ 2000, да Пронскому князь-Ивану* со всѣми конными и пѣшими съ 2000-мя велѣли стать в Друе, для помочи, и велели кождому, прося у Бога милости, промышлять над розными людьми немецкими. А с кѣмъ бой былъ, и тѣхъ нѣмецъ всего было 2000, нашихъ и больши было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвеѣ не тужи: будетъ живъ, впеспоред ему к чести; радуйся, что люди цѣлы, а Матвей будетъ по-прежнему. А [3]по том[3] зравствуй, и не унывай, и насъ не забывай!

---

[1] задрожали; [2—2] с небольшим количеством людей; [3—3] затем.

УРЯДНИК СОКОЛЬНИЧЬЕГО ПУТИ

КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ УРЯДНИКЪ НОВОЕ УЛОЖЕНИЯ И УСТРОЕНИЯ ЧИНУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ*

Государь, царь и великий князь, Алексѣй Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, указал быть новому сему обрасцу и чину для чести и повышения ево государевы красныя[1] и славныя птичьи охоты, сокольничья чину. И по его государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устроения уряженого и удивительного[2] не было, и чтоб всякой вещи честь, и чинъ, и образец писанием предложенъ былъ. Потому, хотя мала вещъ, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна — никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякой похвалитъ, всякой прославитъ и удивитця, что и малой вещи честь, и чинъ, и образецъ положенъ по мѣре. А честь и чинъ и образецъ всякой вещи, большой и малой, учиненъ по тому: честь укрепляетъ и возвышаетъ умъ, чинъ управляетъ и утвержаетъ крѣпость. Урядство же уставляетъ и объявляетъ красоту и удивление, стройство же предлагаетъ дѣло. Без чести же малитца и не славитца умъ, без чину же всякая вещъ не утвердитца и не укрепитца, безстройство же теряетъ дѣло и воставляетъ бездѣлье. Всякий же, читателю, почитай, и разумевай, и узнавай, а насъ, слагателя, похваляй, а не осуждай.

Что всякой вещи потреба? Мѣрение, сличие[3], составление, укрепление; по том в ней или около еѣ: благочиние, устроение, уряжение. Всякая же вещъ без добрыя мѣры и иныхъ вышеписаных вещей бездѣлна[4] суть и не может составитца и укрепитца. Паче же почитайте сию книгу красныя и славныя птичьи охоты, прилѣжныя и премудрыя охотники, да многие вещи добрые и разумныя узрите и разумѣете. Аще с разумом прочтете, найдете всякого утѣшнаго добра; аще же ни, наслѣдите[5] всякого неутѣшнаго зла.

Молю и прошю васъ, премудрых, доброродныхъ и доброхвалныхъ охотников, насмотритися всякого добра: вначале благочиния, славочестия, устроения, уряжения сокольничья чину [6]начальным людем[6], и птицемъ ихъ, и рядо-

---

[1] красивой, прекрасной; [2] вызывающего восхищение; [3] подобие образцу; [4] никчемна; [5] приобретете, получите; [6—6] старшие по положению, чину.

вымъ устроения по чину же; по том на поле утѣшатися и наслаждатися сердечнымъ утѣшением во время. И да утѣшатца сердца ваша, и да пременятца и не опечалятца мысли ваши от скорбей и печалей ваших.

И зѣло потѣха сия полевая утѣшает сердца печальныя и забавляетъ веселиемъ радостным, и веселитъ охотниковъ сия птичья добыча. Безмѣрна славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утѣшительна и челига кречатья добыча. Угодительна же и потѣшна дермлиговая переласка и добыча. Красносмотрительно же и радостно высокова сокола летъ. Премудро же челига соколья добыча и летъ. Добровидна же и копцова добыча и летъ. По сих же доброутѣшна и привѣтлива правленыхъ[1] ястребов и челигов ястребьихъ ловля,* к водам рыщение,* ко птицам же доступание. Начало же добычи и всякой ловле — разсуждения охотникова временам и порамъ, раздѣление же птицамъ в добычах. Достовѣрному же охотнику* нѣсть в добыче и в ловле разсуждения[2] временам и порам: всегда время и погодье в поле.

Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякия. Избирайте дни, ѣздите часто, напускайте, добывайте нелениво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычю.

О, славнии мои совѣтники и достовѣрнии и премудрии охотники! Радуйтеся и веселитеся, утѣшайтеся и наслаждайтеся сердцами своими, добрымъ и веселым симъ утѣшениемъ в предъидущие[3] лѣта. Сия притча душевне и телесне; правды же и суда и милостивыя любве и ратного строю николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхе часъ.

Благочиние и славочестие сокольничья чину начальнымъ людемъ

Какъ государь жалует верховых[4] сокольниковъ из рядовых в начальные сокольники, и кому государь укажет быть в начальных сокольниках, и ково подсокольничей и начальные сокольники приговорятъ быть в начальных сокольниках, тово государь и пожалуетъ.

---

[1] обученных; [2] размышления; [3] предстоящие, будущие; [4] дворцовых, придворных.

Статьи до государева пришествия ко устроению, ко уряжению, к славочестию нововыборному

1-я статья

Егда же приспѣетъ часъ къ государской милости к нововыборному, тогда подсокольничей, Петръ Семеновичь Хомяковъ,* велитъ переднюю избу соколенного пути нарядить к государеву пришествию. И велитъ послать коверъ диковатой[1] и положить на ковер озголовья[2] полосатое бархатное: а пух в нем дикихъ утокъ. А живетъ[3] то озголовья и ковер в казнѣ соколенного чину. И противу государева озголовья и золотова ковра велитъ поставить 4 стула нарядные, а на нихъ велитъ посадить 4 птицы: а стулы поставят симъ образцомъ: ‖. А промеж стулов велит сѣна наслать и покрыть попоною, гдѣ нарежат[4] нововыборного. На 1 стул посадить кречета, на 2 стул посадить челига кречатья, на 3 стул посадить сокола, на 4 стул посадить челига соколья. А будетъ не лучитца челига соколья, и в то мѣсто посадить сокола на 4 стул. А сидѣть птицам на тѣхъ стулах розных всѣх статей первым[5] птицамъ.

И позади мѣста урежает потсокольничей и велитъ поставить стол и покрыть ковром, и с начальными сокольниками на столѣ кладетъ и урежает наряды птичьи нововыборного и нововыбранного наряд. И уставляетъ птицы нововыбранного около стола в рядовом наряде. А держатъ ихъ всѣх статей рядовые сокольники 2-е по росписи: 1 статьи, Парфенья Яковлева, сына Таболина — Андрюшка Кельин; 2 статьи, Михѣя Федорова, сына Таболина — Алешка Камчатой; 3 статьи, Левонтья Иванова, сына Григорова — Власка Лабутинъ; 4 статьи, Терентья Максимова, сына Тулубъева — Гришка Молчановъ. И рядовых сокольников поставляет по чину же, со птицами, в лутчем платье без шапокъ.

И птицы держат в большемъ наряде и в нарядных рукавицахъ, розных статей, по росписи, и безо птицъ в нарядных рукавицах, от стола направо и налѣво, возле лавокъ, [6]в одинъ человѣкъ[6].

А начальных сокольниковъ поставляетъ: 1-ва Парфенья Таболина, 3-ва Левонтья Григорова, по праву, у стола и у наряду, перед редовыми сокольниками.

2-я статья

Велитъ потсокольничей вздѣть на нововыборного государево жалованье[7]: новой цвѣтной кафтанъ суконной, с нашивкою золотною или с серебреною: х какому цвѣту какая пристанетъ; сапоги желтые.

---

[1] сероголубого цвета; [2] подушку; [3] находится, хранится; [4] облачать, одевать; [5] лучшим; [6—6] по одному человеку; [7] подарок (пожалование).

3-я статья

А какъ нарядитца, и ему быть до государева пришествия в особой избѣ. А с нимъ быти 2-м человѣком ис старых рядовых сокольников первымъ, изъ 2-и и изъ 3-и статьи: изъ 2-и — Микитке Плещѣеву, изъ 3-и — Мишке Ерофѣеву; да и ево сокольником поддатнем[1] всѣм быти, которые останутца за нарядомъ, в лутчемъ платье и в нарядных рукавицах.

И уредя и устроя все по чину, и станетъ самъ подсокольничей перед нарядом, мало поотступя от стола направо. А стоит в ферезѣе,* надѣвъ шапку искривя, и дожидаетца государева пришествия с начальными сокольники и со всѣми рядовыми.

Статьи при государеве пришествии

1. Какъ государь, царь и великий князь, Алексѣй Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, придетъ в переднюю избу сокольничья пути и, пришед, изволитъ сѣсть на своемъ государеве мѣсте, и старшей потсокольничей с начальными соколники, и с рядовыми старыми сокольниками, и с поддатнями государю челом ударитъ.

А шапка потсокольничему снять в ту пору, какъ увидитъ государевы пресвѣтлые очи. И челом ударя государю, подсокольничей отступитъ от стола и от наряду на правую сторону. И мало постояв, подступаетъ бережно и докладываетъ государя а молыт[2]: «Время ли, государь, образцу и чину быть?» И государь изволитъ молытъ: «Время, объявляй образец и чинъ».

И потсокольничей отступаетъ на свое мѣсто, и став на мѣсте и поправяся добролично и добровидно, кликнет начальнова сокольника четвертова а молыт: «Четвертой начальной, Терентей Толубѣевъ, прими у Андрушки челига, розмыть* нововыборнова статьи, и поднеси ко мнѣ». И тотъ начальной сокольникъ, принявъ челига, поднесетъ к нему, и онъ велитъ держать подле себя до указу.

А мало поноровя[3], подсокольничей а молыт: «Началные, время наряду и часъ красотѣ». И начальные емлют с стола наряд: 1-й, Парфеней, возьметъ клобучекъ, по бархату червчетому[4] шитъ серебромъ с совкою нарядною;* 2-1, Михѣй, возьметъ колокольцы серебреные позолочены;* 3-й, Левонтей, возьметъ обнасцы и должикъ тканые з золотомъ волоченымъ. И уготовя весь наряд на рукахъ, подшед к потсокольничему, начальные сокольники нарежаютъ кречета; Левонтей кладетъ обнасцы*и должикъ,* Михѣй кладетъ колокольцы,

---

[1] помощникам; [2] молвит, говорит; [3] подождав, немного погодя; [4] красному.

Парфеней кладетъ клобучокъ с совкою. А нарядя начальные кречета, отступаютъ к прежнимъ своимъ мѣстамъ.

И наряжаютъ нововыбранного сокольника достальныхъ птицъ в большей наряд по чину на тѣхъ мѣстех, гдѣ ихъ держатъ рядовые сокольники. А нарядя ихъ, начальные сокольники станут около стола у наряду, на прежнихъ своихъ мѣстех.

2. И старшей потсокольничей паки подступаетъ къ государю и докладываетъ: «Время ли, государь, приимать, и по нововыбранного посылать, и украшение уставлять?» И царь и великий князь молыт: «Время; приимай, и посылай, и уставляй».

И потсокольничей паки отступаетъ на свое мѣсто, и станетъ на мѣсте а молыт ясно, громогласно: «Подай рукавицу». И начальной сокольникъ 3-й, Левонтей Григоров, поднесет ему рукавицу. И потсокольничей вздѣваетъ рукавицу тихо, стройно; и вздѣв рукавицу, велит ему, Левонтью, отступить на прежнее свое мѣсто к наряду.

А потсокольничей, пооправяся и поучиняся, перекрестя лице свое, примаетъ у начального сокольника четвертова, у Терентья Толубѣева, челига, нововыборного статьи, премудровато[1] и оброзсцовато; и велитъ ему отступить на прежнее свое мѣсто к наряду, и, приняв кречета, мало подступаетъ къ царю и великому князю благочинно, смирно, урядно; и станетъ поодоле царя и великого князя человѣчно, тихо, бережно, весело и кречета держитъ чесно[2], явно, опасно[3], стройно, подправительно,* подъявително к видѣнию человѣческому и х красотѣ кречатье.

3. И потсокольничей, постояв мало, пошлет по нововыборного рядового 1-го сокольника первой статьи, Кирсанка Сабакина, а молытъ: «Кирсанъ, по государеву указу зови нововыборного Ивана Гаврилова, сына Ярышкина, къ государской милости. Се время [4]чести и части[4] ево быть, и часъ приближился ево веселию, чтоб шолъ не мешкавъ». И Кирсанъ молытъ: «Готовъ итти по государеву указу к нововыборному и твои рѣчи дивныя[5] ему объявлю». А пришод Кирсанъ к нововыборному, молыт: «Иван Гавриловичь Ярышкинъ, по государеву указу прислал меня старшей потсокольничей Петръ Семеновичь Хомяковъ, а велѣлъ тебя звать къ государской милости и сказать тебѣ дивную рѣчь: „Се де время чести и части твоей быть, и часъ приближился твоему веселию, и чтоб итить тебѣ не мешкавъ"». И нововыборной поклонитца до земли а молыт: «Готов итить къ государской милости, и не по моей мѣре такая ево государская премногая милость ко мнѣ убогому, его государеву, и иду за тобою тотъчасъ».

И пришед, 1-и статии 1-й поддатень Кирсанка скажет подсокольничему: «Нововыбрный сокольникъ Иван Ярышкин на государской милости челом бьетъ

---

[1] с уменьем; [2] достойно; [3] осторожно или ловко; [4—4] назначению; [5] славные.

и идет тотчасъ». И мало понаровя, придет нововыборный сокольникъ, Иванъ Ярышкинъ, къ дверемъ передние избы и пришлет сказать потсокольничему поддатня своего, что по государеву указу пришелъ.

4. И потсокольничей велитъ ему войтить по чину. А за нимъ итить старымъ сокольником рядовым 2-м человѣком, которые с нимъ были — Микитке Плещѣеву, да Мишке Ерофѣеву. И вшетчи, станутъ рядом и учнутъ молитца, и, помоляся, изождавъ[1] у подъячева рѣчи.

А в тоѣ пору явит верьховой их соколенной подъячей Василей Батвиньевъ а молытъ: «Великий государь царь и великий князь Алексѣй Михаилович всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, нововыборной твой государевъ сокольникъ Иван Гавриловъ, сынъ Ярышкинъ, вам, великому государю, челом бьет». И нововыборной Иван Гаврилов, сынъ Ярышкинъ, и с товарыщи поклонитца государю до земли. И, мало понаровя, потсокольничей молытъ старым рядовымъ соколникомъ 2-м человѣком, которые с нимъ были: «Рядовые Микита и Михайло, поставте нововыборного Ивана Гаврилова, сына Ярышкина, на поляново». И взявъ ево тѣ рядовые 2 сокольника Микитка и Мишька под руки, поставят на полянове* меж четырех птицъ, сиирѣчь на попонѣ. А поставя на поляново нововыборного, и приимаютъ у нево шапку и с нево кушакъ и рукавицу, отступятъ, и ставятца за начальными сокольниками у наряду по сторонь стола, по человѣку на сторонѣ.

5. А начальные сокольники, какъ учнутъ ставить нововыбранного на поляново, приимаютца за наряд нововыбранного и с стола емлют: 1-й статьи, Парфеней Таболинъ, емлетъ шапку горностайную и держитъ за верхъ по обычаю; 2-й статьи, Михѣй Таболинъ, емлетъ рукавицу с притчами* и держитъ по обычаю же; 3-й статьи, Левонтей Григоров, емлет перевезь — тесма серебреная — и держитъ по обычаю же. А у перевези привѣшенъ бархатъ червчетъ, четвероуголен, а на бархатѣ шитъ канитѣлью* райская птица Гамаюнъ, а в Гамаюне писмо, а в писмѣ писано уставление, укрепление, обещание нововыборного; 4-й держитъ тесму золотную. А нововыборного статьи поддатни, рядовые сокольники, емлютъ с стола послѣдней нарядъ: 1-й поддатень, Федька Кошелевъ, держитъ вабило,* 2-й поддатень, Наумка Петров, держитъ ващагу,* 3-й поддатень, Кирюшка Мослов, держитъ рог серебреной; 4-ый поддатень, Елисѣйко Батоговъ, держитъ полотенцо.

6. И мало подождав, потсокольничей, подступяся къ государю, докладываетъ государя а молыт: «Время ли, государь, мѣре и чести и укреплению быть?» И государь молыт: «Время, укрепляй».

И потсокольничей отступаетъ на прежнее свое мѣсто а молыт: «Начальные, время мѣре, и чести, и удивлению быть». И начальные сокольники потступятъ к нововыборному и ево наряжаютъ: 4-й опоясывает тесмою, 3-й кладетъ пе-

[1] ждут, выжидают.

ревезь с писмомъ, в бархате застегнута; 2-й кладетъ рукавицу с притчами, а первой стоит у наряду, держитъ шапку до указу.

Потом потступятъ, нововыборного статьи, 4 человѣка подначальные: 1-й поднесет Федка Кошелев вабило большого наряду и крюком на лѣвой сторонѣ за *колцо* прицепит; 2-й, Наумко Петров, поднесетъ ващагу и привѣситъ на правой сторонѣ за кольцо; 3-й, Кирюшка Мослов, поднесет рог серебреной да полотенцо и привѣситъ рог на правой сторонѣ за колцо; а 4-й, Елисѣйко Батогов, поднесет полотенцо и привѣситъ. И, привѣся, поотступятъ мало от нововыборного и стоят за нимъ.

7. И мало постояв, потсокольничей кликнет верховова соколеннова пути подъячева а молыт: «Василей Ботвиньевъ, по государеву указу возьми из Гамаюна, райския птицы, писмо[1] и чти нововыборному вслух о обѣщании и о послушании ево добромъ». И подъячей Василей Ботвиньев, потступяся к нововыборному и, разстегнувъ птицу Гамаюн, выимает писмо и, вынев, чтет вслухъ а молыт: «Иван Гаврилов, сын Ярышкин, великий государь, царь и великий князь Алексѣй Михайлович, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, велѣлъ тебѣ сказать: „В прошлом, во 157(*1649*) году, взятъ ты по нашему, великого государя, указу в нашу государеву сию славную и от насъ милостивую охоту, и былъ ты, по нашему государеву указу, въ 1-й статьѣ у 1-го начального сокольника Парфенья Яковлева, сына Тоболина, в поддатнях, и за нашею государевою охотою ходил с прилѣжаниемъ, и намъ, великому государю, служилъ, и тѣшилъ насъ, великого государя, 7 лѣт, и во всемъ, по нашему государеву указу, того 1-го начальнаго своего соколника, Парфенья Тоболина, слушал, и во всякой воле ево былъ, и птицы у тебя, начальнова твоево Парфенья Тоболина учениемъ и указом, добывали не по один год. И мы, великий государь, за тоѣ службу и потѣху, наипаче же за твое к начальному доброе послушание, жалуемъ тебя, Ивана Гаврилова, сына Ярышкина, сею новою честью, въ 5 начальные сокольники, на Игнатьево мѣсто, Кѣльина, и пожаловали тебя платьемъ и прибавкою к денежному жалованью; да тебя же жалуем, в приказ, сукно свѣтлозеленого 4 аршина, тафта, кирпишной цвѣт, 4 аршина, пара соболей. И велѣли тебя писать полным имянем,* да тебя же жалучи, велѣли положить на столъ для чину золотые ефимки,* дороги.* И тебѣ бы, видя нашу государеву такую премногую и прещедрую милость к себѣ, во всемъ добра хотѣть от всея души своея, и служить и работать вѣрою и правдою, и тѣшить насъ, великого государя, от всего сердца своего до кончины живота своего, и во всемъ нашемъ государеве повелѣнии быть готову с радостию, и во всякой правдѣ быть постоянну, и тверду, и однослову, и ото всякова дурна быть чисту, и за нашею государевою охотою ходить прилѣжно и безскучно, с радостною охотою, и подначалных своихъ сокольников любить что себя, а ото всякой дурости унимать ихъ безо всякие хитрости,

[1] здесь: грамота.

и имъ не потакать, и во всяком их плутовствѣ и неистовом дѣле не покрывать, и быть к нимъ [1]любителну и грозну[1], и во всяком непослушании ихъ к себѣ извѣщать на них потсоколничему.

И будетъ по сему нашему государеву указу вся сия исправиши с радостию, и ты от насъ, великого государя, наипаче пожалован будеши. А будет учнешъ быть на охочь и нерадѣтелен и во всякомъ нашем государеве дѣле непослушливъ, ленивъ, пьянъ, дурен, безобразен и к потсокольничему и къ своей братье, к начальнымъ сокольникамъ, непокорен, злословен, злоязычен, клеветливъ, наносливъ, переговорьчив и всякого дурна исполнен — и тебѣ не токмо связану быть пути желѣзными или потписану за третью вину, безо всякие милостивые пощады быть сослану на Лѣну.* И будет хочешъ добра найти или зла, смотря на рукавицу, и тамъ всякого явного добра и зла насмотрися, и радоватися начнешь, и усумневатися[2] станешь. И тебѣ бы, видя нашу государеву милость к себѣ, нам, великому государю, работать безо всякого збойства и лукавства, а милость наша государева с тобою да умножитца"».

А какъ верховой подъячей писмо прочтет, и новопожалованной начальной, выслушавъ рѣчи, поклонитца государю до земли, и верховой подъячей соколенного пути, Василей Ботвиньев, поднесетъ новопожалованному Урядникъ — по чему ему государю рѣчь говорить. И новопожалованный 5-й начальный, Иванъ Гаврилов, сынъ Ярышкин, учнетъ противу той рѣчи государю свою рѣчь говорить: «Готовъ тебѣ, великому государю, служить вѣрою и правдою, и обѣщаюся во всякой правдѣ постоянну и однослову быть и тебя, великого государя, тѣшить, ѣздить, радѣть и ходить со тшанием за твоею государевою охотою до кончины живота своего, кромѣ всякие хитрости». И исправя рѣчь, государю поклоняетца дважды до земли.

А какъ челом ударит новопожалованный начальный государю, после рѣчи своей по чину, и подъячей верховой, Василей Ботвиньевъ, то писмо, свертевъ на нем, положитъ в бархатъ и застегнет и, застегнувъ то писмо, станет подьячей на прежнемъ своем мѣсте. А потсокольничей докладываетъ паки государя о совершении дѣла а молытъ; «Врели горь сотьло?» И государь молытъ: «Сшай дар».* И подсокольничей подходитъ к новопожалованному весело и дерзостно а молыт: «Великий государь царь и великий князь Алексѣй Михайлович, всеа Великия и Малые и Бѣлыя Росии самодержецъ, указал тебѣ свою государеву охоту отдать, челига кречатья и иные птицы; и тебѣ бы ходить за ево государевою охотою прилѣжно, с радостию от всего сердца своего, и хранить ево государеву охоту яко зѣницу ока, безо всякия лѣности, со всякимъ опасениемъ, и ево государя тѣшить до конца живота своего безо всякие хитрости». И отдает ему кречета. И он, новопожалованной начальной, Иванъ Ярышкин, примает кречета образцовато, красовато, бережно, и держитъ честно, смѣло, весе-

[1]—[1] дружелюбным и строгим; [2] устрашаться.

ло, подправительно, подъявительно к видѣнию человѣческому и х красотѣ кречатье, и стоитъ урядно, радостно, уповательно[1], удивительно, и, приняв кречета, не кланяетсца, доколе шапку положат.

8. И, постояв мало, подсокольничей а молытъ: «1-й начальный, Парфеней Тоболин, закрѣпляй государеву милостъ». И первоначальной сокольникъ Парфеней кладет на нево шапку горностайную, и он самъ вскоре лѣвою рукою сымет. И первоначальной ему молыт: «Бей челом государю на ево государской премногой милости и памятуй ево государеву такую неизреченную и премногую милость до кончины живота своего, и обѣщания не позабывай, и послушания своего не отбывай, и нашего совѣту не отметайся». А самъ первоначальный, Парфеней, стоит возле новопожалованного по праву, доколе поставятъ на степень новопожалованного. И новопожалованной, Иванъ Ярышкинъ, челом ударитъ государю трижды в землю на ево государской милости.

9-я. А какъ челом ударитъ государю и, мало поноровя, тот же первоначальной, Парфеней Тоболинъ, велит ему отдать кречета своимъ поддатнем. И приимет у него первой поддатень Федька Кошелевъ. А какъ кречета отдастъ поддатню, и первоначальный приимеmъ челига кречатья у старых рядовых сокольников и даетъ новопожалованному; и, подержав мало, и челига отдать велит поддатнемъ. А какъ отдастъ новопожалованной челига поддатню — и примет у нево Наумка Петров. И первоначальный дастъ ему, новопожалованному, сакола, и мало подержав, велитъ ему, новопожалованному, и сакола отдать поддатню. И приметъ у нево Кирюшка Мословъ. А какъ отдастъ сокола, и первоначальный даетъ ему челига соколья, и, мало подержавъ, велитъ ему и челига соколья отдать поддатню. И примет у него Елисѣйко Баготов. А какъ отдастъ челига, и первоначальный, Парфеней Тоболинъ, велитъ новопожалованному, Ивану Ярышкину, принять первова кречета, который ему по государеву указу в мѣре и в чести данъ. И новопожалованный, Иванъ Гаврилов, сынъ Ярышкин, мало обратяся к поддатням своимъ а молыт: «Дарыкъ чапу врести дан».* И 1-й ево поддатень, Федка Кошелев, поднесетъ ему челига кречатья честника.* А какъ новопожалованный челига приметъ, и первоначальный Парфеней велитъ новопожалованному паки государю челом ударить. А какъ новопожалованный государю челом ударитъ, и первоначальный, Парфеней Тоболин, емлет новопожалованного за руку и поставитъ ево в началномъ мѣсте, на которое мѣсто пожалован. И, поставя на мѣсте, здравствуют ему, новопожалованному начальному, подсокольничей и начальные, и рядовые всѣ сокольники въ государской милости, в новой чести, и в начальныхъ сокольниках.

10. А царь и великий князь, мало посидѣвъ, пойдетъ в свои царские хоромы. И подьячей верьховой соколенного пути, Василей Ботвиньевъ, потсокольничего, и новопожалованного начального, и всѣхъ рядовых сокольниковъ, кото-

[1] уверенно.

рые в чину живутъ, зоветъ к столу, а молыт подьячей: «Подсокольничей Петръ Семенов, сынъ Хомяков, царь и великий князь жалует тебя с товарыщи, для новые чести и мѣры, новопожалованного 5-го начального Ивана Гаврилова, сына Ярышкина. Велѣл вам быти у стола, и веселитися, и утѣшатися с новопожалованнымъ по чину».

А государь молыт потсокольничему с товарыщи: «Наслаждайтеся по нашей государской милости». И потсокольничей с товарыщи государю челомъ ударитъ в землю на ево государской милости, и, челомъ ударя государю, потсокольничей с начальными, и с новопожалованным начальнымъ, и со всѣми начальными и рядовыми сокольниками провожаетъ государя до малыхъ ворот. А, проводя государа, потсокольничей со всѣми сокольниками паки челомъ ударитъ государю по обычаю.

И, челом ударя государю, потсоколничей с товарыщи возвратитца вспять со свѣми сокольниками и идетъ в задние хоромы переходами перильными.* И, пришед в задния хоромы, подсокольничей сядетъ, а новопожалованному начальному Ивану Ярышкину, велитъ кречета отдат поддатню своему во всемъ нарядѣ до стола. И приимает у него кречета 1-й его поддатень, Федька Кошелев, и держит кречета до стола во всемъ большемъ нарядѣ и в рукавицѣ с притчами Ярова.* Такъ же и всѣмъ начальнымъ велитъ кречетов поддатням своим отдать.

А какъ примут у начальных кречетовъ поддатни ихъ, и потсокольничей, Петръ Хомяковъ, велит новопожалованному начальному и всѣмъ начальным сокольникомъ, статьями по чину, всякому с своими поддатнями, с своих со всѣхъ птиц сымать большие наряды и класть менщие наряды. И новопожалованной начальной и всѣ начальные сокольники, раздѣляся статьями, переменяют болшие наряды со всѣ хъ птицъ своихъ и кладут на птицы менщия наряды. А потсокольничей Петръ Хомяков в тоѣ пору сидит же и смотрит, чтобы сымали со птиц болшие наряды бережно, стройно, такъ же бы и менщие наряды клали тихо и опасно, по чину же, а, сняв наряды со птиц, отдают в казну. А наряды принимаетъ казначей, Эпуслан Дрыганов, соколенного пути.

А какъ наряды переменятъ, и потсокольничей Петръ Семеновичь Хомяковъ молыт: «Начальные, время отдохновения птицам и нам премению платию и часъ обѣду». И начальныя велят поддатням всѣхъ птицъ посадить на стулы, а, присадя птицъ, переменяютъ платья потсокольничей, и новопожалованной, и всѣ начальные, и всѣ рядовые сокольники. И, переменя платья, потсокольничей с товарыщи, мало подождавъ, молытъ: «Начальные, время веселиемъ и утѣшением птиц обвеселити насыщениемъ живым». И новопожалованный начальный и всѣ начальные подымут первых птицъ сами, а достальных птицъ велятъ поднять поддатням своимъ и учнутъ ихъ кормить живыми птицами, какие прилучатца. А какъ птицъ накормят, и потсокольничей Петръ Хомяков велитъ присадить всѣх птицъ на стулы. А кречета честника новопожалованный начальный Иван Ярышкин приимает самъ паки на руку, и дожидаютца вѣсти какъ за столъ итить.

А кормитъ ихъ, по государеву указу, подсокольничего и с новопожалованным начальным, и со всѣми начальными и рядовыми, и со всѣми чиновными сокольниками спальникъ* Петръ Иванович Матюшкин да подьячей верховой Василей Ботвиньев. И спальникъ, Петръ Иванович Матюшкин, приказываетъ подьячему стол ставить в той же передней, гдѣ чинъ и образецъ был новопожалованному 5-му начальному Ивану Гаврилову, сыну Ярышкину. А на столѣ приказываетъ класть меншой наряд кречатей: 4 золотых, 8 ефимковъ, 3-и дороги по чину; и велитъ стоять поддатнем новопожалованного сокольника с розными вещми: 2. Наумко Петров станетъ з древомъ драгимъ; 3 станетъ Кирюшка Маслов с лясками* да с пути золотыми; 4 станетъ Елисѣйка Ботоговъ с полотенцомъ и для посылки возлѣ новопожалованного.

И подъячей Василей Батьвиньев, изготовя все по чину, извѣститъ спальнику Петру Ивановичу Матюшкину, что все готово. И спальник, Петръ Иванович Матюшкинъ, посылаетъ того же подьячева, Василья Ботвиньева, и велитъ звать потсокольничего, Петра Хомякова, и всѣх сокольниковъ къ государской милости к столу. И подъячей, Василей Ботвиньев, пришед к потсокольничему Петру Хомякову с товарыщи а молыт: «По государеву указу послалъ меня спальник Петръ Иванович Матюшкинъ, а велѣлъ тебя, потсокольничего, Петра Семеновича, за твое доброе объявление нового образца и чина и для чести и мѣры новопожалованного 5-го начального, Ивана Гаврилова, сына Ярышкина» и мало постоявъ, оборотяся к новопожалованному начальному а молыт: «А тебя, новопожалованного 5-го начального, Ивана Гаврилова, сына Ярышкина, для чести и части твоея, а вас, начальных сокольников, за ваше доброе послушание во устроение и во уряжение и во украшение к новопожалованному 5-му начальному, а васъ, рядовыхъ чиновныхъ сокольников, за ваше доброе и радостное хожение — звать къ государской милости к столу. И тебѣ бы, потсокольничему Петру Семеновичу, и с новопожалованным и с начальными и со всѣми рядовыми чиновными сокольниками итить не мешкав: а стол уже уготовленъ со всѣми доброличными и красными вещми».

И постсокольничей Петръ Хомяков с новопожалованнымъ, и с начальными, и со всѣми рядовыми чиновными сокольниками челом ударит на государской милости в землю, а молытъ потсокольничей: «Ради его государской милости и паки челом бьемъ на ево государской приснопамятной милости, что изволил он, государь, наше малое исправление воспомянуть к себѣ государю, и мы с радостию готовы итить и идем». И, поклоняся, идет потсокольничей Петръ Семеновичь, а подле подсокольничего идет по лѣвую руку новопожалованный 5-й начальный Иван Гаврилов, сынъ Ярышкин, вмѣсте с челигом кречатьимъ честником. А перед подсокольничим и перед новопожалованным идутъ рядовые сокольники, которые в чину живутъ. А за потсокольничим и за новопожалованным идут началные сокольники безо птицъ въ 2 чаловѣка, да 4 чаловѣка рядовые чиновные сокольники, которым ѣсть ставить за столомъ, идутъ в 2 же человѣка.

11. А как придетъ потсокольничей Петръ Семенович Хомяков с новопожалованнымъ 5-м начальнымъ Иваном Гавриловым, сыномъ Ярышкинымъ, и со всѣми начальными и с рядовыми чиновными сокольниками к *передней* избѣ, и спальник Петръ Ивановичь Матюшкинъ велитъ войтить потсокольничему и с новопожалованным 5-м начальным, и с начальными, и с рядовыми чиновными сокольниками в *переднюю* избу. И потсокольничей с товарыщи идут в переднюю по чину: благочинно, тихо, смирно, весело. А какъ войдет потсокольничей с товарыщи, и спальникъ Петръ Ивановичь велит потсокольничему Петру Хомякову и новопожалованному 5-му начальному Ивану Ярышкину и всѣм начальнымъ и рядовым чиновнымъ соколникомъ садитца за стол по чину и по росписи. И постсокольничей Петръ Семеновичь и с новопожалованным Иваном Ярышкиным и со всѣми начальными и рядовыми сокольниками поклонитца по обычаю. И, поклоняся, потсокольничей с товарыщи идет за столъ. И въ 1-м мѣсте в начале у стола по праву садитца потсокольничей Петръ Семеновичь Хомяков; въ 2-м мѣсте в начале же у стола по лѣву у потсокольничего у Петра Хомякова садитца новопожалованный 5-й начальный Иван Гавриловъ, сынъ Ярышкинъ, а челига отдаетъ 1-му своему поддатнюю Федькѣ Кошелеву и велитъ ево держать против себя по конец стола по праву у всѣх вещей. А начальные всѣ садятца по конец другова конца: в лавке и в скамьѣ, по чину же.

12. И мало посидѣвъ, потсокольничей сидѣчи молыт: «Начальные, время новопожалованного челигу кречатью облегчению и разряжению быть, и утѣшити его насыщением живымъ». И начальные, встав, емлютъ с стола наряд: 1-й — Парфеней Таболинъ возметъ клобучекъ; 2-й — Михѣй Таболин возметъ обнасцы з должикомъ; 3-й — Левонтей Григоров возмет колокольцы; 4-й — Терентей Толубѣевъ возметъ рукавицу полявую.* А какъ начальные изготовятъ кречатей наряд на рукахъ и новопожалованный 5-й начальный Иванъ Гаврилов, сынъ Ярышкинъ, встанетъ и велитъ челига поднесть поддатню своему а молыт: «Дарыкъ чепу врести данъ». А какъ челига к нему поднесетъ ево поддатень Федка Кошелевъ, и начальные всѣ подают новопожалованному 5-му начальному Ивану Гаврилову, сыну Ярышкину, наряд по чину и по статьям: 1-е примаетъ и кладетъ клобучек, 2-е примаетъ и кладетъ обнасцы з должиком, 3-е примаетъ и кладетъ колоколцы. И новопожалованный 5-й начальный Иванъ Гавриловъ, сынъ Ярышкинъ, переменя с челига кречатья нарят, примаетъ у 4-го начального полявую рукавицу, и, приняв, вздѣвает рукавицу на руку, и примаетъ челига честника у поддатня своего, и, приняв, сядет, и начальные всѣ сядут же. А потсокольничей во весь наряд, сидѣчи, смотритъ, чтобы все по чину было. А посидѣв мало, новопожалованный 5-и начальный Иван Гаврилов, сынъ Ярышкинъ, мало обратяся к поддатню, а молытъ: «Дрыганса».* И 1-й его поддатень поднесетъ к нему крыло голубиное. И новопожалованный 5-й начальный Иван Гаврилов, сынъ Ярышкинъ, примет крыло голубиное и, принявъ, кормит челига самъ, сидѣчи.

СОЧИНЕНИЯ ИНОКА АВРААМИЯ

ПОСЛАНИЕ К ХРИСТОЛЮБЦУ

ПОСЛАНИЕ СТРАДАЛЬЦА ХРИСТОВА ОТЦА АВРААМИЯ КЪ ХРИСТОЛЮБЦУ НѢКОЕМУ И СВИДѢТЕЛЬСТВО О ВРЕМЕНИ ПОСЛѢДНѢМЪ

По апостолу: [1]«Вся искушая, внимай лутчему»[1].*

Поистиннѣ, лутче и всего честнѣйше, еже во благочестии быти, якоже апостолъ научи насъ: «Едина вѣра, и крещение едино».* А прочия не суть вѣры, но ереси и раздоры,* понеже от тѣхъ немощно Духа Святаго прияти. Якоже и Феофанъ старецъ с несторианы причащался, и толико страшно показа ему ангелъ Господень, молитвъ ради святаго старца Кирияка, яко вся еретики въ смраднѣ и темнѣ, и огнемъ дышуще мѣстѣ, и сказа, яко не токмо приобщающиися, но и послушающии словесъ ихъ. И паки прирекъ: «Аще и вся добродѣтели исправитъ человекъ, а в вѣрѣ неправо вѣруетъ, то в то мѣсто приведени будутъ мучитися съ еретики».*

Внимай, прочее — о никониянѣхъ воспомяну ти.

Глаголетъ бо Великий Василий: «Креститися подобаетъ, яко прияхомъ, а вѣровати, яко крестихомъся». Зри противныхъ никониянъ, яко они инако крещени, а инако вѣруют. Мы же глаголемъ по сему небоявленному Богослову:* «Злѣ крестивыйся добрѣ вѣровати не можетъ». Подобаетъ имъ сице ответъ творити: «Егда избрали вѣру новую, снова и креститеся!» Не реку — крещение, но осквернение!

Увы, увы! О горе! Къ плачю приклоняся, о семъ глаголати, яко вси уклонишася от Бога святаго и лестцу вѣроваша, и «яко аспиды глухие, затыкающе уши своя»,* слышати не хотятъ истинны. И воистину, по глаголющему, «престала молитва отъ устъ человеческих»,* и паки *престанетъ*, понеже къ лутчей погибели приходитъ. И глаголетъ ли кто, како престала?

Зрите, повѣдаетъ нам великий Златоустъ сице: «Тѣмъже сказую вамъ: никтоже, Духом Божиимъ глаголяй, речетъ анафема и Исуса». Таже и другое: «И никтоже можетъ рещи Господа Исуса, точию Духомъ Святымъ»,* и прочее. А по грамматическому разуму — соузъ, а по осмочасному Ивана Екзарха Слову

[1]—[1] «Все испытав, принимай лучшее».

то различие именуется.* Еже рещи «Господь и Исусъ», то стало два имени, Несториева ересь проклятаго. Онъ не убоясь на два состава раздѣлити Господа нашего Исуса Христа. И внимай по сему, како не престала, якоже и Ефремъ Сиринъ глаголетъ: «Всяцѣмъ коварствомъ куетъ, чтобы отнюдъ во времена та имя Спасителево не именовалося».* Намъ же повелѣваютъ святии бити ратники именемъ Исусовымъ.*

И ты, любимче, не моги премѣнити и[1], како ти сперва заповѣдано от отецъ, тако и содержи. Вѣси, во Исповѣдании вѣры како положено: «И во единаго Господа Исуса Христа, Сына Божия». Такожде и Златоустъ великий свидѣтельствуетъ молитву Исусову творити, и великий во отцѣхъ Иваннъ, Лѣствицу списавый, на Небеса восходити, и преподовный авва Дорофей,* и прочее о семъ множество свидѣтелства обрящеши во отеческихъ книгахъ, но здѣ, невмѣщения ради, престану. И не моги в старыхъ книгахъ ни единыя черты преложити[2], понеже зло воистинну се, яко развращаяй догматы отеческия, таковый себе, по Писанию, приводитъ скорую погибель.*

И о семъ разумѣй. Мудрствуютъ во своихъ книгахъ никонияне: «Слава Отцу, Сыну», и то — Божеству слияние, рекъше, составом Божественнымъ, и ересь сия проклятаго Савелия еретика.* И сложение перстъ, и пресвятую «Аллилуия», и «Достойно» Пресвятѣй Богородицѣ не мози преложити. И свидѣтельствуетъ великий Златоустъ в Маргаритѣ:* «Аще кто не исповѣдуетъ Пресвятыя Богородицы истинною, таковый от жидовъ ничимъже различенъ, и отъ языкъ неверныхъ».

Блюди же ся и кова[3], лести бѣсовския, еже есть «вѣковъ», и о семъ припомяну ти отъ святыхъ отец сице, яко еретицы и сие малое слово тщатся преложити, еже есть «во вѣки вѣкомъ».

Глаголю же ти, яко ни малѣйшия чертицы не прелагай святыхъ. И у Никона со ученики ни единаго прилога[4] просто не положено, но все на погибель вернымъ.

Что есть время нынѣшних лѣтъ? Вопрошаемъ святыхъ отецъ нашихъ, и да повѣдаютъ намъ.

1-й возвѣщаетъ намъ великий Иваннъ Богословъ, апостольская красота: «Горе, горе, горе живущимъ на земли».*

О семъ времени и Ефремъ Сиринъ заповѣдываетъ со слезами молитися, дабы сохраненнымъ быти, и научаетъ паки, егда противный явится, покоя не имутъ людие на земли. И уже отчасти, глаголетъ, икона звѣрина, и не покланяющихся ей языки рѣжутъ и огнемъ сожигаютъ, и во гробы полагаютъ, и вверхъ ногами поставляютъ.* И ты [5]по сему плоду[5] разумѣй Никона и его учениковъ, како не богопротивная и не проклятая мудрствуютъ! Понеже Господь нашъ

[1] того; [2] переменить; [3] злого умысла; [4] примера, прибавления; [5—5] по таким делам.

Исусъ Христосъ отъ юга прииде, противникъ же — отъ сѣвера. Так нам Святая Писания извѣствуютъ, отъ сѣвера быти пагубѣ.

А по Писанию святыхъ, не токмо легкомысленнии недоумѣватися будутъ многокозненнѣй прелести послѣднѣй, но и избраннии многия прельститися имутъ, понеже глубока и пестра прелесть. И якоже глаголетъ Ефремъ: «Вложитъ тогда человекомъ противникъ страхъ и пренемогание въ сердца, и лютое невѣрствие». И такъ в Писании святыхъ пишетъ: «Иже к Богу прибѣгаютъ, и Святая Писания прочитаютъ — тии познаютъ прелесть его. А иже в вещехъ жития сего умъ имущии и земная любящии — тии не познаютъ. Аще и услышатъ слово, не имутъ вѣры, *и не имѣютъ страха*, и отступившии от истинны».*

Отнюдь не имѣй многова совѣта с таковыми, ниже любоприся[1], понеже [2]тлятъ обычаи благия совѣты злыя[2],* отнюд болии молчи. А аще прилучится о истинѣ глаголати, с великою христоподобною кротостию глаголи. Глаголетъ бо Ефрем Сирии в Слове 82: «Иже смиренную мудрость стяжа, подобенъ есть Христу; несмиренномудрствуяй же Христа есть чуждь».* И апостолъ насъ тако научи, яко рабу Божию не подобаетъ сваритися[3], но кротку быти и со смирениемъ противныя наказовати[4], и, по Писанию, злое благимъ побѣждати, и пути Христову внимати, еже рече: «Азъ есмь путь».* И тако насъ святии научаютъ. Инако спастися невозможно, токмо подобитися Богу, еже терпети осуждение [5]неосуждену сый[5].

И аще началъ еси благое — проси отъ Бога, да поможетъ ти совершити, понеже просящему — дается. И не ослабѣвай во благихъ, аще и навѣты какия прилучатся. Пишет бо авва Дорофей преподобный во своей книзѣ, яко всякому добру дѣлу искушение или да предъидетъ, или да послѣдуетъ.* А еже рукою — отнюдъ не мози дерзнути на кого. Правильная бо се вина:* «Бия вѣрна или невѣрна иерей, да извержется».

Аще и тщета[6] отъ кого прилучится, вмѣщай[7] и к Богу прибѣгай, прося помощи о терпѣнии, и, по словеси Спасителеву, молися за творящих ти пакости. И брань наша токмо къ единому дияволу, по апостолу: «Нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ воздушнымъ духовомъ»,* рекше к бесомъ. Но токмо егда прилучится, любо невозможно уклонитися отъ врагов, и принуждати начнутъ отврещися истинны и похулити Бога или образъ его пречистый, или Пресвятые Богородицы, или святыхъ Божиихъ хулити, или образы ихъ начнутъ, тогда не умолчи, но проповѣждь предъ человеки истинну, да на небеси со ангелы ликовати сподобишися. А аще кто предъ человеки отвержется, отверженъ будетъ отъ славы Божия и зъ бѣсы мучитися во вѣки безконечныя будетъ.

Будетъ икона написана, живопись латынскихъ переводовъ, и такия велятъ держатъ, а истинныя иконы старыя хулить начнутъ и новымъ повелятъ по-

[1] не спорь; [2—2] злые советы растлевают добрые обычаи; [3] браниться, спорить; [4] поучать; [5—5] будучи невиновным; [6] напраслина; [7] вбирай, терпи.

кланятися, и рука благословенная будетъ по-новому написана, и ты не поклоняйсь, а глаголи, яко: «Мы въ прелесть не веруемъ, но въ соборную апостольскую Церковь, а се прелесть латынская». И обратився на востокъ, поклонися, знаменався[1] десною рукою, тако насъ научиша Афанасий Великий* и преподобный Иоаннъ Дамаскинъ.*

И о семъ ти помянухъ, еже в разумѣ нынѣшнее время преходити, яко дние лукавии[2] суть до насъ доидоша,* по апостолу, и, якоже пишетъ, собра во свое время Сатана своя слуги и вѣрныхъ христовыхъ рабовъ погна, по Писанию, овыхъ — грозою, иныхъ — честию, и иныхъ же — прелестию. Якоже и Капитоновы ученицы* прельстилися, еже и Кирикъ на Плесе мнѣ, грѣшному, повѣда, что сына его духовнаго звали в пустыню Капитоновы ученицы и говорили: «С нами, де, самъ Христос, с небеси сходя, бесѣдуетъ». И добрѣ святии отцы научиша насъ о семъ сице. Егда рекутъ, прельстившеся: «Се в пустыни Христос!» (или здѣ, или ондѣ), и вы не исходите вослѣд ихъ от единыя истинныя главы Господа нашего Исуса Христа и от соборныя апостольския вѣры во ихъ пустошныя и прелестныя глаголы,* понеже «пустыню» глаголют святии отцы — пустошныя[3] ихъ глаголы и во прелести[4] ихъ житие. Пустыня наричется внѣшняя, рекше, прелесть.

И мнѣ, грѣшному, прилучилося со многими отъ нихъ [5]на словахъ быть[5] и отъ мнозѣхъ вѣрныхъ слышати про нихъ, и разсмотрихъ о нихъ, яко в крайнюю прелесть доидоша и в различьныя ереси въпадоша. Инии отъ нихъ сложение перстъ истинно воображаютъ на лицахъ своихъ, такожде и молитву истинно творятъ, но, по апостолу, истинну въ неправдѣ держатъ и нечистотѣ* — отъ рвения — Христа *проповѣдываютъ*.

Прочее же, возлюбленный мой, реку ти послѣднѣе. Аще кто не повинуется писанному святыми, рцы таковымъ: «Не мы худии, но да отвещаетъ вам святый Исидоръ Пилусиотъ* сице: „Аще не вѣдуютъ святыми написанному, таковии [6]единымъ отъ двоихъ недугуют[6]: или не вѣруютъ святыми написанному, или себе самѣхъ *тщуют*[7] мудрѣйшихъ Святаго Духа быти — и *не что* иное, токмо бѣснуются"».

И послал я к тебе з братиею, ползы ради, посланейца отца Аввакума, и пользуйся ими, и прочихъ вѣрныхъ пользуй. «Развращенныхъ[8] же — по первомъ и второмъ наказании — отрицайся», по апостолу,* и «пред свиниями не сыпли бисера, да не попираютъ ногами».* Или аще кто речет ти, яко Аввакумъ самохваленъ, такие грамотки пишет, и велерѣчив есть, ты же рцы противу таковымъ, яко: «Злѣ глаголете сия, но отецъ Аввакумъ воистинну апостолъ Христовъ есть, якоже рече Павелъ: „Подобни мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу".* И оному глаголющему словеси внятъ Аввакумъ: „Азъ есмь путь, и истина, и жи-

[1] перекрестись; [2] неправедные; [3] суетные; [4] в обмане; [5—5] спорить; [6—6] болеют одним из двух недугов; [7] сами стремятся; [8] Отступивших, пагубных.

вотъ".* И подобится воистинну своимъ страданиемъ апостольскому страданию и путемъ Христовымъ шествует, и повелѣнное отъ Бога вернымъ возвещаетъ, якоже и Симеону, Новому Богослову,* по прошению его Божий ответ послѣдова, яко „вернымъ моимъ тайны моя открывай и возлюби ихъ"». И приглаголуй и сия таковымъ: «От безумия вашего и дерзости неопасивыя, како не устрашитеся въ толику бездну себе погибели поринути[1], но и сия ваша хула на рабовъ Божиих через ихъ на самого Бога возходитъ. И аще не престанете от сего и не покаетеся, и со онѣми глаголющими на Господа нашего Исуса Христа часть и жребий приимѣте: „Сей человек ядца[2] и винопийца, и бѣса в себѣ имать"».*

И не сумнися о семъ, еже апостолами нынѣшних страдалцовъ въ лѣпоту нарещи, яко славнѣйшии и вышшии, по Писанию святыхъ, первыхъ мучениковъ имутъ быти, и честь и престолы апостольские даны имъ будутъ. Ты же, любимче, о семъ не дивися, что никонияня нынѣшнихъ страдальцовъ хулятъ, но вѣждь, и великаго Предтечю Иванна поносили: «Сей человекъ ни пиетъ, ни ѣстъ — бѣса въ себѣ имать».* Такожде и Иоанна Лѣствичника присноглаголива и блядива нарицали, и много о семъ образцовъ в Писаниихъ святыхъ обрящеши. И я отца Аввакума истинна Христова ученика исповедую, сего ради и вопрошаю, что хощу от него научитися всякому доброму дѣлу.

---

[1] столкнуть; [2] охотник поесть.

ВОПРОС — ОТВЕТ СТАРЦА АВРААМИЯ

ВОПРОСЪ — ОТВѢТЪ СТАРЬЦА АВРААМИЯ

Заключенный от старцовъ, архиереовъ новаго Израиля, за имя Исусъ Христово отцемъ и братиямъ, купно и сестрамъ о Христѣ, благовѣрно живущимъ, миръ давъ, и до лица земли кланяюся. И зря всѣхъ васъ духовныма очима, молюся вашему благонравию, еже не помянути грубости моея къ вамъ, но помолитеся о мне ко Господу, дабы ми помощь получити отъ Господа молитвъ ради вашихъ, еже претерпѣти до конца непретъкновенно за имя его. И цѣлую купно всѣхъ васъ духовнымъ цѣлованиемъ.

Да о *семъ* вамъ вѣдомо буди, какъ взяли насъ въ нынѣшнемъ, во 178-м (*1670*) году на Сырной недели, в нощи противъ Сыропуста.* А приходилъ по насъ соборной попъ Петръ со многими служивыми людьми и «со оружии и дрекольми, яко на разбойниковъ сущихъ».* Поемъше мя проста, ведоша на Мъстисловъской дворъ къ дневальному полуголовѣ Симеону Остафьеву.* Прочихъ же видѣхъ многихъ ведомыхъ — руцѣ связаны опако[1], зѣло твердо. И полуголова на Мъстиславскомъ дворѣ повелѣлъ стрельцамъ накрѣпко караулить, чтобъ другъ со другомъ не промолвить. И егда прииде нощь в Сыропустъ, розвели насъ по разнымъ изъбамъ. Меня же отведоша къ Троицъкимъ воротамъ.*

И на первой недели поста власти *брали* мя во Вселеньския полаты.* Тутъ же и думной дьякъ былъ Иларионъ Ивановъ.* А властей было: Крутицъкой Павелъ,* Вологоцъкой Симонъ* и Чюдовъской архимаритъ Иоакимъ.* И егда ми въшедшу въ полату, *образу* Пресвятыя Троицы трижды поклонилъся и обычьно въ поясъ властемъ, такоже и дьяку.

Первой вопросъ от властей: «Гдѣ обѣщание[2] твое, и къто наставъникъ твой?»

Отвѣтъ: «Обѣщание мое всегда со мною, и никогда не выступаю из ограды. А наставникъ ми Небесный Отецъ, иже посла Сына своего в миръ наставити люди своя, да во истинѣ его ходятъ. Прочее азъ васъ вопрошаю, скажите ми, что вина моего пришествия здѣ? Понеже яко на разбойника со многими оружии пришедше, пояша мя, и держимъ за крѣпъкимъ карауломъ, яко злодѣй».

Они же мя нудиша о первомъ своемъ вопрошении сказати. Азъ же рѣхъ имъ: «Донележе[3] не увѣмъ о дѣлѣ своемъ, престану вамъ глаголати». И они умолъкоша и повелѣли мя думному вопрошати.

Вопросъ думного Илариона Иванова: «Коего града рождение твое, и кто суть сродники твои по плоти?»

---

[1] сзади; [2] место, где был дан иноческий обет (т. е. место, где был принят постриг); [3] До тех пор, пока.

Отвѣтъ: «Града настоящего не имѣю, но грядущаго взыскую.* О мире же глаголати не хощу, уже мертвъ мирови. И ничего не буду вамъ говорити, донелѣже не увѣмъ дѣла своего».

И больши того думной не истязалъ и началъ вопрошати мя о писмахъ моихъ, у кого что взялъ, и кто писалъ тѣ писма. И азъ сказалъ о писмахъ, кто писалъ, не вѣмъ, а досталися мнѣ писма от покойново игумена Феокътиста, и отъ старца Аньтония, и Григория Неронова.* И потомъ думной премолъчалъ.

И началъ говорить митрополитъ Павелъ Вологоцкому архиепископу Симону: «Слыхалъ я отъ многихъ о Авраме томъ, что имѣетъ, де, онъ разсуждение от Писания, что нынѣча пособлазнилъся». И Вологоцкой Симонъ рекъ ему: «Слышалъ и я, что нарочит».[1]

И паки Павелъ началъ говорить: «Что ты, Аврамей бѣдной, худо дѣлаешъ, пишешъ ко Авъвакуму протопопу грамотъку, и в той грамотки своей зѣло его похваляешъ и о великихъ такихъ дѣлахъ вопрошаешъ его. А онъ, Авъвакумъ, за свое безумие и нечестие отъ всѣхъ архиереовъ Великия Русии проклятъ, и тебѣ вѣдомо сие. Есть здѣсь, в Московскомъ государьствѣ, патриархъ и прочие архиереи, и архимариты, и игумены, и протопопы, и священноиноки — ино есть кого съпрашиватися и кромѣ ево».

Отвѣтъ: «Слышахъ отъ тебѣ, владыко, о отцѣ священномъ Аввакумѣ протопопѣ таковыя глаголы и, не прогнѣвайся на мя, хощу ти правду рещи. Клятва, бываема не по священнымъ правиломъ, не дѣйствѣна. А кто кого знаетъ, и кому кто по совѣсти бываетъ, тотъ того и вопрошаетъ. А я отца Авъвакума истинна Христова ученика исповѣдаю, сего ради вопрошаю, хощу отъ него научитися всякому доброму дѣлу».

И власти рекли: «Нынѣ познахомъ тя совершенна отступника отъ святыя соборныя и апостольския Церкви, и развратника, и лестьца».

Отвѣтъ: «Нѣсть азъ отступникъ отъ Церкви святыя соборныя и апостольския, но держу истинную православную вѣру, преданную намъ отъ святыхъ апостолъ, и на седьми Вселенскихъ соборѣхъ утверженную, и кровию святыхъ мучениковъ запечатлѣнную».

И Павелъ митрополитъ рекъ: «Прельстилися есте, не вѣдаете древняго Писания».*

Отвѣтъ: «Не прелщенъ есмь, и не прельстилъ ни единаго от человекъ, но во истиннѣ пребываю». И, хотя поиспытати смирения властей, рекъ Павлу митрополиту: «Странно сие слышати, владыко, еже християномъ въ Велицѣй Русии снова учитися новой вѣрѣ, о нейже мы не слыхали. Да и ты, владыко, с нами во единой вѣрѣ крестилъся и во единой купѣли омылъся, и единымъ миромъ помазанъ Христа нашего, а нынѣ глаголеши: „Зла вѣра, в нейже породилъся еси святымъ крещениемъ". А Василей Великий, вселеньской учитель, пи-

[1] почтенный, известный.

шетъ: „Креститися подобаетъ, яко прияхом, а вѣровати, яко крестихомся". И по сему вселеньскаго учителя разсуждению, злѣ крестивыйся добрѣ вѣровати не можетъ. Да и в иныхъ Писанияхъ святыхъ много о семъ свидѣтельства, яко неправое крещение, сирѣчь неправой вѣрѣ, въ крещение не въменяется, но паче во осквернение. Тако же и нынѣ послѣдующимъ новой вѣрѣ снова тою вѣрою и креститися подобаетъ. А есть ли будетъ не креститися снова, то простымъ людемъ зѣло соблазнено будетъ, и говорятъ вамъ о семъ: „Учатъ, де, насъ власти новой вѣрѣ, еяже мы не слыхали, а *о* старой вѣре глаголютъ, яко неправа суть. А сами они тою неправою вѣрою крещени суть". И срамъно будетъ исправлятися великоросияномъ, аще снова всѣмъ будетъ креститися».

И сие мое разсуждение Павлу митрополиту зѣло полюбилося — не усидѣлъ на мѣстѣ своемъ, но въставъ, прииде ко мнѣ и любезно мя отъ своего смирения началъ подавать благословение: вземъ мя лѣвою рукою своею за браду и нача браду мою крѣпко держати, паче же и терзати. И сие творя, святитель, болѣзнуя о мнѣ, исповѣдалъ брады моея, крѣпъка ли есть, чтобы было за что держать, егда станетъ десницею[1] своею благословлять. Вѣдаетъ свое крѣпъкое благословение, сего ради держа мя, чтобъ не пошатилъся отъ его благословения и о помостъ полатной не ушипъся бъ. Егда же исповѣдалъ браду мою, нача и десницею своею по ланитомъ моимъ довольно благословлять, да и по носу довольно благословилъ. А приговаривалъ, благословляя, сице: «За крещение свое я стану. Я крестилъся крещениемъ, что Никонъ патриархъ на соборе со архиереи исправилъ». И зѣло расъпыхалъся на меня и яростию и зъбилъ зъ главы моей клобукъ и камилавъку* на полъ и, простовласа водя мя по полатѣ за бороду, говорилъ сице: «Скажи, что разньство в старомъ и новомъ крещении?»

Азъ же рѣхъ ему: «Не бранитися азъ с вами здѣ приидохъ, и довольно ми есть твоего благословения, и зѣло ми полѣзно сие». И радуяся сердцемъ, и [2]лицемъ улыскаяся[2], рѣхъ ему: «Припамятуй, владыко, что писано се во святыхъ правилѣхъ: „Иерей, бия вѣрна и невѣрна, изъвержется". Кольми[3] паче арьхиерею должно смирение имѣти, не яко обладающе причьтомъ, но яко образъ бывающе стаду». Онъ же глагола ми: «Нѣсть ми в семъ порока, я хощу тебя, врага, довольно бити, яко Николай Ария еретика».*

Прочия же власти, Вологоцкой и Чюдовъской, якобы постыдилися и говорили с тихостию Павлу митрополиту, чтобъ престалъ от дерзости. Думной же молчаше. И егда исполнилъ свое желание Павелъ, довольно бияше мя и вопрошая превращения въ крещенияхъ. Азъ же молъчаше, помышляя в себѣ, яко и Господь нашъ Исусъ Христосъ, видѣ от июдей неправеденъ судъ, премолча,* и во время гнѣва и ярости разсужения не бываетъ. И егда преста мя бити, повелѣ написати думному сие, что о крещенияхъ говорилъ, и въ крещенияхъ превращения не сказалъ. Думной же, по многомъ молчании, тако написа.

---

[1] правой рукой; [2—2] с усмешкой; [3] Насколько.

Азъ же предъ ними простовласъ стояхъ, маньтия же моя и клобукъ, и камилавъка, якоже исперва повержена, предъ ногами лежитъ на полу. И рече Чюдовской архимаритъ Павлу митрополиту о мнѣ: «Давать ли ему платье?» Онъ же рече: «Не проситъ онъ самъ платья». Азъ же рѣхъ: «Испросихъ Господа моего, и елико ми онъ, Содѣтель, помощи подастъ — ему работать в семъ платье обѣщахъся — и благодарнѣ приемлю. А есть ли вы не изъволите ми дати платья моего сего, но Богъ вся вѣсть, яко чернецъ есмь, и той будетъ намъ о всемъ судити право». И даша ми едину камилавъку. Азъ же, благодарнѣ приемъ, надѣлъ на главу.

И изведоша мя ис полаты в сѣни. И ту много человекъ. Азъ же предъ ними с тихостию рекъ сице: «Благодарю Господа моего, яко сподоби мя за имя свое пресвятое в сей часъ брады терзания и по ланитомъ биения прия отъ Сарскаго и *Подонскаго* митрополита Павла». И ис полаты власти и думной запретиша ми глаголати и караульщикомъ повелѣша мя отвести на Мъстисловъской дворъ в ызбу к *дневалному* головѣ. И голова, по приказу думнова, посадилъ мя въ чюланъ и въ книгу приводъ мой написалъ, чтобъ никому не приходить ко мнѣ, и десятнику съ стрельцами непрестанно быть у меня на караулѣ и ничего со мною не говорить.

И бывъшу ми двои сутки. Потомъ принесе подьячей маньтию и клобукъ. Азъ же приемъ. И еще дня з два минувъше, прииде подьячей и повелѣ головѣ у меня в чюланѣ окно заколотить гвоздми накрѣпко, чтобъ не открывалося, и свѣще сальной быть непрестанно. И тако ми бывъшу за крѣпкимъ карауломъ недели з двѣ.

И прииде ко мнѣ нощию подьячей и приведе мя къ предиреченнымъ властемъ и къ думному. Да тутъ же и Резаньской архиепископъ Ларионъ.* Азъ же, *придохъ* в полату, по предиреченному сотворихъ и стахъ предъ властми.

И нача ми говорить Резаньской архиепископъ Иларионъ: «Какъ, бѣдной Аврамей, дѣло Божие творите безъ страха! Уже у васъ соборная апостольская Церковь — не церковь, таиньство — не таиньство, архиереи — не архиереи, вѣра православная христианьская — не вѣра. Прииди, братецъ Аврамей, в разумъ». И паки *рекъ* ещо: «Тебя брата исповѣдаю себѣ, аще приидешъ в разумъ и истинну познаешъ. Прииди, брате Авраме, в разумъ и помилуй самъ себя, престани прекословити архиереомъ, хотящимъ тебя видѣти во истиннѣ и о спасении твоемъ пекущимъся. Да и сие, брате Аврамей, помысли, мы сами себѣ хотимъ ли погибели? Ты же, прекословя истиннѣ, архиерея прогнѣвалъ. Да и о семъ зазираешъ архиереомъ, что за твое прекословие дерзнулъ рукою. А и Господь нашъ непокоривыхъ билъ, намъ образъ показалъ, егда бичь сотворилъ отъ верви и изгна куплю *дѣющихъ* исъ церкви.* А вы, брате Авраме, конечно за невѣдание погибаете. Не учася риторьства, ни философъства, ниже грамотическаго здраваго разума стяжали есте, а начинаете говорить выше ума своего, якоже и преже сего ты реклъ еси Павлу архиерею о крещении, а въ крещении превра-

щения не сказалъ еси. И посему познавается, яко плутаете, бѣдныя, заблудивше отъ истинны».

Отвѣтъ: «Правду, владыко, реклъ ми, яко риторики и философъства не учився и грамотическаго учения глубоко не знаю, кромѣ малаго нарѣчия въ *справѣ*. И прочитаю книги Благодатнаго закона, такоже отчасти мало и пророческихъ книгъ читалъ. И отъ Святаго Писания хощу тебѣ противу твоихъ глаголовъ, аще изволите зъ долготерпѣниемъ послушати, о истиннѣ рещи. А есть ли вы по-прежнему будите гнѣватися на мя, что азъ буду вамъ говорить, и азъ престану, да не прогнѣваю васъ. И Богъ, судия праведный, разсудитъ насъ с вами».

И власти велѣли мнѣ говорить. И азъ имъ первие о семъ рекъ, яко нѣсмь азъ хулникъ святыя соборныя и апостольския Церкви, и таиньства отъ нея пречистаго Тѣла Христова и пречистыя Крови со страхомъ и говениемъ причащаюся, и непревратно держу православную вѣру, преданную намъ отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, на седьми вселеньскихъ соборѣхъ утвержденную, и отцы нашими, великими архиереи, здѣ, въ Велицѣй Росии, просиявшими, свидѣтельствованную. А вы намъ отставити повелѣваетѣ отеческую вѣру и вѣровати нынѣшнимъ греческимъ архиереомъ.

А о нынѣшнихъ грекахъ святый Селивестръ, Римский папа, егда посланъ былъ отъ Бога, и сказалъ Филофею, патриарху Царяграда, что у нихъ, в грекахъ, насилиемъ агаряньскимъ без остатку погибнути православной вѣре. Нашу же рускую землю свѣтлую *Русию* нарекъ и третий Римъ, благочестия ради. И сие сказание святаго Селивестра неложно збылося. Писано о семъ во «Истории бѣлаго клобука».* Наша же руская земля воистинну свѣтло во благочестии сияла до Никона патриарха. И с истинныхъ греческихъ книгъ древнихъ переведены наши православныя книги, а не с нынѣшнихъ латыньскихъ, иже нынѣ греки держатъ, имъже справливаетъ папа Римской, и в Римѣ печатаютъ и въ прочихъ римскихъ градѣхъ, и къ нимъ, грекомъ, идутъ. А они ихъ держатъ по нуждѣ, что правыхъ книгъ взять имъ нѣгде.

А егда преподобный Максимъ сюды приехалъ к Москвѣ* и приведенъ бысть у великаго князя Василия Ивановича въ книгохранительницу, и видѣ в ней многое множество древнихъ греческихъ книгъ, и съ клятвою изрекъ великому князю, что в грекахъ у себя не видалъ толико множество древнихъ книгъ. И сказалъ о томъ ясно великому князю и какъ у нихъ в грекахъ, по взятии Царя-града отъ турскаго,* папа римской истинныя греческия книги всѣ сожегъ. И о семъ въ книгѣ его писано. Да онъ же преподобный съ клятвою писалъ митрополиту нашему и всему собору, чтобъ сюды, к Москвѣ, от греческаго патриарха ни попа, ни дьякона не принимали в приобщение. И сие писалъ преподобный Максимъ, рускую нашу землю оберегая, вѣдая подлинно, что у нихъ, в грекахъ, по извѣщению святаго Селивѣстра, папы римскаго, вѣра христианьская погибла без остатку.

Да и Арсенѣй Сухановъ* посыланъ былъ отселѣ, с Москвѣ, въ греки разсмотрения ради греческихъ чиновъ и вѣры ихъ, и описалъ все подробну. И по его описанию у нихъ, въ грекахъ, и слѣду нѣсть благочестия. Да и иныхъ свидѣтельствъ много предложю вамъ, аще право будите судити, а нынѣ престану. «И при двою, бо, или триехъ свидѣтелехъ станетъ всякъ глаголъ».*

А еже глаголете, что мы риторьства и философъства не учася, с вами говоримъ, и того ради намъ вы зазираете, и о томъ вамъ за насъ великий апостолъ Павелъ отвѣщеваетъ, еже глаголетъ от лица Божия: «Погублю премудрость *премудрыхъ* и разума разумныхъ отвергуся».* Понеже «буйствомъ проповѣди благоизволи Богъ вѣрующихъ спасти»,* а ни философъствомъ, ни риторьствомъ. И Ефремъ Сиринъ глаголетъ: «Вѣрному о Христѣ возможно препрѣти и риторовъ и философовъ, истиннѣ противляющихся, кромѣ риторьства и философъства, и грамотическаго учения».* И преподобный Иванъ, Лѣствицу списавый, глаголетъ въ своей книзѣ, яко философъское кичение чюже смирения. А преподобный Иванъ Дамаскинъ пишетъ своей въ книгѣ, глаголемой Небеса, какову подобаетъ быти философу смирену и кротку.

А в нынѣшнихъ учителѣхъ нѣсть таковаго обычая, но и сами, ихъже вы называете вселенскими, патриархи своими руками дерзаютъ, якоже и Павелъ владыка возложи руку на худость нашю. Да вы же глаголете, яко и Христосъ билъ человеки бичемъ. О томъ Иоаннъ Богословъ въ своемъ Благовѣстии ясно написалъ: егда сотворилъ бичь отъ верви *Господь, и изгна ис церкви волы и скоты, а словесныхъ* не бил, но рѣчию имъ говорилъ изыти ис церкви. Исполнилъ Писание законное, еже писано: «Жалость дому твоего снѣсть[1] мя».* Да и во пророцѣ Духъ Святый провѣща о кротости Спасителевѣ за много лѣта. Да и самого Господа глаголы сказуютъ намъ явно, еже рече: «Возмите иго мое на себе и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ».* И потомъ вси богословцы сказуютъ, яко не токмо не билъ Господь человеки, но ниже въпреки глаголалъ.

Да вы же глаголете, что сами себѣ погибели не хощете, и сего ради васъ послушати и Никонову вѣру приняти, отставя святыхъ отецъ нашихъ предание. И мните его мудра паче отецъ нашихъ, сего ради и предание его держите. И мы васъ немудрыми не называемъ, но и зѣло премудрыми. Только судите сами себѣ, добрее вамъ будетъ, аще не будите превозноситися надъ отцы своими, да не удалится отъ васъ спасение. И колико премудръ бысть Оригенъ* и, уповая на свою мудрость, паче отецъ нача мудрствовати и во смирение не прииде, но оправдуяся в неправдѣ, вѣчную себѣ погибель приобрѣлъ. Да и много въ Писании обрящемъ таковыхъ *обрасцовъ*. А о крещении реку вамъ: первое, Символъ православныя вѣры отъ лица крещаемаго трижды глаголется превращенно; во имени Исусовѣ литера прибавлена и Духа Святаго крещаемаго истиннаго не пропове-

[1] погубит.

дуютъ, емуже и по крещении во истиннаго Бога вѣровати невозможно. Да и вся главизна о крещении превращена, и положено [1]въ десть[1] только 16 листовъ, а в старыхъ Потребникахъ 25 листовъ.*

И власти мнѣ говорили: «Мы съ Никономъ не вново завели Символъ православныя вѣры, но со старописанныхъ книгъ и зъ древнихъ греческихъ исправили, и подлинно разсмотрели, что отъ святыхъ отецъ на вселенскомъ соборѣ и въ „Духа Святаго Господа истиннаго" не положено, но точию „Господа животворящего". А имя Исусово справили противъ граматическаго разума».

И азъ имъ рекъ: «Нѣсть сицевая справа разума граматическаго. Еже рещи „и Исусъ", но тако будетъ соузъ по граматическому разуму. А еже Иванъ Екзархъ пишетъ в Шестодневе своемъ: „Еже рещи и Исусъ, то станетъ два имени". Да и в Острожскихъ печатныхъ Апокалипсисахъ Толковыхъ, въ предисловияхъ, изъявлено о семъ, яко Коринфа еретика* сие умышление.

А о истиннѣмъ Дусѣ глаголете, яко святии отцы на соборѣ не положили истиннаго. *А святии отцы не прекословцы были Христовымъ словесемъ*, еже самъ Господь, уча насъ во святомъ Евангелии, глаголетъ: „Егда приидетъ утѣшитель, егоже азъ вамъ пошлю от Отца, Духъ истинный".* Да и во иныхъ мѣстехъ наричетъ Господь истиннымъ. А о себѣ глагола Господь: „Азъ есмь путь, и истинна, и животъ".* И посемъ явно, яко и Духъ Святый право исповѣдается истинный и животворящий. Тако и вси святии богословцы исповѣдуютъ, послѣдующе истинному учителю своему Христу, якоже научилъ насъ, глаголя: „Аще в моемъ словеси пребудете, то воистину ученицы мои будете".* Такоже и в послании своемъ Иванъ Богословъ написалъ: „Всякъ преступая и не пребывая во учении Христовѣ, Бога не имать".*

И отцы наши не преступали Христова учения и сему Спасителю угодили правою вѣрою. И мы имъ послѣдуемъ и за молитвъ ихъ хощемъ спастися. А еже глаголете: „Святии отцы на вселенскомъ соборѣ не положили истиннаго", — и се ложь есть. Не преступники были святии отцы богословии Господа нашего Исуса Христа. И облакъ[2] свидѣтельства о семъ въ Божественномъ Писании отъ святыхъ отецъ, яко право такъ во Святый Духъ вѣровати, какъ у насъ до Никона патриарха во отеческихъ книгахъ напечатано. Такъ же и Фотий патриархъ* в послании своемъ Символъ православныя вѣры писалъ противъ нашихъ отеческихъ книгъ. Да и во Острожьскихъ Следовальныхъ Псалтыряхъ.* А святый Иванъ Дамаскинъ в Соборникѣ, въ Словѣ в неделю православия,* зѣло ясно пишетъ и повелѣвает вѣровати и въ Духа Пресвятаго Господа истиннаго и животворящаго. Такъ же и Вѣры книги списатель* приводитъ всѣхъ седми вселеньскихъ соборовъ и девяти помѣстныхъ святыхъ отецъ, яко вси тако повелѣваютъ вѣровати, какъ въ нашихъ отеческихъ книгахъ.

---

[1]—[1] в четвертую долю листа; [2] множество.

А о грекахъ нынѣшнихъ говорилъ я вамъ, лутче было имъ не вѣровати и на отеческихъ догматѣхъ необлазиво[1] стоятъ, якоже и при святѣйшемъ Филаретѣ патриархѣ было. Егда приеждалъ из Литвы корецкой протопопъ Лаврентей сюды, к Москвѣ, а привезъ съ собою книгу Бѣсѣдословие своего слогу.* И святѣйший Филаретъ патриархъ тое книги справилъ, понеже много было в ней ересей, и приказалъ о тѣхъ ересяхъ с нимъ, Лаврентиемъ, говорить Богоявленьскаго монастыря Ильѣ архимандриту да Печатнаго двора справщику Григорию. Да тутъ же сидѣлъ князь Хилковъ, имени ему не *памятую*. И многое прѣние было с нимъ, *Лавреньтиемъ*, о Божествѣ и о церковномъ Божественномъ писании. И въ прѣнии къ приличнымъ рѣчамъ говорилъ онъ, протопопъ, архимариту: „А то вы на Москвѣ греческихъ книгъ не прочитаете и не имѣете у себя, сего ради всего не знаете". И архимандритъ говорилъ: „Мы на Москвѣ нынѣшнимъ книгамъ греческимъ не вѣримъ. Есть у насъ, у государя и у святѣйшаго патриарха, древнихъ греческихъ книгъ многое множество. А нынѣшним ихъ книгамъ не вѣримъ, того ради, што они превращены". И во всемъ его, Лавреньтия, препрѣли отъ Божественныхъ Писаний, и онъ во всемъ покорилъся и приемъ, цѣловалъ книгу свою. И за исправление святѣйшаго патриарха Филарета зѣло ублажилъ, глаголя, яко воистину премудръ святѣйший Филаретъ патриархъ Московский и воистину, яко солнце, сияетъ своимъ благочестиемъ.

И судите и по сему — отцы наши вѣдали въ грекахъ блужение въ вѣрѣ и не вѣрили имъ, и безъ мятежа въ православной вѣре жили, и Богу угодили. А Никонъ, хотя погубити своимъ коварствомъ всехъ и отвѣсти отъ Бога, и бутъто отъ грекъ исправляетъ. А вы ему и грекамъ повѣрили и великъ мятежъ въ Велицѣй России учинили, и православную вѣру потеряли, а не исправили. А тѣ книги, о нихъже Максимъ великому *князю* с клятвою рекъ и Илья архимаритъ поминалъ, отъ Никона потаены. „И святыхъ уста не лгут".* Сказано отъ блаженнаго Максима, что въ грекахъ, по взятии Царя-града, великая скудость книжная, и самъ онъ, блаженный Максимъ, учитися ходилъ в западныя страны, скудости ради книжной. Да и по описанию Арсения Суханова древния великия обители у нихъ всѣ разорены, и живутъ в нихъ бусорманы, и откуду у нихъ древнимъ книгамъ быть?! И аще кто правое разсуждение имѣетъ, той ему не вѣрить, понеже онъ во всемъ лжетъ».

И власти рекли: «Плутаешъ, бѣдной Аврамей, не вѣдая истинны, и приводиши свидѣтельства о грекахъ и о греческихъ книгахъ неправо. То писание писали, на негоже ты съсылаешься, такия же плуты, какъ и вы нынѣ плутаете и въ своихъ писанияхъ Никона антихристомъ называете. А антихристу быти во Иеросалимѣ, а не здѣся. И тѣмъ людей Божиихъ зѣло возмутили есте».

И азъ рекъ имъ: «О Никонѣ писалъ азъ, вопрошая отца Аввакума и возвѣщая ему о семъ, яко слично на немъ, Никонѣ, быти сему таиньству. И ни еди-

[1] кротко.

ного слова собою не умыслихъ, но от многихъ святыхъ отецъ Писания собирая, писахъ. Да и се писано в моемъ писании, яко „не испытанны суть судьбы Божия".* Только глаголю вамъ и нынѣ: по писанию святыхъ отецъ прилично на немъ быти сему таиньству. Есть ли онъ нѣкимъ Божиимъ попущениемъ будетъ паки во время, не отрекуся его тако нарещи. Есть ли вы его покинете, и Богъ умиритъ Церковъ свою, и азъ о томъ радуюся, аще не збудется».

И думной рекъ: «Аврамей, правду ты такъ рекъ и писалъ, что въ севѣрной странѣ быти антихристу. Да ведь не однѣ мы в севѣрной странѣ, но есть и [1]нѣмцы иныя[1] в севѣрной странѣ живутъ. И посему не испытанно, гдѣ будетъ».

И азъ рекъ ему: «Да Писание многое сказуетъ намъ ясно о семъ, яко быти ему в сѣверной странѣ, въ третиемъ Римѣ, идѣже Скифополь. И отступу не быти отъ вѣры, а онъ открыется. Тако намъ апостолъ сказуетъ и Златоустъ толкуетъ: онъ открыется, отступъ учинитъ и отречется своея славы, и послѣ себя приуготовитъ иныхъ, *да* дѣлаютъ лютая, и по томъ и самъ возвеличится паки.* И посмотрите в моемъ писании, иже у васъ нынѣ, собравъ от многихъ святыхъ. Да и число того звѣря, иже во Апокалипсисѣ, в 13-й главѣ, истолковано от святыхъ отецъ и сошлося на нынѣшние лѣта. И вы судите себѣ сами: от насъ какое возмущение людемъ Божиимъ? Понеже мы собою ни единой черты не премѣнили, но какъ отцы наши вѣровали и Господу Богу угодили, и мы тако вѣруемъ».

И Павелъ митрополитъ рек прочимъ властемъ: «Врагъ непримиримой черньчишько! С таковымъ врагомъ при людяхъ нельзя и говорить. Я такова врага своими руками удавити не отрицаюся, да и въ грѣхъ мнѣ не вмѣнится сие, яко хулника Божия удавлю».

И власти прочия рекли: «Аврамей, много мы тебя увѣщевали и не могли в разумъ привести, и чисты будемъ мы отъ крови твоея. А Павелъ архиерей правду говоритъ, за таковыя хулныя глаголы твоя, яще кто тебя и убиетъ, не будетъ истязанъ отъ Бога, но еще и мзду прииметъ, яко хулника Божия убилъ. И Николай Ария [2]заушилъ в ланиту[2], не терпя хулы на Бога отъ него слышати. Такожe и Илия студныя *Вааловы* пророки заклалъ, но во оправдание ему вмѣнилося».*

И азъ рѣхъ имъ: «Нѣсть право сицевое разсуждение ваше. Илия сотворилъ в Законѣ сие, и аще въ Законѣ кто хощетъ оправдатися, таковый Благодати отпалъ,* по Апостолу, уже бо законная сѣнь преиде. И въ Законѣ „око за око, зубъ за зубъ".* Во Благодати же Господь научилъ нас не токмо еже убивати, но ниже въпреки глаголати. Чюдотворецъ же Николае на соборѣ совершеннаго еретика — не могъ хулы слышати отъ него на Бога, и по человечеству сотворилъ — заушилъ в ланиту. И святии отцы зѣло воспретили ему о семъ, хотѣли и сана лишити. И онъ не оправдался предъ отцы в томъ, что добро то сотворилъ, еже рукою дерзнулъ. И таковыхъ правилъ не написалъ, еже духовнымъ дерзати

[1]—[1] другие народы; [2]—[2] ударил по щеке.

рукою или мучениемъ къ вѣре приводити, но предъ отцы смирение показалъ. И видѣ Господь смирение его, *наипаче* прослави его, даде ему Евангелие, а Пресвятая Богородица амфоръ.

И однѣ правила написали святии отцы: „Иерей, бия вѣрна или невѣрна, да извержется". И аще бы добро дерзати руками духовнымъ, не возбранилъ бы Господь и Петрова дерзновения ножемъ.* Такоже егда со ученики Господа камениемъ изъ града изгнали, и апостоли тогда по человечеству совѣщевали Господу погубити грады. И Господь имъ о семъ запрети и глаголя имъ, яко „не вѣста, коего духа еста". „Сынъ человеческий не приидохъ погубити человека, — рече, — но спасти".* И сего ради мнози отъ человекъ помышляли, яко на зло не имать Господь власти. И Господь показа надъ древомъ сие, понеже паче всѣхъ древесъ сыро древо смоква, а отъ единаго слова усушилъ Господь».*

И власти просвиру соловецкую вынятую передвигали по столу, ругаяся, говорили мнѣ: «Такие вы враги, еретичишка худыя, што и соловецкия же старцы. Ничего не зная, а прекословиемъ своимъ весь миръ возмутили и многихъ отъ Церкви отлучили и погубили. И розсылают въ миръ просвиры свои еретической службы».*

И азъ рекъ имъ: «Приидите в разумъ! Како не *боясь* Бога, сия глаголете глаголы хулныя на преподобныхъ отец! Слухомъ не слыхано о томъ, что в Соловецкомъ монастырѣ бывало возмущение о вѣре, но изначала у нихъ такъ чинъ и уставъ преподобныхъ отецъ. И истинно християномъ подобаетъ ситцевыя службы просвиры искати и з говѣнием великим и со страхомъ *потреблятu*, понеже на ней и крестъ Христовъ истинный воображенъ, а не крыжъ двоечасный, како въ вашей Никоновѣ вѣре воображенъ».

И власти рекли: «Авраме, бѣдной! Конечно плутаешъ! Какая Никонова вѣра! У насъ вѣра Христова, а не Никонова, только мы с Никономъ исправили. А просвиры печатати со Адамъвлевою главою хульно зѣло. Истинно такъ право, еже четвероконечнымъ крестомъ Христовымъ печатати».

И азъ рекъ имъ: «Начало новой сей вѣре Никонъ сотворилъ, и по немъ вы ему побораетѣ[1], сего ради и Никонову наричю. Якоже и псалъмы не единъ Давыдъ написалъ, да вси Давыдовы наричются,* того ради, понеже онъ начало сотворилъ псалъмомъ. А о крестѣ Господни пророкъ Исайя за много лѣтъ сказалъ, яко слава ливанова съ пѣвгомъ и кедромъ, и кипарисомъ приити имать.* Да и вси богословцы исповѣдуютъ трисоставный крестъ, понеже Троицы трисоставный образъ носитъ. Такоже и в сѣдальнахъ во Октае* пишетъ: „На кипарисѣ и пѣвгѣ, и кедрѣ вознеслъся еси, агньче Божий"».

И власти говорили: «Да тово вы не знаете, что кипарисъ, и что пѣвгъ, и што кедръ. И вы бы, когда не знаете, спрашивалися. И нечево вамъ и сказывать, когда не приемлете истинны».

---

[1] последуете.

И азъ глаголахъ имъ, яко обычай есть невѣрию полза погубляти, по Писанию. И преподобный Петръ Дамаскинъ пишетъ, яко вельми безумно есть, еже оставити глаголы готовыя и глаголати моя.* Тако и мы зѣло безумимъся, аще оставимъ Писание святыхъ отецъ о честнѣмъ крестѣ вышереченное. Да и Григорий святый, митрополитъ Амиритский, во своей книзѣ ясно о крестѣ Господни написалъ, кое древо крестъ дольное, и кое прекои[1], на немъже руцѣ Владычни пригвожденны, и которое въ подножии. Да и у васъ в книгахъ о томъ писано, иже глаголется книга «Мечь духовный»,* иже вы нынѣ своимъ соборомъ *свидѣтельствовали*. И в ней въ крестѣ Господни такожь древа разписаны, как и Григория Амирицькаго въ прѣнии з *Гервановъ* жидовиномъ.* Да еще сказуете и дъщицу, юже Пилатъ прибилъ отъ маслины древа, кромѣ тѣхъ трехъ древъ — пѣвга и кедра, и кипариса. И мы не жидовъствуемъ, но истиннѣ послѣдуемъ, а не сѣни прешедшей.

И архимаритъ говорилъ: «Хотя бы ты, Аврамей, и вину принесъ архиереомъ, а за такое твое плутовство безъ наказания не минулъ бы еси, понеже вы, враги, всю землю возмутили есте ложными своими писмами: какъ въ котелъ сажены, да не згорѣли, и какъ языки рѣзали, и имъ чюдеса были.* И сего ради будетъ тебѣ жаръко, иногда и повиновение твое неприятно будет и, въ безумии своемъ страдавъ, погибнешъ».

И Павелъ митрополитъ архимандриту говорилъ: «Какъ не въ безумии! Мнѣ врагъ говорилъ, не тако крещенъ, какъ нынѣ вѣрую. А въ крещении, егда младенецъ погружаетъся въ купѣли трижды, у насъ положено такожь непремѣнно. Глаголетъ иерей, погружая младенца, сице: „Крещается рабъ Божий младенец, имярекъ, во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго Духа, нынѣ и присно и вовѣки векомъ, аминь". Да еще врагъ говоритъ, виновно творя, и сие, что мы во всей главизнѣ въ крещении половину отняли, кое не прилично было тутъ».

И азъ имъ говорилъ: «Не тужите о мнѣ, якоже Богъ хощетъ, тако и сотворитъ. А еже правые главизны о крещении, нѣчево было правити, правя, разве уже искривити. Но и зѣло испревратили есте, якоже исперва сказалъ вамъ о томъ превращении».

И Павелъ говорилъ мнѣ: «Да врагъ ты Божий, что упрямилъся о крещении. А въ крещении и все не нужно, только то нужно, еже во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа крестити въ купѣли, якоже прежде сказахъ ти».

Да тутъ же и попъ пришелъ, кой насъ імалъ, и послѣдния наши рѣчи у насъ засталъ, и говорилъ: «Владыко тебѣ право разсудилъ, принеси покорение».

И азъ ему крутыя слова изрекъ сице: «Кто тя спрашиваетъ? И нѣкому кромѣ тебя говорить здѣсь?! Высоко зѣло уста своя поднялъ еси, да языкъ твой по земли преходитъ. А што говоришъ, тово и самъ не вѣдаешъ. Чему мнѣ пови-

[1] поперечное.

новатися? Азъ вѣрую преданному святыми отцы, а *развращеннаго* ничево не приемлю. Понеже въ Святомъ Писании заповѣдано зѣло страшными клятвами отъ святыхъ отецъ, аще кто отъ ихъ предания хотя едино слово подвигнетъ.* И того ради намъ все нужно, что предано отъ святыхъ отецъ».

И попъ умолчалъ и потомъ ничего не говорилъ. Только Павелъ рекъ мнѣ паки: «Врагъ Божий! Да то и въ вашихъ любимыхъ Потребникахъ Филаретовскихъ напечатано: какъ младенецъ худъ бываетъ, и тогда по нуждѣ одна молитва указано проговорить, да и крестити».

И азъ рекъ ему: «Да нужное къ свободному не прилагается. И азъ то приемлю. Но почто полъную главизну о крещении вредити?»

И власти востали изъ мѣст своих и говорили между собою передъ походомъ ис полаты: «Нѣчаво больши того говорить с такимъ прекословцемъ и врагомъ Божиимъ».

И азъ рекъ имъ: «Нѣсмь азъ врагъ Божий. Аще и грѣшенъ, но правою вѣрою. И вѣрую въ Троицы: непостижимаго Бога и единаго от Троицы Господа нашего Исуса Христа, рождьшагося отъ Пресвятыя Богородицы Марии, сугуба, во двою естеству, проповѣдаю. И ему, всесилному Богу, по силѣ моей молюся о здравии государьскомъ и о спасении, и о утверждении царства его, и вамъ воистинну не прекословецъ, но правду глаголю».

И Чюдовской архимаритъ рекъ: «Кабы и приятна ваша скверная молитва Богу!» И Павел рекъ: «За такое свое дѣйство достоинъ удавленъ быти, аще и, оправдаяся, говоришь, не достойно давити. Не достойно добрыхъ давити, а васъ достойно. Помнишь, и въ церкви иного удавили, да не вменилося имъ въ грѣхъ».

И азъ его о семъ не вопросилъ, понеже гнѣватися на мя стали, и не вѣмъ, кого въ церкви удавили, рекъ Павелъ, развѣ арияне въ службѣ амфоромъ святаго Павла, патриарха Царя-града.* *Мню*, яко то во оправдание имъ глаголетъ.

И потомъ повелѣлъ мя думной караульщикамъ отвести на Мъстисловъской дворъ и въ предиреченной чюланъ посадить, держать по-прежнему накрѣпко. И въ чюланѣ сидѣлъ я недель съ шесть, мало свѣту видалъ, только по одному человеку караульщикомъ, пременяяся, со мною велено сидѣть с молчаниемъ. И потомъ, недель з десятокъ минувъ, или больше, и перевели въ другую избу, отъ начальниковъ подалѣ, и с караульщиками попризналъся. А все из дѣла нашего цвѣтъ пооблинялъ, правителемъ тѣмъ не до того стало.

Да и сие вамъ повѣдаю, какъ распрашивалъ меня думной о писмахъ по выписямъ своимъ, въ тонькость о всякомъ дѣле. И я не скоро думному сказывалъ. И о чемъ мощно отводъ дать, скажю, а иныхъ бутъто и не помню по выписке сказать. И думной доколѣ приискиваетъ моихъ писемъ, а я в тѣ поры понадумаюся. И власти мнѣ говорятъ: «Уже своихъ писемъ не памятуешъ!» И я имъ сказалъ, что, де, я человеченъко скудоумной и безпамятной, а волачивалъся я по многимъ городамъ и въ крылосѣх, и иныхъ писемъ и не помню, гдѣ взялъ.

И власти и думной говорили такъ: «Безъпамятной! Да и памятнымъ, сидя, разбирать, колько ты наплелъ!»

А после меня старецъ Иосафъ новъгородецъ* былъ предъ властьми. И они ему рекли: «Не ученикъ ли ты черньчишка того Аврамия?» А я, грѣшникъ, и слѣда не коснулъся таковаго отца разума. Да онъ отъ нихъ смирениемъ отходилъ. Не знаютъ его, а меня при немъ зѣло бранили. А послѣ другой моей очной ставки власти говорили о мнѣ братии нашей, кои предъ ними послѣ меня были: «Ведь у васъ изъ еретишковъ тѣхъ только Аввакумъ да *черньчишко* Аврамей, да и тѣ, бѣдныя, не позная истинны, заблудили отъ праваго пути». Да сказалъ мнѣ человекъ, думной, де, говорилъ о мнѣ: «Чернецъ умѣетъ грамотѣ, да упрямилъся не въ дѣле». А подьячей, которой у дѣла былъ в тѣ поры, какъ говорилъ я со властьми, человеку доброму говорилъ: «Чернецъ Аврамей гораздъ грамотѣ, посрамилъ архиереовъ».

И сие пишу вамъ, не себе похваляя, и вѣмъ грубость свою, и не достоинъ [1]съ человеки вмѣнятися[1], и ниже слѣду коснулъся отцов страдальцов, и воистинну человѣченко стропотъ[2] есмь и нетерпѣливъ. И, ревнуя ихъ отеческому святому пути, изрекъ все властемъ, не скрываяся, при думномъ и при подьячем. И властемъ стало зѣло зазрительно. Какъ бы имъ возможно, и онѣ бы меня жива зъглотили. Да вѣмъ, яко безъ суда Божия и власъ з голове не улѣняетъ.* А онѣ и слышати истинны не хотят, въ крайнѣе безстудие пришли. И перестать про нихъ говорить, только развѣ ихъ побѣдить терпѣниемъ, аще кого Господь Богъ укрепитъ.

Да о семъ скажу любви вашей. В постъ предъ Успѣньевымъ днемъ, в четвертокъ вечеръ, за три дни до Успеньева дни,* и проважали меня два стрельца з бердышами до полаты въ Чюдовъ монастырь, иже нынѣ прозваны Вселеньския. И вшедъ въ полату, обычное начало сотворихъ. В полатѣ же Резаньской архиепископъ Иларионъ да думной Иларионъ Ивановъ. Азъ же обычно поклонихся обоимъ. И началъ мя увѣщавати архиепископъ сице: «Уже ли, Аврамей, отъ запада на востокъ обращаешися? И престалъ ли прекословити соборной апостольской Церкви и четыремъ вселеньскимъ патриархомъ, и нашему пятому святѣйшему Иосафу,* и всемъ архиереомъ Великия России? И неужели „яко песъ, на своя блевотины возвращаешъся"* Неданное, брате, Богомъ, Аврамей, на себя дѣло взимаешъ, и не Церковь тебя оставила, ты Церковь оставилъ еси».

Азъ же рехъ ему: «Не оставихъ азъ Церкви, но аще и зѣло грѣшенъ, только правою вѣрою, сынъ святыя соборныя и апостольския восточныя Церкви, и никогда со святою Церковью не прекословихъ. И отцы наши не псы были и не песию блевотину лизали, но истиннаго пречистаго Тѣла и Крови Христовы причащалися. И мы отъ нихъ приемъше, истинную православную вѣру непремѣнно держимъ, и с тою вѣрою хощемъ и на Страшномъ Судѣ Христовѣ стати.

[1—1] называться человеком; [2] строптивый.

Разсуди, владыко, какия мы прекословцы истиннѣ? Но во истиннѣ всегда пребываемъ. А еже пользовати другъ друга на благое по правиломъ святых апостолъ велѣно, аще кто и Божественнаго Писания не ученъ, да только будетъ искусенъ въ словѣ».

И архиепископъ рекъ паки мнѣ: «Когда не повинуешься инстиннѣ, а за то архиереи приказали с тебя санъ снять и остричь, и отдать градскому суду». И повелелъ старцу снимать с меня санъ. Онъ же снявъ маньтию и клобукъ, и камилавъку, и остригъ.

Азъ же глаголахъ ему: «Творите, еже хощете. Самовластны мы здѣ, а егда предъ Господемъ будемъ на судѣ, тогда познаемся, кто будетъ прав, и кто виноватъ. А что тѣснѣе, то и прибыльнѣе. Гробъ и тѣснѣе того будетъ, да лежать же в немъ будетъ. А что глаголете про грековъ, и о грекохъ азъ бы последней облакъ отъ Писания свидѣтельства предложил, что и слѣду у нихъ благочестия не обрѣтается. Святии отцы, кои от грекъ здѣ, в Русии, просияли, отъ нынѣшнихъ грековъ попа и диякона, поставленова отъ греческаго патриарха, здѣ, в Русии, приимать не велѣли въ приобъщение въ Московское государьство, и о семъ с клятвою писали».

Они же нимало сему не внимаютъ и, *остригъше*, повели мя ис полаты. Азъ глаголахъ, по полатѣ идучи: «Подаждь утѣшение своимъ рабомъ, Всенепорочная, утоляюще лютая на ны востания» и *прочая*. И егда в сѣняхъ остановилися, и вышел старецъ ис полаты, которой мя остригъ, и поклонился мнѣ до земли предъ всѣми, и глаголя ми: «Прости мя, отче, яко не волею сия сотворихъ». И азъ ему поклонихъся. Видѣхъ его, *егда* и стригъ, весь дрожалъ, непрестанно молитву Исусову творя, и Сына Божия исповѣдая въ молитвѣ. И сказалъ мнѣ о платье, яко у Чюдовскова архимандрита будетъ платье. И потомъ привели мя въ Стрелецкой приказъ, хотѣли въ чорную полату посадить. И довольно постоялъ въ приказѣ. И паки повелѣлъ мя думной в старую избу отвести, иже и донынѣ пребываю, донележе Бог благоволитъ.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ ДЬЯКОНА ФЕДОРА ИВАНОВА

ПОСЛАНИЕ «ОТЦАМ» И «БРАТИИ» ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ

О *послании въ заточение и о нестерпимомъ мучении диякона Федора за святую церковь и о еже како искусилъ властей прелестных*[1].

Возвѣщу вам, возлюбленнии мои отцы и матери, и братия о Христѣ, да познаете, како мя, грѣшнаго диякона Феодора, покаряли к новому нечестию на Угрѣше и чего ради аз вмалѣ посходил им тамо, седя в темницѣ.

Егда изгнаша нас архиерее из сонмища своего* и священный санъ содраша с нас, со священным протопопом Аввакумомъ, во един день, и егда изведоша мя из церкви, и аз, грешный, и ту людем, безчисленным стоящим, свѣтлым гласом проповѣдах истинну, сложа въ рукѣ своей крестное знамение, и гóрѣ[2] то воздвигъ, и возопил к народу: «За сию истинну стражду и умираю, братия, и за прочия догматы церковныя!»

И в ту пору, отведше, посадиша мя в холодной чюлан на Патриаршѣ дворѣ, и тут сидѣлъ два дни за сторожами.

И на третей, по утру за три часа, пришедше от царя воини, взявше и ведоша мя ко Красному крыльцу. И сверху сошел голова и спросил: «То ли диякон благовѣщенской?» И они сказаша: «Тот». И повелѣлъ голова стрельцом взявше и посадити за караулъ у Каменнова мосту.

И егда стало свитать, тогда пришел полуголова и велѣлъ за собою вести стрельцом безоружным ко Тресвятцкому мосту, и тут приѣхал думной Дементей* и сказал мнѣ: «Поѣдь, куды повезут, и не кручинься: сердце царево в руцѣ Божии».

Аз мнѣлъ, яко царь в Коломенском* и к нему везут мя на роспрос, поне же подал в церкви тогда челобитную за печатью, — великия дела Божии писаны, — и чаял, сам царь там распрашивать станет: и ево дела были тут писаны.

Егда выде за город, появилися извощики и стрельцы со оружием и, посадивше на телѣгу, повезли мимо Коломенсково, не вѣм куды, странным[3] путем по

---

[1] лукавых; [2] вверх; [3] окружным.

брегу Москвы реки да по болотам, а не прямою дорогою, ко Угрѣшскому монастырю, чтоб никто не видал знакомой, куды посадят. И по сем, ѣхавши, аз оглянулся и увидѣхъ: вдаль мене отца Аввакума везут. От Москвы повезли на свѣту, а на Угрѣшу привезли в осмом часу.* И как привезли к монастырю нас, и взяли отца Аввакума два стрельца под руки, и обвиша главу его япанчею, и повели на монастырь сторонними[1] враты, что от рощи. И аз, необычное зря, ужасом одержим, стах, помнѣхъ в себѣ: в пропасть глубокую хотят нас сажать на смерть; начах прощатися со женою и чады и со всѣми вами, вѣрными.

И отведше Аввакума, — не вѣдал, камо его дѣша, — и пришед полуголова, и велѣлъ стрельцом взяти мя тако же, а главу мою со очима рогожею покрыти и до ногъ. И, приведше, посадиша мя в башню пустую, а бойницы замазали и двери заключили. И по малѣх днех стал полуголовѣ бить челом, чтобы вѣску подал женѣ моей, гдѣ сосланы, чтобы жена моя, безвѣстнаго ради сослания, напрасной смерти не предала себе и души своея не погубила мене ради, грѣшнаго; и посул давал ему, он же не восхотѣлъ отнюдъ послати вѣсти: «Царя, де, не смею».

И по триех недѣлях помысли, окаянный, молити всещедраго Бога, дабы извѣстил сердцу моему Христос, аще неправо что старое наше благочестие и новое что добро. И три дни, грѣшный, не ѣл, и ни пил, и не спал, токмо плача милости просил у Творца своего. И Христос, Спас мой, паче еще сердце мое утвердилъ, яко умрети за всѣ старые, а новаго — совесть моя сложилася сердцу — отнюдь ни во что не приимати: «Все лукавством составлено»,— глагола во мнѣ совесть. И не ядши, изнемогъ. И караулшики, видѣвше мя изнемогоша, сказали полуголовѣ. И он, пришед, вопросил мя: «Что, де, диякон стар, не ѣшь?» И яз рекъ: «Изнѣмогаю». — «Ино, де, бы призвати отца духовнаго?» — И аз ему рѣк: «Порадѣй, пожалуй!» А исповѣдаться подумах: либо какову смерть нощию внезапу сотворят, и отецъ, реку, духовной, скажет вѣстку женѣ, гдѣ мы.

И как аз стал просити духовнаго отца, и полуголова: «Не смѣю, — рек, — без царева вѣдома дать». И о том отписал к думному Дементию. И Дементей царя доложил, и царь ево ко властем послал, и власти в монастырь, Павел с товарыщи,* грамоту прислали по государеву указу: «Тако, де, покаряется нам; повелеваем его исповѣдати и причастить». И допрашивал меня игумен монастыря того: «Покаряеши ли ся церкви и собору нынешнему?» И аз сказал противу: «Покаряюся святой соборной церкьви восточной, что прияла древле и держит догматы». И написавши они скаску мою, велѣли руку приложить. И в полночь прислали ко мнѣ слугу с нею. И аз прочел и увидѣлъ: у них написано, что бы мнѣ на предния слова не обращатися. И не хотѣлъ руки такъ приложити: «У меня, — рекъ, — словъ никаких худых не бывало». И слуга мнѣ рекъ: «Да

[1] боковыми.

уж, де, скажут они». И аз подумах: «Уш то, — реку, — в чем аз промолвился гдѣ?» И приложил руку, постоявъ.

А тово не вѣдах, что в дому моемъ все перепечатали, и слова многия собираны были у мене от Божественных Писаний, и старца Спиридония на их отступление* и на лукавыя догматы их, и то все у меня без насъ взяли, и нынѣ не вѣмъ, гдѣ их девали. И после скаски сталъ аз просити отца духовнаго, добраго старца, у игумена и полуголовы; и они сказали мнѣ: «Как, де, станешь умирать, тогда дадим отца духовнаго». И аз востал здравъ о Христѣ: «Челом, реку, бью на милости вашей!» И паки писал аз им, что святой соборной и апостольской восточной церкви ни в чем не противлюся.

И послѣ того вскорѣ дал Богъ царю государю сына Ивана* царевича, и тоя ради радости царь нас ис темницы свободил и взяли к Москвѣ.

И опять дияки розпрашивали меня в приказѣ Патриаршѣ, и аз тѣ же слова говорил, что восточной церкви и догматом ея древним не противлюся. И отдали Павлу краснощокому под начал на двор.

Тот врагъ лукавой много надо мною казньствовал[1] и всѣм, стоящим в вѣрѣ, рыет яму и царевым сердцем мутит. И егда стали священнику Никитѣ* ругатися, будто он за неправду стоял, а он, не претерпя их томления, дал повинную и, по Пожару* ходя, прощался, не согрѣшив, пред народом, и аз слышах, — такое лукавство над нами творити начинают, — мѣсто гневу их дал: взявши жену и чад, убѣжавши, скрылся, рек в себѣ: «Лутше ми умрети, нежели соблазнити единаго от малых, вѣрующих правѣ».

И егда услышах, яко ищут мя прилѣжно и грамоты посылают по градом и другов моих по Христѣ стали *истязовати*, приводя в приказ, и крѣпити во мнѣ, тогда аз паки пришел сам свою душу за них положити, а их чтобы свободили, пожаловали. Спаметовал аз Спаса своего слово, еже рече: «Больши сея любве никто не имать, еже кто душу свою положит за други своя». То мое, свѣты, все повиновение.

---

[1] издевался.

ПИСЬМО НА МЕЗЕНЬ К СЕМЬЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Юзникъ темничной, грешный диаконъ Феодор Иванов многострадальной страстотерпицѣ Настасьѣ Марковнѣ радоватися о Господѣ и здравствовати со всеблагодатным домом, с любезными чады своими, и с добропокорливыми домочадцы; буди на всѣхъ вас благословение Господа нашего Исуса Христа отнынѣ и до вѣка, аминь.

Да спаси тя Христосъ, матушка Марковна, за любовь милосердия твоего, что пожаловала, прислала мнѣ, темничному юзнику, въкупѣ з батюшкой протопопом запассцу с Лодмой — преже крупок овсяных, а нынѣ на лодье Ивановѣ и богатѣе того сугубо — яшныя мучки и крупъ яшныхъ и грешневыхъ. Мы з батюшком ис темницы нощию, пособием Божиим и направлением святыхъ ангелъ своих хранителей, вышли к брату Алексию в дом, и тут побесѣдовали, и с Поликарпом вашим, мезенцомъ. И запасу мнѣ отецъ половину отдѣлил, крупы и муки. За то вам воздастъ Христосъ Бог милость свою во онъ день, чесна ваша милость во время нашия скудости. И почему[1] у тебя, Марковна, запас купленъ там, и ты зачти себѣ денегъ моих, что жена прислала.

Да писалъ я к вам преже сего в грамоткѣ, — с тѣм же Поликарпом придетъ, чаю, — о покупкѣ полпуда меду и о ином. И аще дорогъ мед, и вы, свѣты, не купите, да деньгами мнѣ пришлите по зимѣ, аще Богъ изволитъ и живы будем. А аще уморят нас здѣ, и вы нашим раздайте или Андрѣю сюда пришлите,* а при нас всякую посылку к Лодмѣ присылайте, покаместъ живы. Тюрьмы нам зделали по сажени, а отъ полу до потологу — головой достать.

Да слава Христу истинному, Лазарь отецъ писал царю письма,* — другой год уже тамъ, — и нынѣ велено у него с Москвы о тѣхъ писмахъ взять скаску, и прислать к царю, а писалъ страшно, и дерзновенно зѣло — суда на еретиковъ просилъ. Да не чаемъ мы — дать судъ праведенъ. Когда еретикъ еретика судитъ вправду? Ни, ни! Никогда бо сатана сатану не изгонитъ, по словеси Христову. Двѣ грамоты у него: царю да Асафу патриарху,* молчаливому потаковнику прелести сатанинѣ.

И отецъ Аввакумъ посылаетъ царю послание* с сотникомъ старымъ, сотникъ емлетъ у него; чаю, и азъ пошлю. А списокъ к вамъ посланъ с Поликарпомъ вашимъ; до показанныхъ откровений отцу о царѣ и о себѣ — мое о Христе счинение, а те тайны Христовы самъ писалъ отецъ до конца; и посемъ уже что отродится отъ рога того злаго*! Но без суда Божия и онъ намъ ничего не можетъ, бѣдной, сотворить.

[1] по какой цене.

Молитеся вы всѣ, свѣты, крѣпко о насъ сотворшему насъ Богу и на превелие сие дѣло свое избравшему. И правила, и книга «Отвѣтъ нашъ о православнихъ догматѣхъ» — за руками — послано все с Поликарпомъ.

И ты, братецъ Иванъ,* порадѣй о пользѣ Церкви Христовы опасно[1] и сотвори такъ, какъ отецъ приказалъ вамъ: в Соловки пошли и к Москвѣ вѣрнымъ. И тутъ давай списывать вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольны будутъ и иныхъ научити, а списовали бы добрымъ письмомъ. А послание, что к тебѣ писано, брате Иоанне, отъ меня, и ты того в Соловки и не посылай, руку мою. Судите, какъ лучше; и в Книгѣ все есть, отступником бы не попало: они руку мою знают, и сам рогъ антихристовъ знаетъ, знаетъ руку мою. Дѣла его тако наричютъ[2].

Да и въ Суздальскомъ уѣздѣ былъ нѣкто пустынникъ, Михаилъ именемъ, святъ мужъ, до мору* еще преставился; нынѣ тутъ и пустыня заведена надъ мощьми его; и тотъ глаголалъ о немъ пророчески до отступления еще задолго и до Никона. Егда сѣде на царство онъ, и пришедшии нѣции христолюбцы в пустыню ко святому Михаилу, рабу Божию, и возвестиша ему: «Иной царь-государь воцарился нынѣ после отца своего». И Михаилъ рече имъ: «Нѣсть царь, братие, но рожокъ антихристовъ». Еже и бысть нынѣ: видимъ брань его на Церковь Христову.

И о семъ, какъ были вы в Нижномъ, сказа мнѣ в монастырѣ стражъ мой темничной, Артемей суздалецъ. Да и впредь, братие мои вы о Христѣ, азъ глаголю вамъ: добра отъ него не будетъ церкви и миру, в томъ ему и пропасть, в своемъ лукавствѣ, не обратенъ бо.

А в малыя темницы к Покрову* преведутъ насъ.

А посемъ вамъ миръ и благословение — матушкѣ Марковнѣ и брату моему о Господе Ивану Аввакумовичю, со женою Неонилою, и з дочкою Марьею; и братиямъ моимъ о Христѣ — Прокопью и Афанасию Аввакумовичемъ; Феодору и Лукѣ, аще и не видѣ его; и сестрамъ — Агрипѣнѣ и Акилинѣ, и Оксинье Аввакумовнамъ; и трудницѣ[3] Христовѣ, вдовой сестрѣ Фотиньѣ Ярофиевнѣ с сыномъ — тоже благословение; и Оксинье девицѣ, и новокрещенымъ сестрамъ тоже.

А Григорюшко, сказываютъ, прочь отшолъ.* Мало ему жить, скоро умретъ, и трудъ свой губитъ, что не до конца терпитъ; худо то.

Да, пожалуй, брать Иванъ и кумъ мой, пиши и к женѣ моей и Максимушку* отъ себя, и ко мнѣ о нихъ, что услышите.

Да простите вы, любезнии мои, меня, грѣшнаго, и помолитеся о мнѣ ко Господу, а на васъ буди благодать Божия отнынѣ и в векъ вѣка, аминь.

Да помните ли вы, что глаголетъ чюдный пророкъ Аввакумъ* въ пѣснѣ своей: «Оскудѣша овцы отъ пищи и не будетъ воловъ при яслѣхъ»? То христиане отъ причастья оскудѣютъ неправыя ради службы; а «воловъ при яслѣхъ не

---

[1] со тщанием, осмотрительно; [2] называют; [3] работнице.

будетъ» — толкъ: поповъ достойныхъ и православныхъ в олътарѣ не будетъ. Волы — попы, ясли — олтарь или церковь. Глаголетъ Писание: «Будетъ бо что попъ — то винопийца и пияница, что чернецъ — то воръ». Тако истинна суть и к тому идетъ. Горе, горе живущимъ на земли злымъ, а вѣрнии вси, аще и по земли ходятъ, но вѣрою на небеси живутъ!

Да сие все про себя знайте, а письмо раздерите мое мучителева ради имени.*

Отдать ся грамотка на Мезенѣ в слободкѣ протопопицѣ Аввакума протопопа Настасьѣ Марковнѣ. Писано сентября въ 1 день.

ПОСЛАНИЕ ИЗ ПУСТОЗЕРСКА «БРАТИЯМ», «СРОДНИКАМ» И СЫНУ МАКСИМУ

По церкви Христовѣ юзникъ *диаконъ Феодоръ* благовѣрнымъ братиямъ и сродникомъ моимъ по плоти о Господѣ. Благодать вамъ и миръ отъ пресвятыя единосущныя и нераздѣлимыя Троицы, единаго трииипостаснаго Бога, а отъ мене, юзника, благословение вамъ о Христѣ Исусѣ.

Приклоните ушеса во глаголы устъ моихъ: побесѣдую вамъ о Господѣ отчасти, во славу имени Его святому. Поучаетъ ны пророкъ Давыдъ: «Исповѣдайтеся Господеви и призывайте имя его, возвѣстите во языцѣхъ дѣла Его, воспойте и пойте ему, повѣдите вся чюдеса Его, хвалитися во имя святое его. Да возвеселится сердце ищущихъ Господа!» Взыщите Господа и утвердитеся; взыщите лица его выну,* сирѣчь всегда, понеже и самъ Господь глаголетъ инымъ пророкомъ: «Азъ мене любящая люблю, и взыскающии мене обрящутъ благодать».* Никтоже бо, взыскаяй Господа, оставленъ бысть. Добро, братие, прежде всего взыскати Бога и в пути Его правыя ходити, и по воли Его святой жити, и прославляти чюдное имя Его дѣтелнѣ[1] и словеснѣ въ жизни сей. Самъ Христосъ, Сынъ Божий, собою намъ прописавъ образъ жития сего. «Начатъ Исусъ творити же и учити», — пишетъ бо святый Лука евангелистъ. Такоже по Христѣ и вси святии его, шествоваху донынѣ и нынѣ шествуютъ любящии его вседушнѣ и душа своя полагающе по Немъ и по Церкви его святой, имъ же и азъ, грѣшный, потщахся отчасти послѣдовати. И не оставленъ бысть отъ Христа, Бога моего, но и о мнѣ, недостойнѣмъ, прославилъ имя святое свое въ маломъ страдании моемъ — даровании дву языкъ по отрѣзании и десницы моей, якоже благодати тезоименитому Дамаскину и Максиму Исповѣднику,* и иными множайшими своими Божественными присѣщеньми, и не по дѣломъ моимъ, но по своему благоволению и милости человеколюбной,

А о явлении соловецкихъ чюдотворцевъ вѣдомо ти, писахъ азъ къ вамъ о томъ преже сего. И по томъ убо явлении святыхъ тѣхъ отецъ предъ Госпожнымъ постомъ, взыде ми на сердце о ихъ великой лаврѣ молити Бога тридневным постомъ и бдѣниемъ, — еже бы три дни не ясти, ни пити, и не спати, — дабы Христосъ-Вседержитель, свѣтъ, избавилъ ю отъ мучителя того лукаваго, якоже вѣсть своими судбами. И попросихъ у него, Спаса своего, помощи и силы к таковому труду, аще годѣ ему будетъ тое желание сердца моего и послетъ ми благодать свою свыше. И по семъ прошении, на утреннѣмъ славословии, творящу ми поклоны за каноны, и абие[2] нападе на мя сонъ необыченъ, и видѣхъ яко отверстъ покровъ[3] темницы и съ небесъ летящь надъ мя яко клубъ нѣкий, свѣтелъ зѣло и чистъ, яко хрусталь солнцемъ смѣшенъ. И отъ сего разумѣхъ азъ, яко помощи ми хощетъ Господь своею благодатию къ тому дѣлу.

---

[1] деятельно; [2] вдруг; [3] крышу.

И егда наста постъ Божия матере, и азъ касахся тому труду[1], и Христосъ поможе ми и Пресвятая Богородица то дѣло совершити. И въ третий день посемъ бысть сумракъ; азъ же во оконце зрю, [2]куря темницу[2] свою. И абие слышахъ въ той часъ стрѣльбу съ неба, — трижды стрѣлило, яко изъ великия самыя пушки, надъ Соловецкимъ монастырем (мѣсто то знаемо мнѣ, и окно темницы моея къ той странѣ здѣлано). А грому въ той день не было и вѣтру, но тихо бысть зѣло. И азъ помышляхъ всяко о томъ знамении: что хощетъ быти и что сотворитъ Спасъ-Господь о обители своей? И не разумѣхъ въ то время.

И посемъ мину пять мѣсяцовъ, и обитель взята бысть и разорена отъ враговъ, и сѣдящии въ ней мнози отцы и братия оружиемъ избиени быша и заклани, яко агньцы, овии же повѣшени за ребра, овии же во льду мразомъ поморожени, иныя же инако казнены и замучены отъ царева воинства. И самъ въ томъ времени царь той мучитель от Спаса пораженъ бысть въ смерть молитвами тѣхъ страстотерпецъ новыхъ. Еще же и великихъ оныхъ триехъ мученицъ,* благовѣрныхъ женъ, молитвами сокрушенъ бысть. И они, свѣтлы сострадальцы наши, въ той же зимѣ затомлены горкою смертию отъ царя того же жестокосердаго.

И въ то время Божиимъ дѣйствиемъ нѣкако явися ми Христова раба избранная, любезная моя мати и сестро о Господѣ, благовѣрная боляроня *Феодосия*, — и за пять дней до преставления своего (опослѣ сочтохъ азъ о томъ), — и рече ми: «Помолитися о себѣ, нужно, де, намъ стало зѣло и горко» (а того еще азъ не вѣдахъ, еже они посажены во иныя ямы глубокия). Помолихся о нихъ азъ, дабы не попустилъ Христосъ выше мѣры искуситися имъ: разумѣхъ велику тягость нѣкую, наложену на нихъ.

И егда блаженная она мученица Феодосия по смерти своей вскорѣ предста у царева одра, *Феодорова*, и мнѣ, грѣшному, показано о томъ въ видѣнии тогда.

Потомъ же, когда прииде намъ вѣсть, яко Соловецкой монастырь взятъ бысть и разоренъ, и азъ, грѣшный, вельми оскорбихся о томъ, и правило отвергъ того дни, и начахъ сѣдя стужати Христу-свѣту, и отъ горести з досадою глаголати, яко вскую[3] попусти последнюю обитель разорити и осквернити, — и бия рукама своима въ перси и о постелю свою отъ зѣлныя[4] жалости: «Презрѣлъ мя еси, Господи, — глаголаше, — и не хощу уже впредь просити у тебѣ ни о чемъ, ни псаломъ пѣти, токмо едино: „Создавый мя, помилуй мя, — глаголати, — буди воля твоя!"» А прежнее прошение и забылъ въ то время, еже просихъ полезнаго спасения о обители той святой. И еже тамо разделения междоусобное бысть, того азъ и не вѣдахъ.

И видя се, святый ангелъ мой хранитель смущенъ на мя, зѣло окаяннаго, и начатъ плакати, ходя окрестъ темницы моея, и ко мнѣ припадати сквозъ стѣны, умилно[5] въ день. И гласъ его слышу — пѣснотворецъ нѣкако, и *тонокъ* и

---

[1] начал поститься; [2—2] напустив дыма в темницу; [3] впустую, зря; [4] сильной; [5] жалобно.

свѣтелъ, а лица его не видѣхъ, понеже бесплотенъ есть. И посемъ ужасъ нападе на мя отъ плача того. И *зазрѣхъ*[1] азъ себе въ томъ, яко недобрѣ прерѣкуя Господеви, и падохъ на землю предъ Богомъ, начахъ каятися о томъ. И хранитель мой, свѣтъ-ангелъ умолче отъ сетования своего.

И того лѣта прислано къ намъ въ Пустоозерье въ сылку Соловецкаго манастыря того десять человѣкъ трудниковъ, и отъ нихъ уразумехомъ, яко велико нестроение и крамола стала бысть тамо междоусобная, и того ради предалъ Господь ихъ въ руки врагомъ, да овыхъ вѣнчалъ, а овыхъ смирилъ и наказалъ. Того же монастыря чернецъ Феоктистъ нѣкто перекинулся къ Мещерскому Ивану въ полкъ* и указалъ тайное окно на стенѣ, и ту пусти враговъ обстоящихъ[2]. И тако предалъ имъ святую ту обитель свой враг. И мерзость запустѣния ста ту на мѣстѣ святѣмъ до времяни своего.

Да еще преже сего, послѣ казни вскорѣ, молилъ Христа-свѣта, да явитъ ми, будетъ ли никониянской прелести разрушение и конецъ потребления[3]? И показано ми о томъ. На пустомъ мѣстѣ стоитъ погребъ зѣло великъ, яко 20 саженъ, и глубокъ, подобенъ аду; и полонъ бысть погребъ адскаго меду сырцу[4], и розданъ уже весь въ миръ той лестныи медъ[5], *остался* токмо единъ уголъ уже. И на немъ стоит, яко на глинѣ, самъ *Никонъ* во единой свиткѣ балахонной, и на главѣ его колпаченко худо, яко на кабацкомъ ярышкѣ, и своима рукама раздаетъ медъ той, не въ сосудѣхъ стоитъ ту, но тако лежитъ, яко глина. И посемъ съ небесъ отъ Бога гнѣвъ послася великъ на всѣхъ людехъ тѣхъ, кои приимали медъ той отъ *Никона*, — начать падати *свыше* на нихъ, яко скалы черныя со огнемъ, и вси людие возмутишася отъ того зѣло. И се конецъ тому видению. Разсуждая всякъ самъ.

И потомъ паки еще просихъ у Спаса своего о томъ же, и показано сице еще: видѣхъ поле нѣкое темно и жабъ исполнено бысть, и жабы тѣ всѣ изомроша и *иссыхоша,* яко листвие, и бѣгаю по нихъ и топчю ногама. И се конецъ тому. А что будетъ — не вѣмъ.

И посемъ азъ о клятвахъ сумнѣвахся и сѣтовахъ некогда. Въ постъ Филиповъ отпѣхъ заутреню рано и повалихся на скамейцу, и начахъ размышляти въ себѣ, глаголя: «Что се, Господи, будетъ? Тамо, на Москвѣ, клятвы[6] вси власти налагаютъ на мя за старую вѣру и на прочихъ вѣрныхъ, и здѣ у насъ между собою стали клятвы, и свои друзи мене проклинаютъ за несогласие съ ними въ вѣрѣ же, во многихъ догмагѣхъ, болше и никониянъскихъ!» И егда размышляющу ми о сихъ всѣхъ, абие внезапу гласъ бысть, яко громъ во узилищи нашемъ. И яко войско велико аггеловъ или святыхъ прииде, — не видѣхъ лицъ ихъ, — и начаша согласно вси глаголати во едино слово, яко мнози ученицы у мастера, псаломское оно слово: «Оскверниша завѣтъ Его, раздѣлишася отъ гнѣва лица

---

[1] осудил; [2] осадивших; [3] истребления; [4] т. е. свежего, не приготовленного для питья; [5] мед обмана; [6] проклятия.

Его». И многажды се слово возглашаху они и престаша. И паки начаша второе слово возглашати по семь псаломское же, сие оное: «Истиною твоею потреби ихъ!» Къ Богу вопияху на противящихся истинѣ Божиеи. И сию рѣчь многажды же глаголаху соборнѣ. И посемъ ино не бысть ничтоже. А мнѣ, грѣшному, дано гласы тѣ слышати, а не сказано ничтоже, на ково они тѣ слова пояху, — на никониянъ ли, или на насъ, или мене научаху внѣшнихъ и внутреннихъ противныхъ враговъ тою молитвою потребляти. И в недоумѣнни быхъ великомъ о томъ. И они обругали, и въ смѣхъ поставили, и не умилилися[1] нимало ⟨...⟩.

Тако бо и нашъ *московский царь Алексѣй Михайловичь,* прельщенный отъ Никона, еретика и отступника, при смерти своей позна неправду свою и законопреступление свое, и отпадение отъ правыя вѣры отеческия, и вопияше великим гласомъ, моляся новымъ преподобномученикомъ соловецкимъ: «О господие мои! Послушайте мя и ослабите ми поне мало, да покаюся!» Предстоящии же ту и сѣдящии вопросиша его, глаголюще со ужасомъ: «Кому ты, *царь-государь,* молишися прилѣжно и умилно?» Онъ же сказа имъ, яко «ко мнѣ, — рече, — прийдоша старцы Соловецкаго монастыря, и растираютъ вся кости моя и составы[2] тѣла моего пилами намелко, и не быти живу отъ нихъ! Пошлите гонца скоро и велите войску отступить от монастыря ихъ!» Боляре же посла гонца скораго, по повелѣнию цареву. Инъ въ то время самыя болѣзни его взятъ бысть монастырь и разоренъ, и братия вся, иноцы и бѣлцы, побиени быша и замучены разными муками лютыми и необычными, и Никоноръ преподобный,* архимандрит и многолѣтний старецъ, иже и отецъ духовный бѣ ему, *царю Алексею* на службѣ, и той замученъ бысть ту разными муками во единомъ часѣ отъ стрѣлецкаго головы Ивана Мещерскаго, сатанина угодника. И гонца онъ послалъ къ царю на радости, чая себе великия почести, еже взялъ монастырь и пригубилъ всѣхъ живущихъ въ немъ; гонцы же оба на пути срѣтостася и сказаста другъ другу, чего ради послана, и безъ пользы возвратишася кождо во своя. *Царь* же потомъ скоро скончася недобрѣ. И по смерти его въ той же часъ гной злосмраденъ изыде изъ *него* всѣми тѣлесными чювствы, и затыкающе бумагою *хлопчатою,* и едва возмогоша погребсти его въ землю.

И по немъ приемъ державу *царствия* его *царевичь Феодоръ Алексѣевичь,* и по наказанию отца своего повелѣ въ Соловецкой обители *Пантократоровѣ* службе церковной по старым книгам быти, за нихъ же пострадаша до смерти *архимандрит* и старцы, и вси трудники Христовы, и прочая вся держати по чину и по уставу святых чюдотворцевъ новопосланному *архимандриту.**

Патриархъ же Якимъ,* отступникъ отеческаго благочестия и паршивый пастырь, не восхотѣ тому быти, и приказалъ по-новому вся быти и творити, стыда ради своего, понеже на соборищи томъ лучший сватъ бысть, всякия от *царя*

---

[1] не посочувствовали; [2] суставы.

отвѣты и лести[1], и страхи и ласки, и прещения и моления, и обличения новыя бляди[2] относилъ.

И во время бо обругания моего, егда остригоша мя съ протопопомъ Аввакумомъ на единой *литоргии,* и въ той часъ, преже стрижения и клятвы, послахъ азъ съ нимъ, Иоакимомъ, увещательное послание къ *царю Алексѣю* о многих сокровенныхъ тайнахъ церковныхъ и о новыхъ ересяхъ на двунадесяти столбцахъ, писано моею покойною рукою, и запечатано крестомъ Христовымъ, и наверху свитка того подписано бысть сице: «Сего писания никому не распечатать, ни прочести, кромѣ самого царя, и съ симъ писаниемъ хощу азъ судитися съ вами на Страшномъ судѣ Христовѣ». И отъ того писания отъ царя ко мнѣ ни единаго вопроса, ни отвѣта не бысть, ни блага, ни зла, умолче бо о всемъ, якоже оный не имать одѣяния брачна на себѣ и самоосужденъ отъ совѣсти своея: напоили убо его никонияне пияна християнскою неповинною кровию и своимъ прокислымъ вином прелести, и ограбили душу его, яко татие и разбойницы церковнии, сняли съ него драгую ризу православия отеческаго, и облекоша его во многошвенная[3] своя и разодранная рубища нечестия *многаго.* Бою бо ся, едва не othечетъ ли ему Царь царствующихъ, Христосъ, Богъ нашъ, якоже и оному худоризному на брацѣ: «Связавше ему руцѣ и нозѣ, ввергѣте его во тму кромѣшнюю, ту будеть плачь и скрежетъ зубомъ».

Той же сватъ лестной, Якимъ, въ то время *архимандритъ* бысть въ Чюдовѣ монастырѣ,* и на соборѣ своемъ паче всехъ архиереовъ похвалялся на нашу кровь, глаголя намъ: «Егда вамъ отрѣжутъ языки тѣ за укоры ваша, тогда уже какъ станете говорить? И егда отсѣкутъ вамъ руку ту правую, тогда какъ станете креститися-то?» — якоже Каияфа* пророчествовалъ намъ. Мы же отвѣщахомъ по-единому имъ: «Аще и главы наша отсѣчете за истинную вѣру отецъ нашихъ святыхъ, не боимся мы того; а языки намъ силенъ Христосъ иныя дати, новыя».

И по совершении соборища своего лукаваго збыстся его прореченiе на насъ, — отрѣзаша намъ трема по языку: Лазарю-попу и Епифанию-иноку, по времени и мнѣ, Феодору, Христосъ же, Спаситель нашъ свѣтъ и праведный судия, не оставилъ насъ, паки даде языки и слово намъ по-прежнему. Мы же благодаримъ его, Творца своего, о томъ чудномъ даровании его, и писахомъ къ Москвѣ благовѣрнымъ братиямъ въ славу его, и царю вѣдомо бысть о томъ. Нѣцыи же христолюбивии братия начаша Христа прославляти, а отступниковъ поносити, за кровопролитие наше, и новоутерженное ихъ нечестие укоряютъ со дерзновениемъ.

Архиереи же лукавии, *Павликъ* и Ларионъ,* и *архимандритъ* Иоакимъ, и прочии злии совѣтницы ихъ и новолюбцы посрамлени быша отъ нихъ, и умыслиша инъ ковъ паки на нашу кровь грѣшную, лютѣйше перваго сугубо, еже

[1] обманы; [2] иносказательно: новой веры; [3] многошовные (т. е. лоскутные).

бы не быти живымъ намъ. И приидоша къ царю и начаша жалобу творить на тѣхъ, братию нашу о Христѣ, благочестия поборниковъ, и на насъ клеветали ему, глаголюще: «Развратили, де, государь, изгнанныи и осужденныя отъ насъ, пишутъ къ Москвѣ людемъ многимъ и хвастаютъ, послѣ казни бутъто имъ паки Христосъ далъ языки иныя, и говорятъ по-прежнему ясно». Царь же рече имъ: «Слышахъ и азъ о томъ». Они же, кровососы, начаша ротитися и клятися[1] предъ царемъ, и широкими ризами потрясати, и колокольчиками, яко сучки плясовыя, позвяковать, и глаголати царю лестныя глаголы: «Никако же, государь тишайший, нестатное[2] то дѣло, еже Христу дати имъ языки послѣ нашея клятвы, — ни, государь, лгутъ, или мало имъ отрѣзано уже то!» — «И сего ради, — говорятъ, — пошли, государь, паки нарошно къ нимъ, врагомъ нашимъ, и повели при всѣмъ народѣ до основания вырѣзать языки у нихъ, и по рукѣ отсѣщи, за Христово то ихъ знамение крестное, и мы въ то время услышимъ и правду ихъ узнаемъ, дастъ ли имъ Христосъ, Сынъ Божий, языки тѣ, и какъ-то станутъ говорить паки!» Царь же рече имъ: «Батки, *суть* не устать казнить-то? Да боюся и Бога: была имъ уже казнь, — и духовная — ваша, и наша — градская!» Они же, темныя власти, якоже жидовския архиереи рекоша Пилату о Христѣ, тако и они царю о насъ: «Кровь ихъ на насъ, государь, и на чадѣхъ нашихъ! Не подобаетъ уже имъ, противникомъ, и живымъ быти!»

Къ сему же иную злую кознь возвели на ны въ то же время они, лукавии змии, бутьто мы послания писали на Донъ къ казакомъ* и миръ весь восколебали тогда. И тѣмъ они, лестьцы, и возмутили паче царьскую душу на ны, еже бы чѣмъ пригнати насъ къ смерти. Царь же повѣрилъ имъ, и послушалъ ихъ, и повелѣ на Москвѣ тѣхъ рабовъ Христовыхъ хватати, и въ темницы такоже сажати, и за караулъ предавати и мучити всяко. Къ намъ же въ Пустоозерье посла полуголову Полтева приказу Ивана Елагина,* и повелѣ намъ паки языки вырѣзать до основания послѣдняго и по рукѣ отсѣщи.

Пригнавъ же скоро полуголова, и сотвори намъ при всемъ народѣ, и къ болѣзни язвъ нашихъ приложиша болѣзни, и къ ранамъ раны намъ прибавиша смертныя. Аще бы не Господь помоглъ намъ паки въ то время лютое, смертное, невозможно бы намъ уже и дыхати, и приничати. Праведный же судия и сердцевѣдецъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, хотя лестное ихъ умышление посрамити и прелесть никониянску и козни обличити, преславная сотвори о насъ, о рабѣхъ своихъ, и въ томъ же часѣ по казни той даде намъ паки глаголати ясно, и раны вскоръ исцели, яко всѣмъ людемъ дивитися и славити Бога о бывшемъ чудеси. И исполнися слово Христово на насъ, еже по воскресении рече ученикомъ, посылая ихъ на проповѣдь: «Знамения же вѣровавшимъ сия послѣдуютъ, именемъ моимъ бѣсы изженутъ, языки возглаголютъ новы, змия возмутъ, аще что и смертно испиютъ — не вредитъ ихъ»* и прочая.

[1] клясться и наговаривать; [2] невозможное.

Егда же полуголова по казни нашей ста на Москвѣ, и прииде къ царю, и сказа ему вся бывшая о насъ; царь же заповѣдуя ему крѣпцѣ не возвѣщати о томъ на Москвѣ ни единому отъ человекъ, архиереомъ же тѣмъ кроволюбцемъ, Якиму, самъ царь сказалъ, яже сотвори Богъ надъ ними. Они же, окаянии, слышавше, и безгласны быша предъ нимъ. И тако сия вся слышавше и видавше Иоакиму, паршивому пастырю, а обратитися на старыя правовѣрия, отецъ своихъ, не хотящу, и прочимъ таковымъ: легчае бо ему въ томъ отступлении и отчаянии, якоже Июде предателю, удавитися, нежели ко Христу обратитися, занеже онъ не Бога ради и постригся и спасения ради души своея, но тѣлеснаго ради покоя и чести.

Бывъ убо онъ холопъ царевъ, служивой ростовскихъ мѣлкихъ дворянъ Савеловыхъ рода, и бывшу ему на службѣ подъ Киевомъ, и жена же его безъ него начатъ прелюбодѣйствовати явно зъ блудниками. Тамо же въ полку товарищи его начаша кощуняти[1] надъ нимъ, глаголюще, яко «жена твоя удавитъ тя, аще приидеши въ домъ свой къ ней, зане ины мужи имать лучши тебе!» Онъ же, не хотя служити царю своему, и стыда ради того тайно отъиде тамо въ Печерской монастырь, и пострижеся, занеже вѣдая, яко на Москвѣ и во иныхъ знакомыхъ мѣстѣхъ не постригаютъ здоровыхъ служивыхъ людей по царской заповѣди. Сего ради тамо пострижеся, и поживъ мало, и преступи обещание, и бѣжа къ Москвѣ, яко оный ученикъ Сисоя Великаго, тако и онъ отъ своего наставника, ища славы мира сего. И о семъ сказа намъ сотник Андрей Киприяновъ — на караулѣ стоялъ у насъ, и на службѣ бывалъ съ нимъ. И бояся исперва на Москвѣ жити, дабы не ростригли и не послали на службу, сего ради нырнулъ къ Никону въ новой его бѣсовской Иеросалимъ,* и тутъ почалъ учитися грамотѣ, и напился ту фарисейскаго квасу; а до того не зналъ он писания развѣ[2] азбуки, ни церкви, ни чина церьковнаго, и не разумѣлъ догматъ святыхъ отецъ нашихъ древнихъ, и нынѣ не знаетъ, занеже не того ищетъ,— и книгъ святыхъ не прошлецъ[3] и не читатель, понеже человѣкъ былъ служилой, и жилъ въ глухой деревни, и зайцы ловилъ, а у церкви въ редкой Великъ день бывалъ. И у Никона мало поживши, и пронюхалъ, яко Никону уже не быти патриархомъ на Москвѣ въ старой чести и славѣ, тогда *збѣжа* и отъ Никона и прииде близь Москвы въ монастырь Андреевской* къ строителю Аврамию, и паде къ ногама его, да прииметъ его и опознаетъ на Москвѣ честнымъ людемъ.

Монастырь же той назидаше въ то время околничий царевъ ближний Феодоръ Михайловичь Ртищевъ, и сестра его Анна,* Никонова манна, кравчая царицына. И той строитель Аврамей призвавъ его ко окольничему Феодору Ртищеву, и по семъ того Якима учинили казначеемъ в Симоновѣ монастырѣ,* и по малѣ привели его въ келари ко Спасу-на-Новое.* Тутъ же живе у Спаса отецъ Феодора Ртищева, Михаилъ Алексѣевичь, по обещанию. Келарь же Якимъ на-

---

[1] смеяться; [2] кроме; [3] не проходил, не знаток.

чать Псалтырь твердити, начаяся[1] игуменомъ быти помалѣ[2]; Михаилъ же Ртищевъ, слыша отъ слугъ ту сущихъ часто Псалтырь въ руку его держаща и чая его молитвенника быти велика[3], и царю похвали его. И самъ онъ, Якимъ, всегда являшеся предъ царемъ, во всякихъ ходахъ и походахъ, и валяяся предъ ногама его. Царь же разумѣ его угодна быти себѣ, и приказа его испытати оному Михаилу Ртищеву, которыя онъ держится вѣры: старыя или новыя. Михаилъ же исповѣда его тамо о всемъ. Якимъ же сказа ему: «Азъ, де, государь, не знаю ни старыя вѣры, ни новыя, но еже что велятъ началницы, то и готовъ творити и слушати ихъ во всемъ». И Михаилъ сказа се царю. И посемъ поставили его въ Чюдовъ монастырь архимандритомъ на Павлово мѣсто,* — пришел воръ на вора, а вси на Бога! 〈...〉.

Тое же зимы и года и Аввакумъ протопопъ паки взятъ бысть изъ сылки съ Мезени къ Москвѣ и на сонмище ихъ, привезенъ и посланъ бѣ въ Пафнутиевъ монастырь* въ соблюдение. Въ Великий же постъ зимы тоя самъ *царь* ко всѣмъ архиереомъ ходя нощию на подворья ихъ и по сто рублев даяше имъ милостыни, и моляше, и глаголя: «Отцы честнии, будите со мною, и азъ с вами!» Они же обѣщавахуся ему радостно. Азъ же въ соблюдение отданъ бѣхъ на Москвѣ въ Покровъской монастырь по Павле, и во градъ часто поемлемъ бѣхъ. И по Пасцѣ обругаша[4] мя съ *протопопомъ Аввакумомъ* во единъ день. А *Никиту-попа* преже насъ остригоша за три дни. И предаша насъ царю в руцѣ; *царь* же посла насъ трехъ въ монастырь святаго Николы, иже на Угрѣши, и тамо держа насъ за стражею своею лютою разныхъ темницъ. И се бысть надъ нами до пришествия греческихъ патриарховъ Паисия и Мокариа за пять мѣсяцовъ. Послѣди же нашего обругания и послания на Угрѣшу посла *царь* Павлу-митрополиту въ почесть полторы тысящи сребра за ковъ[5] и труды его, еже потружался надъ нами и по воли его устроилъ. По семъ же предании, у Павла того архиерея, предателя, попущениемъ Божиимъ вселишася мнози бѣси въ дому его, паче же въ души его, многимъ людемъ творяху пакости немалы. Егда же повеле *царь* взяти насъ съ Угрѣша, и Аввакума послаша паки въ Пафнутиевъ монастырь, *Никита* же покорися отъ нужи, мене же, Феодора, предаша тому же Павлу архиерею подъ началъ, да увѣщаетъ мя къ своей прелести[6] Господь же сохрани мя.

И въ то время жихъ у него азъ два мѣсяца во дворѣ со старцы его, во особной горницы, и видѣхъ самъ, како бѣсове гоняху по вся вечеры пѣвчихъ и подьяковъ его исъ подклѣтовъ, надъ ними же онъ живяше самъ, и камениемъ бросаху въ нихъ бѣсове и черти. Онъ же, окаянный отступникъ, не имѣя къ Богу дерзновения[7] и не може отгнати бѣсовъ и чертей отъ дому своего. И призываше многихъ шептуновъ и врачей, и волхвовъ, дабы помогли ему и выгнали бы дѣмо-

---

[1] надеясь; [2] вскоре; [3] думая, что он великий богомолец; [4] обесчестили; [5] коварство; [6] лживой вере; [7] истинной веры.

новъ; хотяше бо бѣсами бѣсовъ изгнати безъ помощи Божия, и не возможе. Мене же за стыдъ сосла отъ себе — по *цареву* слову — паки въ Покровъской монастырь, внѣ града. Въ то же время приидоша уже патриарси* изъ грекотурския земли 175 *(1666)* году въ ноябрѣ месяце.

Бысть же дядя мой попъ Иванъ у мене, за нимъ же бѣ меншая сестра матери моей, родная. Служилъ же той попъ у *царя* въ Верху, у церкви преподобномученицы Евдокии, къ ней самъ *царь* ходилъ по вся дни, и служилъ онъ попъ по-новому все и любилъ то, а о старомъ попечения не имѣлъ нимало, въ коемъ онъ поставленъ въ попы отъ Иосифа патриарха. Павлу же оному, патриарху бѣсовскому, митрополиту, сына своего отдалъ въ подьяки, моего брата Наума; и племянника своего отдалъ въ той же чинъ. Азъ же возбраняхъ ему часто, яко о спасении своемъ и о чадѣхъ своихъ не радяше, и о вѣрѣ правой и о прелести новой не внимаше. И за то онъ не любяше мя и поношая, и на великаго государя надѣяшеся: «Онъ, — рече, — истинну обрѣте!» Тетка же моя за нимъ, Христова раба, бѣ, къ ней же азъ приходихъ тайно посещения ради, безъ него. И егда же онъ, стрый[1] мой, *застояше* мя въ дому своемъ пиянъ, тогда гоняшеся за мною съ ножемъ и сѣкирою. Азъ же убѣгая отъ него, крыяся[2].

Егда же ятъ бысть *царевою* рукою вначалѣ въ дѣло сие Господне и сѣдѣхъ нѣкогда въ приказѣ Патриарши, онъ же прииде ко мнѣ и съ теткою, старѣйшею сестрою матери моей, ему же своячина бѣ, и увѣщеваху мя со слезами, дабы азъ повинулся великому государю, и сказа ми онъ, стрый мой: «Хотят, — рече, — тебя проклинати, и на род нашъ безчестие наведѣши». Азъ же *рекохъ* имъ: «Не стужайте ми, молю вы, о томъ! Бѣсовския ихъ клятвы не боюся, и вамъ не будетъ безчестие за то, но похвала вѣчная». И по семъ годъ минулъ. И нѣкогда прииде онъ, стрый мой, попъ Иванъ бѣдной, къ Павлу митрополиту тому на дворъ ко всенощной заутрени въ четвертокъ пятыя недѣли Великаго поста, и своимъ въ дому сказалъ, яко тамо поиде молитися и дѣтей посѣтити, сына своего и племянника, и не пьянъ бысть въ то время. И прииде тамо въ подклѣтъ Павловъ, идѣже подьяки его и бѣсове живяху. Племяннику же его Иоанну пишущу въ то время нѣкия стихи, попа же Ивана бѣси или самъ сатана начатъ звати вонъ изъ храмины тоя тихо. Онъ же, попъ, рече явно[3] ему, яко Павлу самому митрополиту, честно отвеща сице: «Уже, государь, буду тотъ часъ». Племянникъ же той, услышавъ сия вся, и ужасеся, яко глаголетъ дядя его, и невѣсть съ кѣмъ глаголетъ. И по семъ изыде изъ храмины тоя скоро на дворъ, и тамо заведоша его бѣсове въ [4]заходъ мотылной[4], и снемше съ него подпояску и удавиша его, увы, увы! Въ нощи той извезоша его во убогой домъ по повелѣнию новаго патриарха. Се бысть во время безбожнаго соборища ихъ самого, и попустившу Богу задавити его бѣсомъ.

---

[1] дядя; [2] скрываясь; [3] ответил внятно; [4—4] отхожее место.

Сего ради да разумѣютъ вѣрнии и да не сообщаются со отступниками, и да не ходятъ къ заутренямъ ихъ и ко всякимъ службамъ развращенно поющимъ, и да не молятся съ ними запрещения ради святыхъ правилъ. Мнѣ же въ то время заточену бывшу в Сергиевѣ монастырѣ, во 175-мъ году. И егда взятъ азъ паки въ Москву, сказала о томъ тетка моя, плачущися о погибели его 〈...〉.

И инии мнози Никоновы поборницы злѣ скончевахуся разными наказаньми, паче же оный Крутицкой митрополитъ, навѣтникъ церковный, его же домъ бѣсомъ жилище бысть. О кончинѣ не вѣмъ, а лгати не хощу и на отступника; точию бо вѣмъ се о немъ, яко по смерти его повелѣниемъ Божиимъ, принесоша его бѣсове и поставиша здѣ, въ Пустоозерье, близъ темницы моея, прямо лицу въ нощи, и впаде предо мною на землю, вопияще глаголя: «Феодоръ *Ивановичь!* Прости мя Господа ради! И прочихъ проси прощения! Мнѣ же сѣдящу во время то и молитвующу, и возрѣвъ азъ на нь[1] и видѣвъ его, рече ему: «О окаяннѣ! Нынѣ ли уже просиши прощения отъ насъ? Жди праведнаго суда Христова: той, надежда наша, Небесный Царь, дастъ намъ на васъ, мучителей, праведный судъ! Помниши ли, ты говорилъ мнѣ въ Крестовой: «И мы, де, вѣдаемъ, яко старое благочестие право все, да намъ бы *царя* своего оправдить!» Тамо убо — предъ всею вселенною — и *царь* будетъ, вашъ пособитель, и тогда уже какъ то оправите его? Увидимъ со всѣми святыми отцы нашими скоро бо ждемъ воскресения мертвым!» И рѣхъ держащимъ его бѣсомъ: «Отведите его, идѣже вамъ Господь повелѣлъ». И абие невидимъ бысть (прежде же сего прошение нѣкое бѣ у мене о немъ, и сего ради то явлено). Посемъ же и *царь Алексѣи* скоро пожатъ бысть, яко серпомъ смертнымъ. О злой же кончинѣ его писано вмалѣ выше сего здѣ. По смерти же *царевѣ* мину годъ, и присланы быша къ намъ грамоты отъ юнаго *царя* Феодора, велено насъ въ монастырь привести отселѣ.* И въ то время азъ, юзникъ Феодоръ, молихъ Господа моего, свѣта-Христа, да явитъ ми о царе *Алексѣи,* въ какомъ мѣстѣ онъ, добродѣй нашъ, пребываетъ по смерти, да имъ что сказати на Руси, вѣрнымъ братиямъ, о немъ. И просихъ седмицу и двѣ, и *не* бысть ничтоже; и паки еще два мѣсяца уже попросихъ, и не показа ми нимало. Азъ же, грѣшный, огорчихся и рѣхъ: «Господи, буди воля твоя!» И по семъ вскорѣ присланъ къ намъ паки сотникъ стрелецкой 〈...〉 воздохнувши, отвеща.* Въ той же 12 саженъ глубины, яко храмина тѣсна содѣлана, и ту онъ сидитъ, скованъ до Судного дне. И посемъ видѣхъ и плачь нѣкий великъ въ дому цареви. И се конецъ тому видѣнию. Азъ же благодарихъ Христа Бога моего, праведнаго Судию всемъ, яко не призрѣ прошения моего, и збысться на нихъ слово пророческое: «Ровъ изры и ископа и впадется въ яму, юже содѣла. И обратится болѣзнь его на главу его и на верхъ его неправда его снидетъ», — понеже бо насъ, нищихъ, они, богатыя цари и архиереи, за законы отецъ нашихъ мучили и казнили, и проклинали, и ямы намъ копали, а сами въ нихъ попали! «Ископаша предъ ли-

[1] на него.

цемъ моимъ яму и впадоша в ню»,* — рече пророкъ. Хотели убо насъ поганою своею и беззаконною клятвою осудити и загнати во адъ, но сами будутъ во адѣ и есть уже! А насъ избавитъ Господь отъ таковыя погибели за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, за нихъ же страждемъ и за вѣру ихъ, и за книги ихъ святыя. Уже бо ознаменалъ Христосъ преже смерти и насъ и ихъ. На насъ бо показалъ Христосъ, Спаситель нашъ, преславная своя знамения въ смертныхъ нашихъ ранахъ исцѣления и дарованиемъ языкъ двократы. Они же во славахъ и въ довольствахъ всякихъ живяху, и прахъ не упаде на главы ихъ, и солнце не ожже ихъ, и плотьскихъ съ человѣки не прияша ранъ, сего ради удержа ихъ гордыни до конца, одѣяшася неправдою, и нечестиемъ своимъ, по пророку, и за лыцения[1] ихъ положилъ имъ Господь злая, внегда разгордѣти имъ, и потомъ како быша въ запустѣние внезапу, исчезоша и погибоша за беззакония своя, яко соние[2] востающаго ⟨...⟩.

[1] обманы; [2] сновидения.

СЛОВО О НЕКОЕМ МУЖЕ ИМЕНЕМ ТИМОФЕЙ

СЛОВО О НѢКОЕМЪ МУЖИ ИМЕНЕМЪ ТИМОФЕЙ

Не умолчю бывшия благодати Божия на родѣ человѣчестѣмъ. Не ложь бо рекий: «Не хощу смерти грѣшному, но обратитися и живу быти ему».* Се зрим и нынѣ пред очима нашима дивно и страшно чюдо, в Донской области. Муж нѣкий именем Тимофей, нарождения его града не вѣмъ[1], токмо едино свѣмъ[2], яко от благочестиву родителю родися, духовнымъ порождениемъ, отца убо имѣя Бога, иже водою и духомъ породи того, матере же правовѣрную Церковь Отчю — тѣмъ изведе*нъ* ис тмы неразумия во свѣтъ благочестия. И имѣя сей муж по плоти жену и чада. И се прииде ему мысль блага: изыде из мира з женою и чады, якоже Авраамъ,* и преселися не в чюжую землю, но в знаемую, идѣже[3] и покой, и веселие, и затишие уму, и блаженство святых. И прииде в пустыню тоя же Донския области, в предѣлех рѣчки, глаголется Чиръ, и сяде близъ обители Пресвятые Богородицы Покрова, еяже[4] созда преподобный отецъ Иовъ,* муж святъ и праведенъ, и множество инокъ собра и братии, миръ остави и о Господѣ успѣ[5]. Пустыня же оного Тимофея отъ обители тоя яко поприща три. И се мужъ Тимофей, имѣя на себѣ болѣзнь велию, яже глаголется крымка, и бысть при смерти. И текши жена его во обитель Пресвятыя Богородицы и умоли игумена именем отца Досифея* пострищи мужа ея. И умолен бысть от нея, постриже его во аггельский[6] образ и нарече имя ему Тарасий. Онъ же во иноческом образе мало[7] поживъ и во исповѣдании добрѣ преставися к Богу.

И по неколицѣх[8] днех после преставления его к Богу бысть видѣние [9]сыну его по плоти[9], именем Иванну, младу сущу, лѣтъ десяти или мало боле[10] от рождения его. Бысть сице[11]. В лѣта 7195 (*1687*) году, мѣсяца генваря въ 7 день, на соборъ святаго славнаго пророка и предтечи крестителя Господня Иванна, мати его именемъ Евфимия, благочестива жена сущи и боящеся Бога и предан-

---

[1] не знаю; [2] лишь одно знаю; [3] где; [4] которую; [5] умер; [6] монашеский; [7] недолго; [8] через несколько; [9—9] его родному сыну; [10] немного больше; [11] так.

ное от отець законное правило добрѣ храняше, и с вечера за церковную службу и за келейное правило молящися ей и с чады своими. И се отроку заснувшу, и бысть в восторзе[1], и виде видѣние страшно и зѣло ужасно. И [2]бысть в себѣ[2], и востав в полунощи, и вострепетах, и со ужасомъ глаголахъ матери своей: «Возжите огня». И востах мати его, и вжегох, и видѣхъ, лице его, яко снѣгъ бѣло, и глагола ему: «Что, чадо, тако?» Он же глагола: «Возжи свѣщу, и помолимася Богу». И со ужасомъ рекъ: «О, матушка! Добро и благо молитися Богу». И помолишмся имъ за полунощницу и за заутреню по обычаю, и сѣдохомъ, и нача матери своей подробну исповѣдати вся. Она же убоявшися и мнящи, яко привидѣние[3] есть, и глагола ему: «Молчи, молчи, чадо». И паки уснух, и заутра востах. И се прииде старица, бывшая по плоти сестра, во иночестѣмъ образе инокиня Каптелина, и сказа ей подробну вся. И посем два дни не вкуси ничтоже, и в третий день принуди его мати.

И [4]вниде в слухи наша[4], и людемъ глаголющимъ: [5]овъ сице, инъ же сице[5]. И мы потщахомся[6] со старцемъ и священным тоя же обители бывше по отце Иовѣ строителемъ, именем Макарий,* и аз грѣшный с нимъ, но имя мое [7]волею моею минух[7], и приидохом к ним в пустыню, ко оной вдовѣ и отроку Иванну. И вопросихомъ: «Повѣждь намъ, рабе Божий, аще истинна есть видѣнная тобою?» Он же, яко истинный християнинъ и совершенъ разум имѣя, а не яко отроча, глаголя к нам молитву Исусову: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Нам же рекшимъ: «аминь», и зрящим на нь[8], и удивляющимся разуму его. И начат намъ повѣдати все подробну. [9]Нам же мало коснящим[9], яко приспѣ час правилный, и не все доконъчавъ, и востах, и идохом ко отцемъ во обитель, и пребыхом всю нощь тамо. И паки заутра востах аз грѣшный единъ, и паки приидох, и вопросих подробну вся. И взем чернило и трость[10] и исходящая изо устъ его писах февраля въ 3 день. Нощь всю бесѣдовахом.

Такоже начало[11] сотворил, и благословился, и рече: «Благослови, отче». Аз же грѣшный рекох: «Благословенъ Богъ». И начат повѣдати сице: яко «Прииде нѣкто стар муж и глагола ми: „Гряди по мнѣ, и покажу ти, яже не вѣси". И яко веде мя на востокъ, и видѣхъ на востоцѣ: и се изыдоша аггели Божии, имѣюще трубы, яко облак свѣтел, и вострубиша ими. И бысть от них яко глас грома велика во всю вселенную. И восташа мертвии от гроб во мгновении ока. И от престола Божия течаше река огненная, попаляя и поядая всяку вещь на земли. Праведнии свѣтли, яко солнце, а грѣшнии огорѣли, яко главня, от пламене оного. Свився, яко хартия, небо, а звѣзды небесныя спадоша на землю, яко листвие, и очистися вся земля, яко сткло[12].

---

[1] во исступлении; [2—2] пришел в себя; [3] сон, наваждение (часто о ложном, болезненном); [4—4] мы прослышали об этом; [5—5] один — одно, другой — другое; [6] проявили интерес; [7—7] по своему желанию не называю; [8] на него; [9—9] мы же немного замешкались; [10] орудие письма; [11] вступительные молитвы перед богослужением; [12] стекло.

И тогда обрѣтеся со мною юноша зело красен и благолѣпен, и глагола ми: „Се грядет Судия". И тогда отверзошася небеса, и явися прежде крестъ Господенъ, и полцы аггельстии предъидоша, и за нимъ носяще престолъ Господень, яко молния блистая. И по сем Судия грядяше со славою великою. И окрестъ его пламы огненны херувимъ и серафим, аггелъ и архангел, и множество небесных силъ, лицы своя закрываху. И Судия сѣде на престолѣ славы своея, и на главѣ его вѣнецъ свѣтом неизреченным сияя, вмѣсто чювственнаго[1] свѣта, но не яко сей — но от оного свѣта радость, и покой, и веселие неизреченное. Ни солнце, ни луны тамо не видѣхъ. И се зрях пред Судиею завѣсу, яко молнию блистаяся, и аггели Божии држаща по четырѣ края. И зря аз окаянный на свѣтъ тот неизреченный со страхом и трепетом, и удивляхся. И мало взяся[2] завѣса, и облиста свѣт неизре*че*нный. И глагола водяй мя аггелъ: „Поклонися славе Божии". И падох яко ницъ, и слышах глас от славы Божия — три слова. Мню, яко плотное[3] ухо не может сих разумѣти, ни слышати. И бысть во мнѣ внутрь от гласа онаго радость и веселия и сладость устом моим. И се узрѣх дванадесяте апостолъ, на двунадесятих престолѣх седящих. Престоли их зѣло свѣтли, блистая, яко заря, и множество святых одесную[4] престола Божия стояща. А по лѣвую страну грѣшнии во тмѣ предстоят, огорѣли, яко главня, и печални зѣло.

И рече Господь праведным: „Приидѣте ко мнѣ, благословеннии Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царьство от сложения мира".* А грѣшным глагола немилостивно: „Вас ради вся тварь опалена бысть". И паки рече имъ Господь: „О, окаяннии и не покаявшиися, аз долго терпѣх! Вас ради на землю снидох и вся сотворих по человѣколюбию моему, вас ради предахся, оплеван и поруган быхъ, вас ради за ланиту[5] ударен бых, вас ради распятся и вся претерпѣх вашего ради спасения и ожидах вашего покаяния. Вы же не покаястеся, ни сохранисте повелѣния моего". И паки рече ми Господь: „Отидѣте от мене, проклятии, во огнь вѣчный, уготованный дияволу и аггелом его".* И с симъ словом изыдоша аггели со оружии страшными, и начаша разлучати полкъ от полка, блуднику со блудницами, тати с татьми, и вси кождо по дѣлом своимъ. И рекоша грѣшницы умилными гласы: „Господи, помилуй нас и [6]отради нам мало муки[6]". И глаголаша к нимъ аггели Господни: „О, прелестнии и безумнии! Почто преобидѣсте повелѣнное спасение Творца своего и Бога?" И ударяюще ору*жи страшными, и пхающе[7] в реку огненую. И се стояхъ азъ и ужасохся.*

И узрехъ в рецѣ оной диявола, мучима со Июдою, и человѣка некоего с народы тяшко опалена. И глагола водяй[8] мя: „Сей Козма со ученики своими". Инии же внѣ рая стояще, яко в туманне мѣсте. И рече водяй мя: „Сии — тяшко опалени — волею прияша его учение, а иже внѣ рая — сии*

[1] воспринимаемого чувствами; [2] была отнята, приоткрыта; [3] плотское; [4] справа; [5] по щеке; [6—6] облегчи немного нашу муку; [7] толкали, отправляли; [8] водящий, проводник.

нуждею[1] принужении быша". И еще видѣхъ нѣкоего человѣка, во свещенной одежди ходяща, и глагола водяй мя: „Се есть авва Досифей. И слышъ его глаголюща: Козма, Козма! Что се страждеши за неправое свое разьсужение? Зане укорилъ[2] еси священство и таинъство[3] и сказывалъ ты, яко река огнѣнная не будет и Христос, де, чювьственно не приидет на землю судити живым и мертвым и воздати комуждо[4] по дѣломъ его. Мы, де, такъ и обновимся. И тайны ты Божия вѣдалъ. Рцы нам, что есть тайна Божия?". Онъ же трепѣтенъ бысть, на руку свою восклоняся и молча, плача и рыдая. И паки рече онъ Досифей: „Что молчиши и ничтоже отвѣщаеши? Тогда [5]единъ мудръ былъ еси о сѣбѣ[5], а нынѣ с силами мудръствуй". И тогда приятъ рѣка вся грѣшники и потече в преисподний адъ, и бѣз вѣсти быша, и ничтоже на ней узрехъ скверно.

И тогда з Господемъ праведни внидоша в рай. И мало преидоша, и узрехъ пресвѣтло мѣсто, всяцѣми цвѣ[т]ы украшено, и в нем мужа священнолѣпна и во священной одежди, на нем же вѣнецъ осмиуголенъ. И глагола ми водяй мя аггелъ: „Се есть авва Иовъ". И глагола ми отецъ Иов: „Чадо, прииди ко мнѣ". И приидох, и даде ми нѣчто зѣло пресвѣтло, яко нѣкий [6]мал укругъ[6]. И рече ми: „Чадо, симъ причастишися при смерти". И прият, и положих в нѣдра[7] своя, и блюдох[8]. И се прииде ко мнѣ нѣкто и глагола ми: „Отдаждь укругъ сей, понеже [9]не у время[9] симъ причаститися тебѣ". И взя, яко со властию. И паки тако хождахъ и удивляхся красотѣ оной. И обрѣтохъ отца Феодосия* и священника Леонтия* во священных одеждах стояща. Тамо узрѣхъ и диякона. И глагола водяй мя: „Сей диякон, иже церковь освятилъ, понеже к освящению церкви приведе его аггелъ".*

И мало прешед, зрю тамо трапезу украшену, и на ней множество инокъ предлежащих обители сея и иных, добрѣ живущих, и се муж старъ съ ними, лицем свѣтелъ. И глагола водяй мя: „Се есть Иванъ Богословъ, иже не вкуси смерти".* И повелѣ и мнѣ со отцы сѣсти, и сѣдох, и даша намъ от трапезы оной образом яко вода, а сладка паче меда, невозможна изрещи усты человѣческими. И мы востахом. И сѣдоша множество праведныхъ трудникъ. И паки узрѣхъ множество лицъ, яко солнце сияя, от преставльшихся обители сея и Сибирския страны, и иных множество святых, а окрестъ их служаху аггели и пояху пѣснь аггельскую неизреченными гласы. И нам зрящимъ и дивящимся, и глаголаху аггели к намъ: „Не дивитеся о семъ, яко возсылаемъ пѣснь Богу и похваляем святых, понеже они в нетлѣннѣй жизни угодиша Богу, и мы имъ повелѣниемъ Божиимъ предстояще воспѣваемъ".

И паки узрѣхъ въ велицѣй славѣ великъ собор мужей и женъ и на них вѣнцы пресвѣтлы, и священникъ посредѣ ихъ. Глагола вожъ[10] мой: „Се есть Ав-

---

[1] насильно; [2] осквернил, надругался; [3] здесь: церковное богослужение, церковные таинства; [4] каждому; [5—5] одного себя считал мудрым; [6—6] ломоть хлеба; [7] в одежду, за пазуху; [8] охранял, берег; [9—9] еще не пришло время; [10] проводник.

вакум протопоп* и прочии страдалцы". И зрѣх языки рѣзаны, а тамо ясно глаголют.* Тамо же узрѣхъ священноинока, и глагола водяй мя: „Се есть священноинок Гавриилъ,* убиен от варваръ".

И посем узрѣхъ церковь сию, зѣло велику, и пространну, и свѣтом неизреченным сияя, и посредѣ ея престолъ огнь палящь, и на немъ Господа сѣдяща, и окрестъ его множество небесных силъ, аггелъ и архаггелъ. И слышахъ аггелъ глаголющих: „Добро и полезно в церковь сию ходити и грѣховъ отпущения просити. И иже во обители сей живущии иноцы и бѣлцы и [1]травнии человѣцы[1], входящии в ню со страхом, велию мзду приемлют". И зрях в ней отца Досифея исповѣдающа, а самого Господа прощающа и причащающа. Иже единою от руку отца прияша, симъ 2-жды Господь подаваше, а иже дважды прияша, имъ 3-жды Господь подаваше. Нѣцыи же, приѣмше Тѣло и Кровь Господню, согрѣшают и не каются — сих взимаху аггели и ударяху оружии страсными[2] и изимаху из него с нуждею великою Тѣло и Кровь Господа нашего Исуса Христа; [3]аще инокъ, обнажаху его от образа аггельскаго и рѣяху в муки некончаемыя[3].

Таже узрѣ и се: аггели Господни и бѣсов множество, яко прю[4] творяща о души отца моего. Аггеломъ глаголющимъ: „Наша". *И дѣмоном молвяху: „Наша"*. И нѣсть мира между ими, и рѣша аггели Господни бѣсомъ: „Идемъ к престолу славы Господня". И идоша аггели Господни к престолу Господню, и бѣси по них дряхли[5] идуще. И глаголюще бѣси: „Господи, праведен еси Судия, правду суди. Понеже душа наша и зло творяща, мало[6] не до смерти четырех человѣкъ уби и смерти предаде и ина зла многа сотворила — наша". И рѣша аггели Господни: „Наша, понеже исповѣдался и пострижеся во иноческий образ, нареченно имя ему Тарасий". И молвяху бѣси, яко „Он Тимофей есть". И бысть глас, яко гром, от престола Божия: „Прощено есть ему за исповѣдание и обѣщание во иноческий образ". И вси изчезоша бѣси, и оста душа отца моего в руку аггелъ Божиихъ. И видѣ аз древо и плод на них зѣло прекрасенъ, яко яблоки. И глагола ему: „Батюшко, даждь ми едино от яблок". Он же рече ми: „[7]Не смѣю Владычнева Царства[7], понеже не проиде четыредесятины[8] от преставления моего, и водя мя по мытарствам, дондеже[9] Господь повелитъ".

И паки видѣхъ на востоцѣ мѣсто злачно и прекрасно, и оныя красоты сказа*ти* словом зѣло немощно. Посредѣ же того мѣста сѣдящии нѣкотории старцы многочестны и около их множество дѣтей, паче песка морскаго. И тогда вопросих аз водящаго мя: „Кто суть сия старцы, и кто суть около их плоти безчисленныя?" Он же рече ми: „Се бо есть Авраам, и Исаакъ, и Ияковъ,* а около ихъ младенцы християнстии суть". И се ино видѣхъ: на полуденной[10] странѣ множество много младенческих лицъ, но не тако, якоже первии, не зѣло свѣтли,

[1—1] странники; [2] причиняющими страдание; [3—3] если в этом повинен инок, лишали его монашеского звания и отправляли в муки нескончаемые; [4] спор; [5] опечаленные; [6] едва; [7—7] Царство Владыки (рай) мне не доступно; [8] сорока дней; [9] доколе; [10] южной.

но яко во дни туманнѣ. И глагола водяй мя: „Сии младенцы некрещении християнстии, и некрещеных всѣхъ нѣсть имъ мучения, понеже не согрѣшиша Господеви".

И посем веде мя вожъ мой на западъ. И узрѣхъ аз тамо езеро, исполнено мукъ: ово мрачно, ово огнено, ино смердяще, и другое червие и многоразличныя муки, вся исполнена рѣка и множество много человѣческаго естества исполнено, и горко вси рыдают и вопиют. Тамо же узрѣхъ человѣка зѣло тяшко опалена и мучима лютѣ-лютѣ. И глагола вожъ мой: „Сей человѣкъ, емуже имя 156,* за сие мучится, занеже благочестие погубилъ". И мало прешед, зрю пещь велику, огнем палиму и разжену, яко желѣзо, и пред нею держат человѣка, яко женска полу, ей имя 289. И мало прешед, видѣ человѣка виномъ палима, и вопиет горко. И сказа ми вожъ мой: „Сей человѣкъ сея области Донския атаман, имянемъ Корнилей".* И глагола ми самъ Корнило: „Брате, аз погибох за гонение на християнъ, но болѣ того погибохъ поминками. Нечестием и вином моим горѣли человѣцы на поминках моих — за сие наипаче мучен бых".

Мало преидох и другаго зрю тамо мучима немилостивно и нѣкоего свѣтла и превыше его стояща, и на главѣ его вѣнецъ мученичискъ. И глаголетъ страждущему: „За что мя уби? Занеже аз за благочестие пострадахъ". Иному молчащу, яко нѣму, и мученику глаголющу: „Аз нынѣ со Христом моим рудуюся, а ты во вѣки мучишися, во пламени жгом". Аз же стоях и размышлях, и глагола вожъ мой: „Сей есть свѣтлоглав мученикъ Савелий, пострадал за благочестие, и великъ мученикъ есть. А сей, иже стражет, Донския области бывый владѣтель, зовом Михаило Самарин, и убил сего мученика неповинно, за то мучим есть".*

Мало преидох и видѣхъ ино мучение, зѣло страшно. И глагола водяй мя: „Се есть мучение брѣющим брады". И рече ми аггелъ: „Зри на мя". Аз же устремихся очима моима на нь и видѣх въ руцѣ его десной[1] вообращено крестное знамение, якоже благословенная рука Спасова. И нача знаменати себе аггелъ Господень на главу и на живот, и на правое плече, и на лѣвое. И сказа ми, яко брѣющим браду сердце прерѣзывают у крестнаго знамения, и за то имъ мучение тяшко, и табак, и хмель — все бѣсовское ремество[2]. И паки глагола ми аггелъ: „Лучше скверно что — впадше в сосуд мышъ или ино что — без молитвы ясти, неже з брадотпритым ясти, понеже прокляты суть от Бога".

И паки видѣхъ ино мучение: темно мѣсто и люто зѣло лечащагося и плоть его черьви ядуща, тамо же и сребролюбцы, яко черьвми люто стружема[3], и скрозь[4] его яко стрѣлы пронзаютъ. И глагола ко мнѣ вожъ мой: „Горе немилостивым! Суд без милости не сотворшему милости". И се видѣхъ ино мучение страшно: дѣмонъ множество черных и синих лицъ и почернѣла паче смолы, яко звѣрие дивии рыкаху, и я зря нѣких, имя*ху* промежду собою старцы и бѣлцы, и

[1] правой; [2] ремесло, занятие; [3] истязаемого; [4] сквозь.

наругахуся им, емше змию, связаша имъ руце, и иных много около их, и во уста имъ влагаху смрад человѣчь, и смолою напояху, и огненным жезлием бияху зѣло люто. Аз же стоях и дивихся сему, помышляху в себѣ: что сии тако творять человѣкомъ? И глагола ми вожъ мой: „Сии страждут за таиноядение и питие, и за неисповѣдание помыслом — симъ *тако суть". И посем узрѣхъ старца в тѣмнѣ мѣсте поругаема от бѣсовъ. И глаголя водяй мя: „Се инокъ обители сея и брата имѣя по плоти" — и той особь*[1] *стояще, яко в туманне мѣсте, и плача. И паки слыша глас от Пресвятыя Богородицы ко аггелом глаголющь: „Повѣдитѣ людѣм, яко икона моя не человѣческими руками писана** и принѣсена на возъдусѣ аггелы, да быша человѣцы, молящеся, обрѣли милость".*

И рече ми вожь мой: „Возвратимася, отнюдужь[2] *изыдохъ". Идѣ вьспять, и се обретѣся на пути пропасть вѣлия, и оттуду зловоние исходяще и съмрадъ зѣло лютъ, яко не можахъ терьпѣти смрада оного. И яко некотории тамо предстоятъ у пропасти оной темнообразной и реюще тамо ходящихъ. И приближихся и мнѣ, и влечяху мя к пропасти оной. Азъ же прекрестихъ лицѣ мое и нача вопити: „Господи, помилуй". Они жь не ослабляху мя, влѣкуще, и паки начахъ вопити ко Пресвятей Богородицѣ: „Владычица моя Пресвятая Богородице, спаси мя грѣшнаго". И близъ бывъ пропасти и паки рѣкохъ: „Богородицѣ Дево, радуйся, обрадованная, Марие, Господь с Тобою, благословена ты в женахъ и благословенъ плодъ чрѣва твоего, яко родила еси Христа Спаса, избавителя душам нашим".* Егда азъ глагола стихъ сей, и вси они темнообразнии изьчезоша яко дымъ. И паки узрехъ вожа моего, и рече ми: „Помни стихъ сей, понеже избавляет от вѣчныя муки глаголющихъ его с вѣрою. Вѣлика польза християном сей стихъ".*

И абие[3] *приидохъ яко к некоим вратом темным — тамо мрачно. И рече ми вожъ мой: „Вниди". И я постояхъ мало, и внидохъ, и* [4]*чюхъ грѣшныя плоти моея составъ, яко вси отерпоша, и нѣ [мо]гохъ двигнути ю многъ часъ*[4]*, яко стонати ми. И посемъ с трудом двигнухъ ю, и проглаголахъ матери своей, и вжегохъ свѣщу, и помолшемася нама за церковную службу, и вся сказа матери своей и сестрѣ, яже видѣхъ. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь».*

---

[1] отдельно; [2] откуда же; [3] наконец, вдруг; [4—4] и ощутил грешную свою плоть, будто вся она онемела, и долго не мог пошевелиться.

ЖИТИЕ ПАИСИЯ ГАЛИЦКОГО

СКАЗАНИЕ ВЪКРАТЦЕ О ПРЕПОДОБНѢМЪ ОТЦЕ НАШЕМЪ АРХИМАНДРИТѢ ПАИСѢИ, ГАЛИЧСКОМЪ ЧУДОТЪВОРЦЕ, И О ОБИТЕЛИ ЕГО, В НЕЙЖЕ ОНЪ БЕ АРХИМАНЪДРИТОМЪ, И О ОБРАЗѢ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ИЖЕ ПРИНЕСОША ДВА АНГЕЛА, И ЧЕСО РАДИ ОБРАЗЪ ТОЙ И ОБИТЕЛЬ ПРОЗВАСЯ ОВИНОВСКАЯ

Сѣй преподобный отецъ нашъ Паисий бяше перъвѣе игуменъ, потомъ архимандритъ* во градѣ Галичѣ, во обители Божия Матере, честнаго и славнаго ея Успения,* во времена благовѣрнаго и христолюбиваго великого князя Василия Васильевича Московскаго* и всеа Руссии, внукѣ великаго князя Димитрия Ивановича Московскаго,* иже преславну побѣду над нечѣстивымъ Мамаемъ за рекою Дономъ показавшаго, и при великомъ князѣ галическомъ Димитрие Георъгиевичѣ,* внукѣ жь великого князя Димитрия Ивановича, и при сыне великого князя Василия Васильевича Московскаго, при великомъ князѣ Иоанне Васильевичѣ.* Отъ каковых жѣ родителѣй сей преподобный родися, отъ велможъ или отъ поселянъ, и во благочестии ли цветущихъ, или невериемъ одержимыхъ (бяше бо в то врѣмя еще много неверныхъ), кий же градъ или страна воспита его, и како приятъ аньгелский образъ, — о семъ мы писания не обретохомъ. Сие же вѣмы, яко отечество его есть на небѣсехъ: аще бо плотию и на зѣмли живяше, но духомъ [1]гоняше небесная[1] и небеснаго Иерусалима житель, согражданинъ ангелскимъ ликом быти сподобися. О плотскомъ же его рождѣнии и воспитании и о родителѣхъ его аще нами и неведомо суть, обачѣ несть сие укоризна преподобному. Мы же убо елико обретохомъ в древнихъ галическихъ летописцехъ* о семъ преподобнемъ отце нашемъ Паисие и о обители его написано, сие и вашей любви предложити не облѣнимся. Точию о семъ смиренно молимъ, да не отягчатся слухи ваша продолжениемъ беседы сея, и да не зазритъ сердце ваше худоумию нашему, аще что обрящете погрѣшено, вы убо, о, христолюбцы, съвоимъ благоразумиемъ оно погрешение исправляйте, на мя же, окаяннаго, да не изрекутъ уста ваша слова клятвеннаго, ведяше, яко не ангелъ писа сие, но человекъ бренный и всякимъ мира сего страсьтемъ подлѣжащий, вместо же клятвы даруйте мне, грешнику, благословение. И в погрѣшениихъ, аще что обрящете, сподобите мя прощению, понеже и сами вси вы, о, христолюбцы, требуете

[1]—[1] следовал небесному.

отъ Спаса Христа благословения и прощения. Прочитающим же убо и послушающимъ сея повести да будетъ въ ползу и во спасение, благодать же Божия, и мир, и милость да водворяется в сердцахъ вашихъ отъныне и до века, такождѣ и молитвы преподобънаго отца нашего Паисия да будутъ вамъ во благо поспешны. То уже время начати ми повесть, о нейже исперва предложихъ вашѣй любви слово.

Во времена благовернаго и христолюбиваго государя великого князя Димитрия Ивановича Московскаго и всеа Руссии бысть Московскаго государства во градѣ Галичѣ боляринъ нѣкий, именѣмь Иоанъ, зовомый Овинъ,* жилище имея близъ града Галича. Близъ же двора его бе манастырь, в немже живяху игуменъ со братиею особно.* Церковь же бе въ томъ манастыре во имя великаго святителя и чудотворца Николая Мирликийскаго, ветха зѣло. Вышепомянутый же боляринъ Иоанъ восхотѣ поставити новую церковь вместо ветхие, во имя Николая жь чудотворца. И во время лѣтнее призва древодѣлѣй и повелѣ имъ уготовати место, на немже хотяше церковь создати. В день же недѣлный[1], в онъже церковь святая обычѣ праздновати Воскресѣнию Христа Бога нашего, вышепомяненный же Иоанъ, мню, яко отъ Бога извещенъ бывъ о хотящемъ послѣдовати чудесы, внезапу восътавъ, изыдѣ из дому своего единъ и идяше к манастырю тому, идѣжѣ хотяше церковь воздвигнути, да соглядаетъ место, на нѣмже быти церкви.

Бывшу же Иоанну противу вратъ манастырскихъ, и вънезапу возрѣвъ, видѣ во срѣтение ему грядущихъ два юноши, красни зѣло, носяше в руку своею икону Пречистыя Богоматере, имеющую на руку своею Превечнаго Младенца, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.* Иоанъ же, видѣвъ оныхъ прекрасныхъ юношъ солнцеобразный лица зракъ и необычное видѣние, весь во ужасѣ бывъ и отъ многаго страха и ужаса бысть аки во иступлѣнии ума. Прекраснии же онии юноши, пачѣ же рѣщи, прекраснии слузи Бога Вседержителя, небеснии ангели, рекоша ко Иоанну: «Радуйся, о, Иоанне! Се родителие супружницы твоея послаша к тебѣ с нами сию икону Пречистыя Богоматере и заповедаша тебѣ воздвигнути церковь во имя Божия Матери, честнаго и славнаго ея Успения, на ономъ месте, идеже былъ храмъ угодника Христова, великого и пресловущаго в чудѣсехъ святителя Николая Мирликийского».

Иоанъ же отъ многаго страха и ужаса не могий отъвещати имъ ни единаго словесе, но егда сия услышавъ, тогда преждѣ бывший страхъ с радостию смѣсивъ, падъ, поклонися образу Божия Матере и, приимъ ю[2] отъ рукъ ихъ, внесе в манастырь и постави на уготованнѣмъ мѣсте, идеже хотяше основатися церковь, и рѣче игумѣну, и бъратии, и всему ту сущему народу: «Отцы святии и братия! Сию икону Божия Матерѣ отъ родителѣй жены моея два отърока принесоша ми, повелѣвающе у васъ во обители воздвигнути церковь во имя Пречис-

[1] воскресный; [2] ее.

тыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, на томъ месте, идѣже былъ храмъ Николая Чудотворца. Мѣне же в той часъ объятъ страхъ велий, и есмь во ужасе велице и доселѣ, и не возвахъ юношей техъ в домъ свой, дабы в дому моемъ хлебъ яли и отъ труда почивали, обачѣ помышляю быти имъ в дому моемъ у супружницы моея».

Сия ему глаголющу, и се приидоша из дому его отроцы[1] его. Онъ же вопроси ихъ: «Видесте ли дву юношей, отъ родителей жены моея пришедшихъ?» Они же рекоша ему: «Мы, господинѣ, изъ дому твоего вослѣдъ тебѣ идохомъ и никогоже срѣтохом, ниже кого видѣхомъ». Иоанъ жѣ удивися о семъ и недоумѣвашеся, обачѣ не емляше вѣры отрокомъ своимъ, мняше бо ихъ лжущихъ. Возъвратися из манастыря в домъ свой, не помедливь нимало, идяще же путемъ бысътро, зѣло хотящий скорѣе уведети о юношахъ техъ. Пришедши же в домъ свой, вопроси жену свою о юношахъ техъ, глаголющи: «Приидоша ли семо два отрока отъ родителѣй твоихъ?» Она жѣ отвеща ему: «Ни, господи*не* мой, не видѣхъ никогожѣ, нижѣ слышахъ о семъ отъ кого. Точию отъ устъ твоихъ в сий часъ слышу». Иоанъ же зазрѣвъ[2] себе во умѣ своемъ, глаголющи: «Согрешихъ предъ юношами оными, понеже не возвахъ ихъ в домъ свой, и сего ради разгневашася на мя и в домъ мой не внидоша». Мняше же ихъ воистинну отъ родителѣй жѣны своея пришедшихъ, и сего ради повелѣ отрокомъ своимъ сести на кони и скоро гнати по всемъ путем, дабы постигнути ихъ и возвратити в домъ его.

Отъроцы же по повелѣнию господина своего в той часъ всѣдши на кони и скоро гнаша по всемъ путемъ. Многихъ же на путехъ срѣтоша и постигоша, вопрошающе о юношахъ техъ, но ни отъ кого же возмогоша увѣдѣти о нихъ, вси бо глаголаху имъ, яко «никогоже видѣхомъ». Како бо хотяху постигнути, иже яко молния во едино мегновѣние ока с небѣсе на землю снисходятъ и отъ зѣмли паки на нѣбо восходятъ, ихъжѣ огнеобразный лица зракъ не могутъ зрѣти святии, то како хотяху видѣти, нѣдостойнии сущѣ таковаго видѣния. Боляринъ убо ихъ аще и достоинъ бысть видѣти, к нему бо и послании быша отъ Царя Небеснаго, обачѣ и сей, видѣвъ ихъ, ужасеся толико, яко отъ страха и ужаса бысть аки во иступлѣнии ума. Симъ же, недостойнымъ сущимъ таковаго видѣния, аще бы видѣти случися, тогда бы со зракомъ не точию умъ погубили, но и живота бы отъщетилися[3]. И сего ради нѣ сподобишася таковаго видѣния, но тщи[4] ко госпо*дин*у своему возвратишася, повѣдающѣ, яко не могоша нигдѣжѣ обрести ихъ.

Тогда Иоанъ разумѣ, яко юно*ш*и они ангели суть и послани быша к нему отъ Бога возвестити принѣсением образа Божия Матерѣ и самыя Царицы небѣсѣ и земли во обитель ону пришествие и милость ея, хотящую быти отъ образа оного многимъ чѣловекомъ, прослѣзися вѣльми и со многимъ от очесъ своихъ слѣзъ излиянием многое отъ *устъ* своихъ благодарѣние ко всесилному

[1] слуги; [2] осудил; [3] лишились; [4] с пустыми руками.

Господу Богу и ко Прѣсвятѣй Богородице на многъ часъ возсылаше. Потомъ повелѣнному ангелами дѣлу прикоснуся, и вскорѣ во обители оной церковь дрѣвяну воздвижѣ во имя Пречистыя Божия Матере, честнаго и славнаго ея Успения, и образъ оный, иже отъ рукъ ангелскихъ приятъ, внесѣ в церковь.

О, великое Божие милосердие к роду христианскому! О, неизъглаголанная и несказанная благость! Начаша бо отъ образа Пресвятыя Богородицы бывати многая чудеса отъ единаго точию прикосновѣния: аще кто, с верою пришедъ, прикоснѣтся тому пречудному, не точию человеком, но и ангеломъ говѣемому[1] образу, слѣпымъ убо очѣса отъверзашася и ясно зрѣние устрояшеся, глухимъ слухи разверзашася и слышание подавашеся, разслаблѣнным жилы укрепляхуся, нечистии дуси отъ человеча рода изгоняхуся и отъбегаху, хромии хождаху, немии глаголаху* (по писанному: «тогда скочитъ хромый, яко елѣнь, и ясенъ будетъ языкъ гугниваго»*), сляченныя[2] распростирахуся[3], и всякий недугъ отъ человекъ отъбегаше, и всяка язя в людѣхъ изцелѣвашеся, и бе видети тогда въ людѣхъ радость велию и веселие неизъглаголанное, и отъ всехъ устъ благодарѣние исхождаше, вси бо благодаряху и славляху Бога, яко посети Богъ людѣй своихъ и дарова целѣбный источникъ присноготекущъ, икону Пречистыя своея Богоматерѣ.

Сие же новое и преславное чудо, яже сотвори Богъ иконою Пречистыя своея Богоматерѣ, не можашѣ утаитися во углѣ единомъ, сирѣчь во единомъ градѣ, но во вся грады и страны христианския, наипачѣ же в российскихъ странахъ, яко крилами нѣкиими, благочестивыхъ людѣй устнами промчеся. То слышавше благороднии князи и боляре, и велможи, и все православное христианское множество начаша из всехъ градовъ российскихъ стицатися, [4]ови убо желающе видети и лобызати оный чудотворный отъ Бога посланный образъ, ови[4] же носяще съ собою недужныя своя, ищуще здравие улучити отъ сего приснотекущаго источника, еже и приимаху, ибо от всякаго недуга и отъ всякия язи приемлющѣ изцелѣние. И таковое преславное, и предивное, и превеликое Божие милосердие, также и Божия Матерѣ милость и чудеса видяще, устроиша венѣцъ* къ чудотворному образу и мониста* златы ко оному прикладаху, также и сребрены, безчислѣнное множество. Игумѣнъ же и братия, видящѣ, яко мониста оны множахуся зѣло, повелѣша ихъ класти в ларцы ради соблюдѣния, народи же наипачѣ же прилагаху, елико сила кому беяше. И от того врѣмени она богородична икона прозвася Овиновская, обитель же она отъ того времяни нача зватися Успенская, а не Николаевская.

---

[1] почитаемому; [2] скорченные, сгорбленные, согбенные; [3] распрямлялись; [4—4] одни... другие.

О чѣрномъ священнице Иякове,* како во время пожару икону Божия Матере из церкве сквозьзѣ пламень изнесе и невреждевъ бысть отъ огня силою Богородичною

Видѣвъ убо Богъ велию веру людей своихъ, яко с велиею верою притекають ко образу Пречистыя его Богоматере, восхоте новое некое чудо сотворити отъ предиреченнаго чюдотворнаго образа Пречистыя своея Богоматере и обитель ея болма[1] прославити, еже и бысть.

Лѣтомъ убо некиимъ по принесении того образа минувшимъ, попущениемъ Божиимъ загореся она церковь, юже[2] созда вышепомяненный бояринъ Иоаннъ Овинъ во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, пономарю же в то врѣмя не обретщуся во обители, изъшелъ бо бяше потребы ради своея и церковныя ключи с собою изнесе. Пламени убо отъвсюду церковь окружившу, священникъ тоя же обители, именем Иаковъ, [3]держа чреду недельную[3], ревностию велиею разжегся, наипаче же любовию к чудотворному образу Пречистыя Богоматере, и всю свою надѣжду на саму Богоматерь возложивъ, вземъ бревно и, разбивъ двери церковныя, сквозѣ пламень вниде в церковь и чудотворную ону Пречистыя Богородицы икону взѣмъ, изнесе из церкви сквоззѣ пламенъ.

О, превеликое Божие милосердие и Пречистыя Богородицы чудотворѣние! Ибо якоже дрѣвлѣ въ пустыни видѣ Моисей купину, огнемъ палиму и незъгараему,* тако и здѣ: церковь убо сгараше, а человекъ, плотию обложенный, сквозѣ пламень хождаше и на рукахъ своихъ чудотворный образъ ношаше. Но аще огнь по естеству своему и сожигателенъ есть, обачѣ, якожѣ древлѣ въ Вавилоне Божия снисхождения устыдеся и триемъ отрокомъ, в огнь въверженомъ, не прикоснуся,* сице и зде: видѣвъ своего Содетеля на руку Пречистыя его Богоматере воображение, устыдеся и не прикоснуся оному чудотворному образу нимало, ниже носящему образъ той иерею смеяше прикоснутися, видевъ его еже по Бозѣ рѣвность. Изыдѣ убо иерей исъ пламѣнѣ ничимже неврѣжденъ, ниже власъ главы его опалѣнъ бяше, но аки дрѣвлѣ трие отроцы посреде пламѣне, веровавъшия, не опалишася, тако и сей иерей, веровавъ, неврѣжденъ бысть. Сребро и злато, иже бе у чюдотворнаго образа, венецъ, и цата,* и гривны,* отъ нестерпимаго пламенѣ все разлияшася в малыя части, не могуще стерпети отъ пламене онаго, а руце носящаго не чюяша болѣзни. Такожде и дска, имѣя на себе воображение Господа Бога Творца и Содѣтеля всяческихъ и его Пречистыя Богоматере, таковый пламень претерпе и не опалися, и вапы[4] ничтоже пострадаша. И кто убо не удивится сему новому и преславному чудеси?! Древо не опалися, а сребро и злато растопися, руце же держащаго не чюша горячести.

---

[1] более; [2] которую; [3—3] исправлявший в свой черед службы недели (седмицы); [4] краски.

И бысть чюдо преславно и удивително всемъ, слышащимъ сия. Пронесеся же чюдо сие в слухи благочестивыхъ народовъ вскорѣ. Они же, слышавше сия, наипачѣ притекаху во обитель Пречистыя Богоматѣре и отъ чюдотворныя оны иконы исцелѣние недугомъ и здравие телесемъ неоскудно приимаху.

О княжении въ Галичѣ князя Георгия Димитриевича и о преосвященномъ Фотии, митрополитѣ Московскомъ,* како приходилъ в Галичъ и благословилъ землю Галическую

Великий князь Димитрий Ивановичь Московский и всея Руссии, ради же преславныя побѣды своея над нечестивымъ Мамаемъ зовомый Донской, раздели детемъ своимъ городы: сыну своему болшому князю Василию Димитриевичу великое княжение Московское дарова,* другому сыну своему князю Георгию Димитриевичу — Галичъ, Звенигородъ, Русу, Вышъгородъ с волостми и со всеми пошълинами,* третиему сыну своему князю Андрею Димитриевичу — Можаескъ,* чѣтвертому сыну своему князю Петру Димитриевичу — городъ Дмитровъ.* И благословивъ ихъ, рекъ: «Чада моя возлюблѣнная! Се ныне дороваxъ коемуждо от васъ особный удѣлъ. Будите же вы доволни кийждо своим, а чюждаго не желайте, якоже Каинъ* и сродникъ нашъ Святополкъ,* ниже единъ на единаго вооружайтеся, мѣжду себе любовь имѣйте, [1]миръ гоните[1], и миръ Божий да водворяется в сердцахъ вашихъ. Аще же слово мое сие соблюдете — буди над вами миръ и благословение Божие и милость. Аще же сия моя словеса презрите, и между себе в любви не имате пребывати, и будете желати или похищати чюждая, или единъ на единаго вооружатися, тогда месть отъ Бога приимете, якоже и вси въ преждѣ бывшихъ родехъ, преслушавшии повѣлѣния отча, пострадавша». И тако поучивъ ихъ, преставися в лѣто 6897-е месеца майя въ 9 день.*

Сынъ же его князь великий Василий Димитриевичъ по смеръти отца своего великого князя Димитриа Ивановича приимъ великое княжение Московское и нача княжити на Москве, а братъ его князь Георгий Дмитриевичь поиде на свой уделъ в Галичъ и отътолѣ нача княжити в Галиче. Между же собою великий князь Московский Василей Дмитриевичъ з братом своимъ княземъ Георгиемъ Димитриевичѣмъ Галическимъ велию любовь имѣюще и тщахуся исполнити заповѣть отца своего великого князя Димитрия Ивановича, не желающе чюждаго, но своимъ кийждо удобляшеся.

Въ лѣто жѣ 6933 февраля въ 17 день преставися великий князь Василий Димитриевичъ Московский, княжилъ на своемъ княжении тридесять пять лѣтъ и девять месѣцовъ и восемь дней. На великомъ же княжении Московскомъ седѣ сынъ его великий князь Василий Васильевичъ.*

---

[1]—[1] к миру стремитесь.

И того жъ лѣта преосвященный Фотий, митрополитъ Московский, ходилъ в Галичъ ко князю Георъгию Димитриевичу и благословилъ землю Галическую.* Князь же Георгий Димитриевичь зело возрадовася о пришествии преосвященнаго Фотия митрополита, понеже преждѣ его никаковъ святитель въ Галиче не бывал. Сей же великий святитель пришествием своимъ возвесели благовернаго князя Георгия Димитриевича и всю страну его, понеже благословение дарова ему и всей земли Галичестей.

О приходѣ великого князя Василия Василиевича Московскаго на градъ Галичъ и о взятии града Галича и чудотворнаго образа Пресвятые Богородицы Овиновские и о принѣсении того объраза къ Москве, и како тоя же нощи обретеся образъ той в Галичѣ во предирѣченнѣй обители в церкви

Въ лѣто мироздания шесть тысящъ девятъсотъ тридесять седмаго,* не вемы, каковыя ради вины, обачѣ же, мню, яко по Божию попущению за грѣхи наша великий князь Василий Васильевичъ Московский со многими силами своими пойде на своего дядю, на князя Георгия Димитриевича Галического, и градъ Галичъ, первой, что былъ на реке Чолсмѣ,* взя. Тогда же взя и чудотворъную икону Пречистыя Богородицы, зовом*ую* Овиновскую, со златою утварию, о нейже вышѣ слово предложихомъ, юже два ангела принесоша къ болярину Иоанну, званиемъ Овину, и принесе образъ той к Москве, и постави его в соборней церкви, и заключивъ двери, утвердивъ замками и пѣчатьми, и стражѣй пристави, да будѣтъ хранима, якожѣ плѣнница.

О, долготерпѣнию Божию! О, смирѣния Божия Матерѣ! Како убо иже Адама и Евъву отъ ада свободи,* нынѣ образу своему в затворѣ быти попусти?! Иже хранитъ весь родъ христианский отъ всякия беды и напасти, тоя образъ ныне хранимъ бяше и стрегомъ отъ чѣловекъ смертныхъ. Иже ключи дѣвства соблюдаетъ, тоя самыя образъ ныне заключенъ и удержанъ хощетъ быти. И сия вся видевъ, ужасаетъ ми ся умъ, и трепещеть мое сердце, и недоумѣниемъ содержимъ есмь. Како венцемъ и диадимою царскою украшенный и на престолѣ великаго княжения российскаго посажденный и многимъ народомъ судити въ правду устроенный неправедѣнъ судъ полагаетъ и насилиемъ хощетъ удержати нѣудержанное?! Обачѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, видѣвъ сего неправосудие, яко хощетъ удержати, егоже не можетъ, обличи его сицевымъ образомъ.

Егда убо великому князю Василию и боляромъ его церковныя двери утвердившимъ, якоже выше рехомъ[1], самимъ же отъшедшимъ комуждо[2]

[1] сказали; [2] каждому.

восвояси. О, преславному чудеси! Стражемъ убо стрегущимъ и всю нощь бдящимъ, образъ той чудотворный невидимо из церкви изыдѣ и тоя же нощи обретеся в Галичѣ, въ вышереченней обители, в церкви честнаго и славнаго ея Успения, стражем же не ведущимъ о семъ. Во утрии же пономарь обители тоя иде в церковь, хотя возжещи свещи ко утреннему пению, и егда, двери церковныя отъомкнувъ, вниде в церковь. О, чюдо преславно и умомъ человеческимъ непостижимо, превыше бо ума человеча содеяся! Воззревъ убо пономарь на место, идеже чудотъворный образъ стоялъ бяше первее, по взятии же его изо обители великимъ князѣмъ оно мѣсто праздно бяше, и видѣ на томъ месте чудотворный образъ Пречистыя Богоматере, егоже отъчаялъ уже бяше видети. Тогда объятъ его страхъ и ужасъ, и недоумѣвашеся, како обретеся образъ той в церькви. И в таковемъ страсе и ужасе бывъ, притече ко игумену, поведающи о семъ.

Игумѣн же, слышавъ сие новое и преславное чюдо, вскорѣ повелѣ пономарю во вся камбаны[1] ударити, дабы братия и вси сущии во обители стицалися на преславное оно видѣние. Пономарю же, по повелению игуменову, въскоре во вся тяжкая ударившу, игумен же, восътавъ, вслѣдъ пономаря во святую церковь течяше, дабы ему, яко предводителю душъ, перъвее подначалствуемыхъ видети оное преславное видение и явитись чудотворному образу Божия Матери. Достигъ же в церковь и видевъ чудотворный оный образъ, падъ пред нимъ на зѣмлю, многи слезы отъ очию своею изливая и не точию лице свое, но и землю, на немже месте лѣжаше, слезами своими омокая, глаголаше: «Благодарю тебе, о, прѣнепорочная Дево, Небеснаго Царя и Владыки всяческихъ Мати, яко не оставила еси насъ, окаянныхъ, вовеки, но благоволениемъ Сына твоего и Бога нашего благоизволила образъ твой сей честный вскорѣ во обитель свою возвратити и нашему зрению насыщатися симъ даровала еси; на нь[2] жѣ, приникнувше, желаютъ зрети чини ангелстии, сего насъ невозбранно зрети сподобила еси. Кое же тебе благодарение за сие принесемъ? Или кия похвалныя песни воспоемъ? Недоумѣваюся и умомъ ужасаюся, понеже умъ нашъ не можетъ похвалити тя по достоянию, ниже уста наша изъвитийствовати что могутъ, но точию единъ архангелский гласъ от чиста сердца вопиемъ ти: „Радуйся, благодатная, Господь с тобою! Благословенна ты в женахъ и благословенъ пло*д*ъ чрѣва твоего"».* Сия и ина мъножайшая благодарения отъ устъ своихъ на многъ часъ возсылаше, дондеже братия снидошася во святую церковь.

Слышавше убо братия необычное во вся камбаны ударѣние, вскорѣ снидошася въ церковь и видѣвше Пречистыя Божия Матере на дскѣ воображенный лица зракъ, егоже вмале лишишася, многия радости наполнишася и многи слѣзы отъ очию своею испущаху. И что не глаголаху! Киихъ похвалъ отъ у*ст*ъ своихъ не возсылаху! Кийждо противу силы своея, елико кому Духъ Святый дарова. И сотвориша праздникъ велий в той день, и вси сущии во обители и

[1] колокола; [2] него.

окрѣстъ живущии людие, слышавше сие новое и преславное чудо, стицахуся во обитель, хотящѣ зрети, егоже въмалѣ лишишася, и бысть во всехъ людѣхъ радость и веселие неизъглаголанное.

Прочѣе же, молю васъ, не зазрите худоумию моему, яко продолжихъ слово о семъ. Ныне прииде ми время на предлѣжащее возвратитися. Точию молю и милъ ся дею, да не отягчатся слухи ваша продолжениемъ беседы сея, но с любовию приклоните уши ваша во глаголы устъ моихъ.

Великий убо князь Василий, егда заключи в церкви святую и чудотворную ону икону, и замки и печатми утвердивъ, и стражи приставивъ, отъидѣ в полаты своя и ту нощь спя, о бывшем же чудѣси ничтоже сведый. Во утрий[1] же день всемъ боляромъ его собравшимся к нему, воставъ, поидѣ къ церкви, идеже затворена бяше богородична икона, и, приступивъ къ дверемъ, виде замки и печати целы, повелѣ отомкнути. Отворенным же бывшимъ дверемъ, внидоша в церковь и не видѣша оныя чудотворныя иконы на месте ономъ, идѣже бяше поставили. По всей же церкви обыскавше и не обрѣтоша. Во мнозѣ унынии и сетовании имъ бышимъ и нѣдоумѣвающимся о семъ, тогда вложи Богъ въ сѣрдцѣ великому князю еже послати во градъ Галичъ и во обители оной, отнюдуже оная икона възята бысть, испытати о ней, негли[2] тамо обрящутъ ю.

Вскорѣ убо по повелѣнию самодержца посланнии постигоша градъ и обители дошедше, со всякимъ прилѣжаниемъ испытоваху. Игумену же и братии первее хотящимъ утаити от нихъ, глаголаше к посланнымъ: «Что искушаете насъ, убогихъ монаховъ, и хощете оболстити ны! Или паки и князь вашъ грядетъ семо всеконечно раззорити обитель сию и оставшия святыя иконы пленити? Или раскаяся о семъ, яко остави насъ живыхъ, и сего ради посла васъ, воеже[3] бы посещи насъ? Видите убо, о братие, яко мы умрохомъ мирови, живемъ же Христови. И аще отъ силныя самодѣръжавнаго руки побиени будѣмъ, несть намъ попечения о семъ. Аще бо живемъ — Богови живемъ, а не вашему князю. Аще ли умремъ — Христови умремъ,* егоже ради миръ и вся, яже в мире, оставихомъ и въслѣдъ его идохомъ, с ним же и по умертвии надеемся жити во дворехъ его небѣсныхъ. Вы же повелѣние самодѣржавнаго исполняйте и, на неже пришли естѣ, творитѣ, да, некако умѣдливъшимъ вамъ, прогнѣвается на васъ князь вашъ и повелитъ самихъ васъ посещи, и будете сами себе убийцы».

Сия словеса отъ игумена и братии онии посланницы слышавше, многи слѣзы отъ очию своею изливаху и, к ногама игуменовома припадающе, глаголаху: «Ни, отчѣ святый, не сего ради приидохомъ, еже бы посещи васъ или обитель вашу разорити, но вопросити васъ о чюдотворней иконе Божия Матере повелѣно есть намъ, юже мало пред симъ взя из обители вашея самодѣржавный князь», — и поведаху игумену и братии вся збывшаяся, како ону икону великий князь в церкви постави, и замки и печатьми утверди, и стражи пристави, и како

[1] завтрашний, следующий; [2] может быть; [3] для того чтобы.

оная икона во утрие не обретесе в церкви, но невидимо тоя же нощи изыдѣ. «Князь же великий зело печаленъ есть о семъ, яко лишениемъ таковаго чудотворнаго образа васъ опечали, себѣ же не получи радости ни малыя, точию грехъ на душу свою привлѣче. И сего ради во мнозѣ унынии и сѣтовании пребываетъ, дондѣже мы возвратимся. И аще обрящемъ оную икону и приидемъ к нему, радость носяще, си есть обретение возвещающе, то вемы, яко печаль его на радость преложится. Аще ли же тщи возвратимся, то сугубая печаль ему будетъ». Игумен же, видевъ ихъ кротость и душевное умилѣние и глаголы плачѣвныя от нихъ слышавъ, помысли в себѣ, глаголя: «Како азъ, убогий, хощу утаити сие преславное чюдо, еже Богъ явѣ всемъ сотвори! Аще убо самодѣржавный великий князь и паки плѣнитъ чудотворный образъ, силенъ есть Богъ и паки возвратити его къ намъ». Сия своя помышлѣния возвести всей братии, и тако, совещавшеся з братиею, возвестиша онымъ посланникомъ о чудотворной иконе Божия Матерѣ, в кое время обрѣтеся у нихъ во обители во своей ея церкве, никомуже ведущим, и въведоша ихъ в церковь. Они же, видевше чудотворный той образъ, радости исполнишася о обретении его и въскоре возвратившеся, поведаша великому князю вся, яже видѣша и слышаша.

Князь же великий Василий, слышавъ сия, зѣло возрадовася, яко обретеся оно многоценное сокровище, егоже мъняше изгибша. Желаше же, дабы сподобитися ему паки видѣти оный чудотворный образъ и о согрешении своемъ, еже дерзновенно содея, принести покаяние. Но не благоволи Богъ сему быти, точию новописанный со оного чудотворнаго Прѣсвятыя Богородицы образъ сподобися видети, о немже, Богу хотящу, нижае слово предложити имамъ.

О вотчинахъ, ихъже даде во обитель Пресвятыя Богородицы Димитрий Ярцовъ, и о устроении во обители общаго жития

По взятии града Галича отъ великаго князя Василия Васильевича и по вышеявлѣнном отъ образа Божия Матери чудеси того же 6937-го лѣта князь Георгий Димитриевичъ Галический преставися на Москве, а княжение свое галическое вручилъ сыну своему князю Димитрию Георгиевичу меншому. Како же великий князь Георгий Димитриевичъ къ Москве приидѣ, во время ли взятия града Галича великимъ князѣмъ московским плѣнену ему сущу, или по взятии града яковым-любо образомъ прииде, о семъ мы в галическихъ древнихъ летописцехъ не обретохомъ. Точию сие едино обретохомъ: егда приимъ власть галическую князь Димитрий Георгиевичъ, тогда посътави новый градъ Галичъ надъ озѣромъ надъ посадомъ.* Велию же веру стяжа ко Пресвятѣй Богородице и часто во обитель ея к чудотворному образу, иже зовется Овиновский, прихождаше, которая обитель бяше въ вотчине предиреченнаго болярина Иоанна Овина.

По смерти же Иоанновѣ вотчина та достася внуку его, именемъ Димитрию, Иванову сыну, [1]по рекломъ[1] Ярцову, з братом Евъстафиемъ.* Но сей Евстафий несовершенъ умъ имеяше. Димитрий же, аще и здравъ разумъ имея, обачѣ не имеяше чадъ въ наслѣдие рода своего.

По некоемъ жѣ времяни предиреченный Димитрий в болѣзнь велию впадѣ. То слышавше, князь Димитрий Георгиевичъ Галичесъкий и игумѣнъ Паисея вышереченныя обители Овиновския приидоша посетити онаго Димитрия Ярцова. Игумѣнъ же преподобный Паисий, видевъ онаго Димитрия Ярцова, вскоре хотяща отъ жития сего отъити, провиде бо Духомъ Святымъ, рѣчѣ къ Димитриеви: «О, чадо мое духовное Димитрие! Вижду азъ, яко болѣзнь твоя тяжка зѣло, и мню, яко вскоре позванъ будеши прѣд лице нелицемернаго Судии Владыки нашего Бога. Точию сего нѣ вемъ, в кий часъ смерть посътигнетъ тя, утаилъ бо есть сия от насъ Владыка нашъ и Богъ, часъ же смертный, яко тать, приходитъ, не предсылаетъ вестника пред собою. И сего ради единочадый Сынъ, Слово Отчее, Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ присудствии своемъ на зѣм*ли* заповеда намъ, глаголя: „Бдите, яко не весте дне, ни часа, в онь же Сынъ Человеческий приидетъ".* Свидетелствуютъ о сей Господни заповеди вси евангели*сти*, ныне же по оной заповеди и азъ тебе, духовному своему сыну, советую, донележе не затворишася твоя уста, ни связася твой языкъ, исповеждь Богу вся грехи своя и не остави ничтоже неисповедано. Потом заповеждь о доме своемъ и о всем имѣнии своемъ и стяжании, понежѣ чадъ, наслѣдниковъ имѣния твоего, не имееши, а братъ твой Евъстафий, умомъ несовѣръшенъ и зело препростъ, не можетъ быти наслѣдникъ имѣния твоего. Рцы же ми и сие, кому поручаеши по смерти своей чудотворный образъ и обитель Пресвятыя Богородицы, строение деда своего болярина Иоанна».

Онъ же, изъ глубины сердца воздохнувъ и слѣзы отъ очию своею изъпустивъ, речѣ к нему: «Благодарствую тя, отче святый, яко попечѣние имѣеши о душе моѣй и желаеши, дабы в душевном моемъ хранилищи скверная не осталося ничтоже, еже бы, тебѣ пред Богомъ не исповедавъ, оставихъ. Обаче нѣсть, отчѣ святый, в душевномъ моемъ хранилищи ничтоже сокровенно, о немже бы не явихъ тебе, свидетелствующу о всем Богу, и яже согрешихъ на убогую мою душу, живущи на зѣмли, вся ти исповедахъ. А о немже мя, отче святый, вопросилъ еси, се заповедаю: и домъ Пречистыя Богородицы, и чудотворный ея образъ, и всю мою вотчину, и домъ, и имѣние поручаю самой Пречистой Богородице и тебе, отцу моему духовному преподобному Паисию. Точию молю тя, отче святый, да будѣтъ во святей обители твоим тщаниемъ устроено общее житие».* Таже[2] пригласивъ князя Димитрия Георъгиевича и речѣ ему: «Благоверный княже! Се азъ отхожу от жития сего воздати слово предъ нелицемерным Судиею о всехъ, яже живущи въ мире семъ содеяхъ. Имѣю въ вотчине моей обитель

[1—1] по прозванию; [2] и.

Пресвятыя Богородицы, юже поручаю со всею моею вотчиною самой Пресвятей Богородице и отцу моему духовному преподобному игумену Паисию. Тебе же молю о семъ, да будетъ домъ, и чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы, и обитель, и вся моя вотчина, юже во ону обитель отъдахъ, твоею державою сохраняемо всегда, никимже обладана и наветуема да не будетъ».

И по сихъ умрѣ оный Димитрий Ярцовъ. По смерти же Димитриеве вотчиною начаша владети обители Пресвятыя Богородицы Овиновския игуменъ преподобный Паисий з братиею. По прошению же Димитрия Ярцова преподобный Паисей устрои во обители своей объщее житие, имея себѣ помошника князя Димитрия Георъгиевича. И отъ того времѣни благодатиею Божиею, и милостию Пресвятыя Богородицы, и молитвами преподобнаго Паисия во обители оной общее житие непременно пребываетъ даже и до сего днѣ.

О написании с чудотворнаго образа новыя иконы Пресвятыя Богородицы, и о украшении ея, и о хождении преподобнаго Паисия с тою новописанною иконою к Москвѣ

Благовѣрный убо князь Димитрий Георъгиевичъ Галический, якоже выше рехомъ, велию веру имѣя ко Прѣсвятей Богородице и часто во обитель ея к чудотворному образу прихождаше. По врѣмѣни же некоемъ князь Димитрий Гѣоргиевичъ повѣлѣ написати со оныя чудотворныя иконы новую икону, мнее[1] старыя, и обложити сребромъ зѣло хитро, и позлатити златомъ, и приложи вѣнецъ златъ зъ драгимъ камѣниемъ. В сребре же ономъ, что в пожарѣ вѣнцы и гривны слияшася, повелѣ сковати киотъ сребрянъ и постави в нем той новонаписанный Прѣсвятыя Богородицы образъ. Помысли жѣ князь Димитрий Георгиевичъ из оставшаго срѣбра устроити вторый киотъ оной чудотворной иконѣ, зовомой Овиновской, юже Иоанъ Овинъ отъ рукъ ангелскихъ приятъ. Обачѣ не благоволитъ Богъ сего во исполнѣние привести, понѣже благоволи Богъ пресѣщи животъ его. Егда убо князь Димитрий Георъгиевичъ в болѣзнь впадѣ и начатъ изнемогати, тогда приидѣ к нему отъ обители Пресвятыя Богородицы игумѣнъ преподобный Паисий з братиею и рекоша к нему: «Видимъ тя, государь княжѣ Димитрие, изнемогающа велми и отъходяща во онъ будущий вѣкъ званиемъ Бога Вседѣржителя. Сия убо болезнь вместо вестника прииде ти. Рцы же намъ, благородный княже, кому убо поручаеши домъ Пречистыя Богородицы, и чудотворный ея образъ, и строения своего новую икону Пресвятыя Богородицы, что въ срѣбряномъ киоте?» Князь жѣ Димитрий Георъгиевичъ воздохнувъ вельми изъ глубины сердцы своего и речѣ: «Домъ Пречистыя Богородицы, и чудо-

[1] менее, меньше.

творный ея образъ, и строения съвоего новописанную икону, что в сребряномъ киоте, приказываю государю великому князю Василию Васильевичу Московскому и всеа Русии и тебе, преподобному отцу игумѣну Паисию з братиею. Егда же благоволитъ Богъ мнѣ отъ жития сего отъити, молю тя, отчѣ святый, да будетъ тело мое положено близь гроба отца моего». И тако завещавъ, преставися. И по завещанию его везоша тело его к Москве, и погребено бысть в церкви архангела Михаила подлѣ гроба отца его князя Георъгия Димитриевича.

По преставлѣнии же князя Димитрия Георъгиевича под градомъ Галичѣмъ бысть бой великому князю Василию Васильевичу Московскому и всеа Руссии и сыну его великому князю Ивану Васильевичу с князѣмъ Димитриемъ Шемякою. И поможѣ Богъ великимъ князѣмъ Московскимъ, а князь Димитрий Шемяка утечѣ въ Великий Новъградъ. Тамо и преставися въ Юрьеве монастыре.*

Послѣ бою же галичского обители Пресвятые Богородицы Овиновския игуменъ преподобный Паисий новонаписанную икону строения князя Димитрия Георъгиевича, что в сребреномъ киоте, возилъ к Москве,* к великому князю Василию Васильевичу и к сыну его к великому князю Ивану Васильевичу Московским и всеа Русии. Егда же благоверныя великия князи о пришествии преподобнаго Паисия услышавше, яко со образомъ Божия Матерѣ близъ грядѣтъ къ царствующему граду Москве, тогда многия радости наполнишася. Вскорѣ убо великий князь пославъ к митрополиту, повелѣвая ему изыти на срѣтѣние честнаго образа со всемъ освященнымъ собором со крѣсты и съ иконы, якоже лѣпо. Митрополитъ же по повелѣнию великаго князя вскорѣ повелѣ звонъ учинити и всему освященному собору собратися во святую соборную апосталскую церковь.

Егъда же освященный соборъ и весь причетъ церковный в соборную церковь собрашася, тогда преосвященный митрополитъ со всемъ освященным соборомъ изыдоша во срѣтение честнаго образа и преподобнаго Паисия, носяще с собою честныя кресты и святыя иконы, со свещами и с фимиамомъ, имже послѣдствуя благоверный великий князь Василий Васильевичъ и с сыном своимъ великимъ князѣмъ Иоанномъ Васильевичем и со всемъ своимъ государским сиглитомъ и со всемъ московскимъ народомъ всякаго чина и возъраста.

Егда же приближишася на срѣтение того пречюднаго образа, тогда преосвященный митрополитъ и благоверный великий князь Василий Васильевичъ со всяким благоговениемъ приступиша ко оному пречудному образу, и, падше, поклонишася, и любѣзно лобызающе его. Святитель убо благодарствие отъ устъ своихъ возсылаше, яко сподобися видети тыковый пречудный образъ Божия Матерѣ. Князь же великий прощения прося о согрешении своемъ, яко напредъ того дерзновенно сотвори и насилованиемъ образъ Божия Матере, а не с молѣниемъ, взя. И бе видети тогда позоръ[1], умиления достойный, како иже многими

[1] зрелище.

народы и странами обладаяй, яко единъ отъ убогихъ, со умилениемъ припадая просити оставления, иже первее насилованием (или, просто рещи, пленениемъ) самый чудотворный образъ похити и, яко пленницу, хотяше удержати, ныне со многимъ благоговениемъ и смирѣниемъ, яко изстинный рабъ, ко преписанному образу припадая, молится, дабы благоизволила Царица Небесная с пришествием честнаго своего образа и сама внити во градъ и бъластословити царство его. Таже и къ преподобъному Паисию приступивъ и главу свою къ десъницѣ преподобнаго преклонивъ: «Благослови, — рече, — отче святый, благослови».

Преподобный же Паисий не превознесеся, видя себе отъ самодержца почитаема, ниже дерзновенно что содея, но, яко истинный кроткаго и смиреннаго Владыки Христа рабъ, смирение пачѣ любя, а не превозношение, ведяше бо евангелское слово, яко «всякъ возносяяйся смирится, а смиряяйся вознесется»,* и сего ради со многимъ смирениемъ падъ пред ногама самодѣржца, глаголя: «О, благороднейший княже! Не веси ли, что святый апосталъ Павелъ намъ, мѣнщимъ, завещаваетъ, глаголя: „Мѣнший отъ болшаго да благословится"?* И сего ради азъ требую отъ пастыря своего, отъ преосвященнаго митрополита благословения. И како пред лицемъ таковаго великаго архиереа *и*немъ дерзну благословение даровати?» И сия изрѣкъ, приступивъ к митрополиту, прия благословѣние.

Князь же великий Василий, видевъ преподобнаго многое смирѣние и кротость и слышавъ от него таковыя премудрыя ответы, глагола ко преподобному Паисию: «Воистину Божий рабъ еси ты, о, преподобне, и верный слуга Божия Матере». И съ сими словесы, объемъ, лобызаше рамена[1] его. Преподобный же Паисий рече к великому князю: «Богъ да благословитъ царство твое, благородный великий княже, и да будетъ на тебе благословение отъ десницы нашего архипастыря, отъ великаго архиерея, прошедшего небеса, отъ Владыки Христа отъныне и до века». И сия изърекъ, послѣдствоваше пречудному Божия Матере образу. Князь же великий Василий радовашеся зело о принесении образа Божия Матере и о пришествии преподобнаго Паисия.

Несоша же оный пречудный Царицы Небесныя образъ во градъ Москву, и вси, иже изыдоша на всретение, послѣдствующе даже до соборные церкве. Егда же принесоша оный пречудный Царицы Небесныя образъ в царствующий градъ Моск*в*у и внесоша его в соборную церковь, тогда благоверный великий князь и преосвященный митрополитъ повелѣша поставити его на уготованнемъ месте и лампаду возжещи пред нимъ. Поставиша же и служителѣй, иереовъ и диаконовъ, и повелѣша имъ нѣотходнымъ быти, и да не затворени будутъ соборныя церкве двери никогдаже, воеже бы всемъ народомъ, малымъ и великимъ, хотящимъ зрети или молѣние приносити, было невозбранно никогдаже. Служителя же *того* пречуднаго образа преподобнаго архимандрита Паисия и всю су-

[1] плечи.

щую с нимъ братию, отъ обители пришедшихъ со образомъ Божия Матере, великия князи жаловали по своему царскому обыкновению, якоже бѣ лѣпо, донѣлѣже и пъребыша в царствующемъ градѣ Москвѣ, ко образу же Пресвятыя Богородицы приложили монисто злато с тремя крѣсты златыми, и гривны, и обручи* златы.

Неколикимъ же днемъ минувшимъ преподобный Паисий восхоте со онымъ пречудным Божия Матере образомъ возвратитися во обитель, и приступивъ к великому князю, глаголя: «О, благороднейший душею пачѣ, нежели саномъ княжения, благоверный великий княже Василие! Молю тя азъ, убогий, не остави насъ на долзе посрѣдѣ волнъ мирскихъ влаятися[1], даруй намъ свобождение, да достигнемъ в пристанище небурное, си есть возвратимся в домъ Пречистыя Богоматере. Веси убо, о княже, яко живущия въ водахъ рыбы не могутъ безъ воды на суше пребывати, но выну[2] въ водахъ обыкоша водворятися; аще ли же изъвлечени будутъ на сушу, то вскоре умираютъ. Сице и намъ, монахомъ, умершимъ мирови, ожившимъ же Христови, несть лѣтъ[3] посрѣде мира водворятися, но выну пребывати в пустыни, юже возлюбихомъ, и, тамо живущи, молитися о вашемъ царстве и о въсемъ православнаго християнства множестве. Отпусти убо насъ, о пресветлѣйши самодержче, во ону пустыню, юже вменихом себѣ имѣти честнейшии твоихъ чертоговъ и краснейшии палат царскихъ. Вемъ убо, яко сущая во обители чада моя, умѣдлившу мнѣ у твоего самодѣржавия, в печали пребываютъ и в сиротстве, не имѣюще с собою отца. И сего ради отъпусти мя, да сотворю имъ радость, и печаль ихъ да преложится въ веселие возвращениемъ моимъ. Отъпусти же и Неудержанную, еяже твое самодержавие и власть удержати властелски не можетъ, уже бо искусенъ еси сему. Ей, молимъ тя, приклони уши свои к молению нашему и даруй намъ сие, егоже желаемъ, а Владыка нашъ и Богъ, егоже ради мы вся красная мира сего оставихомъ, молящуся тебѣ вскорѣ приклонитъ божественная своя ушеса на услышание молѣния твоего».

Сия словеса князь великий слышавъ, речѣ ко преподобному: «Вся прошения твоя, о немже просиши, о, преподобнѣ, вскорѣ сотворю. Точию молю твоея святыни преподобствие, пребуди еще неколико дней у мѣнѣ, дондеже изберу духовны мужи на послужѣние образу Царицы Небесныя, и тогда съ честъю отпущу тя». Отъшедшу же преподобному, князь великий Василий Василиевичъ по совету съ преосвященнымь митрополитомъ избра духовныхъ мужей, Спаского Задворного монастыря, что у его княжего двора, архимандрита Трифона* да чудовского архимандрита Никандра* и повелѣ имъ быти готовымъ проводити образъ Божия Матере даже до обители ея; повелѣ же со онеми двема архимандритами быти в готовности протопопом и священником московскимъ.

---

[1] болтаться, носиться (т. е. быть носимым волнами); [2] всегда; [3] времени.

Приспѣвшу же дню уреченному, в онъ же преподобный Паисий хотяше отъ царствующаго града Москвы возвратитися в Галичъ во обитель свою, в нейже живяще, тогда великий князь Василий Василиевичъ всеа Руссии призва къ себѣ преподобнаго Паисия, со многимъ смирѣниемъ и кротостию речѣ ко преподобному: «Благодарствую тя, отче святый, яко менѣ ради подъялъ еси трудъ путный и далѣкий путь прешелъ еси, нося ко мне многоценный бисеръ, егоже азъ очима своима видети сподобихся и желалъ быхъ имети его предъ очима своима всегда, но боюся, да некако Царица небесе и земли, прогневався на мя за удержание пречестнаго ея образа, благоизволитъ тому своему пречюдному образу явитися во иной стране, и будутъ послѣдняя горъша первыхъ.* Азъ же, окаянный, сия пострадавъ, вместо радости печалию снедѣнъ буду, лишивъ себѣ и васъ таковаго безцѣннаго сокровища. И сего ради не могу держати неудержанныя. Ты убо, о, пречестнѣйший отчѣ, сию приими и во обители своей имей ю, понѣже Господеви Богу и Пречистей его Богоматери сице бысть годѣ, да пребудетъ сий образъ во твоей обители. Се же ради почести Божии Матери образа повелеваю до града Галича, до твоей обители проводити тя двумъ архимандритомъ, спаскому задворному, что у моего двора, да чюдовскому, и протопопомъ, и попомъ. Точию о семъ молю твою святыню: егда имаши предстояти престолу безсмертнаго Царя, принося ему безъкровную жертву, тогда помолися за мое недостоинство, да проститъ моихъ греховъ множество ради своея благости, такъже и въ прочихъ святыхъ своихъ к Богу молитвахъ мѣне, окаяннаго, не препоминай[1]». На сия словеса преподобный архимандритъ Паисий къ великому князю отвеща: «Мы убо, о, пресветлейший самодѣржчѣ, научихомся отъ отецъ еже выну за царя, и за князи, и за все православное христианское множество молитися. Сего же не вѣмы, послушаетъ ли Богъ нашихъ грешничихъ молитвъ о услышании, якоже воля его пресвятая, точию мы твое величество въ памяти своей всегда имѣти будемъ. Молимъ же тя о сем: да повелитъ твое величество намѣстникомъ своимъ, живущимъ во градѣ Галиче, обитель нашу снабдети отъ нашествия иноплеменныхъ и отъ нападания хотящихъ раззорити ю. Да будетъ же обитель наша хранима твоею державою всегда, а твоя держава да будетъ хранима самѣмъ Богомъ».

И тако другъ другу поклонившеся и благословение великий князь у преподобнаго Паисиа испросивъ, отъпусти его с миромъ, в Галичъ же к намѣснику своему посла бѣлегъ* свой, о немже проси преподобный Паисий, заповедуя ему, да всячески снабдитъ обитель и хранит ю, яко зѣницу ока, а егда отъ казани* и отъ луховыя черемисы* въ Галичѣ не тихо, и тогда повелѣ обѣ иконы Пресвятыя Богородицы — старую чудотворную, зовомую Овиновскую, юже два ангела принесоша, и новонаписанную, что в сребреномъ киоте, бережения ради блюсти ихъ во градѣ Галичѣ въ соборной церкве всемилостиваго Спаса за сторожею,

[1] забывай.

сего ради, понѣже место порубежное.* Егда же отъ казани и отъ луговые черѣмисы тихо, и те обе иконы, старую чудотворную, зовомую Овиновскую, и новонаписанную, что в сребреномъ киотѣ, повелѣ преподобному Паисию имети в церкви во своемъ монастыре, а града Галича соборные церкви спаскимъ протопопом и попомъ теми иконами не владети, и в описи бы у нихъ те иконы не бывали.*

Преподобный же Паисий, приимъ отъ великого князя грамоту, о нейже выше рѣхомъ, изшедъ ис полаты его и прииде къ преосвященному митрополиту, поведая ему, яко великий князь отъпусти его и дадѣ ему в Галичъ к наместнику своему грамоту о соблюдении чюдотворнаго Пресвятыя Богородицы образа, зовомаго Овиновския, и другаго, новонаписанного, что в сребреномъ киотѣ, и о снабдении обители,* прося же у митрополита на путь благословения и молитвъ. Преосвященный же митърополитъ, благословивъ преподобнаго Паисия и елико мощно о стадѣ своемъ заповедавъ ему прилѣжати, и с миромъ отъпусти его.

Преподобный же Паисий, приимъ отъ митрополита благословѣние, приидѣ в соборную церковь и со обема архимандритома и埋 вземъ икону Пресвятыя Богородицы, пути касаются, ведущему во градъ Галичъ. Егда же грядый путемъ со обема архимандритома и со всею своею дружиною приближися ко обители, тогда сущая во обители братия, услышавше о немъ, яко близъ грядетъ, учиниша зъвонъ и изыдоша во срѣтение того пречуднаго Божия Матере образа и преподобнаго Паисия. Приближившимъ же ся имъ, падше предъ образомъ Божия Матерѣ, многое благодарѣние возсылаху и любезно лобызаху пречудный Божия Матере образъ. Таже и к преподобному Паисию приступльше, прияша благословение, и тако вси со многою радостию внидоша во обитель, и пречудный Божия Матере образъ внесоша в церковь, и поставиша на месте, идѣже стоялъ бяше первее. Преподобный Паисий, и прочии два архимандрита, и вси, пришедшии с ними во обитель, приступльше къ чюдотворному образу Божия Матерѣ, зовомому Овиновскому, любезно лобызаху и, молѣбная совершивше, разыдошася вси, кийждо во своя кѣлии, двема же архимандритома, пришедшима с преподобным Паисиемъ, особую келию уготовиша и на кийждо день довольствоваше ихъ, якоже бе чинъ манастырский. И по неколицехъ днехъ возвратишася оба архимандрита къ Москве во обители своя.

О преставлѣнии преподобнаго отца нашего Паисия архимандрита, галицкого чудотворца

По сихъ лѣтомъ нѣкиимъ мимошедшимъ, отъкры Богъ угоднику своему преподобному Паисию, яко святая его душа отъ тела разлучитися и от трудовъ земныхъ, в нихъже на зѣмли пребывая, упокоение прияти и со всеми святыми в Царствии Небесномъ во дворехъ его витати имать. Преподобный же Паисий,

егда о семъ отъ Бога известися, тогда наипаче начатъ в молитвахъ и трудѣхъ, во бдѣниихъ и пощениихъ пребывати и ко исходу себе предъуготовляти день и нощь, братию же выну поучая и глаголя: «Вѣдите убо, о, братия моя возълюблѣнная, яко близъ есть день Господень великий и просвещенный, и день жития нашего преклонился есть к вечеру, и сего ради, дондеже не варитъ[1] вечеръ, и не зайдетъ солнце, и не затворятся двери Царствия Христова, потщитеся, о, братия моя, [2]постигнути в не[2]. А донелѣ же в житии семъ имате пребывати, выну в молитвахъ и трудехъ, во бдениихъ и пощениихъ себе упраждняйте, между себе любовь имѣйте, превозношение и гордыню далече отъ себе отъжените, вместо же того смирѣние Христово восприимите и всегда себе мертвы быти вменяйте мирови, и ничтоже отъ мирскихъ помышляйте, но выну желание свое имейте, како угодити Богови; смерть же предъ очима своима сердечныма выну имѣйте, помышляюще день той скорбный, в онъже душа отъ тела разлучитися иматъ. И како убѣжати князѣй оныхъ воздушныхъ, вси грехи человечестии написаны в рукахъ имущихъ? Како же предстати и явитися пред лицемъ Неумытнаго Судии, страшенъ бо есть? И кто стерпитъ день входа его? Тогда бо ангели въ трубы вострубят и мертвыя отъ гробъ возбудятъ;* тогда земля потрясется, и камение распадется;* тогда престоли поставятся и Судия сядѣтъ,* пред нимъ же ангелом предстоящимъ, человекомъ въводимымъ, книгамъ разгибаемымъ, дѣлом испытуемымъ, помысломъ истязуемымъ.* Кий тогда сътрахъ будетъ пожившимъ во гресехъ? Тогда Сътрашный и Неумытный Судия во услышание всем единъ гласъ возгласитъ, обаче двояко слышатися будет, по писанному: „Единою глагола Богъ — двоя сия слышахъ".* И гласъ той, от устъ Страшнаго Судии исходящий, паче мѣчя обоюдуостра* имать разсекати грешныхъ от праведныхъ. Праведнымъ убо, стоящимъ одесную[3] престола Господня, слышано будетъ сие: „Приидите, благословении Отца моего, наследуйте уготованное вамъ Царствие отъ сложения мира".* Сущимъ же ошую[4] гласъ той слышанъ будетъ сице: „Отъидѣте отъ мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и агъгеломъ его".* Сия вся услышатъ грешницы, ошую стоящии, что сотворити имуть, не веде, или кое оправдание приносити восхотятъ. Воистинну, несть тогда имъ избавляющаго, ни помогающаго. Тогда убо река огненная клокочющи потечѣтъ и вся грешники в себе пожрѣтъ. И сего ради дне грознаго и страшнаго должно есть намъ, братия моя возлюбленная, выну пещися, да избудемъ шуяго, причастницы же будемъ деснаго стояния». И тако часто поучая ихъ и о смерти своей сими словесы являя имъ тайне, а не яве. Братиямъ же не разумеюшимъ о семъ, чесого ради о смерти и о Страшномъ судѣ часто к нимъ беседуетъ.

Егда же приближися день скончания его, тогда, Богу благоизволившу, ощути в себе преподобный малу некую болѣзнь и позна, яко время преставлѣния его приспе, всю нощь пребысть бдя, приуготовляя себѣ, воеже бы ему во ут-

[1] настанет; [2—2] достичь его, попасть в него; [3] справа; [4] слева.

рие литургисати и конечнѣе жертву безкровну Богови принести, и в напутие живота вечнаго причастнику быти Телу и Крове Христа Бога нашего. И тако всю нощь пребысть, моляся и давидский глаголя гласъ: «Не дахъ сонъ очима моима, ни веждома моима дремания, ни покой скраниямъ[1] моимъ, дондѣже вниду во святило Божие».* Приспевшу же часу утреннему пению, идѣ преподобный в церковь и пребысть, стоя на мѣсте своем, даже до отъпуста утренняго пения. По отъпусте же пришедъ в келию свою, мало восклонися на одръ, не яко бы сну причаститися ему, но малого ради за немощь плоти упокоения, и потом правило к Божественному причащению совершивъ, и, врѣмени приспевшу, безъкровну жертву Богови принесъ, и Божественную литургию совершивъ, причасътися Святыхъ Таинъ. И просветися лице его, яко солнце. Служащии же с нимъ иереи и диакони, видѣвше таковое лица его пременѣние, недоумѣвахуся, помышляюще в себе, что будетъ сие, обачѣ никтоже можаше познати, чесого ради вся сия быша.

По отъпустѣ же Божественныя литургии, преподобный Паисий благодарственныя молитвы ко Господу принесе, яко въ напутие живота вечнаго сподобися причастъникъ быти пречистаго его Тела и честныя Крове. И по скончании благодарственныхъ молитвъ иде в келию и восклонися на одръ свой. Видевъ же себе изнемогающа и х концу приближающася, повелѣ призвати иереа, емуже совести своя отъкрывая, и сказавъ ему, яко приспѣ часъ преставлѣния его. По сихъ заповедая ему, глаголя: «Отчѣ святый! Егда, Богу благоизволившу, убогая моя душа отъ телѣсе имать разлучитися, тогда по чину тело мое земли предайте и о вселении ея во дворы небесныя Господа молите. Азъ же, аще обрелъ буду благодать предъ Богомъ и узрю пресвятое и божественное его лице, непрестанно имамъ молитися о васъ и о всехъ, во обители сей терпящихъ братии». Тажѣ повелѣ призвати к себе в келию всю братию. И егда снидошася братия и видеша его на рогозинѣ лѣжащи, недоумѣвахуся, тогда преподобный начатъ к нимъ глаголати: «О, добрая моя и возлюблѣнная братия! Помните ли словеса моя, яже выну к вамъ глаголахъ, яко день Господень великий и просвѣщенный близъ есть и день жития нашего преклонился есть къ вѣчеру? Се ныне день той Господень постиже мя, и день жития моего вечѣрнюю годину варяетъ[2], нощь приближися, и светъ очию моею хощетъ померкнути, языкъ связуется, нозѣ престаютъ отъ течения, и вси уди тела моего покой хотят прияти и на ложи смертномъ спати, дондеже возсияетъ солнце, си есть дондеже приидетъ истинное солнце — Христосъ Богъ нашъ, праведный Судия, судити живымъ и мертвым и воздати комуждо по деломъ его.* И ныне молю васъ, братия моя, да по отъшествии моемъ пребудите зде, во обители Божия Матере, терпяще Бога ради, якоже обещастеся, и ни единъ отъ васъ да не отълучится дружины своея, но вси вкупе, единодушно подвигомъ добрымъ подвизающеся, течение сконче-

[1] *зд.* голове, *букв.* вискам; [2] предваряет, встречает.

вайте, веру соблюдайте,* главы невидимыхъ змиевъ потъщитеся сокрушити, да, победители сихъ явивъшеся, сподобитеся неосужденно в горний Сионъ достигнути и поклонитися Христу, тридневно воскрѣсшему.* Тело же мое земли предайте, да возвратится, от неяже взято бысть».

Братия же, сия словеса отъ устъ преподобнаго слышавше, многи слѣзы отъ очию своею изливаху, и, плачюще, глаголаху: «Отче! Не остави насъ, сирыхъ, но ащѣ святая твоя душа отъ тела разлучается ныне, Богу тако благоизволившу, обачѣ и въ вышнихъ водворяяся, назирай на долу[1] сущихъ и, преподобнии свои руце къ Богу молѣбно простерши, спасай насъ, чадъ своихъ, и обитель свою, в нейже многи труды и подвиги показа и многи слезы и поты излия, да будетъ святая твоя обитель соблюдаема отъ всякихъ обстояний, и в ней живущия братия хранимы отъ всякихъ лукавыхъ наветовъ, твоихъ ради молитвъ, самемъ Богомъ и его Пречистою Богоматерию». Преподобный же, утешая ихъ, глагола: «Не скорбите убо, о братия моя, яко днесь оставляю вы телѣсне, понежѣ тако благоволившу Богу, вѣдите[2] же сия: яко аще теломъ и отъхожду от васъ, но духомъ с вами во вся дни пребуду, и егда обретъ буду благодать пред Богомъ и узрю пресвятое лице его, выну о васъ молитися и обитель сию соблюдати имам. И надеюся на Господа Бога моего и на Пречистую его Богоматерь, яко обитель сия не будетъ оставлена и в расхищении и раззорѣнии не иматъ быти. Точию *в*ы вся, яже отъ мене слышасте, соблюдайте и вся повелѣнная вамъ исполняйте, а Богъ мира да будетъ с вами во вся дни». Братиямъ же рекшимъ: «Аминь».

Преподобный же повелѣ себѣ возъдвигнути, и егда воздвигоша его, тогда повелѣ иереови на исходъ души канонъ пети, самъ жѣ на рогозине седяше, подъдержаше имъ подъ мышца его братиямъ. По отъпетии же канона ко всемъ ту сущимъ братиямъ прощение изглагола и отъ всехъ, аще что предъ киимъ, яко чѣловекъ, согрѣши, прощения прося. Братия*мъ* же всѣмъ яко единеми усты отвещавшимъ: «Отчѣ святый! Богъ тя да иматъ прощенна и да явитъ всему миру блаженна», — припадающе жѣ единъ по единому к ногама преподобнаго, просяще прощения и благословения. Преподобный же всемъ прощение и благословение даровавъ, возлегъ на рогозину, знаменуя себе крестнымъ знамѣниемъ и глаголя: «Господи! В руце твои предаю духъ мой.* Покрый мя крылома своея благости,* да не когда усну въ смерть.* Господи! В руце твои приими духъ мой и отъ воздушныхъ мытарствъ избави душу мою. Господи Иисусе Христе, Боже мой! Молитвъ ради Пресвятыя своея Матере всели духъ мой во дворехъ своихъ небесныхъ». Таже и сия: «Пресвятая владычице Богородице! Спаси мя, раба своего!» И потомъ: «Въ мирѣ вкупе усну и почию, яко ты, Господи, единаго на уповании вселилъ мя еси».* И сия изрекъ, руце свои на персехъ крестообразно положи, предаде святую свою душу въ руцѣ Божии, в лѣто же отъ сотворѣния

[1] внизу; [2] знайте.

мира ... месеца маия въ 23 день,* на память преподобнаго отца нашего Михаила, епископа Синадскаго.* И тогда келия она, в нейже тело преподобнаго лѣжаше, и обитель вся исполнися благоухания. Братия же со многими слѣзами, опрятавше тело преподобнаго, несоша в церковь Божия Матере и, надгробное певше, погребоша его честне, плачущеся о разлучении отца.

Чудо преподобнаго Паисия о книгчии[1] Гавриилѣ, како преподобный Паисий избави его отъ беснования

Богъ, богатъ сый в милости, во свете живый непреступне, выну приемля славословие и хъвалѣние от чиновъ ангелскихъ, ихже самъ на сълужбу свою сотвори, якоже самъ весть. Бе же убо исперва десять чиновъ ангелскихъ, и в коемъждо чине устроены бысть старейшины. Единъ же старейшина отъ оныхъ ангеловъ, нарицаемый Люцыферъ, или Светоносецъ, или Денница, десятый полкъ держай, поставленъ бысть близъ видимаго сего мира подъ ангелами низъший. Сей, смотря на величество свое и славу, еюже почтенъ бысть отъ Бога, вознесеся в гордость и сопротивился Творцу своему, восхоте бо быти подобенъ Сотворшему. И сего ради, в онъже часъ сия помысли, в той часъ сверженъ бысть с небеси и вместо ангела светла диаволъ темный и злообразный со всеми, иже ему в той злобѣ точны[2], явишася.*

По отъпадѣнии же его умысли преблагий Богъ сотворити иное творение — втораго поклонника и ангела въ телѣ на зѣмли, человека, на место оное, изъ негоже испадоша злии ангели, дабы былъ причастникомъ славы его. И первое сотвори небо и землю, солнце и луну, и звезды, и вся видимая, яже на зѣмли. И аки домъ прекрасный, уготова миръ сей. Потомъ сотвори человека по образу своему и по подобию, первозданнаго Адама, и въведе его, яко царя, в готовое жилищѣ, и покори подъ нозѣ его овцы и волы вся, еще же и скоты полския[3], и птицы небесныя, и рыбы морския. Сотвори же и жену отъ шестаго ребра Адамова, и наречѣ ю помошницу ему. И въведѣ ихъ в рай, и заповеда — повеле *и*мъ отъ всякаго древа, еже в раи, ясти, а отъ дрѣва, еже посредѣ рая, возбрани, да не снѣдятъ. Рече бо: «В онъже часъ отъ древа сего снесте, смертию умрѣте». Адамъ же и Евъва хождаста в раи нага и *не* стыдястася, бесъта бо яко младенца.

Начало. Злобный же врагъ диаволъ, видевъ, яко Адам и Ева сотворена быста на оно место, из негожѣ онъ испаде, умысъли, еже бы ему прелстити ихъ, преступити имъ заповедь Сотворшаго и отъ заповеданного древа вкусити. Обретъ же своей злобе подобну змию и, въ ню вселься, рѣче къ Евѣ, позна бо, яко женское естество слабейшии и немошнейшии мужеского, и сего ради к ней начатъ глаголати первее, да прелстивъ ю, уловитъ ею и Адама в преступление

[1] дьяке; [2] подобны; [3] *зд.* живущие на земле, в поле.

заповеди Божия. Рече бо змия к жене: «Чесо ради отъ всякаго древа, еже в раи, ясте, отъ древа, еже посреди рая, не вкушаете?» Евъва же не ведяше прелести диаволи, беста бо яко младенца, ничтоже о сихъ разумѣюще, глаголаше къ змии: «Не повѣлено есть намъ отъ древа оного ясти. В онже бо дѣнь аще снемы, то смертию умремъ». Змия же глаголаше: «Ни, ведяше убо Богъ, яко аще от древа сего снесте, то не смертию умрете, но сами яко бози будете, ведяше добро и зло, и сего ради возбрани вамъ от него ясти». Жена же по естеству своему умягчися, яко воскъ от лица огня, слышавъ таковыя глаголы и видѣвъ красно древо въ снедь и добро еже разумети, взем отъ плода оного и ядъ, потом и Адаму подаде, восхотеша бо быти бози. Якоже Писание глаголѣтъ: «Солгася древле Адаму, и богъ вожделевъ быти — и не бысть».*

О, прелести, сопълетенныя диаволомъ, чрезъ змию же изреченныя! О, лжи проклятаго диавола, како таковую ложъ изрѣщи на Бога дерзну и сим сотвори Адама и Евьву изгнанны быти из рая! Ведый убо Богъ и прежде сотворения Адамова, яко иматъ преступити заповедь его и, яко сосудъ скудельничь[1], сокрушитися. И сего ради сотъвори его посреде смерти и безсмертия: яко аще не преступитъ заповеди его, то безсмѣртенъ иматъ быти, якоже ангелъ, аще ли же преступитъ, то смертию осудится. Егда же Евъва послуша змии и от древа заповеданнаго яде и Адаму подадѣ, тогда изгнани быша из рая и съмертию осудишася. И речено бысть къ змии: «Понеже сице сотворила еси, еже прелстити Евъву и Адама, и сего ради положу вражду велию между тобою и между Евъвою, и между семѣнемъ твоимъ и между семенемъ ея; той да блюдетъ твою главу, ты же да блюдѣши его пяту».* И отътолѣ зачася злоба между змиею, еже есть диаволомъ, и между человеки. И отъ первозданнаго человѣка Адама прелестию диаволѣю грехъ царствоваше в мирѣ даже до пришествия Христова.

Егда же Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Сынъ, Слово Отчее, единъ сый от Святыя Троицы, сам сый истинъная правда, изволи воплотитися отъ Пресвятыя, чистыя, браку неискусныя, преблагословенныя, славныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марии, и по тридесяти лѣтахъ своего возраста творя шествие по зѣмли нашего ради спасения, и собра к себе ученики многи, тогда дадѣ имъ власть на диавола, сице глаголя: «Се даю вамъ власть наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию, и ничесоже васъ вредитъ».*

О, дара преблагаго Бога, иже дарова ученикомъ своимъ! О, власти превеликия, како иже исперва блюдяше человеческую пяту, еже умертвити, ныне же не могущи коснутися ей! И оттолѣ наипаче диаволъ вооружися на родъ человеческий, безплотенъ бо есть, никогда жѣ требуетъ пищи, ниже пития, ниже покоя когда желаетъ, но выну обходя человеки, ищет, яко лѣвъ, еже бы кого поглотити и низвести съ собою во адъ. Усмотривъ же человеческое естество слабо, изобрете злохитръство по человечестей слабости, яко сеть некую, распростре

[1] глиняный.

всюду пианство, да темъ скорѣйши инехъ орудий уловитъ человеки. Человецы же наипаче в семъ воли его повинушася, и малыя отрочата зѣло возлюбиша е[1].

Бысть во градѣ нашемъ Галиче некто царския судебныя полаты книгчий, именемъ Гавриилъ, Савиновъ сынъ. Сей по дѣйству диаволю желание велие имея к пиянственному питию и зело много пияше его. Не точию во дне, но и в нощи изъ дому своего исхождаше во онъ домъ, идеже обычай есть приходити пияницамъ, и тамо, елико хотяше, купуя, пияше и паки в домъ свой отъхождаше, во утрии же зѣло рано и прежде всехъ паки тамождѣ обреташеся. И толико прѣодолѣ его пиянство, яко ни малого часа не можаше пребыти, еже бы не пити пиянъственнаго пития. Отъ многаго же ранного и поздого пития измѣнися образъ его, и начатъ отъ властелина градскаго уклонятися. По некоемъ же времени, видѣвъ злохитрый диаволъ, яко Гавриилъ во всемъ воли его повинуется, восхоте его всеконечне погубити и душу его во адъ свести — коснуся уму его и толико смяте его, яко и бесноватися ему и нелѣпая глаголати. Видевъши жѣ жена его и братия збывшаяся над нимъ, недоумевахуся, что творити или како помощи ему. В недоумении же велицемъ бывши, стрегуще его в доме, да не изыдѣтъ из дому, бояху бо ся, да некако погибнетъ. И сице сотвориша, седмицу стрегуще его, онъ же нимало въ чувство приидѣ, но день отъ днѣ злѣйши бысть ему. Овогда в полунощи внезапу кричаше сущимъ во храминѣ[2]: «Что не видитѣ?! Се приидоша полъки многи ратныхъ и отъ древния осыпи, идеже первее градъ бе, на горе копаютъ подкопы и сътреляютъ ис пушекъ и изо всякого оружия и хотятъ насъ погубити. Молю васъ, изыдѣм отъсюду!» Бе же гора тая, идѣже первее градъ бе, отъ дому его яко полъпоприща. Сродницы его увещевающе всякими молѣбными глаголы, дабы выну имѣлъ во устехъ своихъ Иисусову молитву* и воображалъ бы на себе знамѣние Царя Небеснаго, честный крестъ, егоже боятся и трепещутъ беси. Онъ же противу имъ отъвещеваше глаголы хулны и непотребны, ихже и писанию предати недостойно. Овогда же глаголаше: «Что не видите?! Се приидоша воини и тайный мой удъ отърезаша». И сице пребысть в дому своемъ, стрегомъ отъ сродникъ, дни некия, и нимало въ чювство приходя, но день отъ дне тяжчайши мучимъ отъ диавола пребываши.

Во едину жѣ отъ нощей, месяца майя къ дватцать третьему числу, случися женѣ его и братиямъ и всемъ сродникомъ, сущимъ во храминѣ той, уснути, той же беснующийся взѣмъ сапогъ, обу едину ногу свою и во единой срачице изыдѣ из дому своего, никому не ведущимъ. Возбнувше[3] же сущии во храмине и не видеша его, начаша в доме своемъ со свещами искати его, бояшеся, дабы, скрывся негдѣ, удавлѣния не посътрадалъ. И егда обыскаша весь домъ и не обретоша, тогда в печали сущи и сетовании, недоумеющеся, како искати его. Единъ же отъ сродникъ его речѣ: «Иду в корчѣмницу, негли тамо обрящу его», — поне-

[1] его; [2] доме; [3] проснувшись.

же обычай онъ имѣяше тамо чясто в нощехъ ходити ради пития. Хотящу же ему тамо ити и, егда изыде изъ врат, узрѣ приближающася ко вратомъ дому его человека, грядуща з горы путем, иже есть отъ града Галича к царствующему граду Москве, во единой срацыце, имея ногу едину обувѣну. Он же, видѣвъ, позна его и, поимъ, въведѣ его в домъ и вопросиша его, где бе. Онъ же поведа имъ: «Егда вы вси уснуша, азъ же вземъ единъ сапогъ и обу ногу свою, не могий же другаго сапога вскорѣ обрести, изыдохъ из дому своего, да некако отъ васъ познанъ будетъ исходъ мой. Восхотехъ же ити в корчемницу и тамо пити, якоже обычай имѣхъ преждѣ, и не вемъ, како погрешихъ путь. Мнехъ убо, яко хъ корѣчемнице гряду, и се обретохся в полѣ подъ древомъ. Ощутивъ же азъ сие и возъзрѣхъ ошуюю страну, видехъ обитель преподобнаго Паисия и в той обители во святей церкви светъ велий, разумѣхъ, яко в той обители поютъ в си часъ всенощное бдение, светъ же велий въ церкви отъ возжения свѣщь. Познахъ же и древо, под нимъже обретохся, яко противо обители в манастырскомъ полѣ, зовома береза. Егда же вся сия ощутихъ, тогда возвратихся в домъ мой. И приходящу ми ко вратом, усретохъ сего сродника, онъ же поимъ мя, въведѣ в домъ мой». Сердоболи же его, слышавше сия, недоумѣвахуся, како в толикий малый часъ бывъ подъ древомъ и паки обретеся у вратъ дому своего. Ведяше, яко дрѣво оно отъ дому его отъстоитъ за едино поприще. И едва прииде имъ во ум, яко егда изыдѣ из дому своего, тогда, бесомъ водимъ, скоро достиже древа оного, егда же подъ древом онымъ обретеся, тогда преподобны отецъ Паисий, видя его, хотяща погибнути, свободи его отъ диавола, понеже и самъ глаголаше, яко егда ощутившу ему древо оно, тогда первее всехъ возре на шуюю страну ко обители преподобнаго. И тако отъ древа оного к дому идяше, направляемъ преподобным Паисиемъ. Светъ же велий в церкви бысть, понеже в той день во обители память сотворяли преподобному и в нощи той бысть всенощное пение. И сего ради сродницы его восхотеша вести его во обитель к раце преподобнаго и недоумѣвашеся, како бы его довести, видѣвше его нелѣпая глаголюща.

Во утрий же день, совещавшеся, приступиша к началнику града и молиша его, да повелитъ воиномъ проводити его во обитель. Бе же во граде Галиче тогда началствуяй началствуемый некто царева двора столникъ, имянемъ Петръ, Парамоновъ сынъ, по реклу Титовъ.* Сей зело благочестивъ и богобоязнивъ бысть и, егда услыша сия о книгчии ономъ отъ сродниковъ его, зѣло поболѣ о немъ душею, и, пославъ, повеле призвати его к себѣ ласково, да некако, убоявся чесого, отъбегнетъ в пустая места. Егда же послании приведоша к нему оного книгчия, тогда глагола ему тихо и любително: «Брате Гавриилѣ, слышахъ о тебѣ днесь, яко болезнуеши, и сего ради и азъ о тебе соболѣзную. Есть же днесь во обители преподобнаго Паисия праздникъ, архимандрит же обители тоя моли мя, да отъпущу тя к нему во обитель, еже бы пети Святую литургию, и прочиихъ с тобою, умеющихъ пети. И сего ради повелеваю ти, да с протчими, пети

могущими, идеши во обитель». Поимъ[1] же особь инаго книгчия, имянемъ Стефана, и повелѣ ему, да идетъ со онымъ Гавриилом во обитель и да возвеститъ от него отцу архимандриту, еже бы удержати Гаврила во обители неколикое время и, елико можетъ, помощи ему, в толице беде страждущу. Стефанъ же рече Гавриилу: «Идемъ, брате, во обитель пети Святую литургию». Гавриилъ же со оным Стефаном идяшѣ, не ведяше совета, еже о немъ совещанного, бе бо и Стефанъ умеяше пети. С ними же идущѣ Гаврииловы сродницы, стерегуще его, да некако на пути отъбегнетъ. Онъ же, идущий путемъ, паки нелепая глаголаше. И пришедшимъ имъ во обитель во время Божественныя литургии, Стефанъ оный ставъ на клиросъ и пояше с прочиими, Гавриила же постави близъ себе. Онъ же пояше, но не якоже бе лепо. Стефанъ же и прочии, ту сущии, с любовию умоляюще его, дабы пелъ согласно с ними. Гавриилъ же, мало помолчавъ, паки пояше, но не согласно. Быстро же зряще по церъкви [2]семо и овамо[2], и выспрь[3], и ово[4], указуя перстомъ стоящимъ с ним и глаголя: «Зрите, се летаютъ», — и обращаяся семо и овамо, показоваше, самъ же крыяшеся за люди и руками, аки защищашеся. Ово же, зря выспрь, глаголя, яко церковный верхъ падетъ, и паки за люди уклоняшеся. И тако во всю литургию пребысть, неистовяся. И по отпусте литоргии, егда начаша пети молебенъ, тогда Стефанъ, приступивъ ко архимандриту, возвести о аномъ Гаврииле вся збывшаяся и яже повелѣ о немъ воевода, и моли его, да поможетъ ему, якоже хощетъ. Светъ архиманъдрит же, призвавъ Гавриила, первее всехъ благословение дарова ему, потомъ глагола ему: «Брате Гавриилѣ, приступи с верою к раце преподобнаго и глаголи тропарь и кондакъ его, и моляся, лобызай раку отца нашего преподобнаго Паисия — и Богъ поможет ти молитвъ ради угодника своего». Стефанъ же, веземъ Гавриила за руку, привѣдѣ его к рацѣ преподобнаго и, веземъ тщицу[5], на нейже бе написавъ тропарь и кондакъ, начатъ глаголати. Гавриилъ же, аки бояшеся чесого, семо и овамо обзираяся и не можаше глаголати со Стефаномъ ни тропаря, ни кондака. Точию, прекрестивъ лице свое, поклонися рацѣ преподобнаго и паки уклоняшеся за люди, хотящи изыти из церкви. Сущии же сродъницы и ужики[6] увещевающи его, да не изыдетъ до отъпуста, и едва возмогоша его удержати. По отъпусте же молебнаго пения взя архимандритъ оного Гавриила к себе въ келию и прочиихъ, прилучившихся ту, ихъже хотяше, и трапезу предложи имъ. Гавриилъ же не ядяше ничесого, точию вина прошаше. Благоразсудителный отецъ, видевъ его малодушествующа, повелѣ ему малу чяшицу вина дати, да некако отъ многаго пития изнеможетъ. По востании же отъ трапезы всехъ сущихъ отъпусти и благословение подавъ, Гавриила жъ удержати повелѣ. Видев же Гавриилъ, яко хощетъ удержанъ быти во обители, начатъ поносити архимандрита и многая нелѣпая глаголаше словеса. Повелѣ же архимандритъ на него возложити вериги железны, да, некако избежавъ, погибнетъ, и тако вдаде его священноиноку, запове-

[1] взяв; [2—2] туда и сюда; [3] вверх; [4] в сторону; [5] дощечку; [6] родственники.

давъ, да блюдетъ его опасно, пиянсвеннаго же пития не повеле ему даяти, во время же церковнаго пения повеле его в церковь водити, сам же выну моляше о немъ преподобнаго Паисия, да устроенъ будетъ умъ его, якоже бѣ первее. Пребысть же Гавриилъ во обители два дни, въводимъ в церковь ко всякому пению. Въ третий же день приведену ему бывшу в церковь, онъ же аки отъ сна восъпрянувъ, приидѣ в себе, и приступивъ к раце преподобнаго, и,埋 вземъ дщицу, глаголя тропарь и кондакъ смыслѣнно, многия слѣзы отъ очию изливая, и благодарствуя преподобнаго, и недоумѣвашеся, что бысть ему, не вѣдяше бо, како прииде во обитель, и вопроси сущихъ ту. Егда же уведевъ бывшая ему, тогда возъдохнувъ отъ сердца, яко избави его отъ толикаго зла, кланяяся же и архимандриту о его промышлении. И тако молитвами преподобнаго Паисия устроися умъ его, якоже бе и первее, получившу же ему здравие, удержася отъ вина и к тому не пияше. Аминь.

ПОВЕСТЬ О БЕСНОВАТОЙ ЖЕНЕ СОЛОМОНИИ

ЧЮДО ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДѢВЫ МАРИИ И СВЯТЫХ И ПРАВЕДНЫХ ПРОКОПИЯ И ИОАННА, УСТЮЖСКИХ ЧЮДОТВОРЦОВЪ, О ЖЕНѢ БѢСНОВАННѢЙ ИМЕНЕМЪ СОЛОМОНИИ

Хощу убо вамъ, братия, воспомянути вашей любви повесть зѣло душеполезну, яже бысть во дни наша, яко [1]не презрѣ[1] Господь Богъ милосердый рода нашего за премногия грѣхи наша, но посѣти милостивно своимъ благоутробием[2] и сотвори силы и чюдеса Пресвятою Богородицею и святыми и праведными угодники своими Прокопиемъ и Иоанномъ,* яко не токмо *не* презрѣ, но паче помилова и не остави своего создания вконец, ниже[3] забы дѣло руку своею, еже содѣяся днесь Пресвятою Владычицею нашею Богородицею и Приснодѣвою Мариею, общею заступницею рода християнского, и великими стражми града Устюга праведными Прокопием и Иоанномъ преславно*е* чюдо, страха и ужеса исполнено, еже азъ, грѣшный, попъ Ияков* Спасова дѣвичья монастыря, слышах у нея, Соломонии, из самых устъ ея при свидѣтельствѣ отца ея духовнаго соборныя и апостольския церкви Пресвятыя Богородицы *священноиерея Никиты* и отца ея роднаго* от священноиерея Димитрия* и написах сия в память будущимъ родомъ.

В лѣта 7169-го (*1661*) году февраля въ 2 день. Есть волость, глаголемая Ерогоцкая, вверхъ Сухоны реки, в ней же церковь Пресвятыя Богородицы, в ростоянии от града Устюга 40 поприщъ.* Тоя же церкви иерей именем Димитрий, и жена ему бѣ именемъ Иулита. Имѣяста же у себе дщерь именем Соломонию, о нейже намъ нынѣ слово предлежитъ.

Доспѣвши[4] ей, Соломонии, в совершенный возрастъ, и восхотѣста родители ея в законное сочетание мужеви вдати нѣкоему земледѣльцу именем Матфею, еже и бысть. Бывши же ей по брацѣ в невѣстнѣмъ чертозѣ, и не по мнозѣ времени воста муж ея от ложа своего, изыде на преддверие храмины тѣлесныя ради нужды. И по исшествии его иже искони ненавидяй рода християнского злый и старый враг Дияволъ Сатана и не престаяше человѣки боря, умысли та-

---

1—1 не отверг; 2 милосердием; 3 и не; 4 достигнув.

ково самъ или посланъ бысть от человѣка какова недобра и лукава на погубление жены тоя — того [1]не вѣмъ[1]. И прииде ко храминѣ, идѣже Соломония, и толкийся во двери без молитвы, и глагола человѣческимъ гласомъ, и рече: «Соломония, отверзи!» Она же востав от ложа своего и отверзе двери храмины, мнѣвши мужа своего пришедша. Прииде же ей в лице, и во очеса, и во ушеса аки нѣкоторый вихорь великий, и явися аки нѣкое пламя огненное и синее. Она же, Соломония, во умѣ своемъ усумнѣся и в недоумѣнии бысть. И помале паки прииде муж ея к ней во храмину. Она же наипаче ужасеся и бысть ту всю нощь без сна, прииде на нея трясение велие и лютый озноб.

И въ 3 день ощути у себе во утробѣ демона люта, терзающа утробу ея. И бысть в то время во иступлении ума от живущаго в ней демона.

Въ 9 же день по брацѣ по захождении солнца бывши ей в клѣтце[2] с мужем своим, на одрѣ восхотѣста почити. И внезапу видѣ она, Соломония, демона, пришедша к ней [3]звѣрскимъ образом[3], мохнатъ, имяше у себе и ногти, и ляже к ней на одръ. Она же вельми его убояся и иступи ума. Той же звѣрь и оскверни ея блудом. Она же наутрѣе ощутився въ 3 час дни и никомуже не повѣда бывшаго диявольскаго козноднѣйства.

С того же дня они, окояннии демони, начаша к ней приходити, кромѣ великих празников, по 5 и по 6 во образѣ человѣческом, якоже нѣкотории прекраснии юноши, и тако наподаху на ню и оскверневаху ея. Людем же ничтоже видящимъ сего. Она же, Соломония, повѣда мужу своему бывающая от демоновъ, како к ней они, окояннии, приходятъ. Он же ничтоже ей отвѣща. Живши же ей с мужем своим в дому своемъ нѣколико время. Видѣв же муж ея погубление жены своея, и отвезе ю ко отцу ея священнику Димитрию. Она же нача жити у отца своего.

Они же, окояннии воднии демони, и тамо приходити начаша к ней. Егда[4] же она, Соломония, исхождаше ис храмины на преддверие, и они, окояннии, невидимо восхищаху ея и уношаху в воду. Она же вопияше гласом велиимъ. Домашнии же исхождаше и не видѣвши ея, токмо глас ея слышаху. Соломония же живяше у них в водѣ овогда 2 дни, а иногда и 3 дни. И тако оскверневаху ея они, окояннии демони. И паки отношаху и пометаху ю овогда на лѣсу, овогда же на нѣкое поле нагу. И нѣкими христолюбивыми людьми направляема бываетъ и прихождаше к дому отца своего. Отецъ ея и мати, видѣвше таковую погибель дщери своея, плакахуся зѣло и недоумѣвахуся, что сотворити.

И по мале времени они, окояннии демони, пришедше к ней, бывши же ей единой в дому отца своего. И начаша ея окояннии мучити и метати ю: овъ демонъ во единъ уголъ храмины, а инъ в другий уголъ, ин же на печь — и тако ея мучаху на многи часы. И взяша нѣкое уже[5], и привязавше ю за шию, и взяша камень жерновный, и воздѣша на уже, и положиша ей на лице и на персии[6], и

[1—1] не знаю; [2] в комнате; [3—3] в образе зверя; [4] Когда; [5] веревку; [6] на грудь.

столъ туто же воздѣша, и повѣсиша ея к стропу[1] со всѣмъ. Слышавше же сосѣди бывающая над тою бѣснованною и повѣдаша отцу ея. Он же пришедъ и не видѣвъ никогоже в дому, токмо едину дщерь свою лежащу, и уже на шии ея, и камень, и столъ. И не вѣде она, како отрешися от верху храмины. И бывши ей аки мертвѣ на многи часы, и от того мучения едва очнуся. Прииде же отецъ ея и разрѣши. Такожде и сосѣди приидоша и видѣша тѣло ея все избито и сине. А болѣзни она никакоже чюяше на тѣле своемъ.

Отецъ же ея и мати к нощи запираху ея едину во храмину, бояху бо ся ея: егда они, окояннии демони, к ней прихождаху, и она бываетъ внѣ ума. И даютъ ей демони копие желѣзное, дабы заклала отца своего. Заутра же воставъ, показуетъ копие отцу своему истинно, а не привидѣнием. Бысть же ей таковое мучение безпрестани, покоя от них нимало имѣяше. А иныя их вражия козни невозможно и писанию предати, мнози тому вражию кознодѣйству в той волости свидѣтели.

Посем же приидоша окояннии тии демони воднии многое множество и начаша нудити ея, чтобы она жила у них и вѣровала бы, якоже и они во отца своего Сатану, такожде бы и пила, и ѣла с ними, и волю бы их творила. Прежде ласканием и честию хотя прельстити ю, от християнския вѣры отвратити и глаголаху ей: «Видиши ли, Соломоние, каково житие наше все добро. Будеши ты у нас в чести велицей, и не будеши ты у нас ничим скудна». Она же ничесоже отвѣщеваше имъ. Видѣвше же они, окояннии демони, что добротою и ласканиемъ не возмогоша прельстити ю и превратити от истинныя вѣры Христовы, и начаша ея мучити: растягоша и расковаша ея по стенѣ, руцѣ и нозѣ в смыки[2] вбиша и начала ея копии колоти, и рожны збодати, и ногты все тѣло ея драти. И паки вопросиша ю: «Вѣруеши ли в нас и во отца нашего Сатану?» Она же ничтоже имъ отвѣща. И расковаша ея, и возведоша на нѣкое высокое мѣсто, и взяша ея за руцѣ и за нозѣ, и ринуша долу[3], ей же лежащи аки мертвѣ.

И взяша ю оттоле они, темнообразнии демони, и приведоша ея паки к себѣ. И даша ю нѣкоей дѣвицѣ, а называют ея они, окояннии, Ярославкою.* Таже[4] дѣвица нача ея вопрошати: «Како ты прииде сѣмо[5], и коего града или вѣси, и отца, и матери?» Соломония же все сказа, яже о себѣ. Дѣвица же рече ей: «Аще ты, Соломоние, не хощеши жити здѣ, и ты у них ни яждь, ни пей и ничто имъ отвѣщай. И они тебя помучатъ да и отпустятъ». И по мале времени глаголаша ей они, окояннии: «Вѣруеши ли в нас?» Она же ничтоже им отвѣща. Они же, темнообразнии лукавии дуси, отнесоша ю на лѣс едва живу сущу от многаго мучения. И с великимъ трудом к своему дому едва дойде.

И живши ей в дому отца своего 6 дней. И паки они, окояннии темнозрачнии, пришедше, и невидимо взяша ю, и унесоша к себѣ. И бысть 2 дни и 2 нощи,

---

[1] к потолку; [2] скрепленье; между двумя предметами; [3] вниз; [4] Потом; [5] сюда.

и зачала от них во утробѣ, и носила их полтора годы. Егда же прииде время родити ей, и бѣ в дому отца своего, и выслала из дому отца своего вонъ со всѣми живущими. И сказа имъ, что хощетъ родити: чтобы их тии темнообразнии демони не убили. И как она почала родити, прииде к ней темнообразных демонов жена и нача с нею водитися. И роди их 6, а видѣнием они сини и темни. И взя их та жена, которая с нею водилася, и унесе их из храмины под мостъ. Отецъ же ея прииде в домъ свой со всѣми домашними, и начаша ясти. И они, темнообразнии демони, воставше, начаша камением метати и землею бросати. Отецъ же ея, и мати, и вси живущии в дому, видѣвше таковое диавольское неприязньство и дщери своея погибель, и побѣгоша вси из дому. Она же, Соломония, едина остася.

Жена же темнообразная прииде к ней и принесе ей сосуд крови, и веляше ей пити. Она же не можаше пити. И рече ей темнообразная жена: «Когда ты не пиешъ крови, и ты заколи отца своего». Она же рече имъ: «Дайте мнѣ еще урочное время, и азъ заколю отца своего». Того бо ради глаголаше имъ, яко не можаше терпѣти мучения их, от темнообразных, ихже родила, понеже ссаху[1] за сосцы, якоже змии лютии.

3 дни и 3 нощи не внидоша в домъ вси домашнии страха ради диявольского от каменного метания. И въ 4 день едва внидоша и не видѣша никогоже. Соломонию же паки унесоша темнообразнии они демони и оскверниша ю. И зачала во утробѣ от их диявольского насилия, и родила 2 демонов в дому отца своего. И невидимо унесоша их от нея. В ыное же время родила одного темнообразного демона и паки еще родила двоих темнообразных демонов. А когда она родитъ, и она хлѣба не ястъ нимало, но приношаху ей невидимо темнии синцы оны птичью кровь, и траву, и корение — и тѣмъ ея питаху.

И не по мнозѣ времени они, окояннии, взяша ея невидимо и унесоша к себѣ в воду. И бысть у них 3 дни и 3 нощи. Отцу же ея и матери отчаявшимся живота ея, и плакахуся о ней вельми горько. И егда они, окояннии, принесоша ея к себѣ, и начаша веселитися того ради, яко дѣтей имъ родила. И принесоша их пред нея, и вопрошаху их: «Что вамъ сия жена?» Они же рекоша: «Мати нам есть». Посем же они, окояннии демони, сѣдоста по мѣстамъ, кождо[2] друг друга честию больши творящи и почитающи, и начаша ясти и пити, и принуждати и Соломонию с собою пити и ясти, ей же не хотяще. Они же, окояннии, начаша мукам претити ей, она же и неволею повинуся имъ. И даша ей ковшъ, и начаша вина наливати, и всѣмъ темнообразнымъ повелѣша подносити и имены всѣх называти. Она же всѣмъ подаваше от первых и до послѣднихъ, бяше бо их многое множество. Глаголюще же другъ ко другу: «Всяко мы ея мучили: и били, и ножами рѣзали, и копием кололи, и ногты тѣло ея драли, дабы отступила от вѣры своея и в нас вѣровала, и жила бы у нас. И никакоже возмогохом отвратити ея

[1] сосали; [2] каждый.

от вѣры». Глаголюще: «Сварим в котлѣ воды и тамо кинем ея, негли[1] повинется намъ». И не збысться злый совѣтъ ихъ.

И паки отдаша ю дѣвице Ярославке. Соломония повѣда ей все, еже у них слыша. Таже дѣвица Ярославка рече ей: «Соломоние, хощеши ли азъ тебя у них отпрошу ко отцу твоему и матери сходити и проститися?» И нача ея учити и сказывати их имена, какъ коегождо их зовутъ. И учила же ея та дѣвица по десяткам. Она же, Соломония, всѣмъ имъ имена познала. Посем же рече дѣвица Ярославка: «Какъ тебя, Соломоние, они от себя отпустят ко отцу проститися, и ты вели отцу своему тѣ имена переписати, которые тебѣ азъ сказывала. И вели ему тѣ имена проклинати* во святомъ олтари, идѣже безкровная жертва приносится Господу Богу. Посем тебя имъ, окояннымъ, невозможно будетъ унести и не приближитися». И прииде та дѣвица Ярославка ко оным темнозрачнымъ демоном и рече имъ: «Отпустите Соломонию ко отцу проститися. И, простяйся она со отцемъ своим, будет здѣ вѣчно жити».

Они же послушаша ея, и понесоша Соломонию ко отцу ея, и принесе на нѣкое блато. Бяху бо их, окоянных, многое множество. И начаша ея, Соломонию, в болоте топити. И в то время бысть туча велия с молниею, и з громом страшным, и с тресканием зѣльнымъ. И нача их, окоянныхъ, молниею полити и громом побивати, и убило их, окоянных, многое множество. Бяше бо их блато и езеро исполнено, аки смолою подернуто. Она же, Соломония, от них побѣжа и скрыся в нѣкую яму. Они же, окояннии оставшии демони, и тамо ея нашедше и всякими муками неудобьсказаемыми паки начаша мучити ея. И в той час паки бысть буря велия, и громъ, и молния. И они, окояннии, едва от нея отступиша. Она же у них убѣжа и дойде до дому отца своего с великою скорбию.

Видѣвше же отецъ и мати ея, возрадовашася зѣло. Мнѣвши же родители ея, яко уже вѣчно не бывати ей из воды от темнозрачных демонов. Она же, Соломония, нача повѣдати отцу своему и матери вся бывшая ей от демонов, и како ея дѣвица Ярославка учила их имена и велѣла их имена отцу ея проклинати во святѣмъ олтарѣ, идѣже безкровная жертва приносится Господу Богу. Отецъ же, и мати, и вси сердоболи[2] ея слышавше от нея таковая от демонов бываемая и начаша плакатися, и едва престаша от плача. Посем же отецъ ея написа имена тѣ, якоже сказа ему Соломония. Священникъ же Никита нача их, окоянных, проклинати во святѣмъ олтарѣ. Она же, Соломония, от того демонского мучения в недуг телесный впаде.

Во един же от дней от тоя болѣзни она, Соломония, мало усну. И видит во снѣ нѣкую жену святолѣпну, пришедшу к ней, и глагола ей: «Соломония, пойти ты ко граду Устюгу, а здѣ не живи. И от волхвов себѣ исцѣления не ищи, не будетъ тебѣ помощи от них». Она же, Соломония, вопроси имени ея. Она же рече ей: «Азъ есмь преподобная Феодора».* И абие[3] невидима бысть. Соло-

---

[1] может быть; [2] родственники; [3] тотчас.

мония же убудися от сна, нача повѣдати видѣние отцу своему. Отецъ же ея повелѣ ей итти ко граду Устюгу. Она же рече: «Не могу сего и слышати», — возбраняше бо в ней демонская сила. Отецъ же едва умоли ея итти ко граду Устюгу и отвезе ея.

И бывши на Устюзѣ, повелѣша ей жити у соборныя церкви Пресвятыя Богородицы на плошади у вдовы нѣкия именем Соломонии же. И нача ея водити по церквамъ, и в соборную церковь Пресвятыя Богородицы, и к святымъ и праведнымъ Прокопию и Иоанну,* устюжскимъ чюдотворцомъ. Демони же, живущия в ней, начаша утробу ея рвати. Она же, Соломония, в недуг телесный впаде. Родители же ея призвавше соборныя церкви священника Никиту. Он же пришед, исповѣдавъ ея и причастивъ Святых Христовых Тайнъ. И по мале времени уздравися. И прииде ей во умъ таковое желание, чтобы паки итти ко отцу своему, и отвезоша ея.

Бывши же ей в дому отца своего нѣколико время. Во един убо от дней по захождении солнца абие приидоша лѣснии демони темнозрачнии и начаша звати ея велиимъ гласомъ, сице рекуще: «Полонянка[1], пойди к намъ, а не живи здѣ». Той же глас их слыша отецъ ея священник Димитрий, и мати, и вси домашнии, и живущи ту на погосте. Живущи же ей у отца своего 8 недѣль. Они же, окояннии, по многие времена прихождаху и кликаху ея, и говорятъ отцу ея вслух, и всѣмъ людемъ слышащимъ: «Попе, отдай нашу полонянку, а мы тебѣ дадимъ много злата, и сребра, и живота[2]. А нам ея отдали братья наши водянии демони и сказали нам, что она их обманула и обольстила: „И послѣ того не можемъ мы ея унести к себѣ. Не можете ли вы ея к себѣ унести в лѣсъ?"» И тако по вся нощи прихождаху, кричаще и ревуще, яко лютии звѣри, и храмину ломающе, идѣже она, Соломония, живяше.

В то же время бысть освящение церкви Пресвятыя Богородицы, яже ту на погосте, честнаго и славнаго ея Успения. И приѣзжали на освящение тоя церкви с Устюга соборные церкви Пресвятыя Богородицы священникъ Никита, отецъ ея духовный, да прото*дьякон* Димитрий,* и инии мнози людие града Устюга. И то все слышаша вражия их кознодѣйство, како они ея зваху к себѣ и прошаху у отца ея. И каков человѣкъ станетъ имъ говорити встрѣшно[3] или бранити их, и они, окояннии демони, всяко тѣх людей обличающе всякими грѣховными винами, кто каков грѣх сотворил, и обнажающе совесть всякаго человѣка. И по мале времени отступивше окояннии от нея.

Отецъ же ея отвезе к Устюгу, чтобы она, Соломония, ходила к церкви Божии: и ко Пресвятѣй Богородицѣ, и ко святымъ и праведнымъ Прокопию и Иоанну. Во единъ же от дней стоящи ей, Соломоние, во время Божественныя литоргии на святѣмъ Евангелии и на великом входѣ.* Они же, окояннии демони, живущия в ней, пометаху ея об мостъ[4] церковный. Мнѣвшим же людем, яко

[1] пленница; [2] имущества; [3] наперекор; [4] пол.

мертвѣ ей быти от таковаго падения. Окояннии же демони, яко малии свинии, начаша вижжати многими гласы. Утроба же ея в то время вельми надымашеся, и едва во умъ прихождаше. Она же, Соломония, неотступно от церкви Божия бысть всегда.

Нѣкогда же она, Соломония, в тонокъ сонъ прииде, явися ей преподобная Феодора и рече ей: «Соломония, живи ты здѣ неотходно от града Устюга и от церкви Пресвятыя Богородицы и святых и праведных Прокопия и Иоанна, и никогда не отступай. А ко отцу своему на Ергу не ходи, да некогда тя унесутъ паки темнозрачнии демони, и будетъ ти послѣдняя горши первых.* А то тебѣ буди вѣдомо, что ты страдала тяшко от демоновъ, для того что тебя пьяной попъ крестилъ и половины святаго крещения не исполнилъ. А крестися ты, Соломония, истово[1], какъ и прежде сего,* да подобаетъ тебѣ имѣти 3-х отцов духовных. А к церкви всегда приходи ко всякому пѣнию. Аще не можешъ, и ты вели себя носити». И посем преподобная Феодора невидима бысть.

Во 179-м (*1671*) году во святый и Великий постъ отецъ ея и вси сродники едва принудиша ю, чтобы она, Соломония, исповѣдалася. Она же с великою нуждою исповѣдася у отца духовнаго священника Никиты и причастися Святых Таинъ. И паки по захождении солнца смутися в ней окоянный демонъ и нача терзати утробу ея. Она же велиимъ гласом кричаше. И прогрызе у нея лѣвый бокъ. Соломония же абие ощути себе и во умъ прииде. И видѣ срачицу[2] свою всю окрововлену, и показа домашнимъ своим, что ей демонъ сотвори в нощи той. Они же видѣвше погубление ея и плакахуся зѣло.

Начаша же утренню благовѣстити, она же пойде к заутринѣ. Егда же дияконъ возгласи: «Богородицу и Матерь свѣта пѣсньми возвеличимъ»,* — демон же паки возмутися и нача утробу ея рвати. По отпѣнии же утреннии иде в домъ свой.

Егда же начаша обѣдню благовѣстити, она же, Соломония, прииде в церковь и нача цѣловати святыя иконы. И в то время возмутишася во утробѣ ея живущия в ней демони, начаша терзати утробу ея. Егда же начаша чести Апостолъ, она же, Соломония, нача блевати, и бывши ей во иступлении ума. Егда же прииде время святаго причащения, и тогда в ней живущая демонская сила нача ея бити и метати об мостъ церковный. Священникъ же служащий с великим страхом едва *при*части ея Христовых Таинъ, людем же держащимъ ея. Демон же нача усты ея вопити великим гласом: «О, сожже мя! О, сожже мя!» И после божественныя литоргии прииде во умъ и пойде в дом свой. И от того числа нимало покоя даяше живущая в ней демонская сила: терзаше утробу ея вельми лютѣ и мучаше ю паче перваго, позна бо онъ, окоянный, свою погибель.

Мѣсяца майя въ 27 день мучима бѣ от демона и от того мучения утомися и усну. И видѣ святых и праведных Прокопия и Иоанна, пришедших к ней.

[1] правильно, надлежащим образом; [2] рубашку.

И глаголаша ей святии: «Соломоние, молися ты Прокопию и Иоанну, и они тебя по мале времени избавятъ от таковаго мучения. И Исусову молитву твори безпрестани, и крестися истово и крестообразно, якоже и прежде». Повелѣша ей и молитву Исусову сотворити. Демон же, живущий в ней, не даяше молитвы ей сотворити. И с великим трудом едва молитву сотвори. И благословиша ея святии, и глаголаша ей святии: «Имѣеши ли у себя сердоболей своих? Аще имѣеши, и ты повели имъ на всякий день Псалтирь говорить».* И посем рѣша святии: «Соломоние, вѣруеши ли во Христа?» Она же молчаше. И паки глаголаша ей святии: «Вѣруеши ли во Христа?» Она же рече: «Вѣрую азъ во Христа». И паки рѣша: «Воистинну ли вѣруеши?» Она же рече: «Воистинну вѣрую азъ во Христа». И рѣша святии: «Слава тебѣ, Владыко, Христе Боже, человѣколюбче, яко еще хощетъ Соломония твоя раба быти». И абие святии невидими быша. Она же, Соломония, убудися от сна и никомуже повѣда видѣние до времени, дондеже[1] исцелѣ.

В лѣто 7179-го (*1671*) года июля въ 8 день, на память святаго и праведнаго Прокопия, устюжскаго чюдотворца, после божественныя литоргии прииде Соломония в соборную и апостолскую церковь Пресвятые Богородицы честнаго и славного ея Успения и повѣда сама яже о себѣ Устюга Великаго Архангелского монастыря архимариту Арсению,* да соборныя церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славного ея Успения протопопу Владимиру,* и всему освященному собору, како она исцеление получи за молитвъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и святых праведных Прокопия и Иоанна, устюжских чюдотворцовъ:

«В прошломъ во 169-м (*1661*) году грѣх ради моих вселися в мя иже искони ненавидитъ добра роду человѣческому старый врагъ Дияволъ и его демонская сила, обладаше мною единонадесят лѣто и пять мѣсяцъ. И в та лѣта мучима была всякими неудобьсказаемыми муками, якоже прежде явленно бысть о мнѣ. Не видѣх бо азъ, грѣшная, свѣта сего чювственнаго, ни солнычных лучь, но бяше мнѣ день, якоже *нощь*. И к церкви Божии ходила аки нѣкоторый плѣнникъ связанъ, овогда в церкви стоях, овогда же в притворѣ. Ни поющаго, ни чтущаго гласа никогдаже слышах. Но очеса моя помрачистася, и ушеса моя оглохнувше от демонского страшнаго мечтания, егда въ 1 день коснуся вражий демонский синий пламень. И бяше с того дни во ушесах моих шумъ велий бысть во время божественнаго пѣния.

Мѣсяца июля противъ 8-го числа, на память святаго и праведнаго Прокопия, прииде мнѣ таковое желание, чтобы мнѣ итти ко всенощному бдѣнию к праведному Прокопию чюдотворцу в церковь, дабы слышать его преславная чюдеса. А прежде сего не бысть мнѣ таковое желание. И приидох, и ста внѣ церкви у сѣверных вратъ. В то же время в церкви чтутъ Житие святаго Прокопия. Аз же стоях тамо малъ *часъ*, и начатъ меня брать мой посылати в церковь. Ово же

[1] пока не.

страха ради брата своего, ово же зазрѣния[1] ради предстоящих людей и едва с великим трудом внидохъ в церковь — возбраняше бо мнѣ демонская сила, яже во мнѣ. И повелѣ братъ мой сѣсти на лѣвой крылос утѣснения ради всенародного множества. И глаголах азъ брату своему: „Отведи мене близ чтущаго, здѣ бо азъ не слыша ничто от чюдес святаго Прокопия". Он же вземъ мене и постави близ чтущаго. Азъ же стоях ту молча и внезапу видѣх: гроб святаго Прокопия аки потрясеся. Живущая же во мнѣ демонская сила смутися, и нача демонъ во утробѣ моей вопити, аки малый младенецъ. И предстоящим слышати ужасно козподѣйство вражие.

Аз же не могох в церкви стояти и побѣжах, и приидох в притворъ святых чюдотворцевъ Козмы и Домиана. И бых во иступлении ума, держима же бѣ братомъ своим и иным нѣкиимъ человѣкомъ. Егда же во умъ приидох, паки поведоша мя во церковь святаго Прокопия. Аз же нача вопити, елико[2] могох: „Не водите мене в церковь святаго Прокопия, аз бо тамо не могу быти от живущия во мнѣ демонския силы". Они же нуждею[3] влечаху мя. Аз же отторгнувся от них и идох в церковь святаго Иоанна чюдотворца. В то же время и тамо чтутъ от чюдес святаго Прокопия. И утѣснения ради сѣдох на лѣвый крылос. И повелѣ ми пономарь тоя церкви сѣсти ко гробу святаго Иоанна. Аз же его послушах, и сѣдох тамо и видѣх: гроб святаго аки потрясеся. И вельми убояся того страшного видѣния, и руками своими грѣшными держашеся о гробѣ святаго.

И воздремах мало, и видѣх свѣтъ неизреченный и во свѣте Дѣвицу святолѣпну и прекрасну зѣло, еяже красоты невозможно сказати. Идущи ей в церковь святаго Иоанна в полуденные[4] двери подлѣ настоящия иконы.* И прииде до мене, и взя мене за правое плече, и глагола: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас". Аз же не отвѣщах ей ничтоже. Она же рече ми: „Соломоние, глаголи: «Аминь»". Аз же ничтоже отвѣщах. Она же паки ту же молитву второе и третие. И рече ми Пресвятая Дѣвица: „Соломоние, глаголи: «Аминь»". Аз же едва отвѣщах: „Аминь". Она же рече ми: „Отвѣщай еще 2-жды: «Аминь»". Аз же отвѣщах еще 2-жды: „Аминь, аминь".

И рече ми Святая Дѣвица: „Соломония, вѣси ли ты, кто есмь азъ?" И рекох ей: „Госпоже моя, како тя вѣмъ? Есмь бо азъ в скорби велицѣй от живущия во мнѣ демонския силы". И рече ми Пресвятая Дѣвица: „Како ты не вѣси мене? А в домъ мой ходиши безпрестани пять лѣтъ". Аз же, грѣшная, рекохъ: „Гдѣ есть, Госпоже, домъ твой?" И рече ми: „Домъ бо мой соборная и апостолская Церковь. Аз же есмь нарицаюся Пресвятая Мария, рождьшая плотию Иисуса Христа, Творца своего и Бога. Днесь бо покажу тобою чюдо велие и преславно, страха и ужаса исполнено, ради предстателей моих и молебников ко мнѣ преподобных и праведныхъ Прокопия и Иоанна. Ты же молися имъ безпрестани, яко да исцелѣеши. Есть бо нынѣ во утробѣ твоей 70 бѣсов, и еще имут приити на тя

[1] стыда; [2] сколько; [3] насильно; [4] южные.

1700 бѣсов. И ты их, окоянных, не убойся. Предстательствуют бо за тя святии чюдотворцы Прокопий и Иоаннъ и избавят тя от их демоньския немощныя силы. И крестися разумно и внятно крестным знамением, якоже и прежде сего". И рече ми Пресвятая Дѣвица: „Како тя начнутъ вопрошати святии чюдотворцы Прокопий и Иоаннъ какова обѣщания, и ты имъ во всемъ обѣщайся сотворити заповѣди их, елико ти рекутъ". Аз же, грѣшная, не могох отвѣщати ей ничтоже. Посемъ же рече ми Пресвятая Дѣвица: „Миръ тебѣ, Соломоние". И пойде от мене тѣм же путемъ, аможе[1] прииде.

Аз же возбнув от того преславнаго видѣния и хотѣх от ужаса бѣжати ис церкви. И видѣх брата своего, близ стояща, и убояхся, и сѣдох паки ту же, и уснух.

И видѣх свѣтъ велий в церкви, яко николиже такова видѣх. И видѣх во свѣте том идуща въ церковь святаго Прокопия в западныя двери. И яко близ бысть гроба святаго Иоанна, востав же Иоаннъ из гроба. И приидоша ко мнѣ, грѣшней, и ставше предо мною святии, глаголюще: „Отидите, проклятии демони, от рабы Божия Соломонии". И глаголаша ми святии: „Соломоние, молися от глубины сердца твоего заступницѣ християнской Пресвятѣй Богородицѣ и святым и праведнымъ Прокопию и Иоанну, и будеши на сий день исцѣлена. Дай же намъ обѣщание таково, что тебѣ к прежнему твоему мужу нейти[2] и за иного такожде не посягнути. И будет тебѣ, Соломоние, мучения люта еще на 3 часы дневных, и посем исцелѣеши. И на то время призови к себѣ 12-ти священников, чтобы они над тобою глаголали 12 псалтирей в тѣ 3 часа. И будетъ псалтири не исполнятся, и ты призови отца своего духовнаго, чтобы тебя онъ исповѣдал и причастил Святых и Страшных Христовых Тайнъ временнаго ради лютаго мучения".

Бяше бо святый Прокопий видѣнием рус, власы велицы, браду же просту и русу, не зѣло малу имѣя. Одѣяние его кратко, сапоги на ногах, кочерги в руках. Святый же Иоаннъ таков бяше, якоже и на иконѣ написан странническим образомъ.* И паки рекоша ми святии: „Миръ тебѣ, Соломоние". И поидоша от мене, и невидими быша.

Аз же, грѣшная, возбнув от того преславнаго видѣния и в себѣ пришедше, идох ис церкви. Братъ же мой поим мене, и нъ нѣкто, и поведоша мя паки в церковь ко святому Прокопию. Аз же, грѣшная, нача вопити, елико могий, и глагола имъ: „Не водите мене ко святому Прокопию". Они же не послушавше мене, нуждею влечаху мя в церковь. Аз же бых в церкви молча и не могох стояти от живущия во мнѣ демонския силы. И паки нача молитися брату своему, дабы мя отпустил ис церкви. Он же ослаби ми и отпусти мя.

Аз же приидох в домъ, идѣже живях, и бых во иступлении ума. И начах повѣдати видѣние свое, что явися мнѣ в церкви святаго Ионна чюдотворца.

---

[1] откуда; [2] не идти.

И не бысть в той храминѣ никогоже живущаго человѣка, токмо внѣ храмины стоитъ братъ мой и слушаетъ словес моих, еже азъ глаголю. Аз же того не вѣдаю, с кѣмъ глаголах или кому повѣдаю. Егда же изглаголах и умолчах, братъ же мой шед в церковь соборную Пресвятые Богородицы и повѣда отцу моему духовному священнику Никите, еже слышах от мене. Он же повелѣ мя привести в соборную и апостольскую церковь.

Брат же мой и инъ нѣкто поимъ мя, и приведоша в церковь Пресвятые Богородицы, и введоша мя в предѣлъ, в церковь святаго Иоанна Предтечи. И нача отецъ мой духовный вопрошати мя о видѣнии, еже слыша онъ от брата моего. Аз же памятовах все видѣние и не могох повѣдати ему от диавольскаго томления. Брат же мой повелѣ надо мною Псалтирь глаголати. Отецъ же мой духовный да тоя же соборныя церкви священникъ Симеонъ* нача надо мною Псалтирь глаголати. И мнѣ стало наипаче больше мучение бысть от живущих во мнѣ демонов. И не могох азъ слышати от них глаголемых словес. Аз же начахъ вопити, чтобы они надо мною Псалтири не глаголали и дали бы мнѣ еще на 3 часы сроку: „И вамъ то мое видѣние будетъ явленно". Они же, священницы, повелѣша мене брату моему ис церкви вывести. Поим же мене братъ мой, и инъ нѣкто человѣкъ, изведоша мя ис церкви.

И бывши ми во иступлении ума. И видѣх видѣние преславно и страшно: на деснѣй[1] странѣ священнический и дияконский чинъ, идуще и поюще, и крестъ и Евангелие несуще с кандилы и с фимияномъ. На шуей[2] же странѣ видѣх демонов многое множество. А видѣниемъ они, окояннии, бяху черны, и сини, и изувѣры, и страшны, бяше их яко туча велика. И на лице мое они, окояннии, плеваху и сморкаху. Аз же тѣх страшных изувѣровъ преидох без вреда, ничтоже пострадах молитвами Пресвятые Богородицы и святых и праведных Прокопия и Иоанна.

Приведоша же мене в домъ, идѣже живях, и нача просити себѣ отца духовнаго. Прииде же отецъ мой духовный, исповѣда мя и причастилъ Святых Христовых Таинъ страшнаго ради мучения, и благослови мя, и отиде от мене. Посем же приидоша священницы и диякони и глаголаша надо мною Псалтирь. И видѣша мя аки мертву, чрево же мое надмеся зѣло оными окоянными лукавыми духи. И плакашася зѣло, видѣша мое погубление.

И внезапу свѣтъ возсия во храминѣ неизреченный, в нейже азъ лежах. И видѣх юношу, идуща во храмину мою и свѣщу несуща, и по имъ идуща священника с кадилом, по нем же идущимъ праведнымъ Прокопию и Иоанну. И ставше у главы моея вси, и глаголаша святии между собою. Аз же того не вѣмъ, что они глаголютъ. И паки приступиша ко мнѣ святый Прокопий и прекрести утробу мою рукою своею. А святый Иоаннъ держа в руцѣ своей малое копие. И той приступи ко мнѣ, и разрѣза утробу мою, и взя из мене демона, и

[1] правой; [2] левой.

давъ святому Прокопию. Демон же нача вопити велиим гласом и витися в руцѣ его. Святый же Прокопий показа ми демона и рече: „Соломоние, видиши ли демона, иже вынялъ из утробы твоея?" Аз же видѣх демона: видѣнием бяше чернъ, и хвостъ у него, уста же дебела и страшна. И положи его, окоянного, на мостъ, и закла его копиемъ.* Святый же Иоаннъ паки нача изимати из утробы моея по единому демону и давати их святому Прокопию. Он же закалаше их. И рекоша святии: „Соломоние, нынѣ мы выняли у тебя половину демонския вражия силы. А совершенное исцѣление приимеши в дому моем у гроба святаго Прокопия". И глаголаша святии чюдотворцы: „До уреченных 3-х часов не подобаетъ нам быти". И отидоша от мене, и не видими быша.

Посем же начаша у святаго Прокопия в церкви молебная совершати и воду освящати архимандритъ, и игумени, и протопопъ со всѣм освященнымъ собором. В то же время принесоша в церковь и мене, грѣшную, и положиша у гроба святаго Прокопия. И не можах азъ двигнутися ни рукама, ни ногама, ниже языком проглаголати, но яко мертвѣ мнитися от демонския силы, живущия во мнѣ.

И внезапу облиста мене свѣтъ велий. И явишася святии Прокопий и Иоаннъ, и ставше надо мною тѣм же образом, якоже и прежде видѣх. И рече святый Иоаннъ ко святому Прокопию: „Како бы нам не осквернити у Соломонии срачицы ея". И отвѣща святый Прокопий: „Не имат осквернитися срачица ея, и домъ мой не будетъ оскверненъ от демонския силы". И нача святый Иоаннъ изимати изо утробы моея демонов, якоже и прежде. Святый же Прокопий приимаше, и меташе об мостъ церковный, и давляше их ногою своею. И глаголаше святый Прокопий ко святому Иоанну: „Чиста ли утроба у Соломонии от живущих в ней демонов?" И рече святый Иоаннъ: „Чиста есть, и нѣсть порока в ней". И посемъ святый Прокопий смотряше во утробѣ моей самъ, яко чиста есть утроба. И рече святый Прокопий: „Славно Богъ прославися". Такожде и Иоаннъ рече: „Славно Богъ прославися". Такожде рекоша и мнѣ святии: „Глаголи и ты, Соломоние: «Славно Богъ прославися»". Языкъ же мой скоро движеся, и рекох: „Славно Богъ прославися". И глаголаше ми святый Прокопий: „Соломоние, от сего дни буди исцѣлена от того великаго дияволского мучения и от болѣзни. Еще же на тя, Соломоние, будетъ вражие мечтание, и ты не убойся". И паки рече ми святый Прокопий: „Здравствуй, Соломоние, до Великаго Божия суда". И благослови мя рукою своею, и глагола: „Буди на тебѣ милость Божия и наше благословение отнынѣ и до вѣка. Гряди же к правому крылосу, и сотвори молитву Иисусову, и глаголи: «Славно Богъ прославися»". И посем святии не видими быша.

Аз же от того преславнаго видѣния в себѣ пришедши, и востах на нозѣ свои, и возрѣх очима моима и видѣх в церкви образ святаго Прокопия, яко солнечный свѣт. И обозрѣ всю церковь, и видѣх образ Господа нашего Иисуса Христа. Аз же вопросих брата своего: „В церкви ли стою или видѣние вижу?" И рече

ми братъ мой: „Стоишь ты, сестро моя Соломоние, в церкви святаго Прокопия на литоргии, и чтется святое Евангелие". Посем же узрѣх азъ и гроб святаго Прокопия, и возрадовахся радостию велиею зѣло, и, пад, поклонихся ко гробу святаго Прокопия, и нача молитися, сице глаголя: „О, святче Божий, праведный Прокопие! Яко не презрѣлъ еси мене, грѣшную, но взыскалъ еси овцу погибшую и избавилъ еси от лукаваго врага. Нынѣ же во утробѣ своей никакоже слышу[1] вражия силы"».

Слышавше же сия преславное чюдо священноначальницы, и весь освященный соборъ, и градский воевода, и весь народ християнский, и прославиша Бога и Пречистую его Матерь, и святых и праведных угодниковъ его Прокопия и Иоанна, устюжских чюдотворцовъ. И пѣвше молебная з звономъ, и отидоша в домы своя, славяще Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

[1] чувствую.

СОЧИНЕНИЯ ГАЛИЦКОГО ЮРОДИВОГО СТЕФАНА

ПИСЬМО ПРОЩАЛЬНОЕ МАТЕРИ И ЖЕНЕ

Списокъ съ епистолии, что былъ галичанинъ посацкой человѣкъ Стефанъ Трофимовичь Нечаевъ, юродивый, съ его рукописания, — какъ пошелъ юродствовати, оставилъ на утешение матери своей Евдокие да жене своей Акилине.

Доблему[1] читателю о Господе радоватися! Азъ, грешный, прошу и молю твою любовъ: писахъ[2] сию хартицу с великимъ поспешениемъ изоустно[3], и аще[4] что обрящеши не лепо и просто, не позазри[5] моему неразумию, исправи своимъ благоутробием. Еще молю твою кротость, прочитай сию епистолию тихо и сладко, не борзяся, да бы умилно и разумно слышати родителемъ моимъ.

Всемогущий, непостижимый, въ Троице славимый Богъ искони сотвори небо и землю и вся на ней. И потомъ *насади Рай и жителя в немъ созда перваго человѣка Адама. И вложи в него сонъ глубокъ, выня у него ребро, и сотвори ему жену, прабабу нашу Евву. Созда же ихъ яко анъелы, всякаго тлении непричастны. Даде[6] же им заповедь: в Раи от всякаго древа ясти, от единаго же не вкушати, понеже зло есть.

Позавиде сатана житию их, яко зело почитаеми от Бога. Сотворена же бысть змия в Раи честна же. Лукавый сатана въ змию вселися и обвився округъ заповеданнаго древа. Не смея же ко Адаму глаголати лестныхъ[7] глаголъ, ведая, яко жена его послушаетъ, яко мужъ жены креплее в разуме, приступи же къ жене и глагола: «Почто от всехъ древ ясте[8], от единаго же не ясте?» Она же к нему отвеща: «Богъ намъ заповедь предложи[9], яко смертию умремъ». Сатана же ей лестию глаголетъ: «Съясте от древа сего, Бози будете». Евва же вкуси от заповеденнаго древа и Адаму даде вкусити. И оба быша нази[10] Божия благодати.

---

[1] Почтенному, уважаемому, честному; [2] писал я; [3] вслух (т. е. диктовал); [4] если; [5] не побрезгуй, не осуди; [6] Дал; [7] лживых; [8] едите; [9] указал; [10] обнажены, здесь: лишены.

Прежде быша тленни [1]яко тленная совещаша[1], восхотеша быти Бози — и не быша. Господь же повелѣ из Рая изгнати его и в поте лица своего от земли снедати хлеб и в нея возвращатися.*

Прочее[2] же да умолчимъ. Божественное Писание удобно[3] глубине морстей; прочитах[4] Божественная Писания Ветхаго и Новаго завета от Адама до Ноя, от Ноя до Моисея, от Моисея до воплощения Сына Божия.

Видя же Бог создание свое гиблемо[5] и ратуемо[6] от врага, и не остави вконец погибнути: посылаше пророки, повеле обращати от идолослужения. Уты[7] и утолсте[8],* забыша Бога спасающаго преждебывшая чудеса при Моисеи, оставиша Бога, послѣдоваша дияволу и пророки Его избиша. Видя же Богъ обладанно человѣчество от врага, и помилова создание свое.

Видите ли, братие, [9]коль нами печется[9] Богъ! Уже на кончину века ни ходатая, ни ангела,* но изволи послати Сына своего единороднаго на спасение наше и от Пречистыя Девы воплотитися, и от нея, ис чистых кровей примесити себе плоть, и обращати люди от идолопоклонения, и вѣровати во Отца и Сына и Святаго Духа.

Они же окаяннии того не усрамишася: пригвоздиша его ко крѣсту и поругашася ему, — отчасти да воспомянемъ, припадающе на колѣну, — глаголюще: «Радуйся, царю иудейски! Многи спасе, себе ли единаго не можеши спасти? Сниди со крѣста, да веруемъ в тя». И плеваху на лице его, и по ланитам бияху.*

Видите ли, братие, Творецъ от создания своего колика поругания претерпѣ. Мы же слабы есмы, тварь от твари, сирѣчь другъ от дрига, не можемъ единаго слова досадителна претерпѣти; по апостолу Павлу не взираем на начальника вѣры и совершителя Исуса,* колика пострада насъ ради; и прочее[10] да прекратимъ [11]невмещения ради малыя[11] сея хартины[12].

Рече Господь во святомъ Евангелии: «Не можетъ раб двема господинома работати: любо единаго возлюбит, о друземъ нерадити начнетъ».* И невозможно единем оком зрети на землю, а другимъ на небо. Такожде и намъ, братие, невозможно, [13]мирская любезно[13] желающим, Господеви работати: любо едино возлюбимъ, а другое оставимъ. Пророк Давыдъ глаголетъ: «Надѣющися на Господа, яко гора Сионъ, [14]не подвижится[14] вовѣки».* Той же: «Блажени вси надѣющися на Господа».*

Виждь же и се, колико славими суть от Бога страдавши имени его ради. Коль ответъ страшенъ презрѣвшим заповѣди его: «Отидите от мене, проклятии, во огнь вѣчный; яко не послушасте мене и не соблюдосте заповедей моих, такожде и азъ не услышу гласа вашего, но подитите мучитися в муки вѣчныя, кождо[15] по дѣлом своимъ».*

[1—1] ибо думали о тленном; [2] Далее; [3] подобно; [4] я прочел; [5] погубляемым; [6] испытывающим нападения; [7] Утучнел; [8] ожирел; [9—9] сколь много о нас печется; [10] впредь, далее; [11—11] из-за малых размеров; [12] хартии (т. е. послания); [13—13] мирского с радостью; [14—14] будет неколебим; [15] каждый.

И мы, братие, устрашимся грознаго сего ответа, но прибѣгнемъ къ Богу покаяниемъ, чистою совестию. Тѣсенъ путь, вводя во Царство Небесное,* пространенъ же влечетъ во дно адово. «Блажени плачющи, яко тии утѣшатся».* Кия? Иже всегда смерть пред очима своима помышляюще и грѣховъ своихъ плачущеся, и Христа ради терпят всяку скорбь и беду от неразумныхъ человѣк. А не тии утѣшени будутъ, иже плачютъ о суетах мира сего и о вещехъ его тлѣнныхъ и от надлежащихъ[1] скорбей и напастей. Но о сихъ подобает благодарити Бога и за творящая пакости Бога молити, и зла за зло не воздавати, подражающе Христу и святым его.

Видите, братие, какъ насъ любитъ Богъ, призываетъ насъ: «Приидите ко мнѣ вси труждающиися мене ради и обремененнии грехи[2], и азъ покою вы».* *Н*о что, братие, сего прибѣжища краснее и полезнее! Аще прибѣгнемъ къ нему, Царство дарует и веселие со святыми, конца не имущи. О семъ же тлѣнномъ житии аще тмами[3] страждемъ и терпим, богатства собираемъ, и неправдою — мзду злу восприемем и муку вѣчную без конца.

И азъ, братие, пожихъ в покоехъ мира сего и во всехъ сладостехъ его — и ничтоже приобретохъ. И разумѣхъ, яко лстивъ[4] есть миръ сей. «Аще кто весь мир приобрящетъ, душу же свою отщетит[5], ничтоже есть».* Убоимся, братие, мира сего паче лютаго зверя. Звѣрь бо тѣло вредит, а души не можетъ погубити. Сей же зверь, миръ прелестный, сластьми своими тело упитеваетъ червемъ на снедение, а душу вовѣки губитъ и по томъ муки вѣчныя готовитъ.

Вопросъ. Почто еси оскорбилъ[6] родителей своихъ, паче же матерь свою рождшую и жену, младу сущу, оставилъ еси? Писано есть, аще кто оставитъ отца или матерь, жену и дѣти, в бедѣ сущихъ, а самъ покоя ищетъ, проклятъ есть, понеже самъ упитеваетъ тело свое, яко телецъ упитанный, а родители его провождаютъ дни своя в печали и в сетовании.

Отвѣтъ. Вѣмъ[7], яко есть оставляютъ их Богу. Писано есть: «Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческия, в нихъже нѣсть спасения».* Сего дни другъ аз, а утра врагъ, или гробу предаваемъ. Буди же вамъ надежда: кроме Бога никто никого ни ублюдетъ, ни упасет. Господь рече во святом Евангелии: «Аще кто оставитъ отца и матерь, жену или дети, села и великое богатьство имени моего ради, сторицею приметъ и животъ[8] вѣчный наслѣдитъ[9]».* Зрите, родителие мои, в мире семъ остаются жены млады от своих мужей, малыя дети от отца и матери, и Богъ о них промышляетъ[10], грѣет и питаетъ ихъ.

Вопросъ. Яко в мире семъ з женою возможно спастися; мнози святыя мужи и з женами спаслися.

— Вѣмъ, яко спаслися, но Царство Небесное имъ.

---

[1] обременяющих (нас); [2] грехами; [3] тысячекратно; [4] лжив; [5] повредит, погубит; [6] исполнил скорби; [7] Знаю; [8] жизнь; [9] унаследует; [10] печется, заботится.

— Почто еси в мире с нами не терпѣл скорбей и напастей? Писано есть: «[1]Нужно бо есть[1] Царство Небесное, и нужницы[2] восхищаютъ[3] его».*

Отвѣтъ. Людо миръ сей на послѣдокъ бо уже. Аще кто искусный кормникъ[4], волнующееся море видя, дерзает на шествие, аще же управитъ — похвала ему есть. Неискусенъ же да погибнетъ, удобнее[5] ему искати отишия. Вы же, яко искуснии кормницы, в мори волнующагося жития сего прелестнаго обремененный корабль душевный житейскими печальми управляйте з Божиею помощию. Но брезите[6] твердо, понеже бури велии восташа на ны. Азъ многогрѣшный — яко неискусный кормник. Якоже азъ *кто* дерзнет в великое волнение мира сего и разбиенъ будетъ волнами мира сего да погибнетъ — самъ себе убийца и з дьяволомъ осудится въ муку вѣчную. Азъ же, яко неискусный кормникъ, убояхся в мори мира сего великихъ волнъ, [7]да не управленъ буду[7], ищю пристанища тиха. Вѣсте бо и вы, яко груб[8] есмь и препростъ. Зрите же и се, яко нимало пекохся[9] о мирских, ни о домовыхъ вещехъ. Аще бы любъ мнѣ миръ сей и его суетныя покои, и подвизался бы о нихъ, якоже и прочии человѣцы.

Смотрите же и се, яко не простоты ради оставихъ миръ сей и ни от когоже гонимъ. Но елико кто смыслитъ, тако и подвизается. От мирскихъ виждь, колико страждутъ от мира сего тленнаго узы, и темницы, и раны великия, и иная тому подобная, и никтоже можетъ ихъ разлучити от любве мира. Мнози и до крови страждутъ ради мира сего тленнаго. Аще бы любъ мне миръ сей, и азъ подвизахся бы о вещех его.

И разсмотрихъ, яко вещи его тленны суть, молю васъ, родитилие мои, Господа ради и его Пречистыя Богородицы и для ради всѣхъ святыхъ, подайте ми святое свое благословение. И поминайте мя со святыхъ своихъ молитвах, да бы избавил Богъ от зверя люта, враждающаго душы наша, а не тело.

Господь рече во святомъ Евангелии: «Имини моего ради ведени будете пред цари и владыки; не печетеся, что отвещаете, азъ бо подам вамъ духъ в той часъ, яже подобаетъ рещи[10]. И не убойтеся убо от убивающих тело, души же не могущих убити».* Аще вы мните, яко позабыхъ вас, — аще и телом отстою от васъ, но духомъ всегда с вамъ есмь и попечении имѣя о васъ, да бы избавилъ насъ Богъ от искушения люта. Понеже ныне велико искушение вниде в миръ за умножение грѣховъ нашихъ. О настоящемъ времени семъ нѣсть время вспомянути.

Вопросъ. Почто еси прежде сего отшелъ от насъ, и вспять прииде к намъ, и мнилъ, яко миръ любиши, и жену поялъ еси?

Отвѣтъ. Аще бы не за скорбь матери своея: прочтохъ от нея писанную хартию, яко болѣзнуетъ велми; глаголют же, яко и ума изступити ей, и сама ся

[1—1] Берется силою, усилием; [2] те, кто прилагает усилия; [3] получают; [4] кормчий; [5] лучше; [6] старайтесь; [7—7] чтобы не остаться без управления; [8] невежествен; [9] заботился, пекся; [10] говорить.

хощетъ убийствомъ смерти предати; убояхся, яко простоты ради погубитъ себе, и послушахъ ея, — приидохъ к вамъ и жену пояхъ, утешая ея.

Вопросъ. Почто еси жену, сущу младу, опечалилъ? Лучше бы не женитися.

Отвѣтъ. Богу тако изволившу. О жене моей Богъ промысленикъ[1] и печальшик. Зрите: многие жены с мужи своими малое время живут и остаются вдовами и терпят напасти мира сего по Божию смотрению, — «егоже любитъ Богъ, того и наказуетъ».*

Вопросъ. О, превозлюбленный мой сыне и свѣте очей нашихъ, почто скрываешися от насъ? Мене, матерь свою, убогу, а жену свою сиротою, младу сущу, оставляеши, а самъ грядеши, не вемъ, камо[2].

Отвѣтъ. О, превозлюбленная мати моя! Любезная же и супруга моя! Оставляю вас пастырю доброму паче себе пещися вами и в напастехъ помогати вамъ.

Вопросъ. О, драги сыне мой, повеждь намъ, кого глаголеши пастыря и прибѣжище в напастех избавляти насъ.

Отвѣтъ. Пророкъ Давыдъ показа, х кому прибѣгати: «Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зело».* И сего ради не убоимся, внегда[3] смущается земля. Зрите: которыя остаются сиротами, и Богъ промышляетъ[4] и питаетъ ихъ. И вами пещися имать той же. А меня, любимаго сына своего, на сие дело благословите, на неже[5] дело за молитвъ вашихъ святыхъ Богъ наставит.

Иного же писати несть время. Но прочее простите мя, вси сродницы и знаеми. Аще и телом отстоя от вас, но духомъ, с любовию касаяся ногъ вашихъ, прощения прошу от коегождо[6] и до последняго. Будетъ кому кую[7] грубость учинилъ по неправде или от неразумия, простите мя и благословите, и молите о мне Бога, желаемое получити.

— Еще желаемъ слышати от тебе, сыне мой, утоли наши слезы.

— О, любезная ми мати, добляя же и супруга моя, послушайте, яко доблественне терпеша прежния благовестивыя жены.

Некая жена благочестивая, с мужемъ своим два месяца поживши, и позавиде, како стражутъ святи мученицы от нечестивыхъ царей, преобидивъ[8] тленное богатство. И не помысли того, яко с мужемъ своим не навеселихся, но, ставъ пред царемъ злочестивымъ, исповеда Христа. Царь же повелѣ ея в ровъ левскъ вринути. Львы же, радующеся, лизаху тело ея и не вредиша. *Царь* же повелѣ поставити на судище и нача ласкати ея поклонитися иодоломъ, понеже велми лепа. И обещеваше ей великую честь и богатство, пред царицею его быти в первой степени. Она же не покорися повелѣнию его, исповѣда Христа и плю-

---

[1] заступник; [2] куда; [3] когда; [4] заботится; [5] на которое; [6] каждого; [7] какую; [8] презрев, пренебрегши.

нувъ на лице злочестивому царю. Царь же осуди ея мечем усѣкнути[1]. Мужъ ея и ближни родители начаша молити ея: «О, любимая наша, сотвори волю цареву, и будеши веселитися с мужем своимъ в великом богатстве, и о насъ будеши ходатаица ко царю, и будеши славна во всей области цареве». Она же, презриши суетное веселие с мужемъ своимъ, злчестивыи ихъ нарече и слабы умомъ, понуждаше воиновъ царевыхъ повеление исполняти. Воины же отсекоша главу ея. Душа же ко Господу отиде, идѣже вси святи. Иныхъ же благовестивыхъ воспомянути оставихъ невмещения ради малыя сея хартицы.

— О, сыне мой любезны, невозможно намъ, слабымъ сущимъ, толикихъ напастей терпети!

— Зрите, добли мои, о первыхъ родех [2]и по нихъ сущихъ[2].

— И о последнихъ повѣждь намъ, любимы, на утешение плача нашего.

— Некто от святых отецъ глаголетъ: «Сотворихом мы делом заповѣди Божия; после же насъ вполъ[3] сотворятъ; последнии же и того не могутъ сотворити, — напастьми и бедами спасутся и большы насъ прославятся от Бога».

— Еще повеждь намъ, возлюбленный нашъ! Уже бо лица твоего не узримъ и гласа твоего не услышим!

— О, любезныя мои, не скорбите, во ономъ вѣце узримя. Васъ же молю, ко святей Церкви притекайтѣ и мене поминайте во святыхъ своихъ молитвахъ.

— Е*щ*е побеседуй с нами, любезное мое чадо, и утоли наше слезное рыдание, глаголеши бо, яко уже не узримся.

— Послушайте апостола Павла, глаголюща: «Слава солнцу, ина слава луне, ина же звездамъ; *и* звезда бо звезды выше славою».* Святи же отцы наша яко солнце просияша, добродѣтельми и лучами своими, сиречь учениемъ, весь миръ осветиша. Иной же подобяшеся лунѣ светлостию, сиречь добротѣтельми; ини же великой звезде в добродѣтелехъ подобяшеся; а ини — малой звезде добродетельми. Виждь: яко и малая звезда въ небеси же Содѣтелево повелѣние исполняетъ. И мы, братие, уподобимся свѣтлостию малой звезде, сиречь добродетельми, лише бы Царства Небеснаго не погрешити[4].

— Еще побесѣдуй с нами, драгое мое чадо.

— Послушай, любезная моя мати, краткость жития сего суетнаго и скороминувшаго, еже мы плачемся о покоехъ его лестныхъ и мимотекущихъ и подвизаемся о нихъ всею душею, и Божия заповѣди его презрѣвше. Зри, яко сущи человѣцы сего дни с нами, а утре гробу предаемъ ихъ. Придите, вникните во грбицы, — можете ли узнати, кое былъ царь или воевода, богатъ или нищь? *Составы и сосуды плоти нашея, яко прахъ и смрадъ, снедь червемъ быша. Преже составы плоти нашея любезны, ныне же гнусныи и смердящии, яко сухи кости наша, не имуще дыхания.

---

[1] обезглавить, казнить; [2—2] и после них бывших; [3] наполовину; [4] миновать, лишиться.

Смотри и раздвизай руками своими. Где красота лица? Не се ли очерне?! Где помизающи очи ясни? Не се ли растекошася?! Где власи лепи? Се отпадоша! Где вознесенная выя? Се сокрушися! Где брови и богоглаголивый язык? Се умолче! Где руце? Се разсыпашася! Где величество тела? Се разстася[1]! Где риз украшение? Се истле! Где безумие юностное? Се мимо иде! Где великовеличавый человѣк? Се паки прахъ и смрадъ! Где злато и сребро и рабъ множество? Где юность и лепота плоти? Вся изсхоша, яко трава, вся погибоша.*

О, человѣче неразумный, [2]что ся еси зачаялъ[2], что ся вознеслъ еси! Калъ еси, вонь еси, песъ еси смрадны. Где твое спесивство? Где высокоумие? Где твоя гордость безумная? И где твое злато и сребро? Где твое имение? Истлеша, изгниша! Где твое богатство тленное? Не все ли исчезе, не все ли погибоша, не все ли минуло, не все ли земля взяла?! Сего себе, неразумне, не разсудиши, что ти ся вовѣки мучитися!

Видите, яко от богатства нашего, кроме единаго савана, ничтоже возмемъ. Но все останется, богатство, друзи и сердоболии[3], жена и дети. Но койждо приметъ по деломъ, еже содела.

Придите, восплачите прилежно, да послушаетъ мертвый плача нашего и восстанетъ. Аще ли же не послушаетъ и не возстанет, то и азъ не требую суетнаго плача вашего и не возвращюся къ вамъ. И азъ убо умерлъ есмь мирови сему тленному.

Два плача есть: плачь спасаетъ, другой же губитъ.

— Повѣждь намъ, возлюбленный мой сыне, кой плач душу спасаетъ.

— Еже плакатися о гресѣхъ своихъ. Но радуюся и азъ о томъ вашем плаче, да и мене, грѣшнаго, плачемъ темъ в молитвахъ своихъ поминаите. Писано есть: «Другъ другу тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ».*

Уже ли есте престали от плача вашего и от сетования, о, мати моя рождьшая, добляя же и супруга моя? Како могу утолити плачь вашъ безмерны и что повемъ на утешение от Божественнаго Писания! Уже бо прекратимъ. Како вы, мати моя, единаго мене ради грѣшна человѣка не можете утолити плача вашего! Имате зде сродники и сердоболии. Смотри и се, како азъ гряду на чюжю землю незнаему, оставя тебе, матерь рождьшую, и жену свою любимую, род и племя и друзи, и вся красная мира сего. Но сие все оставихъ Христа ради. Но не плачю тако, якоже вы весте[4], яко и мне жалостно васъ ради. Но Христосъ дражайший паче всехъ.

Но молю васъ, да не скорбите о мне всуе. Аще кто отдастъ в даръ нечто Богу и жалѣетъ о томъ, нѣсть ему мзды. Такожде и азъ удалися от васъ, да вы жалѣете о мне и плачите. Насть вамъ благодарити Бога, что Господь Богъ мя исторгнул от сѣтей мира сего лестнаго, влекущихъ души наша во дно адово.

[1] распалось; [2—2] что о себе возомнил; [3] доброхоты; [4] ведаете, знаете.

Но плачемся грѣховъ своихъ, всегда поминающе смерть пред очима своима. Той плачь вельми полезенъ и угоденъ Богу.

И да не зазрите же ми, братие кто, яко тщеславия ради или похвалы писах сие, но зрите, како плачет мати моя и жена моя. Но молю и ваше благоутробие утолити плачь ихъ и утѣшити от Божественнаго Писания, коль кому Богъ подарова.

Но молю тебе, мати моя, послушайте мене грѣшнаго и не презрите моего приказания, еже заповѣдаю вамъ. Аще наидетъ на васъ уныние и скорбь или кая теснота[1], или о мне грѣшнемъ в кое время воспомянете, не сетуйте. Но вместо себе оставляю вамъ малую хартию сию прочитати на утешение печалей своих.

Ожидайте же от мене вести сто семдесятаго году* въ месяце октябре. Аще ли в томъ месяце не будетъ от меня вести, то уже не мните мене жива. Наше житие подобно травному цвету: сего дни цвететъ, а утре изсыхаемо и ногами попираемо. Да не пецытеся и о семъ, яко кости моя на чюжей стране положении будутъ. Пред страшнымъ же и нелицемернымъ Судиею во Второе его пришествие вси вкупе предстанемъ, истязаеми[2] от Бога: яже что кто соделалъ, добрая или злая, такожде и мзду приметъ от Христа Бога нашего; добро или зло, яже кто что посѣя, то и пожнетъ.

Дай же намъ всемъ, милостивый Боже, вѣчныхъ твоихъ благъ не погрешити[3] и во ономъ вѣце въкупе другъ друга зрети, и веселитися, и славити тебе, Господа Бога нашего, в некончаемыя вѣки вѣкомъ. Аминь. Конецъ.

Государю моему дядюшке Гаврилу Самсоновичю о Господе радоватися!

Племянникъ твой Стефанко, припадая ногамъ твоим, со слезами молю и прошу у твоего благоутробия: матерь мою рождьшую почитай, и жену мою такожде почитай вместо меня. Не презри моего убогаго прошения. Аще кто почитаетъ вдовъ и сиротъ убогихъ, во мнозѣ изобильстве бываетъ. Аще ли отвращаетъ от нихъ уши свои, во мнозей скудости будетъ. В нюже[4] мѣру мѣрите, возмѣрится и намъ.* Почто же немного пишу, веси бо Божественное Писание. За мене же грешнаго Бога моли. Буди же благословенъ со всемъ своимъ благодатнымъ домомъ всегда и ныне и присно и во веки вѣкомъ. Аминь.

Тѣмъже[5] и вси православни собори, елико от священныхъ, и елико от инокъ, и елико от мирскихъ, аще вникнутъ в сию епистолию, написанную многогрешнаго рукою, обрящете что неисправно и просто, Бога ради простите, а не клените, яко да и самы вы от Бога и человѣкъ требуете прощения. Понеже забвение и неразумение надо всѣми хвалится. Слава совершителю Богу! Аминь.

---

[1] утеснение, нужда; [2] вопрошаемы; [3] лишиться; [4] какую, которую; [5] Итак.

* * *

Сей святый и блаженный Стефанъ погребенъ въ Галиче въ Богоявленской церкви.* А при погребении его по совету усердствующихъ списанъ со всего его подобия действительный образ. А на томъ святом образе надпись зделана сицева.

Сей святый Стефанъ родися во граде Галиче от отца именемъ Трофима, пореклому[1] Нечаева, и от матери Евдокии. Трофимъ же бе в томъ граде купецъ. И егда святый Стефанъ [2]доспе возраста[2], оставль отца и матерь, и жену, и единаго от чадъ своихъ, юродствоваше многа лета. И преставися въ лета от сотворения мира 7175 году, а от Рожества Христова 1667 году, маия въ 13 день, на память святыя мученицы Гликерии,* въ понедѣльникъ шестыя недѣли по Пасцѣ и въ 14 часъ дни.

Погребение было маия въ 14 день на память святаго мученика Исидора, иже во острове Хиосѣ,* и святаго Исидора Христа ради юродиваго, ростовскаго чюдотворца,* въ 7-мъ часу дни.

При погребении были галицкихъ монастырей архимандриты: Новоезерскаго монастыря Авраамиева* архимандритъ Христофоръ,* Паисеина монастыря архимандритъ Сергий,* Галицкой соборной церкви Спасской протопопъ Феофилактъ* з братиею, и всего града Галича священницы и диакони. От мирскихъ чиновъ — галицкой воевода Артемей Антоновичь сынъ Мусинъ-Пушкинъ* да галицкой же преждебывшей воевода стольникъ Кондратей Афанасьевъ сынъ Загрязской,* дворяне Давыдъ Неплюевъ, Иванъ Ларионов* и иные дворяне, и дети боярския, и многия посацкия и уездныя люди з женами и з детми.

Погребено тело его в Галиче на посаде у церкви Богоявления Господня, под трапезою, на левой стране за печью, идеже онъ самъ себе гроб ископа.

Оный блаженный Стефанъ былъ человѣкъ убогий, а на погребение его стеклося множество имен*и*тых людей. И пронесенным от стариков слухомъ увереноcь, что они во время съезда своего удивлялись Божию о святомъ Стефане откровению, а по тому больше, что для погребения его званыи они младымъ юношемъ, которого по осведомлению никто не посылывалъ, и почли за ангела Божия.

---

[1] по прозвищу, прозываемому; [2—2] достиг соответствующего возраста, повзрослел.

СТИХИ ПОКАЯННЫЕ

Лѣта 7170 (*1662*)-го году месяца марта въ 1 день покаянны сия творилъ или, явьственнѣйши, изложилъ и скверною своею десницею и написал нѣкто непотребный и многогрѣшный рабъ, иже возбраненъ бых и зазоренъ[1] от своея совѣсти и имя свое описати, понеже пучиною явихъся всѣхъ беззаконий. Якоже бо и Давыдъ обличаетъ мя, глаголя сице: «Грѣшнику же рече Богъ: Въскую ты повѣдаеши оправдания моя и восприемлеши завѣтъ мой усты твоими, ты же возненавидѣ наказание и отверже словеса моя въспять».* Начало же имеют тыя покаянны: первый — «О, человѣче убогий», вторый же — «Воистину убо, братие».

Покаяненъ о еже всегда должни есмы поминати смертный час. Подобенъ: Радуйся, живоносный кресте

О, человѣче убогий, что еси гордишися,
что ся величаеши и возносишися,
почто уповаеши на красоту свою тѣлесную!
Красота бо твоя тлѣнна и суетна есть,
вмалѣ[2] яко цвѣтъ разцвѣтетъ, — и въскорѣ увядаетъ;
и внезапу смерть похищаетъ и ото всѣхъ разлучаетъ.

Оставит бо человѣкъ отца своего и матерь,
жену и чада, други и сродники
и поидетъ единъ уединенъ въ вѣчный путь,
уже бо [3]к тому[3] не пекийся
о суетии многострастныя плоти своея.

Въмѣсто бо пресвѣтлых полатъ
во темный гробъ заключаетъся,
вмѣсто красных ризъ и драгихъ одѣяний
во единой срачице[4] нагъ погребается и землею покрывается,
въмѣсто бисерия и камения драгаго
червьми истлѣвается,
въмѣсто высоконасланных одров
с мертвецы нерадиво поверженъ;
иже вчера грозенъ и горделивъ

[1] осужден; [2] едва, чуть только; [3—3] впредь; [4] сорочке.

и всѣмъ страшенъ и неприступенъ,
нынѣ же от всѣхъ небрегомъ[1]
и ногами попираемъ.

Охъ, неумолимая смерть!
Люта еси и немилостива,
никто убо можетъ избѣжати тя,
ни за красотою, ни за младостию, — разлагаеши,
благородия не стыдишися,
ни сединъ милуеши,
но всѣхъ купно, богатыхъ и убогихъ,
яко класие[2], пожинаеши.

Смерть убо, братие, и царю страшна есть;
и сей яко един от простых трепещет ея
и яко единъ от убогихъ боится;
и се ведется яко осужденъ
егоже ся въчера бояху осуждении,
и се нынѣ самъ возмятеся,
вострепета и смутися;
и вся мудрость и сила погрязну;
и се весь воздивися,
видѣ власти ангельския страшны,
и свой стѣнь[3] яко паучину[4] вънѣняше,
видѣвъ образъ Владыческий;
и лице ему спаде,
дивяся и помышляя в себѣ:
гдѣ царемъ величие, гдѣ власти и княжение!
Се вся [5]противу сихъ[5]
яко стѣнь и сѣнь[6].

Воистину все, еже подъ небесем, суета есть,
и ничтоже здѣ постоянно;
смотри убо, яко и столпие потрясаются,
еже есть цари, и царьства пременяются.

Горкое се житие наше яко роса утренняя,
вмалѣ является и вскорѣ погибаетъ

---

[1] пренебрегаем, забыт, никому не нужен; [2] колосья; [3] тень; [4] паутину; [5—5] в сравнении с этим; [6] дым.

и аки дымъ исчезаетъ;
и все, еже на земли нами любимое,
богатство, слава,
и милая жена и дѣти, друзи и сердоболии,
вечери[1] многоцѣнныя с пищами сладъкими
и со многими питьями разноутворенными,
вся бо сия радост*и* маловременн*ыя*
во время смертное без ползы оставляютъ насъ,
но токмо грѣхи налагаютъ
и душам нашимъ муку вѣчную исходатайствуютъ,
еяже избави нас, Христе Боже,
за молитвъ Пречистыя своея Матери,
чюдныя Царицы Владычицы нашея Богородыцы
и Приснодевы Марии,
и всѣх ради святыхъ своихъ,
иже от вѣка угодившихъ тебѣ.

Блаженъ иже не уповая на суету мира сего,
но стяжавъ себѣ избавителя крѣпкаго и помошника непобѣдимаго,
всемогущаго Бога нашего.
Той бо от всякие напасти и скорби свободитъ,
и в вѣчныя муки избавитъ,
и Царствию своему Небесному сподобитъ
со арханьгелы и аньгелы присно радоватися
и со всеми святыми
въ безконечныя вѣки веселитися,
всегда и нынѣ и присно
и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Покаяненъ о еже всуе мятется всякъ человѣкъ живый. Подобен: Егда от древа тя

Воистину убо, братие,
блаженный Давыдъ, царь и пророк,
сице рече,
еже всуе мятется всяк человѣкъ живый:*
сокровищуетъ — и невѣсть кому собирает я,

[1] застолья.

саномъ и честию возносится,
богатьствомъ и славою яко бурею възимается
— и аки прахъ на землю падаетъ
и [1]без вѣсти[1] бываетъ,
и вся, яже имѣя здѣ на земли, оставляетъ.

О, многострастная и окаянная душе моя!
Воспряни и умилися,
доколѣ ти смертный часъ не приспѣ, покайся;
вниди во свою совѣсть
и разсуди кратъкость и непостояньство[2]
окаяннаго мира сего.

Что бо есть постоянно?
Богатство ли?
Но и нѣсть постоянно,
во время люто не помилуетъ тя
и въ день, в онь же умирати начнеши,
от смерти не избавить тя,
но яко нѣкоего странника
во время смертное изверҗетъ тя за врата дому твоего, нага суща.
Люто бо есть богатьство и немилосердная вещь,
зане ничтоже ми на путь даруетъ,
но токмо едино худое рубище и трилакотный[3] гробъ,
в немъже [4]имамъ селитву имѣти[4]
до Втораго и Страшнаго Христова пришествия.

[5]В лѣпоту[5] убо, братие, пророкъ Давыдъ
окаянъствуетъ миръ сей,
еже всякъ человѣкъ
всуе мятется и смущается.
И море убо возмущается
— и паки уставляется[6],
и земля колеблется
— и паки утвержается[7],
а лихоимецъ смущаяйся[8],
богатьство собирая, грабя и насилуя,

[1—1] в безвестности; [2] ненадежность, зыбкость; [3] размером в три локтя; [4—4] предстоит нам поселиться; будем обитать; [5—5] здесь: Правильно; [6] успокаивается; [7] останавливается; [8] мятущийся.

никогдаже уставляется, ни утвержается.
Зефиръ дыхая[1] укрощается и молчитъ,
а лихоимец — николиже,
дондеже[2] смерть его похититъ;
тогда убо укротится
и тогда умолкнетъ.

О, горе и лютѣ будет на Страшномъ судѣ
не сотворшимъ милости здѣ!
Слышасте ли самого Господа, глаголюща:
«Алчна[3] мя не накормисте,
и жадна[4] не напоисте, нага не одѣясте,
и в темнице бѣх[5] — не приидосте ко мнѣ,
и болна мя не посетисте».*
Горе убо нам, кий[6] отвѣтъ сотворимъ тогда!
Рабов своихъ милуемъ,
о скотѣхъ промышляемъ[7] и о псахъ печемся,
а Христа, за враты стояща, презираем.

О, богате, безчеловѣчне и немилосерде!
Иже всю вселенную питаяй
просит у тебе единаго преломка хлѣба;
и всю тварь напаяй
жаждетъ у тебе единыя чаши студеныя воды;
небо покрываяй облаки
хощетъ у тебе единаго худаго рубища,
покрыти нагия плещи своя;
всю вселенную обогащая
и винограды учащая,
и повелѣниемъ его вся тварь
служитъ намъ и повинуется,
простираетъ ти десницу
и проситъ единыя мѣдницы;
гром творяй и молнию
и содержай горьстию всю тварь
яко Бога тя молитъ
и «помилуй мя, страннаго», глаголетъ,
«напои и накорми ради своего душевнаго спасения»!

---

[1] бурно веющий; [2] покуда не; [3] Голодного; [4] жаждущего; [5] я был; [6] какой; [7] заботимся.

Ты же, окаянне и звѣрообразне,
изувѣро поглядаеши,
вѣждами яро возводиши
и со гнѣвомъ бездѣлна[1] его отсылаеши.

Вѣтри и море послушаютъ его,
и вся тварь со страхомъ и трепетомъ повинуется ему.
Ты же, человѣче, единъ сопротивоборенъ еси,
заповѣди его преступаеши
и от страннаго[2] Христа волею[3] насъ ради,
аки аспидъ[4] глухий, уши свои затыкаеши
и всячески немилосердиемъ дышеши.
Херувими и серафими со ужасомъ предъстоятъ ему
и лица своя закрываютъ,
не терпящее зрѣти славы его.
Тобою же, немилосерде, отвсюду небрегомъ,
пъхаемъ и поругаемъ,
уничижаемъ и безчестимъ.
Иже разбойнику рай отверзе
и во Царство Небесное всѣмъ намъ путь показывый
спасения ради нашего [5]страненъ бысть волею[5],
не имѣя здѣ на земли гдѣ главы подклонити,
у вратъ дому твоего нагъ стоя,
от зимы померзаемъ, трясыйся
и гладомъ истаяваемъ,
и умилно вопиет ти, [6]гласы изменяя[6],
да тя на милость преклонитъ;
проситъ и молитъ
во единой от меншихъ храминъ[7] твоихъ обогрѣтися
Иже всю подънебесную просвѣщая и согрѣвая.
Глаголетъ бо: «Единому от меньших братии моихъ сотвористе,
— мнѣ убо сотвористе».*

Не вѣси[8] ли, человѣче,
яко всякъ убогий во Христа облеченъ,
якоже и апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, глаголя:
«Елицы во Христа крестихомъся,
во Христа облекохомъся».*

[1] ни с чем; [2] странствующего, скитающегося; [3] по своей воле, добровольно; [4] ядовитая змея; [5—5] стал добровольно скитальцем; [6—6] разными голосами; [7] покоев, комнат; [8] ведаешь.

Велика убо, братие, тайна сия!
Иже убо кто брата своего оскорбитъ или заушитъ[1],
равну часть[2] прииметъ с распинающими Господа,
понеже во всяком християнине сокровенъ есть Христосъ,
якоже и во Евангелии глаголетъ:
«Ядый[3] мою плоть и пияй[4] мою кровь
во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ».*

Лѣта 7175 (*1667*)-го месяца априля въ 6 день сей покаянный изложенъ тѣмъ же скверным и многогрѣшнымъ рабомъ, еже напреди писано. Начало же имѣетъ той покаянный сице: «Весь от страстей безмѣрных содержимъ есмь».

Покаяненъ. Подобен: Радуйся, живонос*ный* кресте. Покаянен

Весь от страстей безмѣрныхъ содержимъ[5] есмь
аз окаянный,
сладострастиемъ страсти породихъ,
убогую свою душу осквернихъ
и пристрастиемъ прелестнаго вѣка сего
лютѣ обуреваемъ есмь;
якоже во темное гробище повержен, низълежю
азъ, неключимый[6] и отчаянный[7].

Но ты убо, Господи Боже мой,
Иже изволивый за спасение наше
от Пречистыя Девы Марии воплотитися,
и страсти волею от беззаконных претерпѣлъ еси,
и во гробѣ плотию почивъ, яко живоносецъ,
и воскресе тридневно, яко всесиленъ,
совоскресилъ еси с собою вся иже от вѣка умершия,
призри, Творче, и на мое унылое рыдание
и горкое воздыхание,
воздвигни мя, падшагося
во темностехъ мимотекущаго[8] свѣта сего,
и настави мя на стезю спасения,
и твоею страстию безрастие ми даруй,
яко да во гласѣ хваления
истинным духомъ пожру[9] ти.

[1] ударит; [2] участь; [3] Тот, кто ест; ядущий; [4] тот кто пьет; пьющий; [5] одержим, охвачен; [6] никчемный; [7] впавший в отчаяние; [8] преходящего; [9] принесу жертву.

КРУГ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ АННЕ КАШИНСКОЙ

СЛУЖБА АННЕ КАШИНСКОЙ

СЛУЖБА ПРЕПОДОБНОЙ БЛАГОВѢРНОЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ-ИНОКЕ АННЕ, ИЖЕ БѢ В КАШИНЕ

На малей вечерни. Стихѣры, глас 1. Подо⟨бен⟩: О, дивное чюдо.

О, блаженная мати великая княгиня-инокиня Анна, яко от благаго корени произошла еси, преподобная, и, яко красноцвѣтущая вѣтвь, израстила еси. От юности своея избранный сосудъ Богу начася быти [1]добрыми своими дѣтелми[1]: постом и молитвою, воздержаниемъ, чистотою душевною и телесною и милостынею с любо*вь*ю и со смиренномудриемъ. Тѣмъ и Христосъ вселися в тя, преподобная, и просвѣтися от него божественым его свѣтосиянием, емуже нынѣ молися даровати намъ миръ и велию милость.

О, блаженная мати великая княгиня-инокиня Анна, яко от младыхъ ноготь своих страх Божий имѣла еси в сердцы своемъ, и внутреннима очима от Христа Бога просвѣтився, яже зрѣти к горнему Иеросалиму и помышляти всегда будущая, егоже си получила еси, преподобная, и нынѣ молися даровати намъ миръ и велию милость.

О, чюдная преподобная великая княгиня-инокиня Анно, чистая душа твоя, яко зерцало, является очищенно добродѣтелми твоими многими, воображающи всѣмъ душевное спасение и к Творцу нашему и Богу присвоение, и нынѣ молися даровати душам нашимъ миръ и велию милость.

Слава, глас 5. Возсия весна — приидите, людие, возвеселимся. Приближается лѣто благоплодное — обьемлюще плоды его, насытимся. Творится память преподобныя матере великия княгини-инокини Анны — почетше ю[2], и восприимем ползу душевную, како угоди Христу Богу многими своими труды и подвиги и показа намъ путь ко спасению, и нынѣ моли Христа Бога даровати намъ миръ и велию милость.

И нынѣ. Бого⟨родичен⟩, глас той же: Блажим тя, Богородице Дѣво.

[1—1] своими добродетелями; [2] ее.

На стих⟨овне⟩ стих⟨ѣр⟩ы, гласъ 2. Подобенъ: Доме Ефрантовъ. Домъ и жилище Пресвятому Духу была еси, блаженная мати Анно, тѣмъ и Христосъ в тебѣ живяше и умъ твой и душу просвѣщаше.

Стих: Честна пред Господемъ.

Домъ и подателнице нищим и всемъ неимущимъ явилася еси, достохвалная, тѣмъ и приобрѣте себѣ богатество неистощимое на небесех.

Стих: Что воздамъ Господеви.

Домъ добродѣтелей измлада начася быти, преподобная мати Анно, тѣмъ и получила еси себѣ Царство Небесное и жизнь бесконечную.

Слава. И нынѣ. Бо⟨городичен⟩. Подо⟨бен⟩ то*й* же.

Радуйся, Дѣво Мати Господня, иже радости приимшая и миру подавшая и печаль Еввину добрѣ утоливщая.

Тропарь, глас 3. Днесь восхваляем тя, преподобная мати великая княгиня-инокиня Анно, яко лоза плодовита процвела еси посредѣ терния во всѣх благочестивых великих княгинях и во инокинях же, аки кринъ процветѣ в винорадѣ, во градѣ Кашинѣ добродѣтелми своими и всѣхъ удивила еси чюдным своимъ житиемъ, тѣмъ и угодила еси Христу Богу, к немуже и взыде, радующися и веселящися, и нынѣ пребываеши с лики преподобныхъ жен, наслажающися райския красоты и веселия. Молим тя: моли о нас человѣколюбца Христа Бога нашего даровати намъ миръ и велию милость.

И нынѣ. Бог⟨ородичен⟩ по гласу тропаря.

На велицей вечерни. На Господи возвах. Стихѣры, глас 5. Подо⟨бен⟩: Радуйся.

Радуйся, добропобѣдная венечнице преподобная мати великая княгиня-инокиня Анно, благоволи бо Богъ от юности твоея освятити тя божественным своимъ свѣтосияниемъ, и обогатити благодатию своею, и просвѣтити сердечнии твои очи зрѣти к будущему пребыванию, наставити на путь добраго онаго течения. Того ради яко царским путем шествовала еси,* блаженная, дѣвство свое сохранщи невреждено до закона своего сопряжения[1], тѣмъ и первие угодила еси Христу Богу, емуже нынѣ молися даровати намъ мир и велию милость.

Радуйся, дѣвьство и чистоту возлюбивши, уневѣстися нетлѣнному жениху своему Христу Богу. Якоже целомудренная Анна день и нощь молящися Господеви,* такоже и ты, блаженная, пребыла еси в постѣ и молитвѣ, выну[2] себе снабдѣвающи[3], и породи си духъ спасения, имже и спасе душу свою, тѣмъ и угодила еси Небесному Царю и Владыцѣ всѣхъ, емуже нынѣ молися даровати намъ миръ и велию милость.

Радуйся, нищим питателнице неоскудная, и сирымъ и вдовицам крѣпкая помощнице, и всѣмъ скорбящим утешение, и ко всѣм же убо милостиву

[1] замужества; [2] всегда, постоянно; [3] сохраняя.

душу свою имущи, с любовию и тихостию милостыню подающи, надѣющися от Христа Бога сугубу *себѣ* прияти во оном вѣце, по реченному от него, яко милостивии милостивъ и судъ приимут.* Ты же, преподобная, поревнова сицевому Господню речению, тѣмъ и угодила еси ему, Творцу своему и Богу, и получи си от него Царство Небесное и вѣнец нетлѣнный, моли и́[1] спастися душамъ нашим.

Радуйся, достохвалняя мати великая княгиня-инокиня Анно, яко за многую твою добродѣтель к Богу сподобилася еси от него чюдотворнаго дара, многих болящихъ различными недуги исцѣляеши, яко нѣкоимъ драгимъ богатеством обогащаеши, и всѣх удивляеши чюдесы своими. Тѣм тя нынѣ молим: моли Христа Бога даровати намъ мир и велию милость.

Радуйся, тезоименита бывши цѣломудренней Аннѣ,* выну же готовящися к вѣчному селению, по божественному изволению, к немуже и отъиде в вѣчный покой и веселие, и пребываеши в неизреченных свѣтлостехъ со всеми святыми, угодившими Богу, радующися и веселящися, наслажающися божественаго свѣтосияния, моли даровати намъ миръ и велию милость.

Слава. И нынѣ, глас 8. Приидѣте вси вѣрнии рустии народи, почтемъ, и похвалимъ, и согласно воспоемъ сию росийскую нашу похвалу, яко пресвѣтлую звѣзду, осиявающую град свой Кашин чюдесы своими, нищим питателницу, сирым и вдовам заступницу, скорбящим утѣшителницу, сию блаженную в женах преподобную матерь великую княгиню Анну. Сия убо прейде ко Христу Богу в вѣчныя обители и нынѣ пребываетъ с чинми ангельскими в горнихъ онѣхъ селениих, радующися и веселящися. Тѣмъ возопиемъ к ней, сице рекуще: Радуйся, руская похвало, всѣм женамъ красное удобрение[2], граду Кашину просвѣщение, и прияла еси от Христа Бога Царство Небесное и венецъ нетлѣнный, моли и́ спастися душамъ нашимъ.

И нынѣ. Догматик, глас 8: Царь Небесный.

Паремьи преподобническия.1-я: Праведныхъ душа в руцѣ Божии. 2: Праведницы вовѣки живут. 3: Праведник, аще постигнет скончатися.

На литии. Стихѣры, глас 2. Под⟨обен⟩: Кими.

Кими похвальными пѣсньми похвалим чюдотворивую сию преподобную матерь великую княгиню-инокиню Анну в настоящее сие торжество в пречестнѣмъ храмѣ, но вѣрою и любовию возопиемъ ей, рекуще: Радуйся, вѣрным людемъ заступнице теплая, и всей земли Рустей красное утвержение, и всему христоименитому жителству удивление, [3]юже тя[3] венц*ем* венчаетъ Христосъ Богъ нашъ, имѣяй велию и богатую милость.

Кими похвальными пѣсньми составим ликование в честнѣй сей памяти преподобныя матери великия сея княгини Анны и духовно помолимся: моли благовѣрному царю нашему великому князю Алексѣю побѣдителная на враги

---

[1] его; [2] украшение; [3—3] та, которую.

даровати,* тебе бо имамы теплую молитвенницу и ходатайцу ко владыцѣ Христу Богу нашему, подающему намъ мир и велию милость.

Кими похвалными добротами воспоемъ преподобную матерь Анну? Яко звѣзда осияваетъ нашу Рускую землю и град свой Кашинъ своимъ к Богу предстоянием и молениемъ, и яко кринъ[1], процвѣла есть во своемъ отечествии труды своими и подвиги, и нынѣ молит Бога за благовѣрнаго царя нашего и великаго князя Алексѣя и за вся его православныя люди, воеже[2] всемъ спастися, память ея вѣрою и любовию почитающим.

Слава, глас 5. Стецытеся, вси правовѣрнии людие, сошедшеся составимъ празднесвеная в настоящее сие торжество великия княгини-инокини Анны и возопиемъ ей, сице рекуще: Радуйся, Духа Святаго пребывалище, яко ангелы и человѣки удивила еси, блаженная, чистымъ своимъ и непорочнымъ житиемъ, и пресшла еси ко Христу в вѣчный покой и в небурное пристанище. И днесь по смерти твоей честныя мощи твои чюдодѣйствуют, исцѣление подаютъ всѣмъ приходящим к ним с вѣрою. Крестоносный же царь и великий князь Алексѣй, патриархъ же и вси людие радуются и веселятся о обрѣтении честных мощей твоих, и нынѣ пребываеши у Христа Бога в Царствии Небеснемъ, моли спастися душам нашимъ.

На стихъ⟨овне⟩. Стихѣры, глас 8. Подо⟨бен⟩: О, преславное.

О, преславное чюдо, яко в немощнемъ естествѣ велия крѣпость явися, и бѣсовская прелесть побѣдися, и вся козни его разрушишася, и навѣты упразднишася. О, блаженная мати в женах, преподобная великая княгиня-инокиня Анно, моли о насъ человѣколюбца Христа, Бога нашего.

Стих: Честна пред Господемъ.

О, великихъ божественых дарований на тебѣ, мати преподобная великая княгиня Анна, яко от младых ноготь твоих вселися в тя Христосъ, Богъ нашъ, тѣмъ и многия добродѣтели сотворила еси, и всѣх удивила еси [3]своими натризнении[3], моли спастися душамъ нашимъ.

Стихъ: Что воздамъ Господеви о всѣхъ.

О, досточюдная мати Анна, похвала еси граду Кашину и всѣмъ женамъ и инокинямъ красное удобрение, и, яко доброплодная лоза, посредѣ ихъ процвѣла еси добрыми своими дѣтелми, и пресшла еси к вѣчному селению, и нынѣ моли о насъ Христа Бога спастися душамъ нашим.

Слава, глас 6. Приидите вси иноцы и инокини и простии мужие и жены, благочестивии богатии и убозии, хотящеи спастися, поревнуимъ[4] сей блаженнѣй и чюдотворивѣй преподобней матери велицѣй княгинѣ Аннѣ, како тѣло свое постомъ и бдѣниемъ, и зѣльнымъ[5] воздержаниемъ до конца изнури и всѣхъ удиви. И яко велия свѣтилница явися во всѣхъ вѣрных женахъ и инокинях в

---

[1] лилия; [2] за то, чтобы; [3—3] своей борьбой; [4] постараемся подражать; [5] сильным.

добрыхъ своих дѣтелех, и прейде ко Христу в вѣчная селения, и нынѣ пребываетъ в невечернемъ свѣте со ангельскими чинми, радующеся и веселящися, и молитъ о царѣ и о всѣх людехъ, воеже спастися душамъ нашимъ.

И нынѣ. Бого⟨родичен⟩: Богородице, ты еси лоза истинная.

На утренни. На первой стихологии. Сѣдаленъ, глас 1. Подобенъ.

Днесь созываетъ насъ обрѣтение честныхъ мощей твоих, преподобная мати Анно, празновати день памяти твоея. Царь же и великий ерархъ, и мы, вси людие, радующеся и веселящеся, почитаемъ святую память твою. Ты же, блаженная, поминай насъ, вѣрою и любовию чтущих святое твое преставление. 2-ж⟨ды⟩.

Слава. И нынѣ. Бого⟨родичен⟩. Свѣтъ от свѣта произыде и в твою дѣвичю утробу вниде, и плотию обложися, и недомыслено и несказанно Сынъ твой Христосъ, Богъ нашъ, ис тебе родися, егоже рожествомъ вся тварь обновися и идольская лесть разорися. Тѣмъ молим тя, Пречистая: Моли и́, да спасетъ душа наша, яко милосердъ.

По 2 стихологии. Сѣд⟨ален⟩, *глас* 4. Подобенъ: Скоро предвари.

Премудрый Богъ премудростию своею все содѣваетъ и святыя своя прославляетъ. Такоже и на тебѣ, преподобная мати, сотвори, прослави тя на земли и на небеси, и имаши к нему дерзновение, моли за царя и за вся люди, яже в православии живущая, яко да подастъ намъ милость свою в день судный. 2-ж⟨ды⟩.

Слава. И нынѣ. Бого⟨родичен⟩. От всѣхъ родов произбранная, и от всѣхъ пророкъ пронареченная, и от всѣхъ человѣкъ препрославленая, и от ангелъ удивляемая, Мати Бога вышняго, удиви[1] на насъ, недостойныхъ рабѣхъ своихъ, милость свою и моли за ны Сына своего и Бога нашего, яко да подастъ намъ милость в день судный.

Хвалите имя Господне. Величания: Ублажаемъ тя, преподобная мати Анно, и чтемъ святую память твою, наставница инокиням и собесѣдница ангелом. Псалом «Терпя потерпех».* По полиелеосе сѣдаленъ, глас 8. Подобенъ: Премудрости.

От юности твоея произбра тя Господь во вселение себѣ, преподобная мати Анно, и от вседержителныя руки его положися венецъ нетлѣненъ [2]на версѣ твоемъ[2], и осиянна была еси от него божественымъ его свѣтозарениемъ и нынѣ насыщаешися таковыя славы и веселия, и молишися за свое отечество и за всю землю Рускую, и святую и честную память твою почитающия и воспѣвающая Христу: Слава ти, Господи, творящему дивная своя чюдеса. 2-жды.

Слава. И нынѣ. Бог⟨ородичен⟩. Солнце разумное возсия от пречистыя твоея утробы, от негоже вся тварь видимая и невидимая просвѣтися и терние

---

[1] прояви; [2—2] на главе твоей.

грѣховное искоренися. Тѣмъ и мы, убозии и недостойнии раби твои, молимъ тя, да избудемъ тины грѣховныя и да получим милость в день страшнаго пришествия его твоими матерними к нему молитвами.

Степенна антифонъ 4-го гласа. Прок⟨имен⟩ и Еваггелие преподобнымъ женамъ. По 50-м псалмѣ стихира, глас 6.

Тебе ходатаицу и молитвенницу благоприятну имамы к Богу, преподобная мати великая княгиня Анно. Ты бо молиши за благовѣрнаго царя нашего и великаго князя Алексѣя и за вся православныя люди, яко да избавимся от бѣдъ, и скорбей, и от всякаго навѣта вражия. Тѣмъ спрославляемъ твою святую и честную память и восхваляемъ тя, блаженную в женахъ, не престаи моли о душах нашихъ.

Преподобней канона два на 8. Глас 3, емуже краегранес*ие*[1] сицево: Достойно похвалити великую княгиню.

Пѣснь 1. Ирмос: Иже воды древле.

Даждь ми, Господи, разумѣние, да достолѣпно воспою и возпрославлю благоугождшую ти предбывшую сию великую княгиню-инокиню Анну, и возопию тебѣ, Христу моему, яко прославися.

О тебѣ, блаженная мати Анно, хощу нынѣ языкъ подвигнути и слово простерти, споспѣши ми, недостойному, молитвами твоими яже к Богу, да достойнѣ воспою тя и воспою Господеви моему, яко прославися.

Со младыхъ ноготь своихъ страхъ Божий имѣла еси в сердцы своемъ, блаженная, егоже до конца содержащи, укрѣпляема божественою благодатию, тѣмъ и душю свою спасла еси, выну поющи Христу, яко прославися.

Бого⟨родичен⟩. **Т**ы, от всѣхъ родов произбранная дѣвице, Пречистая Владычице, тобою весь миръ обновися и весь родъ человѣчь от льсти дияволя свободися и возопи ко Христу, яко прославися.

2 творец. Глас 5. Ирмосъ: Спасителю Богу в мори люди.

Агнче Божий Слове, даждь ми слово, недостойному рабу своему, да возмогу воспѣти, в память обрѣтения мощей преподобныя Анны торжество взывая, того единаго воспоемъ, яко прославися.

Безвѣстная и тайная послѣднему роду нашему явленны быша честныя мощи твоя, блаженная Анно, к нимже прикасающеся, освящение приемлюще и Господеви зовуще, того единаго воспоемъ, яко прославися.

Всесвятая твоя память возсия мирови, яко солнце, просвѣщаетъ душа благочестно поющих тя, в нейже молися, преподобная Анно, подати оцыщение грѣховъ Господеви зовущимъ, того единаго воспоемъ, яко прославися.

Бого⟨родичен⟩. **Г**осподородительнице чистая, небесный входе, горо несекомая, дверь непроходимая, апостоломъ слава, мученикомъ веселие, препо-

---

[1] краестрочие, акростих.

добнымъ красота, приими моление наше, еже ти приносимъ в память великие княгини Анны, Господеви поюще, того единаго воспоемъ, яко прославися.

Пѣснь 3. Ирмосъ: Неплоды душе безчадна.

Око душевное чисто и здраво имѣла еси от юности своея, блаженная, имже всегда зрѣла еси к горнему селению, егоже и достигла еси, и воспѣ Христу, яко нѣсть свята и нѣсть праведна паче тебѣ, Господи.

Из благочестива корени произошла еси, блаженная, и во вся дни живота своего с супругом своимъ* чисто и непорочно пребывающи и Христу вопиющи, яко нѣсть свята и нѣсть праведна паче тебѣ, Господи.

Ничтоже у Бога вящши[1] доброты душевныя. Ты же, преподобная мати, соблюла еси ю непреткновенно[2]. И вопиющи ко Христу, яко нѣсть свята и нѣсть праведна паче тебѣ, Господи.

Бого⟨родичен⟩. **О**троковице чистая, Дѣвице, Мати Господа нашего, помози ми, недостойному рабу своему, воспѣти угодницу Сына твоего и Бога моего, преподобную матерь Анну, и рещи ко Христу, яко нѣсть свята и нѣсть праведна паче тебѣ, Господи.

Инъ ирмосъ: *У*твержей ни на чем же землю повелѣниемъ си.

Днесь празднественный день празнуютъ народи града Кашина, обрѣтоша бо мощи преподобныя великия княгини Анны, многими лѣты землею покровенны, цѣлы и нетлѣнны, яко нѣкое сокровище богатно, непрестанно Христу зовуще: Церковь свою утверди, едине Блаже и Человѣколюбче.

Едину доброту Христову божественую возлюбивши и того распальшися невещественными красотами, доброты телесныя не пощадила еси, славная видѣнии божествеными пребывающи и непрестанно Христу зовущи: Церковь свою утверди, едине Блаже и Человѣколюбче.

Житие твое, яко солнце, в сердца вѣрныхъ возсия, заря чюдес испущая, тѣм же и насъ невечернимъ свѣтомъ озари, всечестное обрѣтение честныхъ мощей твоихъ почитающихъ, да непрестанно Христу зовемъ: Церковь свою утверди, едине Блаже и Человѣколюбче.

Бого⟨родичен⟩. **Ѕ**ѣло люте погружаемую душу мою в пучинѣ житѣйскихъ страстей и бурею одержимую безмѣрных согрѣшений спасения ми простри руку, Пречистая, и изведи из глубины золъ моихъ.

Кондакъ, глас 8. Подобен: *В*зъбранной воеводе.

Скоропослушную помощницу вси сущимъ в бедахъ благочестно воспоемъ, Анну святую, днесь любовию сошедшеся во обрѣтении честных мощей ея, воспоемъ пѣснь единому Богу в Троицѣ, радующеся, сподобльшему насъ видети пречестное сокровище честныхъ мощей ея, от многъ бо лѣтъ сокровенны, напослѣдок же намъ явленны и источаютъ многа и различна исцѣления, яко да молитвами ея к Богу от всяких находящих золъ избавимся, радостною душею и

---

[1] больше; [2] безупречно.

веселиемъ сердца благодарная воспоемъ, глаголюще: Радуйся, утвержение граду нашему.

Икосъ. *А*нгельскимъ на земли житиемъ показася, ангелъ удивила еси, бѣсы же устрашила еси зарями чюдесъ твоихъ, преподобная благовѣрная великая княгиня Анно. И нынѣ нас вразуми воспѣти пѣснь к твоему хвалению радостнымъ гласомъ, сице глаголющих: Радуйся, яко оставила еси тлѣнное мудрование и восприяла еси нетлѣный венецъ! Радуйся, терпеливая душею, иже злокозненнаго врага под ногама попрала еси! Радуйся, яко честная рака мощей твоихъ, издавшися из земленыхъ нѣдръ, никимже движима,* и ста на версѣ земнемъ! Радуйся, цели*т*елнице болѣзнемъ и отгонителнице страстемъ! Радуйся, богомудрая Анно, граду нашему Кашину утвержение!

Сѣдален, глас 3. *П*одо⟨бен⟩.

Воспитана была еси, блаженная, от рожших своихъ в заповедех Господних, яко лоза в красноцвѣтущих виноградех[1], тѣм тя и ублажаемъ и святую память твою вѣрно почитаемъ. *М*оли Христа Бога, да спасетъ душа наша.

Другий сѣдаленъ, глас 5.

*П*ресвѣтлая и свѣтоносная приспѣ память твоя, преподобная мати богомудрая Анно, созывающи вѣрных множество прославити и пѣти твоихъ мощей обрѣтение, просимъ от Христа прияти велию милость.

И нынѣ. Бого⟨родичен⟩. Свѣта превѣчнаго, иже от Отца прежде вѣкъ рожденое Слово Божие, породила еси намъ Христа Бога нашего, емуже вселенная поклонися и от тли смертныя свободися, тѣм же тя непрестанно с ним поемъ и величаемъ.

Пѣснь 4. Ирмос: Покрыла есть небеса.

Преукрашенна была еси, преподобная мати, добродѣтельми своими, яко цвѣты благоуханными и яко кам*ы*цы[2] драгоцѣнными, тѣмъ и угодила еси нетлѣнному Царю и Владыцѣ всѣхъ, емуже и воспѣла еси: Господи, исполнишася вся твоего хваления.

О, твердое основание вѣры! О, крѣпкое любление к Богу! В женстемъ убо естествѣ мужески побѣдила еси невидимаго врага и супостата, и тако угодила еси Христу Богу, и возопи к нему: Господи, исполнишася вся твоего хваления.

Христовъ храмъ была еси, преподобная мати, своею чистотою, и цѣломудриемъ, и прочими добродѣтельми, тѣмъ и вмѣстила еси в себе Святаго Духа, к немуже и воспѣла еси: Господи, исполнишася вся твоего хваления.

Бого⟨родичен⟩. **В**оистинну всѣхъ тварей вышши явилася еси, Владычице. И кто доволенъ по достоянию изрещи величие твое, ширши бо небесъ явися чрево твое,* в нем бо носила еси всеми невмѣстимаго Бога, к немуже и рекла еси: Господи, исполнишася вся твоего хваления.

---

[1] садах; [2] каменьями.

Инъ ирмосъ: Дѣла смотрения твоего, Господи.

Земленнии[1] бо есмы и перстнии[2] человѣцы, вѣрно припадаемъ к пречестнымъ мощемъ твоимъ, преподобная мати Анно, просяще отпущения грѣховъ, молися о вѣрно празднующихъ твоих честныхъ мощей обрѣтение.

Иже крестъ вземши и желаемаго отечества, горнаго Иеросалима достиже, и в немъ со ангелы ликуеши, богомудрая Анно, молися о чтущих честныхъ мощей твоих обрѣтение.

Нынѣ на небесех с праведными веселишися, преподобная мати Анно, с нимиже молися, Христови предстоя, миръ мирови даровати, и благочестивому царю нашему здравие и на враги побѣждение, и всѣмъ скорбящим утешение.

Бого⟨родичен⟩. **К**то не удивится человѣколюбию Божию, сшед бо с небесѣ и воплотися насъ ради ис тебе без Отца, едина Всепѣтая, егоже моли избавитися рабомъ ти от всякия скорби.

Пѣснь 5. Ирмос: Яко виде Исайя.

Аще и во благоденствии пребыла еси, блаженная мати, и всякое изообилие близъ себе имущи, никакоже вдалася еси на пищный[3] покой и веселие, но зельнымъ трудомъ и воздержаниемъ тѣло свое удручающи и воспѣвающи жениха своего Христа, свѣта невечерня и миромъ обладающа.

Любовию Христовою уязвившися, блаженная мати великая княгиня-инокиня Анно, яко доброплодная же лоза в виноградѣ, процвѣла еси во градѣ Кашинѣ благими своими дѣянии и побѣдила еси бѣсовская полки, воспѣвающи Христа, свѣта невечерня и миромъ обладающа.

Истиннымъ свѣтомъ Христовымъ осиянна была еси, мати святая великая инокиня Анно, насыщающися от него велия благодати, воспѣвающи его, свѣта невечерняго и миромъ обладающа.

Бого⟨родичен⟩. **Т**ы убо, чистая Мати Господня, чистотою и дѣвствомъ всѣх превозшла еси, тѣмъ избранна еси в Божие вмѣстилище и породила еси намъ Христа Бога нашего, свѣта невечерня и миром обладающа.

Инъ ирмосъ: Окаянную душю мою.

Любовию чтуще твоихъ честныхъ мощей обрѣтение, богомудрая Анно, не престай моляся Христу Богу, да приимемъ грѣховъ простыню[4] и да озаритъ насъ в нощи свѣтъ.

Множество народа, христоименитыхъ людей сошедшеся днесь в твое обрѣтение, преподобная мати Анно, прикасающеся к рацѣ мощей твоих, и от нихъ исцѣление почерпаемъ, непрестанно Христу зовуще, да озаритъ насъ в нощи свѣтъ.

Не токмо [5]в житии сый[5], но и по смерти многа чюдеса от чесныя ти раки содѣваются приходящимъ с вѣрою, всеблаженная Анно, недуги прого-

[1] смертные; [2] тленные; [3] полный сладости, доставляющий блаженство; [4] прощение; [5—5] при жизни.

няеши силою Христовою, к немуже непрестанно Христу зовемъ, да озаритъ насъ в нощи свѣтъ.

Бого⟨родичен⟩. **В**рагъ вселукавый по вся дни к горшимъ влечетъ мя, и в ровъ погибели влагаетъ, и во отчаяние мя влечетъ. Но того мя ловления, Чистая, исхити, и творити волю божественую Сына твоего и Бога нашего настави, и в часъ страшнаго пришествия его избави мя всякаго осуждения.

Пѣснь 6. Ирмосъ: Без*дн*а послѣдняя.

Из благочестиваго корени произшла еси, преподобная мати великая княгиня-инокиня Анно, благочестием же и вѣрою, аки цвѣтъ, процвѣла еси во своемъ отечествии, во граде Кашинѣ, и прешла еси к горнему ужичеству[1], и вопиющи ко Христу: Яко Петра, мя, Управителю, спаси.*

Воистинну достойна еси велия похвалы, преподобная мати великая княгиня-инокиня Анно, яко в женстемъ естествѣ мужескую крѣпость имѣла еси, и побѣдила еси супротивоборца диявола, и воспѣла еси ко владыцѣ Христу: Яко Петра, мя, Управителю, спаси.

Ей, убо великъ и твердъ умъ имѣла еси, преподобная, вся бо красная мира сего, яко умѣты[2], вмѣнила еси, блаженная, ничтоже возможе поколебати благородную твою душю, и воспѣвала еси Христу: Яко Петра, мя, Управителю, спаси.

Бого⟨родичен⟩. **Л**естнымъ[3] убо змиинымъ преступлениемъ низпадохомъ, но Сыномъ твоимъ, Исусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, совостахомъ, Мати Господня, егоже родила еси, намъ свѣтъ, и животъ[4], и воскресение.

Инъ ирмосъ: Обыде мя бездна.

Приидите, соберитеся, христоименитии народи, свѣтло празднуемъ богомудрыя Анны, молитъ бо ся ко Владыцѣ и Богу нашему, да избавитъ насъ от всякого озлобления[5], к немуже возопиемъ и глаголем: Спасе насъ десница твоя, Господи.

Рака мощей твоих, преподобная мати Анно, дражайшии сапфира показася, чюдотворива бо бѣ, исцѣления источающи, и еяже облобызающе вѣрнии, радостно от души Христу зовемъ: Спасе нас десница твоя, Господи.

Свѣтлыми сиянии обрѣтошася честныя твоя мощи на версѣ земнемъ в рацѣ каменнѣ, преподобная мати княгиня Анно, от многъ бо лѣтъ сокровенны быша, нынѣ же намъ явишася, яко заря пресвѣтлая, просвѣщаютъ и освящаютъ чтущих тя вѣрою и радостно от души Христу зовущих: Спасе насъ десница твоя, Господи.

Бого⟨родичен⟩. **Т**ебе, чистую Дѣву нескверную, едину имамъ стѣну непреобориму, и прибѣжище, и покровъ крѣпокъ, и оружие спасения. Да мя не презриши, окаяннаго, надежде ненадежнымъ, скорбящимъ радость и заступление.

---

[1] родству; [2] нечистоты; [3] коварным, обманным; [4] жизнь; [5] страдания.

Кондакъ, глас 4. Подобенъ: Вознесыйся.

Яко пресвѣтлая звѣзда, явилася еси в Рустей земли во градѣ Кашинѣ, преподобная мати Анно, во всѣх благочестивых вѣрных женахъ чистымъ своимъ и непорочнымъ житиемъ, во инокиняхъ же, аки кринъ, процвѣла еси совершеными своими труды и подвиги и взыде к вышнему граду, радующеся и веселящися, яко добрѣ соверши свое течение, и нынѣ честныя твоя мощи, аки бисерие драгое, явишася на исцѣление всѣмъ приходящим ти с вѣрою. Тѣмъ вопием ти: Радуйся, всекрасная душею, и моли Христа Бога о спасении душь наших.

Икосъ. Господи Царю и Владыко всѣхъ, отверзи ми устнѣ, недостойному рабу твоему, и даждь ми слово разума, достолѣпне воспою и восхвалю сию преподобную великую княгиню-инокиню Анну и реку к ней сице: Радуйся, мати святая великоименитая княгиня-инокиня Анна, яко от юности своея возлюбила еси Христа и по заповедемъ его шествовала еси. Радуйся, яко зелнымъ своимъ трудомъ и воздержаниемъ тѣло свое удручивши. Радуйся, яко сподобилася еси от Бога чюдотворнаго дара. Радуйся, яко озари Богъ сердце твое, еже восхотѣла еси облещися во иноческое одѣяние* и послѣдовати Христу. Радуйся, нищимъ питательнице и сирымъ заступнице. Радуйся, всѣмъ рускимъ женамъ похвала и удобрение. Радуйся, всему росийскому царству твердое ограждение. Радуйся, вмѣсто земнаго царства небесное получила еси. Радуйся, яко по смерти твоей явишася мощи твоя, и много лѣтъ нетлѣнны. Радуйся, яко предстоиши с лики святых и преподобных женъ невечернему свѣту и молишися о спасении душь нашихъ.

Пѣснь 7. Ирмос: Якоже древле.

Ибо велие чюдо явися во градѣ Кашинѣ, яко честныя мощи твоя много лѣтъ землею покровенны быша, нынѣ же Божиею благодатию явишася верху земли на исцѣление всѣмъ приходящимъ с вѣрою и вопиющимъ: Благословенъ еси, Господи, Боже отецъ нашихъ.

Како убо яко свѣтлая луна, сияющая посредѣ звѣздъ, тако и ты, блаженная, пребыла еси, аки свѣща, свѣтящи посрѣдѣ росийскихъ женъ чюднымъ своимъ житиемъ, выну воспѣвающи ко Христу: Благословенъ еси, Господи, Боже отецъ нашихъ.

Утверженна была еси, мати преподобная, аки адамантъ[1] крѣпкий, добродѣтелми своими, яко невѣста, украшена была еси манисты златыми — дѣлы своими благими, воспѣвающи Христу: Благословенъ еси, Господи, Боже отецъ нашихъ.

Бого⟨родичен⟩. **Ю**ницу тя, нескверную дѣву и Богородицу издалеча пророцы разными глаголы изрекоша: инъ бо тя гору мысленную нарече, другий же — родительницу Божию, ов же — руно, ин же — священия дверь.* Тѣмже и мы вси достойно тя поемъ и славословим вовѣки.

---

[1] алмаз.

Инъ ирмосъ: Огня гашение.

Устави нынѣшнюю бурю, обдержащую насъ, преподобная, и укроти молитвами си, и варварское нахождение низложи, и насъ, рабъ своих, на супостаты укрѣпи, благовѣрному же царю нашему побѣды даруй, да, радующеся, поемъ Бога отецъ наших.

Фарисѣйски не лицемѣруемъ, но со смирениемъ и радостию прикасающеся к честнѣй рацѣ твоей, богомудрая Анно, просяще прощения грѣховъ, пѣснословяще Бога отецъ нашихъ.

Хранительница буди граду твоему и всѣмъ христоименитымъ людемъ, преподобная Анно. Сохраняй от поганых нашествия и межеусобныя брани, глада же и пагубы, да молитвами твоими избавльшеся, Христу зовемъ, пѣснословяще Бога отецъ нашихъ.

⟨Богородичен.⟩ **О**тчаявшимся еси велие прибѣжище, обуреваемымъ тихое пристанище еси, Богородице. Тѣмъже и мы, припа*да*ющии, да не постыдимся, Мати Истиннаго Живота, тебе благодаряще и поюще: Благословенна ты, всенепорочная Владычице.

Пѣснь 8. Ирмос: Служити живу Богу.

Како убо изреку величие Божие на тебѣ, преподобная мати Анно, яко в толицех лѣтех обрѣтошася мощи твоя нетлѣнны на удивление всѣмъ человѣком, поющимъ: Благословите всякая дѣла Господня Господа.

Ничтоже дражайшии у Бога добродѣтелныя души, ейже весь миръ недостоин. Тѣмъ ты, преподобная мати, паче всего прилежа о сицевей безсмертней вещи поющи Христа: Благословите всякая дѣла Господня Господа.

Яко свѣщу свѣтлу, уготовала еси благородную душу свою, преподобная мати Анно, тѣмъ и по смерти твоей чюдодѣйствовася от Бога, многа исцѣления недужнымъ быша от честных мощей твоих. Мы же поемъ: Благословите всякая дѣла Господня Господа.

Богородичен. **Г**оспода моего и Бога рождши, Мати безневѣстная, споспѣшница моему недоумѣнию и грубому недоразумию, молю ти ся, Пречистая, сподоби мя пѣти Сыну твоему Христу Богу нашему: Благословите всякая дѣла Господня Господа.

Инъ ирмос: Тебѣ Вседѣтелю.

Царю Христу в небеснемъ чертозе предстоиши с мудрыми дѣвами, поминай насъ, чтущихъ честных мощей твоихъ обрѣтение, и избавляй насъ от всякия нужа и печали, да радующеся Христу, зовемъ: Людие, превозносите его вовѣки.

Чюдесемъ источникъ рака твоя явися, преподобная мати Анно, от неяже обильно притекающии приемлютъ здравие и душамъ спасение твоими молитвами, да радующеся Христу, зовемъ: Людие, превозносите его вовѣки.

Шествие свое добрѣ скончала еси и мирский мятежь, аки безбурное пристанище, преплыла еси, плоть свою духови повинула еси и нынѣ на небесѣхъ предстои*ши* всѣх царю Христу, емуже зовемъ: Людие, превозносите его вовѣки.

Бого‹родичен›. **Щ**едраго и человѣколюбиваго Спаса и рождьши, Чистая, того моли ущедрити раба твоего и к покаянию пути настави, лукаваго соблазны от сердца моего отжени[1], и того избави ловления, и огня вѣчнаго исхити, яко да непрестанно пою тя, Чистую, во вся вѣки.

Пѣснь 9. Ирмосъ: Иже сладкою.

Иже вѣсть Господь святых своих прославляти и имена ихъ воспоминати, написаны бо суть у него на небеси в книгах животных[2], тако же и тебе прослави своимъ милосердием, преподобная мати Анно, тѣм тя достойно поемъ и величаемъ.

Нѣсть убо лѣпо о святых и праведных молчати, о нечестивых же и невѣрных воспоминати. Тѣм не умолчю же Божияго дарования, збывшагося и на тебѣ, преподобная мати Анно, яко и по смерти твоей прослави тя Богъ чюдесы своими, тѣм тя поемъ и величаемъ.

Юностнымъ еще возрастомъ была еси, преподобная мати Анно, тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ шествовала еси, всякия бо сладости, яко горести, отвращающися и достигла еси неизреченыя радости, тѣм тя поемъ и величаемъ.

Бого‹родичен›. **А**ароновъ жезлъ прозябший[3], Владычице, преже убо бо безплоден бывъ, послѣжде цвѣтъ и плодъ испусти,* тако же и ты, Пречистая Дѣво, без сѣмени породи Христа Бога нашего, тѣм тя поемъ и величаемъ.

Инъ ирмосъ. Исайя, ликуй.

Источникъ исцѣления испущая, врачевание же безмѣздно и ковчегъ священия твоих мощей рака явися, из неяже почерпающе здравие присноживотное[4] притекающии вѣрно, преподобная Анно, и иже тебе даровавшаго в пѣснехъ величаемъ.

Возвеличила еси своего Владыку, тѣм и в твое обрѣтение глубину чюдесъ показа и струю неоскудѣваемую, раку мощей твоих, преподобная Анно, слепымъ еже видети даровася, прокаженным оцыщение и одержимыя нечистыми духи целомудренны твориши, тѣм же тя величаемъ.

Недостойною моею рукою принесох ти таковое слова извитие, богомудрая Анно, не презри, но приими сие с любовию и моли за мя Творца своего и Владыку и Господа тамошняго мя избавити мучения и милость обрѣсти в день страшнаго испытания.

Бого‹родичен›. **В**ладычице миру Богородице, иже во глубинѣ золъ погибели мене, погруженнаго злоумно сластми плотскими и пристрастиемъ вещми жития, изведи, Пресвятая Дѣво, своимъ милосердиемъ, ибо не имамъ надежды, весь бо есмь, Чистая, во отчаянии, да тя непрестанно величаю.

Свѣтиленъ. Страхомъ Божиимъ ограждена была еси, преподобная, и никакоже убоявшися дѣмонскихъ силь, и отшла еси к самому трисиянному ве-

---

[1] отгони; [2] жизни; [3] проросший, процветший; [4] вечное.

ликому свѣту, и нынѣ пребываеши в неизреченней свѣтлости со всѣми святыми. Тѣм молим тя, моли о нас, о творящих святую память твою.

Бого⟨родичен⟩. Свѣта превѣчнаго родила еси намъ, Христа Бога нашего, Пречистая Дѣво, освятившаго весь миръ рожествомъ своимъ и спасшаго от льсти дияволя. Тѣмъ молимъ тя, не престай моли и́, да подастъ намъ милость свою в день судный.

На хвалитехъ. Стихѣры, глас 8. Подобенъ: ⟨Ч⟩то вы.

Что тя наречемъ, преподобную матерь Анну, яко звѣзду, осиявающую градъ свой Кашин, в нем бо обогащаеши вѣрныя вся людии многочисленными чюдесми своими, приходящия к честным мощем твоимъ, и приемлютъ исцѣления, многая твоя чюдеса, а болша дарования, моли спастися душамъ нашимъ.

Что тя возъимянуем, блаженная мати Анно, яко свѣтлую луну, свѣтящую во всей земли Рустей, яко разумную звѣзду, зрящу ко умному солнцу, наслаждающися от него свѣтосияния и молящуся за весь християнский род, да не воеванъ будетъ от сопостатныхъ врагъ и да проженет[1] ихъ божественый страхъ, моли спастися душамъ нашимъ.

Приидѣте вси рустии народи, почтемъ и похвалимъ преподобную сию матерь, великую княгиню-инокиню Анну, иже паче злата дѣвъство возлюбившую и паче сапфира душу свою просвѣтившую добрыми своими дѣтельми. И нынѣ предстоитъ Небесному Царю со ангельскими лики, многая ея чюдеса, а болша дарования, и молит спастися душамъ нашимъ.

Слава, глас той же. Кто не подивится, или кто не почюдится, и кто не похвалит, и кто не воспоетъ вѣрно сию блаженную преподобную матерь Анну?! Яко и по святѣмъ ея преставлении чюдодѣйствовася от Бога, яко честныя мощи ея исцѣление подаютъ приходящимъ к ним с вѣрою. Сего ради возопием к ней, сице рекуще: Радуйся преподобная мати инокиня Анно, главу свою масломъ умастившая и великому дару от Христа сподобившася, и нынѣ пребываеши у него в Царствии Небеснемъ с лики праведныхъ, моли спастися душамъ нашимъ.

И нынѣ. Бого⟨родичен⟩, глас той же: Владычице, приими молитву рабъ своихъ.

На литоргии служба преподобнымъ женамъ и мученицамъ.

---

[1] прогонит.

СКАЗАНИЕ ОБ ОБРЕТЕНИИ И ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ АННЫ КАШИНСКОЙ

ОБРѢТЕНИЕ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ НОВОЯВЛЕННЫЯ ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ-ИНОКИ АННЫ, ИЖЕ БѢ ВО ГРАДѢ КАШИНѢ ЯВЛЬШЕЙСЯ, ВКУПѢ ЖЕ ОТ МАЛѢЙШИЯ ЧАСТИ И ПОХВАЛА СВЯТѢЙ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Нѣсть убо лѣпо свѣтилнику под спудомъ стояти, но на свѣчницѣ, яко да свѣтитъ всѣмъ, иже во храминѣ суть.* И не токмо иже во храминѣ, но и паче же, внѣ изнесенъ, явленъ будетъ всѣм зрящимъ, ту предстоящимъ. И паки не подобаетъ о нечестивых житиях воспоминати, о благочестивых же и богоугождьшихъ молчати, но достоит писанию предавати и паки всѣмъ человѣкомъ изъявляти, да не потаенна будутъ дѣла Божии.* Тако же и о сей святѣй угодницѣ Господни новоявленнѣй чюдотворицѣ благовѣрной великой княгинѣ-инокѣ Аннѣ не достоитъ молчанием утѣснитися или лѣностью отягчитися и в презрѣние положити таковое велие дарование Господне, но тако же паки довлѣетъ писанию предати и памяти вдати, да не забвена же будетъ от человѣкъ таковая благодать Господня.

И начнем же сице.

Сия убо блаженная великая княгиня-инока Анна родися от благочестиву и велику родителю, глаголют же, яко от великихъ князей тверскихъ произыти ей.* Рождьшаго ея и рождьшия, и супруга, и самыя мирскаго звания не вѣмы[1], утаи бо ся и замедлѣ от многих лѣтъ, и писания сему не обрѣтеся, но токмо снайдеся иноческое имя ея, яко великая княгиня-инока Анна.* И живши ей нѣколико лѣтъ, и восхотѣ взяти на ся яремъ Христовъ и послѣдовати ему, и облечеся во иноческое одѣяние. И не вѣмы же, в коей обители сущи и в коемъ граде,* токмо рещи, работая Христу день и нощъ, и труды к трудомъ, и подвиги к подвигом прилагающи. Якоже чюдеса ея и мощи являютъ, яко мнози от мощей ея исцѣлѣвахуся, яже впред о семъ да скажется, нынѣ же радуемся. И не по колицѣх же лѣтех по Божию изволению ко Господу отъиде в кровы небесныя.* И [2]не по которому прилучаю[2] трудолюбное тѣло ея положено бысть во градѣ Кашинѣ под церковию древяною ветхою во имя Пресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марии, честнаго и славнаго ея Успения, от соборныя и апостольския церкви Воскресения Христова разстоянием [3]якобы вержением каменя или мнѣя[3]. И много убо лѣтъ честное тѣло ея землею покровено было, и потом не восхотѣ Господь угодницы своея весма тѣлу ея в зем-

[1] знаем; [2—2] так случилось, что; [3—3] примерно на бросок камня или меньше.

ному боку[1] быти, но явити благодать свою в Рустѣй земли нашей, и всѣмъ человѣкомъ на дивное видѣние и слышание. И в лѣта убо осмеричныя сея тысящи вторыя сторицы патьдесятыцы же с седмерицею грядущи* временнаго вѣка сего, и в царьство царя и государя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русии самодержца и иных земель обладателя и государя, в четверичное[2] лѣто благочестивыя державы царьства его,* и при отцѣ* его и богомолцѣ киръ Иосифѣ, патриархѣ Московском и всеа Русии, во осмеричное[3] лѣто патриаршества его,* яви Господь сицевую благодать свою: великия княгини-иноки Анны мощи ея цѣлы и нетлѣнны обрѣтошася, токмо малы части взяты быша землею, свойствено убо есть земли еже своя взимати. Прочая же уды[4] ея, яко бисерие драгое, в земли пребыша цѣлы и нетлѣнны, и не токмо же едини мощи не истлѣша, но и одѣяние иноческое, в няже[5] оболчена и положена бысть, цѣло же и не истлѣ, всѣмъ зримо и видимо, и совершенное покрытие грѣховъ всѣмъ человѣком, еже есть схима, цѣла же и неразрушима. Еще же рещи чюдо дивно и преславно: яко у живы сущи, десница[6] ея преподобныя стоитъ прямо во гробѣ, опершися лактемъ во дно гроба. Лѣвица[7] же по обычаю пребываетъ на персѣхъ[8]. И сия убо показа Господь на похвалу самодержцу царю, здѣ же реку, тезоименну пособителну,* и всему его росийскому государьству, и паки всей земли Рустѣй, и на обогащение и на просвѣщение граду Кашину, и на исцеления всѣмъ болящим и всѣм же, к нимъ с вѣрою приходящим и исцеление приемлющимъ, иже одержими бываху различными болѣзньми.

Глаголют же нѣцыи, живущии человѣцы во градѣ Кашинѣ, и еще инии, ни весма в далекости жителства имѣющии от Кашина града, якоже честная обитель преподобнаго отца нашего Макария Калязиньскаго чюдотворца,* того манастыря сказують мниси, яко не абие[9] гробъ святыя из земли изыде, но косно[10] и медленно идяше и человѣком видим бываше, яко сокровище драго, казашеся, но из давныхъ убо лѣтъ [11]от земную боку вполы бѣ[11]. Господу Богу тако изволившу, прославляя свою угодницу, яко да, зряще, человѣцы дивляся его величию Божию и славѣ, како святых своих прославляетъ, и человѣкомъ являетъ, и всѣхъ своимъ чюдотворением удивляетъ. Яко убо бездушная вещь гробъ и, яко одушевленъ, самъ движашеся, невидимо человѣки, но токмо ему, Творцу нашему и Богу, свѣдущу, и дѣйствующу, и выспрь из земли, яко с бисериемъ драгимъ, съ преподобныя мощми грядяше. И бысть паки чюдо зримо же и видимо многим в настоящия же сия лѣта, грядущия ко сторицѣ и к пятдесятицѣ с седмерицею, паче же в самомъ томъ сторичномъ и пятдесятеричномъ и седмеричномъ лѣте,* под вышереченное оною церквию Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, тотъ гробъ святыя совершенно весь из земли изыде и верху земли явися. И приходящим к нему с вѣрою многая исцѣления начашася болящимъ

[1] *здесь*: в недрах; [2] четвертое; [3] восьмое; [4] части тела; [5] которое; [6] правая рука; [7] левая рука; [8] груди; [9] вдруг, сразу; [10] медленно; [11—11] наполовину из земли показался.

быти. В лѣпоту убо, яко ковчегъ злать со многоцѣнным камениемъ обрѣтеся нѣкоему и обогати недостаточный[1] домъ его, тако же и сея преподобныя матери иноки Анны честный гробъ, из земли изшедъ с нетлѣнными и праведными мощми ея, обогати ими небогатый градъ Кашин и одари и́[2] чюдеснымъ исцелениемъ блаженыя.

И слышано бысть у царя и самодержца сицевая благодать Господня, яко во дни царства его яви Господь таковое велие свое дарование, и яко мнози болящии исцеления прияша в настоящия оны дни, в няже святыя мощи из земли изыдоша. И священницы, и дияконы, инии мирстии человѣцы чюдеса блаженыя написаху,* и у многих гражьданъ Кашина града писанию предано бысть, якоже кождо у кого исцеленъ бѣ, сынъ у отца, или отецъ у сына, или дщерь у матери, или мати у дщери, или братъ у сестры, или сестра у брата, и прочыя ужики[3] от мощей святыя, и вси объявлени быша писаниемъ.

И посла царь и патриарх свидѣтелствовати от архиерейска чина преосвященнаго архиепископа Тверьскаго, емуже звание Иона,* и с нимъ архимаритов и игуменовъ, да свидѣтелствуютъ о мощех и чюдесѣхъ преподобныя, да не лошъ явится ему, самодержцу царю, и великому ерарху, и всѣм, слышащим чюдеса святыя. Архиепископ же и сущии с нимъ свидѣтсвоваху вѣрнѣ и неизмѣннѣ, яко тако и бысть, якоже сказаху и написаху живущии во градѣ Кашинѣ и прочии они, и послаша к царю и к патриарху епистолии. И абие прииде к нимъ писание. Они же повелѣста пред собою чести, царь убо пред своим величествомъ, патриархъ же пред своим святителством, и слышаста, яко добрѣ есть, и увѣристася обоя, и воспрослависта Бога о велицѣй его милости и благодати.

И [4]по елику убо времени[4] показа царь государь и великий князь Алексѣй Михайловичь, всея Русии самодержець, велию вѣру и любовь к Богу и ко Пречистѣй его Матери, и ко святѣй Божией угодницѣ преподобнѣй матери иноки Аннѣ, и подвижеся самъ из своего царьскаго пребывания из царьствующаго града Москвы, и с своею благовѣрною и христолюбивою царицею и великою княгинею Мариею Илиичною,* и с своими единоутробными тремя сестрами, с благовѣрными царевнами и великими княжнами, единой убо звание «миръ» толкуется, вторѣй же — «благодать», третией же — «повелителница»,* и с своею царьскою дщерию, с благородною царевною и великою княжною Евдокѣею,* и со всѣмъ своимъ царьскимъ синклитомъ, и с прочими людми двора своего царьска. Еще же бысть с нимъ, самодержцем, и от святителскаго чина митрополит града Ростова и Ерославля, емуже звание Варламъ,* и от прочего священнаго чина архимарити и игумени. И грядущу царю путемъ стройнѣ и изряднѣ зѣло, и пришедъ к своему царьскому содержанию, к вышереченному граду Кашину, идѣже пребываютъ, аки сокровище драго, мощи преподобныя великия княгини-иноки

[1] небогатый, пребывающий в недостатке; [2] его; [3] родственники; [4—4] спустя некоторое время.

Анны, и вшед во град, и по своему царьскому обычею уставися[1], и по томъ видѣ своима царьскима очима сицевую благодать Господню, якоже и преже речеся, святыя и праведныя мощи цѣлы и нетлѣнны обрѣтошася. И паки возрадовася зѣло самодержецъ о сицевомъ Божиемъ даровании велии, и рече ко Господу: «Благодарю тя, Господи, и хвалю, Царю и Владыко всяческих, яко помилова мя, вѣрнаго си слугу и раба своего, яко во дни даннаго ми от тебе жребия, в державу царьства моего, яви мнѣ сицеву велию благодать свою. Подай ми милость и всему царьству моему, и граду Кашину, сокровище драго и негиблемо — преподобныя матери иноки Анны мощи, якоже и прежде реченно, яко бисерие драгое, цѣлы и нетлѣнны обрѣтошася с самымъ одѣяниемъ, в немже и положена бысть». И многи глаголы приглагола царь, якоже самъ вѣсть своим царьскимъ умомъ и мыслию, и паки вложи ему Господь во умъ его царьский, еже почесть святѣй сотворити и пренести мощи ея от ветхия оныя древяныя церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, в соборную апостольскую церковь каменую Воскресения Христова. И уставяся[2], повелѣ обычная над гробомъ пѣти преподобныя, и паки повелѣ царь своимъ велможамъ и инымъ именитымъ людемъ двора своего царева подъяти гробъ со святыми мощми и нести в вышереченную церковь Воскресения Христова со благоговением и со всею достойною честию, паче же самъ своима царскима рукама прикоснуся ношению мощей преподобныя. Преди ими же повелѣ ити со свещами и кандилы, и со всяким благолѣпиемъ. Царица же и царевны с своими рабынями и с прочими людми многими мужеска пола и женска вослѣдъ мощей преподобныя идуще благоговейнѣ и стройнѣ. И бѣ видѣти позоръ[3] дивенъ и умилению достоинъ. И кто убо паки не подивится, или кто не почюдится величию Божию и славѣ, яко всякъ человѣкъ тлѣнию и смерти подлежитъ, нынѣ же благодатию Господнею горѣносный[4] нетлѣненъ явися — преподобныя благоплеменитыя княгини-иноки Анны явишася мощи нетлѣнны и несутся на честных плещах и руках, паче же самою царскою десницею касаеми. Мнози же убо, паки мужеска пола и женска, слезы испущаху, зряще чюдо дивно и преславно, и умилишася, и удивишася вси Божию смотрению и чюдотворению, и рекоша: «Слава ти, Господи, дѣющему дивная чюдеса и прославляющему своя угодники». И принесше носящии гробъ со святыми мощьми в прежереченный святый храмъ Воскресения Христова, и поставиша й у правыя страны у столпа. И повелѣ царь покрыти его драгимъ покрывалом,* якоже достоитъ, и свѣща и кандила уставити над нимъ. И потомъ сотвори царь святѣй праздньство честно, во всѣмъ совершено, иже повелѣниемъ его царскимъ соучинены быша стихѣры и канонъ и вся служба.* И принесены быша честныя мощи в лѣто 7158-го месяца июня во 12 день. Празднова же царь святѣй во градѣ Кашинѣ в церкви Воскресения Христова того же месяца въ 13 день, да и послѣде себе и впредь идущия дни на память преподобныя повелѣ ту во святи-

[1] обосновался; [2] установив порядок; [3] зрелище; [4] вознесенный вверх.

лищи Божии служащему богомолцу своему вящему священноиерѣю и прочимъ под нимъ священно же иерѣомь, и диякономъ, и всему причту церковному преподобнѣй матери пѣти и праздновати, яко да вѣдятъ и притичютъ все людие Кашина града и иных градовъ и странъ к Господню храму, и молбы и моления сопривносятъ Богу о своих согрешениихъ. Празднуют же и святѣй, и молятся ей, да будетъ ходатаица и молитвеница к нему, Царю и Владыцѣ всѣхъ, и о их христианстѣмъ жителствѣ, яко да правовѣрно и непретковенно[1] поживутъ, и да славится имя Пресвятыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, и преподобныя матери иноки Анны. И тако бысть гражаномъ, якоже и преже рѣхомъ, аки в богатство велико и негиблемо, [2]паки обаче[2] рещи, наипаче многаго богатьства обогащаются приемлющии исцеления, приходящии ко святымъ мощемъ с вѣрою.

И потомъ поиде царь и царица со всѣми сущими своими во свое царьское пребывание в царствую*щ*ий град Москву, и пришедъ, паки возблагодари, и восхвали, и прослави Бога человѣколюбца, яко сподобися от него видѣти преподобныя мощи и паки нача благодарнѣ царьствовати и всемилостивому Богу и Творцу своему молитися и на помощь призывати, и яко да мирно и безмятежно царство его пребудет от всѣх навѣтъ вражиих. К тому же еще святую и новоявленую чюдотворицу великую княгиню-иноку Анну на молитву призывая, якоже да молитъ Бога о его царьскомъ многолѣтномъ здравии, и о его царицѣ, и о державѣ царства его, да бы паки самодержство его было твердо же и непоколебимо от всѣх находящихъ золъ.

Сопривнесем же и мы, недосто*й*нии, поне[3] малу похвалу святѣй, да не тщи обрящемся благодати Господни и да не туне[4] приидемъ к преподобнѣй матери, но рцемъ к ней сице, глаголюще: Радуйся, богоблагодатная мати великая княгиня-инока Анна, яко от юности своея Христа возлюбила еси и всели и́ в сердце свое, и послѣдова стопамъ его! Радуйся, яко жизнь свою добрѣ препроводив*ши* и славное сие море безбѣдне преплывше, и мысленаго *в*рага до конца побѣдивши! Аще убо тѣснымъ и прискорбнымъ путем шествовала еси, блаженная, но тамо, во ономъ вѣце, пространный животъ[5] и покой обрѣла еси.* Радуйся, яко [6]ничтоже ти забавися[6] от всѣх воздушныхъ духовъ, ни же возбранися от небесных силъ взыти горѣ[7], идѣже вси блаженнии сходятся! Радуйся, яко вѣно[8], благодарно принес*ши* святую душу свою Господеви, и яко свѣщу свѣтлу, предпоставлши пред лицемъ его! Радуйся, яко сподобилася еси аггелскаго ликостояния и преподобныхъ женъ сочетания и нынѣ пребываеши с ними в неизреченных свѣтлостех! Радуйся, яко в лѣпоту еси, разумная звѣзда, к самому умному солнцу зрящи, наслаждаешися от него божественнаго свѣта сияния и молишися за благовѣрнаго царя нашего и его царицу и за весь християнский родъ!

---

[1] без соблазнов; [2—2] но еще; [3] хотя бы; [4] напрасно, даром; [5] жизнь; [6—6] никаких тебе не ставится препятствий; [7] ввысь; [8] приданое.

Радуйся, яко имя твое написано суть на небесѣхъ в книгах животных[1]! Радуйся, яко велика дара от Бога сподоби же болящих разноличными недуги исцеляти! Радуйся паки, благовѣрному царю нашему и великому князю Алексѣю похвала и одолѣние на враги!

Радуйся и самъ ты, благочестивѣйшю государю царю и великий князю Алексѣю Михайловичю, всеа Русии самодержче, яко в лѣта твоя восия сицевая свѣтилница досточюдная, великая княгиня-инока Анна, и яко звѣзда явися над Кашиным градомъ и всѣхъ человѣкъ осиявающи чюдесы своими. Радуйся и ты, великий арх*и*ерею, яко в жезлодержавство твое надо всею Росиею яви Богъ и свѣтилницу свою великую преподобную матерь иноку Анну, яко лозу плодовиту с доброрасленными вѣтьми, с мощми и чюдесы ея, аки в виноградѣ[2], в Кашинѣ градѣ насыщающу и напоящю нынѣ в нем вѣрныя люди. Радуйся, преподобная мати, отечеству си, граду Твери, и жителству своему, граду же Кашину, идѣже пребываютъ честныя мощи твоя, похвала же, и слава, и просвѣщени*е*, и всѣмъ вѣрным инокинямъ и женамъ красное удобрение[3], и паки на невѣрныя побѣда же и одолѣние. Радуйся и ты самъ, граде Кашине, яко получилъ еси себѣ и всѣмъ живущим в тебѣ богатство многоцѣнно, да обогащаешися имъ, аки великим даром, мощми преподобныя. Радуй же ся и веселися, и удивися, вся великая Росия, слышавши в себѣ таковую благодать Божию, яко об*щ*ее сродство твое великая княгиня-инока Анна толико лѣт тѣлом своимъ в земном боку лежащи и нынѣ от нѣдръ земныхъ проишедши, яко с свѣтлосиянными бисерми, с мощми своими и, вышед, многая чюдеса сотвори от мощей своих, различными болѣзньми исцели и всѣх удиви, да и нынѣ исцеляетъ приходящих к ним с вѣрою.

Оле, паки чюдо удивлению достойно, яко толико время в сердцы земнѣмъ бывши, святое тѣло не истлѣ, держимо бѣ силою Святаго Духа, да и днесь нетлѣнно же на земли пребываеть. Душа же ея на небеси, яко солнце, сияеть и зрить на своего Творца и Бога, и молит й паки за все христоименитое множество, яко да мирно же и безмятежно поживетъ, и кождо душю свою да спасет и получит вѣч*н*ых и неизреченных благъ. Того ради по*до*баетъ всегда святую сию и преподобную матерь и впред идущия лѣта воспѣвати и славити, да незабвенна будет в роды и роды, якоже и прочии святии.

Богу нашему слава, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1] жизни; [2] саду; [3] украшение.

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ АННЕ КАШИНСКОЙ

ЖИТИЕ И ЧУДЕСА АННЫ КАШИНСКОЙ

Месяца октомврия во 2 день.*
Житие и подвиги преподобныя благовѣрныя великия княгини-инокини Анны Кашинския чюдотворицы.
Благослови, отче, прочести

Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу преже волныя страсти и воскресения сѣющу слово спасенное живущимъ, но и часто не токмо божественнымъ своимъ ученикомъ единым и апостоломъ бесѣдоваше, но и ко всѣмъ народомъ учение свое простирая и подвизая ученики своя на проповѣдь, и сице глаголаше: «Се азъ посылаю вы, яко овцы посредѣ волковъ. Предадятъ бо вы на сонмы и на соборища, предъ цари и владыки ведѣни будете имени моего ради. И не убойтеся от убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити».* И послѣдователи таковаго и пресладкаго, и небеснаго учения мнози явишася, яко звезды небесныя множествомъ, мученицы и исповѣдницы и подобницы его страстемъ показашася. Всякихъ видъ мучения доблественно претерпѣша и побѣдители врагу явишася. Иногда же народомъ бѣседоваше, глаголя: «Возмите иго мое на себе и научитеся от мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ, иго бо мое благо и брѣмя мое легко есть».* И паки: «Аще ли кто оставитъ отца или матерь, или жену, или чада, и сѣла, и имѣния имене моего ради, сторицею прииметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ. И аще кто не возметъ креста своего и вслѣдъ мене грядетъ, сей нѣсть мой ученикъ».* И *не* просто учаше, но Богъ и Владыка всѣхъ, вѣдый помышления человѣческая и испытаяй сердца и утробы, яко не отъ слышания точию спасение бываетъ, но аще кто сотворитъ пресвятую волю его, сей спасенъ будетъ, сице глаголаше: «Аще кто слово мое соблюдетъ, живъ будетъ вовѣки».* Таковаго небеснаго проповѣдания приемше слово спасенное и развергше бразды сердецъ своихъ, вземше крестъ, послѣдоваша Христу, въ пустынях скитающеся, и въ горахъ, и въ вертѣпахъ[1], и въ пропастехъ земныхъ живуще,* отбегающе отъ прелѣсти мира сего, и яко на небо парили орли, приемше крила лѣгкостию смысла своего, возлетѣша на небо. Понеже всемъ сердцемъ возлюбиша Господа Бога и тому невозвратнымъ путемъ шествоваша, якоже напреди слово яви о семъ.

[1] пещерах.

Сея убо преподобная отечество имѣяше градъ Кашинъ. Дщи бяше благородныхъ и благочестивыхъ родителей отъ славныхъ боляръ.* И добрѣ има воспитана бывши во страсѣ Господни и наказании того пресвятыя заповеди творити; и научена же бывши Божественному Писанию. И добре поучашеся страху Господню и не возгарашеся бо на красоту вѣка сего, яко прелесть бѣ; ниже уклоняшеся къ сладости пищи и покоя, но пища бѣ ей молитва непрестанная и желание ненасытное къ Богу; ниже честь и слава ей когда отъ любве Божия отвождаше; но присно прилежаше благимъ дѣломъ, како бы угодити Богу, и на того пресвятую волю полагаше упование свое. И весма поучашеся въ законѣ Господни. И яко древо при исходищихъ водъ* напояема бяше Божественныхъ словесъ поучениемъ и отъ того навыче духовнаго весѣлия. Моляшеся часто Господеви, яко да не лишитъ ю́[1] небѣснаго чертога своего, но да сотворитъ о ней, якоже волитъ пресвятая воля его. Нищимъ же и убогимъ довольную милостыню воздаваше.

И присно цвѣтущи ей благими дѣтельми, приспѣ въ совершенный возрастъ, подобна на сочетание браку. Обручиша бо ея родители великому князю Михаилу Ярославичу, господьствующу тогда во градѣ Твери.* Такожде и той благовѣрный князь Михаилъ велми благочестивъ и боголюбивъ, смирениемъ, кротостию и благочестиемъ сияя, къ нищимъ и страннымъ[2] попремногу пребывая милостивъ, иже последи скончася мученическимъ подвигомъ и венцемъ увязеся мучения от вседержителныя руки, якоже напреди о семъ явитъ слово.

Живущема же има во благочестии, и въ законѣ Господни поучашеся день и нощъ, преспевающе красотою дѣлания своего, еже къ нищимъ и убогимъ нищеподателством, и къ страннымъ и болнымъ призрениемъ, якоже древле Авраамъ правѣдный,* и, по Иову терпеливому, всѣмъ всяка быста: «нога хромымъ и око слѣпымъ».* Велми же любяста священнический чинъ, якоже Божии слуг*и*, и яко слово хотяще воздати о данней имъ благодати. И попремногу почитаста иноковъ, яко присныхъ[3] Божиихъ дѣлателей заповѣдей. Не зряше бо на красоту вѣка сего суетнаго, яко прелѣсть бо и скоро преходитъ, и яко сѣнь[4] мимо течетъ, ниже возвеличастася благородиемъ и величествомъ господьства своего, или гордостию превзымастася[5], якоже нѣцыи творятъ, вздымаются бо величествомъ благородства своего и яко безсмертнии творят ся, надмѣниемъ и кичениемъ, тщеславием же и высокоумиемъ и гордостию превзымающеся еже другъ на друга, не вѣдуще, яко гордости ради, иже иногда бывши Денница отпаде славы Божия и вмѣсто свѣта тьма бысть и Диаволъ преименовася.* И хотящимъ во смирении быти вельми супостатъ душъ нашихъ запинаетъ[6] и въ преисподняя съ собою сводитъ, иже и Адама праотца высокоумия ради изъ по-

---

[1] ее; [2] странникам; [3] постоянных; [4] мечта; [5] превозносились; [6] чинит препятствия.

роды[1] изгна.* И сице вспоминаста въ себѣ благоверный и благочестивый великий князь Михаилъ со благовѣрною великою княгинею своею Анною, велми смирение любяста и любовъ равну между собою держаста. Вѣдуще отъ Божественнаго Писания, яко любви ради Сынъ Божий, преклонивъ небеса, и сниде на землю, и воплотися нашего ради спасения отъ преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марии, и бысть совершенъ Богъ и совершенъ человѣкъ, и толико смиривъ себе, Творецъ и Зиждитель всея твари, и бывъ послушливъ даже до креста и смерти, якоже апостолъ глаголетъ,* да насъ примиритъ Богъ Отцу своему, и вся сия пострадавъ безгрѣшный, да насъ свободитъ отъ клятвы законныя и наслѣдники сотворитъ Царства своего Небеснаго. Сия помышляста въ себѣ блаженная, како от толикия высоты сведѣ себе и премногия ради благости бывъ подобенъ намъ, кромѣ грѣха, и яко не имѣяше, гдѣ главы подклонити. Такъ и намъ по примѣру сему его ради смирятися и любити всѣхъ, не токмо своихъ единоплеменныхъ, но и враговъ нашихъ, по евággелскому гласу.* И сице Богъ смирение наше видѣвъ, отпуститъ намъ согрѣшения и наслѣдники сотворитъ Небеснаго своего Царствия. И сице разсуждая въ себѣ, блаженный и благочестивый князь Михаилъ съ супружницею своею великою княгинею Анною присно[2] поучающеся во псалмѣхъ, и пениихъ, и пѣснехъ духовныхъ, и Богови молястася, о еже сохранитися отечеству и всей державѣ ихъ от нашествия иновѣрныхъ языкъ. И сице блаженныма цвѣтущема благими дѣтелми, беззлобиемъ, и красотою, и кротостию, и смирениемъ, и благотворениемъ во всей велицей России, яко нѣкая два свѣтила великая, озаряющу своимъ житиемъ, ничимъже лишена быста Авраама, Иова и Давида,* но и во всемъ послѣдоваста сродникомъ своимъ и въ России бывшимъ свѣтилникомъ: великому князю Михаилу Черниговскому и дѣду своему великому князю Александру Невскому.* По семъ же родистася има четыре сына: первый князь Дмитрий, вторый князь Александръ, третий князь Василий, четвертый князь Констянтинъ.* И добрѣ ихъ воспита въ страсѣ Господни, и боятися Бога, и того пресвятую волю творити.

Что же по сихъ? Видѣвъ врагъ и супостатъ душъ нашихъ диаволъ блаженнаго и великаго князя Михаила въ таковѣй славѣ и чести и яко царя почитаема, и ничимъже отъ него побѣжденъ бываетъ, но присно побѣдися и в конецъ разрушися неприязненная его сила, и весма попираемъ, яко худая птица, испрошаетъ на него отъ Бога, якоже древле и на праведнаго Иова,* злыми своими ухищрении напасти чрезъ своихъ има единоплемѣнныхъ во плоти сродниковъ. И коварствуетъ лстивый диаволъ на великаго и блаженнаго князя Михайла, хотя его доброму течению спону[3] сотворити и великой княгинѣ Аннѣ. Но оне пояху: «Господь намъ помощникъ и не убоимся; что сотворитъ намъ человѣкъ, аще бо и возвизаетъ диаволъ на святыхъ брань, но помалѣ на его главу болезнь

[1] рая; [2] постоянно; [3] препятствие.

возратится».* Тогда многа зависть и крамола на блаженныхъ воста, и многа брань от своихъ ему приидоша. Но Господь, видя своего угодника непорочное житие, дарова ему побѣду великую на супостаты его и на совостающия на него единородныхъ братий.

Таже[1] видѣвъ врагъ, яко ничтоже успѣ сотворити великому князю, и яко попрана бысть неприязненная его сила, паки воздвизаетъ брань лютѣйшую первой: вооружаетъ на него ордынскаго царя Озбяка* съ великимъ воинством, грозя ему его державу пленити и пролить кровъ христианскую неповинныхъ сущихъ. Тогда великий князь велми скорбя душею и плакася горко, глаголаше къ супружницѣ своей великой княгинѣ Аннѣ: «О, госпоже моя, яко слышу повеление злочестиваго царя и восточнаго на насъ по зависти, и хощетъ многу брань сотворити и пролити кровь стада Христова. Но азъ хощу, аще Богу изволившу, итти самъ во Орду къ беззаконному царю и собою отвѣтъ сотворити и душу мою положити за овцы стада Христова, по Христову словеси».* Сие слыша, блаженная и великая княгиня Анна оскорбися[2] душею и въ себѣ глаголаше: «Что ми рече благовѣрный мой князь, яко „хощу итти въ Орду къ нечестивому царю и душу свою положити за овцы стада Христова"? И будетъ ли истинна, яко хощетъ за имя Христово пострадати?» Сице ей размышляющей, рече ко князю: «О, драгий мой, любимый и великий княже Михаиле! Почто боишися злочестиваго царя и его беззаконнаго повеления, аки немощенъ трепещеши? Еда[3] не имаши бранныхъ и силных оружниковъ у себе, или тьмы темъ окружающихъ тя храбрыхъ воиновъ? Еда не можеши съ толикою силою ратныхъ людей, паче же за Божиею помощию, сопротивъ стати безбожнаго царя? Не ты ли приялъ еси искусъ Божия помощи предъ малыми сими днями, егда прииде на тя съ ратию братъ твой великий князь Георгий* со окаяннымъ варваромъ?* И колико тогда побилъ еси пришедшихъ на тя отъ ихъ воиньства, что и самаго варвара въ руки твоя предалъ тебѣ Богъ! И нынѣ ли, благочестивый мой княже, боишися злочестиваго царя и хощеши предатися самоволно, яко агнецъ злохищному волку!» Онъ же глагола къ ней: «Азъ, госпоже, отъ многа времени желаю пострадати за имя Христово и душу мою положити за порученное мнѣ стадо, но не сущу удобну времени. Нынѣ же, аще Богъ восхощетъ, готовъ есмь пострадати за иже[4] мене ради пострадавшаго. И мню, яко лучше есть мнѣ единому умрети за стадо Христово, нежели мене ради мнозѣй крови христианстей отъ мучителя пролитися». Сия слышавше блаженная, яко истинно хощетъ пострадати за имя Господа Иисуса, и рече къ нему тихостию: «О, господине мой, благочестивый княже? Вѣсть убо Господь нашъ Иисусъ Христосъ, яко нѣсть нашея обиды предъ беззаконнымъ царемъ. Но понеже велегласный учитель вселенныя, божественный апостолъ Павелъ пишетъ къ Тимофею, глаголя, яко „вси, хотящии благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ, лукавии же человѣцы предуспѣютъ на гор-

---

[1] И так; [2] опечалившись; [3] Разве; [4] того, кто.

шее".* И самъ, бесѣдуя, Сынъ Божий ко ученикомъ своимъ глаголаше: „Аще быстѣ от мира были, миръ убо своя любилъ бы. Но азъ избрахъ вы от мира, сего ради ненавидитъ васъ миръ".* И паки ко иудеомъ глаголаше: „Сего ли ради ищете мя убити, яко слово мое не вмещается въ васъ".* И по сему Христову словеси, господине мой, аще быхом были мы подобни ихъ житию и ласкание бы къ нимъ творили, не бы убо такова на насъ зависть когда востала, или на нашу державу от братий твоихъ кто позавидѣ, но понеже Спасъ ко ученикомъ своимъ глаголаше, яко „хощете, — рече, — скорбь имѣти, но дерзайте, яко азъ побѣдихъ мира и прелесть его. И не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити. Но паче боятися могущаго по убиении тѣло и душу воврещи въ дебрь огненную".* И смотри, благочестивый, великий, драгий княже, яко сродницы твои благовѣрнии князи Борисъ и Глѣбъ отъ брата своего Святополка зависти ради убиени быста.* Такожде благовѣрный и великий князь Михаилъ Черниговский съ боляриномъ своимъ Феодоромъ, колико пострадаста за вѣру Христову от злочестиваго Батыя и никакоже покористася беззаконному велению, но и кровь свою излияша за Христа, сего ради и вѣнцемъ мучения от вседержителныя руки вѣнчастася и мученицы Христовы нарекошася. И аще, господине мой, благовѣрный княже, пойдеши въ Орду къ беззаконному царю и самоволно хощеши страдати за имя Господа Иисуса, никомуже тя понуждающу, то поистиннѣ блаженъ будеши во вся роды, и память твоя вовѣки будетъ, толко подщися усердно во звании[1] своемъ стояти, и Господь тебѣ помощникъ будетъ». Блаженный же и великий князь Михаилъ рече къ ней: «Что бо ми сладчайши сего, еже за имя Господа моего Иисуса Христа страдати и уповати на щедроты его, яко исполнитъ желание сердца моего». Тогда блаженная глагола къ нему: «Молю тя, господи*не* мой, благовѣрный княже! Егда предстанеши нечестивому царю, яко добръ воинъ Христовъ, и егда нанесутъ тебѣ злоковарныя муки, хотяще покорити тя своему умышлению, тогда, господи мой, никако да не убоишися от грядущихъ на тя золъ, ниже огнь или колѣса, или мечь, или сѣчива устрашать тя. Но буди терпѣливъ по изволении своем, въ немъже еси хощеши самоволно итти. Ниже доброму твоему течению и помышлению возбранит ти величество державы твоея; ниже ино что от земныхъ и тлѣнныхъ да препнетъ самоволному твоему званию, вся бо она мимо ходитъ. Ниже терпѣния твоего ослабятъ другъ твоихъ ласкания, ниже да украдутъ твоея яже во Христа вѣры нѣкоторыми лѣстными словесы, но токмо возлюби, господине мой, единаго Господа Иисуса Христа, возлюбившаго отъ младыхъ ноготъ и предавшагося себе. Тогда азъ буду блаженна тебе ради во всѣхъ российскихъ женахъ». Сия глаголаше блаженная и великая княгиня Анна супругу своему, благочестивому великому князю Михаилу, бояшеся, да некако отбегнетъ добраго подвига, еже о Христовѣ имени пострадати.

[1] состоянии, положении (том, во что призван).

Онъ же, яко слышавши таковыя глаголы, вельми удивляшеся премудрости глаголъ ея и премудрому ея совѣту и Бога похваляя, яко извещение приимъ Божия помощи, еже къ подвигу желаемаго ему пути, яко женою ему подаде таковый совѣтъ. Видите, братие, и почюдитеся блаженныя и великия княгини Анны премудрому совѣту! Не восхоте бо супруга своего в малѣ времени славима быти, но вовѣки блаженна и похваляема отъ Бога ради добраго его исповѣдания. И не яко Ева *совѣт*ова Адаму древа вкушениемъ въ раи,* но яко Ревекка совещаше о благословении сыну своему Иакову.* Таже рече къ ней обрадованнымъ лицемъ: «О, госпоже моя супружнице Анно! Мнѣ бо еже жити — Христосъ, а еже умрети — приобретение жизни его. И что сладчайши сего и возлюбленнѣйши, яко умрети за имя Господа Иисуса Христа». И сия рекъ, умолче. Таже призвавъ дѣти своя и поучивъ ихъ страху Господню, и по всему наказоваше подобитися своему благому житию: «Матери же своей покаряйтеся, и на ню[1] взирайте, и непорочному дѣланию и многимъ добродѣтелямъ ея послѣдуйте». Конечное же рече: «Якоже видите нас творя*щ*а, сице и вы такожде творите, и Богъ мира да будет съ вами». И раздѣливъ имъ наслѣдие достояния своего, подавъ имъ благословение, комуждо своя грады, таже приемъ благословение у епископа своего блаженнаго Варсонофия,* и отъиде во Орду, точию поимъ единаго сына своего, князя Димитрия,* да видитъ страдание его. Хотяй же увѣдети о семъ, да прочтетъ Житие и страдание блаженнаго и великаго князя Михаила,* како подвизався добрым своимъ самоволнозваниемъ, еже о имени Господа нашего Иисуса Христа, и колико от беззаконнаго и нечестиваго царя и его болярь, паче же от треклятаго и зверообразнаго варвара Кавгадыя,* приятъ поношения и уничижения, биение, и досады, и различныхъ томлений, и озлоблений, послѣди же блаженную кончину приятъ — мечем усѣкновенъ бысть,* и тако мучения венцемъ увязенъ[2], добрымъ подвигомъ подвизався, течение скончавъ и вѣру соблюде* въ лѣто 6827, мѣсяца ноемврия 22 день.* Тѣло же его пресвятое принесено бысть изъ Орды въ славный градъ Тверь и положено бысть со псалмы и пѣнии, и пѣсни духовными, и со многими слѣзами от всего града въ соборнѣй и апостолской церкви,* и даже и донынѣ безчисленная чудеса источаетъ съ вѣрою притекающимъ къ пресвятому гробу его и прикасающимся многоцѣлебнымъ мощемъ его.

Благовѣрная же и благочестивая и великая княгиня Анна радовашеся душею и велми Бога благодарствовавши, яко сподобилъ супружника ея великаго князя Михаила пострадати за имя его пресвятое и страшное и въ добромъ исповѣдании блаженную кончину прияти. И нападши на перси его духовными слезами, яко къ живому, глаголаше: «Блаженъ еси нынѣ, господине мой, великий княже, и поистиннѣ во вся роды блаженъ будеши, яко пострадалъ еси пострадавшему по насъ, и се нынѣ отшелъ еси къ возлюбленному ти Христу. И тамо

---

[1] нее; [2] увенчан.

Божественную и неизреченную славу его зриши, и вкупѣ со аггелы воспѣваеши Пресвятую и Живоначалную Троицу. И нынѣ молю тя, о, страдалче Христовъ, да не оставиши мя погруженну прелѣстьми жития сего, но помяни мя у престола Вседержителя Христа Бога нашего, яко да достойна и азъ буду небеснаго чертога съ мудрыми дѣвами, и яко да не угаснетъ свѣтилникъ души моея отъ добраго подвига. Тебе бо нынѣ стяжахомъ о мнѣ ходатая къ Богу и молитвенника крѣпка». И сице доволно помолившеся и цѣловавши любезно пресвятое тѣло его и вмѣсто многоразличныхъароматъ многими слезами облиявши тѣло его, и отъиде въ домъ свой, славяще и благодаряще Христа Бога нашего и его рождшую Матерь Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марию.

Что же по семъ? Благовѣрная княгиня Анна пребываше въ дому своемъ съ сыномъ своимъ благовѣрнымъ княземъ Констянтиномъ Михайловичемъ, — тому бо юнѣйшему сыну его той славный градъ Тверь отча достояния въ наслѣдие достася,* — яко горлица чадолюбивая, вдовствующи, молитвами частыми и многимъ молениемъ выну[1] Бога молящи, яко да и ту не лишит достояния святыхъ лику и наслѣдия Небеснаго Царствия. И многому посту и воздержанию себе вдавши, кротостию же и смирениемъ украшашеся, такожде и нищихъ, и странныхъ и убогихъ повелеваше въ домъ свой вводити, и пищу имъ и одежду доволну подаваше, и сиротъ и вдовицъ заступая, и насилующимъ возбраняя, наказуя и уча ихъ не обидѣти нищихъ и сиротъ, и сице, яко сиротамъ есть и вдовицамъ и убогимъ Отецъ Небесный помощникъ и заступникъ, якоже и пророкъ глаголетъ: «Терпение убогихъ не погибнетъ до конца».* И паки: «Сиру и убогу ты буди помощникъ».* И всяку неправду ненавидя и всяко нечестие потребляя, учаше же и сына своего возлюбленнаго, благовѣрнаго князя Констянтина, любити Господа всѣмъ сердцемъ и всею душею, и того выну предъ собою имѣти, и святыя заповѣди его хранити, и судъ правѣденъ творити, и ласкания и лукавыхъ словесъ от велможь ненавидѣти, и любовъ ко всѣмъ равну имѣти, и от насилующихъ сиротъ и убогихъ изымати[2]. И таковыми благочестивая и великая княгиня Анна тогда плоды добродѣтелей цвѣтяше и Богу угождающи, якоже и древнии святии. Помышляше же, како бы отврещися мира и единому Богу въ молчании работати и того доброты выну насыщатися, понеже рече: «Уязвленна есмь того любовию; и въслѣдъ твоего человѣколюбия потѣку». Глаголаше къ Богу: «Приими мя, жените небесный, Иисусе Христе, твоею любовию мя мудрымъ дѣвамъ». И сице моляшеся Богу и исповѣдовашеся. Таже по семъ блаженная, разсуждая въ себѣ, глаголаше: «Аще пребуду въ дому моемъ въ таковей чести, и славѣ, и покои, паче же въ молвѣ и суетѣ, яве отлучитъ мя отъ Божия любве и никогда же попустит мя въ безмолвии единому Богу молитвою бесѣдовати. И „кая полза будетъ, аще человѣкъ и весь миръ приобрящетъ, душу же свою отщетитъ".* Ибо и Моисей, онъ Боговидѣцъ, никогда же бы сподобился славы Божия и въ

[1] всегда, постоянно; [2] защищать.

купинѣ на горѣ Синайстей законъ прияти, аще бы токмо не отлучился чести и покоя и нарицатися сыномъ дщере фараоновы.* Сего ради подобаетъ работающему Богу отъ всего усердия и на высоту добродѣтелей взыти, всякаго покоя и славы мира сего бѣгати, и въ дому Божии примѣтатися, и безъ молвы Богу работати, се бо и Господь Иисусъ Христосъ учитъ насъ глаголя: „Аще кто не отвержется себе, си есть пристрастия земнаго, и возметъ крестъ свой и вслѣдъ мене грядетъ, не можетъ быти мой ученикъ".* Сему гласу святии отцы последоваша и святыя жены поревноваша, въ пустыняхъ вселишася, и въ горахъ, и въ вертѣпахъ, и въ пропастѣхъ земныхъ, иже чудо, яко и дневныя пиши лишаеми бяху, и озлобляеми от бѣсовъ; якоже и божественный Павелъ глаголетъ: „Ихъже недостоинъ весь миръ".* Сего ради и Богъ ихъ воспрослави, понеже возлюбили Господа Бога всемъ сердцемъ. [1]Что же успѣетъ[1] и мнѣ миръ сей и слава, богатство же и красота вѣка, и многая молва и мятежъ бывающи! Невозможно бо единымъ окомъ зрѣти на небо, а другимъ на землю; невозможнѣйши же и весма неудобно во многихъ молвахъ от всего сердца Богу единому работати, понеже прѣлесть вѣка сего помрачаетъ очи душевныя, и ослепляетъ мысли умныя, и работающему Богу запинаетъ во всякой добродѣтели. Что же ползова и рай праотца нашего Адама и праматерь Еву, егда бо видѣста красоту древа, отъ негоже заповедь приястa не вкусити. Что же сотвориста? Еда ли не прелстистася Ева очима ко древу? Еда ли не поползеся[2]? А Адамъ вкушением? И не токмо испадение изъ рая пострадаста, но и отъ Бога отлучистася и смертию осудистася. Еда ли азъ крѣпчайши онѣхъ буду, въ таковѣй чести сый? И предъ очима моима всяка честь и слава господства сего, и яко царица почитаема от боляръ и от всѣхъ людей. И како могу азъ избыти ловления и сѣти диаволи? Понеже мнози от многихъ начаша въ мирѣ добродѣтели проходити, и мали обретошася. Сего ради дѣвственный сосудъ, возлюбленный ученикъ Христовъ Иоаннъ Богословъ глаголетъ: „Не любите мира и яже въ немъ. Вся бо сущая видимаго сего мира похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житѣйская"».* И сице разсуждая себе, блаженная и поистиннѣ благочестивая великая княгиня Анна вскорѣ и дѣлу касается, вѣсть бо, яко медлѣние раскаяние обыче творити. Тогда блаженная оставляетъ миръ и распинается Христу, оставляетъ домъ и господство вѣка сего, изволи примѣтатися въ дому Божии, паче и понесше тяготу и варъ дневный, «нежели жити ми въ царскихъ палатахъ и имѣти славу и господство мимотѣкущаго и яко сѣнь преходящаго вѣка сего». Се бо и Моисей Боговидѣцъ изволилъ страдати съ людьми Божиими и имѣти поношение Христово, нежели имѣти временнаго грѣха сладость и жити въ дому фараонове.*

Приходитъ убо благовѣрная княгиня Анна въ монастырь дѣвичь, нарицаемый Софеинской, въ немъже храмъ Премудрости Слова Божия,* и тамо покланяется Богови, радостными слезами обливаяся, и на многъ часъ Богу ис-

---

[1]—[1] Какую пользу принесет; [2] согрешила.

повѣдовашеся, помѣтаетъ же себе съ великим смирениемъ на нозѣ сущимъ тамо постницамъ и молитъ съ кротостию, яко да и она от нихъ тамо причтена будетъ въ ликъ. Они же дивляхуся необычному премѣнению и великому смирению блаженныя, и яко раба моляше ихъ, а госпожа всѣмъ сый. Сего ради бояхуся и ужасахуся и въ трепѣте велицѣ послушаху словесъ великия княгини Анны. Видяще же и сына ея, благовѣрнаго князя Констянтина, и всѣхъ болярь, и весь народъ плачущися, и дивляхуся, како толикъ плачь не возможе блаженную отторгнути от любве Божия. Таже повелеваетъ себе пострищи во святый ангельский образъ. И сему бывшу, приведѣ себе жертву Богу непорочну, и яко юница нескверная принесеся на всеплодие[1] вышнему архиерею Господу нашему Исусу Христу. И исторжеся мирския прелѣсти, яко птица отъ пругла[2] и яко серна от тенета. И весма радовашеся о Господѣ Бозѣ своемъ, яко получи желание сердца своего. От юности бо своея непрестанною молитвою Бога моляше, дабы сподобилъ благий свой яремъ понести и того единаго доброты выну наслаждатися. И тако благодатию Христовою нача подвизатися: постомъ, и молитвами, и бдѣниемъ всенощнымъ, и слѣзы многия изливая, и непрестанно томяше себе алчбою и жаждою. Глаголаше бо, яко подобаетъ плоть презирати, прележати же паче души, вещи безсмѣртней, вѣдяше бо, яко многъ трудъ иноческаго жития и многими труды подобаетъ внити въ Царство Небесное. «Нужно бо есть Царство Небесное, и нужницы восхищаютъ е».* Смирение же и кротость вельми любяше, вѣдяше бо, яко смирения ради вся коварства вражия растлѣваются. Послушание же ко всѣмъ равно имѣяше и всѣмъ постницамъ равно покаряшеся о Господѣ. Кто бо тоя слѣзы исповѣсть или трудъ, смирение же и кротость, и послушание, и терпѣние, и бдѣние, всенощное стояние и любовь, яже къ Богу? Како возможно словомъ постигнути или писанию предать? Выну бо пояше: «[3]Прилпѣ душа моя по тебѣ[3], Христе Боже, возжада душа къ Богу крѣпкому и живому. Когда прииду и явлюся лицу Божию».* И тако помощию всесилнаго Бога, в малѣ времени превзыде добродѣтельми всѣхъ сущихъ тамо постницъ. Егда же прихождаше ко преподобней сынъ ея благовѣрный князь Констянтинъ благословения ради и поучения съ велможами своими, она же учаше и его, како Бога боятися, и тому угодная творити, и ничтоже от видимыхъ, паче любвѣ его, предпочитати, и на того уповати. «Той бо, рече, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ;* и темъ бо цари царствуютъ и силнии держатъ землю, емуже хощетъ, подастъ царство. Той бо есть мертвитъ и живитъ, и низводитъ во адъ, и возводитъ, *убожитъ* и богатитъ, смиряетъ и высить, возставляетъ от земли нища и от гноища воздвизаетъ, и посаждаетъ съ могущими людьми, и престолъ земнаго царства подаетъ ему. И нѣсть кому мощно противитися. Якоже и пророкъ Давыдъ глаголетъ: „Ты страшенъ еси, и кто противостанетъ тебѣ. Яко Богъ велий Господь и Царь велий по всей земли, яко въ руцѣ его вси концы земли, и

---

[1] жертву; [2] сети; [3—3] стремится душа моя за тобой.

высоты горъ того суть"».* Сего ради воспоминаше ему, да не величествомъ господьства своего возгордится когда, но быти смиренну и кротку и ненавидѣти неправду, поминати же смертный часъ и во всемъ послѣдовати отцу своему великому князю Михаилу. И сице учаше его преподобная, отпущаетъ въ домъ свой. Прочимъ никакоже бѣседоваше великая, но въ молчании пребываше и единому Богу въ молитвѣ упражняшеся, поя Господеви въ сердцы своемъ: «Господь помощникъ мой, на того упова сердце мое, и поможе ми, и процветѣ плоть моя, и волею моею исповѣмся ему».* И день от дне возхождение полагая въ сердцы своемъ, и душу свою просвѣщая божественнымъ свѣтопролитиемъ,* и ума зрителное очищая, и яко безплотна во плоти подвизаяся, и безплотныхъ ликостоянию тщащися усердно постигнути, и разума духовнаго непрестанно боговидѣния и разсуждения прияти. Имяше же во умѣ и память смѣртнаго часа поминаше, и плакаше велми, како по исхождении от тѣла испытание душамъ бываетъ на воздусѣ от лукавыхъ бѣсовъ. И люто поистиннѣ тогда бываетъ душамъ тѣмъ, иже не имѣвше плода благихъ дѣлъ и во время сей жизни не подвизавшимся, како бы угодити Богу и избыти вѣчнаго осуждения. Сего ради и божественый апостолъ Павелъ, уча насъ, глаголетъ: «Облецытеся, — рече, — во вся оружия, яко возмощи вам стати противуérкознѣмъ дияволским, яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властем, и къ миродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебѣснымъ. Сего ради возмите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лютъ и вся содѣявши стати».* И якоже алчущимъ невозможно безъ хлѣба быти, сице и хотящему спастися невозможно есть, аще не имать памяти смѣртныя.

Таже по нѣколицехъ лѣтехъ сыну ея благовѣрному князю Констянтину отшедшу ко Господу, тогда приходитъ во Тверь вторый сынъ ея изъ града Кашина, благовѣрный князь Василий Михайловичь и молитъ матерь свою, преподобную и благочестивую и великую княгиню Анну, яко да приидетъ отъ Твери града въ господствующий его градъ Кашинъ* и яко да посѣтитъ отечество свое, яко да онъ тамо вынy зритъ святое и аггелоподобное лице ея и сладкаго зрѣния присно наслаждатися. И сице моляше ея: «Елма убо, о, мати моя, преподобная и благовѣрная великая княгиня Анно! Сице Богу изволившу судбами своими, яко скончавшуся брату моему, твоим пресладкимъ учениемъ присно наставляемъ, аще бяше тогда скорбно и неутешно, яко лишенъ тогда сладкаго твоего учения, не восхотѣхъ оскорбити брата моего и тебе молити, дабы пришла жити во градъ мой Кашинъ. Нынѣ же не могу тѣрпети, еже быти ми *отъ тебе въ далнѣмъ разстоянии и еже не насыщатися твоего божественнаго учения. И что животъ мой и слава моя, и княжение мое, еже быти ми* лишену твоего аггелоподобнаго зрѣния?» Преподобная же мати его отвѣща къ нему и рече: «Чадо мое возлюбленное, страшно наше иноческое житие и ложно, нѣкако ко Христу обѣщание, еже до послѣдняго моего издыхания на единемъ мѣстѣ, на немъже обѣщахомся, терпѣти всяку скорбь Христа ради, аще не времѣни коему позыва-

ющу, или гонения ради, или частыхъ наносимыхъ ради скорбей бывающихъ, Христа ради понесшимъ тяготу и варъ дневный, но и сие подобает преобидети любве ради Божия. Или паки смотрения ради нѣкоего подобаетъ бѣгати въ другое мѣсто, по Христову словеси: „Аще гонятъ вы изъ града, бѣгайте въ другий градъ".* Нынѣ же, помощию всесилнаго Бога, нѣсть во градѣ семъ ни гонѣния, ни иныхъ скорбей находящихъ, якоже въ прежнее время было при отцѣ твоемъ великомъ князѣ Михаилѣ Ярославичѣ от поганыхъ нашествия и своихъ сродниковъ крамолы и зависти. И аще оставлю градъ сей и въ тотъ градъ преселився, буду подобна ищущимъ славы мира сего. Рече бо Сынъ Божий: „Никтоже, возложь руку свою на рало[1] и зря вспять, управленъ будетъ въ Царство Небесное".* Ибо и Авраамъ, праотецъ нашъ, повеленъ бы былъ от Бога оставити отечество свое и пресѣлитися въ чуждую землю, аще не бы возбранило ему отеческое идолобѣсие от Божия любве и познания.* И азъ како могу оставити градъ сей, въ немъже дарова всещедрый Богъ страстотерпца своего и моего князя Михаила, егоже въ заступление и помощъ имѣетъ и къ Богу ходатая весь градъ сей, и азъ имѣю предъ очима моима пресвятое и страстотѣрпческое тѣло его и, зря на нь, усердно тѣку въ добромъ семъ подвизѣ, егоже молитвами, аки нѣкими крилы, вперився умомъ къ Богу. Ни, чадо мое, престани понуждати мя пресѣлитися во градъ свой Кашинъ, *и* прочее не стужай[2] ми». Онъ же со слѣзами моляше блаженную и не хотяше восклонитися от святыя ноги ея. Паки рече къ ней: «Вѣси, мати моя преподобная, яко от младыхъ лѣтъ твоей любви привязанъ и тобою паче братий прочихъ моихъ любимъ бѣ, и никогдаже повелѣний твоихъ преслушахся, и никогдаже хотѣлъ отлучитися твоего сопребывания. Но Божиихъ судебъ нѣсть кому возможно постигнути. Зане[3] по жребию и по благословению святаго отца моего и твоимъ достася мнѣ въ наслѣдие градъ той, и ес*ть* ми любезенъ ради покорения и послушания боляръ моихъ и велможъ и всего народа. Аще бы хотѣлъ оставити градъ той и пресѣлитися сѣмо по смѣрти брата моего и твоего выну слышати медоточнаго языка и учения, и зрѣния ангеловиднаго насыщатися, но ника*ко*же оставятъ мя велможи мои и весь градъ, ради любве моея еже къ нимъ, оттолѣ къ нимъ бѣ пресѣлитися. Сего ради, по совѣту боляръ моихъ и велможь и всего града, приидохъ молити тя. Весь бо градъ желаетъ видѣти ангелоподобный твой зракъ и въ себѣ имѣти, и сице глаголетъ, яко „да посѣтитъ преподобная и благовѣрная княгиня Анна отечество свое и да въ немъ пребываетъ". „Того бо града, — рекоша, — таковая благочестивая и святая отрасль израстѣ отъ благородну родителю, и есть намъ печаль не мала належитъ, яко лишихомся пресладкаго учения. Иди, благовѣрный княже, во градъ Тферь и моли преподобную матерь свою, яко да пресѣлится во градъ Кашинъ своего отечества, яко да будетъ граду нашему Кашину и всей области его вѣчная похвала тоя пришествиемъ. Граду же Тфери дарова Богъ молитвенника тепла и за-

---

[1] плуг; [2] досаждай; [3] поэтому.

ступника скора, страстотерпца своего, отца твоего, благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича, нашему же граду всяко даруетъ всещедрый Богъ преподобную матерь твою благовѣрную и великую княгиню Анну въ помощь и заступление во вся роды до вѣка. Токмо потщися усердно доити во градъ Тферь, умолити матерь свою, и Богъ благий исполнитъ желание сердца твоего". Сего ради, о, мати святая и блаженная моя, да не оставиши мя тща, ради своего еже къ намъ пресѣления, да не презриши молѣния всего народа, паче же мене возлюбленнаго сына своего, да не печалию снеденъ буду, еже лишену быти мнѣ твоего медоточнаго языка; лучши есть здѣ умрети, нежели возвратитися тщу во свой градъ». Таковыя глаголы благовѣрный князь Василий ко преподобней матери своей со многими слѣзами изрѣче и въ себѣ Бога моляше, яко да получитъ желание сердца своего. Блаженная же и преподобная княгиня Анна таковое моление от сына своего слышаше и вѣру его видѣвше, не безъ Божия промысла, разсуди, сему быти, но яко отъ Бога посланъ бысть къ ней, преклоняется на моление и обещевается пресѣлитися во свое отечество и тамо пребыти до дне исхода своего еже къ Богу. И сице рече къ нему: «Буди, сынъ мой возлюбленный, по твоему повелению, и якоже Господу угодно, тако и будетъ». Благовѣрный же князь, сынъ ея, слышавъ таковая глаголы, радости многия наполняшеся и всесилнаго Бога прославляше, *яко* не презрѣ моление. Тогда преподобная и великая княгиня созва къ себѣ постницы, еже въ монастырѣ томъ, и повѣдаетъ имъ свое еже от нихъ отшествие. Они же, яко услышавше от преподобныя сицѣвыя глаголы, слѣзъ исполнившеся, глаголаше къ ней: «Камо[1] грядеши, госпоже наша? И чесо ради разлучение твое от насъ хощетъ быти? Еда въ чемъ прогнѣвахъ тя, или неправдовахъ[2] предъ тобою, или скорбь кую наведохъ твоему непобедимому и терпѣливому смиренномудрию? Еда гражане гонятъ тя от нашего пребывания? Повѣждь намъ, преподобная мати, вину[3] отшествия своего». Она же: «Не плачите, рече, сестры мои, видите, яко сынъ мой прииде изъ Кашина града, благовѣрный князь Василий, и той понуждаетъ мя и молитъ со многими слѣзами еже пресѣлитися отсюду во свой ему градъ. Азъ же много отрицахся, дабы не отлучитися от вашего постническаго пребывания. Онъ же не престанно моля мя, дабы поити ми въ Кашинъ градъ. Азъ же разсудила въ себѣ: не безъ Божия промысла сему быти, но яко от Бога посланъ прииде ко мнѣ и моля мое смирение, дабы преселитися отсюду, и Богу хотящу, и молитвамъ вашимъ поспѣшествующим мнѣ во благое, хощу итти во градъ къ сыну моему, благовѣрному князю Василию. Вы же, сестры мои, оставайтеся здѣ съ Богомъ и въ молитвахъ своихъ поминайте мое смирение». Они же рѣша къ ней: «Аще, госпоже наша, отходиши от насъ, на кого воззримъ и кто намъ путь смирения и безмолвия покажетъ? Кто же ли намъ безъ тебе учение простретъ, да яко возможемъ ловления дияволя преити?» Блаженная же рече къ нимъ: «Богъ благий

---

[1] Куда; [2] были неправы; [3] причину.

благодатию своею да сохранитъ васъ от многоплѣтенныхъ сетей вражиихъ. Токмо молю васъ, яко да имѣете попечение о душахъ вашихъ и красоту дѣвства вашего храните безъ всякаго вреда и свѣщу вашего течения добраго соблюдите неугасиму, дондеже приидетъ женихъ, Христосъ, Богъ нашъ. И аще обрящетъ ны въ первѣмъ нашемъ воздержании и добромъ течении иноческаго жития, тогда введетъ ны на браки своего Небеснаго Царствия со всѣми святыми. Аще ли не таковыхъ насъ обрящетъ, всяко и намъ возглаголетъ, яко и буимъ дѣвамъ: „Отъидите от мене, яко не вѣмъ васъ".* И тогда плакати имамы во вѣки вѣковъ, яко погубихомъ трудъ чернечества нашего. Но подобаетъ намъ со всякимъ смиренномудриемъ и кротостию духа молити человѣколюбиваго Бога, Господа нашего Иисуса Христа, дабы сподобилъ насъ съ мудрыми дѣвами небеснаго своего чертога наслѣдницамъ быти и дабы доброе течение соблюлъ по своей ему благости цѣло и непорочно, яко тому подобаетъ всякая слава вовѣки. Аминь». Они же слышавше учение ея, вельми дивляхуся безмѣрному смирению и реша к ней: «О, госпоже наша, преподобная мати! Кто убо видѣ твое безмѣрное смирение и любовь, послушание же и терпѣние, кротость и незлобие, и милосердие ко всѣмъ, успѣхъ своему житию не приимаше и всемилостиваго Бога прославляше! Мы же, видѣвше твое постническое житие, постъ и воздержание и непрестанную любовь, яже къ Богу, зѣло успѣхъ своему житию приимахомъ. Нынѣ же отходиши от насъ, како не сѣтование намъ будетъ твое разлучение, и како намъ не плакать: еже дарова Богъ, и сего лишаемся. Молимъ тя, госпоже, не оставляй насъ, сирыхъ, но пребуди съ нами». И сицевыми словесы хотяще удержати неудержимую, мняще, яко послушаетъ тѣхъ, паки пребудетъ съ ними. Но блаженная и преподобная мати утѣшаше ихъ сладкими учении и рече имъ: «Не скорбите, сестры мои и госпожи, аще и отхожду от васъ, но и тамо вы со мною есте, и азъ съ вами буду духомъ. И аще всеблагий Богъ союзомъ духовныя любви совокупилъ насъ, кое тѣхъ разлучение или разстояние приимемъ?» И миръ давъ имъ, и лобза коюждо[1] святымъ цѣлованиемъ, и отходитъ въ соборную церковъ, и тамо на многъ часъ Богу моляшеся покрыти ю́ своимъ человѣколюбиемъ, [2]идѣже аще изволилъ ей быти[2]. Паки же припадаетъ со многими слѣзами ко гробу супруга своего, страстотерпца Христова, благовѣрнаго и великаго князя Михаила, яко да и тамо помогаетъ ей молитвами своими. «Понеже, — рече, — велика стяжахъ тебе къ Богу ходатая и молитвеника». И сице помолившеся и приимши благословение от епископа, пути касается, всѣмъ людемъ плачущимся о отшествии преподобныя, яко мнѣти имъ тогда и глаголати, яко «прогнѣвася на насъ Богъ тоя ради отшествия и, аще не бы согрѣшихомъ предъ Богомъ, не бы попустилъ когда отъити преподобней от града нашего». Благовѣрный же князь Василий многу милостыню подавъ сущимъ тамо постницамъ, и пищею удоволивъ, и всѣмъ убогимъ, яже во градѣ, многу милостыню подавъ

---

[1] каждую; [2—2] там, где он повелел ей быть.

и благословение приимъ от епископа, отходитъ во свой градъ, поимъ съ собою и матерь свою, преподобную и благочестивую великую княгиню Анну, велми прославляше въ сердцѣ своемъ всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу, яко получилъ желание своего благохотѣния.

Егда же приближишася ко граду Кашину, тогда изыдоша вси людие града Кашина, иереи и иноцы, мужи и жены и старцы съ юнотами, во сретение преподобныя и блаженныя Анны и, другъ друга предваряюще, хотяще преподобную видѣти, и ови[1] «прикасахуся воскрилию[2] ризъ ея»,* освящение приимаху, инии же зрѣниемъ токмо ангелоподобнаго лица ея освящахуся и Бога прославляху и того Пречистую Матерь Пресвятую Богородицу. И сице приглашаху[3]: «Приими, славный граде Кашине, свою похвалу и славу неотъемлему и радость присноцвѣтущую. Яже ты *изведѣ* от себе плодъ богоданенъ и вѣтвь благочестивую, паки преблагий Богъ къ тебѣ приведе, и радуйся радостию непобѣдимою во вся роды, и радости твоеяниктоже отъиметъ от тебе». И тако, Божиими судбами и того хотѣниемъ, преподобная и блаженная великая княгиня-инокиня Анна от супружника своего великаго князя тверскаго преселися во свое отечество, во славный градъ Кашинъ, от града Тфери. И нача тамо подвизатися болшими труды и подвиги, и пощениемъ, и молитвою непрестанною вооружатися на невидимые враги, и стояниемъ всенощнымъ побѣдила бѣсовския брани. И толико истни[4] себе блаженная постомъ и многимъ воздержаниемъ, яко токмо познаватися составу человѣческому, якоже глаголетъ пророкъ: «Прилпѣ кость моя плоти моей, и колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя измѣнися елея ради».* И весма покорила плоть духу, и жилище явися и престолъ Пресвятыя, и Единосущныя, и Животворящия, и Неразделимыя Троицы. Пришедъ бо Господь со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, обитель сотворилъ себѣ въ пресвятей души ея, *и толико возлюбилъ красоту, благородие чистоты ея,* яко и по смѣрти соблюдѣ святое тѣло ея невредимо от тлѣния, яко и нынѣ всѣмъ видится воочию. Любяше же беззлобие, безмолвие и никомуже бѣседоваше, но точию егда прихождаше къ ней сынъ ея, благовѣрный князь Василий, и сего учаше и наказоваше, како любве ради Христовы видимая презирати и ни во чтоже красоту вѣка сего вмѣняти, любити же и боятися и почитати страшнаго и славнаго всесвятаго Бога и того вѣчныхъ благъ искати милостынею и благотворениемъ къ нищимъ: «Ничтоже бо, — рече, — тако просвѣщаетъ человѣка и до престола Божия доводитъ, якоже милостыня»; поминати же смертныи часъ: «Понеже, — рече, — чадо мое возлюбленное, аще царь или князь, или богатый, или нищъ, рабъ или свободь, всѣ смѣрти предаются, и никтоже отъ нихъ на земли вовѣки пребываетъ, но „яко сѣнь скоро преходитъ и яко цвѣтъ скоро увядаетъ"»,* — держатися же правды, понеже правда вовѣки пребываетъ. «Праведный же, — рече приточникъ, — от вѣры живъ будетъ, вмѣсто же его предается нечестивый».* «А еже

---

[1] одни; [2] полам; [3] призывали; [4] истончила.

смиренну, и кротку, и милостиву, и долготѣрпеливу быти, и аще тако поживеши и будеши долголѣтенъ на земли, и никтоже на тя злое помыслитъ когда, и супостатомъ твоимъ страшен будеши, и вѣчнаго блаженства от Господа нашего Иисуса Христа покой на небесѣхъ приимеши». И сими поученми наказоваше сына своего благовѣрнаго князя Василия, отпущаше его въ домъ свой. Сама же единому Богу бесѣдоваше молитвою непрестанною и прочими богодухновенными дѣтелми просвѣщаше душу свою. Благовѣрный же князь Василий, таковыми ученми от преподобныя матери своей наставляемъ и наказуемъ, яко «древо при исходищахъ водъ напояемо»,* возращая плодъ сториченъ[1], и никогдаже преступаше наказания блаженныя, но тщашеся усердно послѣдовати стопамъ ея.

Поживе же преподобная княгиня Анна, по пришествии от Тфери въ Кашинъ, нѣколико лѣтъ во мнозѣхъ трудѣхъ и пощениихъ, и въ воздержании, и молитвахъ. Таже, увѣдавше свое отшествие къ Богу, призываетъ къ себѣ сына своего, благовѣрнаго князя Василия, и много поучивъ его о вѣрѣ и о милостынѣ, по семъ же преподобная сказуетъ ему и отшествие свое къ Богу. Онъ же, яко слышавъ, и велми восплакася и рече ко блаженнѣй: «О, мати моя преподобная! Кому насъ оставляеши, и от кого по твоемъ отшествии учение восприиму? Что же ли [2]животъ мой кромѣ[2] твоего пресладкаго учения и наказания? Уне[3] мнѣ съ тобою умрети, нежели по отшествии твоемъ лишену быти ми ангелоподобнаго твоего зрѣния». Блаженная же рече къ нему: «Не плачи, чадо мое возлюбленное, и не скорби о семъ: предаю тебе и весь градъ сей въ руцѣ всемилостивому Богу и Пречистѣй Богородицѣ. Той да наставитъ васъ на всяку истину и исправитъ стопы ваша къ дѣланию божественныхъ заповедей его. Токмо, чадо мое возлюбленное, держися, яже[4] наученъ еси и въ нихъже[5] пребываеши, и имѣяй вѣру несумнѣнну, и Богъ мира да будетъ съ тобою. И молитвы отца твоего великаго князя Михаила и страстотерпца Христова и мое благословение вовѣки на тебѣ пребудетъ». Такожде наказавши и велможь его, како всѣмъ сердцемъ Бога боятися и угодная предъ нимъ творити, и того пресвятыя заповѣди безъ лѣности соблюдати, и покорение во всемъ имѣти «къ сыну моему» благовѣрному князю Василию, и судъ правѣдныий творити и не насиловати немощнымъ, воспоминати же имъ шесть заповѣдей евангелскихъ.* «Въ нихъ, — рече Богъ, — истязани будете отъ Бога. И аще тако сотворите, и того ради сподобитеся отъ Бога милость прияти и Небеснаго Царствия наслѣдие». И сице поучивъ блаженная и преподобная и великая княгиня Анна и помолився за нихъ и о всемъ градѣ, таже возлеже на одрѣ и опрятавшися велелѣпиемъ, и сице рече: «Владыко Господи Иисусе Христе, Боже мой, ненадѣющимся надѣжда, источниче благоутробия, тебе, свѣта пресладкаго, возжелѣхъ и тебѣ душу свою предаю, приими ю́ и покой со всѣми святыми». И тако предаде честную свою и ангеломъ говѣйную[6]

---

[1] преумноженный в сто раз; [2—2] жизнь моя без; [3] Лучше; [4] того, чему; [5] чем; [6] благоговейно хранимую.

душу въ руцѣ Господеви, егоже возлюби отъ юности своея и непрестанно въслѣдъ того человѣколюбия течаше, въ лѣто 6846-е, мѣсяца октомврия во 2 день.*

Сынъ ея, благовѣрный князь Василий, видѣвъ матери своея преподобныя и блаженныя великия княгини Анны отшествие къ Богу, и нападъ на пѣрси ея, со слѣзами вопияше: «О, мати моя преподобная и преблаженная, свѣте очию моею, учителнице и наказательнице моего ума! Аще и скончала еси свою жизнь и прешла еси от временныхъ на безконечная, и от многихъ трудовъ на вѣчный покой, но духомъ не отступай от насъ, чадъ своихъ, и молися Христу Богу нашему о сохранении державы моея и о спасении града сего, въ немъже изволила еси жити и душу свою предати Господеви, и избавитися намъ отъ всѣхъ находящихъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ и спастися душамъ нашимъ». Слышано же бысть по всему граду преставление преподобныя, скоро притекоша мужие и жены, и со младенцы, нищии и убозии. Велможи плачущеся, яко истинная имъ бѣ учителница и «окормление животу нашему», нищии же и убозии, сироты же и вдовицы рыдаху, яко питателницы своея, и крепкия помощницы, и непобѣдимыя заступницы лишишася. И тако положиша на одрѣ честное и трудолюбивое тѣло блаженныя и великия княгини Анны и понесоша честно со псалмы и пѣснми въ соборную церковь Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, и отпѣвше надгробная пѣния, и погрѣбоша тѣло преподобныя подъ соборною церковию со псалмы и пѣснми духовными; отдаша пѣрсть[1] пѣрсти, и много плачущи и сѣтующи, яко лишишася добрыя учителницы и крѣпкия заступницы, обаче[2] надѣющеся и по отшествии ея иже къ Богу незабвенно въ молитвахъ своихъ память имѣти о отечествии своемъ. И тако разыдошася въ домы своя, славяще и благодаряще Бога.

Сице бо житие преподобныя блаженныя княгини Анны и пребывание ея на земли совершишася, яже отъ младыхъ ногтѣй нача Богу работати благими дѣтелми и всѣмъ сердцемъ любити. И ничтоже от видимыхъ сущихъ на земли (яко прѣлесть мира сего хотящимъ Богу работати помрачаетъ очи) паче же любве Божия предпочте, и до конца гнушашесе славы вѣка сего суетнаго. И якоже преждѣ сопряжения добродѣтелемъ прилежа, тако и въ сопряжении, а по скончании супруга своего, великаго князя Михаила, чистоту своего благородия нескверну соблюдѣ, и въ посничестѣмъ тризнищи[3], иноческомъ пребывании добрымъ подвигомъ подвизався. И ничтоже возможе отлучити ю́ от любве Божия: ни слава мира сего и ни честь, ниже величество, но вся сия от юности преобидѣти нача, тако и скончa, и во умѣты[4] положи и до конца оплева, токмо единаго Христа да приобрящетъ, и того доброты выну и славы божественныя да насладится. Сице и Христосъ Сынъ Божий возлюби ю́ и вѣнча святый вѣрхъ славы ея свѣтлымъ вѣнцемъ правды, и достойну сотворилъ ю́ не-

[1] прах; [2] но; [3] подвиге; [4] грязь, нечистоты.

беснаго своего чертога, и съ мудрыми дѣвами причтѣ ю въ Царствии своемъ Небеснѣмъ.

Сынъ же ея, благовѣрный и великий князь Василий, такожде и той житие свое благочестно и мирно препроводилъ, и мирно къ Богу отъиде того же лѣта, мѣсяца июния въ 24 день.* Бѣ бо смиренномудренъ, и кротокъ, и милостивъ до конца, и во всемъ ревноваше житию родителемъ своимъ. О всемъ мирѣ моляся и ходатайствуетъ о отечествии своемъ.

Сия тебѣ моихъ словѣсъ плетѣния, о, преподобная мати и богоблаженная великая княгиня Анна, приписую, и аще точию твоему равноаггелному иже во плоти житию буди благотворение Богу, того бо есть даръ и от его велелѣпнаго Божества славы его вся сия приносимъ, якоже и оная вдовица убогая, иже лѣпту принесе Богу въ даръ и свидѣтелствованна бывшихъ паче множества принесшихъ.* Аще ли что и еще недостаточно явися твоему богоугодному пребыванию, обаче по силѣ принесохом тебѣ, елико подаде благодать Святаго Духа. Кто бо можетъ по достоинству изрѣщи ваше иже во плоти аггелское пребывание, иже многия труды и поты, пощение и воздержание, и слѣзы непрестанныя, смирение же и кротость, и любовъ нелицемѣрную, еже и сами аггели удивишася невещественному вашему житию! Ты же молися, преподобная и богоблаженная великая княгиня Анно, о мнѣ, недостойномъ, ко Христу Богу, и достойна мя сотвори небесныя породы наслѣдника быти и избавитися вѣчнаго осуждения, и твоими молитвами въ настоящемъ семъ житии сохранену быти от многоплѣтенныхъ коварствъ вражиихъ благодатию и человѣколюбиемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ нимъже Отцу, купно и Пресвятому и Животворящему его Духу всякая слава и держава, от всея твари честь и поклонение, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ.

Чудо о явлении преподобныя матере нашея благовѣрныя великия княгини-инокини Анны, како явися пономарю Герасиму*

Прешедшимъ убо многимъ лѣтомъ по успении блаженныя и великия княгини Анны, яко двесте и четыредесять и три лѣта,* въ нѣже время всещедрый Богъ благодатию своею явилъ намъ источникъ неизчерпаемый — гробъ знаменоносныя матере и великия княгини Анны. И по явлении томъ невѣдомъ бѣ и небрегомъ гробъ ея, зане сущу времени тогда въ Росийскомъ государствѣ нестройну бывшу отъ нашествия богомѣрскихъ латынския ереси восприемниковъ, литовскихъ людей, якоже лѣтописныя книги повѣствуютъ.

Царствующу бо тогда въ Московскомъ государствѣ и скип*т*ръ Российскаго царства правящу царю Василию,* тогда убо окрестъ Московскаго царства безчисленное воинство бяше литовскихъ людей, на взятие царствующаго града

готовляхуся, прочия же грады, окаянни, плѣняюще и пожигающе и въ запустѣние полагающе. И многие святые мѣста, и честные монастыри разориша, и крови христианския, окаяннии, множество пролияше: от Москвы даже и Великаго Новагорада и окрестъ окиана-моря протѣче необузданное ихъ воинство. Богу тако попущающу за грѣхи наша, яко да накажемся[1] и человѣколюбие его престанемъ гнѣвати, яко да научимся пресвятыя заповѣди его не преобидети, но всегда угодная предъ нимъ навыкнемъ творити. Той бо самъ глаголетъ пророком своимъ: «Аще мене послушаете, благая земли снѣсте; аще ли не послушаете, оружие васъ поястъ».* Якоже речено есть, яко злохищнии волцы, литовстии людие нещадно погубляюще овцы стада Христова, и нѣсть кто возбраняя имъ или сопротивляяся, понеже царю Василию и самому тогда сущу въ велицемъ утѣснении, бывшу елико от литовскаго воинства, паче же от своихъ присныхъ мятежи и нестроения бяху.

Приразишася[2] окаяннии литовскаго воинства ратнии и ко граду Кашину не токмо единою, но и дважды и трижды, но ничтоже могоша успѣти или зла сотворити, Богу его соблюдающу ради молитвъ благовѣрныя княгини Анны. Людие же тогда во градѣ бяху ратнии и простии, видѣвше милость Божию, иже от нашествия латинския ереси восприемниковъ невредимъ пребываетъ градъ, и разумѣвше, яко не от своея имъ силы соблюдается, обаче не вѣдаху, яко кто [3]по нихъ побараетъ[3] и избавляетъ ихъ отъ пленения сопротивныхъ, понеже все грады [4]плещи своя вдаша[4] воюющимъ. Тогда убо премилостивый Богъ *восхоте* показати рабу свою и явити людемъ своимъ цѣлебный источникъ и сущую помощницу во градѣ, преподобную и благовѣрную великую княгиню Анну, симъ образомъ.

По ошествии убо преподобныя къ Богу пресвятое тѣло ея подъ соборною церковию Пресвятыя Богородицы лежаше, и многи лѣта прешедше той церкви въ вѣтхость, якоже и помосту церковному обвалившуся до самыя земли и разрушшуся. Тогда гробъ великия княгини Анны обретеся на верху земли. Людие же воинстии, иже во градѣ томъ учинены бяху на сохранение града, приходяще во храмъ Пресвятыя Богородицы помолитися и отъ невѣдения полагаху шапки свои на гробъ блаженныя, инии же неразумнии и саждахуся, мняще быти гробу просту, и никакоже помышляху кого нетлѣнию причастна быти въ немъ.* Богъ же сущую во градѣ заступницу восхотѣ абие показати людемъ своимъ, [5]яко да не к тому преобидима бываетъ[5] благодать его, юже дарова угодникомъ своимъ, но да прочее яко свѣтило сияетъ на подсвѣщницѣ.

Въ то время (о, дивна дѣла твоя, Господи!), яко въ неже лѣта тма богомѣрскихъ и треклятыхъ литовскихъ людей повсюду обнажашеся, и крови христианския проливахуся, и людие въ велицей скорби и пѣчали суще, и страхомъ

---

[1] научимся; [2] Подступили; [3—3] за них заступается; [4—4] сдались; [5—5] чтобы не была преобидима.

сердца ихъ сокрушахуся, тогда убо Господь нашъ Исусъ Христосъ изволи рабу свою явити. Является преподобная и богоблаженная и великая княгиня Анна, въ велицѣмъ иночестемъ образѣ одѣяна, пономарю тоя церкви Пресвятыя Богородицы, именемъ Герасиму, емуже тогда въ велицѣй болѣзни бывшу и весма ко вратомъ смѣртнымъ приближающуся и отнюдъ не чаяху ему живу быти. И явлениемъ своимъ исцѣление ему подадѣ и здрава его сотвори. Таже повѣдаетъ ему о себѣ, кто бѣ.* Потомъ, поношая имъ о неразумии ихъ, сице глаголетъ: «Почто, — рече, — гробъ мой ни во чтоже вмѣняете, и мене презираете, и яко просту помышляете гробу быти? Не видѣте ли людей приходящихъ и на гробъ мой шапки помѣтающихъ и садящихся, понеже от васъ невозбраняемы бываютъ, и отнюдъ небрегомъ бѣ от васъ и преобидима, и нѣсть разумѣвающаго въ васъ? И доколѣ тако быти ми от васъ попираема ногами. Или не вѣсте, яко азъ молю всемилостиваго Бога и того рождшую Матерь Пречистую Богородицу, дабы не преданъ былъ градъ сей въ руки враговъ вашихъ, и от многихъ пакостей, находящихъ на вы, соблюдаю васъ? Обаче нынѣ не мози, человѣче, ослушатися моихъ словѣсъ, да не горшая сихъ пostраждеши. Пойди ко пресвитеру сея церкви и ко всѣму причту и повѣждь имъ вся, реченная от мене, яко дабы отселѣ гробъ мой честнѣ имѣли и приходящимъ бы возбраняли садитися, и шапки класти не *вел*ѣли на него, и свѣщу бы есте возжгли на гробѣ моемъ предъ нерукотвореннымъ образомъ Господа нашего Иисуса Христа». Той же пономарь от видѣния въ себѣ бывъ и скорому премѣнению еже от болѣзни здрава себе видѣвъ, велми дивляшеся и Бога прославляше, яко безчислѣнное богатство благости своея открылъ есть и отъ вратъ смѣртныхъ возведѣ, и великую княгиню Анну немолчными усты похваляше.

Таже нимало замѣдливъ, бояся прещения[1], но скоро приходитъ ко пресвитеру и съ нимъ всему причту тоя церкви повѣдаетъ вся реченная от преподобныя,* и яко здрава сотворила отъ недуга и отнюдъ къ смерти приближающася явлениемъ своим от смертныхъ вратъ возведѣ. Они же слышавше таковая и онаго вѣдяху весма болѣзненна бывша и неначаема[2], видѣвше исцѣление получивша, благодарственными пѣсньми всесилнаго Бога и Пречистую Богородицу воспрославиша, яко неистощимое богатство и небесное сокровище и крѣпкую помощницу явилъ имъ, блаженную и великую княгиню Анну прославляюще, таже и всѣмъ людемъ повѣдаша. И оттолѣ вси людие града Кашина, яко стяжавше крѣпкую во градѣ побарательницу[3], никтоже не имѣяху скорби еже от нашествия безбожныхъ и латинския ереси восприемниковъ, скверныхъ и преокаянныхъ литовскихъ людей, вѣдуще, и непобѣдимую во бранѣхъ помощницу, яко не оставитъ преподобная отечества своего въ руки нечестивыхъ предану быти. Таже по повѣлению преподобныя на гробѣ ея предъ нерукотвореннымъ образомъ Господа нашего Иисуса Христа свѣщу неугасимую возжгоша, и мнози при-

---

[1] наказания; [2] отчаявшегося; [3] заступницу.

ходяще съ вѣрою помолитися Пресвятѣй Богородицѣ и гробу богоблаженныя честнѣ, якоже подобаетъ святымъ покланятися и почитати. И вси, иже многоразличными болѣзньми содержими, прикасахуся честному гробу ея и неоскудную благодать отъ преподобныя почерпающе, отхождаху въ домы своя здравы, славяше и благодаряще Христа Бога нашего и того рождшую Матерь Пречистую Богородицу, и благодать велию исповѣдающе благовѣрныя и великия княгини Анны, яко молитвами ея здравы бываху. Но тогда аще и многим чюдѣсемъ, бывающимъ от гроба преподобныя, и мнозѣй благодати, изливающейся отъ живоприемнаго гроба, обаче въ простотѣ ума своего, или тако Богу изволившу судбами своими, не попущающися таковый свѣтилникъ, иже подъ спудомъ сокрытый, пресвятое и нетлѣнное тѣло богоблаженныя и великия княгини Анны, на свѣщницѣ поставити,* сирѣчь явѣ быти мощемъ, дабы видимъ былъ таковый источникъ неисчерпаемы всѣмъ приходящимъ. И Богъ сие сотвори смотрения[1] ради нѣкоего, яко да покажетъ всѣмъ явѣ таковое неистощимое богатство, древния своея благости источникъ неисчерпаемый во свое время, когда онъ вѣсть судбами своими. И от того времени явленъ бысть гробъ преподобныя, тако почитаемъ бѣ и покланяемся честнѣ и велелѣпнѣ. Аминь.

Месяца июлия 21 день. Обрѣтение честныхъ мощей святыя преподобныя благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны Кашинския чудотворицы

Во дни благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великаго князя Алексия Михайловича, всея России самодержца, и при святѣйшемъ Иосифѣ, патриархѣ Московскомъ и всея России,* благий, и преблагий, и всемилостивый Богъ нашъ, иже неизреченнаго своего благоутробия пучину излия на насъ богатно щедротами своими, дарова намъ божественное свое сокровище, неистощимое богатство, и открылъ есть въ послѣдняя сия роды иже подъ спудомъ лежащий свѣтилникъ, и подаде неизчерпаемый источникъ от приснотекущия своея благости — мощи преподобныя и благовѣрныя великия княгини-инокини Анны, и толикимъ бо лѣтомъ прешедшимъ по преставлении богоблаженныя, и никакоже тлѣнию причастны показалъ. И, яже прежде рѣхомъ, неизслѣдимыми судбами Владыки всѣхъ и Бога, творящаго преславная и непостижимая чудотворения роду человѣческому, явився гробъ благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны на верху земли,* и многимъ преестественнымъ чудесѣмъ от него изливающимся.

И сие видѣвше пресвитеръ тоя церкви и съ нимъ причетъ церковный, таже и прочий священнический чинъ и вси людие преславнаго града Кашина,

[1] промысла, цели.

како таковый источникъ, повсегда неисчерпаемый, истѣкаетъ и никогдаже оскудеваетъ, и въ себѣ помышляюще, яко «Богъ благодатию своею дарова граду нашему таковое сокровище неистощимое, и яко многу времени прешедшу по явлении гроба преподобныя, и никакоже прежде насъ бывшихъ, глаголаше, подщавшихся[1], вѣдяху, еже бы *мощи* преподобныя явѣ сотворити. И се нынѣ предъ очию нашею всякому приходящему от всечестнаго гроба ея изливается благодать, спасителная всѣмъ человѣкомъ, и явѣ показующи намъ преестественными чудѣсы, аще и намъ молчащимъ, но многая чудѣса явѣ творятъ данную благодать иже от юности возлюбившей и его лѣгкое иго понесшей благовѣрной и великой княгинѣ-инокенѣ Аннѣ. И како таковый божественный сосудъ, иже небеснаго мира полный, во гробѣ лежащий, аки подъ спудомъ сокрытый и никимъже вѣдомъ. И доколѣ супостатъ нашъ, врагъ, дияволъ, сопротивникъ святыхъ, таковымъ нашимъ нерадѣниемъ и небрежениемъ поноситъ намъ, тии бо вся козни, лукавства и ухищрения, во Христову благодать оболкшеся, и того пронырства до конца побѣдиша, яко худая птица, попираема отъ нихъ. По смѣрти же своей, вся наша страсти неисцѣлныя исцѣляютъ и того козни явѣ намъ творятъ. И сего ради лукавый супостатъ не хощетъ ни единымъ божественнымъ мощемъ въ видѣнии быти всѣмъ человѣкомъ. Якоже и въ пренесении мощей явлено есть первомученика и архидиякона Стефана от Иерусалима въ Царьградъ, и како нечистии дуси на пути вопияху: „О, горе намъ, яко первомученикъ Стефанъ идетъ мучити насъ!"* И аще не Божия дѣсница тѣхъ стремления не возбранише, не бы убо когда попустили лукави дуси мощемъ его явленнымъ быти всѣмъ человѣкомъ. Якоже и въ прочихъ житияхъ святыхъ написано есть: вся козни и ухищрения, лукаваго сатаны творимая, от святыхъ мощей побеждаеми».

И таковая въ себѣ помышляху, любовию вперяющеся людии, еже бы дойти въ царствующий градъ Москву и *повѣдати* государю царю и великому князю Алексию Михайловичу, всея России самодержцу, о таковыхъ великихъ и многоразличныхъ чудѣсехъ благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны, дабы повелѣлъ государь таковому свѣтилу изъ-подъ спуда на свещницѣ поставитися и церкви Божия Матере свою красоту восприяти.* И сему бывшу, вскорѣ дѣлу касаются, и царствующаго матере градовъ богоспасаемаго града Москвы достизаютъ, и тамо государю царю и великому князю Алексию Михайловичу, всея России самодержцу, вкупѣ со святѣйшимъ Иосифомъ, патриархомъ Московскимъ и всея России, таковый неисчерпаемый источникъ во своемъ градѣ, гробъ благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны, супруги благовѣрнаго и великаго страстотерпца Христова Михаила Тверскаго, на верху земли повѣдаютъ, вкупѣ же и многая и различная чудѣса, бывающая от всечестнаго гроба молитвами преподобныя, явѣ извещаютъ, яко отъ лица Божия Матере церкви благочестиваго царя моляще, сице глаголюще: «Даруй, царю благочестивый, мою

[1] проявивших усердие.

красоту велелѣпную и утварь многоценную, и сокровище неистощимое, и свѣтилникъ пресвѣтлый, источникъ неизчерпаемый, сосудъ, божественнаго мира полный, гроздъ истинныя лозы — повели открытися гробу моея дщери возлюбленныя и явѣ быти мощемъ преподобныя всѣмъ приходящимъ. Доколѣ таковому небесному сокровищу подъ спудомъ лежати? Не могу бо сия надолзѣ зрѣти во гробѣ затворенну, понеже аки многимъ облакомъ, сокрывшимъ пресвѣтлыя лучи божественнаго солнца, сице и моея дщери во гробѣ затворенныя мощи никимъ вѣдомы. И доколѣ въ поношении есмь от всѣхъ ради таковаго презрѣния? Се бо и Женихъ мой небѣсный, иже предобручилъ мя себѣ невѣстою, Сынъ Божий единородный и соприсносущный Отцу и Святому Духу, иже сый сияние славы Отчи, вопиетъ во святемъ своемъ Еваггелии, яко „неподобно свѣтилнику возженному подъ спудомъ быти, но на свѣщницѣ полагатися, яко да *свѣтитъ* всѣмъ, иже во храминѣ суть".* Аще ли откровено будетъ таковое пресвятое сѣление и божественный сосудъ, тогда буду от всѣхъ славима и ублажаема, восприимши въ себѣ таковый источникъ, иже от многихъ лѣтъ сокровенный. Такова слава моя, таково украшение мое, таковою добротою и утварию украсивъ мя небесный Женихъ и твой Творецъ и Владыка. Кромѣ же таковыя утвари, еже есть мощей святыхъ и образовъ подобия ихъ написанныхъ, лишенна бываю славы, яко горлица пустынная пребываю».

Сия слышавъ, благовѣрный и христолюбивый государь царь и великий князь Алексий Михайловичь, всея России самодержецъ, вкупѣ съ богомолцомъ своимъ и отцемъ, святѣйшимъ Иосифомъ патриархомъ, радости многия наполнишася и благодарственныя пѣсни всемилостивому Богу возсылающе, яко таковое сокровище своея благодати во дни благочестивыя державы его открылъ есть. Таже вскорѣ посылаетъ своя царская писания во градъ Тферь къ сущему ту архиепископу Ионѣ,* повелеваетъ ему немѣдленно доити во градъ Кашинъ и мощи благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны со всякимъ благоговѣниемъ *открыти*, и таковое небесное сокровище, источникъ приснотѣкущий, не к тому покрывати или въ земли положити, яко да, видѣвше чада церковная и Христова стада словесныя овцы мощи богоблаженныя и великия княгини-инокини Анны, прославятъ Бога Отца и Единороднаго Сына его, Господа нашего Иисуса Христа, и Пресвятаго и Животворящаго его Духа.

Принесѣну бывшу таковому царскому писанию во градъ Тферь ко архиепископу Ионѣ, и прочетъ, вскорѣ [1]пути емлется[1], поимъ съ собою весь крилосъ соборныя церкви. И пришедъ во градъ Кашинъ, молебная пѣния и благодарственныя пѣсни ко Христу Богу и Пречистѣй Богородицѣ принесе, таже и всенощное бдѣние, и утреннему славословию бывшу во храмѣ Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, и надъ гробомъ преподобныя великия княгини Анны. И послѣ божественныя литургии, пѣвша надъгробная пѣния богобла-

[1—1] в путь отправляется.

женнѣй со псалмы, и пѣнми, и пѣсньми духовными, со всякимъ умилениемъ и благоговѣниемъ, и многому благодарению бывшу, людемъ же всѣмъ взывающимъ: «Господи, помилуй!» И абие преосвященный Иона архиепископъ священнымя своима дланмя[1] со архимандритомъ и игумены, и со множествомъ священнаго чина всечестному ковчегу касается, и открывше приснотекущий источникъ, мощи блаженныя и великия княгини-инокини Анны и видѣвше яко кринъ во юдолѣхъ[2] сияющъ и яко финикъ цвѣтущий. О, непостижимымъ судбамъ твоимъ, Владыко Христе Царю! Обретше мощи, ихъже не надѣявшеся, цѣлы и неразрушимы, и никакоже тлѣнию причастны быша, аще и нѣкая часть къ сродному сродное отдадѣся. Но слава всемогущему Богу и Пречистѣй его Матери Владычицѣ нашей Богородице, яко тако прославляетъ угодниковъ своихъ! Таже благоухания неизреченнаго воздухъ наполнився от мощей преподобныя и всѣхъ услаждая и возвесѣлевая сердца, подвизая на благодарение, иже во святыхъ чудодѣйствующему Богу, таковая преславная чудеса творящему. Таже архиепископъ Иона со всѣмъ освященнымъ соборомъ многая благодарения Богу изрече, яко въ послѣдния сия роды таковое небесное богатство, от многихъ лѣтъ сокровенно, нетлѣнное явилъ людемъ своимъ. И «Слава ти, Владыко мой Иисусе Христе, — глаголаше, — яко сподобилъ мене, недостойнаго, видѣти приснотѣкущий источникъ, древния своея благодати сокровище, пречестныя мощи благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны. И что воздадимъ мы, недостойнии, твоему непостижимому и человѣколюбному благодѣянию, иже твориши человѣческому роду своимъ человѣколюбиемъ! Велии еси, Господи, и чудна дѣла твоя, и ни едино слово достойно къ похвалению чудесъ твоихъ!» И таковое благодарение воздавъ всесилному Богу, и цѣловавъ любезно святыя мощи преподобныя и богоблаженныя и великия княгини-инокини Анны, и благословивъ когождо по единому, и отъиде во свой градъ Тферь, славя и благодаря Христа Бога нашего, и того рождшую Пречистую Матерь Пресвятую Богородицу, и ихъ угодницу преподобную и великую княгиню Анну.

Таже и писаниемъ возвещаетъ царю и великому князю Алексию Михайловичу и всея России самодержцу, яко «во дни, — рече, — твоя, благочестивый и христолюбивый царю, открылъ есть Господь въ послѣдния сия роды, ради боголюбивыя твоея вѣры, юже имаши ко святымъ его угодникомъ, таковое безцѣнное богатство и поистиннѣ дражайшии, паче древняго кивота, мощи благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны. И мы видѣвше, яко благодатию Христовою никакоже тлѣнию причастны явишася, ни понѣ ризамъ ея».* Благочестивый же и богомудрый государь царь, слышавъ таковая, великою радостию радуется о обрѣтении мощей благовѣрныя великия княгини-инокини Анны, и велми Бога благодарствуяй и Пречистую Богородицу, яко посѣтилъ люди своя, ихъже стяжа пречистою кровию своею, таковымъ безцѣннымъ сокровищемъ. Но кто

[1] руками; [2] долинах.

можетъ изрещи иже тогда благочестиваго царя вѣру и любовь ко преподобней! Аще бы мощно ему взяти златыя крылѣ, по пророку, богоотца Давида и прелѣтети желаниемъ богодухновеннымъ вскорѣ во градъ Кашинъ, якоже нѣкогда пророкъ Аввакумъ въ Вавилонѣ обрѣтеся,* или, паче рещи, къ богоприятному и къ пречестному селѣнию божественнаго кивота, Пресвятыя Богородицы, на тоя Успение апостоли снидошася на облацѣхъ во мгновении ока от конецъ земли,* тако онъ, благочестивый и богохранимый царь и великий князь Алексий Михайловичь, всея России самодержецъ, толикою любовию божественною возгорѣвся и желаниемъ видѣти мощи благочестиваго корене, благочестиваго и благовѣрнаго и великаго князя Михаила Ярославича Тферскаго, супружницы его благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны, и цѣловати любезно пресвятое тѣло ея и поклонитися целбоносному гробу ея. Аще бо тогда и отложилъ на время путное шествие ко граду Кашину, но абие въ предьидущее лѣто вѣру свою дѣломъ совѣршилъ ю́, якоже въ пренесѣнии мощей преподобныя и великия княгини-инокини Анны написася о семъ.

Мы же, церковная чада, сошедшеся во обрѣтение честныхъ мощей благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны, духовно празднуемъ, во псалмѣхъ, и пѣниихъ, и пѣснехъ духовныхъ восхваляюще Господа Бога и Творца своего, и приемшаго труды и подвиги угодницы своея благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны, и той вѣрхъ пресвятый венчавшаго божесвенною славою своею, и многими преестественными обогащающаго, немолчными усты воспоемъ и восхвалимъ. И тако въ таковомъ духовномъ торжествѣ любовию вперившееся, и на высоту божественнаго разума возшедшую похвалимъ и воспоемъ, сице рекуще:

Радуйся, преподобная и богоблаженная великая княгиня-инокиня Анна, иже отъ юности своея нача Богу работати и того пресвятыя заповѣди усердно въ сердцы своемъ прияла еси. Радуйся, духовная мати, иже возненавидѣвши кр*а*соту и славу мира сего, токмо единаго возжелѣ преславнаго свѣта Иисуса Христа Бога нашего доброты выну наслаждатися и того божественныя славы наслѣдница быти. Радуйся, преподобная и блаженная великая княгиня-инокиня Анна, яко и супругу своему великому князю Михаилу подала еси совѣтъ благъ къ страданию мучения добрымъ подвигомъ еже за Христа кровь свою излияти. Радуйся, ластовице прекрасная и горлице чадолюбивая, иже по оного иже за Христа мучении вдовствующи и чистоту дѣвства своего сохранила еси, и къ Богу выну[1] бесѣдовала еси молитвою и постомъ и воздержаниемъ многимъ, якоже древлѣ блаженная пророчица Анна, иже во Еваггелии свидѣтелствована,* въ дому Божии присно *в*одворяющися. Радуйся, пречистое селѣние и жилище Святаго Духа, иже всяку славу и честь и господство вѣка сего оставила еси, и ни во чтоже, яко уметы, положила еси вся сущая въ мирѣ, и Христу еди-

[1] всегда, постоянно.

ному послѣдовала еси, и его пресвятое иго на рамѣ[1] носила еси, и многими добродѣтелными дѣлы угодила еси. Радуйся, преподобная мати Анно, иже невозвратнымъ путемъ шествовала по заповѣдемъ Владыки своего Христа и ничтоже паче любве его предпочте. Сего ради и Христосъ возлюби тя, яко невѣсту прекрасную, и съ мудрыми дѣвами въ чертозѣ своемъ сочталъ тя есть, и по успѣнии твоемъ соблюде святое тѣло твое нетлѣнно, душу же твою святую въ премирная селѣния вселилъ и многими чудесы обогатилъ тя есть. Радуйся, крепкая помощнице отечеству своему, граду Кашину, и всей области его великое утверждение. Радуйся, заступнице и всѣмъ скорбящимъ душею божественое утѣшение. Радуйтася и веселитася, двоица Христова, благовѣрный и великий княже Михаиле, вкупе съ супругою своею великою княгинею Анною, и радости вашея никтоже отъиметъ отъ васъ. Радуйтася, свѣтила пресвѣтлая, иже всю землю Российскую просвѣтили еста божественыхъ зарями чудѣсъ вашихъ. Радуйтася и веселитася, угодники Христовы, вы бо врачи показалися есте всѣмъ приходящимъ съ вѣрою къ цѣльбоносным мощемъ ваю[2] и исцѣляете страсти[3] наша неисцѣлныя. Молитеся, святая, вкупѣ Христу Богу нашему даровати императору нашему Николаю Павловичу* на враги побѣду и одоление, и миру спасение, и всей Росийской земли великое утверждение, яко да и мы вами получимъ оставление грѣховъ и житию исправление, Небеснаго Царствия наслѣдницы будемъ благодатию и человѣколюбиемъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, съ нимъже купно Отцу и Пресвятому Духу подобаетъ всякая слава, честь и поклоняние, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

Месяца июния въ 12 день. Слово о пренесении мощей святыя преподобныя благовѣрныя великия княгини-инокини Анны въ соборную церковъ Воскресения Христа и Бога нашего

Многа убо и различна дарования Божия и добродѣтелство неисповѣдимое человѣкомъ, яже содѣя в наше спасение божественнымъ и неизреченнымъ своим смотрениемъ, якоже глаголетъ божественный апостолъ Павелъ: «Велия благочестия тайна — Богъ явися во плоти».* И како не велия тайна смотрения его, иже Отцу сопрестолный, собезначалный и соприсносущный, прежде всѣхъ вѣкъ от Отца рожденный, и невидимый, и неосязаемый, благоволениемъ Отца изволилъ Сынъ Божий снити на землю и плоть прияти от святыя и преблагословенныя и Приснодѣвы Марии, и совершенъ явися ко всѣмъ человѣкомъ, и пребысть, еже бѣ и еже не бѣ приятъ, и бысть совершенъ Богъ и совершенъ человѣкъ, и восхотѣвъ, милосердия ради своего, падшаго человѣка возставити и

[1] плече; [2] вашим; [3] страдания.

страстию[1] своею и Воскресениемъ истлѣвша обновити, и пострада плотию, яко человѣкъ, а не божествомъ, божество бо безстрастно пребысть, умре же и воскресе, и человѣка съ собою воскреси. Якоже глаголетъ велегласный апостолъ Павелъ: «О немже имамы избавление кровию его и оставление грѣховъ, иже есть образъ Бога невидимаго, и той есть глава Церкви, иже есть начало, перворожденъ из мертвыхъ, яко убо въ немъ благоволи все исполнения вселитися и тѣмъ примирити всяческая къ себѣ, и умиривъ распятия своего собою, аще земная, аще небесная».* Сия «тайна, сокровенная от вѣка и от родовъ»,* нынѣ же явися святымъ его апостоломъ, имже восхоте Богъ сказати, что богатство славы тайны сея [2]во языцѣхъ[2] и той есть далъ овы апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, к совершению святыхъ въ дѣло сложения, въ совершение Тѣла Христова.* Сие благочестие корень злочестия искорени, сие мучащаго насъ диавола попрана всѣми сотвори, по реченному Христову словести: «Дахъ, — рече, — вамъ власть наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию».* Кто есть наступаяй на оную змию? Токмо той, иже побѣдивый миръ сей. И по святому апостолу, вся умѣты[3] вмѣнивъ, и не толико небо украшается солнцем, и луною, и звѣздами, и земля — древесы многоразличны*хъ* видовъ и цвѣты, елико Церковъ Божия святыхъ и праведныхъ мужей и женъ подвиги и труды красится и прославляется святыми ихъ мощми, понеже они Бога возлюбиша, и невозвратнымъ путем послѣдоваша, и святыя заповѣди сохраниша, и ничтоже паче его любви от видимых предпочтоша. Сего ради Богъ ихъ воспрослави не токмо въ животѣ, но и по смерти святыя ихъ тѣлеса нетлѣнны почтѣ, ради крайния ихъ чистоты, и многими чудными и различными чудодѣйствы ихъ ради молитвъ всю землю исполни. Яко и нынѣ повѣдаемая святая благовѣрная великая княгиня Анна, о нейже слово предлежитъ.

Бысть убо супружница великаго князя и страстотѣрпца Христова Михаила Тверскаго. Како въ толицѣй господской чести бывши, въ величествѣ, и славѣ, и въ богатствѣ, и яко царица почитаема, Богу угоди и нынѣ со всѣми святыми Святѣй Троицѣ предстоитъ, о всѣмъ мирѣ молящися. Что́ бы ей въ житии семъ от видимыхъ мира сего препя[4] или возбрани от добраго тѣчения и ненасытная сладости прекраснаго жениха Иисуса Христа Сына Божия? Еда[5] господская честь и слава мира сего? Сия от младыхъ ногтѣй презрѣ. Или супружество? И се никако. Кое убо возбранение будетъ къ соблюдѣнию заповѣдей Божиихъ, идѣже души воедино живутъ? И бѣ въ нихъ сердце едино и едина душа, и ревность къ сохранению заповѣдѣй Божиихъ, и непрестанное течение еже къ Богу день от дне. Но сия быша святый благовѣрный князь Михаилъ и супружница святая благовѣрная княгиня Анна всякими добродѣтелми своими украшены, и ничтоже паче любве Христовы предпочтоша, и непрестанно еже къ нему раче-

[1] страданием; [2—2] среди народов; [3] грязь, прах; [4] препятствовало; [5] может быть.

ниемъ течаста,[1] въ молитвахъ присно, и во бдѣниихъ, и слѣзахъ неисповедимыхъ, идѣже бо трудъ совсѣяшеся[2], по реченному, како возможно писанию предати. Но аще и въ господствѣ бяху, но присно поминати одръ блаженнаго во царѣхъ богоотца и пророка Давида, мочаща слѣзами, а не водою.* И по всему быста милостынею ко убогимъ и благотворениемъ къ нищимъ, якоже древлѣ правѣдный Иовъ,* гордыню же и тщеславие отнюдъ возненавидѣша.

И конечное — святая и благовѣрная княгиня Анна укрѣпляше супруга своего благовѣрнаго князя Михаила. Егда ощути злочестиваго царя на свою державу гнѣвающася и от своих сродникъ клевѣты сшиваемый, не хотяше на свою державу от злочестивыхъ, съ ратию пришедшихъ, неповинно кровъ христианскую пролияти, самъ поиде во Орду къ злочестивому царю, яко да за всѣхъ постраждетъ. И сице супружница его благовѣрная княгиня Анна укрепляше его на подвигъ и глагола ему: «Да не будетъ тебѣ, господине мой, паче любве Христовы предпочести что: ни ласкания царева, ни господския чести обѣщание умягчатъ душу твою от подвига, ниже паки устрашатъ тя прещения его различная, ни томления нужная[3], яко бы сотворити волю его скверную, стѣни[4] бо подобна или сну таковая страшилища, но буди во исповѣдании яко добръ воинъ Христовъ и присно поминай велегласнаго апостола Павла, глаголюща сице, яко „ни скорбь, ни тѣснота, ни гонение, ни нагота, ни гладъ, ни бѣда, ни ино что от лютыхъ мира сего возможетъ насъ разлучити от любве Божия за пострадавшаго насъ ради".* И буди вѣренъ до смѣрти, и дасть ти Господь венѣцъ жизни». И сице укрѣпляше блаженная супруга своего великаго князя Михаила, яко самому ему дивитися премудрому разуму ея и доброму совѣту, и Бога прослави, яко къ подвигу его ревность подаде женою, а не якоже древлѣ въ раи Ева ко Адаму.* И сему тако бывшу — пострада убо блаженный и вѣнцѣмъ мучения увязѣся[5].

Блаженная же и великая княгиня Анна по страдании супруга своего поразумѣ, яко невозможно ей спастися, посредѣ плещевъ[6] и всякихъ молвъ быти, аще не отречениемъ всякия славы мира сего, и господския чести возненавидѣвши, и въслѣдъ евангельскаго гласа ити, глаголющаго: «Аще кто не оставитъ отца своего и матерь, и жену, и чада, и сѣла, и имѣния, не можетъ быти мой ученикъ».* И ни мало помѣдливъ, но всю славу жития своего господскаго и дѣтей своихъ молѣния, еже быти съ ними, презрѣ, и вся во умѣты вмѣни, и яко нѣкую жертву себе Богови приведѣ, на тризнищий[7] подвигъ исходитъ и иноческому житию себе во обители дѣвамъ сопривмѣщаетъ. И бываетъ вся Христова, и едина Единому послѣдовавши въ молитвахъ и молѣниихъ, присно поучаяся псалмомъ и прочимъ богодухновеннымъ писаниемъ. Смирениемъ же и кротостию украшаяся, молчание любя, и покорение ко всѣмъ имѣя, аще и госпожа всѣмъ

---

[1] текли, устремлялись; [2] соединился; [3] тягостные; [4] тени, мечтанию; [5] увенчался; [6] игрищ, смятения, бесчиния; [7] подвижнический.

бысть, но едино воспоминая, како Господь нашъ и Богъ, иже всего мира Творецъ, обнища насъ ради (яко апостолъ глаголетъ: «Богъ обнища, да насъ богатствомъ небеснымъ обогатитъ»*), далъ образъ послушанию, иже и бывъ послушливъ, даже до креста и смерти, и не приидѣ къ намъ, да послужатъ ему, но да послужитъ намъ, и дати избавление за многихъ, намъ подадѣ образъ всѣмъ, яко да по стопамъ его ходяще, будемъ послушливы во всемъ. И сице живяше блаженная, яко «древо плодовито при исходищахъ водъ источникъ»,* и день от дне восхождения, по пророку Давиду, въ сърдцы своемъ полагая, душу же и тѣло просвѣщая божественными поученми, яко ни дне, ни часа не хотяше от славословия Божия престати, но всю свою жизнь изнуряше Господеви, егоже возлюби, послѣдова и присно глаголаше: «Не трудно ми тещи въслѣдъ тебе, Женише мой любимый, ибо любовъ твоя распали мя, и послѣдовати по тебе научи мя, и воистинну весь еси желание, весь сладость и ненасытимая радость, Слово Божие. Тебѣ, Господу Богу моему, и душу мою предаю, приими ю́[1] съ миромъ и сочетай мя съ мудрыми дѣвами,* яко да и азъ съ ними вниду въ чертогъ твой и узрю свѣть лица твоего и просвящение Святыя, Единосущныя, Живоначалныя и Нераздѣлныя Троицы, всѣли мя во обитѣлехъ твоихъ, яже уготовалъ еси любящимъ тя, якоже святый апостолъ Павелъ глаголетъ».*

Таково блаженныя житие, таково и пребывание и исправление божественныхъ ея добродѣтелей. И тако жизнь свою сконча и прѣиде ко оному блаженству, идѣже чистъ гласъ празнующихъ, идѣже радость и веселие присное[2]. Сего ради и Богъ ея не токмо [3]въ животѣ[3], но и по смерти дарова ей нетлѣние и исцѣления даръ, присно разливающийся. И только Божия благодать сохрани цѣло тѣло блаженныя, яко множае[4] двою сотъ лѣтъ сокровено бысть въ земли святое тѣло ея и никакоже тлѣнию причастно явися. И нынѣ видимы всѣми предлежатъ честныя и святыя мощи ея, изцѣления подаютъ всѣмъ приходящимъ съ вѣрою, Господу прославляющу ея трудовъ ради многихъ и воздержания неослабнаго. Рече бо Господь: «Прославляющаго мя прославлю и волю боящихся сотворю».*

Сего ради и мы, братие, воспрославимъ прославлшую Господа и возвеселимся во псалмѣхъ и пѣснехъ духовныхъ въ день пренесения честныхъ ея мощей. И возвесѣлимся духовнѣ, и помолимся ей, яко да милостива сотворитъ намъ Бога въ настоящемъ семъ житии и по отшествии отсюду, да сподобитъ насъ благая со избранными его получити пресладкаго гласа слышати, якоже глаголетъ Господь: «Приидите, благословеннии Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствие от сложения мира».*

Что же прочее возглаголемъ? Или которыя похвалы достойныя преподобнѣй принесемъ, паче же — Богу, чудотворящему во святыхъ своихъ, по реченному словеси Давидовѣ, якоже во псалмѣхъ глаголетъ: «Дивенъ Богъ во свя-

---

[1] ее; [2] постоянное; [3—3] при жизни; [4] более.

тыхъ своихъ, Богъ Израилевъ»?* Память бо святыхъ — вина нашему веселию, по премудрому Соломону: «Похваляемому бо правѣднику, возвеселятся людие».* И память правѣднаго съ похвалами бываетъ, понеже и Богъ похваляемъ, и прославляемъ, и величаемъ ради торжества угодникъ его. Самъ бо Господь нашъ Иисусъ Христосъ глаголетъ сице: «Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ».* И паки: «Аще кто мнѣ служитъ и послѣдсвуетъ, идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ».* Не дѣломъ ли исполнилось сие Спасово слово? Не токмо мужие послужили, но и жены. Якоже Лука еваггелистъ глаголетъ о женахъ: «Послужили Господу от имѣний своихъ, якоже Мария Магдалина».* Тако и сия блаженная и великая княгиня Анна симъ уподобився и прочимъ женамъ преподобнымъ, въ постѣ просиявшимъ и во всякой добродѣтели процвѣтшимъ, и ни едино отста ея от божественныхъ добродѣтелей, еже бы преподобная въ себѣ не имѣла. И сими всѣми исправленми Богу послужи въ преподобии, и правдѣ, и во всякой святыни. Такожде и от имѣний своихъ послѣдова Христу въ нищихъ утробы, и вдовицъ, и сиротъ, странныхъ, и вся сокровища богатства своего сокры, яко да на небесѣхъ некрадомое сокровище, сокровенное от вѣкъ и от родовъ, обрящетъ, идѣже тля не тлитъ, ни тать подкопаетъ, яже уготова Богъ любящимъ его, якоже святый апостолъ Павелъ глаголетъ о воздаянии Божии правѣднымъ: «Ихъже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдетъ, яже уготова Богъ любящимъ его».* О, Отче святый небесный, подаждь намъ, Христе, сотворити волю твою, наслѣдникомъ быти тоя неизглаголанныя радости и весѣлия святыхъ.

Время же прочее вѣру показати самаго великаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича, колику вѣру показалъ онъ ко преподобнѣй и колико тщание и усердие о пренесѣнии мощей ея имѣлъ, якоже нѣкогда болгарский царь Иоаннъ о пренесѣнии честныхъ мощей преподобныя Параскевии во свой царствующий градъ,* *такожде и благочестивый царь* о преподобнѣй же и благовѣрной княгинѣ Аннѣ: не яко от града во градъ, но *от* древяныя церкви въ соборную каменную церковъ да пренесутся мощи ея, дондеже на томъ мѣстѣ, идеже обрѣтено бысть святое тѣло ея, храмъ каменной прекрасенъ воздвигнется въ похвалу Пречистыя Божия Матери и преподобней великой княгинѣ Аннѣ. Яко хотяше благочестивый царь вѣру свою дѣломъ показати къ преподобней, тако и дѣлы вѣру свою исполняше.

И первѣе убо посылаетъ царская своя писания во градъ Ростовъ къ преосвященному Варлааму, митрополиту Ростовскому,* яко да приидетъ скоро во славный градъ Кашинъ на пренесѣние мощей святыя благовѣрныя княгини Анны, понеже и самъ благочестивый царь изволи тамо быти. Преосвященный же Варлаамъ митрополитъ приимъ царская писания и вскорѣ пути касается и достизаетъ града Кашина. Потомъ прииде и великий государь царь и великий князь Алексий Михайловичь съ царицею и великою княгинею Мариею Ильи-

н*ичн*ою* и со своими царскими чады,* и сестрами,* и князи, и боляры, и со всѣмъ своимъ царскимъ сиклитомъ на пренесѣние мощей преподобныя великия княгини Анны. И вечернему убо и утреннему славословию бывшу и Божественнѣй службѣ совершившейся, и многия молбы всещедрому Богу принесшее, времени же приспѣвшу, абие касается благочестивый царь гробу преподобныя радостною душею и весѣлиемъ божественнымъ съ князи и боляры, на рамѣхъ своихъ возложивше, яко нѣкое сокровище пречестное, воистинну сокровище божественное, паче древняго кивота,* тѣло драгое, тѣло честное, тѣло святое, въ немъже обита Отецъ и Сынъ и Святый Духъ — Святая Троица, и понесша въ соборную церковъ. Разстояния же имый от древянаго храма до соборныя церкви яко единымъ стрелѣниемъ. Преосвященный же Варлаамъ митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ послѣдующе со псалмы, и пѣсньми, и пѣньми духовными, со многими свѣщами и кандилы благовонными, отвсюду стекшуся множеству народа: мужи и жены, старцы со юнотами, — и бѣ видѣти дивный сей позоръ[1] множества свѣщъ блистания, яко второе небо звездами испещрено. Горѣ[2] аггелская ликостояния Бога славословятъ ради показавшаго чуда сего рабомъ своимъ, дондеже человѣцы, яко едино согласие, от всѣхъ Богу приношашеся и еже «Господи, помилуй» взываху. Воистинну ту видѣти вѣру. Якоже иногда царь Давидъ и пророкъ предъ кивотомъ Господнимъ скакаше, играя, ради пришествия его и, предъ нимъ идуще, пояху,* тако и сей великий государь царь радовашеся душею и весѣляшеся сердцемъ, яко изволилъ Богъ въ его благочестивое церство от давныхъ лѣтъ таковое сокровище сокровеное открыти, и яко посѣтилъ люди своя и сподобилъ его послужити преподобнѣй, яко и гробъ ея съ мощми на рамѣ своемъ понести.

О, дивна дѣла твоя, Господи, вся бо твориши, елико хощеши, и нѣсть кто противенъ твоей власти! Воистинну страшен еси! И кто противостанетъ тебѣ?

Паки приидемъ на предняя.

Но здѣ бысть честнѣе древняго кивота. Тамо — святая святыхъ, ручка и манна, жезлъ и скрыжали, вещи суть предивны и въ Божие имя сотворены.* Здѣ же предивнѣе, понеже самъ Богъ обѣтова, глаголя, яко «вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тии будутъ мнѣ людие».* И паки: «Азъ и Отецъ приидема и обитель у него сотворима».* Аще ли Божий храмъ человѣкъ и обитель Святѣй Троицѣ, но воистинну сей гробъ блаженныя и великия княгини Анны, въ немъже положено бысть тѣло ея, святѣе и честнѣе древняго кивота. И не яко Озанъ онъ, прикоснувыйся кивоту Господню, ту и пораженъ бысть,* но здѣ прикасахуся всякаго чина и возраста мужи и жены честному гробу блаженныя, освящение приимаху, такожде и различными нѣдуги и болѣзнми содержими здравие получаху. Понеже въ древнѣмъ законѣ всякъ прокаженный изгоняшеся

[1] зрелище; [2] вверху.

изъ града и никтоже смѣяше прикасатися имъ, дондѣже очистится.* Пришедшей же благодати, не к тому законъ, что дѣйствовашеся. Самъ бо Господь нашъ Иисусъ Христосъ, исполнитель закона, егда десять прокаженныхъ очистилъ, и не возгнушался ихъ.* Понѣже сѣнь прѣйде и истинна наста. Аще и дѣвять неблагодарныхъ ко благодѣтелю не явишася, и се прообразование бысть иудѣйское неблагодарному сонму, но един показася и давъ славу, сей иноплемѣнникъ показа, яже от языкъ, Церковъ. Нынѣ же, благодатию Христовою, аще кто и прокаженъ тѣлѣсно, или гноемъ обложенъ лютымъ и язвами, или разслабленъ рукама и ногама, всѣхъ приемлетъ Церковъ, и нѣсть возгнушания ни от кого, вси бо единъ удъ[1] о Христѣ Иисусѣ быхомъ.

О, преславныхъ дѣлъ твоихъ, Христе царю! Всяко немощи наша понѣслъ еси за грѣхи наша. Иудѣи же окаяннии суботство наблюдаху и тебе, Творца, оклевѣтаху, яко бы не от Бога пришелъ еси. О, несмысленнаго сердца! О, сквернаго языка! Како от зависти потемнѣша мыслѣнныя очи, и не восхотѣша разумѣти пришедшаго тебѣ на спасение. Но даждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ. Мы же тебѣ исповѣдуемъ, Христа Бога нашего, пришедшаго на взыскание наше. Слава преблагому милосердию твоему!

И якоже дойде великий государь царь и преосвященный митрополитъ съ мощми преподобныя въ паперть соборныя церкви, и абие гробъ блаженныя показася отягченъ, и не можаху прочее[2] нести въ церковь. И се Богу являющу, яко не в той церкви положеннымъ быти мощемъ ея, но идѣже изволилъ Господь вънача̀лѣ погребеннымъ быти и обретеннымъ мощемъ ея, въ дому Матере своея, тамо и пребудутъ вовѣки вѣковъ. Великий же государь царь, видя сия, и помышляше, яко не хощетъ преподобная въ соборной церкви положена быти, и моляше Бога въ себѣ, яко да изволитъ ей на время въ той церкви положеннѣй быти, дондеже воздвигнется храмъ прекрасенъ во имя Пресвятыя Богородицы и его угодницы преподобныя и великия княгини Анны. И абие подадѣся имъ святая, яко да внѣсше въ церковъ и положити мощи ея. И сему бывшу — внѣсше гробъ блаженныя съ мощми въ соборную церковъ Воскресения Христова и поставиша его на правой сторонѣ у столпа. И молѣбная пѣния Господу Богу и Пресвятѣй Богородицѣ и его угодницѣ великой княгинѣ Аннѣ пѣвше, и многая благодарения изрекоша, яко изволилъ Господь симъ преславнъ чудѣсѣмъ въ его благочестивое царство быти.

По положении же мощемъ преподобныя многая исцѣления бываютъ оттолѣ и донынѣ от святыхъ мощей ея всякими недуги и болѣзнми одѣржимымъ: здравие получаху, и отхождаху въ домы своя, и многое благодарение воздаваху Господу Богу и Пресвятѣй Богородицѣ и преподобнѣй благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ. Царь же благочестивый повелѣ от царскаго своего сокровища священному причту многу милостыню подати, такожде и нищимъ и маломощ-

[1] член, принадлежащий к одному и тому же сообществу; [2] далее.

нымъ, въ память благовѣрныя княгини Анны. И пребывъ царь нѣколико дней въ Кашинѣ, и заповѣдавъ церковъ строити каменну, идѣже обрѣтено бысть тѣло блаженныя, сущему ту священноиерею тоя церкви, именемъ Василию. Сам же отходитъ въ царствующий свой градъ Москву, благодаря Бога и Пречистую Богородицу, яко сподобилъ его послужити преподобнѣй и преславныхъ чудѣсъ ея видѣти. Такожде и преосвященный Варлаамъ митрополитъ отходитъ во свой градъ Ростовъ, и многое благодарение воздая Богу и Пречистѣй Богородицѣ, яко сподобилъ его видѣти преславныхъ чудѣсъ его.

Священникъ же Василий, тѣплъ убо вѣрою ко преподобнѣй и царское заповѣдание приимъ, вскорѣ касается дѣлу, и, благодатию Христовою и молитвами преподобныя, не во мнозѣ времени прекрасну церковъ каменну воздвиже во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго ея Успѣния, присовокупивше ину церковъ об ону страну тоя церкви, во имя преподобныя благовѣрныя великия княгини-инокини Анны.

Доздѣ Слово о пренесении честныхъ ея многоцѣлебныхъ мощей совершися.

Повѣсть о чудѣсехъ преподобныя благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны Кашинския чудотворицы

Аще убо и предивное чудо содѣлася во дни наша во градѣ Кашинѣ, милостию Творца и всеблагаго Господа нашего Иисуса Христа и рождшия его Пресвятыя и преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марии и угодницею ихъ преподобною и благовѣрною великою княгинею Анною, от честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей ея, но како возмогу, недостоинъ сый и недостойнѣ устнѣ имѣяй, провѣщевати таковая? Но обаче надѣяся на молитвы преподобныя, хотя слабый глаголъ восприиму.

Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякия утѣхи, утѣшая насъ благословѣниемъ духовнымъ. Прежде убо правѣдный гнѣвъ свой беззакония ради нашего вмалѣ испусти на насъ, очищая многия грѣхи наша, и въ мало дней оскорбихомся, потомъ же, благости ради Божия, скорбная забыхомъ, неизреченнаго ради человѣколюбия на насъ, радости многия сподобихомся, явления ради верху земли гроба со многоцѣлебными мощми преподобныя благовѣрныя и великия княгини Анны, яже подаетъ неоскудно исцѣление съ вѣрою приходящимъ. Мнѣ же, недостойному, самовидцу бывшу многимъ чудесѣмъ, писанию же предати замѣдлившу, ово неразумиемъ, ово же нерадѣниемъ и душегубителныя лѣности, еще же и страха ради недостоинства, плѣницами[1] бо грѣховъ моихъ стягнутъ есмь и таковымъ преслав-

[1] цепями.

нымъ вещамъ нелѣпо ми коснутися, но развѣ точию беззакония моя знати и просити отпущения безчислѣннымъ согрѣшениямъ моимъ. Но понеже желание привлечитъ мя, и страхъ глаголати нудитъ мя, грѣси бо мои, яко брѣмя тяжко, отяготѣша на мнѣ.* И что убо сотворю? Дерзну ли къ начинанию? Реку ли или запрещу себѣ окаянства ради моего? Чудѣсная исцелѣния безпрестани неоскуднѣ бываютъ, и недуги тѣлесныя немѣдленно от человѣкъ отгоними бываютъ. Сие биетъ мя къ торжеству и глаголати понуждаетъ, и яко подобаетъ ми и писанию сия предати, и яко да не буду осужденъ, яко скрывый талантъ господина.* И тако хощу изъявити о преждѣбывшихъ, яже содѣявшася правѣднымъ судомъ Божиимъ.

Бысть сице въ лѣта, въ няже бѣ нашествия поганскихъ и литовскихъ людей на государство Московское и на вся окрестныя ихъ грады. Тогда бѣ во градѣ Кашинѣ въ осадное время въ острогѣ утеснение велие, стояше храмина подлѣ храмины, человѣцы же малыми стезями ради утѣснения приходиша ко вратомъ градскимъ. И аще загорится храмина, и та згоритъ одна, а подлѣ тоя ничимъ невредима молитвами и заступлениемъ преподобныя благовѣрныя великия княгини и инокини Анны, а болшихъ пожаровъ не бывало. И литовскихъ людей приходы ко граду Кашину были многие, и милостию Божиею и заступлениемъ преподобныя княгини Анны отходили посрамлени. И тогда было явление преподобныя благовѣрныя княгини Анны, и чудѣса съ вѣрою приходящимъ къ цѣлбоносному гробу ея были многа и различна исцѣления. От нихъже от многа едино чудо всѣхъ болѣ преподобныя, како явися пономарю Герасиму и повѣда ему о многоцѣлебныхъ своихъ мощехъ, и како ходятайсвуетъ и заступаетъ градъ Кашинъ молитвами своими ко Господу и Пречистѣй Богородицѣ, и како подадѣ ему скорое исцѣление. И то чудо прежде сего писания въ Житии преподобныя изъявися. Прочая же чудѣса многая и различная исцѣления, бывающая от честныхъ мощей, написана и забвению предана, ово нерадѣниемъ, ово же невѣриемъ малымъ.

Чудеса, преждѣ свидѣтелства бывшая у гроба преподобныя благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны

Чудо 1. О женѣ разслабленной

Жена кашинца, посацкаго человѣка, кузнеца Власа, именемъ Анна, въ разслаблѣнии была многое время, не владѣла ни рукою, ни ногою. И слыша о чудѣсѣхъ, бывающихъ от гроба преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны, и повелѣ себя отвести ко гробу преподобныя, и у гроба пѣвше молѣбная пѣния Пресвятѣй Богородицѣ Успѣнию и литию по великой княгинѣ надъ гро-

бомъ ея служити, и ко гробу приподобныя приложиша. И от того часа той женѣ Аннѣ, милостию всемогущаго Бога и Пресвятыя Богородицы и молитвами преподобныя, от разслабления Богъ дарова здравие, и отъиде въ домъ свой здрава, яко николиже болѣ, славя Бога и Пресвятую Богородицу и угодницу ихъ преподобную благовѣрную и великую княгиню Анну.

Чудо 2. О недужнемъ младенцѣ

Кашинскаго дворянина Иоанна Борисова сына Тютчева сынъ отрокъ Иоаннъ одержимъ былъ недугомъ зѣлнымъ и не владѣлъ ни рукою, ни ногою многое время. И привезоша его ко гробу преподобныя благовѣрныя великия книгини Анны, и повелѣша литию пѣти у гроба великия княгини, и по окончании литии приложиша ко гробу благовѣрныя. И от того дне тотъ младенѣцъ Иоаннъ здравъ бысть молитвами преподобныя и благовѣрныя великия княгини Анны.

Чудо 3. О разслабленномъ человѣцѣ

Кашенския конюшенныя слободы тяглеца Артемья Скорикова сынъ его отрокъ Иоаннъ бывъ разслабленъ, лѣжалъ въ дому отца своего многое время, не владѣлъ ничемъ и даже главы своея не могъ приподнять. И въ той болѣзни привозили его къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя, и повѣлеша служити молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ Успению, и надъ гробомъ великия княгини Анны литию служити, и ко гробу того отрока приложиша. И от того часа незапно тотъ отрокъ Иоаннъ здравъ бысть и отъидѣ въ домъ свой, славя и хваля Бога и Пречистую Богородицу и ихъ угодницу преподобную матерь княгиню Анну.

Чудо 4. О ослепшей женщинѣ

Дворянина иноземца Иоанна Иоаннова сына Детновскаго жена его, именемъ Иулиания, очима велми больна была и от тоя болѣзни не видѣла рукъ своихъ многое время. Слышавъ же о чудѣсехъ, бывающихъ у гроба преподобныя благовѣрныя великия княгини, мужъ же ея Иоаннъ Дѣтновской въ то время былъ въ Кашинѣ на воеводствѣ. И привозили ея къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя Анны, и пѣвше молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ Успѣнию, и у гроба преподобныя литию служили, и по окончании молѣбна и литии приложили ея ко гробу великия княгини Анны. И въ томъ часѣ прозрѣ на многоцѣлебномъ гробѣ преподобныя и от болѣзни той здрава бысть. И отъидѣ въ домъ свой, радуяся и славя Бога и Пречистую Богородицу и угодницу ихъ преподобную благовѣрную великую княгиню Анну.

Чудо 5. О бѣснующемся человѣцѣ*

Дмитровского монастыря, что въ Кашинѣ, слуга Феодоръ, Стефановъ сынъ, Маламаховъ лѣжалъ болѣнъ, и въ той болѣзни помутился умомъ, и не познавалъ никого изъ домашнихъ своихъ, и бѣсновался многое время. Свои же его едва привезоша къ Пресвятѣй Богородицѣ Успѣнию ко гробу преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны. И пѣли молебѣнъ Пресвятѣй Богородицѣ Успѣнию, и литию у гроба благовѣрной служили, и по окончании молѣбна и литии приложили его ко гробу преподобныя. И от того часа тотъ Феодоръ людей позналъ *и умъ* по-прежнему возвратихъ, и от той болѣзни здравъ бысть, и отъидѣ въ домъ свой, радуяся и славя Бога и Пречистую Богородицу и преподобную великую княгиню-инокину Анну.

Чудо 6. О разслабленной инокинѣ

157-мъ* году генваря въ 5 день привезли Михайловскую жену Гавренева Софию, Власову дочь, разслабленну въ Кашинъ въ Сретенский монастырь дѣвичий, и въ той болѣзни пострижеся, и наречено бысть имя ей во инокиняхъ Феодосия, и въ монастырѣ лежала въ разслаблении многое время. И обѣщася та инокиня Феодосия помолитися въ церкви сорнѣй Пресвятѣй Богородицѣ Успению, и повелѣ себя отвести въ соборную церковъ. И повелеша пѣти молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ, и воду святити, и панихиду по великой княгинѣ служити, и ко гробу ея приложили. И от того часа та старица Феодосия здрава от разслабления молитвами преподобныя благовѣрныя княгини Анны, и отъиде въ монастырь, радуяся и славя Бога и Пречистую его Матерь и угодницу ихъ преподобную благовѣрную и великую княгиню Анну.

Чудо 7. О бѣснующейся женѣ*

Сретенскаго дѣвичья монастыря крестьянина Тихона Иванова жена его Евдокея одержима была недугомъ зѣлнымъ, и въ той болезни ума отступила, и не знала никого, и лежала въ дому своемъ въ томъ недузѣ много время. И привозили ея къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя, и молебѣнъ Пресвятѣй Богородицѣ пѣли, и воду святили, и панихиду по великой княгинѣ служили. И по окончании молебна и панихиды приложиша ее ко гробу преподобныя и даша ей святыя воды пити. И от того часа та Евдокея людей познала, и умомъ стала цѣла, и от недуга исцѣление получи молитвами преподобныя великия княгини Анны, и отъиде въ домъ свой здрава, радуяся и славя Бога и Пречистую его Матерь и угодницу ихъ преподобную великую княгиню Анну.

Чудо 8. О разслабленной женѣ

Кашинския Конюшенныя слободы тяглеца Ивана Зызюкина жена его, именемъ Ксения, въ недузѣ лежала много лѣтъ, и, не владѣя ничемъ, была разслаблена пять лѣтъ, и въ той болѣзни обѣщалась Пресвятѣй Богородицѣ Успению и преподобной благовѣрной княгинѣ Аннѣ, пришедши въ соборную церковъ, помолитися. И по тому обещанию привезоша ее къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя княгини Анны, и, пѣвше молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ, воду святили, и панихиду у гроба по благовѣрной княгинѣ служили, и по окончании молебна и воды освящения и панихиды даша ей святыя воды пити и ко гробу благовѣрныя княгини Анны приложили. И от того часа та Ксения от разслабления исцѣление получи и бысть здрава, яко николиже болѣ, молитвами преподобныя великия княгини Анны, и отъиде в домъ свой, славя и благодаря Бога и Пресвятую Богородицу и преподобную матерь княгиню Анну.

Чудо 9*

157-мъ* году июния 29 день кашинскихъ посадскихъ людей многия жены приходили къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению помолитися и преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны гробу поклонитися, съ ними же приходила кашинскаго посацкаго человѣка Богдана Митрофанова жена его, именемъ Акилина. И прочия жены, помоляся Богу и Пречистѣй его Матери, и гробу преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны поклонилися съ вѣрою, и та Акилина прикоснулася съ небрежениемъ ко гробу преподобныя и безстрашиемъ оперлась о гробъ рукою. И какъ оперлась — от того часа отнялась у нее рука, коею она оперлась, да половина главы и нога той же стороны начали болѣть. И едва отведоша ю въ домъ свой. И она лежала въ дому своемъ до самаго обрѣтения мощей преподобныя. И по повелению государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича приѣзжалъ преосвященный Иона, архиепископъ Тверский и Кашинский, въ городъ Кашинъ со многими честными властми, со архимадриты и игумены, свидѣтелствовати мощи преподобныя княгини Анны, и того дни привезли ту жену Акилину ко гробу преподобныя, которая и ночевала у гроба преподобныя и молилась о исцѣлении своемъ. И какъ начали литургию служити, и от того часа Богъ ей далъ от разслабления исцѣление молитвами преподобныя княгини Анны. И тако жена та Акилина здрава отъиде въ домъ свой, радуяся, и славя, и благодаря Господа Бога и Пречистую Богородицу и преподобную великую княгину Анну, каяся о прежнемъ невѣрствии своемъ.

Чудо 10. О разслабленной женѣ*

Кашинскаго посацкаго человѣка Иоанна, Елисеева сына, Потребова жена, именемъ Евдокия, была въ недузѣ зѣлномъ и разслаблена была, ни рукою, ни ногою не владѣла цѣлый годъ. И привезли ее къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и къ мощамъ преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны, и молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ Успению пѣли, и панихиду у гроба благовѣрной служили, и по окончании молебна и панихиды многоцѣлебнымъ мощемъ ее приложили. И от того часа незапнымъ временемъ та жена Евдокия стала от разслабления здрава, яко возмощи ей идти на своихъ ногахъ въ домъ свой, радуяся, славя Бога и Пречистую Богородицу и преподобную благовѣрную великую княгиню Анну.

Чудо 11. О разслабленномъ человѣцѣ*

Человѣкъ нѣкий земледѣлецъ, именемъ Калинникъ Ивановъ, Тверскаго уѣзду деревни Борзенева, разслабленъ былъ и не владѣлъ ни рукою, ни ногою болше двухъ лѣтъ. И слышавъ о чудѣсехъ преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны, и обѣщася помолитися преподобней. И по его обѣщанию свои ему едва его на носилахъ привезоша во градъ Кашинъ къ Пречистѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя благовѣрныя великия книгини Анны, и недѣлю жилъ и молился о исцѣлении своемъ. И во едину нощъ лежаше у гроба преподобныя, и во умѣ своемъ моляся, и мало уснувшу, явися ему преподобная, аки бы изъ гроба близъ пришедши, и рече ему: «Человѣче, востани!» Онъ же, отвѣщавъ, глаголя: «О, преподобная мати, аще и хощу востати, но не могу». Она же, емши его за руку, и воздвиже, и постави его на ногахъ, и рече ему: «Исцѣляетъ тя Господь Богъ и Пресвятая Богородица моимъ смирениемъ». И абие невидима бысть. Онъ же, воспрянувъ от видѣния, и обретѣся, стоя, у гроба преподобныя, здравъ, и не видѣ никого, токмо едину свѣщу, возженную надъ гробомъ преподобныя, яже и прежде бѣ, и дивися скорому премѣнению от болѣзни во здравие, и благодарствуя Господа Бога и Пресвятую Богородицу, и припадѣ ко гробу преподобныя, и моляся со слѣзами, яко подадѣ ему скорое исцѣление. Священницы же, пришедше къ заутрени и видѣвше его стояща у гроба и молящася здрава, прославиша Бога, и молѣбная благодарения пѣвше Пресвятѣй Богородицѣ Успѣнию и преподобѣй благовѣрной княгинѣ Аннѣ. Человѣкъ же тотъ Калинникъ отъидѣ въ домъ свой здравъ молитвами преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны, радуяся, яко николиже болѣ.

Чудо 12. О ослѣпшемъ человѣцѣ*

Человѣкъ нѣкий земледѣлецъ, именемъ Филиппъ, сынъ Григорьевъ, болярина нѣкоего князя Сунтелеевича Черкасскаго крестьянинъ, Кашинскаго уѣзду деревни Токарева, имѣя жилище от града Кашина верстъ съ шездесятъ, слѣпъ былъ и не видѣлъ рукъ своихъ три года съ половиною. И привезли его въ Кашинъ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя, и ночевалъ нощъ, и молился о исцѣлении своемъ. Наутра же въ день четвертокъ послѣ литургии началъ священникъ панихиду у гроба преподобныя, оному же молящуся о прозрѣнии своемъ. И внезапу того часа Богъ даровал ему, Филиппу, прозрѣние молитвами преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны, сталъ видѣти, якоже и преждѣ. И вопияше благодарнымъ гласомъ людемъ многимъ, стекшимся видѣти преславное чудо, и пѣвша молѣбная пѣния Спасу, и Пресвятѣй Богородицѣ Успению, и преподобной благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ. Оной же Филиппъ совершенно прозрѣ и отъиде въ домъ свой, славя и благодаря Бога и Пресвятую Богородицу и угодницу ихъ преподобную благовѣрную великую княгиню Анну.

Чудо 13. О ослѣпшемъ человѣкѣ*

Человѣкъ нѣкий, именемъ Давыдъ, Осиповъ сынъ, земледѣлецъ, Троицы Сергиева монастыря крестьянинъ, Кашинскаго уѣзду села Фроловскаго, лежалъ въ болѣзни и ослѣпъ, и не видѣлъ даже рукъ своихъ года два. И приведоша его къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны, и молился у гроба преподобныя день и нощъ. Прилучися убо въ день Воскрѣсения Христова, и послѣ утрени начали пѣть священницы у гроба преподобныя молѣбенъ Пресвятѣй Богородицѣ Успению, оному же Давыду молящуся о прозрѣнии своемъ со слѣзами. И внезапу свѣтъ узрѣ очима своима, и вопияше со слѣзами ко преподобнѣй: «О, преподобная мати! Подаждь ми совершенное очима моима прозрѣние!» И по окончании молѣбна священникъ благословивъ крестомъ и окропивъ святою водою, оный же приложися къ цѣлбоносному гробу преподобныя и абие совершенно прозрѣ, и видя все, якоже и прежде, молитвами преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны. И отъиде въ домъ свой, радуяся и славя Бога и Пречистую его Матерь и преподобную благовѣрную великую княгиню Анну.

Чудо 14. О слѣпой дѣвицѣ*

Болярина князя Никиты Ивановича слуги его, именемъ Андрея, по природѣ татарина, дщерь его, именемъ Анна, въ то время была пяти лѣтъ. Очи у нея сомжалися болѣзнию, и не видѣла ничего, ни рукъ своихъ, съ полгода. Отецъ же ея Андрей въ то время былъ у боярина своего на приказѣ на Углечѣ въ селѣ Красномъ, и слышавъ о чудѣсѣхъ преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны, что Богъ подаетъ молитвами ея от чудотворнаго гроба ея многа исцѣления съ вѣрою приходящимъ, и привезѣ дочь свою въ Кашинъ къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению, и повелѣ панихиду по благовѣрной служити. И по окончании молѣбна и водосвящения и панихиды священнику благословившу ея крестомъ и святою водою укропившу, и ко гробу преподобныя приложиша. И от того часа та дѣвица прозрѣ и нача видѣти совершенно, якоже и прежде. Отецъ же ея и матерь, видя незапное преложение въ совершенное прозрѣние дщери своея, и благодарение со слѣзами воздавше Господу Богу и Пречистѣй Богородицѣ и угодницѣ ихъ преподобной благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ, и отъиде со дщерию своею въ домъ свой, радуяся.

Чудеса послѣ свидѣтельства

Чудо 15. О бѣснующейся женѣ

Кашинскаго дворянина Иоанна Петрова сына Скорпѣева жена его, именем Анна, Андреева дочь, Зыкова, одержима была недугомъ зѣлнымъ, и въ томъ недузѣ ума отступила, и бѣсновалась, кричаше и нелѣпыя глаголы испущаше, и простовласа бѣгаше, гонима бѣсомъ, и одежду на себѣ раздираше, и не можаху многие люди удержати, амо[1] же устремляшеся. Мужъ же ея въ дому своемъ многие дни смиряше ея, вязаше и коваше. Она же оковы и вязания разрушаше, и бѣгаше, и нелѣпая кричаше, мужъ же ея въ дому своемъ не возможе удержати. И взя отецъ ея Андрей Зыковъ въ домъ свой, и прилежаше о ней, и ничтоже успѣваше[2], она же паче от духа нечистаго мучима. Егда же приѣзжалъ преосвященный Иона, архиепископъ Тверский и Кашинский, съ прочими властями въ Кашинъ свидѣтелствовати мощи преподобныя благовѣрныя княгини Анны, тогда отецъ преждереченныя Анны Андрей Зыков привозилъ дщерь свою бѣснующуюся Анну и моляся о исцѣлении ея у гроба преподобныя. Тогда архиепископъ и всѣ власти бѣснование ея видѣша и ужасахуся вопля и кричания ея неистовыхъ глаголъ. И тѣлу ея измѣнившуся и почернѣвшу от зѣлнаго мучения. И тако въ томъ недузѣ пребысть въ мучении нечистаго духа года съ два и боль-

[1] куда; [2] не приносило пользы.

ши, и въ то время не получи исцѣления. Отцу же ея паки отвезшу въ домъ свой, и даша ему священницы персти изъ-под гробу* преподобныя благовѣрныя княгини Анны и повелѣша въ воду сыпати и бѣснующейся давати пити. И послѣ того она многое время бѣсновалась въ дому отца своего. И въ нощи въ субботу на воскресение ушла изъ дому отца своего въ полѣ и въ лѣсъ, и едва ея многие люди, нашедше, уловиша въ лѣсу, и едва привлекоша въ домъ отца ея. И нача она просити пити воды, и даша ей воды пити, всыпавши въ ту воду пѣрсти, которую дали отцу ея изъ-под гроба преподобныя. И какъ этой воды напилася, то нападѣ на нее сонъ, и спала долгое время, и когда пробудилась, въ то самое время стала здрава и смысленна молитвами преподобныя княгини Анны. Отецъ же ея, видѣвъ незапное преложение и исцѣление, от нечистаго духа избавлшуся, поятъ дщерь свою, прежде бѣсновавшуюся, нынѣ же цѣломудренну, и приѣхавъ въ Кашинъ со дщерию своею Анною къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и къ мощемъ преподобныя, и повелѣ пѣти молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и преподобной благовѣрной княгинѣ Аннѣ, и повѣда иерею и всѣму причту дщери своея исцѣление молитвами преподобныя. И абие отъидѣ въ домъ свой, радуяся и хваля Бога и Пресвятую Богородицу и преподобную благовѣрную великую княгиню Анну. Дщерь же его Анна и донынѣ здрава и ничимъ не вредима.

Чудо 16. О разслабленномъ человѣцѣ*

Человѣкъ города Переславля Залескаго посаду церкви Симеона Столпника, диаконовъ сынъ, по имени Иакинфъ, одержимъ былъ болѣзнию тяжкою и разслабленъ былъ до того, что не могъ приподнять главы своея, и былъ въ болѣзни сей десять месяцовъ. Отецъ же его привождаше къ себѣ врачевъ и ничтоже от врачевания успевшу, но паче въ горшая пришедшу, и болѣзнь тягчаѣ бысть. И слышавъ о чудѣсехъ преподобныя великия княгини Анны, яко подаетъ исцѣления ко святому гробу ея прикасающимся съ вѣрою многа и различна, и привезѣ сына своего Иакинфа въ Кашинъ въ соборную церковъ Воскресения Христова и ко гробу преподобныя княгини Анны, и положи его у гроба преподобныя. И молѣбная пѣния пѣвше Воскресению Христову и преподобной княгинѣ Аннѣ, оному же Иакинфу лежащу на одрѣ своемъ и молящуся со слѣзами, милости прося от Бога о исцѣлении своемъ. И по окончании молѣбнаго пѣния благословиша его крѣстомъ, и окропиша святою водою, и приложиша его ко гробу преподобныя княгини Анны. И абие въ часѣ человѣкъ той Иакинфъ здравие получи молитвами преподобныя Анны, и отъиде въ домъ свой здравъ, радуяся и славя Бога и преподобную благовѣрную великую княгиню Анну.

Чудо 17*

Кашинскаго посацкаго человѣка, именемъ Сидора,* жена его Екатерина болна была главною болѣзнию и умомъ помутилась, и была въ той болѣзни полтора года, и искаше от вречевъ исцѣления, и не возможе получити, но паче тяжчаѣ болѣзнь бысть. И привезоша ее въ соборную церковъ Воскресѣния Христова и къ мощемъ преподобныя великия княгини Анны, и пѣвше молебенъ Воскресению Христову и преподобной. И по окончании молѣбна оную жену крестом священнику благословившу и святою водою покропившу, и ко гробу приложившу, и въ той часъ Богъ далъ той Екатеринѣ исцѣление молитвами преподобныя княгини Анны, и умъ сталъ цѣлъ по-прежнему, и отъидѣ въ домъ свой, радуяся и славя Господа Бога и Пречистую Богородицу и преподобную благовѣрную великую княгину-инокиню Анну.

Чудо 18*

Человѣкъ нѣкий Никита Ивановъ, Кашинскаго уѣзду села Горки,* одержимъ былъ зѣлнымъ недугомъ, и въ томъ недузѣ нападѣ на него падучая болѣзнь и мучила его чрезъ недѣлю и чрезъ месяцъ, и въ той скорби былъ слѣпъ лѣтъ с пять и болши, якоже самъ о себѣ повѣда. И во едину нощъ явися ему въ тонцѣ снѣ преподобная княгиня Анна и рече ему, глаголя: «Прииди въ Кашинъ въ соборную церковъ Воскресения Христова и ко гробу преподобныя, и исцелѣеши». Онъ же возбнувъ от сна и никого не видѣ, и разумѣвъ посещению Божию быти. И не по мнозѣ времени иде въ Кашинъ въ соборную церковъ Воскресѣния Христова и ко гробу преподобныя княгини Анны, и повелѣ пѣти молѣбенъ Воскресению Христову и преподобной княгинѣ Аннѣ. Самъ же Никита прилѣжно моляся о исцѣлении своемъ. И по окончании молебна благослови его священникъ крестомъ и окропи святою водою, и приложився ко гробу преподобныя княгини Анны, и абие[1] здравъ бысть. И отъиде въ домъ свой, радуяся, славя и благодяря Бога и Пресвятую Богородицу и преподобную благовѣрную великую княгиню Анну.

Чудо 19*

Человѣкъ нѣкто, именемъ Никита Ананьинъ, града Клина, вотчины болярина князя Петра Иванова Пронскаго, крестьянинъ деревни Бороздни, сей былъ одержимъ черною падучею болѣзнию лѣтъ десять, и много врачемъ раздая имѣния своего, и от нихъ искаше исцѣления, и не можаше ни от единаго ихъ по-

[1] тотчас.

лучити, но паче въ горшая пришедъ, и болѣзнь тягчаѣ бысть. И слышавъ о чудесѣхъ преподобныя, яко молитвъ ради ея подаетъ Богъ многа и различна исцѣления у гроба ея съ вѣрою приходящимъ. И привезоша его въ Кашин въ соборную церковъ ко гробу преподобныя, и повелѣша пѣти молебенъ Воскресению Христову и Пресвятѣй Богородицѣ Успению и преподобнѣй княгинѣ Аннѣ. Оный же Никита моляся со слезами о исцѣлении своемъ. И по оконачании молебнаго пѣния покропиша его святою водою и приложиша ко гробу преподобныя княгини Анны, и въ тотъ часъ исцѣление получи молитвами преподобныя, и отъидѣ въ домъ свой здравъ, радуяся, славя и хваля Бога и Пречистую Богородицу и преподобную великую княгиню Анну.

Чудо 20*

Троицы Сергиева монастыря Пятницкаго дѣвичья монастыря старица Мавра одержима была падучею болѣзнию, и пометаше ея бѣсъ овогда въ воду, овогда въ стремнины, и от тоя болѣзни тѣло ея почернѣ. И слыша о чудесѣхъ преподобныя княгини Анны, яко подаетъ Богъ молитвами ея исцѣления. Пребысть же въ той болѣзни десять лѣтъ, якоже сама о себѣ повѣда, и привезоша ея въ Кашинъ въ соборную церковъ Воскресения Христова и ко гробу преподобныя великия княгини Анны, и повелѣша пѣти молебенъ Воскресению Христову и преподобнѣй. Старица же моляся о исцѣлении своемъ, и по молѣбномъ пѣнии ко гробу благовѣрныя приложися. И нѣколико дней пребысть у гроба преподобныя, и исцѣления не получи. И отвезоша ю въ свой ея монастырь, и абие болѣзнь тяжчаѣ бысть. И не по мнозѣ времени въ тонцѣ снѣ явися ей преподобная благовѣрная княгиня Анна и рече ей: «Дщи моя Мавро, молися Господу Богу и Пречистѣй Богородицѣ по своему обѣщанию и не пѣй хмелнаго пития — и исцѣлееши». И абие въ той же часъ оная старица исцелѣ, преподобная же невидима бысть. Старица же возпрянувъ от сна и не видѣ никого, токмо храмина ея исполнися благоухания. И ощути себе здраву, и паки скоро прииде въ Кашинъ въ соборную церковъ Воскресения Христова, и припадѣ къ цѣлбоносному гробу преподобныя, и помолися со слѣзами, и славя Бога о исцѣлении своемъ, и пѣвъ молѣбная пѣния Спасу и Пресвятѣй Богородицѣ, и преподобной княгинѣ Аннѣ молебенъ, и отъиде въ свой монастырь, радуяся.

Чудо 21*

Столника государева Иоанна Гавренева жена его Стефанида одержима была сердечною болѣзнию, и *в* той болѣзни ослабѣла руками и ногами, и не владѣла цѣлый годъ. И привезли ея въ Кашинъ въ соборную церковъ Воскресе-

ния Христова и ко гробу преподобныя, и повелѣша пѣти молѣбная пѣния Воскресению Христову и преподобной княгинѣ Аннѣ молебенъ. Ея же, Стефаниду, держаше рабыня ея у гроба преподобныя, и моляся со слѣзами о исцѣлении своемъ. И во чтение святаго Еваггелия бысть во изумлении, и слыша скорби своей облегчение, и на ногахъ стала стоять о себѣ. И по отпускѣ молебнаго пѣния и по цѣловании честнаго креста и по окроплении святою водою приложися ко гробу преподобныя и ощути въ себѣ совершенное исцѣление. И пойдѣ о себѣ къ раннѣй литургии въ предѣлъ, и хождаше не скорбя, и послѣ литургии повѣда всѣму собору свое исцѣление молитвами преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны. И отъиде въ домъ свой здрава, радуяся.

Чудо 22*

Жена нѣкая, именемъ Дария, земледѣлца Ермолая Иванова, Кашинскаго уѣзду села Студена Поля, лежала огневою болѣзнию, и въ той болѣзни ума отступила, и не познавала никого своихъ присныхъ, и въ бѣсновании томъ произносила неистовыя глаголы восемъ недѣль. И привезоша ее въ Кашинъ въ соборную церковъ Воскресения Христова ко гробу преподобныя, и пѣвше молебенъ, и окропиша ея святою водою и приложивши ея ко гробу преподобныя. И послѣ того стало ей полегчѣ, и людей стала узнавать, и от бѣснования пременилась, однако скорби своей совершеннаго исцѣления не получи. И паки отвезоша ее въ домъ свой. И не по мнозехъ днехъ въ тонцѣ снѣ явися ей старъ мужъ, глаголя: «Пойди въ Кашинъ въ соборную церковъ и помолися приподобнѣй княгинѣ Аннѣ съ вѣрою — и исцѣлееши». Она же воспрянувъ от видѣния и не видѣ никого, кромѣ домашнихъ своихъ, и повѣда имъ видѣние, еже видѣ, и повелѣ себя отвести въ Кашинъ въ соборную церковъ къ мощемъ преподобныя. И пѣвше молебенъ Воскресению Христову и преподобнѣй панихиду, жена же оная со слѣзами моляся у гроба преподобныя о исцѣлении своемъ. И по окончании молѣбнаго пѣния приложиша ея ко гробу преподобныя, и въ той часъ совершенное исцѣление получи молитвами преподобныя благовѣрныя княгини Анны. И отъиде въ домъ свой, радуяся.

Чудо 23*

Отрокъ нѣкий, именемъ Антипа,* седми лѣтъ, немогъ[1] огневою немощию шесть недѣль, и въ той скорби отнялися у него очи, и не видѣлъ ничего, даже рукъ своихъ, две недѣли. Мати же его Улита приведѣ его въ соборную цер-

[1] болел.

ковъ Воскресения Христова и ко гробу преподобныя. И пѣвъ молѣбная пѣния, и моляся о исцѣлении сына своего, однако исцѣления не получи, и отъиде въ домъ свой. И паки въ другий разъ хотяше идти въ Кашинъ молитися о исцѣлении сына своего, въ то время внезапу ему, Антипѣ, Богъ далъ чистое исцѣление, и сталъ видѣти, якоже и прежде. И прииде съ материю своею Улитою въ Кашинъ въ соборную церковъ Воскресения Христова и ко гробу преподобныя, и повѣда всѣмъ сына своего прозрение молитвами преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны.

Чудо 24*

Ниже умолчу и сие от чудѣсъ преподобныя. Дворянина дмитревца Ивановская жена Пѣкина вдова, именемъ Екатерина, скорбѣла главною болѣзнию от рождения своего, и находилъ на нее обморокъ чрезъ два и чрезъ три дни, и въ томъ недузѣ лежитъ сутки безъ памяти, безъ пищи и пития, не образумившись. И слышавъ она о чудѣсехъ преподобныя княгини Анны, и обрекшися идти въ Кашинъ помолитися Христову Воскресению и поклонитися гробу преподобныя, и повелѣ себя отвести въ Кашинъ. И прииде въ соборную церковъ Успения* Пресвятыя Богородицы и ко гробу преподобныя, и пѣвъ молѣбная пѣния, и моляся Спасу и Пречистѣй Богородицѣ и преподобной княгине Аннѣ о исцѣлении своемъ. И въ то время исцѣления не получи, и отъиде въ домъ свой скорбна. И послѣ того спустя дватцать недѣль уснула въ скорби своей, и во снѣ видитъ себя въ Кашинѣ въ церкви Успѣния Пресвятыя Богородицы, молящуся, и явися ей преподобная княгиня Анна, и рече ей: «Молися съ прилежаниемъ». Она же содрогнулась и вострепета от видѣния, и проснувшись, обретеся здрава, и повѣда домашнимъ своимъ видѣние. И паки прииде въ Кашинъ къ Пречистѣй Богородицѣ Успѣнию и ко гробу преподобныя княгини Анны, и пѣвши молѣбная пѣния у гроба преподобныя, и повѣда всему причту свое исцѣление молитвами преподобныя княгини Анны. И отъиде въ домъ свой, радуяся, здрава.

Чудо 25*

Кашинскаго дворянина Лукиана Мизинцова жена его, именемъ Матрона, лежала огненною болѣзнию, и отнялися у нея очи, и не видѣла ничего многое время. И въ той болѣзни обещалася помолитися въ Кашинѣ преподобной княгинѣ Аннѣ — и здѣлалось ей от болѣзни легчаѣ, и съ очей пухота опала, и стала очима видѣть. И послѣ того послала въ Кашинъ къ Пресвятѣй Богородицѣ Успѣнию и преподобной свещи и на молебенъ, сама же забы обѣщание свое, не пойде въ Кашинъ. И найде на нее паки та же скорбь, и очима не видѣ, и немалое время лежала. И явися ей въ тонцѣ снѣ преподобная княгиня Анна и рече ей:

«Что ты свѣщи и на молебенъ присылаешъ, а сама обѣщание свое забыла, молиться не ходишъ?» Она же, возбнувъ от видѣния, обрете себѣ легчѣ, и вскоре повелѣ себя отвести въ Кашинъ къ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя княгини Анны,* и повелѣ пѣти молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ Успению и преподобнѣй княгинѣ Аннѣ. И по отпѣтии молебна и по кроплѣнии святыя воды приложися ко гробу преподобныя, и въ томъ часѣ стала видѣть чисто и от болѣзни бысть здрава молитвами преподобныя благовѣрныя княгини Анны. И повѣда всѣму церковному причту явление преподобныя, како явися ей во снѣ. И отъиде въ домъ свой здрава, радуяся и славя Бога и Пресвятую Богородицу и преподобную матерь великую княгиню Анну.

Чудо 26*

Въ лѣто 7174-го года месяца апреля на Городецкѣ на посадѣ никольскаго попа Иоанна сынъ его отрокъ Петръ лежалъ въ болѣзни три недѣли и замертво лежалъ три дня, распухъ и весь налился, что пузырь, не видно было и глазъ. И принесоша родители его преподобныя княгини Анны образъ, и поставиша надъ нимъ, и начаша пѣти молебенъ преподобной княгинѣ Аннѣ. И какъ отпѣли молебенъ, и въ томъ часѣ тотъ отрокъ Петръ проглянулъ, и пухота съ очей опала, и увидѣлъ образъ преподобныя, и сталъ говорить, что «надо мною свѣтло». И въ томъ часѣ пухота со всего его опала, и бысть здравъ, яко николиже болѣвъ. Родители же его видѣвши таковое чудо, приѣхавъ со отрокомъ въ Кашинъ, и пѣвъ молебенъ у гроба преподобныя, и отъидоша въ домъ свой, радующися, славяще Господа Бога и Пресвятую Богородицу и угодницу ихъ преподобную и благовѣрную великую княгиню Анну.

Чудо 27

1711 году кашинскаго посацкаго человѣка Феодора Иванова сына Руделева жена его Ирина была одержима зѣлнымъ недугомъ, и въ той болѣзни ума отступила, и кричаше нелѣпые глаголы. И въ той болѣзни пребысть три года, и многажды была скована и связана. И потомъ явилась ей въ сонномъ видѣнии преподобная княгиня Анна въ домѣ ея нощию во образѣ монашескомъ, и лице ея было, яко свѣтъ, и вся храмина от того чуднаго явления просветилась, и глагола ей: «Ирино, что ты трудишися[1]? Пойди въ соборную церковъ, отслужи молебенъ Пресвятѣй Богородицѣ Владимирской и благовѣрной княгинѣ Аннѣ панихиду, и Господь Богъ дастъ тебѣ здравие». И не по мнозѣ времени паки вто-

[1] страдаешь.

рицею той женѣ такимъ же образомъ явися преподобная нощию и то же глаголаше. И какъ привели ее въ соборную церковъ ко святѣй литургии, то во всю литургию держали ее два человѣка, и она была безъ памяти. А какъ отпѣли литургию, и молебенъ, и панихиду, то она обмѣрла и лежала съ четверть часа. И какъ ее подняли и приложили къ мощамъ святыя благовѣрныя княгини Анны, въ той часъ Богъ молитвами преподобныя далъ ей здравие, и отъидѣ въ домъ свой, радуяся.

Чудо 28

1711 года Бежецкаго уѣзду Городецкаго стану вотчины болярина князя Андрея Петрова Прозоровскаго села Кесова Горы у крестьянина Козмы, Васильева сына, Соколова въ дому его посещениемъ от Господа Бога дочь его дѣвица Феврония была въ болѣзни и безъумвствѣ, и прикована была къ стенѣ, также и руки и ноги были окованы. И ей от Господа Бога бысть прощение грѣховъ, и явися ей жена, аки вдова образомъ и одеждою, наипаче цвѣту сѣлнаго[1] свѣтящеся, и рече къ ней: «Февроние, пойди во градъ Кашинъ и помолися благовѣрной княгинѣ Аннѣ съ вѣрою». По которомъ явлении къ ней, дѣвицѣ Февронии, по совѣту, отецъ ее и матерь взяша съ собою [2]съ великою нуждою[2] тую безумную дѣвицу Февронию во градъ Кашинъ помолитися. По чему ей, благовѣрной княгинѣ Аннѣ, пришедши въ Кашинъ, отслужили чрезъ священника панихиду, и потомъ Пресвятѣй Богородицѣ молѣбное пѣние, и освящение воды совершили. И от того времени дарова Богъ оной дѣвицѣ Февронии разумъ по-прежнему и от скорби исцѣление. И въ то время пострижеся въ Бежецком дѣвичьемъ монастырѣ Воздвижения честнаго креста. О которой ея скорби извѣстно всей той вотчинѣ и другимъ прочимъ окреснымъ волостямъ, какова надъ нею скорбь была.

Чудо 29

Кашинскаго уѣзду села Ламонова дѣвица Параскева одержима была болѣзнию, и ума отступила, и не знала никого изъ своихъ домашнихъ, бѣсновалася и нелѣпая глаголаше многое время, овогда замѣртво лежаше. И по мнозѣхъ днѣхъ въ тонцѣ снѣ явися ей преподобная великая княгиня Анна со аггелы, и несоша предъ нею два аггела свещи возженныя, и два ведоша преподобную княгиню Анну. И прииде къ дѣвицѣ, и рече къ ней преподобная: «Параскево, что страждеши? Пойди въ Кашинх въ соборную церковъ и помолися преподобнѣй княгинѣ Аннѣ съ вѣрою. Аще же мене не послушаешъ, и ты мучима будешъ злою болѣзнию». Она же возбнувъ от видѣния, и никогоже видѣ, кромѣ домаш-

[1] полевого; [2—2] с большими трудностями.

нихъ своихъ, и повѣда имъ видѣние, и повелѣ себя отвести вскорѣ въ Кашинъ въ соборную церковъ къ мощамъ преподобныя. И приидоша къ литургии, и пѣвше молебенъ Воскресению Христову и преподобнѣй благовѣрной княгинѣ-инокинѣ Аннѣ панихиду. Она же моляся со слѣзами у гроба преподобныя о исцѣлении своемъ. И по окончании молѣбнаго пѣния и панихиды приложися Воскресения Христова образу и ко гробу преподобныя, и въ тотъ часъ совершенное исцѣление получи молитвами преподобныя благовѣрныя великия княгини-инокини Анны. И отъидѣ въ домъ свой здрава, радуяся и славя Бога.

Чудо 30

Кашинскаго уѣзду столника Феодора, Иванова сына, Лазарева жена его вдова Анна одержима была зѣлнымъ недугомъ, и въ томъ своемъ недузѣ ума отступила, и бѣсновалася, кричаше, и нелѣпые глаголы испущаше, и простоволоса бѣгаше, гонима бѣсомъ, и одѣжду на себѣ раздираше, еяже не можаху многие людие держати, аможе устремляшеся. Смиряше же ея домашнии и прилѣжаху о ней, но ничтоже успеваху, она же паче от духа нечистаго мучима. И привождаху въ домъ свой врачевъ, искаху исцѣления, и имѣния много раздаяху, и не можаху ни от единаго ихъ исцѣления получити, но паче въ горшая прииде. И въ той болѣзни бысть пять лѣтъ. И по днѣхъ нѣкихъ въ тонцѣ снѣ явися ей преподобная княгиня Анна, по Пасхѣ въ недѣлю разслабленнаго въ четвертокъ, и рече ей: «Анно, пойди въ Кашинъ въ соборную церковъ къ заутрени въ пятницу и помолися преподобнѣй благовѣрной великой княгинѣ-инокинѣ Аннѣ съ вѣрою». Она же воспрянувъ от видѣния, и не видѣ никого, кромѣ домашнихъ, и повѣда имъ видѣние, и повелѣ себя отвести въ Кашинъ въ соборную церковъ къ мощамъ преподобныя. И пѣвше молѣбенъ Воскресению Христову и преподобной благовѣрной великой княгинѣ Аннѣ панихиду, она же моляся со слѣзами и съ прилѣжаниемъ у гроба преподобныя о исцѣлении своемъ. И како начали литургию божественную пѣти, она кричаше нелѣпая, и не можаху многие люди держати ея. И въ то время множество народу стекошася въ соборную церковъ видѣти таковое преславное чудо от гроба преподобныя, и многимъ людемъ ужасающимся от вопля и кричания неистовыхъ ея глаголъ. И тѣлу ея изменившуся и почерневшу от зѣлнаго мучения находящаго бѣса. И како начаша пѣть «Христосъ воскресѣ» трижды на отпустѣ вместо «Славы, и нынѣ»,* и въ то время подадѣ ей Богъ исцѣление молитвами преподобныя благовѣрныя великия княгини-инокини Анны. И приложися Воскресения Христова образу и ко гробу преподобныя, и от того часа бысть здрава, яко николиже болѣ. И отъиде въ домъ свой, радуяся и благодаря Бога и Пречистую Богородицу и преподобную благовѣрную великую княгиню-инокиню Анну.

Чудо 31

1717 году кашинецъ посацкой человѣкъ Антипа, Ивановъ сынъ, Рожественой одержимъ былъ по женидвѣ своей великимъ безумиемъ, четыре месяца былъ скованъ, а потомъ обещание со всемъ домомъ своимъ положилъ преподобнѣй великой княгинѣ отслужити большую панихиду. И егда сотвори обѣщание, и чрезъ недѣлю от того безумия получилъ себѣ здравие, благодаря Бога и Пречистую его Матерь и преподобную княгиню Анну.

Чудо 32

1732 года кашинецъ посацкой человѣкъ Иванъ, Казминъ сынъ, Кулешевъ одержимъ былъ болѣзнию безъязычною пять недѣль, и обѣщался преподобной великой княгинѣ Аннѣ отслужити у гроба ея панихиду. И по исполнении обѣщания чрезъ три дни молитвами преподобныя великия княгини Анны получилъ исцѣление и сталъ говорить по-прежнему.

Чудо 33

1735 года Новогородской епархии Бежецкого уѣзду Городѣцкаго стану, вотчины брегадира князя Ивана, Андреева сына, Прозоровскаго, села Кесова Горы вдова Анна Семенова и другая жена Евдокея Левонтьева съ дочерью своею Настасьею Трофимовою, изъ коихъ Анна была въ безумии цѣлый годъ, а дѣвица Настасия одержима была разслаблѣниемъ, и обѣщались они благовѣрной княгинѣ кашинской отслужить панихиду, и по совершении оной получили здравие молитвами преподобныя княгини-инокини Анны.

Чудо 34

1744 года кашинецъ посацкой человѣкъ Стефанъ, Ивановъ сынъ, Тулуповъ былъ въ тяжкой болѣзни, и одержимъ немотою такъ, что не говорилъ ничего два месяца, и обрекся преподобной благовѣрной княгинѣ Аннѣ отслужить панихиду. И по исполнении обѣщания чрезъ два дни даровалъ ему Господь Богъ здравие, и сталъ говорить ясно молитвами преподобныя княгини-инокини Анны.

Чудо 35

1744 года кашинецъ посацкой человѣкъ Иоаннъ, Емельяновъ сынъ, Бородкинъ посѣщениемъ Божиимъ былъ въ тяжкой болѣзни, и очима ничего не видѣлъ, и людей не зналъ годъ и шесть месяцовъ. И какъ обѣщался благовѣрной княгинѣ Аннѣ отслужить панихиду, и егда исполни обѣщание, и дарова ему Господь Богъ здравие чрезъ недѣлю помощию и молитвами преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны.

Чудо 36

1745 года Бѣжецкого уѣзду Городѣцкаго стану, вотчины брегадира князя Ивана, Андреева сына, Прозоровскаго, села Кесова Горы у крестьянина Семена Панфилова жена Параскева Кирилова одержима была бѣзумствомъ, и обѣщася благовѣрной княгинѣ-инокинѣ Аннѣ отслужить панихиду, и по совершении обѣщания получи исцѣление.

Чудо 37

1745 года вышеписанной вотчины села Кесова у крестьянина Тимофея Михайлова жена Стефанида Сергеева скорбѣла ногою съ полгода и болше, и обѣщалась благовѣрной княгинѣ Аннѣ Кашинской отслужить панихиду, и по совершении обѣщания получи исцѣление молитвами преподобныя княгини-инокини Анны.

Чудо 38

1745 года вотчины Алексия, Денисьева сына, Норова, деревни Мотолыгина крестьянина Хрисанфа Евдокимова жена Евдокея Гордеева одержима была разслаблением, и обѣщася благовѣрной княгинѣ-инокинѣ Аннѣ отслужить панихиду, и по совершении обѣщания получи исцѣление молитвами преподобныя Анны.

Чудо 39

1745 года вотчины Александра, Иванова сына, Суворова, деревни Мотолыгина крестьянина Логина Архипова жена его одержима была очною болезнию, и обѣщалась благовѣрной княгинѣ-инокинѣ Аннѣ Кашинской отслужить панихиду, и по исполнении ея обѣщания получи исцѣление молитвами преподобныя Анны чудотворицы.

Чудо 40

1745 года села Кесова крестьянина Козмы Нестерова сынъ его Василий слѣпъ былъ три лѣта, и мать его Мавра Семѣнова обѣщалась благовѣрной княгинѣ-инокинѣ Аннѣ отслужить панихиду, и по окончании панихиды получи сыну своему прозрѣние молитвами преподобныя и благовѣрныя великия княгини-инокини Анны.

Чудо 41

1746 года сентября въ 15 день пришедъ въ соборъ Кашинскаго уѣзду Кочемскаго стану деревни Глаголева крестьянская жена Стефанида Елеферьева, объявляла, что она сего жъ семъсотъ сорокъ шестаго года февраля месяца была въ великой болѣзни, и противъ десятаго числа сего февраля въ ночи во снѣ якобы пошла въ городъ Кашинъ, и пришла въ соборную церковъ помолитися благовѣрной княгинѣ Аннѣ. И пришедъ въ церковъ, видитъ, якобы святыя мощи благовѣрныя княгини Анны двигнулися, и ста гробъ ея среди церкви, и открыся гробъ благовѣрныя, и воста изъ гроба преподобная княгиня Анна, и сѣдѣ на гробѣ, и глагола священнику: «Подай мнѣ скляницу». И священникъ принесъ болшую скляницу, и въ скляницѣ масло от лампады ея и перо гусиное. «И принявши скляницу, глагола мнѣ: „Прииди ко мнѣ". И какъ я подошла, то взяла благовѣрная перо изъ скляницы и помаза мнѣ грудь, и повелѣ приложитися мнѣ къ правой ногѣ къ болшему персту къ подошвѣ. И какъ я приложилася, то здѣлалась здрава и молитвами преподобныя благовѣрныя княгини-инокини Анны, яко николиже болѣ».

Примѣч. Сюда же относится чудо нынѣшняго времени о прекращении холеры въ Кашинѣ послѣ крестнаго хождения съ иконою Анны благовѣрныя, издревле находящеюся въ кашин. соборѣ и слывущей у всѣхъ въ Кашинѣ чудотворною. О семъ значится въ особомъ историческомъ изследовании г. Прудникова, бывшего въ благоразсмотрѣнии Св. Синода и признаннымъ благонамѣреннымъ и основательнымъ.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН	— Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГИКМЗ «МК»	— Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
ИРЛИ	— Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)
Материалы	— Материалы для истории раскола за первое время его существования /Под ред. Н. И. Субботина: Т. 1. М., [1874]; Т. 2. М., [1876]; Т. 3. М., [1878]; Т. 4. М., [1878]; Т. 5. М., [1879]; Т. 6. М., [1881]; Т. 7. М., [1885]; Т. 8. М., [1886]; Т. 9. М., [1895]
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ПДП	— Памятники древней письменности
ПЛДР, 1—12	— Памятники литературы Древней Руси. В 12 т. М., 1978—1994
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИБ. Т. 39	— Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927 (РИБ. Т. 39)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси
СПб ИИ РАН	— Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ИЗ СБОРНИКА «СТАРЧЕСТВО»

Нравственно-дисциплинарный сборник «Старчество» — это сугубо монашеский сборник, предназначенный для старца-наставника новоначального инока. Он включает в себя статьи, касающиеся регламентации жизни в монастыре, как правило общежительном, келейного правила, взаимоотношений старца и его подопечного, отдельных вопросов христианской аскетики. Сборник был своего рода методическим пособием для старца и не был рассчитан на чтение его новопостриженным монахом. Более того, допускалось, что этот новоначальный инок мог быть и неграмотным (ряд статей сборника касается наставления неграмотного ученика).

Генетически связанный с переводными патериками, сборник позаимствовал название одного из них (τὸ γεροντικόν — старчество). Патерики, содержащие краткие изречения и пространные поучения древних подвижников, рассказы об их жизни в египетской пустыне, об их отношениях и беседах со своими учениками, играли чрезвычайно важную роль в монашеской жизни. Фактически они выполняли функцию регулятора отношений старца и ученика, опытного монаха и новопостриженного инока, были книгами, самым непосредственным образом связанными с проблемой воспроизводства монашеской жизни. Поэтому не случайно то место, которое занимают в патериках статьи о послушании. В состав патериков входили и статьи, обращенные непосредственно к новоначальному иноку или имеющие отношение к самому моменту пострига. Судя по всему, эту же роль — роль текстов, регламентирующих отношения между старцем и новоначальным иноком, переводные патерики выполняли и в домонгольской Руси, и позднее, до тех пор пока в монашеской жизни преобладала традиция, ориентированная на особножительство. В условиях общежительства функцию регламентирования отношений между наставником и новопостриженным монахом, напрямую связанную с воспроизводством монашеской жизни, стал выполнять сборник «Старчество», не только название, но и состав которого во многом зависит от «старчества» как патерика.

Есть основания полагать, что сборник «Старчество» сформировался во второй половине XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре. В XVII в. уже практически во всех крупных монастырях существовали его варианты, в этих монастырях созданные и отражающие практику этих обителей. Наибольшее количество вариантов «Старчества» существовало именно в Кирилло-Белозерском монастыре, один из наиболее интересных и растиражированных принадлежал келарю этого монастыря Матфею Никифорову. Он известен в 13 списках (8 из них подробно описаны в статьях: Семячко С. А. 1) К истории сборников XVII в. (Старчество, Цветник священноинока Дорофея, Крины сельные) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 216—247; 2) Сборник «Старчество» в Кирилло-Белозерском монастыре // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 244—268). Наиболее ранний из них является автографом Матфея Никифорова.

Матфей, в миру Михаил (Богдан), Никифоров сын, был монастырским служкой, еще до пострига выполнял серьезные поручения, связанные с хозяйственной деятельностью Кирилло-Белозерского монастыря, постригся в 1654 г., почти сразу же стал келарем и был им до 1660 г.; с 18 февраля 1660 г. до 1 июля 1666 г. был большим строителем Кирилло-Белозерского монастыря, при этом неоднократно исполнял обязанности игумена (см.: Успенский Н. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря. М., 1896. С. 35—36); в конце 60-х гг. в результате конфликта с архимандритом Моисеем Матфей Никифоров на какое-то время покидал Кирилло-Белозерский монастырь (его имя отсутствует в списке монастырской братии 1668 г.), потом в монастырь вернулся, некоторое время жил там, уже не имея никакого отношения к управлению монастырем, принял схиму, скончался 30 марта 1675 г. и был погребен в монастыре, о чем свидетельствует сохранившаяся надгробная плита (подробнее о Матфее Никифорове, о принадлежавших ему и переписанных им книгах см.: Дмитриева З. В. Матфей Никифоров — келарь и соборный старец Кирилло-Белозерского монастыря (1654—1667 гг.) // Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2003. С. 140—163).

Вероятно удалившись от хозяйственной и управленческой деятельности, Матфей Никифоров обратился к наставнической практике. Интересен тот факт, что он «свое келарское послушание начинает с подготовки келарского обиходника» (Дмитриева З. В. Матфей Никифоров — ке-

ларь и соборный старец... С. 142), т. е. книги, которой он должен руководствоваться на этом посту. Судя по всему, точно так же он поступил, занявшись наставничеством новоначальных иноков, — он составил свой вариант «Старчества», на который и опирался в своей практике.

Всякий новый вариант «Старчества» создавался, как правило, на основе одного или нескольких уже существовавших вариантов этого сборника. Не было исключением и «Старчество» Матфея Никифорова, в своей первой части опиравшееся на один из вариантов сборника, бытовавших в Кирилло-Белозерском монастыре. Однако своей второй частью «Старчество» Матфея Никифорова оказалось связанным с такими чрезвычайно популярными в XVII в. и позднее сборниками, как «Цветник священноинока Дорофея» и «Крины сельные». Сравнительный анализ сборников показал, что наиболее ранним из них является «Цветник священноинока Дорофея». На его основе был создан сборник, который, скорее всего, назывался «Старчество» (в чистом виде он пока нам неизвестен). Это «Старчество» послужило источником для второй части «Старчества» Матфея Никифорова и для «Кринов сельных».

Именно к этой второй части «Старчества» Матфея Никифорова относятся и публикуемые произведения. Их нумерация, сохранившаяся в третьем и четвертом текстах, отражает их положение не в «Старчестве» Матфея Никифорова, а в его источнике (см. коммент. к с. 13, 22, 23 и 24). В «Цветнике священноинока Дорофея» и в «Кринах сельных» «Воспоминание к своей душе» и поучение «От житий отеческих» следуют друг за другом, причем второе конкретными примерами иллюстрирует те идеи, которые развивались в первом. Такая же последовательность текстов должна быть и в том сборнике, который является посредствующим звеном между «Цветником священноинока Дорофея» и «Кринами сельными» и к которому восходит, через посредство еще одного сборника, «Старчество» Матфея Никифорова. Составитель этого предшествующего «Старчеству» Матфея Никифорова сборника установил свою последовательность произведений, поместив между «Воспоминанием к своей душе» и поучением «От житий отеческих» еще два текста.

Традиция обращения к собственной душе, разговора со своей душой, была необычайно развита в византийской христианской литературе (см. произведения Петра Дамаскина, Иоанна Златоуста, Филиппа Монотропа и др.). И первый из публикуемых текстов — «Воспоминание к своей душе» — органично встраивается в эту традицию. Автор, как и его предшественники, упрекает свою душу в лености, в нежелании покаяться, следовать пути, по которому шли все святые, претерпевать скорби. Поэтому естественным является переход ко второму тексту, в котором речь идет о преодолении скорбей. Главный путь такого преодоления — это «вера несуменная» (т. е. безоглядная, без сомнений, без отступлений). Таким образом выстраивается переход к третьему тексту — «О вѣрѣ несуменней». И только после этого текста читается поучение «От житий отеческих», автор которого, опираясь на пример широкого круга святых, почитаемых Православной церковью, продолжает корить свою душу и призывает ее к подвижничеству.

Автор и последующие редакторы этого поучения в заглавии сами назвали источники приводимых ими примеров — Пролог, Скитский патерик и Киево-Печерский патерик. Однако в данном случае следует сделать несколько оговорок. Называя патерик Скитским, автор вовсе не обязательно имел в виду тот патерик, который Скитским называют исследователи. Это мог быть и Сводный патерик (традиция именовать Сводный патерик Скитским существовала вплоть до недавнего времени, да и вообще, современные названия патериков далеко не всегда совпадают с теми наименованиями, которые им давали средневековые авторы). Трудность в определении источника обусловлена тем, что в тексте не так много точных цитат, прямых заимствований. По большей части мы имеем дело с пересказом, с квинтэссенцией прочитанного в патерике или в Прологе. Порой мы встречаем в тексте такие детали, которые могли быть почерпнуты только из полного жития того или иного святого, что неудивительно, поскольку целый ряд переводных житий, целиком или во фрагментах, сопутствуют тексту различных патериков, чаще всего Сводного.

Другая сложность в установлении непосредственного источника нашего текста обусловлена тем, что Пролог во многом основан на патериках, причем статьи Пролога, заимствованные из патериков, могут ничем не отличаться от своего оригинала (подробнее об этом см.: Давыдова С. А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. 43. С. 263—281).

Интересно отметить, что патерики послужили не только источником конкретного материала — поучение явно ориентировано на патериковую форму изложения, что оказалось совершенно естественным для «Старчества». Таким образом, как на раннем этапе своей истории сборник опирался на патерики, так и спустя почти два века он продолжал формироваться с оглядкой на патериковую традицию.

Тексты издаются по наиболее раннему списку этого варианта «Старчества», автографу Матфея Никифорова: *РНБ*, Кирилло-Белозерское собр., № 122/1199 60-х—начала 70-х гг. XVII в. с учетом правки, выполненной писцом рукописи и учтенной в другой, скопированной с Кир.-Бел. 122/1199 рукописи: *РНБ*, Кирилло-Белозерское собр., № 162/1239 конца XVII в. Описки Матфея Никифорова исправлены курсивом, большинство исправлений подтверждаются чтениями Кир.-Бел. 162/1239.

Стр. 13. *О воспоминании жития святыхъ... до смерти страдаша.* — В «Цветнике священноинока Дорофея» это глава 11 (здесь и далее мы пользуемся нумерацией наиболее распространенной редакции Цветника, состоящей из 65-ти глав, отразившейся в большинстве изданий (кроме изд.: Почаев, 1778); об изданиях «Цветника священноинока Дорофея» см.: Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII—начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996. С. 148—152). В «Кринах сельных» и в сборнике, им предшествующем (см. выше), эта статья читалась под номером 1.

Аще хощеши истинно спастися, возлюби скорби... — Здесь и далее в тексте раскрывается сформулированная в Священном Писании мысль о том, что «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22; ср.: Пс. 33, 19—20).

Стр. 13—14. *Аще бы мощно было вѣдати иноку... терпѣлъ бы убо не ослабѣя...* — Ср. в Скитском патерике: «Аще би и чрьви была пльна келиѣ твоѣ, и аще би в нихь до выя быль, трьпѣль би убо не ослабья» (The Old Church Slavonic Translation of the ΑΝΔΡΩΝ ΑΓΙΩΝ ΒΙΒΛΟΣ in the edition of NIKOLAAS VAN WIJK † / Edited by D. Armstrong, R. Pope and C. H. van Schooneveld. The Hague; Paris, 1975. P. 193. Здесь и далее воспроизводится текст в соответствии с правилами БЛДР).

Стр. 14. ...*«егоже ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде, яже уготова Богъ любящимъ его»...* — 1 Кор. 2, 9.

Вси бо святии... едину по единой. — Имеются в виду евангельские слова: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13—14, ср.: Лк. 13, 24).

Стр. 15. ...*«плоть бо и кровь Царствия Божия не наслѣдитъ».* — 1 Кор. 15, 50.

Бес повелѣния бо Божия ни единъ власъ главы нашея не погибнет. — Ср.: Мф. 10, 28—31.

Реклъ бо есть во всемъ тѣсный и прискорбный путь гнати... — См.: Мф. 7, 13—14 (см. коммент. к с. 14).

«Егоже бо любитъ Богъ, того и наказуетъ». — Притч. 3, 12.

Елико бо тѣло изнемогаетъ, толико душа силна бываетъ и освящается. — Ср. в Скитском патерике: «...елико тѣло сильно есть, толико душа либава есть, и елико тѣло либѣваеть, только душа силнееть» (The Old Church Slavonic Translation... P. 225).

Стр. 16. ...*«яко цвѣтъ травный; трава изсыхает, и цвѣтъ ея отпадетъ», «и не будетъ, и не познает к тому мѣста своего»...* — Пс. 102, 13—14; ср.: Ис. 40, 6—7.

Тѣмже аще хощеши побѣдити страсти,
отсѣцы свои сласти.
Аще ли пищу требуеши,
страсти будити имаши. — Параллельная синтаксическая структура двух предложений и наличие рифмы привели к формированию неравносложных виршей.

Стр. 17. *«Азъ в трудѣхъ множае... да вселится в мя сила Христова».* — Ср.: 2 Кор. 11, 23—12, 9.

...скобельми... — Скобель — используемый в плотничьем деле нож с двумя рукоятками на концах.

Стр. 18. *...нужницы восхищаютъ Царство Небесное.* — Мф. 11, 12.

...от клятвы преступления прадѣда Адама. — См.: Быт. 3.

Стр. 19. *«Аще имате вѣру... и будет».* — Мф. 21, 21; ср.: Мф. 17, 20; Мк. 11, 23.

Стр. 19—20. *«И власъ главы вашея не погибнет. В терпѣнии же вашем точию стяжите душа ваша»...* — Лк. 21, 18—19.

Стр. 21. *...трие отроцы в Вавилонѣ вѣрою в пещи огненей несгараеми...* — См.: Дан. 3, 1—97.

...Даниил пророкъ вѣрою от львов невредимъ бысть... — См.: Дан. 6, 3—23.

...Илия пророкъ вѣрою огнь с небесе сведе... — См.: 3 Цар. 18, 22—39.

...Моисей вѣрою сквозѣ Чермное море пройде с людми, и в пустыни 40 лѣтъ без хлѣба питани быша... — См.: Исх. 14, 1—31, 16, 35. *Чермное море* — Красное море.

...и оставльше миръ и вся, яже в мирѣ... — Ср.: Ин. 2, 15.

«Сумняйся человѣкъ подобен есть волнению морскому»... — Иак. 1, 6.

...«преходит бо прилѣжати же о души, вещи безсмертнѣй»... — Топос, нашедший отражение как в общих тропарях 8-го гласа преподобному, преподобномученику и преподобной жене, так и в тропарях конкретным святым, например Михаилу Малеину, Лаврентию Туровскому, Леониду Устьнедумскому, Марии Египетской, преподобной Таисии, преподобной Пелагии, преподобной Марфе, матери Симеона Дивногорца, Ангелине Сербской и др. (все 8-го гласа).

...«слезами твоих источникъ пустыни безплодное напоилъ еси»... — Ср. тропари преп. Иосифу Многоболезненному, Варлааму Индийскому, Сергию Нуромскому, Иоанну Рыльскому и др.

...«во страданиихъ своихъ вѣнца прияша нетлѣнныя от тебе, Бога нашего»... — Топос, характерный для тропарей мучеников, см., например: Тропарь святому мученику Виктору, глас 4; Тропарь святым мученикам Адриану и Наталии, глас 4; Тропарь девяти мученикам кизическим, глас 4.

...«труды бо ихъ и смерть приял еси паче всякого приношения»... — Кондак Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, глас 2.

...«стражду тебе ради: яко да царствую с тобою и умираю, надежу имѣю на тя, но, яко жертву непорочну, приими мя, с любовию пожершую ти ся»... — Общее место тропарей мученицам, см., например: Тропарь преподобномученице Евгении; Тропарь преподобномученице Леониде; Тропарь великомученице Марине, глас 4; Тропарь мученице Христине, глас 4; Тропарь преподобномученице Раисе.

Стр. 22. *«Внидите ускими враты, яко пространная врата и широкъ путь вводяй в пагубу»...* — См. коммент. к с. 14.

...«многими скорбьми подобаетъ нам внити во Царство Небесное»... — См. коммент. к с. 13.

...«нужницы восхищают его»... — Мф. 11, 12.

...«в терпѣнии вашем стяжите душа ваша»... — Лк. 21, 19.

...«претерпѣвый до конца той спасется»... — Мф. 10, 22.

О еже претерпѣвати скорби. — Эта глава представлена в «Цветнике священноинока Дорофея» в качестве главы 13 «Поучение о еже по Христѣ ити и претѣрпѣвати всякия скорби» в несколько более пространном виде.

«Иже хощет по мнѣ итти, да отвержется себе и возмет крестъ свой и послѣдует мнѣ». — Мф. 16, 24; Мк. 8, 34; Лк. 9, 23. Ср. в «Кринах сельных» главу «О еже терпѣти скорби» (как правило, 33).

Стр. 23. *«Вѣрен буди до смерти, терпѣливъ до исхода душа своея, и дам ти, — рече, — вѣнецъ живота своего».* — Ср.: Откр. 2, 10.

«Претерпѣвый до конца той спасется». — См. выше коммент. к с. 22.

О вѣре несуменней. Глава 3. — В «Цветнике священноинока Дорофея» это фрагмент главы 62. В «Кринах сельных» находится в конце сборника (как правило, глава 42).

Вѣруяй в мя несумненно не собираетъ, коею смертию скончается... — Этот фрагмент напоминает цитату из Священного Писания, передающую слова Господа (*вѣруяй в мя*), однако, скорее всего, это не цитата, а результат порчи текста, так как в соответствующем месте «Цветника священноинока Дорофея» читается: «Вѣруяй несумѣнно не избираетъ, коею смертию скончается...» (*РНБ*, собр. Колобова, № 287, л. 297).

Стр. 24. *От житий отеческих... како пожиша. Глава 4.* — В «Цветнике священноинока Дорофея» это глава 12. Однако 12-я глава Цветника передает другую, более раннюю, редакцию данного текста. В сборнике «Крины сельные» глава, совпадающая в своей редакции с публикуемым текстом, имеет номер 2. Четвертый номер глава имела в сборнике, послужившем источником для Матфея Никифорова и в свою очередь имевшем общий источник с «Кринами сельными».

Иринарх Затворник — имя святого указано в «Старчестве» и в «Кринах сельных», в «Цветнике священноинока Дорофея» вместо слов «Воспомяни Иринарха Затворника...» читается «Воспомяни... оного старца...». Также судя по упоминанию далее ученика Иринарха Корнилия, имеется в виду преподобный Иринарх, затворник ростовский (ум. в 1616 г.; память празднуется 13 января в день преставления и 23 мая в соборе ростово-ярославских святых). Полное Житие Иринарха Ростовского см. в наст. изд.: СПб., 2006. Т. 14. С. 464—515, 730—739.

...ученик его Корнилий... — В «Цветнике священноинока Дорофея» ученик, как и старец, был безымянным.

Анастасий мних — речь идет либо об Анастасии Персидском (см.: Пролог, 22 января), либо об Анастасии Синайском (см.: Пролог, 20 апреля), однако описанных подробностей подвига святого в Прологе нет.

...«яко древо сухо»... — Сир. 6, 3.

...Максима, и Василия, Исидора, паче же и древняго великаго Андрея, и Прокопия, Иоанна уродивых. — Имеются в виду юродивые святые Максим Московский (Пролог, 13 августа), Василий Блаженный (Пролог, 2 августа), Исидор Ростовский (Пролог, 14 мая), Андрей Юродивый (Пролог, 3 октября, 12 октября), Прокопий Устюжский (Пролог, 8 июля), Иоанн Устюжский (Пролог, 29 мая). Все они русские святые, кроме Андрея Юродивого, имя которого в общем ряду особо выделено. В соответствующем фрагменте статьи «Цветника священноинока Дорофея» называются лишь первые три имени. Упоминания Андрея Юродивого, Прокопия и Иоанна Усюжских появились в более поздней редакции текста, дошедшей до нас в «Кринах сельных» и в «Старчестве» Матфея Никифорова.

...великомучеников Георгия и Димитрия, Иякова Персянина, и Феодора Тирона, и Феодора Стратилата, и 40 мученикъ, и пятечисленую пятерицу — Евстратия и Евгения, Мардария и Ореста, и Авксентия. — Имеются в виду великомученики Георгий Победоносец (Пролог, 23, 24 апреля), Димитрий Солунский (Пролог, 26 октября), Иаков Персянин (Пролог, 27 ноября), Феодор Тирон (Пролог, 17 февраля), Феодор Стратилат (Пролог, 8 июня, 8 февраля). 40 мучеников севастийских — см. в Прологе под 9 марта, а «пятечисленую пятерицу» севастийских мучеников — Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста — под 13 декабря. В «Цветнике священноинока Дорофея» этот фрагмент имеет несколько иной вид: Федор Тирон упоминается в другой части статьи, Федор Стратилат не упоминается вовсе, а вместо «пятечисленой пятерицы» названы мученицы Ирина и Екатерина. См.: Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI—XV веков: Каталог. СПб., 2008. С. 37—39, 44—46, 52, 60—61, 116, 117.

Стр. 25. *Димитрий Прилуцкий* — см.: Пролог, 11 февраля.

Кирилл Белозерский — см.: Пролог, 9 июня. Полное Житие Кирилла Белозерского см. в наст. изд.: СПб., 1999. Т. 7. С. 132—217, 506—512. В «Цветнике священноинока Дорофея» не упоминается.

Михаил Клопский — см.: Пролог, 11 января. Полное Житие Михаила Клопского см. в наст. изд.: Т. 7. С. 218—231, 512—515. В «Цветнике священноинока Дорофея» не упоминается.

Павел Обнорский — см.: Пролог, 10 января. В «Цветнике священноинока Дорофея» не упоминается.

Дионисий Глушицкий — см.: Пролог, 1 июня. В «Цветнике священноинока Дорофея» не упоминается. Фрагмент с рассказами о Кирилле Белозерском, Михаиле Клопском, Павле Обнор-

ском и Дионисии Глушицком появляется в более поздней редакции текста, дошедшей в составе сборника «Крины сельные» и «Старчества» Матфея Никифорова.

Александр Свирский — см.: Пролог, 30 августа.

Андрей Завалишин — ученик преподобного Александра Свирского, рассказ о нем помещен в Житии последнего. Имя Андрея Завалишина в «Цветнике священноинока Дорофея» не упоминается.

Евфросиния Суздальская — см.: Пролог, 25 сентября. В «Цветнике священноинока Дорофея» перед рассказом о Евфросинии Суздальской или после него помещен рассказ о Зосиме Соловецком, в «Старчестве» Матфея Никифорова и «Кринах сельных» отсутствующий.

Стр. 26. *Сергий Радонежский* — см.: Пролог, 25 сентября. Полное Житие Сергия Радонежского см. в наст. изд.: СПб., 1999. Т. 6. С. 254—411, 555—564. В «Цветнике священноинока Дорофея» помещен более краткий рассказ о преподобном Сергии.

Симеон Столпник — см.: Пролог, 1 сентября. Творогов О. В. Переводные жития... С. 106—107.

Преподобный Архип («иже в Хонех») — см.: Пролог, 6 сентября.

Онга — конга, конгий (лат. congius) — мера объема, равная 3.28 л.

Стр. 27. *Антоний и Феодосий Печерские* — рассказ об основателях Киево-Печерского монастыря Антонии (Пролог, 7 мая) и Феодосии (Пролог, 3 мая) значительно расширен по сравнению с соответствующим фрагментом «Цветника священноинока Дорофея». Хотя память обоих святых отмечена в Прологе, источником этого текста несомненно явился Киево-Печерский патерик, в состав которого на достаточно раннем этапе вошло полное Житие Феодосия Печерского (его текст см. в наст. изд.: СПб., 1997. Т. 1. С. 352—433, 531—534; там же см. принадлежащие Феодосию поучения и молитву — С. 434—455, 534—538; Киево-Печерский патерик см. в наст. изд.: СПб., 1997. Т. 4. С. 296—489, 640—667). Об Антонии см. первые главы Киево-Печерского патерика (в особенности «Нестера, мниха обители монастыря Печерьскаго, сказание, что ради прозвася Печерьскый монастырь. Слово 7», см. наст. изд.: Т. 4. С. 316—323). Житие Антония (краткое, заново созданное взамен утраченного древнего) вошло в состав Киево-Печерского патерика на достаточно позднем этапе его бытования (подробнее см.: Ольшевская Л. А. Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 253—315), но вполне могло быть источником публикуемого текста. В «Цветнике священноинока Дорофея» текст о Феодосии ограничивается двумя краткими фразами, имя Антония только лишь упоминается.

...копытца плетяше... — Копытца — вид плетеной обуви.

...«Сии на колесницах и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ»... — Пс. 19, 7.

...Иларионъ митрополитъ... — Киевский митрополит, автор «Слова о Законе и Благодати» (см. наст. изд.: Т. 1. С. 26—61, 480—486). По сообщению «Повести временных лет», он был «мужь благъ, и книженъ, и постникъ, и хожаше с Берестового на Дьнѣпръ на холмъ, кде нынѣ ветхый манастырь Печерьскый, и ту молитвы творяше, бѣ бо лѣсъ ту великъ. Иськопа печеръку малу 2-саженю...» (см. наст. изд.: Т. 1. С. 196, 198).

...Се покой мой здѣ в вѣкъ вѣка, и здѣ вселюся... — Пс. 131, 14.

Стр. 28. *...в беззаконии зачата, и во грѣсѣх родися...* — Ср.: Пс. 50, 9.

Григорий — киево-печерский монах, святой; ему посвящено «Слово о Григории Чудотворце», входящее в состав Киево-Печерского патерика, см. наст. изд.: Т. 4. С. 406—412.

Исакий — киево-печерский монах, святой; юродивый; ему посвящено «Слово о проподобном Исакии Пещ催нике», входящее в состав Киево-Печерского патерика, см. наст. изд.: Т. 4. С. 474—483. В «Цветнике священноинока Дорофея» текст об Исакии чуть короче и находится в другом месте статьи.

...не даша сна своима очима, ни вѣкома дремания, ни покоя своима колѣнома... — Ср.: Пс. 131, 4.

Дамиан — киево-печерский монах, святой; о нем говорится в «Слове о первых чернецах печерских», входящем в состав Киево-Печерского патерика, см. наст. изд.: Т. 4. С. 348— 351. В «Цветнике священноинока Дорофея» текст о Дамиане находится в другом месте статьи.

Иоанн Затворник — киево-печерский монах, святой; ему посвящено «Слово о многотерпеливом Иоанне Затворнике», входящее в состав Киево-Печерского патерика, см. наст. изд.: Т. 4. С. 412—417. В «Цветнике священноинока Дорофея» текст об Иоанне находится в другом месте статьи.

Стр. 29. *Марк* — киево-печерский монах, святой; ему посвящено «Слово о преподобном Марке Пещернике, повелений которого мертвые слушались», входящее в состав Киево-Печерского патерика, см. наст. изд.: Т. 4. С. 434—443. В «Цветнике священноинока Дорофея» текст о Марке находится в другом месте статьи.

Феофил — киево-печерский монах, святой; о нем говорится в «Слове о преподобном Марке Пещернике, повелений которого мертвые слушались», входящем в состав Киево-Печерского патерика, см. наст. изд.: Т. 4. С. 438—443. В «Цветнике священноинока Дорофея» текст о Феофиле находится в другом месте статьи. Фрагмент, начиная с рассказа об Исакии и заканчивая рассказом о Феофиле, в «Цветнике священноинока Дорофея» читался несколько позже. В публикуемой редакции текста в результате его перемещения был сформирован единый блок рассказов о подвижниках Киево-Печерского монастыря.

Прохор — киево-печерский монах, святой; ему посвящено «Слово о Прохоре-черноризце, который из травы, называемой лебеда, молитвою делал хлебы, а из пепла соль», входящее в состав Киево-Печерского патерика, см. наст. изд.: Т. 4. С. 426—435. В «Цветнике священноинока Дорофея» текст о Прохоре отсутствует.

Паламон — сподвижник Пахомия Великого, благословивший его на создание обители в Тавенисси. Рассказ о Пахомии Великом читается в Скитском патерике и Прологе под 15 мая. См. также Лавсаик, главы 34—38. Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 96—97. Житие Пахомия Великого или его фрагменты часто встречаются в составе дополнений к переводным патерикам.

Аннин — Анин Халкидонский, см.: Пролог, 13 и 18 марта.

Григорий Акраганский — см.: Пролог, 23 ноября. Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 40.

...молитву Исусову... — «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!»

Алексий, человек Божий — см.: Пролог, 17 марта. Полное Житие Алексия, человека Божия см. наст. изд.: СПб., 1999. Т. 2. С. 244—253, 534—535. Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 16—17.

Стр. 30. *Феодосий Великий* — основатель общежительных монастырей, см.: Пролог, 11 января (см. наст. изд.: СПб., 1999. Т. 2. С. 398—401). Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 119.

Павел Пустынник — Павел Фивейский, см.: Пролог, 15 января. Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 93.

Латр (Латра) — гора в Малой Азии, крупный монашеский центр.

Дорофей Пустынник — см.: Пролог, 16 сентября; Лимонис, Египетский Краткий патерик. Д а в ы д о в а С. А. Патериковые чтения... С. 269.

Иоанн Пустынник — Иоанн Колодязник (Пролог 11, 14 апреля). Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 63—64 (Иоанн Колодязник) и 65 (Иоанн мних).

Иоанн Безмолвник — см.: Пролог, 30 марта. Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 61—62.

...в Лавре святаго Савы Освященнаго... — Савва Освященный (439—532) основал свою лавру ок. 480 г. на восточном краю ущелья у потока Кедрон, чуть позднее — Кастеллийскую киновию, к северо-востоку от своей лавры; с 493 по 503 г. возглавлял Великую лавру. О Житии Саввы Освященного см.: Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 103—104.

Говеддай — Гаведдой Персидский, см.: Пролог, 29 сентября. Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 43.

Стр. 31. *Феоктиста Лезвиянына* — Феоктиста Лесбийская, см.: Пролог, 9 ноября.

Афонасия игуменья — преподобная Афанасия Эгинская, см.: Пролог, 11 или 12 апреля. Т в о р о г о в О. В. Переводные жития... С. 29.

Стефан Цареградский — см.: Пролог, 17 мая.

Стр. 32. *Феодор Стратилат* — см.: Пролог, 8 июня. Творогов О. В. Переводные жития... С. 116. В «Цветнике священноинока Дорофея» не упоминается.

Мелхиседек — упоминаемый в Ветхом Завете «священник Бога всевышнего». Ему посвящен ряд апокрифов, в том числе «Сказание о Мелхиседеке» (см. наст. изд.: СПб., 1999. Т. 3. С. 114—119, 374—376) и «Слово Афанасия Александрийского о Мелхиседеке». Описание пещеры Мелхиседека в Фаворской горе см. в наст. изд. (в «Хождении игумена Даниила»): Т. 4. С. 100—103.

Нифантин чудотворец — Фантин Калаврийский, см.: Пролог, 30 августа.

Афанасий Афонский — основатель первого и главного монастыря на Афоне — Великой Лавры. См.: Пролог, 5 июля. Творогов О. В. Переводные жития... С. 28.

Преподобная Евпраксия — Евпраксия девица, Тавенисская (Тавенская), младшая, см.: Пролог, 25 июля. Творогов О. В. Переводные жития... С. 49—50.

Прииде Павелъ ко Антонию Великому... — Речь идет о Павле Простом (Препростом; память 20 марта и 17 октября). Рассказы о Павле Простом сохранились в составе Египетского, Скитского и Сводного патериков.

Стр. 33. *Инъ старецъ... яко над мертвецемъ.* — Имеется в виду рассказ Скитского патерика, см.: The Old Church Slavonic Translation... P. 114—115.

Василий Великий — см.: Пролог, 1 января, 12 апреля. Творогов О. В. Переводные жития... 32—33.

Иоанн Златоуст — см.: Пролог, 13 ноября. Творогов О. В. Переводные жития... С. 62—63. Проложный рассказ о перенесении мощей Иоанна Златоуста см. в наст. изд.: Т. 2. С. 400—404.

Симеон и Савва Сербские — Симеон Сербский, см.: Пролог, 13 февраля; Савва Сербский, см.: Пролог, 14 января.

Макарий Великий — Макарий Египетский, см.: Пролог, 19 января. Рассказы о Макарии Великом читаются и в составе патериков, в частности в Скитском и Сводном (один из рассказов Скитского патерика см. в наст. изд.: СПб., 1999. Т. 2. С. 294—295).

Литра — мера веса, равная римскому фунту (327.5 г).

Стр. 34. *Арсений Великий* — Арсений Римский, см.: Пролог, 8 мая. Творогов О. В. Переводные жития... С. 26—27.

Пахомий Великий — основоположник общежительного монашества. См. коммент. к с. 29, к имени *Паламон.*

Макарий Римлянин — Макарий Александрийский, см.: Пролог, 19 января. Рассказы о Макарии Александрийском читаются и в составе Скитского патерика. Апокриф о Макарии Римском см. в наст. изд.: СПб., 1999. Т. 3. С. 322—337, 408.

...раивские отцы... — Монахи, подвизавшиеся в Раифской пустыне.

Иларион Великий — см.: Пролог, 21 октября (см. наст. изд.: Т. 2. С. 392—396). Творогов О. В. Переводные жития... С. 61.

...копаше землю, якоже Антоний Киевский печеру... — Имеется в виду Антоний Печерский, см. коммент. к с. 27.

Иов Праведный — Иов Аравийский, см.: Пролог, 6 мая.

Нѣкий старец... до кончины своея. — Имеется в виду рассказ Скитского патерика о старце, во время болезни увидевшем себя на том свете, см.: The Old Church Slavonic Translation... P. 110—111.

Стр. 35. *Филимон Отшельник* — отшельник из Ромиевой пещеры, неподалеку от Лавры. Широко распространенное в сборниках разного рода «Слово Филимона Отшельника» (нач.: «Глаголаху о отци Филимонѣ Ошелницѣ...») часто встречается и в числе дополнений к переводным патерикам.

Симеон Дивногорец — см.: Пролог, 24 мая, 13 марта. Творогов О. В. Переводные жития... С. 106.

...заднихъ забывая, а к предним простираяся... — Фил. 3, 13.

Антоний Великий — см.: Пролог, 17 января, 12 января. Фрагменты из Жития Антония Великого входят в состав отдельных разновидностей Сводного патерика. Творогов О. В. Переводные жития... С. 24.

Виссарион — Виссарион Египетский, см.: Пролог, 6 июня. В «Цветнике священноинока Дорофея» фигурирует дважды.

Македоний — см.: Пролог, 24 января. *Творогов О. В.* Переводные жития... С. 78.

Иоанн Креститель — см.: Пролог, 24 февраля, 29 августа.

Стр. 36. *Макарий Великий* — см. коммент. к с. 33.

Мария Египетская — см.: Пролог, 1 апреля (см. наст. изд.: Т. 2. С. 402—403). Полное Житие Марии Египетской см.: Там же. С. 190—215, 528—530. Творогов О. В. Переводные жития... С. 81.

Зосима — собеседник Марии Египетской, о котором сообщает как полное, так и проложное ее Житие.

Андрей Юродивый — см.: Пролог, 3 октября, 12 октября. Полное Житие Андрея Юродивого см. в наст. изд.: Т. 2. С. 330—359, 541—544. Творогов О. В. Переводные жития... С. 20—21.

Сыдонатъ — кидонат, кидонийская айва, см. коммент. в наст. изд.: Т. 2. С. 543.

Стр. 38. *Петр Афонский* — см.: Пролог, 12 июля. Творогов О. В. Переводные жития... С. 99.

Марк Фряческий — память (31 декабря) в Прологах не обнаружена. Творогов О. В. Переводные жития... С. 81—82. Житие Марка Фряческого встречается в числе дополнений к некотором разновидностям Сводного патерика.

Стр. 39. *Ануфрий Великий* — Онуфрий Египетский, или Онуфрий Пустынник, см.: Пролог, 12 июня. Творогов О. В. Переводные жития... С. 91. Житие Онуфрия Пустынника встречается и среди дополнений некоторых разновидностей Сводного патерика.

...темничников, иже в Лѣствице свидѣтелствованных. — См.: Слово 5 Лествицы Иоанна Синайского «О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников, и о темнице».

Воспомяни, душе моя, блаженнаго Давыда. — Последующий рассказ не имеет никакого отношения к указанным автором и редакторами источникам, он скомпилирован из псалтырных цитат. В «Цветнике священноинока Дорофея» рассказ о царе Давиде гораздо пространнее, за ним следует еще одно обращение к своей душе, в котором автор подводит итог своему повествованию.

«Утрудихся воздыханиемъ моимъ... постелю мою омочю». — Пс. 6, 7.

Стр. 39—40. *«Исчезоша, яко дым ... яко сѣно, изсхохъ"*. — Пс. 101, 4—6, 9—10, 12.

Стр. 40. *«Аще вселюся... Богу Иаковлю».* — Пс. 131, 3—5.

«СВОЕРУЧНАЯ ХАРТИЯ» И ЖИТИЕ ЕЛЕАЗАРА АНЗЕРСКОГО

«СВОЕРУЧНАЯ ХАРТИЯ ПРЕПОДОБНАГО ЕЛЕАЗАРА АНЗЕРСКАГО О БЫВШИХ ЕМУ ВИДЕНИЯХ И ОТКРОВЕНИЯХ»

Елеазар Анзерский (кон. XVI—13 января 1656 г.) — один из наиболее почитаемых на Русском Севере местных святых, основатель Анзерского скита, иконописец, резчик по дереву, основатель и собиратель скитской библиотеки. Биографические сведения о нем содержатся в Житии подвижника, написанном в 1704—1707 гг., авторство которого приписывается анзерскому монаху Макарию (см. о нем: Севастьянова С. К. Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век), Вкладной книге Анзерского скита 1710 г. (*РНБ*, Соловецкое Анзер. собр., № 2/1370), документах соловецкого архива (*ГИКМЗ «МК»*, ф. Соловецкого монастыря) и автобиографическом повествовании Елеазара — «Своеручной хартии». Сведения разных источников во многом дополняют друг друга.

Елеазар родился в г. Козельске, в купеческой семье Севрюковых. Он имел двух братьев, с которыми принял постриг в Соловецком монастыре не ранее 1609 г. При игумене Иринархе Елеа-

зар ушел на Анзерский остров, осенью 1616 г. принял схиму от соловецкого иеромонаха Фирса. В «Своеручной хартии» Елеазар описывает первое время своего пребывания на острове, рассказывает о сражениях с бесами. Из Жития Елеазара узнаем, что во время пустынножительства подвижник вырезал деревянные чашки, которые обменивал у мореплавателей на продукты. После четырех лет отшельничества Елеазар основал на Анзере скит, собрал 11 учеников, из которых особо выделял троих — Никодима, Никифора и Никона — будущего всероссийского патриарха.

Для учеников Елеазар ввел строгий порядок пустынной жизни по образу «древних отец скитских»: каждый монах имел собственную келью, которая располагалась на расстоянии одной версты от соседней; пустынники проводили время в постоянной молитве, посте, занимались рукоделием, никого не принимали к себе. Дважды в неделю все собирались на общее богослужение.

Заботясь о духовном воспитании своих учеников, Елеазар собрал небольшую библиотеку, которая по описи 1676 г., составленной спустя 20 лет после кончины ее основателя, насчитывала 212 рукописных и печатных книг (*РНБ*, собр. Погодина, № 1911, л. 165—178). Основная часть книг Анзерского скита в настоящее время находится в *РНБ*, в составе книжного собрания Соловецкого монастыря. Наибольший интерес для выявления литературных вкусов и пристрастий Елеазара представляют рукописные книги. Из литературы, предназначавшейся для чтения, в манускриптах Анзерской библиотеки наряду с традиционными для монастырских библиотек сочинениями авторов-богословов (Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Григория Богослова) переписано немало сочинений мистиков-созерцателей, византийских авторов-исихастов: Иоанна Лествичника, Григория Синаита, Симеона Богослова, Исихея пресвитера, Нила Синайского, аввы Дорофея и других об «умном делании», чистоте души и помыслов, посте, молитве, молчании и слезах. Интерес к такого рода сочинениям объясняется принятым в ските уставом и сознательной ориентацией Елеазара на принципы монашеской жизни Ниловой пустыни, богослужебный устав которой, по просьбе анзерского строителя, был доставлен из Соловецкого монастыря в Анзерский скит в первой половине 1620-х гг.

Келейным занятием Елеазара были резьба по дереву, иконописание и переписка книг, которых он, согласно Вкладной книге Анзерского скита, переписал немало. Согласно Житию подвижника, еще в Соловецком монастыре Елеазар принимал участие в устройстве иконостасов Спасо-Преображенского собора как резчик, а в Анзерской пустыни после бывшего ему видения написал образ Спасителя.

Уже при жизни Елеазар прославился среди своих современников как чудотворец и пророк. Его духовный «подвиг» способствовал появлению в среде окружавших его людей рассказов о прижизненных чудесах святого, часть которых нашла отражение в Житии Елеазара. Согласно одной из легенд, Елеазар молился о рождении наследника царю Михаилу Федоровичу. Анзерский строитель был близок царствующим Романовым, которые оказывали покровительство Елеазару и неоднократно присылали в пустынь богатые вклады.

Наряду со стремлением к отречению от всего земного Елеазар отличался активностью в устройстве скита, с чем связаны наиболее яркие страницы его биографии. При нем были сооружены деревянный Троицкий храм (1621 г.), каменный Троицкий храм (1649 г.); в 1633 г. по грамоте царя Михаила Федоровича Анзерский скит получил независимость от Соловецкого монастыря.

Елеазар умер 13 января 1656 г. Открытие его мощей состоялось в августе 1757 г.

Елеазару Анзерскому можно атрибутировать 4 литературных сочинения, различающихся по жанру, тематике, степени автобиографизма, которые написаны на Анзере. Ни одно из них не сохранилось в автографе. Три сочинения Елеазара известны пока в единственных списках: «Сказание преподобнаго Елеазара о слышании Божественнаго гласа» — рассказ о видении, после которого Елеазаром был написан образ Спасителя (*ГИМ*, собр. Уварова, № 886, л. 48); предисловие к анзерскому богослужебному уставу, рассказывающее о получении в ските устава Ниловой пустыни (*РНБ*, Соловецкое собр., № 1129/1239, л. 5—5 об.); «Список з грамоты строителя Анзерской пустыни» — послание некоему светскому лицу, в котором обсуждаются традиционные для учительной литературы темы «внутреннего человека», «веры и дела» (*РГБ*, собр. МДА, № 202, л. 355—356 об.). «Грамота» отличается торжественностью речи, использованием риторических оборотов и

фигур, обращением автора к текстам апостольских посланий и характеризует Елеазара как человека «книжного» и знакомого с эпистолярной традицией своего времени. Для этих сочинений Елеазара характерны два типа повествования, один из которых тяготеет к документальности (называются конкретные даты, имена), другой связан с книжной проповеднической и учительной литературой. Для них характерен и особый тип автобиографизма: Елеазар почти ничего не сообщает о себе, собственная биография не является предметом его описаний; сочинения посвящены разным аспектам истории Анзерского скита (получение устава, написание иконы, духовная жизнь пустыни). Эти особенности литературного творчества Елеазара в наибольшей степени проявились в его четвертом сочинении — «Своеручной хартии».

Публикуемое ниже сочинение Елеазара неоднократно привлекало внимание исследователей (Библиографию работ по теме см.: Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита / Изд. подгот. С. К. Севастьяновой. СПб., 2001), под названием «Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим» опубликовано Л. А. Дмитриевым по двум спискам XVIII в. (ПЛДР. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 299—304). «Хартия» написана в 1636—1638 гг. и представляет собой автобиографическое описание автором событий и видений, связанных с основанием Анзерского скита и строительством церквей в ските. Известно 15 списков памятника сер. XVII—сер. XIX в., которые распадаются на две группы, независимо восходящие к общему оригиналу. Наибольший интерес из всех представляет список второй половины 50-х гг. XVII в., хранящийся в ризничной коллекции грамот и документов Соловецкого монастыря в *ГИКМЗ «МК»*, рук. 1290, который представляет собой столбец из трех склеенных листов, исписанных с обеих сторон размашистым полууставом, переходящим в скоропись. Рукопись во многих местах дефектна и наиболее поврежденные места восстановлены в XIX в.: листы подклеены светлой бумагой, на которой писцовой скорописью черными чернилами дописан текст. Списки XVIII—XIX вв. заканчиваются припиской, в которой сообщается о «подлиннике», в форме столбца, написанном рукой Елеазара, с которого сделаны списки. Однако изучение текста произведения по ризничному экземпляру, сравнение его с текстами других списков показало, что список середины XVII в. не был написан самим Елеазаром: для него характерны писцовые ошибки и описки, возникшие в результате непонимания переписчиком почерка оригинала. Поздние списки, кроме двух 30-х гг. XIX в. (*РНБ*, Соловецкое собр., № 1050/1164; *ГИКМЗ «МК»*, рук. 1240), возникли независимо от списка из ризничной коллекции.

Сочинение Елеазара интересно своим автобиографическим характером, своим языком. Историко-литературное значение этого памятника русской литературы первой половины XVII в. заключается в том, что оно непосредственно предшествует автобиографическим сочинениям инока Епифания и протопопа Аввакума. Очень возможно, что сочинение Елеазара было известно Епифанию: он жил в Соловецком монастыре с 1645 по 1657 г., т. е. в то время, когда в Анзерском ските подвизался и скончался его основатель.

Своеобразие автобиографического повествования Елеазара в «хартии» выявляется при сравнении близких по содержанию фрагментов (встречи с бесами и небожителями) и описаний видений, образов небожителей и бесов, состояний и эмоций из автобиографической записки инока Епифания (1666 г.) и автобиографической Повести Мартирия Зеленецкого (80-е гг. XVI в.). Автобиографизм Елеазара глубоко традиционен: при описании собственных видений автор пользуется принципами, выработанными житийной литературой, поэтому его рассказ почти лишен личностных деталей и индивидуальных черт. Как правило, Елеазар описывает свои видения со ссылкой на иконопись. В видениях Елеазар выступает как зритель, сторонний наблюдатель, являясь лишь объектом воздействия небесных сил. Особый тип автобиографического повествования Елеазара объясняется тем, что предметом его описаний был приобретенный на Анзере духовный опыт, который он стремился передать ученикам. Дидактическая направленность произведений Елеазара сближает его с памятниками монашеской учительной литературы. По наблюдениям Е. В. Крушельницкой, Елеазар знал Книгу поучений аввы Дорофея, но его ориентация на древние учительные образцы носила творческий характер: если автобиографические рассказы Дорофея играют лишь роль примеров в поучениях, то Елеазару удалось осуществить дидактическую задачу непосредственно через рассказ о собственном духовном опыте.

Особенность автобиографического повествования Елеазара — психологическая окрашенность его видений. А. Н. Робинсон назвал Елеазара предшественником Епифания Соловецкого в описаниях состояний души и сердца (Робинсон А. Н. Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // ТОДРЛ. Т. XV. М.; Л., 1959. С. 205, 221). Своим психологизмом произведение Елеазара предвосхищает не только рассказы Епифания, но и другие образцы старообрядческой литературы с ее пристальным вниманием к внутреннему миру человека.

«Своеручная хартия» Елеазара Анзерского публикуется по списку *ГИКМЗ «МК»*, рук. 1290 с исправлением явных ошибок по другим спискам. Исправления обозначены курсивом.

Стр. 41. *Хартия* — письмо, послание, документ.

...о острове Ванзерском... — Анзер — второй по величине остров Соловецкого архипелага, площадью 47 кв. км, расположен к северо-востоку от Большого Соловецкого острова и отделяется от него пятикилометровой салмой (проливом). Анзер был освоен, вероятно, задолго до основания Соловецкого монастыря: необычайная красота природы, обилие озер (которых насчитывалось около 60), тихая и удобная бухта для стоянки судов (получившая впоследствии название Троицкой губы) издавна привлекали поморских торговых людей и путешественников, находивших на острове временное пристанище. Жители Соловецкого монастыря построили здесь соляные варницы и рыболовные тони. Известно, что около 1683 г. на острове находились около 70 человек рабочих, для которых с Большого Соловецкого острова была перенесена церковь Святителя Николая. Анзерский лес использовался для монастырских построек. С конца XVI в., видимо, из-за ограниченного количества дров для солеварения, Анзерский остров опустел и стал привлекать внимание пустынножителей. Около 1596 г. соловецкий игумен Иаков хотел основать здесь монастырь, но его попытка была остановлена царской грамотой. Около 1620 г. Елеазар основал Анзерский скит, который первоначально находился под покровительством Соловецкого монастыря. В 1633 г. скитяне получили независимость от соловецких властей. В 1682 г. Анзерский скит был вновь приписан к Соловецкому монастырю, а в 1764 г. решением Синода подчиненность обители была подтверждена.

На Анзере находится высшая точка Соловков — гора Голгофа, на которой в начале XVIII в. соловецким постриженником, анзерским строителем Иовом Распятским (в схиме Иисусом Голгофским) был основан Голгофо-Распятский скит.

...сумских сътрелцов... — Сумской Посад — село на берегу Онежской губы Белого моря, административно и экономически было тесно связано с Соловецким монастырем. Возможно, сравнение бесов с сумскими стрельцами имело у Елеазара реальную основу. Согласно вкладной книге Анзерского скита 1710 г., брат Елеазара Михаил Севрюков жил в Сумском остроге. Упоминание о семье Севрюковых обнаружено нами в дозорной книге 1661 г. соловецкого соборного старца Варсонофия при перечислении посадских стрелецких дворов (*РГАДА*, ф. 1201, оп. 1, д. 57, л. 101 об.).

Да воскреснет Богъ и разыдутся врази его. — Пс. 67, 2.

...от Покрова святѣй Богородицы до Рождества Христа Бога нашего... — С 1 октября по 25 декабря (по старому стилю).

...«Вознесу тя... Господи Боже мой». — Пс. 29, 1.

Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до века. — Пс. 40, 14. Этот фрагмент 40-го псалма поется за литургией.

...облецыся во... великий образ иноческий... — Елеазар имеет в виду принятие схимы — наиболее строгой формы монашества.

Стр. 42. *Кирило* — соловецкий постриженик, по грамоте патриарха Филарета анзерскому черному священнику Варлааму 2 ноября 1621 г. был поставлен попом в первой скитской деревянной Троицкой церкви (*ГИКМЗ «МК»*, рук. 1335).

...при... Михаиле Федоровиче... — Первый царь из рода Романовых, был царем с 1613 по 1645 г., покровительствовал Елеазару Анзерскому, делая в скит богатые вклады.

Иринарх — был игуменом Соловецкого монастыря с 1613 по 1626 г., умер в 1628 г. При нем в 1614 г. заключено перемирие со шведами, велось строительство по укреплению монастырских стен, сооружен каменный с двумя башнями пристенок, с северной и южной сторон монастыр-

ской стены вырыты рвы, при нем число воинских людей в монастыре увеличилось до 1040 человек. Иринарх признан местночтимым святым. Во второй половине XVII в. написано Житие Иринарха. Обретение мощей Иринарха произошло во время Соловецкого восстания (1668—1676), о чем сохранилось свидетельство протопопа Аввакума в его толкованиях на 55 и 12 главы Книги пророка Исайи в «Книге толкований», созданной Аввакумом в 1673—1676 гг. По свидетельству А. И. Журавлева, это событие произошло 31 марта (Журавлев А. И. Исторический месяцеслов. *РГБ*, Музейное собр., № 2798, л. 45 об.).

...иноке Марфе Ивановне... — В миру Ксения Ивановна Романова, мать царя Михаила Федоровича.

Старецъ мой Фирсъ... — Соловецкий постриженик, от которого, согласно Житию подвижника, Елеазар принял схиму.

...патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии... — В миру Федор Никитич Романов, отец царя Михаила Федоровича, был патриархом в 1608—1610 гг. и с 1619 по 1633 г.

...церковь во имя пресвятыя Троицы. — Первая скитская Троицкая церковь, деревянная, с двумя пределами — Михаила Малеина и живоначальной Троицы. Освящена в 1621 г.

Стр. 43. *Рафаил* — был игуменом Соловецкого монастыря с 1632 по 1636 г., переведен настоятелем Хутынского монастыря, в 1646 г. стал архиепископом Астраханским и в этом сане скончался в 1650 г.

...игумен Ияков... Аз же его застах. — Ияков был игуменом Соловецкого монастыря с 1581 по 1597 г., руководил постройкой каменной стены вокруг монастыря (строительство началось в 1582 г.). С участием Иякова был составлен первый Соловецкий Летописец; игумен сам собирал книги и рукописи, организовал переписывание древних документов. Ияков имел собственный экслибрис, оттиски которого сохранились на 27 рукописях XV—XVI вв. (см.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 79, 86—87). Был игуменом костромского Ипатьевского монастыря с 1597 по 1606 г. Около 1609 г. прибыл на покой в Соловецкий монастырь, где и «застал» его Елеазар.

...молящеся со слезами... — Слезные молитвы были доказательством искреннего покаяния. В «Чине исповедания» говорилось: «...слезы же плакатися грехов своих, без плача бо невозможно покаятися» (Требник. М., 1647. Л. 98 об.).

Богу моему и Богу твоему... — Ср.: Пс. 17, 7; 109, 1.

И возрадовася душа моя... — Ср.: Пс. 102, 1; 4, 8; 15, 9; 34, 9.

Стр. 44. *...умныма очима...* — Традиционная формула житийной и церковно-учительной литературы, обозначающая духовный взор, некий пророческий дар, который, по христианским представлениям, был достоянием лишь истинных подвижников.

...Ветхи деньми... — Традиционная для житийной и учительной литературы формула для обозначения Бога-Отца, возможным источником ее являются слова пророка Даниила: «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхаго днями, и подведен был к нему» (Дан. 7, 13).

...Святаго Духа в голубинѣ образе. — Елеазар описывает один из типов иконописного изображения Новозаветной Троицы, три ипостаси которой изображались сидящими на отдельных «престолах». Близкими к описанному по типу иконографии могут быть названы изображения Новозаветной Троицы на иконах XVI—XVII вв. Благовещенского и Успенского соборов Московского Кремля. Изобразительный характер видений Елеазара, соотносимый им с конкретными иконописными образцами, объясняется тем, что он был иконописцем. По Житию Елеазара, он был и мастером-резчиком иконостасов.

«В терпѣнии стяжите душа ваша». — Лк. 21, 19.

«Вы бо силнии есте, немощи немощных носите». — Ср.: Рим. 15, 1.

«О, роде неверный и развращенный дакуду терплю вам!» — Мф. 17, 17.

...в Деисусе описуются. — Деисус — иконный ряд из трех образов: в середине Христос, а по бокам от него Богородица и Иоанн Предтеча.

...нерукотворенный образ Христа Бога... — Лик Христа, запечатлевшийся на полотенце, которым Христос отирал лицо. Тип иконного изображения Христа.

Стр. 45. *...имущи на себѣ три звѣзды велми свѣтлы...* — Елеазар описывает один из типов иконографического изображения Богородицы, отличающийся наличием трех звезд на мафории Богоматери. Их толкование было различным. По христианским представлениям, считалось, что звезды символизировали сохранение Богородицей девства до, во время и после рождения Иисуса Христа. Народная догматика трактовала звезды как образ единого рожденного от Троицы Иисуса Христа.

...и на рамѣх... — На плечах.

...задостойна. — Задостойник — песнопение, которое поется на литургии вместо Богородичной песни «Достойно есть» в дни двунадесятых праздников, а также в некоторые дни Великого поста.

...подобие Смоленския... — Тип иконописного изображения Богородицы, повторяющий икону, написанную евангелистом Лукой. На этой иконе Богородица изображена по пояс, правая рука на груди, а в левой она держит младенца Христа. Возможно, источником описания для Елеазара послужила икона Богородицы Смоленской Одигитрии, некогда принадлежавшая митрополиту Филиппу и хранившаяся в Спасо-Преображенском соборе Соловецкого монастыря.

«...да во имя мое поставите святую церковь». — Вероятно, имеется в виду каменная церковь Знамения Богородицы, строительство которой было начато летом 1638 г. по грамоте царя Михаила Федоровича соловецкому игумену Варфоломею. Но храм не был достроен из-за нехватки и дороговизны строительных материалов и доноса соловецкого игумена Варфоломея на Елеазара, что тот затеял строительство самостоятельно, не посоветовавшись с братией. В конце 1640-х гг. недостроенный храм был разрушен, и в 1649 г. из освободившихся кирпичей в Анзерском ските была поставлена новая каменная Троицкая церковь.

...образ пяднищной... — Икона размером в «пядь» — мера, равная длине между концами растянутых большого и указательного пальцев, около 20 с небольшим сантиметров.

«Вѣрую во единого Бога Отца!» — начальные слова Символа Веры.

Стр. 46. *Слава в вышних Богу... в человецѣх благоволение...* — Лк. 2, 14.

Господи — прибежище бысть нам. — Ср.: Пс. 60, 4.

КРАТКОЕ СКАЗАНИЕ О СТРОИТЕЛЕ ЕЛЕАЗАРЕ АНЗЕРСКОГО СКИТА И О ПРОЧИХ ПОДВИЖНИКАХ

«Сказание вкратцѣ о строители Елеазарѣ Анзерскаго скита и о прочих подвижницѣх» — патериковое Житие Елеазара, одно из трех известных агиографических сочинений о первом анзерском строителе, содержащих биографические сведения о нем. Проложное Житие Елеазара известно в одном списке, где оно названо «Историей вкратце о преподобнем Елеазаре, Анзерскаго скита началнице» (*ГИМ*, собр. Уварова, № 886, л. 47—47 об.); оно составлено не ранее 1707 г. и предназначалось для службы: повествование о подвижнике здесь имеет обзорно-информативный характер и лишено сюжетного развития.

Житие Елеазара Анзерского, авторство которого приписывается анзерскому монаху Макарию, написано в 1704—1707 гг. на основе слышанных Макарием от его современников легенд о Елеазаре. Здесь рассказывается о рождении и детстве Елеазара, пребывании в Соловецком монастыре, основании скита на Анзерском острове, уставе и строительстве церквей, учениках Елеазара. Среди наиболее известных чудес подвижника, помещенных здесь, — рассказ о молении Елеазара о рождении наследника царю Михаилу Федоровичу. Известен 21 список памятника 20-х гг. XVIII в.—30-х гг. XX в., принадлежащих одной редакции, происхождение которых связано с Соловецким монастырем. Житие опубликовано по списку Соловецкой библиотеки № 185 в «Православном Собеседнике» (1860. № 1. С. 108—120, 237—252). Памятник неоднократно привлекал внимание исследователей (Библиографию работ см.: Севастьянова С. К. Житие Елеазара // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 345—351).

Оба жития возникли независимо друг от друга, так как содержат индивидуальные признаки, указывающие на знание их авторами каких-то дополнительных сведений о святом: в Житии названа фамилия родителей Елеазара — Севрюковы, а в проложном Житии — имена: Татьяна и Афанасий; в Житии сказано, что Елеазар пришел в Соловецкий монастырь при игумене Иринархе, а в проложном Житии говорится, что Елеазар покинул монастырь при Иринархе.

«Сказание» о Елеазаре, не привлекавшее внимание исследователей, известно в одном списке в составе рукописного Соловецкого патерика начала XVIII в. (*РНБ*, Софийское собр., № 452, л. 321—323 об.). Бумага рукописи с филигранями 90-х гг. XVII в. Время создания сборника — первая четверть XVIII в., так как согласно записи соловецкого монаха Евфимия на л. 1 в октябре 1725 г. книга была продана в Палеостровский монастырь. Впервые рукопись описана П. М. Строевым, занимавшимся выявлением сборников, содержащих жития соловецких святых и службы им, которые в рукописной традиции носили название «Патерик Соловецкий». Все известные исследователю рукописные сборники были разбиты на 8 видов в зависимости от состава, который не ограничивался только статьями об основателях Соловецкого монастыря, а расширялся за счет включения других житий соловецких подвижников и служб им. Рукопись из Софийского собрания была названа П. М. Строевым «самым полным и любопытным Патериком Соловецким», так как помимо житий основателей Соловецкой обители и служб им в сборник вошли службы и жития соловецких святых Германа, Филиппа митрополита, Иринарха Соловецкого, Елеазара Анзерского, повести о Яренгских и Пертоминских чудотворцах и соловецких пустынножителях, «Сказание вкратце от Летописца о соловецких игуменах...» (Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С. 383—385). Традиция патерикового повествования, характерная для соловецкой литературы XVIII—XIX вв. в связи с необходимостью пропаганды соловецких святых после разгрома Соловецкого восстания 1668—1676 гг., способствовала появлению других рукописных сборников, содержащих жития соловецких святых и пустынножителей, отличных по составу от выделенных П. М. Строевым (Гоноскова Н. А. 1) «Соловецкий Патерик» XVII века и традиция патерикового рассказа в соловецкой литературе XIX в. // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. (Тез. докл.). Ч. 2. Лингвистическое изучение европейского Севера. Сыктывкар, 1990. С. 26; 2) Повести о соловецких пустынножителях // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 126—134; Севастьянова С. К. Патерик Соловецкий // СККДР. Вып. 3 (XVIII в.). СПб., 1998. С. 17—20).

«Сказание» о Елеазаре составлено не ранее 1704 г., что устанавливается по упоминанию в нем об иконе Спасителя, написанной Елеазаром и хранящейся у гроба святого. По описям имущества Анзерского скита лишь после 1704 г. образ Христа фиксируется в часовне Елеазара.

По характеру сообщаемых сведений «Сказание» близко «Истории» о Елеазаре в той части, где речь идет о жизни подвижника от рождения до строительства каменной церкви в ските. Если дальше «История» заканчивается сообщением о смерти анзерского строителя, то «Сказание» продолжается рассказами о написании Елеазаром образа Спасителя, приезде к святому беса в образе посланника от игумена Иринарха, перечисляется ряд добродетелей Елеазара и лишь затем сообщается о кончине подвижника и месте его погребения. Произведение дополнено кратким рассказом «О учениках строителя Елиазара», который выделен как часть «Сказания». Общие части «Истории» и «Сказания» текстуально близки, что говорит об использовании их авторами какого-то общего источника, которым, как можно предположить, было Житие Елеазара проложного типа с краткими сведениями о подвижнике, наиболее близкий текст к которому содержит «Сказание». Текст Жития в «Истории» разрывается дополнениями и вставками уточняющего характера.

Составителя «Сказания» о Елеазаре для Соловецкого Патерика не могло удовлетворить Житие подвижника проложного типа, перечисляющее заслуги Елеазара — основателя скита. Включение биографии Елеазара в состав Патерика диктовало необходимость описания личных добродетелей святого, поэтому автор «Сказания» дополнил свой источник рассказами о прижизненных чудесах и видениях Елеазара. В результате — в центре «Сказания» оказались два наиболее ярких эпизода подвижнической деятельности Елеазара, а биографический материал о нем — в начале и конце повествования. По такой модели — от аттестации героя к изложению одного или нескольких эпизодов его подвижнической деятельности — строятся некоторые статьи в патерико-

вой литературе. Они характерны, например, для Киево-Печерского патерика (Ольшевская Л. А. Своеобразие жанра житий в Киево-Печерском Патерике // Литература Древней Руси. М., 1981. С. 22).

Для «Сказания» характерны два типа повествования. Один — справочно-информативный, с перечислением основных заслуг Елеазара и добродетелей святого — характерен для начальной части, как указывалось, имеющей своим источником проложное Житие Елеазара, и заключительной части, обнаруживающей текстуальную близость с тропарем Елеазару на 8 глас.

От кратких и сухих перечислений добродетелей Елеазара отличаются те части «Сказания», где подробно рассказывается о наиболее значительных событиях жизни Елеазара — о видении и приезде к нему беса. Источник рассказа о видении — автобиографическое сочинение анзерского строителя, известное в одном списке 20-х гг. XVIII в. (*ГИМ*, собр. Уварова, № 886, л. 46). Используя автобиографический рассказ Елеазара о видении, автор жития руководствовался требованиями агиографии к соблюдению житийных канонов: автобиографический рассказ изложен от третьего лица; при включении его в «Сказание» изменилась идейная основа рассказа Елеазара. Если автор стремился подчеркнуть святость написанного им образа, то под пером агиографа эта идея уступила место идее святости самого Елеазара. Однако использование автором «Сказания» автобиографического сочинения Елеазара для составления жизнеописания святого является важной особенностью агиографии и свидетельствует об изменении житийных канонов в XVII—XVIII вв.

Сюжет рассказа о приезде к Елеазару беса в образе посланника от игумена Иринарха прост и традиционен для средневековой житийной и патериковой литературы: бес, приняв человеческий облик, приезжает к святому, чтобы его обмануть, искусить, но по традиции оказывается побежденным силой молитвы святого. Традиционная ситуация передана здесь с включением ряда живых деталей, подробно фиксируются действия героев, отношения между Елеазаром и бесом переданы как отношения обычных людей. Острота сюжета, диалог, вкрапление деталей быта придают рассказу ярко выраженный повествовательный характер. Образы героев, их поведение и отношения, характер конфликта соответствуют традициям патерикового изложения, однако образ беса ближе героям византийских «отечников», где бес является традиционным воплощением зла и лишен ярких типических черт, присущих отрицательному персонажу отечественных патериков, например Киево-Печерскому.

В приписанной к «Сказанию» главе о учениках Елеазара содержатся очень краткие сведения о его трех любимых учениках. Рассказы о них лишены сюжетного развития, в них перечисляются наиболее значительные этапы жизненного пути каждого анзерского постриженика. Составитель «Сказания» пользуется какими-то устными местными источниками, на что указывает стремление связать деятельность учеников Елеазара с Соловками. Так, о жизни Никона до его прихода на Анзерский остров вообще не сообщается, зато особо оговаривается его участие в перенесении мощей митрополита Филиппа в Москву и подчеркивается помощь патриарха «к монастырьскому строению».

«Сказание» о Елеазаре, ранее не издававшееся, публикуется по списку: *РНБ*, Софийское собр., № 452, л. 321—323 об.

Стр. 47. *...при игумене Иринархѣ...* — Иринарх был игуменом Соловецкого монастыря с 1613 по 1626 г., умер в 1628 г. При нем в 1614 г. заключено перемирие со шведами, велось мощное строительство по укреплению монастырских стен, сооружен каменный с двумя башнями пристенок, с северной и южной сторон монастырской стены вырыты рвы; при нем число воинских людей в монастыре увеличилось до 1040 человек. Иринарх признан местночтимым святым. Во второй половине XVII в. написано Житие Иринарха (см.: Каган М. Д., Севастьянова С. К. Иларион // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 37—40). Обретение мощей Иринарха произошло во время Соловецкого восстания (1668—1676), о чем сохранилось свидетельство протопопа Аввакума. В «Книге толкований», созданной в 1673—1676 гг., Аввакум писал: «И ныне явился новой святой Илинарх в Соловецком монастыре — вместо же праха мирсина! Зрите и разумейте: не прах ли был Илинарх-от, в земле лежал, кто ево знал, земля ино земля, а ныне яко мирсина взошел, зело завонял во всю русскую землю...» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное,

и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 117). По свидетельству А. И. Журавлева, это событие произошло 31 марта (Журавлев А. И. Исторический месяцеслов. *РГБ*, Музейное собр., № 2798, л. 45 об.).

Михаил Федорович — первый царь из рода Романовых, был царем с 1613 по 1645 г.

...каменную церковь созда... и преподобнаго Михаила Малеина. — Имеется в виду каменная Троицкая церковь с двумя приделами: Знамения Богородицы и Михаила Малеина, которая с помощью соловецких монахов была поставлена в ските в 1649 г.

...монах Памва иконописец... — Вероятно, речь идет о соловецком постриженике иконописце Помеве, имя которого, как установил В. В. Скопин (Иконописцы на Соловках в XVI—середине XVIII в. // Древнерусское искусство. М., 1989. С. 307), неоднократно встречается в документах соловецкого архива первой половины XVII в.

Стр. 49. *Алексей Михайлович* — второй царь из рода Романовых, сын царя Михаила Федоровича, был царем с 1645 по 1676 г.

Филипп — в миру боярин Федор Колычев. Игумен (1548—1566) Соловецкого монастыря. В 1566 г. стал всероссийским митрополитом. Выступал за отмену опричнины. Заточен в Тверском Отроче монастыре, где в 1570 г. был задушен по царскому приказу Малютой Скуратовым. В 1591 г. мощи Филиппа были перенесены в Соловецкий монастырь. В 1647 г. Филипп был канонизирован. В 1652 г. мощи Филиппа перенесены в Москву.

ЗАПИСКА О ЖИЗНИ ИВАНА НЕРОНОВА

Иван Неронов (1591—1670) — выдающийся деятель раннего старообрядчества, его лидер в 1650—начале 1660-х гг., с 1649 г. был настоятелем одного из самых заметных городских московских храмов — церкви Казанской Божьей Матери «на Пожаре» (на Красной площади), которая находилась в самом центре посадской жизни — близ торговых рядов в начале Никольской улицы (была снесена в 30-е гг. XX в., сейчас восстановлена). Само расположение церкви, личный талант Неронова как проповедника, его страстный темперамент борца с несправедливостью снискали ему громкую славу среди широкого круга москвичей. Иван Неронов был близким другом царского духовника Стефана Вонифатьева (см. ниже) и играл ведущую роль в его кружке «ревнителей древлего благочестия», его знали и принимали во дворце. Острота и язвительность речи Неронова немало способствовали росту его популярности среди прихожан и делали опасным оппонентом для противников. Протопоп Аввакум, духовным наставником которого в эти годы был Иван Неронов, считал, что он подобен апостолу Павлу, обличавшему фарисеев, а заезжий грек Паисий Лигарид, псевдомитрополит Газы (он приехал в Москву по подложным грамотам), принимавший активное участие в церковном соборе 1666—1667 гг. и в осуждении старообрядцев, часто сталкивавшийся с Нероновым в Кремле, пренебрежительно называл его Терситом, демонстрируя собеседникам свою ученость этим упоминанием имени персонажа Гомера — грубого, необразованного воина времен царя Одиссея. Биография Ивана Неронова известна достаточно хорошо по документам XVII в. и по его Житию, написанному вскоре после его смерти (Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Н. И. Субботиным. М., 1874. Т. 1. С. 243—305. Далее — Материалы, 1). Он родился в деревне Лом на реке Саре, в 60 верстах от Вологды (отец его Мирон был «проста рода» и, видимо, крестьянствовал), трудно учился у священника в Великом Устюге, а затем жил в Нижегородском крае — в Юрьевце-Повольском (где позже служил протопоп Аввакум), селе Лыскове, Нижнем Новгороде, где занял заброшенную церковь и начал священствовать в ней, созывая народ к службе звуками «древяна била» — за отсутствием колоколов. Также он организовал школу «без мзды» для обучения детей грамоте, бывал в Москве. Вступая в постоянные конфликты с властями, проповедуя на площадях, Неронов не раз оказывался в заключении (так, в 1632 г. за осуждение войны царя Михаила с Польшей был сослан в Никольский Карельский монастырь — «за гордость и высокую мысль»). В 1649 г. Иван Неронов переселился в Москву.

В августе 1653 г. Неронов, ставший одним из первых решительных противников церковной реформы и нового патриарха Никона, был арестован, лишен священства и выслан из Москвы в вологодский Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, а 1 июля 1654 г. по указу патриарха отправлен еще дальше — в кандалакшский Рождественский монастырь на Кольском полуострове. Оттуда Иван Неронов с тремя верными единомышленниками бежал, на лодке достиг Соловецкого монастыря, где был сердечно принят игуменом Ильей, добрался с помощью своих многочисленных приверженцев и друзей до Москвы и некоторое время жил в Кремле тайно от патриарха в келье Стефана Вонифатьева. По совету царского духовника и по его «отписке» Иван Неронов был пострижен в монахи, приняв имя Григория, в Даниловом монастыре Переяславля-Залесского (1655 г.). Вернувшись в Москву, скрывался от Никона в кремлевских храмах Благовещения и Св. Георгия, затем ушел в Игнатьевскую пустынь в вологодской земле. На церковном соборе 1656 г. Иван Неронов был заочно осужден и проклят, но не перестал обличать патриарха за самоуправство и деспотизм. Пошатнувшееся положение Никона вынудило его снять проклятие с Неронова (1657 г.), разрешить ему жить в Москве и пользоваться старым Служебником.

После ухода Никона с патриаршества (1658 г.) Неронов продолжал защищать старые книги и обряды, обличал церковных иерархов и отказывался подчиняться им. Давление властей становилось все более жестким и последовательным: Неронова сослали «под строгий начал» в Спасо-Ломовский монастырь (1665 г.); а затем — в Иосифо-Волоколамский (1666 г.). На церковном соборе 1666 г. Неронов принес покаяние, принял нововведения в обрядах и книгах и — по указу царя Алексея Михайловича — был поставлен архимандритом Данилова монастыря в Переяславле-Залесском. Умер Иван Неронов 2 января 1670 г.

Отступничество Неронова вызвало уныние и обиду его бывших единомышленников, преданных идеям защиты старой веры, однако протопоп Аввакум воздержался от какого-либо обличения своего учителя. Еще в 1665 г. Аввакум писал москвичам с Мезени: «...не могуть мои уши слышати о нем хулных глагол ни от ангела...» (см.: Письмо игумену Феоктисту, с. 178).

Хотя Иван Неронов был известен прежде всего как проповедник, обстоятельства жизни и ситуация 1650—1660-х гг. толкали его на создание полемических сочинений и письменных обличений противников. До нас дошло несколько челобитных Ивана Неронова к царю Алексею Михайловичу, послания к духовнику царя Стефану Вонифатьеву, к царице Марии Ильиничне, к своим приверженцам, а также его «изветы» на сторонников Никона епископов Иону Ростовского и Симона Вологодского. Сохранилась в единственном списке биографическая «Записка» — своеобразная летопись жизни Ивана Неронова в период после ссылки его в Спасо-Каменный монастырь (август 1653 г.) до начала января 1659 г. Она была написана, как предположил Н. И. Субботин, первый публикатор «Записки» (Материалы, 1, с. 134—166), Феоктистом, игуменом московского Златоустовского монастыря, учеником и близким другом Неронова, на основе устных рассказов старца. Не исключено, что Неронов и сам участвовал в создании «Записки»: в тексте часто встречаются формы повествования от первого лица. Вопрос об авторе «Записки», так же как история создания Жития Неронова, дающего иногда другую хронологию событий, проблема соотношения этих текстов все еще остаются нерешенными.

«Записка» входит в круг биографических и исторических сочинений, создаваемых старообрядцами в 1650—1670-е гг. с полемическими целями и является интересным литературным памятником русской биографической прозы второй половины XVII в., выросшим из соединения нескольких литературных традиций: хроникально-документальной, публицистической (используется жанр «прения»), агиографической («видения» Неронова и чудо спасения на море). Специфику «Записки» определяет колоритная прямая речь в репликах исторических лиц: она выразительно характеризует героев повествования. Все это делает «Записку» весьма ярким литературным явлением XVII в.

Текст «Записки» публикуется по единственной рукописи начала XVIII в.: *ГИМ*, собр. Уварова, № 131, л. 87 об.—120 (заглавие в рукописи отсутствует), сохранившей (в копии) уникальный комплекс посланий Ивана Неронова и писем близких ему лиц, составленный, по-видимому, еще в XVII в. игуменом Феоктистом.

Стр. 50. *...при патриархѣ Никоне...* — Никон (Никита Минин, 1605—1681), патриарх с 25 июля 1652 г.

...собора Пресвятыя Богородицы... иконы, иже во градѣ Казани... — Первое упоминание московской деревянной церкви во имя Казанской иконы Богоматери относится к 1625 г. Она была построена на средства князя Д. М. Пожарского в честь образа, прославленного помощью русским воинам во время Смуты. В 1635 г. тщанием царя Михаила Федоровича на ее месте была поставлена каменная церковь; с тех пор она находилась под покровительством Романовых.

...царю Алексею Михайловичю... — Царь Алексей (1629—1676) стал государем после смерти отца — царя Михаила Федоровича — 12 июня 1645 г.

...и къ ево государеву духовнику... протопопу Стефану... — Стефан Вонифатьев (иначе — Внифантьев), протопоп Благовещенского собора в Кремле, ставший духовником молодого царя Алексея с сентября 1645 г. (быть царским духовником — привилегия благовещенских протопопов), играл весьма заметную роль в русской церковной и общественно-политической жизни 40—50-х гг. XVII в. Вокруг Стефана собрался кружок московских и провинциальных (в основном, с Волги) настоятелей храмов (протопопов) — «ревнителей благочестия» (Иван Неронов, Аввакум, Даниил Муромский и др.), стремящихся поднять падающий престиж Церкви введением строгого церковного правопорядка и решить насущные проблемы русской жизни, опираясь на восстановление основ христианского вероучения и нравственности. Реформаторские идеи кружка разделялись царем и некоторыми из его влиятельных придворных советников (в частности, Ф. М. Ртищевым), так как после московского восстания 1648 г. царь Алексей Михайлович убедился в необходимости существенных изменений в отношениях между государственной властью и народом. С деятельностью кружка Стефана Вонифатьева связано возвращение в церковную жизнь обычая проповеди, развитие единогласного пения во время церковной службы, привлечение внимания к идеям Иоанна Златоуста и выдающегося русского публициста и богослова XVI в. Ермолая-Еразма. Деятельность кружка прекратилась с приходом к власти патриарха Никона в 1652 г. Умер Стефан в 1656 г. в Иверском монастыре (его монашеское имя — Савватий), построенном Никоном, находясь последний год жизни фактически под надзором патриарха.

Того же лѣта февраля въ 27 день... — Речь идет о событиях 1654 г.

...царице... Марье Ильиничьне... — Мария Ильинична (1625—1669), урожденная княжна Милославская, первая жена царя Алексея Михайловича (с 1647 г.).

...Каменскаго монастыря архимарита Александра... — Александр (1603—1678), постриженик Николо-Коряжемского монастыря, где в 1643 г. был поставлен в игумены. С 1651 г. — архимандрит Спасо-Каменного монастыря; в 1655 г. был посвящен в сан епископа Коломенского и Каширского (вместо сосланного Никоном Павла), два года спустя был переведен во вновь образованную Вятскую и Великопермскую епархию. Занявшись сравнением старых и новопечатных книг, принял сторону старообрядцев, за что был осужден на московском соборе 1666—1667 гг. После покаяния прощен, вернулся в свою епархию, но в январе 1674 г. оставил епископскую кафедру и уехал в Николо-Коряжемский монастырь, где закончил свои дни.

...въ Кандоложской монастырь... — Кандалакшский Богородице-Рождественский монастырь, по преданию основан в XIII в. В 1590 г. был разрушен шведами, после чего не смог восстановиться. К середине XVII в. был совсем небольшим и даже не имел ограды; в монастыре была одна церковь «о пяти верхах теплая с трапезой».

Стр. 51. *...Переаславля Залѣскаго Данилова монастыря ко архимариту Тихону...* — Залесский Троицкий Данилов монастырь был основан около 1508 г. Тихон был переведен в Залесский монастырь архимандритом из Нижегородского Печерского монастыря; последнее упоминание о нем относится к октябрю 1658 г.

Стр. 52. *Зосима, Савватий и Герман* — см. коммент. к с. 229.

...архимариту Илии... — См. коммент. к с. 229.

Стр. 53. *...у Георгия...* — Церковь Св. Георгия находилась в московском Кремле близ Вознесенского монастыря, основанного, по преданию, княгиней Евдокией, женой Дмитрия Донско-

го. При царе Василии III в 1527 г. была построена каменная церковь во имя Георгия, не сохранившаяся до наших дней.

...въ пустыню... рекомую Игнатьеву, ко своимъ родителем... — В Вологодском Спасо-Игнатьевском Ломовском монастыре были погребены родители Ивана Неронова.

Стр. 54. *...отецъ Саватий преставися...* — Возможно, речь здесь идет о Стефане Вонифатьеве (в монашестве Савватии), умершем в Москве в 1656 г.

...Скрыжаль духовную... — Книга, только что изданная (30 июля 1656 г.) по распоряжению Никона (переведена с греческого Епифанием Славинецким и Арсением Греком), содержала описание греческих церковных обрядов и оправдывала никоновские новшества; в ней было помещено послание константинопольского патриарха Паисия, признавшего ересью несогласие Павла Коломенского и Ивана Неронова с реформой и требовавшего извержения их из Церкви (Скрижаль. М., 1656. Л. 713).

Стр. 56. *...порочной чернецъ Арсеней...* — Арсений Грек (см. коммент. к с. 100).

...троецкой старец Арсений Сухановъ... посыланъ былъ... и в прочия государства. — Келарь Троице-Сергиева монастыря Арсений Суханов (1610—1688) дважды в период подготовки церковной реформы по поручению царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа ездил на православный Восток для изучения греческого церковного чина и за греческими книгами: в 1649—1650 гг. — на Афон; в 1651—1653 гг. — в Константинополь, Иерусалим, Египет и др.

Стр. 57. *...Покровскаго монастыря, что на убогих дому...* — Монастырь в 5-ти верстах от Москвы у Покровской заставы был основан в 1634 г. царем Михаилом Федоровичем в память об отце патриархе Филарете, умершем в день Покрова, на земле, где хоронили убогих безымянных бедняков. При царе Алексее Михайловиче был «карманным», т. е. существующим на личные (карманные) средства государя. В 1680 г. был приписан к Заиконоспасскому монастырю.

Стр. 58. *...до государева царева пришествия съ его государевы службы...* — Царь Алексей Михайлович вернулся в Москву из похода под Ригу 17 января 1657 г.

...черниговскаго протопопа Михайла проклялъ... — Речь идет о церковном проклятии Никоном Михаила Рогова, черниговского протопопа, допустившего опечатки при издании Кирилловой книги (1644).

Стр. 59. *Генваря въ 13 день...* — Здесь и далее речь идет уже о событиях 1658 г.

Стр. 60. *Во 166-м году... старецъ Григорий приѣхал къ Москвѣ...* — Т. е. в том же 1658 г., без точной даты.

...у архиепископа резанскаго Илариона... — Иларион (ум. 6 июня 1673 г.), архиепископ Рязанский с 1657 г., с 1669 г. — первый рязанский митрополит. Влиятельный церковный иерарх, жестокий гонитель старообрядцев. Нижегородец по происхождению, земляк и даже друг Аввакума (см. с. 102 и коммент. к ней), он был священником в селе Лысково, затем после принятия монашества — игуменом Макарьевского Желтоводского монастыря (1649—1656); в период начавшейся царской опалы на патриарха Никона, а затем ухода Никона с патриаршего престола (10 июля 1658 г.) Иларион становится советником царя по церковным вопросам, принимает активное участие в церковном соборе 1666—1667 гг. и суде над старообрядцами.

...к Феодору Михайловичу Ртищеву... — См. коммент. к с. 88.

Стр. 61. *...четверишъ аллилуйя... Ефросинъ Псковъский...* — См. коммент. к с. 67.

Стр. 62. *...Афанасий... при мори дѣтей крести, еще младенецъ... а Афанасий Афонский... игуменомъ поставленъ...* — Здесь упоминаются византийские святые Афанасий Александрийский (298—373) и Афанасий Афонский (ум. в 980 г.), жития которых были известны в славянских переводах.

...к митрополиту Питириму... — Речь идет о событиях, произошедших уже после ухода Никона с патриаршества. *Питирим* — митрополит Сарский и Подонский (по месту резиденции — Крутицкий) с 1655 г., хиротонисан из архимандритов Новоспасского монастыря, исполнял обязанности управляющего делами при патриархе. Отступился от Никона после его опалы. Менее года занимал патриарший престол (с июля 1672 г. по апрель 1673 г.), полностью подчинившись воле царя.

СОЧИНЕНИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ

Протопоп Аввакум (1620—1682) — один из лидеров старообрядческого движения XVII в., выдающийся русский писатель, жил в эпоху перехода русской культуры от Средневековья к Новому времени. В условиях жесточайшего тюремного заключения Аввакум написал десятки публицистических текстов и посланий, создал «гениальное», по характеристике А. Н. Толстого, автобиографическое «Житие». «Житие» Аввакума содержит широкую трагическую панораму жизни в Московском государстве XVII в. и сопровождается авторскими размышлениями о необходимости веры и о смысле человеческого существования. В условиях господства официального средневекового литературного канона, опирающегося на высокий стиль риторики и церковнославянский язык, Аввакум создал оригинальный памятник литературы нового типа, повествующий о судьбе человека и его духовном мире и ориентирующийся на понятную всем речь городского посада и духовенства. Фактически Аввакум «обогнал» развитие литературы более чем на 100 лет: он начал писать так, как говорил сам. А. М. Ремизов называл Аввакума «первым писателем русской живой речи». Также оценивал «Житие» еще в 1860-е гг. И. С. Тургенев, восхищенно восклицая: «Вот она, живая речь московская!..». Аввакум «писал таким языком, что каждому писателю непременно следует изучать его» (см.: Луконина А. // Северный вестник. 1887. № 2. С. 55—56).

Аввакум родился на Нижегородской земле, в селе Григорове (теперь — Большемурашкинский район Нижегородской области) в семье священника, и сам стал священником в селе Лопатищи; в 1652 г. он был поставлен в протопопы (настоятели) Входо-Иерусалимской соборной церкви в небольшом торговом городке на Волге — Юрьевце-Повольском (теперь — г. Юрьевец Ивановской области). Аввакума дважды изгоняли из Лопатищ и Юрьевца прихожане и городские власти, первые — за требовательный, бескомпромиссный нрав «духовного отца», вторые — за его протест против самоуправства «начальных людей». Живя во время изгнания в Москве, Аввакум стал известен духовному отцу царя Алексея Михайловича протопопу Благовещенского собора в Кремле Стефану Вонифатьеву и царю Алексею Михайловичу, вошел в придворный кружок «ревнителей благочестия», поставивший своей целью упорядочить положение дел в Церкви и в духовной жизни общества, пришедшей в упадок после событий Смутного времени. С 1653 г., когда началась реформа Русской церкви, проводимая патриархом Никоном, Аввакум оказался в числе ее активных противников, защитников старых обрядов и «дониконовских» книг. Сложное общественно-религиозное движение старообрядчества XVII в. возникло как ответ на церковную реформу 1653 г., изменившую некоторые обряды Русской церкви и текст богослужебных книг по греческому образцу. Вскоре движение стало перерастать церковные рамки: в нем приняли участие разные социальные группы, недовольные политикой феодального государства и властью укрепляющейся абсолютной монархии; главной силой движения стали городские низы общества — «простолюдины», «простецы»: ремесленники, посадский люд, крестьянство. Борьба за старые обряды была протестом горожан и крестьян против феодального строя и окончательного закрепощения крестьянства, зафиксированного в «Уложении» царя Алексея Михайловича (1649 г.). Социальный протест низов выражался в самых различных формах: по Руси и Сибири прокатилась волна городских восстаний, началась Крестьянская война под руководством С. Т. Разина, воображение народных масс будоражили легенды о конце света, о наступлении царства антихриста.

Разрастающееся движение старообрядчества вызвало серьезную тревогу правительства и Церкви, начались жестокие репрессии. Аввакум, как и многие другие противники реформы, был сослан в Сибирь (1653—1664), затем — после возвращения в Москву и отказа пойти на компромисс, принять реформу — на Мезень (1664—1666), а после суда над старообрядцами на церковном соборе 1666—1667 гг. — в далекий воеводский центр на Крайнем Севере Руси, лежащий за Полярным кругом, в низовьях реки Печоры — в Пустозерский острог (1667—1682). Вместе с Аввакумом в Пустозерск были сосланы и другие опасные для властей полемисты, противники никоновской реформы: соловецкий инок Епифаний, дьякон Благовещенского собора Кремля Федор Иванов, свя-

щенник из г. Романова под Ярославлем Лазарь. В Пустозерске началась интенсивная литературная работа Аввакума, он написал здесь основной корпус своих сочинений: автобиографическое «Житие», «Книгу бесед», «Книгу толкований», «Книгу обличений», более 50 посланий и др. Много писали и «соузники» Аввакума — несмотря на отсутствие бумаги и запрещение писать. Пустозерск превратился в активно действующий центр демократической публицистики, центр непокорства не только Церкви и ее иерархам, но и власти государственной — власти самого царя. Патриарх Иоаким и молодой царь Федор Алексеевич с 1676 г. заметно ужесточили режим заточения пустозерских узников, а 14 апреля 1682 г. вожди старообрядческого движения по царскому указу были сожжены «за великия на царский дом хулы».

Перечень всех известных фактов биографии протопопа Аввакума см.: Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума» / Публ. Н. С. Демковой // Малышев В. И. Избранное. Статьи о протопопе Аввакуме / Отв. ред. Г. В. Маркелов. СПб.: изд-во Пушкинского Дома. С. 327—372. См. также обширный комментарий А. Н. Робинсона в кн.: Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 209—295 и комментарий Н. В. Понырко в кн.: Понырко Н. В. Три Жития — три жизни: Протопоп Аввакум. Инок Епифаний. Боярыня Морозова. СПб., 2010. С. 239—277. Большое значение для установления ряда фактов биографии Аввакума имели и имеют фундаментальные исследования французского слависта Пьера Паскаля, много работавшего в русских архивах в 1920-е гг. (Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol. Paris, 1938. La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrite par luimeme, et sa dernière épitre au tsar Alexis, traduites du vieux russe avec une intoduction et des notes par Pierre Pascal. Paris, 1938. Русский перевод: Паскаль П. Аввакум и начало раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого. М., 2010).

Автобиографическое «Житие» Аввакума — одно из самых интересных и своеобразных произведений русской литературы XVII в., созданное в переломную эпоху развития русской культуры — в 70-е гг. XVII в., в пору интенсивного разрушения литературных традиций русского Средневековья. Создавая «Житие», Аввакум несомненно ориентировался на житийный канон, который он знал очень хорошо: в «Житии» сохраняются некоторые элементы житийной композиции текста и отдельные житийные ситуации — описание родителей героя и детства, указана его способность к «чудотворению» (повести об исцелениях «бесноватых») и др., встречаются также отдельные присущие житиям характеристики героев. Однако в общей композиции текста преобладает иная — сюжетная — закономерность построения, событийный ряд эпизодов автобиографии выстраивается в единый, созданный автором сюжет произведения, повествующий о выборе жизненного пути, об испытаниях и подвиге автобиографического героя. Освобождению повествования от рамок житийного канона способствует форма рассказа, беседы, избранная Аввакумом: Аввакум строит рассказ о собственной жизни как цепь воспоминаний, в основном хронологически расположенных и обращенных к его духовному отцу — иноку Епифанию. Однако «Житие» — отнюдь не «мемуары», не случайная цепь эпизодов, вспомнившихся автору, а художественно обобщенное сюжетное повествование со свойственным ему строгим отбором фактов; отдельные эпизоды и описания в «Житии» могут быть рассмотрены как определенные коллизии в развитии сюжета произведения, этапы нравственного формирования личности героя «Жития», существенные моменты его духовной жизни. Даже далекие — по хронологии — эпизоды жизни Аввакума оказываются значимыми частями этого единого сюжета «Жития». Таковы, например, два описания уговоров Аввакума властями, происходящие в разные периоды его жизни, которые выразительно характеризуют такую яркую черту его нравственного облика, как непреклонность вероисповедных убеждений.

Жизнь в Москве после возвращения из сибирской ссылки в первые месяцы 1664 г. воспринимается Аввакумом как время искушения: «государь и бояря» встретили его «яко ангела Божия» («государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил»), поселили с семьей «на монастырском подворье в Кремли», «давали 〈...〉 место служить», где бы он сам захотел, даже звали в духовники — лишь бы Аввакум «с ними соединился в вере...». Но Аввакум вовремя вспомнил предостережение Господне, услышанное им в Тобольске, «в тонце сне», после того как он «на царевнины именины» побывал в соборной церкви, где велась новая, установленная Никоном служба: «По толику страдании погибнуть хощешь? Блюдися, да не полма рассеку тя!».

Отказ Аввакума «соединиться» с реформированной Церковью, его письмо царю («маленкое моленейцо») с просьбой заменить нынешние «духовные власти» на «истинных молитвенников» привели к новому этапу мученического «хождения» протопопа — к ссылке вместе с семьей на Мезень, где он пробыл полтора года. Привезенный в Москву 1 марта 1666 г. для суда на церковном соборе Аввакум еще раз преодолевает те же искушения: «Соединись с нами, Аввакумушко!» — ласково просят его власти, но Аввакум непреклонен, он воспринимает эти просьбы как очевидные бесовские проделки («Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза!») и прямо обозначает эти просьбы властей как предсказанные Евангелием «соблазны» («писанное время пришло, по Евангелию: „Нужда соблазном прийти"»).

Автобиографическое повествование Аввакума, ориентированное на структуру мученического «Жития», одновременно приобретает черты литературного описания нового типа, в котором почти летописная точность и конкретность описаний Аввакума (изображаются обстоятельства его индивидуальной судьбы, которую нельзя спутать ни с чьей другой) сочетаются со склонностью к анализу душевных переживаний лирического героя, с использованием драматических коллизий как основного средства выявления человеческого характера.

Принцип драматизации повествования является важнейшим художественно значимым принципом новаторской организации текста в сочинениях Аввакума (о новаторстве Аввакума в условиях становления новой литературной культуры XVII в. см.: Панченко А. М. Аввакум как новатор // Русская литература. 1982. № 4. С. 142—152). О драматизации как принципе аввакумовского повествования см.: Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 302—316.

Драматизация повествования — черта литературного новаторства Аввакума, вводившего в письменную литературу новые принципы изобразительности, основанные на поэтике народного искусства слова и на личном опыте народного проповедника. Так возник историко-литературный парадокс: не принимая, идеологически отвергая театр как кощунство (он наслышан о постановках при царском дворе), декларируя совсем иные эстетические позиции, Аввакум в своем творчестве оказался необычайно театрален.

Само мировидение Аввакума было драматургично: он видел мир и воспроизводил его как мгновенные драматические сценки. Воссоздавая картины реальной действительности в отдельных эпизодах автобиографического повествования — и в «Житии», и в «Слове плачевном», и в публицистических текстах, — Аввакум использует такие чисто драматургические средства изображения, как реплики и диалоги героев, причем сохраняя отдельные реплики или выражения современников не в стерто-нейтральной, но в их индивидуальной словесно-интонационной форме. Репродуцируя речь персонажей, Аввакум отбирал необходимое: одной репликой ему удается очень точно обрисовать человека и его состояние. Так, например, в сочинении «О трех исповедницах слово плачевное» Аввакум описывает состояние Морозовой во время коротких мгновений свидания с ним, находившимся в это время в заключении в одном из московских монастырей: «...из кореты кричит, едучи: „Благослови! Благослови!" А сама бытто смеется, а слезы текут».

Обращение Аввакума к живой народной речи, его мастерство в создании ярких характеристик исторических лиц и в воссоздании отдельных ситуаций (некоторые эпизоды «Жития» представляют собой сюжетно законченные новеллы), широта изображения русской действительности 50—70-х гг. XVII в. (герои повествования Аввакума — царь и патриарх, юродивые и сибирские служилые люди, «князья Церкви» — епископы и дети Аввакума, придворные и жена его «протопопица» Настасья Марковна и т. д.), непрерывный эмоциональный и насыщенный размышлениями диалог Аввакума с собеседником и читателем делают «Житие» Аввакума литературным памятником особого значения в развитии русской литературы. «Житие» явилось предтечей открытия новых художественных принципов изображения человека, освоенных русской литературой много позже — в период развития и становления реалистической прозы. Отсюда — те высокие оценки «Жития», которые дали ему классики русской и советской литературы. В. М. Гаршин знал «Житие» Аввакума «почти наизусть», Ф. М. Достоевский писал о принципиальной «непереводимости» сочинений А. С. Пушкина и «Жития» Аввакума на европейские языки; высоко ценили литературные достоинства «Жития» Аввакума И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков,

М. Н. Мамин-Сибиряк, А. М. Ремизов, Максимилиан Волошин, А. М. Горький, А. Н. Толстой и мн. др.

В настоящее время «Житие» известно в трех авторских редакциях, две из которых дошли в автографах. Существует еще одна — четвертая — разновидность текста «Жития», найденная В. И. Малышевым в сборнике РГБ начала XIX в. из собр. Г. М. Прянишникова, сохранившая подлинные фрагменты недошедшей первоначальной редакции памятника. Начало работы Аввакума над «Житием», запись и «собирание» отдельных эпизодов и текстов, судя по фрагментам, сохранившимся в Прянишниковском списке, следует отнести к 1669—1670 гг. Исследование истории текста «Жития» выявило последовательность создания полных авторских редакций и их существенные отличия (см.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. Творческая история текста. Л., 1974). В первой — более краткой — редакции сформировалась основа повествования «Жития», его композиция и концепция. Эта редакция дошла только в списках в составе сборников сочинений Аввакума; она была написана в 1672 г. Вторая редакция сохранилась в списках и автографе в составе Пустозерского сборника В. Г. Дружинина, писалась она в 1673 г. Третья редакция также сохранилась в списках и автографе в составе другого Пустозерского сборника — рукописи, найденной только в 1966 г. И. Н. Заволоко, которая создавалась в 1674—начале 1675 г. Заново редактируя и дописывая текст «Жития» в эти годы, Аввакум исключил из его состава ряд эпизодов, могущих вызвать сомнения читателей в правильности его поступков, другие — переделал, заметно усилив агиографическую стилизацию текста. Одновременно в этой редакции он еще более резко оценивал репрессивные действия властей и царя, не сдерживая эмоций и срываясь подчас на крик боли... Аввакум дополнил эту редакцию новым вступлением — «Поучением аввы Дорофея о любви» — и тут же продолжил текст своих комментариев карикатурным изображением церковных иерархов, преследователей старообрядцев.

В настоящем издании текст «Жития» публикуется полностью по автографу в Дружининском Пустозерском сборнике: *БАН*, собр. В. Г. Дружинина, № 746, л. 188 об.—284 об. (исправления Епифания при издании не учитываются); в дополнение публикуется также несколько фрагментов из двух других редакций «Жития» — из сборника И. Н. Заволоко и из сборника Г. М. Прянишникова.

Стр. 64. *Аввакум протопоп... Аминь.* — Заглавие к «Житию» написано рукой духовного отца Аввакума и его соузника соловецкого инока Епифания и помещено перед текстом памятника внутри рамки из трех концентрических окружностей. — О Епифании см. коммент. на с. 580.

Всесвятая Троице... возглаголю. — Аввакум начинает «Житие» словами молитвы, хорошо известной его современникам (она читается в начале печатной Псалтири с восследованием, XVII в.), несколько сокращая и видоизменяя текст для более осмысленной связи с дальнейшим.

Дионисия Ареопагита о Божественныхъ именех.. — Здесь и далее Аввакум ссылается на трактат псевдо-Дионисия Ареопагита «Об именах Божиих», представляющий собой извлечения из сочинений неоплатоника Прокла (V в.), распространявшийся на Руси в славянском переводе конца XIV в. как в отдельных рукописях, так и в составе монументального теологического и литературного свода XVI в. — в великих Минеях-Четьих митрополита Макария. *Дионисий Ареопагит* — по преданию — ученик апостола Павла и первый Афинский епископ (краткие известия о нем — Деян. 27, 34 и в его апокрифическом «Житии»); рукописная традиция приписывала ему авторство четырех трактатов и десяти писем, пользовавшихся огромным авторитетом — на уровне апостольских сочинений — в средневековой Церкви. Однако в новое время была доказана мифичность личности Дионисия Ареопагита и принадлежность приписанных ему сочинений более поздней эпохе (в них обнаружены следы влияния неоплатонизма).

Стр. 65. *Мы же... обоя имена исповѣдаем и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго... вѣруем...* — Одно из основных расхождений старообрядцев с последователями Никона — это исключение «никонианами» слова «истинного» из Символа веры.

К Тимофею пишетъ в книге своей... — Тимофей — один из апостольских учеников; цитируемый Аввакумом текст не найден в сочинениях псевдо-Дионисия — ни в славянских, ни в греческих списках.

Ищитати бѣги небесныя любятъ погибающии... — Занятия астрономией или астрологией рассматривались противниками Никона как знак беды, признак конца света.

Чти Апостолъ, 275. — Книга Апостол содержит Деяния апостолов и их послания; *зачало 275* — Аввакум указывает текст по Острожской Библии 1581 г. (2 Фес. 2, 10—12).

...в Солнечнем граде... — «Солнечный град» — славянский перевод греческого названия древнеегипетского города Гелиополя (31 км к северу от Каира), где по преданию Дионисий Ареопагит со своим учеником находился во время распятия Христа.

Той же Дионисий... закрываетъ солнце. — Источник фрагмента не найден. Возможно, это оригинальное осмысление Аввакумом текста послания псевдо-Дионисия Поликарпу, в котором объяснялась необычность затмения, случившегося, по евангельской легенде, в день распятия Христа.

Стр. 66. *...солнце затмилось въ 162 (1654) году, пред мором за месяцъ или меньши.* — Солнечное затмение было 2 августа 1654 г. во время эпидемии чумы, Аввакум же ошибочно приурочил его к середине июня: «перед Петровым днем недели за двѣ» (Петров день — 29 июня). Аввакум ставит оба события — затмение и чуму — в непосредственную связь с реформой патриарха Никона, вызвавшей, по мнению Аввакума, эти бедствия.

...Симеонъ Сибирской... — Архиепископ Сибирский и Тобольский (с 1651 г.), земляк Аввакума, сочувствовавший старообрядцам, неоднократно помогал Аввакуму во время сибирской ссылки.

...в то время Никон... зѣло моръ велик был... — Патриарх Никон начал реформаторскую деятельность зимой 1653 г. Опустошительная моровая язва (чума) свирепствовала в Москве и во многих других местах России всю вторую половину 1654 г. — с июля по декабрь. 25 августа этого года в связи с мором в Москве произошло народное возмущение, направленное против Никона как реформатора.

Потом... тма бысть... проклинавъ, бросили. — Второе солнечное затмение, упоминаемое Аввакумом, было не через четырнадцать, а через двенадцать лет, 22 июня 1666 г. За месяц с небольшим до этого — 13 мая 1666 г. — Аввакум был расстрижен и вместе с попом Никитой и дьяконом Федором увезен в Никольский монастырь на Угрешу близ Москвы.

Той же Дионисий пишет... там пространно уразумѣешь. — О солнечном «знамении» у палестинского города Гаваона при Иисусе Навине см.: Нав. 10, 2—14; о «знамении» при царе Езекии: 4 Цар. 20, 11. В комментариях к книге псевдо-Дионисия эти же сюжеты излагаются кратко.

Алфавит (или Азбуковник) — особый тип толкового словаря, распространенный в греческой и славянской средневековой письменности, содержавший наряду со сведениями о значении слов краткую характеристику различных понятий, предметов, явлений.

Григорий Нисский (335—394), *Василий Великий* (329—378) — почитаемые в восточном христианстве отцы Церкви.

Стр. 67. *«Святъ, святъ... славы его!»* — Ис. 6, 3.

Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуйи... ученику Ефросина Пъсковскаго... Василию. — В Житии Ефросина Псковского (ум. в 1481 г.), написанном в 1547 г. его учеником Василием (Варлаамом), сообщается о явлении Богородицы и о ее требовании произносить «аллилуйю» только дважды, что и было утверждено Стоглавым собором в 1551 г. Аввакум выступает против нововведения патриарха Никона, распорядившегося произносить хвалу Богу не три, а четыре раза и петь заключительное славословие «Слава, Боже!» после трехкратного, а не двукратного возглашения «аллилуйя».

...Духу и от Сына исхождение являютъ. — Аввакум обвиняет здесь никониан в отступничестве от основ православия и в увлечении «римской» ересью: он связывает воедино требование никониан «четверить аллилуйю» с католическим догматом об исхождении Святого Духа не только от Отца (согласно православному Символу веры), но и от Сына.

Нужно бо есть... спасению. — Квадратные скобки здесь и далее в тексте «Жития» принадлежат автографу.

Стр. 67—68. *Афанасий Великий рече... по вышереченному Афанасию.* — Излагая в начале «Жития» свое исповедание веры, Аввакум цитирует и пересказывает авторитетные тексты отцов Церкви III—V вв., интерпретаторов основ христианской догматики, хорошо известные его

современникам: «Исповедание веры» Афанасия Александрийского, «Изложение вкратце о вере» Афанасия Антиохийского и Кирилла Александрийского, «Маргарит» Иоанна Златоуста.

Стр. 68. *Сице аз... умираю.* — Слова Аввакума, завершающие вступление к «Житию», напоминают заключение его письма церковным властям 5 августа 1667 г.; текст вступления является, по-видимому, отражением полемической речи Аввакума на соборе 1667 г., когда он, по его словам, «посрамил» «римские» заблуждения властей Дионисием Ареопагитом.

Рождение же мое... Григоровѣ. — Село Григорово существует и поныне в Большемурашкинском районе Нижегородской области; река *Кудма* — правый приток Волги.

Отецъ ми бысть священник Петръ... — Отец Аввакума — приходской священник, возможно уроженец Нижегородского края, появился в Григорове незадолго до 1620 г. и служил в григоровской церкви Бориса и Глеба около 15 лет (Малышев В. И. Материалы... С. 283).

Анастасия — жена Аввакума Анастасия Марковна (1624—1710). Особая редакция «Жития» (Прянишниковский список) сообщает дополнительные данные о женитьбе Аввакума: «Мати же изволила меня женить семнадцати лет, жену мне привела четырнадцати лет».

...аз же от изгнания преселихся во ино мѣсто. — Из Григорова Аввакум переселился в соседнее село Лопатищи Нижегородского края, где и был поставлен «в попы».

Рукоположенъ во дьяконы... тридесятъ лѣтъ, как имею священъство. — Аввакум стал дьяконом в 1642 г., в 1644 г. — священником, в 1652 г. поставлен протопопом в г. Юрьевец на Волге (теперь — в составе Ивановской области). Указание Аввакума на 30 лет священства позволяет датировать фрагмент 1672 г.

Егда еще был в попѣхъ, прииде ко мнѣ... девица... — Этот эпизод «Жития» Аввакума напоминает рассказ Пролога под 27 декабря о блуднице, пытавшейся соблазнить пустынника: инок преодолевает соблазн «положив персты своя на светильник и сожже я».

Стр. 69. *«объяша мя болѣзни... обрѣтох».* — Пс. 114, 3.

В то же время... в землѣ закопан. — Второй сын Аввакума Прокопий родился в 1647 г.; вместе с матерью и братом Иваном с марта находился в земляной тюрьме на Мезени (с 1670 г.).

Стр. 70. *...якоже Филиппъ каженика древле.* — Апостол Филипп, по рассказу Деяний апостолов (8, 38), крестил евнуха-эфиопа, странствуя из Иерусалима в Газу.

...к духовнику... Стефану и к Неронову... Иванну... — См. коммент. на с. 514—516.

Приидоша в село мое... отпустил в поле. — События, описанные Аввакумом, датируются, по-видимому, августом 1647 г. Аввакум борется со скоморошескими забавами, следуя идеям московского кружка «ревнителей благочестия», стремившегося к упорядочению церковной жизни и к введению благочестия в разных сферах русского общества. Видимо, под влиянием идей этого кружка в 1648 г. появляется специальный указ царя Алексея Михайловича воеводам, запрещавший под угрозой телесных наказаний всякие выступления скоморохов с медведями и музыкальными инструментами.

...Василей Петровичь Шереметевъ, пловучи Волгою в Казань на воеводство... — Боярин В. П. Шереметев (ум. в 1659 г.) отправился в Казань из Москвы 8 августа 1647 г., в сентябре он проезжал недалеко от Лопатищ; тогда и произошла описанная Аввакумом встреча.

...благословить сына... блудолюбный образ. — Бритье бороды осуждалось на Руси как греховное западное влияние, потворство блудникам.

...у царя на сѣнях со мною прощались... — Неизвестно, насколько это известие о том, что будто бы Шереметевы просили прощения у Аввакума, соответствует действительности. Царские *сени* — большие украшенные помещения — находились непосредственно перед палатами; в них происходили встречи придворных и приглашенных во дворец лиц.

...брату моему меньшому бояроня Васильева и дочь духовная была. — Неясно, о каком из своих младших братьев пишет здесь Аввакум: все три его брата — Козьма, Герасим и Евфимий — служили в разных дворцовых храмах; Козьма и Герасим — священниками (следовательно, один из них был духовником боярыни), Евфимий — псаломщиком.

Аще меня задушат... причти мя с Филиппомъ, митрополитом Московским... — Личность митрополита Филиппа (в миру Федора Колычева, 1507—1560), задушенного Малютой Скуратовым по приказу Ивана Грозного, была очень популярна в XVII в.: в 1647 г. он был причислен к

лику святых, а в 1652 г. Никон, тогда митрополит Новгородский, перевез в Москву его мощи из Соловецкого монастыря (Филипп был его игуменом), и царь Алексей Михайлович просил прощения у Филиппа за согрешение «прадеда». Особенно велика была популярность Филиппа у старообрядцев, которые воспринимали его прежде всего как мученика, жертву царского произвола.

...аще зарѣжутъ... причти мя з Захариею пророком... — Захария, один из двенадцати «малых пророков», за свои обличения был убит, и кровь его пролилась «между церковию и олтарем», как упоминается в Евангелии от Матфея (Мф. 23, 35). В Прологе (под 5 сентября) сходным образом описывается смерть другого пророка Захарии, отца Иоанна Крестителя: он был зарезан «посреде жертвенника».

...а буде в воду посадятъ... яко Стефана Пермъскаго... свободишь мя! — В Житии Стефана, епископа Пермского (ок. 1340—1396), нет такого эпизода, есть лишь рассказ об испытании водой: языческий волхв Пам отказался идти в реку и тем самым проиграл состязание со Стефаном. Аввакум вольно осмыслил здесь текст Жития: по воле Господа Пам проиграл, и тем самым Господь освободил Стефана.

«Прости, государь... тобою!» — Раскаявшийся начальник обращается к Аввакуму со словами евангельского блудного сына (Лк. 15, 21).

Стр. 71. *...Господь гордымъ противится, смиренным же дает благодать.* — Это библейское изречение (Иак. 4, 6; Пр. 3, 34) вошло в речевой обиход XVII в.: оно дословно повторяется в сборниках пословиц конца XVII в.

Аз же сволокся к Москвѣ... государь... велѣлъ в протопопы, поставить въ Юрьевец-Повольской. — Аввакум был в Москве и получил сан протопопа, по-видимому, в конце марта—апреле 1652 г. Юрьевец Поволжский основан, по преданию, Юрием Всеволодовичем Владимирским в 1225 г., к середине XVII в. — крупный торговый центр Поволжья.

...к патриархову приказу... били батожьемъ и топтали; и бабы были с рычагами. — «Патриарховым приказом» Аввакум называет «приказную избу» (канцелярию) в Юрьевце, принадлежавшую Патриаршему приказу, который ведал всеми административными и финансовыми делами во владениях патриарха. Причиной конфликта Аввакума с горожанами, видимо, явилась его требовательность в борьбе за чистоту нравов, а главное — его непреклонность в деле собирания церковных налогов в патриаршую казну.

На Кострому прибѣжал... изгнали. — Аввакум «прибежал» в Кострому в начале сентября 1652 г. Костромской протопоп Даниил (он был протопопом Никольского собора города), участник кружка «ревнителей благочестия», вызвал бунт горожан своей строгостью. Сохранившееся «сыскное дело» описывает расправу восставших над Даниилом (28 августа): на берегу Волги его «насмерть били, и скуфью сбили», у воеводского двора в присутствии воеводы били «ослопием» (батогами); скоморохи же в это время «песни пели» у соборной церкви.

Посем Никонъ... привез ис Соловковъ Филиппа-митрополита. — Никон привез мощи митрополита Филиппа в Москву 9 июля 1652 г.

А прежде его приезду... чтобы ему быть в патриархах. — Челобитная, о которой Аввакум упоминает и в «Книге бесед» (см. с. 71), до нас не дошла.

...и пишет к нему послание навстрѣчю... — Послание царя Алексея Михайловича с описанием смерти патриарха Иосифа (15 апреля 1652 г.) и с призывом возвращаться «поскорее» для выборов нового патриарха было отправлено Никону в мае 1652 г. (см. наст. том, с. 299—300 и коммент.).

Егда поставили патриархом... не сталъ и в Крестовую пускать! — Никон был поставлен патриархом 25 июля 1652 г.; *Крестовая* — парадная палата патриаршего дворца в Кремле.

...в постъ Великой прислал память х Казанъской... — Никон послал «память» (памятную записку) об уменьшении числа земных поклонов и о замене двуперстия троеперстием 21 февраля 1653 г. сначала протопопу Казанского собора Ивану Неронову, а затем и в другие храмы.

И к мѣсту, говорили, на дворецъ к Спасу, на Силино, покойника, мѣсто... — Неясно, насколько достоверным является сообщение о приглашении Аввакума стать протопопом (настоятелем) кремлевской дворцовой церкви Спаса-на-Бору (спасский протопоп Сила упоминается в документах церковного собора 1649 г.).

Стр. 72. *В памети Никон пишетъ...* — Текст «памяти» патриарха Никона не дошел до нас, однако Аввакум, по-видимому, точно передает его формулировки.

...от образа глас бысть... — О явлении «гласа» Неронов писал Стефану Вонифатьеву из Вологды 13 июля 1654 г.: «...гласу пришедшу от образа Спаса сице: „Иоанне, дерзай и не убойся до смерти!.. да не постраждет днесь Русь!"» (Материалы, I, с. 99—100).

...коломенъскому епископу Павлу, егоже Никон напослѣдок огнем жжегъ в новогороцких предѣлех... — Епископ Павел Коломенский (ум. в 1656 г.) был одним из решительных противников церковной реформы и первой жертвой Никона. В 1654 г. он, единственный из иерархов, выступил на соборе против нововведений, был избит Никоном, лишен сана без решения соборного суда и заточен сначала в Палеостровском монастыре (с 1654 по 1656 г.), а затем в Новгородском Хутынском, где подвергался жестокому обращению. Сведения об обстоятельствах его смерти в 1656 г. противоречивы и недостоверны: неясно, был ли он убит по приказу Никона или сожжен в срубе.

Мы же з Данилом, написавъ ис книгъ выписки о сложении перстъ и о поклонех... — Выписки в целом виде не сохранились: возможно, Аввакум использовал их при составлении статьи «О сложении перст», помещенной им впоследствии в Пустозерском сборнике В. Г. Дружинина.

...схватавъ Никон Даниила, в монастырѣ за Тверскими вороты... остригъ... муча много, сосланъ в Астрахань. — За Тверскими воротами Москвы находился Страстной монастырь (на Страстной площади, теперь — Пушкинская); монастырские *хлебни* (пекарни) использовались как места заточения; дальнейшая судьба Даниила неизвестна.

...взяли... темниковскаго — Даниила... и посадили в монастырѣ у Спаса на Новом... — Темников — ныне город в Мордовии; *Спас-на-Новом* — бывший Новоспасский монастырь в Москве. Известно, что в 1673 г. Даниил, темниковский протопоп, содержался под строгим наблюдением в Деревяницком монастыре под Новгородом.

Таже протопопа Неронова Иванна... в Колской острог. А напослѣдокъ... и умеръ. — См. коммент. на с. 514—517.

Всякъ мняйся стоя, да блюдется, да ся не падетъ... — 1 Кор. 10, 12.

...аще возможно... прельстити и избранныя. — Мф. 24, 24. Обе цитаты должны были способствовать пониманию силы испытаний, выпавших на долю Неронова, и оправдать слабость его духа.

Таже меня взяли... Борис Нелединской со стрельцами... — Борис Нелединской, патриарший боярин, арестовал Аввакума по доносу причта Казанской церкви, враждующего с Аввакумом, в «сушиле» (сарае) дома Ивана Неронова 13 августа 1653 г. во время совершения им всенощного бдения. Об этом Аввакум писал в письме к Неронову от 14 сентября 1653 г. (см.: с. 176).

Бысть же я в третий день приалъченъ... — В Деяниях апостолов (10, 10—13) сходным образом описывается чувство голода апостола Петра.

Стр. 73. *...Логина, протопопа муромскаго; в соборной церкви... остригъ в обѣдню.* — Логгин, член кружка ревнителей благочестия, громогласно обличал в церкви жену муромского воеводы за то, что та сильно белилась. Никон предъявил Логгину надуманное обвинение в том, что он «над иконами ругался» (поскольку в их написании тоже используются белила), лишил его сана в Успенском соборе во время обедни, в присутствии царя и царицы, проклял и сослал в муромские приделы под надзор духовного отца.

Таже в Никитин день — ходъ со кресты... — В Никитин день — 15 сентября — совершался крестный ход из Успенского собора Кремля к церкви великомученика Никиты в Басманной слободе.

...отдали дьяку Третьяку Башмаку... — Младший дьяк Сибирского приказа Семен Третьяк Васильевич Башмаков известен как начитанный книжник и литератор, вскоре после ссылки Аввакума выступил с челобитной против справщиков Печатного двора, указывая на многие сделанные ими ошибки в печатных изданиях. После 40 лет службы постригся в Чудовом монастыре, приняв имя Савватий. За поддержку старообрядцев был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. После собора 1666/67 г. был переведен в Новоспасский монастырь, где, вероятно, и умер.

...послали меня в Сибирь з женою и дѣтми... до Тобольска... — Аввакум был отправлен из Москвы в Сибирь, видимо, 17 сентября 1653 г. На допросе в Сибирском приказе 15 сентября он показал, что у него четверо детей: три сына — Иван (9 лет), Прокопий (5 лет), Корнилий (8 дней) и дочь Агриппина (8 лет). Жену Аввакума везли в телеге больную: она еще не оправилась после родов.

...три тысящи верстъ... и санми половину пути. — Путь Аввакума до Тобольска (Аввакум правильно называет расстояние и время пути) шел через Великий Устюг, Верхотурье, Тюмень, причем, начиная с предгорий Урала, вторая часть пути, была уже санной. Аввакум прибыл в Тобольск в конце декабря 1653 г.

Архиепископъ в Тобольске к мѣсту устроилъ меня. — Архиепископ Симеон определил Аввакума протопопом тобольского Вознесенского собора.

...пять словъ государевых сказывали на меня... — «Слово и дело государево» — донос на кого-либо с обвинением в государственном преступлении, требовавший немедленного расследования и сурового наказания.

...архиепископля двора дьякъ Иванъ Струна... — В январе 1654 г. архиепископ Симеон уехал в Москву на церковный собор против старообрядцев. Его дьяк *Иван Струна* в отсутствие архиепископа сильно злоупотреблял своим положением, из-за чего у него произошло столкновение с Аввакумом, который заступился за дьячка своей Вознесенской церкви Антония, жестоко преследовавшегося Струной.

Стр. 74. *...иное — к воеводѣ уйду...* — «Большим» воеводой в Тобольске в это время был князь Василий Иванович Хилков (1652—1656), вторым был князь Иван Иванович Гагарин-Посной.

Петр Бекетов — сын боярский, сибирский землепроходец, служивший с 1622 г., основатель Братского острога, с 1642 г. — стрелецкий голова (полковник), служил на Амуре; в апреле 1655 г., по словам Аввакума, находился в Тобольске.

...ис церкви пошедъ, взбѣсилъся... и умре горькою смертию злѣ. — Рассказ Жития о смерти П. Бекетова не подтверждается другими источниками, более того, как недавно установил А. Т. Шашков, «реальный стрелецкий сотник Петр Бекетов» находился в это время в другом месте — в Комарском остроге, на правом берегу Амура (см.: Шашков А. Т. Из истории сибирской ссылки протопопа Аввакума // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 52).

Посемъ указ пришелъ... и укоряю ересь Никонову. — 27 июля 1655 г. в Тобольске был получен указ от имени царевича Алексея Алексеевича о новой ссылке Аввакума на Лену в Якутский острог (царя в это время в Москве не было: он участвовал в войне с Польшей, и Никон управлял делами государства).

Два брата жили у царицы в Верху... оба умерли в моръ... — Во время мора (чумы) в 1652 г. умерли братья Аввакума Евфимий и Герасим, священник Благовещенского собора. *Верх* — царский дворец в Кремле.

Говорил тогда и сказывалъ Нероновъ... моръ, мечь, разделение. — Неронов писал об этом царю Алексею Михайловичу в послании из Спасо-Каменного монастыря от 6 ноября 1653 г. (Материалы, I, с. 38).

Стр. 75. *Таже сѣлъ... поехал на Лѣну.* — Аввакум выехал из Тобольска 29 июня 1655 г. — в Петров день.

...въ Енисѣйской... — Т. е. в Енисейский острог.

...велено в Дауры вести, дватцеть тысящ и болши будетъ от Москвы. — Даурией называли земли к востоку от Байкала; счет верст до Москвы сильно преувеличен (на самом деле не более пяти с половиной тысяч).

И отдали меня Афонасью Пашкову в полкъ... и мучит, и бьет. — Афанасий Филиппович Пашков (ум. в 1644 г.) — енисейский воевода, в августе 1655 г. был назначен главой большого отряда стрельцов и казаков (свыше 400 человек), направленного в Даурию для освоения амурских земель. Аввакум был назначен священником в полк А. Пашкова, которого он характеризует как человека крайней жестокости.

Егда поехали изъ Енисѣйска... — Отряд А. Пашкова (около 420 человек) отплыл из Енисейска 18 июля 1656 г. на 40 дощаниках.

...в большой Тунгуске-рекѣ... — Местное название нижнего течения Ангары.

Шаманъской порогъ... Долгомъ... — Шаманский и Долгий — пороги на реке Ангаре.

И аз ему малое писанейце написалъ... и послал к нему. — Начало «писанейца», не дошедшего до нас, — хорошо известные современникам Аввакума слова заклятья дьявола, произносимые священником во время «запретительных» молитв (возникает параллель: «Пашков — дьявол»).

Стр. 76. *Он же рыкнулъ... семъдесятъ два удара кнутом.* — Факт наказания Аввакума кнутом (на Долгом пороге 15 сентября 1656 г.) подтверждается донесениями самого А. Пашкова в Москву и челобитной (1658 г.) архиепископа Симеона о злоупотреблениях даурского воеводы своей властью. В «Отписке» на царское имя А. Пашков обвинял Аввакума в «смуте» и в подстрекательстве казаков к измене, пытаясь связать его протест с только что происшедшими восстаниями казаков в Верхоленском остроге и на Байкале.

Аще Иевъ и говорилъ такъ... — Библейский праведник патриарх Иов — символ кротости и терпения, но и он возроптал в конце концов на Бога за ниспосланные на него беды (Иов. 9, 10).

...яко многими скорбми... во Царство Небесное... — После того как апостола Павла за проповедь побили камнями и тело его вытащили за город, полагая, что он умер, Павел и Варнава обратились с этими словами к своим ученикам (Деян. 14, 22).

Стр. 76—77. *«Сыне, не пренемогай наказаниемъ Господнимъ... сынове есте».* — Евр. 12, 5—8.

Стр. 77. *Братский острог* — основан в 1631 г., находился на р. Ангаре, недалеко от современного г. Братска (Иркутской обл.). По описанию 1701 г. у острога было 4 угловые башни; одна из них перевезена в настоящее время в заповедник «Коломенское» в Москве.

...сидѣлъ до Филипова поста... — Т. е. до 15 ноября.

Скуфья — матерчатая черная шапочка, знак священства.

Сынъ Иванъ — невеликъ былъ... — В декабре 1656 г. старшему сыну Аввакума Ивану было 12 лет.

Река Хилок — левый приток Селенги, впадающей в Байкал; отряд А. Пашкова поднимался вверх по реке, т. е. против течения.

Иргень-озеро — находится к востоку от Байкала.

Стр. 78. *Ингода* — один из истоков Шилки, притока Амура.

У протопопицы моей однарятка... рублевъ въ полътретьяцеть... — Однорядка — верхняя шерстяная одежда без подкладки с длинными рукавами. Стоимость однорядки — двадцать пять рублей — по тем временам очень высокая (лошадь стоила полтора рубля).

Нерча — приток реки Шилки.

Вcѣ люди з голоду поморилъ... — Описание сибирских испытаний Аввакума и его семьи есть в его «первой» челобитной царю Алексею Михайловичу и «Записке» о жестокостях воеводы Афанасия Пашкова (см. с. 160—164). Некоторые стилистические параллели к описаниям Аввакума обнаруживаются в челобитных служилых людей и крестьян XVII в.

...у меня два сына маленьких умерли в нуждах тѣхъ... — В Сибири умер сын Аввакума Корнилий, родившийся в Москве в сентябре 1653 г., и неизвестный по имени младенец. В особой редакции Жития — в Прянишниковском списке — сохранилось более подробное описание крайнего голода летом 1657 г. и смерти в это время одного из сыновей Аввакума: «Приплыли Шилкою-рекою на Нерчю-реку, и на той реке все люди померли с голоду, осталось небольшое место 〈...〉. Из куреня выду — мертвой, по воду пойду — мертвой, по траву пойду — тамо и груда мертвых. И себе говорю: „Аввакум, приспе конец, приближися час!" В то время сын у нас умер. И положа ево на песке, говорим: „Коли сами умрем?" И потом с песку унесло ево у нас водою, мы же за ним и руками махнули: не до нево было — и себя носить не сможем» (Прянишниковский список, с. 321—322).

Кто дастъ главѣ моей воду... злѣ погубихъ житейскими сластми? — Аввакум соединяет фрагмент плача библейского пророка Иеремии, оплакивающего мертвых (Иер. 9, 1), с фразой из покаянной молитвы из «службы Сретению» (Минея общая. М., 1650. Л. 279; Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. С. 250).

...бояроня, воеводская сноха, Евдокѣя Кириловна... — Невестка А. Пашкова, жена его сына Еремея; ни она, ни жена А. Пашкова «боярынями» не были, так как ни А. Пашков, ни Еремей не имели боярского чина.

Дочь моя... Огрофена... на Мезени, с меньшими сестрами... А мать и братья... закопаны сидятъ. — Аграфена (Агриппина) — старшая дочь Аввакума, родилась в 1645 г., по-видимому 16 июня (память св. Агриппины — 23 июня); две другие дочери Аввакума («меньшие сестры») — Акилина и Ксения. Анастасия Марковна и два старших сына Аввакума, Иван и Прокопий, были заключены в земляную тюрьму на Мезени в марте 1670 г.

Стр. 79. *...не начный блаженъ, но скончавый.* — Перефразировка слов Евангелия от Матфея (Мф. 24, 13).

...яко ничтоже успеваетъ, но паче молъва бываетъ... — Аввакум характеризует А. Пашкова словами Евангелия, относящимися к Понтию Пилату (Мф. 27, 24).

Древле благодать дѣйствоваше osломъ при Валааме... человѣческим гласом. — В библейской Книге Чисел (22, 28) рассказывается о прорицателе Валааме, который — вопреки воле Бога — собирался проклясть народ Израиля; этому воспротивилась его ослица: сначала она, увидев ангела, преграждающего путь Валааму, отказалась идти вперед, а затем, получив дар речи, сама напомнила Валааму о Божьей воле. Упрямство Валаамовой ослицы и ее прозорливость вошли в поговорку. Источники упоминаний Аввакума о мучениках Улиане и Сисинии не найдены; возможно, что Аввакум имел в виду Житие византийского святого Евстафия Плакиды (читается в Прологе под 20 сентября), где вестником Божественного промысла выступает заговоривший олень.

Бог, идѣже хощетъ, побеждается естества чинъ. — Цитата из Акафиста Богородице.

Чти Житие Феодора Едесскаго... мертваго воскресила. — В Житии Феодора Едесского рассказывается о том, как блудница воскресила умершего младенца.

Кормчая — свод основных церковных правил и установлений, которыми руководствуется православный священник в своей деятельности; издана в Москве в 1650 г.

Стр. 80. *На Москвѣ з бояронею в Вознесенском монастырѣ вселились.* — Вдова Афанасия Пашкова, умершего в 1664 г. после возвращения из Сибири, Фекла Симеоновна, стала инокиней Феофанией в Вознесенском монастыре в Кремле; с июня 1673 г. и до своей смерти в 1685 г. была его игуменьей, заметной фигурой в лагере никониан; в том же монастыре была погребена и сноха Пашкова — Евдокия Кирилловна, жена Еремея.

Таже с Нерчи-реки паки назадъ возвратилися к Русѣ. — А. Ф. Пашков выехал из построенного им на Нерчи острога в Иргенский, а оттуда 25 мая 1662 г. поехал в Москву.

Стр. 81. *У боярони...* — У снохи Пашкова Евдокии Кирилловны.

...Козма и Дамиянъ... — Византийские святые, покровители скота и врачеватели, почитаемые русскими крестьянами.

...сын у нея былъ, Симеонъ... — Впоследствии стал ростовским воеводой и царевым стольником; его рассказ о деятельности под Балахной был включен Димитрием Ростовским в его «Розыск о брынской вере».

Стр. 82. *...в Мунгальское царство...* — В Монголию.

...забылъ реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи... — В Евангелии рассказывается об учениках Христа, братьях Зеведеевых, которые призывали Христа покарать небесным огнем негостеприимных поселян, но были остановлены Исусом (Лк. 9, 54—56).

...«Господи хощеши ли... якоже и Илия сотвори?». — Лк. 9, 54.

Приложи имъ зла, Господи, приложи... — Аввакум призывает гибель на войско Еремея Пашкова словами пророка Исайи (Ис. 26, 15).

Стр. 83. *Колешчатая пищаль* — разновидность кремневого ружья XVII в. с особым — «колесным» — замком: пороховой заряд в такой пищали воспламенялся от искр, высекаемых из кремня ударами вращающегося в замке металлического колесика.

Согрѣшилъ, окаянной, пролилъ кровь неповинну!.. — Слова А. Пашкова — это перефразировка речи раскаявшегося Иуды Искариота, возвращающего первосвященникам деньги, полученные за предательство Христа (Мф. 27, 4).

По Писанию: яко косенъ Богъ во гнѣвъ, а скоръ на послушание... — Иак. 1, 19.

Стр. 84. *Аще живемъ, Господеви живемъ... умираемъ.* — Рим. 14, 8.

Десеть лѣтъ онъ меня мучилъ... — Аввакум был в подчинении у А. Пашкова не десять, а семь лет (с 1655 по 1662 г.); однако здесь он округляет счет, имея в виду время своей сибирской ссылки (с 1653 по 1663 г.).

Перемѣна ему пришла... — В мае 1662 г. на смену Пашкова был прислан новый воевода Иларион Толбузин.

А я, месяцъ спустя... поехали... — Т. е. обратный путь Аввакума из ссылки начался в конце июня 1662 г.; в Прянишниковском списке указывается иной срок отъезда: «спустя недель с десяток».

Стр. 84—85. *...яко Раавь блудная... спряталъ ево...* — В Книге Иисуса Навина (гл. II) рассказывается о спасении блудницей Раавью двух воинов-соглядатаев, тайно посланных Иисусом Навином в Иерихон: она спрятала их в снопах льна, сушившихся на крыше ее дома; сюжет этот послужил темой одного из популярных на Руси слов Иоанна Златоуста — «Слово о покаянии и умилении и о Раави-блуднице».

Стр. 85. *Бог да простит тя... Аминь.* — Приписка рукой Епифания.

...запрещение то отступническое... — Постановление церковного собора 1667 г. запрещало священнику крестить, исповедовать и причащать собственных детей.

...московские святители — Петръ и Алексѣй, и Иона, и Филиппъ, — я по ихъ книгамъ вѣрую... — Аввакум ссылается здесь на старую церковную традицию, существовавшую до собора 1667 г., и основателями ее называет первых московских митрополитов (XIV—XVI вв.), причисленных к лику святых.

Стр. 86. *...Христос намъ далъ изубря, большова звѣря...* — Изюбрь — сибирский олень; возможно, Аввакум имеет в виду зверя еще более крупной породы — алтайского марала.

Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись... — Т. е. шторм на Байкале не позволил поднять парус на карбасе.

Лукъ на них ростетъ и чеснокъ, болши романовскаго... — «Романовским» Аввакум называет сорт лука и чеснока, которым славился г. Романов (теперь — г. Тутаев в Ярославской области).

Там же ростутъ и конопли... и зайцы великия в немъ... — Возможно, в описании Сибири (в этом фрагменте и в предшествующих) отразились не только непосредственные впечатления Аввакума, но и знакомство с литературным источником — описанием «Сибирской страны» в Есиповской летописи, где есть весьма похожий по типу текст, перечисляющий природные богатства Сибири (см.: Сибирские летописи // ПСРЛ. М., 1987. Т. 36). Есиповская летопись, написанная в Тобольске по заказу тобольской архиепископии в 1636 г., была широко распространена в Сибири в XVII в. Аввакум мог познакомиться с летописью во время пребывания в Тобольске в 1653—1655 гг. (архиепископ Симеон покровительствовал Аввакуму) или на обратном пути из ссылки, когда зимовал в Тобольске зиму 1663/64 г. Сохранился список Есиповской летописи, переписанной в Тобольске в ноябре 1663 г. при тобольском воеводе князе И. А. Хилкове, к которому Аввакум иногда ходил «обедать». Тесная связь Аввакума с лицами, в распоряжении которых была Есиповская летопись, его любознательность и любовь к книгам, сходный тип описания — перечня — дают основания предположить знакомство Аввакума с этим памятником сибирской литературы.

...скачетъ, яко козѣлъ... яко бѣсъ... — Аввакум использует здесь сравнение, встречающееся в одном из Слов Иоанна Златоуста — «Откуду познается совершенный христианин» (Пролог, 6 февраля).

Стр. 87. *«Привязался еси женѣ... не ищи жены».* — 1 Кор. 7, 27.

Таже приехалъ к Москвѣ. Три годы ехал из Дауръ... — Аввакум приехал в Москву весной 1664 г., так что в действительности его путешествие продолжалось около двух лет.

...ждутъ березовскихъ наших... — Т. е. жителей острога в г. Березове, основанного в 1593 г. на левом берегу притока Оби — реки Северной Сосьвы.

...всю Сибирь башкирьцы с татарами воевали тогда. — Речь идет о восстании сибирских народов в 1662—1663 гг. против тяжелой «ясачной подати» и беззаконий сибирских воевод.

Приехалъ на Верхотурье. Иванъ Богдановичь Камынинъ, другъ мой... — Верхотурье (теперь — в Свердловской области) — воеводский центр, граница Сибири; *И. Б. Камынин* (ум. в

1682 г.) — царский стольник, верхотурский воевода (1653—1664), с сочувствием относился к опальному протопопу; в редакции Жития из сборника Заволоко Аввакум вспоминал о том, как И. Б. Камынин навестил его в темнице Пафнутьева монастыря в Боровске в 1666 г.

Стр. 88. *К Федору Ртищеву зашелъ... и учали говорить — много-много...* — Боярин Федор Михайлович Ртищев (1626—1673) — государственный и общественный деятель в правительстве царя Алексея Михайловича, его приближенный советник, один из образованнейших людей своего времени. Ф. М. Ртищев ведал делами Тайного приказа (личной канцелярии царя), во время приезда Аввакума в Москву ведал Приказом Большого дворца; основал школу на Воробьевых горах, на подворье Андреевского монастыря, где киевские монахи обучали греческому и славянскому языкам; часто устраивал диспуты в своем доме для обсуждения острых в XVII в. проблем, в том числе и о путях развития культуры в России, в них принимал участие и Аввакум; сохранилось его письмо Ф. М. Ртищеву 1664 г., где Аввакум приводит свою систему доказательств, отвечая на вопрос, заданный Ртищевым, «достоит» учиться греческому или латинскому языкам.

...шапку... муръманку... уронилъ... — «Мурьманка» (мурмолка) — высокий парадный головной убор, изготовлявшийся из драгоценных тканей, с меховыми отворотами.

А се мнѣ в Тобольске... благодеяния забыть? — Воспоминание Аввакума относится ко времени его пребывания в Тобольске во второй половине 1663—начале 1664 г.; *да не полъма растесанъ будеши* — см.: Мф. 24, 51; *царевнины имянины* — возможно, это сентябрьские именины царевны Ирины Михайловны, старшей сестры царя Алексея Михайловича и покровительницы опальных старообрядцев — Аввакума и боярыни Ф. П. Морозовой, но не исключено, что Аввакум имеет в виду именины другой царевны — Татьяны Михайловны (12 января); *князь Иван Андрѣевичь Хилъковъ* — тобольский воевода в 1659—1664 гг.

...бѣжалъ на базлукахъ... — *Базлуки* — скобы с шипами, которые прикрепляются к обуви, чтобы не скользить, передвигаясь по льду.

Господи, источивый ис камени... воду... — Перефразировка молитвы, напоминающей о молении древних израильтян, выведенных Моисеем из Египта в «землю обетованную» через безводную пустыню (Исх. 17, 6).

Стр. 90. *Приказалъ государь уговаривать меня Родиону Стрешневу...* — Окольничий Родион Матвеевич Стрешнев (ум. после 1682 г.), близкий родственник царя; в 1664 г. ведал Сибирским приказом.

А се посулили мнѣ — Симеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ.. — Симеонов день — 1 сентября. Другие источники не подтверждают пока это известие «Жития» о том, что Аввакуму предлагали службу книжного справщика на Московском Печатном дворе. Однако не исключено, что какой-то намек мог содержаться в личных посулах Р. М. Стрешнева.

...Лукъянъ-духовник... — Протопоп Благовещенского собора в Кремле Лукьян Кириллов, царский духовник (1657—1666).

У свѣта моей... жилъ во дворѣ... — Боярыня Ф. П. Морозова стала духовной дочерью Аввакума именно в этот период весны—лета 1664 г. (см. письма Аввакума к Ф. П. Морозовой и ее переписку с Аввакумом и его семьей, с. 212—214, 285—290).

...княгиня Евдокѣя Прокопьевна... — Младшая сестра Ф. П. Морозовой, жена князя П. С. Урусова, царского кравчего, также стала защитницей старых обрядов, последовательницей и духовной дочерью Аввакума; умерла вместе с сестрой в заточении от голода в Боровской земляной тюрьме 11 сентября 1675 г. (см. с. 291—296, 591—593).

...у Анны Петровны Милославские, покойницы... — Княгиня А. П. Милославская (ум. в 1669 г.), внучка князя Д. Пожарского, героя освободительной борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией (1610—1613), свойственица (родственница по мужу) царицы Марии Ильиничны, урожденной Милославской.

Да так-то с полгода жилъ... паки заворчалъ, написавъ царю... — Речь идет о не дошедшем до нас «писме» Аввакума царю летом 1664 г. по поводу кандидатуры нового патриарха (вместо Никона) и иных церковных властей. По-видимому, именно это «писмо» (или «моленейцо») Аввакума упоминается в описи бумаг игумена Феоктиста, захваченных при его аресте в 1664 г.: «Протопопова к великому государю роспись, хто в которые во владыки годитца» (Материалы, I, с. 336).

Стр. 91. *...выслалъ царю... съ Феодоромъ юродивымъ...* — Федор, родом с Мезени, устюжский юродивый, стал известен Аввакуму в 1664 г. во время пребывания протопопа в Великом Устюге на обратном пути из Сибири; один из самых преданных последователей Аввакума: он поехал вслед за ним в Москву, тайно навещал Аввакума в заточении в Николо-Угрешском монастыре в 1666 г., пришел на Мезень, где жила его родня и находилась в ссылке семья Аввакума; выполняя роль связного, разносил «верным» послания Аввакума из пустозерской темницы, возможно, ездил с его поручениями на Соловки (см. письмо дьякона Федора семье Аввакума, с. 351—354). В марте 1670 г. был на Мезени повешен. Вместе с ним был повешен и другой духовный сын Аввакума — юноша-москвич Лука Лаврентьевич (см. с. 94). Федор был вхож в Москве в дом боярыни Морозовой, о ссоре с ним см. ее письма (с. 285—287).

Красное крыльцо — парадный вход в царский дворец, под ним находилось помещение для охраны.

Павелъ-архимаритъ — архимандрит Чудова монастыря, затем митрополит Крутицкий, поставлен 22 августа 1664 г. (Крутицким его называли по месту Крутицы в Москве, где постоянно находился дом и двор Сарских митрополитов), умер в 1675 г. Один из самых активных противников старообрядцев, был образован, изучал греческий язык, имел большую библиотеку, одно время ведал Печатным двором.

...раби Христовы многие приходили ко мнѣ... — Летом 1664 г. Аввакум служил в церкви Софии, «что за Москвою-рекою, в Садовниках».

Петр Михайлович Салтыков — глава Малороссийского приказа, крупный чиновник в правительстве царя Алексея Михайловича, в 1664—1667 гг. вел следствие по делу опального патриарха Никона; умер в 1690 г.

...и повезли на Мезень. — Аввакум был сослан в Пустозерск (его повезли из Москвы 29 августа 1664 г.), однако из-за крайне трудного пути для семьи и детей Аввакум просил царя (см. его «третью челобитную», с. 165) оставить его в Холмогорах. Царь отказался выполнить просьбу, и Аввакума повезли дальше; 29 декабря 1664 г. он вместе с семьей — женой, шестью детьми и домочадцами (всего двенадцать человек) был привезен на Мезень (слобода близ устья реки Мезени, впадающей в Северный Ледовитый океан, теперь — город Архангельской области), где произошла вынужденная задержка из-за бунта крестьян, отказавшихся дать подводы. Этой задержкой воспользовались московские покровители Аввакума, которые добились ему разрешения остаться с семьей на Мезени. Здесь, в Окладниковой слободке, Аввакум жил более года, а семья его (в разном составе) — до 1693 г.

Полтара года... к Москвѣ взяли... — Аввакума привезли в Москву 1 марта 1666 г. для суда на церковном соборе; тогда же в Москву с Мезени уехали оба его старших сына — Иван и Прокопий.

...отвезли под началъ в Пафнутьевъ монастырь. — Аввакум находился в монастыре (основан в XV в. Пафнутием Боровским) около г. Боровска (теперь — в Калужской обл.) под строгим наблюдением, будучи закованным в цепи, с 9 марта по 12 мая 1666 г.

Скаску имъ тутъ... написалъ... — Это послание Аввакума церковным властям не сохранилось.

Стр. 92. *...въ Крестовой стязався власти со мною...* — Речь идет о допросе Аввакума и прении с ним на церковном соборе утром 13 мая 1666 г. Прянишниковский список «Жития» содержит ряд дополнительных подробностей прения: «...стязавшеся власти много со мною от Писания — Иларион Рязанский и Павел Крутицкий; Питирим же, яко красная девка нишкнет, только вздыхает. Оне же не возмогоша стати противо премудрости и силы Христовы, но токмо укоряху. И лаяше меня Павел и посылаше к чорту...» (Прянишниковский список, с. 328). *Питирим* — митрополит Новгородский, с 7 июля 1672 г. — патриарх.

...ввели... в соборной храмъ и стригли по переносе меня и дьякона Феодора... — Сразу же после прения 13 мая 1666 г. Аввакума ввели в Успенский собор, расстригли — лишили священнического сана — и предали анафеме; вместе с ним был расстрижен и проклят и другой активный деятель раннего старообрядчества — бывший дьякон Благовещенского собора Федор Иванов (см. с. 610—612); *по переносе* — т. е. после определенного момента литургии — перенесения Святых Даров.

...повезли нас ночью на Угрѣшу, к Николѣ в монастырь. — Ночью 15 мая 1666 г. Аввакума, Федора и священника Никиту из Суздаля (он был лишен сана и проклят чуть раньше — 10 мая) тайно отвезли в Никольский монастырь на р. Угреше, недалеко от Москвы (см. письмо Федора, с. 348). *Никита* (Никита Константинович Добрынин, впоследствии получивший от властей прозвище «Никита Пустосвят»), автор огромной по размерам челобитной и нескольких полемических сочинений в защиту старых книг и обрядов. В книге «Жезл правления» (1666 г.) защитники реформы подвергли челобитную суздальского священника обличению. Под угрозой казни отступил от своих взглядов, получив прощение (отлучение было снято). Позже принял участие в прении о вере с патриархом Иоакимом в Кремле 5 июня 1682 г. (в присутствии царевны Софьи Алексеевны), из которого он вышел победителем, был поддержан бунтующими с 15 мая стрельцами и сразу же — в июне 1682 г. — был казнен на Лобном месте.

«Нужда соблазнам... имже приходитъ соблазнъ». — Цитаты из двух Евангелий — Мф. 18, 7; Лк. 17, 1. Эти цитаты Аввакум вспоминает и в своем письме духовному сыну Авраамию, написанному сразу после событий 13 мая 1666 г. (см. с. 179).

Держали меня у Николы... семнатцеть недель. — Аввакум был в Николо-Угрешском монастыре до 3 сентября, затем переведен снова в Пафнутьев Боровский монастырь.

Тутъ мнѣ Божие присѣщение бысть... тамо обрящеши. — О «видении» Аввакума см. его «пятую» челобитную царю, посланную в 1669 г. из Пустозерска (см. с. 171), и Прянишниковский список «Жития» (с. 115).

И Воротынской... приезжалъ... ко мнѣ просился в темницу... — Князь Иван Алексеевич Воротынский (ум. в 1679 г.) — один из влиятельных бояр царя, его двоюродный брат и дворецкий (позже, в 1673 г., присутствуя при пытке Ф. П. Морозовой, упрекал ее в поддержке «всяких юродивых»).

Князь Ивана... Хованъскова и батожьемъ били... — Князь Иван Иванович Хованский Большой, сторонник «старой веры», был царским стольником и боярином; умер в тюрьме в 1701 г., будучи обвинен в причастности к делу Г. Талицкого, называвшего Петра I «антихристом».

...Исаию сожгли. — Исайя, дворецкий П. М. Салтыкова, был сожжен в Москве до февраля 1670 г. (о казни его писал инок Авраамий в феврале 1670 г.).

Стр. 92—93. *...бояроню Федосью Морозову... совсѣм разорили... сына... уморили... сестру ея... Евдокѣю... от детей отлучили... а... князь Петра Урусова... женили.* — См. с. 575—576. Дети Е. П. Урусовой — сын Василий и дочери Анастасия и Евдокия (см. коммент. к «Письмам Е. П. Урусовой» к детям (с. 592—593), а также послание Аввакума «игумену Сергию» (с. 200—201); П. С. Урусов после ареста жены женился второй раз (на С. Д. Строгановой)).

Стр. 93. *Посем свезли... паки в монастырь Пафнутьевъ... годъ без мала.* — Аввакум второй раз находился в Пафнутьевом монастыре с 5 сентября 1666 г. по 30 апреля 1667 г. в строгом заточении как государственный преступник. Наказ игумену монастыря гласил: «Посадить Аввакума в тюрьму и 〈...〉 ево беречь накрепко с великим опасением, чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать, и никого к нему пускати не велеть, а корму давать как и прочим колодником» (Материалы, I, с. 372).

Келарь — инок, управляющий хозяйством монастыря.

...у Газскаго митрополита... — Бывший «Газский митрополит» — грек Паисий Лигарид (1610—1678), авантюрист и мошенник, приехавший в Москву по подложной грамоте в целях личного обогащения; принимал активное участие в церковном соборе 1666—1667 гг., охотно выполняя любые поручения царя.

...своему Владыке... падает. — Переделка текста Рим. 14, 4.

«Блаженна обитель... и юзы!» — Аввакум использует здесь стилистические формулы житийной литературы.

«Горе, емуже рекутъ добре вси человецы». — Лк. 6, 26.

...в рубашке ли по-старому, или в платье облещись? — В одной рубахе подвизались юродивые. Такая одежда выделяла Федора в любой толпе и делала его узнаваемым. Разрешение Аввакума надеть платье прекращало подвиг юродства, но позволяло Федору не привлекать к себе внимание преследователей.

Стр. 94. *...зѣло... он, Иларионъ, мучилъ...* — См. коммент. к с. 60.

Стр. 95. *Хорошъ былъ и Афонасьюшко...* — Юродивый Афанасий, в иночестве Авраамий (см. коммент. на с. 604).

Какъ привезли... к Москвѣ... и, волоча многажды в Чюдовъ, поставили перед вселенских патриарховъ... — Аввакума привезли в Москву 1 или 2 мая 1667 г. и держали в заключении на подворье Пафнутьева монастыря, несколько раз по приказу царя возили в Чудов монастырь, где пытались уговорить его принять церковную реформу. 17 июня состоялся допрос и суд над Аввакумом, в котором кроме русских церковных иерархов — епископов, митрополитов и уже избранного нового московского патриарха Иосафа II (с 10 февраля 1667 г.) — принимали участие и «вселенские патриархи»: Макарий, «патриарх Божия града великия Антиохии и всего Востока», и Паисий, «папа и патриарх великого Божия града Александрии и всей вселенной судия». Они прибыли в Москву 2 ноября 1666 г. по приглашению русских властей для участия в церковном соборе 1666—1667 гг., созванном для рассмотрения положения дел в Русской церкви — для лишения Никона патриаршего сана, избрания нового патриарха и анафематствования старообрядцев. Заседания собора начались 1 декабря 1666 г. Было широко известно, что «сребролюбныя» вселенские патриархи приехали за милостынею к русскому царю и рассчитывают на богатые подарки в обмен на свое участие в церковном соборе.

...Богъ отверзъ... уста... — Аввакум уподобляет здесь свою речь речи пророка Давида.

Палестина — разговорное обозначение «своей» земли, в данном случае — всего христианского мира.

...ты... крестисся пятью перъсты! — Сложение пальцев правой руки для крестного знамения по старому обряду называлось или двуперстием, или пятиперстием.

Римъ давно упал... и у вас православие пестро стало от насилия туръскаго Магмета... И впредь... к намъ учитца. — В трактовке событий мировой истории Аввакум опирается на теорию старца Филофея (XVI в.) «Москва — третий Рим» (см. наст. изд.: Т. 9, с. 539—540) и формулирует, причем очень близко к тексту соловецкой челобитной (1668 г.), посланной царю восставшими монахами, мысль об особой — учительной — миссии Российского царства и чистоте русского православия.

...по преданию святых отецъ... Максима Грека. — Аввакум перечислил в своей речи византийских и русских богословов, поборников двуперстного знамения, чьи имена пользовались безусловным авторитетом в Русской церкви. *Мелетий* — епископ Антиохийский (ум. в 381 г.), был известен по сказанию о нем, вошедшему в Пролог (под 12 февраля). *Феодорит* — епископ Киринейский (или Киррский, 388—457); ему приписывалось популярное на Руси «Феодоритово слово» («Слово св. Феодорита, како благословляти и крестити»), вошедшее в печатные церковные издания XVII в.; как защитник двуперстия был известен на Руси ученый монах *Петр Дамаскин* (вторая половина XII в.). *Максим Грек* (1480—1556) — выдающийся ученый и писатель, умерший на Руси после длительного заточения (см. наст. изд.: Т. 9, с. 542—543), особенно почитался среди старообрядцев, распространявших его слово «Како подобает знаменоватися крестным знамением» и «Слово о сугубой аллилуйе».

...московский помѣстный... соборъ... — Стоглавый собор 1551 г. постановил считать единственно правильным двуперстие (Стоглав, глава 31).

«...знаменоносцы Гурий и Варсонофий... от святых русских». — *Гурий* (ок. 1500—1563) — архиепископ Казанский (во время Стоглавого собора — епископ Смоленский и Брянский); *Варсонофий* (1495—1576) — его ближайший помощник, архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря (затем — епископ Тверской); *Филипп* — игумен Соловецкого монастыря, впоследствии митрополит Московский. «Знаменоносцами» назывались монахи-схимники: на мантии и на клобуке у них были вышиты знаки (знамения) креста.

Стр. 96. *Лутче единъ творяй волю Божию... тмы беззаконныхъ.* — Сирах. 16, 3.

«Возьми, возьми его!» — Аввакум вкладывает в уста церковных властей слова иудеев, требовавших распятия Христа (Ин. 19, 15).

Иван Уаров — патриарший дьяк Иван Уарович Калитин, служивший ранее Никону.

И я толъмачю-архимариту говорить сталъ... — Т. е. переводчику греку Дионисию, бывшему архимандриту афонского Иверского монастыря; Дионисий приехал в Москву в 1655 г.

как настоятель московского Никольского греческого монастыря, принимал участие в книжном исправлении и резко осуждал старые обряды. В 1669 г. Дионисий вернулся на Афон.

«Таковъ намъ подобаше архиерей, преподобенъ, незлобивъ»... — См.: Евр. 7, 26.

«Мы уроди Христа ради... мы же немощни!» — Аввакум использует здесь хорошо известные его начитанным современникам слова апостола Павла (1 Кор. 4, 10), желая подчеркнуть полную продуманность своих жестов и поведения на соборе.

...Евфимей, чюдовской келарь... — Евфимий Чудовский (ум. в 1705 г.), один из ученейших людей своего времени, известный переводчик, книжный справщик и библиограф; придерживался грекофильских взглядов на пути развития русской культуры.

...повезли меня на Воробьевы горы; тут же — священника Лазоря и инока Епифания-старца... — Сразу после суда 17 июня Аввакума под охраной стрельцов отвезли на Воробьевы горы, где находился Андреевский монастырь, основанный в 1648 г. Ф. М. Ртищевым как новый книжный центр, где жили киевские ученые монахи. Вместе с Аввакумом сюда были привезены *Епифаний*, бывший соловецкий инок, и *Лазарь*, священник из города Романова на Волге. Лазарь — один из видных деятелей старообрядчества XVII в., был, как и Аввакум, сослан в 1653 г. в Тобольск, затем — в Пустозерск. Осужденный собором 1667 г. и преданный анафеме, подвергнутый жестокой «казни», Лазарь был снова сослан в Пустозерск, стал «соузником» протопопа Аввакума в земляной тюрьме и был сожжен вместе с ним 14 апреля 1682 г. Сохранилась челобитная Лазаря царю Алексею Михайловичу и патриарху Иоасафу из Пустозерска (1668).

Анна и Каиафа — согласно Евангелиям, иудейские первосвященники, судившие Христа.

...на Андрѣевское подворье... в Савину слободку... Таже к Николѣ на Угрешу... — 30 июня 1667 г. Аввакума, Епифания и Лазаря поместили в Конюшенном дворе Андреевского монастыря в Москве, затем — в слободе при Саввином монастыре (в 1649 г. он был присоединен к Новодевичьему), затем отвезли в Николо-Угрешский монастырь. Для содержания заключенных выбирались места, где крайне враждебно относились к духовным лидерам старообрядцев.

...государь присылалъ ко мнѣ... Юрья Лутохина... — Стрелецкий голова (полковник) Юрий Лутохин — доверенное лицо царя, управляющий царским загородным дворцом в Измайлове.

Таже опять ввезли... на Никольское подворье и взяли... еще скаски ... — Таким образом, в августе 1667 г. перед казнью и высылкой в Пустозерск был еще один допрос Аввакума, Лазаря и Епифания.

Потомъ ко мнѣ комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей... — *Артемон* — «ближний боярин» Артамон Сергеевич Матвеев (ум. в 1682 г.); *Дементей* — Дементий Минич Башмаков (1618—1705), дьяк Приказа тайных дел, доверенное лицо царя и его секретарь.

...говорили мнѣ царевымъ глаголом: «Протопоп... помолися о нас!» — Речь царя Алексея Михайловича, сказанная Аввакуму через посланника перед отправкой его в ссылку, передана Аввакумом, по-видимому, почти документально точно; о такой же просьбе царя писал и опальный Никон в одном из писем царю из Ферапонтова монастыря в 1667 г.

Таже, братию казня... сослали в Пустозерье. — Указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Лазаря, Епифания и симбирского протопопа Никифора был подписан 26 августа 1667 г.; 27 августа Лазаря и Епифания «казнили» на Болоте (в Замоскворечье): урезали язык и отсекли персты правой руки (у Лазаря отсекли целиком правую кисть); узников сразу же повезли из Москвы. В Пустозерск они прибыли 12 декабря 1667 г.

Стр. 97. *...я ис Пустозерья послал к царю два послания...* — Аввакум имеет здесь в виду свои «четвертую» и «пятую» челобитные Алексею Михайловичу (см. с. 166—171).

...тамо чтый да разумѣетъ. — Аввакум уверен, что эти его послания известны читателям «Жития».

Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание послано... «Ответ православных»... — В написании этого основного полемического сочинения старообрядцев (оно было начато дьяконом Федором) приняли участие и другие пустозерские узники. Сохранилась рукопись «Ответа», заверенная подписями Аввакума, Федора, Лазаря и Епифания (хранится в РГБ).

Еще же и от Лазаря... царю и патриарху. — Лазарь написал «сказки» царю и патриарху и подал о них челобитную 20 февраля 1668 г.

...повѣсили на Мезени в дому моемъ... Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича. — Казни на Мезени были совершены в марте 1670 г.

...вопросилъ его Пилатъ... — «Пилатом» Аввакум называет здесь стрелецкого полуголову Ивана Елагина, ведшего сыск на Мезени, уподобляя его Понтию Пилату, прокуратору Иудеи (I в.), утвердившему решение синедриона о распятии Исуса Христа.

В тѣ жо поры... въ землю живых закопали. — Сыновья Аввакума Иван и Прокопий и жена Анастасия Марковна в марте 1670 г. были заключены в земляную тюрьму на Мезени.

Нѣкогда и... Петръ отречеся... плакася горъко... — Сокрушаясь о том, что сыновья его на Мезени «повинились» Елагину и тем избежали казни, Аввакум напоминает об отречении апостола Петра от учителя и его раскаянии (см. Мк. 14, 66—72; Мф. 26, 59—75; Лк. 22, 56—62; Ин. 18, 25—27).

Посемъ той же полуголова Иванъ Елагинъ... — Стрелецкий полуголова Иван Кондратьевич Елагин ранее был воеводой на Мезени (1661—1663), затем входил в личную охрану царя, нес службу во дворце. И. Елагин приехал в Пустозерск в конце марта—начале апреля 1670 г., сразу же после «казней» на Мезени. 14 апреля 1670 г. состоялась «казнь» Лазаря, Епифания и Федора (им снова резали языки и отсекли пальцы правой руки), после которой все, включая и Аввакума, были помещены в земляную тюрьму. После этих «казней» Елагин был пожалован: он стал «головой» Стрелецкого приказа.

Стр. 98. *Таже осыпали нас землею...* — Аввакум так описывал свою земляную тюрьму в одном из фрагментов особой редакции по Прянишниковскому списку: «...запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очию возвести на небо возможно, едина скважня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него же и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяяся, удушисься, насилу отдо́хнешь (т. е. отдышишься). А на полу том воды по колени, — все беда. От печали великия и туги неначаяхомся и живы быти, многажды и дух в телеси займется, яко мертв — насилу отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест з гойтаном: нельзя мне, в грязи той сидя, носить одежды 〈...〉. Я уж не жалея, когда ел, когда не ел, — не спрашиваю и не тужу о том многажды» (см. ниже: Прянишниковский список, с. 117—118).

...стражие же пред дверми стрежаху темницы. — Ср.: Деян. 12, 6.

Стр. 98—99. *...поем... Пѣсни Пѣсням... яко день в силѣ своей...* — Вольная обработка фрагментов из Песни Песней царя Соломона (ср.: Песн. 1, 14; 4, 1—7). Аввакум полностью следует здесь средневековой традиции символического истолкования Песни Песней как похвалы Церкви.

Стр. 99. *«Шедше в миръ... осужденъ будетъ».* — Мк. 16, 15.

«Не можетъ древо добро... познано бываетъ». — Мф. 7, 18.

...не по што ходить в Перъсиду, а то дома Вавилонъ! — Образцы «Персиды» и «Вавилона», восходящие к популярной в Средние века библейской легенде о преследовании трех отроков царем Навуходоносором (Книга пророка Даниила, III), обычно используются Аввакумом в связи с воспоминанием о заключении в боровскую земляную тюрьму «тричисленной единицы» — Морозовой, Урусовой и Даниловой (после 19 апреля 1673 г.); см. в «Книге бесед» Аввакума, в его посланиях Морозовой, Урусовой, Даниловой, в письме Симеону и др.

...не прелагаю предѣлъ... положено... — Перефразировка стиха из Книги Притчей царя Соломона (22, 28).

...крестъ... переменить... — Здесь и далее Аввакум перечисляет изменения, внесенные в обрядовую церковную практику: так, восьмиконечный крест был заменен четырехконечным («крыжем», как пренебрежительно писал Аввакум).

...около купѣли противъ солнца... водятъ... — До церковной реформы Никона в Русской церкви существовал обычай ходить «посолонь», т. е. по ходу движения солнца.

Стр. 100. *...говорилъ Никонъ... «Печатай, Аръсенъ... лишь бы не по-старому!»* — Арсений Грек в истории реформы XVII в. — фигура одиозная. Он приехал в Москву в 1649 г. в свите Иерусалимского патриарха Паисия, сменив до этого несколько раз вероисповедание: был воспи-

танником иезуитской католической коллегии в Риме, затем принял магометанство, потом стал униатом. По приезде в Москву был сослан за «еретичество» на Соловки, но в 1652 г. во время приезда туда Никона, ездившего за мощами митрополита Филиппа, был освобожден им из заточения и ссылки и сделан справщиком на Печатном дворе. Скверная репутация Арсения Грека компрометировала все книжные исправления, предпринимаемые по инициативе Никона.

...не намъ, Богу... слава. — Формула славословия, часто используемая в гимнографии и литургике.

«Аще и невѣжда словом, но не разумом». — 2 Кор. 11, 6.

...книгою... Ефрема Сирина... — Ефрем Сирин (ум. в 373 г.) — один из виднейших христианских писателей и отцов Церкви. Его «слова» и поучения, известные на Руси с XIII в., были дважды изданы в Москве в 1647 г.; издавались и вместе с «Поучениями» аввы Дорофея (М., 1652).

...братъ мой родной... Евфимей... скончалъся. — Младший брат Аввакума Евфимий служил в кремлевском дворце псаломщиком у старшей сестры царя царевны Ирины Михайловны; умер в моровую язву 1654 г. в возрасте 20 лет.

...говорил кафизму непорочную... — Так в обиходе называется — по первым словам псалма 118 («Блаженни непорочнии») — одна из кафизм Псалтири.

«Призри на мя и помилуй мя!» — Пс. 118, 132.

Стр. 101. *«Аз ти о имени Господни повелеваю...»* — Из молитвы Василия Великого над бесноватыми.

Стр. 101—102. *Река Сундовик* — правый приток Волги.

Стр. 102. *...ездилъ к другу своему Илариону-игумну... мучитель сталъ християнской.* — Аввакум, живя в Лопатищах, неоднократно ездил в Макарьевский Желтоводский монастырь, игуменом которого с 1649 г. был Иларион, впоследствии — Рязанский архиепископ и митрополит, активный враг старообрядцев. Аввакум вспоминал о встречах с Иларионом в монастыре в своей «Книге бесед»: «Помниш ли, как на комарах-тех стаивано на молитвѣ» (см. с. 143).

Стр. 104. *...не имать со мною части во Царствии Небеснемъ!* — Перефразировка слов, сказанных Христом апостолу Петру перед Тайной Вечерей (Ин. 8, 7).

...ушелъ... к большому воеводѣ... — См. коммент. к с. 74.

Петров день — 29 июня.

Стр. 105. *«О Всепѣтую»* — богородичная молитва (последний кондак Акафиста Богородице, начинается словами: «О, Всепетая Мати!»).

...ис кумыковъ. — Т. е. из сибирского племени калмыков.

Стр. 106. *...привели во свѣтлое мѣсто...* — Подобное описание рая как светлой палаты со столами, уставленными едой, и «кудрявым» деревом, откуда доносятся птичьи голоса, — общее место средневековой литературы «видений». В частности, подобные описания были известны на Руси по Житию милостивого Созомена в «Изборнике» 1076 г. и в Прологе.

...у нас папарты... — т. е. крылья.

...бѣло у ушей... — Ангелов изображали на иконах с белыми ленточками около ушей: это так называемые «тороки», или «слухи», позволяющие немедленно улавливать повеления Бога.

Херувимская — Церковное песнопение на литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого.

Стр. 107. *Ризы и стихари* — одежда священника и дьякона, одеваемая при богослужении и обычно хранящаяся в алтаре.

...пять тысящ пятьсотъ лѣтъ во адѣ был осужденъ. — Счет лет от момента грехопадения Адама (т. е. фактически от сотворения мира) до Рождества Христова отличался у старообрядцев от счета, принятого в результате церковной реформы, на 8 лет, т. е. по их летосчислению от сотворения мира до Рождества прошло 5500 лет, а не 5508.

...старецъ... повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову... — Епифаний выполнил пожелание Аввакума и написал свое «Житие».

Апостоли Павелъ и Варнава... сказывали... пред всѣми, елика сотвори Бог... с нима, в Дѣяниихъ, зачало 36 и 42 зачало... — Ссылка на Деяния апостолов, причем точная, необходима Аввакуму для того, чтобы избежать обвинения в грехе «гордыни» и оправдать — в глазах читателей — свое автобиографическое «Житие».

ИЗ ДРУГИХ РЕДАКЦИЙ «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА

I. Фрагменты из сборника И. Н. Заволоко

Кроме нескольких новых фрагментов, дополняющих повествование «Жития», известное по другим его редакциям, издается еще два текста, предваряющих в сборнике Заволоко новую редакцию памятника, ибо они имеют непосредственное отношение к ее замыслу: 1) новое вступление к «Житию» — «Поучение о любви» аввы Дорофея (оно продолжено кратким комментарием Аввакума и его собственноручным рисунком с бранными надписями) и его обращение к «питомникам церковным»; 2) фрагмент послания адресату редакции из сборника Заволоко.

Сборник И. Н. Заволоко сохранил автограф третьей, последней, редакции «Жития» Аввакума, известной только в шести поздних списках (четыре из них нашел В. И. Малышев, а само издание сборника Заволоко в условиях 1975 г. целиком обязано ему и, конечно, академику Д. С. Лихачеву). Редакция датируется 1675 г., по-видимому первой его половиной, и заметно отличается от редакции сборника В. Г. Дружинина, полностью опубликованной выше в настоящем издании (с. 64—107). Редакция сборника Заволоко более распространенная, повествование в ней все время обрастает новыми подробностями, эпизодами, припоминаниями, в текст ее включаются специальные полемические статьи («О сложении перст» и др.). Другой особенностью редакции является усиление в ней агиографической стилизации текста, в том числе и в изображении главного героя «Жития» — самого Аввакума. С этим явлением четко соотносится наименование, которое Аввакум дает «Житию» в послании адресату этой редакции: «книга живота вечнаго». Однако стремление к агиографической стилизации «Жития» не сопровождается проповедью кротости и смирения, напротив, растет злоба Аввакума на мучителей-«никониян». В редакции сборника Заволоко проявляются настроения Аввакума, характерные и для его посланий последних лет жизни: отказ от христианского прощения властей, угроза «безумному царишке» адскими муками и т. д. Таким образом, редакция сборника Заволоко является особым этапом в творческой эволюции Аввакума. Он чувствует потребность дополнительно мотивировать написание «Жития», и в новом вступлении к тексту памятника вводит ссылку на авторитетный пример — на автобиографические рассказы аввы Дорофея, обращенные к его ученикам (см. коммент. к с. 108, 109). Замыкает цикл сочинений Аввакума и Епифания в сборнике Заволоко обращение Аввакума к читателям и слушателям с наставлением о необходимости любви между людьми. Аввакум вновь возвращает читателей к мудрой и простой мысли аввы Дорофея, демонстрируя неизменность собственной позиции, фундаментальность своих вероисповедных идей и одновременно — единство созданного им текста — цикла сочинений в сборнике Заволоко, сохранившем последнюю редакцию его «Жития».

Текст фрагментов публикуется по автографу Аввакума в сборнике И. Н. Заволоко: *ИРЛИ*, Древлехранилище им. В. И. Малышева, оп. 24, № 43, л. 1—115 об.; полностью автограф редакции издан Н. С. Демковой // Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Епифания. Л., 1975. С. 8—80. «Житие» в этом издании (как и все другие тексты сборника) сопровождается специальным источниковедческим комментарием — указанием на источники и параллели к тексту «Жития»: выявлены использованные Аввакумом тексты Священного Писания, различных молитвословий, исторических сочинений и др. (отмечены цитаты, переделки и т. п.).

Стр. 108. *Авва Дорофей Газский* (кон. VI в.—620 г.) — один из столпов палестинского монашества, основатель киновии около Газы, автор ряда аскетических сочинений и прославленной

в монашеском мире книги «Наставлений», переведенной на Руси до XIII в., а с XIV в. хорошо известной в среднеболгарском переводе как «Поучения» аввы Дорофея (славянский перевод «Поучений» не издан и не изучен). Книга аввы Дорофея, обращенная к его ученикам, представляет собой свод нравственных принципов и правил поведения иноков, она обращена к жизненной практике самого автора и к конкретным проблемам человеческих взаимоотношений, использует разные биографические и автобиографические рассказы. Аскетический монашеский идеал оказался очень близок Аввакуму в последние тяжелейшие годы его заключения в земляной тюрьме Пустозерского острога (см. одно из писем конца 1670-х гг. — письмо старице Каптелине, где Аввакум проповедует аскетизм, обращаясь к текстам Ефрема Сирина, с. 204).

Подщитеся соединитися друг другу... творити я... — Аввакум дословно цитирует здесь, как установил П. Паскаль (Pascal P. Vie de l'archiprêtre Avvakum. Paris, 1938. P. 60, n. 1), фрагмент из шестого поучения аввы Дорофея «О еже не судити искреннему», см.: Ефрем Сирин, Авва Дорофей. Поучения. М., 1652, л. 67 об.—68. Авва Дорофей стремился настолько четко выразить важнейшую для христианского мыслителя идею любви, гармонически связывающую людей с Богом и друг с другом, что текст его «Поучения» о любви превращается в описание геометрической схемы, раскрывающей зависимость действий субъектов друг от друга: они или стремятся к Богу, или удаляются от него, соответственно, или сближаются друг с другом, или удаляются. На основе схемы аввы Дорофея Аввакум создает собственный оригинальный рисунок, наглядно изображающий не только его понимание богословски аргументированных нравственных постулатов аввы Дорофея, но и ту конкретную общественную ситуацию борьбы и противостояния «старолюбцев» и «никониан», «верных» и «неподобных», которая происходила в России во второй половине XVII в.

Зри круга начертание, о нем же святый авва рече. — После призыва посмотреть «начертание» идет сам рисунок, им занята остальная часть листа: в центре круга рукой Епифания написано слово *Богъ*; внутри круга, у самой границы окружности, контурно изображены пять бородатых фигур в хитонах, с нимбами, с восьмиконечными крестами в руках, около каждой фигуры надпись *святый*. Вне круга, т. е. за его пределами, также контурно, — фигуры пяти церковных иерархов, врагов старообрядцев, с бранными подписями. Около двух верхних фигур: *Паисей патриархъ, сребролюбец, продалъ Христа* и *Макар льстец, бабо...* (край листа обтрепан); около трех нижних фигур — слева: *Павелъ сыи митрополит*, в центре: *Окаянный Никон, бабо...* (окончание слова замазано чернилами), *патриархъ, удаливыися от Бога*; справа: *Архиепископъ Иларионъ*. (О рисунке Аввакума см.: Бударагин В. Рисунки протопопа Аввакума и инока Епифания // Рисунки писателей: Сб. науч. статей. СПб., 2000. С. 126—136).

Богъ любы есть... пребываетъ. — 1 Ин. 4, 16.

Сообщаяйся Богу... ненавидяй брата... жилище бѣсомъ. — Дословная цитата не найдена; ср.: 1 Ин. 1, 6—7. Ср. также: Исаак Сирин. Слово о чину новоначальных и уставе (см.: Ефрем Сирин, Авва Дорофей. Поучения. М., 1652. Л. 163 об.—164).

Стр. 109. *...предлагаю житие свое от юности и до лѣтъ пятъдесятъ пяти годовъ.* — Эта фраза позволяет датировать текст обращения к «питомникам церковным» и новое вступление к «Житию» 1675 г. (год рождения Аввакума — 1620).

Авва Дарофей описалъ... свое житие ученикам своимъ... поучение 4, лист 49. — На л. 49 нет прямого «понуждения» аввы Дорофея своим ученикам «описать свое житие», но «Поучение 4» (л. 41 об.—53) содержит наставления любить друг друга, «носити друг другу тяготы» (л. 50 об.), а также содержит соответствующие примеры из жизни Дорофея (с л. 49 начинается автобиографический рассказ о служении Дорофея больному старцу).

...что Авраамъ у дуба Мамъврийска. — См.: Быт. 13, 18.

Стр. 109—110. *...от Тайных дел... Дементий Башмаковъ...* — Думный дьяк Дементий Минич Башмаков (1618—1705) — весьма важная фигура в политической истории России XVII в., один из начальников приказа Тайных дел, созданного Алексеем Михайловичем в 1654 г. как один из институтов абсолютной монархии, упрочивающих абсолютную власть царя; занимался делами государственных преступников, к которым относились и лидеры старообрядческой оппозиции, так как согласно решениям церковного собора 1666—1667 гг. их предавали не только церковному, но и «градскому» суду.

Стр. 110. *«Не надѣйтеся на князя... нѣсть спасения».* — Пс. 145, 3.

...дьякона тащатъ... — Речь идет о дьяконе Федоре, видном деятеле раннего старообрядчества, впоследствии пустозерском соузнике Аввакума (см. с. 348—364).

...попа Никиту суздальскаго... — Суздальский священник Никита Константинович Добрынин (казнен 11 июля 1682 г.), один из ярких руководителей старообрядческого движения XVII в.; написал гигантскую по объему челобитную царю (1665 г.), в которой указывал на опасные ошибки церковной реформы и просил ее справедливого обсуждения. «Возобличения» (возражения) на челобитную составил Симеон Полоцкий, они были изданы специально к заключительным заседаниям церковного собора 1667 г. в его книге «Жезл правления». Никита был осужден собором, лишен священства, заключен, как Аввакум и дьякон Федор, в Николо-Угрешском монастыре, но после покаяния был освобожден и в мае 1682 г. выступил духовным вождем стрелецкого бунта, требуя возвращения к «старой вере». После прений о вере в Кремле 5 июля 1682 г. с патриархом Иоакимом и победы старообрядцев Никиту (власти называли его «Пустосвятом») казнили на Лобном месте.

До Никона-злодѣя, прежде мору... — Это не вполне ясное указание Аввакума на время его встречи с царем Алексеем Михайловичем: Никон стал патриархом и «злодѣем» в 1652 г., и это было в любом случае «до мору» (эпидемия чумы случилась в Москве во второй половине 1654 г., когда Аввакум уже находился в Тобольске). Таким образом, встреча с царем, о которой вспоминает Аввакум, произошла не позднее 1652 г. (сыну Аввакума Ивану было меньше восьми лет).

...х Казанъской пришедъ... — Имеется в виду церковь Казанской Божьей Матери на Красной площади, где до ареста и ссылки в 1653 г. Аввакум иногда служил с разрешения казанского протопопа Ивана Неронова, его духовного отца и друга (см.: «Житие», с. 71, 176).

...у руки мы были... — Аввакум с сыном, придя в Казанскую церковь в праздник Пасхи, был удостоен целования руки царя Алексея Михайловича.

Стр. 111. *...да не рекутъ невѣрнии... их!* — Пс. 113, 10.

Стр. 112. *Терпѣние... до конца.* — Пс. 9, 19.

Шакша — пресноводное озеро в Забайкалье, вблизи озера Иргень.

...яко искра огня угасаетъ... посѣкаемо бывает. — Строка из заупокойной стихиры.

Царевна Ирина Михайлова — старшая сестра царя Алексея Михайловича (см. ниже послание Аввакума к ней, с. 172—174).

Стр. 113. *...чадо мое возлюбленное, Алексей* ⟨...⟩ — Имя и отчество адресата выскоблены, отчество прочтению не поддается.

Еще же да будет всяк... от росы небесныя свыше... — Ср.: Быт. 27—29, 39.

...да ясте ветхая... изринете... — Ср.: Лев. 26, 10.

...хлѣба, и мяса, и ры⟨бы⟩. — Далее листы послания отсутствуют.

II. Фрагменты из сборника Г. М. Прянишникова

В 1949 г. В. И. Малышев обнаружил в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (теперь: Российская государственная библиотека) рукописный сборник первого десятилетия XIX в. (РГБ, ф. 242, собр. Г. М. Прянишникова, № 61), керженский по происхождению, содержащий сочинения протопопа Аввакума, многие из которых ранее были неизвестны, в том числе и особый вариант «Жития» (л. 1—52) с неизвестными ранее эпизодами его автобиографии. Прянишниковский список «Жития» первоначально был воспринят как компилятивный, как «переработка не дошедшей до нас ранней редакции, сделанная, очевидно, в XVIII в. Переработка „Жития" заключалась в сокращении его и использовании ряда сочинений Аввакума и первых старообрядческих писателей — Епифания, Авраамия, дьякона Федора ⟨...⟩. Но основной частью Прянишниковского списка являются тексты из неизвестной редакции „Жития", содержащие новые эпизоды из жизни Аввакума, его рассказы о спорах с Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким, о разговоре с патриархом Никоном и дьяком Кокошиловым, о пребывании в Братском остроге и др.» (⟨Малышев В. И., Сарафанова Н. С.⟩ Комментарий к Прянишниковскому списку «Жития» протопопа

Аввакума // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 445—446; переиздание: Житие протопопа Аввакума (Прянишниковский список) // Житие протопопа Аввакума. М.: изд-во ЭКСМО, 2011. С. 335—389, 540—552). Одновременно отмечался особый характер компиляции: составитель не допустил ни одной стилистической переделки. Собственно «от составителя» идут только заглавие «Жития»: «Собрано вкратце из жития святого священномученика Аввакума протопопа...» и заключение, повествующее о казни пустозерских узников. В результате текстологического анализа удалось установить, что основная часть текста Прянишниковского списка сохранила фрагменты первоначальной работы самого Аввакума в 1669—1670 гг. над текстом задуманного им «Жития». Эта первоначальная редакция, основанная на ряде отдельных записей Аввакума (автобиографическое повествование Аввакума было названо им «книгой бытия»), была более документальной, в ней не было некоторых молитв Аввакума и богословских комментариев, которые появятся в последующих текстах «Жития»; иногда дошедший текст ее распадается на отдельные эпизоды, еще не сплавленные воедино. Однако стиль всех этих отдельных фрагментов (записей), представляющих собой блестящие новеллы и своеобразные «мини-сцены» из жизни XVII в., не вызывает сомнений в авторстве протопопа Аввакума (подробнее о Прянишниковском списке «Жития» см.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. Творческая история текста. Л., 1974. С. 107—140). Оказалось, что «блоковый» принцип соединения отдельных описаний Аввакума в Прянишниковском списке «Жития» соответствует общему характеру состава Прянишниковского сборника в целом, который состоит из неоконченных, фрагментарных, перепутанных текстов Аввакума. Характерной чертой текстов Прянишниковского сборника является их нерасчлененность, полная слитность в рукописи: между ними иногда невозможно провести границу, они производят впечатление переписанных вместе черновых бумаг. Среди сочинений Аввакума в таком же невыделенном из общего потока текстов виде находятся, например, выписки из пустозерских сочинений Лазаря о кресте. Оригинал (протограф) Прянишниковского сборника не предназначался, по-видимому, для распространения. Он представлял собой своеобразный писательский архив с набросками, недоконченными текстами, отдельными пришедшими в голову фразами. Догадка о том, что Прянишниковский сборник начала XIX в. является копией бумаг из «пустозерского архива» протопопа Аввакума (см.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. С. 131), была принята во многих последующих исследованиях текстов ранней старообрядческой литературы. «Архивное» происхождение текста Прянишниковского списка позволяет изучать не приемы компиляции XVIII в., использованные при его создании, но рассматривать его как начальный этап возникновения замысла и — отчасти — текста автобиографического «Жития».

Состав Прянишниковской рукописи в целом уникален, нигде более не повторяется и представляет собой, по-видимому, часть пустозерского «архива» бумаг Аввакума, увезенных на Керженец вдовой священника Лазаря Домной («Домницей»), жившей вместе с детьми в Пустозерске до самой казни 14 апреля 1682 г. В. И. Малышев установил, что Домница имела в Пустозерске свой дом, после казни уехала из Пустозерска и через некоторое время имя ее встречается среди имен поволжских деятелей (Малышев В. И. Неизвестные документы 1680 г. о протопопе Аввакуме // Русская литература. 1967. № 4. С. 102).

Наиболее яркие отрывки из этого списка были опубликованы В. И. Малышевым в ТОДРЛ: в т. 8 (1951 г.) и т. 9 (1953 г.), список в целом был опубликован В. И. Малышевым в издании: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. редакцией Н. К. Гудзия. С. 305—343.

Выбранные для настоящей публикации фрагменты Прянишниковского списка «Жития» печатаются по этому изданию.

Стр. 113. *...заставил меня тянуть лямкою...* — Речь идет о воеводе Афанасии Пашкове.

Стр. 114. *...сын у нас умер.* — Этот сын Аввакума родился в сибирской ссылке, имя его неизвестно.

...Евдокия и Фекла... — *Евдокия Кирилловна*, жена Еремея Пашкова; *Фекла Семеновна* — жена Афанасия Пашкова. См. коммент. к с. 78.

...милость... якоже ко Илии сарефтяныни или Елисею самантяныни... — Пророки Илия и Елисей были спасены от смерти во время сильного голода добрыми женами из Сарепты (3 Цар. 17, 10—15) и Сомана (4 Цар. 4, 8—10), поделившимися с ними последними запасами пищи.

И нынешняго, 174-го году, в великой мясоед... — Аввакум называет 7174 год «нынешним», следовательно, этот фрагмент текста был написан им в 1666 г. до 1 сентября (до начала нового, 7175 г.); *великой мясоед* — по-видимому, время между двумя постами — между Рождеством (25 декабря) и сыропустной неделей, которая в 1666 г. началась 19 февраля. Аввакум привезли в Москву 1 марта 1666 г.

Стр. 115. *...Питирим...* — Питирим (ум. 19 апреля 1673 г.), местоблюститель патриаршего престола, с 1672 г. — патриарх.

Тут мне Божие присещение было. — «Видение» Господа, явившегося Аввакуму «из облака», во время его молитвы в день Вознесенья (Аввакум находился в тюрьме Николо-Угрешского монастыря после суда над ним и лишения сана — «расстрижения» — 13 мая 1666 г.), было кратко описано Аввакумом в письме семье от 30 мая 1666 г. и в пятой челобитной царю Алексею Михайловичу.

Стр. 116. *...от Николы со Угреши...* — Т. е. из Николо-Угрешского монастыря под Москвой.

Дементий Башмаков — см. с. 96, 109—110 и примеч. к ним.

...Артемон... — Артемон Сергеевич Матвеев (1625—1682), начальник Посольского приказа, доверенное лицо и ближний боярин царя Алексея Михайловича.

Чюдов монастырь — кремлевский монастырь (основан в XIV в., назван в память о чуде архангела Михаила «в Хонех»), один из центров поддержки церковной реформы и греческого направления в сфере образования и культуры.

Павел Крутицкий, Иларион Рязанский — известные в XVII в. церковные иерархи, деятельные враги старообрядцев (см. с. 538, примеч. к с. 109—110).

...архимандрит Чюдовской Иоаким. — Иоаким Савелов, с 1674 г. патриарх.

...философом, с Симеоном-черницом... — Симеон Полоцкий (1629—1680), выдающийся деятель белорусской и русской культуры XVIII в., сыгравший большую роль в становлении русской силлабической поэзии, начальной драматургии, светского школьного образования. Родился и жил в г. Полоцке, учился в Киево-Могилянской академии, затем преподавал в Полоцке, в школе Богоявленского монастыря. Во время пребывания в Полоцке в 1656 г. царя Алексея Михайловича Симеон Полоцкий произвел на него впечатление своей ученостью, умением писать стихи и организацией невиданного ранее царем драматического действа: «отроки» Симеона выступили с «Декламацией», написанной учителем, и царь впервые слушал силлабические стихи, сложенные в его честь. Несколько раз Симеон ездил со своими отроками и декламациями в Москву, а в 1664 г., когда Полоцк должен был отойти к Польше, Симеон переехал в Москву: учить латыни подьячих Посольского приказа; вскоре стал учителем в царской семье. Симеон пользовался особым доверием царя Алексея Михайловича и выполнял его различные конфиденциальные поручения. Во время суда над Никоном и старообрядцами на церковном соборе 1666—1667 гг. именно Симеон Полоцкий вел записи «Деяний собора». Активно поддерживая церковную реформу, Симеон издал к последним заседаниям собора в июле 1667 г. большой полемический трактат, направленный против старообрядцев, — «Жезл правления», где с позиций «грамматического разума» указывал на ошибки старопечатных книг. Именно его и Артамона Матвеева выбрал царь для уговоров протопопа Аввакума пойти на компромисс с церковными властями.

Велиар — одно из наименований дьявола.

...Епифаний... — Епифаний Славинецкий, ученый киевский монах, приехал в Москву в 1649 г. по приглашению царя Алексея Михайловича; занимался переводами с греческого и с латыни, был сторонником «греческого» (церковного по своему характеру) направления в развитии русского просвещения, активно поддерживал церковную реформу Никона.

...Федора Ртищева, и сестры ево Аннушки... — О Ф. М. Ртищеве см. коммент. к с. 88; его сестра Аннушка — А. М. Вельяминова, горячая сторонница церковной реформы патриарха Никона.

...у Федора Ртищева с ним от Писания... щиталися... — Аввакум вспоминает споры, происходившие весной—летом 1664 г. в доме Ф. М. Ртищева (см. об этом с. 88).

...приходил со Артемоном... во юзилище ко мне, на Никольской двор. — Речь вновь идет о приходе Симеона Полоцкого и боярина А. С. Матвеева — по распоряжению царя — в тюрьму к Аввакуму в июле 1667 г. (Аввакум находился в заключении на подворье Николо-Угрешского монастыря).

Стр. 117. *Крестовая* — название парадной палаты патриархов в Кремле.

Кокошилов — Иван Кокошилов, один из патриарших дьяков.

Стр. 118. *А сежу наг... лише крест с гойтаном...* — Почти адекватная запись об этом находится в послании Аввакума «стаду верных» 1673 г.; см. с. 189.

Мельхиседек — см. коммент. к с. 143 («Книга бесед»).

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСОК ПРОТОПОПА АВВАКУМА

В рукописях XVII—XIX вв. сохранилось несколько автобиографических записей и рассказов Аввакума, не вошедших в окончательный текст «Жития». Их переписывали его последователи — и как агитационные тексты, и как тексты, хранящие историческую память. Многие из этих автобиографических «записок», существующих отдельно от «Жития», вне его художественной композиции, писались Аввакумом как воспоминания, по памяти, спустя какое-то время после событий. Однако среди этих текстов есть особая группа — записи, сделанные сразу после только что произошедших событий. Эти записи иногда включались в письма и послания близким и единомышленникам; а некоторые из таких записей (например, о спорах с Симеоном Полоцким летом 1667 г., накануне церковного суда над старообрядцами) вошли затем в компилятивную и, по-видимому, первоначальную редакцию «Жития», сохранившуюся не полностью в Прянишниковском списке начала XIX в. (см. с. 113—118). К числу таких «сиюминутных» записей относятся тексты Аввакума, описывающие жестокие казни старообрядческих лидеров в 1667 и 1670 гг., очевидцем и участником которых был сам Аввакум (священника Лазаря из города Романова под Ярославлем, дьякона Благовещенского Кремлевского собора Федора, соловецкого инока Епифания казнили «урезанием» языков и сечением рук; вместе с Аввакумом они были сосланы в Пустозерск и вместе с ним сожжены на костре в апреле 1682 г.). Записки Аввакума о казнях напоминают о жанре раннехристианского мартирия, они прежде всего документальны: в них сообщаются точные даты, называются имена, последовательно фиксируется ход событий. Однако текст Аввакума выходит за рамки документального повествования, воссоздавая яркие образы единомышленников Аввакума и трагизм их реального мученического бытия. В настоящем издании публикуются три «записки» Аввакума и одна «записка» не названного по имени очевидца пустозерской «казни» 1670 г., использовавшего текст Аввакума.

1. Записка Аввакума о «казни» в Москве 27 августа 1667 г. священника Лазаря и инока Епифания с припиской о «казнях» нижегородского дьяка Стефана Черного

В рукописях XVIII—XIX вв. сохранилась часть «грамотки» Аввакума к единомышленникам, написанной в заключении в подмосковном селе Братовщина, где Аввакум, Лазарь и Епифаний несколько дней находились вместе перед отправкой в пустозерскую ссылку 29 августа 1667 г., с описанием «казни» Лазаря и Епифания, состоявшейся в Москве, на Болоте, 27 августа 1667 г., и совершившегося затем чуда: Лазарь и Епифаний, которым вырезали языки, после «казни» получили возможность говорить вновь. Фрагмент письма распространялся в рукописях как самостоятельный агитационный текст. Текст записки публикуется по рукописи XVIII в.: *РГБ*, ф. 17 (собр. Е. В. Барсова), № 1000, л. 149 об.—152 об.

Стр. 119. *«Достойно!»* — обиходное наименование Богородичной молитвы.

Стр. 120. *И Дамаскину Иоанну... рука приросла...* — Легендарные сведения из жития Иоанна Дамаскина (Пролог, 4 февраля).

2. Записка Аввакума о «казни» в Пустозерске 14 апреля 1670 г.

Эта записка, весьма близкая к тексту «Жития», не совпадает ни с одной из его редакций полностью (ее текст то ближе к рукописи сборника Заволоко, то к тексту Прянишниковского списка). Судя по тому что фрагмент из этой записки был включен в «Записку очевидца», написанную через 2—3 недели после казни (см. далее, с. 121—122), запись самого Аввакума была сделана раньше (в самом конце апреля—начале мая 1670 г.) и является таким образом первым описанием пустозерской «казни», вошедшим затем (в дополненном виде) в текст «Жития».

Печатается по изданию: *РИБ*, стб. 717—718.

3. Записка очевидца о «казни» в Пустозерске 14 апреля 1670 г. с фрагментом текста Аввакума

Выразительная Записка о казни в Пустозерске 14 апреля 1670 г., описавшая подробно весь ход казни (чтение царского указа, сам процесс вырезания языков и сечения рук у лидеров старообрядческого движения), подлинные речи участников события, в том числе протопопа Аввакума, сохранилась в единственном списке в составе уникального Пустозерского сборника В. Г. Дружинина, составленного самими пустозерскими писателями уже после казни и содержащего их основные сочинения. Кроме того, в Записку очевидца был вставлен фрагмент текста Аввакума из его первоначальной записи о казни (см. выше, с. 120—121), удостоверяющий читателей, что язык Лазаря был вырезан полностью (и, следовательно, то, что Лазарь заговорил после казни, — совершившееся чудо, а не недосмотр палачей). Из приписки «самовидца» к тексту явствует, что автором записки был кто-то из заключенных той же пустозерской тюрьмы, выпущенный «на то время от уз». По убедительному предположению А. Т. Шашкова автором мог быть известный радикальный деятель раннего старообрядчества Федор Трофимов, бывший патриарший подьяк, находившийся в это время в заключении в Пустозерске. Имя Ивана Неронова, следующее в рукописи сразу за припиской и частично написанное тайнописью, — это, скорее всего, имя писца (в Пустозерске в эти годы жил, как установил В. И. Малышев, пинежанин, торговый человек Иван Неронов).

Издается по рукописи: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 746, л. 107—109 об.

Стр. 121. *Фомина неделя* — неделя, следующая за Пасхальной.

...полуголова Иван Елагин... — См. с. 535.

Жеребей — отрезок палки.

Стр. 122. *...от «и» — два и от единаго «н».* — Это запись имени «Иван» цифровой тайнописью: после буквы «и» следует читать «в» («два» — числовое значение славянской буквы «в»), далее после «единаго» (единицы), т. е. после буквы «а» («единица» — числовое значение буквы «а») — букву «н».

4. Записка о посте в 1671 г.

«Записка» (единственный список находится в составе того же дружининского Пустозерского сборника, л. 110—111 об.) подробно описывает состояние автора; в сознании человека, мир которого замкнут тесными границами земляной тюрьмы, мельчайшие детали быта вырастают в события почти исторического значения.

Текст публикуется по рукописи: *БАН*, собр. В. Г. Дружинина, № 746, л. 110—111 об.

Стр. 123. *...укропом языкъ прохлаждаше.* — Т. е. теплой водой язык полоскали.

Панагия — здесь: ритуальный хлеб православного богослужения, посвященный Богородице.

ИЗ СОЧИНЕНИЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Это сочинение не имеет (в автографах) авторского заглавия, в ряде поздних списков сохранилось название, принадлежащее, возможно, Епифанию: «Снискание (вариант: Списание) и собрание о Божестве и о твари, и како созда Бог человека, труды грешнаго протопопа Аввакума из святаго Евангелия, написал инок грешный Епифаний по благословению протопопа Аввакума на славу Христу-Богу, аминь». «Снискание» было написано Аввакумом в Пустозерске в 1672 г., примерно в то же время, когда шла его интенсивная работа над историей собственной жизни — над автобиографическим «Житием».

«Снискание» — своеобразный Шестоднев XVII в., рассказывающий о шести днях творения, в нем излагаются взгляды Аввакума на происхождение окружающего мира, повествуется о создании Адама и грехопадении первых людей, о всемирном потопе. Компиляция из текстов Библии, Хронографа, Палеи соседствует в этом сочинении с обильным изложением апокрифических сюжетов, и сами авторские пояснения, пересказы, размышления о миропорядке превращаются в апокрифическое истолкование канонических текстов. Типично средневековый взгляд на вселенную, зафиксированный древнейшими Шестодневами и Космографиями, — представление о «видимом небе» как о «тверди», о земле, плавающей «в водах морских», обличение «альманашников» и «звездочетцев», стремящихся «хитростью» узнать будущее, сопровождается здесь неподдельным восхищением окружающим миром. Именно в этом сочинении Аввакум высказывает мысль об окружающем мире как общем достоянии человечества, как естественной основе гармонии человеческих отношений. Но гармонии нет в мире людей, искушенных дьяволом, — и в тексте возникают зарисовки, сделанные почти с натуры, хорошо знакомые русскому читателю XVII в.

Поразительно стилистическое разнообразие типов повествования в этом тексте. Здесь мы встречаем и обильное цитирование источников, и вольный пересказ, и ораторский пафос обличения, и диалог персонажей в отдельных фрагментах, воображаемые монологи оппонентов Аввакума и сопровождающие их авторские ремарки. Примечательной особенностью этого сочинения Аввакума является эмоциональность описания, которая выражается иногда ритмической организацией текста: речь Аввакума начинает звучать напевно, как песня или духовный стих.

Существуют два автографа текста и множество поздних списков сочинения. Текст публикуется в извлечениях по автографу: *БАН*, собр. В. Г. Дружинина, № 746, л. 301—330 об.

Стр. 124. *...Да в тѣх же писмах...* — «Письмами» Аввакум называет рукописные сборники или тетради, содержащие «Беседу трех святителей», — апокриф, популярный в славянском мире и на Руси (с XIII в.).

Чти Бытию и Гранограв... — Аввакум отсылает читателей к библейской Книге Бытия (первая из книг Библии, приписана пророку Моисею) и к «Толковому Хронографу» — так он называет Толковую Палею, в которой пересказ Книги Бытия сопровождается богословскими комментариями.

...«Искони сотвори Богъ небо и землю». — Быт. 1, 1.

Петръ апостолъ пишет, яко небеса убо испервa, и земля от воды и водою составленна Божиимъ словом. — 2 Петр. 3, 5.

...«Утвержей ни на чемже землю... разпространи неодержимую тяготу» ... — Ср. ирмос 3-й песни воскресного канона 5-го гласа.

...«Земля же бѣ невидима и неукрашенна»... — Быт. 1, 2.

...«И разлучи Богъ между водою... Да будет твердь!». — Быт. 1, 6—7.

...*«Пропиная небо яко кожу... превыспреняя своя»...* — Пс. 103, 2—3.

...*токмо в потопъ, при Нои...* — Здесь и далее в тексте обнаруживается знакомство Аввакума с популярным в рукописях и известным уже в списках XVII в. духовным стихом о всемирном потопе.

...*«И тма верху безны... верху воды»...* — Быт. 1, 2.

Стр. 125. ...*И рече Богъ... И бысть свѣтъ.* — Быт. 1, 3.

...*И бысть вечер... день единъ».* — Быт. 1, 5.

«Седмижды днем хвалих тя о судьбахъ правды твоея». — Пс. 118, 164.

«Полунощи востахъ исповѣдатися на судбы правды твоея». — Пс. 118, 62.

...*звѣзду сотворилъ... Аррисъ... Еръмисъ... Кронъ... Афродиту...* — Аввакум пользуется здесь названиями «звезд» (планет), известных древнерусскому читателю по обозначению их в апокрифах (например, в «Громнике»), в Хронографе и Толковой Палее, имея в виду планеты Марс, Меркурий, Юпитер, Венеру.

И повелѣ Господь... и древа плодовитая, творящая и плодъ». — Ср.: Быт. 1, 11.

...*яко ни Соломан... возмог себѣ... одежды устроить.* — Ср.: Мф. 6, 28—29.

Посем насадилъ рай... на востоце. — Ср.: Быт. 2, 8.

Стр. 126. *«Руце твои сотвористе мя и создасте мя».* — Фрагмент молитвы при облачении священника во время литургии.

...*«И приведе Господь ко Адаму звѣрие... нарече имъ всѣмъ имена».* — Ср.: Быт. 2, 19—20.

И поживе Адамъ в раю... по Филону, сто лѣтъ... — Филон (ок. 20 г. до н. э.— 50 н. э.) — греческий философ, упоминаемый в славянских рукописях о сотворении мира.

И позавидѣ дияволъ чести и славѣ Адамли... будете яко Този». — Ср.: Быт. 3, 5.

Адам же отказалъ... Змия же... прииде ко Евве... и Адаму даде... — Ср.: Быт. 3. Рассказ Аввакума отличается от библейского тем, что змей сначала пробует искусить Адама; только после отказа Адама он идет к Еве.

...*«И вкусиста Адамъ и Евва... и обнажистася».* — Ср.: Быт. 3, 6—7.

...*«Адам же и Евва сшиста... под древо возлегоста».* — Ср.: Быт. 3, 7.

...*«И ходящу Богу в раи... Он же отвѣща: „Жена, еже ми сотворилъ еси"».* — Ср.: Быт. 3, 9—12.

Стр. 127. *Господь же рече ко Евве... «Змия прелсти мя!»* — Ср.: Быт. 3, 13.

И повелѣ Господь херувиму... Изгнан бысть Адамъ... а дьявола — проклятъ. — Ср.: Быт. 3, 14—23; 10, 16.

Таже людие начаша родитися исполини... от Адама до потопа 2242 лѣта. — Известия о гигантах заимствованы Аввакумом из апокрифических источников, включенных в Палеи и Хронографы.

И рече Господь: «Не пребудетъ духъ мой... яко плоть суть». — Быт. 6, 3.

Стр. 128. *И повелѣ праведнику Ною дѣлати ковчегъ... ста на горахъ высокихъ Арарацкихъ в пол горы.* — Ср.: Быт. 7; 8.

И изыде Ное... а Хамъ проклят бысть. — Ср.: Быт. 9, 22—26.

Пишетъ в Палее книге... и от громи бываютъ и молния». — Этот рассказ восходит к Толковой палее.

Глас грома в колеси, освѣтиша молния твоя вселенную. — Пс. 76, 19.

Стр. 129. *Сию проклятую хитрость обрѣте... Невродъ-исполин... здати умыслил столпъ... И оттоля начаша вси глаголати разными языки... имже Адамъ и вси прежде говорили.* — Ср.: Быт. 10, 8; 11, 1—9.

Алъманашники — создатели так называемых «альманахов», астрологических сборников, пользовавшихся популярностью в XVII в.

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

Для стиля «Книги бесед», как и других полемических сочинений Аввакума, характерны резкие переходы от торжественного красноречия к живому разговору, от церковно-библейской фразеологии к просторечью, пророческая речь часто срывается на крик, переходит в брань.

Автографа «Книги бесед» не сохранилось, известно 26 полных списков и множество отрывков и переделок. Наиболее полные списки содержат введение, девять бесед (первую—пятую, восьмую—десятую, по нумерации *РИБ*; авторство Аввакума в отношении «беседы седьмой» остается под сомнением) и послание Аввакума 1675 г. к Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой в Боровск (см. с. 218—221). Возможно (так предполагал П. С. Смирнов), что по мере написания «Книги бесед» Аввакум отсылал ее (в разном объеме) с сопроводительными письмами и другим адресатам — в Москву «горемыками миленьким» и «старице Мелании с сестрами», но такие списки в настоящее время неизвестны.

«Книга бесед» печатается не полностью: из девяти бесед публикуются введение, беседы первая—пятая, а также фрагменты из бесед восьмой и десятой; купюры в тексте обозначены отточиями; сохранена нумерация бесед, принятая в издании *РИБ*. Текст печатается по старейшему списку «Книги бесед» 70—80-х гг. XVII в. (*БАН*, 45.6.7, 18 об.—126 об.) с исправлениями по другим спискам; круглые скобки в тексте соответствуют скобкам в рукописи.

Стр. 130. *...яко... блудный сынъ... пасяхся со свиниями...* — Аввакум сравнивает себя с блудным сыном евангельской притчи, который, бездумно растратив наследство, обнищал и во время скитаний ел вместе со свиньями (Лк. 15, 11—32).

Вѣмы бо, яко закон духовен есть... закону грѣховному. — См.: Рим. 7, 14—25; 8, 1.

Иевъ — см. коммент. к с. 76.

...Моисей, боговидецъ... — По рассказу Библии Моисею на горе Синай Бог являлся дважды: перед тем как Моисей вывел евреев из Египта (Исх. 3, 14) и когда Бог дал Моисею скрижали (Исх. 20).

...Исусъ Наввин... текущее солнце... — Согласно Библии, по молитве Иисуса Навина был остановлен ход солнца, чтобы израильтяне закончили битву победой в течение дня. См.: Нав. 10, 12—22.

Обрѣтох Давида... сердцу моему. — См.: 1 Цар. 16, 13.

...пророкъ Даниил... лютыя звѣри. — По Библии, языческие жрецы оклеветали пророка Даниила перед царем Киром, и царь повелел бросить его в ров ко львам, но те не тронули пророка. См.: Дан. 6, 16—22.

...пророкъ Аввакум... к Даниилу. — Согласно Библии, ангел за волосы перенес пророка Аввакума с обедом для Даниила в Вавилон. См.: Дан. 14, 34—39.

Аз и сам сижу в ровѣ... самъ-пят... — Рвом Аввакум называет пустозерскую земляную тюрьму; *сам-пят* — пятый: кроме трех постоянных «соузников» протопопа — попа Лазаря, дьякона Федора и инока Епифания, пятым в начале ссылки был симбирский священник Никифор (ум. в 1668 г.), затем — московский юродивый Киприан (казнен в июле 1675 г.).

Стр. 131. *Иеремия* — второй из четырех так называемых великих пророков Ветхого завета, которому в Библии приписываются две книги: Книга пророка Иеремии и Плач Иеремии. Источником сюжета рассказа о поиске днем со светом человека в толпе является легенда об античном философе Диогене, искавшем человека в Афинах.

...обрѣтеся чортъ болшой... — Речь идет о приходе на Русь антихриста.

...июня въ день... вскрался на престолъ патриаршеский... Никон... — На самом деле Никон взошел на патриарший престол 25 июля (в подражание митрополиту Филиппу Колычеву, ставшему митрополитом Руси в этот день) 1652 г.

...духовника... Стефана... — О Стефане Вонифатьеве см. коммент. на с. 514—516.

...на Иосифово мѣсто. — Предшественник Никона на патриаршем престоле Иосиф умер 15 апреля 1652 г.

И я, окаянной... приписал свою руку. — См. с. 71.

...яко в безднѣ мнозѣ. — Пс. 77, 15.

...повелѣвая трема персты креститися... творити метание... — Указ Никона об изменении перстосложения для крестного знамения и об отмене земных поклонов в церкви был разослан по храмам Москвы 21 февраля 1653 г. во время Великого поста.

Стр. 132. *И разсѣяни быша... апостоли.* — После убийства иудеями первомученика Стефана апостолы разошлись проповедовать по разным странам. См.: Деян. 6—8.

...епископа Павла Коломенскаго... — См. с. 72 и коммент. к ней.

...Данила... заморил... — Даниил был расстрижен и сослан в августе 1653 г.

...Логина... в Муром сослал... — Логгина расстригли в Успенском соборе 1 сентября 1653 г., а затем сослали в село под Муромом под надзор духовного отца.

А меня в Даурскую землю сослал, от Москвы... тысящъ будет з дватцать ... — См. коммент. к с. 73—90.

...волоча впредь и взадь 12 лѣтъ... — Аввакум округлил срок, на самом деле он пробыл в ссылке около 10 лет и 8 месяцев (сентябрь 1653—весна 1664 г.).

...протопопица Анастасия з дѣтми в земли же седит... — Жена и дети Аввакума прибыли в ссылку на Мезень 29 декабря 1664 г., старшие сыновья Иван и Прокопий 1 марта 1666 г. «съехали» в Москву и вновь «прибрели» на Мезень летом 1669 г. После мезенских казней во второй половине марта 1670 г. они были вместе с матерью посажены в земляную тюрьму.

...и старец Соловецкой пустыни Епифаний... — См. коммент. на с. 580.

...Киприян... — Московский юродивый, через которого Аввакум 21 ноября 1664 г. подал царю Алексею Михайловичу Третью челобитную. Казнен в Пустозерске 7 июля 1675 г.

А Соловецкой монастырь... седит. — Осада Соловецкого монастыря царскими войсками началась в июне 1668 г.

...старца Иону-казанца... — В сочинении Аввакума об Ионе-казанце сообщается, что Иона, «арменин родом», занимавший должность казначея митрополичьего двора, в 1658 г. выступал против никониан.

А иные ревнители... сожигахуся огнем своею волею. — Первые самосожжения, о которых мог знать Аввакум, произошли в 1665—1666 гг. в Вологодском уезде, в Новгородском крае. В письме Симеону (см. с. 190—191) Аввакум упоминает самосожжение, бывшее на его родине в Нижегородском крае в 1671 и 1672 гг.

Стр. 133. *...учини их, идѣже присѣщает свѣт лица твоего...* — Слова из утренней молитвы и чина литургии Иоанна Златоуста.

И егда отверзе агнецъ 5 печать... якоже и тии. — Апок. 6, 9—10.

Стр. 134. *«Блажени творящии заповѣди его . творяй лжу».* — Апок. 22, 14—15. Город, который здесь упомянут, — Новый Иерусалим с древом жизни в центре, где после Страшного суда будут пребывать праведники.

«Рече Господь... Жена, егда раждаетъ, скорбь имат... и в той день мене не вопросите ничесоже». — Ин. 16, 21.

Тако Дамаскин поетъ в Степеннах... — Иоанн Дамаскин (ок. 676—753) — восточно-христианский поэт-гимнолог. Степенные антифоны — псалмы, исполнявшиеся двумя полухориями на утреннем богослужении.

«Бесѣды злы тлят обычая благи». — См.: 1 Кор. 15, 33.

Стр. 135. *«Рече Господь... яко аз рех вам».* — Ин. 15, 17—16, 4.

«Понеже убо мнози начаша... словесѣх утвержение». — Ср.: Лк. 1, 1—4.

...клабуки рогатыя... — Позднейший монашеский клобук, верхняя часть которого, камилавка, имеет вид высокого ставца — расширенного кверху цилиндра с обрезанными полями, введен со времен Никона. Дониконовская камилавка, сохраненная старообрядческим духовенством до наших дней, — круглая маленькая шапочка, скуфейка. Никоновский клобук Аввакум называет «рогатым», очевидно, потому, что значительно возвышаясь над головой, он напоминал собой рога.

...в папах баба-еретица... — Аввакум излагает известную в антилатинских сочинениях легенду о папессе Иоанне — женщине, обманом ставшей папой.

Стр. 136. *При Евгении...* — Евгений IV, папа римский в 1431—1447 гг., инициатор созыва Флорентийского собора, на котором в июле 1439 г. была заключена уния между Католической и Православной византийской церквами при условии главенства папы.

...в Базилийский град... — Базельский собор (1431—1449) повел борьбу против Евгения IV; после того как последний перенес заседания в Италию, оставшаяся в Базеле оппозиция выбрала антипапу Феликса V (после подписания Флорентийской унии). Заседания собора были завершены лишь при преемнике Евгения IV Николае V, а Феликс V сложил с себя папский сан.

...митрополит Исидор Московский... — Митрополит Исидор, грек по национальности, бывший в Константинополе игуменом монастыря Святого Димитрия, стал русским митрополитом в 1437 г. Участник Ферраро-Флорентийского собора, подписал акт унии и был возведен папой в сан кардинала. По возвращении на Русь по приказу царя Василия II заключен в Чудов монастырь, а затем осужден собором как еретик. Из заключения он бежал в Литву, а затем в Константинополь.

...епископъ Марко Ефесский... — Марк (ум. в 1457 г.), епископ Эфесский с 1437 г. (звание было номинальным, так как область находилась под властью турок). Прибыл на собор, желая объединения Церквей, но, осознав, что «римская» сторона желает сохранить нововведения, единственный из византийской делегации отказался подписать акт унии. Покинув Флоренцию, вернулся в Константинополь и убеждал императора не признавать соборный акт.

Тому времени 282 года... — А. К. Бороздин высказал предположение, что при переписке сочинений Аввакума была сделана ошибка: спутаны славянские буквенные обозначения цифр 30 (Л) и 80 (П). Следует читать «232 года».

Иван Колуян — император Византии Иоанн VIII Палеолог (1425—1448), сын Мануила II и Елены Драгаш, инициатор и участник Ферраро-Флорентийского собора, стремившийся ценой уступок заручиться поддержкой Рима в противоборстве с османами. Его надежды не оправдались: умер, узнав о поражении на Косовом поле, где сербы не были поддержаны западноевропейскими государями; Колуян — это «Калоиоанн» (т. е. — Иоанн Добрый) греческих источников.

Цареградский Иосифъ — Иосиф II (1350—1439), внебрачный сын бежавшего в Константинополь болгарского царя Михаила Шишмана; в течение долгого времени был митрополитом Эфесским, с 1416 г. — патриарх Константинопольский. Отказался в 1437 г. поставить на русскую митрополию рязанского епископа Иону, отправив на Русь своего ставленника Исидора. Умер в Италии, не дожив до окончания Ферраро-Флорентийского собора.

Стр. 137. *...старецъ Сергиева монастыря... повѣда всѣмъ.* — Аввакум пересказывает легенду о Симеоне Суздальце, известную из антилатинских сочинений.

...Константина царя предал Богъ... царство греческое с ним. — Император Константин погиб во время последнего штурма турками Константинополя 29 мая 1453 г. Обстоятельства гибели столицы царства были известны на Руси по Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г. (См.: наст. изд., т. 7, с. 26—71).

...а на Русь было напряг в мимошедшем году. — Трудно сказать, какое именно столкновение русских с турками (или татарами) имел в виду Аввакум.

Слыши небо и внуши земле! — См.: Исх. 11, 2.

...в сию нощь аггелъ душу твою истяжет от тебе... — См.: Лк. 12, 20; Пс. 38, 7.

...блюдолизы римския... — Аввакум так характеризует сторонников латинского образования во главе с Симеоном Полоцким.

...пророка Софония... простыя на себѣ. — См.: Софон. 3, 9.

Стр. 138. *Василий Великий... повелѣваетъ...* — См. коммент. к с. 66.

...над Антониемъ Сийским и нынѣ висит. — Возможно, имеется в виду обычай вешать ризы святого над гробницей с его мощами в церкви. Антоний Сийский (ум. в 1567 г.) — основатель Троицкого Сийского монастыря на Северной Двине.

Дионисий Ареопагит — см. коммент. к с. 64.

...и ренсково, и романеи... — Речь идет о заморских винах, которые подавались, как правило, на царских пирах — рейнском (белом сухом вине) и романее (сладкой настойке на иноземных крепленых винах).

...погибе благоговейный... в человѣцѣх. — См.: Мих. 7, 2.

...писма неподобнаго изуграфи... — Имеются в виду иконописцы нового направления, ориентировавшиеся на западноевропейские образцы.

Стр. 139. *...«Слѣпый слѣпца водяй... впадеся»...* — Мф. 15, 14.

...увязаетъ в совѣтах... грѣшнии. — См.: Пс. 9, 23.

...Спасовъ образ Еммануила... не написано. — Т. е. икона с изображением Христа (Эммануил в Ветхом завете — Мессия). В XVII в. изображался «оплечно» в виде юного отрока, потому аввакумовское описание «персты надутыя, также и у ног бедры и лыста толстыя... брюхат и толст» позволяет предположить, что речь идет о другом типе иконы, известной как «Спас царя Мануила» (т. е. Спас в силах).

Маргарит — название книги поучений, извлеченных из сочинений Иоанна Златоуста.

...Никон, враг, умыслилъ... — Никон охотно позировал художникам-портретистам, что вызывало возмущение сторонников старой веры, которые видели в этом посягательство патриарха на создание собственного иконного изображения.

...Благовѣщение пресвятыя Богородицы... обрѣтеся. — Возможно, речь идет об иконе Благовещения с Акафистом, которая была написана в 1659 г. тремя «изографами»: молодым иконописцем Симоном Ушаковым, Яковом Казанцем (Яковом Рудаковым) и Гаврилой Кондратьевым для церкви Троицы в Никитниках, которая была построена в Китай-городе у Варваринских ворот в 1630-х гг. ярославским купцом Г. Никитниковым. Храм назывался также церковью Грузинской Богоматери по находящейся там с 1654 г. иконе, с которой связывали прекращение чумы в Москве в 1655 г.

...въ Жезлѣ книгѣ... — Т. е. в книге Симеона Полоцкого против старообрядцев «Жезл правления» (М., 1667).

...немчин был Николай... — Аввакум вспоминает о Николае Булеве, медике и астрономе, враче царя Василия III. Против его деятельности в поддержку унии выступал Максим Грек.

...при апостолѣх еретикъ был Николай... — Основатель ереси николаитов, упоминаемый в Деяниях апостолов.

Стр. 140. *«Господь люди от земли Египетския... соблюде».* — II Иуд. 1, 5—6.

Златоустъ Иоаннъ... спрятали... — В Житии Златоуста рассказывается, что он обличал царицу Евдоксию, отнявшую виноградник у вдовы некоего Феогноста, за что царица приказала созвать собор, осудивший Иоанна, а затем отправила его в ссылку в «Куксы арменские».

...Филипп-митрополит на Москвѣ... — См. коммент. к с. 49.

Не по што в Персы штьти... возсылающы. — Имеются в виду боярыня Ф. П. Морозова, ее сестра княгиня Е. П. Урусова и М. Г. Данилова.

...претвори Навходоносора... лвом... — Царь Навуходоносор за гордость был превращен в вола с львиной гривой и птичьими когтями.

...Господь гордым противится... благодать. — Пр. 3, 34; Иак. 4, 6.

Малакса — так презрительно называли троеперстное знамение старообрядцы по имени навплийского протопопа Николая Малаксы (XVI в.). Его учение о крестном знамении вошло в никоновскую «Скрижаль» (М., 1655).

Стр. 141. *Писано бо есть... спасти вѣрующия.* — См.: 1 Кор. 1, 19—21.

Неврод (Нимрод) — библейский основатель Вавилона и виновник столпотворения, идолопоклонник.

...Зевесь прелагатай... Гранографъ и вси кронники свидѣтелствуютъ. — Ссылаясь на возникший в XV в. русский Хронограф и переводные византийские хроники, Аввакум не вполне точен в определении функций греческих богов: бога торговли Гермеса он называет богом вина и виноделия (вместо Диониса); богиню охоты Артемиду — богиней любви и красоты (вместо Афродиты).

...и вси сии мудры быша... — Аввакум перечисляет древнегреческих философов (Платон, Пифагор, Аристотель, Диоген) и античных медиков (Гиппократ и Гален).

Поставлю престол мой... Вышнему. — См.: Ис. 14, 13—14.

...благоизволил буйством... спасение. — Евр. 1, 14.

Стр. 142. *...тесен и прискорбен путь... в живот.* — См.: Мф. 7, 14.

...на сонмицы той лукавой... — Подразумевается заседание церковного собора 17 июля 1667 г., на котором судили Аввакума.

...Иларион и Павел... — Иларион, архиепископ Рязанский, и Павел, митрополит Крутицкий; см. коммент. к с. 60, 91, 116.

Стр. 143. *...Мелхиседекъ...* — По Библии, благочестивый царь Салимский Мелхиседек, увидев возвращающегося с победой Авраама, вынес хлеб и вино и благословил его как священник, хотя не был поставлен священником.

...на Лысковѣ... — В селе Лысково, на правом берегу Волги, в пяти верстах от Макарьевского Желтоводского монастыря.

...Исаию пилою претерли... — Пророк Исайя, происходивший, по преданию, из царского рода, проповедовал при библейских царях Озии, Езекии и Манассии. Согласно позднейшим легендам, умер мученической смертью.

...Иеремию... — Пророк Иеремия по приказу царя Седекии был брошен в зловонный ров (см.: Иер. 38, 10).

...Науфея камением побили... — Согласно Библии, израильтянин Науфей отказался продать свой виноградник царю Ахаву и по приказанию царицы Иезавели был забит камнями (см.: III Цар. 21, 1—13).

...Захарии главу отрѣзали в церквѣ... — См. коммент к с. 70.

Стр. 144. *...Стефана камением побили...* — См.: Деян. 7, 58—59.

...Иякова, брата Иоаннова, мечем скончали. — Брат Иоанна Богослова Иаков Зеведеев был казнен по приказу царя Ирода (см.: Деян. 12, 2).

...яко Махмет... непокоряющихся в вѣру вашу... — Затруднительно решить, какого из Магометов (Мухаммедов) имел в виду Аввакум. Основатель ислама Мухаммед призывал покорять «неверных» силой оружия, и несколько турецких султанов, названных в его честь, следовали его доктрине. Очевидно, в данном фрагменте протопоп уподобляет жестокость, с которой воевали с другими народами турки, жестокости никониан, обращенной на своих единоверцев.

...яко Иродъ древле... побить. — Иудейский царь Ирод, будучи смертельно болен, приказал в день своей смерти истребить иудейскую знать, успев перед этим казнить жену Мариамну и трех сыновей: Антипатра, Александра и Аристобула. Его приказ не был исполнен (см.: Иосиф Флавий. Иудейские древности. Кн. 17. Гл. 2, 4).

Молю убо и аз, юзник... — «Узником о Господе» называл себя в посланиях апостол Павел.

...нынѣ же в зерцалѣ и гадании... — 1 Кор. 13, 12.

Блажени плачющии, яко тии утѣшатся... — Мф. 5, 4.

...многими скорбми... Царство Небесное. — Деян. 14, 22.

...не начный блажен, но скончавый... — Мф. 24, 13.

...претерпѣвый до конца, той спасен будет. — Мф. 10, 22.

...праведник... яко лев... ходит. — Аввакум сильно изменил смысл евангельской фразы (1 Петр. 5, 8): в источнике сравнение отнесено к дьяволу («противник ваш диявол»).

«Вы тело Христово... отчасти». — 1 Кор. 12, 27.

Стр. 145. *...Нищь же бѣ нѣкто именем Лазарь... не имутъ вѣры.* — См.: Лк. 16, 19—31.

Стр. 146. *...досадит никониян... да какъ пришлетъ... бывало... не знаю, што.* — Аввакум вспоминает здесь, не называя по имени, царя Алексея Михайловича. Именно с такими словами и просьбой молиться за себя и свою семью обратился государь, расставаясь с Аввакумом в Москве (см.: Житие, с. 88; 96—97).

ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ И НРАВОУЧЕНИЙ»

Только в двух рукописях XVII—XVIII вв. сохранился особый цикл сочинений Аввакума, названный издателями *РИБ* «Книга толкований и нравоучений». В эту книгу вошли толкования библейских текстов (некоторых псалмов, текстов из «Книги Притчей» и «Книги Премудрости» царя Соломона, из «Книги» пророка Исайи, Евангелия от Матфея и др.), размышления Аввакума и наставления. Толкования Аввакума (они предваряются в рукописи традиционным обозначением «толк») являются вольными комментариями к сакральным текстам и постоянно соотносятся Аввакумом с современной ему русской действительностью; цель книги обозначена в авторском заглавии: «Совет мужа грешна к хотящим спастися». «Книга толкований» складывалась постепенно в 1675—1677 гг. и в отличие от более цельной по композиции «Книги бесед» постепенно дополнялась различными материалами. В нее вошли обращения Аввакума к его незримым и воображаемым собеседникам — к боярыне Ф. П. Морозовой и к царю Алексею Михайловичу (эти фрагменты датируются первой половиной 1675 г.), сибирские воспоминания, «Нравоучение» самого Аввакума — «како жити в вере Христове» и обширные его обращения к духовному сыну Симеону — нижегородцу Семену Крашенинникову, который в 1675 г. принял монашеский постриг и стал «игуменом Сергием», возглавив московскую общину старообрядцев (см. о нем с. 569); ему была отправлена из Пустозерска рукопись всей «Книги». Эти обращения к Симеону иногда переписывались в рукописях как отдельные послания или фрагменты из них и как отдельные послания издавались, хотя фактическими посланиями они не являются не всегда, будучи неотъемлемой частью одного текста, единого потока записанных мыслей, чувств, воспоминаний Аввакума. Обращения к Симеону в конце «Книги» (они датируются 1676—1677 гг.) отмечены резким изменением отношения Аввакума к царю. Если в первой части «Книги» Аввакум «любя» призывал царя к покаянию, то в обращениях к Симеону, написанных после новой волны жестоких репрессий против старообрядцев, смерти Ф. П. Морозовой, гибели восставших соловецких монахов, Аввакум пишет об адских муках, на которые осужден царь Алексей, «бедной, безумной царишко», «мучитель», наказанный подобно первым римским гонителям христианства. Насыщенность толкований Аввакума ссылками на современные события, яркость созданных им образов, эмоциональность тона делают «Книгу» выдающимся памятником публицистической прозы XVII в.

Публикуется текст из толкования Аввакумом псалма 44-го с обращением к царю Алексею Михайловичу по изданию: Демкова Н. С., Сесейкина И. В. Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравоучений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л., 1990. С. 73—146 (издано по рукописи конца 1670—1680-х гг.: *БАН*, собр. Текущие поступления № 105 (8779), л. 116—215 об.).

Из Толкования на псалом 44

Стр. 147. *Помяну имя твое... в вѣкъ вѣки.* — См.: Пс. 44, 18.

Богородицу согнали с престола... — По распоряжению патриарха Никона в Успенском соборе Кремля убрали с престола икону Богородицы с изображением двуперстного крестного знамения.

...о Великом дни... — Т. е. во время Пасхи.

...перерѣзал бы, что Илия-пророкъ... у трапезы Иезавелины! — О жестокой расправе Ильи-пророка с жрецами языческого бога Ваала, которым покровительствовала царица Иезавель (см.: Чис. 31, 16), Аввакум вспоминает неоднократно, размышляя о допустимости и необходимости для христианина расправы с еретиками.

...учение Валаамово, иже учаше Валака... в Ферапонтове... новой Валаам-блудодѣй, царя... развратилъ... — Аввакум использует текст Апокалипсиса (Апок. 2, 14), позволяющий ему соотнести фигуры патриарха Никона и царя Алексея с библейскими персонажами (в Книге Чисел, на которую ссылается Аввакум, рассказывается иначе: прорицатель Валаам, напротив, не подчи-

нился требованиям царя Валака и отказался проклясть враждебный Валаку народ Израиля); *Ферапонтов монастырь* на Белом озере — место ссылки Никона с 1667 по июнь 1676 г.

...яко древле Артаксерксъ Амана... — История казни вавилонским царем Артаксерксом вознесшегося сановника Амана, клеветника и обманщика (сюжет библейской «Книги Есфирь»), была хорошо известна москвичам XVII в.: пересказы ее встречаются в рукописях с текстом Хронографа (Книга «Есфирь» легла в основу первой пьесы, поставленной в придворном театре царя Алексея Михайловича в 1672 г., «Артаксерксово действо»).

царь Иван Васильевичь — Иван Грозный.

...Анна Ртищева — сестра Ф. М. Ртищева (см. коммент. к с. 88).

Антидор — часть просфоры, остающаяся после того, как из просфоры вынут «агнец» для причастия.

Стр. 148. *...Златаустъ в словѣ на июдея...* — Полемическое сочинение Иоанна Златоуста, входящее в книгу «Маргарит» (см. коммент. к с. 139).

...якоже змѣи ныне лѣтаютъ к женамъ... — Народные легенды и былички о бесе и антихристе в образе змея-блудника, отразившиеся в эпосе, заговорах и в русской сказке, а в трансформированном виде и в русских житиях (ср., например, Житие Петра и Февронии Муромских), Аввакум рассматривает как вполне правдоподобные.

...при духовнике том, Стефанѣ... — О Стефане Вонифатьеве см. коммент. на с. 516.

Стр. 149. *«Благочестивѣйший, тишайший... многа лѣта!»* — Аввакум осмеивает титулование царя Алексея Михайловича, произносимое придворными льстецами при пожелании царю многолетия.

Литон — шелковый или льняной плат, используемый для завертывания антиминса. Снимается с него во время совершения литургии.

...приидут паки на землю плотию Илия и Енохъ со Иваномъ Богословом. — Согласно эсхатологическим легендам Средневековья, перед концом света на землю вернутся вознесенные живыми на небо пророки Илия и Енох и апостол Иоанн, автор Апокалипсиса.

Павелъ пишет... — Ср.: 2 Сол. 2, 6—7.

Антиох Египетский — Антиох IV Епифан, сирийский царь (175—164 гг. до н. э.), завоевавший Египет; преследование иудеев и осквернение Иерусалимского храма вызвало восстание против него, возглавленное священником Маттафией и его сыновьями, братьями Маккавеями; «Книги Маккавейские» — вошли в библейский канон.

Стр. 150. *Блаженъ бдяй... да не нагъ ходитъ.* — Апок. 16, 15.

...у Макария Желтоводцкаго... в крылосѣ, — Никитка Минин. — Монастырь Макария Желтоводского под Нижним Новгородом (основан в XV в.) оказался своеобразной учебной «академией» для ряда выдающихся церковных и общественных деятелей XVII в., родиной которых было Поволжье: в одни и те же годы там бывали будущий патриарх Никон (его мирское имя — Никита Минин), протопоп Аввакум, Иларион, архиепископ Рязанский (был игуменом монастыря) и др.; *крылос* — разговорная форма от слова «клирос», обозначающего место расположения хора в церкви.

И «вѣков» тѣх, — и то в Кириловѣ книги описуетъ ересь... — Речь идет об одном из существенных моментов неприятия старообрядцами книжных исправлений Никона, введшего формулу «во веки веков» вместо «во веки веком». Аввакум ссылается здесь на авторитет Кирилловой книги, где формула «во веки веков» рассматривалась как ересь. *Кириллова книга* — сборник авторитетных полемических сочинений южнорусских богословов, содержащая слова Кирилла Иерусалимского об антихристе, издана в Москве в 1644 г.

Стр. 151. *...якоже Иезекѣиль-пророкъ...* — Один из четырех так называемых великих пророков, книга пророчеств которого вошла в библейский канон.

...херувим из среды огня изверженъ... в нем. — О низвержении Сатанаила см.: Ис. 14, 12—15.

В Помяннике... — Т. е. в книге молитвословий, употребляемой при церковном поминании умерших.

...во Отечниках... — Т. е. в Патериках.

Навходоносоръ Вавилонский — см. с. 99, 140 и коммент. к ним.

Мужика нарядя архангеломъ Михаиломъ... — Речь, по-видимому, идет о неизвестном по другим источникам театральном действе при дворе царя Алексея Михайловича на сюжет из Хронографа — о явлении архангела Михаила византийскому императору Константину Великому.

...росказилъ... Никонъ-еретикъ, яко Адоний Льва Арменина или яко Саторнилъ Василия Македонянина. — Лев V Армянин (813—820) и Василий I Македонянин (867—886) — византийские императоры. Упоминая о персонажах византийской истории, чья судьба была известна русскому читателю по Хронографу, Аввакум при этом ошибочно называет некоторые имена: в связи с описанием событий во время правления Льва I в Хронографе рассказывается о пагубном влиянии на него Феодота-иконоборца, а в связи с Василием I — описывается коварство волхва «злобеснаго» Сантаварина, овладевшего доверием царя.

...Уалент, и Ариан, и Македоний; при Феодосии царѣ... — Аввакум, ориентируясь на текст Хронографа, перечисляет здесь еретиков (не вполне точно их называя), современников византийского императора Феодосия Великого (379—395), прославившегося своей кротостью; *Амфилохий*, епископ Иконийский, побуждал императора к решительной борьбе и расправе с еретиками.

«Аще кто в пленение ведетъ... убиенну быти». — Апок. 13, 10.

Манасии... дождался... Бога отступя, и на высоких жралъ... — Выражение «на высоких» не вполне ясно из текста Библии; Аввакум понимал его как «высокия горы».

Стр. 152. *Исайя-пророк... журилъ... и онъ ево... пилою перетеръ...* — Аввакум (здесь и далее) напоминает читателям рассказ Библии о покаянии царя Манассии, отступившего от веры отцов и начавшего поклоняться идолам, казнившего всех своих обличителей, в том числе и пророка Исайю (см.: 2 Пар. 23, 4; Цар. 21). Манассия раскаялся только после того, как попал в плен к ассирийскому царю и был в цепях уведен в Вавилон. Подробности (о заточении Манассии в котел — «коноб» и др.) Аввакум заимствует из Хронографа.

Мѣдьвѣдя Никонъ, смѣяся, прислалъ Ионѣ Ростовскому на дворъ... — Иона, митрополит Ростовский (1607—1690) — знаменитый Иона Сысоевич, способствовавший строительству Ростовского кремля и созданию прославленных «ростовских звонов», был активным приверженцем патриарха Никона.

...с палестинскими... — Т. е. с приехавшими на московский церковный собор 1667 г. вселенскими патриархами Макарием Антиохийским и Паисием Александрийским.

Павел Крутицкий — см. коммент. к с. 91.

«Броздами и уздою... тебѣ». — Пс. 31, 9.

Стр. 153. *Кто бы тя принудилъ? Самовластенъ еси...* — Следующий далее текст обращен непосредственно к царю Алексею Михайловичу, хотя имя его здесь и не названо.

...побѣдитель, Никон. — Называя Никона (здесь и в других сочинениях) «победителем», Аввакум обыгрывает значение его мирского имени: «Никита» по-гречески значит «победитель», имя «Никон» — того же корня («ника» — победа).

Не гляди на Озию... но зри на... царя и пророка Давыда. — По Библии (2 Пар. 26, 16—20), Озия, став сильным царем иудейским, возгордился и решил присвоить себе функции первосвященника в храме. Будучи поражен за это проказой, Озия оказался отверженным и еще при жизни лишился трона. Далее Аввакум излагает — в назидание царю — рассказ (2 Цар. 24, 17) о покаянии царя Давида во время моровой язвы, посланной народу в наказание за прегрешения царя, и о прощении его и прекращении ангелом «пагубы людцкой».

А в нашей Росии в 20 в 3 лѣта, отнележе враг развратилъ Церковь... — Это указание датирует фрагмент второй половины 1675 г.: Аввакум здесь вел счет «развращения» Церкви не со времени реформ Никона (1653 г.), а от начала его патриаршества — с июля 1652 г.; отметим, что эта часть Книги писалась при жизни боярыни Морозовой (ум. 2 ноября 1675 г.) и царя Алексея Михайловича (ум. 29 января 1676 г.), к которым Аввакум обращался здесь как к живым.

...мор... и сѣча, и междоусобие... — Эти пророчества Ивана Неронова царю Алексею Михайловичу Аввакум упоминает и в «Житии». *Мор* — чума 1656 г., *сеча* — войны с Польшей и Тур-

цией, *междоусобие* — по-видимому, крестьянская война под руководством С. Т. Разина (1670—1671) и церковный раскол.

...войны... и смущение во царствѣ том, яко при Саулѣ царѣ, сынѣ Кисьсовѣ. — В Библии (1 Цар.) рассказывается о том, как Саул, богоизбранный первый царь еврейский (XI в. до н. э.), нарушил завет повиновения Богу и был лишен за это царства.

Умилися... яко Ахавъ... яко разбойникъ возопи... — Ахав — библейский персонаж, неправедный царь израильский (917—895 гг. до н. э.), покаявшийся в своих грехах после обличений пророка Илии Фезвитянина. Аввакум «выстраивает» в этом фрагменте целую цепь покаянных плачей, сюжетно разработанных в тексте Евангелий (плач блудницы, хананеянки, покаянные молитвы мытаря и разбойника).

...не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие... — Пс. 36, 1.

Угаси пещъ, палящую рабовъ Христовыхъ в Боровскѣ и в Казани! — До Пустозерска, по-видимому, уже дошли известия о многочисленных казнях, происходивших летом 1675 г. в Боровске и в других местах.

...яко о Феофилѣ-иконоборце Мефодий... — Согласно Хронографу и существующему в рукописях отдельно от него «Слову... о Феофиле-царе, како по смерти прощен бысть от мук», душа императора-иконоборца Феофила (829—842) была спасена молитвами праведника патриарха Мефодия, в свое время жестоко преследовавшегося императором.

...Евдокѣя-княгиня... Марья Даниловых... — См. коммент. на с. 578, 587, 592.

Стр. 154. *...Прокопьевна... инока... Феодора...* — Аввакум обращается здесь к Ф. П. Морозовой, принявшей имя Феодоры при пострижении в монахини (в конце 1670 г., еще до ее заточения).

Азъ есмь червь, а не человѣкъ... — См.: Пс. 21, 7.

Ты еси Богъ нашъ, иже водою... Вааловы. — Фрагмент великого чина на освящение воды на Богоявление, как установила И. А. Лобакова. Имя языческого малоазийского божества Ваала воспринималось и в библейской, и в святоотеческой традиции как синоним блуда, разврата, телесного и духовного; культ Ваала, процветавший у древних семитов и вновь получивший признание в царствование Ахава и его жены Иезавели, противостоял в древнем Израиле единобожию и вызвал ожесточенное противодействие пророка Ильи.

Просвѣти свѣтом разума к познанию... истины... — Аввакум использует слова молитвы матери о чадах.

Стр. 155. *Возри на царя Давида... Нафанъ-пророкъ... и до смерти своей.* — Аввакум использует здесь для убеждения царя Алексея Михайловича библейский сюжет о покаянии царя Давида, пославшего на смерть своего военачальника Урию, чтобы самому завладеть его женой Вирсавией. Источником данного повествования Аввакума служит Историческая Палея, красочно пересказывавшая некоторые библейские сюжеты. *Помилуй мя... беззакония моя.* — Пс. 50, 3.

«Азъ, пастырь, согрѣшихъ... к тебѣ». — II Цар. 24, 17.

«Помилуй мя, Боже... сотворих!» — Пс. 50, 3—6.

Киръелейсон — т. е. «Кирие елейсон» — молитвенное призывание «Господи помилуй!» на греческом языке.

Стр. 156. *Говори своимъ природнымъ языком...* — Ср. с подобной похвалой русскому «природному языку» в сборнике Заволоко (см. с. 228, 580).

«Да аще бы и ангельски говорили... барабаны ваши... ползы в них несть. Любы не превозносится, не безчинствуетъ... и вся любитъ». — 1 Кор. 13, 1; 4—7.

...Констянтин Брадатый... — Византийский император Константин IV Погонат (668—685), при котором на VI Вселенском соборе (680—681) была осуждена ересь монофелитов, признававшаяся отцом Константина Константом II.

...суд бываетъ без милости несотворшим милости. — Иак. 2, 13.

Возри на неввитянъ... — Аввакум выразительно пересказывает далее библейскую Книгу пророка Ионы, соотнося образ Ионы, посланного обличать жителей грешной Ниневии, и его призыв к покаянию с современной ему русской действительностью — с отступлением от «истинной веры».

Стр. 157. *...царь Озия...* — См. коммент. к с. 153. Отметим, что Аввакум, разрабатывая в этом фрагменте «Книги» тему пророка, пересказывает тот же сюжет Библии из Книги пророка Исайи, который привлек внимание А. С. Пушкина (стихотворение «Пророк»).

Стр. 158. *...весь день милуетъ... праведный»...* — Пс. 36, 26.

Стр. 159. *...«Господь гордым противится, смиреннымъ же даетъ благодать».* — Иак. 4, 6; 1 Петр. 5, 5 (Притч. 3, 34).

...звѣрие Даниила-пророка устыдѣшася во рву... — Ср.: Дан. 6, 16—22.

Многи скорби праведным... избавитъ я Господь! — Пс. 33, 20.

ПОСЛАНИЯ И ЧЕЛОБИТНЫЕ ЦАРЯМ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ, ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ И ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ

Послания Аввакума царю Алексею Михайловичу обычно называют челобитными: так они были названы в издании *РИБ* (согласно их порядковой нумерации — по хронологии — первая, вторая, третья, четвертая, пятая челобитные). Однако эти названия условны, так как из сочинений Аввакума и других источников XVII в. известно о существовании других, в том числе и более ранних, чем «первая», челобитных Аввакума царю. Не сохранились две ранние челобитные Аввакума (1653 г.), написанные им совместно с костромским протопопом Даниилом: одна написана после присылки патриархом Никоном «памяти» Ивану Неронову — «из книг выписки о сложении перст и о поклонех», другая — по поводу ссылки Ивана Неронова (см. письмо протопопа Аввакума к Ивану Неронову, с. 176—177). Не сохранилась и челобитная, послужившая непосредственным поводом для новой ссылки Аввакума в 1664 г., — «моленейце» «о духовных властях», как называл ее сам Аввакум (см.: *РИБ*, стб. 751), или «роспись о том, хто в какие владыки годитца», как значится в описи бумаг, отобранных у игумена Феоктиста при аресте (см.: Материалы, I, с. 335, 336, 189). Не дошло до нас послание Аввакума, которое он написал царю в июне 1667 г., находясь в Андреевском монастыре на Воробьевых горах в Москве.

До 1951 г. были известны лишь пять челобитных Аввакума царю Алексею, в 1951 г. В. И. Малышев опубликовал еще одну — шестую, написанную Аввакумом в мезенской ссылке в январе 1665 г. (см.: Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ. 1951. Вып. 3. С. 261) (она не имеет порядкового номера).

Далеко не все письменные обращения Аввакума к царю были челобитными. Так, например, «первая челобитная» (1664 г.), «четвертая» (1668 г.) и «пятая» (1669 г.) являются по своему назначению и форме вовсе не челобитными, а посланиями. Замечание справедливо и по отношению к тексту так называемой «челобитной» царю Федору Алексеевичу: это открытое публицистическое послание, больше предназначенное для единомышленников Аввакума, чем для царя. Сам Аввакум в «Житии» называл «четвертую» и «пятую» «челобитные» посланиями, так воспринимали эти тексты и переписчики, так называл «пятую челобитную» дьякон Федор, пустозерский «соузник» Аввакума. В настоящем издании публикуются три послания Аввакума царю Алексею Михайловичу, а также одна из его челобитных — «третья» (названия соотнесены с условными названиями в *РИБ*, принятыми в научной литературе), челобитная царю Федору Алексеевичу и послание царевне Ирине Михайловне, также найденное В. И. Малышевым и изданное им в 1958 г.

Послание царю Алексею Михайловичу... («Первая челобитная»)

Челобитная была написана Аввакумом в Москве вскоре после возвращения из сибирской ссылки весной 1664 г. и представляет собой не жалобу на кого-нибудь или конкретную просьбу («Не челобитьем тебе, государю ⟨...⟩ глаголю...»), а литературно-публицистическое послание, в котором Аввакум хочет «возвещать» царю, «како строится в его державе» и надеется на откровен-

ное обсуждение проблем церковной реформы. Одновременно эта челобитная содержит первый опыт автобиографического повествования Аввакума — о себе, своей судьбе, борьбе с несправедливыми «начальниками», жестоким воеводой и др. Аввакум рассматривает свой рассказ как материал и аргумент для решения трудных проблем русской жизни и Церкви. Этот утопический наивный эгоцентризм «мученого» протопопа не что иное, как отзвук патриархальных и утопических же идей дворцового кружка «ревнителей благочестия», на которые когда-то возлагал свои надежды совсем молодой царь Алексей. Но теперь времена изменились, и взволнованность тона челобитной Аввакума в лучшем случае может вызвать лишь любопытство придворных (см.: «Житие», с. 90).

Послание известно в трех редакциях; печатается первая редакция, сохранившаяся в автографе (*ГИМ*, Синодальное собр. свитков, № 1121б); к свитку подклеена записка Аввакума о жестокостях даурского воеводы Афанасия Пашкова (автограф).

Стр. 160. *...живучи на востоке...* — По царскому указу от 16 сентября 1653 г. Аввакум был сослан в Сибирь (в Тобольск), а затем — в Забайкалье (Даурию), где проходил маршрут казачьей экспедиции Афанасия Пашкова, в составе которой Аввакум и его семья находились с 1656 по 1663 г.

Златаустый пишет на Послание къ ефесѣомъ... — Иоанн Златоуст (ок. 345—407) — константинопольский патриарх, один из отцов Церкви, выдающийся проповедник, чьи сочинения были особо почитаемы на Руси с XI в.; его «Беседы» на послания апостола Павла были изданы в XVII в. (Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла. Киев, 1623).

...в Преображениевъ день... — Праздник Преображения — 6(19) августа. В других редакциях послания указан год — «171-й», т. е. 1663 г.

...звѣзда на дискосѣ... преступала... — На дискосе (блюде) сдвинулось особое приспособление, поддерживающее покров над святыми дарами (агнцем).

...яко неистинна глаголютъ... во исповѣдании своея вѣры. — Одно из никоновских исправлений Символа веры заключалось в исключении из его текста слова «истинный» и замене формулы «егоже царствию несть конца» формулой «егоже царствию не будет конца». Аввакум обвиняет никониан в отказе признать Христа Богом «истинным» и «царем небесным», царствующим уже ныне, а не в будущем.

...моровое повѣтрие... — Эпидемия чумы 1654—1655 гг.

...агарянской меч стоитъ десять лѣт безпрестани... — Россия с 1654 г. вела войну с Польшей, союзниками которой выступали крымские татары.

...при протопопѣ Стефанѣ... — Стефан Внифатьев (Вонифатьев; ум. в 1656 г.), протопоп Благовещенского собора в Кремле и духовник царя Алексея Михайловича, собравший в 1648—1652 гг. кружок «ревнителей благочестия» (см. с. 516).

Стр. 161. *...Христа... невоскресиша!* — Аввакум утверждал, что в новых служебниках не упоминалось о Воскресении Христа.

...отнял меня Дионис Крюков... — Денис Максимович Крюков, юрьевецкий воевода в 1652 г.

А Никон меня... мучил недѣли с три по вся дни... — Другие редакции челобитной сообщают, что Аввакум был бит «на правеже», возможно, за недоимку налогов в патриаршую казну (Юрьевец входил в патриаршую область).

...егда мя взял от всенощнаго з двора протопопа Иоанна Неронова... — Подробное описание ареста Аввакума в ночь на 21 августа 1653 г. и последующего его заключения см. в его письме Ивану Неронову от 14 сентября 1653 г. (с. 176—177) и в Житии. *Иоанн Неронов* — протопоп московского Казанского собора (см. с. 514—515).

Борисъ Нелединской — боярин патриарха Никона.

Андроньев монастырь — Спасо-Андроньев монастырь в Москве на р. Яуза, около Рогожской заставы (основан в XIV в.).

...сибирския бѣды... одиннатцеть лѣтъ... — О сибирской ссылке Аввакум подробно пишет в «Житии», здесь — только перечень основных событий 1653—1664 гг.

...воевода бил своими руками... — Воевода Афанасий Пашков, оправдываясь в избиении священника, писал в «отписке» царю, что «за многие неистовые речи» Аввакум заслуживает «смертные казни». Афанасий Филиппович Пашков (ум. в 1664 г.) — даурский воевода с 1655 по 1662 г., до этого — воевода на Кевроле и Мезени (1644—1646) и в Енисейске (1650—1655).

Стр. 162. *...в той нужде умерли два сына...* — Известно имя старшего из умерших сыновей — Корнилий (родился в Москве в сентябре 1653 г. перед ссылкой); второй сын родился в Сибири.

...жена его, Афонасьева... сноха ево... — Жена А. Ф. Пашкова — Фекла Симеоновна после возвращения из Сибири и смерти мужа постриглась в монахини в Вознесенском монастыре в Кремле (под именем Феофании) и была там игуменьей (1673—1685); *сноха* — жена сына А. Пашкова Еремея — Евдокия Кирилловна.

..яко древняя серафтяныни... — Библейский пример милосердия: вдова из Сарепты во время сильного голода поделилась с Ильей-пророком последним запасом пищи (3 Цар. 17, 10—15).

Стр. 163. *...отступника Иулияна и... Феофила...* — *Юлиан* — римский император (331—363), восстановил в Риме язычество; *Феофил* — патриарх Александрии (ум. в 414 г.), враг Иоанна Златоуста, способствовавший свержению его с патриаршеского престола и ссылке.

...яко Арий древнему Констянътину... — *Арий* — александрийский богослов конца III—начала IV в., отрицавший божественную природу Христа и признанный еретиком. *Константин* — римский император Константин Великий (285—337), утвердил христианство как государственную религию; на Никейском соборе (325 г.) добился осуждения Ария, но затем выступал за смягчение постановлений, направленных против ариан. О том, как Арий «пленити хотя царя», сообщает Хронограф, русская историческая компиляция XV в., содержащая историю Византии и Руси.

...Христа онъ, Никонъ, не исповѣдуетъ... «Духу лукавому молимся»... — Аввакум перечисляет изменения, внесенные Никоном в Символ веры, богослужебные книги и обряды, трактуя их как ереси.

Фармос — римский папа Формоз (891—896), согласно преданию вводил троеперстное крестное знамение; после смерти был обвинен в узурпации папского престола, предан духовному суду и проклят.

Стр. 164. *Ларион Борисович Толбузин* — в 1662—1667 гг. фактический воевода в Нерчинске («приказной человек детей боярских»). Сочувствовал Аввакуму. Был крестным отцом дочери Аввакума Ксении. При отъезде из Нерчинска дал протопопу муки, корову, овец, а в обмен на Кормчую книгу — мужика-кормщика. Умер в 1676 г

Стр. 165. *Софья Алексеевна* — дочь царя Алексея Михайловича (царевна Софья), родилась в 1657 г.

Челобитная царю Алексею Михайловичу из Холмогор («Третья челобитная»)

Сосланный вместе с семьей 29 августа 1664 г. в Пустозерск Аввакум «с великою нуждею доволокся до Колмогор» и отсюда в конце октября—начале ноября послал челобитную царю с просьбой оставить его в Холмогорах «робятишек ради»: «...смущаюся, грѣшник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужи». В *РИБ* (стб. 754) воспроизведена приписка к челобитной, в настоящее время не поддающаяся прочтению: «Сию челобиную подалъ великому государю Киприянъ, Христа ради уродивый, в 173 году, ноября въ 21 день». «Челобитье» Аввакума было безрезультатным, его повезли дальше, и к концу декабря семья и домочадцы Аввакума (12 человек) были привезены на Мезень, которая стала местом новой ссылки Аввакума и его семьи. Текст челобитной печатается по автографу: *ГИМ*, Синодальное собр. свитков, № 1120.

«Грамотка» царю Алексею Михайловичу из Пустозерска («Четвертая челобитная»)

По-видимому, это первое послание Аввакума царю, отправленное из Пустозерска вскоре после прибытия туда 12 декабря 1667 г., после осуждения старообрядцев церковным собором 1666—1667 гг. Аввакум посылает в «грамотке» благословение царице Марии Ильиничне (ум. 3 марта 1669 г.), вспоминает «приказ» царя «памятовати» о нем, переданный через Дементия Башмакова еще до отъезда Аввакума из Москвы в ссылку в августе 1667 г., и сам посылает прощение тем, кто проклинал и «стриг» его на церковном соборе 1666—1667 гг.; можно думать, что эта «грамотка» — первое послание Аввакума царю из Пустозерска, написанное в начале 1668 г. Послание сохранилось в единственном списке XVII в. в делах Тайного приказа (*РГАДА*, ф. 27, № 589), по которому и печатается.

Стр. 166. *..рабу Господню... кротку быти ко всѣм.* — 2 Тим. 2, 24.

...не знаютъ и сами, что творят... — Ср. слова распятого Исуса Христа о его стражниках (Лк. 23, 24).

Стр. 167. *...синбирской протопоп... отъиде...* — Симбирский протопоп Никифор был сослан в Пустозерск вместе с Аввакумом, Лазарем и Епифанием.

...с Москвы отпустить двух сынов моих... на Мезень... — Взрослые сыновья Аввакума Иван и Прокопий вместе с ним были привезены с Мезени в Москву 1 марта 1666 г., а затем, когда Аввакум был сослан в Пустозерск в августе 1667 г., были оставлены в Москве и жили там «на поруках» до весны—лета 1669 г.

Послание царю Алексею Михайловичу из Пустозерска («Пятая челобитная»)

Это послание — «последнее плачевное моление» к царю Алексею Михайловичу, последняя попытка убедить его спасти свою душу, вернувшись в «первое благочестие». Одновременно это послание было и публицистическим текстом, рассчитанным на широкий круг читателей: по свидетельству дьякона Федора, список с челобитной был послан к семье протопопа на Мезень до 1 сентября 1669 г., т. е. еще до того, как челобитная была отправлена царю. С Мезени текст челобитной распространился дальше в многочисленных копиях-списках. Фраза «Жаль нам твоея царския души и всего дому твоего, зѣло болезнуем о тебѣ...» может быть истолкована как выражение сочувствия Аввакума и других узников овдовевшему царю: 3 марта 1669 г. умерла царица Мария Ильинична. Как установила Н. В. Понырко, в написании первой — публицистической — части челобитной принимал участие дьякон Федор (см.: Понырко Н. В. Дьякон Федор — соавтор протопопа Аввакума).

Челобитная сохранилась в автографе и множестве списков; печатается по автографу *РГАДА*, ф. 27, № 601; текст, утраченный вследствие дефекта рукописи, восстановлен по изданию *РИБ*.

Стр. 168. *Господинъ убо есть над всѣми царь... цѣломудрия низлагает.* — Цитата из «Поучения благого царства» — сочинения Агапита, византийского философа и богослова (VI в.), наставлявшего императора Юстиниана.

Честь царева суд любит... — Пс. 98, 4.

Жезл — полемический трактат Симеона Полоцкого «Жезл правления» (М., 1667), направленный против старообрядцев.

...глаголы сия потопныя... — Т. е. неразумные слова, подобные тем, которые произносили люди накануне потопа, когда вся земля «исполнися... неправды» (Быт. 6, 11—13).

«Егда приидетъ Сынъ человѣческий, обрящет ли вѣру свою на земли?» — Лк. 18, 8.

Стр. 169. *Арсений Суханов* (ум. в 1668 г.) — келарь Троице-Сергиева монастыря, по поручению царя ездил на Афон, в Грецию, Египет, Иерусалим (1643—1653), чтобы изучить различие между русским и греческим богослужениями.

...во Истории о бѣлом клабуце... — «Повесть о Новгородском белом клобуке» — публицистический памятник XV в., основная идея которого — духовное превосходство Руси над Римом и Византией. Император Константин Великий (285—337), его современник папа римский Силивестр (314—335) и царьградский патриарх Филофей (1355—1377) — персонажи, упоминаемые в «Повести».

Стр. 170. *...увидѣх на брюхе твоем язву зѣло велику...* — Это видение, возможно, имеет своим источником «Повесть о Новгородском белом клобуке», где рассказывается о язвах, поразивших царя Константина за его неверие в Христа.

...присылал ко мнѣ Юрья Лутохина... — Юрий Петрович Лутохин, стрелецкий голова, приезжал к Аввакуму, заключенному в Николо-Угрешском монастыре, 22 июня 1667 г. перед самой отправкой Аввакума в Пустозерскую ссылку.

...прежде часов... — Часы — краткие богослужения, начинающиеся вслед за утреней.

Стр. 171. *...ангелъ... восхитил Авраама выспрь...* — В апокрифическом «Откровении Авраама», вошедшем в Толковую Палею, рассказывается о том, как ангел Альтез «восхитил» Авраама на небо и показал ему всю вселенную.

Стр. 171—172. *И в полунощи... Бысть же ми радость неизреченна...* — Первое описание этого «видения» Аввакума в праздник Вознесения находится в его письме семье (см. с. 207).

Послание царевне Ирине Михайловне

Царевна Ирина Михайловна (1627—1679), старшая сестра царя Алексея Михайловича, пользовалась большим влиянием в царской семье (рано осиротевший царь Алексей в письмах называл ее «матерью», «матушкой»). Она весьма сочувственно относилась к протопопу Аввакуму (о ее помощи во время сибирской ссылки Аввакум вспоминал в «Житии»: «Царевна Ирина Михайловна ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала» (фрагмент Жития из сборника Заволоко). Видимо, царевна лично знала Аввакума: его брат Евфимий, умерший в эпидемию моровой язвы в 1654 г., был у нее псаломщиком. Среди деятелей раннего старообрядчества существовало представление о царевне Ирине Михайловне как об активной заступнице за них перед царем: автор «Жития боярыни Морозовой», ее родной брат Федор Соковнин, современник событий, описал заступничество Ирины Михайловны за Ф. П. Морозову и «гнев великий» на нее за это вспыльчивого царя (см. с. 275). Аввакум в послании обращается к царевне как к главной фигуре в царской семье, которая может воздействовать на царя, «умолить» его дать Аввакуму «суд праведный» «с никонияны» и напоминает ей о гибели Иудейского царства и Византии, происшедших вследствие отступления от веры. Царь в послании не назван по имени, и это затрудняет датировку послания. Можно было бы предположить, что Аввакум предпринимал еще одну попытку воздействовать на царя Алексея Михайловича, не обращаясь к нему лично. В этом случае патриотические мотивы послания Аввакума царевне могли быть вызваны слухами о предстоящей войне с Турцией, которые особенно усилились после 30 сентября 1672 г. — после захвата турками пограничного Каменца-Подольского, когда Россия начала деятельно готовиться к обороне. Но, скорее всего, послание было написано уже после смерти царя Алексея, накануне самой войны с Турцией 1676—1681 гг. «Ты у нас по царе над царством игуменья...» — пишет Аввакум — так вряд ли можно было писать при жизни Алексея Михайловича. Это выражение можно понять как указание на уже случившуюся смерть царя Алексея: «по царе» — т. е. после царя, «игуменья» — обозначение старшинства царевны Ирины Михайловны во всем царском семействе, и в том числе по отношению к племяннику — новому молодому царю Федору Алексеевичу. После смерти царя Алексея Михайловича у старообрядцев возникли некоторые надежды на изменение отношения власти к ним. В недавно найденном тексте послания Аввакуму неизвестного москвича, подробно описывающего обстоятельства смерти царя Алексея и ситуацию в Кремле в начале царствования Федора Алексеевича, эта надежда четко выражена. Хорошо информированный корреспондент пишет Аввакуму о царе Федоре: «...чаять, не посяхщикъ бы онъ былъ на вѣру ту, авось, молитв ради ваших, батюшко, и побаратель по истиннѣ будетъ» (см.: Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С. Вновь найденное послание из

Москвы в Пустозерск «Возвещение от сына духовного ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // Демкова Н. С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998. С. 298.

Письмо найдено и опубликовано В. И. Малышевым (ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 416—418); для данного издания подготовлено к публикации по тому же списку конца XVII —начала XVIII в. (Ярославский музей-заповедник, № 15106, л. 63—69), с исправлениями по списку XVIII в. *ИРЛИ*, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр. № 37, л. 2—5 об.

Стр. 172. *...изсѣкъ римскою властью... родъ еврейский...* — Аввакум имеет в виду уничтожение римлянами Иудеи как самостоятельного государства (падения Иерусалима — 70 г.) — факт хорошо известный на Руси по рассказам Хронографа и по «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия (ок. 37—ок. 95).

Флоренский собор — Флорентийский собор 1439 г., провозгласивший унию Римской и Греко-восточной церквей. Русская церковь, не принявшая унию, считала греков (ее участников) «отступниками».

Мануилович — Иоанн VIII Палеолог, византийский император (1425—1448), сын Мануила II, принимал деятельное участие во Флорентийском соборе.

Тому лѣтъ з двѣсти семьдесят с лишком... взялъ Царьград... — Аввакум приводит эту цифру ошибочно: со времени взятия турками Царьграда в 1453 г. до написания этого письма прошло около 230 лет. *Бахмет турской* — турецкий султан Магомет II (1430—1481), взявший Константинополь.

Константин Мануилович — последний византийский император Константин X Палеолог (1449—1453).

...дѣдъ и отецъ твои... — Дед царевны Ирины Михайловны (и царя Алексея Михайловича) — московский патриарх Филарет (ум. в 1633 г.), отец — царь Михаил Федорович (1596—1645).

Стр. 173. *«Не на лукъ бо мой уповаю... мене».* — Пс. 43, 7.

«Нѣсть наша брань х крови и плоти... поднебеснымъ». — Еф. 6, 12.

«Сего ради приимѣте... стати». — Еф. 6, 13.

«Станете убо препоясани... угасити». — Еф. 6, 14—16.

«Владыко, не остави насъ... мори». — Исх. 15, 1—4.

Ияковъ Никейсъкий — Иаков Низибийский (ум. в 350 г.), епископ города Низибии (на границе с Персией), подвижник, терпевший мучения от укусов комаров. Источником сведений Аввакума был Пролог (память 13 января).

В молитвах ихъ напечатано... духъ лукавый... — Старообрядцы обвиняли никониан в том, что, изменив расстановку слов в крещенской молитве, никониане молятся теперь «духу лукавому», т. е. сатане, называя его «господом».

Партесное пение — хоровое пение, разделенное на голоса, партии. Аввакум был сторонником единогласия в церковной службе.

...яко Давыдь на Голияда... — Аввакум имеет в виду библейский рассказ о победе Давида над великаном Голиафом (1 Цар. 17).

Стр. 174. *Яко Мадиямъ и Сисара, Иавимъ... яко древле во Аендорѣ...* — Пс. 82, 10—11.

Послание царю Федору Алексеевичу («Челобитная»)

Челобитная написана в начале 1676 г. вскоре после смерти царя Алексея Михайловича (29 января 1676 г.) и вступления на престол его старшего, шестнадцатилетнего сына Федора (1661—1682). Смерть царя, властно правившего Россией более 30 лет, была чрезвычайным событием для всех слоев русского общества. Фигура нового, молодого царя рождала у старообрядцев надежду на возврат к старой, вековечной церковной традиции, на отказ от «затеек» патриарха Никона: по Москве распространились слухи о явлении царю Федору самой Богородицы, требующей,

чтобы он «поревновал» пути и житию своего деда (царя Михаила Федоровича) и обещавшей ему за это здоровье и мирное долголетнее царствование.

Аввакум просит царя о милости, об изменении отношения к сторонникам старого обряда, просит эмоционально, надрывно: «Разрѣжъ чрево мое и посмотри сердце мое (...) от лютъ мя избави: единъ бо еси ты нашему спасению повиненъ». Однако вряд ли Аввакум мог рассчитывать на царское милосердие: дальнейший текст челобитной извещал молодого царя, только что умиленно восхваляемого Аввакумом («дитятко красное, церковное»), о том, что отец его — царь Алексей — «сидит» в аду («в муках он сидит»). Дерзкий тон обращения Аввакума к царю, смелость в оценках, пренебрежение к требованиям официального и эпистолярного этикета делают этот текст беспрецедентным в традиции русских посланий на царское имя. По-видимому, именно это послание было причиной резкого ужесточения режима в пустозерской тюрьме в 1676 г. Эта «челобитная» по своему содержанию никак не могла быть отослана царю, распространялась в рукописных копиях как публицистический текст, включалась во многие старообрядческие сборники. Печатается по списку конца XVIII в.: *РГБ*, собр. Егорова, № 1885, л. 201—204 об.

Стр. 174. *...издалеча вопию, яко мытарь...* — Упоминание о молитве мытаря — стилистическая формула, восходящая к тексту Евангелия (Лк. 18, 13) и означающая полную искренность слов говорящего. Согласно евангельской притче, молитва мытаря (сборщика податей), вошедшего в храм, была искренней в отличие от молитвы лицемерного фарисея.

...серафинисса, жена еллинска... господий своих. — В Евангелии (Мк. 7, 26) рассказывается о том, как «жена еллинска, сирофиникисса родом» (т. е. язычница сирофиникиянка) просила Христа об исцелении ее дочери.

Помилуй мя, сыне Давыдовъ... — Цитата из Евангелия (Мф. 15, 221). Наименование царя Федора «сыном Давыдовым» и соответственно сопоставление с библейским царем Давидом умершего царя Алексея Михайловича делалось Аввакумом в духе подчеркнутого следования придворной традиции именования царя Алексея («тебя притрапезники те твои Давыдомъ зовутъ, — писал он в 1675 г. в «Книге толкований», обращаясь к царю, — сотвори и ты Давыдски к Богу покаяние о себѣ» (см. выше, с. 155)).

Услыши моление мое... не во устнахъ льстивых! — Пс. 16, 1.

Стр. 175. *Увы, погибе благоговѣйный... в человѣцѣхъ!* — Мих., 7, 2.

...что Илия-пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ часъ. — В Библии (3 Цар. 18, 1—40) рассказывается, как пророк Илия, единственный из оставшихся в живых после избиения всех иудейских пророков по приказанию царицы-блудницы Иезавели, сам затем расправился с «лжепророками» — жрецами персидского бога Ваала: зарезал 850 языческих жрецов.

Князь Юрий Алексеевич Долгорукий — политический и военный деятель при царе Федоре Алексеевиче; был опекуном молодого царя, известен своими победами в войне с Польшей, участвовал в подавлении восстания С. Т. Разина; с 1676 г. — начальник Стрелецкого приказа; убит во время стрелецкого восстания в Москве 15 мая 1682 г.

...на соборѣ томъ... — Т. е. на церковном соборе 1666—1667 гг.

...Богъ судитъ между мною и царемъ Алексѣемъ... за свою правду. — Признание царя Алексея Михайловича грешником, оказавшимся после смерти в аду, — одно из самых смелых мест в полемической и агитационной старообрядческой литературе XVII в.

Иноземцы... предали турку... — В древнерусской исторической литературе и публицистике история разгрома Византии турками в 1453 г., гибель могущественной некогда империи рассматривалась как наказание за отступление греков от веры, за их союз с Католической («латинской») церковью. *Константин* — последний византийский император Константин Палеолог (1449—1453), погибший при штурме Константинополя.

Иоаким (1620—1690) — московский патриарх с 1674 г., до этого — архимандрит Чудова монастыря в Москве, активный участник церковного собора 1666—1667 гг., ярый противник старообрядцев.

...с Павломъ и Лариономъ. — Павел — архиепископ Крутицкий (с 1664 г. — митрополит, ум. в 1675 г.) и архиепископ Иларион Рязанский (с 1669 г. — митрополит, ум. в 1673 г.) вели

жестокую борьбу с непокоряющимися старообрядцами; в отсутствие патриарха на престоле (1658—1667 гг.) фактически руководили Русской церковью, активно участвовали в заседаниях церковного собора 1666—1667 гг. (вели допросы, выступали с обличениями и т. п.).

...яко чаша в руцѣ Господни... «И дрождей не кинетъ даром... земли». — Пс. 74, 9.

«Имѣяй уши слышати да слышитъ». — Мф. 13, 9

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМ

Письмо Ивану Неронову

Иван Неронов (1591—1670) — протопоп одного из центральных городских соборов Москвы — собора Казанской Божьей матери, находившегося на Красной площади, среди торговых рядов московского посада; земляк, близкий друг и наставник, духовный отец Аввакума. Энергичный и деятельный проповедник, популярный среди москвичей. Неронов стал одним из первых и яростных противников церковной реформы 1653 г. В августе 1653 г. Иван Неронов был лишен священнического сана и выслан из Москвы в Вологодский Спасо-Каменный монастырь. Аввакум отправил письмо Ивану Неронову в заточение (на обороте ветхого столбца — автографа Аввакума — сохранился фрагмент адреса: «...⟨за Воло⟩гдою в Каменом монастырь... ⟨казанско⟩му протопопу Иоанну... в монастырь под на⟨чал⟩...» (в скобках — восстановленный текст). Письмо написано 14 сентября 1653 г. во время заключения Аввакума в московском Спасо-Андроньевском монастыре и является — хронологически — первым дошедшим до нас автографом Аввакума и автобиографическим описанием событий августа—сентября 1653 г. (ср. «первую челобитную» царю Алексею Михайловичу и «Житие» (с. 72)). Печатается по автографу: *ГИМ*, Синодальное собр. свитков, № 1096.

Стр. 176. *...по Воздвиженьевъ день...* — Начало письма отсутствует, бумага истлела; церковный праздник Воздвижения креста Господня 14(27) сентября.

...чепь с тулом... — Цепь с грузом (обычно с деревянной колодой), пригибающим голову заключенного к земле.

...изгнание... Златаустаго... — Имеется в виду изгнание Константинопольского патриарха Иоанна Златоуста (ок. 345—407), обличавшего императорскую власть и ее сановников.

...в Бесѣдах... — Имеется в виду книга Бесед Иоанна Златоуста (Бесѣды на 14 посланий апостола Павла. Киев, 1623).

...обыдоша нас пси мнози... ны... — Ср.: Пс. 21, 17.

...братью отослалъ в тюрьму... не велѣлъ. — Речь идет о действиях патриарха Никона.

...во время страшныя литоргии. — Т. е. во время центрального момента литургии — пресуществления Святых Даров.

Ондроньев монастырь — см. коммент. к с. 161.

Данило Костромский — Костромской протопоп, участник кружка «ревнителей благочестия».

...озоба вепрь от луга... и естъ. — Пс. 79, 14.

Стр. 177. *...Логина остриг...* — Муромский протопоп Логгин, выступивший против обрядов, вводимых Никоном, был расстрижен и проклят в Успенском соборе Кремля.

...до Богоявленскаго монастыря... — Монастырь находился недалеко от Красной площади за торговыми рядами.

Стефан — царский духовник Стефан Вонифатьев.

«Не надѣйтеся на князя... несть спасения». — Пс. 145, 3.

...яко Павел о Тимофее... — Имеются в виду послания апостола Павла к его ученику Тимофею.

...а ключ у меня лежит. — Этот текст в рукописи отсутствует (бумага истлела), публикуется по изданию: Материалы, т. I, с. 19.

Письмо игумену Феоктисту

Феоктист — игумен московского Златоустовского монастыря, деятель раннего старообрядчества, собиратель и хранитель сочинений первых противников никоновских преобразований. В 1666 г. был арестован в Вятке, где он, пользуясь покровительством Александра, епископа Вятского, скрывался от преследований; умер до собора 1666 г. Письмо было послано Аввакумом в Москву из мезенской ссылки в самом начале 1665 г., вскоре после приезда на Мезень 29 декабря 1664 г. Печатается по единственному списку XVII в.: *ГИМ*, Синодальное собр. свитков, № 1119.

Стр. 177. *«Аще согрѣшаютъ... прощайте их».* — Мф. 18, 29.

Стр. 178. *...я в Москву приѣхал прошлаго году...* — Аввакум вернулся из сибирской ссылки в конце зимы—начале весны 1664 г.

Аще Богъ по насъ, кто на ны? — Рим. 8, 31.

Ходяй во тмѣ... грядетъ. — Ин. 12, 35.

...не забреди... к Никону в горкой Сионъ! — Аввакум называет Сионом построенный Никоном на Истре в подражание Иерусалимскому храму Новый Иерусалим — гигантский Воскресенский собор и монастырь. Сион — один из холмов, на которых стоит Иерусалим, Сионом назывался и сам Иерусалимский храм.

Родион, Иван — московские священники, активные защитники церковной реформы и Никона (Иван, по-видимому Иван Фокин, священник церкви в московской слободе Бараши, неоднократно упоминаемый в сочинениях старообрядцев).

...начальнику их Илариону... — Архиепископ Рязанский с 1657 г., с 1669 г. — митрополит, один из главных деятелей церковной реформы, жестокий преследователь старообрядцев, ум. в 1675 г.

«Не бойся, малое мое стадо... Царство». — Лк. 12, 32.

А Ондрѣй Самойлов у меня на Колмогорах... жил... — Андрей Самойлов — сторож Кремлевского Благовещенского собора, один из самых преданных последователей Аввакума. При отъезде Аввакума в ссылку на Мезень 23 августа 1664 г. А. Самойлов проводил его до Холмогор.

...Афонасья заставь. — Возможно, имеется в виду юродивый Афанасий, впоследствии известный деятель раннего старообрядчества инок Авраамий.

Болото — один из районов посадского Замоскворечья, где на Болотной площади происходили публичные казни.

...про старцово житье... — Речь идет об Иване Неронове (см. выше), в монашестве — старце Григории, к этому времени принявшем троеперстие.

...в рогах ходят... — «Рогами» Аввакум называет новую форму монашеского головного убора, введенную Никоном.

Фетинья, Григорей — домочадцы Аввакума.

Письмо иноку Авраамию

Инок Авраамий — духовный сын Аввакума и его ученик (до иночества известный московский юродивый Афанасий), историограф движения, составитель уникального полемического сборника подлинных сочинений 1660-х гг. «Христианоопасный щит веры»; после осуждения старообрядцев на церковном соборе 1666—1667 гг., казней и высылки их лидеров стал одним из главных руководителей московской старообрядческой оппозиции (см. его сочинения на с. 329—347). Сожжен в Москве «на Болоте» в конце 1671 г. или начале 1672 г. Письмо написано из темницы Николо-Угрешского монастыря, сразу после суда над Аввакумом и его «расстрижения» (лишения сана

священника) 13 мая 1666 г., одновременно с письмом семье 30 мая 1666 г. (см. с. 207). Оба письма и сохранились вместе, в составе одного и того же комплекса текстов в рукописных сборниках; найдены В. И. Малышевым (Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем // Доклады и сообщения Филологического ин-та Ленинградского гос. ун-та. Л., 1951. Вып. 3. С. 255—256). Печатается по списку XVIII в.: *ГИМ*, собр. Вострякова, № 1009, л. 111.

Стр. 179. *«Не бойся, малое стадо мое... сотворити».* — Лк. 12, 32; 12, 4.

Письмо Афанасию

Афанасий — мирское имя инока Авраамия (см. выше), однако адресатом письма мог быть и какой-то другой москвич Афанасий, его тезка. Бодрая тональность письма и отсутствие упоминаний о мезенских и пустозерских казнях, наконец, благословение, посылаемое Афанасию от лица всех пустозерских узников (разногласия у них начались после казней 1670 г.), позволяют утверждать, что это одно из первых пустозерских писем Аввакума 1668—1669 гг. Печатается по единственному списку XVII в.: *РНБ*, Q.XVII. 37, л. 33—35 об.

Стр. 179. *Афонасий, не умер ли ты?* — Эта формула обращения используется Аввакумом, как правило, в письмах очень близким «духовным детям»: Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой, Маремьяне.

Носи... пироги... — Вряд ли речь идет о реальных пирогах, скорее всего, «пироги» — на тайном языке преследуемых старообрядцев — это грамотки и вести, которые Афанасий разносил по тюрьмам.

А Борис Афонасьевич еще ли троицу... не принялъ? — Личность Бориса Афонасьевича не установлена; троица — так иронически Аввакум называет троеперстие.

А Хованской князь Иван Болшой изнемог же. — Князь Иван Иванович Хованский (1645—1710) был бит «батожьем», по свидетельству Аввакума, за приверженность старым обрядам (см. «Житие»), примерная датировка этого события — до февраля 1670 г.: по словам Аввакума, это произошло после сожжения Исайи, дворецкого П. Н. Салтыкова.

Антиох Египетский — Антиох IV Епифан (176—164 до н. э.), «нечестивый» царь Сирии, ввел поклонение идолам и вакханалии.

Стр. 179—180. *...Илия и Енох... постраждют...* — Библейский патриарх Енох и пророк Илия, согласно Библии, были взяты на небо живыми; по предсказанию Апокалипсиса, перед концом света они вернутся на землю свидетельствовать против антихриста и будут им убиты.

Письмо «отцам в Поморье»

Личности адресатов не установлены. Из письма явствует, что они ревностные поборники «старого благочестия», жившие, вероятно, в одном из северных скитов около Белого моря. Время написания письма не известно, но, по-видимому, это одно из писем начального периода жизни Аввакума в Пустозерске — до марта—апреля 1670 г. (до казней на Мезени и до заключения Аввакума в земляную тюрьму). Печатается по списку конца XVII в.: *ГИМ*, собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), л. 53—53 об.

Стр. 180. *Аще Богъ по нас, кто на ны?* — Рим. 8, 31.

...бесѣды злы тлятъ обычаи благи. — 1 Кор. 15, 33.

Послание «братии возлюбленной... на всем лицѣ земномъ»

Послание написано после марта 1670 г. — после «розыска» на Мезени и жестоких казней, когда были повешены два духовных сына Аввакума (юродивый Федор и юноша Лука Лаврентьевич), а жена Аввакума и два его старших сына были посажены в земляную тюрьму (Аввакум упоминает об этом в послании). Возможно, что послание писалось вскоре после получения мезенских вестей в Пустозерске, и Аввакум ожидал подобной же жестокой расправы, может быть смертной казни. О пустозерских казнях и о заключении 14 апреля 1670 г. в земляную тюрьму самого Аввакума и его товарищей в послании нет ни слова. Это предположение о времени и обстоятельствах написания послания в короткий промежуток времени — с конца марта до 14 апреля 1670 г. — может прояснить смысл послания и его тональность: Аввакум в ожидании близкой смерти обращается ко всей «возлюбленной братии», разбросанной «по лицу» Русской земли, с прочувствованными и продуманными словами о необходимости стойкости в защите веры и собственной души, о необходимости борьбы со «страхом человеческим» даже перед лицом смерти, «егда время призовет». В самом начале обращения Аввакум трижды, как заклятие, провозглашает слова ветхозаветного пророка Исайи — «С нами Бог!» и далее вдохновенно учит своих читателей главным добродетелям — мужеству, мудрости, правде, целомудрию и любви. Осознание Аввакумом собственной греховности превращает текст послания в прилюдную исповедь, а исповедь становится наставлением: она должна защитить его духовных детей — весь старообрядческий мир — от ошибок. Несмотря на то что тема близкой смерти составляет подтекст послания, Аввакум все еще верит в перемены: «Еще после никониян чаем поправления о Христе Исусе, Господе нашем».

Послание печатается по изданию: *РИБ*, стб. 771—785.

Стр. 181. *...страха же... не убойтеся... яко съ нами Богъ.* — Ис. 8, 9—10, 12—14.

Не убойтеся... не могущихъ убити. — Мф. 10, 28.

Будите убо мудри... яко голубие. — Мф. 10, 16.

Стр. 181—182. *...Платонски... поучается говорить...* — Т. е. говорит так, как говорят осуждаемые Аввакумом «еллинские» философы и риторы, как Платон.

Стр. 182. *...Господь о Иерусалимѣ плакаше...* — См.: Мф. 23, 37—38.

Стефанъ Первомученикъ... моляшеся... — См.: Деян. 6, 9—15.

«Господи, аще люди сия погубляеши... книги животныя». — Исх. 32, 32.

Стр. 183. *А я пою Богу моему дондеже есмь.* — Пс. 145, 2.

Кая полза человѣку... души своей. — Мк. 8, 36—37.

Не бывайте несмысленни... угодная. — Ср.: Еф. 5, 17.

Любите враги ваша... ихъ любятъ. — Мф. 5, 44; Лк. 6, 27

Стр. 184. *Придите ко мнѣ... покою вы.* — Мф. 11, 28.

Облецытеся, яко избрании... другъ друга. — Кол. 3, 12—13.

Идѣже два... собрани... есмь... и азъ. — Мф. 18, 20.

Яко являемое... есть. — Еф. 5, 13.

...ходяй со свѣтѣ не поткнется. — Ср.: Ин. 11, 9.

Святии мирови судити хотятъ. — 1 Кор. 6, 2.

Стр. 185. *«Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ».* — Мф. 24, 13.

...мелхиседекиане-еретицы... — Поклонники библейского царя и первосвященника Мелхиседека (Быт. 14), видевшие в нем ветхозаветный прообраз Иисуса Христа.

Тѣмже и мы отнынѣ... не разумѣемъ. — 2 Кор 5, 16.

Скрижаль — Книга «новой печати» (М., 1656), содержавшая основные тексты, измененные Никоном и его справщиками.

Егда предастъ царство Богу и Отцу... подъ нозѣ его. — 1 Кор. 15, 24—27.

Подобаетъ ему царствовати... во всѣхъ. — 1 Кор. 15, 25—28.

Стр. 186. *Во Апокалипсисѣ писано: выѣдетъ на конѣ...* — См.: Апок. 16.

Армагедонъ — поле последней кровопролитной битвы с силами зла (Акоп. 16, 16).

...азъ, грѣшный протопопъ, и вся горкая братия... — Факт благословения адресатов послания всеми пустозерскими отцами свидетельствует о написании послания не позднее 1670 г.: разногласия и споры начались у них после заключения в земляную тюрьму 14 апреля 1670 г.

Письмо Маремьяне Феодоровне

Маремьяна Феодоровна, часто упоминаемая в письмах Аввакума, — одна из его любимых «духовных дочерей», по-видимому жена московского священника Дмитрия, который служил «у крестов» (в домовой церкви) у княгини Анны Милославской (см. о ней с. 579). Дмитрий принял новые книги, и Маремьяна отказалась жить с ним. Очевидно, Дмитрий и прислал Аввакуму просфору, о которой идет речь в письме. Письмо написано вскоре после того, как жена Аввакума Анастасия Марковна была посажена «в землю» с Иваном и Прокопием в марте 1670 г.; печатается по списку начала XIX в.: *ГИМ*, собр. Хлудова, № 257, л. 135—139 об.

Стр. 187. *Козьма, Стефан* — московские священники; *Максим* — возможно, сын дьякона Федора, одного из пустозерских узников.

Без вѣры намъ невозможно угодити Богу. — Евр. 11, 6.

...лучше бы не родился человек той... — Мк. 14, 21.

Стр. 188. *«И печаль мою пред нимъ возвѣщю... Господи!»* — Пс. 141, 2.

...что Исакия Печерскаго затомили. — Выразительный рассказ о борьбе инока Исакия с бесами находится в Киево-Печерском патерике, древнейшем сборнике оригинальных русских житий монахов Киево-Печерского монастыря, пользовавшегося большой популярностью на протяжении нескольких столетий.

Анна Амосовна — одна из «ближайших» женщин боярыни Морозовой.

Послание «стаду верных»

Послание сохранилось в двух редакциях — начальной краткой (1673) и распространенной (1678). Послание было направлено в Москву для поддержания духа оставшихся на свободе «верных» после репрессий 1670—1672 гг. и разгрома московской старообрядческой общины: в феврале 1670 г. был арестован ее активный лидер инок Авраамий и его ученики, и после длительного следствия Авраамий был сожжен весной 1672 г. «Еже ли вы живы?» — с тревогой спрашивает Аввакум в начале послания и, рассказывая о пустозерских казнях, об осаде Соловецкого монастыря, призывает «верных» к терпению и стойкости («Не убоимся, братие, от убивающих тело, души же не могущих убити»). Печатается редакция 1673 г. по списку конца XVIII в.: *ГИМ*, собр. Вострякова, № 1009, л. 115 об.—119 об.

Стр. 188. ...*«Не бойся, малое мое стадо... дати Царство».* — Лк. 12, 32.

Стр. 189. *...Здѣ есть терпѣние святыхъ...* — Апок. 13, 10.

...Лѣствечникъ Иоаннъ... — Или Иоанн Синаит (ум. ок. 606 г.) — игумен Синайской обители, автор «Лествицы райской» — руководства к иноческой жизни (издана в Москве в 1647 г.).

Не убоимся, братие... смерти... — Апок. 20, 6.

Братии моея... дважды языки рѣзали и руки сѣкли... — Первая казнь Лазаря и Епифания с «урезанием языков» состоялась 27 августа 1667 г. в Москве, вторая — 14 апреля 1670 г. в Пустозерске: Лазарю, Епифанию и дьякону Федору еще раз «языки резали и руки секли».

...видя вижде озлобление людей сихъ... — Исх. 3, 7.

Стр. 190. *И в моемъ дому двоихъ повѣсили, и детей.. приказали удавить... увертѣлися у висѣлицы.* — В марте 1670 г. присланный на Мезень для специального розыска о мезенском «центре» распространения сочинений пустозерских узников стрелецкий голова Иван Елагин по

царскому указу повесил двух духовных сыновей Аввакума — юродивого Федора и Луку Лаврентьевича, живших на Мезени вместе с семьей Аввакума. Родные сыновья Аввакума Иван и Прокопий, также приговоренные к смерти, «повинились» и вместе с матерью были заключены в земляную тюрьму.

Соловки во осадѣ морятъ, пять лѣтъ... — Соловецкий монастырь находился под осадой российских правительственных войск с июня 1668 по январь 1676 г.

Не дорожи мнѣ симъ вѣкомъ... взыскуем. — Евр. 13, 14.

Письмо Симеону

Симеон (в иночестве отец Сергий) — любимый ученик и духовный сын Аввакума, адресат нескольких сохранившихся писем Аввакума к нему. Это письмо Аввакума часто встречается в старообрядческих рукописях XVIII—XIX вв.; оно содержит весьма краткий и яркий рассказ о новой — земляной — тюрьме Аввакума и выражает его тревогу о судьбе и мучениях боярыни Морозовой «с сестрами». По-видимому, до Аввакума дошли известия не только о пытках женщин на дыбе («на стряске») и избиениях кнутом (описания их пыток и допросов см. в «Житии боярыни Морозовой», с. 272—273), но и о приготовлении «сруба» на Болотной площади, где их должны были сжечь (Житие Морозовой, написанное ее братом, сообщает, что «патриарх вельми просил Феодоры на сожжение, да боляре не потянули»). Отсюда понятно, почему в этом письме Симеону, у которого были тесные связи с окружением Морозовой, Аввакум обращается непосредственно к Морозовой, надеясь, что она услышит его голос поддержки и утешения. Пытки Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой и третьей их «сострадалицы» М. Г. Даниловой происходили весной 1672 г.: М. Г. Данилова была арестована в апреле 1672 г. и подвергнута пыткам вместе с сестрами. Таким образом, письмо Симеону можно датировать 1672 г. Ранее письмо рассматривалось как текст более поздний, оно датировалось второй половиной 1673 г., когда Морозова и сестры уже находились в Боровске (см.: ПЛДР, 1988, с. 690).

Печатается по списку конца XVIII в.: *РГБ*, собр. Егорова, № 1885, л. 228—230 об.

Стр. 190. *...Покой болшой у меня и у старца... воевода тутъ приходитъ ...* — Аввакум был заключен в земляную тюрьму 14 апреля 1670 г. До нас дошли сведения только об одном пустозерском воеводе — Иване Савиновиче Неелове, бывшем воеводой в Пустозерске с 14 ноября 1666 по январь 1672 г.

Стр. 191. *...три отроки... зъ Богомъ...* — Боярыню Морозову с двумя сестрами Аввакум постоянно сравнивает с тремя библейскими отроками, брошенными вавилонским царем Навуходоносором в раскаленную печь за их отказ поклониться языческому идолу и спасенными Господом от смерти (об отроках рассказывается в Книге пророка Даниила и постоянно вспоминается во время церковных служб).

«Азъ есмь раба Бога Живаго... имя». — Евр. 1, 2—4.

Благословенъ еси, Господи... имя твое во вѣки. — Дан. 3, 26.

Послание «горемыкам миленьким»

Послание в рукописях начинается фразой «Книга всъмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ», так как оно, по-видимому, сопровождало «Книгу бесед» Аввакума (1672—1675), отправленную в московскую общину; послание содержит ответы на многочисленные вопросы старообрядцев, оставшихся без авторитетных руководителей, о «неведомых вещех»: как исповедоваться и причаститься без священника, как «почитати» сожженных за принадлежность к староверию, как крестить младенцев и ряд других. Послание датируется концом лета 1675 г.: в нем сообщается о трагической новости — о казни в Пустозерске юродивого Киприяна 7 июля 1675 г.

Послание известно в четырех редакциях; в настоящем издании печатается редакция «а» по изданию: *РИБ*, стб. 829—835.

Стр. 191. *Житие наше на небесѣхъ есть.* — Фил. 3, 20.

Стр. 191—192. *Исайя сожженный* — дворецкий боярина П. М. Салтыкова.

Стр. 192. *...оболкшеся во броня вѣры... приемше.* — Еф. 6, 14.

...да уклонится отъ зла... отъ земля. — 1 Петр. 3, 11.

Стр. 193. *...истиннымъ запасомъ...* — Т. е. еще старыми Святыми Дарами, освященными старопоставленными священниками.

Исповѣдайте другъ другу... да исцѣлѣете. — Иак. 5, 16.

...Левъ Катанский въ огонь посадилъ же такова вора. — Лев, епископ Катанский (ум. ок. 780 г.). В Житии его (память 20 февраля) рассказывается о сожжении им неуловимого для светских властей волхва Илиодора.

Стр. 194. *...отца Авраамия.* — Инок Авраамий (см. с. 563).

А здѣсь Киприяну голову отсѣкли, 83 июля въ 7 день, въ среду. — Т. е. 7 июля 7183(1675) г.; московский юродивый Киприян был тесно связан с Аввакумом: в 1664 г. он подавал челобитную Аввакума царю Алексею Михайловичу (см. выше, с. 557).

Посылайте денги мои къ женѣ моей и дѣтям... — Семья Аввакума в это время находилась на Мезени, жена и старшие сыновья с марта 1670 г. сидели в земляной тюрьме, на свободе жили сын Афанасий (11 лет) и три дочери Аввакума.

Стр. 195. *Старец* — инок Епифаний — пустозерский «соузник» протопопа, его духовный отец.

Письмо «чаду о Господе»

Возможно, это только фрагмент послания в общину, не сохранившегося в полном объеме: утрачена вся начальная часть текста вместе с именами адресатов. Дошедший текст написан в Пустозерске, по-видимому, в 1677—1678 гг.: Аввакум пишет, что никониане мучают его «лет с полтретьятцеть», т. е. около 25 лет; счет лет своим мучениям от никониан Аввакум ведет от начала репрессий после реформ 1652—1653 гг. Несмотря на то что со времени церковного собора 1666—1667 гг. прошло уже много лет, Аввакум все еще весьма эмоционально переживает воспоминания о своем выступлении на соборе. («Они ⟨...⟩ не имут, что отвѣщати ми, вяжут да куют меня»). Цель текста — чисто агитационная: уберечь верующих от какого-либо влияния никониан и удержать их даже от контактов с ними. Текст печатается по изданию: *РИБ*, стб. 953—954.

Стр. 195. *Василиск* — легендарное змееподобное существо, парализующее жертву взглядом.

...слово Божие не вяжется... со славою вѣчною. — 2 Тим. 2, 9—10.

...другое дитятко... — *Другое* значит «второе»; смысл не ясен (дефектность текста?).

Блюдитеся отъ злых дѣлателей. — Фил. 3, 2.

Послание «всѣм ... ищущим живота вѣчнаго»

Написано в Пустозерске в 1679 г. (со времени расстрижения Аввакума 13 мая 1666 г. прошло «годовъ с тринатцеть») в поддержку и «во славу» верным, защищающим «истинну Божию», старые обряды и книги, в отличие от тех, кто, повинуясь «псам-никониянам», бездумно принимает все новые установления властей, говоря «Намъ-де что?», «Намъ-де велятъ такъ!» В круг рассуждений Аввакума входят исторические и библейские персонажи, современники: греческие патриархи, приехавшие на церковный собор, апостол Павел, Адам, праведный Иов, юродивый Андрей Цареградский, Никон, царь Алексей, боярыня (Ф. П. Морозова) с сестрами, мезенец Ияков, его жена Орина; сюжеты, связанные с ними, их судьбы, речения позволяют Аввакуму развить главную тему послания — личной ответственности каждого перед Богом и людьми за свои дела («От дел звание

приемлют», — пишет Аввакум). Печатается по единственному списку XVIII в.: *РГБ*, ф. 242, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 66—71 об.

Стр. 196. *Сила Божия... живъ будетъ.* — Рим. 1, 16—17.

Открывается гнѣвъ Божий... явилъ есть имъ. — Рим. 1, 18—19.

Невидимая бо его... омрачися неразумное их сердце. — Рим. 1, 20—21.

...патриарси со мною... на соньмище ратовавшеся... — О своих спорах с вселенскими патриархами Макарием Антиохийским и Паисием Александрийским на церковном соборе 1667 г. Аввакум рассказывает в «Житии» (см.: с. 95—96).

...небо... въпосолонь вертится, а вы... ходите противу солньца и всея твари. — Аввакум приводит доводы в пользу старого обычая хождения в церкви «впосолонь» (по солнцу).

Изъмениша славу Божию... человѣка... — Рим. 1, 23.

...«иже премѣниша истинну... во лжу». — Рим. 1, 25.

Стр. 197. *И якоже не искусиша Бога... волю дѣютъ творящимъ.* — Рим. 1, 28—32.

...«Въкусите от древа... яковъ сам бѣ». — Ср.: Быт. 3, 1—5.

...в которой день монастырь истнилъ... въ той день и самъ изъчезъ. — Соловецкий монастырь был взят царским войсками 27 января 1676 г. Царь умер через два дня, в ночь с 29 на 30 января 1676 г. В этом мистическом совпадении старообрядцы видели очевидную Божью кару: наказание царя последовало немедленно вслед за разрушением оплота старой веры.

Стр. 198. *...оболга дьяволъ къ Богу человѣка, чти во Иове.* — См.: Иов 1, 6—11; 2, 4.

А бояроня съ сестрами умерла о Христѣ... — Ф. П. Морозова умерла в ночь на 2 ноября 1675 г., Е. П. Урусова — 11 сентября 1675 г., М. Г. Данилова — 1 декабря 1675 г.

Андрей Юродивый (ум. ок. 940 г.) — святой Восточнохристианской церкви. В Житии Андрея (ВМЧ, память 2 октября) рассказывается о его сне, в котором он боролся с черным «ефиопом» — «тысящником ⟨...⟩ легеона сатанина» и победил его на радость «белоризцем» — ангелам.

Как стригли меня на Москвѣ... — Аввакум был лишен сана (расстрижен) и проклят 13 мая 1666 г. в Успенском соборе Кремля.

Послание отцу Сергию с «отцы и братией»

Отец Сергий — имя, принятое в монашестве Симеоном, учеником и близким духовным сыном Аввакума, адресатом нескольких его писем и обращений из Пустозерска; Симеону Аввакум послал и свою большую «Книгу толкований». Мирское имя Симеона — Семен Иванович Крашенинников; он нижегородец, земляк Аввакума, монашеский постриг принял в 1675 г. и стал одним из руководителей московской общины старообрядцев. Отец Сергий был сподвижником одного из лидеров старообрядческого движения XVII в. и одного из духовных руководителей стрелецкого бунта в мае 1682 г. Никиты Константиновича Добрынина (власти называли его «Пустосвятом»), казненного в Москве 6 июля 1682 г. после его победы в прениях с патриархом Иоакимом и церковными властями о «старой вере» в Грановитой палате Кремля в присутствии «правительницы» — царевны Софьи. Отец Сергий участвовал в разработке лозунгов стрелецкого восстания в мае 1682 г., написал челобитную от имени всех стрелецких полков и жителей московских слобод; после разгрома движения ушел на Керженец. Кроме отца Сергия адресатами послания являются дочери княгини Е. П. Урусовой — Анастасия и Евдокия, москвичи — Анисим Фокин и священник отец Стефан. Послание написано после ноября 1675 г. (после пострижения Симеона в монахи и смерти Е. П. Урусовой и Ф. П. Морозовой), по-видимому, в самом конце 1670-х гг. Неясно, что значит буква «ц» при имени Анастасии Урусовой в рукописи. Предполагается, что «ц» — это начальная буква слова «царица» (обычный в старообрядческих рукописях прием тайного упоминания царя) и что послание написано или в 1680, или в 1681 г., когда царь Федор Алексеевич собирался жениться. Послание печатается по изданию единственного списка XVII в.: *ГИМ*, собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), л. 81 об.—86 об.

Стр. 199. *Новому игумну, старому моему чаду, Сергию отцу...* — Обращение Аввакума сразу указывает на новый статус инока Сергия — руководителя московской общины.

...в пазухѣ Авраамовѣ. — Т. е. поселиться в райских кущах, где пребывает самый древний праведник — праотец Авраам.

Иосиф Волоцкий (1439—1515) — игумен волоколамского Успенского монастыря, публицист, церковный писатель. Аввакум высказывает здесь свое несогласие с Иосифом Волоцким, стоявшим на ортодоксальной точке зрения по вопросу о сошествии Христа в ад.

...в словѣ Епифаниеве... — Имеется в виду апокрифическое «Слово в святую и Великую субботу» Епифания Кипрского (367—403).

«Возьмите врата, князи, ваша»... — Пс. 23, 7.

Евсѣвий Самосадский... — Аввакум ссылается на апокрифическое «Слово... о вшествии Иоанна Предтечи во ад», приписываемое Евсевию Самосатскому (автором он был назван в печатном московском Соборнике (М., 1647 г.)); автор «Слова» — Евсевий Александрийский.

Стр. 199—200. *Федька-отступникъ* — дьякон Федор (см. коммент. на с. 610).

Стр. 200. *...Климантовы те книги...* — Два канонических памятника раннего христианства — «Правила святых апостолов» и «Постановления апостольские» — приписывались св. Клименту (I в.), сподвижнику апостолов Петра и Павла.

...Григория Низкова правила? — Григорий (ок. 331—ок. 394), епископ Нисский.

...отчасти... пророчествуемъ. — 1 Кор. 13, 9.

...яко свиния... чрево свое. — Лк. 15, 16.

«Далече от грѣшныхъ спасение» — Пс. 118, 155.

«Яко погна врагъ душю мою... духъ мой». — Пс. 142, 3—4.

Июдифь — библейская героиня; спасла Иудею от порабощения, убив вавилонского полководца Олоферна (Иудифь, 8—16).

Материнъ... ум-отъ... у тетушки... обѣдывали. — Речь идет о матери — княгине Е. П. Урусовой и родной тетке — боярыне Ф. П. Морозовой.

Стр. 201. *...сами говорили на правилѣ и всяко...* — Текст обрывается, далее четыре строчки в рукописи зачеркнуты; можно разобрать лишь отдельные слова — остатки, по-видимому, «столбцов» писем Е. П. Урусовой: «онъ... пускай сказываетъ... чернецъ, не покидай их, отрасли моей... поливай их слезами...».

Зѣло... докучала мнѣ о них... — В делах Тайного приказа сохранились письма Е. П. Урусовой детям (см. с. 291—296).

Стефан, Козьма, Исидор — московские священники, корреспонденты Аввакума.

...толк-от Афанасиевъ правъ... — Аввакум имеет в виду Толковую Псалтирь, приписываемую Афанасию Александрийскому (298—373).

Григорий — епископ Омиритский (ум. в 560 г.) — святой Восточнохристианской церкви.

Стр. 202. *...Никтоже душю мою... прияти ю.* — Ср.: Ин. 10,8

«Отче, в руце твои... мой»... — Лк. 23, 46.

Иван Ексархъ... — Иоанн, экзарх Болгарский (X в.), автор хорошо известного на Руси «Шестоднева» — толкования библейского рассказа о сотворении мира в шесть дней.

Кормчая — древний свод церковных правил и уставов.

Письмо «отцам святым» и «преподобным маткам»

Письмо написано в царствование Федора Алексеевича после января 1676 г.; направлено в какую-то небольшую старообрядческую общину, может быть в заволжские скиты, так как рукопись, в которой оно находится, керженского происхождения.

Печатается по единственному списку XVII в.: *РНБ.* О. XVII. 37, л. 29—30.

Стр. 202. *Всяк бо возносяйся... вознесется.* — Лк. 14, 11; Мф. 23,12.

...смирил себе... всякаго имени. — Фил. 2, 8—9.

...со страстьми и похотьми бравшеся... — Ср.: Гал. 5, 24.

Стр. 203. *...взирающе на начальника... Исуса...* — Евр. 12, 2.

Веселитеся о Господѣ... правии сердцемъ. — Пс. 31, 11.

Письмо старице Каптелине

Старица Каптелина Мелентьевна — духовная дочь Аввакума и, по-видимому, его землячка, известная противница «самоубийственных смертей», жившая в Ветлужских лесах, на Керженце и в Пошехонье. Письмо написано в последние годы жизни Аввакума, когда им настойчиво стала овладевать мысль о необходимости монашеского, аскетического подвига; «мирская жизнь» и даже одно воспоминание о ней осуждаются теперь Аввакумом. Цель письма — дать наставления Каптелине, как жить в иночестве. Идеал аскетического смирения и самоотречения, развитый здесь Аввакумом, сопровождается рассуждением о равенстве всех членов общины перед Богом. Письмо Каптелине — образец литературного мастерства Аввакума, знатока человеческих душ. Интимность, доверительность тона, нежность к Каптелине и восхищение ее подвигом, обращение к воспоминаниям ее детства — должны преодолеть расстояние между ними: тысячи километров пространства и десятки лет разлуки.

Найдено И. М. Кудрявцевым, издано: Демкова Н. С., Малышев В. И. Неизвестные письма протопопа Аввакума... // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 32. М., 1971. С. 168—181. Печатается по этому изданию, по рукописи первой четверти XVIII в.: *РГБ*, ф. 17, № 1234, л. 2 об.—6, единственный список.

Стр. 203. *Виноград едемский именую тя... сладкоглаголивая!* — Выражение, ставшее литературной формулой в письмах Аввакума его духовным дочерям — Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой, нижегородке К. А. Болотовых и др.

Егда тя обыдутъ... пишу себѣ... — Ср.: Пс. 103, 21.

...за молитвъ святых отецъ... Заступнице християномъ... Отступи, неприязнь... а не блудить. — Аввакум использует здесь тексты различных молитв (ср.: Псалтирь с восследованием. М., 1942. Л. 257 об.; Требник Петра Могилы. Киев, 1646. Ч. 3. Л. 347 и др.).

Стр. 204. *«Сьюзимѣ плоти смиряется сердце... помышления».* — Точной аналогии в книге Иисуса Сираха не найдено (ср.: Сирах, 5, 2; 18, 30).

..Ефрем святый... «Чернечествуй умови... вопросу и отвѣту». — Аввакум использует текст одного из поучений Ефрема Сирина (IX в.) из книги, хорошо ему известной (см. «Житие», с. 100): Ефрем Сирин. Поучения. М., 1647. Л. 102—102 об.

Неокормлении падают, яко листвие. — Ср.. Пр. 11, 14.

Нѣсть июдей... о Христѣ. — Ср.: Гал. 3, 28.

В день... аггеломъ суть. — Ср.: Мф. 22, 30.

Стр. 205. *«Повинуйтеся... от нихъ храните».* — Ср.: Евр. 13, 17.

Отечница (или «Отечник») — русское название патериков, сборников житий христианских подвижников.

Послание Ионе и Моисею

Послание направлялось на родину Аввакума, в Заволжье, в керженские скиты, где скрывались многие противники никоновской реформы. Один из адресатов послания — Иона, по-видимому земляк Аввакума «Иона-нижегородец», известный деятель старообрядчества XVII в. Послание было написано в самом конце 1670-х—начале 1680-х гг.; оно пронизано глубоким, щемящим чувством одиночества. Аввакум называет себя «сиротой», он — «осиротевша Бога и человек»; так Аввакум писал о себе и в «Слове плачевном» на смерть боярыни Морозовой: «Увы мне, осиротевшему!» (см. с. 226). Цель обращения Аввакума — напомнить о себе возможно более широкому кругу лиц и приобщиться, находясь в заточении, к миру единомышленников: послание сопровождается про-

сьбой к другим керженцам — Афанасию Зубову и Луке Рубашешнику — обойти скиты, испросить у всех молитву за Аввакума.

Найдено И. М. Кудрявцевым, издано: Демкова Н. С., Малышев В. И. Неизвестные письма протопопа Аввакума... // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 32. М., 1971. С. 168—170. Печатается по этому изданию (единственный список первой четверти XVIII в.: *РГБ*, ф. 17, № 1224, л. 1—2 об.).

Стр. 205. *Горьних... мудрствуйте.* — Ср.: Кол. 3, 1—3.

Стр. 206. *Гдѣ иду и камо бѣжу?* — Ср.: Пс. 138, 7.

Старец — инок Епифаний, духовный отец Аввакума, его соузник.

Обыдоша ны пси мнози... нас. — Ср.: Пс. 21, 17.

Ануфрий Великий — египетский пустынник IV в., прославившийся духовными подвигами (память 12 июня); имя его воспринималось как символ пустыннической жизни.

...со оглашенными... — С людьми, наставляемыми в основах веры и готовящимися принять таинство Крещения.

Моисей — библейский пророк; Аввакум сопоставляет с ним одного из адресатов своего писания: его молитва должна так же быстро дойти до Господа.

Моисею, Моисею.. посрѣде воды и воды. — Ср.: Исх. 14, 15—16.

...един Моисей... 600 000... — Ср.: Исх. 12, 37—38.

Афонасей Зубов с Лукою Рубашешником... — Эти имена впервые встречаются в сочинениях Аввакума; известен Лука — автор специального «челобитья за рубаху», упоминавшийся Ефросином как сторонник «самоубийственных смертей» в «Отразительном писании» (СПб., 1895. С. 88—89).

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СЕМЬЕ

Семья играла большую роль в духовной жизни Аввакума. Жена его Анастасия Марковна (1624—1710), дочь кузнеца из родного села Аввакума — Григорова, была его верным другом и единомышленником. Вместе с ним и малыми детьми преодолела она сотни верст пеших и водных путей Сибири и Забайкалья (1653—1664), оплакала умерших в ссылке сыновей и вновь благословила Аввакума на борьбу (см. «Житие», с. 87). Сосланная на Мезень в 1664 г. Анастасия Марковна оттуда вместе с детьми помогала Аввакуму в его московском и особенно в пустозерском заточении. Окладникова слободка на Мезени, где жила семья Аввакума, стала центром переписки и распространения сочинений пустозерских узников. Во второй половине марта 1670 г. жена Аввакума вместе с двумя старшими сыновьями была заключена в земляную тюрьму и находилась в ней не менее 12 лет (дата освобождения ее из темницы неизвестна). Только в 1693 г., спустя почти 11 лет после казни Аввакума, Анастасии Марковне разрешено было уехать из Мезени в Москву. Найдены четыре письма Аввакума семье, все они были отправлены на Мезень.

1

Письмо Анастасии Марковне из Николо-Угрешского монастыря от 30 мая 1666 г. было написано Аввакумом в ожидании смерти после «расстрижения» его (лишения сана священника) и предания анафеме на церковном соборе 13 мая 1666 г. Это письмо — прощание Аввакума с семьей и его краткое завещание. Аввакум специально отмечает тяжелые обстоятельства написания письма: «Писано в темницѣ лучинкою, кое-как». В рукописной копии XVIII в. ошибочная дата: «маия въ 1 день» (Аввакум только 15 мая прибыл в монастырь). Как предположил В. И. Малышев, нашедший это письмо, переписчик ошибочно прочел букву «л», обозначавшую цифру 30, как букву «а», обозначавшую единицу (см.: Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и

новые документы о нем // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. ун-та. Л., 1951. Вып. 3. С. 260). Это предположение подтверждается и другими данными: праздник Вознесения, упоминаемый Аввакумом, в 1666 г. был 24 мая.

Печатается по списку конца XVIII в.: *ГИМ*, собр. Вострякова, № 1009, л. 112 об.—114.

Стр. 207. *В Пафнотьевѣ монастырѣ... на перемѣнныхъ цѣпяхъ...* — Пафнутьев монастырь около Боровска (теперь — Калужская область), основанный в середине XV в., в XVI и XVII вв. использовался как церковная тюрьма. Аввакум, привезенный в Москву из мезенской ссылки 1 марта 1666 г., был заключен в Пафнутьевом монастыре с 9 марта по 12 мая 1666 г.; игумен Парфентий мучил его, «переменяя цепи» (см. «Житие», Прянишниковский список, с. 115).

У Николы на Угрѣше сѣжю в темной полатѣ... — Николо-Угрешский монастырь около Москвы (за Коломенским) на левом берегу р. Москвы, основан в конце XIV в.; Аввакум был привезен туда 15 мая и помещен, как он писал в «Житии», в «студеную полатку» под церковью (сидел до 3 сентября 1666 г.).

Дѣти... приѣзжаютъ... — Сыновья Аввакума Иван и Прокопий вместе с Аввакумом «съехали» с Мезени и находились в Москве на свободе (были арестованы 8 июля 1666 г. «на зоре» за попытку поговорить с Аввакумом через оконце его «полатки»).

...мизинцу моему... — Младший сын Аввакума Афанасий родился на Мезени в декабре 1664 г.

Молитва бо Петра... избави... — См.: Деян. 12, 4—9.

...молитва Иону из чрева китова изведе... — См.: Иона 2.

...молитва... отроковъ от огня свободи... — См.: Дан. 3, 20—50.

...Анна Самоила породи... — См.: 1 Цар 1, 10—20. Аввакум напоминает жене евангельские и ветхозаветные сюжеты о спасении праведников, по-видимому хорошо известные Анастасии Марковне.

Въ Вознесеньевъ день... радости многия исполнен бых. — Об этом видении Аввакум писал в «пятой» челобитной Алексею Михайловичу.

2

Письмо адресовано старшим сыновьям Аввакума Ивану (1644—1720) и Прокопию (род. в 1648 г.), выполнявшим роль связующего звена между пустозерскими узниками и внешним миром («грамотки» из Пустозерска — через Мезень — направлялись в основном в Москву). Иван и Прокопий, арестованные 8 июля 1666 г., были освобождены из тюрьмы 20 сентября 1666 г., дав подписку никуда не выезжать из Москвы «без указу». К семье на Мезень они «прибрели» летом 1669 г. и жили там на свободе до марта 1670 г. — до начала мезенских казней и заключения их вместе с матерью в земляную тюрьму. Издается по автографу: *РГАДА*, ф. 27, № 596.

Стр. 208. *...з братом, и с сестрами, з женою и дочерью...* — Брат Ивана и Прокопия — Афанасий; сестры — Агриппина (род. в 1645 г.), Акилина и Ксения; жена Ивана — Неонила, дочь его — Мария.

...старец... — Соузник Аввакума и его «духовный отец», соловецкий инок Епифаний (см. его «Житие», с. 229—254).

...бояроня... — Ф. П. Морозова.

3

Письмо адресовано старшему сыну «Ивану с матерью», семье и всем домочадцам Аввакума («всѣмъ без розбору») на Мезень. В число адресатов включены как близкие семье Аввакума люди, так и Феодор с Лукою, его «духовные дети». Феодор — известный в истории раннего старо-

обрядчества устюжский, а затем московский юродивый — пришел на Мезень из Москвы, где он был тесно связан (после ареста Аввакума) с домом боярыни Ф. П. Морозовой (см. с. 590). Лука Лаврентьевич — юноша-москвич, по профессии «усмарь» (кожевник), последовавший за семьей Аввакума в ссылку (оба были повешены на Мезени в марте 1670 г.). Письмо написано между 6 января и мартом 1670 г.; печатается по автографу: *РГАДА*, ф. 27, № 600; ряд чтений восстановлен по изданию Я. Л. Барскова «Памятники русского старообрядчества XVII века». М., 1912. С. 44—45.

Стр. 208. *Пришли с Машигиным ваши всѣ посылки.* — Стрелец М. Машигин был отправлен в Москву с отпиской пустозерского воеводы И. Неелова осенью 1669 г. Возможно, предыдущее письмо Аввакума семье было отправлено именно с ним, а на обратном пути в Пустозерск Машигин захватил «посылки» протопопу от семьи.

Ографена — дочь Аввакума (Агриппина).

...ферезишков нѣтъ. — Ферязь — длинное платье с длинными рукавами.

Грамотки... в столпчик запечатай... — Письма писались на узких бумажных полосах (столбцах) и затем туго сворачивались в одну трубку («столп»).

Послал нынѣ богоявленской воды боченку, а лѣтом — августовы... — Богоявленская вода — вода, освященная в праздник Богоявления (6 января); августова вода — вода, освященная Аввакумом летом, в день водосвятия 1 августа.

Маремьяна — вероятно, Маремьяна Федоровна, московская старообрядка (см. о ней с. 186—188, 566).

Святитъ бо ся муж... вѣрней. — 1 Петр. 2, 11.

Стр. 209. *В Соловки те... хотя бы подъехал...* — Проникнуть в Соловецкий монастырь в это время было уже трудно, так как монастырь с июня 1668 г. был осажден царскими войсками.

Тимофей, Иван Архипов, Стефан, Орина — личности их не установлены.

Федосья — Ф. П. Морозова.

Вѣдаю... кутил ты! — Упрек обращен к Феодору, поссорившемуся с Ф. П. Морозовой перед уходом из Москвы в 1669 г.

4

Письмо написано в 1673 г. (Аввакум пишет: «...и рубашку с себя скинул... уже три года будет»; известно, что Аввакум «рубашку скинул» после 14 апреля 1670 г., попав в земляную тюрьму). Цель письма — поддержать павшую духом Анастасию Марковну, находящуюся уже более трех лет в земляной тюрьме на Мезени, и детей, оставшихся без матери. Аввакум подбирает цитаты из Екклизиаста, Евангелий, Псалтири, сурово напоминая жене о суетности земной жизни («О нужных заповедано промышляти, но излишняя — отсекать») и вступая с ней в прямой диалог «Послушай, Марковна, али не такъ говорю?.. Чего для печешься о излишних и о плотских скорбишъ?»), пробуждает веру в неизменный промысел Господа о доверившихся ему людях («Али Богъ забылъ насъ? Ни, ни!»). Аввакум рассказывает о своем опыте духовной жизни в темнице, напоминает об испытаниях сибирской ссылки, которые они выдержали, о неизбежности перемен к лучшему. Вторая часть письма обращена к младшему сыну, Афанасию, «утешившему» отца твердостью в вере при допросе его воеводой. Афанасий, которому было чуть более девяти лет, теперь стал старшим в семье и как мужчина отвечает за судьбу сестер и племянницы. («А девок тех учи, а сам у братей учися...»). Наставления Афанасию незаметно переводят высокие темы письма на конкретные бытовые вопросы, возвращая жене Аввакума и детям новые надежды на жизнь.

Печатается по списку XIX в.: *ГИМ*, собр. Хлудова, № 257, л. 278—282.

Стр. 209. *Возлюбленнии... душю нашу.* — 1 Петр. 2, 11.

...вся суета, а все суетие. — Екк. 1, 2.

Увы, красный унылъ... Се бо разлучаемся. — Парафраз стихиры Иоанна Дамаскина на погребение.

Имѣющу пищу... довольни будем. — Тим. 6, 8.

Аще и забудетъ мати... забуду. — Ис. 49, 15.

Не пять ли птиц... есте вы. — Мф. 10, 29—31; Лк. 12, 6—7.

Нѣбо и земля... преити. — Лк. 21, 33.

Внуши, Боже... моления моего. — Пс. 54, 1.

Стр. 209—210. ...*«умякнуша словеса... суть стрѣлы».* — Пс. 54, 22.

Стр. 210. *«Ты же, Боже... студенецъ истлѣния»...* — Пс. 54, 24.

...звѣрь даурский... — Аввакум имеет в виду Афанасия Пашкова.

...и в Енесейскѣ Ржевскому... — Иван Иванович Ржевский (ум. в 1678 г.) — воевода в Енисейске с 1658 по 1663 г.

...*«И умертвять от васъ... душа ваша».* — Лк. 21, 16—19.

Григорий — личность его не установлена; *Марья* — дочь Ивана, сына Аввакума; *Окулина* (Акилина) — дочь Аввакума.

Стр. 211. *...на висилицу... не пошли... И Петр — апостолъ нѣкогда такъ зделалъ...* — Речь идет о старших братьях Афанасия — Иване и Прокопии. Аввакум пытается простить малодушие старших сыновей, под страхом смерти повинившихся перед воеводой (см. выше: «Житие», с. 97), приводя в пример ап. Петра, отрекшегося от Христа, но покаявшегося и получившего прощение (Ин. 13, 37—38; Мф. 26, 69—75).

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

Боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова, урожденная Соковнина (1632—1675), — яркая и трагическая фигура русской истории XVII в. Судьба высоко вознесла ее: в 17 лет она становится боярыней — женой Глеба Ивановича Морозова, а вскоре после свадьбы — приближенной молодой царицы Марии Ильиничны и одной из первых при дворе «верховых боярынь». Через 13 лет, в 1662 г., после смерти мужа и его бездетного брата — боярина Бориса Ивановича Морозова, дядьки царя Алексея и всесильного временщика в начале его царствования, Ф. П. Морозова вместе с единственным сыном Иванушкой — наследница и управительница огромного по тем временам состояния. Рано овдовев и будучи, по-видимому, от природы деятельной и незаурядной натурой, Ф. П. Морозова не удовлетворилась воспитанием сына и хозяйственными делами: она искала для себя деяния и духовного подвига. Встреча весной 1664 г. с вернувшимся из сибирской ссылки в Москву протопопом Аввакумом во многом определила ее дальнейший жизненный путь: вместе со своей младшей сестрой княгиней Евдокией Прокопьевной Урусовой Ф. П. Морозова выступила убежденной противницей церковной реформы. Протопоп Аввакум стал ее «духовным отцом» и наставником в делах веры.

Последовательное сопротивление Ф. П. Морозовой церковной реформе, проводимой патриархом Никоном и царем, поддержка боярыней приверженцев «старой веры», твердый отказ выполнить волю царя и поступить вопреки собственным убеждениям сделали ее сначала опальной боярыней, а затем поставили в ряд государственных преступников. Ни богатство, ни прежние личные связи семьи не спасли ее от царского гнева: в ночь на 16 ноября 1671 г. Ф. П. Морозова была арестована вместе с сестрой Е. П. Урусовой, разлучена с сыном, умершим вскоре после ареста матери (весной 1672 г.), закована в кандалы и лишена всего своего состояния. Непослушание Ф. П. Морозовой царь пытался сломить и уговорами, и суровым тюремным заключением: ножные кандалы с Ф. П. Морозовой на третий день были сняты, но власти пригнули к земле непокорную голову боярыни: ее шею замкнуло «огорлие» железной цепи, на другом конце которой находилась тяжелая деревянная колода — «стул»; когда же стало ясно, что позиция Ф. П. Морозовой неизменна, начались «казни»: ее вместе с сестрой подвергли жестоким и унизительным пыткам на «дыбе»

(по-видимому, в самом конце зимы 1672/73 г.), и затем вместе с Евдокией и Марией Герасимовной Даниловой, женой стрелецкого полковника Иакинфа Ивановича Данилова, — заключили в земляную тюрьму Боровского острога (предположительно с конца лета—осенью 1673 г.), где узниц уморили голодом по приказу царя, не решившегося на публичную казнь. Ф. П. Морозова умерла в ночь с 1 на 2 ноября 1675 г.

Сохранились два письма Аввакума Ф. П. Морозовой из Пустозерска в то время, когда она находилась еще на свободе, а также два его послания Ф. П. Морозовой и ее «соузницам» — Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой.

1

Письмо сохранилось в автографе (*РГАДА*, ф. 27, № 598), написано на чистых местах столбца Ф. П. Морозовой и на обороте ее письма Аввакуму, в котором она просила его помолиться, чтобы Бог «подал» ее сыну «супружницу на спасение» (см. с. 290). Письмо Аввакума является ответом и на предыдущие письма Морозовой, где она жаловалась на Федора юродивого и сыновей Аввакума, живших в ее доме, которые «переняли» у Федора «высокоумья великое на себя», и просила Аввакума «запретить» сыновьям, «чтобы им с ним не знатца» (см. «Переписку Ф. П. Морозовой с Аввакумом», с. 285). Известно, что сыновья Аввакума были в Москве до начала лета 1669 г. Датируется письмо 1669 г.; публикуется по автографу.

Стр. 212. *Прежде сих грамоток...* — Речь идет о письмах Морозовой, полученных Аввакумом.

...яко и Епифания Евдоксия. — Аввакум напоминает эпизод из истории Византии: императрице Евдоксии (ум. в 404 г.) в ее борьбе против Иоанна Златоуста удалось привлечь на свою сторону Епифания Кипрского.

...поганую вашу любовь разорвала... — Неясно, чьи и какие взаимоотношения имеет в виду Аввакум.

...выколи глазища-те... что и Мастридия... — Аввакум имеет в виду поступок византийской святой преподобной Мастридии (Пролог, память 24 ноября), выколовшей свои красивые глаза, чтобы не вызывать к себе любовного вожделения.

Не кручинься на Марковну... — Жена Аввакума Анастасия Марковна, в ссоре Морозовой с Федором поддерживала сыновей.

2

Написано после 14 апреля 1670 г., когда Аввакум был посажен в земляную тюрьму (в конце письма Аввакум называет себя «живым мертвецом»), и до 16 ноября 1671 г. (до взятия Морозовой под стражу). Письмо отличается от предыдущих «грамоток» Аввакума некоторой официальностью и суровостью тона: Аввакум строго учит духовную дочь ежедневному молитвенному распорядку дня и ночи и самоограничению. Чем вызвана необходимость этих наставлений? Можно догадываться, что это письмо одно из первых, написанных Аввакумом вскоре после его нового заточения в страшную земляную тюрьму. Известно о том нервном срыве, который был у Аввакума и других заключенных после «казни» 14 апреля: они выбросили из темниц все, «что было у них от имения», и голодали 12 дней (см. выше «Записку очевидца ⟨...⟩ о второй казни», с. 121—122). Поэтому кажется, что первый абзац этого письма является не столько наставлением Морозовой, сколько Аввакум пишет здесь о самом себе — о необходимости принимать испытания сегодняшнего дня, которые посылает Господь, открывающий людям «безвестныя и тайныя», приуготовляя их к Страшному суду. Требования к боярыне Аввакум одновременно обращает и к самому себе: строгий распорядок молитв и служб помогает ему сохранить чувство времени — то, что позволяет выживать в абсолютном ограничении жизненного пространства.

Стр. 213. *«Егда поносятъ вамъ и изженутъ вы... на небесѣхъ».* — Мф. 5, 11—12.
Стр. 214. *Не презирай...* — Т. е. «не забывай».

ПОСЛАНИЕ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ И КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Это, по-видимому, одно из писем Аввакума 1672—начала 1673 г., отражающих его беспокойство за судьбу духовных дочерей, жизнь которых недавно так круто изменилась: Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова были заключены под стражу 16 ноября 1671 г. До Аввакума дошли известия о пытках и страданиях сестер в московских тюрьмах, ему уже было известно о смерти сына Ф. П. Морозовой — Ивана Глебовича (ум. весной 1672 г.). Печатается по списку конца XVIII в.: *РГБ*, собр. Егорова, № 1885, л. 174—178.

Стр. 215. *...Господи, помощи ми потщися... Спасителю нашъ.* — Пс. 78, 8—9.

Енох, Илия — библейский патриарх Енох и пророк Илия — символы особой праведности: они были живыми взяты на небо.

...жезл Аароновъ прозябший... — В подтверждение прав Аарона (старшего брата пророка Моисея) на священство его ореховый жезл расцвел и принес плоды (см.: числ. 16, 11—35).

Стр. 216. *...20 лѣтъ и единое лѣто мучатъ мя...* — Неясно, с какого времени Аввакум ведет отсчет своих мучений.

Борис Иванович Морозов (ок. 1590—1662) — брат мужа Ф. П. Морозовой, воспитатель царя Алексея Михайловича, один из богатейших людей того времени.

С Феодоромъ... ликовствуютъ... — Федор юродивый был казнен на Мезени в марте 1670 г.

...переднимъ. — Выражение не вполне понятно; возможно, «передними» названа семья Аввакума на Мезени, которую «мужик» посетил до Пустозерска, но, может быть, это дефект текста.

...заводовъ — то есть имения, имущество.

ПОСЛАНИЕ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ, КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ И М. Г. ДАНИЛОВОЙ

Послание было отправлено в Боровск, где с конца лета—осени 1673 г. были в заточении, сначала в монастырской тюрьме, а затем в земляной тюрьме острога, присланные из Москвы Ф. П. Морозова (в монашестве Феодора) и Е. П. Урусова; здесь же в Боровске, вместе с ними в заключении, находилась и третья «сестра» — Мария Герасимовна Данилова, жена стрелецкого полковника Акинфия Ивановича Данилова. Аввакум посылает благословение «Устине-старице с побратимом», которые, как известно из «Жития боярыни Морозовой», также были с ними в боровской тюрьме. Время написания послания — вторая половина 1673—1675 гг. Послание сопровождало «Книгу бесед» Аввакума, отправленную боровским узницам. Печатается по списку конца XVIII в.: *ГИМ*, Музейское собр., № 2582, л. 123—129.

Стр. 218. *Благословенъ еси, Боже... во вѣки вся.* — Дан. 3, 4.

Василий Великий (329—378), его друг и сподвижник *Григорий Богослов* (328—390), *Иоанн Златоуст* (ок. 347—407) — христианские богословы, отцы Церкви.

Афанасий Александрийский (293—373) — епископ Александрии, прославившийся в истории Церкви борьбой с арианством.

...Федоръ дьяконъ... — Пустозерский соузник Аввакума, один из первых деятелей движения старообрядцев XVII в. См. с. 610.

Стр. 219. *Въ книге моей написано и послано к вамъ...* — Аввакум имеет в виду свою восьмую беседу из «Книги бесед», где он, не называя противника по имени, полемизировал с «некоторыми гадами» (очевидно, с тем же дьяконом Федором) по ряду догматических вопросов.

Евдокѣя да Марья оханье прислали ко мнѣ... — Речь идет о письмах Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой Аввакуму.

...что... о Иванѣ-то болно сокрушаешъся? — Аввакум утешает Морозову, горюющую о смерти сына (1672) и о том, что никониане перед смертью причастили его «по-новому».

Стр. 220. *Григорей о Троянѣ... помолился — ино отдали.* — Житие Григория Двоеслова рассказывает о том, как он вымолил у Христа прощение императору Трояну, преследовавшему христиан.

Преподобнамученица Феодосья — Феодосия Цареградская (VIII в.), христианская святая (память 29 мая), небесная покровительница Феодосьи Морозовой, монахиня знатного происхождения, пострадавшая за свое бесстрашное сопротивление иконоборцам.

...батюшко... — Князь П. С. Урусов, с которым Е. П. Урусову развели после ее заключения в тюрьму.

Стр. 221. *Меланья* (она же Александра Григорьевна) — духовная наставница Ф. П. Морозовой и ее женского окружения (см. Житие Ф. П. Морозовой, с. 273, 276—277, 281—283).

О ТРЕХ ИСПОВЕДНИЦАХ СЛОВО ПЛАЧЕВНОЕ

«Слово плачевное» — непосредственный отклик Аввакума на известие о смерти трех боровских узниц, его «духовных дочерей», широко известных и почитаемых в старообрядческом мире, подвижниц, боровшихся с реформами патриарха Никона, — боярыни Ф. П. Морозовой, княгини Е. П. Урусовой и жены стрелецкого полковника М. Г. Даниловой, умерших от голода осенью 1675 г. в Боровской земляной тюрьме. «Слово» датируется концом 1675—началом 1676 г.: известия из Москвы достигали Пустозерска примерно через 40 дней после событий. Текст «Слова», сохранившийся в единственном дефектном списке конца XVII—начала XVIII в., был найден А. И. Мазуниным и впервые опубликован им в 1960 г. (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... М., 1960, с. 295—302). При создании «Слова плачевного» Аввакум ориентировался на традиции похвальных надгробных слов, однако сильный личный момент в отношении к «трем исповедницам», эмоциональный взрыв, вызванный известием о мучительной смерти близкого друга — боярыни Ф. П. Морозовой, чувство тоски и горя привели к кардинальной ломке литературных канонов: Аввакум создает свой вариант жития боярыни Морозовой, насыщенный характеристиками исторических деятелей XVII в., описанием реальных ситуаций, биографическими и автобиографическими подробностями (ср. Житие боярыни Ф. П. Морозовой в наст. издании). Автобиографические припоминания Аввакума в этом тексте говорят о большом значении в его жизни Ф. П. Морозовой и создают атмосферу глубоко личной трагедии. Плач по Ф. П. Морозовой и ее погибшим сестрам по крови и по судьбе завершается заочной заупокойной службой, которую вершит Аввакум в память о них, и его молитвой с призывом воздать «врагомъ 〈...〉 по дѣлом ихъ...». Текст публикуется по единственному списку: *ГИМ*, Музейское собр., № 3003, л. 120 об.—134.

Стр. 222. *Месяца ноября во второй день... Феодоры.* — Ф. П. Морозова умерла в ночь на 2 ноября 1675 г.; фраза принадлежит, по-видимому, переписчику текста, отсюда ошибка: Ф. П. Морозова не была «княгиней».

...отступника християнскаго... — Так резко Аввакум впервые называет царя Алексея Михайловича.

...сноха моя, Анна Ильична... — А. И. Морозова, урожденная Милославская, родная сестра царицы Марии Ильиничны, жена деверя Ф. П. Морозовой — Б. И. Морозова, воспитателя царя Алексея и всесильного временщика в его правительстве (до 1648 г.); через нее Морозовы были в родстве (свойстве) с царской семьей; умерла в 1667 г.

Вдова, де, я молодая... — Муж Ф. П. Морозовой Г. И. Морозов умер в 1662 г., оставив ее вдовой в 30 лет.

...в четвертых бояронях. — Ф. П. Морозова вместе с тремя другими боярынями входила в ближайшее окружение царицы, сопровождая ее во всех официальных выходах

Стр. 223. *Бывало, сижю с нею и книгу чту...* — Аввакум познакомился и подружился с Ф. П. Морозовой после своего возвращения из сибирской ссылки весной 1664 г. и мог бывать у нее в доме только весной—летом 1664 г. (29 августа 1664 г. Аввакум был отправлен в ссылку на Мезень).

Бысть же въ Петровъ день пожаръ великий в Москвѣ... — Речь идет о пожаре 12 июля 1664 г.

...азъ бо замедлив в дому Анны Петровны Милославские... — Княгиня Анна Петровна Милославская, внучка князя Д. М. Пожарского, жена И. А. Милославского, двоюродного брата царицы Марии Ильиничны, ее ближняя боярыня.

...Анна Амосова — см. коммент. на с. 566.

...писавше выписки... — Свидетельство Аввакума об участии Ф. П. Морозовой в полемической деятельности в защиту «старой веры».

...Иякима архимарита, патреарха нынѣшняго... — См. коммент. к с. 116, 175.

Стр. 224. *Феодор Ртищев* — см. коммент. к с. 88.

...яко Фекла Павла ищущи... — Сюжет из апокрифических Деяний апостола Павла; *Фекла* — его верная ученица, последовавшая за апостолом и его проповедью христианского вероучения.

...и Евдокею, и Иванушка, и Анну... Феодора... — Имеются в виду сестра Ф. П. Морозовой Е. П. Урусова, сын Иван Морозов, служанка в доме Ф. П. Морозовой и близкий дому Ф. П. Морозовой юродивый Федор.

Стр. 225. *Егда... я взятъ бысть палестинскими...* — Речь идет о судебном заседании церковного собора 17 июня 1667 г., на котором были вселенские («палестинские») патриархи Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский, судившие Аввакума, и о последующем заключении его (перед ссылкой в Пустозерск) на Воробьевых горах.

Звѣрь бо... восхитил ю из дому... — Так Аввакум назвал здесь царя Алексея Михайловича.

...преставися... Иванъ Глѣбовичь... — Сын Ф. П. Морозовой умер весной (в апреле—мае) 1672 г. в возрасте 21—22 лет.

У Евдокеи... трое дѣточек... — Подробнее см. «Письма Е. П. Урусовой» детям (с. 291—296).

Стр. 226. *...верной Ларионъ, Иванов сынъ...* — См. коммент. к с. 261.

...в Боровескъ, на мое отечество... — Аввакум называет так Боровск, потому что был в заключении в Боровском Пафнутьеве монастыре в 1666—1667 г.

Аще тѣлеса ваша и обесчещена... — Речь идет об унизительных предсмертных мучениях боровских узниц и о тайном и бесчестном их погребении по воле царя.

Яко Давыдъ, вопию о Сауле царѣ... — См.: 2 Цар. 1, 24.

Стр. 227. *Милостивъ буди намъ Господи! Прими от нас отшедших... души... идѣже присѣщает свѣтъ лица твоего!* — Из молитв об усопших.

Воздаждь врагомъ нашим по дѣлом ихъ... — См.: Пс. 24, 4—5.

ОБРАЩЕНИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА К «ЧТУЩИМ» И «СЛЫШАЩИМ» И ПОХВАЛА «РУССКОМУ ПРИРОДНОМУ ЯЗЫКУ»

Это обращение Аввакума к читателям в течение длительного времени считалось вступлением к «Житию», так как в нескольких поздних списках одной из редакции «Жития» (редакции В) оно предваряло текст памятника (см.: *РИБ*, стб. 151). В результате открытия И. Н. Заволоко в 1966 г. подлинной пустозерской рукописи автографов Аввакума и Епифания (второй Пустозерский сборник) выяснилось, что обращение является самостоятельным текстом в составе сборника, завершая собой отдельную рукопись Аввакума и Епифания, состоящую из «Жития» Аввакума (редакция В, 1675 г.), первой части «Жития» Епифания и сочинения Аввакума 1672 г. «Снискание и собрания о Божестве и твари». Место этого обращения к читателям в общей композиции рукописной книги свидетельствует о принципиальном значении установки Аввакума на «просторечие» — народный разговорный язык. Текст публикуется по автографу (Пустозерский сборник. Л. 162 об.—163) с исправлением ошибки всех предыдущих изданий, включая и «Пустозерский сборник»: в издании Сборника (с. 112) ошибочно напечатано «говоры» (повторена ошибка предшествующих изданий и всех ранее известных рукописных копий Сборника Заволоко), в то время как в автографе Аввакума стоит слово «говбрь», т. е. речь, разговор (см. словарь В. Даля).

Стр. 228. *И Павел пишет: «Аще языки человѣческими... ничтоже есмь».* — В словах апостола Павла (1 Кор. 13, 1—2) Аввакум ищет оправдание своим, новым для книжника XVII в., стилистическим принципам. Тот же фрагмент послания Павла был использован им более полно в обращении к царю Алексею Михайловичу в «Книге толкований и нравоучений» (см. с. 156).

ЖИТИЕ ИНОКА ЕПИФАНИЯ

Житие инока Епифания написано соузником, другом и духовным отцом протопопа Аввакума. Жизненный путь Епифания — это путь мученика за свои убеждения и веру. Оставив в 1657 г. Соловецкий монастырь, где он принял монашеский постриг, в уединенной пустыни Епифаний пишет книгу в защиту старой веры, с которой приходит в Москву «спасать», поучать и обличать царя Алексея Михайловича, и после антистарообрядческого собора 1666—1667 гг. вместе с Аввакумом и другими единомышленниками, дьяконом Федором и священником Лазарем, оказывается в тюрьме. Его подвергают публичной «казни» на московской площади, а затем с другими соузниками высылают на Крайний Север, в Пустозерский острог. Там он был подвергнут вторичной «казни» с вырезанием языка и отсечением перстов, переносил тяготы почти 15-летнего заточения в земляной тюрьме, отстаивая до последнего часа правоту своих убеждений, и 14 апреля 1682 г. вместе с протопопом Аввакумом, священником Лазарем и дьяконом Федором был сожжен на костре.

Личность инока Епифания привлекательна не только силой и непреклонностью духа, но и глубокой человечностью, простодушием и творческой одаренностью его натуры. Он доверительно рассказывает о своей уединенной жизни на речном Виданском островке, о своих муках после повторной «казни», когда он лежал в луже крови и, свесив с лавки вниз кровоточащую руку, молил Бога о скорой смерти; яркий эпизод Жития — вещий сон Епифания о двух его отрезанных языках. Он повествует о себе как о мученике за веру, включая в текст Жития чудеса, бывшие с ним.

Перенося в Пустозерске нечеловеческие лишения, Епифаний находит силы писать и переписывать свое Житие, составлять и править сборники сочинений пустозерских соузников, побуждать протопопа Аввакума к написанию его собственного Жития.

Некоторые сведения о творческой истории Жития инока Епифания, об особенностях его ранней редакции и о предшествующей ей автобиографической Записке, о трехвековом странствии и открытии для науки Пустозерского сборника И. Н. Заволоко, а также факсимильное воспроизведе-

ние автографов обоих писателей, Аввакума и Епифания, находятся в кн.: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подготовлено Н. С. Демковой, Н. Ф. Дробленковой и Л. И. Сазоновой. Под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Л. А. Дмитриева, Н. С. Демковой. Л., 1975.

Публикуемый текст Жития Епифания состоит из двух частей. Оно сохранилось в нескольких списках, в которых значатся разные адресаты: Симеон, Афанасий. Некоторые из известных списков (в том числе и издаваемый) являются автографами Епифания. Стиль Епифания привлекает живостью и простотой повествования, близкого устным народным рассказам. Особенности его разговорной речи иногда сохраняются в его орфографии (употребление вместо предлога «к» — «т»: «т келии»; вместо «в» — «ф»: «ф кафтан»; вместо «то» — «от»: «разбойник-от»); одним из первых писателей XVII в. он вводит в предложениях сложной конструкции как пунктуационный знак квадратные скобки.

Текст Жития издается по Пустозерскому сборнику Заволоко: *ИРЛИ*. Древлехранилище, оп. 24, № 43, л. 116—130 об., 165—190.

Стр. 229. *...твоего ради повелѣния и... благословения, отче святый...* — Речь идет о «повелении» протопопа Аввакума Епифанию написать о себе — этим «повелением» Аввакум закончил свое Житие (см. с. 107).

...прошения ради раба тово Христова... — Речь идет об Афанасии, очевидно духовном сыне Епифания. Другой вариант своего Жития (сохранившийся в списке: *РГБ*, Музейное собр., № 730, XVIII в.) Епифаний писал для некоего Симеона, возможно — Симеона Крашенинникова, впоследствии игумена Сергия.

Родился я в деревнѣ... идох во град нѣкий... — О месте рождения Епифания и о его родителях, как и о городе, где он жил после смерти отца и матери, до последнего времени ничего не было известно. В самое новейшее время О. В. Панченко была обнаружена запись во Вкладной книге Соловецкого монастыря XVII в. (Архив СПб. ИИ РАН, колл. 2, д. 152, л. 999) о денежном вкладе в монастырь «служебника» монастыря «Ефрема Лазарева сына нижегородца», «во иноцех Епифана», сделанном в 1653 г. Поскольку по данным автобиографической Записки Епифания вычисляется, что он был пострижен на Соловках как раз около 1653 г., можно считать, что в данном случае речь идет именно о нашем Епифании (см.: *Карманова О. Я.* Автобиографическая записка Соловецкого инока Епифания (к проблеме мотивации текста) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 255). Из этого следует, что мирское имя Епифания было Ефрем, что отца его звали Лазарем и что в Соловецкий монастырь он пришел из Нижнего Новгорода.

...и идох... во святую обитель Соловецкую... — В Соловецкий монастырь Епифаний пришел в 1644—1645 гг. (см. его автобиографическую Записку: *Карманова О. Я.* Автобиографическая записка Соловецкого инока Епифания. С. 255).

...ко преподобным отцем нашим Зосимѣ и Саватию. — Т. е. к основателям Соловецкого монастыря, мощи которых покоились на Соловках. См. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в 13-м томе наст. изд.

...архимарит Илья... — Игумен Соловецкого монастыря с 1645 г. (а с 1651 г. первый архимандрит монастыря) Илья был противником Никоновой реформы; когда в 1657 г. в монастырь были присланы новоисправленные богослужебные книги, он в согласии с мнением монастырских иноков решительно отказался служить по ним; архимандрит Илья принимал у себя с почетом как единомышленника бежавшего из ссылки Ивана Неронова (см. с. 52) на пути его из Кандалакшского монастыря в Москву. Умер архимандрит Илья в 1659 г.

Стр. 230. *...Арьсения, жидовина и грека, еретик, бывшаго у нас в Соловецком монастырѣ в заточении.* — Арсений Грек, ближайший помощник Никона при проведении церковной реформы, прибыл в Москву в 1649 г. в свите Иерусалимского патриарха Паисия и остался здесь как преподаватель риторики. Вскоре в России узнали, что он учился в Италии в иезуитской коллегии и принял там католичество, а вернувшись в Константинополь, стал православным монахом, после чего переметнулся в мусульманство; затем, попав в Валахию и Молдавию, Арсений снова оказался православным, а перебравшись в Польшу, сделался униатом; из Польши Арсений переехал в Киев, оттуда же, пристроившись к свите Паисия Иерусалимского, в Москву (см.: Каптерев Н. Ф.

Следственное дело об Арсении-греке // Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. 1881, июнь). Для «исправления веры» был сослан русскими духовными властями на заточение в Соловецкий монастырь при игумене Илье. Летом 1652 г. его встретил там Никон, приезжавший на Соловки за мощами митрополита Филиппа, и пришел в восторг от его учености. Никон вернул Арсения в Москву и сначала назначил учителем в славяно-греко-латинской школе, организованной в Чудовом монастыре, а затем, в 1654 г., — главным справщиком книг на Печатном дворе. Именно Арсений Грек перевел с греческого на русский книгу «Скрижаль», изданную в 1656 г. на Московском печатном дворе в оправдание церковной реформы Никона. Как только Никон попал в царскую немилость, Арсений переметнулся к его власть имущим недругам и некоторое время состоял при Паисии Лигариде, переводя с греческого на русский его сочинения. Кончил Арсений новым заточением на Соловки в 1662—1666 гг.

...Мартирию-священоиноку... — Мартирий был келейным старцем Епифания во время его пребывания на Соловках, именно он благословил Епифания той меднолитой иконой Богородицы, о которой Епифаний так много рассказывает в своем Житии.

Суна-река — река в Карелии, впадает в Онежское озеро.

...старца, именем Кирила... — Известный старообрядческий подвижник старец Кирилл был постриженником Юрьегорского монастыря; смолоду он обошел множество монастырей, побывал в том числе и на Соловках, где провел около трех лет, и после восемнадцатилетних странствий возвратился к себе на родину, в деревню Андреев-Наволок близ реки Сунны (впадает в Онежское озеро), неподалеку от которой стал жить как пустынник. В этот период к нему и пришел Епифаний. После ухода Епифания в Москву Кирилл построил на Виданском острове Сунарецкий Троицкий монастырь, разоренный в 1684 г. за приверженность к старообрядчеству. Последние годы жизни (ум. в 1690 г.) старец Кирилл провел пустынником в глухих прионежских лесах близ озера Выг. Он стоял у истоков создания знаменитой Выговской старообрядческой пустыни. В перв. четв. XVIII в. выговские старообрядцы написали его Житие (не издано, известно в рукописных списках).

...во Александровъ монастырь... — В Александров Свирский монастырь близ г. Олонца (основан в XV в. иноком Александром Свирским). В особом, выговском, Житии Епифания, написанном в перв. четв. XVIII в. (по материалам настоящего автобиографического Жития с использованием дополнительных источников, связанных с окружением старца Кирилла), говорится, что Кирилл до возвращения на родину жил в Александро-Свирском монастыре (выговское Житие Епифания также не издано, известно в рукописных списках).

...отцу своему родному Ипатию и зятю своему Ивану... — Кирилл ушел из родного дома, как повествует его Житие, оставив там не только родителей, но и молодую жену с дочерью-младенцем. Когда после восемнадцати лет странствий по монастырям он вернулся на Виданский остров, его дочь была уже взрослой женщиной. Впоследствии все его близкие — родители, дочь и внук — постриглись в монашество.

Стр. 235. *...Вытерга волость велика...* — Вытегорский погост на реке Вытегре, впадающей в Онежское озеро.

...во сто седмьдесят третьем году... — По принятому на Руси летосчислению от сотворения мира — в 7173 (1665) г.

...после Велика дни... — Т. е. после Пасхи.

Стр. 236. *...всяка плоть не похвалится пред Богом...* — 1 Кор. 1, 29.

Стр. 237. *...чаду и брату, посѣтившему мя нѣкогда в темницѣ, Афанасию.* — О том, кто был этот Афанасий, можно только гадать. Сохранилось письмо протопопа Аввакума к некоему Афанасию, из которого ясно, что его адресат посещал узников в темницах (Аввакум благодарил его за пироги и писал ему: «Носи гораздо пироги-те по тюрьмам-тем...» — см. с. 179). Известно также письмо Ивана Неронова к некоему Афанасию Максимовичу (см.: Материалы... Т. 1. С. 222—223). Но для идентификации этих адресатов нет материалов.

Стр. 238. *...во 172 году...* — В 7172 (1663/1664) г.

Четверик — единица объема сыпучих тел.

Стр. 240. *Прѣподобный Ефросин* — основатель Курженской пустыни на острове посреди Курженского озера в Олонецком крае. В XIX в. на острове сохранялись часовня и памятник ино-

ку Ефросину (см.: Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. 3. № 1707).

Андомская пустынь — монастырь на р. Андоме в Олонецком уезде, известен с XVI в.

...странны старецъ, именем Варълам. — О старце Варлааме рассказано в Житии Кирилла Сунарецкого: он пришел к Кириллу на Виданский остров вслед за Епифанием; ему и Кириллу показал Епифаний свои книги, которые он понес затем в Москву на обличение приверженцев церковной реформы; Варлаам подвизался аскетическим подвигом: жил не в келье, а во рву, выкопанном под кельей, и, лежа в приготовленном для себя гробе, молился Богу; во гробе, с молитвой на устах, он и скончался.

Стр. 242. *...во Отечникѣ.* — Т. е. в Патерике.

...«Радуйся, невѣсто неневѣстная». — Заключительный рефрен икосов Акафиста Богородице.

Стр. 243. *...на воспоминание дивнаго и преславнаго чюдеси ея во вѣки вѣком. Аминь.* — Повествуя о старце и златнице, подаренной Богородицей монаху, Епифаний пересказывает сказание из Египетского патерика (называвшегося также Лавсаиком) о чуде в Ватопедском монастыре.

...а акафисто канон Богородице... — Т. е. канон Богородице с Акафистом Ей.

...«Воду прошед»... — Начальные слова ирмоса первой песни канона Богородице («Воду прошед яко посуху, из египетска зла избежа, израильтянин вопияше: избавителю Богу нашему поем»), воспевающего чудесный переход израильтянами Чермного (Красного) моря (см.: Канонник).

Стр. 244. *...«Всяка плоть не похвалится пред Богом».* — 1 Кор. 1, 29.

Стр. 245. *...Илья, архимарит Соловецкой...* — Илья был игуменом Соловецким с 1645 по 1659 г. С 1651 г. соловецкие игумены в лице Ильи были возведены в сан архимандритов. В 1653 г. патриарх Никон пытался отстранить Илью от настоятельства, однако ему это не удалось. Молчаливая оппозиция соловецких иноков Никоновской реформе началась при архимандрите Илье, когда в 1657 г. соловляне приняли решение не служить по присланным им новоисправленным книгам.

...на Угрѣшьском подворье Никольском... — На подворье Николо-Угрешского монастыря, находившегося поблизости от Москвы, на левом берегу Москвы-реки при впадении в нее реки Угреши; основан во 2-й пол. XIV в. Дмитрием Донским.

...Никифора протопопа... — Симбирский протопоп Никифор, не желавший служить по новоисправленным книгам, был расстрижен до собора 1666 г. единоличным решением греческих патриархов Макария и Паисия, которые столкнулись с ним в Симбирске на пути своего следования в Москву. Московский собор 1666—1667 гг. осудил Никифора вместе с другими старообрядцами. Вскоре по прибытии в пустозерскую ссылку протопоп Никифор умер (в 1668 г.).

...в Братошино... — Братовщина — село, располагавшееся на пути в Троице-Сергиев монастырь.

...Василей Бухвостов... — Голова (полковник) московского стрелецкого полка.

Стр. 246. *...священника Лазаря...* — Священник из Романова-Борисоглебска Лазарь за непринятие Никоновой реформы был сослан в 1661 г. в Тобольск, откуда за дальнейшую открытую и смелую борьбу был переведен в Пустозерск. В 1666 г. Лазаря привезли из Пустозерска в Москву на церковный собор для суда над ним. В ноябре 1666 г. его допрашивали на соборе, а 17 июня 1667 г. расстригли и предали анафеме. См. с. 96 и коммент. к ней.

...на Болото. — Т. е. на Болотную площадь в Москве.

...И по трех днех повезоша нас в заточение в Пустоозерье... — Узников повезли в Пустозерск 30 августа 1667 г. См. с. 97 и коммент. к ней.

Иван Ялагин — см. коммент. к с. 97.

...до Вологды... — В Пустозерск узников везли через Вологду.

Стр. 247. *...«Помилуй мя, Боже... Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей...»* — Пс. 50: 3, 16.

...«Господи, устнѣ мои отверзеши... хвалу твою». — Пс. 50: 17.

...*«Предзрѣх Господа предо мною выну... и возрадовася язык мой»*... — Пс. 15: 8—9.

...*«Вопроси отца твоего... и рекут ти»*... — Втор. 32, 7.

Стр. 248. ...*«Благословенъ Господь Бог Израилевъ, творяй чюдеса единъ»*... — Пс. 71: 18.

Стр. 249. ...*179 году в Великий постъ*... — В 7179 (1671) г.

По множеству болѣзней моих... утѣшения твоя возвеселиша душу мою. — Пс. 93, 19.

Стр. 250. ...*«Вѣруете ли вы в Символѣ вѣры в Духа Святаго не истиннаго...»* — В царской грамоте (она до нас не дошла) узников вновь понуждали принять текст новоисправленного Символа веры с исключением из восьмого его члена («⟨Верую⟩... И в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго») слова «истиннаго».

...*пришло тебѣ время Феофила-старца... писано о нем в Патерикѣ Печерскомъ.* — Епифаний имеет в виду рассказ Киево-Печерского патерика об иноке Феофиле, который, стоя на молитве, собирал свои слезы в сосуд, готовясь предстать с ним пред Богом; но ангел в видении показал ему другой сосуд, благоуханный и больше первого, — в нем находились те слезы, которые он пролил мимо сосуда, забыв о нем, т. е. от сердца.

Стр. 252. *И с началом*... — Имеется в виду так называемый седмипоклонный начал, краткое последование приходных и исходных молитв.

...*«Спаси, Господи, люди своя»*... — Начальные слова тропаря Честному и животворящему кресту (см.: Часослов, Канонник).

...*«Вознесыйся на крестъ»*. — Начальные слова кондака Честному и животворящему кресту (см.: Часослов, Канонник).

...*«Божественное се и всечестное... вѣрою славяще...»* — Ирмос 6-й песни канона Честному и животворящему кресту (см.: Канонник).

...*«Слава, Господи, кресту твоему честному! Крестъ — всѣмъ воскресение... яко молънию видяще крестную силу»*. — Запев и тропари 6-й песни канона Честному и животворящему кресту (см.: Канонник).

...*«Да воскреснет Богъ... О, пречестный и животворящий кресте Господень! Помогай намъ со Пресвятою госпожею Богородицею... Аминь»*. — Молитва кресту вечером перед сном (см.: Канонник, Молитвослов).

...*«Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение твое славим»*. — Песнопение, которое поется на Крестопоклонной неделе Великого поста (см.: Триодь постная).

Стр. 253. ...*«Со страхомъ и любовию приступаю ти, Христе... любовию же — спасения ради»*. — Слова молитвы, с которыми подобает прикладываться к Евангелию (см.: Октоих, предисловие).

...*«Господи Исусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя ти Матере... помилуй и спаси нас, яко благъ и человѣколюбецъ»*. — Молитва-отпуст, произносимая в конце всякой службы и келейного правила. В основу своего отпуста Епифаний положил пятничный отпуст, так как пятничная служба посвящена кресту и Иоанну Крестителю (см.: Служебник).

ЖИТИЕ БОЯРЫНИ МОРОЗОВОЙ

Житие боярыни Морозовой, написанное ее родным братом Федором Прокопьевичем Соковниным, является самым ранним памятником старообрядческой агиографии. Ведь Жития протопопа Аввакума и инока Епифания не относятся к агиографическому жанру, а представляют собою новый жанр русской литературы — житийную автобиографию. В то время как Житие боярыни Морозовой соответствует привычным канонам агиографии.

Житие было впервые опубликовано по двум рукописным спискам в 1887 г. в «Материалах для истории раскола за первое время его существования» (Под ред. Н. Субботина. М. Т. 8) и после этого почти сто лет ожидало своего научного издания. Наконец в 1979 г. увидела свет книга

А. И. Мазунина (Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979), где кроме тщательного историко-литературного и текстологического исследования были опубликованы все известные на сегодняшний день варианты Жития боярыни Морозовой. После этого Житие было издано в «Памятниках литературы Древней Руси» (Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текста Р. П. Дмитриевой, коммент. А. И. Мазунина // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 455—484, 674—681), а вслед за тем было опубликовано отдельной книжечкой для самого широкого круга читателей Н. С. Демковой (Повесть о боярыне Морозовой / Сост., подгот. текстов, подстрочные переводы и примеч. Н. С. Демковой. М., 1991). В самое последнее время Житие боярыни Морозовой было также опубликовано в книге Н. В. Понырко «Три жития — три жизни» (Понырко Н. В. Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010. С. 15—30, 140—178, 284—292).

Как установил А. И. Мазунин, Житие боярыни Морозовой дошло до наших дней в трех редакциях, названных им Пространной, Сокращенной и Краткой. Из них самой ранней по времени составления и наиболее близкой к авторскому тексту, созданному вскоре после смерти боровских мучениц (между 1675 и 2-й пол. 1677 г.), является Пространная редакция; позже, скорее всего в начале XVIII в., была составлена Сокращенная редакция: из нее устранены упоминания о ряде лиц и ситуаций, описанных в Пространной редакции; еще позже, около 30-х гг. XVIII в., в Выговском старообрядческом общежительстве создали краткую, риторически украшенную редакцию Жития, еще более удаленную от первоначального текста.

В настоящем издании публикуется Пространная редакция Жития боярыни Морозовой по рукописи конца XVII в.: *РНБ*. Q. 1. 341. Л. 1—58 об. Исправления отдельных пропусков и описок этой рукописи (согласно другим спискам Жития) переданы курсивом.

Стр. 255. *...родися от... отца Прокопия... мати же ея бяше Анисия...* — Боярыня Морозова родилась 21 мая 1632 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 93); отец ее, Прокопий Федорович Соковнин, родственник царицы Марии Ильиничны, занимал при дворе царицы должность дворецкого, о матери ничего не известно.

...сочтаста ю законному браку за болярина Глѣба Ивановича Морозова... — Федосью Соковнину выдали замуж в 1649 г. Боярин Глеб Иванович Морозов (ум. в 1662 г.) был младшим братом влиятельнейшего человека своего времени Бориса Ивановича Морозова, дядьки и свояка царя Алексея Михайловича (Борис Морозов был женат вторым браком на Анне Ильиничне Милославской, родной сестре царицы Марии Ильиничны); после смерти в 1662 г. бездетного Бориса Ивановича Глеб Иванович, и без того состоятельный человек, унаследовал все его вотчины и сделался владельцем громадного состояния, которое вскоре перешло к его вдове и сыну. На Федосье Прокопьевне боярин Глеб Иванович был женат вторым браком (первой его женою была княжна Авдотья Алексеевна Сицкая).

...роди бо сына... и нареченъ бысть Иванъ. — Единственный сын Федосьи Прокопьевны Морозовой Иван родился, как рассчитал А. И. Мазунин, в 1650 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 94—95).

Стр. 255—256. *Научена же бысть... Аввакумом протопопом.* — Когда именно состоялось первое знакомство Аввакума с боярыней Морозовой, неизвестно. Но с весны 1664 г., со времени возвращения Аввакума в Москву из сибирской ссылки, их отношения были очень близки. В это время боярыня предложила Аввакуму пристанище в своем доме, давала кров и его духовным детям, таким как юродивый Федор (см. Житие протопопа Аввакума в настоящем издании, с. 90).

Стр. 256. *И бысть к ней присылка... Иоаким, архимаритъ Чюдовской, и Петръ ключарь.* — «Присылка» от царя к боярыне Морозовой состоялась осенью 1664 г. Чудовский архимандрит (с 22 августа 1664 г.), в будущем патриарх Московский (с 1675 по 1690 г.), *Иоаким* (Савелов) являлся усердным участником всех следственных разбирательств по делам противников церковной реформы. Он был одним из ревностнейших вершителей дел на соборе 1666—1667 гг., осудившем старообрядчество. Именно он расстригал протопопа Аввакума. *Петр* — ключарь Чудовского монастыря.

И ея ради обличения... у ней полъотчинъ отняли. — Как установил А. И. Мазунин, эта конфискация вотчин боярыни Морозовой была произведена в 1665 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 98).

Царица Мария — царица Мария Ильинична, урожденная Милославская (1626—1669), первая жена царя Алексея Михайловича.

...малу ослабу получи. — Благодаря заступничеству царицы Марии Ильиничны отнятые вотчины были возвращены Ф. П. Морозовой по указу от 1 октября 1666 г. (см.: *РИБ*. Т. 21. Стб. 1229—1230).

Отец Трифилий — бывший инок московского Симонова монастыря; казнен в конце 1660-х гг. за принадлежность к старообрядчеству.

...о *нѣкоей инокинѣ... Мелании...* — Инокиня Мелания (в миру Александра Григорьевна) была одной из ярчайших личностей в первом поколении русских старообрядцев; она упоминается в посланиях протопопа Аввакума (см. с. 192, 221).

...обтичющи... зѣло рано... в собор... — Очевидно, в кремлевский Успенский собор.

...в Чюдов... — Т. е. в Чудовский монастырь, см. коммент. к с. 116.

...к ризѣ Господни... — Церковная святыня, хитон Исуса Христа; она была получена Москвою в дар от персидского царя Аббаса в 1625 г. и хранилась в кремлевском Успенском соборе.

Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержители! — 3 Царств. 19, 10.

Стр. 257. *Михайло Алексѣевичь Ртищев со дщерию своею Анною...* — Боярин М. А. Ртищев был двоюродным братом отца Ф. П. Морозовой П. Ф. Соковнина; его дети, Федор Михайлович (см. коммент. к с. 88) и Анна Михайловна, по мужу Вельяминова, активные деятели своей эпохи, приняли сторону царя при проведении им церковной реформы; Анна Вельяминова к тому же была особо близка к Никону и слыла его советчицей.

Стр. 258. *Пожаръ* — так называлась в то время Красная площадь.

Княгиня Евдокия — младшая сестра Ф. П. Морозовой Евдокия Прокопьевна, в замужестве Урусова.

Стр. 259. *...приспѣ время сына браком сочетати...* — О выборе невесты для сына Ивана боярыня Морозова советовалась со своим духовным отцом Аввакумом в письме к нему, направленном в Пустозерскую тюрьму (см. с. 290).

Отец Досифей — игумен Никольского Беседного монастыря близ Тихвина; лишенный настоятельства в монастыре (поскольку не принял церковных нововведений), Досифей сделался одним из влиятельнейших лиц в старообрядчестве. Некоторое время жил в Курженской пустыни близ Повенца. Во время антистарообрядческого собора 1666—1667 гг. он скрывался на Дону от преследований; в Москву прибыл около 1670 г., в то время и совершил пострижение Ф. П. Морозовой. В 1682 г. был связан с восставшими стрельцами. Около 1685 г. Досифей переселился на Дон в Чирскую обитель священноинока Иова Льговского. Умер около 1691 г.

...постриже ю... — Досифей постриг боярыню Морозову в конце 1670 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 100).

Егда же приспѣ бракъ царевъ, егда поятъ царицу Наталию... — Свадьба царя Алексея Михайловича и молодой Натальи Кирилловны Нарышкиной, будущей матери Петра I, на которой царь был женат вторым браком, состоялась 22 января 1671 г.

Болярин Троекуров — князь Борис Иванович Троекуров, с 1673 г. боярин, умер в 1674 г.

Князь Петр Урусов — князь Петр Семенович Урусов, царский кравчий, муж младшей сестры боярыни Морозовой, Евдокии. После ареста жены князь Петр Урусов в 1673 г. женился на С. Д. Строгановой.

Стр. 260. *В мясопустъ...* — Т. е. в начавшийся после 14 ноября Рождественский пост.

Стр. 261. *...Предадятъ вы на сонмы... пред владыки же и царя ведени будете... во свидѣтельство имъ.* — Мф. 10, 17—18.

Глаголю же вам... не убойтеся от убивающихъ тѣло... не могущихъ лишше что сотворити. — Лк. 12, 4.

Иларионъ Ивановъ — думный дьяк Стрелецкого приказа; в 1682 г. был убит восставшими стрельцами.

Стр. 263. *Павелъ, митрополитъ Крутицской* — см. коммент. к с. 91.

Стр. 264. *...чепи со стулами...* — Цепи, как ошейник охватывавшие шею, имели длинные концы, к которым прикреплялись тяжелые колоды — стулья.

...во Алексѣевской монастырь... — Алексеевский Зачатьевский девичий монастырь в Москве, основан в 1514 г. на Пречистенке, на месте, где впоследствии был построен храм Христа Спасителя.

Стр. 265. *...на подворие Печерскаго монастыря...* — Имеется в виду подворье Псково-Печерского монастыря, которое находилось в Белом городе, на Арбате, в районе теперешней Смоленской площади; в феврале 1670 г. оно было куплено приказом Тайных дел и использовалось как место заключения (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 101).

Елена — Елена Хрущева, жившая в доме Ф. П. Морозовой; она упоминается в посланиях протопопа Аввакума (см. с. 192)

Стр. 266. *Мария* — жена стрелецкого головы Иоакинфа Ивановича Данилова Мария Герасимовна Данилова, сподвижница и сострадалица сестер Федосьи и Евдокии.

...ята бысть в подонской странѣ... — Мария Данилова была арестована в апреле 1672 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 101).

Иларион Рязанский — см. коммент. к с. 102.

А Ивана Глѣбовича... такъ его улечиша, яко... и гробу предаша. — Поскольку арест боярыни Морозовой состоялся в ноябре 1671 г., можно предполагать, что Иван Глебович скончался в самом конце 1671 г. либо в начале 1672 г. Очевидно, он был от рождения болезненным ребенком, что можно заключить из слов протопопа Аввакума, содержащихся в его письме к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой: «А Иван не мучитель был, — сам, покойник, мучился и света не видел вся дни живота своего ⟨...⟩. В муках скончался робя» (см. с. 220).

Стр. 267. *...приводя от псалма 108-го...* — Очевидно, поп применял к боярыне Морозовой следующие стихи 108-го псалма: «Да будут сынове его сиры, и жена его вдова ⟨...⟩ да изгнани будут из домов своих, да взыщет заимодавец вся, елика суть его, и да восхотят чуждии труды его ⟨...⟩. Да будут чада его в погубление, в роде едином да потребится имя его...» (Пс. 108, 9—13).

...двою брату ею, Феодора и Алексѣя, оваго на Чугуев, оваго на Рыбное... поотсла. — Чугуев — город на р. Северный Донец, к юго-востоку от Харькова; Рыбное, или Острогожск, — город Воронежской губернии. Судя по обнаруженным А. И. Мазуниным документам, свидетельствующим о присутствии Федора и Алексея Соковниных на Чугуевском (одного) и на Острогожском (другого) воеводствах уже в 1673 г., высылка братьев из Москвы произошла в 1672 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 96—97).

...Акилина девица... наречена бысть Анисия — Эта Акилина-Анисия известна и по письмам протопопа Аввакума, в которых он упоминает ее вместе с инокиней Меланией (см. с. 194).

Стр. 268. *Иов Лговский* — в миру Иоанн Тимофеевич Лихачев, священноинок, боярского рода, постриженик и ученик знаменитого архимандрита Троице-Сергиевой лавры Дионисия Зобниновского; некоторое время состоял келейником патриарха Филарета, был одним из кандидатов в патриархи после смерти патриарха Иоасафа I, основатель нескольких монастырей (первого — еще во времена Смуты, близ г. Льгова, последнего, старообрядческого — на притоке Дона р. Чир в 70-е гг. XVII в.), умер около 1680 г.

...о немже и прежде речеся. — Эта фраза свидетельствует о том, что настоящий вариант Жития боярыни Морозовой не является первоначальным, поскольку в его тексте об Иове Льговском ничего «прежде» не говорилось; следовательно, существовал более ранний текст Жития, где Иов Льговский упоминался не один раз, что и позволило автору при очередном его упоминании заметить: «о немже и прежде речеся». При переработке первоначального Жития первое упоминание Иова Льговского было устранено, а настоящую фразу забыли убрать.

...яко Варлаам ко Иасафу... — Имеется в виду Житие Варлаама и Иоасафа (память 19 ноября), известное на Руси с древнейших времен. Пустынник Варлаам был наставником царевича Иоасафа в подвигах аскетической жизни.

Стр. 269. *Михайло Алексѣевичь* — Михаил Алексеевич Ртищев. См. коммент. к с. 257.

...к патриарху Питириму... — Питирим был возведен в патриархи Всероссийские в июне 1672 г.; до этого он был (с 1655 по 1664 г.) митрополитом Крутицким и в качестве такового являлся местоблюстителем патриаршего престола после самовольного ухода Никона с патриаршества; перед возведением в патриархи занимал кафедру новгородской митрополии.

Стр. 271. *«...Нашъ чинъ мошно тебѣ разумети!»* — Наш наш взгляд, боярыня имела в виду свой иноческий чин.

Якоже... самарянынн Фотиния при Неронѣ... со главы своея... кожю садра и верже на лице мучителево... — Автор имеет в виду эпизод из Жития св. мученицы Фотинии самаряныни (см. в Прологе и Великих Минеях Четиих под 20 марта).

Стр. 272. *...на Ямъской дворъ.* — Как предположила Н. С. Демкова, это описка, в рукописи должно было быть «Земской двор» — так в первой половине XVII в. назывался «Земский приказ», где рассматривались различные нарушения общественного порядка в Москве и имелись орудия пыток. Ямской приказ (двор) управлял почтой (см.: Повесть о боярыне Морозовой / Сост., подгот. текстов, подстрочные переводы и примечания Н. С. Демковой. М., 1991. С. 140).

Бяху же приставлени над муками ихъ стояти князь Иванъ Воротынской, князь Яковъ Адоевской, Василей Волынской. — Руководить пыткой царь поставил представителей знатнейших родов России: князя Ивана Алексеевича Воротынского, своего двоюродного брата и дворецкого, с 1664 г. боярина; умер в 1679 г.; князя Якова Никитича Одоевского, боярина, наместника Астраханского, с 1666 по 1683 г. стоявшего во главе Стрелецкого, Аптекарского приказов, приказа Казанского дворца, умер в 1697 г.; боярина Василия Семеновича Волынского, начальника Посольского приказа, умер в 1682 г.

...Киприяна и Феодора юродивых... — См. коммент. к с. 91, 132, 194.

Стр. 273. *...на Болотѣ...* — На Болотной площади в Москве.

Долгорукой — князь Юрий Алексеевич Долгоруков, начальник Стрелецкого приказа, убит стрельцами в 1682 г.

Стр. 274. *...посла Иоакинфу своему.* — Т. е. своему мужу Иоакинфию Ивановичу Данилову, стрелецкому голове.

Екатерина мученица — святая, ум. около 305 г. (память 24 ноября), происходила из знатного рода. Своей проповедью и исповеданием Христа обратила в христианство многих знатных и ученых людей, скончалась мученической смертью после многих истязаний.

Питирима же патриарха вскорѣ постиже суд Божий, и лютою смертию живота разлучися. — Питирим умер 19 апреля 1673 г.

Стр. 275. *Хамовники* — московская слобода.

...сестра его старѣйшая Ирина... — См. коммент. на с. 559.

...посла в Боровескъ... на то устроеный тамо острог... — Боровск, город Калужской области, в 90 км от Москвы. Ф. П. Морозова была привезена сюда в конце 1673—начале 1674 г. (точная дата не известна). В Боровске этого времени имелся тюремный острог с двумя тюремными «земляными избами». В 1666—1667 гг. в темнице Пафнутьева Боровского монастыря сидел протопоп Аввакум (см. Житие протопопа Аввакума в настоящем издании, с. 91, 93).

«О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь!» — Начальные слова задостойника, песнопения в честь Богородицы, поемого на литургии Василия Великого.

Стр. 276—277. *...яко связастеся юзами брани бѣсовския...* — Глухо описанный здесь эпизод говорит о существовании между тремя боровскими узницами каких-то неясных раздоров, от которых они смогли избавиться; об этом упоминал и протопоп Аввакум в своем послании к ним в Боровск из Пустозерска (см. с. 218—221).

Стр. 277. *На Фоминой седмицѣ...* — В 1675 г. Пасха приходилась на 4 апреля; следовательно, описываемые далее события происходили после 11 апреля (Фомина неделя начинается вслед за Пасхальной седмицей).

Тогда и той сотникъ... Александръ Созоновъ сынъ Медвѣдевъской... сослан бѣ на Бѣлъгород. — А. И. Мазунину удалось обнаружить царский указ о ссылке сотников московского стрелецкого полка Александра Медведского и Ивана Чичагова «на вечное житье» в Белгород в

июле 1675 г. за то, что они в Боровске «на караулах стояли оплошно» (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 106—107).

...дьякъ Кузмищев... — Федор Кузьмищев, дьяк Стрелецкого (1673—1680) и Сыскного (1682) приказов. А. И. Мазунин опубликовал текст царского указа, по которому дьяк Кузьмищев был послан в Боровск вершить дела тамошних тюремных сидельцев (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 107—108).

Стр. 279. *Капитоны* — прозвище, которым господствующая Церковь в XVII и XVIII вв. именовала старообрядцев (по имени старца Капитона — ум. около 1667 г. — приверженца и проповедника аскетического образа жизни, последователи учения которого были действительно близки старообрядцам).

...и будет послѣдняя бѣда горши первыя. — См.: Мф. 27, 64.

...оставя сыновьство Христово к Богу. — Т. е. не произнеся в Исусовой молитве («Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!») слов «Сыне Божий» (по новоисправленному варианту — «Господи, Иисусе Христе, Боже наш...).

...и не бѣ гласа, ни послушания — 3 Царств. 18, 26.

Стр. 283. *..якоже Козму игумена... повелѣ Богъ паки возвратити душу...* — Имеется в виду патеричный рассказ об игумене Козьме, побывавшем в загробном мире и вновь вернувшемся по Божьей воле к земной жизни (см. в Прологе под 5 октября).

...старца своего, иже бяше ей...по закону супружникъ, сѣдяше же ту... въ другой темницѣ. — Старица Иустина и бывший супруг ее упоминаются в послании протопопа Аввакума: в письме из Пустозерска к трем боровским узницам Аввакум слал благословение «Иустине-старице с побратимом» (см. с. 221).

Стр. 284. *«Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царство от сложения мира».* — Мф. 25, 34.

«Отидите от мене, проклятии, в огнь вѣчный, уготованный диаволу и аггелом его». — Мф. 25, 41.

ПЕРЕПИСКА БОЯРЫНИ Ф. П. МОРОЗОВОЙ С ПРОТОПОПОМ АВВАКУМОМ И ЕГО СЕМЬЕЙ

В русской исторической памяти боярыня Ф. П. Морозова стала символом движения старообрядчества, широко всколыхнувшего русское общество накануне петровских преобразований, символом непокорства властям и глубокой веры (см.: Панченко А. М. Боярыня Морозова — символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 3—14). Своеобразие личности Ф. П. Морозовой и сила ее характера ярко запечатлены в таких выдающихся литературных памятниках XVII в., как «Житие боярыни Морозовой» (см. с. 255—284) и сочинениях протопопа Аввакума; отразились они и в ее письмах, дошедших до нас лишь фрагментарно. Ф. П. Морозова была адресатом посланий многих деятелей раннего старообрядчества и, по-видимому, много писала сама; дом ее накануне собора 1666—1667 гг. был, по свидетельству Аввакума, одним из книжных центров, где создавались тексты в защиту старообрядческой доктрины. Случайно сохранившиеся «грамотки» самой Ф. П. Морозовой, адресованные Аввакуму и его семье, дополняют ее облик реальными, земными чертами и знакомят современного читателя с образцами частной переписки XVII в. Публикуемые письма были найдены в 1911 г. при разборе полуистлевших бумаг Тайного приказа (личной канцелярии царя Алексея Михайловича) и тогда же изданы (см.: Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912). Сохранились они очень плохо, от некоторых из них дошло только несколько фраз. Подлинники писем хранят следы внимательного чтения их приказными чиновниками: они содержат многочисленные подчеркивания или пометы (крестик в кружке) около встречающихся в тексте имен. Все дошедшие письма Ф. П. Морозовой были написаны до ее ареста, датируются 1669 г., адресованы в

Пустозерск протопопу Аввакуму (он находился здесь с 12 декабря 1667 г.) или его семье на Мезень, где в Окладниковой слободке с осени 1664 г. жила сосланная жена Аввакума Анастасия Марковна с детьми, и сопровождаются «грамотками» Аввакума. Эта переписка, по-видимому часть мезенского архива семьи протопопа, попала в Тайный приказ после казней на Мезени в марте 1670 г.

Письма Ф. П. Морозовой сохранились вместе с фрагментами ответных «грамоток» Аввакума и публикуются вместе как единый комплекс текстов; они заново выверены по подлинникам, хранящимся в *РГАДА*.

Ф. П. Морозова — Аввакуму

Письмо затрагивает ряд проблем, возникших в отношениях Ф. П. Морозовой с семьей Аввакума в 1669 г. Как выясняется из писем, произошла крупная ссора боярыни с юродивым Федором, игравшим заметную роль в деятельности московских старообрядцев. Федор (Феодор) — один из активных приверженцев Аввакума, стал его «духовным сыном» в 1664 г., когда Аввакум возвращался — через Устюг — из сибирской ссылки в Москву. В Москве Федор подолгу жил в домах Аввакума и боярыни Морозовой, вместе с сыновьями Аввакума навещал его в заключении в Боровском Пафнутьеве монастыре в 1666 г. и др.; по-видимому, летом 1669 г. он перебрался к семье Аввакума на Мезень, участвовал в распространении его сочинений, осенью 1669 г. тайно ходил с Мезени в осажденный Соловецкий монастырь с «грамотками» протопопа; казнен на Мезени в марте 1670 г. Суть конфликта Ф. П. Морозовой с Федором в 1669 г. не вполне ясна, но ссора приняла довольно крупные размеры: боярыня выгнала из своего дома не только Федора, но и поддерживавших его сыновей Аввакума. В письме ярко отражены обида Ф. П. Морозовой и ее стремление объяснить Аввакуму ситуацию, приведшую к ссоре. Печатается по автографу: *РГАДА*, ф. 27, № 594.

Аввакум — Ф. П. Морозовой

Аввакум начал писать ответ сразу же — на обороте полученного им письма Ф. П. Морозовой; сохранился только фрагмент. Печатается по автографу: *РГАДА*, ф. 27, № 594.

Аввакум — Ф. П. Морозовой

Это письмо Аввакума (сохранилось не полностью) представляет собой развернутый ответ на письмо Ф. П. Морозовой. С точки зрения Аввакума, причиной ссоры были интриги «худых людишек», «притрапезных плутов», живущих в доме Ф. П. Морозовой и «оттесняющих» от нее «наших» коварным «вымыслом». Датируется концом лета—осенью 1669 г.; печатается по автографу: *РГАДА*, ф. 27, № 591. Письмо Аввакума написано на обороте полученного им письма Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой (сохранилось лишь обращение: «Христолюбивому ... свету-душе моей батюшку Аввакуму Петровичю, многогрешная сестра твоя, болшая и меншая, и дети наши просим ... твоего благословения...» (*РГАДА*, ф. 7, № 590)).

Стр. 286. *Ивашко* — старший сын протопопа Иван Аввакумович.

Стр. 287. *Как тебѣ дали двор и крестьян прибавили...* — По-видимому, речь идет о вотчинах, отобранных ранее, а затем возвращенных Ф. П. Морозовой 1 октября 1666 г. «упрошением» царицы Марии Ильиничны и «для всемирныя радости», по случаю рождения царевича Ивана Алексеевича.

...помоли брата своего и нашего друга... о кормовой тое грамотѣ... — Не исключено, что речь здесь идет не о родных братьях Ф. П. Морозовой — Алексее и Федоре Соковниных, а о двоюродном ее брате — боярине Ф. М. Ртищеве, влиятельном чиновнике в правительстве царя Алексея Михайловича (он был начальником Тайного приказа), принимавшем активное участие в налаживании отношений между царем и старообрядческой оппозицией (Аввакум вспо-

минал в «Житии» о благожелательном отношении к нему Ф. М. Ртищева и о его значительной реальной помощи, называя его «дружище наше старое»); *кормовая грамота*, о содействии в получении которой Аввакум просит Ф. П. Морозову, — царская грамота о выдаче узникам продовольствия (грамота, по-видимому, должна была обеспечить «кормом» семью Аввакума на Мезени). Из документов XVII в. известно, что к Ф. М. Ртищеву часто обращались с подобными просьбами.

...Дмитрѣя попа с попадьею... — См. с. 566.

Ф. П. Морозова — жене Аввакума Анастасии Марковне

«Грамотка» Ф. П. Морозовой семье Аввакума в Окладникову слободку вызвана предшествующим письмом Аввакуму и является объяснением позиции Ф. П. Морозовой в ссоре с Федором, ответом на обвинение его в скупости и своеволии. Однако Ф. П. Морозова не смогла выдержать взятой спокойной тональности на всем протяжении послания: в текст его врывается властный тон приказа. Датируется 1669 г.; подготовлено к изданию Н. С. Демковой и И. В. Сесейкиной по подлиннику: *РГАДА*, ф. 27, № 592; последняя фраза «грамотки» — просьба о прощении, молитве и благословении — автограф Ф. П. Морозовой.

Стр. 288. *...Настасье Марковнѣ, з чады и снохою и со внучкою.* — О составе семьи Аввакума на Мезени см. коммент. к с. 531; *сноха* — жена Ивана Неонила, *внучка* — дочь Ивана Марья.

...и з чадом своим. — Сын Ф. П. Морозовой Иван Глебович (годы жизни, очевидно, 1650—1672).

...смутилъ одинъ человѣкъ, егоже имя сами вѣдаете. — Речь идет о том же Федоре юродивом.

Стр. 289. *...на меня и на матерь, на старицу Александру, и на Аксинью с братом.* — Старица Александра Григорьевна (она же старица Меланья) пришла в Москву из Белева и долгое время жила в доме Ф. П. Морозовой; после тайного пострижения Ф. П. Морозовой в монахини, происшедшего, по-видимому, осенью 1670 г., стала ее «духовной матерью»; здесь, однако, слово «матерь» может иметь отнюдь не терминологическое, а общеразговорное обозначение иноческого сана старицы; *Аксинья* — Ксения Ивановна, дворовая «женка» Ф. П. Морозовой.

...Трефильева ученица. — Инок московского Симонова монастыря Трифилий — один из активных деятелей раннего старообрядчества в Москве, участвовавший в выработке начальной старообрядческой доктрины, казнен в Москве в конце 1666-х гг.

...ты меня посѣщала... — Не только Аввакум, но и Анастасия Марковна бывали в доме Ф. П. Морозовой для «духовной беседы».

Отдать сея грамотки... матушке. — Адрес и приписка о деньгах написаны снаружи сложенного в несколько раз письма.

Ф. П. Морозова — Аввакуму

Письмо посвящено весьма волнующей Ф. П. Морозову проблеме — женитьбе единственного сына и сохранения его вне влияния подступающего со всех сторон «никонианского» мира. Ф. П. Морозова опасается «понуждения» со стороны в деле выбора невесты Ивану Глебовичу. Письмо лаконично и деловито, однако эмоциональность натуры Ф. П. Морозовой прорывается в ее просьбе молиться о даровании ей «терпения». Письмо написано не позже осени 1669 г., так как ответ Аввакума (на обороте столбца) датируется 1669 г. Печатается по подлиннику: *РГАДА*, ф. 27, № 597; последняя фраза — просьба о благословении ее сына — автограф Ф. П. Морозовой. Ответное письмо Аввакума см. выше, с. 212.

ПИСЬМА Е. П. УРУСОВОЙ

Княгиня Евдокия Прокопьевна Урусова — младшая сестра боярыни Ф. П. Морозовой, арестованная вместе с ней в ночь на 16 ноября 1671 г. и вместе с ней скончавшаяся в Боровской земляной тюрьме от голода в 1675 г. (Е. П. Урусова умерла первой — 11 сентября). Биография ее известна в самых общих чертах: дочь окольничего П. Ф. Соковнина, дворецкого царицы Марии Ильиничны, жена царского кравчего князя Петра Семеновича Урусова (1636—1686) пошла вслед за сестрой в неприятии церковной реформы патриарха Никона и в открытом непослушании властям — церковным и светским. Жертвы княгини в этой борьбе были огромны: ей пришлось выдержать унижения и пытки, с тихой твердостью выдержать тяготы пожизненного темничного заточения, навсегда оставить дом, мужа и горячо любимых детей. Отдельные факты жизни Е. П. Урусовой до и после ареста, особенности ее личности нашли отражение в Житии боярыни Морозовой и в посланиях Аввакума (Е. П. Урусова, так же как и Ф. П. Морозова, была его духовной дочерью). Кроме того, сохранилась связка подлинных писем княгини, написанных ею в заточении, которые ярко и полно раскрывают нравственную силу ее натуры, цельность характера и трагизм избранной ею судьбы. Из тринадцати сохранившихся писем Е. П. Урусовой двенадцать обращено к ее детям — «трем птенцам сирым» — «сыну Васеньке» и двумя дочерям, Анастасии и Евдокии, после ареста матери оставшимся в Москве в доме своего отца князя П. С. Урусова; одно письмо — к неизвестному, не названному по имени «рабу Христову», оно также связано с ее детьми. Все письма образуют как бы один продолжающийся текст и затрагивают одни и те же темы: осознание пожизненной разлуки с детьми, тревога за их судьбы, наставления в сохранении привитых им жизненных принципов. Письма пронизаны безмерной материнской тоской и глубокой нежностью и одновременно — твердой материнской волей, долженствующей направлять детей на пути к спасению.

Письма Е. П. Урусовой — своеобразный и значительный памятник эпистолярной культуры XVII в. Написанные в условиях тюремного заключения, они создавали иллюзию непосредственной живой беседы матери с детьми, благодаря насыщенности эмоциональными обращениями, восклицаниями, включению междометий (Аввакум назвал письма Е. П. Урусовой, которые она присылала к нему в Пустозерск, «оханьем»). Однако эта стихия разговорной речи в письмах княгини не означает, что они свободны от традиционных литературных форм. Трагизм насильственного отторжения от жизни детей, невозможность их увидеть находит отражение в традиционных фольклорных образах плача и причитания. Дидактическая установка писем опирается на стилистические принципы жанра поучения — отсюда цепи глагольных императивов, несущие подчас бескомпромиссные указания («...а буде... возлюбишь ты нынешнюю новую веру, и ты скоро умрешь... а меня не нарекай уш себе матерью...»).

Письма Евдокии Петровны были найдены только в 1916 г. среди документов Преображенского приказа, в деле, предположительно являющемся частью дела Ивана Цыклера, казненного в 1697 г. за участие в заговоре против Петра I. В заговоре принимал участие родной брат Е. П. Урусовой и Ф. П. Морозовой Алексей Соковнин, который также был казнен, из его бумаг эти письма, по-видимому, были изъяты и переписаны еще раз — для нужд сыска (в деле сохранились подлинники писем и их копии XVII в.). По предположению П. Г. Высоцкого, нашедшего и опубликовавшего письма (см.: Высоцкий П. Г. Переписка княгини Урусовой с своими детьми // Старина и новизна. Т. XX. Пг., 1916. С. 14—18), они были написаны в Боровске. Однако отсутствие в текстах каких бы то ни было упоминаний о других боровских узницах позволяет предположить, что «грамотки детям» писались Е. П. Урусовой ранее: до ссылки в Боровск (до лета—осени 1673 г.), но уже после получения известия о смерти Ивана Глебовича Морозова весной 1672 г. Таким образом, письма могут быть датированы временем с лета 1672 г. по январь—февраль 1673 г., когда Е. П. Урусова находилась в одиночном заточении «под крепким караулом» в московском Алексеевском монастыре «на Чертолье».

Письма печатаются после сверки по подлинникам: *РГАДА*, ф. 210. Разрядный приказ. Дополн. отдел, 120. Л. 23—24; 2—3; 13—14; 21—22.

Сыну Васеньке

Стр. 291. *Свѣту... Васеньке.* — Василий Петрович Урусов (1652—1677), во время ареста матери ему было 19 лет. С 1676 г. — комнатный стольник царя Федора Алексеевича. Был женат на княжне Степаниде Ивановне Репниной. Умер бездетным.

Дочерям Евдокии и Настасье

Стр. 293. *Возлюбленным моим... Евдокии, Настасье.* — Анастасия Петровна Урусова (1662—1715). Восемнадцати лет вышла замуж за боярина Михаила Львовича Плещеева (ум. в 1683 г.). Вторым браком была за боярином Федором Петровичем Шереметевым (ум. в 1722 г.). Своих детей у нее не было, воспитывала детей второго мужа. Евдокия Петровна Урусова (1665—1697), с 1680 г. — жена князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского. Из 10 детей супругов выжили четверо.

...от брата... — Речь идет о Василии Урусове.

Стр. 294. *...к Ивановнѣ...* — Вероятно, имеется в виду Ксения Ивановна, бывшая ранее служанкой в доме Ф. П. Морозовой.

Стр. 295. *...по лесенке кладите...* — Речь идет о счете поклонов во время ночной молитвы, который вели по лестовке («лесенке») — особом виде четок.

Говорите отцу... чтобы не женился... покуды не женился... — Князь П. С. Урусов женился второй раз (после развода с Евдокией Прокопьевной) в начале 1673 г. на Стефаниде Даниловне Строгановой. Единственный сын от второго брака умер в младенчестве.

...кануны по умерших... по Иване... — Е. П. Урусова просит здесь дочерей молиться за двоюродного брата Ивана Глебовича Морозова, сына Ф. П. Морозовой.

СОЧИНЕНИЯ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Творчество царя Алексея Михайловича (1629—1676; царь с 1645 г.) еще недостаточно изучено. И это касается не только его литературных достоинств, но и в первую очередь его объема. Некоторые исследовали приписывают этому автору довольно широкий круг произведений, который включает в себя и такой известный памятник, как «Урядник сокольничьего пути» и новую редакцию «Сказания об успении Богородицы» (см. об этом. Душечкина Е. Б. Царь Алексей Михайлович как писатель (Постановка проблемы) // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 184—1880). Но сейчас трудно еще установить степень участия Алексея Михайловича в создании этих и ряда других произведений. Достаточно полно различные стороны творчества этого автора представлены в его эпистолярном наследии: здесь и переписка деловая, семейная, дружеская (особенно интересны, пожалуй, письма к А. И. Матюшкину), и послания, имеющие общественно-политический характер (таковы «Послание на Соловки» и «Письмо Никону о смерти патриарха Иосифа», к последнему тесно примыкает «Статейный список о преставлении патриарха Иосифа»).

Письма Алексея Михайловича интересны не только тем, что показывают различные стороны жизни одного из любопытнейших деятелей русской истории, не только своими литературными достоинствами, но и тем, что они позволяют проследить, как их автор, сам царь, пытается создать образ, модель идеального государя. В первую очередь это касается посланий официальных, общественно-политических.

Исследователи XIX в. (П. Бартенев, С. А. Белокуров) указывали на почерк Алексея Михайловича. Бо́льшая часть его писем продиктована им и записана писцом, но очень часто царь делал приписки, дописывал письма, лишь только начатые писцом, а некоторые писал полностью сам.

Эти письма наиболее интересны своей искренностью: царь как бы напрямую, без посредников и свидетелей общается со своим адресатом. В них менее всего ощущается тот образ, та модель, которую Алексей Михайлович создает в своих сочинениях, и в большей степени проглядывает его настоящий облик. Эти письма менее каноничны и этикетны.

Наиболее полно письма Алексея Михайловича были изданы П. Бартеневым (Собрание писем царя Алексея Михайловича... М., 1856) и С. А. Белокуровым (Письма русских государей и других особ царского семейства. Вып. V. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896). Уже в наше время А. М. Панченко были опубликованы два письма. Одно — к А. И. Матюшкину — интересно тем, что написано тайнописью по акростишному принципу (см. его текст в кн.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 68—69), другое — к А. Л. Ордину-Нащокину (см.: «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 573—575) — выделяется своими художественными достоинствами.

ПОСЛАНИЕ НА СОЛОВКИ

«Послание на Соловки» было вручено Никону, митрополиту Новгорода и Великих Лук. назначенному главой посольства, которое отправлялось 20 марта 1652 г. в Соловецкий монастырь за мощами Московского митрополита Филиппа.

Перенесение мощей Филиппа связано с окончанием обновления кремлевского Успенского собора, для «умножения святости» которого решено было перенести в него прах митрополита Филиппа с Соловков, патриарха Иова из Старицкого монастыря и патриарха Гермогена из московского Чудовского монастыря.

Особенностью данного текста является то, что «Послание на Соловки» было адресовано не живому человеку, а мощам и, видимо, писалось в расчете на устное воспроизведение (авторское стремление произвести на слушающую аудиторию сильное эмоциональное впечатление и объясняет обращение Алексея Михайловича к таким литературным приемам, как использование ритмической и рифмованной прозы, риторических фигур).

Возможность быть провозглашаемым и воспринимаемым на слух сближает данное произведение с сочинениями, написанными в жанре ораторской прозы. В «Послании на Соловки», безусловно, содержатся и элементы своеобразного жанра «моления» (в этом нетрудно убедиться, ознакомившись с тестом «Послания...»). Кроме того, на основании ряда признаков (наличие в тексте обращений к адресату, подписи адресанта, изложение причин, побудивших автора взяться за перо, и т. д.) «Послание на Соловки» несомненно можно отнести к эпистолярному жанру. Небольшое по величине «Послание на Соловки», таким образом, является интереснейшим литературным памятником, автор которого — Алексей Михайлович — как бы предпринимает своеобразный эксперимент, создавая произведение на стыке нескольких жанров.

Текст «Послания...» публикуется по рукописной копии XIX в., хранящейся в Отделе рукописей: *РНБ*, F. I.337, л. 1—2 об. Переписчик XIX в., видимо, не вполне разбирал почерк оригинала и оставил пропуски на месте непонятых слов. При публикации пропуски обозначаются отточием.

Стр. 297. *...отца нашего Филиппа...* — Митрополит Московский и всея Руси Филипп из рода князей Колычевых. До принятия сана митрополита был соловецким игуменом. Навлек на себя царскую немилость, отказавшись в 1568 г. благословлять Ивана Грозного, пришедшего в храм с опричниками в черной одежде, а затем обличая опричнину во время крестного хода. 8 ноября 1568 г. был схвачен во время службы в Успенском соборе и заточен в Тверском Отроче монастыре, где был задушен в 1569 г. Малютой Скуратовым.

...еже разрѣшити согрѣшение прадеда нашего, царя и великаго князя Иоанна... — Алексей Михайлович называет прадедом царя Ивана IV Грозного, хоть и не является его кровным

родственником, так как первая жена Ивана Грозного, Анастасия Романова (ум. в 1560 г.), приходится ему двоюродной бабкой.

Стр. 298. ...*«терпчины бо родителныя оскомины чадомъ различне творя».* — Ср.: Иер 31, 29; Иез. 18, 2.

...*«но ядшему терпкоя, тому и зубомъ быти оскомины».* — Ср.: Иер. 31, 30.

...*всяко царьство, раздѣльшееся на ся, не станетъ...* — Мк. 3, 24; ср.: Мф. 12, 25 и Лк. 11, 17.

ПИСЬМО НИКОНУ О СМЕРТИ ПАТРИАРХА ИОСИФА

Письмо Никону с сообщением о смерти патриарха Иосифа написано весной 1652 г., вскоре после упомянутого в нем события. Никон в момент написания письма находился вдалеке от Москвы, возглавляя посольство на Соловки за мощами митрополита Филиппа.

Как и другие официальные послания Алексея Михайловича, Письмо характеризуется изначально заданной литературностью, которая проявляется в наличии в текстах развернутых метафор, обобщений, патетическом тоне писем, использовании автором этикетных формул. Письмо Никону характеризуется наличием в нем своеобразных цепочек тщательно подобранных эпитетов (царь, уже принявший решение о том, что после умершего Иосифа место патриарха займет Никон, обращаясь к последнему, буквально нанизывает эпитеты, подчеркивающие его святость), этикетным самоуничижением царя (например: «...по своимъ злымъ, мерскимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не токмо в цари»).

Письмо Никону, по-видимому, выполняло роль предисловия к «Статейному списку о преставлении» патриарха Иосифа.

Письмо публикуется по рукописной копии XIX в.: *РНБ*, F. I.337, л. 24 об.—25 об.

Стр. 299. ...*мы и с царицею, и с сестрами, и з дочерью...* — Царица — первая жена Алексея Михайловича Мария Ильинична (урожденная Милославская); брак был заключен 16 января 1648 г.; умерла 4 марта 1669 г. Сестры — царевны Ирина Михайловна (1627—1679), Анна Михайловна (1630—1692), Татьяна Михайловна (1636—1658). Дочь, царевна Евдокия Алексеевна (1650—1712).

...*Богъ нашъ изволилъ взять... Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии...* — Иосиф с 1634 г. — патриарх Московский и всея Руси, умер 15 апреля 1652 г.

...*изволилъ его вселити в нѣдра Авраама и Исаака.* — Авраам и Исаак — ветхозаветные патриархи.

...*встречал Иева патриарха...* — Иов — первый русский патриарх (с 1589 г.), до этого был архиепископом Ростовским. В начале 1605 г. сподвижниками Лжедмитрия I, готовившими Москву к его торжественному въезду, выслан в Старицкий монастырь, где и умер 19 июня 1607 г.

...*и какъ на осляти ѣздилъ входъ Иерусалимъ...* — Имеется в виду обряд езды на осле патриарха в Вербное воскресенье.

...*и какъ ево не стало — и то писано подъ сею грамотою.* — Речь идет о «Статейном списке о преставлении патриарха Иосифа».

...*обирать на патриаршество именемъ Феогнаста.* — Претендентами на патриарший престол был духовник царя протопоп Стефан Вонифатьев и Никон. Стефан Вонифатьев сам отклонил свою кандидатуру, и патриархом 25 июля 1652 г. стал Никон. Именем Феогност царь иносказательно назвал Никона (имя Феогност переводится с греческого как «известный Богу»).

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПАТРИАРХА ИОСИФА

Публикуемый памятник является, пожалуй, одним из самых известных и чаще всего цитируемых произведений Алексея Михайловича. Будучи свидетельством очевидца, записанным по горячим следам, он являет собой достоверный исторический источник и потому постоянно привлекается историками, обращающимися к событиям середины XVII в. Не меньшей ценностью обладает этот памятник и с точки зрения литературной. Однако, соглашаясь в оценке литературных достоинств произведения, исследователи не пришли к единому мнению относительно его жанра. Его называли и письмом, и посланием, и повестью. Царь же назвал его «статейным списком». Споры по поводу жанра вполне обоснованны. Действительно, это странный статейный список. Статейными списками называли посольские отчеты, «обширные письменные отчеты о выполнении ими своих поручений, о всем виденном и слышанном за границей»; так «их называли потому, что послы в них обязаны были отвечать на „статьи" даваемых им наказов» (Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319). То есть это были послания от путешествовавших к остававшимся дома. Перед нами же, по сути, статейный список «наоборот» — послание от оставшегося дома к путешествующему. Однако название этого текста статейным списком далеко не случайно. Царь Алексей тоже как бы отвечает на «статьи», отчитываясь перед Никоном за все, что произошло в Москве в его отсутствие. В исследовательской литературе отмечалось: «Не исключено, что „Статейный список" был составлен по просьбе самого Никона» (Зиборов В. К., Лобачев С. В. Алексей Михайлович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 70). Это тоже рассказ «о всем виденном и слышанном». Со статейными списками публикуемый текст роднит и документальность, и хронологическая последовательность изложения. Царь по порядку описывает перенесение мощей патриарха Иова, последнее важное событие, совершившееся при жизни патриарха Иосифа (это описание далеко не случайно: Алексей Михайлович отмечает, что Иосиф как бы провозвестил свою смерть), последнюю беседу царя и патриарха, кончину Иосифа, его погребение и события, последовавшие непосредственно вслед за этим и связанные с деятельностью царя в качестве душеприказчика патриарха.

Царь Алексей Михайлович как бы находился в поисках жанра. Совершенно очевидно, что он написал не рядовое послание, хотя и заканчивается этот текст последними новостями и решением каких-то текущих вопросов. И не случайно царь пишет два отдельных текста: собственно письмо и этот статейный список. С другой стороны, он не называет свое произведение и повестью (фразу «об отцѣ своемъ повесть докончаю», скорее, следует понимать как «об отце своем повествование закончу»). Жанр повести подразумевает некую безличность и отстраненность, адресность же рассматриваемого текста, его личностный характер явно противоречат этому.

«Статейный список» представляет нам удивительную картину взаимоотношений Алексея Михайловича и Никона, Алексея Михайловича и патриарха Иосифа. Царь пишет о человеке, с которым в последнее время ладил с большим трудом (см. об этом ниже), но при этом он не позволяет себе ни раздражения, ни малейшего недоброжелательства, хотя некоторые исследователи и оценивают интонацию царского послания как недоброжелательно ироничную (Кротов М. Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа: (Этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2. С. 149—178). На наш взгляд, для «Статейного списка» характерны, скорее, некая «ласковость», мягкость (Алексей Михайлович чуть ли не в каждой фразе называет Иосифа «свѣтом», «отцом своим»). И это не лицемерие и не ирония. В этом проявляется и этикетность повествования, и исконное благочестие царя, и умиление перед таинством смерти, и почтительность по отношению к умершему. И, конечно же, удивительная деликатность Алексея Михайловича, которая особенно очевидна в конце послания, где царь пытается уладить отношения Никона с боярами.

Публикуемый «Статейный список» характеризует царя и как душеприказчика, и как рачительного хозяина. В этом отношении особенно интересен фрагмент, рассказывающий о процессе описи Алексеем Михайловичем келейной казны патриарха Иосифа.

При публикации нами была лишь опущена сама «Опись келейной казны» как документ сугубо деловой и особого литературного интереса не представляющий. В остальном же текст публикуется полностью по копии XIX в.: *РНБ*, F.I.337, л. 26 об.—37. В приводимом ниже комментарии частично использован комментарий И. Ю. Серовой, опубликованный в «Памятниках литературы Древней Руси» (XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 666—667).

Стр. 301. *...о принесении мощей въ царствующий градъ Москву Иева, патриарха Московскаго и всеа Русии, чудотворца...* — Иов (в миру Иван, ок. 1525—19 июня 1607) — первый патриарх Московский и всея Руси (1589—1605), был удален из Москвы при Лжедимитрии I и последние два года своей жизни провел на своей родине, в Старице, где и был похоронен. 20 марта 1652 г. в Старицу за мощами Иова было отправлено посольство, возглавляемое митрополитом Ростовским и Ярославским Варлаамом и бояриным князем М. М. Салтыковым. Торжественный ввоз праха патриарха в столицу состоялся 5 апреля 1652 г.

...Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии... — Иосиф (умер 15 апреля 1652 г.) — патриарх Московский и всея Руси, избран на патриаршество 20 марта 1642 г. из архимандритов Симонова монастыря впервые в русской церковной истории в результате жребия, интронизирован 27 марта 1642 г.

...въ понедѣлникъ шестые недѣли часы в оддачю денные... — В понедельник шестой недели Великого поста по окончании дневной службы часов. *Часы* — см. коммент. к с. 304.

...митрополитъ Казанский и Свияжский Корнилей... — Корнилий занял митрополичью кафедру в 1650 г., умер в 1656 г.

...архиепископ Муромский и Резанский Мисайло... — Мисаил, умер 19 апреля 1655 г.

...архимандритъ андроньевской Селиверстъ... — Сильвестр стал архимандритом в 1648 г., 10 июля 1653 г. хиротонисан в митрополита Сарской епархии, умер 13 сентября 1654 г.

...спасской игумѣнъ изъ-за Вѣтошнаго ряду... — Имеется в виду игумен Богоявленского монастыря, что за Торгом, или за Ветошным рядом. Во время описываемых событий этим игуменом был Серапион, который вскоре (в августе 1652 г.) стал первым архимандритом Богоявленского монастыря.

...протопопъ ис-под колоколовъ... — Имеется в виду колокольня Ивана Великого.

...да исъ собору священникъ да диаконъ... — Имеется в виду кремлевский Успенский собор.

...князь Алексѣй Никитичь Трубецкой... — А. Н. Трубецкой (ок. 1600—1680, незадолго до кончины принял монашество под именем Афанасий), политический и военный деятель, дипломат; в описываемое время возглавлял Сибирский приказ и Приказ Казанского дворца.

...князь Федоръ Семеновичь Куракинъ... — Ф. С. Куракин (ум. 2 ноября 1656 г.), боярин и воевода; в описываемое время в отсутствие царя неоднократно оставался «ведать Москву».

...околничия наши князь Василей Григорьевичь Ромодановской... — Василий Григорьевич Ромодановский, Меньшой (ум. 31 октября 1671 г.), пятый сын Григория Петровича Ромодановского, воевода, окольничий, боярин. Такое же имя носил второй сын Г. П. Ромодановского, прозываемый Большим, но не занимал должности окольничего.

...Прокофей Федоровичь Соковнинъ... — П. Ф. Соковнин (ум. в 1662 г.), боярин, окольничий.

...дьякъ Семѣнъ Заборовской... — С. Заборовский, дьяк, известен тем, что в 1613—1614 гг. участвовал в посольстве к германскому императору Матфею.

...по Иосифовской дорогѣ... — Т. е. по дороге на Волоколамск, в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Пожар — Красная площадь.

...в ногахъ у Иасафа патриарха... — Патриарх Московский и всея Руси Иоасаф I (1634—1644) был погребен в Успенском соборе Московского кремля.

Стр. 302. *...Ермогена тутъ положимъ...* — Гермоген, патриарх Московский и всея Руси (1606—1612), ум. 17 февраля 1612 г., находясь в заточении в Чудовом монастыре, где и был похоронен; его останки были перенесены в Успенский собор в 1652 г.

...къ Вербному воскресенью... — Двунадесятный праздник Входа Господня в Иерусалим, шестое воскресенье Великого поста. В тот год Вербное воскресенье приходилось на 11 апреля.

...ѣздил на осляти... — Имеется в виду обряд хождения на осляти в Вербное воскресенье, символизирующий Вход Господень в Иерусалим.

...Василья Бутурлина... — Василий Васильевич Бутурлин (ум. в 1656 г.), ближний боярин царя, стольник, потом окольничий.

...у отца своего духовнаго... — Духовником царя Алексея Михайловича был Стефан Вонифатьев (в иночестве Савватий, ум. 11 ноября 1656 г.), протопоп московского Благовещенского собора, глава кружка «ревнителей древлего благочестия».

...в Крестовой. — Крестовая палата, самый большой и торжественный зал Патриаршего дворца (Патриарших палат).

...а сѣлъ по лѣвую руку у мѣня, а по правую не сѣлъ — и сажалъ, да не селъ. — Имеется в виду обычай сажать высокого гостя справа. Несмотря на попытки Алексея Михайловича усадить на почетное место Иосифа, тот отказывается, подчеркивая то, что царь выше.

Стр. 303. *...не смогъ и «Достойно» проговорить, «Славу» проговорилъ с отпускомъ насилу...* — «Достойно» — церковное песнопение в честь Богородицы («Достойно есть яко воистину блажити тя, Богородице...»). *«Слава»* — славословие («Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»), произносимое неоднократно за богослужением. *Отпуст* (*отпуск*) — последнее в каждом богослужении, общественном или частном, обращение священнослужителя к народу, обращение, которым заканчивается богослужение и народ отпускается из храма. Отпуст также произносится во время частного богослужения и келейной молитвы. В данном случае — славословие, которое должен был произнести патриарх, прежде чем отпустить царя.

...почелъ ко мнѣ прощения говорить, что говорятъ въ среду на Страстной. — В Великую среду перед началом службы священник читает великопостную молитву, а затем кланяется до земли и просит прощения у присутствующих, на что они отвечают: «Бог простит тебя, честный отче...».

...цѣловать... въ херувимъ. — Имеется в виду или изображение херувима на патриаршем клобуке, или вышитое архиерейское облачение «Иже херувимы». Херувим также изображался на рипидах, употребляемых при архиерейском богослужении.

Стр. 304. *...начали перьвой часъ говорить...* — Часы — краткие богослужения, соответствующие особенно знаменательным часам дня. Таких богослужений четыре: час первый, час третий, час шестой и час девятый. Час первый обычно соединяется с утреней и поется вслед за ней.

...Иванъ Кокошиловъ... — В 50-е гг. XVII в. дьяк Казенного патриаршего приказа, ведавшего различными сборами в патриаршую казну.

...к Евдокѣе, Христовы мученицы... — Имеется в виду церковь Святой Евдокии (с 1681 г. — храм Воскресения Словущего), одна из Теремных церквей, входящих в комплекс Большого Теремного дворца.

...Резанской. — Архиепископ Муромский и Рязанский Мисаил (см. выше).

...отецъ духовной... — Далее Алексей Михайлович говорит, что духовным отцом патриарха Иосифа был «знаменский игумен», т. е. игумен московского Знаменского монастыря Варлаам (1649—1655).

...Казанскаго... — Митрополит Казанский и Свияжский Корнилий (см. выше).

...Вологотцкой... — Архиепископ Вологодский и Великопермский Маркелл, хиротонисанный 16 января 1645 г. из игуменов соловецких, умер 22 марта 1663 г.

...чудовской... — Архимандрит московского Чудова монастыря Ферапонт (с 1649 г. до смерти в сентябре 1654 г.).

...спаской... — Вероятно, игумен московского Новоспасского монастыря Никон (1649—1654).

...симоновской... — Архимандрит московского Симонова монастыря Илья (1642—1653).

Стр. 305. *...части...* — Частицы, особым образом изъятые из просфоры, символизирующие Тело Христово.

...Ростовской... — Митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам, хиротонисан в 1619 г., умер 9 июля 1652 г.

...Крутицкой... — Митрополит Сарский и Подонский Серапион, хиротонисан 1 января 1637 г., умер 2 мая 1653 г. Его резиденция находилась в Крутицком подворье, и сама епархия часто называлась Крутицкой.

...андроньевской... — Архимандрит Спасо-Андроникова монастыря Сильвестр (см. выше).

...здвиженской... — Игумен московского Крестовоздвиженского монастыря Иосиф (1651—1652).

...черные власти... — Духовные особы монашеского сана, церковные иерархи.

...были в соборѣ, приспѣлъ какъ часъ освящению и помазанию маслу. — Имеется в виду чин освящения мира (масла), совершаемый в Успенском соборе Московского кремля в Великий четверг.

Стр. 306. *...вмѣсто херувимской перьвой стихъ «Вечерѣ твоей Тайнѣй» пѣть...* — В Великий четверг вспоминается Тайная Вечеря и в кафедральных соборах совершается обряд омовения ног. *«Вечерѣ твоей Тайнѣй»* — начальные слова песнопения, которое поется в Великий четверг вместо херувимской песни.

...с Васильемъ уродивым, сиирѣчь нашимъ языкомъ с Вавиломъ... — О личности юродивого Василия ничего не известно, однако судя по тому, что он неоднократно упоминается в письмах Алексея Михайловича к Никону, он был известен и до некоторой степени близок обоим.

...к Ризъ положенью... — Имеется в виду церковь Ризположения (Положения ризы Пресвятой Богородицы) в московском Кремле, до 1655 г. домовый храм Московских митрополитов, а затем патриархов.

...з женою и съ сестрами... — В описываемый период царь был женат первым браком на Марии Кирилловне Милославской (1 апреля 1624 г.—3 марта 1669 г., царица с 16 января 1648 г.); в это время были живы три его сестры: Ирина (22 апреля 1627 г.—8 апреля 1679 г.), Анна (14 июля 1630 г.—27 октября 1692 г.), Татьяна (5 января 1636 г.—24 августа 1706 г.).

Стр. 307. *...новинской игуменъ...* — Игумен московского Новинского (Введения Пресвятой Богородицы на Пресне) монастыря. Вероятно, в описываемое время им был Савин, упоминающийся в документах под 1653 и 1654 гг.

Стр. 308. *А какова грамота, и с нѣе списокъ, подъ симъ стлпцомъ подклѣена.* — Текст духовной грамоты не принадлежит царю Алексею Михайловичу.

«Аще согрѣшает предъ всеми человѣцы седмьдесятъ седмѣрицею, прощайте ихъ». — Ср.: Лк. 17, 4.

«Егоже бо аще свяжете... на небѣсехъ». — Мф. 18, 18.

Стр. 309. *...князь Михайло Одоевской...* — Михаил Никитич Одоевский (ум. в ноябре 1653 г.), с 1640 г. стольник, с 1648 г. спальник.

...Михайло Ртищевъ... — Михаил Алексеевич Ртищев, воевода, постельничий, окольничий, в описываемое время управлял Приказом новой чети (1651—1654).

...мнѣние, де, на нево... скинуть мѣня хотятъ... — В последние годы патриаршества у Иосифа были серьезные разногласия с царем и царским духовником Стефаном Вонифатьевым, в частности по вопросу о единогласии (т. е. единогласном, поочередном, последовательном пении и чтении в церквах). Патриарх был сторонником умеренного многогласия. На этой почве произошло серьезное столкновение между Иосифом и Стефаном Вонифатьевым. После обращения к Константинопольскому патриарху спор был разрешен в пользу царя и его духовника. Оскорбления Стефана Вонифатьева в адрес патриарха царем замечены не были.

Стр. 310. *...странный братъ нашъ Василѣй...* — Вероятно, упоминавшийся ранее юродивый Василий.

...князь-Юрьевские суды... — По-видимому, здесь и далее имеется в виду имущество князя Юрия Яншевича Сулешова (см. далее: «книзь-Юрьевская Шулешева рухледь») (1584—1643), стольника Бориса Годунова, боярина Михаила Федоровича. Душеприказчиком князя Юрия был патриарх Иосиф. По завещанию Ю. Я. Сулешова, душеприказчик должен был выплатить все долги князя. Вероятно, упоминаемые вещи князя Юрия были выкуплены патриархом Иосифом на его келейные деньги, которые были пущены на уплату долгов.

Киндяк — один из видов хлопчатобумажной ткани.

...камки, и бархаты, и дороги, и тафты... — Разные виды ткани. *Камка* — шелковая цветная узорчатая ткань. *Дорога* — восточная шелковая ткань. *Тафта* — гладкая, тонкая шелковая ткань.

...брата ево родново... володимерского протопопа... — Родной брат патриарха Иосифа служил соборным протоиереем во Владимире на Клязьме.

...князь-Ивану Ивановичу Ромодановскому... — Иван Иванович Ромодановский Меньшой (в отличие от старшего брата с тем же именем, умершего в 1620 г.), стольник, потом окольничий, с 1657 г. боярин; воевода; умер в марте 1675 г.

...боярину патриярхову Василью Федоровичу Янову... — В 1644 г. упоминается как царский стольник; известен как крупный благотворитель Троице-Сергиевой лавры. Умер в монашестве с именем Варлаам.

...думной дворянинъ Федоръ Кузмичь Елизаровъ... — Упоминаемый здесь как думный дворянин, Ф. К. Елизаров начинал свою карьеру как думный дьяк, а уже после описываемого времени стал окольничим, в 1658 г. ведал Поместным приказом.

...думной дьякъ Михайло Волошениновъ... — Дипломат; в 1643 г. участвовал в переговорах с датским принцем Вальдемаром, позднее ездил послом в Польшу, в 1652 г. вел переговоры с посланцем гетмана Хмельницкого.

Стр. 311. *Четыредесятница* — Великий пост.

Стр. 312. *Фомина нѣдѣля* — первое воскресенье (неделя) после Пасхальной седмицы.

Филарет — дед Алексея Михайловича патриарх Филарет, в миру Федор Никитич Романов (ок. 1560—1633, патриарх с 24 июня 1619 г.).

...Резанского Моисея архиепископа... — Архиепископ Рязанский и Муромский Моисей, хиротонисан 10 января 1638 г., умер за год с небольшим до описываемых событий, 15 февраля 1651 г.

...Вселенский и Александровский патриархъ... — Имеется в виду Александрийский патриарх Паисий, который посетил Москву значительно позже, в 1666—1669 гг.

...Казанскаго благословилъ отецъ нашъ... велѣли по-прежнему в сану служить... — Ранее Алексей Михайлович писал о том, что патриарх Иосиф, заболев, благословил вместо себя служить на Страстной неделе митрополита Казанского и Свияжского Корнилия (см. коммент. выше).

...во дворецъ посадилъ Василья Бутурлина марта въ 17 день... — 17 марта 1652 г. Василий Васильевич Бутурлин (см. коммент. выше), став боярином, получил пост дворецкого.

...князь Алексѣй билъ челомъ об отставке, и я ево отъставилъ... — Имеется в виду предшественник В. В. Бутурлина на посту дворецкого князь и боярин Алексей Михайлович Львов (ум. в 1653 или 1654 г.).

...Костьку Конюхово, человѣка Тимошкина... хотятъ отдать. — Речь идет о подьячем Тимофее Дементьевиче (Тимошке) Анкудинове (Акиндинове) (не ранее 1617—1654), самозванце, выдававшем себя за Иоанна, сына Василия Ивановича Шуйского, который в действительности был бездетным. Беглый московский подьячий Константин (Костка) Конюхов выполнял функции секретаря Тимофея Анкудинова. Самозванец путешествовал по Европе и пытался заручиться поддержкой европейских государей, а царь Алексей Михайлович неоднократно пытался добиться его выдачи, в частности вел об этом серьезные переговоры со шведской королевой Кристиной. Вот как эту ситуацию он описывает в грамоте от 1 декабря 1652 г. герцогу Фридриху III Голштинскому: «И в прошлом же во 160-м году писали мы, великий государь, наше царское величество, к вельможной королеве Свейской, к ее королевину величеству, з гонцом нашим, з дворянином с Янаклычом Челищевым, чтоб ее королевино величество по сосецкой с нами, великим государем, с нашим царским величеством дружбе и любви и по нашему государскому вечному утверженью тех наших царского величества изменников и воров подьячих, Тимошку Анкидинова, что, перекладывая имя свое, называетца Шуиским и Яганом Синенъзисом, и Костку Конюхова, которого называли ево, Тимошкиным, человеком, велела отдать тому нашему, царского величества, дворянину Енаклычу Челищеву. И по тому нашему, царского величества, писму ее королевино величество тех, нашего царского

величества, воров и изменников нашему, царского величества, дворянину Енаклычю Челищеву отдать велела и лист о отдаче тех воров и изменников в Колывань к генералу Кирику Оксенстерну послала, а велела тех воров нашему, царского величества, гонцу Енаклычю Челищеву, как он ис Стеколна в Колывань приедет, отдать тот час. И наш, царского величества, изменник Тимошка Анкидинов ис Колывани из за пристава ушол до приезду из Стеколны в Колывань нашего, царского величества, гонца, а товарыща ево Костку по указу и по писму королевина величества в Колывани нашему, царского величества гонцу, дворянину Енаклычю Челищеву отдали, а того вора Тимошку Анкидинова при дворянине нашем в Колывани и в ыных Свеиских городех не сыскано» (Трубачева А. Ю. Грамота царя Алексея Михайловича герцогу Фридриху Голштинскому 1652 г.: К истории самозванца Тимофея Акиндинова // Археографический ежегодник за 2001 г. М., 2002. С. 101). Именно Фридрих Голштинский в обмен на торговые привилегии для своих подданных и выдал Тимофея Анкудинова, который был в Москве подвергнут пыткам и четвертован.

...князь-Ивановыхъ грамотокъ Хованскаго... — Имеется в виду сопровождавший Никона в поездке на Соловки князь и боярин Иван Никитич Хованский (ум. в 1673 г.).

...заставливаешъ съ собою правила ежедѣнь. — Речь идет о том, что Никон заставляет князя И. Н. Хованского исполнять вместе с митрополитом келейное правило.

...Василей Отяевъ... — Дворянин, сопровождавший Никона в поездке на Соловки.

...на новой землѣ за Сибирью с князь-Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть... — В описываемое время готовилась отправка войска под началом князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского (ум. 17 апреля 1664 г.) в Даурию, чтобы «всю даурскую землю досмотреть».

Стр. 313. *...диаку Гаврилу Леонтьеву...* — Дьяк, сопровождавший Никона в поездке на Соловки, ранее участвовал в составлении Соборного уложения 1649 г.

ПИСЬМО СЕМЬЕ

Одно из важных мест в эпистолярном наследии царя Алексея Михайловича занимают письма семье. Этикетные, выдержанные в соответствии с каноном, эти письма тем не менее в достаточной мере характеризуют своеобразную, живую манеру письма Алексея Михайловича. Эту манеру легко выявить при сравнении написанного лично царем с писарским текстом.

Публикуемое письмо относится ко времени войны с Польшей и датируется 5 мая 1655 г. Вторая часть его (со слов «Многолѣтствуй, матушка моя...») написана собственноручно царем. Текст печатается по подлиннику: *РГАДА*, ф. 27, № 91; слова, которые невозможно прочитать из-за дефектов рукописи, восстанавливаются по изданию: Письма русских государей и других особ царского семейства. Вып. 5: Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896. С. 28—29.

Стр. 314. *...матери...* — «Матерью» или (ниже) «матушкой» Алексей Михайлович называет старшую сестру Ирину Михайловну; мать же его Евдокия Лукьяновна (урожд. Стрешнева) умерла в 1645 г.

...и з дѣтми нашими... Анною Алексѣевною... — Дети Алексея Михайловича: Алексей (1654—1670), Евдокия (1650—1712), Марфа (1652—1707), Анна (1655—1659).

...в новой годъ... — Имеется в виду новый год жизни царевны Ирины, которая 5 мая была именинницей. Речь не может идти о календарном новом годе, который начинался с 1 сентября.

...прогналъ Родивила... — Януш Радзивилл, князь литовский, гетман, войска которого осаждали Могилев.

...градъ Могилевъ избавилъ от смерти. — Осада с Могилева была снята 1 мая 1655 г.

...и-Щклова воевода Василей Яковлевъ... — Василий Яковлев, шкловский воевода (Шклов — местечко Могилевской губ., в 32 верстах от Могилева).

...князь Юрья... — Возможно, имеется в виду князь Юрий Борятинский, участвовавший в этом походе Алексея Михайловича.

ПИСЬМА А. И. МАТЮШКИНУ

Наибольшей искренностью и непосредственностью отличаются письма к Афанасию Ивановичу Матюшкину, двоюродному брату царя (их матери, из рода Стрешневых, были родными сестрами), с которым Алексея Михайловича связывали не только родственные, но и дружеские отношения. Связывала их и страсть к охоте, особенно — соколиной (Матюшкин был московским ловчим, вероятно с 1650 г., сокольничим, заседал также в Конюшенном приказе, ведавшем псовой охотой).

Письма к Матюшкину наименее этикетны, особенно те, которые написаны собственноручно царем: традиционные формулы в начале письма заменяются ироничным обращением к «Афонасью слепому» (вероятно, царь намекает на какую-нибудь промашку Матюшкина) или задушевным «брат». Непосредственность тона, неподдельный юмор в сочетании с сохраняющимися порой разговорными интонациями характеризуют письма Алексея Михайловича к А. И. Матюшкину и делают их ярким явлением эпистолярного стиля XVII в.

В первом из публикуемых писем, датированном 3 апреля 1646 г., рукой царя написана лишь последняя фраза («Да съѣзди...»), два других письма полностью написаны собственноручно царем. Второе письмо, вероятно, написано Алексеем Михайловичем еще до его женитьбы, так как, посылая Матюшкина к сестрам, царь ни словом не обмолвился о жене; таким образом, письмо можно датировать 1646—1647 гг. Третье письмо рассказывает об одном из эпизодов войны со шведами (битва при городе Вальке 19 июля 1657 г., где войска М. В. Шереметева были разбиты, а сам он взят в плен), и, судя по описываемым в нем событиям, оно не могло появиться ранее 3 июля 1657 г. (посылка князя Хованского на место М. В. Шереметева).

Письма публикуются по подлинникам: *РГАДА*, ф. 27, № 51; слова, которые невозможно прочитать из-за дефектов рукописи, или слова, замененные в подлиннике специальными значками, восстановлены по копиям XIX в., хранящимися вместе с подлинниками.

Стр. 315. *...в Золотой палате...* — В XVII в. было 3 золотые (расписанных золотом) палаты: большая, или Грановитая, средняя, или Государева, и малая, собственно Золотая, или Царицына.

...обноссы... — Обносцы (обнасцы, обножки) — путы на ногах ловчей птицы.

...с трубками... — Трубки — металлические цилиндрики, в которых держались перья. Возможно также: «трубка бумаг», т. е. сверток, скаток бумаг.

...у Григорья у Львова... — Григорий Львов — дьяк в Новгородской Четверти, в Посольском приказе, думный дьяк. По мнению И. Е. Забелина, Григорий Львов, будучи подьячим Посольского приказа, учил письму Алексея Михайловича.

...по лужам... — Лужа (лузь) — чистое место на заросшем озере, прогалина, плесо.

...на нашем стану в селѣ Покровском... — Вероятно, имеется в виду дворцовое село Покровское, недалеко от Немецкой слободы по дороге в село Преображенское.

Стр. 316. *...у Матвѣя Шереметева...* — Стольник Матвей Васильевич Шереметев, активный участник польской и шведской войн.

...воеводу послали Хованского Тараруя... — Иван Андреевич Хованский, стольник, воевода, был послан 3 июля 1657 г. в Псков («въ полковые и въ осадные» — из Дворцовых разрядов) на место М. В. Шереметева. Тараруй — пустовраль, болтун или шутник, балясник.

...от Полоцка князь-Осипа... — Осип Иванович Щербатов, полковой боярин и воевода в Полоцке.

...да Пронскому князь-Ивану... — Иван Петрович Пронский, боярин, позднее — воевода астраханский.

УРЯДНИК СОКОЛЬНИЧЬЕГО ПУТИ

По свидетельству современников, соколиная охота была излюбленным развлечением царя Алексея Михайловича. Он ревниво следил за соблюдением сложного церемониала «сокольничья пути», т. е. ведомства царской соколиной охоты. «Урядник» (свод правил, устав), возможно, создан при живейшем участии самого царя. Текст «Урядника», положенный в основу публикации, состоит из введения, где превозносится эстетическая сторона охоты — ее красота и увлекательность, статьи «Благочиние и славочестие», раздела о церемониале пожалования «сокольника из рядовых в начальные» (из 12 статей), «Росписи государевым охотникам, кому которых птиц указано держать» и «Росписи охотничьему снаряду». Перед «Росписью государевым охотникам...» имеется заголовок раздела «О ястве и о речах», но сам текст отсутствует. «Урядник», будучи по своей природе сугубо деловым документом, тем не менее читается как литературное произведение, благодаря своему красочному, эмоциональному языку, ярким зарисовкам дворцового быта XVII в. Текст «Урядника» (Введение, статья «Благочиние и славочестие» и раздел о церемониале поставления начального сокольника) издается по рукописи: *РГАДА*, разряд 27, № 52/1, XVIII в., сверенной с текстом «Урядника», опубликованного в издании: Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Урядника сокольничего пути / Изд. П. Бартенев. М., 1856. С. 87—138. Идентичные ему тексты «Урядника» читаются в рукописях: *БАН*, 32.4.28 и *БАН*, П. I. А. 25, XVIII в.

Стр. 317. *...устроения чину сокольничья пути...* — Т. е. описание церемониала, принятого в ведомстве царской соколиной охоты.

Стр. 318. *Удивительна же и утѣшительна и челига кречатья добыча... и челигов ястребьихъ ловля...* — Речь идет о различных породах охотничьих птиц: кречете (челига — самец), соколе, кобчике и ястребе. «Дермлиговая переласка», как полагает Ф. Буслаев, особого рода перелет хищной птицы дремлика.

...к водам рыщение... — Рыскати — быстро бежать или скакать. Царская охота бывала не только «в лугах», но и «на водах» (на диких уток).

Достовѣрному же охотнику... — Настоящему охотнику, не только знающему правила («чин») охоты, но и опирающемуся на собственный опыт, интуицию.

Стр. 319. *Петръ Семеновичь Хомяковъ...* — Хомяков ведал всей царской соколиной охотой при Алексее Михайловиче.

Стр. 320. *...стоит в ферезѣе...* — Ферязь — мужской кафтан с длинными рукавами без воротника и пояса.

...челига, розмыть... — Видимо, речь идет о молодом соколе, уже один раз линявшем.

...клобучекъ... с совкою нарядною... — *Клобучек* — колпачок, надевавшийся охотничьей птице на голову и затягивавшийся сзади ремешком; для клюва птицы оставляли отверстие. Подвижная часть клобучка называлась *совкою*, она прикрывала птице глаза.

...колокольцы серебреные позолочены... — Колокольцы привязывались к среднему перу хвоста птицы или прикреплялись у обножий. По звуку колокольца охотник слышал, куда полетела птица.

...обнасцы... — Путы (по другим данным — онучки), надеваемые на ноги ловчей птицы.

...должикъ... — Тонкий ремень или шнурок, который одним концом был пришит к охотничьей рукавице, другой его конец, продетый через колечко у обножий, держал в руке сокольник.

Стр. 321. *...подправительно...* — Возможно: подправляя крылья для лучшего вида птицы (охорашивая ее).

Стр. 322. *...на полянове...* — Т. е. на описанное выше место на попоне «промеж стулов», на которых сидят птицы.

...рукавицу с притчами... — По мнению П. Бессонова (Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 136), притча — это символическое изображение «добра» и «зла», вышивавшееся или расписывавшееся красками на рукавице, на которое должен был смотреть нововыборный сокольничий во время церемонии.

...канитѣлью... — Тонкой витой золотой или серебряной нитью.

...а в Гамаюне... — Т. е. в сумке с изображением этой птицы.

...вабило... — Приманка для ловчей птицы — кусок мяса, преимущественно голубиного, ввязанного в связку перьев, иногда крыло птицы, оторванное с мясом.

...ващагу... — Колотушку, которой, ударяя по бубну, спугивали дичь во время охоты (Кутепов Н. Царская охота на Руси XVII века. СПб., 1898. С. 100). По мнению С. Т. Аксакова (Пояснительная заметка к «Уряднику» // Собрание писем царя Алексея Михайловича. С. 143), ващага — это сумка, в которую кладется вабило.

Стр. 323. *...полным имянем...* — Т. е. называть не только по имени и фамилии, но и по отчеству.

...ефимки... — Иностранная монета, обычно серебряная. Здесь же имеются в виду золотые монеты, дававшиеся в награду.

Дороги (множ. число) — восточная шелковая ткань.

Стр. 324. *...потписану за третью вину, безо всякие милостивые пощады быть сосланы на Лѣну.* — Это выражение может быть сопоставлено со статьей «Указ о кормчих» «Уложения» царя Алексея Михайловича 1649 г., где тоже упоминается, что за повторную провинность обвиняемого дают на поруки «с записями», за «третью вину» бьют кнутом, а если он в «воровствѣ... в четвертые» объявится — «учинити жестокое наказание: бив кнутом по торгам, ссылати в дальные городы» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. I. 1649—1675. С. 158).

...«Врели горь сотьло... Сшай дар». — Затаенные слова, которые, как предполагает П. Бессонов, раскрываются следующим образом: «Время ли, государь, совершить дело... Совершай дар».

Стр. 325. *«Дарыкъ чапу вресті дан».* — По предположению П. Бессонова, эти затаенные слова должны означать: «Государев челиг сокольнича пути в мере и чести дан».

...челига кречатья честника. — Видимо, почетного челига.

Стр. 326. *...переходами перильными.* — Согласно И. Забелину (Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв. М., 1862. Ч. 1. С. 29) — это сени, находившиеся снаружи дворца (здесь: ведомства соколиной охоты), соединявшие отдельные его постройки и огороженные перилами.

...в рукавицѣ с притчами Ярова. — По-видимому, «Яров» это фамилия сокольника. В письме 1650 г. царю Алексею Михайловичу начальник над царской соколиной охотой В. Я. Голохвастов, сообщая о поведении царских охотничьих птиц, между прочим упоминает «челига Нагая», которого сокольник «Васка Яров держит» (ЧОИДР. 1848. Год третий. № 5. С. 91).

Стр. 327. *...спальникъ...* — Придворный чин в Русском государстве в XVI—XVII вв. Спальник сопровождал государя в поездках, прислуживал ему.

...с лясками... — По предположению П. Бессонова, это приманка для птиц.

Стр. 328. *...рукавицу полявую.* — Обыкновенную охотничью рукавицу, в отличие от парадной рукавицы с притчами.

...«Дрыганса». — Далее из текста следует, что это выражение означает: «Дай крыло голубиное».

СОЧИНЕНИЯ ИНОКА АВРААМИЯ

Инок Авраамий — ученик и духовный сын протопопа Аввакума, один из ранних старообрядческих писателей, поэт «приказной школы» (о его обращении к стихотворству см.: Панченко А. М. Инок Авраамий, он же юродивый Афанасий // Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 82—102). Документальных источников о жизни инока Авраамия не сохранилось — лишь немногие сведения можно найти в его автобиографических сочинениях и упоминаниях о нем в произведениях протопопа Аввакума и других современников.

До пострига Авраамий (при крещении Афанасий) был юродивым. «Хорош был и Афонасьюшко миленькой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий 〈...〉. До иночества бродил босиком же и в одной рубашке и зиму и лето 〈...〉. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт — и у него слова тихо и гладко, яко плачет...» — писал протопоп Аввакум в своем «Житии». Очевидно, бродя по монастырям, Авраамий имел доступ к их книжным собраниям: о его начитанности свидетельствуют многочисленные цитаты и реминисценции в его произведениях из Писания и святоотеческой литературы, из сочинений русских и украинских публицистов XVI—нач. XVII в. и современных ему авторов. Вероятно, весной 1665 г. Афанасий постригся в одном из монастырей недалеко от Москвы. Вернувшись в стольный город во время второй ссылки протопопа Аввакума, инок Авраамий возглавил московскую общину старообрядцев. Он имел большой авторитет у сподвижников — ему доверялось «свидетельствование», т. е. подтверждение вероучительной достоверности текстов сочинений современников.

И после пострига Авраамий воспринимается единомышленниками прежде всего как проповедник, устным словом отстаивающий «истинную веру»; признание его как старообрядческого публициста придет немного позднее. В письме 1666 г. протопоп Аввакум пишет Авраамию: «Любо мнѣ, что ты еретиковъ побеждаешь, среди торга ихъ, псовъ, взущаешь...» (см. с. 179). Очевидно, в это время инок Авраамий начинает писать — первые из известных его произведений относятся к 60-м гг. XVII в. Из них самое значительное по содержанию и объему — сборник «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», составленный в 1667—1669 гг. Помимо своих собственных произведений инок Авраамий включил в него полемические сочинения первых писателей-старообрядцев, а также слова Иоанна Златоуста, Максима Грека, выписки из Кормчей и другие дидактические и канонические тексты византийской и русской традиции. Сборник Авраамия, представляющий собой единое по замыслу и художественным принципам произведение, стал одним из первых образцов старообрядческой книги как историко-литературного жанра. По мнению Н. Ю. Бубнова, именно Авраамий был одним из старообрядческих публицистов, создавших жанр старообрядческой книги — ему принадлежит несколько подборок сочинений первых старообрядцев, распространившихся позднее как в отдельных рукописях, так и в виде значительных циклов в старообрядческих сборниках (см.: Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 138—173).

Устные и письменные выступления инока Авраамия в защиту старой веры, а также тайная переписка с пустозерскими узниками, которую он вел, находясь в Москве, стали причиной его ареста — ночью 8 февраля 1670 г. Авраамий был взят под стражу. При обыске у него нашли письма Аввакума, «возмутительные бумаги» самого Авраамия, а также различные материалы московской старообрядческой общины. В заключении на Мстиславском дворе инок Авраамий продолжает писать. До нас дошли как его послания отдельным адресатам («Послание к боярыне Морозовой»), так и публицистические произведения, направленные единомышленникам («Вопрос—ответ»). Здесь же им написана и обширная челобитная царю Алексею Михайловичу, в которой он в наиболее резких выражениях высказывает свое отношение к церковной реформе и прямо называет патриарха Никона антихристом. Возможно, эта челобитная и стала непосредственной причиной казни непокорного инока, которая состоялась в Москве на Болотной площади, очевидно, весной 1672 г.

Произведения инока Авраамия пользовались большой популярностью у единомышленников и дошли до нашего времени в многочисленных списках XVII—XX вв. Нередко старообрядческими книжниками создавались отдельные сборники сочинений инока Авраамия.

Научную публикацию почти всех произведений писателя предпринял Н. И. Субботин (см.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 7. М., 1885; Т. 8. М., 1887). Для данного издания избраны два произведения, относящиеся к разным периодам творчества инока Авраамия: «Послание к христолюбцу» и «Вопрос—ответ».

ПОСЛАНИЕ К ХРИСТОЛЮБЦУ

Это послание написано иноком Авраамием до заключения под стражу, т. е. в период между весной 1665 и февралем 1670 г. Текст послания ясно показывает, что позиция и приемы Авраамия как писателя отразили сложившееся у него еще до пострига понимание борьбы с никонианами прежде всего как прения, спора с противником. Уже в этом произведении автор не только указывает основные источники из Писания и святоотеческой литературы, на которых строится доказательство истинности старой веры, но и, используя опыт первых апостолов, прежде всего апостола Павла, обращает внимание адресата на поведение во время прения, на случаи, когда от прения можно уклониться, когда нельзя. Инок Авраамий буквально создает «сценарий» прения с противником: дает образцы «реплик» в форме прямой речи и «ремарок» — поведения во время этих «реплик».

«Послание к христолюбцу» было опубликовано Я. Л. Барсковым в составе компиляции из сочинений Авраамия, протопопа Аввакума и дьякона Федора по списку XIX в., ныне утерянному (см.: Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 157). Для настоящего издания текст подготовлен по списку XVIII в.: *ГИМ*, собр. Вострякова, № 1009, вновь найденному и любезно указанному Н. С. Демковой; исправления внесены по списку XIX в.: *РГБ*, собр. Е. В. Барсова, ф. 17, № 34. Благодарю Н. С. Демкову за большую помощь при подготовке текста.

Стр. 329. *«Вся искушая, внимай лутчему».* — Ср.: 1 Фес. 5, 21.

«Едина вѣра, и крещение едино». — Еф. 4, 5.

А прочия не суть вѣры, но ереси и раздоры... — Этот фрагмент заимствован Авраамием из предисловия к «Книге о вере» (см.: Книга о вере. М., 1648. Л. 1 об.).

...Феофанъ старецъ с несторианы причащался... «Аще и вся добродѣтели... мучитися съ еретики». — Несторианство — течение в христианстве, возникшее в Византии в нач. V в. В отличие от ортодоксального учения несториане считали, что человеческое и Божественное начала в Христе пребывают в относительном соединении, никогда полностью не сливаясь. Несторианство было осуждено как ересь на Эфесском вселенском соборе в 431 г. Здесь инок Авраамий ссылается на один из рассказов «Луга духовного» Иоанна Мосха о старце Феофане и его видении страшных мук, уготованных еретикам.

...Великий Василий... по сему небоявленному Богослову... — Василий Великий (ок. 329—379) — один из отцов Церкви, архиепископ Кесарии Капподокийской, основатель капподокийского монашества. Вел борьбу с ересями, особенно с арианством. Им было написано много слов, бесед, поучений, монашеских и нравственных правил. Приведенная иноком Авраамием цитата, известная также и по многим другим старообрядческим сочинениям, не имеет точной аналогии в произведениях Василия Великого, но совпадает по смыслу с положениями, высказанными им в ряде слов (см.: Василий Великий. Книга о постничестве. Острог, 1594). Небоявленным Богословом здесь Авраамий называет Василия Великого (см. сходный фрагмент и цитаты в сочинении «Вопрос—ответ»).

«...яко аспиды глухие, затыкающие уши своя»... — Пс. 57, 5.

«...престала молитва отъ устъ человеческих»... — Ср.: Ефрем Сирин. Сл. 105 «Об антихристе» (М., 1647. Л. 269 об.).

...повѣдаетъ нам великий Златоустъ сице: «Тѣмже сказую вамъ... точию Духомъ Святымъ»... — В рукописи на полях почерком более позднего времени внесено дополнение: «апостол Павел, зачало 150». Цитата выписана Авраамием из толкования Иоанна Златоуста соответствующего места (1 Кор. 12, 3) из посланий апостола Павла (см.: Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий святого апостола Павла. Киев, 1623. Стлб. 891).

Стр. 329—330. *...по осмочасному Ивана Екзарха Слову то различие именуется.* — В Грамматике Иоанна Дамаскина, славянский перевод которой сделан Иоанном, экзархом Болгарским, среди восьми частей речи упоминаются «различие» и «союз» (см.: ВМЧ. М., 1901. 4 дек.).

Стр. 330. *...Ефремъ Сиринъ глаголетъ: «Всяцѣмъ коварствомъ куетъ...не именовалося».* — Цитата из «Паренесиса» Ефрема Сирина, слово 105 «Об антихристе» (см.: Поучения Ефрема Сирина. М., 1647. Л. 299).

Намъ же повелѣваютъ святии бити ратники именемъ Исусовымъ. — Реминисценция из слова 20 «О рассуждении» Лествицы Иоанна Синайского (см. след. коммент.), в которой в свою очередь эти слова заимствованы из поучения о молитве Григория Синаита.

...Иваннъ, Лѣствицу списавый, на Небеса восходити... авва Дорофей... — Иоанн Лествичник (Иоанн Синаит, ум. ок. 606 г.) — игумен Синайского монастыря, автор «Лествицы, восходити на Небеса...» — руководства к иноческой жизни. Первое издание Лествицы, подготовленное Сергием Шелониным, вышло в Москве в 1647 г.; авва Дорофей (ум. в 620 г.) — сначала монах монастыря Сериды в Сирии, затем настоятель собственного монастыря близ Газы. Известен как автор аскетических наставлений и 30-ти Слов о подвижничестве. Книга «Поучения аввы Дорофея» впервые была издана в Киеве в 1628 г., в Москве в 1652 г. были изданы вместе Поучения Ефрема Сирина и аввы Дорофея.

...развращаяй догматы отеческия... скорую погибель. — Ср.: 2 Петр. 2, 1.

...ересь... Савелия еретика. — Савелий (жил в III в. в Пентаполисе) — основатель еретического учения о лицах Святой Троицы. Согласно этому учению, Бог, находясь в состоянии покоя или молчания, являет собой единое существо, но, выходя из своего покоя для творения и забот о мире, проявляется в 3-х различных формах: Отца, Сына и Духа.

...Златоустъ в Маргаритѣ... — «Маргарит» (Жемчуг) — книга, включающая в себя Житие Иоанна Златоуста и избранные его поучения. Книга была издана в Москве в 1641 г.

«Горе, горе, горе живущимъ на земли». — Апок. 8, 13.

...Ефремъ Сиринъ заповѣдываетъ со слезами молитися... покоя не имутъ людие на земли... вверхъ ногами поставляют. — Авраамий ссылается на слово 105 «Об антихристе» из «Паренесиса» Ефрема Сирина, сопоставляя его предсказания с современными событиями.

Стр. 331. *«Вложитъ тогда человекомъ противникъ страхъ... отступившии от истинны».* — Цитаты из слова 105 «Об антихристе» «Паренесиса» Ефрема Сирина (см.: Поучения Ефрема Сирина. М., 1647. Л. 295—295 об., 304—304 об.).

...понеже тлятъ обычаи благия совѣты злыя... — Ср.: 1 Кор. 15, 33. Возможно, эти слова заимствованы Авраамием из предисловия к «Книге о вере» (ср.: Книга о вере. М., 1648. Л. 5).

«Иже смиренную мудрость... Христа есть чуждь». — Цитата из слова 82 «О покаянии и умилении» «Паренесиса» Ефрема Сирина (см.: Поучения Ефрема Сирина. М., 1647. Л. 190).

И апостолъ насъ тако научи... «Азъ есмь путь». — Ср.: 2 Тим. 2, 23—25. Пересказ фрагмента из послания апостола Павла дословно совпадает у Авраамия с соответствующим местом из предисловия к «Книге о вере» (см.: Книга о вере. М., 1648. Л. 5).

...авва Дорофей... всякому доброму дѣлу... или да послѣдуетъ. — Теме искушения верных посвящены многие поучения аввы Дорофея, в частности Слово 13 «О еже без смущения и благодарне терпети искушения». Наиболее близким текстуально к словам Авраамия является фрагмент из Слова 2 «О отвержении мира» (см.: Поучения Аввы Дорофея. Киев, 1628. С. 66).

Правильная... вина... — Т. е. вина, оговоренная в церковных правилах.

«Нѣсть наша брань къ плоти... воздушнымъ духовомъ»... — Ср.: Еф. 6, 12.

Стр. 332. *Афанасий Великий* (293—373) — архиепископ г. Александрии, отец Церкви, известен своей непоколебимостью в вере и борьбой с арианством. В посланиях, поучениях, толкованиях разъяснял сущность христианского учения.

Иоанн Дамаскинъ — см. коммент. к с. 134. В книге Иоанна Дамаскина «Небеса», глава 37 посвящена именно этой теме и имеет название «О поклонянии на восток» (см.: ВМЧ. М., 1901. 4 дек. Стлб. 230—231).

...дние лукавии суть до насъ доидоша... — Ср.: Еф. 5, 16.

...Капитоновы ученицы... — Учение старца Капитона (умер. ок. 1667 г.) возникло до патриаршества Никона и распространилось среди крестьян центральных (в послании называется Плесо) и северо-восточных уездов России. Капитоновцы отвергали догматы христианства, церков-

ную иерархию, священство и таинства. По их учению, для спасения необходима только крайняя аскетическая строгость жизни. Известны случаи самосожжения среди капитоновцев.

Егда рекутъ, прельстившеся... пустошныя и прелестныя глаголы... — Ср.: Мф. 24, 23—26; Мк. 13, 21—23; Лк. 17, 21—24.

...по апостолу, истинну въ неправдѣ держатъ и нечистотѣ... — Ср.: Рим. 1; 18, 32.

...Исидоръ Пилусиотъ... — Исидор Пелусиот — отец Церкви, жил в IV в. в Александрии, ученик Иоанна Златоуста, под его влиянием написал много писем и поучений.

«Развращенныхъ же... отрицайся», по апостолу... — Тит. 3, 10.

...«пред свиниями не сыпли бисера, да не попираютъ ногами». — Мф. 7, 6.

«Подобни мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу». — 1 Кор. 11, 1.

Стр. 332—333. *«Азъ есмь путь, и истина, и животъ».* — Ин. 14, 6.

Стр. 333. *...Симеону, Новому Богослову...* — Симеон, Новый Богослов (ум. в 1032 г.) — писатель, родом из Галаты, воспитание получил в Константинополе. Был приближенным константинопольских императоров Василия и Константина. Наименование Нового Богослова получил из-за сходства своих сочинений с произведениями Григория Богослова (ок. 330—ок. 390) — одного из отцов Церкви, известного своими проповедями. Сюжет и цитата восходят к Житию Симеона Нового Богослова (память его 24 мая).

«Сей человек ядца и винопийца, и бѣса в себѣ имать». — Авраамий сравнивает никониан с фарисеями, обличавшими Христа (Мф. 11, 19).

...Предтечю Иванна поносили: «Сей человекъ ни пиетъ, ни ѣстъ — бѣса въ себѣ имать». — Мф. 11, 18.

ВОПРОС — ОТВЕТ СТАРЦА АВРААМИЯ

Это одно из сочинений, написанных иноком Авраамием в заключении на Мстиславском дворе. К работе над ним автор обращался дважды; вначале он написал послание конкретному адресату (возможно, сыну протопопа Аввакума Ивану Аввакумовичу) — «Послание к боголюбцу», вторая часть которого содержит сообщение о заключении и допросах инока Авраамия «властьми». Затем Авраамий, вероятно по оставшимся черновым записям, переработал это сообщение в самостоятельное публицистическое произведение «Вопрос — ответ». Важно отметить, что оно написано в форме прения, — инок Авраамий, продолжая тему, затронутую еще в «Послании к христолюбцу», как бы дает единомышленникам образец прения с противниками. Допросы его официальным духовенством Авраамий изобразил именно как спор — диалог между ним и «властьми», который постепенно превращается в монолог-проповедь автора; вопросы духовенства лишь задают тему для последующих рассуждений инока.

Текст «Вопроса — ответа» известен в 34 рукописях, для настоящего издания подготовлен по списку XVIII в.: *ГИМ*, Музейское собр., № 2582; исправления внесены также по списку XVIII в.: *РГБ*, собр. Тихонравова, ф. 299, № 721. Все исправления выделены курсивом.

Стр. 334. *...на Сырной недели, в нощи противъ Сыропуста.* — Сырная неделя (Масленица) — неделя перед Великим постом. Сыропуст — воскресенье на Сырной неделе, заговенье на Великий пост.

...«со оружии и дрекольми, яко на разбойниковъ сущихъ». — Сцена ареста изображена Авраамием в подражание евангельской сцене ареста Иисуса Христа (Ср.: Мф. 26, 55).

...на Мъстисловъской дворъ къ дневальному полуголовѣ Симеону Остафьеву. — Мстиславский двор — подворье бояр Мстиславских в московском Кремле. Существовал до 1680 г., затем на этом месте были построены здания Приказов. При царе Алексее Михайловиче назывался еще Опасным двором, там находился значительный караул стрельцов и пушечный наряд. Караулом стрельцов командовал стрелецкий голова — высший чин стрелецкого войска, обычно из дворян или

детей боярских, в его подчинении находилось пять сотен стрелецкой пехоты. Во время его отсутствия назначался дневальный (дежурный) полуголова.

...отведоша къ Троицъкимъ воротамъ. — У Троицких ворот на территории Кремля находились тюремные палаты, куда, вероятно, и был отведен Авраамий.

...на первой недели поста... во Вселеньския полаты. — Первая неделя Великого поста в 1670 г. приходилась на 9—15 февраля. Авраамий был взят на допрос в Чудов монастырь.

...Иларионъ Ивановъ. — Думной дьяк Ларион Иванов с 1664 г. заведовал Поместным приказом, а с 1676 г. возглавил Посольский приказ и одновременно входил в состав бюрократического аппарата Малороссийского, Новгородского приказов и Владимирской и Галицкой чети (финансового аппарата).

...Крутицъкой Павелъ... — См. коммент. к с. 91.

...Вологоцъкой Симонъ... — Один из представителей официального духовенства, нетерпимый к старообрядцам. До 1660 г. был казначеем Чудова монастыря, затем игуменом монастыря Александра Свирского. 23 октября 1664 г. хиротонисан в архиепископы Вологодские. Отличался жестоким характером и грубым обращением с простыми людьми.

...Чюдовъской архимаритъ Иоакимъ. — См. коммент. к с. 116, 175.

Стр. 335. *Града настоящего не имѣю, но грядущаго взыскую.* — Ср.: Евр. 13, 14.

...от покойново игумена Феоктиста, и отъ старца Анътония, и Григория Неронова. — Авраамий умышленно называет имена соратников, которым уже не угрожали новые преследования. *Феоктист* — бывший игумен московского Златоустовского монастыря, имевший тесную связь с кружком «ревнителей древлего благочестия», в 1666 г. был арестован в Вятке, где скрывался от преследования никониан, в ноябре того же года послан в Москву и по приказу Павла Крутицкого заключен в Покровском монастыре, где и скончался в начале 1667 г. *Антоний* — бывший архимандрит муромского Спасского монастыря; около 1663 г. был заключен на Мстиславском дворе за послание о двоеперстном крещении и затем сослан в Рождественский монастырь в г. Владимир. На церковном соборе 1666—1667 гг. принес покаяние. Дальнейшая его судьба неизвестна. О Григории Неронове см. коммент. к с. 50—63.

«Прельстилися есте, не вѣдаете древняго Писания». — Ср.: Мф. 22, 29.

Стр. 336. *...Павлу митрополиту зѣло полюбилося... зъбилъ... клобукъ и камилавъку...* — В этой сцене, с художественной иронией изображенной Авраамием, митрополит Павел фактически совершил чин расстрижения, во время которого с монаха снимаются атрибуты — мантия, клобук и камилавка.

...довольно бити, яко Николай Ария еретика. — Сцена заушения в ланиту св. Николаем Мирликийским еретика Ария, на которую Авраамий и в дальнейшем ссылается в своем сочинении, описана в Житии Николая Мирликийского (память — 6 декабря).

...Исусъ Христосъ... премолча... — Как повествует Евангелие, Иисус Христос, когда был поставлен перед игемоном, смолчал и ничего не ответил на напрасные наговоры на него находящихся там архиереев и старцев (Мф. 26, 63).

Стр. 337. *...Резаньской архиепископъ Ларионъ.* — См. коммент. к с. 60, 102.

...Господь... изгна куплю дѣющихъ исъ церкви. — Речь идет о сюжете из Евангелия, в котором Иисус Христос, придя в церковь в Иерусалиме, увидел в ней торговцев скотом и разогнал их. Здесь и далее в сочинении спор Авраамия и его противников основан на различном толковании цитаты: «И сотворив бич от вервии, вся изгна из церкве, овцы и волы» (Мф. 21, 12—24).

Стр. 338. *...Селивестръ, Римский папа... во «Истории бѣлаго клобука».* — Повесть о Новгородском белом клобуке входит в цикл публицистических произведений, утверждавших идею об особой роли России как единственной страны, сохранившей православие в мире, утратившем истинное христианство. В ней повествуется о том, как константинопольскому патриарху Филофею явились во сне папа Сильвестр (первый глава христианской Церкви после ее легализации в 313 г.) и Константин Великий (римский император, легализировавший христианство) и предсказали скорое пленение агарянами Византии. Теория Москва—третий Рим была очень популярна у старообрядцев и использовалась ими для доказательства истинности старой традиции.

...преподобный Максимъ сюды приехалъ к Москвѣ... — См. коммент. к с. 95.

...по взятии Царя-града отъ турскаго... — Завоевание турками Византии и взятие Константинополя (Царя-града) произошло в 1453 г.

Стр. 339. *...Арсенѣй Сухановъ...* — См. коммент. к с. 56, 169.

«И при двою, бо, или триехъ свидѣтелехъ станетъ всякъ глаголъ». — Мф. 18, 16.

«Погублю премудрость премудрыхъ и разума разумныхъ отвергуся». — Ср.: 1 Кор. 1, 19; Мф. 11, 25.

...«буйствомъ проповѣди благоизволи Богъ вѣрующихъ спасти»... — 1 Кор. 1, 21.

«Вѣрному о Христѣ... грамотическаго учения». — Цитата из «Паренесиса» Ефрема Сирина, слово 2 «Того же святого Ефрема наказание» (см.: Поучения Ефрема Сирина. М., 1647. Л. 11).

...Иоаннъ Богословъ въ своемъ Благовѣстии... «Жалость дому твоего снѣсть мя». — Ин. 2, 14—16.

«Возмите иго мое... смиренъ сердцемъ». — Мф. 11, 29.

Оригенъ (185—254) — древнехристианский теолог и философ Александрийской школы. Его сочинения посвящены вопросам апологетики христианства и философскому обоснованию библейской мифологии. На II Константинопольском соборе учение Оригена было признано еретическим.

Стр.340 . *......в старыхъ Потребникахъ 25 листовъ.* — Потребник (Требник) — богослужебная книга, содержащая последование основных чинов христианского богослужения. В данном случае речь идет о сокращении чина крещения, введенном по реформе патриарха Никона. «Старые потребники» — издания «Требник иноческий» и «Требник мирской», выпущенные московским Печатным Двором в 1639 г., обладали непререкаемым авторитетом у старообрядцев.

...в Острожскихъ печатныхъ Апокалипсисахъ Толковыхъ... Коринфа еретика... — Во многих памятниках старообрядческой литературы встречаются ссылки на Толковый Апокалипсис, изданный в Острожской типографии. Однако в настоящее время никаких известий об этом издании не имеется. В то же время в предисловии к Апокалипсису с толкованиями Андрея Кесарийского (изд.: Киев, 1625 г.) имеется полемика с еретиком Керинфом, основателем секты в Малой Азии, бывшим современником евангелиста Иоанна Богослова. Основу его учения составляло положение о том, что Бог Ветхого Завета и Бог Нового Завета — суть разные, а Иисус Христос — простой смертный, наделенный необычайной мудростью и прозорливостью.

«Егда приидетъ утѣшитель... Духъ истинный». — Ин. 15, 26.

«Азъ есмь путь, и истинна, и животъ». — Ин. 14, 6.

«Аще в моемъ словеси... ученицы мои будете». — Ин. 8, 31.

«Всякъ преступая... Бога не имать». — 2 Ин. 1, 9.

...Фотий патриархъ... — Византийский церковный и политический деятель, писатель, константинопольский патриарх в 858—867 и в 877—886 гг., Фотий стремился к уравниванию власти патриарха с императорской властью, за что был низложен и скончался в ссылке. «Послание патриарха Фотия о седми соборех, и о православной вере...» с изложением Символа веры, в котором исповедуется «Дух истинный», входит в состав Кирилловой книги (гл. 47).

...во Острожьскихъ Следовальныхъ Псалтыряхъ. — Псалтырь и Новый Завет были изданы Иваном Федоровым в Остроге в 1580 г.

...Иванъ Дамаскинъ в Соборникѣ, в Словѣ в неделю православия ... — В Соборнике («Сборник из 71 слова». М., 1647), на который ссылается Авраамий, помещено «Слово сказающее о святых и честных иконах...» Иоанна Дамаскина, читающееся в неделю православия. В нем Иоанн Дамаскин излагает Символ веры, в котором исповедуется Святой Дух «истинный и животворящий».

...Вѣры книги списатель... — «Книга о вере православной» — сборник, составленный западнорусским автором Гедеоном, игуменом Бизюкова монастыря (см.: Савельева Н. В. Кто был автором «Книги о вере»? // Русская литература. СПб., 2010. № 4. С. 149—154), в 1648 г. был издан в Москве. Книга пользовалась огромной популярностью у старообрядцев, сам инок Авраамий неоднократно обращается к ней в своих сочинениях, иногда даже включает в них дословные заимствования из «Книги о вере».

Стр. 341. *...приеждалъ из Литвы корецкой протопопъ Лавреньтей... Бѣсѣдословие своего слогу.* — Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с московскими книжниками о составленном им Большом Катехизисе состоялось в 1627 г. (см.: Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катехизиса // Летописи русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовым. М., 1859. Т. 2. Отд. 2. С. 80—100).

«И святыхъ уста не лгутъ». — Ср.: Пс. 36, 30.

Стр. 342. *...«не испытаны суть судьбы Божия».* — Ср.: Пс. 35, 7.

...апостолъ сказуетъ и Златоустъ толкуетъ... самъ возвеличится паки. — Авраамий ссылается на толкования Иоанна Златоуста определенного места из послания апостола Павла: 2 Фес. 2 (ср.: Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий святого апостола Павла. Киев, 1623. Стлб. 2333—2334).

...Илия студныя Вааловы пророки заклалъ, но во оправдание ему вмѣнилося. — По библейскому преданию, царица Иезавель приказала убить пророков единого бога Саваофа. В ответ на это пророк Илья убивает 850 языческих жрецов, поклонявшихся богу Ваалу (см.: 3 Цар. 18, 1—46).

...аще въ Законѣ кто хощетъ оправдатися, таковый Благодати отпалъ ... — Ср.: Гал. 5, 4. Закон — Ветхий Завет, Благодать — Новый завет.

...«око за око, зубъ за зубъ». — Одна из ветхозаветных заповедей (Исх. 21, 24; Лев. 24, 20; Вт. 19, 21).

Стр. 343. *...не возбранилъ бы Господь и Петрова дерзновения ножемъ.* — Согласно Евангелию, когда слуги архиереев пришли, чтобы взять под стражу Иисуса Христа, стоящий рядом с ним апостол Петр вынул нож и отсек одному из слуг правое ухо. Иисус повелел Петру убрать нож (Ин. 18, 10—11).

...«не вѣста, коего духа еста... но спасти». — Лк. 9, 55—56.

И Господь показа надъ древомъ сие... усушилъ Господь. — Согласно Евангелию, Иисус Христос, увидя на дороге смокву, захотел есть, но не нашел на ней плодов. И тогда он иссушил дерево (Мф. 21, 18—21).

...соловецкия же старцы... просвиры свои еретической службы. — См. коммент. к с. 229.

...псалъмы не единъ Давыдъ написалъ, да вси Давыдовы наричются... — По традиции все песнопения Псалтыри приписывают царю Давиду, хотя ему принадлежит только 71 псалом из 150-ти.

...слава ливанова съ пѣвгомъ и кедромъ, и кипарисомъ приити имать. — Ср.: Ис. 60, 13.

...в сѣдальнахъ во Октае... — Октай (Октоих) — богослужебная книга, содержащая в себе песнопения для дней седмичного круга, разделенная по способу пения на 8 гласов. Седален — один из жанров гимнографии.

Стр. 344. *...Петръ Дамаскинъ... глаголати моя.* — Петр Дамаскин — См. коммент. к с. 95. Его сочинения часто использовались старообрядческими авторами для доказательства истинности традиционного написания креста и двуперстного сложения. По-видимому, ссылка на указанные слова Петра Дамаскина заимствована Авраамием из предисловия к «Книге о вере» (см.: Книга о вере. М., 1648, Л. 5).

«Мечь духовный» — книга черниговского епископа Лазаря (Барановича) была напечатана в Киеве в 1666 г. и по царскому указу разослана по всем монастырям.

...Григория Амиритьскаго въ прѣнии з Герваномъ жидовиномъ. — «Прение Григория, митрополита Амиритского, с Герваном жидовином» известно как в составе Жития Григория Омиритского, так и в отдельных списках (см.: ВМЧ, 19 дек.).

...какъ въ котелъ сажены, да не згорѣли, и какъ языки рѣзали, и имъ чюдеса были. — Здесь речь идет о сочинениях писателей-старообрядцев, повествующих о чудесных исцелениях мучеников за веру после различных истязаний их никонианами. О двух верных, не сгоревших в котле, говорится в «Повести о Петре и Евдокиме», автором которой традиционно считается дьякон Федор Иванов. Ему же принадлежат сочинения «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» и «Прение

дьякона Федора с Афанасием, митрополитом Иконийским», в которых рассказывается о чудесном возвращении дара речи после отрезания языков Федору, Лазарю и Епифанию. Об этих чудесах повествуют и другие сочинения ранних старообрядцев, упоминает о них и протопоп Аввакум в своем «Житии».

Стр. 345. *...въ Святомъ Писании заповѣдано... отъ ихъ предания хотя едино слово подвигнетъ.* — Ср.: Втор. 19, 14; Пр. 22, 28; 2 Петр. 2, 1.

...ариyне въ службѣ амфоромъ святаго Павла, патриарха Царя-града. — Павел — константинопольский патриарх, исповедник. За приверженность к православию император Констанций трижды низлагал его и отправлял в ссылку. В 350 г. Павел был задушен в церкви во время богослужения.

Стр. 346. *...старецъ Иосафъ новгородецъ...* — Вероятно, Авраамий упоминает новгородского старообрядческого подвижника Иоасафа Чаплина, которому посвящена одна из глав «Винограда Российского» Семена Денисова, старообрядческого автора начала XVIII в.

...безъ суда Божия и власъ з голове не улѣняетъ — Ср.: Мф. 10, 29—30.

В постъ предъ Успѣньевымъ днемъ, в четвертокъ вечеръ, за три дни до Успеньева дни... — Праздник Успения Богородицы (Успеньев день) празднуется 15 августа. Успеньев пост — с 1 по 15 августа. Авраамия брали на допрос в четверг 12 августа 1670 г.

...четыремъ вселеньскимъ патриархомъ, и нашему пятому святейшему Иосафу... — Впервые титул вселенского патриарха получил патриарх Константинопольский в VI в. Вселенскими считаются константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский патриархи. Патриархом Московским и всея Руси с 1667 по 1673 г. был Иоасаф II.

...«яко песъ, на своя блевотины возвращаешъся»? — Ср.: Пр. 26, 11.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ ДЬЯКОНА ФЕДОРА ИВАНОВА

Дьякон Благовещенского собора в Кремле Федор (Феодор) Иванов, пустозерский «соузник» протопопа Аввакума, сожженный по царскому указу вместе с ним 14 апреля 1682 г., один из виднейших противников никоновской реформы, создавший такие фундаментальные произведения в защиту «старой веры», как «Ответ православных», «Послание об антихристе», «Послание из Пустозерска к сыну Максиму» и др., недостаточно оценен как оригинальный писатель. Между тем сочинения дьякона Федора являются не только программными памятниками идеологии раннего старообрядчества, но и выдающимися произведениями русской публицистики XVII в. Опираясь на традиции византийско-славянской полемической культуры, дьякон Федор умело использовал в своих текстах и опыт народной художественной речи: в его сочинениях нередко возникают образы, как бы навеянные народными песнями (таков, например, образ горя, бредущего по Русской земле, и др.). Большой литературный и исторический интерес представляют автобиографические и биографические описания в публицистических посланиях дьякона Федора: они позволяют наглядно увидеть, как тесно в русской прозе второй половины XVII в. были переплетены публицистические тенденции текста и личная лирическая тема, как из обстоятельств личной судьбы русских книжников вырастала исповедальность русской литературы «переходного периода».

Сведения о жизни дьякона Федора до Пустозерской ссылки весьма скудны. Из допросных речей на церковном соборе 1666—1667 гг. известно, что происходил он из семьи сельского попа Ивана, служившего в вотчине боярина князя Никиты Ивановича Одоевского вначале в селе Троицком, а затем — в селе Колычеве Дмитровского уезда. После морового поветрия 1654 г. на Федора была сделана запись «бутто он крестьянский сын», которая обрекала его на судьбу крепостного. Позднее, в 1659 г., получив документ, освобождавший его от этой «записи», он стал дьяконом Богородицкого придела дворцового Благовещенского собора.

Вслед за Аввакумом, иноком Авраамием, протопопом Даниилом Костромским и другими дьякон Федор выступил против церковных преобразований патриарха Никона. 9 декабря 1665 г. он

был арестован и отдан «под начал на двор» Павлу, митрополиту Крутицкому. После долгих увещеваний покориться властям и принять нововведения в церковных обрядах Федор остался непреклонен; 13 мая 1666 г., согласно решению церковного собора, он вместе с протопопом Аввакумом был лишен духовного звания, отлучен от Церкви и отправлен — 15 мая — в заключение, как и Аввакум, в подмосковный Никольский монастырь на реке Угреше. В июне и августе 1666 г. дьякон Федор подписал «покаянные письма» церковным властям и вскоре после этого был отправлен в московский Покровский монастырь, «что на дому убогих», «совершенного ради покаяния и исправления». Оттуда Федор тайно бежал, захватив с собой жену Аксинью Алексеевну и детей, но вскоре был «сыскан». Сам дьякон Федор называет иную причину неудавшегося побега: Федор узнал, что его разыскивают «и грамоты посылают по градом, и другов моих по Христе стали истязовати ⟨...⟩ тогда аз паки пришел сам свою душу за них положити...». Дьякон Федор был предан «градскому суду», осужден на «казнь» и тюремное заключение: «хулнаго и клеветнаго языка лишитися отсечением и в далнее заточитися изгнание» — так сообщают документы (Материалы соборных деяний // Дополнения к Актам историческим. СПб., 1853. Т. V. С. 451). 25 февраля 1668 г. Федору «урезали» язык и сослали в Пустозерск, где 20 апреля он вновь встретился с протопопом Аввакумом, попом Лазарем и иноком Епифанием; с ними ему суждено было провести 14 лет жизни «в далней странѣ у Ледовитого окиана» и вместе с ними встретить смерть на одном костре.

Положение дьякона Федора в ссылке было особенно тяжелым уже в первые годы заточения из-за богословских споров, которые у него возникали с другими пустозерскими узниками, в основном с протопопом Аввакумом, по целому ряду догматических вопросов — о Троице, о сошествии Христа в ад и др. Будучи человеком незаурядных способностей, очень хорошо ориентирующимся в служебных книгах (в кругу единомышленников дьякон Федор пользовался репутацией человека книжного, «паче иных в Божественном Писании потрудившася»), он никогда не допускал вольных толкований догматических понятий, что послужило причиной разногласий, возникших в Пустозерской тюрьме. Разногласия особенно усилились в 1670-е гг., в период после второй «казни» Федора, Лазаря и Епифания 14 апреля 1670 г., и скоро перешли в личную вражду. Аввакум, подговорив стрельцов, даже «изгубил» сочинения Федора: как писал Федор в «Послании к сыну Максиму», он «ис тех книжиц моих листа с три токмо выдрал лукавно и те листы послал на Русь братьям нашим, перепортя писание мое, еже бы меня обвинили, а его бы учение оправдали...» (Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1881. Т. VI. С. 131; далее — Материалы, VI). Споры дьякона Федора с протопопом Аввакумом привели к созданию ими ряда полемических сочинений: Аввакум написал целую «Книгу» (так называемую «Книгу обличений»), опровергающую сочинения Федора; Федор высказал свои суждения в «Послании сыну Максиму», направленном в Москву. Сочинения дьякона Федора издавались Н. И. Субботиным (Материалы, VI), Я. Л. Барсковым (Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912; далее — Памятники) и Л. В. Титовой (Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003). В настоящем издании публикуются три сочинения дьякона Федора: послание в Москву «отцам» и «братии» из заточения (1666—1667), Письмо на Мезень семье Аввакума (1669) и фрагменты из Послания сыну Максиму (1678—1679).

ПОСЛАНИЕ «ОТЦАМ» И «БРАТИИ» ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ

Послание написано в конце 1666 или начале 1667 г., после бегства дьякона Федора из-под надзора властей и его поимки, во время его нового заключения, на этот раз — в Троице-Сергиевом монастыре. Цель послания — объяснить единомышленникам, почему и при каких обстоятельствах он подписал свое «покаяние» церковным властям 2 июня 1666 г. Как и Аввакум (см. его письмо семье — с. 207), Федор после суда над ним и расстрижения 13 мая 1666 г. ожидал в эти дни смерти, опасался самоубийства жены и, по-видимому, надеялся выиграть время. Объяснения Федо-

ра, очевидно, приняли, поскольку послание было включено в «Христианоопасный щит» инока Авраамия (1669) как отдельная статья под особым заглавием, разъясняющим, что дьякон Федор «искусил властей прелестных».

Послание публикуется по рукописи «Христианоопасного щита» XVII в. — *ГИМ*, Синодальное собр., № 641, л. 177—178 об.

Стр. 348. *Егда изгнаша нас архиерее из сонмища своего...*— Речь идет об осуждении и расстрижении Аввакума и Федора на заседании церковного собора 13 мая 1666 г.

...думной Дементей... — См. коммент. к с. 109—110.

Коломенское — любимое загородное село царя Алексея Михайловича, где для него в эти годы был построен новый дворец, «восьмое чудо света» (по характеристике Симеона Полоцкого).

Стр. 349. *...в осмом часу...* — Около 12 часов дня.

...Павел с товарыщи... — Имеется в виду Павел Крутицкий, см. коммент. к с. 91.

Стр. 350. *...и старца Спиридония на их отступление...* — Имеются в виду сочинения Спиридона Потемкина (ум. в 1665 г.), одного из известных противников церковной реформы.

...дал Богъ царю государю сына Ивана царевича... — Царевич Иван Алексеевич родился 27 августа 1666 г.

...священнику Никитѣ... — Никита Пустосвят. См. коммент. к с. 92, 110.

Пожар — Красная площадь.

ПИСЬМО НА МЕЗЕНЬ К СЕМЬЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Письмо датируется 1 сентября 1669 г., адресовано жене Аввакума Анастасии Марковне в Окладникову слободку на Мезени, где с декабря 1664 г. находилась в ссылке семья протопопа.

Ввиду крайней ветхости автографа текст (первая часть) печатается по фотокопии, сопровождающей издание Я. Л. Барскова в: Памятники (табл. VII), а далее — по изданию Я. Л. Барскова в той же книге, с. 67—70.

Стр. 351. *...Андрѣю сюда пришлите...* — Речь идет об Андрее Самойлове, стороже кремлевского Благовещенского собора, верном ученике и последователе Аввакума: он часто сопровождал его в ссылках, вслед за Аввакумом он приехал и в Пустозерск, где некоторое время жил в качестве ссыльного. См.: Летопись жизни протопопа Аввакума, составленная В. И. Малышевым // Пустозерская проза. М., 1989. С. 278

...Лазарь отецъ писал царю письма... — Это известные «сказки» священника Лазаря царю Алексею Михайловичу с изложением ошибок сторонников «новой веры», содержащие просьбу о справедливом царском суде. О Лазаре см. коммент. к с. 96, 246.

...Асафу патриарху... — Т. е. патриарху Иоасафу II (с 10 февраля 1667 г. по 17 февраля 1672 г.).

И отецъ Аввакумъ посылаетъ царю послание... — Речь идет о «Пятой» челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу, в написании которой, как предполагает Н. В. Понырко, принимал участие и дьякон Федор («до показанныхъ откровений 〈...〉 — мое о Христѣ счинение») и список которой был послан на Мезень ранее, чем сама челобитная была отправлена царю.

...отъ рога того злаго! — Так иносказательно, напоминая о пророчествах Апокалипсиса о приходе антихриста, дьякон Федор называет царя Алексея Михайловича.

Стр. 352. *...братецъ Иванъ...* — Старший сын Аввакума Иван (1644—1720), активно участвовал в распространении сочинений пустозерских узников, организовал на Мезени их переписывание.

...до мору... — Т. е. до 1654 г.

...к Покрову... — Т. е. до 1 октября.

А Григорюшко, сказываютъ, прочь отшол. — Иван (Гавриил) Неронов, в иночестве Григорий (см. о нем коммент. к с. 50—63), принял реформу в 1667 г.

Максимушка — сын дьякона Федора.

Пророк Аввакумъ — один из так называемых «малых пророков», чьи сочинения вошли в Библию, см.: Авв. 3, 17.

Стр. 353. *...мучителева ради имени.* — Имеется в виду опасное для Федора и его близких упоминание в письме царя Алексея Михайловича как «рога антихристова».

ПОСЛАНИЕ ИЗ ПУСТОЗЕРСКА «БРАТИЯМ», «СРОДНИКАМ» И СЫНУ МАКСИМУ

Послание из Пустозерска сыну Максиму — самое значительное из всех сочинений дьякона Федора в историко-литературном отношении. Оно состоит из трех четко выделяющихся тематически частей. До сих пор не известно ни одной рукописи, где были бы все эти части. Обычно встречаются списки, содержащие первую часть послания и фрагмент второй или вторую и третью части вместе. Это объясняется, вероятно, тем, что Федор отправлял эти тексты как отдельные послания своим единомышленникам.

Первая часть Послания полностью посвящена догматическим спорам Федора с Аввакумом и Лазарем о сущности нераздельной Троицы, о сошествии Святого Духа на апостолов и о сошествии Христа в ад.

Вторая часть подробно повествует о книжных исправлениях, предпринятых патриархом Никоном. Третья же часть Послания содержит материал особой важности для первоначальной истории раскола, в ней рассказывается о лицах и событиях третьей четверти XVII в. Сочинение написано ярким образным языком: оно полно едких, уничижительных сравнений, когда речь идет о служителях официальной Церкви, но проникнуто сочувствием к «страдальцам за веру».

Послание было написано дьяконом Федором в 1678—1679 гг., в нем говорится о взятии Соловецкого монастыря и о смерти Алексея Михайловича («мину годъ» «по смерти же цареве»).

Публикуются фрагменты о Соловецком восстании, о семье дьякона Федора, псевдобиографический рассказ о патриархе Иоакиме, а также «видения» дьякона Федора, одно из них — о судьбе умершего царя Алексея Михайловича, известное в небольшом количестве списков, — в издании Н. И. Субботина отсутствует.

Текст издается по рукописи: *БАН*, собр. Дружинина, № 465 (494), XVIII в. (60-е гг.), л. 60—73 об., 172 об.—189 об., 201—209, 231 об.—237. Фрагмент по этому же списку *БАН* издан Н. Ю. Бубновым (Описание Рукописного отдела БАН. Т. 7. Вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев. Л., 1984. С. 103).

В тексте рукописи отдельные слова и имена передаются простой литореей, при издании текста она расшифрована и передана курсивом. Название в рукописи отсутствует, дается общепринятое заглавие.

Стр. 354. *Исповѣдайтеся Господеви... взыщите лица его выну...* — Пс. 104, 1—4.

«Азъ мене любящая люблю... обрящутъ благодать». — Ср.: Притч. Сол. 8, 17, 36.

...но и о мнѣ, недостойнѣмъ, прославилъ имя... якоже благодати тезоименитому Дамаскину и Максиму Исповѣднику... — Дьякону Федору дважды «урезали язык» и отсекли руку, но он якобы был «чудесно исцелен» Богом, подобно Иоанну Дамаскину (см. его Житие — Пролог, 4 февраля) и Максиму Исповеднику (582—662; см. Пролог, 21 января).

Стр. 355. *Еще же и великихъ оныхъ триехъ мученицъ...* — Имеются в виду боярыня Ф. П. Морозова, ее сестра княгиня Е. П. Урусова и жена стрелецкого полковника М. Г. Данилова.

Стр. 356. *...чернецъ Феоктистъ нѣкто перекинулся къ Мещерскому Ивану въ полкъ...* — Феоктист, монах Соловецкого монастыря; в донесениях воеводы Мещеринова Ивана

Алексеевича царю о взятии монастыря сведения противоречивы: то он сообщает, что монастырь был взят войском без посторонней помощи, то называет имя монаха Феоктиста, который указал потаенный ход в монастырь. Во всех старообрядческих сочинениях падение монастыря связывается с предательством монаха-перебежчика.

Стр. 357. ...*Никоноръ преподобный...* — с 1653 по 1660 г. архимандрит Саввино-Сторожеского монастыря (близ Звенигорода), бывший царский духовник. С 1660 г. находился на покое в Соловецком монастыре, возглавлял Соловецкое восстание на всех этапах от начала до конца (1668—1676).

...*новопосланному архимандриту...* — С марта 1676 г. архимандритом Соловецкого монастыря становится Макарий, переведенный из Тихвина, а в 1680 г. он возвращен обратно.

Патриархъ же Якимъ... — См. коммент. к с. 116, 175.

Стр. 358. ...*въ Чюдовѣ монастырѣ...* — См. коммент. к с. 116.

Каияфа — см. коммент. к с. 96.

...*Павликъ и Ларионъ...* — Митрополит Крутицкий Павел и митрополит Рязанский Иларион.

Стр. 359. ...*бутьто мы послания писали на Донъ къ казакомъ...* — Пустозерские писатели были обвинены митрополитами Павлом и Иларионом и чудовским архимандритом Иоакимом в сочувствии к казачьим повстанцам С. Т. Разина и в содействии им своими посланиями. Насколько верны эти обвинения, сказать трудно, такие послания неизвестны.

...*посла полуголову Полтева приказу Ивана Елагина...* — См. коммент. к с. 97.

Знамения же вѣровавшимъ сия послѣдуютъ... аще что и смертно испиютъ — не вредитъ ихъ... — Мк. 16, 17—18.

Стр. 360. ...*въ новой его бѣсовской Иеросалимъ...* — Новым Иерусалимом назывался Воскресенский монастырь на р. Истре, расположенный в 47 верстах от Москвы (по Волоколамской дороге), построен был патриархом Никоном в 1656 г. с большой пышностью, главный его монастырский храм был точным подобием иерусалимского храма.

...*въ монастырь Андреевской...* — См. коммент. к с. 88.

...*Феодоръ Михайловичь Ртищевъ, и сестра его Анна...* — См. коммент. к с. 257.

...*в Симоновѣ монастырѣ...* — Один из богатых монастырей, основанный племянником Сергия Радонежского Феодором около 1370 г. на окраине Москвы.

...*въ келари ко Спасу-на-Новое...* — Новоспасский (Спасо-Преображенский) монастырь основан Иваном Калитою в 1330 г. в Кремле, в 1490 г. перенесен на Крутицы. В XVII в. был одним из первых по значению монастырей.

Стр. 361. ...*архимандритомъ на Павлово мѣсто...* — Предшественник Иоакима Павел был архимандритом Чудовского монастыря с 1659 по 1664 г. до поставления в митрополиты, Иоаким Савелов — с 1664 по 1672 г. также до поставления в митрополиты.

...*Пафнутиевъ монастырь...* — См. коммент. к с. 91, 207.

Стр. 362. *Въ то же время приидоша уже патриарси...* — Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский прибыли в Москву 2 ноября 1666 г. для участия в церковном соборе 1666—1667 гг.

Стр. 363. ...*велено насъ въ монастырь привести отселѣ.* — 14 марта 1677 г. в Пустозерске получены грамоты о переводе пустозерских узников в Спасо-Каменный и Кожеозерский монастыри, но вскоре после этого прибыл новый караул для охраны узников в тюрьме и «прежних избах».

...*паки сотникъ стрелецкой* 〈...〉 *воздохнувши, отвеща.* — Многоточием в тексте отмечен очевидный пропуск, бывший в оригинале, — в той рукописи, с которой делались копии послания, в том числе — и публикуемый список.

Стр. 363—364. ...*«Ископаша предъ лицемъ моимъ яму и впадоша в ню»...* — Пс. 56, 7.

СЛОВО О НЕКОЕМ МУЖЕ ИМЕНЕМ ТИМОФЕЙ

«Слово о нѣкоемъ мужи именемъ Тимофей» — один из немногих дошедших до нас памятников старообрядческой литературы Дона XVII в. Его автором является не пожелавший сообщить свое имя («имя мое волею минух») книжник Чирской пустыни — самого известного старообрядческого поселения на Дону в 1670—1680-е гг. В Слове повествуется о загробном видении десятилетнего мальчика Ивана, которое произошло 7 января 1687 г., «по неколицѣх днех после преставления» его отца Тимофея, поселившегося «з женою и чады» близ Чирской пустыни и постриженного незадолго до смерти ее настоятелем игуменом Досифеем. Перед взором изумленного визионера, как поведал он сам автору Слова спустя месяц после своего видения (3 февраля), предстали первоначально картины Страшного суда: Судия, восседающий на «престоле славы», определяет загробную участь праведников и грешников; одних благословляет войти в рай, других отправляет в адскую огненную реку. Были показаны Ивану и сами райские и адские области. В раю он увидел среди прочих протопопа Аввакума, основателя Чирской пустыни Иова Льговского, дьякона, принимавшего участие в освящении Покровской Чирской церкви; в аду — противников старообрядчества донских атаманов Корнилия Яковлева и Михаила Самарина, «брадобритцев», «сребролюбцев» и др. Автор прославляет Чирскую пустынь: за одно только пострижение в ней Тимофей, повинный в смерти четырех человек, получает на том свете прощение.

Как и многие другие произведения, написанные в жанре загробного видения, Слово преследует прежде всего полемические цели. Особый интерес в этом отношении представляют два персонажа Слова: известный деятель раннего старообрядчества настоятель Чирской пустыни Досифей и лидер радикального крыла старообрядчества на Дону, основатель поселения на реке Медведице Козма Ларионов Косой. Подобно героям «Божественной комедии» Данте и многочисленных средневековых видений, противники встречаются на том свете, где правота одного из них получает окончательный божественный вердикт: Досифей обличает Козму, горящего в огненной реке.

Сведения о Козме Косом очень скудны. Известно, что в 1669 г. он оказался в Москве и стал проповедовать среди московских старообрядцев свое учение, изложенное им на «великих листах» (не сохранились). Это учение реконструируется на основе речей Козмы во время допроса в Посольском приказе, речей и обращений его единомышленников и противников. Основываясь на тексте Апокалипсиса, 12-й главы Книги Даниила и Откровения Мефодия Патарского, Козма учил «о божествѣ и о великихъ непостижимыхъ и несказанныхъ тайнахъ», предсказывал скорое наступление «последнего дня и часа», «сказывалъ у себя царя Михайла, нашъ, де, Христосъ велитъ землю очищать, мы, де, не боимся царей ни всей вселенной, а христианская, де, вѣра вся отпала и въ Московскомъ государствѣ благочестия нѣтъ, ни церквей, ни поповъ, ни какого таинства нѣтъ же, всѣ, де, отъ вѣры отступили, а житья, де, нашего всемирнаго только пять лѣтъ» (Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. С. 133; Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 263). По наблюдению А. И. Клибанова, Козма проповедовал не «конец света» в традиционном христианском его понимании, а «пременение света» в духе хилиастических идей — т. е. наказание мира нечестивых и воцарение праведников на земле (Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: период феодализма. М., 1977. С. 114—122). Летом 1687 г. Козма начал собирать на Дону силы для вооруженного похода на Москву. Но этому замыслу не суждено было осуществиться: Козма был схвачен, отправлен в Москву, где после пыток и допросов умер осенью 1687 г.

Около 1680 г. московские старообрядцы Никифор и Иона отправили в Чирскую пустынь послание, в котором предупреждали своих единоверцев об опасности «мудрования» Козмы. Чирские старцы вняли этим предупреждениям, свидетельством чему и является Слово. Это памятник доносит до нас отголоски ожесточенной религиозной полемики 1680-х гг. между двумя старообрядческими донскими партиями — «умеренным» крылом Досифея и «революционным» крылом Козмы Косого. Чуждый всяких крайностей, традиционалист Досифей обвиняет здесь Козму в том, что тот отрицал идею Страшного суда («и сказывалъ ты, яко река огнѣнная не будет и Христос, де, чювьственно не приидет на землю судити живым и мертвым и воздати комуждо по дѣломъ его») и пропове-

довал «обновление» («мы, де, такъ и обновимся») — т. е., вероятно, «пременение света». Причем особую убедительность этим обвинениям придает то обстоятельство, что Досифей произносит свою речь во время Страшного суда, откровения о котором удостоился визионер. Написанное единомышленником Досифея, Слово, таким образом, призвано прежде всего обличить «богословие» Козмы, противопоставить его хилиастическим воззрениям православное эсхатологическое учение о конце света, Втором пришествии, Страшном суде и посмертном существовании души.

Очевидные полемические цели преследуют также описания в Слове Покровской Чирской церкви и служения в ней отца Досифея и самого Господа. «Добро и полезно в церковь сию ходити, — говорят ангелы визионеру, — и грѣховъ отпущения просити. И иже во обители сей живущии иноцы и бѣлцы и страннии человѣцы, входящии в ню со страхом, велию мзду приемлют». В Слове отчетливо выражена, таким образом, дорогая Досифею мысль о необходимости сохранения священства — в противовес беспоповщинскому учению Козмы (Козма «укорил» «священство и таинъство»).

Злободневное полемическое содержание Слова не позволило ему прочно войти в старообрядческую рукописную традицию (известно всего 3 списка). После провала военных планов Козмы и прекращения старообрядческого сопротивления на Дону к концу 1680-х гг. полемика между двумя старообрядческими партиями должна была утратить свою остроту. После смерти Козмы стало меняться отношение и к нему самому: мученическая гибель за веру в полной мере должна была искупить в глазах значительной части старообрядцев былые «ошибки» этого человека. Не случайно выговский книжник Семен Денисов в своем знаменитом мартирологе «Винограде Российском» писал о Козме как о «страдальце благодарственном», «обучителе» донских казаков, «сказателе благоискусном» «пророческих словес». Не огненная адская река, а «премирныя селения сладостны», в которые он «вздыде» «казнию огнесожжения страдальческия», — таков Божий суд Козме, по Семену Денисову. Если Семен Денисов был знаком со Словом, то его статья о Козме в «Винограде Российском» может быть прочитана как прямая полемика с этим памятником.

Как установил В. Г. Дружинин, литературными источниками Слова являются Слово о видении Козмы игумена (Пролог, 5 октября) и Слово Палладия мниха в неделю мясопустную.

В научный оборот Слово было введено В. Г. Дружининым по единственному известному ему дефектному (с большими лакунами) списку: *РНБ*, О. XVII.37, л. 44 об.—55 об. (кон. XVII в.). В настоящем издании текст публикуется по этому же списку, лакуны восполнены по списку нач. XIX в.: *ГИМ*, Музейское собр., № 19. Все исправления и добавления выделены курсивом.

Более детальное исследование Слова см. в: Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 208—217, 248—255, 376—379.

Стр. 365. «*Не хощу смерти грѣшному, но обратитися и живу быти ему*». — Ср.: Иез. 33, 11.

Авраам — Ветхозаветный праотец, оставивший свою родину и ушедший в землю, указанную Господом (Быт. 12, 1).

Преподобный Иов — Иов Льговский (1594—1681), в миру Иоанн Тимофеевич, происходил из рода бояр Лихачевых. В 1610 г. принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре. Основатель нескольких монастырей — Могилевской Успенской пустыни, Раковой Покровской пустыни, Никольского монастыря, Льговского монастыря и, наконец, Чирской пустыни. Последняя была основана по благословению Лазаря (Барановича) в начале 1670-х гг. на берегу реки Чир в 50 верстах от впадения ее в Дон (просуществовала до конца 1680-х гг.). Как повествует Житие боярыни Морозовой, отец Иов Льговский причащал боярыню Морозову во время ее московского заточения (см. с. 268 и коммент. к ней). Примечательно, что визионер в Слове имеет то же имя, которое носил до своего пострижения Иов, — Иоанн Тимофеевич. Это обстоятельство придает особый смысл последующей сцене благословения его Иовом. (Об Иове см.: Повесть о житии Иова Льговского / Издание подгот. И. Поздеева // Церковь. 1991. № 1; 1992. № 2).

Игумен Досифей — знаменитый вождь старообрядчества, игумен Тихвинского Николо-Беседного монастыря. Некоторое время жил в Курженской обители Андомского погоста близ Онежского озера. Неутомимый организатор старообрядческого движения, он постоянно путешест-

вовал между Обонежьем, Москвой и Доном. В конце 1670 г. совершил пострижение боярыни Морозовой (см. с. 259 и коммент. к ней). В 1682 г. принимал участие в восстании стрельцов. В Чирскую пустынь пришел около 1685 г., умер на реке Куме в начале 1690-х гг.

Стр. 366. *Макарий* — строитель Чирской пустыни с 1681 г., после смерти Иова Льговского. С 1685 г. его фактически заменил игумен Досифей.

Стр. 367. *«Приидѣте ко мнѣ, благословеннии Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царьство от сложения мира».* — Мф. 25, 34.

«Отидѣте от мене, проклятии, во огнь вѣчный, уготованный дияволу и аггелом его». — Мф. 25, 41.

Козма — Козма Ларионов Косой (см. о нем выше).

...отца Феодосия... — На Дону в 1680-е гг. жили два старообрядческих черных попа, носивших это имя. Один из них основал свою пустынь в 1683 г. недалеко от Каргал в устье Старого Дона; единомышленник Досифея, активный проповедник старой веры, которого «знали почти все казаки» (Дружинин В. Г. Раскол на Дону... С. 120). В 1688 г. вместе с чирскими старцами ушел на Куму, где вскоре умер. Другой Феодосий основал пустынь около 1684 г. при впадении в Донец реки Айдара, впоследствии он стал главой ветковского поповского старообрядчества (см. о нем: Понырко Н. В. Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси, СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 140—142). В. Г. Дружинин полагал, что в Слове упоминается первый Феодосий (Дружинин В. Г. Раскол на Дону... С. 80, прим. 64).

...священника Леонтия... — Вероятно, это тот Леонтий, который, согласно Житию Иова Льговского, жил с Иовом в Льговской и Чирской пустынях (см.: Церковь. 1992. № 2. С. 36).

Стр. 368. *«Сей диякон иже церковь освятилъ, понеже к освящению церкви приведе его аггелъ».* — Диакон Герасим, пришедший для освящения Покровской церкви из Льгова (Дружинин В. Г. Раскол на Дону... С. 77). Ср.: «И говорили, что, де, как освящали церковь, дьякона не прилучилось, а к тому времени с неба к нам дьякон приходил к освящению» (Дополнения к Актам историческим... С. 151).

«Се есть Иванъ Богословъ, иже не вкуси смерти». — Иоанн Богослов, один из двенадцати апостолов, автор четвертого Евангелия, трех посланий и Апокалипсиса. Обращенные к нему слова Христа: «Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду» (Ин. 21, 22), — означают, что, подобно Еноху и Илие, он пребывает живым до Второго пришествия.

Стр. 368—369. *Аввакум протопоп* — лидер русского старообрядчества (1621—1682). В рукописи: буква «А» в кругу и «прот».

Стр. 369. *И зрѣх языки рѣзаны, а тамо ясно глаголют.* — Намек на Лазаря, Епифания и Феодора, пустозерских «соузников» протопопа Аввакума, которым отсекли язык и правую руку.

...священноинок Гавриил... — Возможно, имеется в виду поп Гавриил, служивший в 1680-е гг. на Дону по старым служебникам и подвергшийся за это пыткам (см. о нем: Дружинин В. Г. Раскол на Дону... С. 260—261).

«Се бо есть Авраам, и Исаакъ, и Ияковъ...» — Ветхозаветные персонажи, являющиеся, согласно христианской эсхатологии, хозяевами рая («лона Авраамова»).

Стр. 370. *«Сей человѣкъ, емуже имя 156...»* — Числовое значение букв, из которых состоит имя этого человека, в сумме должно равняться 156. Под это число подходит, например, имя «Кирик». Ср. далее в тексте: «...человѣка, яко женска полу, ей имя 289». Произведение было рассчитано прежде всего на современников автора, жителей Дона, которые, вероятно, хорошо понимали эти намеки. Одновременно эта тайнопись призвана подчеркнуть «неизреченность», таинственность происходящего.

Атаман Корнилий — Корнилий Яковлев, войсковой атаман в 1670-е гг., принадлежал к казачьей партии, верно служившей Москве, умер в 1680 или 1681 г.

«Сей есть свѣтлоглав мученикъ Савелий, пострадал за благочестие, и великъ мученикъ есть. А сей, иже стражет, Донския области бывый владѣтель, зовом Михаило Самарин, и убил сего мученика неповинно, за то мучим есть». — Черный поп Савелий поселился на Дону,

выше впадения Хопра, около 1676 г. Старцы, жившие с Савелием, донесли на него в войско, что «тот черный поп 〈...〉 за великих государей Бога не молил и им запрещал молить». По приказу войскового атамана Михаила Самарина Савелий был схвачен, привезен в Черкасск и казнен (см.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону... С. 79).

Стр. 371. «*Повѣдитѣ людѣм, яко икона моя не человѣческими руками писана...*» — Упоминание иконы Богородицы имеет, возможно, какое-то отношение к иконоборческой ереси, отголоски которой проникли в Россию во второй половине XVII—XVIII в. вместе с западными реформационными учениями. Создание иконы «человеческими руками», что якобы роднит ее почитание с идолопоклонством, — главный аргумент иконоборцев против поклонения иконам. Внимание чирских старцев к этой проблеме может объясняться тем, что с иконоборчеством вел борьбу основатель пустыни Иов Льговский (см.: Церковь. 1992. № 2. С. 33, 34).

...«*Богородицѣ Дево, радуйся... избавителя душам нашим*». — Песнь Пресвятой Богородице, в основе которой — радостные приветствия, обращенные к Богородице архангелом Гавриилом (Лк. 1, 28) и праведной Елизаветой (Лк. 1, 42).

ЖИТИЕ ПАИСИЯ ГАЛИЦКОГО

Текст, традиционно называемый Житием Паисия Галицкого, имеет довольно сложную жанровую природу, причудливо соединяя в себе черты жития и сказания о чудотворной иконе. На первый взгляд, произведение имеет традиционную для жития трехчастную композицию: 1) вступление, в котором речь идет о позиции автора по отношению к предмету повествования и об имеющихся у автора источниках; 2) основная часть, оканчивающаяся традиционным для жития рассказом о смерти и погребении героя; 3) чудо. Однако вместо естественного для жанра жития рассказа о рождении, юности героя и его жизни до прихода в Успенский монастырь, о чем автору, как он сам признается, ничего не известно, в Житии помещен рассказ о чудесном обретении бояриномИоанном, по прозвищу Овин, образа Богоматери. Обретение иконы отнесено в Житии к временам Димитрия Донского, а основные действия разворачиваются спустя два поколения, во время феодальной войны между великим князем Василием II Васильевичем Темным и галицким князем Димитрием Шемякой. Преподобный Паисий игуменствует во времена правнуков Иоанна Овина и от одного из них получает земли для своего монастыря и завет организовать в нем общежительство, который он и выполняет. Таким образом, главный подвиг Паисия Галицкого — превращение особножительного монастыря в киновию (см. коммент. к с. 373 и 382).

В краеведческой, справочной и исследовательской литературе зафиксированы многочисленные известия о святом (о том, что Паисий пришел с Юга, что он был одним из учеников Сергия Радонежского, был духовником галицкого князя Димитрия Красного, присутствовал при его кончине и отвозил в Москву тело умершего и др.), которые не находят пока своего подтверждения в источниках (подробнее см.: Авдеев А. Г., Семячко С. А. Житие Паисия Галицкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 399—405). Житие Паисия зафиксировало лишь факт устроения в Успенском монастыре общежительства и усилия преподобного Паисия по сохранению в монастыре Овиновской иконы.

Именно со спорами вокруг этой иконы и связана основная проблематика публикуемого текста. Житие своим авторитетом агиографического произведения, текста в некотором смысле сакрального, должно было подтвердить, во-первых, истинность образа Богоматери с младенцем как образа, явленного Иоанну Овину, в противовес тем, кто утверждал, что таковым является образ Успения Богоматери (см. коммент. ниже), и, во-вторых, что все права на чудотворный образ — у Успенского Паисиева монастыря, а притязания на него галицкого Спасо-Преображенского собора ничем не обоснованы (см. коммент. к с. 373 и 388).

В настоящее время известны три текста XVII в., в той или иной степени рассказывающие о преподобном Паисии и Овиновской иконе Богоматери: Повесть об Овиновской иконе Богомате-

ри, известная и в отдельном списке, и вошедшая в один из вариантов Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря; Житие Паисия Галицкого и Служба преподобному Паисию. Недавно эти тексты были в комплексе изданы и получили всестороннее исследование, см.: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского: Исследования и тексты. М., 2009. Однако взаимоотношения этих текстов нельзя считать окончательно установленными: они представляются не столь однозначными, чем это кажется А. Г. Авдееву. В частности, нельзя безоговорочно признать Повесть об Овиновской иконе источником Жития Паисия. Вопрос о хронологическом соотношении Жития и Службы также требует дополнительного рассмотрения. У нас нет никаких оснований думать, что автор Жития располагал духовной Паисия Галицкого: предсмертные поучения Паисия не содержат никаких уставных положений и состоят сплошь из топосов, встречающихся практически в каждом житии преподобного (см. подробнее: Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 491—496).

Вообще, об источниках Жития можно говорить лишь с изрядной долей условности. Среди таковых была, очевидно, какая-то галицкая летопись, до сих пор не установленная, и, возможно, монастырский синодик, откуда автор Жития почерпнул сведения о ктиторах монастыря. Кстати, Повесть об Овиновской иконе, Служба и Житие Паисия, без сомнения, тесно связанные друг с другом, — это единственные тексты, в которых упоминается боярин Иоанн, по прозвищу Овин, считающийся родоначальником Овиных, Овиновых и Авиновых. Только эти три текста рассказывают о ранней, «допаисиевской» истории Паисиева монастыря. Казалось бы, в связи с этим они, а в особенности Житие, просто насыщенное «историческими» фактами, приобретают особую значимость как исторические источники. Однако в качестве таковых они требуют к себе предельно критического отношения.

Житие Паисия Галицкого, скорее всего, было создано в середине—второй половине XVII в. В 1681/82 г. на соборе в Москве обсуждался вопрос об открытии новых епископий, в том числе и в Галиче, причем резиденцией галицкого епископа назывался Успенский Паисиев монастырь. Возможно, в связи с этим активизировалось внимание к ранней истории монастыря и к личности Паисия Галицкого. Не исключено, что примерно в это время или несколько ранее и создается Житие Паисия Галицкого. Во всяком случае, наиболее ранний из сохранившихся списков — *РГБ*, ф. 299 (собр. Тихонравова), № 57 конца XVII в. — не является первоначальным. К этому времени основные источники о деятельности Паисия уже были утрачены. Компенсируя недостаток источников, касающихся раннего периода монастырской истории, автор включает в текст Жития целый пласт материалов, посвященных феодальной войне XV в. и галицко-московским отношениям, очевидно неоднократно обращаясь к летописи, а порой и сохраняя форму летописного повествования. В действительности, в эпоху создания Жития галицко-московские противоречия потеряли свою актуальность. Житие, хотя и включает рассказ о преступлении московского князя по отношению к галицкой чудотворной иконе, в целом лишено антимосковской направленности. Для автора более важен вопрос о том, где должен находиться Овиновский образ, в галицком Спасо-Преображенском соборе или в Паисиевом монастыре. Свидетельством конфликта между Паисиевым монастырем и галицким Спасо-Преображенским собором по поводу Овиновской иконы Богоматери должна бы стать датированная 1656 г. челобитная архимандрита Паисиева монастыря Кирилла патриарху Никону с жалобой на спасских протопопов, удерживающих у себя Овиновскую икону, однако выявивший эту челобитную А. Г. Григоров не указал места ее хранения, поэтому до сих пор остаются сомнения в ее материальности (см.: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 78).

Автор Жития сознательно насыщает свой текст фактами, датами, ссылками на «древние галические летописцы»: он создает документ, на который можно было бы опираться, подтверждая права Паисиева монастыря на икону. И не случайно он придает этому документу форму Жития: авторитет преподобного Паисия служит дополнительным аргументом в полемике о правах на Овиновскую икону. И в данном случае мы сталкиваемся с характерным для XVII в. явлением: отношением к Житию как историческому тексту. С аналогичной ситуацией мы имеем дело, например, и в случае с Житием Анны Кашинской (см. в наст. томе), когда в конце 70-х гг. XVII в. на церковном соборе оно было подвергнуто исторической критике. Очевидно, что в XVII в. формируется новое отношение к агиографическому тексту, не только как к тексту сакральному, являющемуся свидетельством

святости того или иного человека, но и как документу историческому, могущему использоваться в практических целях как в качестве аргумента в полемике о вере (Житие Анны Кашинской), так и в качестве аргумента в полемике о правах собственности (Житие Паисия Галицкого).

Происхождение Жития из Паисиева монастыря несомненно, однако вопрос о его авторе остается открытым. А. Г. Авдеев полагает, что «наиболее вероятным составителем, или по крайней мере заказчиком Жития прп. Паисия был архимандрит Сильвестр, в начале 80-х гг. XVII в. немало постаравшийся для преображения обители» (Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 81). Однако никаких доказательств в подтверждение этого предположения мы не имеем.

Чудо о книгчии Гаврииле не принадлежит перу автора Жития — оно написано другим человеком несколько позже. По упоминанию стольника Петра Парамоновича Титова (см. коммент. к с. 395) его можно датировать концом XVII в.

Житие публикуется по списку: *РГБ*, собр. Титова, № 2018 XVIII—XIX вв., единственному, содержащему Чудо о книгчии Гаврииле. При комментировании неоднократно использовалась книга А. Г. Авдеева «Житие Паисия Галичского».

Стр. 372. *...бяше перъвѣе игуменъ, потомъ архимандритъ...* — Публикуемое Житие и Повесть об Овиновской иконе Богоматери, не говоря об этом прямо, связывают получение преподобным Паисием сана архимандрита с его поездкой в Москву со списком Овиновской иконы: до поездки Паисий был игуменом, с момента поездки — архимандритом.

...во обители Божия Матере, честнаго и славнаго ея Успения... — Дата основания Галицкого Успенского Паисиева монастыря точно неизвестна. По преданию, он был основан во времена Димитрия Донского, на правой стороне Галицкого озера, на горе Краснице. Успенским он стал не сразу. Поначалу это был ктиторский (т. е. созданный сторонним лицом, не насельником монастыря, и находящийся под патронажем своего создателя или его наследников) монастырь с особножительным уставом (см. ниже), посвященный Николаю Мирликийскому. Еще при жизни своего основателя, боярина Иоанна Овина (см. ниже), монастырь был перепосвящен Успению Богоматери и при игумене св. Паисии Галицком стал общежительным (см. ниже). Однако эта история зафиксирована лишь публикуемым Житием и Повестью об Овиновской иконе. «Паисьевым» монастырь впервые называется в указной грамоте 1483—1485 гг. и в летописях под 1488 г. (см.: Авдеев А. Г. Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV—XVII веков // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 314). С момента своего основания и до закрытия в 1919 г. монастырь был мужским, в 1995 г. он был возобновлен как женский, каковым и является до настоящего времени.

...великого князя Василия Васильевича Московскаго... — Василий II Васильевич Темный (1415—1462) — великий князь Московский с 1425 г., сын Василия I Димитриевича, внук Димитрия Ивановича Донского.

...великаго князя Димитрия Ивановича Московскаго... — Димитрий I Иванович (12 октября 1350—19 мая 1389), прозванный Донским за победу в Куликовской битве, великий князь Московский (с 1359 г.) и Владимирский (с 1362 г.).

...великомъ князѣ галическомъ Димитрие Георъгиевичѣ... — Димитрий Юрьевич Шемяка (ум. в 1453 г.) — князь Галицкий, великий князь Московский (7 июля 1445 г.—26 октября 1445 г., 12 февраля 1446 г.—17 февраля 1447 г.), сын Юрия Димитриевича Звенигородского.

...великомъ князѣ Иоанне Васильевичѣ... — Иван III Васильевич (22 января 1440—27 октября 1505) — великий князь Московский с 1462 по 1505 г., сын Московского великого князя Василия II Васильевича Темного.

...в древнихъ галическихъ летописцехъ... — Вопрос о существовании таких летописцев остается открытым. Те летописцы, которые дошли до нашего времени и порой служат опорой современным краеведам (Смирнов Ю. Летописцы из Галича // Губернский дом. 2000. № 2(39). С. 15—16), по большей части являются сочинениями поздними и доверия не вызывают. Повесть об Овиновской иконе Богоматери, известная в списке второй половины XVII в. (*РГБ*, ф. 98 (собр. Егорова), № 1491; изд.: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 354—357) и читающаяся в составе так называемого Уваровского вида Летописца Воскресенского Солигалицкого

монастыря (см.: Семячко С. А. К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев («Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря») // Книжные центры Древней Руси: XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 256, 261, 262), в ряде случаев обнаруживает вторичность по отношению к Житию и следы сокращения своего источника, которым могло быть как Житие, так и текст, являющийся общим источником для Жития и Повести. Бесспорно, у автора Жития был летописный источник, скорее всего местный, содержащий порой уникальные сведения, возможно, дефектный (см. ниже коммент. к дате «6937 г.»; также см.: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 130—175).

Стр. 373. *...болярин̈ъ нѣкий, именѣмь Иоанъ, зовомый Овинъ.* — Боярин Иван, по прозвищу Овин, живший в XIV в., родоначальник Овиных и Овиновых (Авиновых), охарактеризован С. Б. Веселовским как новгородец (Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 226—227). Документы, в частности духовная грамота его внука и наследника Ивана Димитриевича (в иночестве Ионы) Ярцова (см. о нем ниже), фиксируют наличие у Иоанна Овина владений неподалеку от Галича Костромского (подробнее см.: Авдеев А. Г. 1) Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV—XVII веков. С. 319—321; 2) Житие преподобного Паисия Галичского. С. 216—219).

...манастырь, в немже живяху игуменъ со братиею особно. — Т. е. монастырь имел особножительный устав. В источниках мало информации об устройстве особножительных монастырей. «Основное их отличие от общежитий-киновий состояло в том, что монахи сами заботились о материальных основах своего существования (пище, одежде и т. д.), а литургическая жизнь проходила по церковному уставу» (Синицина Н. В. Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.) // Монашество и монастыри в России: XI—XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 120).

...икону Пречистыя Богоматере, имеющую на руку своею Превечнаго Младенца, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. — Появление этой фразы в тексте Жития связано со спорами, которые велись в момент создания Жития, относительно чудотворной Овиновской иконы Богоматери. Автор Жития настаивает, что Иоанну Овину был явлен не образ Успения Богоматери (появление идей относительно успенской иконографии Овиновской иконы было связано, вероятно, с желанием объяснить посвящение монастыря Успению Богоматери), а та икона, которой поклоняются в Паисиевом монастыре. Какой была икона первоначально, точно не установлено. После ряда утрат и обретений в обители в качестве Овиновской стала почитаться икона, в левой части которой изображена Богоматерь, стоящая перед троном, с Младенцем на руках, причем Младенец благословляет левой рукой. По левую руку от Богоматери изображены галицкий острог (на берегу озера) и чуть далее (а на иконе выше) Паисиев монастырь. В верхнем правом углу иконы — Бог-Отец в облаках, также благословляющий левой рукой (воспроизведена: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 271, рис. 23, список конца XVII в. из Успенского собора Паисиева монастыря). Другой вариант Овиновской иконы зафиксирован на поясной иконе Паисия Галицкого XVIII в. из частного собрания (воспроизведена: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 179, рис. 7). В левом верхнем углу иконы помещен образ Богоматери, сидящей на троне с Младенцем на руках (икона в иконе).

Стр. 375. *...слѣпымъ убо очѣса отъверзашася... немии глаголаху...* — Ср.: Мф. 15, 31; 11, 5.

...«тогда скочитъ хромый, яко елѣнь, и ясенъ будетъ языкъ гугниваго»... — Ис. 35, 6.

Венѣцъ — прилагаемое к иконе украшение вокруг головы святого на месте нимба.

Мониста — подвешиваемые к иконе ожерелья из монет.

Стр. 376. *О чѣрномъ священнице Иякове...* — Поздняя традиция отождествляет упоминаемого здесь Иакова со святым Иаковом Галицким, считая последнего учеником преподобного Паисия. Житие Паисия Галицкого не дает для этого оснований, поскольку чудо со священником Иаковом относится к «допаисиевской» истории иконы.

...якоже дрѣвлѣ въ пустыни видѣ Моисей купину, огнемъ палиму и незъгараему... — См.: Исх. 3, 2.

... якожѣ древлѣ въ Вавилоне Божия снисхождения устыдеся и триемъ отрокомъ, въ огнь въверженомъ, не прикоснуся... — См.: Дан. 3, 12—93.

Цата — украшение в форме полумесяца, иногда с фигурно вырезанным краем, подвешенное к венцу как ожерелье.

Гривны — ожерелья, прикладываемые к иконе; возможно, монеты, из которых сделано монисто.

Стр. 377. *...преосвященномъ Фотии, митрополитѣ Московскомъ...* — Фотий (Грек) был митрополитом Киевским и всея Руси с 1 сентября 1408 г. до своей кончины 8 июля 1431 г., впоследствии был признан святым.

...сыну своему болшому князю Василию Димитриевичу великое княжение Московское дарова... — Василий Димитриевич (30 сентября 1371—28 февраля 1425), сын Димитрия Ивановича Донского, получил великое княжение Московское и Владимирское в 1389 г. после смерти своего отца.

...другому сыну своему князю Георгию Димитриевичу — Галичъ, Звенигородъ, Русу, Вышъгородъ с волостми и со всеми пошълинами... — Юрий Димитриевич (26 ноября 1374—5 июня 1434), сын Димитрия Ивановича Донского, по завещанию своего отца получил в удел Звенигород, Галич, Рузу и Вятку, великий князь Московский (25 апреля 1433—не позднее 28 сентября 1434 и 31 марта 1434—5 июня 1434).

...третиему сыну своему князю Андрею Димитриевичу — Можаескъ... — Андрей Димитриевич (14 августа 1382—9 июля 1432), сын Димитрия Ивановича Донского, князь Можайский и Верейский (1389—1432).

...чѣтвертому сыну своему князю Петру Димитриевичу — городъ Дмитровъ. — Петр Димитриевич (29 июля 1385—10 августа 1428), сын Димитрия Ивановича Донского, после смерти своего отца князь Дмитровский.

Каинъ. — Рассказ о сыне Адама и Евы Каине, убившем своего брата Авеля, читается в 4-й главе библейской книги Бытия..

...сродникъ нашъ Святополкъ... — Имеется в виду Святополк Окаянный, убийца своих братьев, святых князей Бориса и Глеба. Сказание о Борисе и Глебе см.: наст. изд., т. 1, с. 328—351, 527—531.

...преставися в лѣто 6897-е месеца майя въ 9 день. — Димитрий Иванович Донской скончался 19 мая 1389 (6897) г.

Въ лѣто жѣ 6933 февраля въ 17 день преставися великий князь Василий Димитриевичъ Московский, княжилъ на своемъ княжении тридесять пять лѣтъ и девять месѣцовъ и восемь дней. На великомъ же княжении Московскомъ седѣ сынъ его великий князь Василий Васильевичъ. — Василий Димитриевич скончался 28 февраля 1425 (6933) г., на великом княжении он действительно пробыл 35 лет 9 месяцев и 8 дней, если не считать день смерти его отца и день его собственной кончины.

Стр. 378. *И того жъ лѣта преосвященный Фотий, митрополитъ Московский, ходилъ в Галичъ ко князю Георъгию Димитриевичу и благословилъ землю Галическую.* — Митрополит Фотий ходил в Галич в 1425 г. в качестве посла десятилетнего великого князя Василия II Васильевича, бывшего крестником Фотия, с целью принудить князя Юрия Димитриевича, дядю Василия II, отказаться от кровопролития и согласиться на мир со своим племянником. «Юрий Дмитриевич повелел своим подданным выйти навстречу Ф⟨отию⟩, тот же воспринял большое число людей в овчинах как „глум" над ним, и когда князь предложил заключить только перемирие, митрополит ушел из его города, не благословив его. Летопись сообщает, что сразу же после этого в Галиче начался мор и испуганный князь Юрий, вскочив на коня, догнал и вернул Ф⟨отия⟩, выслушал от него поучение и обещал ему послать к племяннику своих послов для заключения мира (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 92—93)» (Прохоров Г. М. Фотий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 481).

Въ лѣто мироздания шесть тысящъ девятъсотъ тридесять седмаго... — 6937, т. е. 1429 г. Эта дата расходится с показаниями русских летописей, которые датируют поход Василия II на Галич зимой 1433/34 г. А. Г. Авдеев объясняет это расхождение утратой листа с датой в мест-

ном летописном источнике Жития и соответственно отнесением события к предшествующей дате летописи (подробнее см.: Авдеев А. Г. 1) Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV—XVII веков. С. 317; 2) Житие преподобного Паисия Галичского. С. 157—161).

...градъ Галичъ, первой, что былъ на реке Чолсмѣ... — Здесь зафиксирована легенда, пока не подтвержденная археологически, о существовании двух Галичей, подробнее см.: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 224—236.

...Адама и Евъву отъ ада свободи... — Церковь считает, что Иисус Христос после распятия спустился в ад и вывел оттуда ветхозаветных праведников, включая Адама и Еву; произошло это во второй день пребывания Христа во гробе. Сошествие во ад входит в число Страстей Христовых и вспоминается за богослужением Великой Субботы. Наиболее полно о сошествии во ад рассказано в апокрифических источниках, в частности в Евангелии от Никодима, на основе которого был составлен широко распространенный на Руси текст под названием «Страсти Христовы».

Стр. 379. *...архангелский гласъ от чиста сердца вопиемъ ти: «Радуйся, благодатная, Господь с тобою! Благословенна ты в женахъ и благословенъ плодъ чрѣва твоего!»* — Ср. с величанием Богородице на праздник Благовещения: «Архангельский глас вопием ти, чистая: „Радуйся, благодатная, Господь с тобою!"» — которое в свою очередь восходит к Евангелию от Луки (Лк. 1, 28).

Стр. 380. *Аще бо живемъ — Богови живемъ... Аще ли умремъ — Христови умремъ...* — Рим. 14, 8.

Стр. 381. *...посътави новый градъ Галичъ надъ озѣромъ надъ посадомъ.* — Отражение легенды о двух Галичах (см. коммент. к с. 378).

Стр. 382. *По смерти же Иоанновѣ вотчина та достася внуку его, именемъ Димитрию, Иванову сыну, по рекломъ Ярцову, з братом Евъстафиемъ.* — Согласно местному преданию, у боярина Иоанна Овина была дочь Елена (см.: Мухин В. Д. Воспоминания об обители преподобного Паисия близь города Галича (Костромской губернии), о самом Галиче и о находящихся в нем и близь него храмах и обителях. М., 1884. С. 3). Если это так, то, возможно, именно ее сыном был внук и наследник Иоанна Овина Иван Димитриевич Ярцов. Он принял постриг в Успенском монастыре под именем Иона. По предположению А. Г. Авдеева, Димитрий и Евстафий Ивановичи Ярцовы могли быть его сыновьями, а слово «внуки» употреблено в широком значении (см.: Авдеев А. Г. 1) Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV—XVII веков. С. 321—322; 2) Житие преподобного Паисия Галичского. С. 108—111).

«Бдите, яко не весте дне, ни часа, в онь же Сынъ Человеческий приидетъ». — Мф. 25, 13; ср.: Мф. 24, 42; Мк. 13, 35; Лк. 12, 40.

...да будѣтъ во святей обители твоим тщаниемъ устроено общее житие. — Введение общежительного устава в Паисиевом монастыре совпадает по времени с проходившей на Руси реформой монашеского быта в связи с переходом на устав Саввы Освященного. Подробнее см.: Клосс Б. М. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России: XI—XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 57—80.

Стр. 384. *По преставлѣнии же князя Димитрия Георъгиевича... Тамо и преставися въ Юрьеве монастыре.* — Бой под Галичем великого князя Василия Васильевича с князем Димитрием Юрьевичем Шемякой произошел в 1452 г. Димитрий Юрьевич скончался 17 июля 1453 г., похоронен в Юрьеве монастыре (см. также: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 161—163).

Послѣ бою же... преподобный Паисий новонаписанную икону... возилъ к Москве... — Эту поездку А. Г. Авдеев датирует временем между 1450 г. и 23 мая 1460 г., считая наиболее вероятным период 1453—1454 гг. (подробнее см.: Авдеев А. Г. 1) Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV—XVII веков. С. 324—326; 2) Житие преподобного Паисия Галичского. С. 189—192). По версии Жития, именно во время этой поездки игумен Паисий был возведен в сан архимандрита.

Стр. 385. *...«всякъ возносяяйся смирится, а смиряяйся вознесется»...* — Лк. 14, 11; 18, 14; ср.: Мф. 23, 12.

«Мѣнший отъ болшаго да благословится». — Евр. 7, 7.

Стр. 386. *Обручи* — украшения, носимые на руке.

...Спаского Задворного монастыря, что у его княжего двора, архимандрита Трифона... — Архимандрит московского Спасо-Преображенского монастыря Трифон, по данным П. Строева (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 142), упоминается под 1453 г., 13 мая 1462 г. он был хиротонисан в архиепископа Ростовского. Упоминание архимандрита Трифона показывает, что у автора Жития был письменный источник, так как наименование монастыря, в котором он был архимандритом, четко соответствует указанному времени. Около 1490 г. монастырь был перенесен из Кремля на Крутицы и стал называться Спасским на Новом или Новоспасским (см.: Авдеев А. Г. 1) Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV—XVII веков. С. 325; 2) Житие преподобного Паисия Галичского. С. 191—192).

...чудовского архимандрита Никандра... — П. Строев упоминает (без даты) Никандра как архимандрита московского Чудова монастыря между архимандритом Феодосием, 8 декабря 1471 г. хиротонисанным в архиепископа Рязанского, и Геннадием Гонзовым, упомянутым в качестве архимандрита Чудова монастыря в феврале 1477 г. (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей... Стб. 162). Указанный период не соответствует как годам пребывания Трифона на посту архимандрита Спасского монастыря, так и предполагаемым годам жизни самого Паисия Галицкого (см. коммент. к с. 391—392). Хронологическое несоответствие исчезает, если сделать два допущения: 1) поместить Никандра в списке чудовских архимандритов между Димитрием, фигурирующим в качестве такового в 1460—1462 гг., и уже упомянутым Феодосием (это место в перечне Строева пустует); 2) допустить, что год кончины Паисия соответствует 1463 году, указанному в списке *РГАДА*, ф. 188, оп. 1, № 1241. Тогда поездку Паисия в Москву следовало бы датировать временем с конца 1462 до мая 1463 г. Итак, либо наши представления о годах управления Никандра Чудовым монастырем ошибочны, либо ошибка содержится в тексте Жития Паисия. А. Г. Авдеев полагает, что в источнике Жития говорилось не об архимандрите, а о старце Чудова монастыря Никандре (Авдеев А. Г. 1) Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV—XVII веков. С. 325; 2) Житие преподобного Паисия Галичского. С. 191—192). Возможно, ошибка была уже в источнике Жития. Но в любом случае автор Жития располагал письменным источником, иначе невозможно предположить, откуда автору Жития было известно имя Никандра, ничем особым в истории не отмеченного.

Стр. 387. *...будутъ послѣдняя горъша первыхъ...* — Мф. 12, 45; Лк. 11, 26, 2 Петр. 2, 20.

Бѣлегъ — Слово «белег» (знак, символ власти, эмблема, знамение, примета) употребляется здесь в несвойственном для себя значении ‘жалованная грамота’. Есть основание подозревать, что в данном случае этот «белег» — грамота вымышленная (см. подробнее: Авдеев А. Г. 1) Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV—XVII веков. С. 326—327; 2) Житие преподобного Паисия Галичского. С. 111—114). Упоминание о ней вставлено в текст Жития для подтверждения прав Успенского Паисиева монастыря на Овиновскую икону Богоматери.

...отъ казани... — Вероятно, имеются в виду казанские татары, которые соседствовали с черемисами.

...отъ луховыя черемисы... — Черемисы (ныне: марийцы) — финно-угорский народ, живущий на территории России. Выделяют три группы марийцев: луговые (занимают Волго-Вятское междуречье), горные (живут на правом и левом берегу Волги), восточные (сложились из переселенцев с луговой стороны Волги в Башкирию и Приуралье). Большинство списков Жития дает чтение «от луговыя черемисы» (см. также в этом списке ниже). Однако мена *г* на *х* не представляется случайной: чтение *луховыя*, скорее всего, происходит от названия города Лух (ныне — в границах Ивановской области) или от названия реки Лух, левого притока Клязьмы.

Стр. 388. *...место порубежное...* — Галицкие земли граничили с землями вятичей и черемисов.

...а града Галича соборные церкви спаскимъ протопопом и попомъ теми иконами не владети, и в описи бы у нихъ те иконы не бывали. — Эта фраза является отражением полемики между галицким Спасо-Преображенским собором и Успенским Паисиевым монастырем по поводу прав на Овиновскую икону Богоматери.

...к наместнику своему грамоту о соблюдении чюдотворнаго Пресвятыя Богородицы образа... и о снабдении обители... — Имеется в виду вышеупомянутый «белег».

Стр. 389. *...ангели въ трубы вострубят и мертвыя отъ гробъ возбудятъ...* — См.: Мф. 24, 31; 1 Сол. 4, 16.

...земля потрясется, и камение распадется... — Мф. 27, 51.

...престоли поставятся и Судия сядѣтъ... — Ср.: Откр. 20, 4; 20, 11.

...пред нимъ же ангелом предстоящимъ, человекомъ въводимымъ, книгамъ разгибаемымъ, дѣлом испытуемымъ, помысломъ истязуемымъ. — Ср.: Откр. 20, 12.

«Единою глагола Богъ — двоя сия слышахъ». — Пс. 61, 12.

...гласъ той, от устъ Страшнаго Судии исходящий, паче мѣчя обоюдуостра... — О слове Божием, которое «судително» и которое острее обоюдоострого меча, см.: Евр. 4, 12.

«Приидите, благословении Отца моего, наследуйте уготованное вамъ Царствие отъ сложения мира». — Мф. 25, 34.

«Отъидѣте отъ мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и агъгеломъ его». — Мф. 25, 41.

Стр. 390. *«Не дахъ сонъ очима моима, ни веждома моима дремания, ни покой скраниямъ моимъ, дондѣже вниду во святило Божие».* — Пс. 131, 4 и 71, 17; ср.: Притч. 6, 4.

...Христосъ Богъ нашъ, праведный Судия, судити живымъ и мертвым и воздати комуждо по деломъ его. — Ср.: 2 Тим. 4, 1; 4, 8.

Стр. 390—391. *...подвигомъ добрымъ подвизающеся, течение скончевайте, веру соблюдайте...* — 2 Тим. 4, 7.

Стр. 391. *...Христу, тридневно воскрѣсшему...* — О тридневном воскресении Христа см.: Мф. 28, 1—7; Мк. 16, 2—6; Лк. 24, 1—6; Ин. 20, 1—9.

В руце твои предаю духъ мой. — Лк. 23, 46; ср.: Пс. 30, 6.

Покрый мя крылома своея благости... — Ср.: Пс. 16, 8.

...да не когда усну въ смерть. — Ср.: Пс. 12, 4.

«Въ мирѣ вкупе усну и почию, яко ты, Господи, единаго на уповании вселилъ мя еси». — Пс. 4, 9.

Стр. 391—392. *...в лѣто же отъ сотворѣния мира... месеца маия въ 23 день...* — Годом кончины преподобного Паисия Галицкого традиционно считается 1460 г., однако этой даты в известных сейчас списках Жития Паисия нет. Такой же пропуск года присутствует в наиболее раннем из них — *РГБ*, ф. 299 (собр. Тихонравова), № 57 и в списке *РНБ*, собр. Титова, № 4008. Список *РГБ*, ф. 299 (собр. Тихонравова), № 402 оканчивается на предсмертном разговоре Паисия с братиею. В списке *РГАДА*, ф. 188, оп. 1, № 1241 проставлен 6971 (1463) г.

Стр. 392. *...Михаила, епископа Синадскаго..* — Святитель Михаил, епископ города Синада, прославился как противник иконоборчества, за что был сослан императором Львом Армянином в заточение в город Евдокиаду, где и скончался около 821 г. Память Михаила Синадского отмечается 23 мая.

Бе же убо испервa десять чиновъ ангелскихъ... иже ему в той злобѣ точны, явишася. — См.: Ис. 14, 12—17; Иез. 28, 12—19.

Стр. 393. *«Солгася древле Адаму, и богъ вожделевъ быти — и не бысть».* — Богородичен вечерни субботы Акафиста: «Еже от века таинство открывается днесь, и Сын Божий Сын Человечь бывает: да, худшее восприим, подаст ми лучшее. Солгася древле Адам, и бог вожделев [быти], не бысть, Человек бывает Бог, да бога Адама соделает. Да веселится тварь, да ликовствует естество, яко архангел Деве со страхом предстоит, и еже „радуйся" приносит, печали сопротивное. За милосердие милости вочеловечивыйся Боже наш, слава Тебе».

«Понеже сице сотворила еси, еже прелстити Евъву и Адама... ты же да блюдѣши его пяту». — Быт. 3, 15. Вся история Адама имеет своим источником библейскую книгу Бытия.

«Се даю вамъ власть наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию, и ничесо же васъ вредитъ». — Лк.10, 19.

Стр. 394. *Иисусова молитва* — краткая молитва «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго», повторяемая непрестанно.

Стр. 395. *...столникъ, имянемъ Петръ Парамоновъ сынъ по реклу Титовъ.* — Петр Парамонович Титов был галицким воеводой в 1696—1698 гг. (см.: Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 411; Преображенский И. Д., Альбицкий Н. А. Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX столетий «Долматовского архива» (Голицынского и Куломзинского родов) с приложениями. СПб., 1895. С. 4—7. № 8—11).

ПОВЕСТЬ О БЕСНОВАТОЙ ЖЕНЕ СОЛОМОНИИ

«Повесть о бесноватой жене Соломонии» была создана в 1670-е гг. в Великом Устюге местным священником Ияковом. В ряде списков повесть читается в составе «Житий Прокопия и Иоанна Устюжских» среди «посмертных чудес» этих святых.

По мнению А. М. Ремизова, «из всех старинных русских повестей „Повесть о бесноватой Соломонии" ⟨...⟩ самая демоническая и самая документальная...» (Ремизов А. Сочинения. М., 1993. Кн. 2. С. 141). В ее основе лежат широко распространенные в Европе позднего Средневековья, но достаточно редкие для Древней Руси представления о сожительстве женщин с бесами. Некоторые мифологические мотивы и образы повести восходят к фольклорным жанрам — прежде всего к суеверному рассказу и сказке. В научной литературе делались также предположения о влиянии на демонологию повести переводных западноевропейских сборников типа «Великого Зерцала» (Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1945. С. 423—424).

Повесть разрабатывает важнейшую тему русской литературы «переходного периода» — тему безвинного страдания, превратностей человеческой судьбы. Соломония становится жертвой «темнозрачных» бесов по вине другого человека (ее «пьяной попъ крестилъ»), беда приходит к ней внезапно — в день ее свадьбы, и мучениям ее нет конца. Священники и родственники героини (реальные люди, большинство из которых известно по актовым материалам Великого Устюга 1640—1680-х гг.) пытаются бороться с бесами. Они водят Соломонию по церквам, читают над ней Псалтирь, заклинают имена бесов в алтаре и т. д. Однако люди оказываются слишком слабыми и грешными, чтобы противостоять бесовской стихии («...и они, окояннии демони, всяко тѣх людей обличающе всякими грѣховными винами...»). Бесы же многочисленны и вездесущи: ими наполнены леса и поля, реки и болота, они проникают в самого человека, овладевают его душой и телом. Повесть изобилует натуралистическими подробностями в изображении бесовского мира и человеческого страдания. Пожалуй, никогда еще мир дьявола не казался русскому человеку столь агрессивным и враждебным, как в XVII в. (ср. с демонологией протопопа Аввакума, «Повести о Савве Грудцыне» и др.). Даже после исцеления Соломонии Прокопий Устюжский предупреждает ее: «Еще же на тя, Соломоние, будетъ вражие мечтание, и ты не убойся». Автор повести ни на миг не усомнился в конечной победе Божьего начала над дьявольским. Его произведение — это размышление, порой наивное, о слабости человека в этом мире, об ужасающей силе зла и о неимоверных трудностях в борьбе с ним. Повесть оказалась созвучна трагическому мироощущению демократического читателя XVII в. — и в этом, очевидно, главный секрет ее популярности.

Повесть сохранилась более чем в 130 списках, во множестве вариантов и редакций. В настоящем издании текст повести публикуется по одному из самых ранних списков, сохранивших имя ее автора попа Иякова: Государственный архив Тверской области, ф. 1409, оп. 1, № 916, л. 358—376 об. (XVII в.). Отдельные исправления сделаны по списку: Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области, № 262, л. 683—711 об. (XVII в.). См.: Пигин А. В. Из истории русской демонологии XVII века. Повесть о бесноватой жене Соломонии. Исследование и тексты. СПб., 1998.

Стр. 398. *Прокопий и Иоанн* — устюжские святые, юродивые Христа ради. *Прокопий* (день памяти — 8 июля по ст. ст.) — богатый купец из «немецкой» земли, пленившийся красотой

православных церквей и принявший на себя подвиг юродства; по церковному преданию, преставился в 1303 г. *Иоанн* (день памяти — 29 мая по ст. ст.) — уроженец с. Пухова близ Великого Устюга, подражавший подвигу Прокопия Устюжского; преставился в 1494 г. Жития этих святых составлялись в XVI—XVII вв. и постепенно оформились в единый устюжский агиографический цикл.

Ияков — поп великоустюжского женского Спасо-Преображенского монастыря. В 1669 г. он являлся выборным поповским старостой Великого Устюга (Пигин А. В. Из истории русской демонологии XVII века. Повесть о бесноватой жене Соломонии: Исследование и тексты. СПб., 1998. С. 18). По-видимому, он же упоминается в великоустюжской книге 1665 г. для записи пошлин: «Сентябрь в 21 день дана почеревная память Спаскому попу Иякову дать молитву Катеринке Ивановой. Пошлина 4 алтына 4 денги» (Государственный архив Вологодской области, ф. 883, оп. 1, д. 245, л. 8). Других сведений об Иякове не сохранилось.

Никита — Никита Тимофеев Полозов, поп великоустюжского Успенского собора, упоминается в различных устюжских документах с 1663 по 1680 г. (Скрипиль М. О. Повесть о Соломонии // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.; Л., 1941. С. 197—199).

...священноиерея Димитрия... — В некоторых списках повести о нем сообщается следующее: «Димитрий, последи бывшей в Троецком Гледенском монастыре иеромонах Дионисий» (*РГБ*, собр. Буслаева, № 11, л. 77 об.). Других сведений о попе Димитрии не сохранилось.

Поприще — древнерусская мера длины (около 1.067 км).

Стр. 400. *...а называют... Ярославкою.* — В одной из редакций повести Ярославка так объясняет причину своего пребывания у бесов: «Рождение мое есть града Ярославля, и отдаде мя к сим темнообразным мати моя на рождении моем» (*РГАДА*, ф. 181, № 294/673, л. 207 об.). Образ Ярославки, следовательно, ассоциировался у читателей и «списателей» повести с «прóклятыми» народной мифологии. Имя же ее, как считал А. М. Ремизов, «конечно, не по городу Ярославлю» (Ремизов А. Сочинения... С. 142). Скорее всего, оно является производным от наименований мифологических персонажей с корнем «яр-» (ср.: ярая, ярица, переярица, Ярило и др.).

Стр. 402. *И вели ему тѣ имена проклинати...* — Согласно входящему в состав Требника чинопоследованию над бесноватым, заклинатель должен был обязательно узнать имена бесов, чтобы получить над ними власть (ср.: «И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много». — Мк. 5, 9).

...преподобная Феодора... — По мнению Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского и ряда других исследователей, это Феодора Цареградская из византийского Жития Василия Нового (X в.), где повествуется о ее хождении по воздушным мытарствам (см. наст. изд., т. 8. С. 494—527). Не исключено, однако, что автор имел в виду Феодору Александрийскую (11 сент.), с Житием которой повесть обнаруживает значительное сюжетно-тематическое родство. В одном списке повести XVII в. Феодора прямо названа «Александрийской»: «.. явися ей паки преподобная мати Феодора Александрийская» (Мурманский областной краеведческий музей, ОФ 4444, л. 73).

Стр. 403. *...и в соборную церковь Пресвятыя Богородицы, и к святымъ и праведнымъ Прокопию и Иоанну...* — Успенский собор и церкви Прокопия и Иоанна находились на Соборной площади, которая являлась религиозным центром Великого Устюга. В 1630—1660-е гг. происходило обновление этого ансамбля: вместо деревянных церквей возводились каменные. Прокопьевская церковь была построена и освящена в 1669 г., т. е. всего за два года до исцеления здесь Соломонии бесноватой. Все три церкви сохранились до нашего времени.

Димитрий — Димитрий Данилов Гребенев, протодиакон великоустюжского Успенского собора, упоминается в устюжских документах с 1658 по 1682 г.

Великий вход — прохождение священнослужителей вокруг престола во время литургии, сопровождаемое пением «Херувимской песни». «Припадки (бесноватых. — *А. П.*) случаются в церкви главным образом во время пения Херувимской песни или во время причастия» (Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые. СПб., 1900. С. 25).

Стр. 404. *...и будетъ ти послѣдняя горши первых.* — Ср.: Мф. 12, 45; Лк. 11, 26; 2 Петр 2, 20.

А крестися... прежде сего... — По предположению Ф. И. Буслаева, здесь, возможно, затрагивается вопрос «о различии крестосложения старообрядческого от никоновского» (Бусла-

ев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 12). А. М. Ремизов считал автора повести «ревнителем» «древлего благочестия» (Ремизов А. Сочинения... С. 141), а М. О. Скрипиль, напротив — сторонником церковных реформ, изобразившим старообрядцев в образе бесов (Скрипиль М. О. Повесть о Соломонии... С. 211—214). Однако рукописная традиция повести не знает случаев старообрядческого или антистарообрядческого осмысления комментируемого фрагмента. Повесть с одинаковым интересом читалась как старообрядцами, так и представителями господствующей Церкви.

...*«Богородицу... возвеличимъ»*... — Возглашение диакона перед пением 9-й песни канона на утрени.

Стр. 405. *...и ты повели имъ на всякий день Псалтирь говорить.* — В Древней Руси существовал обычай читать Псалтирь над покойниками, тяжелобольными и бесноватыми.

Арсений — архимандрит великоустюжского Архангельского монастыря, упоминается в устюжских документах с 1661 по 1678 г.

Владимир — Владимир Никитин, протопоп великоустюжского Успенского собора, упоминается в устюжских документах с 1644 по 1680 г.

Стр. 406. *Настоящая икона* — икона с изображением того церковного события или святого, которому посвящена церковь. Здесь — икона Иоанна Устюжского.

Стр. 407. *Бяше бо святый Прокопий... страннических образомъ.* — Ср. с описанием облика Прокопия и Иоанна Устюжских в иконописном подлиннике: «Прокопий Юродивый, устюжский чудотворец, подобием средовек, волосы на голове русы, борода Козмина; риза на нем дикобагряная, с правого плеча спустилась; в руках три кочерги; на ногах разодранные сапоги, колени голы. ⟨...⟩

Иоанн Юродивый, устюжский чудотворец, подобием молод, борода только расти зачала, в наусии; волоса просты; риза на нем раздранное рубище, исчерна бело, извилося по нем; плечо голо, также и ребра голы и ноги выше коленей...» (Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 428).

Стр. 407. *Симеон* — Симеон Корнильев Попов, диакон великоустюжского Успенского собора, упоминается в устюжских документах с 1670 по 1681 г.

Стр. 409. *...и закла его копиемъ.* — В остальных списках повести Прокопий Устюжский убивает беса своими кочергами.

СОЧИНЕНИЯ ГАЛИЦКОГО ЮРОДИВОГО СТЕФАНА

Прощальное письмо и покаянные стихи галицкого юродивого Стефана (Стефана Трофимовича Нечаева) дошли до нас в составе рукописного сборника *РНБ*, Q.1.401, представляющего собой конволют, т. е. сборник, объединивший под одним переплетом разновременно созданные и существовавшие некогда отдельно рукописи.

Прощальное письмо юродивого Стефана, которое он, «как пошел юродствовати, оставил на утешение матери своей Евдокие да жене своей Акилине», построено как диалог между матерью и сыном: мать вопрошает своего сына и корит его за то, что он порывает с миром и бросает семью, а тот объясняет, что уходит в юродство из презрения к мирским благам и от полного и глубочайшего доверия к промыслу Божию. Это письмо А. М. Панченко сравнил с прощальным заветом умирающего, так как автор настойчиво называет себя в нем мертвецом, да и мать голосит над сыном, как над покойником (Панченко А. М. Нечаев Стефан Трофимович // Словарь книжников и книжностей Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 379. См. также: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 205—213). Это прощальное письмо юродивого — единственный из дошедших до нас текст такого рода. Однако благодаря тому факту, что в Житии юродивого XVI в. Арсения Новгородского упоминается также о прощальном письме юродивого к матери и жене, можно предположить, что сочинение таких «прощальных писем» перед уходом в юродство было своего рода поведенческим топосом того времени.

Прощальное письмо юродивого Стефана сопровождает короткая записка Стефана своему дяде Гавриле Самсоновичу, содержащая просьбу не оставить осиротевшую семью, и комплекс кратких сочинений, описывающих кончину юродивого в мае 1667 г. Все эти сочинения представлены в рукописи не автографами, а поздней копией последней четверти XVIII в. Непосредственно с копией XVIII в. в сборнике-конволюте соседствует рукопись середины XVII в., содержащая ряд богослужебных текстов в сопровождении знаменной нотации и три покаянных стиха. При покаянных стихах имеются записи их автора, в которых он, не называя своего имени, сообщает, что сочинил стихи в 1662 и 1667 гг., т. е. в годы, когда был жив юродивый Стефан.

В оглавлении сборника-конволюта, выполненного скорописью конца XVIII в., прощальные письма юродивого Стефана обозначены как «Копия с епистолии Стефана блаженнаго»; следующая же строка оглавления, характеризующая фрагмент, содержащий нотированные богослужебные тексты с покаянными стихами, почти полностью замазана чернилами более позднего времени, так что невооруженным глазом читается лишь: «Писанное...овое пение». При прочтении этой строки в инфракрасном и рентгеновском излучении открылась следующая запись: «Писанное рукою блаженнаго Стефана крюковое пение».

Почерк, которым писаны покаянные стихи, и почерк, которым выполнены нотированные богослужебные песнопения, принадлежит одной руке. При этом человек, писавший эту рукопись в XVII в., оставил две записи, свидетельствующие о его авторстве по отношению к покаянным стихам: «Лѣта 7170-го (т. е. 1662) году месяца марта въ 30 день *покаянны сия творииль* ⟨...⟩ *и скверною своею десницею и написал нѣкто непотребный и многогрѣшный рабъ*, иже возбраненъ бых и зазоренъ от своея совѣсти и имя свое описати, понеже пучиною явихъся всѣхъ беззаконий...»; «Лѣта 7175-го (т. е. 1667) году месяца апреля въ 6 день *сей покаянный изложенъ тѣмъ же* ⟨...⟩ *многогрѣшнымъ рабомъ*, еже напреди писано...» (здесь и далее курсив мой. — *Н. П.*). Следовательно, настоящая рукопись представляет собой автограф сочинителя покаянных стихов. О том же, что этим сочинителем был юродивый Стефан, свидетельствует составитель оглавления сборника.

Кроме того, на нижнем поле первых 7 листов рукописи XVII в., там, где представлены нотированные богослужебные песнопения, остались едва заметные следы записи-скрепы (тоже кем-то тщательно уничтожавшейся). С помощью новейших технических методов удалось прочесть, к сожалению, неполностью: «Книга сия написана 7174 (т. е. 1665/1666) г. ... в ... *по удалению* ... за вклад по своей душѣ и по своих родителяхъ». Реалии этой записи соответствуют реалиям жизни юродивого Стефана: книга написана в 7174 (1665/1666) г., а он скончался в следующем 7175 (1666/1667) г.; особенно знаковы в этой записи слова «по удалению», лишенные здесь из-за утраты части слов контекста, но в контексте биографии юродивого вполне понятные: речь идет (после обычного указания на дату общепринятого летосчисления) о том отсчете времени, в котором исходной точкой отсчета стал для него уход в юродство, *удаление* от мира. Именно этим словом пользуется Стефан в прощальном послании к матери и жене, когда сравнивает свой уход из дома с даром Богу: «Такожде и азъ *удалися* от вас» (см. с. 417).

Галицкий юродивый Стефан был автором «прощального письма», создавал покаянные стихи и переписывал нотированные богослужебные песнопения — т. е. занимался как литературным, так и музыкальным творчеством. Более того, в его случае оба этих вида творчества выступают в неразрывном единстве. Духовные стихи, как древние, так и более нового времени, всегда имеют музыкальную основу. Стефан Нечаев, создавая покаянные стихи, сочинял не «голый» литературный текст, а поэтическое произведение в единстве его литературной и музыкальной форм. Свидетельством тому — сделанные им указания «на подобен» каких песнопений должен исполняться каждый из написанных им покаянных стихов: «Покаяненъ о еже всегда должни есмы поминати смертный час. *Подобенъ: Радуйся, живоносный кресте*» (см. с. 420); «Покаяненъ о еже всуе мятется всякъ человѣкъ живый. *Подобенъ: Егда от древа тя* » (см. с. 422); «Покаянен. *Подобен: Радуйся, живоносный кресте*» (см. с. 426).

Пение «на подобен» — одна из отличительных особенностей древнерусской гимнографии, которая заключается в том, что при исполнении ряда богослужебных песнопений музыкальный лад и ритмическая основа для них задаются указанием на одно из базовых песнопений, ритмике и мелодике которого должна «подобиться» исполняемая «на подобен» стихера.

Юродивый Стефан создавал музыку своих покаянных стихов «на подобен», и в этом он проявлял себя как традиционный русский роспевщик. Как роспевщик и литургист он обозначил ритмику своих стихов традиционным в русском богослужебном обиходе знаком, проставленным им в конце каждого интонационно-ритмического периода, — кружком с пересекающими его линиями, образующими знак, похожий на звездочку. Подобный знак проставляется в тексте стихер, помещаемых в богослужебных книгах, для обозначения интонационных границ.

Кроме того, в своем первом покаянном стихе Стефан пронотировал полстрочки: во фрагменте «иже вчера грозенъ и горделив и всѣмъ страшенъ и неприступенъ, нынѣ же от всѣхъ небрегомъ и ногами попираемъ» (см. с. 420) он проставил крюки над словами «иже вчера грозенъ».

Когда и где писал юродивый Стефан свои сочинения? Поскольку в «прощальном письме» он обещал родным подать о себе весть в октябре 1661 г. («Ожидайте же от мене вести сто семдесятого году в месяце октябре»), а в краткой записке о кончине и погребении юродивого сказано, что он «юродствоваше многа лета», то следует полагать, что «прощальное письмо» было написано задолго до 1661 г. Что же касается покаянных стихов и блока нотированных песнопений, то их датировка уясняется из записей, сделанных самим юродивым при этих текстах: в марте 1662 г. он сочинил 1-й и 2-й покаянные стихи, в 1665—1666 гг. создал блок нотированных богослужебных песнопений, в апреле 1667 г., за месяц с небольшим до смерти, приписал к ранее написанным стихам последний покаянный стих.

Труднее ответить на вопрос, где созданы эти тексты. Уходя из Галича юродствовать на чужую сторону и обещая подать о себе весть в октябре 1661 г. Стефан писал: «Аще ли в томъ месяце не будет от меня вести, то уже не мните мене жива 〈...〉. Да не пецытеся и о семъ, яко кости моя на чюжей стране положени будутъ...» (см. с. 418). Из записки о кончине и погребении юродивого Стефана известно, что 14 мая 1667 г. он был погребен у Богоявленской церкви города Галича под трапезною, «идеже онъ самъ себе гробъ ископа».

Так что оговоренная в прощальном послании юродивого возможность быть похороненным «на чужой стране» не сбылась. Но, быть может, он сдержал свое обещание подать о себе весть родным в октябре 1661 г.: тут обращает на себя внимание датировка двух первых покаянных стихов мартом 1662 г. Возможно, он вернулся в Галич в 1662 г. и оставался там до своей смерти в 1667 г., возможно, пообещав подать о себе весть в 1661 г., в 1661—1662 гг. он возвратился в Галич не окончательно, а бывал там наездами. Во всяком случае, чтобы самому выкопать себе здесь могилу у Богоявленской церкви «под трапезою на левой стране за печью», нужна была хотя бы частичная оседлость, связанная с этим городом. По крайней мере, с большой долей вероятности можно считать, что последний покаянный стих, написанный незадолго до смерти уже нетвердой рукой (он написал его 6 апреля 1667 г., а умер через месяц с небольшим, 13 мая того же года), был создан в Галиче.

Располагая эпистолярными и гимнографическими сочинениями юродивого Стефана, мы словно получаем из первых рук свидетельство о духовном мире человека, решившегося на подвиг юродства.

Стефану Трофимовичу Нечаеву, когда он брал на себя подвиг Христа ради юродивого, важно было, как видно из содержания его прощального послания, «удалиться» из родных мест, уйти «на чужую землю». Известно, что многие юродивые являлись пришлецами в местах их подвижничества: Арсений Новгородский пришел в Новгород из Ржева; Иоанн Большой Колпак пришел в Москву из Ростова, а туда в свою очередь явился из вологодских пределов; Прокопий Устюжский, приплыв как купец из «латинских» земель в Новгород, отправился юродствовать в Великий Устюг; Иоанн Устюжский появился в Великом Устюге, покинув «свое отечество» — город Орлов; Исидор Твердислов, как и Прокопий Устюжский уроженец западных стран, пришел в Ростов после странствования по многим русским городам; духовный сын протопопа Аввакума юродивый Федор покинул свою родину — городок Мезень — и юродствовал в Великом Устюге, а потом в Москве; о Симеоне Юрьевецком в его Житии сказано, что когда он устремился на подвиг юродства, то «восхоте от своих соплеменник 〈...〉 в чюждих странах отлучитися и странен быти».

Юродивый — это пришлец, странник. Он наг, он гладен, у него нет, где главу приклонить, и постелью ему служит земля. Все это мы знаем из житий и служб Христа ради юродивым. Те-

перь перед нами сочинения одного из них — галицкого юродивого Стефана. В покаянном стихе Стефана «О еже всуе мятется всяк человек живый» присутствует явное скольжение смысла между призывом к покаянию, обращенным к своей собственной душе, и призывом к покаянию, обращенным к другим людям: «О, горе и люте будетъ на Страшном судѣ не сотворшим милости здѣ! Слышасте ли самого Господа, глаголюща: „Алчна мя не накормисте и жадна не напоисте, нага не одѣясте, и в темнице бѣх, не приидосте ко мнѣ, и болна мя не посетисте". Горе убо намъ, кий отвѣтъ сотворимъ тогда! Рабовъ своихъ милуемъ, о скотѣхъ промышляемъ и о псахъ печемся, *а Христа, за враты стояща*, презираемъ!» (см. с. 424).

Тема стоящего за воротами Христа — лейтмотив всего покаянного стиха Стефана: «Иже разбойнику рай отверзе и во Царство Небесное всѣмъ намъ путь показавый ⟨...⟩ *страненъ* ⟨...⟩ не имѣя здѣ на земли гдѣ главы подклонити, *у вратъ дому твоего* нагъ стоя, от зимы померзаемъ, трясыйся и гладомъ истаяваемъ, умилно вопиет ти...». В этих строках очевиден автобиографический мотив: юродивый странник, он наг, он замерзает в стужу, трясется и тает от голода; и он стоит на морозе за воротами, а хозяин дома сидит в тепле. Да ведь это тот, кто приходит к нам вместо Христа в образе «единого от братий сих меньших», как завещано Евангелием: «Взалках бо ся — и дасте ми ясти; возжадахся — и напоисте мя; странен бех — и введосте мене; наг — и одеясте мя, болен — и посетисте мене, в темници бех — и приидосте ко мне. Тогда отвещают ему праведници, глаголюще: Господи, когда тя видехом алчуща и напитахом, или жаждуща и напоихом, когда же тя видехом странна и введохом, или нага и одеяхом, когда же тя видехом боляща или в темници и приидохом к тебе? И отвещав Царь речет им: Аминь, глаголю вам. Понеже сотвористе *единому сих братии моих менших*, — мне сотвористе» (Мф. 25, 35—40). Юродивый — это тот, кто берет на себя образ Христа, стоящего за воротами. И в покаянном стихе юродивого Стефана это выражено с абсолютной прямотой: «Не вѣси ли, человѣче, яко *всякъ убогий во Христа облеченъ...*», «Во всякомъ християнине *сокровенъ есть Христос...*» (см. с. 425—426).

В гимнографии служб, посвященных Христа ради юродивым, юродивые часто именуются «Человеками Божиими», что не случайно, ибо их удел — быть такими же неузнанными странниками, как и Алексей Человек Божий, чтобы дать возможность и близким, и дальним узнать в них «странного» Христа.

И о том напоминают нам слова галицкого юродивого Стефана, автора «прощальной эпистолии», роспевщика и творца стихов покаянных, — «яко во всяком человеке сокровен есть Христос».

Сочинения юродивого Стефана печатаются по единственной известной на сегодняшний день рукописи: *РНБ*, Q.1.401, л. 16—35 об., 44—49, 56. Сделанные исправления передаются курсивом.

Стр. 411—412. *...насади Рай и жителя в немъ созда первого человѣка Адама... Господь же повелѣ из рая изгнати его и в поте лица своего от земли снедати хлеб и в нея возвращатися.* — Ср.: Быт. 2, 8—25; 3, 1—19.

Стр. 412. *Уты и утолсте...* — Вт. 32, 15.

...ни ходатая, ни ангела... — Слова из ирмоса 2-го гласа, песнь 4 («Пришествова от Девы, ни ходатай, ни ангел, но ты сам, Господи...»). (См.: Ирмологий).

«Радуйся, царю иудейски...»... И плеваху на лице его, и по ланитам бияху. — Ср.: Мф. 27, 20—30; Мк. 15, 18—19; Ин. 19, 3.

...по апостолу Павлу не взираем на начальника вѣры и совершителя Исуса... — Ср.: Евр. 12, 2.

«Не может раб двема господинома работати... о друземъ нерадити начнетъ». — Лк. 16, 13; Ср.: Мф. 6, 24.

«Надѣющися на Господа... не подвижится вовѣки». — Пс. 124, 1.

«Блажени вси надѣющися на Господа». — Пс. 2, 13.

«Отидите от мене, проклятии, во огнь вѣчный... кождо по дѣлом своимъ». — Мф. 25, 41.

Стр. 413. *Тѣсенъ путь, вводя во Царство Небесное...* — Мф. 7, 14.

«Блажени плачющи, яко тии утѣшатся». — Мф. 5, 4.

«Придите ко мнѣ... и азъ покою вы». — Мф. 11, 28.

«Аще кто весь мир приобрящетъ... ничтоже есть». — Мф. 16, 26; Мк. 8, 36.

«Не надѣйтеся на князи... нѣсть спасения». — Пс. 145, 2.

«Аще кто оставитъ отца и матерь... животъ вѣчный наслѣдитъ». — Мф. 19, 29; Мк. 10, 29.

«Нужно бо есть Царство Небесное, и нужницы восхищаютъ его». — Мф. 11, 12.

Стр. 414. *«Имини моего ради ведени будете пред цари и владыки... И не убойтеся убо от убивающих тело, души же не могущих убити».* — Лк. 21, 12; Мф. 10, 28.

Стр. 415. ...*«егоже любитъ Богъ, того и наказуетъ».* — Евр. 12, 6.

«Богъ нам прибѣжище и сила, помощник въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зело». — Пс. 45, 2.

Стр. 416. *«Слава солнцу... звезда бо звезды выше славою».* — 1 Кор. 15, 41.

Стр. 416—417. *Составы и сосуды плоти нашея, яко прахъ и смрадъ, снедь червемъ быша... Вся изсхоша, яко трава, вся погибоша.* — Здесь юродивый Стефан почти дословно цитирует текст из покаянного стиха «Придете преже конца, возлюбленная моя братия...», известный в рукописях с середины XVI в. (см.: Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII веков / Сост. Л. А. Петрова, Н. С. Серегина. Л., 1988. С. 171—172, 304—306).

Стр. 417. *«Другъ другу тяготы носите... законъ Христовъ».* — Гал. 6, 2.

Стр. 418. ...*сто семдесятаго году...* — Т. е. 7170 (1661) г.

В нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и намъ. — Мф. 7, 2; Мк. 4, 24; Лк. 6, 38.

Стр. 419. ...*въ Богоявленской церкви.* — Церковь Богоявления на посаде Галича была построена, по-видимому, между 1582 и 1619 гг. Первоначально была деревянной; кирпичная церковь была возведена в 1682 г. на средства посадских людей.

...*на память святыя мученицы Гликерии...* — Мученица Гликерия пострадала около 177 г., память 13 мая.

...*на память святаго мученика Исидора, иже во острове Хиосѣ...* — Мученик Исидор был казнен при римском императоре Деции на острове Хиосе в 251 г., память 14 мая.

...*Исидора Христа ради юродиваго, ростовскаго чюдотворца...* — Исидор Твердислов, Христа ради юродивый, родом из Германии, юродствовал в Ростове, скончался в 1474 г., память 14 мая.

...*Новоезерскаго монастыря Авраамиева архимандритъ Христофоръ...* — Авраамиев Успенский Богородицкий Новый, или Новозаозерский, монастырь, основан в XIV в. Авраамием Чухломским на северном берегу Галичского озера, в нескольких верстах от Галича. Архимандрит Христофор настоятельствовал в нем в 1662—1669 гг. (см.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1887. Стб. 868).

...*Паисеина монастыря архимандритъ Сергий...* — Паисиев Успенский Никольский монастырь, находился в полутора верстах от Галича, на южном берегу Галичского озера; существовал уже в XV в., здесь игуменствовал прп. Паисий Галичский, по имени которого и назывался в XVII в. монастырь; здесь находилась чудотворная икона Богородицы, именуемая Овиновская (см. наст. изд., с. 372—397 и коммент. к ним). Архимандрит Сергий настоятельствовал здесь в 1664—1674 гг. (см.: Строев П. Списки иерархов. Стб. 863).

...*Галицкой соборной церкви Спасской протопопъ Феофилакт...* — В Галичском кремле находился Спасский мужской монастырь, основанный предположительно в пер. пол. XIV в. Время упразднения этого монастыря неизвестно; как полагают, он был обращен в Спасо-Преображенский собор Галича. Протопоп Феофилакт не зафиксирован в доступных документальных материалах.

...*галицкой воевода Артемей Антоновичь сынъ Мусинъ-Пушкинъ...* — По опубликованным материалам галичский воевода с таким именем неизвестен.

...*Галицкой же преждебывшей воевода стольник Кондратей Афанасьевъ сынъ Загрязской...* — Стольник Кондратий Загряжский нес воеводскую службу в Галиче с 22 сентября 1665 г. по 18 апреля 1667 г. (см.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод ... по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 60).

...дворяне Давыдъ Неплюевъ, Иванъ Ларионов... — Эти имена по изданным материалам неизвестны. В Пустозерске во время заточения там протопопа Аввакума и его соузников воеводскую службу несли Лев и Иван Неплюевы (1669—1673 гг.).

Стр. 420. «*Грѣшнику же рече Богъ: въскую ты повѣдаеши оправдания моя... усты твоими, ты... отверже словеса моя въспять*». — Пс. 49, 16—17.

Стр. 422. *...блаженный Давыд... рече, еже всуе мятется всяк человѣкъ живый...* — Ср.: Пс. 38, 6—7.

Стр. 424. «*Алчна мя не накормисте... и болна мя не посетисте*». — Мф. 25, 42—43.

Стр. 425. «*Единому от меньших братии моихъ сотвористе, — мнѣ убо сотвористе*». — Мф. 25, 40.

«*Елицы во Христа крестихомъся, во Христа облекохомъся*». — Гал. 3, 27.

Стр. 426. «*Ядый мою плоть... во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ*». — Ин. 6, 56.

КРУГ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ АННЕ КАШИНСКОЙ

История почитания святой благоверной княгини Анны Кашинской началась в первой половине XVII в., когда под помостом разрушающейся церкви Успения Пресвятой Богородицы в г. Кашине обнаружился неизвестный гроб. Толчком к прославлению княгини Анны стало ее явление пономарю Успенской церкви Герасиму, во время которого она, представшая перед ним в иноческом образе, и объявила свое имя и свой социальный статус (позднее этому явлению была посвящена отдельная повесть, публикуемая здесь в составе агиографического цикла). Некоторое время ничего, кроме этих сведений, о княгине Анне известно не было, и она прославлялась как некая «княгиня-инокиня Анна». О новообретенном гробе, у которого практически сразу же стали совершаться чудеса, было доложено государю. В 1649 г. по повелению царя Алексея Михайловича гроб был открыт и было проведено освидетельствование мощей Анны Кашинской архиепископом Тверским и Кашинским Ионой, архимандритом московского Андроникова монастыря Сильвестром и игуменом московского Данилова монастыря Иоанном. 12 июня 1650 г. при непосредственном участии царя Алексея Михайловича и в присутствии царицы и царских сестер мощи Анны Кашинской были перенесены из почти разрушившейся Успенской церкви в кашинский Воскресенский собор, где они и должны были находиться до тех пор, пока Успенская церковь не будет заново возведена.

Прошение об освящении вновь отстроенной Успенской церкви было отправлено в 1676 г.: «Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу, бьетъ челомъ нищий богомолецъ твой, государевъ, Кашина города соборныя церкви Успения Пресв⟨ятой⟩ Богородицы попъ Васильище. Въ прошломъ, государь, 158 году отецъ твой, государевъ, блаженныя памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержецъ, изволилъ быть въ Кашинѣ и пренести мощи преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны изъ древянныя соборныя церкви Успения Пресвятыя Богородицы въ каменную соборную церковь къ Воскресению Христову, а на томъ мѣстѣ, гдѣ были тѣ мощи, указалъ онъ, великий государь, устроить церковь каменную новую во имя Успения Пресвятыя Богородицы да придѣлъ преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны. И та, государь, каменная церковь и придѣлъ построены и совершена совсѣмъ тому лѣтъ съ пятнадцать и больши, и стоитъ та соборная церковь не освященной и по сие время. И въ прошлыхъ, государь, годѣхъ мы, нищие, били челомъ отцу твоему, государеву, блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу, о освящении тое новыя церкви и о перенесении мощей преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны на прежнее мѣсто, и онъ, великий государь, изволилъ было быть самъ въ Кашинъ для освящения тое церкви и для перенесения мощей, а безъ себя, великаго государя, той церкви святить не указалъ, и нынѣ, государь, безъ твоего, великаго государя, указу той соборной

церкви святить не смѣемъ. Милосердный государь царь и великий князь Феодоръ Алексѣевичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержецъ, пожалуй меня, нищаго, своего, государева, богомольца, вели государь, въ Кашинѣ соборную церковь Успения Пресвятыя Богородицы и придѣлъ преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны освятить и цѣльбоносныя мощи перенести на прежнее мѣсто, гдѣ прежъ сего были, кому ты, великий государь, укажеши. Царь государь, смилуйся, пожалуй» (цит. по: Титов А. А. [Предисловие] // Житие благоверной княгини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII-го века с предисловием Ан. Титова. М., 1909. С. II—III). К этому прошению был приложен рукописный сборник, в состав которого входили: 1) Служба на перенесение мощей Анны Кашинской, включающая канон с текстовым акростихом (см. коммент. к Службе Анне Кашинской), 2) тропарь, 3) канон с азбучным акростихом и 4) Агиографический цикл (ныне: *ГИМ*, Синодальное собр., № 622). Это обращение попа Василия к государю послужило причиной для назначения нового освидетельствования мощей княгини Анны. Гроб был снова вскрыт, и мощи были внимательно осмотрены. Следственная комиссия, направленная в Кашин патриархом Иоакимом, 12—21 февраля 1677 г. провела проверку чудес от мощей Анны Кашинской (материалы следствия приводятся в комментариях к отдельным чудесам). После этого состоялись два церковных собора, в 1677 и 1678—1679 гг., на которых были рассмотрены результаты следствия: почитание Анны Кашинской как святой было запрещено, инициаторы прославления княгини Анны, священник Успенской церкви Василий (в иночестве Варлаам) и его сыновья, священник Василий же и дьякон Никифор, были сурово наказаны, а Житие приговорено к сожжению.

Официальной причиной столь суровых решений было несоответствие Жития «с книгами летописными и степенными», выявленное следственной комиссией (этот вопрос специально рассмотрен в комментариях к Агиографическому циклу), и иная степень сохранности мощей, нежели та, что была засвидетельствована первой комиссией 1649 г. В действительности запрет почитания Анны Кашинской во многом был связан с усилением борьбы со старообрядчеством. Во-первых, он был вызван необычным положением десницы Анны Кашинской во гробе. Если в раннем Сказании об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской оно описывается достаточно нейтрально: «Еще же рещи чюдо дивно и преславно: яко у живы сущи, десница ея преподобныя стоитъ прямо во гробѣ, опершися лактемъ во дно гроба. Лѣвица же по обычаю пребываетъ на персѣхъ» (см. наст. изд., с. 442), то в свидетельских показаниях Василия-Варлаама, зафиксированных в материалах следственного дела, о нем говорится более определенно: «А рука, де, правая лежит на персехъ согбенна, яко благословящая. И андроньевской архимандрит Селивестръ тое руки персты розгибалъ, а какъ отпустилъ, и онѣ такожде согбенны учинились по-прежнему» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 13 об.—14). Мало того, что рука была описана как «аки благословящая», т. е. демонстрирующая всем двоеперстие, но и разогнуть ее (т. е. уничтожить двоеперстие) оказывалось невозможно, ибо персты чудесным образом возвращались в прежнее положение (подробно см. об этом: Семячко С. А. Почитание святой благоверной княгини Анны Кашинской и агиографические памятники, ей посвященные // Русская литература. 1998. № 3. С. 150—151). Второй причиной деканонизации Анны Кашинской стала, по всей видимости, возможная причастность к созданию ее Жития одного из лидеров старообрядческого движения, апологета самосожжений Игнатия Соловецкого (вопрос об авторах Жития и Агиографического цикла в целом рассмотрен в комментариях к Агиографическому циклу).

После деканонизации почитание Анны Кашинской не прекратилось, хотя те, кто держал у себя иконы с изображением благоверной княгини, хранил или переписывал ее Житие, должны были быть подвергнуты суровому наказанию. Однако большинство из дошедших до нас списков Служб и Агиографического цикла относится ко времени запрета почитания княгини Анны. Продолжалась и запись чудесных исцелений, совершавшихся у ее гроба (если к моменту собора 1677 г. было зафиксировано 26 чудес, то в последующее время число их увеличилось до 41). Жители Кашина неоднократно обращались в Синод с просьбой о восстановлении почитания Анны Кашинской (см., например, письмо митрополита Филарета обер-прокурору Синода графу А. П. Толстому по поводу прошения граждан г. Кашина о возобновлении молебного пения у раки великой княгини Анны от 30 марта 1860 г. — Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. 4. № 547. С. 514—517).

Сохранились свидетельства, что в то время в старообрядческих молельнях можно было увидеть и образ Анны Кашинской; известны иконы и новообрядческой традиции времени запрета культа благоверной княгини, одна из таких икон была поднесена императору Александру III во время коронационных торжеств в Твери (Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 463). Фактически существовали две традиции почитания княгини Анны — традиция старообрядческая и традиция местная, не только кашинская, но, шире, тверская (см. об этом в комментариях к Агиографическому циклу). В 1909 г. Синодом с согласия императора было восстановлено общецерковное почитание благоверной великой княгини Анны Кашинской.

К раннему периоду почитания Анны Кашинской относится ряд текстов: кашинская по происхождению Служба княгине Анне, Служба на перенесение ее мощей, написанная Епифанием Славинецким и привезенная в Кашин царем Алексеем Михайловичем (в данном томе не публикуется), Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской и Агиографический цикл, в который, в наиболее полном его виде, входят Житие Анны Кашинской, Повесть о ее явлении пономарю Герасиму, Сказание об обретении мощей княгини Анны, Слово на перенесение ее мощей и Повесть о чудесах с чудесами.

СЛУЖБА АННЕ КАШИНСКОЙ

Публикуемая Служба Анне Кашинской — один из самых ранних, если не самый ранний, памятник, посвященный благоверной княгине, представленный в данном случае одним из самых ранних своих списков. На это указывает, в частности, тот факт, что в надписании Службы не приведено число, к которому она приурочена, т. е. Служба (и данный публикуемый список) создавалась тогда, когда еще не было официально установлено празднование княгине Анне. Как не было установлено и то, какому именно празднику она посвящена — памяти Анны Кашинской или обретению ее мощей. Ряд чтений, казалось бы, отсылает нас к памяти святой: «Творится память преподобныя матере великия княгини-инокини Анны» (Славник 5-го гласа на малой вечерне), «в честнѣй сей памяти преподобныя матери великия сея княгини Анны» (Вторая стихира на литии), «всемъ спастися, память ея вѣрою и любовию почитающим» (Третья стихира на литии), «почитаемъ святую память твою. Ты же, блаженная, поминай насъ, вѣрою и любовию чтущих святое преставление» (Седален 1-го гласа по 1-й стихологии кафизм), «и святую и честную память твою почитающия» (Седален 8-го гласа по полиелее), «Всесвятая твоя память возсия мирови» (3-й тропарь 1-й песни 2-го канона), «в память великие княгини Анны» (Богородичен 1-й песни 2-го канона), «святую память твою вѣрно почитаемъ» (Седален 3-го гласа по третьей песни канона), «Пресвѣтлая и свѣтоносная приспѣ память твоя» (Седален 5-го гласа по третьей песни канона), «моли о нас, о творящих святую память твою» (Светилен). Однако еще большее число чтений указывает на празднование обретения мощей благоверной княгини: «И днесь по смерти твоей честныя мощи твои чюдодѣйствуют, исцѣление подаютъ всѣмъ приходящим к ним с вѣрою. Крестоносный же царь и великий князь Алексѣй, патриархъ же и вси людие радуются и веселятся о обрѣтении честных мощей твоих» (Славник 5-го гласа после стихир на литии), «в память обрѣтения мощей преподобныя Анны» (1-й тропарь 1-й песни 2-го канона), «всечестное обрѣтение честныхъ мощей твоихъ почитающихъ» (3-й тропарь 3-й песни 2-го канона), «днесь любовию сошедшеся во обрѣтении честных мощей ея, воспоемъ пѣснь единому Богу в Троицѣ, радующеся, сподоблшему насъ видети пречестное сокровище честныхъ мощей ея, от многъ бо лѣтъ сокровенны, напослѣдок же намъ явленны и источаютъ многа и различна исцѣления» (Кондак по 3-й песни канона), «вѣрно припадаемъ к пречестнымъ мощемъ твоимъ, преподобная мати Анно, просяще отпущения грѣховъ, молися о вѣрно празднующихъ твоих честныхъ мощей обрѣтение» (1-й тропарь 4-й песни 2-го канона), «молися о чтущих честныхъ мощей твоих обрѣтение» (2-й тропарь 4-й песни 2-го канона), три тропаря 5-й песни 2-го канона, 2-й и 3-й тропари 6-й песни 2-го канона, «поминай насъ, чтущихъ честных мощей твоихъ обрѣтение» (1-й тропарь 8-й песни 2-го канона). В данном случае отмечены не все слу-

чаи упоминания мощей княгини Анны или чудотворений от них, а только те фрагменты, в которых речь идет о почитании обретения ее мощей. С темой обретения мощей связан по преимуществу второй канон, который, вероятно, и был предназначен для этого праздника, а потом вставлен в службу, которая была посвящена памяти святой. В настоящее время эти два канона разведены по разным службам: первый помещен в составе службы, которая поется на перенесение мощей Анны Кашинской 12 июня (Минея: Июнь. М., 2002. Ч. 1. С. 431—447) и на ее память 2 октября (Минея: Октябрь. М., 2002. С. 88), второй — в службе на обретение мощей благоверной княгини 21 июля (Минея: Июль. М., 2002. Ч. 2. С. 475—483).

Публикуемая Служба бденная, т. е. предполагающая всенощное бдение (в ее состав входят песнопения малой и великой вечерни и утрени). Два канона расположены в тексте попеременно, песнь за песнью, так, как они читаются по ходу богослужения. Оба канона имеют акростихи (при публикации выделены полужирным шрифтом): первый канон — текстовый, «Достойно похвалити великую княгиню», второй — азбучный. В акростихе девятой песни второго канона обозначено авторство — «ИВНВ», что следует читать как «Иванов». Авторство означенного Ивана распространяется только на второй канон. Во-первых, в тексте Службы обозначено, что у двух канонов разные создатели — перед началом второго канона написано: «2 творец». Во-вторых, второй, азбучный, канон практически дословно (за исключением второго тропаря третьей песни и первого тропаря восьмой песни) заимствован из Службы на перенесение мощей Иакова Боровицкого 23 октября (текст см.: Минея: Октябрь. М., 2002. С. 584—595), где он имеет ту же подпись (впервые это было отмечено в работе: Смирнова-Косицкая А. Е. Азбучные каноны русским святым // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 191—193). Нарушение акростиха в третьем тропаре четвертой песни второго канона было уже в его источнике — в каноне на перенесение мощей Иакова Боровицкого, а нарушение в богородичне пятой песни индивидуально: правильное чтение источника «онъ» (подразумевается «он нечестивый») заменяется в каноне Анне Кашинской более определенным по смыслу, но разрушающим акростих чтением «врагъ».

Вопрос о создателях первого канона был поднят во время следствия 1677 г. Один из наиболее активных инициаторов прославления княгини Анны священник Василий-младший показал: «А на обрѣтение мощей ея тропарь и канон писалъ попъ Иван Наумов, будучи священником в том же городе Кашине у церкви великомученицы Парасковии, а с ним писал кашинецъ посацкой человѣкъ Семен Осипов сынъ Сухоруковъ при ево, поповѣ Васильеве, отцѣ, попѣ Василии же. И той, де, отецъ ево, попъ Василий, какъ тот канон писали, тут был з братом ево, Васильевым, а с своим сыномъ Никифоромъ Поповым. А по какому и по чиему указу или по челобитью отца ево, Васильева, попа Василья протопоп Иван тот канон писал, он про то не вѣдаетъ, а вѣдает, де, про то отецъ ево Василей да братъ Никифор, и ныне, де, онѣ в живых, а протопоп Иван и кашинецъ Семен умре» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 7 об.—8. Здесь и далее материалы следственного дела и соборное определение цитируются по копии, принадлежавшей участнику собора 1677 г. архимандриту московского Чудова монастыря Павлу, см. владельческую запись по нижнему полю на л. 1, 2, 3, 4, 5). И по свидетельству отца Василия-младшего священника Василия-Варлаама, «на обретение мощей княгине Анне тропарь, и кондак, и канон слогали и писали Кашина города бывшей воскресенской протопоп Иван Наумов да кашинець посацкой человѣкъ Семен Сухорукого. И протопоп Иван да Семен Сухорукова померли» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 15). Эти показания подтвердил и второй сын Василия-Варлаама: «Февраля того же числа (12. — *С. С.*) старцов Варламов сынъ Никифор в допросе сказал: канонъ на обретение мощей благовѣрные и великие княгини Анны, и тропарь, и кондак слагали и писали города Кашина пятницкой поп Иванъ Наумовъ, что после того был в Кашине ж протопопом в Воскресенском соборѣ, да кашинец посацкой человѣкъ Семен, Осипов сынъ, Сухорукого, и ныне их в живых нѣт» (Там же, л. 15 об.—16). О кашинском происхождении канона свидетельствует и упоминание Кашина как «нашего града»: «граду нашему Кашину утвержение» (Икос после третьей песни канонов). Что касается стихир, то и Василий-Варлаам, и Никифор сообщают о создании в Кашине лишь канона, тропаря и кондака, в то время как о Службе, написанной Епифанием Славинецким, Никифор оставил следующее свидетельство: «А на принесение мощей ея полную службу, стихѣры и канон, изволил привести с собою блаженные памяти великий государь» (Там же, л. 16). Во всех вариантах Службы, известных на настоящий момент, воспро-

изводится один и тот же набор стихир. Вероятно, они происходят из Службы, созданной Епифанием Славинецким.

Очевидно, что Служба Анне Кашинской в том виде, в каком она публикуется в настоящем издании, была создана еще до выяснения, какая именно это княгиня Анна (в службе не названы по имени, хотя и упоминаются, ни родители, ни супруг благоверной княгини).

Список, по которому издается Служба (*РНБ*, Соловецкое собр., № 877/987, л. 219—241), имеет свою историю. Он один из самых ранних. Филиграни бумаги, на которой находится текст Службы (Служба Анне Кашинской занимает отдельную часть конволюта — сборной рукописи, состоящей из восьми частей), датируются 1647 г. (кодикологическое описание рукописи, выполненное О. Л. Новиковой, помещено в статье: Панченко О. В. Из археологических разысканий в области соловецкой книжности. II. «Канон всем русским святым, иже в Велицеи Росии в посте просиявшим» — сочинение Сергия Шелонина // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 453—454. Примеч. 3). Для истории списка значимым является тот факт, что в нем нигде не названо имя патриарха (см. славник после стихир на литии и седален на первой стихологии), хотя неоднократно называется имя царя. Это позволяет предположить, что список сделан после кончины патриарха Иосифа 15 апреля 1652 г. и до поставления патриарха Никона 25 июля 1652 г. Список находится в собрании Соловецкого монастыря. Именно в Соловецкий монастырь ездил дьякон Никифор за Житием Анны Кашинской, причем выехал с Соловков он вместе с мощами митрополита Филиппа, т. е. 10 июня 1652 г. (см. об этом в комментариях к Агиографическому циклу). Таким образом, список был сделан либо непосредственно перед поездкой Никифора на Соловки и привезен им туда, либо переписан в Соловецком монастыре со списка, бывшего у Никифора.

Публикация текста подготовлена с использованием материалов А. Г. Ревуновой.

Стр. 428. *...царским путем шествовала еси...* — Имеется в виду «царский», срединный, правильный путь подвижничества, без уклонений ни «надесно», ни «налево».

Якоже целомудренная Анна день и нощь молящися Господеви... — В данном случае могли иметься в виду три Анны: 1) Анна, мать Самуила, которая вымаливала у Господа сына (см.: 1 Цар. 1, 1—20); 2) свидетельствованная в Евангелии Анна-пророчица, дочь Фануилова, которая после смерти мужа вела строгую благочестивую жизнь, «не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь» (Лк. 2, 37) и сподобилась видеть младенца Христа в Иерусалимском храме; именно эта Анна упоминается в Житии Анны Кашинской (см. коммент. к с. 470); 3) Анна, мать Богородицы, которая вместе со своим супругом Иоакимом долго вымаливала у Господа ребенка; сведения об Иоакиме и Анне сохранились в апокрифических евангелиях II—III вв. и в церковном предании (на Руси это в первую очередь Житие Богородицы); так же как и в случае с Анной, дочерью Фануиловой, отмечалось целомудрие во вдовстве Анны, матери Богородицы: «Новое и богоугодное житие во вдовстве твоем, Анно святая, провождала еси у храма Божия приметающися и Святей и Преблагословенней Дщери твоей сослужащи, тем же яко истинную и богоугодную вдовицу, Христову же прабабу тя восхваляем...» (Икос 7 Акафиста Иоакиму и Анне).

Стр. 429. *...милостивии милостивъ и судъ приимут...* — См.: Мф. 5. 7.

...тезоименита бывши цѣломудренней Аннѣ... — См. выше коммент. к с. 428.

Стр. 429—430. *...моли благовѣрному царю нашему великому князю Алексѣю побѣдителная на враги даровати...* — Царь Алексей Михайлович, второй из династии Романовых, находился на престоле с 14 июля 1645 г. по 29 января 1676 г.

Стр. 431. *Псалом «Терпя потерпех».* — Пс. 39 (*«Терпя потерпех».* — Пс. 39, 2).

Стр. 433. *...с супругом своимъ...* — Анна Кашинская, явившись пономарю Успенской церкви Герасиму, объявила о своем княжеском статусе (см. Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму). Даже не располагая никакими сведениями о личности святой, можно было сделать вывод, что титул княгини предполагает наличие супруга-князя.

Стр. 434. *...честная рака мощей твоихъ, издавшися из земленыхъ нѣдръ, никимже движима...* — Процесс обретения мощей Анны Кашинской был подробно описан во время следствия 1677 г. Василием-Варлаамом (см. комментарии к Повести о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму).

...ширши бо небесъ явися, чрево твое... — Ср.: «...чрево твое пространнее небес...» (песнопение Иоанна Дамаскина «О тебе радуется», которое включено в Октоих и используется как Задостойник в Литургии Василия Великого); «...небес ширши чрево твое бысть...» (Служба Спиридону Тримифундскому, «И ныне» после славника по 6-й песни канона).

Стр. 436. *...яко Петра, мя... спаси.* — Имеется в виду апостол Петр, см.: Деян. 12, 6—11.

Стр. 437. *...восхотѣла еси облещися во иноческое одѣяние...* — Анна Кашинская явилась пономарю Герасиму в иноческом одеянии, и при открытии гроба также были обнаружены остатки облачения схимницы. Таким образом, и этот «биографический» момент службы основан на первоначальных сведениях о святой.

...инъ бо тя гору мысленную нарече, другий же — родительницу Божию, ов же — руно, ин же — священия дверь. — Этот фрагмент имеет своим источником 9 икос Акафиста Богоматери:

«Радуйся, закона и пророков главизно совершенная;
Радуйся, звездо Иаковля, Валаамом пророкованная.
Радуйся, одре Царя великаго, вещанный Соломоном;
Радуйся, руно орошенное Иисусом, образованное Гедеоном.
Радуйся, неопалимая купино, законоположником предзримая;
Радуйся, горо святая, Мужем желания усмотренная.
Радуйся, лествице небесная, Иаковом предвидимая;
Радуйся, двере непроходимая, Иезекиилем предзримая.
Радуйся, солнце селения Христова, псалмопевцем предъявленное;
Радуйся, таинство многообразне пророки пронареченное.
Радуйся, пророческих глагол всех предреченных о Тебе конец принесшая;
Радуйся, Вышняго смотрения вся за спасение мира совершившая.
Радуйся, обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая».

Видение горы см.: Дан. 2, 31—45; см. также: Дан. 9, 20 («...повергал мольбу мою пред Господом Богом моим о святой горе Бога моего»). Чудо с руном (стриженой шерстью) см.: Суд. 6, 37—40. Видение двери Иезекиилем см.: Иез. 8.

Стр. 439. *Аароновъ жезлъ прозябший... преже убо бо безплоден бывъ, послѣжде цвѣтъ и плодъ испусти...* — См.: Числ. 17, 8.

СКАЗАНИЕ ОБ ОБРЕТЕНИИ И ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ АННЫ КАШИНСКОЙ

Сказание об обретении и перенесении мощей — самый ранний из нелитургических памятников, посвященных Анне Кашинской. Это произведение, известное в единственном списке, было однажды опубликовано автотипическим способом, с целым рядом ошибок (Иоаким, иером. Житие святой благоверной княгини Анны Кашинской (по рукописи XVII в. из библиотеки Императорской Академии Наук № 31.6.34). М., 1909), и долгое время не привлекало внимания читателей и исследователей.

Оно было написано, вероятно, вскоре после перенесения мощей, состоявшегося 12 июня 1650 г. Как показывает анализ текста Сказания, создано оно было, скорее всего, московским автором, сопровождавшим царя Алексея Михайловича в его поездке в Кашин (подробнее об этом см.: Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. I. Сказание об обретении и перенесении мощей // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 531—536).

Создателя этого текста отличает очевидное литературное мастерство. Сказание имеет традиционную для такого рода текстов трехчастую композицию, причем для каждой части автор находит свои художественные приемы, так что эти части выделяются не только по содержанию, но и стилистически. Вступление, объявляющее тему всего произведения, построено на известной

евангельской цитате о светильнике, которая часто служит основой для построения вступлений к агиографическим текстам (см., например, Пространную редакцию Жития Михаила Ярославича Тверского (наст. изд., т. 6, с. 68 и 70), Первую редакцию Жития Герасима Болдинского и др.). Вступление ритмически организовано, и основой этому служит рифма («всѣм зрящимъ, ту предстоящимъ», «писанию предати и памяти вдати»). Основная часть сказания (со слов: «И начнем же сице») — это подробный, точный, даже скрупулезный, рассказ о самом событии, который дает представление об учености автора и уровне его литературного мастерства. Отметим склонность автора к иносказанию и нарочитому усложнению текста в тех случаях, где повествование, казалось бы, должно быть предельно простым и ясным, при обозначении дат и имен. Он как бы подчеркивает литературную природу текста, отказываясь от голой документальности. Стоит обратить внимание и на то, как автор стремится избежать повторов (если они не являются художественным приемом), умело пользуясь синонимами (нѣсть лѣпо — не достоит, недостаточный — небогатый...). Местами он опять же ритмически организует текст, прибегая к рифме («святых своих прославляетъ, и человѣкомъ являетъ, и всѣхъ своимъ чюдотворением удивляетъ»). Рассказ о событии пронизывает естественная для барочной культуры идея стройности, порядка, совершенства («грядущу царю путемъ стройнѣ и изряднѣ зѣло», «вослѣдъ мощей преподобныя идуще благоговейнѣ и стройнѣ», «сотвори царь святѣй праздньство честно, во всѣмъ совершено»...). Завершает Сказание похвала святой благоверной княгине Анне, организующим принципом которой является анафора («Радуйся...»).

Интересен и сборник, в котором находится Сказание. Он содержит жития святых, соименных женщинам царской семьи середины XVII в., что позволило иеромонаху Иоакиму предположить, что сборник происходит из царской библиотеки и что он хранился на женской половине дворца. Что касается Сказания об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской, то вполне вероятно, что оно было написано специально для царских сестер, участниц поездки в Кашин. Об этом свидетельствует фрагмент, описывающий состав царской свиты, где сестры царя, в отличие от всех остальных, названы иносказательно.

Текст Сказания об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской публикуется по рукописи XVII в.: *БАН*, П.I.А.30 (старый шифр 31.6.34), л. 232—240 об. с исправлениями описок по смыслу (выделены курсивом).

Стр. 441. *Нѣсть убо лѣпо свѣтилнику... иже во храминѣ суть.* — Мф. 5, 15—16. Ср.: Мк. 4, 21 и Лк. 8, 16; 11, 33.

...да не потаенна будутъ дѣла Божии. — Источник этой фразы — известное библейское высказывание «Тайну цареву добро хранити, дѣла же Божия открывать славно» (Тов. 12, 7), также использующееся в предисловиях к житиям святых (см., например, Житие Марии Египетской).

...глаголют же, яко от великихъ князей тверскихъ произыти ей. — Это первая версия о происхождении княгини Анны, из которой следует, что она является княгиней по рождению. Это ранняя версия, возникшая еще до того, как автор Жития Анны Кашинской написал, что Анна происходит из рода кашинских бояр (см. комментарий к Житию Анны Кашинской), и, естественно, до того, как на соборе 1676 г. было объявлено, что Анна — дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича.

Рождьшаго ея и рождьшия, и супруга... не вѣмы... яко великая княгиня иноки Анна. — Еще одно свидетельство раннего происхождения сказания. Оно было написано еще до того, как автор Жития Анны Кашинской установил, что святая была супругой великого тверского князя Михаила Ярославича (см. его житие в т. 6 наст. изд.) и что Анна — ее мирское имя. Постриглась она, согласно летописям, под именем Софии (по мнению архимандрита Димитрия, Евфросинии. — Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местно чтимых святых. Казань, 1907. С. 14). На открывшемся в 1649 г. гробе никакой надписи не было. Из вошедшего в Агиографический цикл Сказания о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму (см. его публикацию в этом томе) известно, что Анна объявила свое имя Герасиму, когда явилась ему. Никаких других данных о том, откуда стало известно имя новоявленной святой, нет. Одним из спорных моментов во время следствия 1676—1678 гг. было то, что святая объявилась и была прославлена под мирским именем. В оправ-

дание этого позднее была выдвинута гипотеза, что Анна приняла постриг под именем Софии (Евфросинии), а потом в схиме вновь взяла имя Анна.

И не вѣмы же, в коей обители сущи и в коемъ граде... — Согласно летописям, Анна постриглась в Софийском монастыре в Твери (см. комментарий к Житию Анны Кашинской), точная дата ее пострижения не установлена (вероятно, после смерти ее сына великого князя Александра Михайловича в Орде в 1339 г., но до 1358 г., когда она упоминается в летописях уже как инокиня).

И не по колицѣх же лѣтех... отъиде в кровы небесныя. — Согласно летописям, Анна умерла в 1368 г.

Стр. 442. *...в лѣта убо осмеричныя сея тысящи вторыя сторицы патьдесятыцы же с седмерицею грядущи...* — Т. е. 7157 г. от сотворения мира, или 1649 г. от Рождества Христова.

...в царьство царя и государя... Алексѣя Михайловича... в четверичное лѣто благочестивыя державы царьства его... — Алексей Михайлович взошел на царский престол в 1645 г.

...при отцѣ... — В данном случае имеется в виду духовное отцовство.

...при... Иосифѣ, партиархѣ московском и всеа Русии, во осмеричное лѣто патриаршества его... — Иосиф стал патриархом Московским и всея Руси 27 марта 1642 г.

...царю тезоименну пособителну... — Имя царя, Алексей, происходит от греч. «защитник».

...честная обитель преподобнаго отца нашего Макария Калязиньскаго чюдотворца... — Троицкий монастырь, основанный преподобным Макарием (в миру Матвей, из рода кашинских бояр Кожиных) на земле некоего Василия Коляги (Житие Макария Калязинского см.: наст. изд., т. 12, с. 120—133).

...в настоящия же сия лѣта, грядущия ко сторицѣ и к пятдесятицѣ с седмерицею, паче же в самомъ томъ сторичномъ и пятдесятеричномъ и седмеричномъ лѣте... — 7157 (1649) г.

Стр. 443. *И священницы, и дияконы, инии мирстии человѣцы чюдеса блаженыя написаху...* — Инициаторами прославления Анны Кашинской были кашинский священник Василий, в иночестве Варлаам, и его сыновья поп Василий и дьякон Никифор.

...преосвященнаго архиепископа Тверьскаго, емуже звание Иона... — Иона был архиепископом Тверским и Кашинским с 24 декабря 1642 по 1654 г.

...с своею благовѣрною и христолюбивою царицею и великою княгинею Мариею Илиичною... — Мария Ильинична (урожд. Милославская; 1 апреля 1624—3 марта 1669) была первой женой (с 16 января 1648 г.) царя Алексея Михайловича.

...с своими единоутробными тремя сестрами... третией же — «повелителница»... — Царских сестер звали Ирина (от греч. «мир»), Анна (от древнеевр. «благодатная») и Татьяна (от греч. «устроительница, учредительница»).

...с своею царьскою дщерию, с благородною царевною и великою княжною Евдокѣею... — Евдокия (17 февраля 1650—10 мая 1712), старшая дочь царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, на момент перенесения мощей Анны Кашинской единственный их живой ребенок.

...митрополит града Ростова и Ерославля, емуже звание Варламъ... — Варлаам был митрополитом Ростовским и Ярославским с 1618 г. до своей кончины 9 июля 1652 г.

Стр. 444. *И повелѣ царь покрыти его драгимъ покрывалом...* — Возможно, речь идет о покрове на раку Анны Кашинской, который сейчас хранится в собрании *ГИМ*, инв. 85193, размер 192.5×99 см, куда поступил после закрытия музея г. Кашина в 1956 г., опубликован: Русский исторический портрет: Эпоха парсуны. М., 2004. С. 93; Силкин А. В. Покров на раку «Благоверная княгиня Анна Кашинская» из собрания ГИМ. Проблемы атрибуции // Русский исторический портрет: Эпоха парсуны: Материалы конференции. М., 2006. С. 24. По мнению А. В. Силкина, этот покров происходит из мастерских Ильи Даниловича Милославского, тестя царя, участвовавшего в паломничестве государя к мощам Анны Кашинской в 1650 г., и может быть датирован 50-ми—первой половиной 60-х гг. XVII в.

...повелѣниемъ его царскимъ соучинены быша стихѣры и канонъ и вся служба. — Речь идет о службе, сочиненной Епифанием Славинецким на перенесение мощей Анны Кашинской.

Стр. 445. *Аще убо тѣснымъ и прискорбнымъ путем... покой обрѣла еси.* — Ср.: Мф. 7, 14; Лк. 13, 24.

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ АННЕ КАШИНСКОЙ

Публикуемый Агиографический цикл представляет собой устойчивое сочетание агиографических памятников, посвященных святой благоверной княгине Анне Кашинской. Цикл известен в двух вариантах: более полный (Житие, Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, Сказание об обретении мощей, Слово на перенесение мощей и Повесть о чудесах с чудесами, число которых может доходить до 41) и ранний, более краткий (Житие, Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, Сказание об обретении мощей и 11 чудес). Чаще всего Агиографический цикл вместе с одной или двумя Службами Анне Кашинской составлял отдельный монографический сборник. Вне Агиографического цикла тексты, в него входящие, практически не встречаются (исключение составляет одна рукопись, в которой Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму переписана вместе со Службой).

История публикуемых агиографических памятников была подробно рассмотрена во время следствия 1677 г. Сначала на вопросы о Житии ответил священник Василий-младший: «А Житие благовѣрные великие княгини Анны принес братъ ево Никифор ис Соловецкого монастыря, а откуду то Житие взято и кто ево написал, про то он, попъ Василей, не вѣдаетъ, а вѣдаетъ брат ево Никифор. А которому, де, понамарю великая княгиня явилась, и того, де, понамаря нынѣ вживе нѣтъ, и сродниковъ ево никого не осталось» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 8—8 об.). Чуть больше о Житии знал отец Василия Василий-Варлаам: «А Житие, де, великие княгини писано в Соловецком монастырѣ, писал старец против речей сына ево Никифора. А какъ того старца зовут, и он имени ево не помнит, а вѣдает про то сынъ ево Никифор» (Там же, л. 15 об.). Никифор дал следственной комиссии исчерпывающие объяснения: «А Житие ея слогал и писал Соловецкаго монастыря старец Игнатей, по велѣнию того ж монастыря уставщика старца Никодима, по ево, Никифорому, челобитью, для того, что приезжают, де, во град Кашин ко гробу благовѣрные великие княгини Анны многие богомолцы, а Жития ея у них в Кашине нѣтъ и показать нѣчего. А сказывал ему житие ея он, Никифор, про што вѣдал и слыхал. А он, де, сыскал и у себя в Степенной книге, что она благовѣрнаго великого князя Михаила Тверскаго супружница великая княгиня Анна. А Житие, де, еѣ слагали онѣ и писали по своему разуму и Степенной книги, и по ево, Никифоровым, словамъ, что он имъ про житие ея сказывал. А вынес, де, он, Никифор, то Житие с собою ис Соловецкаго монастыря в то время, как переносили мощи Филипа митрополита ис того Соловецкаго монастыря в царствующий град Москву. А чюдеса, де, благовѣрные великие княгини Анны писал онъ, Никифор, будучи в Кашине, кто что скажет подлинствомъ. А у которых чюдес есть предисловие, и то, де, онъ, Никифор, писал от своего разума, для того, чтоб было слагателнее» (Там же, л. 16—17). Никифор оказался под жестким давлением и на Соборе 1678 г. он выступил уже несколько иначе: «Списатель Жития велик⟨ой⟩ княгини дьячекъ Никифоръ, который велѣлъ Житие исписати живучи въ Соловецкомъ монастырѣ со Степенныя книги и съ его Никифоровых словъ, нынѣ предъ великимъ освященнымъ соборомъ сказалъ, что Степенной книги въ Соловецкомъ монастырѣ самъ онъ, Никифоръ, не видалъ, а писано, де, съ его, Никифоровыхъ словъ, что онъ въ переговорѣ отъ людей слышалъ, сказывалъ, и въ томъ проситъ прощенье, что по тѣмъ ево прежнимъ словемъ, мимо лѣтописныхъ, вѣрить не подобаетъ» (цит. по: Костомаров Н. И. Церковно-историческая критика в XVII-м веке // Вестник Европы. 1870. Т. 2. № 4. С. 498). Отметив в Житии ряд «несоответствий» (см. далее комментарий), собор вынес следующее постановление: «Житие великия княгини писано самосмышлениемъ неправедно, и того ради не подобаетъ таковаго жития чести и внимати ему; понеже, по словеси божественнаго Евангелия Христова: въ малѣ невѣрно, и во мнозѣ невѣрно есть. Въ житии же семъ не мало, но много писано неправды, и того ради, аще бы отъчасти нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ, но совершенно не явствити é повелѣва-

емъ, но сожещи» (постановления Собора 1678 г. цитируются по: Колосов В. В. Благоверная княгиня Анна Кашинская // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда 1903 г. 10—20 августа. Тверь, 1906. С. 106. Знаки препинания мои. — *С. С.*). Что касается самого дьякона Никифора, то ему было определено: «...аще Никифоръ вседушно и истинно, безъ всякия льсти и лукавства кается, яко и на священномъ нашемъ соборѣ предъ всѣми нами изрече, имѣемъ его съ того его содѣянного не по разуму дерзновения разрѣшенна. Наложихомъ же ему епитимию за таковое его блазненное дерзновение, еже во градѣ Кашинѣ не быти, но быти ему въ монастыри до его смерти и каятися ему о томъ Всемогущу Богу, внимати ему спасению, лжесловнымъ же писаниемъ, отъ него исшедшимъ, прельщенныя, отвратити ему отъ того письменно и словесно, и правду всю о томъ спасении и о своемъ бывшемъ дерзновении изъявляти, да не токмо въ словесехъ, но и въ дѣлехъ истинное свое о томъ покаяние изъявитъ. Аще же Никифоръ каяшеся нынѣ не вседушно, но ухищренно, по нѣкоему лукавству, или страха ради нѣкоего, или инаго ради нѣкоего поучения, да будетъ подъ нашимъ архиерейскимъ запрещениемъ и отлучениемъ, дондеже истинно и вседушно о том покается, и тогда да разрѣшится» (Там же, с. 105).

Историю создания Жития Анны Кашинской и всего агиографического цикла можно представить следующим образом.

В Соловецком монастыре был создан некий первоначальный текст Жития, которым мы сейчас не располагаем. Этот текст был создан иноком Игнатием по благословению уставщика инока Никодима. Источником этого первоначального текста была Степенная книга, а точнее, входящее в ее состав Житие Михаила Ярославича Тверского. Причем Игнатий не «списывал» Житие Анны с Жития Михаила, а установив, что Анной была супруга Михаила Ярославича Тверского, лишь выяснил основные события, т. е. обращение к тексту Степенной книги, скорее всего, было однократным, перед началом работы, что и объясняет многочисленные расхождения между Житием Анны Кашинской и Степенной книгой, отмеченные церковным собором. Создание первоначального текста можно датировать временем после перенесения мощей княгини Анны, когда еще не было известно, кто она такая, и перенесением мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву, когда дьякон Никифор покинул Соловецкий монастырь уже с каким-то текстом Жития, что произошло в начале июня 1652 г.

Вместе с первоначальным текстом Жития в Соловецком монастыре, скорее всего, были записаны и Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, и Сказание об обретении ее мощей. Дьякон Никифор свидетельствовал, что инок Игнатий писал не только по Степенной книге, но и «по ево, Никифоровым, словамъ», «про што вѣдал и слыхал». Собственно про житие Анны Никифор ничего рассказать не мог — до поездки в Соловецкий монастырь он даже не знал, кто она такая. Рассказал Никифор, скорее всего, как раз о первом явлении Анны и об обретении ее мощей. В Кашине хранителем рассказа о явлении княгини Анны пономарю Герасиму был отец Никифора Василий-Варлаам (см. комментарий к Повести о явлении княгини Анны пономарю Герасиму). Расхождения между версией Василия-Варлаама и версией событий, зафиксированной Повестью, как раз и подтверждают то, что Повесть была составлена вдали от Кашина и Василий-Варлам непосредственного участия в ее создании не принимал, а его рассказ, пройдя через пересказ его сына и обработку инока Игнатия, несколько упростился.

Первоначальный вариант Агиографического цикла, состоящий из трех текстов, впоследствии был отредактирован, скорее всего, уже в Кашине. И видимо, именно в этот момент в Житие была вставлена точная дата смерти князя Михаила Ярославича и при этом дана ссылка на источник — одну из редакций Жития Михаила Ярославича Тверского (см. коммент. ниже). Однако при этой редактуре не были устранены расхождения между текстами двух житий. Указанная редакция Жития Михаила, вероятно, была создана вскоре после перенесения его мощей 30 сентября 1654 г. и где-то вскоре после своего создания она и была использована редактором Жития Анны Кашинской. Это произошло до августа 1655 г. Судить об этом можно по титулатуре царя. В Сказании об обретении мощей Анны Кашинской государь именуется «царем и великим князем, всея России самодержцем», что говорит о создании текста до августа 1655 г., в то время как в Слове на перенесение мощей он имеет титул «государя царя и великого князя, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца», что свидетельствует в пользу его создания после августа 1655 г.

Существование цикла из трех текстов (Житие, Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму и Сказание об обретении мощей) с 11-ю чудесами зафиксировано списком XVII в. из собрания *БАН*, П.I.А.48, переписанным митрополитом Сибирским и Тобольским Игнатием (Римским-Корсаковым), кстати принявшим постриг в Соловецком монастыре. Нередки случаи, когда на основании этого делаются выводы о том, что именно митрополит Игнатий и был создателем Жития Анны Кашинской (последнее такое высказывание находится в справочной статье, сопровождающей Службу на перенесение мощей Анны Кашинской в современных печатных Минеях: Минея: Июнь. М., 2002. Ч. 1. С. 450). Однако в Соловецкий монастырь Игнатий, родившийся ок. 1639 г., попал уже будучи стольником, т. е. успев уже сделать светскую карьеру, и произошло это значительно позже того времени, когда побывал в монастыре дьякон Никифор. Стремление видеть автором Жития Анны Кашинской митрополита Игнатия порой происходит из нежелания признать возможную причастность к созданию первоначальных текстов, посвященных княгине Анне, Игнатия Соловецкого, одного из лидеров старообрядческого движения.

Первоначальный состав Агиографического цикла спустя некоторое время был значительно дополнен: в него вошли Слово на перенесение мощей Анны Кашинской и Повесть о чудесах с чудесами, причем количество чудес на этом этапе было доведено до 26. Слово на перенесение мощей можно датировать благодаря чуду, в нем описанному. По версии автора Слова, при перенесении мощей, в тот момент, когда процессия уже взошла на паперть Воскресенского собора, гроб с мощами княгини Анны вдруг стал неподъемным, и только после молитвы Анне Кашинской и обещания вернуть ее мощи на прежнее место после восстановления Успенской церкви удалось внести гроб в собор. Примечательно, что об этом удивительном случае не написал автор раннего Сказания об обретении и перенесении мощей (также публикуемого в настоящем томе), бывший очевидцем этой процессии. Ни слова не сказал об этом чуде на следствии и Василий-Варлаам, охотно поведавший о чуде исцеления, случившемся во время перенесения мощей. Скорее всего, чудо с гробом Анны Кашинской — плод фантазии автора Слова на перенесение мощей, и появилось оно далеко не случайно. Ранее мною уже было выдвинуто предположение о том, что Слово на перенесение мощей тесно связано с деятельностью сына Василия-Варлаама священника Василия, который на протяжении многих лет пытался организовать освящение новопостроенной церкви Успения Богоматери и перенос в нее мощей княгини Анны. Вероятно, в связи с этим и появляется чудо с гробом Анны Кашинской, которое должно было свидетельствовать о желании самой святой, чтобы ее мощи покоились в Успенской церкви. Вероятно, Слово о перенесении мощей было сочинено специально для отправки в Москву. Оно не могло быть написано при жизни царя Алексея Михайловича, который сам был участником перенесения мощей и прекрасно знал, что при этом происходило. Судя по всему, по времени создания Слово вполне соотносится с приведенной выше челобитной священника Василия. К его созданию мог быть причастен как сам Василий, так и протопоп Воскресенского собора Иван Наумов, бывший одним из авторов канона, тропаря и кондака Анне Кашинской и написавший ее образ (см. коммент. ниже).

Что касается Повести о чудесах, то автор ее известен — дьякон Никифор на следствии сам признал, что он написал предисловие к чудесам, «чтоб было слагателнее»; ему же принадлежит и запись ряда чудес. Оформление чудес с помощью Повести о чудесах было, скорее всего, одновременно написанию Слова на перенесение мощей. Тогда же новонаписанные тексты были соединены с уже существовавшим циклом. Т. е. окончательное формирование Агиографического цикла было связано с отправкой в Москву прошения о разрешении освятить Успенскую церковь и перенести в нее мощи княгини Анны. Судя по всему, специально для отправки в Москву была переписана рукопись со Службой Анне Кашинской и Агиографическим циклом (*ГИМ*, Синодальное собр., № 622). Время оформления Агиографического цикла братьями Василием и Никифором можно определить с точностью до года: после смерти царя Алексея Михайловича в январе 1676 г. и до февраля 1677 г., когда указанная рукопись уже послужила предметом обсуждения на церковном соборе (подробно история создания Агиографического цикла описана в статье: Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агиографический цикл // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 221—231). Впоследствии развитие Агиографического цикла происходило путем добавления новых чудес, число которых со временем было доведено до 41.

Текст Агиографического цикла издается по списку, содержащему максимальное количество чудес: *РНБ*, собр. Вяземского, № 50 XIX в. Н. П. Барсуковым этот список был охарактеризован как «рукопись позднейшая с поправками и примечаниями по листам цензора архимандрита Феодора» (Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 42). При издании текста учитывалась правка писца рукописи (толстое перо, полуустав) и не учитывалась правка архимандрита Феодора (тонкое перо, современная скоропись), за исключением одного добавления, сделанного цензором: по окончании текста чудес архимандрит Феодор приписал еще одно чудо, которое считал достоверным. Поскольку при издании была сделана установка на передачу максимального числа чудес, вне зависимости от их датировки, эта приписка была воспроизведена. Описки и явные ошибки писца исправлены и вставки пропусков текста между двумя одинаковыми словами (подобная писцовая ошибка описана: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X—XVII вв. СПб., 2001. С. 79) сделаны курсивом в соответствии с чтениями списка: *ГИМ*, Синодальное собр., № 622 XVII в. (по изд.: Житие благоверной княгини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII-го века с предисловием Ан. Титова. М., 1909) и списка: *РНБ*, Q.XVII.271 XVIII в.

Стр. 447. *Месяца октомврия во 2 день.* — В списке *ГИМ*, Синодальное собр., № 622: «Мѣсяца июня въ 12 день».

«Се азъ посылаю вы, яко овцы посредѣ волковъ... И не убойтеся от убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити». — Мф. 10, 16—18, 28.

«Возмите иго мое на себе... брѣмя мое легко есть». — Мф. 11, 29—30.

«Аще ли кто оставитъ отца или матерь... сей нѣсть мой ученикъ». — Мф. 19, 29; 10, 38.

«Аще кто слово мое соблюдетъ, живъ будетъ вовѣки». — Ин. 8, 51.

...въ пустынях скитающееся... и въ пропастехъ земныхъ живуще... — Евр. 11, 38.

Стр. 448. *Сея убо преподобныя отечество имѣяше градъ Кашинъ. Дщи бяше... отъ славныхъ болярь.* — В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «1 несогласие»: «Написано в Житии, яко благовѣрная княгиня Анна бяше родомъ града Кашина, дщи славных болярь. А в лѣтописцахъ — дщи князя Димитриа Борисовича Ростовскаго» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 1 об.).

...яко древо при исходищихъ водъ... — Иер. 17, 8; Пс. 1, 3.

Обручиша бо ея родители великому князю Михаилу Ярославичу... Твери. — Житие Михаила Ярославича Тверского (в его Пространной нелетописной редакции) см.: наст. изд., т. 6, с. 68—91, 525—528.

...якоже древле Авраамъ правѣдный... — Об Аврааме см.: Быт. 12—25.

...«нога хромымъ и око слѣпымъ». — Иов. 29, 15.

...яко гордости ради... Диаволъ преименовася. — О падении Денницы-Люцифера см.: Ис. 14, 11—15.

Стр. 448—449. *...иже и Адама праотца высокоумия ради изъ породы изгна.* — См.: Быт. 3, 1—23.

Стр. 449. *...бывъ послушливъ даже до креста и смерти, якоже апостолъ глаголетъ...* — Фил. 2, 8.

...любити всѣхъ, не токмо своихъ единоплеменныхъ, но и враговъ нашихъ, по еваггелскому гласу. — Ср.: Мф. 5, 44.

...ничимъже лишена быста Авраама, Иова и Давида... — Об Аврааме см. библейскую книгу Бытие, об Иове — Книгу Иова, о Давиде — 1—3 книги Царств, Паралипоменон, Псалтирь.

...послѣдоваста сродникомъ своимъ ... великому князю Александру Невскому. — Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора и Житие Александра Невского см. соответственно: наст. изд., т. 5, с. 156—163, 479—480 и 358—369, 518—520.

...родистася има четыре сына: первый князь Дмитрий, вторый князь Александръ, третий князь Василий, четвертый князь Констянтинъ. — У Михаила и Анны родились четве-

ро сыновей и дочь: Димитрий Грозные Очи (15 сентября 1298 г.), Феодора (11 октября 1299 г.), Александр (7 октября 1300 г.), Константин (1307 г.) и Василий (между 1307 и 1318 г.).

...якоже древле и на праведнаго Иова... — Ср.: Иов. 1, 8—12.

Стр. 449—450. *«Господь намъ помощникъ... помалѣ на его главу болезнь возратится».* — Ср.: Пс. 45.

Стр. 450. *...ордынскаго царя Озбяка...* — Имеется в виду хан Узбек (см. коммент. к Житию Михаила Ярославича Тверского).

...душу мою положити за овцы стада Христова, по Христову словеси. — Ср.: Ин. 15, 13.

...братъ твой великий князь Георгий... — Имеется в виду племянник Михаила Ярославича Юрий Данилович Московский (см. коммент. к Житию Михаила Ярославича Тверского).

...со окаянным варваром? — Имеется в виду Кавгадый (см. ниже).

Стр. 450—451. *...«вси, хотящии благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ, лукавии же человѣцы предуспѣютъ на горшее».* — 2 Тим. 3, 12—13.

Стр. 451. *«Аще бысте от мира были... сего ради ненавидитъ васъ миръ».* — Ин. 15, 19.

«Сего ли ради ищете мя убити, яко слово мое не вмещается въ васъ». — Ин. 8, 37.

...«хощете, — рече, — скорбь имѣти... И не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити... душу ввоврещи въ дебрь огненную». — Ин. 16, 33; Мф. 10, 28.

...сродницы твои благовѣрнии князи Борисъ и Глѣбъ отъ брата своего Святополка зависти ради убиени быста. — Сказание о Борисе и Глебе см.: наст. изд., т. 1, с. 328—351, 527—531.

Стр. 452. *...Ева совѣтова Адаму древа вкушениемъ въ раи...* — См.: Быт. 3, 6.

...Ревекка совещаше о благословении сыну своему Иакову. — См.: Быт. 27, 1—29.

...епископа своего, блаженнаго Варсонофия... — Варсонофий был епископом тверским с 1315 по 1328 г.

...и отъиде во Орду, точию поимъ единаго сына своего, князя Димитрия... — В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «2 несогласие»: «В Житии написано: великий князь Михаилъ Ярославичь, шедъ во Орду, взя с собою сына князя Димитриа. А в лѣтописцах написано: был во Орде с княземъ Михаиломъ Ярославичемъ сынъ его князь Константинъ» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 1 об.—2).

...Житие и страдание блаженнаго и великаго князя Михаила... — Название «Житие и страдание» имеет единственная редакция Жития Михаила Ярославича Тверского — вторая редакция конца 50-х гг. XVII в. Создание этой редакции В. А. Кучкин отнес ко времени между 26 июля 1657 г. и 10 июля 1658 г. (Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 198). До XVII в. Житие Михаила Ярославича «житием» не называлось. Первая редакция 50-х гг. XVII в., созданная, по мнению В. А. Кучкина, чуть раньше второй и тем же автором, сохранилась в одном дефектном списке. Ее начало до нас не дошло, но, как показал В. А. Кучкин, судя по косвенным признакам, она тоже называлась «житием». Обе эти редакции восходят к одному источнику, созданному после перенесения мощей Михаила Ярославича 30 сентября 1654 г., по мнению В. А. Кучкина, тем же автором. Т. е. две сохранившиеся редакции и не дошедший до нас их общий источник представляют собой различные этапы работы одного и того же человека. Есть основания полагать, что уже этот общий источник двух известных нам редакций назывался «житием и страданием». Хронологически Житие Анны Кашинской не может восходить ни к первой, ни ко второй редакции 50-х гг. XVII в., оно может быть соотносимо только с их источником (подробнее см.: Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агиографический цикл).

...треклятаго и зверообразнаго варвара Кавгадыя... — Имеется в виду один из ордынских военачальников, сыгравший роковую роль в судьбе князя Михаила (см.: Житие Михаила Ярославича Тверского и коммент. к нему).

...мечем усѣкновенъ бысть... — В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «3 несогласие»: «В Житии — великий князь Михаилъ кончину прият мечемъ усеченъ бысть. А в лѣтописцах — ножемъ в ребра в десную страну ударенъ, и тако духъ испусти» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 2).

...добрымъ подвигомъ подвизався... вѣру соблюде... — 2 Тим. 4, 7.

...въ лѣто 6827, мѣсяца ноемврия 22 день. — Т. е. 22 ноября 1318 г.

Тѣло же его пресвятое принесено бысть изъ Орды въ славный градъ Тверь... въ соборнѣй и апостолской церкви... — В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «4 несогласие»: «В Житии — тѣло князя Михаила Ярославича принесено из Орды сыномъ его князем Димитрием во Тферь. А в лѣтописцах — великий князь Юрьи Данилович во Ордѣ повелѣ взяти тѣло его, и привезоша к Москвѣ, и положиша в монастыре въ церкви святаго Преображения. Потомъ же, по прошению великия княгини Анны и сыновъ ея, князь великий Юрьи Данилович отпусти тѣло его с Москвы во Тферь» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 2). Имя князя Димитрия в этом фрагменте фигурирует, в частности, в списке *ГИМ*, Синод. собр., № 622, XVII в., бывшем предметом рассмотрения на соборах 1677 и 1678—1679 гг.

Стр. 453. *Благовѣрная княгиня Анна пребываше въ дому своемъ съ сыномъ своимъ... той славный градъ Тверь отча достояния въ наслѣдие достася...* — В действительности, князь Константин не был «юнейшим» сыном, таковым был князь Василий. В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «5 несогласие»: «В Житии: пребываше великая княгиня с сыномъ своимъ княземъ Константиномъ во Тфери, тому бо град Тферь отча достояния в наслѣдие достася. А в лѣтописцах: во Тфери бяху князи Александръ, Константинъ и Димитрий, а не единъ князь Константинъ, понеже в лѣто 6834, еще живу сущу князю Константину, прииде из Орды князь Александръ Михайловичь с пожалованиемъ от царя и сяде на великомъ княжении во Тфери. Егда же князь Александръ от татарскаго насилия отъиде во Псковъ, тогда царь Азбяк даде великое княжение тферское князю Константину Михайловичу. По немъ же царь Азбякъ паки даде великое княжение Александру Михайловичу. И по убиении во Ордѣ князя Александра князь Константинъ шедъ во Орду, тамо и преставися» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 2—2 об.).

«Терпение убогихъ не погибнетъ до конца». — Пс. 9, 19.

«Сиру и убогу ты буди помощникъ». — Пс. 9, 35.

...«кая полза будетъ, аще человѣкъ и весь миръ приобрящетъ, душу же свою отщетитъ». — Мф. 16, 26; Мк. 8, 38; ср.: Лк. 9, 25.

Стр. 453—454. *...Моисей, онъ Боговидѣцъ, никогда же бы сподобился славы Божия... и нарицатися сыномъ дщере фараоновы.* — См. библейскую книгу Исход.

Стр. 454. *«Аще кто не отвержется себе, си есть пристрастия земнаго, и возметъ крестъ свой и вслѣдъ мене грядетъ, не можетъ быти мой ученикъ».* — Лк. 14, 26—27.

«Ихъже недостоинъ весь миръ». — Евр. 11, 38.

«Не любите мира и яже въ немъ. Вся бо сущая видимаго сего мира похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житѣйская». — 1 Ин. 2, 15—16.

Се бо и Моисей Боговидѣцъ изволилъ страдати съ людьми Божиими и имѣти поношение Христово, нежели имѣти временнаго грѣха сладость и жити въ дому фараонове. — См. библейскую книгу Исход.

...монастырь дѣвичь, нарицаемый Софеинской, въ немъже храмъ Премудрости Слова Божия... — Анна Кашинская постриглась в тверском монастыре Св. Афанасия, часто называемом Софьиным (Софьинским), не столько потому, что в нем находилась церковь Софии Премудрости Божией, сколько потому, что он был основан золовкой Анны Софьей Ярославной Тверской. Время пострижения княгини Анны неизвестно, но уже в 1358 г. она упоминается как монахиня Софья.

Стр. 455. *«Нужно бо есть Царство Небесное, и нужницы восхищаютъ е».* — Мф. 11, 12.

«Прилпѣ душа моя по тебѣ, Христе Боже, возжада душа къ Богу крѣпкому и живому. Когда прииду и явлюся лицу Божию». — Ср.: Пс. 41, 1—3.

...Царь царствующимъ и Господь господствующимъ... — 1 Тим. 6, 15.

Стр. 455—456. *«Ты страшенъ еси... яко въ руцѣ его вси концы земли, и высоты горъ того суть».* — Ср.: Пс. 75, 8; 94, 3—4.

Стр. 456. *«Господь помощникъ мой, на того упова сердце мое, и поможе ми, и процвѣтѣ плоть моя, и волею моею исповѣмся ему».* — Пс. 27, 7.

...душу свою просвѣщая божественнымъ свѣтопролитиемъ... — Ср. Кондак Пафнутию Боровскому, глас 8: «Божиим светолитием просвещен...».

«Облецытеся, — рече, — во вся оружия... Сего ради возмите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лютъ и вся содѣявши стати». — Еф. 6, 11—13.

...князю Констянтину отшедшу ко Господу, тогда приходитъ во Тверь вторый сынъ ея... отъ Твери града въ господствующий его градъ Кашинъ... — В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «6 несогласие»: «В Житии: по смерти князя Константина зваше князь Василий матерь свою из Тфери въ Кашин, зане [рече]: „Аще бы и хотѣлъ оставити град твой и преселитися сѣмо по смерти брата моего, но никако же оставятъ мя велможи мои и град весь". А в лѣтописцахъ: по смерти князя Константина в лѣто 6857 князь Василий сяде на великом княжении во Тфери и в лѣто 6865 князь Василий Михайловичь ходилъ во Орду и в лѣто 6866 прииде из Орды во Тферь» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 2 об.—3).

Стр. 457. ...*«Аще гонятъ вы изъ града, бѣгайте въ другий градъ».* — Мф. 10, 23.

«Никтоже, возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ будетъ въ Царство Небесное». — Лк. 9, 62.

Ибо и Авраамъ... повеленъ бы былъ... оставити отечество свое... аще не бы возбранило ему... от Божия любве и познания. — См.: Быт. 12, 1—3.

Стр. 459. *«Отъидите от мене, яко не вѣмъ васъ».* — Мф. 7, 23.

Стр. 460. ...*«прикасахуся воскрилию ризъ ея»...* — Ср.: Мк. 6, 56.

«Прилпѣ кость моя плоти моей, и колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя измѣнися елея ради». — Пс. 6, 3; 108, 24.

...*«яко сѣнь скоро преходитъ и яко цвѣтъ скоро увядаетъ»...* — Суббота мясопустная, утро, на хвалитех, слава, гл. 2.

...*«Праведный же, — рече приточникъ, — от вѣры живъ будетъ, вмѣсто же его предается нечестивый».* — Рим. 1, 17; Притч. 11, 8.

Стр. 461. ...*«древо при исходищахъ водъ напояемо»...* — Иер. 17, 8; Пс. 1, 3.

...шесть заповѣдей евангелскихъ... — В составе Евангелия выделяют заповеди любви (Мф. 22, 37—40), заповеди блаженств (Мф. 5, 3—12), другие заповеди нагорной проповеди (Мф. 5, 21—48; 6, 1; 6, 3; 6, 6; 6, 14—21, 24—25; 7, 1—5, 21), прочие заповеди Иисуса Христа (Мф. 23, 8—12; Ин. 13, 34). Какие шесть имеются в виду в данном случае, определить не представляется возможным.

Стр. 461—462. ...*предаде честную свою и ангеломъ говѣйную душу... въ лѣто 6846-е, мѣсяца октомврия во 2 день.* — В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «7 несогласие»: «В Житии: преставися преподобная великая княгиня Анна в лѣто 6846. А в лѣтописцахъ: въ лѣто 6866 еще жива бяше великая княгиня Софиа и живяше в Софиинѣ монастырѣ (а про Софиинъ монастырь сказываетъ преосвященный Иосифъ митрополитъ, что стоит въ Тфери, а не в Кашинѣ), а преставися в лѣто 6876. А гдѣ преставися, во Тфери или в Кашинѣ, и в кое число — того в лѣтописцахъ не написано. А откуду числа преставлениа в Житии написаны, того не сыскано» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 3).

Стр. 463. *Сынъ же ея, благовѣрный и великий князь Василий, такожде и той житие свое благочестно и мирно препроводилъ, и мирно къ Богу отъиде того же лѣта, мѣсяца июния въ 24 день.* — В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «8 несогласие»: «В Житии написано прежде преставление княгини Анны в лѣто 6846 октовриа в 2 день, потом того же лѣта сына ея князя Василиа июлиа въ 24 день. А в Троицкомъ лѣтописце писано преставление князя Василиа Михайловича в лѣто 6874. А в прочих лѣтописцах — в лѣто 6876. Прежде писано преставление князя Василиа Михайловича, потом, того же лѣта, великия княгини Софии, матере его. А в кое число коего месяца кий ихъ преставися — того в лѣтописцах не обрѣтеся» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 3).

...оная вдовица убогая, иже лѣпту принесе Богу въ даръ и свидѣтелствованна бывшихъ паче множества принесшихъ. — См.: Мк. 12, 41—44; Лк. 21, 1—4.

Чудо о явлении преподобныя матере нашея благовѣрныя великия княгини-инокини Анны, како явися пономарю Герасиму. — Чудо явления Анны Кашинской пономарю Герасиму было рассмотрено на соборе 1677 г., причем изложено было несколько иначе, нежели в Агиографическом цикле: «В Кашинѣ городе старецъ Варламъ, что был в мирѣ в Кашине в соборной церкви

Успения Пресвятыя Богородицы попъ Василей, сказал по евангелской заповѣди Господни, вправду: служил, де, онъ в той соборной церкви лѣтъ с тритцать, а отецъ ево, Варламовъ, попъ Василей же у тое ж церкви служил преж ево лѣтъ с пятъдесятъ, а нынѣ, де, у тое церкви служит сынъ его, Варламов, попъ Василей же. И в прошлом, де, году, а в котором, того не упомнит, в приход литовских людей, Кашин город был в осаде, и в то осадное время при отце ево, Варламове, при попѣ Валилье явилась благовѣрная великая княгиня Анна Кашинская Успенского ж собору понамарю Герасиму во сновидѣнии. А он же понамарь в то время лежал великою болезнию близ смерти. А в явлении, де, ему благоверная великая княгиня Анна велѣла о себѣ возвестить священнику, чтоб над гробом ея перед образом Спасовым нерукотворенного свечи палили и литии пѣли, и гроб ея почитали, и на гробнице ея не садились и шапокъ не клали. А она, де, благовѣрная княгиня, молитъ всемилостиваго Спаса и Пресвятую Богородицу о избавлении града сего от иноплеменныхъ. И понамарь, де, Герасимъ того видѣния священнику не известил, помнѣл, что то неистинно. И она, де, благовѣрная великая княгиня Анна, явилася ему ж, понамарю Герасиму, после того вскоре во сновидѣнии ж второе. И он, де, понамарь Герасимъ, по втором явлении ево, Варламову отцу, священнику Василью, известил и от болѣзни своей оздравел. И отецъ, де, ево, Варламов, священникъ Василей, про то видѣние людемъ возвещал и приказъ дал, чтоб гроб ея, великия княгини, почитали, на нем бы не садились и шапокъ не клали. А он, де, старецъ Варламъ в то время был дьякономъ» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 9 об.—11 об.).

Прешедшимъ убо многимъ лѣтомъ по успении блаженныя и великия княгини Анны, яко двесте и четыредесять и три лѣта... — Хотя в Житии указан 6846 (1338) г. как год кончины княгини Анны, отсчет 243 лет явно ведется не от этой даты (1338+243=1581). Учитывая тот факт, что в качестве царя назван Василий Шуйский (см. коммент. ниже), отсчет, скорее, ведется от даты смерти благоверной княгини, приводимой в летописях (1368+243=1611), что гораздо ближе к реальному времени правления Василия Шуйского (подробнее см. об этом: Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агиографический цикл. С. 227—228).

...царю Василию... — Имеется в виду Василий Иванович Шуйский, который был царем с 1606 по 1610 г.

Стр. 464. *«Аще мене послушаете, благая земли снѣсте; аще ли не послушаете, оружие васъ поястъ».* — Ис. 1, 19—20.

...нетлѣнию причастна быти въ немъ. — Факт нетления мощей Анны Кашинской был отмечен в соборном определении 1677 г. как «9 несогласие»: «В Житии в трех мѣстех написано: мощи никакоже тлѣнию причастны. А по осмотру и свидѣтелству преосвященнаго Иосифа, митрополита Рязанского и Муромскаго, и преосвященнаго Симеона, архиепископа Тферскаго и Кашинского, и архимандрита, и протопопа, мощи в разных мѣстех истлѣвша и разрушишася» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 3 об.). В данном определении имеется в виду второе освидетельствование мощей, состоявшееся в 1677 г. В то же самое время священник Василий-младший рассказывал на следствии о первом освидетельствовании: «А как, де, в прошлом, во 157-м году, по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца, и великого господина святейшаго Иосифа, патриарха Московскаго и всеа Русии, свидѣтелствовали мощи благовѣрной великие княгини Анны преосвященной Иона, архиепископъ Тверский и Кашинский, да Андрониева монастыря архимандрит Селиверстръ, да Данилова монастыря, что за Москвою-рекою, игумен Иоан, и при том, де, свидѣтелствѣ мощей ея осматривали, а при осмотре, де, преосвященному архиепископу Ионе андрониевскому архимандритъ Селиверстръ говорилъ, чтоб свидѣтелствовать поподлиннѣе, со испытьством, было б, де, что объявить великому государю. И взял, де, он, архимандрит Селиверстръ, ея, благовѣрные княгини, руку и простирал персты ея и паки згибал. А тѣло, де, ея, благовѣрныя княгини, нетлѣнно, толко тлѣнием разрушился нос да плюсна у ноги, а у которые, того не упомнит. А при том, де, свдѣтелствѣ он, поп Василей, был самъ, будучи дьячьком. И как, де, благовѣрные княгини руку архимандрит осязал, то он неподалеку видел, а про иное про все подлинно слышал от отца своего от попа Василья» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 8 об.—9 об.). В рассказе же Василия-старшего (Варлаама) эта сцена была уже представлена как чудо: «И андроньевской архимандрит Селивестръ

тое руки персты розгибал, а какъ отпустилъ, и онѣ такожде согбенны учинились по-прежнему» (там же, л. 14). Учитывая тот факт, что именно Василий-Варлаам описал положение десницы Анны Кашинской как «благословящей», можно не сомневаться в его симпатиях к старообрядчеству. Это было очевидно и участникам Собора, которые вынесли приговор: «...старцу Варламу за лживыя же его повѣствования, якобы рука великия княгини по смерти была яко благословящая и яко при архимандритѣ Селивестрѣ разгбенныя персты сами согнулися по прежнему, судихомъ: въ немъже монастыри живетъ, неисходну быти ему оттуду до смерти его и о грѣсѣхъ своихъ ему каятися, а о лживыхъ своихъ реченияхъ исповѣдатися и прощения у архиерея тоя епархии просити» (Колосов В. В. Благоверная княгиня Анна Кашинская. С. 104).

Стр. 465. *Таже повѣдаетъ ему о себѣ, кто бѣ.* — В соборном определении февраля 1677 г. этот момент отмечен как «13 несогласие»: «В явлении понамарю Герасиму великая княгиня сказа имя свое — Анна. А по лѣтописцамъ, имя ея иноческое Софиа. И аще бы истинна явилася великая княгиня, всячески бы рекла свое имя иноческое София. (Не бо можаше имя свое монашеское забыти или é отврещи и зватися имянем мирскимъ, еже самоволно остави с пострижениемъ власъ главы своея)» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 4 об.).

...нимало замѣдливъ, бояся прещения, но скоро приходитъ ко пресвитеру и съ нимъ всему причту тоя церкви повѣдаетъ вся реченная от преподобныя... — Это утверждение находится в прямом противоречии с показаниями Василия-Варлаама на следствии о том, что Герасим рассказал о своем видении только после второго явления княгини Анны (см. выше). Противоречие это может быть прокомментировано двояко. С одной стороны, Василий-Варлаам может представлять первоначальную версию событий как человек непосредственно (точнее, через своего отца) связанный с их участником — пономарем Герасимом, в тексте же представлена версия, упрощенная при пересказе ее дьяконом Никифором и записи иноком Соловецкого монастыря Игнатием. С другой стороны, вполне вероятно и то, что Повесть, составленная в своей основе в 1652 г., сохранила раннюю версию событий, а Василий-Варлаам в 1678 г. рассказывал историю, подвергшуюся фольклоризации в процессе бытования в устной среде.

Стр. 466. *...не попущающися таковый свѣтилникъ, иже подъ спудомъ сокрытый ... на свѣщницѣ поставити...* — Ср.: Мф. 5, 15.

...при святѣйшемъ Иосифѣ, патриархѣ Московскомъ и всея России... — Иосиф занимал патриарший престол с 27 марта 1642 г. по 15 апреля 1652 г.

...явився гробъ благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны на верху земли... — Явление гроба Анны Кашинской на следствии 1677 г. было описано следующим образом: «Да он же старецъ Варлам сказал, что тот ея гроб был под древянною соборною церковью Успения Пресвятыя Богородицы, под мостомъ под правым крилосом, а под тот, де, церковъной мостъ входу не было от ветъхости, осел ниско, и человѣку подойти было не мощно. А Спасовъ, де, нерукотворенной образ стоял над гробницею ея в церкви у крилоса, а не под церковью. А гроб, де, каменной благовѣрной великой княгини Анны вышел из земли самъ собою. Перво, де, ево показалась из земли треть. А потом не по многомъ времени старую вѣтхую древянную соборную церковь розобрали, для того, что в ней служить было не мощно, а на том мѣсте построить бы новую церковь деревянную ж. И гроб, де, благовѣрные великие княгини объявился весь на верх земли, и под нимъ яма, и никакова знаку не было. И на том мѣсте построили новую соборную деревянную ж церковь, и гроб благовѣрные княгини стал под новою церковью под мостом посреди церкви, а не под крылосом, для того, что новая церковь стала пространнее прежние церкви» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 11 об.—12).

Стр. 467. *Якоже и въ пренесении мощей явлено есть первомученика и архидиякона Стефана от Иерусалима въ Царьградъ, и како нечистии дуси на пути вопияху: «О, горе намъ, яко первомученикъ Стефанъ идетъ мучити насъ!»* — Комплекс текстов, посвященных Стефану Первомученику, вошел в Великие Минеи Четьи под 27 декабря, изд. см.: Великие минеи четьи: Декабрь. Дни 25—31. М., 1912. Стб. 2386—2387, 2390—2428.

И таковая въ себѣ помышляху... еже бы доити въ царствующий градъ Москву... дабы повелѣлъ государь таковому свѣтилу изъ-подъ спуда на свещницѣ поставитися и церкви Божия Матере свою красоту восприяти. — Согласно материалам следственного дела, государю о новооткрывшемся гробе и о чудотворениях от него было сообщено следующим образом: «И по-

сле того ходил боярин Василей Иванович Стрешневъ молитися ко Александру Свирскому чюдотворцу, и какъ он был в Кашине, и он, де, Варламъ, будучи попомъ, ему, Василью Ивановичю, о явлени и о чюдесех благоверные великие княгини Анны извещал. И на Москвѣ думному Ивану Гавреневу о том возвещал же. И они, де, ему велѣли бити челом и извещать великому государю. И онъ, де, Варламъ, билъ челом блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю, всеа Русии самодержцу. И после ево, Варламова, челобитья вскоре волею Божию ево, великого государя, в животѣ не стало. И онъ, Варламъ, билъ челом блаженные ж памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 12 об.—13).

Стр. 468. ...*«неподобно свѣтилнику возженному подъ спудомъ быти, но на свѣщницѣ полагатися, яко да свѣтитъ всѣмъ, иже во храминѣ суть»*... — Мф. 5, 15.

...*во градъ Тферь къ сущему ту архиепископу Ионѣ*... — Иона был архиепископом Тверским и Кашинским с 24 декабря 1642 г. по 1654 г. (дата хиротонии следующего архиепископа Лаврентия — 16 апреля 1654 г.).

Стр. 469. ...*мощи благовѣрныя и великия княгини-инокини Анны. И мы видѣвше, яко благодатию Христовою никакоже тлѣнию причастны явишася, ни понѣ ризамъ ея.* — Факт нетления риз Анны Кашинской был отмечен в соборном определении 1677 г. как «12 несогласие»: «В Житии в двохъ мѣстех написано: тлѣнию не токмо мощи, но и ризы непричастны быша. А по досмотру нынѣшнему архиерейскому ризы, во что была скутана, и схима истлѣли, токмо во остатке части креста, что был вышитъ на куколѣ шолкомъ, да часть плетей схимнических, и то истлѣло же, лежитъ на персехъ толко знакъ, а принятися не мощно. А на бедрах свивалникъ, какъ пояс, да нить лежатъ, истлѣли, принятися не мощно. Калиги обѣ по швамъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла» (*РНБ,* собр. Погодина, № 1608, л. 4). В данном определении имеется в виду второе освидетельствование мощей, состоявшееся в 1677 г.

Стр. 470. *Аще бы мощно ему взяти златыя крылѣ... якоже нѣкогда пророкъ Аввакумъ въ Вавилонѣ обрѣтеся*... — Дан. 14, 23—39.

...*къ богоприятному и къ пречестному селѣнию божественнаго кивота, Пресвятыя Богородицы, на тоя Успение апостоли снидошася на облацѣхъ во мгновении ока от конецъ земли*... — Именование Богоматери божественным кивотом неоднократно встречается в средневековой традиции. См., например, Задостойник праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы: «Яко одушевленному Божию кивоту, да никакоже коснется рука скверных, устне же верных Богородице немолчно, глас ангела воспевающе, с радостию да вопиют: истинно вышши всех еси, Дево чистая». Согласно Священному Преданию (в частности, об этом повествует «Сказание об Успении Пресвятой Богородицы»), Богоматерь заранее узнала о своей кончине и через Иоанна Богослова возвестила о ней всем своим близким, и апостолы собрались на ее Успение. Как правило, именно момент прощания апостолов с Богородицей и отражен на иконах «Успение Богоматери».

...*якоже древлѣ блаженная пророчица Анна, иже во Еваггелии свидѣтелствована*... — Лк. 2, 36—2, 38.

Стр. 471. ...*императору нашему Николаю Павловичу*... — Николай Павлович был императором с декабря 1825 г. по 18 февраля 1855 г. Упоминание его является фактором, датирующим публикуемый список Агиографичекского цикла.

«Велия благочестия тайна — Богъ явися во плоти». — 1 Тим. 3, 16.

Стр. 472. *«О немже имамы избавление кровию его и оставление грѣховъ, иже есть образъ Бога невидимаго. И той есть глава Церкви, иже есть начало, перворожденъ из мертвыхъ, яко убо въ немъ благоволи все исполнения всѣлитися и тѣмъ примирити всяческая къ себѣ, и умиривъ распятия своего собою, аще земная, аще небесная».* — Кол. 1, 14—20.

...*«тайна, сокровенная от вѣка и от родовъ»*... — Кол. 1, 26.

...*Тѣла Христова.* — Имеется в виду: Церковь — тело Христово (см.: Кол. 1, 24).

«Дахъ, — рече, — вамъ власть наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию». — Лк. 10, 19.

Стр. 473. ...*присно поминати одръ блаженнаго во царѣхъ богоотца и пророка Давида, мочаща слѣзами, а не водою*... — См.: Пс. 6, 7.

...по всему быста милостынею ко убогимъ и благотворениемъ къ нищимъ, якоже древлѣ правѣдный Иовъ... — Характеристику Иова как человека непорочного, справедливого, богобоязненного и удаляющегося от зла см.: Иов. 1, 1, 8.

...«ни скорбь, ни тѣснота, ни гонение, ни нагота, ни гладъ, ни бѣда, ни ино что от лютыхъ мира сего возможетъ насъ разлучити от любве Божия за пострадавшаго насъ ради»... — Ср.: Рим. 8, 35.

...не якоже древлѣ въ раи Ева ко Адаму. — См.: Быт. 3, 1—20.

«Аще кто не оставитъ отца своего, и матерь, и жену, и чада, и сѣла, и имѣния, не можетъ быти мой ученикъ». — Ср.: Лк. 14, 26—27.

Стр. 474. *...«Богъ обнища, да насъ богатствомъ небеснымъ обогатитъ»...* — Ср.: 2 Кор. 8, 9.

...«древо плодовито при исходищахъ водъ источникъ»... — Ср.: Иер. 17, 8.

...сочетай мя съ мудрыми дѣвами... — Ср. синаксарь в Великий вторник на утрени: «...о Женише Христе, с мудрыми нас сочетай девами, и избранному Твоему сопричти стаду, и помилуй нас...».

...всѣли мя во обитѣлехъ твоихъ, яже уготовалъ еси любящимъ тя, якоже святый апостолъ Павелъ глаголетъ. — См.: 2 Кор. 2, 9.

«Прославляющаго мя прославлю и волю боящихся сотворю». — 1 Цар. 2, 30; Пс. 144, 19.

«Приидите, благословеннии Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствие от сложения мира». — Мф. 25, 34.

Стр. 474—475. *«Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ».* — Пс. 67, 36.

Стр. 475. *«Похваляемому бо правѣднику, возвеселятся людие».* — Ср.: Пр. 28, 12; 29, 2.

«Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ». — Мф. 5, 16.

«Аще кто мнѣ служитъ и послѣдсвуетъ, идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ». — Ин. 12, 26.

«Послужили Господу от имѣний своихъ, якоже Мария Магдалина». — Ср.: Лк. 8, 2—8, 3.

«Ихъже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдетъ, яже уготова Богъ любящимъ его». — 2 Кор. 2, 9.

...якоже нѣкогда болгарский царь Иоаннъ о пренесѣнии честныхъ мощей преподобныя Параскевии во свой царствующий градъ... — Ссылка на перенесении мощей преподобной Параскевы представляется чрезвычайно важной. В истории прославления Анны Кашинской не последнюю роль сыграл протопоп Иван Наумов, бывший «священником в том же городе Кашине у церкви великомученицы Параскевии» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 7 об.). Он принял участие в написании тропаря и канона княгине Анне (см. комментарии к Службе Анне Кашинской). Впоследствии он стал протопопом Воскресенского собора, где находились мощи княгини Анны после перенесения из разрушившейся Успенской церкви. Уже служа в Воскресенском соборе, он написал образ Анны Кашинской. «А, по скаске старца Варлама и сына ева, попа Василья, писал, де, тот образ по обѣщанию своему протопоп Иван Наумов, что был в Кашинѣ в Воскресенскомъ соборѣ. А по осмотру, тот образ написанъ на штилистовой цкѣ, обложен басемным окладом, вѣнецъ и гривна резные...» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 27). Возможно, Иван Наумов был в какой-то степени причастен и к созданию Слова на перенесение мощей.

...Варлааму, митрополиту Ростовскому... — Варлаам был хиротонисан в митрополита Ростовского и Ярославского в 1619 г., скончался 9 июля 1652 г.

Стр. 475—476. *...съ царицею и великою княгинею Мариею Ильиничною...* — Мария Ильинична Милославская стала царицей, выйдя замуж за царя Алексея Михайловича 16 января 1648 г., скончалась 3 марта 1669 г.

Стр. 476. *...со своими царскими чады...* — На момент перенесения мощей у царя Алексея Михайловича была лишь дочь Евдокия, родившаяся 28 февраля 1650 г. 12 июня 1650 г., когда

переносились мощи Анны Кашинской, ей не исполнилось еще и трех с половиной месяцев и в поездке в Кашин она участия не принимала (см. разрядные книги: «Того жъ мѣсяца июня въ 4 день пошелъ государь отъ Троицы изъ Сергиева монастыря въ Кашинъ къ великой княгинѣ Аннѣ Кашинской молиться, и съ государынею царицею. ⟨...⟩ Того жъ мѣсяца июня въ 12 день въ Кашинѣ былъ у государя столъ въ шатрахъ...» (Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 178).

...сестрами... — См. комментарии к Сказанию об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской.

...паче древняго кивота... — Описание киота (ковчега Завета) см.: Исх. 25, 10—22.

Якоже иногда царь Давидъ и пророкъ предъ кивотомъ Господнимъ скакаше, играя, ради пришествия его и, предъ нимъ идуще, пояху... — См.: 2 Цар. 6, 1—5.

Тамо — святая святыхъ, ручка и манна, жезлъ и скрыжали, вещи суть предивны и въ Божие имя сотворены. — См.: Евр. 9, 3—4.

...«вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тии будутъ мнѣ людие». — 2 Кор. 6, 16.

«Азъ и Отецъ приидема и обитель у него сотворима». — Ин. 14, 23.

...Озанъ онъ, прикоснувыйся кивоту Господню, ту и пораженъ бысть... — См.: 2 Цар. 6, 6—7.

Стр. 476—477. *...въ древнѣмъ законѣ всякъ прокаженный изгоняшеся изъ града и никтоже смѣяше прикасатися имъ, дондѣже очистится.* — См.: Лев. 13—14.

Стр. 477. *Самъ бо Господь нашъ Иисусъ Христосъ, исполнитель закона, егда десять прокаженныхъ очистилъ, и не возгнушался ихъ.* — См.: Лк. 17, 12—19.

Стр. 479. *...яко брѣмя тяжко, отяготѣша на мнѣ...* — Пс. 37, 5.

...осужден, яко скрывый талантъ господина. — См.: Мф. 25, 14—30; ср.: Лк. 19, 12—27.

Стр. 481. *Чудо 5. О бѣснующемся человѣцѣ.* — Это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «Того ж числа (16 февраля. — *С. С.*) Кашина города Дмитревского монастыря служка Петрушка Степанов сказал, по святей евангилской заповеди Господни, еже, ей-ей, брат, де, ево родной Федька был от болѣзни во иступлении ума. И по обещанию того брата ево привозил ко гробу благовѣрной великой княгини Анны болного болшей брат их Никишка. А от того ея, благовѣрной княгини, гроба привез ево, Федьку, в дом здрава, в цѣлом умѣ. А какъ брату ево исцеление было, и тому ныне лѣтъ з дватцать. А гроб, де, с мощми ея в то время стоял в соборной Воскресенской церкви» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 19 об.—20). В Житии это чудо отнесено к числу произошедших до перенесения мощей, т. е. в то время, когда гроб с мощами Анны Кашинской находился в Успенской церкви.

157-мъ... — В списке Вяз.Q.50 неверное чтение — «1657-мъ...», исправлено по списку: *РНБ*, Q.XVII.271. Чудо датируется временем до освидетельствования мощей, т. е. 7157 (1649) г.

Чудо 7. О бѣснующейся женѣ. — Вероятно, это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «Того ж числа (16 февраля. — *С. С.*) в соборной Воскресенской церкви Стретенского девича монастыря крестьянинъ Гришка Тиханов сказал, по святей Христове евангилской непорочней заповеди Господни, еже, ей-ей, мать, де, ево Анна в прошлом (т. е. прошедшем. — *С. С.*) году была от огневые болѣзни во иступлени ума недѣль с шесть. И имал, де, отец его Тихон из Воскресенские соборные церкви освященную воду, и тою священною водою мать ево Анну кропили и пить ей давали. И она, де, от той воды в дому своемъ исцелѣла. А какъ исцеление получила, тому лѣт с пятнатцать. А как умре — и тому лѣтъ с восмъ» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 20 об.—21). В Житии это чудо отнесено к числу произошедших до перенесения мощей, т. е. в то время, когда гроб с мощами Анны Кашинской находился в Успенской церкви, и воду, соответственно, святили там же. Имя героини чуда также не совпадает.

Стр. 482. *Чудо 9.* — Это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «Февраля въ 16 день в Кашине в соборной Успенской церкви кашинка, вдова посацкого человѣка, Богдановская жена Митрофанова Акилина, Назарьева дочь, сказала, по святей Христове евангилской заповеди Господни, еже, ей-ей, в прошлом году ходила она, хуля, на Петров день со иными женами, и, гуляв, зашли онѣ на гроб благовѣрные княгини Анны. А гроб, де, ея в то время был под древяною

церковью. И она, де, Акилина, оперлася о гроб с небрежениемъ, и от того, де, (*2 слова нрзб.*) ея рука и нога правая отнялась. И она, де, постилась от Петрова дни до Ильина дни. И как был для свидетелства мощей благовѣрные княгини Анны преосвященный Иона, архиепископъ Тверский и Кашинский, и при нем, архиепископе, привели ея в церковь ко гробу благовѣрные великие княгини Анны, и пѣли молебен, и святили воду, и тою освященною водою она после тово молебна помазалася и пила, и от того, де, ей спустя дня з два в дому Богъ даровал исцеление. А в то, де, время благовѣрные великие княгини Анны мощи лежали под старою Успенскою церковью до свидѣтелства Ионы, архиепископа Тверскаго и Кашинскаго. А оздраве, де, она жила лѣт с пятнатцать. А какъ умре — и тому лѣт с пятнатцать же» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 19—19 об.).

157-мъ... — В списке Вяз.Q.50 неверное чтение — «1657-мъ...», исправлено по списку *РНБ*, Q.XVII.271. Чудо датируется временем до освидетельствования мощей, т. е. 7157 (1649) г.

Стр. 483. *Чудо 10. О разслабленной женѣ.* — Это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «Того ж числа (16 февраля. — *С. С.*) Кашина города посацкого человѣка Ивановъ сынъ Потребова Петрушка сказалъ, по святей Христове евангилской непорочной заповеди Господни, еже, ей-ей, матери, де, ево Евдокѣе розслабления болѣзнь была ль и у гроба исцеление было ль или нѣтъ, того он не вѣдает, для того что остался после смерти матери своей на четвертом году, а от людей про то не слыхал» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 20—20 об.).

Чудо 11. О разслабленномъ человѣцѣ. — Это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «Февраля въ 18 день в Кашине в соборной Воскресенской церкви Тверскаго уѣзду деревни Борзениновы столника Алексѣевъ крестьянин Михайлова сына Блохина Калинка Иванов в допросе сказал, по святей евангилской непорочной заповеди Господни, еже, ей-ей, в прошлых, де, годѣх волею Божиею лежал в скорби. И в той скорби отнялися у него руки и ноги. Ногами не ходил и руками не владѣл года з два. И мать, де, ево Анница ево, Калинку, для исцеления той скорби приводила врачей многих и лечила ево многими лекарствъ, и ему, де, от тѣх лекарей ползы в той скорби и облехчения никакова не учинилось. И шурин, де, ево, Калинков, Тверскаго уѣзду столника Григорья, Федорова сына, Бояшева вотчинъ, ево села Харитонова крестьянин Митрошка Олферовъ, приѣхав к нимъ в домъ, сказал матери ево и ему, Калинке, что в Кашине объявился гроб, а есть, де, от него болящим исцеление. И взяв, де, он, Митрошка, ево, Калинку, привез в Кашин, и молился у гроба благовѣрные княгини Анны во время службы о исцелении свей скорби недѣлю. И в тѣх, де, числех во сновидени явися ему благовѣрная княгиня и рекла ему: „Востани, де, Калинникъ! Богъ тебя от скорби избавляет. Я, де, о тебѣ всемилостиваго Спаса молила". И он, де, Калинка, от сна в то время пробудился и после того сновидѣния стал здрав. А в то, де, время благовѣрные великие княгини Анны гроб с мощми стоял под старою Успенскою древяною церковью» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 23—24).

Стр. 484. *Чудо 12. О ослѣпшемъ человѣцѣ.* — Это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «185-го февраля въ 19 день в Кашинѣ в соборной Воскресенской церкви Дмитровского уѣзду Богородицкого монастыря Медвежей пустыни старецъ Фирсъ, что был в мире боярина князь Григорья Сунтелѣевича Черкаскаго деревни Токарева крестьянин Филип Григорьевъ, сказал по святѣй Христовѣ евангелской непорочной заповѣди Господни, еже, ей-ей, в прошлых годѣхъ лѣтнею порою былъ онъ на боярской работѣ, с поля возили в гумно снопы, и стоял, де, он офоне, и крестьянин, де, Мишка Микифоровъ подавал ему снопы и бросил ему снопом в глаза. И от того, де, у него учинилась очам ломата, и не видел лѣтъ с пять. И по обѣщанию своему до морового повѣтрия за год ходил онъ в городъ Кашинъ к благовѣрной княгинѣ Аннѣ о исцелении очей своих молитца. И на другой день после обѣдни он, старецъ, очами прозрѣлъ. А гроб, де, благовѣрной великой княгини Анны стоял в то время под соборною Успенской древянною церковью. А нынѣ, де, онъ, старец Фирсъ, очми мало видит, заволокло туком. А к подлинной скаскѣ соборной попъ Иван вмѣсто старца Фирса руку приложил» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 25—26 об.).

Чудо 13. О ослѣпшемъ человѣкѣ. — Это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «Троицы-Сергиева монастыря села Фроловского крестьянин Андрюшка Давыдов сказал, по святей Христове евангилской непорочной заповеди Господни, еже, ей-ей, в прошлом, де, году у отца его Давыда заволокло туском очи, и не видѣл года с четыре. И по обещанию своему ходил в город Кашин молитися благовѣрной княгине Анне. А гроб, де, ея в то время был под древяною церко-

вью. И у гроба ея получил исцеление и очима прозрѣлъ. А сколко тому лѣт, и он не упомнит. А какъ отецъ ево Давыд умре, и тому лѣтъ з дватцать» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 21—21 об.).

Стр. 485. *Чудо 14. О слѣпой дѣвицѣ.* — Это чудо было проверено во время следствия 1677 г.: «И февраля ж въ 13 день в Кашине князь Данилов человѣкъ Григорьевича Черкаского Данило, Андрѣевъ сынъ, Татаринов в допросе сказал: В прошлых, де, годех служил он, Данило, с отцом своимъ Андрѣемъ в дому боярина князя Никиты Ивановича Одоевского, и по указу, де, боярскому отецъ ево Андрѣй был на приказе въ ево боярской вотчине в Углецком уѣзде в селе Красномъ, а он, де, Данило, приѣзжал с Москвы к отцу своему в гости в то село Красное. А у сестры ево, Даниловы, родной, у дѣвки Анны отнялися очи, сомжилися вѣки, месяца с три не розводилися, и ничего не видела. И отецъ ево, Данилов, Андрѣй, и мать его Пелагѣя, и з болящею дочерью своею, а сь ево, Даниловою, сестрою Анною, и онъ, Данило, приѣзжали во град Кашин о исцелении очей ея по обещанию своему къ благовѣрной княгине Анне молитися. И какъ молебное пѣние совершили, и по отпусте священникъ оградил ея, дѣвку Анну, животворящим крестом, в то время очима прозрѣла. А гроб, де, благовѣрные великие княгини Анны с мощми в то время былъ под соборною Успенскою деревянною церковью, стоялъ поверхъ земли. А были, де, онѣ в Кашине до государского пришествия года за два. И тое, де, сестры ево Анны и отца ево Андрѣя ныне вживе нет. А мать ево, Данилова, Пелагѣя живет на Москвѣ, в дому князя Данила Григорьевича Черкаского. А благовѣрной, де, княгини Анны по обещанию у них и образ написан. К подлинной скаске вмѣсто ево, Данилы, приложил руку князь Даниловъ человѣкъ Григорьевича Черкаского Филип Черкашенин» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 17—18 об.).

Стр. 486. *...и даша ему священницы персти изъ-под гробу...* — На следствии 1677 г. Василий-Варлаам свидетельствовал: «А по указу великого государя персть из-под гроба он, Варламъ, многим людямъ роздавали на исцеление, и доныне дают» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 15).

Чудо 16. О разслабленномъ человѣцѣ. — В списке *БАН*, П.I.А.48 это чудо помещено первым (л. 126 об.—127 — «Чюдо 1. О исцѣлѣвшем человѣке») и потому может быть датировано временем до 21 июля 1651 г. (времени следующего чуда).

Стр. 487. *Чудо 17.* — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 127 об.—128 это «Чюдо 2. О исцѣлевшей женѣ Екатерине 159-го году июля 21 день». Т. е. 7159 (1651) г.

...именемъ Сидора... — В списке *БАН*, П.I.А.48 муж Екатерины назван Иоанном Исидоровым.

Чудо 18. — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 128—129 это «Чюдо 3. О исцѣлѣвшемъ человѣке Никите, 160-го ноября въ 11 день». Ноябрь 7160 г. соответствует ноябрю 1651 г.

Человѣкъ нѣкий Никита Ивановъ, Кашинскаго уѣзду села Горки... — В списке *БАН*, П.I.А.48: «...Кашинского уѣзду кашинца Васильевъ человѣкъ Постелникова Никита Ивановъ...».

Чудо 19. — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 129—129 об. это «Чюдо 4. О исцѣлѣвшем человѣке Никитѣ, того ж году марта в 30 день». Март 7160 г. соответствует марту 1652 г.

Стр. 488. *Чудо 20.* — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 133—134 это «Чюдо 8. Старицы Мавры. О исцѣлевшей от падучие болѣзни. 163 году». Чудо датируется 7163 г., т. е. 1654/55 г.

Чудо 21. — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 134—135 это «Чюдо 9. О исцѣлевшей болярынѣ Стефанидѣ».

Стр. 489. *Чудо 22.* — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 135—136 это «Чюдо 10. О исцѣлѣвшей женѣ Дарье. 164-го году». Чудо датируется 7164 г., т. е. 1655/56 г.

Чудо 23. — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 130—130 об. это «Чюдо 5. О исцѣлѣвшемъ человѣке Антипѣ. 161-го году». 7161 г. соответствует 1652/53 г. Судя по времени следующего чуда, данное датируется 1652 г.

Отрокъ нѣкий, именемъ Антипа... — В списке *БАН*, П.I.А.48: «Кашинца Лукинъ человѣкъ Постелникова Антипа...».

Стр. 489. *Чудо 24.* — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 130 об.—131 об. это «Чюдо 6. О исцѣлѣвшей женѣ Екатерине. 161-го году сентября в 23 день». Сентябрь 7161 г. соответствует сентябрю 1652 г.

...помолитися Христову Воскресению и поклонитися гробу преподобныя, и повелѣ себя отвести въ Кашинъ. И прииде въ соборную церковъ Успения... — В 1652 г. мощи Анны Ка-

шинской находились в Воскресенском соборе, упоминание Успенской церкви в данном случае является анахронизмом.

Чудо 25. — В списке *БАН*, П.I.А.48, л. 132—133 это «Чюдо 7. О исцѣлѣвшей женѣ Матронѣ. Того же году». 7161 г. соответствует 1652/53 г. Это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «Того ж числа (16 февраля. — *С. С.*) в Кашине в соборной Воскресенской церкви Кашина города Стретенского девича монастыря старица Марфа, что была в мире Лукьяновская жена Мизинцова Матрена, сказа, по святей Христове евангилской непорочной заповеди Господни, еже, ей-ей, в прошлом, де, году по принесении мощей благовѣрные княгини Анны в соборную Воскресенскую каменную церков исцеление получила она от очные болѣзни. А болѣзнь, де, ея в мирскомъ житии была ломота в голове. И от тоя ломотныя главныя болѣзни болѣли у неѣ очи года с три, мало и видела. А потом, де, от зелныя болѣзни вѣки у нея сомжилися, и ничего не видела недѣль з девять. И помыслила, де, она идти ко гробу благовѣрныя княгини Анны помолитися о исцелении болѣзни своей. И в той, де, ночи явилась ей благовѣрная княгиня Анна таковым образом. Кабы она, старица Марфа, будучи белицею, пришла в церковь в соборную Воскресенскую и стала против гроба ея. И благовѣрная княгиня Анна призвала ея: „Подойди ко мнѣ!" И она, старица Марфа, ко гробу приступила, и благовѣрная княгиня ей говорила: „Давно, де, было тебѣ приити и помолитися". И старица, де, Марфа над гроб наклонилась, и благовѣрная княгиня Анна очи ей рукою своею осязала. А рука, де, у ней тепла. И после того явления она, старица Марфа, от сна проснулась и ощутила себя от очные болѣзни здрава. А опосле того исцеления она постриглась тому третей год» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 22—23).

Стр. 491. *...повелѣ себя отвести въ Кашинъ къ пресвятѣй Богородицѣ Успению и ко гробу преподобныя княгини Анны...* — В 1652/53 г. мощи Анны Кашинской находились в Воскресенском соборе, упоминание Успенской церкви в данном случае является анахронизмом.

Чудо 26. — Это чудо было рассмотрено во время следствия 1677 г.: «Того ж числа (18 февраля. — *С. С.*) города Городецка церкви Николая Чудотворца дьячок Петрушка Иванов в допросе сказал, по святѣй Христове евангилской непорочной заповѣди Господни, еже, ей-ей, в прошлом, де, году, тому лѣт с одиннатцать Божиим изволениемъ лежал он три недѣли в великой скорби, опух, де, и глаза опухолью покрылись, не видел ничего, и лежал, от того обмертвѣвъ, трои сутки бес памяти. И мать ево вдова Офросинья обещалась благовѣрной великой княгине Аннѣ о исцелении тое ево скорби пѣть молебен. И какъ, де, брат ево Николской попъ Иван в дому у них начал пѣть молебенъ, и над нимъ, Петрушкою, поставили ея, благовѣрные княгини Аннѣ, образ, и ему, де, Петрушке, стало от тоѣ болѣзни легче. А после того молебна спустя с недѣлю времени стал здрав, и в город Кашин з братом своимъ, с попомъ Ивановъ, ѣздили и ей, благовѣрной княгине Анне, пѣли молебен же. И в которой церкви в тѣ поры мощи ея стояли, того он не помнит, потому что был мал, по пятому году, а сие исцеление он слушал от матери и от брата своего» (*РНБ*, собр. Погодина, № 1608, л. 24 об.—25). В Житии персонажи этого чуда находятся в других родственных отношениях: Иван — не брат, а отец Петра.

Стр. 493. *И како начаша пѣть «Христосъ воскресѣ» трижды на отпустѣ вместо «Славы, и нынѣ»...* — Троекратное «Христосъ воскресѣ» на отпустѣ вместо «Слава, и нынѣ» характеризует окончание Литургии на Пасху.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Том 17

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художественный редактор *Л. В. Грудинская*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *О. В. Гусихина*, *Н. И. Журавлева*, *А. К. Рудзик* и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 18.02.12.
Подписано к печати 24.12.12. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Антиква. Печать офсетная. Усл. печ. л. 54. Уч.-изд. л. 51.8.
Тираж 1500 экз. Тип. зак. № 3565. С 48

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038278-7

9785020382787

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА»

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

МОСКОВСКИЙ СБОРНИК

В настоящем издании публикуется вышедший в 1852 г. первый том «Московского сборника», изданного И. С. Аксаковым, а также восстановленные по рукописи материалы второго тома «Сборника», запрещенного цензурой. Издание сопровождается «Дополнениями», в которые вошли тексты, предназначавшиеся для первого тома «Московского сборника», но по различным причинам не вошедшие в него; статьи, которые И. С. Аксаков планировал опубликовать в следующих томах; а также связанные с изданием сборника архивные документы из фонда Московского цензурного комитета Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ). Цензорские замечания объединены в особом разделе «Другие редакции и варианты. Текстология».

Таким образом, читатели впервые могут увидеть полный замысел альманаха славянофилов, отстаивавших свою позицию в споре «Россия и Запад», не потерявшем свою актуальность и в наше время.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: **http://LitRAS.ru/**; e-mail: **okb@LitRAS.ru**

197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 «Б»;
(код 812) 235-40-64; e-mail: **ak@akbook.ru**

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298;
(код 3952) 42-96-20; akademkniga@list.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)

119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2;
(код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)

101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)

142290 Пущино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 272-36-65; ak@akbook.ru (Бук. отдел)

197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 «Б»;
(код 812) 230-13-28
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24
Сайт: http://LitRAS.ru/
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон: (код 495) 932-74-71
Факс: (код 499) 143-84-24